

ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА 1941-1945

Книга 1

СУРОВЫЕ ИСПЫТАНИЯ

«НАУКА»

ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОИНА 1941-1945

ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ОЧЕРКИ
В четырех книгах

ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИОННАЯ КОМИССИЯ:

В. А. Золотарев, Г. Н. Севостьянов (сопредседатели),
В. И. Васильев, В. К. Волков,
В. П. Зимонин (ответственный секретарь),
А. В. Квашнин, А. С. Киселев, А. А. Кокошин,
Г. А. Куманев, И. В. Лебедев, В. Л. Манилов,
Р. Г. Пихоя, О. А. Ржешевский, А. Н. Сахаров,
И. Д. Сергеев, А. П. Царев, А. О. Чубарьян

МОСКВА «НАУКА» 1998

ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА 1941-1945

Книга 1

СУРОВЫЕ ИСПЫТАНИЯ

МОСКВА «НАУКА» 1998

УДК [947 + 955]

ББК 63.3(2)722

В27

Редакционная коллегия:

В.А. ЗОЛОТАРЕВ (научный руководитель), Б.И. ЗВЕРЕВ,
А.С. ОРЛОВ, В.Л. ПЕТРОВ (заместитель главного редактора), Л.В. ПОЗДЕЕВА,
Н.М. РАМАНИЧЕВ (главный редактор), А.М. СОКОЛОВ

Консультативный совет

при главной редакционной комиссии:

Г.М. ЕГОРОВ, А.Н. ЕФИМОВ, М.М. ЗАЙЦЕВ, Ю.Ф. ЗАРУДИН,
М.М. КОЗЛОВ, В.Г. КУЛИКОВ, О.А. ЛОСИК, В.М. МИХАЙЛОВ,
В.П. ПЕТРОВ, Н.М. СКОМОРОХОВ, С.Л. СОКОЛОВ

Рецензент

доктор исторических наук Р.Г. ПИХОЯ

Великая Отечественная война. 1941–1945. Военно-исторические очерки.
Книга первая. Суровые испытания. – М.: Наука, 1998. 544 с., ил.
ISBN 5-02-010136-2

В предлагаемых очерках рассматриваются в основном проблемы, ранее недостаточно исследованные или дискуссионные, излагаются современные взгляды по спорным вопросам Великой Отечественной войны. Первая книга посвящена самому сложному, драматичному и наименее изученному периоду. Это политический кризис в Европе 1939 г., начало второй мировой войны, трагедия лета 1941 г., крах гитлеровского блицкрига, отступление Красной Армии до берегов Волги и предгорий Кавказа в 1942 г.

Для всех интересующихся историей Отечества.

ISBN 5-02-010136-2 (кн. 1)

ISBN 5-02-008655-X

© Коллектив авторов, 1998

© Издательство "Наука", художественное оформление, 1998

© Российская академия наук, 1998

© Министерство обороны Российской Федерации, 1998

К ЧИТАТЕЛЮ

Есть исторические события, над которыми время не властно. В их ряду Великая Отечественная война занимает особое место. Проходят десятилетия, а интерес к ее истории все так же велик. Каждое вступающее в жизнь поколение заново осмысливает героические и трагические страницы минувшего, воздаст должное бессмертному подвигу народа-победителя, извлекает для себя уроки из прошлого на настоящее и будущее.

Великая Отечественная война вошла в нашу историю как одно из самых выдающихся ратных свершений. Разгром ливонских рыцарей Александром Невским, победа над монголо-татарами на поле Куликовом, изгнание иноземцев ополчением К. Минина и Д. Пожарского, победа под Полтавой, отражение нашествия армий Наполеона – все это исторические свидетельства величайшего патриотизма и самоотверженности народа, проявленные им в борьбе за свободу и независимость своей земли. Великая Отечественная война 1941–1945 гг. против нацистской Германии и ее союзников – исторический пример того, как народ, защищая свое Отечество, способен мобилизовать все материальные и духовные силы общества и отстоять свою Родину от вражеского нашествия.

За годы, минувшие после войны, отечественная историческая наука немало сделала для исследования ее истории. Бесспорный интерес представляют такие фундаментальные труды, как четырехтомник "Операции Великой Отечественной войны, 1941–1945 гг." (1958–1959), "Стратегический очерк Великой Отечественной войны, 1941–1945 гг." (1961), "Советское военное искусство в Великой Отечественной войне" (1962). Подготовленные Генеральным штабом Вооруженных Сил СССР, они до недавнего времени имели гриф "Для служебного пользования" или "Секретно" и были недоступны широкому кругу читателей. В открытой печати вышли шеститомный труд "История Великой Отечественной войны Советского Союза, 1941–1945" (1961–1965 гг.), "История второй мировой войны, 1939–1945" в двенадцати томах (1972–1982 гг.), "Великая Отечественная народная" (1985 г.), "Советский Союз в годы Великой Отечественной войны" (1985 г.). Важное место в историографии войны занимают мемуары советских полководцев и военачальников, руководителей производства, видных конструкторов, книги о Героях Советского Союза, кавалерах ордена Славы, боевом пути частей и соединений. В середине 80-х годов была издана 6-томная серия о международных конференциях периода Великой Отечественной войны (Москва, Тегеран, Думбартон-Окс, Ялта, Сан-Франциско, Потсдам), в 1990 г. вышел сборник "Год кризиса, 1938–1939: Документы и материалы", а в 1992 г. появилась серийная публикация "Документы внешней политики, 1939 год". Ценным источником стали книги "Накануне войны: Материалы совещания высшего руководящего состава РККА, 23–31 декабря 1940 г." и "Приказы народного комиссара обороны, 1937–21 июня 1941 г.", изданные в 1993 и 1994 гг. в рамках разрабатываемой 50-томной серии сборников и документов, и многие другие. Представленный в них документальный материал, несомненно, обогатил историографию Великой Отечественной войны и историческую науку в целом.

В 80-е и 90-е годы заметным явлением стал выход в свет антологии художественных произведений о Великой Отечественной войне "Венок славы" в 12 томах, а несколько позже – издание пятитомника "Последние письма с фронта".

В антологии собраны воедино лучшие произведения советских писателей о войне: художественная публицистика, военная поэзия, рассказы, отрывки из романов и повестей, получивших всенародное признание. Это не только литературно-публицистический памятник великому подвигу, мужеству, непреходящей боли и нелегкой победе народов Советского Союза, понесших огромные потери, но это и прижизненный монумент героическому поколению фронтовиков, их чести, благородству, бессмертной славе.

В последние годы значительно расширился доступ к архивам, появилась возможность существенно раздвинуть горизонты знаний о минувшей войне, создать на добротной документальной основе труды, всесторонне и объективно ее освещающие. Во второй половине 80-х и в начале 90-х годов в стране и за рубежом появилось множество публикаций, авторы которых предприняли критический пересмотр ранее созданного о Великой Отечественной войне и всей второй мировой войне. В ряде работ удачно восполняются пробелы в освещении неизвестных или малоисследованных ее сторон и событий, даются более взвешенные, приближающие к истине оценки. Но не обошлось, к сожалению, и без новых крайностей, когда в погоне за ложной новизной и сенсациями допускается отход от исторической правды, превратно, односторонне истолковываются факты и события прошлого в угоду заранее заданной субъективной концепции и конъюнктуре. В такого рода публикациях допускаются нарушения основополагающих принципов научного исследования: объективность, всесторонность, историзм.

При всех этих, по-видимому, неизбежных издержках необходимость критического переосмысления ранее написанного о минувшей войне явно назрела. В публикациях послевоенного времени освещение и истолковывание событий войны, не говоря уже об ее итогах и уроках, давалось, как правило, в позитивном ключе. Для многих исследований характерно было изображение преимущественно героической стороны войны, показ успехов советских вооруженных сил, в то время как о допущенных просчетах, а тем более о поражениях и людских потерях принято было говорить весьма скупое, а нередко умалчивалось вовсе. Не всегда с должной полнотой освещались проблемы, касающиеся подготовки страны и вооруженных сил к отпору фашистской агрессии, причины неудач и поражений Красной Армии в 1941–1942 гг., некоторые принципиально важные вопросы международных отношений кануна войны, а также межсоюзнических отношений 1941–1945 гг. Было немало и других недостатков.

На новом историческом этапе возникла острая необходимость создания достоверной истории Великой Отечественной войны, свободной как от пробелов и искажений, так и от критических крайностей. В предлагаемых очерках, опирающихся на новые документы и свидетельства, с учетом новых методологических подходов рассматриваются в основном проблемы, ранее недостаточно исследованные или дискуссионные, излагаются новые взгляды по спорным проблемам, а также освещаются те события, без знания которых трудно представить предысторию, ход, итоги и уроки Великой Отечественной войны.

Авторы очерков исходят из того, что создание очередного труда по истории минувшей войны не означает отрицание всего того, что накопила советская историография в этой области. Наши предшественники сделали немало. Но сейчас возможны и необходимы иные подходы, чтобы лучше понять исторические процессы. Сегодня исследователи располагают такой массой документов, о которой можно было лишь мечтать еще в недалеком прошлом. К тому же большое видится на расстоянии. Теперь, по прошествии многих десятилетий, стали более ясными скрытые прежде пружины и перипетии событий минувшего.

Эпоха, в которой вызревала, протекала и закончилась Великая Отечественная война, была сложной и исключительно противоречивой. Это было время выбора путей дальнейшего развития человеческой цивилизации, ожесточенного противо-

борства сил войны и мира, трагической недооценки опасности, которую представлял собой германский фашизм. Каждое из государств преследовало свои интересы. Тайно или открыто они соперничали друг с другом.

В мире сложились три главных узла противоречий, три центра военного противостояния: в Западной Европе между Англией и Францией, с одной стороны, Германией и Италией – с другой; на востоке Европы – между Германией и СССР; в азиатско-тихоокеанском регионе между СССР и Японией, а также – Японией и США. Международные отношения определялись характером межблоковых и межгосударственных противоречий, реалиями, возникшими в результате первой мировой войны и революции 1917 г. в России. Но главная угроза миру и социальному прогрессу исходила в то время от германского нацизма.

Трагическая недооценка этой грозной опасности со стороны руководителей государств, которые призваны были ей противостоять, – одна из характерных особенностей той предвоенной поры. Не сразу была понята вся пагубность тех ужасных последствий для судеб народов, которые несли в себе теория и политическая практика захватившего в Германии власть фашизма. В Германии, ставшей нацистской, хладнокровно не только планировали геноцид, но и пытались физически уничтожить целые народы, "теоретически" обосновывали расовую и национальную исключительность. Фашизм развращал умы и сознание людей, используя для этого социальную демагогию, прославлял войну как главную движущую силу цивилизации.

И хотя государства, противостоявшие странам с фашистскими режимами, обладали вполне достаточными политическими, экономическими и военными возможностями, чтобы поставить заслон на пути фашистской экспансии, их разобщенность, недоверие и подозрительность способствовали усилению фашизма, особенно в Европе. Этому же способствовала и противоречивая и непоследовательная политика потенциальных союзников в борьбе против фашизма. Наиболее реакционные круги Запада не прочь были столкнуть фашизм и коммунизм в смертельной схватке. В основе менталитета политических лидеров западных стран – будущих союзников по антигитлеровской коалиции доминировал все-таки не учет интересов партнеров, а политический эгоизм. Нельзя также считать последовательной во всем политику тогдашнего руководства СССР. Теоретические постулаты в накаленной обстановке предвоенного периода порой вступали в противоречие с прагматическими шагами советского руководства, диктуемыми конкретной ситуацией. Самоубийственная логика "каждый за себя", неспособность подчинить свои узкопонимаемые национальные интересы общей задаче обуздания фашизма, стремление решать собственные задачи за счет других не позволили предотвратить мировую войну, создали благоприятные условия агрессорам для ее развязывания. Без учета того, что внешнеполитические цели и решения каждой страны лимитировались действиями остальных участников событий, нельзя разобраться ни в драматических событиях 1939 г., ни в факторах, определивших сроки нападения Германии на СССР, ни в причинах образования антигитлеровской коалиции.

Значительный интерес сегодня представляет история поиска в межвоенный период новых способов ведения войны. Непредвзятое отношение к историческим фактам показывает, что военная мысль как за рубежом, так и в нашей стране не сумела тогда найти во многих случаях оптимальных форм строительства вооруженных сил, а лежавшие в основе военных доктрин теоретические положения далеко не во всем отвечали требованиям и условиям времени. Так, представители французской школы преувеличивали роль позиционной борьбы, не заметив возросшей мощи наступательных средств. Германская военная доктрина также страдала известной однобокостью. В ней переоценивалось значение стратегической внезапности, не учитывалось то, что в войне с государством, имеющим громадную территорию, стабильную социальную ситуацию и внушительный военный потен-

циал, фактор внезапности может дать только временное преимущество. Кроме того, слишком преувеличивались возможности подвижных механизированных войск и, по существу, исключались позиционные формы борьбы. Для германского военного руководства была характерна абсолютизация значения военных факторов, военно-технического превосходства и явная недооценка моральных и экономических возможностей противника. Отечественная же военная мысль явно недооценила значение стратегической обороны, допустила грубые просчеты в поисках оптимальных форм организации подвижных (танковых) сил, в социально-психологической ориентации народа и армии в преддверии нарастающей военной угрозы.

Красной нитью через все очерки проходит мысль о том, что Великая Отечественная война была главной составляющей второй мировой войны. Именно СССР принял на себя основной удар агрессора, вынес основную тяжесть борьбы с Германией и ее союзниками. На советско-германском фронте с 22 июня 1941 по 9 мая 1945 г. были сосредоточены наибольшие силы и средства противоборствовавших сторон. Противоборство Советского Союза с нацистским рейхом оказывало определяющее влияние на обстановку и развитие событий на других фронтах мировой войны. Здесь был достигнут важнейший военно-стратегический итог войны: остановлен победный марш германских армий, разгромлена большая часть самой мощной по тому времени военной машины – вермахта. Народы СССР вместе с народами других стран внесли наиболее весомый вклад в освобождение Европы от коричневой чумы XX в. Все это создало предпосылки для ускорения разгрома активного союзника германского вермахта – вооруженных сил Японии и окончания второй мировой войны.

Авторы очерков исходят из того, что со стороны советского народа это была война за национально-государственную независимость. Вместе с русскими в едином стремлении одолеть врага сражались все народы СССР. Их патриотизм и нестигаемая воля стали залогом победы. Наиболее героические страницы ее истории написаны стойкостью и отвагой, величайшим самопожертвованием миллионов истинных патриотов. Народы Советского Союза мужественно преодолевали невероятные тяготы и испытания военного времени. Их патриотизм выражался в прочном единстве фронта и тыла, в ратных и трудовых делах, в небывалом подъеме народного духа. Всесторонний показ многогранных усилий народа в борьбе с агрессором – одна из главных целей настоящих очерков.

Хотелось также полнее и правдивее, чем это делалось раньше, раскрыть проблему цены войны. Сколько лет прошло с окончания войны, а до сих пор историки и публицисты спорят о количестве погибших в ней. Раньше эта сторона войны не только замалчивалась, но и по сути была под запретом. Правда о цене войны и победы не устраивала правящую верхушку партийно-государственной системы СССР, тех, кто был ответствен за просчеты и ошибки в подготовке страны к отражению агрессии, кто несет вину за неоправданные военные потери и разрушения. Правда о цене войны сурова, но пришло время выяснить ее до конца.

Принцип преемственности гласит: настоящее стоит на плечах прошлого. То, что ярко и правдиво написано о войне в предыдущих исследованиях, монографиях и статьях, показано в фильмах, воспринято авторами предлагаемых очерков. Потребовался внимательный анализ большой массы западной литературы, в которой исследуется история второй мировой войны. Это и издаваемый в настоящее время в Германии многотомный труд "Третий рейх и вторая мировая война", и известная американская 99-томная история второй мировой войны, и 110-томное сочинение о войне 1939–1945 гг., созданное в Японии, и другие работы. Авторы очерков внимательно и вместе с тем критично отнеслись к достижениям западной военно-исторической науки. Они рассчитывают, что предлагаемый ими труд станет, пускай, не полным, но все-таки итогом научных исследований на сегодняшний день,

импульсом для дальнейшего изучения уникального исторического периода, вобравшего в себя бесчисленное множество фактов, событий, свидетельств, т.е. всего того, что охватывается понятием Великая Отечественная война 1941–1945 гг.

В свою очередь замысел определил структуру труда. В соответствии с принятой периодизацией Великой Отечественной войны он включает четыре книги. Каждая из них состоит из отдельных законченных очерков, подчиненных общему замыслу и плану.

Первая книга "Суровые испытания" посвящена общей характеристике событий кануна войны и ее первого периода. В ней дан анализ международной обстановки, причин второй мировой войны, раскрывается сущность германского фашизма, его планы завоевания мирового господства и нападения на Советский Союз. С учетом новых документов и архивных данных показана подготовка СССР к отражению агрессии. Здесь, как и в последующем изложении событий трагического начала войны, неудач и поражений Красной Армии, читатель найдет немало новых фактов и оценок происшедшего, в частности политического кризиса 1939 г., пактов между СССР и Германией, заключенных в августе и сентябре того же года, внешней политики Советского Союза в 1940–1941 гг. Приведенные данные и факты помогут лучше понять причины успехов вермахта и поражений Красной Армии в первые полтора года войны.

Особое место в книге занимают очерки, где повествуется о срыве плана "Барбаросса", крушении идеи молниеносной войны, ставку на которые делало германское политическое и военное руководство. Авторы стремились на обширном документальном и фактическом материале показать драматическую и трагическую обстановку тех дней. В очерках, посвященных ходу военных действий, вскрыты причины отступления Красной Армии, с помощью новых архивных документов показаны крупные просчеты и ошибки военно-политического руководства, которые привели к огромным потерям советских войск, окружениям под Минском, Уманью, Киевом, Вязьмой, Харьковом и в других местах, утрате значительной территории. В книге представлена картина превращения страны в военный лагерь, мобилизации усилий общества и народного хозяйства на отражение агрессии, преодоление просчетов, недостатков и создание условий для перелома в войне. Очерки первой книги дают возможность понять, каким образом и почему армии и народу удалось перенести страшную беду, преодолеть страх, горечь поражений 1941 и 1942 гг., найти в себе силы, обрести надежду и уверенность в борьбе с сильным врагом.

Следующая книга "Перелом" посвящена второму периоду войны (ноябрь 1942–декабрь 1943 г.). В ней показано, как чувство исторической ответственности за судьбу своей Родины, способность мобилизовать все свои силы, пойти на неслыханные жертвы помогли армии и народу переломить ход вооруженной борьбы на советско-германском фронте.

Год перелома в войне характерен самой напряженной борьбой за захват и удержание военно-политической и стратегической инициативы. Победы под Сталинградом, Курском и на Днепре определили содержание и дальнейшее течение всей войны. Эти битвы изменили облик войны, мощь вермахта была основательно подорвана. Победы Красной Армии и союзников в 1943 г. сделали необратимым ход событий, предопределили неминуемое поражение стран фашистского блока в развязанной ими войне.

В очерках этой книги читатель найдет интересные сюжеты и о том, как происходил перелом не только в вооруженной борьбе на советско-германском фронте, но и в экономике, во внешнеполитических отношениях.

Осуществление коренного перелома в войне – еще один убедительный показатель того, что, как бы тяжело для народов Советского Союза ни складывалась обстановка, а такое не раз случалось в их наполненной драматизмом истории, какие бы тяжелые испытания ни выпадали на их долю, они всегда находили в себе силы,

чтобы переломить неблагоприятный ход событий и выйти с честью из самого, казалось бы, безвыходного положения.

Книга "Освобождение" посвящена третьему периоду войны (январь 1944—май 1945 г.), когда Красная Армия вела наступательные действия по всему фронту. В истории войны этот период занимает особое место потому, что армии антигитлеровской коалиции освобождали одну за другой страны и территории, захваченные оккупантами. Показав и проанализировав ход событий этого периода — наступление на Правобережной Украине, сражение под Ленинградом и разгром врага в Белоруссии, прорыв на Балканы, Висло-Одерская, Восточно-Прусская, Берлинская, Пражская операции, авторы приводят большой сравнительный материал, позволяющий лучше и полнее оценить не только возросшее мастерство Красной Армии, ее неукротимую волю к полному разгрому врага, но и временные успехи вермахта, его решимость обороняться, не считаясь с потерями, до конца. В отличие от официальной историографии прошлых времен, описание событий этого периода и их объяснение носят более взвешенный, объективный характер.

Значительное внимание уделено сюжетам о согласованных действиях Красной Армии с союзниками по антигитлеровской коалиции, раскрытию роли второго фронта в исходе борьбы с фашизмом. На основе использования новых материалов показано, как высадка англо-американских войск в Нормандии привела к крупным изменениям во второй мировой войне, ускорила путь к победе. В книге также рассказывается об участии советских войск в завершении разгрома японских вооруженных сил.

Немало ранее не известного материала, новых выводов и оценок найдет читатель в заключительной книге "Народ и война". В ней более полно, чем в прошлые годы, анализируется партизанское движение, показана трагедия тех, кто оказался в плену; впервые на основе советских и немецких документов раскрывается такое сложное явление, как коллаборационизм, объективно освещается жизнь населения на территории, оккупированной врагом, анализируются усилия, предпринятые победителями для решения проблем устройства послевоенного мира. В этой книге подводятся итоги войны и формируются выводы из опыта минувшего, извлекаются из него обобщенные уроки на настоящее и будущее.

Очерки раскрывают героическое и драматическое в истории народов России и других республик бывшего Советского Союза, показывают жизнь народа на фронте и в тылу, горечь потерь, взлеты человеческого духа. Они дают возможность лучше понять, почему народ, узнав о начале войны, не сразу осознал всю опасность навалившейся на него беды. Еще неясны были возможные масштабы человеческих жертв и разрушений, еще была надежда, что Красная Армия разгромит врага "малой кровью, могучим ударом". Никто не ожидал, что огромная территория окажется оккупированной фашистскими варварами. Выстоять перед напором врага помогала людям уверенность, что военное лихолетье невечно, что нацизм можно остановить. Эта уверенность вдохновляла народ на борьбу с нашествием, поддерживала веру в неизбежный разгром Германии, в победу над агрессором.

Эта уверенность основывалась и на исторической памяти, и на собственном опыте перенесения трудностей и невзгод, на уверенности в правоте своего дела, на вере в своих руководителей, на чувстве патриотизма и ответственности за судьбу Родины. Все это слилось воедино в душе народа, переплавилось в ярость к врагу, в неистребимую жажду победы. Эта душа народа не была чем-то мистическим, неосознаемым физически. Это была вполне реальная сила, которая в конечном счете и решила судьбу войны, судьбу Отечества.

Содержание очерков помогает осознать глубокий смысл и значение победы над фашизмом для всего последующего хода всемирной и отечественной истории.

Авторы предприняли попытку дать ответ на этот жизненно важный вопрос с современных позиций. Благодаря тому, что историки получили доступ ко многим документам не только военных лет, но и послевоенного периода, появилась возможность подвести развернутые, более конкретные итоги войны как для победителей, так и побежденных, а также учесть последствия, которые могут оказать влияние на тех и других в условиях смены моделей международных отношений.

В заключении очерков дается сравнительный анализ издержек войны, понесенных СССР, а также Германией и ее союзниками, приводится комплексная оценка демографических, технических, экологических и других потерь воюющих сторон, излагаются выводы, значение которых для решения современных проблем национальной и международной безопасности трудно переоценить.

Дать верное, объективное объяснение источников Великой Победы – значит не только объяснить прошлое, но и дать народам верный ориентир для решения сложных и трудных задач общественного развития страны в настоящем и будущем. Известно, что каждое поколение имеет свое восприятие минувшей войны и свое объяснение ее причин, характера победы и ее источников. В старшем поколении еще живы и радость победы, и горечь утрат. Для молодых Великая Отечественная война – история, которую они воспринимают часто далеко не так, как старшее поколение. Но и они хотят знать всю правду о войне, в которой их отцы и деды спасли Отечество и дали возможность молодым жить и творить лучшее будущее.

Главная редакционная комиссия и авторский коллектив надеются, что знакомство с материалами очерков послужит читателю дополнительным импульсом в размышлениях об одном из самых героических и трагических периодов отечественной истории, поможет вступающим в жизнь поколениям россиян учиться как на достижениях, так и на ошибках прошлого. Создатели очерков рассчитывают на объективную реакцию научной общности, участников войны, военных и политических деятелей, граждан как России, так и зарубежных стран, которая позволит с помощью созданной научной базы приступить к разработке многогранного фундаментального труда по истории Великой Отечественной войны.

* * *

Первая книга очерков посвящена одному из самых сложных и трагичных периодов в истории России, всех народов Советского Союза. Политический кризис в Европе 1939 г., обусловивший начало второй мировой войны, трагедия лета 1941 г., битва под Москвой и крах блицкрига, отступление Красной Армии до берегов Волги и предгорий Кавказа, оборона Сталинграда и кавказских вершин – вот основное содержание труда.

Не в первый раз отечественная историография обращается к тем роковым годам, когда горечь и боль поражений, неисчислимы страдания и безмерные жертвы тесно переплетались с невиданными взлетами духа и стойкостью воинов, самоотверженностью народа, вставшего на защиту родной земли и остановившего врага, который дотоле не знал поражений.

В книге сделана попытка ответить на вопросы: как же могло случиться, что, несмотря на многолетнюю подготовку страны к войне, на созданную мощную военно-промышленную базу, большое количество военной техники, Красная Армия с самого начала войны стала терпеть крупные неудачи и поражения и с огромными потерями вынуждена была отступить в глубь страны? Как могло случиться, что руководство СССР, которое десятилетиями призывало народ к бдительности, само недооценило главную угрозу, исходящую от Германии, и не приняло должных мер к отражению гитлеровского нашествия? Как могло случиться, что, отбросив противника на десятки и сотни километров от Москвы, сорвав стратегию блицкрига – единственную надежду руководителей третьего рейха на победу, Красная Армия

в 1942 г. отступила к Волге и Кавказскому хребту? Наконец, как после всех этих катастроф, утраты огромной территории, лишившись миллионов людей, находясь, казалось бы, на краю гибели, советский народ остановил сильнейшую армию мира, причем не только остановил, но и в тяжелейших условиях заложил основу для ее последующего разгрома?

Ответы на поставленные вопросы давались и до этих очерков. Авторы последних, опираясь на плечи своих предшественников, но обладая большей научной базой и большей свободой мысли, старались сделать следующий шаг в познании предыстории и начала войны, раздвинуть рамки уже известного о войне. Это, однако, не означает, что в очерках расставлены все точки над "i", даны "единственно правильные" ответы на все вопросы. Конечно, нет. Но авторы искренне старались сделать больше и пойти дальше, чем их предшественники, ибо для этого они имели больше возможностей.

Книга состоит из очерков, в каждом из которых рассматриваются основные события того или иного этапа великой войны, дается анализ обстоятельств и причин, обусловивших именно такой ход действий воюющих сторон. В то же время все очерки пронизаны единым замыслом и в совокупности освещают главные проблемы предвоенного времени и первого периода Великой Отечественной войны.

Очерки выдержаны в проблемно-хронологическом духе и излагаются в авторской концепции.

* * *

Редакционная коллегия выражает признательность А.М. Соколову за организацию работы над книгами очерков "Великая Отечественная война, 1941–1945 гг." и координацию усилий научных коллективов соисполнителей; Н.Г. Андроникову, В.А. Анфилову, В.Е. Баскакову, Е.И. Белову, Ю.С. Борисову, П.И. Вещикову, В.Д. Данилову, Г.М. Иваницкому, В.Н. Киселеву, В.Г. Колычеву, Г.Б. Куликовой, Р.В. Мазуркевичу, Б.Н. Петрову, В.Г. Реданскому, Р.А. Савушкину, Н.Н. Скородумову, А.А. Тиморину, В.Н. Шевченко, И.И. Шинкареву – за предоставленные материалы; В.В. Абатурову, Н.Ф. Азясскому, В.Б. Башурову, Г.Г. Важенину, Н.Н. Виноградовой, Н.П. Довбенко, Т.Л. Емченко (схемы), А.Д. Ефремову, В.С. Ещенко, Л.Н. Красильниковой, С.А. Липатову, И.П. Макару, И.Н. Мартыновой, М.В. Мурашову, В.И. Осипову, А.А. Падерину, В.А. Пронько, В.Г. Реданскому, В.Ю. Русанову, М.В. Филимошину, А.Ф. Филиппову, В.И. Фролову, А.П. Цареву, Г.Ф. Чекмареву, Э.А. Шутову – за помощь в научно-организационной работе.

МИР ВТЯГИВАЕТСЯ В ВОЙНУ

Тревожное время переживала наша планета в 30-е годы. Все больше обострялись политические, территориальные, национальные проблемы, порожденные Версальской системой, определявшей мировой порядок после первой мировой войны. К тому же на рубеже 20–30-х годов жесточайший экономический кризис и его последствия потрясли капиталистический мир. Все отчетливее ощущалась угроза новой мировой войны. В 1931 г. Япония оккупировала Маньчжурию, в 1935 г. Италия захватила Эфиопию, в 1936 г. в Испании началась гражданская война. А на берегах Рейна все громче гремели военные барабаны недавно созданного третьего рейха. Тень фашистской свастики нависала над всей Европой: Гитлер требовал расширения германских границ за счет территорий других стран. В свою очередь, Англия и Франция стремились всячески удержать свое господствующее положение в Европе, упрочить влияние на малые страны, находившиеся в орбите их политики, но их лидеры не хотели войны и не желали ссориться с Гитлером, надеясь с помощью разумных политических средств удовлетворить германские требования при сохранении статус-кво в Европе и во всем мире.

В то же время на востоке Европы быстрыми темпами развивалось социалистическое государство – Советский Союз. Но если в первые годы советской власти СССР провозглашал курс на "мировую революцию" и быстрейшее свержение власти капитала в мире, то в 30-е годы во внешней политике советского государственного и партийного руководства произошли значительные изменения. Убедившись, что экономический кризис, потрясший капитализм в 1929–1933 гг., не привел к новой мировой войне и революционному взрыву, лидеры СССР и мирового коммунистического движения пришли к выводу, что ожидать мировой революции в ближайшее время не приходится и главной задачей государства "победившего пролетариата" должна стать такая политика, которая позволила бы избежать втягивания СССР в войну, назревавшую в мире, и особенно в Европе. Таким образом, к середине 30-х годов в мире сложились три противостоявшие друг другу силы: буржуазные демократии, представленные "версальскими" державами, США и странами, следовавшими в русле их политики; фашистские и милитаристские государства, наиболее агрессивным из которых была Германия; Советский Союз, возглавивший наиболее левые силы в мире.

30-е ГОДЫ: МИР ИЛИ ВОЙНА?

Фашистские правители Германии не скрывали и даже всячески афишировали, что их целью является завоевание "жизненного пространства", а уничтожение советского государства они считают важной составной частью своих грядущих походов по завоеванию Европы. Однако в Берлине хорошо понимали всю сложность осуществления своих планов. "Советская Россия, – говорил Гитлер, – трудная задача. Вряд ли я смогу начать с нее"¹. Поэтому нацисты решили приступить к выполнению своих замыслов с создания в центре Европы ударного кулака в виде рейха (империи) с населением 90–100 млн человек, ядро которого составили бы

народы арийского происхождения. "К этому ядру, – утверждал Гитлер в 1932 г., – в первую очередь относится Австрия... Но к нему принадлежат также Богемия и Моравия, равно как и западные районы Польши... Частью этого ядра... являются также прибалтийские государства"². Уже изначально предполагалось, что население этих стран, кроме, конечно же, проживавших там немцев и "пригодных для онемечивания элементов", подлежит уничтожению или выселению на восток, за Урал³.

"Версальские" державы рассчитывали сохранить свое доминирующее положение в Европе, а в случае, если война окажется неизбежной, намеревались направить устремления Гитлера в восточном направлении. Особую активность проявляли правящие круги Англии, ратовавшие за создание коалиции западных стран. Как считали в Лондоне, такая коалиция отвела бы удар Германии от них и направила бы его на восток, что могло бы "привести к войне между Россией и Германией"⁴. Попыткой создания подобного альянса явилось подписание 15 июля 1933 г. в Риме так называемого пакта четырех – Англии, Франции, Германии и Италии. Пакт предусматривал пересмотр мирных договоров Версальской системы, открывал возможность для перевооружения Германии. Однако он не был ратифицирован, так как Франция в последний момент отказалась от своего участия. Но и после этого правительство Великобритании прилагало немало усилий для улучшения отношений с рейхом.

Правительство СССР стремилось проведением индустриализации, коллективизации, культурной революции ликвидировать вековую отсталость России от Запада, повысить военную мощь государства. Поэтому оно было заинтересовано в сохранении мира в Европе, выступало с призывами обуздать милитаристские силы. Москва указывала на опасность и пагубность политики потворства агрессорам, подчеркивала необходимость сотрудничества СССР со странами Запада. Однако лидеры западных держав отрицательно относились к любым инициативам, исходящим из СССР. Причиной тому были глубокое недоверие и враждебность к коммунистическому строю, установившемуся в России после 1917 г.

В этом немалую роль играли присущие советской системе черты, отражавшие взаимосвязанность внешней политики СССР и курса, проводимого его руководством внутри страны. В первую очередь это была утвердившаяся еще с конца 20-х годов оценка тенденций мирового развития. Из вошедшего в идеологический обиход положения об общем кризисе капитализма делались прямолинейные выводы о скорой "мировой революции", а следовательно, и крахе всей системы капитализма. Так, в программе, принятой на VI конгрессе Коминтерна (1928 г.), содержался вывод о неизбежности крушения капитализма и победы мировой социалистической революции, подчеркивалось, что в процессе этой революции "неизбежны и необходимы войны пролетарских государств с буржуазными, войны за освобождение мира от капитализма"⁵. При этом социал-демократов рассматривали как предателей дела рабочего класса и стали именовать не иначе, как "социал-фашистами". Отныне зарубежные компартии ориентировались на непосредственную борьбу за власть – "класс против класса". Вот почему разразившийся в 1929–1933 гг. кризис рассматривался как приближение "непосредственно революционной ситуации"⁶. Неадекватные оценки политической ситуации в мире не соответствовали реальной действительности, порождали искаженную картину внешнего мира, что способствовало осложнению международного положения СССР. Правда, VII конгресс Коминтерна (1935 г.) уже ориентировал компартии на борьбу с фашизмом совместно с социал-демократами и другими демократическими силами, но было поздно: фашизм уже шагал по Европе, а демократическое движение так и не смогло стать тормозом на его пути.

На Западе установки Коминтерна и ВКП(б) на сплочение широких масс на антифашистской основе воспринимались как прикрытие истинных целей большевиков в борьбе за "коммунизацию" Европы.

На международном авторитете СССР резко отрицательно сказался и другой фактор – массовые репрессии. Прошедшие в 1928–1931 гг. первые фальсифицированные политические процессы ("Шахтинское дело", процесс "промпартии" и др.) вызвали многочисленные отклики за рубежом и неблагоприятные для руководства СССР комментарии. Столь же негативной была реакция на сплошную коллективизацию со всеми вытекающими последствиями: в первую очередь в связи с голодом 1932–1933 гг. в ряде регионов Советского Союза. Значительный ущерб престижу не только СССР, но и всего коммунистического движения нанесли массовые репрессии 1937–1938 гг. Нигде коммунисты не смогли дать убедительные ответы на вопросы, как и почему соратники В.И. Ленина, костяк руководящих кадров ВКП(б) и Коминтерна оказались вдруг не только предателями и шпионами, но к тому же еще "агентами гестапо" и других иностранных разведок. Для многих это стало гибелью идеалов.

Репрессии вызвали смутнение и в рядах друзей СССР за рубежом. Многие выдающиеся деятели культуры были буквально в шоке из-за произвола, воцарившегося в СССР, попрания там прав человека, нарушения законности и справедливости. Но они предпочитали не высказывать публично свое мнение из опасения, что их протесты будут использованы фашистской пропагандой. Потрясенная террором, значительная часть демократической общественности Запада испытывала глубокое разочарование в советском строе, в котором до этого видела образец справедливого общества.

В то же время в правящих кругах буржуазно-демократических государств массовые репрессии, особенно против советских военачальников, вызывали совсем иную реакцию. Они начали сомневаться в ценности СССР как союзника в случае войны. Обезглавленные Красная Армия и промышленность, спад темпов индустриального развития, сбой в сельском хозяйстве расценивались ими как снижение экономической и военной мощи Советского Союза. Аналитический аппарат дипломатических, военных и разведывательных служб всех капиталистических стран пристально следил за развитием событий в СССР, прикидывая, какое влияние они окажут на его военно-стратегический потенциал и всю политическую систему страны. Практически все наблюдатели приходили к однозначному выводу о дезорганизации советских вооруженных сил, о неспособности СССР к крупномасштабным внешнеполитическим мероприятиям, что превращало СССР в нежелательного союзника, особенно для Англии, которая как островное государство традиционно проводила политику "баланса сил" в Европе и искала мощного партнера, способного отвлечь на себя главные силы противника.

Преодолевая неблагоприятные тенденции в международных отношениях, советская дипломатия с начала 30-х годов, и особенно после победы нацизма в Германии, выступила с конструктивными предложениями, направленными на предотвращение мировой войны. СССР в 1933 г. добился принятия конвенции об определении агрессии, которую кроме него подписали Эстония, Латвия, Польша, Румыния, Турция, Иран, Афганистан, Чехословакия, Югославия, Литва и Финляндия. Советский Союз выдвинул концепцию "неделимости мира". Согласно этой концепции любой региональный конфликт несет угрозу перерастания в мировую войну, а потому важнейшей задачей является предотвращение военного конфликта в любом регионе мира. Эти инициативы сыграли важную роль в укреплении международного положения СССР. Советское государство стало восприниматься общественностью Запада как страна, заинтересованная в сохранении мира.

После того как в декабре 1933 г. политбюро ЦК ВКП(б) одобрило план создания системы коллективной безопасности, подготовленный наркоминделом, советские дипломаты начали активные переговоры о создании Восточного пакта – договора о взаимопомощи между СССР, Чехословакией, Финляндией, Латвией, Эс-

тонией и Литвой. Несмотря на то что такой договор в полной мере соответствовал бы интересам предотвращения агрессии в Европе, подписание его было заблокировано не только Германией, но и Англией и некоторыми другими государствами. Такая же судьба постигла и советский проект Тихоокеанского пакта – соглашения о ненападении с участием СССР, США, Китая и Японии. Тем не менее Советский Союз не ослабил усилий, направленных на создание системы коллективной безопасности, видя в ней гарантию своей безопасности.

Участвуя в международных переговорах, советские представители выдвигали предложения в области всеобщего и полного разоружения. В 1934 г. СССР вступил в Лигу наций. Ширилось его международное признание. В 1933–1935 гг. были установлены дипломатические отношения с США, Испанией, Венгрией, Румынией, Чехословакией, Болгарией, Албанией, Бельгией, Люксембургом, Колумбией. В 1935 г. им были заключены договоры о взаимной помощи с Францией и Чехословакией. Советская дипломатия, выступая против агрессивных устремлений фашистских государств, предлагала конкретные меры по защите Эфиопии, республиканской Испании, требовала прекращения гонки вооружений, уменьшения международной напряженности.

Союзником СССР в борьбе против фашизма, за предотвращение войны являлось антивоенное движение демократических сил. В 30-е годы начал формироваться широкий фронт движения за мир, включавший коммунистов, социалистов, социал-демократов, пацифистов и другие миролюбивые силы. Однако огромной помехой стали идейно-политические разногласия между разнородными движениями, которые проявились в различных подходах к оценкам характера фашистской угрозы, методам антивоенной борьбы. В результате разобщенность в общедемократическом движении за мир так и не была преодолена, хотя для этого имелись и реальные силы, и целостная программа формирования организаций потенциальных противников войны на основе политики коллективной безопасности.

Со второй половины 30-х годов международная обстановка начала обостряться. В 1935 г. Италия захватила Эфиопию. В ноябре 1936 г. между Германией и Японией был заключен Антикоминтерновский пакт, через год к нему присоединилась Италия. Осенью 1936 г. Германия и Италия приняли участие в гражданской войне в Испании на стороне франкистов. Помощь Франко со стороны Берлина и Рима создавала явный перевес воюющих сторон в пользу мятежников. В этой обстановке СССР объявил о своем отходе от политики невмешательства и стал оказывать прямую поддержку республиканцам, как жертве фашистской агрессии. Это диктовалось тем, что в случае победы Франко Испания становилась еще одним фашистским государством в Европе. Причем она выражалась в политической солидарности и в поставке оружия, материальных средств, посылке добровольцев. Фашистская пропаганда поспешила использовать это в своих целях, утверждая, что СССР добивается создания на Пиренейском полуострове коммунистического советского государства.

Последовала негативная реакция Запада. Ситуация продолжала осложняться и в следующем, 1937 г., когда Япония напала на Китай, а Советский Союз пришел ему на помощь как жертве агрессии. Военные советники из СССР, летчики-добровольцы, военная техника играли немалую роль в противодействии Китая японским войскам. В Токио росло раздражение против северного соседа. В 1938 г. возник конфликт у озера Хасан: Япония провела "пробу сил" в условиях ослабления Красной Армии после массовых репрессий.

К тому же периоду относится ухудшение отношений СССР с западными державами. Дело в том, что усиление коммунистического движения, охватившего Западную Европу в 30-е годы, они связывали с активизацией деятельности Коминтерна, за которым стоял Советский Союз, а помощь СССР испанским республиканцам еще более усиливала их боязнь "левой альтернативы". Отношение правя-

щих кругов Англии к идее коллективной безопасности становилось все более отрицательным, под влиянием Англии изменилась и политика Франции.

Заключенный в 1935 г. советско-французский договор о взаимопомощи рассматривался во Франции, по мнению советского посла в Париже Я. Сурица, не в плане общей борьбы против германской угрозы, а больше в негативном: там преобладало стремление удержать СССР подальше от Германии, не допустить и помешать германо-советскому сближению⁷.

В июне 1935 г. между Лондоном и Берлином было подписано морское соглашение, разрешавшее Германии вопреки Версальскому мирному договору строительство военно-морского флота. Германский флот получил право иметь 35% надводных и 45% подводных кораблей от уровня флота Великобритании. Это соглашение стало важным шагом на пути к достижению англо-германского "взаимопонимания" по широкому кругу проблем.

Все более обострялось положение на Дальнем Востоке. Япония уже давно строила планы захвата советского Приморья, притягивали ее и район озера Байкал и Монголия. Япония намеревалась разрешить свои противоречия с Советским Союзом "силой оружия", как только она почувствует себя достаточно мощной в военном отношении⁸.

Западные державы в поисках выхода из нараставших противоречий между ними и Японией в тихоокеанском регионе стремились направить японскую экспансию против ее северного соседа. Они рассчитывали, что Японию и СССР "можно будет различными маневрами заставить воевать друг с другом"⁹. США, и особенно Англия, поддерживали антисоветскую политику Японии, видя в ней оплот антикоммунизма в Азии.

В Европе западные державы видели мощный противовес коммунизму в нацистской Германии. В ноябре 1937 г. в беседе с Гитлером заместитель премьер-министра Великобритании Э. Галифакс, назвав третий рейх "бастионом Запада против большевизма", выступил за заключение "широкого соглашения", по которому Германия обязалась бы уважать целостность Британской империи, в свою очередь английское правительство предоставило бы ей свободу рук в Центральной и Восточной Европе¹⁰. На этой же позиции стоял и британский премьер-министр С. Болдуин. Еще в 1936 г. он говорил: "Если бы в Европе дело дошло до драки, то я хотел бы, чтобы это была драка между большевиками и нацистами"¹¹.

Эти взгляды, хотя и с некоторыми колебаниями, разделяли правящие круги Франции. В этом ракурсе представляет интерес высказывание министра иностранных дел Франции П. Фландена, сделанное им в марте 1936 г.: "Нам придется добиваться для себя максимально благоприятного соглашения с Германией и бросить остальную Европу на произвол судьбы"¹².

В свою очередь правительство США подталкивало Францию к соглашению с Германией¹³. Хотя за океаном были известны гитлеровские планы завоевания мирового господства, которые в конечном счете таили в себе угрозу и для США, в Вашингтоне полагали, что Германия не двинется на Запад, пока не уничтожит своего главного врага – Советский Союз¹⁴. Многие представители правящих классов Англии, США и Франции считали, что "предоставление фашистской тройке свободы рук... приведет к германо-японскому нападению на Советский Союз", а их страны смогут оставаться нейтральными, пока фашизм и коммунизм будут уничтожать друг друга¹⁵.

После подписания в 1935 г. англо-германского морского соглашения, что было воспринято в Европе как сближение позиций Германии и Англии в ущерб англо-французским отношениям, начался кризис французской системы союзов: произошло ослабление связей Франции со странами Малой Антанты (Чехословакией, Румынией, Югославией), в Европе усилилось британское влияние. Действия английской дипломатии в значительной степени обесценили и советско-франко-чехо-

словацкие договоры. Франция все больше отдалялась от СССР. Вслед за Великобританией она начала проводить политику "умиротворения агрессора", смысл которой состоял в том, чтобы ценой отдельных уступок избежать германского давления на западные демократии и одновременно направить фашистские устремления на восток. Политика "невмешательства" переросла в политику "умиротворения" агрессоров с одной целью – отвести удар третьего рейха от Запада в восточном направлении.

В 1935 г. гитлеровское правительство изменило статус вооруженных сил рейха. Вместо скованного версальскими ограничениями рейхсвера была создана новая военная машина – вермахт – армия агрессии и реванша. Реакции западных держав не последовало. Не выступили они против Гитлера и в 1936 г., когда немецкие войска вошли в ремилитаризованную после первой мировой войны Рейнскую зону – территорию по берегам Рейна, где Германии запрещалось иметь вооруженные силы. В Берлине поняли: наступило время действий. Отбросив версальские ограничения, запустив на полный ход машину производства вооружений, руководство третьего рейха приступило к осуществлению давно вынашиваемой захватнической программы. В марте 1938 г. был осуществлен аншлюс (присоединение) Австрии. Независимая страна стала германской провинцией. Западные державы сделали вид, будто не заметили исчезновения целого государства с политической карты Европы.

Политика потакания агрессору со стороны Лондона и Парижа вселяла в Гитлера и его единомышленников уверенность, что отныне им все дозволено. Вот почему ликвидация чехословацкого государства стала для третьего рейха всего лишь очередным пунктом в планах завоевания "жизненного пространства". "Моим твердым решением является уничтожение Чехословакии военным нападением в ближайшем будущем", – так заявил Гитлер в директиве по плану "Грюн" (захват Чехословакии), подписанной им 30 мая 1938 г.¹⁶

Его "твердость" имела веские основания. Еще в 1937 г. лорд Галифакс заверил Гитлера, что правящие круги Великобритании проявляют полное понимание "законных" территориальных требований Германии в отношении Данцига, Австрии и Чехословакии. Он лишь высказал пожелание, чтобы возможные изменения в данной части Европы "были произведены путем мирной эволюции" с целью "избежать методов, которые могут причинить дальнейшие потрясения, которых не желали ни фюрер, ни другие страны"¹⁷. Такая пассивная позиция западных держав полностью устраивала нацистов, и они начали готовить захват Чехословакии. 24 апреля 1938 г. фашистская партия судетских немцев К. Генлейна по указанию Гитлера выдвинула требование к правительству Чехословакии предоставить Судетской области автономии. Состоявшееся в Лондоне в том же месяце совещание премьер-министров и министров иностранных дел Англии и Франции рекомендовало Чехословакии согласиться с предъявленным требованием.

Однако и Лондон, и Париж беспокоила позиция Советского Союза, который, заключив в 1935 г. договоры с Чехословакией и Францией о совместных оборонительных действиях против сил агрессии, с возникновением судетского кризиса заявил о своей готовности помочь Чехословакии. Подобные заявления делались и в дальнейшем: 25 мая, 25 июня, 22 августа 1938 г.¹⁸

В этой обстановке западные политики, стремясь любой ценой избежать себя от войны в Европе, поспешили прийти на помощь Гитлеру под видом организации "посредничества" между Германией и Чехословакией. Как считает британский историк Ф. Белл, "в Англии надеялись удовлетворить германские претензии путем переговоров и при этом не допустить какого-либо сотрудничества с СССР. Такой курс, опирающийся на накопленный в течение двадцати лет идеологического противоборства и недоверия, породил твердую решимость держать СССР в изоляции"¹⁹.

На встрече в Берхтесгадене (Германия) 15 сентября 1938 г. премьер-министр Великобритании Н. Чемберлен согласился с претензиями Гитлера передать Германии часть чехословацкой территории, где немцы составляли более половины населения. Чемберлен заверил главу третьего рейха, что после обсуждения этого вопроса в правительствах Англии и Франции он обеспечит принятие руководством Чехословакии этих требований.

Действительно, уже через два дня английский кабинет одобрил "принцип самоопределения", именно так было названо отделение Судетской области от Чехословакии. Затем последовали англо-французские консультации, в результате которых на свет появился совместный ультиматум: Чехословакии предписывалось удовлетворить притязания Германии "в интересах европейского мира". Территориальные требования к Праге поспешили предъявить Венгрия и Польша.

Народ Чехословакии решительно выступил против посягательств на территориальную целостность страны. Правительство Чехословакии, не желая осложнять отношения с западными державами, вынуждено было прибегнуть к тактике лавирования. Президент Э. Бенеш заверял свой народ, что "капитуляция исключена". На пленуме Совета Лиги Наций нарком иностранных дел СССР М.М. Литвинов официально подтвердил готовность Советского Союза выполнить совместно с Францией свои обязательства по отношению к Чехословакии. Он подчеркнул необходимость проведения совещания европейских великих держав и всех заинтересованных государств "для выработки коллективного демарша".

Несмотря на это, 21 сентября Бенеш объявил, что Чехословакия принимает англо-французские требования. Это известие вызвало в стране волну массовых демонстраций протеста и забастовок. Спешно было создано новое правительство во главе с генералом Я. Сыровы. Под давлением народных масс была объявлена всеобщая мобилизация. Однако и новое правительство продолжало капитулянтскую линию и лишь делало вид, что намерено защищать республику. В разгар мобилизации, 27 сентября, советское правительство еще раз заявило, что СССР готов немедленно оказать помощь Чехословакии, если ее правительство попросит об этом. Однако этого не произошло. Англия и Франция продолжали оказывать давление на Чехословакию, добиваясь от нее уступок Германии. В результате Чехословакия приняла навязываемые ей условия.

29–30 сентября в Мюнхене на специальную конференцию по поводу территориальных претензий третьего рейха к Чехословакии собрались главы правительств Германии, Италии, Англии и Франции, но без представителей Чехословацкой республики. Они заключили соглашение, которое обязывало чехословацкое правительство передать наиболее развитую в промышленном отношении часть страны – Судетскую область в состав Германии. Этот акт резко изменил обстановку в Европе.

Почему именно Мюнхенское соглашение дало такой сильный толчок гитлеровской военной машине? Какие цели преследовали правители Англии и Франции, отдавая на растерзание фашистам своего союзника – Чехословакию?

Дело в том, что Чехословакия занимала не последнее место в гитлеровских планах подготовки к большой войне, и причин для этого было достаточно. Ведь в межвоенный период Чехословакия представляла собой страну с развитой индустрией и интенсивным сельским хозяйством, являлась к тому же крупным производителем вооружения. В продаже оружия и военной техники на мировом рынке ее удельный вес составлял 40%²⁰. Кроме того, с захватом Чехословакии Германия приобретала выгодное стратегическое положение вначале для нападения на Польшу, а затем и для агрессии на Восток. Все это разжигало аппетиты лидеров третьего рейха, где набирала обороты безудержная подготовка к войне. Причем велась она под прикрытием демагогических требований – "равенства Германии в

вооружениях", ограниченных Версальским договором, а главное – под лозунгом борьбы с большевизмом.

Навязанное Чехословакии соглашение предусматривало в строго ограниченный срок – с 1 по 10 октября 1938 г. – передачу Германии Судетской области и пограничных с Австрией районов со всеми находившимися на этих территориях сооружениями и укреплениями в полной сохранности, сельскохозяйственными и промышленными предприятиями с запасами сырья, путями сообщения, средствами связи и т.п. Кроме того, Чехословакии вменялось в обязанность в течение трех месяцев удовлетворить территориальные притязания Венгрии и Польши. Участники соглашения "гарантировали" новые границы Чехословакии от неспровоцированной агрессии. В итоге Германия отторгла от Чехословакии примерно 20% ее территории, где проживала четверть населения страны и находилась половина промышленности. Так без единого выстрела фашистам покорилась одна из наиболее развитых в индустриальном отношении стран Европы, которую предали и собственные правители, и западные союзники.

А между тем Чехословакия обладала значительными возможностями для отпора агрессору. В том самом роковом сентябре ее армия имела в строю 2 млн солдат и офицеров, 45 дивизий, 1582 самолета, 469 танков, да и ее моральный дух, как, впрочем, и всего народа, был высоким. Вермахт в тот же период располагал 47 дивизиями (2,2 млн человек), имел 2500 самолетов и 720 танков²¹. Словом, германское превосходство в силах было минимальным.

К тому же фактора внезапности также не существовало: в Чехословакии была проведена мобилизация. Страна располагала оборудованным по последнему слову техники оборонительным рубежом, не уступавшим линии Мажино и занятым войсками. Первоклассная чехословацкая авиация могла бы в считанные минуты подвергнуть опустошительным бомбардировкам германские химические заводы, расположенные близ границы, и тем самым нанести противнику серьезный ущерб. По оценке германского генерального штаба, в случае военных действий чехословацкая армия способна была вывести из строя до 60% частей вермахта²². Не случайно Гитлер позднее говорил: "То, что мы узнали о военной мощи Чехословакии после Мюнхена, ужаснуло нас – мы подвергали себя большой опасности. Чешские генералы подготовили серьезный план"²³. Опасность была и в самом деле велика, потому что, стянув крупные силы к границам Чехословакии, немецкое командование оставило на западе и юге Германии лишь тонкую завесу из 12 дивизий, а по ту сторону франко-германской границы против них стояли 40 французских дивизий, которые, если бы Франция оставалась верной своим союзническим обязательствам, могли нанести противнику серьезное поражение²⁴. В это же самое время в западных районах СССР с целью оказания помощи Чехословакии в полную боевую готовность были приведены 30 стрелковых и 10 кавалерийских дивизий, а также соединения танковых войск и свыше 500 самолетов²⁵.

Но имела ли намерения сама Чехословакия воспользоваться помощью СССР без участия Франции? Такая возможность, как свидетельствуют реалии того времени, весьма проблематична. Дело в том, что специалисты западных держав, к которым прислушивались и в Праге, утверждали, что обезглавленная репрессиями Красная Армия не в состоянии вести активные наступательные действия. Ведь, по сообщениям в апреле 1938 г. британского военного атташе в Москве полковника Р. Файэрбрейса, она сама "испытала сильный удар и не может рассматриваться как способная предпринять наступательную войну"²⁶. Не последнюю роль в этом утверждении играла и немецкая пропаганда. Кроме того, Запад чутко реагировал на немецкую пропаганду, объявившую Чехословакию "непотопляемым авианосцем" Советов, которые стремятся использовать эту страну с ее сильной компартией для усиления коммунистического влияния в Европе. Именно боязнь распространения большевизма заставляла правящие круги западных демократий, в том числе и в

самой Чехословакии, опасаться односторонней помощи СССР. Действительно, появление советских войск в Чехословакии не позволяло СССР рассчитывать на поддержку извне и ставило советские соединения в случае их прибытия в Чехословакию (общей границы не было) в весьма сложное положение. Советским войскам предстояло пройти через территории Польши или Румынии, а для этого требовалось их разрешение. Но Польша наотрез отказалась это сделать. С румынскими властями велись переговоры (между Литвиновым и главой румынского МИД Коменом). Но, несмотря на выраженную на словах готовность Румынии пойти на некоторые уступки ("закрывать глаза" на пролет советской авиации на высоте более 3 тыс. м, пропустить в течение 6 суток 100-тысячный контингент советских войск по одной железной дороге), обставлялись они такими условиями, которые делали советскую помощь невозможной²⁷.

Видимо, это понимали и в Чехословакии, и в СССР. Во всяком случае в результате переговоров военной делегации Чехословацкой республики с командованием Красной Армии в начале сентября 1938 г. ее члены вынесли впечатление, что СССР не имеет серьезных намерений в оказании помощи их стране без участия Франции.

Таким образом, лишь сплоченность СССР, Франции и Англии могла предотвратить катастрофу. Но для этого западным державам надо было твердо проводить курс на коллективную безопасность. Однако даже сама возможность выступить единым фронтом с СССР страшила правящие круги Англии и Франции. Вспоминая дни Мюнхена, бывший премьер-министр Даладье говорил в 1963 г., что тогда "идеологические проблемы часто затмевали собой стратегические императивы"²⁸.

Наконец, не могли не отразиться на процессе переговоров и такие последствия сталинского произвола, как истребление или отстранение от дел опытных кадров советского дипломатического корпуса. В течение 1937–1938 гг. были репрессированы все заместители наркома иностранных дел (кроме В.П. Потемкина), многие полпреды, другие ответственные работники (в 10 странах посты полпредов были вакантными, из 8 отделов НКВД только один имел заведующего). Аресты и расстрелы дипломатов, замена их случайными, порой даже не имевшими опыта работы в этой области людьми лишили страну ценных кадров, т.е. самого главного инструмента проведения гибкой внешней политики. Все эти факторы резко снизили возможности внешней политики СССР. Международная изоляция, наметившаяся уже в конце 1936 г., все более нарастала. Особенно очевидной она стала в 1938 г., в период подписания Англией, Францией, Германией и Италией Мюнхенского соглашения.

Пытаясь ввести в заблуждение общественное мнение, руководители Англии и Франции изображали Мюнхенское соглашение как "шаг в направлении обеспечения мира". "Друзья мои! – воскликнул Н. Чемберлен по возвращении из Мюнхена, обращаясь к лондонцам, заполнившим улицу перед его резиденцией, – ...сюда, на Даунинг-стрит из Германии прибывает почетный мир. Я верю, что мы будем жить в мире"²⁹.

На самом деле все обстояло иначе. Именно в дни Мюнхена Гитлер и Муссолини на неофициальной встрече договорились "действовать плечом к плечу против Великобритании". В октябре 1938 г. глава германского МИД И. Риббентроп говорил Б. Муссолини и министру иностранных дел Италии Г. Чиано: "Чешский кризис показал нашу силу! У нас есть превосходство в инициативе, поэтому мы будем хозяевами положения. На нас не могут напасть. С военной точки зрения ситуация превосходная: уже в сентябре 1939 года мы сможем вести войну с великими демократиями"³⁰. Вскоре творцы мюнхенской политики убедились в этом: не прошло и полугода, как германские войска, растоптав англо-французские "гарантии", вторглись в Чехословакию и ликвидировали ее как самостоятельное государство.

Мюнхен значительно укрепил позиции Германии, разорвав соединительное звено далеко не совершенных, но все-таки существовавших в Западной и Восточной Европе систем безопасности. Идее коллективной безопасности был нанесен смертельный удар: был открыт путь агрессии в общеевропейском масштабе. Мюнхен позволил Гитлеру пересмотреть "график агрессии". Если в 1937 г. он говорил о войне "не позднее 1943 г.", то теперь эти сроки были передвинуты на 1939 г. Соглашение в Мюнхене было не поспешной импровизацией, оно явилось продолжением политической линии, обозначенной Локарнским договором 1925 г.³¹, который гарантировал западные границы Германии, но оставлял ей путь на восток, а также "пактом четырех" 1933 г. На этой базе Англия и Франция рассчитывали сохранить устраивавшее их статус-кво, а в том случае, если не удастся отвести от себя угрозу, рассчитывали направить ее на восток.

СССР оказался в положении международной изоляции. Более того, учитывая поддержку Мюнхенского договора со стороны США, непосредственное участие Польши и Венгрии в разделе Чехословакии и одобрение соглашения Японией, советское руководство не могло не задуматься о возможных путях укрепления безопасности своей страны в условиях нарастающей угрозы.

Гитлер, убедившись в Мюнхене, что лидеры западных держав с готовностью пошли на выдвинутые им условия, торопился реализовать полученные там преимущества в экономической и военной областях. Он все больше склонялся к тому, чтобы нанести сокрушительный удар по Франции, принудить Англию к миру на своих условиях и только потом сосредоточиться на подготовке агрессии против СССР.

Но для успешного удара на западе необходимо было иметь обеспеченный тыл на востоке. В связи с этим осенью 1938 г. Германия пытается отколоть Польшу от союза с Англией и Францией, предложив ей участие в походе против СССР с целью создания "Великой Украины", куда вошли бы все украинские земли СССР и Польши и так называемая Закарпатская Русь³². Однако польское правительство не приняло предложение Гитлера уступить Германии Данциг и Польский коридор в обмен на обещание компенсировать ей эту потерю за счет других земель. Оно опасалось также, что Западная Украина, входившая в состав Польши, может быть передана "Великой Украине".

Тогда нацистская верхушка избирает другой вариант: прежде чем нанести удар на западе, надо разбить Польшу в скоротечной войне до того, как ей смогут оказать помощь ее западные покровители. Одновременно планировалось изолировать Польшу и с востока, обеспечив на это время нейтралитет СССР. Необходимо "инсценировать рапальский этап" – так сформулировал Гитлер цели германской политики в отношении СССР. В связи с этим с конца 1938 г. были активизированы советско-германские торгово-экономические переговоры, которые с перерывами (январь–апрель) велись в 1939 г.

Поскольку создание системы коллективной безопасности в форме, которую предлагал ранее СССР, оказалось невозможным (ни Восточный, ни Тихоокеанский пакты не были заключены, советско-чехословацкий договор был перечеркнут Мюнхеном, утратил свою фактическую ценность договор с Францией), перед советской внешней политикой в начале 1939 г. вырисовывались следующие основные возможности:

- 1) добиваться заключения союза с Англией и Францией, который стал бы преградой агрессору;
- 2) наладить взаимопонимание с соседними государствами, которым угрожала агрессия;
- 3) остаться в изоляции, сделав упор на собственные силы и проведение самостоятельной внешней политики;
- 4) нормализовать свои отношения с Германией, а в случае ее войны с Польшей

и западными демократиями путем нейтралитета обеспечить собственную безопасность.

Первый вариант стал официально прорабатываться с марта 1939 г. предложениями Англии и Франции о переговорах; второй – в ходе визитов заместителя наркома иностранных дел Потемкина в Турцию и Польшу (апрель–май 1939 г.), а также советскими предложениями правительствам Латвии и Эстонии заключить совместные договоры, чтобы предотвратить германскую агрессию в Прибалтике. Однако западные соседи СССР не хотели каких-либо новых соглашений с Советским Союзом. Оставался открытым вопрос: как строить отношения с третьим рейхом?

15 марта Германия поглотила Чехословакию: Словакия, формально ставшая "независимым" государством, превратилась в вассала третьего рейха, а остальная часть Чехословацкой республики была включена в состав третьего рейха как "протекторат Богемии и Моравии". Неделию спустя Германия захватила литовский портовый город Клайпеду (Мемель). В ответ на эти акции, явившиеся грубым нарушением Мюнхенского соглашения и других договоренностей, английское и французское правительства заявили о предоставлении гарантий Польше, Румынии и еще некоторым странам. Они приняли ряд демонстративных мер по укреплению своей обороны и только в апреле откликнулись, наконец, на предложения СССР начать переговоры. При этом в Лондоне и Париже рассчитывали этими шагами запугать Гитлера и не допустить агрессии Германии против Польши. Надо подчеркнуть, что наиболее дальновидные политики Запада выступали за тесное сотрудничество с Советским Союзом. "Мы окажемся в смертельной опасности, – говорил член английского парламента У. Черчилль в палате общин, – если не сможем создать великий союз против агрессии. Было бы величайшей глупостью, если бы мы отвергли естественное сотрудничество с Советской Россией"³³. Лидер либералов Д. Ллойд Джордж предупреждал Чемберлена: "Действуя без помощи России, мы попадем в западню"³⁴.

Все попытки "образумить" Гитлера не увенчались успехом. В апреле он разорвал пакт о ненападении с Польшей (от 1934 г.) и англо-германское морское соглашение (от 1935 г.), был разработан план нападения на Польшу – операция "Вейс". В мае Германия заключила соглашение с Италией о взаимной помощи – "Стальной пакт". Стало ясно, что политика "умиротворения", связанная с именами Чемберлена и Даладье, окончательно провалилась. Европа стремительно скатывалась к большой войне.

И все-таки даже в этой обстановке предотвратить войну мог эффективный союз Англии, Франции и СССР. Однако их правящая верхушка, несмотря на требования своей общественности, не торопилась заключать с Советским Союзом какие-либо договоры с конкретными обязательствами сторон, рассчитывая получить односторонние преимущества. В одном из британских документов говорилось: "Желательно заключить какое-либо соглашение с СССР о том, что он придет к нам на помощь, если мы будем атакованы с востока, не только для того, чтобы заставить Германию воевать на два фронта, но также, вероятно, и потому, – и это самое главное, – что если война начнется, то следует постараться втянуть в нее Советский Союз"³⁵.

Начавшиеся в Москве летом 1939 г. англо-франко-советские переговоры проходили вяло, велись со стороны западных держав второстепенными лицами. По большинству пунктов стороны придерживались противоположных точек зрения. Делалось все для того, чтобы удержать Гитлера от нападения на Польшу угрозой создания совместно с СССР антигитлеровского союза. В то же время Лондон и Париж однозначно не собирались связывать себя какими-либо конкретными соглашениями с Москвой, рассчитывая подписать договор самого общего порядка, т.е. вести сдерживание агрессивных устремлений Германии политическими средствами.

Правительство СССР, чтобы обезопасить страну в случае германо-польского конфликта, требовало совместных с западными державами гарантий Прибалтийским республикам (хотя те и были против), заключения военной конвенции с Англией и Францией, которая содержала бы конкретные обязательства сторон. В Москве полагали, что только таким путем, а также предоставлением в случае войны права прохода войск Красной Армии через Польшу и Румынию можно обеспечить безопасность стран Восточной Европы. Но разногласия, возникшие в ходе переговоров, не позволили сторонам прийти к согласованному решению.

А в это время Англия вступила в тайные контакты с представителями Германии, прощупывая возможность возвращения к мюнхенской политике (так называемый "второй Мюнхен") или заключения двустороннего англо-германского соглашения. Британскую сторону представляли весьма влиятельные лица: Чемберлен, Галифакс, советник Чемберлена Вильсон и другие, немецкую сторону – германский посол в Лондоне Г. Дирксен, советник МИД по особым поручениям Г. Вольтат и ряд других высокопоставленных дипломатов рейха. В случае договоренности с Германией Англия изъявляла готовность прервать переговоры с СССР, отказаться от гарантий, данных Польше и другим странам, и установить в мире сферы влияния Англии и Германии³⁶. Все эти факторы ставили под сомнение успех московских переговоров. Это стало особенно ясно в августе, когда приступили к переговорам о заключении военной конвенции.

В Берлине тоже внимательно следили за ходом переговоров СССР с западными державами и делали все, чтобы не допустить англо-франко-советского альянса, направленного против Германии. Используя возникшие трудности, германское правительство начало настойчиво добиваться расширения рамок соглашения с Советским Союзом, стремясь превратить торгово-экономические переговоры в политические. Со своей стороны правительство СССР, исходя из того, что угроза германо-польской войны стремительно нарастала, а переговоры с западными державами зашли в тупик (об англо-германских контактах в Москве тоже было хорошо известно), все больше склонялось к мысли, что пакт с Германией о нейтралитете или о ненападении в большей мере обеспечит безопасность СССР в случае резкого обострения обстановки, нежели расплывчатый и неопределенный договор с западными демократиями, не позволит втянуть его в военный конфликт.

7 августа Сталину доложили, что Германия будет в состоянии начать вооруженные действия в любой день после 25 августа. 11 августа сложившееся положение рассматривалось на политбюро ЦК ВКП(б). Проанализировав сведения о попытках Гитлера восстановить непосредственную связь с Чемберленом, а также пессимистические прогнозы о московских переговорах, оно приняло решение: "вступить в официальное обсуждение поднятых немцами вопросов, о чем известить Берлин"³⁷.

К.Е. Ворошилову поручалось продолжить переговоры с представителями Запада на предмет заключения военной конвенции, а В.М. Молотову вступить в переговоры с Германией с целью заключения пакта о нейтралитете или ненападении. Окончательное решение предстояло принять в зависимости от ситуации.

В середине августа, когда, по оценке Москвы, угроза войны уже стояла на пороге Европы, а стороны на англо-франко-советских переговорах все еще были далеки от согласованного решения, СССР пошел на заключение пакта о ненападении с Германией и подписание с ней секретного дополнительного протокола, определявшего "сферы интересов" Германии и СССР в Восточной Европе.

Как свидетельствуют документы, тогда, в 1939 г., в Кремле рассчитывали конкретными договоренностями с Германией сохранить свой нейтралитет и улучшить собственное стратегическое положение, создав на территориях советской "сферы интересов" выдвинутый передовой рубеж обороны в 200–250 км западнее старой

границы СССР. Такого рода договор с Германией, считало советское руководство, обеспечит безопасность СССР надежнее, чем неопределенная перспектива зыбкого альянса с западными державами. К тому же перед угрозой германского нападения стояла Польша, граничившая с СССР, а не с Англией или Францией. В случае ее разгрома, – а в Европе все были уверены, что Польша не продержится больше одного-двух месяцев, – вермахт выходил бы на дальние подступы к Минску и Киеву. То, что Германия предпримет войну против Польши, в Кремле не вызывало сомнений. Все действия рейха с весны 1939 г. подтверждали это.

Действительно, руководству Германии позарез нужна была скоротечная локальная война. Это диктовалось рядом конкретных обстоятельств. Милитаризованной экономике страны грозили кризис и инфляция, а это в свою очередь угрожало существованию нацистского режима. Вот почему ее лидеры выход видели в "прыжке в войну". К тому же в Берлине считали, что обстановка вполне благоприятна для захвата Польши.

Во-первых, другие страны слишком разобщены, и, хотя вооруженные силы и экономические потенциалы СССР и западных демократий в совокупности превосходят Германию, они не развернуты, а на это требуется немалое время.

Во-вторых, вермахт – наиболее боеспособная и боеготовая армия в Европе, так как отмобилизована, вооружена современной военной теорией, пользуется поддержкой большей части народа, для которого возвращение Данцига (а немецкая пропаганда делала упор именно на это) было вопросом восстановления исторической справедливости.

В-третьих, хотя по численности вермахт и уступает вооруженным силам Франции, Англии, Польши и СССР, но в настоящий момент он превосходит их по качеству.

В-четвертых, эти преимущества временные, поэтому их надо реализовать как можно скорее, пока вероятные противники не развернули свои военно-экономические потенциалы.

Конечно, западные демократии в союзе с СССР имели объективные возможности обуздать агрессора, но для этого необходимы были определенные условия: взаимное доверие между капиталистическими странами и СССР; доверие со стороны средних и малых стран Европы к великим державам и к Советскому Союзу; уверенность в том, что достигнутые соглашения и договоры будут выполняться; готовность в кратчайшие сроки развернуть боеспособные армии для войны с Германией; мобилизация всех физических и духовных сил своих народов на борьбу с фашистской опасностью. Наконец, не последнюю роль играла непреклонная воля к победе над агрессором.

Именно таких условий летом 1939 г. не существовало. Западные демократии не только не доверяли СССР, но и испытывали страх перед большевистским государством и международным коммунизмом, который это государство возглавляло. Кроме того, они считали, что после кровавых чисток в Красной Армии ее боеспособность резко снизилась. А если это так, то СССР уже не представлял интереса как мощный союзник в войне. К тому же они опасались, что, вступив в войну, Советский Союз в случае победы не уйдет с захваченных им территорий.

В свою очередь и руководство СССР не доверяло западным державам, считая их виновниками провала политики коллективной безопасности. В Кремле не могли простить Англии и Франции их сделку в Мюнхене, которая не только разрушила советско-франко-чехословацкий договор – основу коллективной безопасности, но и привела к политической изоляции СССР. Советское руководство не верило в искренность Англии и Франции, в их желание заключить с ним антигерманский союз; оно опасалось, что в случае войны западные державы могут подставить Советский Союз под удар вермахта, не связывая себя конкретными обязательствами по оказанию ему помощи.

В результате и СССР, и западные державы стремились не к тому, чтобы совместными усилиями обуздать агрессора, а к тому, чтобы остаться по возможности в стороне от вероятного военного конфликта, переложив главную тяжесть предотвращения мировой войны на других. При этом каждая из сторон по-разному подходила к решению задачи по сохранению мира. В то время как на Западе считали, что войну удастся остановить одними лишь политическими средствами, руководство Советского Союза полагало невозможным предотвратить нападение Германии на Польшу, а потому ставило перед собой задачу не дать втянуть СССР в войну, которая вот-вот должна была разразиться в Европе.

Таким образом, самоубийственная логика "каждый за себя", трагическая недооценка лидерами Запада и СССР опасности фашизма для всего мира, неспособность и нежелание подчинить эгоистически понимаемые интересы общей задаче обуздания агрессора, стремление решать собственные проблемы за счет других государств создавали Германии благоприятные условия для развязывания войны.

В последней декаде августа военно-политическая напряженность в Европе приблизилась к критической черте. На 23 августа планировался тайный прилет председателя совета национальной безопасности рейха, главкома ВВС Г. Геринга в Англию для переговоров с Чемберленом и Галифаксом³⁸. Все более активизировались и советско-германские переговоры, на которых германская сторона с первых дней августа стремилась достигнуть не только экономического, но и главным образом политического соглашения, предлагая СССР заключить пакт о ненападении. Риббентроп буквально рвался в Москву на переговоры. Из дипломатических документов следует, что в Кремле решили принять предложение Берлина 17 августа, а окончательное решение последовало через 2 дня.

При этом советское правительство соглашалось на такой пакт только в сочетании со специальным протоколом, который "определит интересы подписывающихся сторон в том или ином вопросе внешней политики и который явится неотъемлемой частью пакта".

23 августа германская делегация во главе с Риббентропом прибыла в Москву. В тот же день правительство Советского Союза подписало с Германией пакт о ненападении (подобные пакты с Германией к тому времени имели и Англия, и Франция, и ряд других государств), а также секретный дополнительный протокол.

В соответствии с этим протоколом, в "сферу интересов" СССР попадали Финляндия, Эстония, Латвия, восточная часть Польши и Бессарабия. С советской стороны это был, по оценке ряда политических деятелей того времени, хладнокровно рассчитанный, но реалистический в тех обстоятельствах акт³⁹. Он позволял СССР избежать перспективы быть втянутым в войну в крайне неблагоприятных условиях, предотвратить возможность, как полагало советское руководство, "нового Мюнхена", положить в соответствии с секретным протоколом предел движению фашизма на восток, к границам СССР. Если сам пакт о ненападении был правомерным и действительным договором (опубликован в печати, прошел ратификацию и т.д.), то секретный протокол представлял собой противоправный документ, нарушавший международное право, так как в нем решались судьбы третьих стран и народов без их ведома. Противоправность его была и в том, что протокол не проходил (да в силу его специфики и не мог пройти) обычной процедуры – ратификации. В то же время следует учитывать, что в международной практике 30-х годов уже имелись прецеденты разделения "сфер влияния" (соглашение Хора – Лавала в декабре 1935 г., предусматривавшее тайное согласие на передачу Италии нескольких провинций Эфиопии в ходе итало-эфиопской войны, Мюнхенское соглашение, англо-германские переговоры летом 1939 г. и др.). Оценка пакта и протокола дана на II съезде народных депутатов СССР в декабре 1989 г. Общественность нашей страны справедливо осудила как протокол, так и факт

отрицания его существования со стороны советских официальных органов, а также подобные методы ведения внешней политики.

Однако в 1939 г. не все выглядело столь однозначно, как в 1989 г. Наряду с нарушением норм международного права пакт и протокол с точки зрения прагматически понимаемых национальных интересов государства давали Советскому Союзу ряд стратегических выгод. Если соглашение с Англией и Францией предусматривало участие СССР в войне, где главным фронтом мог стать советско-германский, то пакт с Германией позволял сохранить нейтралитет, обеспечивал геополитические позиции СССР в сопредельных с ним европейских странах.

Заключение с Германией пакта о ненападении имело для Советского Союза важное значение и в связи с конфликтом на Дальнем Востоке, где летом 1939 г. советские и монгольские войска вели с японцами бои в районе р. Халхин-Гол. Советско-германский договор существенно ослабил Антикоминтерновский пакт. В правящих кругах Японии известие о советско-германском договоре вызвало шок. Кабинет Хиракумы немедленно подал в отставку. Вера в Германию как в союзника была настолько поколеблена, что восстановить былые отношения не удалось до самого конца войны. Тогда это сильно повлияло на позицию самой Японии: 15 сентября 1939 г. она подписала соглашение с СССР и МНР о прекращении боевых действий.

Советско-германский пакт имел много и отрицательных сторон. Прежде всего он нанес огромный урон международному престижу СССР, который до сих пор значительной частью мировой общественности воспринимался как флагман борьбы с фашизмом. Но и в оценках не было единодушия. Как докладывал в Москву полпред СССР в Англии И.М. Майский 24 августа 1939 г., «особенно неистовствуют лейбористы. Они обвиняют нас в измене принципам, в отказе от прошлого, в протягивании рук фашизму... Консерваторы (правящая партия. – *Ред.*) держатся много спокойнее. Они никогда всерьез не верили ни в Лигу наций, ни в коллективную безопасность и сейчас гораздо проще воспринимают возврат Европы к политике "национального интереса"»⁴⁰.

Что касается секретного протокола, то следует иметь в виду не только секретность этого документа (такого рода протоколы содержали многие международные договоры того времени), но и, главное, тот факт, что он затрагивал жизненно важные интересы не только Германии и СССР, но и третьих стран. О каких же интересах шла речь? Для Германии важно было изолировать Польшу, подготовка к нападению на которую близилась к своему завершению. Интерес Советского Союза состоял в том, чтобы германские войска остановились как можно дальше от его границ. Секретные договоренности предусматривали, что вермахт не вступит на территорию Латвии, Эстонии, Финляндии, что пределом его продвижения на восток станет "северная граница Литвы". На территории Польши "сферы интересов" разделялись по линии рек Нарев, Висла и Сан. Это означало, что в случае войны с Польшей немецкие войска не пойдут восточнее этой линии, а вопрос об областях, где преобладало украинское и белорусское население, не будет решаться без согласия Советского Союза. Секретные договоренности касались и Бессарабии, отторгнутой Румынией у РСФСР в конце 1917 – начале 1918 г. В них подчеркивался интерес СССР к этой области и незаинтересованность в ней Германии. Иными словами, это была договорная гарантия сохранения линии, которую германские войска не должны были пересекать. Протокол создавал возможность для СССР выдвинуть в случае необходимости свои войска на территории стран, вошедших в его "сферу интересов", и создать передовой стратегический оборонительный рубеж в 200–250 км от западных границ Советского Союза.

Кроме того, пакт (при всех его морально-правовых издержках) был важен для СССР и потому, что позволял советскому государству остаться вне войны между Германией и западными державами, которая, как полагали в Кремле, могла

вспыхнуть в результате германо-польского конфликта. Предполагалось, что война может принять затяжной характер и ослабить обе сражающиеся стороны и тем самым систему капитализма в целом. А главное – война между двумя империалистическими группировками исключала создание единого капиталистического антисоветского фронта. При этом СССР выигрывал время для усиления своего военно-экономического потенциала, а в случае нападения Германии на Советский Союз западные демократии, являясь противниками рейха, объективно становились союзниками советского государства.

Не вызывает сомнения, что делалось это из соображений безопасности СССР. Однако такие формулировки, как "сферы интересов", "территориально-политическое переустройство областей", входивших в то время в состав других государств, находились в противоречии с нормами международного права. А главное – правительство Страны Советов, само провозгласившее открытость в политике, пошло на секретные договоренности с агрессором, на разграничение "сфер интересов" за спиной народов, чьи судьбы решались этим документом.

Договор и последовавшие за ним действия советского правительства нанесли огромный ущерб мировому коммунистическому движению, утратившему ориентиры политической борьбы. Был введен в заблуждение и советский народ, который успел привыкнуть к тому, что фашизм – это его злейший враг. Но тогда, в августе 1939 г., в обстановке всеобщей подозрительности и стремительно нараставшей угрозы войны договор воспринимался как средство, позволяющее остаться вне военного пожара, который вот-вот должен был охватить Европу.

Однако и то положительное, что давал пакт, не было использовано руководством СССР должным образом. Тактический выигрыш был им расценен как стратегический. Стремясь остановить вермахт как можно дальше от границ СССР, но одновременно не желая осложнения отношений с Германией, успевшей показать свою военную мощь на полях Польши, Сталин пошел на дальнейшее сближение с рейхом, заключив 28 сентября 1939 г. "Договор о дружбе и границе". Он определил границу между двумя государствами, а Литва из "сферы интересов" Германии перешла в "сферу интересов" СССР.

При подписании этого договора также были допущены грубейшие нарушения международного права. Договор от 28 сентября предусматривал "дружбу" с рейхом, хотя государственные интересы Советского Союза требовали оставаться на позициях нейтралитета и готовиться к решающей схватке с фашизмом. С осени 1939 г. Сталин и его окружение свернули всю антифашистскую пропаганду в стране и во внешнем мире. Осложнились отношения со многими государствами мира. На подготовке СССР к войне особенно пагубно сказались просчеты Сталина в отношении сроков возможного нападения Германии, а также его боязнь "спровоцировать" Гитлера на войну. Эти ошибки и просчеты привели к трагедии лета 1941 г.

СОВЕТСКИЙ СОЮЗ: СТРАТЕГИЯ ПЕРЕДОВЫХ РУБЕЖЕЙ

1 сентября 1939 г. Германия напала на Польшу. Через два дня Англия и Франция объявили войну Германии. Их примеру последовал ряд стран, находившихся в союзнических отношениях с западными державами. Развернулись боевые действия на морях. Так с первых дней война стала мировой. Тем не менее главные события на этом этапе происходили в Польше. Внезапность вторжения и быстрые темпы наступления немецких войск не позволили польскому командованию обеспечить эффективное управление войсками, организовать их снабжение, маневрировать

силами и средствами. Часть соединений так и не успела занять намеченные исходные позиции; многие из них, прибыв в заданный район, вынуждены были вступить в бой с ходу, неся при этом большие потери. В такой сложной обстановке Варшава напрасно направляла союзникам отчаянные просьбы, пытаясь побудить их к немедленным отвлекающим действиям. Однако в столь критические для Польши дни западные державы уклонились от выполнения своих обязательств, ограничившись моральной поддержкой. Ответила отказом в помощи и Румыния, а Словакия 4 сентября сама объявила Польше войну.

Польская армия оказала упорное сопротивление соединениям вермахта, но силы были слишком не равны. К концу первой недели войны войска вермахта (группы армии "Север" и "Юг") не только сломили оборону польской армии на рубежах вдоль границ, но и осуществили глубокие обходные маневры. Уже вечером 8 сентября одна танковая дивизия из группы армий "Юг" вышла к предместьям Варшавы. Правительство Польши еще 6 сентября покинуло столицу и переехало в Люблин, а на следующий день главком Войска Польского перевел свой штаб в Брест.

Попытки организовать контрудары на различных участках фронта не имели успеха. Руководство страны к 15 сентября окончательно утратило контроль над событиями.

Лишенный единого руководства польский фронт стал распадаться на отдельные очаги. 16 сентября группа армий "Юг" соединилась с группой армий "Север" в районе Влодавы (60 км южнее Брест-Литовска). После окружения основных объединений польской армии она перестала существовать как организованная сила. Выйдя к концу дня 16 сентября на рубеж Белосток, Брест, Владимир-Вольнский, Львов, Дрогобыч, соединения вермахта оставили далеко позади предусмотренную секретным протоколом линию разграничения "сфер интересов" Германии и СССР и широким фронтом вторглись в Западную Украину и Западную Белоруссию. В результате 21 немецкая дивизия оказалась на удалении всего в 150–250 км от советской границы.

В ночь на 18 сентября польское правительство и военное командование пересекли границу с Румынией. Но с их эвакуацией борьба против оккупантов не прекратилась. Во многих районах ее продолжили избежавшие разгрома и плена армейские части, не желавшие смириться с поражением. Около 400 тыс. солдат и офицеров вели боевые действия в изолированных очагах сопротивления. Но ничто уже не могло изменить исхода борьбы. Через два дня, после 20-дневной обороны, капитулировала Варшава. 30 сентября сложил оружие гарнизон Модлина. 2 октября, после трехдневного штурма, части вермахта сломили мужественное сопротивление малочисленного гарнизона полуострова Хель, а 6-го после капитуляции группы "Полесье" регулярные военные действия на территории Польши прекратились.

С началом войны внешнюю политику советского руководства определяли события, развернувшиеся в Европе. Стремление выиграть время для укрепления обороноспособности своей страны, улучшить стратегическое положение, выдвинуть передовые рубежи обороны как можно дальше на запад, обрести союзников, территории которых можно было бы использовать в случае, если СССР окажется втянутым в войну, – все это стало первостепенным в действиях советского руководства. Сама стремительно изменявшаяся военная обстановка диктовала быстрые и прагматические решения. Определяющим фактором здесь были, конечно, отношения между СССР и Германией.

Как свидетельствуют тексты советско-германского пакта о ненападении, секретного дополнительного протокола и записи бесед во время переговоров в Москве 23–24 августа 1939 г., руководство СССР в момент подписания секретного протокола еще не имело четкого курса своей внешней политики в Восточной Европе. В то время советские руководители еще весьма смутно представляли,

какие формы в дальнейшем примут советско-германские отношения. Известно, что при обсуждении с Риббентропом проекта договора, составленного в Берлине, Сталин вычеркнул предложенную германской стороной преамбулу, где говорилось об установлении дружественных советско-германских отношений. "Не кажется ли Вам, что мы должны больше считаться с общественным мнением в наших странах? Годами мы поливали грязью друг друга. И теперь вдруг все должно быть забыто, как будто и не существовало? Подобные вещи не проходят так быстро", – заявил он при этом⁴¹. Риббентроп в меморандуме для Гитлера от 24 июня 1940 г., касаясь переговоров в Москве, проходивших в августе 1939 г., указывает на явную неопределенность германо-русских отношений⁴². По сути, это свидетельствует об отсутствии видов на будущее, о недоверии СССР к Германии в атмосфере поспешности, в которой заключался договор.

Неопределенность в отношениях не исчезла и после нападения Германии на Польшу. С началом войны Сталин в своих планах и действиях исходил не столько из комплекса договоренностей, связанных с пактом от 23 августа, сколько из реального развития событий. Важнейшими факторами, которые оказали непосредственное влияние на последующие решения советского руководства, были молниеносный разгром польской армии, ошеломивший всю Европу, и "странная война" на Западе вместо предполагаемых активных действий противоборствовавших сторон. Но главное в другом: на арену выступила сильнейшая в капиталистическом мире армия – вермахт. Стратегия блицкрига явно демонстрировала свои преимущества. Ведь Польша буквально за несколько недель оказалась полностью разгромленной, а немецкие войска неумолимо продвигались на восток и переходили демаркационную линию, установленную секретным протоколом от 23 августа. В то же время Англия и Франция, объявив войну Германии, бездействовали. Как вся эта картина представлялась в Москве? Несомненно, Москву беспокоили вопросы: будут ли немцы выполнять договоренности или нет, почему бездействуют западные союзники Польши?

Выяснением позиции Берлина заполнена переписка с германским МИД в первой половине сентября.

Сразу же после вступления в войну Англии и Франции Риббентроп настойчиво предлагал СССР ввести свои войска в Польшу. Вступать или не вступать в Польшу? Это решение было не из легких для советского руководства. С одной стороны, создание передового оборонительного рубежа в Восточной Польше было с военно-стратегической точки зрения желанной целью. Кроме того, не покидало опасение, что, если эту территорию не займет Красная Армия, туда придут немцы; к тому же невыполнение требований Риббентропа могло привести к осложнениям с Германией. С другой стороны, не было никаких гарантий, что Англия и Франция не объявят войну СССР, если Красная Армия перейдет советско-польскую границу. В Москве опасались и попасть в ловушку очередного "Мюнхена", так как, объявив рейху войну, западные державы никакой конкретной помощи Польше не оказали. Это наводило на мысль о возможности новой сделки за счет СССР. К 17 сентября четко определились два фактора: достижение перемирия с Японией 15 сентября и потеря польским правительством управления страной, т.е. налицо был предлог защитить от "хаоса" украинское и белорусское население Польши.

Но и после этого уверенности у Сталина в своем новоявленном партнере не прибавилось. 17 сентября в беседе с послом Германии в Москве Ф. Шуленбургом он выразил "определенные сомнения относительно того, будет ли германское верховное командование придерживаться московского соглашения в соответствующее время и вернется ли на линию, которая была определена в Москве (Писса, Нарев, Висла, Сан)". Несмотря на заверение немцев, что соглашения будут выполняться, обеспокоенность Сталина ходом событий, его сомнения относительно истинных намерений Гитлера, неуверенность в точном соблюдении германской стороной

достигнутых в Москве договоренностей так и не исчезли. Как быть с Польшей? Если она капитулирует и сохранит какую-либо государственность, где гарантия, что это государство у советских западных границ не станет германской марионеткой, враждебной Советскому Союзу. Сможет ли советское правительство создать в этой усеченной Польше дружественный просоветский режим? "Уничтожение этого государства в нынешних условиях, – говорил Сталин Димитрову в их беседе 7 сентября, охарактеризовав Польшу как фашистскую страну, – означало бы одним буржуазным фашистским государством меньше! Что плохого было бы, если в результате разгрома Польши мы распространим социалистическую систему на новые территории и население?"⁴³. Только 19 сентября Молотов дал понять Шуленбургу, что "первоначальное намерение, которое вынашивалось советским правительством и лично Сталиным, – допустить существование остатка Польши – теперь уступило место намерению разделить Польшу..."⁴⁴.

Совсем непросто обстояло дело и с Прибалтикой. По секретному протоколу от 23 августа Латвия и Эстония отходили в "сферу интересов" СССР. Однако Литва оставалась в "сфере интересов" Германии, и в случае ввода туда немецких войск созданная там группировка вермахта получила бы возможность (при изменившихся обстоятельствах) нанесения глубокого флангового удара по советским войскам, вступившим в западные области Украины и Белоруссии.

Вскоре вероятность ввода войск вермахта в Литву обрела вполне реальные очертания. 20 сентября Гитлер принял решение в ближайшее же время превратить Литву в протекторат Германии, а 25-го он подписал директиву № 4 о сосредоточении войск в Восточной Пруссии. Им предписывалось быть в готовности к вторжению в Литву⁴⁵. В тот же день Сталин в беседе с Шуленбургом заявил, что "при окончательном урегулировании польского вопроса нужно избежать всего, что в будущем может вызвать трения между Германией и Советским Союзом". Он предложил, чтобы из областей, расположенных восточнее демаркационной линии, все Люблинское воеводство и часть Варшавского воеводства до Буга перешли в "сферу интересов" Германии, а за это немецкая сторона могла бы отказаться от Литвы⁴⁶. Это нашло отражение в уже упоминавшемся договоре "О дружбе и границе", который по-новому распределял "сферы интересов" СССР и Германии. На территории Польши граница проходила по линии Керзона, т.е. этнические польские районы оказывались в сфере интересов Германии. Это свидетельствует о том, что в политике Сталина стратегические интересы превалировали над территориальными. Ведь уступив часть территории, населенной поляками, он избавлял себя от неизбежной борьбы польского народа за освобождение страны и делал более надежным ближайший тыл, где проживало украинское и белорусское население. Кроме того, новое начертание границы сокращало линию соприкосновения вермахта с Красной Армией, что в случае, если эта линия станет фронтом, также имело стратегическое значение. Включение Литвы в "сферу интересов" СССР снимало угрозу флангового удара вермахта с севера по группировке Красной Армии в Западной Белоруссии и отдавало в руки советского военного командования так называемый Виленский коридор – кратчайший путь к Восточной Пруссии. Договор сделал германо-советские отношения более определенными. Москва получила свободу действий в Прибалтике.

Обстановка в конце сентября диктовала советскому руководству вполне конкретные формы политики и в отношении Прибалтики. Вновь на первый план выступали соображения военного характера, требовавшие размещения там контингентов советских войск и военно-морских баз, чтобы обезопасить этот регион от возможной германской экспансии и одновременно создать стратегический передовой оборонительный рубеж. В обстановке начавшейся войны такое развитие событий привело к разделу Польши и заключению договоров о взаимной помощи между СССР и республиками Прибалтики в сентябре–октябре 1939 г. В соответствии с

ними СССР и страны Прибалтики обязывались оказывать друг другу всяческую помощь, включая и военную. Предусматривалось создание на территории Латвии, Литвы и Эстонии советских военных и военно-морских баз и размещение на них небольших контингентов Красной Армии и Флота (по 25 тыс. человек в Латвии и Эстонии и 20 тыс. человек в Литве).

Договор от 28 сентября между СССР и Германией открыл период стабильного советско-германского сотрудничества. Теперь Сталин мог себе позволить приступить к решению территориальных вопросов с Финляндией, также входившей в "сферу интересов" СССР.

Советское предложение о заключении с Финляндией договора, подобного договорам СССР с Прибалтийскими республиками, было отвергнуто финской стороной, которая считала, что это противоречит нейтралитету Финляндии. Тогда советское правительство предложило отодвинуть границу на Карельском перешейке на несколько десятков километров к северу до линии Липола (Верховье) – Койвисто (Приморск), передать СССР несколько островов в Финском заливе, часть территории п-ва Рыбачий и п-ов Средний в Баренцевом море в обмен на вдвое большую территорию в советской Карелии. Было также предложено сдать СССР в аренду п-ов Ханко для строительства там военно-морской базы. Последняя могла бы играть важную роль в прикрытии морских подступов к Ленинграду.

Финская сторона, однако, не хотела отдавать Ханко, но была готова на другие уступки. Так появилась реальная возможность достигнуть прогресса на переговорах. Более того, глава финской делегации Паасикиви стоял за достижение соглашения с Советским Союзом. Таких же оценок придерживался и ряд других политических деятелей Финляндии. Однако включенный, по настоянию Э. Эркко, министра иностранных дел Финляндии, в состав делегации министр финансов В. Таннер, выполняя установку министра иностранных дел, стремился ужесточить позицию Финляндии.

Советские предложения были отклонены. Не нашло поддержки и желание СССР усилить действовавший советско-финляндский договор о ненападении дополнительными гарантиями. Не находя общего языка, обе стороны стали склоняться к разрешению проблемы военными средствами, хотя не были исчерпаны еще многие возможные альтернативы политического решения проблемы.

Напряжение на границе нарастало. В этот сложный момент политическим деятелям обеих стран необходимо было проявить выдержку, государственную мудрость, готовность считаться с интересами другой стороны. Но этого не произошло. 9 ноября Эркко дал указание финляндской делегации прекратить переговоры, заявив, что у нее есть "более важные дела". 13 ноября переговоры были прерваны. Отношения между обеими странами с каждым днем ухудшались. В средствах массовой информации началась кампания взаимных обвинений. Войска обоих государств интенсивно выдвигались к границе, и, хотя в конце ноября Финляндия предложила продолжить переговоры, Сталин и его окружение не проявили государственной мудрости: выбор в пользу военного решения вопроса уже был сделан. Такому решению в немалой степени способствовала неправильная оценка сталинским руководством сложившейся обстановки. В Москве полагали, что война с Финляндией будет легкой и краткой по времени. Предполагалось также, что поглощенные проблемами, возникавшими в связи с войной против Германии, западные державы не вмешаются в советско-финляндский конфликт. 30 ноября войска Ленинградского военного округа перешли границу. Началась советско-финляндская война.

Это была в известном смысле "ненужная война", порожденная политическими просчетами обеих сторон. Если правящие круги Финляндии своими действиями до последних дней ноября 1939 г. объективно способствовали возникновению воо-

руженного конфликта, то Сталин и его окружение, рассчитывая на военное превосходство Красной Армии, не использовали имевшихся в их распоряжении политических средств для урегулирования советско-финляндских отношений.

Более того, 1 декабря в г. Терийоки (Зеленогорск) было создано просоветское правительство Демократической Финляндской республики во главе с известным деятелем Финской компартии и Коминтерна О. Куусиненом. СССР признал это правительство законным и 2 декабря заключил с ним договор о взаимной помощи и дружбе. Это позволило Молотову в ответ на запрос Лиги наций, имевший целью выяснить, денонсировал ли СССР пакт о ненападении с Финляндией, заявить, что "Советский Союз не находится в состоянии войны с Финляндией". Лига наций 14 декабря исключила СССР из числа своих членов. Однако народ Финляндии отверг правительство Куусинена, которое вскоре исчезло с политической сцены.

В первые дни советские войска имели некоторый успех. Однако по мере их продвижения противник наращивал сопротивление, развив активную диверсионно-партизанскую деятельность в ближайшем тылу Красной Армии, а на флангах создав сильные узлы сопротивления. Снабжение советских частей и соединений было нарушено: на немногочисленных дорогах возникли километровые "пробки" из военной техники. Танки увязали в снегу и останавливались перед многочисленными препятствиями. Некоторые соединения (например, 44-я стрелковая дивизия) попали в окружение, и личный состав, бросив значительную часть техники, мелкими группами пробился к советской границе.

Только после месяца ожесточенных боев было в конце концов уточнено, где проходит линия Маннергейма. Стало очевидным, что для завершения кампании требовались специальная подготовка, формирование лыжных подразделений, совершенствование управления войсками и налаживание взаимодействия между видами вооруженных сил и родами войск.

В начале января 1940 г. был отдан приказ о переходе к обороне и произведена реорганизация войск. Ленинградский военный округ превращался в Северо-Западный фронт во главе с командармом 1-го ранга С.К. Тимошенко. Вместо армейской наступательной операции теперь планировалась фронтовая, в основном усилиями 7-й и 13-й армий. Войска и штабы приступили к тщательной подготовке решительных операций по прорыву линии обороны противника.

В ходе кратковременной передышки советские войска провели тщательную подготовку, учтя ошибки прошлых боев. 3 февраля командование Северо-Западного фронта приняло план операции, согласно которому войскам предстояло одновременным ударом внутренними флангами 7-й и 13-й армий прорвать укрепленную полосу и разгромить силы обороны противника на участке озера Вуокси до Кархула. В дальнейшем – уничтожить всю группировку противника на Карельском перешейке, не допустив ее отхода на запад, и выйти на рубеж Кексгольм, ст. Антреа, Выборг.

11 февраля 1940 г. войска фронта перешли в наступление. Начался заключительный этап советско-финляндской войны. Невиданная по ожесточенности борьба развернулась по всему фронту. Преодолевая многочисленные оборонительные сооружения, Красная Армия упорно вгрызалась в оборону финнов. "Русские, – писал главнокомандующий армией Финляндии К. Маннергейм, – на этот раз научились организовывать взаимодействие войск... Артиллерийский огонь прокладывает путь пехоте. С большой точностью им управляли с аэростатов и боевых машин. Так как русские не экономили ни на пехоте, ни на танках, масштабы их потерь были ужасающими"⁴⁷. 17 февраля, опасаясь выхода советских войск в тыл Карельской армии, финское командование начало отводить свои части. Разыгравшийся снежный буря, длившийся несколько дней, задержал продвижение наступавших и дал возможность противнику организованно занять вторую полосу обороны.

В конце февраля после короткой передышки и массивной артиллерийской подготовки Красная Армия перешла в общее наступление. Противник, оказывая упорное сопротивление, начал отход на всем 60-километровом фронте. 4 марта 70-я стрелковая дивизия комбрига М.П. Кирпоноса по льду Выборгского залива внезапно для финнов обошла Выборгский укрепрайон. Финское руководство было вынуждено начать переговоры о мире. 12 марта 1940 г. между СССР и Финляндией был заключен мирный договор, по которому военные действия прекращались по всему фронту с 12 часов 13 марта.

Советский Союз улучшил свое стратегическое положение на северо-западе и севере, создал предпосылки для обеспечения безопасности Ленинграда и Мурманской железной дороги. К СССР отходили Карельский перешеек и некоторые другие территории, полуостров Ханко передавался Советскому Союзу в аренду. Но какую цену за все это заплатили! Потери советских войск составили: убитыми и умершими от ран и болезней на этапах эвакуации и в госпиталях – 87 506, пропавшими без вести – 39 369 человек. Более 5 тыс. человек попали в плен⁴⁸. Финны потеряли убитыми около 23 тыс., ранеными более 43 тыс., пленными – 1100 человек⁴⁹. В ходе боевых действий вскрылись многие недостатки Красной Армии в организации, тактике, вооружении, управлении войсками. Это способствовало укреплению на Западе мнения о слабости Красной Армии.

Силовые методы, примененные советским руководством, оказались не лучшим способом разрешения проблемы урегулирования северо-западных границ. В ходе развязанной Советским Союзом войны Германия воздерживалась от открытой помощи Финляндии, но тайно разрешала транзит поставок оружия финнам из Венгрии и Италии через свою территорию, а сами немцы поставляли свое оружие Швеции взамен шведских вооружений, продаваемых Финляндии⁵⁰.

Советско-финляндская война привела к резкому падению международного престижа СССР, ухудшила его отношения с другими странами, в первую очередь с Англией и Францией, которые оказывали помощь Финляндии. СССР был исключен из Лиги наций. На Западе уже строили планы нанесения ударов по северным коммуникациям и портам Советского Союза, его нефтяным районам на юге. Только мир с Финляндией несколько улучшил ситуацию. Вскоре возобновились торговые переговоры с Англией, с Францией отношения по-прежнему оставались напряженными.

В то же время война с Финляндией, которая показала слабость Красной Армии, укрепила Гитлера во мнении о возможном разгроме Советского Союза в ходе быстрой кампании в ближайшее время.

Весна и лето 1940 г. кардинально изменили международную обстановку. Теперь вермахт убедительно демонстрировал свое могущество на полях Западной Европы. За 5 дней была завоевана Голландия, за 19 суток – Бельгия, английские войска, бросив во Фландрии всю военную технику, откатились за Ла-Манш, Франция агонизировала. Советскому руководству приходилось предусматривать и такой поворот событий: после завершения военных действий на западе вполне возможна переброска германских войск на восток для нападения на СССР и одновременного захвата Прибалтики.

В связи с этим советское правительство сочло необходимым принять срочные меры по усилению своего влияния в Прибалтийских государствах, а также повышению боевых возможностей размещенных в них советских войск. Они включали увеличение там группировки РККА, а также создание в этих республиках просоветских правительств вместо режимов, все более тяготевших к Германии. Правительство СССР направило ноты руководству Литвы (14 июня), Латвии и Эстонии (16 июня), где указало, что считает совершенно необходимым и неотложным сформировать в них такие правительства, которые могли бы обеспечить "честное

проведение в жизнь" договоров о взаимной помощи с СССР, а также потребовало согласия на увеличение численности советских войск. Эти ноты были продиктованы тем, что вследствие усиления влияния и авторитета победоносного рейха в республиках Прибалтики создавалась возможность продвижения немецкой экономики (а следовательно, и влияния) на восток. Тем более что после капитуляции Франции 22 июня 1940 г. малые европейские страны срочно переориентировались на Германию. Теперь в Кремле уже не осталось прошлогодней уверенности в том, что Гитлер намерен придерживаться секретных договоренностей. В то же время немногочисленные советские гарнизоны в Прибалтике и далеко не высокие боевые возможности армий Прибалтийских государств не обеспечивали надежного заслона в случае гитлеровской агрессии. Однако составленные в грубой ультимативной форме советские ноты ("чтобы немедленно было сформировано просоветское правительство...", "чтобы немедленно был обеспечен...") являлись проявлением силовых методов в проведении внешней политики, а требование изменить состав правительств, конечно же, было вмешательством во внутренние дела суверенных государств. Одновременно это свидетельствовало и о том, что, стремясь улучшить свое стратегическое положение на западных границах, где в первую очередь могли развернуться боевые действия в случае германской агрессии, советское руководство отдавало себе отчет, что этот его акт будет встречен в Берлине крайне отрицательно.

В условиях усилившейся угрозы войны вступление советских войск в Прибалтийские республики летом 1940 г. было продиктовано в первую очередь стратегическими интересами. Известно, что прибалтийский регион с его равнинной местностью с давних пор являлся воротами, через которые западные завоеватели вторгались в пределы России. В этом регионе создавалась мощная группировка Красной Армии. Незамерзающие порты круглый год обеспечивали действия Балтийского флота. В случае войны он получал возможность проводить крейсерские операции, организовывать рейды подводных лодок, осуществлять минирование акватории у берегов Восточной Пруссии и Померании, блокировать доставку в Германию железной руды из Швеции. С аэродромов, расположенных в Прибалтике, советские самолеты могли достигать территории Германии. Именно отсюда в августе 1941 г. были нанесены первые воздушные удары по Берлину.

Мотивы действий СССР были понятны многим зарубежным политикам. Так, германский посланник в Риге фон Котце писал: "Вступающие войска столь многочисленны, что... невозможно представить, что только для подчинения Латвии необходима была такая обширная оккупация. Я думаю, что в русских мероприятиях сыграла свою роль мысль о Германии и имеющихся у нее возможностях и что планы русских имеют оборонительный характер"⁵¹. Его коллега в Каунасе Э. Цехлин докладывал в Берлин: "Совершенно очевидно, что столь внушительная демонстрация силы не может проводиться только с целью оккупации Литвы. С учетом всей политической обстановки становится ясно, что Советский Союз направил сюда такое огромное количество войск из недоверия к Германии с чисто оборонительными целями"⁵². Аналогичного мнения придерживался и глава британского МИД Э. Галифакс. В те дни он заметил, что "концентрация советских войск в Прибалтийских государствах является мероприятием оборонного характера"⁵³.

Действительно, к середине июля, по данным советской разведки, в Восточной Пруссии и Польше было сосредоточено 48 дивизий вермахта⁵⁴, а в восточных районах Германии была объявлена дополнительная мобилизация. Проводились и другие мероприятия, которые свидетельствовали об активизации немецких войск на восточных границах Германии.

Но не только резко выраженные интересы СССР определяли ввод дополнительных советских войск в Прибалтику. Сильное влияние оказали и динамически развивающиеся события в самих Прибалтийских республиках. Левые круги ин-

теллигенции приветствовали замену правящих режимов и требовали радикальных изменений в жизни этих стран, которые должны были произвести новые демократические правительства⁵⁵. Как показали многочисленные митинги, часть народа настаивала на вступлении в состав СССР.

Ввод дополнительных соединений РККА и замена правительств в странах Прибалтики большинством зарубежных государств были встречены как вполне объяснимые меры, продиктованные интересами безопасности СССР, о чем свидетельствует признание многими странами новых правительств. Включение же Прибалтийских республик в состав СССР на Западе было расценено как аннексия, как проявление "имперских амбиций коммунистического тоталитарного государства", как стремление "множить число советских республик". Реакция была незамедлительной: ухудшились отношения Советского Союза с Англией и США, т.е. с теми странами, которые являлись потенциальными союзниками СССР, причем как раз в тот момент, когда все явственнее обозначались противоречия Москвы с Берлином и сама обстановка требовала всемерного укрепления отношений с западными державами.

Эта политическая ошибка имела далеко идущие последствия и в отношении народов Прибалтики, так как поспешное включение их в состав Советского Союза, а главное, внедрение там модели сталинского социализма резко осложнили внутриполитическую ситуацию.

На повестку дня встал вопрос и об укреплении юго-западных границ СССР. Советское правительство потребовало от Румынии незамедлительно решить бессарабский вопрос. В беседе с германским послом Шуленбургом, состоявшейся 23 июня, Молотов сообщил, что если Румыния "не пойдет на мирное разрешение бессарабского вопроса, то Советский Союз разрешит его вооруженной силой. Советский Союз долго и терпеливо ждал решения этого вопроса, но теперь дальше ждать нельзя"⁵⁶. Далее он подчеркнул, что правительство СССР считает этот вопрос чрезвычайно срочным. Основой для такого разговора служил секретный протокол от 23 августа 1939 г., по которому Бессарабия входила в "сферу интересов" СССР. Срочность вопроса диктовалась тем, что с весны 1940 г. Румыния, ранее тяготевшая к Англии и Франции, все теснее связывала себя с третьим рейхом. Румынское правительство обратилось в Берлин за помощью в строительстве укреплений на советско-румынской границе, проходившей по Днепру. Оно демонстративно провело мобилизацию более 1 млн резервистов, увеличило военные расходы, усилило группировку своих войск в Бессарабии. Поспешность, с которой происходило подчинение Румынии третьему рейху, давала веские основания полагать, что немцы постараются превратить румынскую территорию, а вместе с ней Бессарабию и Северную Буковину в плацдарм для нападения на СССР. Все это с беспокойством воспринималось в Москве.

26 июня советское правительство передало румынскому представителю ноту, в которой предлагалось "приступить совместно с Румынией к немедленному решению вопроса о возвращении Бессарабии Советскому Союзу"⁵⁷.

Поскольку правительство Румынии заняло уклончивую позицию, 27 июня последовала очередная нота с требованием вывести румынские войска с "территории Бессарабии и Северной Буковины в течение четырех дней, начиная с 14 часов по московскому времени 28 июня"⁵⁸. Вопрос о Северной Буковине вызвал напряжение в Берлине. Эта территория никогда не входила в состав России и не была оговорена в протоколе от 23 августа 1939 г. Попытка румынского правительства обратиться за заступничеством в Берлин успеха не имела. Да Германия и не могла возражать из-за слишком расплывчатой формулировки в том пункте секретного протокола, что касался Юго-Восточной Европы. Там говорилось, что "с советской стороны подчеркивается интерес СССР к Бессарабии. С германской стороны заявляется о ее полной политической незаинтересованности в этих

территориях". Таким образом, "сфера интересов" СССР не ограничивалась строго одной Бессарабией, поскольку речь шла о незаинтересованности Германии "в этих территориях". Когда теперь, в 1940 г., встал вопрос о вхождении Бессарабии и Северной Буковины в состав СССР, Риббентроп объяснил Гитлеру: "Ввиду тогдашней неопределенности германо-русских отношений (23 августа 1939 г. – *Ред.*) ... я... выбрал для протокола формулировку общего характера..."⁵⁹. Риббентроп посоветовал Румынии уступить⁶⁰, в устном разговоре добавив одно слово – "пока".

28 июня Красная Армия вступила в Бессарабию и Северную Буковину. Румынские политические партии и организации на этих территориях немедленно были распущены, повсеместно создавались органы советской власти. 2 августа была образована Молдавская ССР, куда вошли большая часть Бессарабии и Молдавская автономная республика, еще с 1924 г. существовавшая по левому берегу Днестра. Северная Буковина и южные районы Бессарабии вошли в состав Украины.

Как и в случае с Прибалтикой, на примере Бессарабии и Северной Буковины наглядно видно, что именно интересы стратегии были приоритетными в определении советской политики в отношении новых западных земель. Так, с территории Бессарабии советская авиация могла держать под угрозой нефтяные промыслы Румынии, бывшей в то время главным поставщиком нефти для Германии. А никогда ранее не принадлежавшая России Северная Буковина нужна была потому, что через ее территорию проходила рокадная железная дорога стратегического значения, от Одессы, через Кишинев, Черновицы (Черновцы) на Львов. Европейская колея, которую она имела, позволяла использовать подвижной состав для передвижения по железным дорогам Европы. О важности этой магистрали для СССР Молотов говорил Шуленбургу 26 июня 1940 г.⁶¹ Кстати, вопрос об ее использовании возник не в первый раз. Он вставал еще в 1938 г. в ходе чехословацкого кризиса, когда речь шла о возможностях переброски советских войск в Чехословакию. Очевидно, Сталин хорошо знал цену дороги Черновцы – Львов. Это и не удивительно: в 1920 г. он был членом Военного совета Юго-Западного фронта, который проводил тогда Львовскую операцию.

Вхождение республик Прибалтики, Бессарабии и Северной Буковины в СССР было встречено правительством Германии с явным неудовольствием. Эти акции положили начало периоду дипломатического соперничества между ней и СССР. Предпринятые Советским Союзом попытки договориться с Германией и Италией относительно обеспечения своих интересов в Юго-Восточной Европе, в частности, в Румынии (июнь 1940 г.), закончились неудачей. Проведенный 30 августа Венский арбитраж (решал спорный территориальный вопрос между Венгрией и Румынией) с участием Германии и Италии, но без Советского Союза лишил Румынию части территории, однако предоставил ей гарантии в новых границах со стороны Германии. Тем самым Советскому Союзу был закрыт путь в Румынию. Советское правительство выступило с нотой протеста, обвинило Германию в нарушении Договора о ненападении и квалифицировало гарантии румынских границ как "прямо направленные против СССР"⁶². Протест его против Венского арбитража создал напряженность в германо-советских отношениях, которая со временем нарастала все больше.

Сентябрь принес новые осложнения: в Румынии появилась германская военная миссия. Эту акцию в СССР расценили как "окончательное политическое и экономическое подчинение Румынии Германии и дальнейшее проникновение Германии на Балканы"⁶³. Ввод немецких войск в Румынию означал, по оценке полпреда СССР в Румынии, что "укрепление немцев на Черном море, построения авиационных баз непосредственно угрожает интересам Советского Союза"⁶⁴. 22 сентября германские войска появились на территории Финляндии. А через пять дней в Берлине был подписан Тройственный пакт между Германией, Италией и Японией.

Он предусматривал взаимную помощь друг другу при нападении на одну из этих стран какой-либо державы, не участвующей в данное время в войне.

Все эти события вызывали тревогу у советского руководства. Венский арбитраж рассматривался им как нарушение статьи 3 советско-германского пакта (о консультациях), а Тройственный пакт – как угроза безопасности СССР.

Для выяснения возникших спорных проблем 12–14 ноября 1940 г. состоялся визит Молотова в Берлин. Позиции партнеров по переговорам явно не совпадали. Немецкая сторона стремилась втянуть советскую делегацию в обсуждение вопроса о разделе Британской империи, а та ограничивала свою задачу выяснением германских намерений относительно европейской безопасности и проблем, непосредственно касавшихся СССР⁶⁵, и настаивала на выполнении Германией ранее подписанных соглашений. Кроме того, советская делегация настаивала на обсуждении положения в Турции, Болгарии, Румынии, Югославии, Греции и Польше⁶⁶.

Немецкая сторона предлагала Советскому Союзу присоединиться к Тройственному пакту и принять участие в разделе Британской империи "между Германией, Италией, Японией и СССР". Смысл этих предложений состоял в том, чтобы побудить СССР перенести центр тяжести своей внешней политики из Европы в Южную Азию и на Средний Восток, где он столкнулся бы с интересами Великобритании. Это ослабило бы стратегические позиции СССР в Европе и, наоборот, создало бы Германии благоприятные условия для нападения на него.

В ходе переговоров советский нарком не дал какого-либо определенного ответа на все предложения, считая необходимым обсудить их в Москве. Ответ СССР был передан 25 ноября. Формально он выразил готовность "принять проект пакта четырех держав о политическом сотрудничестве и экономической взаимопомощи", но выдвинул ряд условий, по существу, исключавших его присоединение к Тройственному пакту, ибо эти условия затрагивали интересы Германии. Так, Советский Союз требовал оказать содействие в заключении советско-болгарского договора о взаимной помощи, создания режима благоприятствования для СССР в черноморских проливах, а для этого гарантировать базу в Босфоре и Дарданеллах на условиях долгосрочной аренды для некоторого количества военно-морских и сухопутных сил СССР. Особо подчеркивалось, что "зона к югу от Батуми и Баку в общем направлении в сторону Персидского залива признается центром территориальных устремлений СССР". Он требовал немедленно вывести немецкие войска из Финляндии, оказать влияние на Японию, чтобы та отказалась от концессий на Северном Сахалине⁶⁷.

Этот документ свидетельствовал о том, что СССР намерен продолжать извечный курс России на укрепление своих позиций на Балканах и в черноморских проливах. Кроме того, условия, выдвинутые Советским Союзом, закрывали Гитлеру дорогу в нефтеносные районы Среднего Востока, не позволяя ему использовать как эти районы, так и территории, вошедшие в советскую "сферу интересов", против самого СССР. И ответ СССР, и весь ход переговоров в Берлине ясно давали понять Гитлеру и его окружению, что Советский Союз отвергает предложения Германии, что он не уйдет из европейской политики и будет отстаивать свои интересы в этой важнейшей части мира. Английский посол в Москве С. Криппс, докладывая в Лондон о визите Молотова в Берлин, писал, что "результаты встречи были отрицательными"⁶⁸.

Осенью 1940 г., когда стало ясно, что Гитлеру не удалось разгромить Великобританию, когда итальянские войска потерпели фиаско в Греции, а в Северной Африке были скованы британскими силами, когда англичане ввели свои соединения в Грецию и высадились на острове Крит, успехи стран оси не казались столь уж бесспорными, как летом. В этих условиях Сталин не собирался связывать СССР с Тройственным пактом и подписывать соглашение, которое ввергало страну в войну и сталкивало с Англией. Но и наотрез отклонить предложение Гитлера он не мог,

так как Советский Союз нуждался в немецкой технологии, а также в образцах оружия и военной техники. Поэтому, выразив согласие на присоединение к пакту, глава советского государства обставил его условиями, явно не приемлемыми для рейха. Известно, что после прочтения ответа из Москвы, Гитлер сказал Гальдеру: "Сталин – умный и коварный человек. Он все больше и больше требует"⁶⁹. В Берлине еще раз убедились, что Советский Союз не намерен послушно следовать предписаниям третьего рейха и отказываться от своей активной политики в Европе. Ответ на советские условия так и не был получен в Кремле, зато Гитлер отдал приказ форсировать подготовку войны против СССР.

Между тем, несмотря на явное неудовольствие Германии, Советский Союз продолжал вести борьбу за Балканы. Еще осенью 1939 г. правительство СССР вело переговоры с Турцией по поводу заключения пакта о взаимопомощи, ограниченного районами Черного моря и проливов, но Турция предпочла тогда заключить договор о взаимной помощи с Англией и Францией. После начала итало-греческой войны Турция запросила СССР (октябрь 1940 г.) о возможностях советской помощи в случае ее вовлечения в войну, однако Советский Союз не дал определенного ответа, сославшись на отсутствие пакта о взаимопомощи. Лишь в марте 1941 г. произошел обмен заявлениями об обоюдном нейтралитете в случае нападения на одну из сторон⁷⁰ (правда, 18 июня 1941 г. Турция подписала с Германией пакт о дружбе и ненападении). Что касается Венгрии, Румынии и Словакии, то еще в ноябре 1940 г. они присоединились к Тройственному пакту.

Стремясь упрочить свое положение на Балканах, Советский Союз 25 ноября 1940 г. предложил Болгарии пакт о взаимной помощи, однако ее правительство через пять дней отклонило это предложение. В начале следующего года в международных кругах стали распространяться слухи, будто в Болгарию с ведома и согласия СССР перебрасываются немецкие войска. 13 января ТАСС опровергло эти сообщения⁷¹, а спустя четыре дня германскому МИД был вручен меморандум о Болгарии и проливах, в котором подчеркивалось, что "советское правительство... будет рассматривать появление каких-либо иностранных войск на территории Болгарии и в проливах как нарушение интересов безопасности СССР"⁷². Тем не менее 28 февраля Болгария присоединилась к Тройственному пакту и на ее территорию были введены войска вермахта. Уже эти шаги свидетельствовали, что Гитлер не намерен считаться с интересами и желаниями СССР.

Но Сталин и его окружение все еще пытались противоборствовать Германии и ее политике на Балканах, на этот раз в Югославии. 25 марта Югославия вступила в Тройственный пакт; через два дня в стране произошел переворот, носивший в целом антифашистский характер. К власти пришло проанглийское правительство. 31 марта делегация нового югославского правительства была приглашена в Москву. В ночь на 6 апреля был подписан Договор о дружбе и ненападении, в котором указывалось, что обе стороны будут проводить политику ненападения по отношению друг к другу, а если одна из сторон подвергнется нападению третьего государства, то другая договаривающаяся сторона "обязуется соблюдать политику дружественных отношений к ней"⁷³. Однако буквально через несколько часов германские войска вторглись в Югославию. 15 апреля правительство Югославии капитулировало.

Это был сокрушительный удар по советской политике на Балканах. Сталину стало ясно, что дипломатическое соперничество с Германией проиграно, что господствующий в Европе третий рейх вряд ли будет считаться со своим восточным соседом. Оставалась одна надежда: отдалить теперь уже неизбежную германскую агрессию как можно дальше во времени. Необходимо было также принимать срочные меры, чтобы обезопасить Советский Союз с востока.

Переговоры с Японией на предмет подписания пакта о ненападении или нейтралитете велись с лета 1940 г., но только во время визита японского министра

иностранных дел И. Мацуоки 13 апреля 1941 г. наконец-то был подписан советско-японский пакт о нейтралитете. Это явилось крупной победой советской дипломатии. И хотя опасность японского нападения полностью не снималась, все же угроза войны на два фронта значительно снизилась. А в то же время обстановка на западе обострялась. Вступление в Тройственный пакт Болгарии, наращивание группировок немецких войск в Румынии и Финляндии, вторжение вермахта в Югославию и Грецию, активизация гитлеровской агентуры в Иране и Афганистане – все говорило о нарастании враждебной деятельности Германии в отношении СССР.

Вместе с тем территориальные выигрыши 1939–1940 гг. оборачивались крупными политическими проигрышами. Как свидетельствуют факты, с началом второй мировой войны западные державы, несмотря на их негативное отношение к советско-германским договорам, с пониманием отнеслись к вступлению Красной Армии в западные области Белоруссии и Украины (Черчилль, Ллойд Джордж и др.), к договорам СССР с государствами Прибалтики, проявляли заинтересованность в поддержании с ним нормальных отношений. Однако война с Финляндией резко ухудшила международное положение СССР, а включение в его состав Латвии, Литвы, Эстонии, Бессарабии и Северной Буковины в 1940 г. еще более осложнило отношения Советского Союза с Великобританией и США, тогда как обстановка требовала всемерного укрепления связей с западными державами.

Но устойчивое и давнее предубеждение Сталина против "английского империализма", которое помешало ему видеть разницу между "мюнхенцем" Чемберленом и стойким противником гитлеровской Германии Черчиллем, его боязнь провокаций со стороны "коварного Альбиона" исключали какие-либо конструктивные шаги по сближению с Великобританией. Поэтому попытки английского правительства улучшить отношения с СССР (письмо Черчилля Сталину, переговоры посла С. Криппса о новом торговом соглашении, возможностях подписания пакта о ненападении и т.д.) не принесли успеха. К тому же Сталин постоянно опасался дать Гитлеру повод обвинить СССР в сближении с Англией. В результате СССР все больше дистанцировался от западных держав. Просчеты в балканской политике еще более способствовали росту международной политической изоляции Советского Союза.

В апреле–июне 1941 г. советская политика в отношении Германии вступила в новый период, весьма напоминавший политику умиротворения, которую проводил Запад перед второй мировой войной. Хотя Гитлер и не предъявлял к СССР никаких требований, поступавшие в Генеральный штаб РККА, НКВД и НКВД данные свидетельствовали, что с февраля 1941 г. Германия начала скрытную переброску войск к советским границам. А в это время советское правительство спешно готовило страну и вооруженные силы к защите Отечества от надвигавшейся агрессии. Но готовность к войне была еще слишком далека от необходимого уровня, и Сталин всячески стремился не дать Гитлеру повод для обострения отношений с СССР, надеялся оттянуть войну хотя бы до 1942 г.

8 мая 1941 г. ТАСС опровергает слухи о сосредоточении советских войск на западных границах. На следующий день СССР разрывает дипломатические отношения с эмигрантскими правительствами Бельгии, Норвегии и Югославии. 12 мая он признает прогерманский режим в Ираке. Поставки в Германию выполняются неукоснительно, немецкие самолеты, нарушающие советские границы, намеренно не сбиваются. Наконец, 14 июня публикуется известное сообщение ТАСС. Его смысл – вызвать реакцию Германии, вступить с ней в новые переговоры, выяснить намерения Гитлера, а главное – протянуть время до осени, когда ненастье сделает наступление вермахта невозможным. Однако германское правительство не отреагировало на эту ноту. Гитлер считал уже излишними какие-либо объяснения со Сталиным. Зато в СССР это сообщение вызвало крайне отрицательный результат: вводило людей в заблуждение в самый канун войны. Таким образом, расчеты на то,

что удастся отсрочить войну, не оправдались, а порожденные ими ошибки привели лишь к тому, что для большей части советского народа нападение Германии оказалось внезапным.

ГЕРМАНИЯ: ПОДГОТОВКА АГРЕССИИ ПРОТИВ СОВЕТСКОГО СОЮЗА

Разгром англо-французской коалиции летом 1940 г., захват многих стран Европы, резкое ослабление Великобритании привели Гитлера и его генералов в состояние эйфории. Нацистское руководство сделало вывод, что созданы все условия для следующего, более решительного шага на пути Германии к мировому господству. Согласно его расчетам таким шагом должно было стать покорение Советского Союза. Если ранее, до резкого изменения в Европе военно-политической обстановки в пользу Германии, война против СССР была для Гитлера и его партии лишь программным положением, планом на неопределенное будущее, то со второй половины мая 1940 г. она была поставлена на повестку дня как практический шаг в действиях вооруженных сил Германии.

Хотя до поры до времени антисоветские замыслы тщательно скрывались, а сам Гитлер не посвящал в них даже ближайших сподвижников, сведения о них в виде всевозможных слухов и догадок стали распространяться в стране и за ее пределами. Примечательна в этом отношении статья Б. Лаверня в парижской газете "Эпок" от 25–26 мая 1940 г. под названием "Проекты Гитлера относительно России". Автор, основываясь на неофициальных данных, сообщал о "чрезвычайном недовольстве" Гитлера позицией Сталина и намерении фюрера после достижения своих целей на западе сделать крутой поворот на восток, напасть на СССР. При этом указывались конкретные сроки: в июле Гитлер покончит с Францией и Англией, а в начале августа 1940 г. начнет "восточный поход". Для участия в нем, утверждал французский журналист, побежденные страны предоставят Германии около 30 дивизий добровольцев, которые будут продвигаться вслед за немецкими войсками⁷⁴. Перевод этой статьи из "Эпок" советское посольство в Париже направило в начале июля 1940 г. в Москву, в наркомат иностранных дел, однако там она особого интереса не вызвала⁷⁵. Сталин и его окружение рассматривали подобные публикации как провокационные.

Что касается Германии, то замысел похода на восток получал все более определенные очертания. 2 июня Гитлер посетил штаб группы армий "А". В беседе с командующим группой генералом Г. Рундштедтом и начальником штаба генералом Г. Зоденштерном фюрер в первый раз открыто заговорил о практической организации "восточного похода". Причем совпало это с тем моментом, когда победоносный исход французской кампании уже не вызывал никаких сомнений. Гитлер дал понять своим собеседникам, что после завершения этой кампании он, "наконец, получит свободу рук" для "решения своей великой задачи: столкновения с большевизмом". Гитлер был абсолютно убежден, что после поражения Франции британское правительство уступит нажиму Германии и пойдет на заключение с ней мира, благодаря чему третий рейх избежит угрозы сражаться на два фронта. Трудность, по мнению Гитлера, заключалась лишь в одном: как сообщить немецкому народу, что война на этом не окончена и ему предстоит еще одно усилие⁷⁶.

25 июня, через три дня после подписания перемирия в Компьене, обсуждая итоги французской кампании с начальником штаба верховного главнокомандования вермахта (ОКВ) В. Кейтелем, фюрер снова завел речь о "восточном походе". "Теперь, – сказал он, – мы показали, на что способны. Поверьте мне, Кейтель,

поход против России был бы только военной игрой на ящике с песком"⁷⁷. В последующие дни проблема войны против СССР обсуждалась руководящими сотрудниками штаба ОКВ, генерального штаба сухопутных войск (ОКХ) и министерства иностранных дел Германии. Начальник генерального штаба генерал Гальдер 3 июля отмечал, что среди оперативных вопросов, которыми приходится заниматься генеральному штабу, "восточная проблема" выдвигается на первое место⁷⁸. Что касается самого Гитлера, то вопрос о переключении и внимания, и сил на подготовку "восточного похода" в общих чертах был им, по-видимому, решен к началу июля 1940 г. Однако его не могла не беспокоить "английская проблема". Хорошо усвоив уроки первой мировой войны, он считал наиболее целесообразным исключить Великобританию как противника Германии на период войны с СССР, прежде всего попытавшись достичь с ней соглашения. 19 июля, выступая в рейхстаге, Гитлер обратился к Лондону с "последним призывом к благоразумию". Однако правительство Черчилля отвергло предложение о заключении компромиссного мира⁷⁹. Тогда Гитлер решил пойти на риск: предпринять "восточный поход" в условиях состояния войны с Англией.

Чем определялось такое решение?

Во-первых, после успешных молниеносных кампаний в Западной Европе Гитлер и его ближайшие соратники уверовали, что война против СССР завершится так же стремительно и победоносно, как и на западе. По мнению фюрера, с разгромом Франции и установлением германского господства в Западной и Северной Европе Великобритания вряд ли будет представлять для рейха серьезную угрозу, к тому же общего фронта у нее с Германией не было. По имевшимся у германского руководства данным, британцы не располагали достаточными силами, чтобы в обозримом будущем организовать вторжение на территорию Европы и самостоятельно предпринять против рейха какие-либо активные наступательные действия. Конечно же, Англия надеялась, что тогда на ее стороне выступят США и Советский Союз. Но, как полагал Гитлер, быстрый разгром СССР лишит ее всякой надежды на союзника в Европе и заставит капитулировать. Если же она и на этот раз откажется признать поражение, то у Германии все равно окажутся более благоприятные условия для продолжения борьбы против нее.

Во-вторых, идти на определенный риск – предпринять войну против СССР, когда Англия окончательно не повержена, – Гитлера заставлял временной фактор, ибо только время работало против него. Правда, летом 1940 г. рейх находился в расцвете своего военного могущества. Но за тот период, что ему потребуется для достижения полной победы над Великобританией, такие потенциальные противники, как СССР и США, смогут значительно повысить свой военный и экономический потенциал. Поэтому исключительно важно, считал Гитлер, начать войну на востоке как можно раньше, а значит и как можно быстрее завершить ее. "Для разгрома России, – отмечалось в военном дневнике ОКВ, – проблема времени имеет особое значение"⁸⁰. Вот почему Гитлер спешил с началом войны против СССР. В своих беседах с Кейтелем, состоявшихся в июне 1940 г., он предлагал предпринять "восточный поход" этой же осенью. Военные с огромным трудом сумели убедить его, что за столь короткий срок невозможно перебросить с запада на восток необходимое количество войск и соответствующим образом подготовить их. Кроме того, они обращали его внимание на полное отсутствие в России хороших дорог, плохие, а тем более осенью, погодные условия, возможную распутицу. Приведенные доводы Гитлер счел вполне убедительными, и уже в конце июля он согласился перенести начало "восточного похода" на весну 1941 г.⁸¹

На совещании военно-политического руководства Германии 21 июля 1940 г. фюрер при разборе сложившейся стратегической обстановки отметил, что одна из важнейших причин того, что Великобритания до сих пор продолжает войну, – это "надежда на Россию". По его мнению, Сталин намеренно "заигрывает с Англией с

целью заставить ее продолжать войну", а тем самым стремится сковать Германию, не допустить ее усиления. Сделав такой вывод, Гитлер сообщил собравшимся о своем намерении "разрешить русскую проблему наступлением" и поручил главнокомандующим видами вооруженных сил представить соображения о предстоящей операции⁸².

Исходя из этих указаний, главнокомандующий сухопутными войсками генерал-фельдмаршал В. Браухич 22 июля поручил Гальдеру начать предварительную разработку замысла "восточного похода", в первую очередь представить предложения о необходимых силах, сроках и районах стратегического развертывания, операционных направлениях и т.д. Аналогичные указания получил начальник штаба оперативного руководства ОКВ генерал А. Йодль. По поручению главнокомандующего военно-морскими силами гросс-адмирала Э. Редера начальник оперативного управления главного штаба ВМС адмирал К. Фрикке к 28 июля подготовил "Соображения о России", в которых изложил позицию своего командования по поводу войны против СССР. Фрикке полностью поддерживал эту войну, так как она, по его словам, "гарантирует немецкому народу в будущем необходимое жизненное пространство", позволяет сделать Балтийское море целиком германским. Правда, он высказал сомнения относительно успеха "восточного похода" в том случае, если не будет завершена война против Англии. В этой связи он выражал надежду на быстрый успех операции "Зеелеве" – по вторжению на Британские острова, план которой был принят 16 июля 1940 г.⁸³

На совещании руководящего состава вооруженных сил Германии 31 июля в Бергхофе Гитлеру были доложены первые предложения о замысле войны против СССР, кратко сформулированы ее цели, намечены сроки. Результатом совещания явилось принципиальное решение предпринять весной следующего года поход вермахта с целью уничтожения Советского Союза. Это знаменовало собой поворот стратегических усилий Германии с запада на восток.

Стержневой идеей замышлявшейся войны был разгром СССР одним сокрушительным ударом. Эта идея оставалась неизменной в ходе всего планирования "восточного похода". Она основывалась на опыте успешных молниеносных кампаний против Польши и англо-французской коалиции. Ей были подчинены все аспекты подготовки войны против СССР. На совещании вновь зашла речь об операции "Зеелеве". Одни предлагали предпринять вторжение на Британские острова в середине сентября 1940 г., другие – в мае-июне следующего года, третьи считали возможным ограничиться воздушным наступлением. По сути дела, большинство присутствовавших не верили в возможность успешного вторжения на Британские острова без собственного превосходства в силах и средствах на море и в воздухе. Считалось более целесообразным сосредоточить все усилия против СССР. Уже на этом совещании было внесено предложение использовать операцию "Зеелеве" в качестве важнейшего фактора для маскировки подготавливаемого нападения на Советский Союз, что впоследствии и было сделано.

После совещания 31 июля решение о "восточном походе" стало активно претворяться в жизнь: разрабатывались оперативные планы, велись подготовка и стратегическое развертывание войск, оборудовался Восточный театр военных действий и т.д. С июля 1940 г. начала осуществляться общегосударственная программа "Отто" – по расширению пропускной способности железных и шоссейных дорог, идущих из Германии к западной границе СССР. В сентябре была принята новая программа производства вооружений и боеприпасов, имевшая своей целью оснащение войск, предназначенных для "восточного похода". В соответствии с ней самым приоритетным направлением со второй половины 1940 г. стало производство бронетанковой техники. Причем если за весь 1940 г. было выпущено 1643 танка, то лишь за первую половину следующего года их выпуск составил 1621 единицу⁸⁴. Росло производство колесных и полугусеничных бронеавтомобилей и бронетранспортеров.

Много внимания уделялось поставкам для вермахта артиллерийского и стрелкового оружия, был значительно увеличен запас боеприпасов для всех видов оружия.

С целью подготовки будущего театра военных действий в июле–октябре 1940 г. с запада и из центральной Германии на территорию Польши и Восточной Пруссии было переброшено более 30 дивизий, ряд корпусных управлений и штаб 18-й армии. Что касается операции "Зеелеве", то подготовка к ней постепенно свертывалась, а уже в октябре верховное главнокомандование вермахта полностью сделало ее средством дезинформации, официально сообщив, что она переносится на 1941 г.

Еще в ходе, а затем и сразу после завершения советско-германских переговоров в Берлине (12–14 ноября 1940 г.) последовал ряд распоряжений Гитлера, направленных на активизацию подготовки войны против СССР. 13 ноября он назвал 1 мая 1941 г. как дату начала "восточного похода"⁸⁵. Вскоре он отдал распоряжение срочно соорудить в Восточной Пруссии командный пункт для своей ставки. Параллельно и начальнику штаба оперативного руководства ОКВ Йодлю было приказано подготовить проект специальной директивы о предстоящей войне, а Герингу и начальнику управления военной экономики и вооружений ОКВ генерал-майору Г. Томасу – начать разработку планов эксплуатации поработанных советских земель⁸⁶.

18 декабря после внесения некоторых уточнений в подготовленный штабом ОКВ проект Гитлер подписал директиву верховного главнокомандования № 21, получившую условное наименование "Вариант Барбаросса"⁸⁷. Она явилась основным руководящим документом плана войны против СССР. Как и решение Гитлера от 31 июля 1940 г., эта директива была насквозь пронизана идеями молниеносной кампании. Она предусматривала уничтожение противника "еще до того, как будет закончена война против Англии"⁸⁸.

Уверенные в разгроме Советского Союза за каких-нибудь три-пять месяцев, Гитлер и командование вермахта не планировали привлечение своих главных союзников по Тройственному пакту – Японии и Италии. В качестве предполагаемых союзников в директиве № 21 назывались Румыния и Финляндия, хотя сам Гитлер был невысокого мнения относительно боевых возможностей вооруженных сил этих стран, особенно Румынии. Поэтому в предстоящей войне на востоке им отводилась второстепенная роль. В целях сохранения тайны подготовки "восточного похода" правительства Финляндии и Румынии получили официальные сообщения о своем участии лишь за несколько недель до нападения на СССР. По настоянию генерального штаба сухопутных войск Гитлер только в мае 1941 г. согласился на привлечение к войне против СССР Венгрии. Еще 3 февраля он одобрил директиву главного командования ОКХ о стратегическом развертывании войск для операции "Барбаросса". В связи с военными действиями на Балканах было принято решение перенести начало "восточного похода" с мая на более поздний срок. Окончательная дата нападения на СССР – 22 июня – была назначена Гитлером 30 апреля. А через день он дал указание начать официальные переговоры с Финляндией по поводу ее участия в предстоящей кампании, не позднее конца мая подготовиться к ведению переговоров с Венгрией, а затем с Румынией, причем истинные цели войны союзникам приказано было не раскрывать⁸⁹.

14 июня на совещании у Гитлера в Берлине были заслушаны доклады командующих группами армий, армиями, танковыми группами и равных им командующих ВВС и ВМФ о готовности к проведению операции "Барбаросса". Тогда же были уточнены последние детали: начало наступления переносилось с 3 часов 30 минут на 3 часа ровно (по средневропейскому времени)⁹⁰.

Подготовка вооруженных сил Германии к нападению на СССР началась с лета 1940 г. В сравнении с англо-французской коалицией Советский Союз, по мнению командования вермахта, был более сильным противником. Поэтому оно приняло решение к весне 1941 г. увеличить количество дивизий сухопутных войск: иметь

180 боевых дивизий (без учета войск СС) и еще 20 дивизий в резерве. Это решение было зафиксировано в письменном распоряжении начальника штаба ОКВ Кейтеля от 5 сентября 1940 г. Причем подчеркивалась необходимость отдать приоритет формированию новых танковых и моторизованных соединений⁹¹.

Начавшаяся работа по созданию дивизий, а также частей ВВС и резерва главного командования ОКХ потребовала новых контингентов личного состава. С 1 сентября 1940 г. командование вермахта приступило к призыву на военную службу резервистов 1-й очереди 1914–1918 гг. рождения, ранее имевших броню, а также военнообязанных 1919–1920 гг. рождения. В результате общая численность вооруженных сил Германии, к июню 1941 г. увеличившись на 27% по сравнению с июнем 1940 г., достигла 7,3 млн человек, а в состав действующей армии входило 208 дивизий и 6 бригад⁹².

Огромное внимание уделялось качественному совершенствованию вооруженных сил, повышению их боевого мастерства, оснащению новым оружием и техникой, переподготовке командного состава, улучшению организационно-штатной структуры войск. Из большого количества трофейного оружия и военной техники, накопившихся в Германии в результате предшествующих кампаний вермахта, было решено для нападения на СССР использовать только чешские танки и противотанковые пушки, а также автомобили из Франции и некоторых других покоренных стран. Главная ставка делалась на собственное вооружение.

Исключительно большое значение для качественного совершенствования вермахта имело формирование в период с августа 1940 по январь 1941 г. 25 новых подвижных соединений, к которым относились танковые, моторизованные и легкие дивизии и бригады. Они предназначались для создания танковых клиньев, призванных обеспечить глубину и быстроту продвижения немецких войск по советской территории. Было сформировано 10 танковых и 8 моторизованных дивизий, а также 4 легкие пехотные дивизии и 2 танковые бригады. В результате к июню 1941 г. общее количество танковых соединений в вермахте возросло по сравнению с маем 1940 г. в 2,2 раза (с 10 до 22), а моторизованных (с учетом дивизий и бригад СС) – в 2 раза (с 9 до 18). Доля танковых и моторизованных соединений в действующей армии увеличилась с 9,5% в сентябре 1939 г. и 12 – в мае 1940 г. до 18,3% в июне 1941 г.⁹³

Четыре легкие дивизии, имевшие вместо трех только два пехотных полка, были созданы с учетом того, что на советской территории им придется действовать в условиях труднопроходимой местности. В штат каждой пехотной роты включались 16 двуколки и соответствующее количество лошадей. Противотанковые орудия имели гусеничную тягу, артдивизионы оснащались легкими горными орудиями. Кроме подвижных к январю 1941 г. было сформировано 18 новых пехотных и 3 горнострелковые дивизии⁹⁴.

Стремясь обеспечить высокую боеспособность вновь формируемых соединений, командование сухопутных войск включало в их состав части и подразделения из дивизий, уже имевших солидный боевой опыт. Обычно это были целые полки или батальоны, служившие затем основой новых дивизий. Базой для создания танковых дивизий явились части и подразделения шести пехотных и двух моторизованных дивизий, а также одной моторизованной бригады. Например, в состав вновь сформированной 14-й танковой дивизии вошло два полка бывшей 4-й пехотной дивизии, а третий ее полк стал основой 18-й танковой дивизии. Вновь созданные горнострелковые и пехотные дивизии получили в качестве костяка от трети до двух третей личного состава из уже существовавших дивизий действующей армии.

Наряду с этим происходило доукомплектование и частичное переформирование имевшихся ранее соединений. Все они переводились на штаты военного времени. Для пополнения их личным составом использовались прежде всего военнослужащие 1919 и 1920 гг. рождения, прошедшие обучение в армии резерва⁹⁵. После отмены

операции "Зеелеве" и превращения ее в мероприятие по дезинформации на территорию Германии стали перебрасываться войска и штабы для переформирования и доукомплектования. В конце октября из Франции в город Дрезден был переведен штаб группы армий "Ц", который наряду с командованием армии резерва активно включился в процесс переформирования и обучения войск. Кроме переброшенных с запада соединений ему были подчинены вновь создаваемые дивизии. Из Фонтенбло (южнее Парижа) в Цоссен (под Берлином) 30 октября была переведена ставка главного командования сухопутных войск, что приблизило ее к войскам, готовившимся к боевым действиям на востоке⁹⁶.

Со второй половины октября 1940 г. процесс реорганизации сухопутных войск приобрел всеобъемлющий характер. В ноябре в стадии переформирования одновременно находилась 51 дивизия, т.е. более трети дивизий действующей армии Германии. С 25 ноября к этому количеству добавились еще 22 дивизии⁹⁷.

Важным организационным мероприятием, способствовавшим качественному совершенствованию германской армии перед нападением на СССР, было формирование соответствующего количества высших штабов и частей резерва главного командования. К концу 1940 г. по сравнению с маем того же года были дополнительно сформированы штабы одной новой группы армий, а также четырех армий, шести армейских корпусов, шести моторизованных корпусов и четырех корпусов сокращенного состава. Особое значение имело создание крупных моторизованных объединений, включавших танковые, моторизованные и некоторое количество пехотных дивизий. Для управления ими в ходе "восточного похода" были созданы в ноябре–декабре 1940 г. штабы четырех танковых групп, на которые возлагались такие же задачи по оперативному руководству войсками, как и на штабы армий. Танковые группы должны были подобно клинью взламывать оборону противника и, следуя впереди армий, устремляться к главным объектам операции. В отличие от полевых армий на них не возлагались задачи по захвату и удержанию территории⁹⁸. Увеличению мобильности танковых групп способствовало отсутствие громоздких тыловых обозов. Материально-техническое обеспечение танковых групп возлагалось на полевые армии, в полосе которых им предстояло действовать.

Подвижность артиллерии в "восточном походе" военное руководство решило увеличить в первую очередь за счет создания новых самоходных и моторизованных артиллерийских частей резерва главного командования, а также путем большей моторизации частей и подразделений дивизионной и полковой артиллерии. По сравнению с маем 1940 г., например, было дополнительно сформировано 11 отдельных дивизионов и 2 батареи самоходных артиллерийских (штурмовых) орудий РГК, 14 моторизованных истребительно-противотанковых дивизионов РГК (из них 8 были на самоходных установках), 4 полка химических (реактивных) шестиствольных минометов⁹⁹.

Достижению качественного превосходства немецких войск над советскими должно было способствовать привлечение нового вооружения, обладавшего более высокими тактико-техническими данными, чем в кампаниях в Польше или на западе. Новые виды оружия и военной техники, поступившие на вооружение действующей армии к 22 июня 1941 г., включали: противотанковые орудия (50-мм), счетверенные зенитные установки (20-мм), шестиствольные минометы (158,5-мм), штурмовые орудия с 75-мм пушкой (в период французской кампании имелись лишь отдельные экземпляры) и др.¹⁰⁰

По сравнению с французской кампанией в танковых соединениях, предназначенных для нападения на СССР, количество средних танков увеличилось в 2,7 раза: с 627 до 1,7 тыс. Причем танки Т-III в своем подавляющем большинстве были оснащены вместо 37-мм пушек 50-мм. Средние танки составили 44% от общего количества машин, выделенных для нападения на СССР. Если же к ним добавить еще 250 штурмовых орудий, которые по тактико-техническим данным соответство-

вали средним танкам, то доля средних танков возрастает до 50%. В ходе же западной кампании она равнялась всего 24,5%¹⁰¹.

Располагая данными о превосходстве Красной Армии в танках, немецкое командование уделило первостепенное внимание насыщению своих войск противотанковыми средствами. На вооружение противотанковых частей и подразделений с конца 1940 г. стали поступать 50-мм противотанковые пушки и тяжелые 28-мм противотанковые ружья. Истребительно-противотанковый дивизион пехотной дивизии стал моторизованным. По сравнению с 1940 г. количество противотанковых орудий (без учета трофейных) увеличилось на одну пятую, а противотанковых ружей – более чем в 20 раз. Кроме того, на вооружении находились чешские противотанковые пушки калибра 37 и 47 мм. Часть из них была смонтирована на самоходных лафетах. С помощью всех этих средств военное руководство Германии надеялось полностью нейтрализовать действия советских танков¹⁰².

В ВВС главный упор делался на достижение качественного и количественного превосходства над советской авиацией. К началу 1941 г. был увеличен выпуск самолетов, хорошо зарекомендовавших себя в ходе западной кампании, осуществлена их модификация. Большое внимание уделялось подготовке ВВС для нанесения ударов по советским аэродромам, для чего были расширены возможности ведения воздушной разведки. Из 3664 боевых самолетов, выделенных германским командованием для обеспечения операции "Барбаросса" 623 (17%) составляли разведывательные¹⁰³. Их доля была в несколько раз выше, чем в советских ВВС. Для укрепления взаимодействия немецкой авиации с наземными войсками в декабре 1940 г. было принято решение о создании эскадрилий ближней разведки, причем для операции "Барбаросса" выделялось 56 таких эскадрилий, которые придавались сухопутным войскам, из них 20 эскадрилий – для обеспечения действий бронетанковых сил. Кроме того, сухопутные войска получили 16 эскадрилий дальней разведки, в том числе 3 эскадрильи ночной разведки¹⁰⁴.

Сухопутным войскам в оперативном отношении были подчинены многие части зенитной артиллерии, организационно входившей в состав люфтваффе. Всего армиям и танковым группам, задействованным в операции "Барбаросса", был придан 51 зенитный артдивизион, что обеспечивало более эффективную противовоздушную оборону сухопутных войск¹⁰⁵.

Важное значение для обеспечения качественного превосходства вермахта имела оперативная и боевая подготовка, проводившаяся с лета 1940 г. Сроки индивидуальной подготовки были увеличены: в армии резерва они составляли для рядовых не менее восьми недель, а в действующей армии – не менее трех месяцев. Боевая подготовка в зимний период 1940/41 г. осуществлялась на основе директивы главнокомандующего сухопутными войсками Браухича от 7 октября 1940 г. Она требовала использовать зимнюю учебу таким образом, чтобы "войска были готовы выполнить любое задание Гитлера". Командующие группами армий и армиями получили указание проследить, чтобы боевой опыт в западной кампании не переоценивался и войска готовились к "борьбе всеми силами против равного противника"¹⁰⁶. Хотя в директиве открыто ничего не говорилось о войне против СССР, все содержание учебы, особенно в составе подразделений и частей, указывало на подготовку войск именно к такой войне.

Как свидетельствуют материалы боевой подготовки 4-й армии вермахта, в ее частях и подразделениях зимой 1940/41 г. отработывалось в первую очередь огневое взаимодействие всех видов оружия, особенно полкового звена, включая и приданное. Перед каждым офицером и унтер-офицером, исполнявшим обязанности командира взвода, ставилась задача изучить и уметь лично применять в бою все виды оружия своей части. При выездах в поле, на тактических занятиях и учениях особое внимание уделялось длительным маршам, причем по плохим дорогам и бездорожью, в лесистой и болотистой местности; овладению всеми средствами

разведки и увязке ее с отработкой вопросов охранения; ведению боя при слабо прикрытых или совсем открытых флангах; преодолению водных преград, заболоченных и труднопроходимых участков местности; ведению боя в лесу и населенных пунктах; созданию и удержанию опорных пунктов при встрече с превосходящими силами противника и т.д.¹⁰⁷

Для занятий с солдатами, призванными осенью 1940 г., привлекались офицеры и унтер-офицеры, участвовавшие ранее в боевых действиях. Если таковых не было в собственной части, их приглашали из соседних частей и даже соединений. В части и подразделения поступали специальные разработки по распространению боевого опыта¹⁰⁸. Отдел генштаба ОКХ по изучению иностранных армий Востока на основе финских данных подготовил обзор "Из опыта русско-финской войны", который по указанию главнокомандующего сухопутными войсками в октябре был направлен в нижестоящие штабы вплоть до дивизии. В обзоре обобщалась тактика советских войск в наступлении и обороне, приводились конкретные примеры их действий, сопровождаемые всесторонней оценкой. В частности, обращалось внимание на умение красноармейцев быстро и основательно окапываться. Подчеркивалось, что обычно финны достигали успеха тогда, когда контратаковали остановившегося противника сразу, не давая ему закрепиться. Сломить упорство советских войск в обороне, отмечалось в отчете, позволяли ее небольшая глубина, неумелое использование русскими местности, плохая маскировка. В отчете обращалось внимание на однообразие и большую продолжительность советской артиллерийской подготовки, что давало финнам возможность вовремя выводить свои части из-под обстрела, а затем возвращать их на старые позиции в полной готовности к отражению атаки. Указывались также многие недостатки советского командования в организации наступления: плохая разведка, демаскирующий шум моторов танков в выжидательных районах, отсутствие четкого взаимодействия и т.д. Командование вермахта с полным основанием предполагало, что опыт советско-финской войны будет с пользой применен при подготовке собственных войск к операции "Барбаросса"¹⁰⁹.

В обучении летного состава ВВС первостепенное внимание обращалось на совершенствование выучки экипажей, приобретение ими опыта и навыков по организации навигационного обеспечения боевых полетов на востоке. В начале 1941 г. авиационным корпусам на западе было дано указание сократить действия против Англии до такой степени, чтобы полностью восстановить свою боеспособность к началу операции "Барбаросса". С этого момента немецкая авиация совершала налеты в основном только на ближние объекты, имевшие слабую противовоздушную оборону, с тем чтобы полностью избежать потерь и одновременно приобрести боевой опыт¹¹⁰.

Немало сил было потрачено на специальную подготовку командного состава к "восточному походу". Важнейшей ее формой явились многочисленные командно-штабные учения. Они проводились на всех уровнях и весьма тщательно готовились. Основной их задачей, как указывалось, например, в разработке 2-й армии на командно-штабное учение от 10–13 марта 1941 г., было "развитие оперативного мышления офицеров"¹¹¹.

Генеральный штаб сухопутных войск требовал учить офицеров умело вести разведку, заботиться об организации взаимодействия между родами войск, соседями и с авиацией, быстро реагировать на изменение боевой обстановки, рационально использовать имеющиеся силы и средства, заблаговременно готовиться к борьбе с танками и авиацией противника.

К 22 июня 1941 г. руководство вермахта сумело полностью обеспечить квалифицированными командными кадрами войска, предназначенные для нападения на СССР, и создать необходимый резерв офицеров: для каждой из трех групп армий, например, он состоял из 300 человек. Наиболее квалифицированные командные кадры направлялись в соединения, предназначенные для действий на главных

направлениях. Так, в составе танковых, моторизованных и горнострелковых дивизий кадровые офицеры составляли 50% всего офицерского корпуса, в пехотных дивизиях, прошедших переукомплектование в конце 1940 – начале 1941 г., – 35, а в остальных дивизиях – 10 (90% приходилось на офицеров-резервистов)¹¹².

Готовясь к "восточному походу" германское командование много внимания уделяло заблаговременной организации материально-технического обеспечения войск, особенно согласованному и эффективному использованию всех видов транспорта для подвоза войскам всего необходимого. Считалось, что в первые недели операции "Барбаросса" подвоз должен почти полностью быть обеспечен автотранспортом. Поэтому грузоподъемность "большого транспортного парка" (автотранспортные полки и батальоны), находившегося непосредственно в распоряжении генерал-квартирмейстера сухопутных войск, была увеличена по сравнению с весной 1940 г. с 20 тыс. до 45 тыс. т. Наряду с автотранспортом для снабжения войск было подготовлено 15 тыс. гужевых повозок с ездовыми. Были усилены также железнодорожные войска, проведена подготовка к перешивке советской железнодорожной колеи на европейскую и к эксплуатации головных участков без предварительной перешивки колеи. Для этого были созданы грузовые автодрезины, которые одновременно могли тянуть по три товарных вагона. В штабах многое делалось для того, чтобы обеспечить упорядоченное использование транспорта. Предполагалось после перехода вермахта в наступление держать свободными автомобильные дороги в Германии и Польше¹¹³.

Все мероприятия по качественному совершенствованию вермахта военно-политическое руководство третьего рейха намерено завершить приблизительно к середине мая 1941 г. Выступая на совещании высшего командования 5 декабря 1940 г., Гитлер заверил присутствующих: "Весной мы будем иметь явное превосходство в командном составе, материальной части, войсках. У русских все это будет, несомненно, более низкого качества"¹¹⁴.

Анализ состояния вермахта к моменту нападения на СССР показывает, что его командованию удалось выполнить поставленную задачу по всем основным параметрам. В качественном отношении он стал более совершенным, чем год назад, когда сумел одержать быструю победу на западе. Причем вся подготовка осуществлялась в соответствии с концепциями молниеносной войны. Но именно они и обусловили не только сильные, но и слабые стороны состояния вооруженных сил Германии. Немецкие войска преднамеренно готовились к ведению только маневренной, быстротечной войны и плохо были подготовлены к преодолению упорной позиционной обороны.

Одновременно с реформированием, увеличением численности и качественным совершенствованием вооруженных сил руководство Германии с лета 1940 г. стало уделять исключительное внимание оборудованию будущего театра военных действий. Вся территория Восточной Пруссии, Польши, а несколько позже Румынии, Венгрии и Словакии начала усиленно подготавливаться для стратегического развертывания сухопутных войск и ВВС. Чтобы сосредоточить огромное количество личного состава и военной техники в приграничных с СССР районах, создать им условия, необходимые для успешных боевых действий, требовались развитая сеть железных и шоссейных дорог, большое количество аэродромов, разветвленная сеть связи, помещения и площадки для размещения материально-технических средств, санитарно-ветеринарных и ремонтных служб, полигоны, казармы, развитая система противовоздушной обороны и т.д.

В соответствии с общегосударственной программой "Отто" в восточной части Германии и Польше с лета 1940 г. велись строительные и ремонтные работы на десяти основных железнодорожных линиях, идущих с запада на восток – к границам Советского Союза, и на четырех рокадных линиях – в направлении с севера на юг. Несколько позже к ним были подключены еще две железнодорожные линии в

Словакии¹¹⁵. Сооружались новые разъезды на железнодорожных линиях, запасные пути на станциях, новые водозаправочные пункты, склады для топлива, ремонтировались насосные станции, на них устанавливалось более совершенное оборудование, расширялись старые и строились новые паровозные депо, обновлялась телефонная и телеграфная связь. Все железнодорожные мосты, временно действовавшие после окончания польской кампании как однопутные, перестраивались на двухпутные. На ряде участков усиливалось железнодорожное полотно. В результате пропускная способность железных дорог, идущих через восточную границу Германии, увеличилась с 84 поездов в сутки (летом 1940 г.) до 220 поездов (в июне 1941 г.). Теперь железнодорожная сеть могла обеспечивать прибытие из Германии в пограничную полосу СССР – от Балтийского моря до Венгрии – ежедневно до семи дивизий¹¹⁶.

Оборудование инфраструктуры на Восточном ТВД включало работы по проходимости шоссейных дорог: повышалась грузоподъемность мостов, расширялось полотно дорог (не менее чем до 7 м), увеличивалась высота путепроводов (до 3,5 м)¹¹⁷.

Важное место занимали развертывание пунктов материально-технического снабжения и сети связи, создание ремонтной и санитарно-ветеринарной баз. Уже к концу 1940 г. в восточной части рейха было создано 187 стационарных складов боеприпасов, горюче-смазочных материалов и других видов военного имущества¹¹⁸, а с марта 41-го тыловые службы сухопутных войск и ВВС начали пополнять запасы этих складов до норм, рассчитанных на войну против СССР. Например, к 20 июня количество боеприпасов в тыловом округе группы армий "Север" было доведено до 68 тыс. т, группы армий "Центр" – до 127 тыс. т, группы армий "Юг" – до 84 тыс. т¹¹⁹.

Особое значение придавалось созданию ремонтных баз и складов с запасными частями для танков. На складах групп армий к началу "восточного похода" планировалось иметь в среднем 400 т запасных частей на каждую танковую группу. Были созданы две танкоремонтные базы: одна – для немецких, другая – для танков чешского производства. Предусматривалась заранее подготовка ремонтных баз для танковых дивизий, выводимых с фронта для пополнения¹²⁰.

В рамках подготовки медико-санитарной базы к 25 марта 1941 г. уже было подготовлено 50 тыс. коек в этапных военных госпиталях. Еще предполагалось иметь 38 санитарных поездов для вывоза раненых из полевых госпиталей в Германию¹²¹.

На побережье Балтийского моря к лету 1941 г. были организованы две основные базы снабжения водным транспортом: одна – в Мемеле (Клайпеде), вторая – в Кенигсберге (Калининграде). Для перевозок по Неману дополнительно создавались отряды речных судов¹²².

Зимой и весной 1941 г. в Восточной Пруссии, в 1 км восточнее города Рас-тенбурга (Кентшина), военизированной строительной организацией Ф. Тодта был сооружен стационарный командный пункт для верховного командования – "Вольфшанце" ("Волчье логово"). Он представлял собой окруженный колючей проволокой и минными полями участок лесного массива, на котором располагались тщательно замаскированные железобетонные бункеры, наполовину ушедшие в землю, и постройки барачного типа. В бункерах были оборудованы кабинеты для высшего руководства Германии, сотрудников штаба ОКВ и генерального штаба ОКХ, размещался крупный подземный узел связи. Генеральным штабом ОКХ для управления войсками был сформирован специальный командный поезд на мототяге. Он включал 30 штабных вагонов¹²³. Кроме того, созданная система управления обеспечивала радио- и проводную связь групп армий от их командных пунктов к штабам всех армий и танковых групп. В Кенигсберге была организована комендатура связи, через которую осуществлялось использование стационарных установок проводной связи германской имперской почты¹²⁴.

В Восточной Пруссии и генерал-губернаторстве (Польше) разместились специальные органы и части, предназначенные для ведения агентурной и диверсионной работы на советской территории. К июню 1941 г. управление германской военной разведки и контрразведки (абвер) сформировало три так называемых фронтовых руководящих центра, функционально соответствовавших трем главным отделам абвера – разведки, диверсий и контрразведки. Были подготовлены для использования в диверсионных целях специальные отряды ("легионы"): "Нахтигаль" и "Роланд" – из западных украинцев, "Эрна" – из эстонцев и другие¹²⁵.

С начала 1941 г. на территории Восточной Германии, генерал-губернаторства, Румынии и Северной Норвегии интенсивно осуществлялось строительство, усовершенствование и расширение аэродромной сети, создание баз снабжения и пунктов материально-технического, метеорологического и другого обеспечения авиационных частей. Строительные и ремонтные работы маскировались под видом мероприятий по расширению сети летных школ и частей резерва для действующих на западном фронте авиационных соединений. Из соображений секретности на многих работах запрещалось использование труда польских рабочих. На особо секретных объектах действовали только строительные батальоны ВВС и отряды организации Ф. Тодта. Вблизи границы с СССР работы велись лишь в ночное время. К июню 1941 г. основные подготовительные мероприятия для передислокации ВВС на восток завершились. На территории самой Германии было оборудовано более 250 аэродромов и 160 посадочных площадок. В генерал-губернаторстве были восстановлены или построены вновь 100 аэродромов и 50 посадочных площадок¹²⁶.

Для каждого из воздушных флотов, которые должны были принять участие в войне против СССР, в восточных районах были подготовлены две базы материально-технического обеспечения. Например, для 2-го воздушного флота, который взаимодействовал с группой армий "Центр", северная база располагалась в районе Сувалки, а южная – в районе Бяла-Подляска. На каждой из них имелись авиационные бомбы, боеприпасы для авиационных пушек, пулеметов и зенитных орудий, около 15 тыс. бочек горюче-смазочных материалов, а также продовольствие, запасные части для самолетов и зенитной артиллерии, средства маскировки, строительные материалы для сооружения аэродромов и дорог. Наличные запасы должны были обеспечить не менее чем пятидневную боевую потребность воздушного флота¹²⁷.

Одним из элементов подготовки Восточного ТВД явилось обеспечение войск топографическими и географическими картами, обзорами и описаниями предстоящих районов боевых действий, изучение этих материалов штабами и командным составом. К июню 1941 г. были подготовлены и изданы типографским способом описание рек на западной границе СССР, серия из восьми обзоров с картами под общим названием "Военно-географические данные о европейской части России", военно-географическое описание Кавказа и Черноморского побережья СССР и других районов¹²⁸.

В числе карт, поступивших в германские войска к началу "восточного похода", были и такие, которые отражали расположение советской авиационной промышленности, железнодорожной сети европейской части СССР, важнейших сельскохозяйственных районов, мест добычи сырьевых ресурсов, объектов военной промышленности СССР на 1 марта 1941 г., нефтеперерабатывающих заводов и крупных складов горюче-смазочных материалов и т.д. Все эти материалы широко использовались штабами и командным составом вермахта.

Заблаговременная и всесторонняя подготовка Восточного ТВД позволила Германии обеспечить быстрое и сравнительно скрытное сосредоточение и развертывание своих вооруженных сил у западной границы СССР, а также своевременное и достаточное для них необходимое материально-техническое и продовольственное снабжение.

В реальной обстановке 30-х годов угроза войны непрерывно нарастала. Политическая доктрина Германии была нацелена на захват путем вооруженного насилия общеевропейского, а в дальнейшем и мирового господства. К этому времени милитаризованная экономика третьего рейха превратилась в самодовлеющий фактор, требовавший "прыжка в войну", а вермахт резко опередил в военно-техническом отношении армии западных держав. Союз СССР с Англией и Францией мог стать надежным средством предотвращения мировой войны, но для его реализации необходимы были следующие условия: осознание угрозы, нависшей над человечеством; взаимное доверие и уверенность, что каждый из союзников выполнит свои обязательства; их совместная решимость остановить агрессоров; поддержка малыми и средними государствами Европы, а также США союза Англии, Франции и СССР. Увы, ничего этого не было, а возможности противостоять агрессии в ходе политического кризиса 1939 г. были упущены. В этих условиях предотвратить войну оказалось невозможным.

Война явилась результатом господства тоталитаризма с его установками примата насилия над политикой и одновременного попустительства агрессору со стороны правительств западных демократий. Противоречия правящих кругов великих держав на международной арене оказались сильнее подлинно национальных интересов народов. Политический аморализм, циничный прагматизм возобладали над разумной нравственной политикой.

Нацистское руководство Германии всегда рассматривало Советский Союз как своего потенциального врага. Оно с готовностью восприняло уже давно зародившуюся у германских империалистических кругов идею о необходимости расширения "жизненного пространства" немцев на восток за счет захвата СССР и прилегающих к нему стран. Однако оно сознавало силу Советского Союза и могло пойти на открытый вооруженный конфликт с ним только после укрепления своих позиций в Западной Европе. Это произошло после разгрома англо-французской коалиции. С этого момента началась целенаправленная подготовка похода вермахта на восток. Она осуществлялась приблизительно в течение одного года и основывалась на опыте, приобретенном вермахтом в ходе польской, французской, балканской кампаний. Главную ставку в предстоящем "восточном походе" гитлеровское руководство делало на качественное превосходство германских вооруженных сил над советскими и быстротечный характер войны. О затяжной войне с Советским Союзом Германия даже не помышляла. В этом сказалась авантюристичность планов блицкрига, переоценка Берлином своих возможностей и недооценка возможностей СССР.

Разгром и порабощение Советского Союза, полагало нацистское руководство, обеспечат владение всей континентальной Европой, превращение Германии в государство, позиции которого уже никто не сможет поколебать. Поэтому "восточный поход" должен был стать решающим этапом в превращении установленного нацистами режима в "тысячелетний рейх". Ни у Гитлера, ни у его ближайшего окружения не возникало никаких сомнений относительно успеха его армий в войне против СССР.

Задачей советского руководства летом 1939 г. было не позволить втянуть СССР в войну, которая вот-вот должна была развернуться в Европе. Договор с Германией о ненападении обеспечивал, по расчетам советского правительства, положение надежнее, чем неопределенная перспектива зыбкого союза с западными державами. Однако скоро выяснилось, что договор не снял спорных политических вопросов, геополитических и стратегических проблем между СССР и Германией. Угроза конфликта сохранялась. Поэтому, оставшись вне военного пожара, охватившего Европу, руководство Советского Союза прилагало все усилия к тому, чтобы лучше подготовить страну к вступлению в войну.

- ¹ *Rauschning H.* Gespräche mit Hitler. N.Y., 1940. P. 112.
- ² *Ibid.* P. 42.
- ³ См.: "Совершенно секретно! Только для командования". Стратегия фашистской Германии в войне против СССР: Документы и материалы. М., 1967. С. 111–115.
- ⁴ Дневник посла Додда, 1933–1938 / Пер. с англ. М., 1961. С. 315.
- ⁵ Коммунистический Интернационал в документах: Решения, тезисы и воззвания конгрессов Коминтерна и пленумов ИККИ, 1919–1932. М., 1933. С. 811.
- ⁶ *Сталин И.В.* Соч. М., 1949. Т. 12. С. 189.
- ⁷ См.: Документы внешней политики СССР. М., 1976. Т. 20. С. 764–765.
- ⁸ Documents of German Foreign Policy. L., 1962. Vol. 4. P. 952. (Далее: DGFP).
- ⁹ Цит. по: *Марушкин Б.И.* Американская политика "невмешательства" и японская агрессия в Китае, 1937–1939. М., 1957. С. 30–31.
- ¹⁰ См.: Документы и материалы кануна второй мировой войны, 1937–1939. М., 1981. Т. 1. С. 35.
- ¹¹ Цит. по: *Niedhart G.* Grossbritannien und Sowjetunion, 1934–1939. München, 1972. S. 238.
- ¹² Цит. по: *Namier L.B.* Europe in Decay. L., 1950. P. 10–11.
- ¹³ *Welles S.* Seven Decisions that Shaped History. N.Y., 1950. P. 251.
- ¹⁴ *Ibid.* P. 251.
- ¹⁵ *Shuman F.L.* Soviet Politics. At Home and Abroad. N.Y., 1947. P. 282.
- ¹⁶ Причины возникновения второй мировой войны. М., 1982. С. 184.
- ¹⁷ Документы и материалы кануна второй мировой войны, 1937–1939. Т. 1. С. 42.
- ¹⁸ См.: Причины возникновения второй мировой войны. С. 23.
- ¹⁹ *Bell F.* The Origin of the Second World War in Europe. L.; N.Y., 1987. P. 235.
- ²⁰ См.: Страны Центральной и Юго-Восточной Европы во второй мировой войне: Воен.-ист. справочник. М., 1972. С. 216.
- ²¹ Там же. С. 218.
- ²² Paris Match. 1988. 11 mars.
- ²³ Цит. по: *Шипер У.* Взлет и падение третьего рейха / Пер. с англ. М., 1991. Т. 1. С. 461.
- ²⁴ Paris Match. 1988. 11 mars.
- ²⁵ См.: История второй мировой войны, 1939–1945. М., 1974. Т. 2. С. 106–107.
- ²⁶ 1939 год: Уроки истории. М., 1990. С. 219.
- ²⁷ *Laffan R.* Survey of international Affairs. 1938. L., 1951. Vol. II. P. 277–278; *Roberts G.* The Unholy Alliance. L., 1989. P. 90.
- ²⁸ Цит. по: Paris Match. 1988. 11 mars.
- ²⁹ Цит. по: *Шипер У.* Указ. соч. С. 457.
- ³⁰ Там же. С. 472.
- ³¹ Локарнская конференция проходила с 5 по 16 октября 1925 г. В ней участвовали Англия, Франция, Германия, Италия, Бельгия, Чехословакия и Польша. Принятый на ней Рейнский гарантийный пакт предусматривал неприкосновенность границ Германии с Францией и Бельгией, но не ограничивал Германию какими-либо обязательствами на восточных границах.
- ³² Область Закарпатской Украины, отторгнутая Венгрией у Чехословакии по Мюнхенскому соглашению 1938 г.
- ³³ Parliamentary Debates. House of Commons. 1939. Vol. 345. Col. 2507–2508.
- ³⁴ Цит. по: История второй мировой войны, 1939–1945. Т. 2. С. 130.
- ³⁵ Documents of British Foreign Policy. Third Ser. L., 1962. Vol. V. P. 646.
- ³⁶ Akten zur deutschen auswärtigen Politik. Serie D. Baden-Baden, 1956. Bd. 6. S. 407.
- ³⁷ Цит. по: 1939 год: Уроки истории. С. 485.
- ³⁸ Там же. С. 341.
- ³⁹ См.: *Черчилль У.* Вторая мировая война. М., 1991. Кн. 1. С. 180.
- ⁴⁰ Документы внешней политики СССР, 1939. М., 1992. Т. XXII, кн. 1. С. 647.
- ⁴¹ Цит. по: *Фляйшхауэр И.* Пакт. Гитлер, Сталин и инициатива германской дипломатии, 1938–1939 / Пер. с нем. М., 1991. С. 296.
- ⁴² См.: Оглашению подлежит. СССР–Германия, 1939–1941: Документы и материалы. М., 1991. С. 197. (Далее: Оглашению не подлежит...)
- ⁴³ Коминтерн: Опыт, традиции и уроки. М., 1989. С. 21–22.
- ⁴⁴ Оглашению подлежит... С. 105, 112.

- 45 См.: *Дашичев В.И.* Банкротство стратегии германского фашизма: Исторические очерки. Документы и материалы. М., 1973. Т. 1. С. 389.
- 46 См.: Оглашению подлежит... С. 114.
- 47 *Manerheim G.* Muistelwat. Helsinki, 1952. S. 376.
- 48 Гриф секретности снят: Потери Вооруженных Сил СССР в войнах, боевых действиях и военных конфликтах. М., 1993. С. 104–105, 122.
- 49 *Manninen J.* Suomi toissesa maailmansodassa // Suomen historia. № 7. S. 414.
- 50 *Menger M.* Deutschland und Finland im Zweiten Weltkrieg. Berlin, 1988. S. 55–57.
- 51 Цит. по: *Орлов А.С.* Третий рейх и третий Рим, 1933–1941. М., 1993. С. 186.
- 52 Там же.
- 53 Public Record Office. Cab. 65/7. P. 255.
- 54 См.: Полпреды сообщают... Сборник документов об отношениях СССР с Латвией, Литвой и Эстонией. Август 1939 – август 1940 г. М., 1990. С. 470.
- 55 См.: 1940 год в Эстонии: Документы и материалы. Таллин, 1989. С. 131.
- 56 Архив внешней политики РФ. Ф. 048. Оп. 21в. Д. 5. Л. 150–151. (Далее: АВП РФ).
- 57 Цит. по: Правда. 1940. 29 июня.
- 58 Там же.
- 59 Цит. по: Оглашению подлежит... С. 197.
- 60 *Nazi-Soviet Relations, 1939–1945.* N.Y., 1948. P. 163.
- 61 См.: Оглашению подлежит... С. 202.
- 62 *Nazi-Soviet Relations.* P. 180–183, 190–196.
- 63 АВП РФ. Ф. 06. Оп. 2. Д. 273. Л. 39.
- 64 Там же.
- 65 См.: *Бережков В.* С дипломатической миссией в Берлин, 1940–1941. М., 1966. С. 33.
- 66 DGFP. Ser. D. Vol. XI. S. 562–570.
- 67 См.: Оглашению подлежит... С. 287–289.
- 68 *Woodward L.* British Foreign Policy in the Second World War. L., 1970. Vol. 1. P. 146.
- 69 *Read A., Fisher D.* The deadly Embrace: Hitler, Stalin and Nazy-Soviet Pact 1939–1941. L., 1988. P. 539.
- 70 См.: Внешняя политика СССР: Сборник документов. М., 1946. Т. 4. С. 547.
- 71 Правда. 1941. 13 января.
- 72 Оглашению подлежит... С. 301.
- 73 Внешняя политика СССР. Т. 4. С. 548.
- 74 L'Еpoque. 1940. 25, 26 mai.
- 75 АВП РФ. Ф. 82. Оп. 24. Д. 68. Л. 102–105.
- 76 *Klee K.* Das Unternehmen "Seelöwe": Die geplante Landung in England 1940. Göttingen, 1958. S. 189; "Unternehmen Barbarossa": Der deutsche Überfall auf die Sowjetunion, 1941: Berichte, Analysen, Dokumente. Paderborn, 1984. S. 94.
- 77 Цит. по: *Speer A.* Erinnerungen. Frankfurt a/M., 1969. S. 188.
- 78 См.: *Гальдер Ф.* Военный дневник / Пер. с нем. М., 1969. Т. 2. С. 29.
- 79 Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg. Stuttgart, 1983. Bd. 4. S. 4–5.
- 80 Kriegstagebuch des Oberkommandos der Wehrmacht. Frankfurt a/M., 1965. Bd. 1. S. 258. (Далее: КТВ/ОКВ).
- 81 *Irving D.* Hitlers Krieg: Die Siege, 1939–1942. München, 1983. S. 202.
- 82 "Unternehmen Barbarossa". S. 96–97.
- 83 Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg. Bd. 4. S. 10, 12.
- 84 *Janssen G.* Ministerium Speer. Frankfurt a/M., 1968. S. 334.
- 85 КТВ/ОКВ. Bd. 1. S. 176.
- 86 "Unternehmen Barbarossa". S. 105.
- 87 По имени германского императора Фридриха I Барбароссы, т.е. Рыжебородого (1152–1190 гг.), склонного, как и Гитлер, к завоеваниям и утонувшего в самом начале третьего крестового похода при переправе через одну из рек Малой Азии.
- 88 Преступные цели гитлеровской Германии в войне против Советского Союза: Документы и материалы. М., 1987. С. 42–46.
- 89 *Hillgruber A.* Hitlers Strategie: Politik und Kriegsführung, 1940–1941. München, 1982. S. 520–577.
- 90 *Гальдер Ф.* Указ. соч. Т. 2. С. 576–577.

- ⁹¹ Fall Barbarossa: Dokumente zur Vorbereitung der Faschistischen Wehrmacht auf die Aggression gegen die Sowjetunion (1940/41). Berlin, 1970. S. 202–210. (Далее: Fall Barbarossa).
- ⁹² Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg. Stuttgart, 1988. Bd. 5/1. S. 586, 959.
- ⁹³ Ibid. S. 874–875.
- ⁹⁴ См.: *Мюллер-Гиллебранд Б.* Сухопутная армия Германии, 1933–1945 / Пер. с нем. М., 1958. Т. 2. С. 105, 239.
- ⁹⁵ Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg. Bd. 4. S. 261.
- ⁹⁶ См.: *Мюллер-Гиллебранд Б.* Указ. соч. Т. 2. С. 104.
- ⁹⁷ Там же. С. 101.
- ⁹⁸ Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg. Bd. 4. S. 264.
- ⁹⁹ Подсчитано по: *Мюллер-Гиллебранд Б.* Указ. соч. Т. 2. С. 151, 168–170, 215.
- ¹⁰⁰ См.: Там же. Т. 2. С. 141–143; *Hahn F.* Waffen und Geheimwaffen des deutschen Heeres, 1933–1945. Koblenz, 1986. Bd. 1. S. 187.
- ¹⁰¹ Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg. Bd. 4. S. 185; *Senger und Etterlin F.M.* Die deutschen Panzer, 1926–1945. München, 1965. S. 346.
- ¹⁰² См.: *Мюллер-Гиллебранд Б.* Указ. соч. Т. 2. С. 147.
- ¹⁰³ Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg. Bd. 4. S. 313.
- ¹⁰⁴ Ibid. S. 303.
- ¹⁰⁵ Militärarchiv der DDR. WF–10/2829. Bl. 850.
- ¹⁰⁶ Fall Barbarossa. S. 239–241.
- ¹⁰⁷ Ibid. S. 233–236.
- ¹⁰⁸ Ibid. S. 234–235.
- ¹⁰⁹ Militärarchiv der DDR. WF–03/5669. Bl. 703–712.
- ¹¹⁰ Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg. Bd. 4. S. 278–279.
- ¹¹¹ Militärarchiv der DDR. WF–03/24215. Bl. 713–714, 833–836.
- ¹¹² Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg. Bd. 4. S. 271.
- ¹¹³ См.: *Мюллер-Гиллебранд Б.* Указ. соч. Т. 2. С. 107–108; *Гальдер Ф.* Указ. соч. Т. 2. С. 417.
- ¹¹⁴ *Гальдер Ф.* Указ. соч. Т. 2. С. 282.
- ¹¹⁵ Militärarchiv der DDR. WF–10/22750. Bl. 432; WF–10/22774. Bl. 160; WF–10/22775. Bl. 331–333.
- ¹¹⁶ Fall Barbarossa. S. 129; *Pottgiesser H.* Die Deutsche Reichsbahn im Ostfeldzug, 1939–1944. Neckargemünd, 1960. S. 23.
- ¹¹⁷ Militärarchiv der DDR. WF–10/22774. Bl. 183–184.
- ¹¹⁸ Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации. Ф. 8. Оп. 11624. Д. 28. Л. 1–27. (Далее: ЦАМО).
- ¹¹⁹ Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg. Bd. 4. S. 254.
- ¹²⁰ См.: *Гальдер Ф.* Указ. соч. Т. 2. С. 552.
- ¹²¹ Там же. С. 419.
- ¹²² Там же. С. 539.
- ¹²³ Там же. С. 566.
- ¹²⁴ См.: Сборник военно-исторических материалов Великой Отечественной войны. М., 1960. Вып. 18. С. 203–218.
- ¹²⁵ См.: *Гальдер Ф.* Указ. соч. Т. 2. С. 532, 570, 575, 576.
- ¹²⁶ Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg. Bd. 4. S. 304–305.
- ¹²⁷ Militärarchiv der DDR. WF–10/0315609. Bl. 226–230.
- ¹²⁸ ЦАМО. Ф. 500. Оп. 12452. Д. 330. Л. 1–25; Д. 335, 336, 1251. Л. 1–97.

СССР: СИЛА И СЛАБОСТЬ

К середине 1941 г. вторая мировая война не только охватила Западную и Юго-Восточную Европу, но и распространилась на Африканский континент. Шли интенсивные военные действия на море, набирала силу воздушная война. Советский Союз, формально не участвуя в схватке, активно реализовывал собственные геополитические интересы. Были введены войска в Западную Белоруссию, Западную Украину, в Прибалтийские республики, Бессарабию и Северную Буковину. В результате советско-финляндской войны северо-западная граница СССР была отодвинута от Ленинграда.

Рост масштабов военно-политических событий, в особенности быстрый разгром французских и английских войск летом 1940 г., свидетельствовал о неизбежности в скором будущем столкновения СССР с Германией. Правительство СССР четко осознавало необходимость скорейшего наращивания темпов подготовки советского государства, всего общества к войне. Стремление партийно-государственного руководства ускорить отмобилизацию экономики, радикально перестроить вооруженные силы, убедить общественность в неотвратимости нависшей над страной угрозы вытекало из международной ситуации, тем более что еще в конце 1940 г. Москве было доподлинно известно о решении Гитлера форсировать подготовку к войне против СССР.

Реализация мер по подготовке страны к войне, особенно в области военного строительства, проходила в сложных условиях. С одной стороны, властям удалось поднять энтузиазм широких народных масс. С другой – эта работа осуществлялась в условиях жесткой борьбы в ключевых звеньях партийного и государственного аппарата. Обстановка страха и неуверенности тормозила полезную инициативу и самостоятельность действий на всех уровнях руководства, часто приводила к необоснованным, ошибочным решениям, а также создавала почву для ведомственно-бюрократических интриг, злоупотреблений и произвола.

На всем этом сказывались последствия двух предыдущих десятилетий социального экспериментирования на одной шестой части суши. Развернувшаяся культурная революция способствовала значительному повышению уровня грамотности народа, появлению подготовленных специалистов в технической и гуманитарной областях. Но одновременно страна лишалась старой национальной интеллигенции, лучших представителей православного духовенства, зажиточного крестьянства, профессионального командного состава армии, квалифицированных государственных чиновников и т.д. Тем не менее одоление превратностей исторической судьбы, воссоздание, зачастую в худшем виде, традиций централизованной жесткой государственной власти, подготовка страны и народа к большой войне стали возможными в силу особенностей партийно-государственного развития СССР в предвоенные годы.

ОСОБЕННОСТИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ ПЕРЕД ВОЙНОЙ

Еще в середине 30-х годов процессы формирования в СССР основных институтов власти и управления, а также его правоохранительных органов получили свое юридическое оформление. Новый Основной Закон государства, принятый в 1936 г., провозглашал установление народовластия в лице Советов депутатов трудящихся. Однако уже тогда четко просматривалась тенденция к нарастанию всевластия верхнего эшелона партийно-государственного аппарата в центре и на местах. В структурах власти и управления все полномочия были сконцентрированы в руках узкого круга должностных лиц, а механизм участия рядовых коммунистов, не говоря уже о простых трудящихся, в управлении государственными и общественными делами на практике был сведен до уровня обязательной поддержки принимаемых руководством решений. Фактически правил страной управленческо-бюрократический аппарат.

Роль и значение ВКП(б), функционирование ее аппарата на различных структурных уровнях, взаимоотношения с государством и обществом представляли в то время сложную и противоречивую картину.

В предвоенный период глубинной тенденцией явилось интенсивное сращивание партии с государством. Конституция 1936 г. впервые очертила прерогативы ВКП(б). Она представила партию в неюридических терминах "руководящего ядра всех организаций трудящихся, как общественных, так и государственных"¹. Ее взаимоотношения с органами власти определяла невнятная формулировка: "партия старается руководить деятельностью советов, но не подменять их"².

По мере количественного роста производственно-территориальных коллективов трудящихся существенно увеличивалась и качественно укреплялась основа партии – первичные организации. Только за 1940 г. их число в промышленности увеличилось в 1,2, на транспорте и в связи – в 1,5, в строительстве – в 1,6 раза³. А за два последних предвоенных года (1939–1940 гг.) количество колхозных парторганизаций выросло с 10 653 до 29 723⁴. В Красной Армии и Военно-Морском Флоте за это же время парторганизации увеличились с 5426 до 10 672⁵. За последние предвоенные годы (1937–1940 гг.) количество коммунистов возросло в 1,9 раза и составило 3 872 500 человек, причем в парторганизациях армии и флота – в 3,1 раза⁶. При низком общеобразовательном уровне большинства молодых коммунистов качественный потенциал парторганизаций рос за счет освежающей народно-патриотической волны, которую составляла масса наиболее честных, порядочных, трудолюбивых, исполнительных рабочих и крестьян. Основа партии оздоравливалась в нравственном отношении.

Состоявшийся в 1939 г. XVIII съезд ВКП(б) предоставил первичным партийным организациям право контролировать деятельность администрации, тем самым связав их определенной ответственностью за производство плановой государственной продукции. Этот акт отражал потребности производственной и хозяйственной номенклатуры, директорского корпуса и председателей колхозов, в частности, их заинтересованности в партии не только как в рычаге своей власти, но и как в мощном и действенном средстве повышения производительности труда.

Взаимоотношения партийного и хозяйственного руководителя всегда строго выдерживались на различных уровнях партийно-государственной иерархической пирамиды. Секретарь первичной партийной организации не имел больше прав, чем руководитель предприятия или учреждения. Он избирался, а по существу назначался с личного согласия руководителя, а его работа оценивалась прежде всего по производственным показателям того цеха, колхоза или воинского подразделения,

где функционировала возглавляемая им организация. Во второй половине 30-х годов коммунистическая партия превратилась в массовую и самую эффективную организацию, призванную обеспечивать выполнение политических и социально-экономических планов. С точки зрения проведения в жизнь указаний руководства страны этот фактор, несомненно, сыграл положительную роль как накануне войны, так и в ходе ее.

На более высоком уровне – райком и горком партии – взаимоотношения с государством были сложнее. С одной стороны, секретарь территориальной партийной организации отчетливо понимал, что оценка его работы в значительной степени зависит от деятельности хозяйственников. Ведь директора заводов и военных предприятий союзного подчинения формировали львиную долю бюджета страны, развивали и поддерживали социальную инфраструктуру городов и районов, а следовательно, с ними целесообразнее было поддерживать партнерские отношения. С другой стороны, руководитель предприятия или учреждения, особенно местного значения, являвшийся, как правило, членом партии, сам во многом зависел от секретаря райкома или горкома партии. Такая взаимная зависимость обуславливала эффективность их деятельности, так как оба они оказывались ответственными за успех или провал государственных планов и заданий. Для секретаря парторганизации области, края характерным был статус всевластного хозяина, политический престиж которого прежде всего зависел от хозяйственно-экономических показателей подчиненной ему территории.

На высшем уровне единство партийно-государственного руководства достигалось совмещением ключевых партийных и государственных постов, механизмами государственного планирования и отчетности, принятием совместных постановлений ЦК ВКП(б) и СНК СССР.

Совмещение высших партийных и государственных постов практиковалось с 1917 г., но свое полное завершение оно получило только в мае 1941 г., когда вождь партии возглавил реальную государственную власть – Совет народных комиссаров.

Государственное планирование и отчетность сосредоточивались, как правило, в отраслевых органах государственного управления – наркоматах. Коррективы, вносимые в Госплане и СНК обычно в сторону увеличения плана, существа дела не меняли. Используя процедуру согласования планов и отчетов, наркоматы проводили и отстаивали свой ведомственный интерес через собственных представителей – отделы ЦК ВКП(б), которые курировали соответствующую отрасль народного хозяйства.

Распространенной формой, определявшей содержание ведомственных интересов, являлись совместные партийно-государственные постановления. Смысл их состоял в том, что, во-первых, ведомство получало мощную поддержку высшей партийно-государственной власти, а потому для выполнения госзадания имело возможность мобилизовать не только ресурсы многочисленных смежных предприятий в других отраслях и республиках, но и параллельные структуры партийной власти как в центре, так и на местах. Во-вторых, в случае срыва сроков выполнения заказа или допущенного просчета оно приобретало возможность раскладывать ответственность на отдельных должностных лиц и целые учреждения. Так руководство данного ведомства в какой-то мере страховало себя от персональной ответственности, создавая по всей вертикали комплекс коллективной вины. Таким образом партийные структуры функционально переплетались с государственным и производственно-управленческим аппаратом.

Вскоре после XVIII съезда началось интенсивное внедрение экономических подразделений в партийные органы. В ЦК ВКП(б), а также в республиканских и местных партийных комитетах стали создаваться отраслевые отделы по промышленности, транспорту, связи, сельскому хозяйству и т.д. В некоторых обкомах число секретарей выросло с 5–6 до 16–18. Шаг за шагом выстраивалась

иерархия партийно-хозяйственных органов, превращая страну в единый политико-экономический организм, оптимальный для условий предвоенного и военного времени.

Объективное разрастание военно-политической функции системы обусловило создание в начале 1939 г. военных отделов в партийных комитетах от района и выше. В партийные структуры активно вливались и военные кадры. Так, на XVIII Всесоюзной партийной конференции (февраль 1941 г.) в состав центральных органов ВКП(б) вошли десять военачальников, в том числе начальник Генерального штаба Г.К. Жуков, начальник Главного управления политической пропаганды Красной Армии А.И. Запорожец, командующие военными округами и флотами⁷.

Сверху донизу заработал громоздкий, но достаточно эффективный бюрократический механизм, позволявший центру через партийные организации осуществлять целенаправленное руководство в интересах подготовки к войне. Но и сами государственные структуры были непосредственно заинтересованы в том, чтобы партийной централизацией и дисциплиной реализовывать идею партии как "приводного ремня" управления сложным народным хозяйством страны.

Таким образом, приняв на себя государственные, хозяйственно-экономические, административные, военные и иные обязанности, ВКП(б) окончательно трансформировалась в государственную партию. По сути, в конце 30-х годов в Советском Союзе возникла своеобразная форма общественного устройства, которую можно назвать советское партийное государство.

Его важным отличительным признаком являлось наличие обособленной группы высших должностных лиц, сосредоточивших в своих руках реальную власть. Эта правящая верхушка выделилась из членов и кандидатов в члены Политбюро ЦК. Все они занимали ключевые государственные посты. Количественный состав группы менялся в зависимости от политической конъюнктуры в верхнем эшелоне или характера проблемы, по которой необходимо было принять решение. В наиболее устойчивый состав входили четыре-шесть человек: лидер – И.В. Сталин, далее В.М. Молотов, Л.П. Берия, К.Е. Ворошилов. К ним можно также отнести Г.М. Маленкова, Л.М. Кагановича, А.А. Жданова, А.И. Микояна (временами в эту группу включались и другие видные партийные и хозяйственные работники).

Реально эти лица стояли над партией и государством и воплощали руководящее ядро политической системы, страны, общества. Политбюро, ЦК ВКП(б) и съезды партии, Верховный Совет СССР, его Президиум и СНК по существу являлись органами, которые придавали легитимность решениям правящей верхушки, облекая их в форму постановлений, законов, указов, распоряжений.

Видимо, многовековой характер развития и способ социальной организации российского геополитического пространства вызвали к жизни в преддверии мировой войны оригинальный симбиоз коммунистической партии и советского государства, как наиболее целесообразную форму общественно-политического устройства СССР. К концу 30-х годов советская партийно-государственная система выработала упрощенную, но, как оказалось, весьма органичную духовно-идеологическую концепцию, которая соединила в себе постулаты марксизма и некоторые национально-патриотические традиции русского, советского народа. Эта концепция не только обслуживала потребности новой номенклатуры, но и нашла глубинный отклик в общественном сознании своими социалистическими идеалами о всеобщем равенстве и справедливости. Народу импонировало авангардистское утверждение об исключительности первого в мире социалистического государства с перспективой превращения его в мировую республику.

По существу общественно-политическое устройство СССР, в котором партийная доктрина стала государственной идеологией, приобрело ярко выраженный идеократический характер. Его главный вектор – подготовка и поддержание общественного сознания в постоянной готовности к войне.

Духовно-идеологическая жизнь общества в 30-е годы отражала характер развития партийно-государственной системы в СССР, и в первую очередь особенности функционирования ее идеологической машины. Главной тенденцией этого периода стало постепенное возвращение к патриотическим корням, настойчивое внедрение в общественное сознание русской национально-государственной идеи, соединение патриотической идеологии с ортодоксальной коммунистической доктриной. Для этого были привлечены пропагандистские органы ВКП(б).

К концу 30-х годов сфера идеологии полностью контролировалась партийно-государственным аппаратом. На ключевые посты выдвигались лица, чья преданность руководству страны не вызывала сомнений. Эти "солдаты партии" предпочитали конкретную работу по строительству социалистического общества в СССР (в понимании 30-х годов) схоластическим политико-идеологическим дискуссиям своих предшественников из "ленинской гвардии". В центре и на местах формировалась жесткая иерархическая структура с широкими полномочиями в области всех культурных и духовных проявлений гражданского общества.

В 1938 г. в Центральном Комитете ВКП(б) вместо существовавших ранее отдела партийной пропаганды и агитации, отдела печати и издательств был создан единый отдел пропаганды и агитации, переименованный вскоре в управление пропаганды и агитации ЦК ВКП(б). Его начальником до сентября 1940 г. являлся секретарь ЦК А.А. Жданов, затем его сменил Г.Ф. Александров, а общее наблюдение и руководство осуществлял кандидат в члены политбюро ЦК ВКП(б) А.С. Щербаков. Именно они направляли и курировали всю пропагандистскую, агитационную и культурно-просветительную работу в стране.

В свою очередь отделы пропаганды и агитации, отделы печати ЦК компартий союзных республик, крайкомов и обкомов, а в городах и районах отделы культуры и пропаганды были реорганизованы в отделы пропаганды и агитации. Одному из секретарей республиканских и местных партийных комитетов поручалось заниматься исключительно идеологической работой.

Под руководством партийных комитетов действовала широкая сеть средств массовой информации. Общественные организации также имели свои центральные газеты. Наряду с центральной широкое развитие получила республиканская и местная печать. Все более широкое распространение получало радиовещание. Накануне войны уже существовала целая система центральных, республиканских и местных программ с общим объемом радиовещания 383 часа в сутки.

Одной из существенных черт советской партийно-государственной системы являлось всемерное внедрение в сознание масс идеи вождизма. Самыми разнообразными средствами духовно-идеологического воздействия подчеркивалась особая роль вождя, будь то личность общесоюзного, областного или районного масштаба. В сознание народа настойчиво внедрялась мысль, что после Ленина именно Сталин призван вести партию и страну к социализму, что "Сталин – это Ленин сегодня". Вождистский синдром помогал консолидировать общество и сохранять равновесие социально-политических сил, предупреждать расколы в партии. Раздуваемый пропагандой авторитет единственного наследника Ленина позволял Сталину обеспечить стабильный состав правящей верхушки.

В 1938 г. вышел в свет канонический труд "История Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков): Краткий курс", подготовленный комиссией ЦК ВКП(б) в составе И.В. Сталина, А.А. Жданова, В.М. Молотова, П.Н. Поспелова и Е.М. Ярославского. Он был одобрен Центральным Комитетом партии, хотя содержал немало методологических и фактологических изъянов, даже ошибок, которые имели негативные последствия как в сфере теории, так и в повседневной практике. Тем не менее "Краткий курс" стал своеобразным новым заветом, подлинным катехизисом советской номенклатуры: постановлением ЦК ВКП(б) от 14 ноября 1938 г.

книга была положена в основу политического просвещения и пропагандистской работы.

Важное место официальная идеология отводила воспитанию у советских людей социально-политического оптимизма и советского патриотизма, веры в совершенствование социалистического государства, а в будущем – полную и окончательную победу коммунизма во всем мире. Необходимо было привить массам новое отношение к труду и общественной собственности, воспитывать их в духе дружбы всех народов, населяющих СССР, и солидарности с трудящимися других государств, готовности к вооруженной защите Отечества. При этом особо подчеркивалось, что советский патриотизм не может быть каким-то оторванным явлением, он всеми своими корнями связан с прошлой историей российского государства, в которой есть чем гордиться. Пропагандистам предлагалось чаще вспоминать в своих лекциях о борьбе с иноземными захватчиками, подчеркивать при этом роль государственных деятелей и полководцев прошлого. В одном из своих выступлений перед обществоведами начальник управления пропаганды и агитации ЦК Г.Ф. Александров подверг их резкой критике за недооценку исторического значения развития национального самосознания народов, в частности, русского.

В духовной сфере особенно наглядно проявился процесс унификации советского государства. В первой половине 30-х годов во всех уголках страны существовали национальные школы, где преподавание велось на языке той национальности, которая была самой многочисленной в данном регионе. В Казахстане, например, кроме казахских и русских школ встречались немецкие, корейские, дунганские, тюркские, болгарские, татарские, чувашские, армянские и т.д.⁸ Подобная картина наблюдалась и в других союзных республиках и областях РСФСР. Постановлением ЦК ВКП(б), принятым в январе 1938 г., их существование было признано вредным из-за того, что они якобы превратились в очаги буржуазно-националистического, антисоветского влияния на детей. Постановление требовало реорганизовать их в школы обычного типа с преподаванием на русском языке или языке коренной национальности союзной и автономной республики⁹. Во многих районах закрывались национальные газеты, театры, клубы и другие учреждения культуры, что было явным ущемлением прав наций и народностей, имевшим отрицательное воздействие на их жизнь в течение долгих лет. Однако и здесь все было не так однозначно: в период подготовки к войне расширение сферы применения русского языка среди призывных и мобилизационных контингентов повышало боеспособность армии и флота.

По мере обострения военно-стратегической ситуации перед государством во всей полноте встала задача морально-политической подготовки народа к вооруженной защите Родины. Лозунг "Защита Отечества – священный долг каждого гражданина СССР" партийные и государственные организации стремились воплотить в жизнь. По мере того как становилось все очевиднее, что основным противником в предстоящей войне будет Германия, усиливалась пропагандистская работа по разоблачению германского фашизма. Но со второй половины 1939 г., после заключения известных советско-германских договоров, руководство стало оправдывать войну третьего рейха против западных держав и всячески демонстрировать свою с ним солидарность. Уже 24 августа, на другой день после заключения пакта о ненападении, газета "Правда" опубликовала статью, смысл которой сводился к тому, что отношения СССР и Германии перестают быть враждебными. Такой идеологический кульбит демонстрировал, с одной стороны, полное пренебрежение общественным мнением в собственной стране, а с другой – был вполне логичным шагом тоталитарного государства, преследовавшего свои геостратегические интересы.

Тут же была немедленно свернута вся антифашистская пропаганда, ее заменило демонстративное афиширование "дружбы" с третьим рейхом. Это во многом дезориентировало советскую общественность, а за рубежом сильно

подорвало влияние компартий. Правда, со временем, по мере нарастания советско-германских противоречий, руководство СССР все больше начинало осознавать всю пагубность свертывания антифашистской пропаганды именно в тот период, когда соперничество с Германией достигло своего пика. В выступлении 5 мая 1941 г. в Кремле перед выпускниками военных академий Сталин по существу призвал их не верить официальной пропаганде, а готовиться к войне¹⁰. Между тем уже набравшая обороты идеологическая машина всю работала по заданной программе, внося сумятицу в общественное сознание. Сообщение ТАСС от 13 июня 1941 г., опровергающее слухи о готовящемся нападении Германии на СССР, тому характерный пример.

Важные изменения были осуществлены в образовании и науке. Эти сферы приобретали все более военизированные признаки. В высшей школе было восстановлено единое руководство, в вузах укреплялось единоначалие, создавалась единая система, усиливалась регламентация учебного процесса, вводились военные кафедры, а также военруки в средних учебных заведениях и школах.

2 октября 1940 г. указом Президиума Верховного Совета СССР "О государственных трудовых резервах СССР" была создана сеть ремесленных и железнодорожных училищ, а также школ фабрично-заводского обучения. Они комплектовались путем ежегодного набора подростков 14–17 лет, а на деле и более младших возрастов со сроком обучения от двух до четырех лет (в ФЗО – от трех до шести месяцев), причем государство оплачивало обучение, питание и форменную одежду учащихся. Всего в 1940 г. в школы трудрезервов было набрано более 600 тыс. молодых людей. Уже в следующем году в порядке централизованного распределения в народное хозяйство направили около 440 тыс. человек¹¹. Эта система действовала на протяжении всей войны.

Для решения военно-научных задач создавались специальные научно-исследовательские центры и научно-исследовательские учреждения, которые входили непосредственно в оргструктуру вооруженных сил, оборонные ведомства и их промышленные предприятия. В 1936 г. на самолетостроительных заводах были развернуты новые опытно-конструкторские бюро (ОКБ). Такие же специализированные КБ действовали на артиллерийских заводах. Перед ними была поставлена задача разработки всевозможных современных видов военной техники, оружия и боеприпасов. В состав наркомата вооружения входили научно-исследовательские и проектные институты, отдельные и центральные конструкторские бюро. В Академии наук существовал отдел спецработ.

В системе исправительно-трудовых лагерей НКВД была развернута сеть особых конструкторских бюро – так называемых шарашек, в которых работали многие известные ученые. Так, в 1937 г. было ликвидировано конструкторское бюро А.Н. Туполева, а сам он осужден на 15 лет исправительно-трудовых лагерей. Тем не менее уже в феврале 1939 г. под его руководством в Болшево сформировалось "Особое техническое бюро при НКВД СССР". В спецтюрьме ЦКБ-29 НКВД он спроектировал бомбардировщик, получивший впоследствии название "Ту-2".

Значительное внимание уделялось руководству литературой и искусством. Центральный Комитет ВКП(б), республиканские и местные партийные комитеты постоянно держали под контролем деятельность писателей, живописцев, музыкантов, артистов, других творческих работников, поддерживая тех из них, чье творчество соответствовало официальным идейным установкам.

Для партийного руководства литературой и искусством привычным стало бесцеремонное вмешательство в деятельность творческих работников. Жестокое табу накладывалось на то художественное произведение, которое недостаточно возмечивало идеи первого в мире социалистического государства. Так, 5 августа 1938 г. на заседании политбюро ЦК ВКП(б) обсуждался вопрос о романе М. Ша-

гинян "Билет по истории", часть 1 – "Семья Ульяновых". В решении политбюро отмечалось, что "книжка Шагинян, претендующая на документальный роман о жизни семьи Ульяновых, о детстве и юности В.И. Ленина, является политически вредным, идеологически враждебным произведением"¹².

После Халхин-Гола, особенно после советско-финляндской войны, когда пришлось избавляться от прекраснотушия и самонадеянности, появились произведения, авторы которых явно или иносказательно полемизировали с теми, кто предпочитал барабанную парадность и шапкозакидательство. К ним можно отнести цикл халхингольских стихов К. Симонова, а также появившиеся вскоре после советско-финляндской войны книгу стихов А. Сурикова "Это было на Севере" и стихи А. Твардовского, где война предстает тяжелым, смертельно опасным трудом.

Высокая интенсивность духовно-идеологической деятельности позволила сформировать в народе, обществе морально-политическую готовность к отпору врагу и военно-патриотический подъем, которые, в частности, выразились в массовом добровольном вступлении в Красную Армию в первые годы войны. Вместе с тем идеологическая работа партийно-государственной машины во многом носила классово-умозрительный характер, была далека от реальности, а также конкретной боевой ситуации. Она упрощала, а зачастую не учитывала тысячелетний исторический опыт народов СССР. Искусственное ограничение социальных проявлений живого общественного организма, жесткость и жестокость доктринальных схем, по которым он вынужден был функционировать, обусловили многие трагические события военного и послевоенного времени. Очевидно, в послереволюционной деформации российских духовных и государственных традиций следует искать корни таких "феноменов" Великой Отечественной войны, как массовый плен, коллаборационизм, полумиллионная вторая волна эмиграции из страны.

К началу войны Советский Союз представлял собой огромную многонациональную державу. В него входили 16 союзных и 21 автономная республика, 9 автономных областей и 10 национальных округов с отлаженным административно-территориальным управлением. СССР в соответствии с Основным Законом рассматривался как союзное государство, образованное на основе добровольного объединения равноправных и суверенных социалистических республик. Каждая из них имела собственную территорию, которую формально никто не вправе был изменить без ее согласия, свою республиканскую конституцию, законодательство, судебную систему, а также высшие органы государственной власти и управления. В соответствии с установленным в СССР единым гражданством гражданин союзной республики одновременно являлся и гражданином Союза ССР.

Но все это только декларировалось на бумаге, а в практической жизни далеко не всегда выполнялось. На деле ни одна союзная республика реальным суверенитетом не обладала. Их органы власти работали по указке центра. В своей законодательской и исполнительной деятельности они безропотно штамповали разработанные в Москве документы. Зависимое положение республик, с одной стороны, закрепляла статья 20 Конституции СССР, которая однозначно определяла примат союзных законов над республиканскими, с другой – в конституциях союзных и автономных республик не предусматривалось никаких существенных сфер законодательной деятельности для субъектов союзного договора. Реально СССР развивался по законам единого общественного организма. Как в стране в целом, так и в регионах происходили идентичные социально-политические изменения.

В конце 30-х годов советским государством был сделан шаг по преодолению последствий репрессивной политики, проводимой в ходе коллективизации, партийных чисток 1933–1935 гг., проверки и обмена партийных документов в 1935–1936 гг., перетряхивания и чисток военных и гражданских кадров в 1937–1938 гг. Перед войной конституционно были ликвидированы существовавшие с 1917 г. ограничения прав граждан по классовому признаку, провозглашены гарантии прав и

свобод для всех граждан, их равноправие независимо от расы, национальности, цвета кожи, языка, а также места проживания. Это касалось в первую очередь политических прав, в том числе избирательного, которое провозглашалось как всеобщее, равное, прямое, при тайном голосовании, осуществлялось по единым нормам и территориальным избирательным округам. А кроме того – это уже касалось гражданских прав, – снимались ограничения по классовому признаку с тех, кто поступал в учебные заведения.

Хотя законодательно Конституцией 1936 г. и были провозглашены равные для всех права и обязанности, независимо от классовых признаков и социального происхождения гражданина, негласные ведомственные подзаконные акты и директивные указания вносили в них существенные коррективы. Их суть сводилась к тому, чтобы законопослушным и преданным режиму гражданам создать приоритетные условия для участия их в жизнедеятельности государства. Примером служат директивные документы НКО. Несмотря на то что одной из важнейших конституционных обязанностей граждан, даже их священным долгом, стала защита социалистического Отечества, для целого ряда категорий населения возможность службы в Красной Армии ограничивалась по национальному признаку, родственным связям, происхождению. О выдвижении подобных лиц на командные должности вообще и речи не могло быть. В соответствии с директивой народного комиссара обороны от 24 июня 1938 г. из армии было уволено свыше 4100 человек командного, начальствующего и политического состава. Это были люди немецкой, польской, финской, корейской, латышской, литовской и эстонской национальностей, а также те, кто имел родственников за границей. Немало аналогичных ограничений имелось для граждан, пожелавших работать в органах НКВД или оборонной промышленности. Исследования показывают, что примерно 80% из общего количества репрессированных в 1937–1938 гг. составили лица, у которых не все благополучно обстояло с пятой графой анкеты – национальностью.

В последние предвоенные годы советское государство предприняло определенные меры по восстановлению справедливости в отношении лиц, пострадавших в социально-политических коллизиях после октября 1917 г. Были ограничены масштабы репрессий, упразднены внесудебные органы, усилен прокурорский надзор, начат пересмотр дел. В родные места возвращались крестьянские семьи, в свое время незаконно раскулаченные, а из заключения – люди, попавшие в жернова репрессий по недоразумению, ложному доносу или чьей-то злой воле. За один 1939 г. были освобождены 837 тыс. человек. В этот же период не только сократилось количество исключаемых из партии коммунистов, но и начался процесс восстановления в рядах ВКП(б) некоторого числа ее бывших членов. Так, если в 1933–1937 гг. было исключено свыше 1 млн человек, в 1937–1938 гг. – почти 216 тыс., то в 1939 г. – 26,7 тыс. членов, а в 1940 г. – около 30 тыс. За два года (1938–1940 гг.) в партии были восстановлены 164,8 тыс. человек¹³. В Красную Армию возвращены около 13 тыс. человек, что составило примерно третью часть от общего количества военнослужащих, уволенных в период чистки.

Возмездие настигло некоторых активных функционеров, инспирировавших многие уголовно-политические процессы. Были осуждены и приговорены к расстрелу непосредственные руководители арестов, исполнители пыток арестованных, следователи-фальсификаторы. Среди них Ежов, Фриновский, Николаев-Журид, Ушаков-Ушмирский, Агас, Радзивилловский и др.

Эти и другие факты и события свидетельствуют о том, что властные структуры начали выходить из длительного периода идейно-политической борьбы различных группировок, стремились ограничить самодовлеющую роль репрессивно-охранительных органов, произволил партийно-государственной бюрократии. В ходе борьбы с "троцкистами" в вооруженных силах, военно-промышленном комплексе, разведке, других органах, связанных с национальной безопасностью, власть целе-

направленно избавлялась от "представителей иностранных государств", тех, кто "имел связи с границей". Такая, зачастую антиконституционная практика повышала этническую однородность и политико-идеологическое единообразие – важнейшие составляющие боеготовности и боеспособности военной системы СССР.

Осуществлявшиеся с необычайной быстротой и в широких масштабах кадровые перестановки представляли собой макропроцесс смены номенклатуры, которая пришла к власти в результате революции и гражданской войны. Новая генерация национальных кадров призвана была укрепить партийно-государственную систему. Именно на административно-управленческий аппарат делало основную ставку руководство страны в надежде получить его мощную поддержку. Главным ее итогом стало резкое снижение этнопсихологического барьера между партийно-советским, административным и военным аппаратом, с одной стороны, и основной массой населения, личного состава вооруженных сил – с другой.

К руководству многими ключевыми отраслями тяжелой и добывающей промышленности, военно-промышленного комплекса пришли молодые, как правило, более образованные кадры. Среди них оказалось немало талантливых людей. Они-то и вынесли на своих плечах всю тяжесть огромной работы в предвоенные и военные годы. Многие досрочно до руководителей крупного масштаба. Это наркомы Б.Л. Ванников, А.Н. Косыгин, В.А. Малышев, И.Т. Тевосян, Д.Ф. Устинов и др. Однако в целом смена высшего и среднего эшелонов партийной, государственной, военной, хозяйственной администрации очень болезненно отразилась на функционировании народного хозяйства, Красной Армии, что, безусловно, сказывалось на обороноспособности страны.

Накануне войны в Советском Союзе функционировала четкая, дифференцированная система органов власти и управления, судопроизводства и прокурорского надзора. Ее создание началось во второй половине 30-х годов и стало крупным шагом вперед в преодолении революционной догматики и упорядочении государственного строительства. Был отброшен марксистский постулат об обязательности сосредоточения в лице верховного органа социалистического государства всей полноты законодательной, исполнительной и судебной власти.

Конституция 1936 г. декларировала их четкое разделение. Предусматривалось, что законодательная власть СССР осуществляется исключительно Верховным Советом СССР, а верховные советы союзных и автономных республик являются единственным законодательным органом данной республики. Исполнительная и распорядительная власть – советами народных комиссаров СССР, союзных и автономных республик. Правосудие – верховными судами СССР и союзных республик.

В краях, областях, округах, районах, городах, селах и т.д. органами государственной власти являлись советы депутатов трудящихся, которые в свою очередь формировали собственные распорядительные органы – исполнительные комитеты. Решения вышестоящих органов государственной власти и управления были строго обязательными для всех нижестоящих инстанций.

Избранная перед войной концепция государственной власти и управления СССР была на порядок реалистичней всех тех общественно-политических конструкций, с помощью которых регулировалась жизнедеятельность народов РСФСР, а затем СССР в предыдущие два десятилетия. Механизмы каждой из ветвей власти весьма плодотворно и эффективно работали как в сфере административно-социального обустройства страны, так и по укреплению ее военной мощи.

Однако как социально-правовая модель Конституция 1936 г. далеко не адекватно отражала специфику жизнедеятельности такой державы, как СССР, а главное, не совпадала (и не могла совпадать) со структурой реальной партийно-государственной власти. В этом заключалась не столько вина, сколько беда системы советов на протяжении всего их существования.

В целом сложившаяся в стране социально-политическая и административная

система базировалась на господстве отчужденной от конкретного человека государственной собственности, на директивных и внеэкономических методах управления с повсеместным стремлением к максимальной централизации и унификации всех сторон политической, экономической и духовной жизни людей. И хотя партийно-государственное руководство оценивало достигнутые изменения как победу основ социализма, а на XVIII съезде ВКП(б) было объявлено о вступлении СССР в полосу "постепенного перехода от социализма к коммунизму"¹⁴, советское государственное устройство далеко не соответствовало провозглашенным принципам, оно отражало потребности партийно-государственного аппарата, который рассматривал Советский Союз как "крепость социализма", которую со всех сторон окружает враждебный капиталистический лагерь.

В реальной политической жизни всей полнотой конституционных полномочий ни Верховный Совет СССР, ни его Президиум не обладали. Вместе со своим аппаратом они представляли организационную форму и исполнительный механизм для проведения решений руководства страны в жизнь, придания им законной силы. Показательны взаимоотношения между Совнаркомом СССР, наркоматами и Верховным Советом СССР, который должен был законодательно санкционировать государственные ассигнования на оборону страны, являвшиеся частью единого ежегодного государственного бюджета. В 1938 г. обсуждение оборонного бюджета проходило в августе, а в 1939 – в мае, в 1940 – в апреле, а в 1941 г. – в марте, т.е. тогда, когда уже полным ходом шла его реализация. Иными словами, принятие бюджета по существу превращалось в чисто формальный акт, призванный узаконить действия исполнительной и распорядительной властей¹⁵.

С 1938 и до 22 июня 1941 г. Президиум Верховного Совета собирался всего восемь раз (четырежды – в 1938 г., один раз – в 1939, дважды – в 1940 и один раз – в 1941 г.). На его заседаниях утверждались принятые, в основном без какого-то обсуждения, а только методом опроса членов Президиума, указы, среди них касающиеся народнохозяйственных, социальных проблем, связанные с кадровыми назначениями в вооруженных силах. Путем опроса принимался даже такой исключительно важный документ, как Указ о ратификации германо-советского договора о дружбе и границе между СССР и Германией от 28 сентября 1939 г.

Тем не менее принятые указами Президиума Верховного Совета нормативные акты приобретали необходимую легитимность и неукоснительно проводились в жизнь. Предвоенные годы отмечены усилением внимания Президиума Верховного Совета СССР к вопросам ужесточения государственной и производственной дисциплины. Один за другим принимались указы о переходе на восьмичасовой рабочий день и семидневную рабочую неделю, о запрещении самовольного перехода рабочих и служащих с предприятия на предприятие, об уголовной ответственности за опоздание на работу, о повышении нормы выработки трудодней колхозниками и др. Нередко положения этих указов нарушали права граждан. Резко возросло количество осужденных за нарушения требований указов. Кампанейский подход, перегибы, бюрократические извращения зачастую доводили до абсурда здравую идею укрепления дисциплины в стране. Проявления народного недовольства сглаживались обстановкой приближения войны, угрозой административного или уголовного наказания, нравственно-политической установкой, что в этих условиях необходимо чем-то поступиться.

В стороне нередко оставались и советы республиканского уровня. За первую половину 1939 г. сессии верховных советов союзных и автономных республик рассмотрели 250 вопросов, из них 143 – организационных, 26 – об изменениях и дополнениях к Конституции, в основном по административно-территориальному делению, 32 – об утверждении бюджетов, 33 – по указам Президиума Верховного Совета, 6 – об утверждении положений о выборах. Депутатам не было представлено ни одного вопроса, связанного с оборонными проблемами¹⁶.

Конечно, и эти вопросы не оставались без внимания, но решались они в совместных партийно-государственных формах. Для их обсуждения собирались руководители ключевых аппаратных структур: оборонных отделов ЦК, СНК и Верховного Совета, члены партийных органов, руководители советов и исполкомов, военачальники Красной Армии, представители НКВД и военно-промышленного комплекса. Решения готовились в управленческих структурах соответствующих ведомств в тесном взаимодействии с отраслевыми отделами партийных органов и советов, а проводились в жизнь секретными постановлениями ЦК ВКП(б) и СНК, а на местах – парткомов и исполкомов. Нередко эти проблемы рассматривались военными советами округов, членами которых были в обязательном порядке секретари партийных комитетов республик, крайкомов, областей.

В системе органов власти самым массовым звеном являлись местные советы депутатов трудящихся и их исполнительные комитеты, структура которых претерпела существенные изменения. С начала 30-х годов совершенствовалось экономическое районирование страны, вводились новые административно-территориальные единицы: области и районы вместо прежних округов, губерний, уездов, волостей.

Реорганизация административного деления государства также подчинялась идее централизации, которая была призвана способствовать эффективности управления страной в предвоенное и военное время. Административно-территориальная реформа проходила почти до самого начала Великой Отечественной войны. Она предусматривала разукрупнение краев, областей и районов, а также создание областного деления в тех республиках, где ранее его не было: в Белоруссии, Узбекистане, Киргизии, Таджикистане и Туркмении. Разукрупнению подверглись Западно-Сибирский и Азовско-Черноморский края. Новое административно-территориальное деление ликвидировало гигантские, трудно управляемые административные образования, обусловило более тесные и мобильные хозяйственные связи внутри регионов. Это позволило более продуманно и обоснованно формировать соответствующие военные округа.

XVIII съезд партии, отражая заботу государства о подготовке населения к войне, потребовал охватить оборонными мероприятиями "все фабрики и заводы, предприятия, учреждения, учебные заведения и колхозы"¹⁷. В связи с этим на местные советы была возложена обязанность оказывать всемерную помощь общественным организациям, ведущим оборонную работу, обеспечивать военное обучение всего населения. Сфера их деятельности охватывала организацию аэроклубов, курсов противовоздушной и противохимической обороны, стрелковых тиров и клубов, подготовку граждан допризывного возраста к службе в армии, всю физкультурную работу. Во второй половине 30-х годов значительно расширились оборонные секции советов, которые после выборов 1939 г. были преобразованы в постоянные оборонные депутатские комиссии. Кроме того, городские и районные советы всячески содействовали бесперебойной работе промышленных предприятий, изготовлявших оборонную продукцию¹⁸.

5 марта 1941 г. нарком обороны Маршал Советского Союза С.К. Тимошенко утвердил наставление по мобилизационной работе местных органов военного управления наркомата обороны СССР, которое заменило Временную инструкцию по составлению мобилизационных планов 1930 г. И хотя этот важный документ исходил не от высшего органа государственной власти, т.е. не от Верховного Совета или его Президиума, что, несомненно, сужало рамки полномочий данного нормативного акта, реализация его требований возлагалась на местные советы. Там хорошо знали, что такой документ не мог пройти мимо ЦК ВКП(б) и СНК СССР, а раз так, то выполнение его обязательно. Советы проделали огромную работу по подготовке населения к войне, однако во многих областях не удалось добиться существенных результатов: слишком широким оказался круг специфических обязанностей.

Высшим исполнительным и распорядительным органом государственной власти СССР в предвоенные годы являлся Совет народных комиссаров – правительство СССР. Он был ответствен перед Верховным Советом и ему подотчетен. Такова была конституционная норма. На самом же деле СНК в своей административно-хозяйственной деятельности был независим от Верховного Совета СССР, от его Президиума.

На СНК СССР в числе прочих задач возлагалась ответственность за организацию защиты интересов государства, руководство общим строительством вооруженных сил страны. Он определял ежегодные контингенты граждан, подлежащих призыву на действительную военную службу. В состав СНК входил и был подотчетен ему народный комиссар обороны, а с 1937 г. – и нарком Военно-Морского Флота. Деятельность всех наркоматов, в ведении которых были различные составные элементы вооруженных сил страны – наркомат обороны (Красная Армия), наркомат Военно-Морского Флота (Военно-Морской Флот), Совнарком СССР координировал с оборонной промышленностью. Ведь именно она разрабатывала и поставляла армии и флоту все необходимое. С 1937 г. при Совнаркомом функционировал Комитет обороны СССР. Важнейшим направлением его деятельности стало регулирование процесса создания и производства новой техники, оружия, боеприпасов. Помимо вопросов военно-экономической деятельности Комитет обороны обсуждал и принимал решения по проблемам организации и численности армии и флота мирного и военного времени. Он определял контингенты поднимаемых по мобилизации возрастов мужского населения, размеры изъятия из народного хозяйства транспортных средств, ведал и другими сферами, относящимися к вопросам обороны страны. Таким образом, сфера компетенции общесоюзных органов государственного управления постоянно расширялась, отражая тем самым усиление централизации – ведущую тенденцию в развитии советского государства.

Особенно усилилась дифференциация и одновременно централизация в области управления экономикой. Об этих тенденциях, с одной стороны, свидетельствует возросшее число общесоюзных хозяйственных наркоматов. Если в середине 20-х годов было пять общесоюзных, пять союзно-республиканских (объединенных) и шесть республиканских наркоматов (причем в сферу компетенции последних входили вопросы сельского хозяйства, внутренних дел, юстиции, просвещения, здравоохранения, социального обеспечения), то во второй половине 30-х годов насчитывалось уже восемь общесоюзных, десять союзно-республиканских и четыре республиканских наркомата. В 1939 г. число всех наркоматов достигло 34, а к началу 1941 г. – 41. В 1940 г. был создан также наркомат Государственного контроля СССР во главе с партийным функционером Л.З. Мехлисом, который получил в свои руки широчайшие полномочия.

С другой – в структуре СНК были учреждены советы по металлургии и химии, оборонной промышленности, машиностроению, топливу и электрохозяйству, товарам широкого потребления. В марте 1941 г. вместо Экономического совета при СНК образовано более узкое Бюро СНК СССР. По постановлению от 7 мая в него вошли: И.В. Сталин – председатель, Н.А. Вознесенский – заместитель, В.М. Молотов – заместитель, А.И. Микоян, Н.А. Булганин, Л.П. Берия, Л.М. Каганович, Л.З. Мехлис, А.А. Андреев. Кроме того, при Совнарком СССР был создан ряд комитетов, самостоятельных главных управлений и иных ведомств, обладавших правами наркоматов и, следовательно, в свою очередь плодивших регламентирующие документы.

Конституция СССР 1936 г. закрепила основы организации и деятельности советского суда. Закон о судостроительстве СССР, союзных и автономных республик, принятый Верховным Советом 16 августа 1938 г., закрепил и развил эти основы.

Компетенцией правосудия в государстве наделялись Верховный суд СССР, верховные суды союзных республик, краевые, областные суды, суды автономных

республик и автономных областей, окружные суды, специальные суды СССР, создаваемые по постановлению Верховного Совета СССР, а на местах народные суды. Было объявлено, что они полностью независимы и подчиняются только закону. Высший надзор за точным исполнением законов возлагался на прокурора СССР, прокуроров союзных и автономных республик, краев, областей, округов, городов и районов. В соответствии с конституцией считалось, что органы прокуратуры осуществляют свои функции независимо от каких бы то ни было местных органов, подчиняясь только прокурору СССР.

Создавались специальные суды – военные трибуналы, линейные суды железнодорожного транспорта и линейные суды водного транспорта, причем на основе общего для всех судов законодательства. Надзор за их деятельностью осуществлял Верховный суд СССР. Военные трибуналы действовали в соответствии с организационной структурой вооруженных сил: при военных округах, флотах, армиях, флотилиях, корпусах, а также при иных воинских соединениях и военизированных учреждениях. В Верховном суде имелась Военная коллегия. Она рассматривала дела исключительной важности, в том числе и гражданских лиц; одновременно она являлась кассационной инстанцией для военных трибуналов округов и флотов, а также надзорной инстанцией для всех нижестоящих трибуналов. Организационное руководство военными трибуналами осуществляло управление военных трибуналов народного комиссариата юстиции СССР.

Формально закрепленные в законодательных актах правовые нормы были направлены на охрану прав граждан, установление четкой и строгой законности во всех сферах жизни государства. Однако многие из декларированных норм оставались только на бумаге, да на словах. Так, выступая в августе 1938 г. на сессии Верховного Совета СССР, прокурор СССР А.Я. Вышинский утверждал: "В СССР процветают социалистический порядок, социалистическая дисциплина, социалистические законы, охраняющие блага народа и каждого советского человека под великим знаменем Сталинской Конституции"¹⁹. На самом деле системой становились грубейшие нарушения законности, злоупотребление властью и произвол.

Во властной структуре СССР особое место занимал наркомат внутренних дел. Полномочия органов НКВД были чрезвычайно широки, а в предвоенные годы для них уже не существовало никаких ограничений. В составе НКВД были созданы главные управления государственной безопасности, рабоче-крестьянской милиции, пограничной и внутренней охраны, пожарной охраны, исправительно-трудовых лагерей и трудовых поселений²⁰.

К началу 1941 г. наркомат внутренних дел превратился в мощную разветвленную организацию. В нее входили территориальные органы государственной безопасности; зарубежная разведка, военная контрразведка; лагеря и тюрьмы; крупные стройки, шахты, промышленные предприятия и лесоразработки, где работали заключенные; пограничные и внутренние войска; пожарная охрана, охрана общественного порядка и борьба с уголовной преступностью; госавтоинспекция. С конца 30-х годов лагеря превратились в своеобразные производственные предприятия, для которых разрабатывался специальный план поставки рабочей силы. По состоянию на 1 марта 1940 г. Главное управление лагерей НКВД (ГУЛАГ) ведало 53 лагерями, общий контингент заключенных составлял 1 668 200 человек, а военизированная охрана – 107 тыс. человек, на содержание которой требовалось 790 млн руб. в год²¹. НКВД ведал органами ЗАГС, всеми архивами и картографической службой.

Но и сами органы, и войска НКВД в преддверии войны не раз подвергались реорганизации и чисткам, цель которых – вывести карательные структуры из-под доминирующего влияния партийного аппарата и поставить их на службу государственным интересам. В феврале 1941 г. из НКВД выделился наркомат государственной безопасности (НКГБ)²². В его ведение перешли территориальные органы

госбезопасности и зарубежная разведка, а военная контрразведка была передана в наркомат обороны и наркомат Военно-Морского Флота. Нарком внутренних дел Л.П. Берия одновременно стал заместителем Председателя СНК, но кураторство над НКГБ он за собой сохранил. Обновление репрессивно-охранительной системы глубоко затронуло ее собственный кадровый состав: было уничтожено большинство старых чекистов, почти вся зарубежная резидентура, многие рядовые сотрудники. Среди работников НКВД насчитывалось свыше 20 тыс. репрессированных²³.

Органы НКВД являлись эффективным средством поддержания режима государственного авторитаризма. Так, если вначале существовал неизменный порядок, когда объединенное главное политическое управление могло арестовать члена партии только после исключения его партколлекгией, то теперь члены ВКП(б) оказались целиком и полностью во власти НКВД. Этот государственный орган получил безраздельное право подвергать аресту не только рядовых коммунистов, но и членов ЦК, секретариата и даже политбюро без всякой на то санкции Центрального Комитета, но с ведома и одобрения Сталина. Впрочем, иногда даже вопреки ему. Так, старого большевика А.П. Смирнова, в свое время в течение нескольких лет являвшегося секретарем ЦК ВКП(б), Сталин дважды вычеркивал из списка лиц, подлежащих аресту и расстрелу. И все же в феврале 1938 г. Смирнова расстреляли.

Итак, накануне войны в стране сложилась целостная система правосудия и прокурорского надзора. Высокая централизация государственных полномочий и авторитарный характер руководства позволяли в кратчайший срок мобилизовать и сконцентрировать на нужном направлении силы и средства в интересах решения важнейших проблем страны. Разветвленная нормативно-правовая база, мощный механизм контроля и принуждения ограничивали возможности населения в выборе своих жизненных путей и направляли его усилия на цели, определяемые правящей верхушкой.

В предвоенные годы военно-политическая система СССР формировалась в тесной связи с общим процессом партийно-государственного строительства. Она имела как достоинства стремительно развивавшегося централизованного государства с явно выраженными национальными признаками, так и родовые пороки российского военного реформаторства: запаздывание, половинчатость, незавершенность и т.п.

Ключевым и, на наш взгляд, наиболее слабым звеном являлась военно-политическая структура стратегического уровня. Ее несоответствие характеру современной войны, в которой участвует не только армия, но прежде всего государство, вся страна, во многом предопределило трагедию советского народа 1941–1942 гг.

Порок был заключен в двойственном характере официальной идеологии, принятой на вооружение ВКП(б) и советским государством. Эта двойственность нашла отражение в военно-теоретических взглядах и соответственно наложила отпечаток на структуру, призванную руководить вооруженной борьбой, т.е. на органы высшего военно-политического и военного руководства.

Очевидно, что такие ключевые понятия марксистско-ленинской идеологии, как "мировая коммунистическая республика", "построение социализма в одной стране" и "защита социалистического Отечества", тесно связаны с советскими военно-доктринальными взглядами 30-х годов. С одной стороны, объявлялось, что Красная Армия защищает оплот социализма – СССР от нападения империалистического агрессора, с другой – утверждалось, что на удар врага Рабоче-Крестьянская Красная Армия (РККА) отвечает тройным ударом, переносит войну на территорию противника и... освобождает трудящихся всего мира от капиталистического рабства. Мыслилось, что в случае нападения империалистов на СССР трудящиеся страны-агрессора восстанут и с помощью РККА сбросят ярмо капитализма в своей стране. Эта неопределенность сказалась на структуре и функциях высшего военного руководства.

Для рассмотрения основных вопросов строительства и организации войск и флотов, образцов вооружения и боевой техники, принятия их на вооружение, а также осуществления мероприятий по устройству войск и флотов, обучению личного состава и других при наркоматах обороны и ВМФ в марте – апреле 1938 г. были созданы главные военные советы. Предполагалось, что во время войны Главный военный совет РККА станет руководить боевыми действиями, главнокомандующим всеми вооруженными силами будет нарком обороны, а оперативным органом – Генеральный штаб²⁴. По постановлению СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 24 июля 1940 г. в состав ГВС РККА вошли С.К. Тимошенко (председатель), А.А. Жданов, Г.И. Кулик, Б.М. Шапошников, С.М. Буденный, К.А. Мерецков, Г.М. Маленков, Л.З. Мехлис, Я.В. Смушкевич, Г.К. Жуков, Д.Г. Павлов.

Важно подчеркнуть, что общегосударственный орган по типу Совета труда и обороны времен гражданской войны, который должен заниматься всеми вопросами обороны страны, предусмотрен не был. И.В. Сталин во второй состав Главного военного совета РККА не входил.

Между тем наивысшая эффективность стратегического руководства в современной войне могла быть достигнута при условии сосредоточения всей политической, государственной и военной власти в одних руках. В Германии такими полномочиями был наделен Гитлер. Он являлся фюрером национал-социалистической немецкой рабочей партии, рейхсканцлером, объединив этот пост с постом президента, стал фюрером германского государства, верховным главнокомандующим. Кроме того, ему подчинялся учрежденный в августе 1939 г. совет министров по обороне империи под председательством Г. Геринга.

Структура советского стратегического руководства оказалась непригодной к управлению обороной Советского Союза. Уже 23 июня 1941 г. Главный военный совет был упразднен.

В послевоенной историографии неоднократно высказывалась мысль, что СССР намеревался осуществить агрессию против Германии. Но могла ли Красная Армия выполнить отводимую ей роль в наступательной войне? Ответ здесь не может быть однозначным. Во-первых, для ведения государством эффективной войны, будь то наступательная или оборонительная, органы высшего военно-политического руководства должны создаваться с учетом по крайней мере двух обязательных условий. Их возглавляет первое лицо государства: король, царь, президент, премьер-министр, вождь и т.п. Данное лицо имеет при себе особый военный орган: ставку, верховное главнокомандование, штаб ВГК, комитет начальников штабов и т.п. Таковую логику диктует история войн.

Во-вторых, и это главное, военно-политическая практика 1938–1941 гг. свидетельствует, что существовавшие в СССР органы руководства военной системой были не способны эффективно и дальновидно организовать наступательные боевые действия, оборону страны, обзавестись надежными союзниками.

В этой связи представляется некорректным без анализа широкой совокупности взглядов, событий и условий того времени утверждать, что Сталин был намерен и готов нападением на гитлеровскую Германию реализовать большевистскую мечту о мировом коммунизме.

Непредвзятый расчет говорит, что в таком случае вполне вероятным союзником Гитлера становилась прежде всего Англия. СССР немедленно получал три фронта – на западе, юге, востоке. Закономерно терпел поражение в войне, терял национально-государственную независимость, расчленялся коалицией противника на части. Очевидно, для трудной, но возможной военной и политической победы Сталину была необходима агрессия Германии на Советский Союз.

Трагедия советского народа в первый период войны позволяет сделать вывод, что одной из главных причин был вольно или невольно подготовленный еще в предвоенные годы структурный кризис военно-политической системы СССР. Он вы-

разился в отсутствии единого государственного органа обороны страны, несовершенстве военного руководства. Конституцией, законами, другими нормативными документами структура и функции таких органов не предусматривались.

Таким образом, в сферах партийно-государственного строительства, идейно-политического и духовного воздействия, развития и укрепления системы реальной власти, выработки соответствующих механизмов управления и контроля в народно-хозяйственном комплексе, стране, обществе были совершены сверхусилия. Эти структуры в своей основе оказались приспособленными к условиям подготовки и ведения современной войны. В этом смысле можно утверждать, что в целом СССР к войне был готов, о чем и свидетельствуют ход и результаты Великой Отечественной и второй мировой войн.

В сложных условиях предвоенных лет, когда обстановка требовала экстренных, а порой и неординарных шагов, предпочтение отдавалось использованию жестких административных мер. И следует признать, что ценой огромных нравственных и правовых издержек определенный результат был достигнут. Усилия партийного государства по мобилизации промышленных и трудовых ресурсов, укрепление сферы руководства оборонными отраслями позволили создать вполне работоспособный механизм, сыгравший важнейшую положительную роль в годы войны.

Но это в целом. Конкретно, наиболее слабым местом являлась военно-политическая система, стратегическое звено которой оказалось децентрализованным, отличалось аморфностью и несовершенством механизма взаимодействия между высшими государственными и военными органами. Объективные причины дополняли субъективный фактор – неспособность и неготовность маршалов и генералов противостоять диктаторскому авторитету Сталина. Военно-стратегическое руководство Советского Союза (Государственный комитет обороны, пост Верховного Главнокомандующего, Ставку Верховного Главнокомандования и др.) методом проб и ошибок пришлось создавать в наиболее тяжелые месяцы 1941 г., а отработать эффективный рабочий механизм, избавляться от иллюзий и раболепства вплоть до конца 1942-го.

СОВЕТСКАЯ ЭКОНОМИКА НАКАНУНЕ ВОЙНЫ

Советское руководство под давлением идей мировой революции, развития мирового революционного процесса и неизбежности вооруженного столкновения с "миром капитала", разрабатывая и осуществляя пятилетние планы развития народного хозяйства, неизменно на первое место выдвигало укрепление обороноспособности страны.

Именно это и явилось основным фактором, определявшим развитие советской экономики в межвоенный период, особенно в конце 30-х годов. Приоритет был отдан развитию тяжелой промышленности как основы производства современной военной техники. На этом пути Советскому Союзу удалось добиться значительных успехов. В короткие сроки появились совершенно новые производства и отрасли: станкостроение, авиационная и автомобильная промышленность, тракторостроение и химическая промышленность. Ускоренными темпами росли металлургия и электроэнергетика, топливно-сырьевые отрасли.

Только за три с половиной года третьей пятилетки было введено в строй около 3 тыс. крупных предприятий²⁵. По объему промышленного производства СССР вышел на первое место в Европе и на второе в мире, а по темпам роста промышленного производства стал занимать ведущее положение (табл. 1).

Таблица 1. Производство некоторых видов промышленной продукции в 1940 г.²⁶

Виды продукции	СССР	США	Англия	Франция	Германия (в границах 1937 г.)
Железная руда, млн т	29,9	74,9	18,0	18,2	14,7
Чугун, млн т	14,9	42,6	8,3	3,7	14,0
Сталь, млн т	18,3	60,8	13,2	4,4	19,1
Уголь, млн т	153,7	463,6	227,9	42,0	251,9
Электроэнергия, млрд квт/час	48,3	179,9	39,9	22,0	63,0
Металлорежущие станки, тыс. шт.	58,4	112,0	–	–	125,0

В многочисленных источниках советского периода довольно сложно найти объективную оценку успехов, достигнутых в экономическом развитии страны. Зато неизменно в них отражаются два момента: все успехи однозначно приписываются мудрому руководству коммунистической партии, и это не вызывает никаких сомнений, а все срывы и провалы в экономике – действиям внутренних и внешних врагов – противников социализма и коммунизма.

Жесткая, если не жестокая, централизация средств и управления в руках государства, сочетание энтузиазма советских людей и мощных механизмов принудительного труда, минимальное обеспечение жизненного уровня населения и использование импорта зарубежной передовой техники и технологии – вот основные факторы, обеспечившие экономические достижения СССР. Они были присущи всему периоду социалистической индустриализации и коллективизации, но своего пика достигли в третьей предвоенной пятилетке, когда партия выдвинула лозунг "Догнать и перегнать развитые капиталистические государства по производству промышленной продукции на душу населения".

Этот лозунг нужен был скорее для моральной стимуляции народа к интенсивному труду, чем для его реального воплощения. На практике он не дал желаемого эффекта, поэтому был принят ряд мер по ужесточению трудовой дисциплины на производстве, по борьбе с прогулами и самовольными переходами с одного предприятия на другое. Введенные трудовые книжки и другие меры не только ограничивали свободу трудящихся, но и увеличивали рабочее время с целью интенсификации труда. Методы экономической заинтересованности все больше подменялись административными и правовыми.

Постоянное наращивание оборонной мощи страны в связи с подготовкой к войне при острой нехватке квалифицированных кадров и производственных мощностей неизбежно приводило к еще большему ужесточению трудовой дисциплины как главного условия, по мнению партии, повышения уровня производства. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 26 июня 1940 г. было объявлено о переходе на восьмичасовой рабочий день и семидневную рабочую неделю, запрещался самовольный переход рабочих и служащих с предприятий и учреждений. Устанавливались судебная ответственность за прогулы и самовольный уход с работы. В связи с этим указом рабочее время каждого трудящегося увеличилось в среднем на 33 часа в месяц. Следовательно, промышленность за один только год без дополнительных затрат имела миллионы рабочих рук²⁷.

Предприятия военной промышленности переводились на суточный график выпуска продукции, ряд из них, особенно в авиационной отрасли, уже в мирное время был переведен на военное положение. На территории такого завода весь руководящий состав до бригадира включительно носил военную форму с соответствующими знаками различия по воинскому званию.

Немалую роль в повышении производства сыграл пересмотр действующих норм. В начале третьей пятилетки СНК СССР принял решение о пересмотре норм выработки в сторону их повышения. Достижения новаторов становилась нормами труда для всех, независимо от квалификации рабочего. В 1940 г. нормы выработки были увеличены дополнительно.

Значительные достижения в промышленном производстве резко контрастировали с состоянием сельского хозяйства, которое не могло удовлетворить ни растущие потребности промышленного производства в сырье, ни потребности населения в продуктах питания. Для преодоления отставания сельского хозяйства требовались срочные меры.

Руководство страны пошло по пути дальнейшей "оптимизации" соотношения общественного хозяйства и личного подсобного хозяйства колхозников, которая резко ограничивала рост последнего. Дело в том, что производство в общественном хозяйстве колхозов начало падать, в нарушение устава сельскохозяйственной артели повсеместно расширялись приусадебные участки колхозников, кое-где практиковалась даже сдача их в аренду, а часть колхозников всячески уклонялась от работы в общественном хозяйстве. Так, в 1938 г. 6,5% трудоспособных колхозников не выработали ни одного трудодня, а 16% выработали менее 50 трудодней²⁸. Подобное положение в сельском хозяйстве объяснялось низкой материальной заинтересованностью самих производителей в развитии общественного хозяйства, так как основным источником жизни для них оставалось личное подсобное хозяйство.

Прошедший в мае 1939 г. пленум ЦК ВКП(б) принял ряд мер по повышению товарности сельскохозяйственного производства, а главное – ужесточению трудовой дисциплины в колхозах. Одобренное пленумом постановление ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 27 мая 1939 г. "О мерах охраны общественных земель колхозов от разбазаривания" подтверждало неприкосновенность общественных земель колхозов, признавало недопустимым уменьшение их размеров без особого на то разрешения правительства. Увеличение приусадебных участков сверх уставных норм, а тем более сдача их в аренду категорически запрещались. Местным партийным и советским органам вменялось в обязанность провести обмер приусадебных участков, а выявленные при этом излишки требовалось присоединить к общественным землям колхозов.

В целях расширения колхозного землепользования предлагалось также четко разграничить общественный и приусадебный земельные фонды, а в Белоруссии, на Украине, в Смоленской, Калининской и Ленинградской областях РСФСР переселить в деревни колхозников с хуторов, расположенных на общественных полях колхозов. По мнению руководителей страны, весьма далеких от проблем сельского хозяйства, наличие хуторских усадеб лишь уменьшало размеры и ухудшало конфигурацию колхозных полей, снижало участие колхозников в общественном труде. С хуторов и из мелких поселков, насчитывавших до десятка дворов, переселению подлежали 801,5 тыс. хозяйств. К январю 1941 г. в Белоруссии, на Украине, а также в 16 автономных республиках и областях РСФСР было переселено в укрупненные деревни 689,2 тыс. дворов, что составило 86,1% от всех намеченных к переселению²⁹.

Тем же постановлением от 27 мая 1939 г. для каждого трудоспособного колхозника был установлен обязательный минимум трудодней в году: 100 трудодней – в хлопковых районах, 60–80 трудодней – в зерновых и животноводческих районах. Особыми правами теперь наделялись руководители колхозов: они могли исключать тех членов артели, кто не выработывал установленный минимум трудодней, одновременно их лишали и приусадебных участков. Это постановление усиливало зависимость крестьян от руководителей хозяйств.

Постановлением предусматривалось региональное перераспределение трудовых

ресурсов путем переселения крестьян на восток страны, где всегда ощущался недостаток рабочей силы. В свою очередь местным руководителям вменялось в обязанность строительство жилых домов для переселенцев из западных районов СССР³⁰.

Большое внимание в годы третьей пятилетки уделялось повышению роли машинно-тракторных станций (МТС) в колхозном производстве, что усиливало вмешательство государства в дела колхозов. В январе 1939 г. СНК СССР утвердил новый типовой договор МТС с колхозами, который расширял участие МТС в сельскохозяйственных работах, повышал их ответственность за состояние колхозного производства. Был изменен и порядок начисления натуральной оплаты за работу МТС. После обязательных поставок он служил важнейшим источником поступления зерна и других продуктов государству. Начиная с осени 1939 г. натуральная оплата стала начисляться за отдельные виды сельскохозяйственных работ по установленным ставкам³¹. С одной стороны, эти меры снижали хозяйственную самостоятельность колхозов, а с другой – дополнительно гарантировали поставки продуктов в "закрома Родины".

Однако всех этих мер принуждения и централизации управления хватило лишь на то, чтобы незначительно превзойти уровень сельскохозяйственного производства России 1909–1913 гг.³²

Сосредоточение основной массы сельскохозяйственной продукции в руках государства позволяло ему проводить активную внешнеторговую политику. Вывоз на капиталистический рынок зерна и продовольствия, сырьевых ресурсов, драгоценных металлов и культурных ценностей давал возможность получать валюту, которая была так нужна для закупки машин и оборудования, станков и другой продукции с одной целью – реализовать программу социалистической индустриализации, а главное – создать мощную оборонную промышленность.

В течение всех предвоенных лет СССР оставался крупным поставщиком продовольствия и сырья на Западе, но одновременно и основным потребителем мирового экспорта машин и оборудования. В начале 30-х годов доля Советского Союза в мировом экспорте станков и оборудовании достигала почти 50%³³. Постепенно импорт легкого оборудования заменяется импортом новейшей техники и технологии, хотя сокращалась доля машин и оборудования, возрастала доля цветных и качественных металлов, ценного сырья.

С 1933 по 1937 г. Советский Союз вывез на внешние рынки около 80 млн т различных товаров, выручив 4378 млн руб. (по курсу рубля соответствующих лет). По физическому объему экспорт грузов в 13 раз превышал импорт, а по стоимости он вырос на 858 млн руб.³⁴ За рубежом закупались не только станки, оборудование, машины, приборы и другие товары, но и приобретались комплексные заводы и цехи по производству готовой продукции. При строительстве промышленных объектов широко использовались иностранные инженеры, технические консультанты и рабочие.

Несмотря на сложную международную обстановку, а зачастую и отсутствие официальных договоров с развитыми капиталистическими государствами, число внешнеторговых партнеров Советского Союза неуклонно росло. К 1938 г. он осуществлял внешнеторговые операции с 50 странами мира. Самыми крупными партнерами в 1940 г. были США, Китай, Монголия, Швейцария, Швеция, при этом взаимный товарооборот исчислялся от нескольких миллионов до десятков миллионов рублей. В том же году внешнеторговый оборот СССР составил 485,2 млн руб., причем только с США – 95,3 млн руб.³⁵

Малоизвестной страницей советской истории являются внешнеэкономические связи СССР с Германией с 1939 по июнь 1941 г. Советские официальные справочники и документы практически не содержат никакой информации об этом периоде.

Начавшаяся вторая мировая война резко обострила все сферы международных отношений, в том числе и внешнеторговые. Развитые капиталистические страны прервали или сильно ограничили свои экономические связи с третьим рейхом, Великобритания вообще объявила ему экономическую блокаду. А Германии тем временем для реализации своих планов завоевания мирового господства требовалось все больше и больше сырьевых ресурсов, продовольствия, металлов, которыми она сама располагала в ограниченных количествах или их у нее вовсе не было.

Советский Союз оказался не только в политической, но и в экономической изоляции. Резко сократились внешнеторговые связи с Англией, ощутимо снизились объемы торговли с другими государствами. Перед руководством СССР остро встал вопрос: как укрепить обороноспособность страны без недостающего новейшего оборудования и технологии Запада, без его современных приборов, высококачественных цветных и специальных металлов.

На этом этапе благоприятные условия для удовлетворения взаимных интересов сложились между Советским Союзом и Германией. В конце июля 1939 г. начались переговоры о торговле и кредитах, а 21 августа газета "Правда" сообщила о подписании кредитного соглашения, по которому Германия предоставляла СССР кредит на сумму 200 млн марок для закупки немецких товаров, а он должен был поставить рейху товары на сумму 180 млн марок. Взаимный товарооборот по этому соглашению достигал 380 млн марок³⁶. В числе поставок из Германии основными товарами являлись станки, оптические приборы, листы брони и др. Из Советского Союза шли свинец, хлопок, корма, жмых, зерно, фосфаты, необработанные меха, нефть, платина и другие ценные товары. 11 февраля 1940 г. было заключено в Москве "Хозяйственное соглашение между Германией и СССР", в Берлине 1 октября 1940 г. – "Соглашение о железнодорожном сообщении между СССР и Германией", 10 января 1941 г. – "Хозяйственное соглашение между СССР и Германией", а также ряд других договоров, значительно расширявших взаимные поставки.

По одному только соглашению от 11 февраля 1940 г. СССР должен был за 12 месяцев поставить в Германию 1 млн т кормовых злаков и стручковых плодов на сумму 120 млн марок, 900 тыс. т нефти на сумму 115 млн марок, 100 тыс. т хлопка – около 90 млн марок, 500 тыс. т фосфатов, 100 тыс. т хромовой руды, 500 тыс. т железной руды, 300 тыс. т железного лома и чугуна, 2400 кг платины, а кроме всего прочего марганцевой руды, металла, леса и т.д. В германский протекторат Богемия и Моравия (в Чехию) предусматривалось поставить за год товаров на сумму около 50 млн марок. Дополнительно к поставкам товаров Советский Союз оказывал транспортные и другие услуги для рейха при транзитных перевозках грузов из Ирана, Афганистана, стран Юго-Восточной Азии, тарифы на которые были снижены на 50%, что составляло около 100 млн марок. Советский Союз покупал в третьих странах для той же Германии различные другие партии товаров. В общей сложности поставки товаров из СССР вместе с услугами достигали почти 800 млн марок.

В свою очередь в соответствии с договором Германия должна была поставить товаров и услуг на сумму, которая на две трети была ниже советских поставок и услуг. Внешнеторговый оборот между СССР и Германией должен был достичь почти 1,4 млрд марок³⁷.

Поставки товарной продукции в Германию постоянно возрастали. Только за четыре месяца 1941 г. Советский Союз поставил зерна 632 тыс. т, нефти – 232 тыс. т, хлопка – 23,3 тыс. т, марганцевой руды 50 тыс. т, фосфатов 67 тыс. т, платины 900 кг. В то же время из Восточной Азии транзитом через Сибирь в Германию было доставлено специальным составом 2 тыс. т каучука, а 2 тыс. т – обычным поездом³⁸. Вплоть до последнего мирного часа советское руководство, дабы не

допустить обострения отношений с Берлином, добросовестно выполняло все взятые на себя обязательства по поставкам товаров и услугам (сроки и объем), чего нельзя сказать о его внешнеторговом партнере³⁹.

Созданная система руководства экономикой позволила СССР в исторически короткие сроки развить мощное промышленное производство. Она дала возможность не только вовлечь в оборот огромные природные и людские ресурсы и освоить современную западную технику и технологию, но и по ряду направлений вырваться вперед. Это и производство синтетического каучука, и турбинное производство, и реактивная технология. По мере развития базовых отраслей народного хозяйства, роста машиностроения создавалось развитое военное производство, способное оснастить вооруженные силы совершенным по тому времени вооружением.

Уже в годы второй пятилетки военное производство значительно опережало развитие мирных отраслей. Оборонная промышленность в первую очередь получала новейшую технику и оборудование для производства самолетов, танков, артиллерийских систем, стрелкового вооружения, приборов и боеприпасов. Темпы роста военного производства в годы второй пятилетки составили 286% по сравнению со 120% роста промышленного производства в целом. Благодаря осуществлению двух пятилетних планов военного строительства, предусматривавших коренное улучшение технического оснащения армии, авиации и флота, был достигнут большой скачок в производстве основных видов военной техники (табл. 2).

Таблица 2. Производство основных видов военной техники⁴⁰

Виды техники	1930–1931 гг.	1938 г.	Виды техники	1930–1931 гг.	1938 г.
Самолеты, ед.	800	5469	Винтовки	174 000	1 175 000
	740	2271	и карабины, шт.		
Танки, шт.			Пулеметы, шт.	40 900	71 100
Орудия, шт.	1911	12 340			

Крупные мероприятия по развитию военного производства и росту технической оснащенности Красной Армии при одновременном увеличении численности ее личного состава требовали больших средств. Значительно выросли расходы на оборону, которые в абсолютном выражении увеличились с 17,5 в 1937 г. до 56,8 млрд руб. в 1940 г. (в существовавшем масштабе цен). На финансирование наркоматов обороны и Военно-Морского Флота в 1941 г. планировалось ассигновать 83 млрд руб., что составило 43,4% от общего объема запланированных бюджетных расходов.

О достигнутой накануне войны степени военно-экономической мобилизации говорят следующие показатели. В 1940 г. на военные нужды было использовано 15% национального дохода, 26 промышленной и 9 сельскохозяйственной продукции, 16 всех транспортных перевозок, а в государственном бюджете удельный вес расходов на оборону составил 32,6%. В третьей пятилетке ежегодный прирост продукции достиг 13%, в то время как в оборонной промышленности – 39%. Производство продукции оборонных отраслей за это же время увеличилось в 2,8 раза⁴¹.

В первую очередь развивалось производство самолетов, танков и артиллерийского вооружения. В сентябре 1939 г. политбюро ЦК ВКП(б) приняло постановление "По реконструкции существующих и строительству новых самолетных заводов". Оно предусматривало увеличить к концу 1941 г. производственные мощности авиазаводов более чем в полтора раза по сравнению с 1939 г. Было решено построить 9 новых самолетостроительных заводов и реконструировать 9 старых.

Одновременно на выпуск боевых самолетов было переключено большое количество предприятий невоенных отраслей. Только во второй половине 1940 г. наркомату авиационной промышленности было передано из других отраслей народного хозяйства свыше 60 различных предприятий. Кроме того, к авиазаводам прикреплялись предприятия, связанные с ними через поставки конкретной продукции по кооперированию. В результате мощности самолетостроения выросли за 1940 – первую половину 1941 г. в полтора раза. Увеличивались и мощности советского танкостроения. К производству танков еще с 1940 г. кроме Кировского (в Ленинграде) и Харьковского заводов подключаются Сталинградский и Челябинский тракторные заводы. Отдельные узлы и комплектующие изделия для танков стали производиться на многих гражданских предприятиях. К лету 1941 г. по производственным мощностям танкостроения и авиазаводов Советский Союз превосходил Германию почти в полтора раза⁴².

До начала войны военная промышленность увеличила производство артиллерийских систем более чем в полтора раза. Быстрыми темпами росло производство стрелкового оружия (кроме автоматов), по числу пулеметов Красная Армия превосходила вермахт.

Все эти данные свидетельствуют об одном: еще до вступления в войну Советский Союз имел высокую степень военно-экономической готовности. Если сравнивать уровень военного производства в СССР и в третьем рейхе в предвоенное время, то по многим показателям Советский Союз даже превосходил своего будущего противника. Удельный вес военного производства в объеме промышленности Германии достиг в 1939 г. 23%, а в СССР в 1940 г. он составлял 26%⁴³, к тому же централизованное управление экономикой позволяло ему в короткие сроки обеспечивать перевод любого предприятия на выпуск военной продукции.

Наряду с бюджетным ассигнованием на строительство новых заводов и реконструкцию старых производственных мощностей военному ведомству передавались гражданские заводы, предприятия и учреждения для наращивания выпуска военной техники и оружия, за конкретными военными наркоматами закреплялись различные предприятия, вплоть до небольших кооперативов. Такими мобилизационными возможностями не располагало ни одно капиталистическое государство, где подобные процессы неизбежно наталкиваются на интересы частного предпринимательства, на проблемы прибыльности производства.

По решению ЦК ВКП(б) и СНК СССР в 1939 г. военному ведомству было дополнительно выделено 200 млн золотых руб.* для закупки за рубежом оборудования. Работники внешторга оперативно закупили многое из того, что просили военные наркоматы, в том числе оборудование для авиационных и артиллерийских заводов⁴⁴. Основная масса капиталовложений шла на строительство или реконструкцию военного производства в традиционных промышленных центрах страны – центральных и западных, хотя не оставалось без внимания и развитие восточных районов. Правда, сложные климатические условия, низкая плотность населения, отсутствие квалифицированных рабочих кадров и инженеров не позволяли в короткие сроки развить промышленное производство за Уралом. Но и здесь был найден выход: репрессии, массовое переселение "неблагонадежных элементов", мобилизация молодежи стали основным источником рабочей силы для освоения этих районов, которые в годы Великой Отечественной войны сыграли роль "кузницы победы". Постепенно в промышленном производстве страны росла доля восточных районов. Вот некоторые показатели за 1940 г.: производство чугуна – 18,2%, стали – 21,4, проката черных металлов – 21,5, железной руды – 27,1, угля – 7,2, нефти – 5,2, электроэнергии – 12,8, металлорежущих станков – 4,5%⁴⁵.

---

* Золотой эквивалент 1 руб. составлял 0,222168 г. золота, а 1 золотого руб. – 0,774243 г.

Форсированное развитие военного производства вело в свою очередь к возникновению диспропорции между оборонной промышленностью и базовыми отраслями экономики. Нехватка сырья, качественных материалов, станков и оборудования, квалифицированной рабочей силы стали хроническим явлением в экономической жизни страны. В годы, предшествовавшие войне, замедлились темпы роста выплавки стали, добычи нефти, производства электроэнергии, металлорежущих станков и другой продукции. По выпуску этих видов продукции абсолютный прирост за 1938–1940 гг. был существенно ниже, чем за 1935–1937 гг. В отдельные годы даже несколько снижалось производство чугуна, стали, цемента, станков, паровозов, грузовых автомобилей, тракторов⁴⁶.

Диспропорции заявили о себе и в самом военном производстве: между старой и новой техникой, между выпуском военной техники и боеприпасами, между военной техникой и приборостроением. На крайне низком уровне находилось производство средств связи, прежде всего радиосредств, а также средств ремонта и инженерного вооружения, недостаточно выпускалось военно-транспортной техники.

Внимательный и беспристрастный анализ того, как развивалась советская экономика в межвоенный период, позволяет опровергнуть бытовавшее до сих пор мнение, будто она не была готова к войне и с нападением Германии на СССР потребовалась ее перестройка на военный лад. Если подходить к оценке степени готовности экономики к войне, в том числе с точки зрения количества производимого вооружения, то можно констатировать: советская экономика была готова к войне. Ведь ежемесячно она давала больше основных видов вооружения, чем германская промышленность. Если и требовался ее перевод на военные рельсы, то только для того, чтобы превзойти германское производство в несколько раз.

Однако следует иметь в виду, что в военной промышленности наблюдалась резкая диспропорция между производством основных видов вооружения и производством обеспечивающих их боевую деятельность компонентов – горючего, боеприпасов, транспорта, средств связи, инженерного вооружения, средств ремонта техники. Только с учетом этой диспропорции можно говорить о неготовности военной промышленности к войне. В целом же за два десятилетия мирного строительства в СССР была создана мощная экономическая база, хорошо приспособленная к нуждам войны, отработана система централизованного управления экономикой, что и позволило потом, уже в ходе войны, несмотря на огромные потери в людях, вооружении и производственной базе, в относительно короткие сроки сравняться с Германией в производстве военной техники, а потом и превзойти ее.

СОСТОЯНИЕ ВООРУЖЕННЫХ СИЛ

Провозглашенный руководством СССР тезис о неизбежности вооруженного столкновения с коалицией капиталистических государств определил ту высокую степень внимания, которое оно уделяло военному строительству. Индустриализация и коллективизация сельского хозяйства, развитие науки и культуры, воспитание граждан – все это осуществлялось под лозунгом укрепления обороноспособности страны, подготовки к защите социалистического Отечества.

Справедливости ради следует отметить, что количественные, а во многом и качественные показатели проделанной работы, особенно в области производства военной техники, были гигантскими. Если к концу 20-х годов советские вооруженные силы располагали всего лишь 89 танками и 1394 самолетами (и то в основном иностранных образцов), то к июню 1941 г. они уже насчитывали свыше 23 тыс. отечественных танков, среди них и первоклассный танк Т-34, а также более 18,7 тыс. боевых самолетов (табл. 3)⁴⁷.

Таблица 3. Численность вооруженных сил СССР, Германии и ее союзников к началу Великой Отечественной войны

Силы и средства	СССР	Германия и ее союзники						Всего
		Германия	Япония	Италия	Румыния	Финляндия	Венгрия	
Люди, млн	5,7	7,3	2,1	2,6	0,7	0,65	0,2	13,55
Орудия и минометы, тыс.	117,6	71,5	13,5	13,1	7,8	3,8	1,5	100,7
Танки, тыс.	18,7	5,6	2,5	2,4	0,2	0,086	0,1	10,88
Боевые самолеты, тыс.	16,0	5,7	2,5	2,4	0,7	0,3	0,3	11,9

* Учтено исправное вооружение.

При сопоставлении чисто количественных показателей вооруженных сил СССР и Германии с ее союзниками невольно вспоминаются слова популярной до войны песни: "Но от тайги до Британских морей Красная Армия всех сильнее". К сожалению, в действительности было далеко не так, как пелось в песне. Беда в том, что советское политическое и военное руководство не сумело разумно распорядиться созданными средствами вооруженной борьбы, и Красная Армия оказалась неподготовленной к большой войне. Напрашивается вопрос: в чем же причины?

Прежде всего – это отсутствие целостной, детализированной, узаконенной военной доктрины, опирающейся на здравые национально-государственные интересы СССР, а также то, что в условиях установленного в 30-е годы режима ни один, даже самый незначительный, вопрос военного строительства не решался военным ведомством без санкции Сталина и Молотова. Именно этот режим повинен в том, что как раз накануне войны советские вооруженные силы фактически были обезглавлены. Кстати, Гитлер, принимая решение о непосредственной подготовке к нападению на СССР, особенно о сроках агрессии, придавал этому факту первостепенное значение. В январе 1941 г. на совещании с представителями командования вермахта он заявил: "Для разгрома России вопрос времени очень важен. Хотя русская армия является глиняным колоссом без головы, ее будущее развитие трудно предсказать. Так как Россия должна быть в любом случае разбитой, то сделать это лучше сейчас, когда русская армия не располагает руководителями..."⁴⁸.

В Красной Армии репрессии коснулись прежде всего высшего и среднего командного состава. Были смены все командующие войсками военных округов, 90% их заместителей, начальников родов войск и служб, 80% руководящего состава корпусного и дивизионного звеньев, 91% командиров полков и их заместителей⁴⁹. Массовые репрессии привели к колоссальным перемещениям командного состава, причем на несколько ступеней выше. Бывали случаи, когда командиры батальонов назначались командирами дивизий и даже корпусов, а командиры взводов – командирами полков⁵⁰. В 1939 г. почти 70% командиров были повышены в должности⁵¹.

После 1939 г. репрессии пошли на убыль, однако они не прекращались до самого начала войны. Так, буквально накануне ее была арестована, а затем почти полностью уничтожена большая группа военачальников. В их числе командующий войсками Прибалтийского военного округа А.Д. Локтионов, начальники главных управлений ВВС П.В. Рычагов и ПВО Г.М. Штерн. А в июле 1941 г. был арестован заместитель народного комиссара обороны К.А. Мерецков.

Этот беспредел не только погубил цвет Красной Армии, но и, что еще ужаснее, породил у командного состава страх, боязнь ответственности, а значит безынициативность, что не могло не отразиться на уровне управления и работе командных кадров. Это не осталось вне поля зрения германской разведки. Так, в "Сведениях о противнике на востоке" – очередной сводке от 12 июня 1941 г. отмечалось: "Характерные черты русских: неповоротливость, шаблон, нерешительность и боязнь ответственности..."

Командиры всех звеньев на ближайшее время все еще являются неподходящими для умелого управления крупными современными соединениями. Они неспособны и вряд ли будут способны осуществлять крупные операции наступательной войны, быстро вступать в бой при благоприятной обстановке и действовать самостоятельно в рамках общей операции"⁵².

Не удалось устранить в Красной Армии вплоть до самого начала войны текущую кадровую проблему, ибо шло непрерывное формирование новых соединений. В 1940–1941 гг. вновь были назначены на должности 82% командующих округами, 53 – командующих армиями, 68,6 – командиров корпусов, 71,8% командиров дивизий⁵³, т.е. на освоение новых должностей у них оставалось меньше года.

А между тем развертывание вооруженных сил резко увеличило потребность в кадрах и привело к огромному некомплекту командного состава. Призыв командиров запаса, а также развертывание сети военных учебных заведений и различных курсов лишь частично позволили поправить положение, но ожидаемых результатов это не дало из-за отсутствия времени. Командный состав пополнялся преимущественно за счет выпускников военных училищ и курсов младших лейтенантов, а также за счет призыва из запаса в основном младших офицеров, не закончивших военных училищ.

В отличие от вермахта, где в составе запаса было немало тех, кто принимал участие еще в первой мировой войне, причем от тактического звена до стратегического, в Красной Армии таких офицеров почти не осталось. После Октябрьской революции основная масса старших офицеров царской армии оказалась на стороне белого движения, а та их часть, что добровольно или по мобилизации действовала на стороне советской власти, в большинстве своем вскоре была уволена из рядов Красной Армии, а впоследствии почти полностью репрессирована.

В связи с репрессиями, а главным образом из-за постоянной корректировки планов военного строительства политическим руководством страны в 1940–1941 гг. военному командованию приходилось принимать решения на расширение сети подготовки командно-начальствующего состава одновременно с началом организационных мероприятий, связанных с увеличением численности вооруженных сил, в том числе и командного состава. Вот почему все меры по подготовке командиров в системе военно-учебных заведений с нормальным по сроку и объему курсом обучения безнадежно отставали. Руководству наркомата обороны приходилось делать ставку на систему ускоренной подготовки. Сокращались сроки обучения в военно-учебных заведениях, а значительная часть офицеров готовилась на краткосрочных (шестимесечных) курсах младших лейтенантов. Даже руководству Особавиахима поручалось экстренно подготовить летчиков для ВВС. Понятно, что качество подготовки таких кадров оставляло желать много лучшего.

К началу войны на должностях командиров взводов и рот оказались в основном младшие лейтенанты – офицеры, прошедшие ускоренный (в четыре раза короче нормального) курс обучения. Т.е. именно та категория командного состава, которая непосредственно обучала солдат и сержантов, была сама плохо подготовлена в военном отношении.

Вот что отмечалось по этому поводу в докладе о боевой подготовке войск Киевского Особого военного округа в зимнем периоде 1940/41 учебного года: "Командиры взводов, рот и батальонов по стажу и опыту работы являются моло-

дым командным составом, не имеют навыков и опыта в организации и проведении боевой подготовки в своих подразделениях, благодаря чему методика обучения бойца и подразделений в большинстве частей округа стоит на низком уровне"⁵⁴.

Не лучшим образом обстояло дело в старшем и даже высшем звеньях. Начальник управления боевой подготовки В.Н. Курдюмов в тезисах своего выступления, подготовленных к декабрьскому совещанию высшего командного состава (1940 г.), писал: "Последняя проверка, проведенная инспектором пехоты, показала, что из 225 командиров полков, привлеченных на сбор, только 25 человек оказались закончившими военное училище, остальные 200 человек – это люди, окончившие курсы младших лейтенантов и пришедшие из запаса"⁵⁵. В Киевском Особом военном округе из четырех командующих армиями двое вообще не имели военного образования.

Среди офицерского состава сухопутных войск только 4,3% получили высшее военное образование, 13% после окончания военных училищ повысили свою квалификацию на различных курсах. Окончившие военные училища командиры составляли 36,5%, 3,3% командного состава учились на одногодичных, а 27,2 – на шестимесячных курсах; 15,9% командиров, занимавших офицерские должности, вообще не имели никакого военного образования, причем 77,7% служили в Красной Армии менее пяти лет⁵⁶. Приблизительно аналогичная картина наблюдалась и в других видах вооруженных сил.

Положение с младшим командным составом (сержантами) оказалось еще более тяжелым. Большинство соединений и частей западных приграничных военных округов участвовало в советско-финляндской войне, оставив полковые школы, где готовили сержантов, в пунктах своей постоянной дислокации. Курсантам приходилось нести караульную службу, а потому учебой они практически не занимались. В связи с развертыванием вооруженных сил в 1940–1941 гг. полковые школы сделали несколько ускоренных выпусков. Однако и эта мера не обеспечивала потребность новых формирований в сержантах, вследствие чего к началу войны и старые, и новые формирования имели большой некомплект в младшем комсоставе, а отделениями командовали, как правило, наспех подготовленные ефрейторы.

Неумелые действия советских войск и их командования в войне против Финляндии явились для Сталина полной неожиданностью. Бодрые рапорты маршала Ворошилова, возглавлявшего военное ведомство с 1925 г. и являвшегося одним из самых доверенных помощников генсека, до сих пор не давали ему основания беспокоиться за армию. Чистка ее от "врагов народа" позволяла ему быть абсолютно спокойным за вооруженные силы. А почти бескровное присоединение к СССР в сентябре 1939 г. западных областей Украины и Белоруссии казалось явным подтверждением того, что Красная Армия находится в прекрасной форме.

И вдруг война с Финляндией обнажила крупные пороки в состоянии вооруженных сил. Было решено спешно провести коренную реконструкцию всех звеньев.

Сталин, считая Ворошилова главным виновником неготовности армии, в мае 1940 г. снял его с поста народного комиссара обороны, а вместо него назначил С.К. Тимошенко, командовавшего фронтом, войска которого прорвали линию Маннергейма – сильно укрепленную оборону финской армии на Карельском перешейке. Вслед за этим существенному обновлению подвергся центральный аппарат военного ведомства. В течение года были сменены практически все начальники основных его подразделений, в том числе и начальник Генерального штаба Б.М. Шапошников. Место это занял К.А. Мерецков: в войне против Финляндии армия под его командованием наступала на главном направлении. Вскоре Мерецкова сменил Г.К. Жуков, одержавший победу над японцами в районе р. Халхин-Гол в августе 1939 г. На освоение сложнейшей должности история отвела Жукову слишком мало времени. Сам он впоследствии писал об этом так: "Каждый здравомыслящий человек понимает, что даже с позиций высокого поста начальника

Генерального штаба Красной Армии нельзя за четыре с половиной месяца всего постигнуть"⁵⁷. Были заменены и основные помощники начальника Генштаба.

Стремление Сталина решать все единолично привело к отсутствию серьезных научных разработок в такой важной области, как военное строительство, к поспешным, зачастую необоснованным и ошибочным решениям. Поэтому в вопросах организационного строительства вооруженных сил наблюдалось шараханье из одной крайности в другую. Нагляднее всего это видно на примере механизированных корпусов. Только осенью 1939 г. они были расформированы, а уже весной следующего года Сталин поставил задачу вновь приступить к формированию корпусов.

В ходе начатой в 1940 г. реорганизации вооруженных сил были допущены роковые просчеты, имевшие в буквальном смысле катастрофические последствия. Было предпринято формирование чрезмерного количества новых соединений и частей с неоправданно большим числом основных видов военной техники. Так, в танковых войсках были созданы 61 танковая и 31 моторизованная дивизии, имевшие по штату соответственно 375 и 275 танков, в то время как вермахт располагал 20 танковыми и 16 моторизованными дивизиями. Перед нападением на СССР немецкие танковые дивизии имели от 147 до 299 танков, а в моторизованных их не было совсем⁵⁸. Причем германская танковая дивизия по своей структуре была по сути идентична советской моторизованной. Создалась парадоксальная ситуация: при наличии почти 19 тыс. танков в Красной Армии смогли укомплектовать ими полностью лишь один из 29 механизированных корпусов. Германия же, располагая значительно меньшим количеством танков и штурмовых орудий, имела не только моторизованные корпуса, но и четыре крупных танковых объединения (типа армии) в виде танковых групп, а, кроме того, сформировала дивизионы и отдельные батареи штурмовых орудий (самоходных артиллерийских установок), предназначенные для поддержки пехоты. Это было достигнуто благодаря тому, что командование вермахта разумно соизмерило количество вооружения с числом соединений и объединений. Красной Армии из-за чрезмерного числа соединений и раздутых штатов в 1941 г. требовалось 37,9 тыс. танков, т.е. не хватало 19,2 тыс.⁵⁹ Причем в этом же году заводы должны были поставить только 4166 боевых машин. При таких темпах производства полного укомплектования формируемых войск следовало ожидать не ранее чем через четыре года. Для укомплектования ВВС Красной Армии требовалось 20 607 боевых самолетов, а имелось вместе с неисправными 16 052. Не хватало 5,6 тыс. орудий для оснащения частей войсковой артиллерии и артиллерии РКК. И это в то время, когда по числу самолетов и орудий Красной Армии не было равных в мире. К началу войны не удалось завершить формирование около одной трети авиационных полков, фактически всех механизированных и воздушнодесантных корпусов, противотанковых артиллерийских бригад РКК, всех укрепленных районов. Почти половина стрелковых корпусов имела по одному артиллерийскому полку вместо двух, предусмотренных штатами (на 62 корпуса приходилось всего 97 полков)⁶¹. Кстати, в вермахте корпусной артиллерии не было вообще, а пехотной дивизии полагался один полк*.

К просчетам в реорганизации следует отнести и то, что после восстановления в танковых войсках корпусов все имевшиеся танки были использованы для их формирования, а значит, пехота осталась без танковых соединений и частей, ранее предназначенных для ее усиления. Вместе с тем не было создано танковых объединений оперативного назначения (типа немецких танковых групп), хотя вопрос об этом ставился советскими военачальниками еще с начала 30-х годов.

В ходе формирования корпусов уже имевшиеся в Красной Армии танковые бригады, хорошо укомплектованные и слаженные, были расформированы, а вместо

* Советской стрелковой дивизии по штату полагалось два артиллерийских полка.

них начали создавать дивизии. До 1940 г. каждая бригада легких танков имела по штату 258 машин, а бригады тяжелых и средних танков – по 156, т.е. столько же, сколько немецкие танковые дивизии. Наличие в Красной Армии почти 40 таких бригад обеспечивало возможность иметь около 20 механизированных корпусов, состоящих из двух танковых и одной механизированной бригад, а в вермахте было 12 управлений корпусов. Но полученный в 30-е годы опыт создания механизированных (танковых) корпусов был отвергнут. О нем вспомнили лишь в 1942 г.

В 1940 г. советское военное командование отказалось от авиационных армий, подчинив основную часть боевой авиации (84,2% всех самолетов) командованию общевойсковых объединений (фронтов и армий)⁶². Созданные перед самой войной авиационные корпуса дальних бомбардировщиков (13,5% всех боевых самолетов) только формально являлись средством Главного командования⁶³. В действительности же большинство их находилось в оперативном подчинении командования приграничных военных округов. Это привело к децентрализованному применению авиации, что противоречило общей тенденции развития этого высокоманевренного дальнебойного средства вооруженной борьбы. В вермахте, наоборот, вся авиация была организационно сведена в несколько крупных оперативно-стратегических объединений (в виде воздушных флотов), она не подчинялась общевойсковому командованию, а лишь взаимодействовала с наземными силами.

Многие ошибки в военном строительстве СССР накануне войны вытекали из излишней приверженности к опыту боевых действий Красной Армии в локальных конфликтах, а также неспособности неопытного, слабо подготовленного в профессиональном отношении, к тому же лишеного самостоятельности военного руководства объективно оценить опыт большой войны, которую вермахт вел в Европе с сентября 1939 г.

Так, в результате неправильной оценки опыта боев в Испании и похода советских войск в западные области Украины и Белоруссии было решено в ноябре 1939 г. отказаться от танковых корпусов и перейти к бригадной системе. Это было сделано на том основании, что корпуса слишком громоздки в управлении, а бригадам легче взаимодействовать с пехотой и артиллерией. Такая аргументация была целиком опровергнута вермахтом в войне против Польши в сентябре 1939 г., но особенно во Франции в 1940 г. Вновь воссозданные в Красной Армии в 1940 г. корпуса должны были иметь не 500 танков, а вдвое больше.

Военные действия в Финляндии в условиях лесисто-болотистой и гористой местности потребовали более тесного взаимодействия авиации с наземными войсками. Выход был найден в том, чтобы подчинить соединения и части ВВС общевойсковому командованию, т.е. в дроблении авиации. Этот специфический опыт был воплощен в новой структуре ВВС, принятой в 1940 г.

Успешное применение германским командованием воздушных десантов в войне с малыми странами был излишне переоценен советским военным и политическим руководством. В апреле 1941 г. оно приступило к формированию пяти воздушно-десантных корпусов, в то время как в Германии было всего две дивизии: одна парашютная, а другая – пехотная, которую приспособили к переброске самолетами и планерами. Из-за недостатка времени и средств к началу войны формирование корпусов так и не удалось завершить. Части успели только получить парашюты, но личный состав вновь сформированных десяти бригад не сделал ни одного прыжка. Не оказалось и специально подготовленной для транспортировки воздушных десантов авиации, так как в целях экономии средств предполагалось использовать тяжелые бомбардировщики ТБ-3, которые представляли собой сильно устаревшие тихоходные машины. Только 5 июня 1941 г. было принято решение о формировании при каждом воздушнодесантном корпусе двух десантно-бомбардировочных полков. Однако обучить их экипажи транспортировке и выброске воздушных десантов времени не оставалось.

Крупнейший просчет советское военно-политическое руководство допустило в соотношении средств вооруженной борьбы. Еще в 1928 г. при планировании первой пятилетки военного строительства приоритет был отдан созданию основных средств вооруженной борьбы – артиллерии, танкам, а также боевым самолетам. В принципе такое решение было правильным. Однако на каком-то этапе производство этих средств приняло такие гипертрофированные размеры, что СССР не только сравнялся с основными своими вероятными противниками, но и значительно превзошел их. Вместе с тем в советских вооруженных силах явно недоставало таких важных технических средств, как радио, автомобили, инженерное вооружение, механические средства тяги для артиллерии, средства ремонта техники, транспортировки и заправки горючего. А без всего этого огромное количество танков, самолетов и артиллерии становилось небоеспособным.

Особенно остро ощущался недостаток ремонтных средств. Еще в мирное время по этой причине почти четверть всех автомобилей, восьмая часть боевых самолетов Красной Армии оставались неисправными. Укомплектованность большинства танковых соединений полевыми средствами ремонта и подвоза горючего не превышала 25–30% от штатной нормы.

К 1 июня 1941 г. в стране насчитывалось более 700 тыс. грузовых автомобилей. Среди них преобладали в основном полуторатонные ГАЗ-АА. Из-за плохого состояния дорог, недостатка запасных частей, ремонтных материалов, средств технического обслуживания, шин, аккумуляторов, низкой квалификации большинства водителей техническое состояние автомобильного парка было неудовлетворительным. Только 55% машин считались исправными. На 15 июня в войсках имелось около 272,2 тыс. автомобилей, что составляло 36% от численности штата военного времени⁶⁴. Таким образом, для удовлетворения мобилизационных потребностей армии нужно было изъять из народного хозяйства более 2/3 автомобилей.

Недавние успехи советской авиации, строительству которой сам Сталин уделял особое внимание, многочисленные рекорды, дальние перелеты советских летчиков, в том числе и через Северный полюс в Америку, приучили к мысли, что она на самом высоком уровне. Техническое отставание советских ВВС от Германии выявилось только в период гражданской войны в Испании. Пришлось руководителям страны и армии предпринимать срочные меры, чтобы догнать Германию, но было слишком поздно. Удалось лишь сконструировать вполне современные машины и создать производственную базу. В западные приграничные военные округа поступило 1540 самолетов новых конструкций, но переподготовку на них успели пройти только 208 экипажей⁶⁵.

Большая часть советских самолетов уступала германским по многим техническим характеристикам. Несмотря на то что еще в середине 30-х годов были разработаны и приняты на вооружение 20-мм авиационная пушка и реактивные снаряды, оснащена ими была лишь незначительная часть истребителей, которые предназначались для действий в качестве штурмовиков. Истребители люфтваффе, полностью оснащенные 20-мм пушками и превосходившие в скорости советские, имели неоспоримое преимущество в воздушном бою.

Были также допущены ошибки в порядке проведения реорганизации вооруженных сил. В первую очередь она осуществлялась в войсках приграничных военных округов, причём охватила их практически полностью. В результате значительная часть боеспособных, хорошо слаженных и укомплектованных соединений оказалась к началу войны расформированной.

Ввиду просчетов в определении необходимого и возможного числа соединений, а также ошибок в организационной структуре войск и по другим причинам основная часть намеченных мероприятий оказалась незавершенной, что крайне отрицательно сказалось на уровне боеспособности вооруженных сил в целом, но особенно танковых войск, авиации, воздушнодесантных войск, противотанковой артиллерии

РГК и войск укрепленных районов. Не полностью укомплектованные, они имели низкую подвижность, обученность и слаженность.

В 1939–1940 гг. на присоединенные к СССР новые территории была передислоцирована основная часть советских войск, располагавшихся на западе. Это отрицательно повлияло на боеготовность и боеспособность тех частей и соединений, которым 22 июня 1941 г. пришлось вступить в сражение с германским агрессором. Дело в том, что передислокация нарушила планы мобилизации и стратегического развертывания советских войск на западе на случай войны, а разработку новых планов полностью завершить не удалось. Войска и штабы не смогли освоить их в достаточной степени.

По свидетельству маршала С.С. Бирюзова, начальник Генерального штаба Б.М. Шапошников предлагал К.Е. Ворошилову и И.В. Сталину оставить главные силы войск восточнее старой границы, на которой уже были построены хорошо укрепленные рубежи обороны, а на новых территориях иметь лишь подвижные войска вместе с сильными инженерными частями заграждения. По мнению Шапошникова, в случае нападения агрессора они будут вести сдерживающие боевые действия от рубежа к рубежу, благодаря чему можно выиграть время для отмотелизации и создания группировок главных сил на линии старой границы⁶⁶. Однако Сталин, считавший, что ни одной пяди своей земли не должно быть отдано врагу, а громить его следует на его же территории, отклонил это предложение. Он приказал главные силы войск сосредоточить в только что присоединенных районах, т.е. в непосредственной близости от границы с Германией.

Пожалуй, один только Шапошников как опытный генштабист, лично занимавшийся вопросами оперативно-стратегического планирования на случай войны, мог представить всю пагубность подобного решения в преддверии войны. Ведь в результате передислокации соединения были оторваны от районов, где им предстояло отмотелизовываться: получить необходимое количество резервистов для развертывания до штатов военного времени, а также лошадей, повозок, автомобилей и тракторов из народного хозяйства. Новые районы не могли обеспечить потребности мобилизации в людях, но особенно в автомобилях и тракторах. Пришлось планировать их поставку из глубины страны, а для преодоления такого значительного расстояния требовалось время.

Введенные на новые территории войска вынуждены были дислоцироваться на необорудованных театрах военных действий. Пропускная способность железных дорог здесь могла обеспечить полную подачу предусмотренных мобилизационным планом ресурсов и войск только на 20–30-й день с начала мобилизации, в то время как коммуникации сопредельной стороны позволяли противнику завершить сосредоточение сил вдвое быстрее⁶⁷. Имевшиеся на новых территориях аэродромы лишь наполовину удовлетворяли потребности военно-воздушных сил западных военных округов, поэтому 40% авиаполков базировалось по два на одном аэродроме, т.е. более чем по 120 самолетов на каждом, при норме два-три аэродрома на полк⁶⁸. Печальные последствия известны: в условиях внезапного нападения вермахта огромное количество советских самолетов с первого налета было уничтожено на земле.

То обстоятельство, что в ходе войны с Финляндией Красной Армии пришлось прорывать долговременную глубокую оборону, а на границах ряда европейских стран тоже были возведены мощные долговременные укрепления, послужило веским основанием для принятия советским руководством решения о возведении долговременных оборонительных рубежей вдоль новой западной границы. Это дорогостоящее мероприятие требовало огромного количества и сил, и средств, и времени. Ни того, ни другого, ни третьего у руководства СССР не оказалось. К началу войны была выполнена примерно четверть намеченных работ.

Возглавлявший в ту пору инженерные войска Красной Армии А.Ф. Хренов

вспоминал после войны, что он и заместитель народного комиссара обороны Б.М. Шапошников, которому было поручено руководить оборонительным строительством на границе, предлагали сначала построить не бетонные, а легкие полевые фортификационные сооружения. Это позволило бы как можно быстрее создать условия для ведения устойчивой обороны, а уж потом постепенно строить более мощные бетонные сооружения⁶⁹. Однако Сталин отказался. В итоге к июню 1941 г. намеченные работы были далеки от завершения: план строительства укреплений удалось выполнить лишь на 25%⁷⁰.

Однако и это еще не все. Столь крупное предприятие имело и другие негативные последствия: значительные средства были отвлечены от таких важных мероприятий, как строительство дорог и аэродромов, создание необходимых условий для боевой учебы войск. Более того, недостаток рабочей силы и стремление к экономии средств вынудили в широких масштабах привлекать к строительству боевые войска, что пагубно отражалось на их боеготовности.

Присоединенные к СССР новые территории были не в состоянии обеспечить нормальное размещение и боевую учебу более чем двухмиллионной армии, которую представляли собой войска западных приграничных военных округов. Им не хватало казарм, конюшен, парков для боевых машин и артиллерии, классов и учебных полей, стрельбищ и полигонов. Вот и пришлось войскам заниматься строительством всего необходимого для жизни и учебы, а профессиональной подготовке – слаживанию штабов, подразделений и частей – уделять не более двух–четырех часов в день⁷¹.

Почти во всех родах войск в феврале–апреле 1941 г. началось формирование новых соединений и частей. Оно не было предусмотрено пятилетним планом военного строительства, рассчитанным на 1939–1943 гг. Теперь перед войсками возникли очередные трудности, в том числе и в обеспечении боевой подготовки: им не хватало тренажеров, учебного оружия и военной техники, а обеспеченность учебными приборами не превышала 15% потребности⁷².

Огромные расходы на строительство оборонительных сооружений у границы, коммуникаций и аэродромов, на новые программы в авиации, танкостроении и в целом ряде других отраслей военной промышленности заставили военное командование пойти на сокращение расходов на боевую подготовку⁷³. Войска испытывали острую нужду буквально во всем: в боеприпасах, горючем, даже в бумаге. Часто ротные расписания занятий приходилось писать на газетах или обратной стороне бумажных мишеней. Итог весьма печален: войска западных приграничных военных округов оказались слабо обученными.

Вновь формируемые с февраля 1941 г. механизированные корпуса создавались не только на базе танковых соединений, но и на основе кавалерийских и стрелковых дивизий, поэтому большое количество офицеров–пехотинцев и кавалеристов, теперь перешедших в танковые войска, нуждались в серьезной переподготовке. К началу войны они проучились чуть больше месяца вместо запланированных трех с половиной.

На декабрьском совещании 1940 г. высшего командного состава Красной Армии начальник автобронетанкового управления Я.Н. Федоренко говорил, что за прошедший год танкисты смогли отработать только стрельбу с места, а к стрельбе в составе взвода и роты вообще не приступали. "Огневая подготовка, – констатировал он, – осталась в этом году недоработанной.. В тактической подготовке остались недоработанными вопросы взаимодействия... Корпуса и дивизии обрабатывали вопросы вхождения в прорыв и наступления, но это только ознакомительно, никакого боевого взаимодействия и сплоченности в этих вопросах еще нет"⁷⁴. К сожалению, то, что не успели сделать в 1940 г., не удалось завершить и в следующем. В приказе НКО об итогах боевой подготовки за зимний период и о задачах на летний отмечалось: в танковых войсках практические навыки по вожде-

нию машин посредственные, а во вновь сформированных частях – просто плохие; качество же стрельбы из танков по сравнению с предыдущей осенью снизилось. (Вновь сформированные части составляли две трети всех танковых частей).

Из-за недостатка, а иногда и полного отсутствия полевых подвижных средств ремонта ремонтные подразделения и части практически не обучались в полевых условиях, т.е. не готовились к обеспечению действий танков и автотракторной техники в бою.

В августе 1940 г. комиссия НКО под руководством маршала С.М. Буденного проверяла 7 авиационных полков Одесского и Киевского Особого военных округов. Вывод был неутешительным: "Состояние авиачастей в настоящее время находится в таком упадке, что они не могут полностью выполнять стоящие перед ними задачи при столкновении с современным противником"⁷⁵. Комиссия выявила высокую аварийность, слабую дисциплину, низкий уровень летной, штурманской, оперативно-тактической и огневой подготовки. Аналогичные оценки содержались в докладах комиссий под руководством К.А. Мерецкова и Л.З. Мехлиса, проверявших ВВС Прибалтийского, Западного Особых и Забайкальского военных округов.

Зимой 1940/41 г. в военно-воздушных силах Киевского Особого военного округа на каждый экипаж приходилось меньше одного полета на бомбометание, воздушную стрельбу и воздушный бой. Примерно такое же положение было и в других округах. Произошло это потому, что для полетов не хватало горючего, не хватало техники для очистки взлетных полос от снега, а также из-за неблагоприятных метеоусловий.

В приказе начальника Главного управления ВВС Красной Армии от 17 мая 1941 г. указывалось, что в результате проверки ВВС Западного Особого военного округа, войска которого дислоцировались в Белоруссии, на направлении, где германское командование планировало нанести главный удар, выявлена низкая огневая подготовка летчиков; даже на земле они стреляли из пулемета неудовлетворительно⁷⁶. В июне 1941 г. из-за отсутствия горючего в Западном Особом округе были прекращены полеты в ряде авиационных полков⁷⁷.

Не лучше обстояло дело с огневой подготовкой и у зенитчиков. Стрелять те учились только по тихоходным самолетам: не хватало высокоскоростных машин, а самое главное – не было воздушных мишеней, которые бы буксировались со скоростью свыше 250 км/ч⁷⁸. Известно было, что скорость основных боевых самолетов люфтваффе превышала 500 км/ч.

Огромное количество танков, самолетов, орудий и минометов требовало создания больших запасов горючего и боеприпасов на военное время, однако промышленность не справлялась с заданиями военного ведомства, которое вынуждено было прибегать к строжайшей экономии. Это в свою очередь влекло за собой уменьшение расхода боеприпасов и горючего на нужды боевой учебы. Их хронический недостаток являлся бичом для войск. По этой причине в полной мере не отработывалось на учениях взаимодействие авиации с наземными войсками, танковых, артиллерийских и стрелковых подразделений и частей между собой, а артиллеристы, летчики и танкисты не могли обучаться стрельбе из своего оружия.

В отличие от вермахта, где самыми молодыми солдатами в действующей армии являлись призывники осени 1940 г., а рекруты весеннего призыва 1941 г. направлялись сначала в армию резерва, в Красной Армии рядовые дополнительного весеннего призыва (апрель–май) 1941 г. были поставлены сразу же в строй. В войсках приграничных военных округов солдаты первого года службы составляли более двух третей всей численности рядовых, причем почти половина из них была призвана в 1941 г. Ввиду того что часть призывников не успела принять присягу к началу войны, некоторые солдаты встретили ее без оружия.

Слабо подготовленный и малоопытный командный состав при отсутствии необходимых методических разработок по различным предметам обучения личного

состава и подразделений стремился слишком буквально выполнять требования приказа народного комиссара обороны об обучении личного состава в условиях, приближенных к боевым. В ущерб воинскому мастерству был взят крен в сторону воспитания выносливости, приспособленности к существованию в самых трудных погодных условиях. Например, практиковались кроссы на 20–25 км или марш-броски на 75 км. В то же время мало внимания уделялось морально-психологической подготовке солдат к действиям против танков, при отражении налетов вражеской авиации и в других условиях боевой обстановки.

Начиная с августа 1940 и до июня 1941 г. комиссии, возглавляемые заместителями народного комиссара обороны, а также начальниками управлений видов вооруженных сил и родов войск, почти непрерывно проверяли ход боевой и оперативной подготовки, инспектируя штабы и войска. Итоги проверок находили отражение и в докладах комиссий на имя наркома, и в его приказах по результатам проверок, и в приказах по боевой подготовке на новый учебный год. Эти же вопросы обсуждались на заседаниях Главного военного совета. К сожалению, в большинстве отчетов проверочных комиссий и во всех приказах наркома обороны недостатки лишь фиксируются и только в отдельных документах делается робкая попытка вскрыть истинные их причины. Нарком и его заместители в качестве основной и почти единственной причины выдвигали низкую требовательность военных советов округов и командного состава всех звеньев. Поэтому чаще всего приказы заканчивались раздачей взысканий, а для устранения вскрытых во время инспектирования недостатков назначались такие сроки, которые даже человеку непосвященному казались нереальными.

Недостаточная компетентность руководителей высшего звена, их представление о том, что все можно поправить, поставив во главе части или соединения волевого командира, иной раз приводили к абсурдным рекомендациям. Так, в докладе народному комиссару обороны о результатах проверки ВВС Киевского Особого и Одесского военных округов маршал С.М. Буденный в августе 1940 г. предлагал поставить во главе ВВС одного из лучших командующих войсками военного округа, а кроме того, заменить начальника штаба ВВС и всех командиров авиационных дивизий лучшими общевойсковыми командирами. Подобные рекомендации содержались и в докладе заместителя наркома обороны К.А. Мерецкова после проверки им ВВС Западного и Прибалтийского Особых военных округов.

Если брать во внимание только численные показатели, то к лету 1941 г. советские вооруженные силы уступали лишь полностью отмобилизованному вермахту, но по количеству основных видов вооружения им не было равных в мире. К тому времени они насчитывали 5,7 млн человек и включали Красную Армию, Военно-Морской Флот, пограничные и внутренние войска.

Красная Армия являлась основной силой, предназначенной для защиты страны на сухопутных театрах войны; на нее приходилось 88% (5 млн человек) всей численности вооруженных сил.

Военно-Морской Флот насчитывал 343,7 тыс. человек (6% общей численности вооруженных сил). В случае войны ему предстояло содействовать тем объединениям Красной Армии, что вели боевые действия вдоль морского побережья, а также вести борьбу с флотом противника и противодействовать высадке его морских десантов.

В пограничных и внутренних войсках проходили службу 337 тыс. человек. Планировалось, что в случае агрессии пограничные войска (заставы, охранявшие границу) будут действовать в составе частей Красной Армии, а внутренние – продолжать выполнение своих специфических задач, а также конвоировать и охранять военнопленных.

Сухопутные войска Красной Армии к началу войны включали 303 дивизии (198 стрелковых, горнострелковых и мотострелковых, 61 танковая, 31 моторизованная и

13 кавалерийских), 3 отдельные стрелковые, а также 16 воздушнодесантных бригад. Все они, за исключением кавалерийских, находились в стадии реорганизации или формирования. В войсках НКВД насчитывалось 14 дивизий, 18 бригад и 21 отдельный полк различного назначения. Вместе с учебными заведениями танковые войска Красной Армии имели в строю около 18,7 тыс. исправных тяжелых, средних, легких, малых и огнемётных танков из числившихся 23,1 тыс.⁷⁹ Артиллерийские части и учебные заведения насчитывали 110,4 тыс. орудий и минометов полевой и зенитной артиллерии, причем почти треть последних приходилась на малоэффективные 50-мм минометы⁸⁰. В частях и соединениях ВВС Красной Армии имелось 13,7 исправных боевых самолетов, кроме того, 2,3 тыс. неисправных, к тому же только на 12,3 тыс. машин были подготовлены экипажи⁸¹.

По числу боевых кораблей и самолетов советский Военно-Морской Флот являлся одним из крупнейших в мире, располагая 277 кораблями основных классов (3 линкора, 7 крейсеров, 56 эсминцев и лидеров, 211 подводных лодок). Морская авиация, входившая в состав ВМФ, насчитывала 2,7 тыс. самолетов, из которых исправными являлись 2,4 тыс. боевых машин. Однако готовых экипажей имелось лишь 2,1 тыс. Части береговой обороны и бригада морской пехоты были оснащены более чем 7,1 тыс. орудий и минометов⁸².

Всего к началу войны в Красной Армии и Военно-Морском Флоте (в войсках, на кораблях, в береговых службах, в военно-учебных заведениях, на полигонах, базах и складах) имелось 117 589 орудий и минометов (в том числе 35 136 минометов калибра 50 мм), 18 691 танк и САУ, 16 052 боевых самолета. Это была огромная сила.

К сожалению, вся эта масса людей и вооружения оказалась неподготовленной к отражению агрессии из-за незавершенности формирования и реорганизации, неуккомплектованности войск командным составом и его низкой профессиональной подготовки, необученности подразделений и частей, неслаженности штабов, недостатка средств связи, ремонта и эвакуации, транспорта, средств транспортировки и заправки горючего, инженерного вооружения, низкой степени оборудования театра военных действий.

На все это накладывалась недостаточная устойчивость политико-морального состояния личного состава вооруженных сил. Опыт Хасана, Халхин-Гола и советско-финляндской войны выявил низкую дисциплину войск, которая в наиболее сложной обстановке, как правило, приводила к деморализации и панике. Это отмечалось командованием всех степеней как в ходе военных действий, так и после их окончания при подведении итогов, в частности на мартовском пленуме ЦК ВКП(б) и апрельском совещании командного состава в 1940 г. Принятые в том же году указ "Об усилении ответственности за самовольные отлучки и дезертирство", Дисциплинарный устав, дававший право начальнику на применение силы и оружия против подчиненных, а также создание дисциплинарных батальонов не дали желаемых результатов. И не могли дать, так как в армии, как в зеркале, отражалось то, что происходило в обществе.

Сложность и противоречивость в политическом, социально-экономическом и нравственном развитии при полном внешнем благополучии создавали внутреннее напряжение в обществе. С одной стороны, большинство рабочего класса было готово идти на любые жертвы ради победы социализма. В этом его поддерживало большинство крестьянства. С другой стороны, морально-политическое единение советского народа в значительной степени держалось на страхе и потому было подвержено колебаниям в тяжелых условиях, что с особой силой проявилось в начале войны.

На рубеже 30–40-х годов Советский Союз в основном приобрел ту "архитектуру", которая позволила ему устоять в первый, самый тяжелый период Великой Отечественной войны, через четыре года победить Германию и без существенных изменений функционировать еще полстолетия.

В политической системе СССР четко выделилось ядро в виде огосударствленной коммунистической партии и идеологизированного советского государства. По существу оба института составляли единое целое – партийное государство, во главе которого оказались несколько лиц, обладавших всей полнотой власти. В целом сложилась разветвленная и всепроникающая нормативно-правовая система, которая призвана была детально регламентировать жизнь и деятельность, мысли и поступки советских людей.

В духовно-идеологической сфере идеи мировой революции дополнялись четкими установками на построение социализма в одной стране – СССР. Главные усилия пропаганды были направлены на противопоставление Советского Союза всему остальному – капиталистическому миру, подчеркивание исключительности его государственного и общественного строя, даже мессианского предназначения Страны Советов. В качестве основы советского патриотизма культура и искусство стали развивать темы интернациональной дружбы народов СССР, боевых подвигов русских полководцев и рядовых воинов периода строительства и укрепления Российской империи.

Мощное экстенсивное развитие народного хозяйства сопровождалось формированием соответствующей централизованной структуры управления. В экономике нарастало государственное регулирование, доминировал военно-промышленный комплекс, а также добывающие сырьевые отрасли и тяжелая промышленность, его обеспечивающие. Традиция, ведущая начало от петровских государственных военных заводов, получила свое завершение в системе оборонных наркоматов. Сельское хозяйство также оказалось организованным по типу промышленных отраслей с множеством управленческих наркоматов во главе.

Один из основных показателей устойчивости экономического механизма – многоукладность – в Советском Союзе свелся к примату государственной собственности. План стал единственным и универсальным регулятором народнохозяйственной жизни, а государственный монополизм – преобладающим укладом экономики.

В целом же народное хозяйство СССР, развивавшееся в атмосфере неизбежности вооруженного столкновения с "мировым капиталом", было в значительной степени приспособлено к максимальной мобилизации всех ресурсов страны на нужды войны.

Строительство вооруженных сил отражало политико-идеологические и экономические реалии предвоенного десятилетия. Страна и народ готовились к войне. Армии отводилась роль защитницы Отечества и могучей силы, призванной помочь международному пролетариату освободить мир от капиталистического рабства. Она являлась любимым детищем политического руководства, но, тем не менее, оказалась не готовой к войне.

¹ История Советской Конституции, 1917–1956 (в документах). М., 1957. С. 744.

² КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. 9-е изд. М., 1983. Т. 2. С. 107–108. (Далее: КПСС в резолюциях...)

³ Российский центр хранения и изучения документов новейшей истории. Ф. 71. Оп. 30. Д. 964. Л. 17, 19. (Далее: РЦХИДНИ).

⁴ Там же. Ф. 17. Оп. 7. Д. 419. Л. 3.

⁵ Там же. Л. 56.

⁶ Там же. Л. 3; Д. 329. Л. 22; Ф. 71. Оп. 30. Д. 964. Л. 3, 7, 10.

⁷ Там же. Ф. 476. Оп. 1. Д. 8. Л. 188.

- ⁸ Там же. Ф. 17. Оп. 127. Д. 88. Л. 33.
- ⁹ Там же.
- ¹⁰ Там же. Ф. 558. Оп. 1. Д. 3808. Л. 7.
- ¹¹ См.: Народное образование, наука и культура в СССР: Стат. сб. М., 1971. С. 145, 146.
- ¹² РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 1007. Л. 14.
- ¹³ Там же. Оп. 7. Д. 429. Л. 7–8; Д. 457. Л. 1; Д. 307. Л. 45 об.; Ф. 71. Оп. 30. Д. 964. Л. 16; Российский государственный военный архив. Ф. 9. Оп. 36. Д. 4297. Л. 15, 16; Д. 3830. Л. 1–3. (Далее: РГВА).
- ¹⁴ КПСС в резолюциях... 9-е изд. М., 1985. Т. 7. С. 54.
- ¹⁵ См.: История второй мировой войны, 1939–1945. М., 1974. Т. 3. С. 381, 387–388; Советская экономика в период Великой Отечественной войны, 1941–1945 гг. М., 1970. С. 11.
- ¹⁶ Государственный архив Российской Федерации. Ф. 7523. Оп. 12. Д. 171. Л. 32.
- ¹⁷ КПСС в резолюциях... Т. 7. С. 69.
- ¹⁸ См.: Советы за 50 лет. М., 1967. С. 311.
- ¹⁹ Вторая сессия Верховного Совета СССР, 10–21 августа 1938 г.: Стеногр. отчет. М., 1938. С. 207.
- ²⁰ См.: Собрание законов и распоряжений СССР. 1934. № 36. С. 283; Собрание законов и распоряжений рабоче-крестьянского правительства Союза Советских Социалистических Республик, 1934 г. М., 1948. С. 528.
- ²¹ См.: Социально-политические науки. 1990. № 7. С. 91.
- ²² См.: Сборник законов СССР и Указов Президиума Верховного Совета СССР, 1939–1944 гг. М., 1945. С. 55.
- ²³ См.: Реабилитирован посмертно. М., 1988. Вып. 1. С. 49.
- ²⁴ См.: Данилов В.Д. Развитие органов руководства Советскими Вооруженными Силами в Великой Отечественной войне. Подвиг народа. М., 1981. С. 170.
- ²⁵ Подсчитано по: Народное хозяйство СССР в 1960 г. М., 1961. С. 508, 603, 604, 620; Страна Советов за 50 лет: Сб. стат. материалов. М., 1967. С. 188.
- ²⁶ Составлена по: Народное хозяйство СССР в Великой Отечественной войне, 1941–1945 гг. М., 1990. С. 131–133.
- ²⁷ См.: Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам: Сб. документов. М., 1967. Т. 2. С. 665–672.
- ²⁸ См.: История социалистической экономики СССР. М., 1978. Т. 5. С. 113.
- ²⁹ Там же. С. 113–114.
- ³⁰ См.: КПСС в резолюциях... 8-е изд. М., 1971. Т. 57. С. 403–404.
- ³¹ См.: Важнейшие решения по сельскому хозяйству за 1938–1946 гг. М., 1948. С. 168–169.
- ³² См.: Сельское хозяйство СССР: Стат. сб. М., 1960. С. 328–329.
- ³³ См.: Внешняя торговля СССР, 1918–1966: Стат. сб. М., 1967. С. VIII.
- ³⁴ См.: Внешняя торговля СССР за 1918–1940 гг. М., 1960. С. 13.
- ³⁵ См.: Внешняя торговля СССР, 1922–1981. М., 1982. С. 10–24.
- ³⁶ См.: Оглашению подлежит. СССР–Германия 1939–1941: Документы и материалы. М., 1991. С. 57–59.
- ³⁷ Там же. С. 169–170.
- ³⁸ Там же. С. 329.
- ³⁹ См.: Шахурин А.И. Крылья победы. 3-е изд., доп. М., 1990. С. 108–109.
- ⁴⁰ См.: Чадаев Я.Е. Экономика СССР в годы Великой Отечественной войны. М., 1985. С. 32–33.
- ⁴¹ См.: История социалистической экономики СССР. Т. 5. С. 27, 101.
- ⁴² Там же. С. 97–99.
- ⁴³ Там же. С. 104.
- ⁴⁴ См.: Шахурин А.И. Указ. соч. С. 108; Хазанов Б.А. Подвиг одного завода. М., 1990. С. 9.
- ⁴⁵ См.: Народное хозяйство СССР в Великой Отечественной войне, 1941–1945 гг. С. 43.
- ⁴⁶ См.: Промышленность СССР: Стат. сб. М., 1957. С. 164, 192, 205, 233, 256, 318.
- ⁴⁷ Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации. Ф. 38. Оп. 11353. Д. 924. Л. 135–138; Д. 909. Л. 99–107; Ф. 35. Оп. 107559. Д. 5. Л. 170–233. (Далее: ЦАМО); Институт военной истории Министерства обороны Российской Федерации: Документы и материалы. Ф. 239. Оп. 98. Д. 613. Л. 2–3. (Далее: ИВИ). Учтены все боевые машины, числившиеся в Красной Армии и ВМФ, включая небоеготовые.

- 48 Fall Barbarossa.: Dokumente zur Vorbereitung der faschistischen Wehrmacht auf die Aggression gegen die Sowjetunion (1940/41). Berlin, 1970. S. 147.
- 49 См.: Военные кадры Советского государства в Великой Отечественной войне, 1941–1945 гг. М., 1963. С. 12.
- 50 РГВА. Ф. 33987. Оп. 3. Д. 1280. Л. 37.
- 51 Там же. Ф. 4. Оп. 14. Д. 2371. Л. 37.
- 52 ЦАМО. Ф. 8. Оп. 11627. Д. 1262. Л. 426.
- 53 Там же. Ф. 33. Оп. 11454. Д. 89. Л. 108.
- 54 Там же. Ф. 32. Оп. 1309. Д. 6. Л. 223.
- 55 Там же. Ф. 4. Оп. 14. Д. 2742. Л. 62.
- 56 Там же. Ф. 33. Оп. 11454. Д. 89. Л. 94–95. (До войны понятие "офицерский состав" не существовало, оно было заменено категориями среднего, старшего и высшего командного состава – от младшего лейтенанта до маршала).
- 57 Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. М., 1990. Т. 1. С. 360.
- 58 См.: Мюллер-Гиллебранд Б. Сухопутная армия Германии 1933–1945. М., 1976. Т. 3. С. 146, 269–270.
- 59 ЦАМО. Ф. 10а. Оп. 373. Д. 12. Л. 47–81.
- 60 Там же. Ф. 38. Оп. 138078. Д. 23. Л. 5–9.
- 61 См.: Советское военное искусство в Великой Отечественной войне, 1941–1945 гг. М., 1962. Т. 1. С. 58.
- 62 Подсчитано по: ЦАМО. Ф. 35. Оп. 21883. Д. 4. Л. 251.
- 63 Там же.
- 64 См.: Тыл Советской Армии в Великой Отечественной войне, 1941–1945 гг. Л., 1963. Ч. 1. С. 124; ЦАМО. Ф. 38. Оп. 11373. Д. 67. Л. 159–160. (Всего армии требовалось свыше 757 тыс. автомобилей).
- 65 См.: История второй мировой войны, 1939–1945. М., 1975. Т. 4. С. 25.
- 66 См.: Бирюзов С.С. Суровые годы. М., 1966. С. 17–18.
- 67 ЦАМО. Ф. 16а. Оп. 2951. Д. 239. Л. 9, 204; Д. 241. Л. 9.
- 68 Там же. Ф. 16. Оп. 29330. Д. 224. Л. 1–18, 21–37, 39–40.
- 69 См.: Хренов А.Ф. Мосты к победе. М., 1982. С. 67.
- 70 См.: Инженерные войска Советской Армии, 1918–1945. М., 1985. С. 187.
- 71 РГВА. Ф. 31983. Оп. 3. Д. 156. Л. 167; Д. 54. Л. 504, 201.
- 72 Там же. Л. 164.
- 73 Там же. Ф. 51. Оп. 3. Д. 504. Л. 1–11; Д. 527. Л. 1–12.
- 74 Русский архив: Великая Отечественная война. М., 1993. Т. 12(1). С. 41.
- 75 ЦАМО. Ф. 32. Оп. 92650. Д. 4. Л. 24–25.
- 76 РГВА. Ф. 4. Оп. 14. Д. 2713. Л. 51.
- 77 Там же. Д. 2742. Л. 112.
- 78 Там же. Д. 2713. Л. 56, 82.
- 79 Подсчитано по: ЦАМО. Ф. 38. Оп. 11353. Д. 909. Л. 2–18; Д. 924. Л. 135–138.
- 80 Подсчитано по: ЦАМО. Ф. 13. Оп. 11624. Д. 296. Л. 12–13; Ф. 81. Оп. 12074. Д. 8. Л. 125–126; Д. 356. Л. 4–14.
- 81 ЦАМО. Ф. 35. Оп. 11282. Д. 26. Л. 1–65.
- 82 Данные по численности кораблей, самолетов, орудий и минометов подсчитаны по: ИВИ. Ф. 239. Оп. 280. Д. 432. Л. 2–3; Центральный военно-морской архив. Ф. 12. Оп. 1. Д. 29. Л. 51–65; Оп. 3. Д. 325. Л. 1–3; Ф. 161. Оп. 6. Д. 78. Л. 75–83; Ф. 1087. Оп. 5. Д. 1. Л. 150–158; Ф. 1710. Оп. 10. Д. 31. Л. 22; Отделение Центрального военно-морского архива. Ф. 6. Д. 39 240. Л. 5, 16; Д. 37 218. Л. 17; Д. 39 243. Л. 61, 78, 109; Ф. 363. Д. 40 290. Л. 22–27.

КТО ГОТОВИЛ НАПАДЕНИЕ

На первый взгляд могло показаться, что летом 1940 г. между СССР и Германией поддерживались самые добрососедские отношения. После заключения в предыдущем году договора о ненападении и ряда торговых соглашений в Германию шли эшелоны с зерном и нефтью, а отсюда – различное оборудование, машины и даже отдельные образцы вооружения. Германию посещали не только советские торговые представители, но и военные специалисты, которым был открыт доступ на отдельные предприятия по производству военной техники.

Однако за этой внешне благополучной картиной скрывалось другое: оба государства вели неустанную подготовку к войне. После принятия Гитлером решения о нападении на СССР германские высшие военные штабы занялись разработкой конкретного плана войны, началась интенсивная подготовка вооруженных сил и экономики к "восточному походу". Со своей стороны советское руководство, предвидевшее возможность войны, рассматривало Германию в качестве наиболее вероятного противника. В Генеральном штабе Красной Армии был подготовлен и постоянно уточнялся план действий советских вооруженных сил в случае агрессии; одновременно проводилось формирование новых соединений и объединений и выдвигание некоторых из них к западной границе.

"БАРБАРОССА" – БЛИЦКРИГ ПРОТИВ СССР

В планировании войны Германии против СССР ведущее место занял генеральный штаб сухопутных войск (ОКХ) вермахта во главе с его начальником генерал-полковником Ф. Гальдером. Объяснялось это не только решающей ролью сухопутных войск в предстоящем "восточном походе", но и наличием в составе генштаба наиболее квалифицированных военных кадров, а также стремлением Гальдера воплотить в жизнь собственные идеи ведения войны. Наряду с генштабом активную роль в планировании "восточного похода" играл штаб оперативного руководства верховного главнокомандования вооруженных сил Германии (ОКВ) во главе с генералом А. Йодлем, получавшим указания непосредственно от Гитлера. Участие главных штабов ВВС и ВМС было лишь частичным и касалось в основном использования этих видов вооруженных сил, а не общих проблем.

Судя по записям в дневнике Гальдера, Гитлер и главнокомандующий сухопутными войсками генерал-фельдмаршал В. Браухич первоначально предусматривали, что для кампании на Востоке будет "необходимо 80–100 дивизий", так как у Советского Союза, согласно немецким разведанным, имелось всего-навсего "50–75 хороших дивизий"¹. В соответствии с этим и была организована работа генерального штаба ОКХ по планированию "восточного похода".

22 июля 1940 г. Гальдер поставил перед начальником оперативного отдела генштаба ОКХ полковником Х. Грейфенбергом первые конкретные задачи по разработке проектов замысла войны против СССР. К этой работе были привлечены также начальник отдела иностранных армий Востока подполковник Э. Кинцель, а с 24 июля – военно-географический отдел генштаба. Первым свой проект 26 июля

доложил Кинцель. Основываясь на оценке численности и дислокации войск Красной Армии, он пришел к выводу, что в предстоящей войне самое выгодное наступать главными силами в направлении Москвы, примыкая к побережью Балтийского моря, а после овладения столицей СССР осуществить стратегический охват с юга, заставив советские войска, сосредоточенные на Украине и у Черного моря, сражаться против немцев перевернутым фронтом². В принципе этот проект можно было бы считать вполне приемлемым, если бы не то обстоятельство, что при его осуществлении немецкие линии снабжения оказались бы слишком растянутыми, а на Черном море продолжал господствовать советский флот. Хотя позже именно по этим причинам разработка была отвергнута, она все же оказала воздействие на дальнейшее планирование кампании.

27 июля Гальдеру был доложен проект оперативного отдела. В соответствии с ним для войны против СССР выделялось 100 дивизий, причем наиболее мощная группировка создавалась на юге для удара по Украине, а затем войскам предстояло повернуть на север и овладеть Москвой. Однако это шло вразрез с концепцией Гальдера, с самого начала считавшего необходимым главный удар нанести именно на Москву. Поэтому проект сразу был отвергнут³.

Для ускорения разработки плана "восточного похода" Гальдер еще 23 июля распорядился направить из 18-й армии в генеральный штаб генерала Э. Маркса, еще со времен первой мировой войны считавшегося лучшим специалистом по России. Уже с 29 июля тот начал подготовку своих соображений по поводу предстоявшей войны. Маркс часто встречался с Гальдером и неизменно прислушивался к его советам. В частности, под влиянием Гальдера он отказался от идеи нанесения главного удара из Галиции и Румынии на Киев с поворотом затем на Москву и согласился с предложением сосредоточить основные усилия на центральном участке фронта с задачей овладения Москвой через Витебск, Смоленск⁴. Наконец, после двух докладов у Гальдера (5 и 6 августа) Маркс представил свой проект операции "Ост". Это была довольно подробная и полная разработка, в которой были учтены все имевшиеся в генеральном штабе данные о вооруженных силах и экономике СССР, об особенностях местности, климата и состоянии дорог будущего театра военных действий. Так, считая, что болотистая местность вдоль Припяти мало пригодна для действий крупных войсковых объединений, Маркс предлагал действовать в обход.

В соответствии с разработкой Маркса для войны против СССР предполагалось развернуть 17 дивизий, в том числе 24 танковые и 12 моторизованных. Для нанесения главного удара намечалось создать ударную группировку севернее Припятских болот в составе 68 дивизий. Второй удар планировалось нанести к югу от Припяти силами 35 дивизий. В резерв главного командования сухопутных войск выделялось 44 дивизии, они должны были продвигаться за северной группировкой. Исход всей кампании против СССР, подчеркивалось в разработке, в значительной степени зависит от того, насколько эффективными окажутся удары танковых и моторизованных соединений. Чтобы советские войска не смогли повторить маневра русской армии в 1812 г., т.е. избежать сражения в приграничной полосе и отвести свои войска в глубину, немецкие танковые дивизии должны были, по мнению Маркса, стремительно продвигаться вперед, проникая в расположение противника. Общая продолжительность "восточного похода" определялась Марксом в 9–17 недель. За это время германские войска должны были выйти на рубеж Ростов, Горький, Архангельск⁵.

В целом такая разработка была одобрена Гальдером. Вне его внимания осталось лишь предположение Маркса о возможности отказа Советского Союза от капитуляции, продолжения им борьбы восточнее Волги и затягивания в связи с этим всей кампании на неопределенное время, пока в поддержку СССР не выступят Англия и США. Маркс возглавлял планирование "восточного похода" до начала

сентября, а затем по указанию Гальдера сдал все подготовленные материалы генералу Ф. Паулюсу, только что назначенному на должность первого обер-квартирмейстера и постоянного заместителя начальника генштаба. Под руководством последнего сотрудники генерального штаба продолжали разрабатывать соображения относительно группировки войск для войны против СССР, порядка их стратегического сосредоточения и развертывания. По всем возникавшим вопросам Паулюс обращался к Браухичу и Гальдеру. 29 октября 1940 г. памятная записка "Первоначальный набросок генерального штаба ОКХ относительно оперативных принципов ведения войны против Советского Союза" была представлена Гальдеру. В ней отмечались преимущества германских войск над советскими в наличии боевого опыта, а потому и возможность их успешных действий в условиях маневренной быстротечной войны. Паулюс считал, что для достижения решающего превосходства в силах и средствах необходимо обеспечить внезапность нападения. Для этого он предполагал разработать комплекс мероприятий по дезинформации советского руководства. Подобно Марксу, Паулюс акцентировал все внимание на том, чтобы лишить войска Красной Армии возможности отступать в глубь страны и вести подвижную оборону. Перед германскими группировками ставилась задача создавать бреши на решающих направлениях, охватывать, окружать и уничтожать войска противника, не позволяя им отходить⁶.

Параллельно с генштабом по указанию Йодля в штабе оперативного руководства ОКВ велась разработка собственного варианта "восточного похода". Йодль намечался сопоставить его с вариантом генштаба ОКХ, с тем чтобы представить Гитлеру в окончательном виде наиболее целесообразный проект плана. Основываясь на указаниях фюрера, Йодль приказал своему подчиненному из отдела обороны страны (оперативного) подполковнику Б. Лоссбергу подготовить проект директивы "восточного похода" и провести исследования, связанные с привлечением для войны против СССР Финляндии, Турции и Румынии. Свою разработку Лоссберг завершил 15 сентября 1940 г. В отличие от варианта генштаба ОКХ здесь предусматривалось создание трех стратегических группировок: двух – севернее Припятских болот, одной – южнее них. Главный удар предполагалось нанести центральной группировкой на участке между Днестром и Западной Двиной, с тем чтобы рассеять советские силы в районе Минска, а затем наступать в общем направлении на Москву. Согласно этому проекту северная группировка должна была наступать из Восточной Пруссии на рубеж Западной Двины с целью овладеть Прибалтикой, а потом Ленинградом. Южная группировка наносила бы удары на обоих флангах с задачей окружить и уничтожить советские войска на территории Западной Украины, а в ходе последующего наступления форсировать Днепр, овладеть остальной частью Украины, установив при этом непосредственную связь с центральной группировкой. В дальнейшем намечалось объединить действия трех стратегических группировок для достижения рубежа Архангельск, Горький, Волга (до Сталинграда), Дон до впадения в Азовское море⁷.

В ноябре–декабре 1940 г. генеральный штаб ОКХ продолжал уточнять и проигрывать на картах разработки по действиям на основных стратегических направлениях, по распределению сил и средств для наступления, а также согласовывал результаты этой работы со штабом оперативного руководства ОКВ. В ходе уточнений замысла кампании разгорелись жаркие дискуссии по поводу того, как одновременно добиться фронтального прорыва советской обороны и превращения его в охватывающий. Идею осуществить прорыв лишь в двух местах однозначно признали несостоятельной. В конечном итоге пришли к выводу о необходимости расчленить весь многотысячный фронт советской обороны на отдельные участки, где постараться блокировать советские войска, лишив их возможностей для отхода. Посчитали, что самое целесообразное – это создать три ударные группировки, из которых северная будет наступать на Ленинград, центральная –

через Минск на Смоленск, южная – на Киев, причем наиболее сильной надлежало быть центральной. Всего в "восточном походе" предусматривалось использовать 105 пехотных, 32 танковые и моторизованные дивизии⁸. Реальность выполнения предложенного варианта проверялась на военной игре, проходившей в три этапа под руководством Паулюса. На первом из них, начавшемся 29 ноября, осуществлялось "вторжение" германских войск в приграничную полосу СССР и "сражение" там. 3 декабря проигрывался второй этап "восточного похода" – наступление с целью захвата рубежа Минск, Киев, а 7 декабря отрабатывались возможные действия за этим рубежом. Каждый этап завершался разбором и подведением итогов, уточнялись распределение сил и оперативные задачи объединениям, обсуждались проблемы боевого и материально-технического обеспечения наступающих войск. Некоторые коррективы и дополнения в проект плана "восточного похода" были внесены в ходе совещания начальников штабов групп армий и армий, которое Гальдер проводил 13 и 14 декабря. В частности, были определены германские силы, которые развертывались для нападения на СССР на севере Норвегии⁹.

В соответствии с указаниями Гитлера в первой половине декабря штаб оперативного руководства ОКВ занялся сведением воедино имевшихся вариантов плана "восточного похода" и подготовкой проекта директивы верховного командующего по этому вопросу. Особое внимание обращалось на то, чтобы увязать предстоящую войну с другими операциями вермахта и определить в ней задачи ВВС и ВМС. 17 декабря подготовленный проект директивы Йодль доложил Гитлеру, который сделал ряд замечаний. По мнению фюрера, очень важно было обеспечить прорыв советской обороны и быстро продвигаться как севернее, так и южнее Припятских болот. После этого, считал он, следовало бы осуществить поворот моторизованных сил на север и юг с тем, чтобы окружить и уничтожить войска Красной Армии в Прибалтике и на Украине. Быстрое овладение Прибалтикой, полагал фюрер, совершенно необходимо для беспрепятственной доставки в Германию железной руды со Скандинавского полуострова. После выполнения там этой задачи все силы вермахта можно было бы высвободить для действий на другом направлении. Наступление на Москву Гитлер полагал возможным только после захвата Прибалтики и Украины, в результате чего Советский Союз оказался бы изолированным от Балтийского и Черного морей. Он также подчеркнул, что все проблемы, связанные с войной в Европе, должны быть решены в 1941 г., так как в 1942 г. США будут в состоянии вступить в войну¹⁰.

18 декабря после внесения некоторых уточнений в подготовленный проект "восточного похода" Гитлер подписал директиву № 21 верховного командования, получившую условное наименование "Вариант Барбаросса" и являющуюся основным руководящим документом войны против СССР. В ней вооруженным силам Германии ставилась задача "разгромить Советскую Россию в ходе одной кратковременной кампании", для чего предполагалось использовать все сухопутные войска за исключением тех, которые выполняли оккупационные функции в Европе, а также примерно две трети ВВС и лишь небольшую часть ВМС. Стремительными операциями с глубоким и быстрым продвижением танковых клиньев германская армия должна была уничтожить находившиеся в западной части СССР советские войска и не допустить отхода их боеспособных частей в глубь страны. В дальнейшем, быстро преследуя противника, немецкие войска должны были достичь линии, откуда советская авиация была бы не в состоянии совершать налеты на третий рейх. Конечная цель кампании – выйти на линию Волга, Архангельск, создав там, в случае надобности, условия немецким ВВС для воздействия на советские промышленные центры на Урале¹¹.

Самым тщательным образом в директиве № 21 рассматривались первые операции немецких войск. Ближайшей стратегической целью войны против СССР военное руководство Германии поставило разгром и уничтожение советских войск в

Прибалтике, Белоруссии и на Правобережной Украине. Предполагалось, что в ходе этих операций вермахт достигнет Киева с укреплениями восточнее Днепра, Смоленска и района южнее и западнее озера Ильмень. Дальнейшая цель заключалась в том, чтобы своевременно занять важный в военном и экономическом отношении Донецкий угольный бассейн, а на севере – быстро выйти к Москве. "Захват этого города, – указывалось в директиве, – означает как в политическом, так и в экономическом отношении решающий успех, не говоря уже о том, что русские лишатся важнейшего железнодорожного узла"¹². К операциям по взятию Москвы директива требовала приступить лишь после уничтожения советских войск в Прибалтике, захвата Ленинграда и Кронштадта. "Только неожиданно быстрый развал русского сопротивления мог бы оправдать постановку и выполнение этих обеих задач одновременно", – подчеркивалось в директиве¹³.

Задача германских ВВС заключалась в срыве противодействия советской авиации и поддержке собственных наземных войск на решающих направлениях, особенно на фронте центральной группы армий и главном направлении южной группы армий. В целях сосредоточения всех усилий ВВС на выполнении поставленных им задач не рекомендовалось во время маневренных операций вермахта совершать воздушные налеты на объекты военной промышленности СССР. От военно-морских сил в соответствии с директивой № 21 требовалось обеспечивать оборону своего побережья, не допуская прорыва советского флота из Балтийского моря. До захвата немецкими войсками Ленинграда (а это лишило советский Балтийский флот последней базы и ставило его в совершенно безнадежное положение) германские ВМС должны были избегать крупных операций на море. После нейтрализации советского флота им предстояло обеспечивать германские морские перевозки на Балтике и снабжать по морю северный фланг сухопутных войск¹⁴.

Следовательно, "Вариант Барбаросса" был рассчитан только на молниеносную войну, в чем, как потом выяснилось, и заключалась его порочность. Разработчики этого плана, несмотря на свой высокий профессионализм, изначально допустили недооценку противника и полностью пренебрегли возможностью перерастания быстрой войны в затяжную.

Подписанием директивы № 21 была завершена разработка общего плана войны Германии против СССР. Но оперативно-стратегическое планирование этим не закончилось, теперь оно было перенесено в штабы видов вооруженных сил и объединений войск, где на основе этой директивы разрабатывались более конкретные планы, уточнялись и детализировались задачи войскам, определялись мероприятия по подготовке к "восточному походу" вооруженных сил, экономики, будущего театра военных действий.

Генеральный штаб ОКХ занялся составлением директивы по стратегическому сосредоточению и развертыванию войск, работа над которой шла больше месяца под руководством Паулюса. В ней были учтены указания Гитлера, сделанные им на совещании руководящего состава вермахта в Бергхофе 9 января 1941 г. Тогда же фюрер подчеркнул, что не следует недооценивать вооруженные силы СССР, хотя они и представляют собой "глиняный колосс без головы". Он потребовал выделить самые лучшие силы и осуществлять операции таким образом, чтобы как можно быстрее отрезать советские войска в Прибалтике и не заниматься постепенным вытеснением их по всему фронту¹⁵.

31 января Браухич подписал директиву ОКХ № 050/41 по стратегическому сосредоточению и развертыванию вермахта, а 3 февраля вместе с Гальдером доложил ее Гитлеру, у которого она на этот раз не вызвала никаких возражений. Директива развивала и конкретизировала принципы войны против СССР, изложенные в подписанной Гитлером ранее директиве № 21. Она определяла конкретные задачи всем группам армий, армиям и танковым группам на глубину, которая обеспечивала достижение ближайшей стратегической цели: уничтожение войск

Стратегический план "восточного похода"

Красной Армии к западу от Днепра и Западной Двины. В ней была указана дислокация штабов групп армий, армий и танковых групп во время подготовки к нападению на СССР, определены разграничительные линии между группами армий и армиями. Предусматривались мероприятия по взаимодействию сухопутных войск с ВВС и ВМФ, сотрудничеству с государствами-союзниками, переброске войск, сохранению тайны и срокам представления донесений и других документов¹⁶.

После доклада Гитлеру директива ОКХ № 050/41 была направлена в штабы групп армий, военно-воздушных и военно-морских сил. Для уточнения реальности выполнения поставленных объединением задач и рассмотрения вероятного хода боевых действий по рекомендации генерального штаба в группах армий были проведены двусторонние командно-штабные игры. Их итоги обсуждались на совещаниях главного командования сухопутных войск с представителями групп армий. Затем штабы групп армий разработали оперативные планы своих объединений, которые 20 февраля были рассмотрены в генеральном штабе ОКХ. Планы групп армий "Юг" и "Север" получили одобрение, а в план группы армий "Центр" по настоянию Гальдера были внесены изменения. Чтобы не допустить образования разрывов при наступлении танковых групп на флангах группы армий "Центр", предполагалось обеспечить более тесное взаимодействие танков с пехотой. Признавалось необходимым избежать крупного сражения в районе Белостока, а дать его не далее, как в районе Минска. Предусматривалось "использовать все технические средства для подтягивания резервов за южным крылом" группы армий "Центр", чтобы не допустить фланговых контрударов советских войск. Важной задачей также считалось не допустить "никакого разрыва" с группой армий "Север"¹⁷.

После разработки оперативных планов групп армий все усилия были сосредоточены на составлении приказов на наступление по армиям и танковым группам. Особое внимание уделялось согласованию усилий пехотных и танковых соединений при первоначальном ударе и прорыве обороны противника. Эти проблемы отработывались в ходе командно-штабных учений и обсуждались с представителями командования общевойсковых и танковых соединений. В конце концов было решено армейские корпуса в полосе действия танковых групп подчинить командующим танковыми группами. Пехота при прорыве обороны советских войск должна была наступать вместе с танковыми дивизиями. Заранее предусматривалось, что для организации взаимодействия и координации усилий пехоты и танков в период развертывания и прорыва пограничных укреплений командующие танковыми группами будут подчинены командующим полевыми армиями, в полосе которых им предстояло действовать. Планировалось также, что после прорыва обороны и отрыва танковых групп от пехотных соединений они перейдут в непосредственное подчинение командующих группами армий.

В связи с решением Гитлера расширить масштабы операции "Марита" (нападение на Грецию), для чего требовалось привлечение дополнительных сил, – в середине марта 1941 г. в план войны против СССР были внесены изменения, касавшиеся в основном действий на южном фланге германской группировки. Прежними планами предусматривалось, что группа армий "Юг" наряду с главным ударом на левом фланге в направлении Киева должна нанести дополнительный удар и на правом фланге. 12-й армии было предписано осуществить быстрый прорыв на север, навстречу 17-й армии и 1-й танковой группе, быть в готовности наступать на Одессу, а если представится возможность, то и овладеть ею. Одновременно 1-я танковая группа после захвата Киева совместно с главными силами 17-й армии наносит удар навстречу 12-й армии. После этого 12-я армия передает 1-й танковой группе все свои подвижные соединения, чтобы та могла вести стремительное наступление дальше на восток¹⁸.

8 марта Гитлер приказал полностью задействовать 12-ю армию для войны

против Греции, а 17-го по совету Йодля отменил предусматривавшуюся переброску ее на восток после завершения балканской кампании. На первом этапе войны против СССР намечалось на восточной границе Румынии ограничиться только сковывающими действиями германо-румынских войск. Для руководства ими на территории Румынии вместо управления 12-й армии было образовано управление новой армии – 11-й, которое к середине мая должно было полностью туда передислоцироваться¹⁹.

Указания Гитлера по изменению плана операции "Барбаросса" нашли отражение в директиве Браухича № 644/41 от 7 апреля 1941 г., которая была доведена до главных штабов ВВС и ВМС, штабов групп армий и армии "Норвегия". В ней указывалось, что выделение дополнительных сил для Балканской кампании потребовало перенесения начала операции "Барбаросса" на более поздний срок – на четыре – шесть недель – и в связи с этим внесения изменений в уже разработанный график переброски войск на восток, начиная с третьего эшелона. Все подготовительные мероприятия, включая переброску подвижных соединений, необходимых для наступления в первом оперативном эшелоне, директива требовала завершить приблизительно к 22 июня²⁰.

Наряду с разработкой замысла и плана войны против СССР, а также уточнением задач войскам германское командование уделяло много внимания материально-техническому обеспечению "восточного похода". Занимался этим непосредственно генерал-квартирмейстер сухопутных войск Э. Вагнер вместе с подчиненным ему управлением тыла. Как только 1 августа 1940 г. Гальдер сообщил Вагнеру о решении фюрера начать подготовку войны против СССР, тот немедленно приступил к разработке планов тылового обеспечения предстоящей кампании. Первые свои предложения по этим вопросам он доложил Гальдеру 9 августа, причем расчет строился на том, что в войне на Востоке примут участие 120 дивизий. 12 и 15 ноября развернутый план "Основы материально-технического обеспечения в ходе восточного похода" был готов. Снабжение войск планировалось с учетом того, что в кампании будут участвовать 3 млн военнослужащих сухопутных войск, 500 тыс. автомобилей и мотоциклов, 300 тыс. лошадей. Предусматривалось рассредоточить грузы по складам, создать к началу операции "Барбаросса" запасы горючего на местах в расчете на 700–800 км для всех видов автотранспорта и боевых машин, причем в каждой пехотной дивизии иметь по два боекомплекта боеприпасов, а в танковой – три. Этого должно было хватить на первые десять дней боев. В дальнейшем снабжение боеприпасами планировалось из расчета по 0,3 боекомплекта в день²¹.

Детально все основные мероприятия по подготовке тыла к "восточному походу" разрабатывались как приложение № 6 к директиве ОКХ № 050/41 от 31 января 1941 г. Затем они были сведены воедино в "Распоряжение по тыловому обеспечению", которое потом неоднократно дополнялось и исправлялось. Распоряжение требовало поддерживать постоянный кругооборот транспортных средств, использовать их прежде всего для непрерывного снабжения танковых групп, наступающих впереди, не перегружать транспорт, перевозить только то, что необходимо для боя²².

По опыту французской кампании командование вермахта прекрасно знало, что в дальнейшем будет весьма проблематично организовать материально-техническое обеспечение войск непосредственно с территории Германии. В связи с этим для "восточного похода" были созданы специальные командные инстанции на уровне групп армий. Они напрямую подчинялись генерал-квартирмейстеру сухопутных войск и могли профессионально руководить тыловым снабжением, освободив от этих обязанностей штабы групп армий. В тылу каждой из трех групп армий к апрелю 1941 г. предусматривалось оборудовать округ снабжения, а в тыловой полосе каждой армии – участок снабжения. К началу операции "Барбаросса" и в пер-

спективе каждый из участков должен был иметь запасы, которые обеспечивали бы действия войск в течение 14 суток в случае отсутствия подвоза материально-технических средств: 2 боекомплекта боеприпасов для всех видов оружия и еще боекомплект для автотранспортной колонны и специальных видов оружия, 8 заправок горючего в бочках и еще по 5 заправок частично в стационарных складских емкостях, а частично – в бочках, кроме того, 20 сутодач продовольствия²³.

Общее планирование тылового обеспечения вермахта базировалось на том, что войска в течение всего периода ведения боевых действий, который, как предполагалось, продлится не более четырех–пяти месяцев, перейдут на самообеспечение. В специальных разъяснениях к директиве № 21 от 23 марта 1941 г. подчеркивалось, что командующие оккупационными войсками обязаны организовать использование ресурсов захваченной страны "для снабжения германских войск", причем при их снабжении предлагалось учитывать конфискованное имущество и продовольствие. Для изъятия местных ресурсов предлагалось создать специальные отряды²⁴.

С самого начала планирования войны против СССР важное место в деятельности германского командования занимали проблемы дезинформации, стратегической и оперативной маскировки.

6 сентября 1940 г. был издан специальный приказ начальника штаба ОКВ о маскировке всех мероприятий, связанных с подготовкой "восточного похода". Приказ, в частности, требовал:

"1. Маскировать общую численность немецких войск на востоке по возможности распространением слухов и известий о якобы интенсивной замене войсковых соединений в этом районе. Передвижение войск обосновывать их переводом в учебные лагеря, перестроением и т.п. ...

4. Распространять соответствующим образом подобранные сведения для создания впечатления, будто после западного похода противовоздушная оборона на востоке серьезно усиливается и что зенитные средства всех важных объектов укрепляются за счет трофейной французской техники.

5. Работы по улучшению сети шоссе и железных дорог и аэродромов объяснять необходимостью развития только что завоеванных восточных областей, ссылаясь при этом на то, что они ведутся нормальными темпами и служат главным образом экономическим целям"²⁵.

В директиве № 21 особо подчеркивалось: "Решающее значение должно быть придано тому, чтобы наши намерения напасть не были распознаны"²⁶. А директива ОКХ № 050/41 требовала все подготовительные работы к "восточному походу" проводить с "соблюдением секретности". В целях сохранения тайны рекомендовалось располагать перемещаемые на восток штабы в районах уже находящихся на востоке штабов войск группы армий "Б", которая еще в сентябре 1940 г. получила приказ обеспечить безопасность восточной границы рейха. Круг полностью осведомленных лиц требовалось как можно "дольше ограничивать" командующими группами армий, командующими армиями и танковыми группами, командирами корпусов, начальниками их штабов и оперативных отделов²⁷.

15 февраля 1941 г. Кейтель подписал распоряжение по дезинформации и маскировке подготовки нападения на СССР в период сосредоточения и развертывания германских войск, где проведение дезинформационных мероприятий разбивалось на два этапа. На первом (примерно до середины апреля 1941 г.) – предусматривалось создавать ложное представление относительно намерений немецкого командования, акцентируя внимание на планах вторжения в Англию, а также подготовке операции "Марита" (на Балканах) и "Зонненблюме" (в Северной Африке). Переброски войск для операции "Барбаросса" предлагалось изображать как обмен сил между Западом, Германией и Востоком, либо как подтягивание тыловых эшелонов для операции "Марита", либо как подготовку обороны на случай советского нападения. На втором этапе, когда скрыть подготовку станет уже

невозможно, стратегическое развертывание сил для операции "Барбаросса" должно было изображаться как "крупнейший в истории войн отвлекающий маневр" будто бы с целью отвлечения внимания от последних приготовлений к вторжению в Англию. В директиве подчеркивалась необходимость как можно дольше держать в заблуждении даже те войска, которые предназначались для действий на востоке. Чтобы создать полную иллюзию подготовки вторжения на Британские острова, немецкое командование приказало распространить сведения о несуществующем "авиадесантном корпусе", а кроме того, напечатать массовым тиражом топографические материалы по Англии, немецко-английские разговорники и т.д.²⁸

Чтобы ввести в заблуждение руководство СССР о действиях германских войск в Польше и Восточной Пруссии, командующий группой армий "Б" (с 22 июня 1941 г. – "Центр") Ф. Бок 24 марта 1941 г. отдал приказ о сооружении различных укреплений вдоль границы, предназначенных якобы для обороны от возможного советского наступления. Было отдано распоряжение не препятствовать советской воздушной разведке вести наблюдение за производимыми работами. Кстати, оборонительные сооружения возводились так, чтобы затем их можно было использовать в качестве исходных позиций для наступления против СССР²⁹. Идея о том, чтобы преподнести сосредоточение войск на востоке как чисто оборонительное мероприятие, нашла отражение и в последующих документах: в приказе Кейтеля от 3 апреля и в директиве Браухича от 7 апреля 1941 г.

Командование вермахта стремилось как можно дольше держать в неведении личный состав своих войск об операции "Барбаросса". В соответствии с указанием штаба ОКВ от 8 мая 1941 г. офицеров должны были проинформировать примерно за восемь дней до начала боевых действий, а рядовой и унтер-офицерский состав – только в самые последние дни³⁰. В указании штаба ОКВ от 12 мая требовалось поддерживать среди военнослужащих слухи об "отвлекающем сосредоточении войск на востоке" и о "прикрытии тыла со стороны России". Предлагалось ввести ограничения в пользовании полевой почтой, а за несколько дней до наступательной операции по возможности большому числу соединений на востоке отдать приказ якобы об их переброске на запад, тем самым дать повод новой волне слухов³¹.

24 апреля Браухич отдал приказ об операции "Хайфиш" ("Акула") – высадке германских войск на южном побережье Британских островов. В действительности восемь дивизиям 1-й и 15-й армий предстояло лишь имитировать подготовку к высадке с атлантического побережья Франции. Одновременно аналогичную акцию проводили германские войска, находившиеся в Норвегии и Дании. Кроме того, по указанию Кейтеля от 12 мая широко распространялись слухи о том, будто операция по захвату Крита это "генеральная репетиция высадки в Англии". Наряду с управлением разведки и контрразведки вермахта к распространению подобных слухов были привлечены и гражданские ведомства.

Тщательное планирование, многократно апробированное в ходе военных игр, а также детальные указания войскам вместе с мероприятиями по дезинформации позволяли германскому руководству надеяться на успех затеянной авантюры.

ПЛАНЫ "ОТВЕТНОГО УДАРА"

К весне 1940 г. в результате присоединения к СССР новых территорий значительная часть советских войск сменила дислокацию. Многие соединения были перемещены на значительное расстояние от районов, где они должны были отомобилизоваться по прежнему плану на случай войны. Теперь Красная Армия непосредственно стояла лицом к лицу с армией Германии. К этому времени советские вооруженные силы существенно увеличились. План их действий, принятый в 1938–

1939 г., полностью перестал соответствовать обстановке. Поэтому в Генеральном штабе под руководством его начальника Шапошникова к лету 1940 г. были разработаны основы нового плана. В августе Шапошников передал Мерецкову, который сменил его на посту начальника Генерального штаба, все дела, в том числе и "Соображения по стратегическому развертыванию Вооруженных Сил на случай войны". Они-то и легли в основу доклада, сделанного в сентябре Тимошенко и Мерецковым Сталину. Уже в октябре этот доклад после некоторой доработки был одобрен политическим руководством страны, а в следующем месяце нарком обороны дал соответствующие указания разработать оперативные планы. В феврале следующего года, после завершения в Генеральном штабе мобилизационной части плана войны, в округах приступили к разработке своих мобилизационных планов. Завершить все планирование намечалось в мае. Однако ввиду продолжавшегося вплоть до 21 июня формирования новых соединений и не прекращавшейся перемещения войск планирование завершить не удалось.

Основы стратегического развертывания советских вооруженных сил на случай войны и замыслы первых стратегических операций постоянно корректировались, однако в главном они с октября 1940 г. оставались неизменными.

Считалось, что Советскому Союзу "необходимо быть готовым к борьбе на два фронта: на западе – против Германии, поддерживаемой Италией, Венгрией, Румынией и Финляндией, и на востоке – против Японии"³². Допускалось также выступление на стороне фашистского блока и Турции. Основным театром военных действий признавался Западный, а главным противником – Германия. В последние месяцы перед войной ожидалось, что вместе с союзниками она развернет на западе против СССР 230–240 дивизий, более 20,5 тыс. орудий, около 11 тыс. танков и свыше 11 тыс. самолетов всех типов. Предполагалось, что Япония выставит на востоке 50–60 дивизий, почти 9 тыс. орудий, более 1 тыс. танков и 3 тыс. самолетов³³.

Всего, таким образом, по оценке Генерального штаба, вероятные противники могли противопоставить Советскому Союзу 280–300 дивизий, примерно 30 тыс. орудий, 12 тыс. танков и 14–15 тыс. самолетов.

К чести Генерального штаба, и в первую очередь его прежнего начальника Шапошникова, следует отнести то, что замысел противника был предугадан им с большой точностью еще тогда, когда командование вермахта только узнало от Гитлера о его намерении начать непосредственную подготовку к нападению на СССР. Шапошников считал, что "Германия вероятнее всего развернет свои главные силы к северу от устья р. Сан с тем, чтобы из Восточной Пруссии через Литовскую ССР нанести и развить главный удар в направлении на Ригу, Ковно (Каунас) и далее на Двинск (Даугавпилс), Полоцк или на Ковно, Вильно (Вильнюс) и далее на Минск"³⁴. Ожидался также удар со стороны Сувалок и Бреста на Волковыск и Барановичи. Основными целями этих ударов считались окружение и уничтожение советских войск в Прибалтике и Белоруссии с последующим наступлением на Ленинград и Москву.

Одновременно германские войска могли нанести удар из района Люблина на Киев, а румынско-германские – из Северной Румынии с целью окружения и уничтожения советских войск на Правобережной Украине. Предполагалось, что финские войска при поддержке немецких будут наступать на Ленинград, Петрозаводск и Кандавакшу, а немецкие – на Мурманск. "Основным, наиболее политически выгодным для Германии, а следовательно, и наиболее вероятным является 1-й вариант ее действий, т.е. с развертыванием главных сил немецкой армии к северу от устья реки Сан", – считал Шапошников³⁵. Исходя из декларированной руководством страны политики ненападения, концепции ответного удара, т.е. перехода в наступление после отражения удара агрессора, он предлагал: "Считая, что основной удар немцев будет направлен к северу от устья реки Сан, необходимо и главные силы Красной Армии развернуть к северу от Полесья"³⁶.

Однако этот вариант не был принят новым руководством наркомата обороны. В сентябре 1940 г. Тимошенко и Мерецков, соглашаясь с тем, что Германия нанесет главный удар севернее реки Припять, все-таки считали, что основным вариантом развертывания советских войск должен стать такой, при котором "главные силы сосредоточивались бы к югу от Брест-Литовска"³⁷.

В открытых выступлениях советских политических и военных деятелей постоянно подчеркивалась мысль о том, что Красная Армия начнет военные действия в ответ на удар агрессора. При этом ее действия в начале войны и в последующих операциях мыслились только как наступательные. Такой способ действий вытекал из классового характера советской военной доктрины. Считалось, что две противоположные социальные системы, возглавляемые антагонистическими, непримиримыми классами: капиталистами и рабочими, будут стремиться уничтожить друг друга и поэтому вооруженное столкновение между ними неизбежно. Ввиду антагонизма систем оно не может закончиться миром между ними. Оно будет продолжаться до полного уничтожения одной стороны и победы другой. Достичь же полного разгрома противника путем оборонительных действий, разумеется, невозможно. Этим и обосновывалась необходимость наступления с самого начала войны.

В статье "Единая военная доктрина и Красная Армия" М.В. Фрунзе писал, что противоречие между буржуазией и пролетариатом "может быть разрешено только силой оружия в кровавой схватке классовых врагов. Иного выхода нет, – считал выдающийся большевистский политический деятель, полководец и военный теоретик, – и быть не может"³⁸. Он утверждал также, что "победит лишь тот, кто найдет в себе решимость наступать, сторона только обороняющаяся, неизбежно обречена на поражение"³⁹.

Спустя 13 лет после выхода статьи М.В. Фрунзе, в 1934 г. в записке начальнику Штаба РККА А.И. Егорову его заместитель С.А. Меженинов писал: "Первая бомба, разорвавшаяся на нашей территории, должна быть сигналом к вылету авиации... Одновременно с вылетом авиации границы переходят армии вторжения..."⁴⁰. В 1937 г., сидя в тюрьме, бывший заместитель наркома обороны М.Н. Тухачевский изложил свои взгляды на начало войны. Он также не предлагал никакого иного варианта начала войны, кроме вторжения на вражескую территорию "сразу же после объявления войны"⁴¹.

С какой же целью мыслилось вторжение на вражескую территорию? Меженинов, например, так писал об этом: "Конечной целью является отодвижение района развертывания авиации, моторизованных и механизированных частей противника на такое расстояние и сроки, чтобы воздействие этих частей на наше сосредоточение было минимальным и чтобы район нашего развертывания был выдвинут ближе к границе. Дезорганизацией района армия вторжения в конечном счете лишает противника возможности от мобилизации в районах вторжения и сокращает объем его развертывания, тем самым оказывая существенное влияние на ход войны"⁴². Тухачевский также считал, что "операции вторжения должны остаться в силе", так как, по его мнению, "они обеспечивают выигрыш времени, дезорганизуя районы намеченного противником сосредоточения. Помимо того, операции вторжения сразу же переносят военные действия на территорию врага"⁴³.

Таким образом, в 30-е годы советские военные теоретики и военачальники стратегического звена считали, что Красная Армия начнет военные действия в ответ на вооруженное нападение противника переходом в наступление так называемых армий вторжения, которые перенесут борьбу на территорию врага. Так было в 1934 г., так мыслилось, спустя четыре года, в 1937 г. А каким же виделось начало войны спустя три года, в 1940 г., когда советский Генеральный штаб в связи со значительными изменениями обстановки приступил к разработке нового варианта плана войны?

Идея ответного удара по-прежнему оставалась в силе. Она декларировалась политическими руководителями в открытых выступлениях. Она фигурировала и в закрытых источниках и находила место в обучении командного состава стратегического и оперативного звена. В частности, на проведенных в январе 1941 г. стратегических военных играх с руководящим составом фронтов и армий военные действия начинались с нанесения ударов западной стороной, т.е. противником.

Считалось, что и противник начнет свои действия с проведения операции вторжения, для чего уже в мирное время в приграничной полосе будет располагать значительным количеством войск, насыщенных танками. В соответствии с этим и советское военное руководство накануне войны держало в приграничных районах наиболее сильные войска. Дислоцировавшиеся в них армии были полнее укомплектованы техникой, оружием и личным составом. Помимо стрелковых соединений они включали, как правило, по одному-два механизированных корпуса и по одной-две авиационные дивизии. К началу войны из 29 механизированных корпусов Красной Армии в западных приграничных военных округах дислоцировалось 20.

Несмотря на значительное усиление приграничных армий, к началу войны отказались от повсеместного их перехода в наступление. Оно планировалось только на тех направлениях, где намечалось нанесение главного удара советских войск. На остальных направлениях войскам предстояло обороняться до полного отмобилизования и сосредоточения. Только в благоприятных условиях они могли сразу переходить в наступление.

После отражения первого удара противника и завершения развертывания советских войск на западе предполагалось перейти в решительное наступление с целью окончательного разгрома агрессора. Следует отметить, что советские военные специалисты давно считали юго-западное стратегическое направление наиболее выгодным для наступательных действий против Германии и ее союзников в Европе. Оно позволяло кратчайшим путем выйти во фланг основной группировки противника, которая при всех вариантах его действия могла быть сосредоточена в районе Люблина и к северу от него, т.е. в Центральной Польше и Восточной Пруссии. Удар на юго-западном направлении – из района южнее реки Припять на Краков и Бреслау (Вроцлав) позволял отсечь Германию от Балкан, а значит от основных ее союзников с их источниками нефти и продовольствия. Выход к Эльбе в ее верхнем течении, а потом поворот на север или северо-запад давал возможность не только изолировать от самой Германии основные силы немецких войск, развернутые в Восточной Пруссии и Польше, но и уничтожить их, что вынудило бы германское руководство капитулировать.

Нанесение же главного удара из Белоруссии могло привести лишь к изоляции друг от друга группировок противника, развернутых в Восточной Пруссии и Польше, и охвату одной из них – восточнопрусской, а это вряд ли сулило достижение решающих результатов в войне. В одном из вариантов соображений по стратегическому развертыванию советских вооруженных сил А.М. Василевский писал: "Развертывание сил Красной Армии на западе с группировкой главных сил против Восточной Пруссии и на варшавском направлении (как предлагал Шалошников. – *Ред.*) вызывает серьезные опасения, что борьба на этом фронте может привести к затяжным боям"⁴⁴. Поэтому-то в сентябре 1940 г. Тимошенко и Мерецков предлагали создать основную группировку войск к югу от Припяти.

Советское военно-политическое руководство, придававшее большое значение экономическому фактору в вооруженной борьбе, сделало правильный вывод: война коалиции буржуазных государств против СССР не может быть молниеносной, она растянется по времени на несколько лет и потребует длительного напряжения всех сил. Именно это имел в виду Сталин, определяя вероятное направление главного удара противника на западе: он считал, что Германия будет стремиться в первую очередь захватить экономически развитые районы – Украину и Кавказ. Вот почему

в октябре 1940 г. он приказал военным исходить из того, что главный удар германские войска нанесут из района Люблина на Киев.

Согласно записке по основам стратегического развертывания, разработанной Василевским и Жуковым 15 мая 1941 г., а также расчету, произведенному 13 июня Н.Ф. Ватутиным, в состав группировки войск для войны на западе из 303 дивизий Красной Армии предназначались 237, т.е. 78,2%; для действий на Дальнем Востоке – 31 дивизия, для обороны Крыма – 3, Кавказа – 21, Средней Азии – 10 и побережья Белого моря – 1. На Западе намечалось иметь 51 танковую дивизию из 61 и 25 моторизованных из 31. Здесь же должны были действовать все противотанковые бригады, 72,5% артиллерийских полков резерва Главного Командования, все воздушно-десантные корпуса и основная часть авиации⁴⁵.

Войска первого стратегического эшелона на западе (186 дивизий) предполагалось свести в четыре фронта, три из которых развертывались в пределах существовавших в мирное время военных округов (Ленинградского, Прибалтийского Особого и Западного Особого). Один только Юго-Западный, который должен был отразить, как тогда представлялось, главный удар противника, создавался в рамках границ Киевского Особого и Одесского военных округов.

51 дивизия резерва Главного Командования объединялась в пять армий, образуя второй стратегический эшелон на западе. Войскам Северо-Западного фронта и двум армиям правого крыла Западного фронта предписывалось обороняться, а при благоприятных условиях перейти в наступление, овладеть районом Сувалки, нанести удар на Инстербург (Черняховск), Алленштайн (Ольштын), сковав тем самым силы противника к северо-западу от Бреста и в Восточной Пруссии.

Главные силы Юго-Западного фронта (пять армий) и левого крыла Западного фронта (две армии) после перехода в наступление должны были разгромить люблинско-сандомирскую группировку противника и на 5–10-й день наступления выйти к Висле. На 20–30-й день им предстояло достичь реки Пилица и верхнего течения Одера (Одры). Одной армии Юго-Западного фронта предстояло оборонять границу с Венгрией, а двум – границу с Румынией, но и им надлежало быть в полной готовности к нанесению ударов из районов Черновцов и Кишинева для разгрома румынско-германских войск на территории Румынии.

Главной задачей войск Северного фронта являлась надежная оборона Ленинграда и Мурманской железной дороги.

Таким образом, достижение ближайших стратегических целей планировалось обеспечить наступательными действиями, прежде всего войск юго-западного направления, на котором предстояло развернуть более половины всех дивизий, предназначенных в состав фронтов на западе. В то время как на этом направлении предполагалось сосредоточить 120 дивизий, на северо-западном и западном – только 76.

Основные усилия фронтов сосредоточивались в армиях первого эшелона, главным образом за счет включения в них большей части подвижных соединений для обеспечения сильного первоначального удара по противнику. Так, в первом эшелоне Западного фронта планировалось иметь 36 дивизий из 44, среди них 12 танковых и моторизованных и 2 кавалерийские, в резерве – 4 танковые, 2 моторизованные и 2 стрелковые. В первом эшелоне Юго-Западного фронта должны были действовать 90 дивизий из 97. В его состав включались 27 танковых и моторизованных, а также 4 кавалерийские дивизии. В резерве командующего фронтом оставались всего лишь 2 танковые, моторизованная и 4 стрелковые дивизии.

Наступательному характеру задач сухопутных войск соответствовали и активные задачи, поставленные флотам. Северному флоту предстояло не больше не меньше как уничтожить флот противника в Баренцевом и Белом морях и вести крейсерские операции подводных лодок у западного побережья Норвегии и в про-

ливе Скагеррак, т.е. в Атлантическом океане и Северном море, у берегов не только Норвегии, но и Дании.

Балтийский флот должен был уничтожить боевые флоты Финляндии и Швеции (при выступлении последней против СССР), прервать морские коммуникации этих стран в Балтийском море и Ботническом заливе, во взаимодействии с авиацией Красной Армии нанести поражение германскому флоту при его попытке пройти в Финский залив.

Основной задачей Черноморского флота являлось обеспечение господства на Черном море, в случае вступления Румынии в войну против СССР уничтожить ее флот и блокировать ее побережье.

Флоты также должны были содействовать сухопутным войскам, наступающим вдоль побережья Баренцева, Балтийского и Черного морей, т.е. в Финляндии и Румынии. Ставились и оборонительные задачи, сводившиеся к борьбе с высадкой морских десантов и действиями флота противника у своего побережья и островов.

Так как план стратегического развертывания и замысел первых стратегических операций были рассчитаны на полное отмобилизование армии, то они тесно увязывались с мобилизационным планом, последний вариант которого был принят в феврале 1941 г. Несмотря на то, что к началу войны мобилизационное планирование в округах завершить не удалось, ряд важных вопросов все же был отработан. Так, были приписаны к большинству войсковых частей резервисты, лошади, повозки, тракторы и автомобили, а до исполнителей доведен порядок их призыва и поставки, спланированы межокружные перевозки, отработано оповещение о мобилизации.

Мобилизационным планом не предусматривалось формирование в ходе войны новых соединений. В основном исходили из того, что еще в мирное время будет создано необходимое для ее ведения количество соединений. Это упрощало процесс мобилизации, сокращало его сроки и способствовало более высокой степени боеспособности отмобилизованных войск.

Ввиду того что территории, где дислоцировались войска западных приграничных военных округов, не располагали требуемыми людскими ресурсами, не говоря уже о транспортных средствах, довольно внушительная их часть должна была поступить из глубины страны. Так, для Западного военного округа в период мобилизации планировалось поставить 80 тыс. человек из Орловского, Московского, Ленинградского, Одесского, Харьковского и Северо-Кавказского военных округов, 11,6 тыс. автомобилей из Московского и Приволжского военных округов, 3,3 тыс. тракторов из Приволжского округа⁴⁶. В целом же межокружные перевозки для западных приграничных округов должны были составить около 500 тыс. человек, 60 тыс. автомобилей и 12 тыс. тракторов, или 27% личного состава, 22% автомобилей и 44% тракторов от общей потребности.

Из-за недостатка складских помещений в западных военных округах половина их запасов боеприпасов хранилась на территории внутренних военных округов, при этом треть – на удалении 500–700 км от границы. От 40 до 90% запасов горючего западных военных округов хранилось на складах Московского, Орловского и Харьковского военных округов, а также на гражданских нефтебазах в глубине страны.

Поскольку предполагаемые сроки начала войны относились к 1942–1943 гг., а расчеты базировались на основе не реального наличия военной техники и оружия, а ожидаемых поставок их промышленностью, мобилизационный план к началу войны оказался необеспеченным и материально. Потребность армии в орудиях, минометах и самолетах предполагалось удовлетворить к концу 1941 г., а обеспечение всем остальным – завершить в 1942 г. К началу войны оказалось всего 13% положенного штатами военного времени количества тяжелых танков и 7 – средних, 67 – боевых самолетов, 65 – зенитных орудий, 50–75 – средств связи и инженерного

вооружения, 20–35% – средств транспортировки и заправки горючего, приблизительно столько же средств ремонта и эвакуации военной техники.

Особенно остро стоял вопрос о выполнении плана мобилизации автотранспорта и тракторов. После изъятия из народного хозяйства максимально допустимого количества тракторов и автомобилей насыщение ими армии все равно составляло бы соответственно только 70 и 81%. Мобилизационное развертывание войск не обеспечивалось и по целому ряду других материальных средств.

Потребности в людях удовлетворялись полностью, однако качественный уровень командного состава запаса оставался невысоким: преимущественно это были командиры, получившие военное образование в гражданских учебных заведениях или на краткосрочных курсах младших лейтенантов.

Стремление иметь как можно больше соединений и основных видов вооружения в каждом из них, но без учета возможности обеспечения их полного укомплектования в ближайшее время привело к тому, что мобилизационный план, принятый в 1941 г., оказался нереальным. Передислокация в 1939–1940 гг. основной массы войск первого стратегического эшелона в новые районы с недостаточными мобилизационными ресурсами в условиях ограниченных возможностей наличных транспортных средств и коммуникаций усложнила мобилизацию и увеличила ее сроки.

Своевременное развертывание войск с целью создания предусмотренных группировок, их планомерное отмобилизование ставились в прямую зависимость от организации надежного прикрытия. Задачи прикрытия возлагались на приграничные военные округа. Они-то и должны были вскрыть сосредоточение сил противника и не допустить его вторжения на территорию СССР, упорной обороной надежно прикрыть отмобилизование, обеспечить бесперебойную работу железных дорог, сосредоточение и развертывание войск, активными действиями авиации завоевать господство в воздухе, ударами по группировкам войск и коммуникациям противника нарушить их сосредоточение и развертывание. Округам, взаимодействующим с флотами, ставилась задача не допустить высадки морских десантов в прибрежных зонах и советских портах⁴⁷. При прорыве крупных подвижных соединений противника предусматривалось уничтожение их силами резерва, в основном механизированными корпусами, поддержанными авиацией и противотанковыми бригадами РГК. При благоприятных условиях войска должны были быть готовы перейти в контрнаступление и перенести боевые действия на территорию противника.

Разработку последних вариантов планов прикрытия штабы округов закончили незадолго до войны. С 10 по 20 июня они были представлены в Генеральный штаб, но так и не были утверждены. Правда, это вовсе не означало, что войска не знали своих задач. Планы прикрытия разрабатывались постоянно; они существовали и действовали независимо от того, были ли утверждены новые варианты вышестоящей инстанцией или нет.

Согласно планам каждая армия получала для обороны полосу шириной от 80 до 160 км и более. В первом эшелоне армий должны были действовать стрелковые дивизии. Основу армейского резерва составлял механизированный корпус, предназначенный для нанесения контрудара по противнику, прорвавшемуся в глубину обороны.

Еще в мирное время стрелковые дивизии первого эшелона оборудовали батальонные районы обороны. Фактически к началу войны вдоль границы была создана одна позиция глубиной 3–4 км, в которой предстояло обороняться батальонами первого эшелона полков.

Передний край обороны на большинстве участков проходил в непосредственной близости от границы и совпадал с передним краем обороны укрепленных районов. Для батальонов второго эшелона полков, не говоря уже о частях и подразделениях второго эшелона дивизий, позиции заблаговременно не создавались.

Планы прикрытия были рассчитаны на наличие угрожаемого периода. По условному сигналу подразделения собирались в заранее намеченные районы вблизи военных городков и через два-три часа после объявления тревоги должны были выступить в назначенные планом участки и районы обороны, чтобы занять их и одновременно провести доукомплектование до штатов военного времени. Части, предназначенные для обороны непосредственно у границы, дислоцировались в 10–50 км от нее. Чтобы занять назначенные им участки, требовалось от 3 до 9 и более часов с момента объявления тревоги. Таким образом получалось, что при внезапном нападении противника, развернутого непосредственно у границы, о своевременном выходе советских войск на свои рубежи не могло быть и речи.

К началу войны каждая из армий прикрытия имела 80–100 тыс. человек, от 900 до 1500 орудий и минометов, от 300 до 900 танков, от 100 до 400 боевых самолетов. С учетом того, что оборона армий должна была вестись при наличии долговременных оборонительных сооружений укрепленных районов, такое количество сил и средств считалось вполне достаточным. При условии решительного массирования их на наиболее удобных для наступления противника направлениях они могли бы обеспечить устойчивую оборону. Однако в большинстве армий силы и средства распределялись относительно равномерно по всему фронту, особенно в дивизиях первого эшелона, которым назначались очень широкие полосы обороны. К сожалению, в советском плане войны недооценивалась оборона в стратегическом масштабе. В войсках Северо-Западного и правого крыла Западного фронтов она планировалась лишь в армейском масштабе, организация же обороны фронтовыми и армейскими резервами вовсе не предусматривалась. Резервы всех звеньев, начиная с полкового, должны были располагаться в определенных районах в готовности к нанесению контрударов и контратак. Оборудование этих районов для обороны не предусматривалось.

При планировании войны на западе не удалось решить проблему организованного вступления войск в военные действия в условиях внезапного нападения. В основном план был рассчитан на способность политического и военного руководства своевременно вскрыть намерения агрессора и заранее принять меры к развертыванию войск, но он совершенно не предусматривал порядок действий войск в случае внезапного вторжения. Кстати, он не отрабатывался и на последних стратегических военных играх в январе 1941 г. Хотя "западные" нападали первыми, "восточные" начинали отработку действий с перехода в наступление или с нанесения контрударов на тех направлениях, где "западным" удалось вторгнуться на территорию "восточных". Характерно, что ни та, ни другая стороны не отрабатывали вопросы отмотилизования, сосредоточения и развертывания, считавшиеся и, действительно, являвшиеся наиболее сложными, особенно в условиях, когда противник напал первым.

Принятый советским военным командованием порядок разработки плана войны не обеспечивал той степени реальности и эффективности планирования, которые гарантировала последовательность, принятая в Германии. Если в вермахте было разработано несколько вариантов, а затем на их базе создан окончательный план, то в Красной Армии вообще отсутствовали альтернативные варианты. Так называемые соображения по стратегическому развертыванию вооруженных сил разрабатывались в одном варианте, вплоть до 1940 г. лично начальником Генерального штаба Шапошниковым, а потом – заместителем начальника оперативного управления Генштаба Василевским. Если принятию окончательного варианта плана "Барбаросса" предшествовало несколько штабных игр, проведенных в генеральном штабе ОКХ, а каждая директива, отдаваемая командованием групп армий, предварялась проигрышем вариантов предстоящих действий, то в советском Генеральном штабе это не практиковалось, т.е. реальность плана не проверялась.

Разработка советского плана войны характеризовалась незавершенностью и обусловленной этим недостаточной освоенностью исполнителями. Освоению плана мешало, кроме всего прочего, и чрезмерное недоверие вышестоящих начальников к подчиненным. Так, по свидетельству бывшего командующего 8-й армией П.П. Собенникова, знакомство с планом, разработанным штабом округа, проходило в большой спешке; спустя полтора-два часа после начала его изучения Собенников был вызван командующим округом Ф.И. Кузнецовым, который с глазу на глаз продиктовал командарму якобы его, самого Собенникова, решение на оборону⁴⁸.

Известно, что командование вермахта уделяло большое внимание четкой отработке предстоящих действий своих войск. Кроме игр в генеральном штабе с командным составом и штабами соединений и объединений проводились игры на картах по обстановке, которая полностью соответствовала плану войны. В Красной Армии подобной подготовки не существовало и в помине, если не считать стратегических игр с командованием округов и армий в январе 1941 г. Однако из соображений секретности игры проводились не со штатными, а с временно созданными управлениями фронтов и армий, границы действий которых, как правило, не совпадали с теми, что предусматривалось планом войны. Созданные для игр управления включали лишь основных начальников.

За несколько дней до начала боевых действий в соединениях и частях вермахта состоялись совещания с командным составом во всех инстанциях, до батальона включительно. Ничего подобного не наблюдалось в советских войсках. Абсолютное большинство командиров Красной Армии узнало об оперативном предназначении подчиненных им войск только после того, как 22 июня им разрешили вскрыть особые пакеты, в которых были изложены задачи частям и соединениям только на прикрытие.

Таким образом, советский план войны строился на идее ответного удара с учетом только тех вооруженных сил, которые намечалось создать в перспективе, и не принималось во внимание реальное положение дел. От этого его составные части находились в противоречии друг с другом, что делало его нереальным.

РАЗВЕРТЫВАНИЕ СИЛ ВТОРЖЕНИЯ

Для войны против СССР Германия подготовила прежде всего собственные вооруженные силы. Почти год шло переформирование и обучение войск, создание новых частей и соединений, переброска и сосредоточение сил на востоке. Вместе с ней готовили свои армии Финляндия, Румыния и Венгрия, которых Гитлер решил привлечь для участия в "восточном походе".

Из имевшихся к 22 июня 1941 г. 214 соединений действующей армии (208 дивизий и 6 бригад) Германия выделила для "восточного похода" 156 соединений (153 дивизии и 3 бригады). Это были наиболее боеспособные и лучше всего оснащенные боевые войска; из 5 воздушных флотов выделялось три флота полностью и один частично (табл. 4).

Финляндия для войны с Советским Союзом готовила все свои вооруженные силы: 16 дивизий и 3 бригады, свыше 3,5 тыс. орудий и минометов, 86 танков. Для поддержки наземных войск она располагала 307 боевыми самолетами⁴⁹. В свою очередь правительство Румынии из 21 дивизии и 14 бригад выставило 13 дивизий и 9 бригад, около 3 тыс. орудий и минометов, 60 танков. Действия румынской армии должны были поддерживать с воздуха 393 боевых самолета. Венгрия выдвинула к границе с СССР 5 бригад. На их вооружении имелось около 200 легких танков и танкеток⁵⁰.

Таблица 4. Вооруженные силы Германии и ее союзников, выделенные для ведения войны против СССР (к 22 июня 1941 г.)⁵¹

Страны	Силы и средства							
	личный состав, тыс.	дивизии	бригады	орудия и минометы, тыс. шт.	танки и штурмовые орудия, шт.	сверхлегкие танки и танкетки, шт.	боевые самолеты, ед.	корабли, ед.
Германия	4 100	153	3	40,5	4 170	–	3 613	159
Финляндия	470	16	3	3,5	86	22	307	48
Румыния	384	13	9	3,0	60	12	393	39
Венгрия	44	–	5	0,2	81	108	48	–
Всего:	4 998	182	20	47,2	4 397	142	4 361	246

Не желали оставаться в стороне и такие союзники Германии, как Италия и Словакия, хотя Гитлер и не намерен был привлекать их для участия в "восточном походе". Итальянское военное командование по собственной инициативе сформировало экспедиционный корпус в составе трех дивизий (62 тыс. человек). Словакия изъявила готовность предоставить имевшиеся у нее две пехотные дивизии (28 тыс. человек) для обеспечения тылов германских войск на востоке⁵².

В соответствии с разработанными планами переброску войск и их сосредоточение вблизи границы с Советским Союзом командование вермахта осуществляло с соблюдением необходимых мер маскировки. На основе директивы ОКХ № 050/41 от 31 января 1941 г. были разработаны планы-графики переброски соединений и частей сухопутных войск и ВВС с указанием районов погрузки, начала и маршрутов движения, а также времени прибытия в районы выгрузки. Причем заранее предусматривались действия войск после выгрузки и порядок их выдвижения в районы сосредоточения. В первую очередь перемещались пехотные дивизии, части РГК, тыловые службы сухопутных войск и ВВС и только потом танковые и моторизованные соединения сухопутных войск и летные части ВВС.

Сосредоточение и развертывание группировки, предназначенной для ведения боевых действий в первые дни войны, осуществлялось с середины февраля по 21 июня 1941 г. Следует заметить, что на границе с СССР к тому времени уже находилось (без учета Северной Норвегии и Румынии) 26 дивизий вермахта, передислоцированных сюда еще летом и осенью 1940 г.⁵³

Переброска основных сил проводилась шестью эшелонами: первыми пятью перевезились войска, входившие в состав первого стратегического эшелона, шестым – выдвигался резерв ОКХ. В их состав, наряду с дивизиями и частями РГК сухопутных войск, включались штабы соединений и объединений, транспорты с военной техникой и предметами снабжения для наземных войск и ВВС. В основном войска перебрасывались по железной дороге, хотя некоторые соединения и части перемещались самостоятельно, особенно на заключительном этапе. На перемещение одной дивизии в среднем затрачивалось от двух до семи суток.

Следует отметить, что две особенности военно-стратегической обстановки в феврале–первой половине июня 1941 г. способствовали успеху дезинформации советского руководства относительно передислокации главных сил вермахта на восток. Во-первых, Германия продолжала находиться в состоянии войны с Англией, поэтому на севере Франции и юге Норвегии по-прежнему были размещены значительные контингенты немецких войск, которые систематически обновлялись. Во-вторых, с начала 1941 г. на территорию Румынии, а затем Болгарии и Венгрии стали перебрасываться войска для участия в балканской кампании. В апреле для ее проведения было выделено около 40 дивизий.

Переброска первого эшелона осуществлялась с середины февраля до середины марта. В этот период было отправлено 2500 поездов из Франции, в Восточную Германию и Польшу доставлено 7 пехотных дивизий, а также штабы 4 корпусов и корпусные части. С 16 марта по 10 апреля перебрасывался второй эшелон войск. В распоряжение группы армий "Б" было переведено 18 пехотных дивизий. Одновременно на запад для несения оккупационной службы из Германии было направлено 9 слабо подготовленных пехотных дивизий⁵⁴.

Правда, балканская кампания заставила командование вермахта внести кое-какие изменения в первоначальный план сосредоточения войск на востоке. Если раньше переброску пятого эшелона предусматривалось завершить к 15 мая, то в соответствии с новыми графиками этот срок был перенесен на 20 июня.

Третий эшелон с 11 апреля по 20 мая доставил на восток 17 пехотных дивизий, 13 корпусных управлений, тыловые службы ряда авиационных частей и некоторые части РКК. Общее количество дивизий, без учета тех, что находились на территории Румынии и Норвегии, к 20 мая достигло 68. Все вновь прибывшие дивизии (в составе трех первых эшелонов) с целью маскировки располагались западнее рубежа Кенигсберг, Варшава, Тарнув. В середине мая из Германии в Румынию прибыло управление 11-й армии, а на запад для несения оккупационной службы отправлено еще 8 недавно сформированных пехотных дивизий⁵⁵.

С 22 мая железные дороги Германии были переведены на график ускоренного движения: ежедневное количество поездов с войсками и воинскими грузами увеличилось почти в три раза. В связи с этими мерами сосредоточение войск на востоке резко ускорились. Переброска четвертого эшелона в составе 12 пехотных и 9 охранных дивизий была завершена за две недели. На 5 июня 1941 г. в трех группах армий, предназначенных для нападения на СССР, насчитывалось уже 89 дивизий⁵⁶.

В пятом эшелоне с 6 по 21 июня перемещались в основном подвижные войска, предназначенные для действий с первых дней войны. Всего в составе этого эшелона в районы, прилегающие к границе СССР с Германией и Румынией, было перебросено 33 соединения: 14 танковых, 12 моторизованных, 2 пехотные и 3 легкие дивизии, а также 2 моторизованные бригады⁵⁷.

Переброска шестого эшелона, включавшего 28 дивизий и бригаду резерва ОКХ, а также управление 2-й армии, 6 корпусных штабов и 36 отдельных частей РКК, началась 19 июня. К 22-му две дивизии резерва ОКХ (4-я горнострелковая и 125-я пехотная) уже прибыли в распоряжение группы армий "Юг", 6 пехотных дивизий и моторизованная бригада еще находились в пути, 7 дивизий (в том числе 2 танковые и моторизованная) стояли на Балканах, 4 дивизии – в Германии и 9 – во Франции. Командование вермахта стремилось как можно дольше держать дивизии резерва ОКХ во Франции, с тем чтобы создавать видимость угрозы вторжения на Британские острова. Согласно разработанным графикам до 4 июля на восток из резервов ОКХ должно было прибыть только 15 соединений (11 пехотных, моторизованная, горнострелковая и полицейская дивизии, а также моторизованная бригада), остальные 14 дивизий резерва ОКХ предполагалось направить позже. Точные сроки их прибытия еще не были оговорены⁵⁸.

С 10 июня войска, предназначенные для прорыва, стали выводиться в исходные районы: 7–20 км от советской границы – для пехотных соединений и 20–30 км – для танковых. Начиная с 18 июня дивизии первых эшелонов по ночам выдвигались в исходное для наступления положение.

Сосредоточение немецкой авиации у границ СССР проходило в два этапа. На первом (с февраля по май) выдвигались служба тыла, а на втором (с 22 мая по 21 июня) – перемещались летные части. К полудню 21 июня соединения ВВС первого удара были сосредоточены на аэродромах западнее р. Висла. К вечеру того же дня они одиночными самолетами на малой высоте перебазировались на

оперативные аэродромы, расположенные в непосредственной близости от границы СССР.

В соответствии с планами командования вермахта в предстоящей войне против СССР предусматривалось использовать лишь небольшую часть германских ВМС на Балтийском море, а основные силы флота по-прежнему оставить в Атлантике и на Средиземном море. С 1 июня старые линейные корабли "Шлезен" и "Шлезвиг-Гольштейн", предназначенные для использования на Балтике в качестве плавучих батарей, были приведены в полную боевую готовность, а минные заградители, которые были переданы в распоряжение командования группы ВМС "Север", из западных районов переводились в Балтийское море. С 5 по 14 июня немецкие транспортные суда перебрасывали из Штеттина в Финляндию, на побережье Ботнического залива, 169-ю пехотную дивизию, а из Осло – штаб 36-го армейского корпуса вместе с корпусными частями. С 12 июня семь германских минных заградителей, флотилия миннотральных кораблей и две флотилии торпедных катеров стали перебазироваться на подступы к Финскому заливу и занимать шхеры сначала в районе г. Турку, а затем Порккала-Удд. 14 июня последовало категорическое распоряжение всем германским судам не заходить в советские порты, а тем, кто там еще находился, немедленно покинуть их. С 17 июня в центральную и восточную части Балтийского моря было направлено пять подводных лодок группы ВМС "Север" с целью занять там боевые позиции. 21 июня все военные корабли и катера, которым предстояло принять участие в войне против СССР на Балтийском море, покинули свои порты и вышли в открытое море для выполнения поставленных боевых задач⁵⁹.

Одновременно осуществлялись подготовка и сосредоточение вооруженных сил Финляндии, Румынии и Венгрии. Из имевшихся у Финляндии 16 пехотных дивизий и 3 бригад 2 дивизии были передислоцированы на север и переданы в распоряжение немецкой армии "Норвегия". К 22 июня они сосредоточились юго-восточнее г. Рованиеми, куда с 18 июня начал выдвигаться штаб армии "Норвегия". 13 финских дивизий и 3 бригады вошли в состав Карельской армии, соединения которой расположились вдоль советско-финской границы на юг от линии Оулу, Беломорск. В качестве резерва Карельской армии использовалась 163-я немецкая пехотная дивизия. В своем резерве главнокомандование Финляндии оставило всего одну дивизию.

Румынская действующая армия к началу операции "Барбаросса" состояла из 13 дивизий и 9 бригад. Из них 4 пехотные дивизии, 3 кавалерийские и 3 горнострелковые бригады вошли в состав 11-й немецкой армии. Они расположились вдоль советской границы, севернее г. Яссы. Остальные соединения были включены в состав 3-й и 4-й румынских армий, находившихся еще в стадии доукомплектования. В ночь на 22 июня они начали выдвигаться на боевые позиции непосредственно у границы с СССР – от г. Яссы до Черного моря.

Венгрия к 22 июня подтянула к советской границе свою подвижную карпатскую группу в составе 5 бригад (2 пехотные, кавалерийская и 2 моторизованные)⁶⁰.

К 22 июня 1941 г. командование вермахта развернуло у западных границ СССР – от Ледовитого океана до Черного моря – невиданную до этого в истории войн группировку вооруженных сил. Подготовленные для вторжения войска были объединены в три группы армий ("Север", "Центр", "Юг"), отдельную германскую армию ("Норвегия"), финскую армию, 2 румынские армии и венгерскую корпусную группу. Первый стратегический эшелон фашистского блока насчитывал 153 дивизии и 19 бригад, из них немецких – 125 дивизий и 2 бригады. На их вооружении имелось свыше 4 тыс. танков и штурмовых орудий, около 4,4 тыс. боевых самолетов, почти 39 тыс. орудий и минометов. Общая численность этих группировок вместе с выделенными для войны против СССР германскими ВВС и ВМС составляла приблизительно 4,4 млн человек⁶¹.

Стратегический резерв главного командования сухопутных войск Германии для войны против СССР составлял 28 дивизий и бригад, в том числе 2 танковые дивизии. До 4 июля 14 дивизий должны были поступить в распоряжение командования групп армий. Остальные соединения предполагалось использовать позже в зависимости от обстановки на фронте. В резерве ОКХ насчитывалось около 500 тыс. личного состава, 8 тыс. орудий и минометов, 350 танков⁶².

Обращает на себя внимание неравномерное распределение немецких сил по фронту и сравнительно небольшое их количество в стратегическом резерве. Основная масса германских сухопутных войск и ВВС была сосредоточена между Балтийским морем и Карпатами. Там было развернуто 10 немецких армейских объединений из 12, в том числе все 4 танковые группы. На фронте, составлявшем 40% протяженности западных сухопутных границ СССР, было сконцентрировано 70% немецких дивизий, 75 – орудий и минометов, 90 – танков, свыше 90% боевых самолетов.

Сосредоточение 80% сил в первом стратегическом эшелоне служило обеспечению более мощного первоначального удара и свидетельствовало об уверенности руководителей рейха в успехе первого удара, который должен был, по их замыслу, привести к крушению Советского Союза и завершению операции "Барбаросса" в кратчайшие сроки.

Стремясь достичь успеха путем глубоких рассекающих ударов танковых клиньев и их стремительного продвижения, германское военное командование располагало свои войска неравномерно по всему фронту. Большая часть сил была сосредоточена на направлении главных ударов, где создавалось многократное (в четыре-пять раз и более) превосходство над советскими войсками.

ЗАПОЗДАЛАЯ РЕАКЦИЯ

В отличие от войск Германии и ее союзников, которые к моменту нападения на СССР находились в состоянии полной боевой готовности, группировка советских войск на западе оказалась не развернутой и не готовой к военным действиям. В качестве первопричины в советской и зарубежной историографии обычно указывается на промедление Сталина и его окружения с принятием необходимых мер. Мотивы промедления продолжают оставаться предметом споров и размышлений как в бывшем СССР, так и за его пределами. К сожалению, до сих пор в распоряжении исследователей имеются лишь косвенные доказательства, что можно объяснить почти полной недоступностью документов высших инстанций политической и военной власти СССР того времени. Вот почему на основе одних и тех же свидетельств делаются иногда совершенно противоположные выводы. Перечислить, а тем более раскрыть и проанализировать многочисленные догадки о том, почему Сталин просчитался в определении срока германского нападения и почему он медлил с созданием необходимой группировки войск и приведением ее в полную боевую готовность, в коротком очерке просто невозможно. Назовем лишь основные из них.

Считается, например, что Сталин не верил в возможность нападения Германии на СССР, пока не будет выведена из войны Англия, ибо в таком случае ей пришлось бы вести войну на два фронта.

Доказывается, будто он стал жертвой немецкой дезинформации, направленной на создание у советского руководства представления о том, что сосредоточение немецких войск у границы СССР осуществляется с целью маскировки готовящейся операции по высадке их на Британские острова. Утверждается также, что Сталин

просто-напросто боялся Гитлера, считая его вооруженные силы более мощными, и до последнего момента надеялся оттянуть начало вооруженного столкновения дипломатическими маневрами. В качестве главной причины сталинской боязни выдвигается неготовность промышленности и вооруженных сил СССР к войне.

Последняя версия кажется наиболее логичной при условии, что Сталину было известно истинное состояние армии. Ее же выдвигал в своих беседах с писателем Ф. Чуевым ближайший и наиболее доверенный помощник Сталина В.М. Молотов, который, в частности, говорил: "Мы знали, что война не за горами, что мы слабей Германии... Мы делали все, чтобы оттянуть войну... Сталин еще перед войной считал, что только к 1943 г. мы сможем встретить немца на равных"⁶³. Есть, наконец, и версия о том, что Сталин, считавший Германию достаточно увязшей в войне в Северной Африке, на Балканах и на Ближнем Востоке, сам готовился напасть в 1941 г., поэтому и запрещал военному командованию предпринимать меры, которые могли бы спровоцировать преждевременный вооруженный конфликт.

Не располагая всеми документами, трудно соглашаться с той или иной версией либо оспаривать их. Анализ же действий политического и военного руководства СССР в последние предвоенные месяцы свидетельствует, что оно отнюдь не полностью игнорировало сообщения об угрозе нападения и, несмотря на утверждение ряда советских историков и военачальников о том, что Сталин был уверен в возможности избежать войны в 1941 г., предприняло ряд мер, направленных на повышение готовности вооруженных сил к вероятному военному столкновению. Но эти меры оказались слишком запоздалыми и явно недостаточными.

Советская разведка уже через одиннадцать дней после подписания Гитлером директивы "Барбаросса" знала о наличии этого документа. 29 декабря 1940 г. советский военный атташе в Берлине В.И. Тупиков сообщил в Москву следующее: "Гитлер отдал приказ о подготовке к войне с СССР"⁶⁴. Постепенно удалось раскрыть замысел германского военного командования. В марте 1941 г. начальник разведывательного управления Генштаба Ф.И. Голиков докладывал Сталину, что "для наступления на СССР создаются три армейские группы: 1-я группа под командованием генерал-фельдмаршала Бока наносит удар в направлении Ленинграда; 2-я группа под командованием генерал-фельдмаршала Рундштедта – в направлении Москвы и 3-я группа под командованием генерал-фельдмаршала Лееба – в направлении Киева"⁶⁵. Были вскрыты и сроки нападения. Самый последний из названных в донесениях разведки выпадал на 25 июня. Называлась и точная дата – 22 июня 1941 г.

Уже в феврале советская разведка обнаружила сосредоточение германских войск у границ СССР. На 22 апреля только на территории Восточной Пруссии и Польши удалось установить около 83 немецких дивизий, а в мае – 120. По оценке Генерального штаба, развернутая у советских западных границ в апреле группировка (силы Германии и ее союзников) могла иметь до 160 дивизий.

Осведомленное об этом, советское военное руководство предпринимало меры для усиления западных приграничных военных округов. Во второй половине апреля там началось формирование десяти артиллерийских противотанковых бригад резерва Главного Командования и четырех воздушнодесантных корпусов. Из внутренних округов, а также с Дальнего Востока и из Забайкалья перебрасывались восемь стрелковых дивизий и две воздушнодесантные бригады⁶⁶. Планировалось также направить на запад управления двух стрелковых и одного механизированного корпусов, две стрелковые, две танковые и моторизованную дивизию с Дальнего Востока и из Забайкалья, а из Западного и Киевского округов должны были передислоцироваться в центр европейской части страны шесть военных училищ⁶⁷.

Учитывая темпы наращивания сил противником, руководство наркомата обороны с 13 мая начинает отдавать распоряжения военным советам Забайкальского,

Северо-Кавказского, Приволжского, Уральского и Харьковского военных округов на выдвижение дивизий и корпусов, которые должны были войти в состав трех армий второго стратегического эшелона и одной армии, предназначавшейся для усиления войск Киевского Особого военного округа⁶⁸.

В тот же день нарком подписал приказ о досрочном выпуске курсантов из военных училищ и направлении их в войска. Затем последовали распоряжения командующим войсками Архангельского, Сибирского, Московского, Орловского военных округов на подготовку к выдвижению на запад остальных войск второго стратегического эшелона.

Между тем обстановка накалялась. Советская разведка фиксировала нарастание потока германских войск к границам СССР. В этих условиях нарком обороны Тимошенко и начальник Генерального штаба Жуков пришли к выводу о том, что Германия, армия которой содержится в полностью отмобилизованном состоянии, имеет возможность предупредить "нас в развертывании и нанести внезапный удар"⁶⁹. Советская военная теория требовала от командного состава всех звеньев предельной активности. В уставах было записано, что противник должен быть атакован, где бы он ни находился. Поэтому вполне логичным в этом свете представляется намерение наркома и начальника Генштаба выйти с предложением в ЦК и СНК, т.е. к Сталину и Молотову, о нанесении упреждающего удара.

Были даны соответствующие указания Василевскому, и 15 мая он завершил написание соображений по стратегическому развертыванию, в которых, в частности, говорилось, что "ни в коем случае нельзя давать инициативу действий германскому командованию", и предлагалось "упредить противника в развертывании и атаковать германскую армию в тот момент, когда она будет находиться в стадии развертывания и не успеет еще организовать фронт и взаимодействие родов войск"⁷⁰.

Предлагалось сосредоточить на западе 258 дивизий, провести для этого скрытое отмобилизование, перебазировать авиацию на полевые аэродромы и начать развертывание тылов, организовать прочную оборону границы, используя все силы округов; привести в полную боевую готовность средства противовоздушной обороны и ускорить строительство укреплений у границы.

Таким образом, военное руководство предусматривало прежде всего занятие войсками прикрытия своих участков и полос обороны, чтобы гарантировать от ударов противника отмобилизование и создание группировок своих войск для наступления, чего, к сожалению, так и не было сделано до самого нападения Германии на СССР. Вместо этих решительных действий впоследствии были предприняты вялые, как правило, запаздывающие меры, направленные на некоторое усиление группировок советских войск на западе и повышение их готовности к отражению нападения противника.

На документе, подписанном Василевским, нет подписей Тимошенко и Жукова. В личной беседе с историком В.А. Анфиловым, спустя много лет после войны, Г.К. Жуков заявил, что, прежде чем представить документ Сталину, Тимошенко и Жуков решили сначала проверить его реакцию на идею упреждающего удара, и когда завели об этом речь, то получили недвусмысленный ответ в довольно резких выражениях⁷¹. Сталин обвинил военных в стремлении спровоцировать Гитлера на нападение, так как широкомасштабные мероприятия мобилизации, сосредоточения и развертывания войск, занятие ими оборонительных сооружений у границы не могут остаться незамеченными и будут использованы германской стороной как повод для агрессии.

Добросовестный, непредвзятый подход к оценке предложения военных об упреждающем ударе позволяет с полным основанием утверждать, что упреждение не планировалось заранее, а предложение о нем явилось следствием действий германского командования по созданию своей группировки вторжения. Кстати, это

может служить ответом на то, почему военное руководство не было смещено с началом войны: Тимошенко и Жуков делали то, что должны были делать, но Сталин не соглашался с их предложениями, стремясь избежать вооруженного столкновения в 1941 г. В то же время он и не мог "сидеть сложа руки", когда немецкие войска продолжали накапливаться у советских границ. В мае–июне был произведен частичный призыв военнотружущих запаса с целью пополнения дивизий приграничных военных округов, а также соединений внутренних округов, предназначенных для действий на западе. Войска получили лишь 793 тыс. человек и 26 620 лошадей*.

Боеспособность соединений, выдвигавшихся из внутренних округов на запад, оказалась крайне низкой, так как соединения не были отобилизованы, а лишь пополнились незначительным количеством людей и имели всего 20–30% автомобилей и примерно половину средств тяги для артиллерии. Конечно, недостаток личного состава в дивизиях не столь существенно влиял на их боеспособность, как некомплект автомобилей и тракторов, без которых невозможно планомерное обеспечение частей и боеприпасами, и горючим. Из-за отсутствия необходимого количества транспорта соединения не смогли взять даже минимума – 1,5 боевого комплекта боеприпасов и 2 заправки горючего. Выгруженные из железнодорожных эшелонов боеприпасы и орудия приходилось перевозить несколькими рейсами, зачастую тянуть два орудия одним трактором. Автотранспорт и тракторы планировалось доставить в новые районы только в случае резкого обострения обстановки, когда вооруженное столкновение будет признано уже неизбежным. Это вызывалось как стремлением скрыть мобилизацию, так и хозяйственными потребностями страны: приближалась уборка урожая, а в южных районах она уже началась.

С 12 июня нарком обороны отдает директивы о выдвигании к границе стрелковых дивизий, располагавшихся в глубине территории приграничных военных округов⁷². К сожалению, и этим дивизиям не дано было права извлекать из народного хозяйства транспорт и лошадей. Поэтому к началу войны увлекшие сосредоточиться на новом месте дивизии не смогли получить личный состав, а автомобили и тракторы стали поступать в них лишь с середины июля. Предполагалось, что всего из внутренних округов должно было быть выдвинуто на запад 26 дивизий, однако к 22 июня в районах назначения выгрузились только 13.

В изданном 19 июня приказе наркома обороны Тимошенко предписывалось замаскировать аэродромы, воинские части и другие военные объекты⁷³. В тот же день начальник Генерального штаба от имени наркома отдал распоряжение округам о выделении фронтовых управлений и выводе их к 22–23 июня на командные пункты, а нарком ВМФ Кузнецов приказал привести флоты и флотилии в оперативную готовность № 2⁷⁴.

Таким образом, накануне войны политическое и военное руководство страны предприняло некоторые меры, направленные на повышение боевой готовности вооруженных сил. Однако основная часть всех этих мероприятий относилась к войскам, которые предназначались для действий в качестве второго стратегического эшелона, а не главных сил. Главные же силы, сосредоточенные в приграничных военных округах, до исхода 21 июня так и не получили из центра распоряжения о приведении их в полную боевую готовность.

Нетрудно также заметить, что все эти меры являлись запоздалой и далеко не равнозначной реакцией на то, что делалось по ту сторону западных границ СССР.

Командование округов неоднократно с большой тревогой докладывало непосредственно наркому обороны, а также в Генеральный штаб о многочисленных признаках интенсивной подготовки германских войск к скорому нападению. На все их просьбы разрешить проведение мер по повышению боевой готовности войск из

* Мобилизационным планом, принятым в феврале 1941 г. (МП-41), предусматривалось в случае полной мобилизации призвать почти 5 млн человек и поставить армии 620 тыс. лошадей.

центра следовал неизменный отказ. Как нарком обороны, так и начальник Генерального штаба особенно были категоричны в случаях, когда предполагалось занять войсками подготовленные у границы оборонительные позиции и сооружения укрепленных районов. После войны Тимошенко и Жуков объясняли это тем, что Сталин строго предупреждал их о необходимости максимальной осторожности в действиях по повышению боевой готовности армии, чтобы не спровоцировать немцев на вооруженный конфликт.

После настойчивых и неоднократных просьб командования Киевского Особого военного округа оно, наконец, получило разрешение выдвинуть из Луцка в район юго-западнее Ковеля, ближе к границе, 62-ю стрелковую дивизию, которая должна была действовать в первом эшелоне 5-й армии. Под Луцк из района Острог, Шепетовка выдвигалась 135-я стрелковая дивизия, предназначенная в резерв этой армии. Командование округа добилось согласия центра отдать приказ войскам о хранении непосредственно в подразделениях и при орудиях половины боекомплекта артиллерийских снарядов и мин, а также носимого запаса патронов⁷⁵.

Некоторые командиры и командующие на свой страх и риск предпринимали меры по повышению боеготовности войск. Так, командующий Прибалтийским Особым военным округом Ф.И. Кузнецов 15 июня своим приказом потребовал максимально повысить боеготовность частей и соединений, рассредоточить авиацию. Через три дня Военный совет округа отдал распоряжение "о приведении в готовность театра военных действий"⁷⁶. Начальник противовоздушной обороны округа получил приказ к исходу 20 июня привести в полную боевую готовность подчиненные ему войска. 18 июня были подняты по тревоге и приведены в полную боевую готовность штабы армий, корпусов и дивизий, к утру следующего дня их узлы связи развернулись на полевых пунктах управления⁷⁷. Дивизии, в том числе танковые и моторизованные, расположенные в глубине территории округа и приграничной зоне, еще в ночь на 19 июня начали выдвижение на запад.

С середины июня были отменены отпуска личному составу. В отдельных соединениях приграничных военных округов бойцам, расчетам, экипажам выдавались боеприпасы⁷⁸. В некоторых армиях, корпусах и дивизиях приступили к оборудованию полевых командных пунктов. По свидетельству бывшего командира 15-го стрелкового корпуса генерала И.И. Федюнинского, 18 июня командующий 5-й армией Киевского Особого военного округа генерал М.И. Потопов приказал вывести 45-ю стрелковую дивизию с полигона. Из боевых документов, воспоминаний бывшего начальника штаба Одесского военного округа, генерала, впоследствии маршала, М.В. Захарова, а также командиров соединений 9-й армии следует, что после полуночи 22 июня войска округа получили распоряжение на подъем по тревоге и сосредоточение вблизи пунктов дислокации⁷⁹.

Начиная с 17 июня собирал в летнем лагере части 41-й стрелковой дивизии Киевского Особого военного округа ее командир генерал Г.Н. Микушев. Как вспоминали бывший начальник штаба дивизии полковник Н.В. Еремин и другие ветераны соединения, во второй половине дня 21 июня Микушев предупредил командиров о возможном нападении Германии и приказал всем офицерам оставаться в своих подразделениях⁸⁰. Бойцам было выдано все, что положено брать с собой по боевой тревоге. Так, дивизия без выхода в назначенные планом прикрытия районы была приведена почти в полную боевую готовность. Это позволило частям 22 июня быстро собраться по боевой тревоге и организованно вступить в первый бой. Совместно с войсками укрепрайонов и пограничниками дивизия отразила наступление четырех немецких дивизий, а на другой день, как свидетельствуют донесения пограничников и запись в рабочей тетради Василевского, полки, перейдя в контратаку, не только отбросили противника к границе, но преодолели ее на 8-километровом участке, углубились на территорию Польши на 3 км⁸¹.

К сожалению, большинство командиров и командующих или совсем не пред-

принимали никаких мер, или делали это весьма осторожно. Во многих случаях причиной такой нерешительности являлась сама атмосфера в армии: недоверие начальников к подчиненным, страх подчиненных перед начальниками сковывали инициативу по всей вертикали. Например, начальник штаба 41-й стрелковой дивизии полковник Еремин даже не знал, действовал ли его командир по чьему-то указанию или по собственной инициативе.

Как только наркому ВМФ Кузнецову стало известно от Жукова, что разрабатывается решение на приведение войск в полную боевую готовность, он тут же отдал распоряжение привести флот в оперативную готовность № 1. Произошло это после 23 часов 21 июня. В результате боевое ядро флота встретило войну в часовой готовности к выходу в назначенные планом районы действия, а остальные силы – в четырехчасовой готовности. В сухопутных войсках и ВВС не было предпринято и этого.

Таким образом, накануне германского вторжения были приведены в движение войска второго стратегического эшелона, а вместе с ними все соединения, располагавшиеся в глубине территории приграничных военных округов. Часть соединений армий прикрытия вышла в назначенные им довоенными планами районы, некоторые только приблизились к ним, а другие были подняты по тревоге еще до того, как в Москве приняли решение о приведении в полную боевую готовность войск западных приграничных военных округов. Однако большинство получило распоряжение слишком поздно, а до некоторых соединений и частей оно не дошло вообще. К рассвету 22 июня группировка советских войск представляла собой следующую картину.

Войска Ленинградского военного округа по-прежнему находилась в пунктах постоянной дислокации и никаких мероприятий по развертыванию не проводили. Для усиления кандалакшского направления туда по железной дороге перевозилась 1-я танковая дивизия 1-го механизированного корпуса. 11-я стрелковая дивизия, по плану развертывания предназначавшаяся для Северо-Западного фронта, перебазировалась на территорию Прибалтийского Особого военного округа.

В этом округе к началу войны в состоянии полной боевой готовности было приведено шесть стрелковых дивизий 8-й и 11-й армий, а также оба механизированных корпуса (3-й и 12-й) без отмотобилизования. Три дивизии 8-й армии смогли занять районы, определенные планом прикрытия, остальные были рассредоточены на различном удалении от границы. Еще три дивизии фронтового и армейского резерва выдвигались к границе из глубины территории округа, а шесть дивизий 27-й армии (22 эстонский, 24 латышский и 29-й литовский национальные корпуса) оставались в лагерях или пунктах постоянной дислокации в глубине территории округа, проводя переформирование. В середине июня в них почти целиком был сменен командный состав: значительная часть офицеров, служивших до присоединения Прибалтики к СССР в своих национальных армиях, была изъята как неблагонадежная.

Войска армий первого эшелона Западного Особого военного округа оставались в пунктах постоянной дислокации. Выдвигавшиеся из глубины его территории три стрелковых корпуса находились на удалении 150–400 км от границы. В глубине округа, от Лиды до Днепра, формировались три противотанковые бригады, воздушнодесантный и два механизированных корпуса. Правда, противотанковые бригады фактически не имели средств для буксировки орудий, а в воздушнодесантном корпусе только одну бригаду можно было считать боеспособной, так как две другие представляли собой пехоту, не обученную парашютному делу. 17-й и 20-й механизированные корпуса имели в своем составе плохо вооруженную пехоту, поскольку успели получить соответственно всего 63 и 94 танка⁸². Значительная часть войсковой артиллерии находилась на полигонах в отрыве от своих соединений. В белостокском выступе дислоцировались силы двух армий и трех механизированных

корпусов – основная часть войск первого эшелона округа. Германские войска, развернутые в сувалковском выступе, занимали охватывающее по отношению к главной группировке сил округа положение.

Все дивизии армий первого эшелона войск Киевского Особого военного округа к исходу 21 июня располагались в пунктах постоянной дислокации или в лагерях. Пять стрелковых корпусов окружного резерва совершали марш на удалении 100–250 км от границы. В глубине округа оставались воздушнодесантный и три механизированных корпуса. Степень их готовности была такой же, как и подобных корпусов Западного Особого военного округа. Из пяти противотанковых бригад только одна 1-я была полностью укомплектована орудиями и транспортом; остальные являлись небоеспособными, так как не завершили формирование. Во львовском выступе дислоцировались основные силы двух армий и три наиболее укомплектованных танками и другой военной техникой механизированных корпуса. Сосредоточенные против них главные силы немецкой группы армий "Юг" занимали охватывающее положение с севера.

В Одесском военном округе дивизии первого эшелона поднимались по боевой тревоге.

Всего в западные приграничные военные округа к исходу 21 июня входило 170 дивизий, 2 отдельные стрелковые и 12 воздушнодесантных бригад. Эти силы были относительно равномерно распределены вдоль всей границы и рассредоточены на большую глубину. В 10–50 км от границы в первом эшелоне армий прикрытия дислоцировались 56 дивизий (53 стрелковые и 3 кавалерийские) и 2 отдельные стрелковые бригады. Во втором эшелоне на удалении 50–100 км и более находились 52 дивизии (13 стрелковых, 3 кавалерийские, 24 танковые и 12 моторизованных). В 100–400 км от границы находились 62 дивизии резерва округов, на рубеже Западной Двины и Днепра – 13 дивизий, предназначенных для Юго-Западного фронта и армий РКК, 3 дивизии (21-й механизированный корпус) постоянно дислоцировались в районе развертывания войск 22-й армии РКК.

Таким образом, вместо 237 дивизий, которые в соответствии с планом предполагалось развернуть на западе, к началу войны оказалось всего 186 (включая 3 дивизии в Крыму). 10 дивизий внутренних округов находились в движении, остальные готовились к нему, будучи рассредоточенными от Архангельска до Забайкалья. Они могли быть введены в сражение не ранее чем через две-три недели, т.е. значительно позже войск стратегического резерва противника. В то время как германские войска были полностью отмобилизованы, советским требовались еще немалые сроки на отмобилизование и слаживание. К тому же большинство частей, предназначавшихся для прикрытия, не было приведено в состояние полной боевой готовности, а значит и не смогло изготовиться для отражения нападения.

Следовательно, к утру 22 июня советские войска, расположенные на западе, не были готовы ни к обороне, ни к наступлению. Помимо уже упоминавшихся 186 дивизий на западе имелись 2 отдельные стрелковые бригады, 4 воздушнодесантных корпуса, каждый из которых можно приравнять к 3/4 стрелковой дивизии только по численности личного состава. Кроме того, на территории приграничных военных округов дислоцировались 7 дивизий, 2 бригады, 11 оперативных полков внутренних войск и 49 пограничных отрядов.

Все самолеты оставались на постоянных аэродромах, расположение которых в большинстве случаев было хорошо известно противнику. Командование ВВС не использовало для рассредоточения машин 382 оперативных аэродрома, рассчитанных на базирование авиации в условиях угрозы нападения. Все это уже заранее создавало противнику предпосылки для завоевания господства в воздухе.

Группировка советских войск на Западном театре военных действий с учетом 16 дивизий РКК насчитывала 3 млн человек, около 39,4 тыс. орудий и минометов, 11 тыс. танков и более 9,1 тыс. боевых самолетов (табл. 5). В целом количест-

Таблица 5. Соотношение сил сторон к началу войны⁸³

Силы и средства	СССР*	Германия и ее союзники	Соотношение
Дивизии	186	153	1,2 : 1,0
Люди, млн	3,0	4,4	1,0 : 1,3
Орудия и минометы, тыс. шт.	39,4	39,0	1,0 : 1,0
Танки и штурмовые орудия, тыс. шт.	11,0	4,0	2,7 : 1,0
Боевые самолеты, тыс. шт.	9,1	4,4	2,1 : 1,0

* В составе советских войск учтены 12 бригад воздушнодесантных корпусов. Не учтены части и соединения пограничных и внутренних войск.

венное соотношение сил и средств, сосредоточенных германским командованием, включая его союзников, на территории Финляндии, Восточной Пруссии, Польши и Румынии, и советских войск, дислоцировавшихся на территории западных приграничных округов, и прибывших туда войск РКК выглядело в пользу последних.

Приведенные цифры свидетельствуют, что, уступая противнику в личном составе, советские войска, расположенные на Западном театре военных действий, имели значительно больше танков и самолетов. Однако общее качественное превосходство было на стороне противника, и оно, как показали последующие события, в начале войны оказалось решающим.

К моменту нападения агрессор обладал целым рядом преимуществ, но важнейшим было то, что его войска находились в развернутом состоянии, в полной боевой готовности.

Другим преимуществом являлось качество военной техники. Советские самолеты в большинстве своем уступали немецким по основным техническим данным, а танки – по степени изношенности и обеспеченности ремонтными средствами и автотранспортом.

В отличие от советских соединений и частей, находившихся в состоянии формирования или реорганизации, германские были полностью укомплектованы по штатам военного времени, слажены и обучены, во всех звеньях они имели хорошо подготовленный в теоретическом и практическом плане командный состав. Незначительные потери в почти двухлетних боевых действиях в Европе способствовали тому, что основная часть штабов, соединений, частей и даже подразделений начала войну против Советского Союза в том же составе, в каком они вели ее против Польши.

Надо учесть и такой фактор: победоносная война в Европе вселила в сознание немецких солдат и офицеров уверенность в себе, своем оружии и безграничную веру в военное командование и политическое руководство рейха. Разумеется, советские войска имели куда меньше возможностей для обретения подобных качеств. Волна репрессий, слабая теоретическая и практическая подготовка основной части командного состава не могли внушить советским воинам такую же веру в своих командиров, а слабая обученность войск не способствовала совершенному владению оружием, не говоря уже об уверенности в себе. Нельзя сбрасывать со счетов и превосходство германских военнослужащих в уровне общей и технической грамотности.

Несмотря на присущую немцам педантичность, в вермахте были созданы более благоприятные условия для творческих и инициативных действий командиров, чего не наблюдалось в Красной Армии, где страх перед репрессиями фактически лишил их всякой инициативы. В условиях быстро меняющейся, часто неясной обстановки начала войны, при отсутствии связи с вышестоящим начальником это обстоятельство сыграло свою трагическую роль.

Одним из важнейших преимуществ вермахта перед войсками Красной Армии являлось также превосходство в подвижности. Перед нападением на СССР Германия получила в свое распоряжение автомобильный транспорт почти всей Западной Европы. Только за счет трофейных французских автомобилей были оснащены 92 дивизии вермахта. Советские же войска к началу войны имели всего треть штатной численности транспорта. В значительно меньшей степени, чем противник, они были оснащены радиосредствами.

На исходе последнего мирного дня в Генеральный штаб из войск непрерывно поступали сообщения одно тревожнее другого. По ту сторону границы отчетливо проявлялись признаки подготовки к немедленному переходу в наступление. Работники наркомата обороны, несмотря на поздний час, не покидали своих служебных кабинетов.

* * *

Как свидетельствуют факты, с лета 1940 г. германское политическое руководство занялось непосредственной подготовкой к осуществлению силой оружия своих давнишних замыслов в отношении "восточных территорий" – т.е. Советского Союза. В военной сфере это означало планирование нападения на СССР и соответствующую подготовку к этому вооруженных сил.

Следовательно, Германия заблаговременно готовила войну против СССР. Советский же план войны представлял собой повседневный и постоянный документ, какие хранятся в сейфах генеральных штабов фактически всех стран. От плана "Барбаросса" советские постоянные планы войны, в том числе и последний, отличаются тем, что они носят менее конкретный, вероятностный характер и рассчитаны на случай отражения агрессии. Именно такой характер имел план советского командования, основанный на идее ответного удара, т.е. лишенный той агрессивной направленности, которая была присуща плану "Барбаросса".

Естественно, что у германского генерального штаба и военного командования вермахта в целом было большое преимущество перед советским в деле подготовки к войне: немецкие генералы точно знали сроки нападения, поэтому могли более детально рассчитать необходимые силы и средства и время на их подготовку.

Оперативно-стратегическое планирование войны против СССР германским военным командованием осуществлялось исходя из ее замысла: это будет скоротечная, молниеносная кампания с самыми решительными целями. Почти полностью ставка делалась на собственные вооруженные силы, их качественное превосходство над советскими войсками. При этом основное внимание уделялось подготовке к нанесению мощного первоначального удара, способного создать предпосылки к решению задачи всей войны. В процессе длительной отработки и проверки планы все более совершенствовались, ибо в них находило отражение множество факторов, способных повлиять на ход военных действий.

Планы "восточного подхода" свидетельствовали не только о высоком профессиональном уровне исполнителей, но и об авантюристичности замыслов и расчетов военно-политического руководства третьего рейха. Хотя оно и видело в Советском Союзе сильного противника, но было уверено, что он не способен вести современную войну. Подобный вывод был сделан прежде всего из опыта советско-финляндской войны 1939–1940 гг. По мнению германского руководства, основное преимущество СССР – лишь в наличии огромной территории и колоссальных людских ресурсах. Но это преимущество, полагало оно, будет сведено на нет неспособностью советского командования вывести свои, сосредоточенные у западных границ, главные силы из-под ударов стремительно продвигающихся группировок вермахта. Считалось, что уже на первом этапе кампании, с выходом германских

войск на рубеж Днепр, Западная Двина, удастся разгромить основные силы Красной Армии и достигнуть решающего перелома в ходе всей войны. В дальнейшем предполагалось в основном вести лишь преследование разгромленных советских частей и соединений, ибо планомерного и все усиливающегося сопротивления с их стороны вообще не ожидалось. Поэтому в планировании действий на втором этапе кампании внимание уделялось, главным образом, транспортным и географическим факторам.

Со стороны руководства Германии налицо была явная переоценка возможностей собственных войск, что отразилось, например, в постановке задач группе армий "Центр", которой предстояло действовать на направлении главного удара. Верховное командование вермахта считало возможным и необходимым часть сил этой группы армий после достижения рубежа Днепр, Западная Двина направить на север. Причем оно полагало, что такой маневр не только не нанесет ущерба группе армий "Центр", а, наоборот, будет способствовать быстрейшему и победоносному завершению кампании на востоке.

Следует также отметить, что при планировании войны против СССР германское командование в определенной степени изначально пренебрегало экономическими факторами. Поэтому-то разработанные планы носили чисто военный характер, в них отражалась в основном только оперативно-стратегическая и тактическая стороны "восточного подхода". Это выражалось как в определении направлений главных ударов, так и в распределении сил и постановке задач войскам. Высшие германские штабы, например, полностью пренебрегли возможностью эвакуации советской промышленности из западных районов на восток и создания там нового военного производства. Не сумели они предусмотреть и более высокие нормы расхода боеприпасов, чем это было в западной кампании, необходимость снабжения техники достаточным количеством запасных частей, а также ряд других проблем материального и технического обеспечения в ходе военных действий на территории СССР. Но самый крупный просчет – это полный отказ от возможности перерастания молниеносной войны в войну затяжную. В этом проявились приверженность высшего германского командования шаблонным методам руководства вооруженной борьбой, неоправданная, как выяснилось позже, уверенность в собственном превосходстве.

Оценивая деятельность военно-политического руководства СССР накануне войны, следует отметить, что оно допустило ряд просчетов, имевших трагические последствия.

В первую очередь, это просчет в определении вероятных сроков нападения Германии, который как при планировании, так и особенно при принятии мер по повышению боевой готовности вооруженных сил сыграл роковую роль. В итоге планирование оказалось нереальным, а проводимые накануне мероприятия запоздалыми. Уже в ходе военных действий выявился еще один просчет: совершенно не предусматривались действия войск в случае глубокого стратегического прорыва противника, не планировалась и оборона в стратегическом масштабе. А просчет в выборе рубежа обороны у западных границ во многом обеспечил противнику внезапное нападение на войска первого оперативного эшелона, которые чаще всего дислоцировались на значительно большем расстоянии от намеченных для обороны рубежей, чем противник.

Предпринимая меры по повышению боевой готовности войск, военное и политическое руководство СССР не сделало главного: своевременно не привело в полную боевую готовность предназначавшиеся для отражения первого удара противника войска прикрытия, которые находились в более укомплектованном состоянии. Но в то же время на запад выдвигались фронтовые резервы и войска РКК. Вина за это в первую очередь ложится на Сталина и его ближайшее окружение – Моло-

това, Маленкова, Берия, Ворошилова и др. Гигантомания в военном строительстве и диспропорция в создании средств вооруженной борьбы, репрессии, недоверие ко всем и вся, решение важнейших государственных вопросов единолично или в узком кругу ближайших соратников – таковы отличительные черты сталинского стиля руководства, которые явились главной причиной неготовности армии к отражению агрессии.

Анализ процесса планирования и самих военных планов сторон позволяет на вопрос: "Кто планировал нападение – Гитлер или Сталин" – ответить однозначно: Гитлер. Действия же сторон в последние мирные недели оцениваются по-разному. Есть люди, которые считают, что Сталин стремился упредить Гитлера, готовясь напасть на него в 1941 г.

Для того чтобы составить для себя мнение по этой версии, уважаемый читатель, вернитесь к разделам этой книги, в которых освещается состояние советских вооруженных сил к лету 1941 г., вспомните, какими боевыми успехами увенчал себя Гитлер за два неполных года войны в Европе (почти вся она была у его ног), поставьте себя на место Сталина, вспомните, что у Гитлера есть мощные союзники, а у Вас их нет, подумайте о том, как поведут себя Ваши потенциальные союзники США и Великобритания в случае, если Вы окажетесь агрессором. И, если Вы считаете себя здравомыслящим человеком, решайте: напасть или оттянуть сроки вооруженного столкновения до более благоприятного момента.

¹ Гальдер Ф. Военный дневник / Пер. с нем. М., 1969. Т. 2. С. 60.

² Там же. Т. 2. С. 65–66; Beer A. Der Fall Barbarossa. Munster, 1978. S. 28.

³ Beer A. Op. cit. S. 29.

⁴ Fall Barbarossa: Dokumente zur Vorbereitung der faschistischen Wehrmacht auf die Aggression gegen die Sowjetunion (1940/41). Berlin, 1970. S. 121–126.

⁵ Ibid. S. 121–126; Beer A. Op. cit. S. 31–34.

⁶ Beer A. Op. cit. S. 60.

⁷ Fall Barbarossa. S. 126–130, 131–132.

⁸ Kriegstagebuch des Oberkommandos der Wehrmacht. Frankfurt a/M, 1965. Bd. 1. S. 203, 208, 981–982. (Далее: КТВ/ОКВ).

⁹ См.: Гальдер Ф. Указ. соч. Т. 2. С. 267, 271, 287, 295–304.

¹⁰ Центр хранения историко-документальных коллекций. Ф. 1280. Оп. 2. Д. 26. Л. 7–8.

¹¹ См.: Преступные цели гитлеровской Германии в войне против Советского Союза: Документы и материалы. М., 1987. С. 42–43.

¹² Там же. С. 44–45.

¹³ Там же. С. 44.

¹⁴ Там же. С. 45–46.

¹⁵ КТВ/ОКВ. Bd. 1. S. 253–258.

¹⁶ Fall Barbarossa. S. 157–161.

¹⁷ См.: Гальдер Ф. Указ. соч. Т. 2. С. 368, 374.

¹⁸ Fall Barbarossa. S. 153–154.

¹⁹ Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg. Stuttgart, 1983. Bd. 4. S. 246.

²⁰ Институт военной истории Министерства обороны Российской Федерации: Документы и материалы. Ф. 191. Оп. 285. Д. 88. Л. 34–39. (Далее: ИВИ).

²¹ См.: Гальдер Ф. Указ. соч. Т. 2. С. 92, 236, 242.

²² Militärarchiv der DDR. WF-10/2827. Bl. 538–539.

²³ Ibid. Bl. 549–543.

²⁴ Ibid. Bl. 538–540.

²⁵ Fall Barbarossa. S. 232–233.

²⁶ Преступные цели гитлеровской Германии... С. 43.

²⁷ Там же. С. 50–51.

- 28 Там же. С. 52–55.
- 29 Militärwesen. 1971. № 5/6. S. 679.
- 30 Fall Barbarossa. S. 254–355.
- 31 Ibid. S. 259–260.
- 32 Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации. Ф. 16а. Оп. 2951. Д. 239. Л. 198. (Далее: ЦАМО).
- 33 Там же. Д. 241. Л. 5.
- 34 Там же. Ф. 15а. Оп. 2951. Д. 239. Л. 6.
- 35 Там же. Л. 8.
- 36 Там же. Л. 14.
- 37 Там же. Л. 212.
- 38 Цит. по: Фрунзе М.В. Собр. соч. М.; Л., 1929. Т. 1. С. 219.
- 39 Там же. С. 222.
- 40 Российский государственный военный архив. Ф. 37 977. Оп. 4. Д. 258. Л. 167. (Далее: РГВА).
- 41 См.: Воен.-ист. журн. 1991. № 8. С. 53; № 9. С. 57.
- 42 РГВА. Ф. 37977. Оп. 4. Д. 258. Л. 170–171.
- 43 Цит. по: Воен.-ист. журн. 1991. № 9. С. 61.
- 44 ЦАМО. Ф. 16а. Оп. 2951. Д. 241. Л. 15.
- 45 Там же. Д. 236. Л. 63–69.
- 46 Там же. Ф. 127. Оп. 12915. Д. 29. Л. 344, 345, 396.
- 47 Там же. Ф. 16а. Оп. 241. Д. 2951. Л. 56–58.
- 48 Воен.-ист. журн. 1989. № 3. С. 63.
- 49 См.: Барышников Н.И. и др. Финляндия во второй мировой войне. Л., 1989. С. 154; История второй мировой войны, 1939–1945. М., 1975. Т. 4. С. 131; Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg. Bd. 4. S. 396–397.
- 50 Gosztony P. Deutschlands Waffengefahrten an der Ostfront, 1941–1945. Stuttgart, 1981. S. 72.
- 51 Составлена по: Gosztony P. Op. cit. S. 72, 140, 220; Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg. Bd. 4. S. 313, 396–397; Bd. 5/1. S. 874; Mollo A. The Armed Forces of World War II. New York, 1981. P. 200, 217; Zaloga S., Crandzen J. The Eastern Front. London, 1983. P. 78, 92.
- 52 Le operacional delle unita italiane al fronte russo (1941–1943). Roma, 1977. P. 537–541; Das deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg. Bd. 4. S. 362–363.
- 53 Militärarchiv der DDR. WF-10/13496. Bl. 635.
- 54 Ibid. Bl. 635–637.
- 55 Ibid. WF-10/14767. Bl. 39–46.
- 56 Ibid. WF-10/1712. Bl. 381–382.
- 57 Ibid. Bl. 383–384.
- 58 Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg. Bd. 5/1. S. 874–875.
- 59 Ibid. Bd. 4. S. 324–325, 395; Militärarchiv der DDR. WF-01/1712. Bl. 384–391.
- 60 Militärarchiv der DDR. WF-10/1712. Bl. 384–391; Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg. Bd. 4. S. 398–399; Bd. 5/1. S. 875; Gosztony P. Op. cit. S. 21–22, 140.
- 61 Gosztony P. Op. cit. S. 21–22, 140; Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg. Bd. 4. S. 270, 313, 346, 396; Bd. 5/1. S. 874–875, 959.
- 62 Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg. Bd. 4. S. 270, 313; Bd. 5/1. S. 874–875, 959.
- 63 Чув Ф. Сто сорок бесед с Молотовым. М., 1991. С. 31.
- 64 ИВИ. Ф. 7. Оп. 7. Д. 6. Л. 117.
- 65 Цит. по: Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. М., 1990. Т. 1. С. 364.
- 66 ЦАМО. Ф. 19а. Оп. 1970. Д. 20. Л. 24; Ф. 127. Оп. 12915. Д. 34. Л. 2–4.
- 67 Там же. Ф. 217. Оп. 12975. Д. 34. Л. 3.
- 68 Там же. Ф. 16а. Оп. 2951. Д. 256. Л. 1–3.
- 69 Там же. Д. 237. Л. 3.
- 70 Там же. Л. 3–4.
- 71 Единожды солгав // Красная звезда. 1993. 20 февр.
- 72 ЦАМО. Ф. 16а. Оп. 2951. Д. 261. Л. 20–22.
- 73 Там же. Ф. 35. Оп. 11300. Д. 64. Л. 59.
- 74 Там же. Ф. 16а. Оп. 2951. Д. 255. Л. 1; Ф. 140. Оп. 680086. Д. 7. Л. 447.

- ⁷⁵ Там же. Ф. 131. Оп. 9777. Д. 7. Л. 10–13.
- ⁷⁶ Там же. Ф. 140. Оп. 13000. Д. 4. Л. 10–22.
- ⁷⁷ Там же. Оп. 680086. Д. 7. Л. 460, 464.
- ⁷⁸ Там же. Ф. 16а. Оп. 2951. Д. 265. Л. 26–30.
- ⁷⁹ Там же. Ф. 464. Оп. 3589. Д. 9. Л. 1; Ф. 15. Оп. 881474. Д. 12. Л. 21.
- ⁸⁰ Воен.-ист. журн. 1959. № 4. С. 65.
- ⁸¹ ЦАМО. Ф. 19а. Оп. 1970. Д. 20. Л. 31.
- ⁸² Там же. Ф. 10. Оп. 2766. Д. 107. Л. 83–116.
- ⁸³ Подсчитано по: ЦАМО. Ф. 13. Оп. 11624. Д. 296. Л. 12–13; Ф. 81. Оп. 12074. Д. 8. Л. 125–126; Д. 356. Л. 4–14; Ф. 35. Оп. 11282. Д. 26. Л. 1–65; ИВИ. Ф. 239. Оп. 280. Д. 432. Л. 2–3; *Gosztóni P.* Op. cit. S. 21–22, 140; *Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg.* Bd. 4. S. 270, 313, 346, 396; Bd. 5/1. S. 874–875, 959.

НАШЕСТВИЕ

В то время как на востоке занимался новый день – 22 июня 1941 г., на западной границе Советского Союза еще продолжалась самая короткая в году ночь. И никто не мог даже предположить, что этот день явится началом самой кровопролитной войны, которая продлится долгих четыре года.

ТРАГИЧЕСКОЕ НАЧАЛО

В это время штабы групп немецких армий, сосредоточенных на границе с СССР, получили условный сигнал "Дортмунд", что означало – начать вторжение.

Советская разведка вскрыла подготовку еще накануне, о чем штабы приграничных военных кругов тут же доложили в Генеральный штаб Красной Армии. Так, начальник штаба Прибалтийского Особого военного округа генерал П.С. Кленов в 22 часа 21 июня сообщал, что немцы закончили строительство мостов через Неман, а гражданскому населению приказали эвакуироваться не менее чем на 20 км от границы, "идут разговоры, что войска получили приказ занять исходное положение для наступления". Начальник штаба Западного Особого военного округа генерал В.Е. Климовских докладывал, что проволочные заграждения немцев, еще днем стоявшие вдоль границы, к вечеру сняты, а в лесу, расположенном недалеко от границы, слышен шум моторов.

Вечером нарком иностранных дел СССР Молотов пригласил германского посла Шуленбурга и заявил ему, что Германия без всякого на то основания с каждым днем ухудшает отношения с СССР. Несмотря на неоднократные протесты советской стороны, немецкие самолеты продолжают вторгаться в ее воздушное пространство. Ходят упорные слухи о предстоящей войне между нашими странами. У советского правительства есть все основания верить этому, потому что германское руководство никак не отреагировало на сообщение ТАСС от 14 июня. Шуленбург пообещал немедленно сообщить о выслушанных им претензиях своему правительству. Однако с его стороны это была лишь обычная дипломатическая отговорка, ибо послу Германии было отлично известно, что войска вермахта приведены в полную боевую готовность и только ждут сигнала, чтобы двинуться на восток.

С наступлением сумерек 21 июня начальнику Генерального штаба генералу армии Жукову позвонил начальник штаба Киевского Особого военного округа генерал М.А. Пуркаев и сообщил о немецком перебежчике, который рассказал, что на рассвете следующего дня германская армия начнет войну против СССР. Жуков немедленно доложил об этом Сталину и наркому обороны маршалу Тимошенко. Сталин вызвал Тимошенко и Жукова в Кремль и после обмена мнениями приказал доложить подготовленный Генеральным штабом проект директивы о приведении войск западных приграничных округов в боевую готовность. Лишь поздно вечером после получения шифровки одного из резидентов советской разведки, который сообщал, что наступившей ночью будет решение, это решение – война, дополнив зачитанный ему проект директивы еще одним пунктом о том, чтобы войска ни в коем случае не поддавались на возможные провокации, Сталин разрешил направить ее в округа.

Основной смысл этого документа сводился к тому, что он предупреждал Ленинградский, Прибалтийский, Западный, Киевский и Одесский военные округа о возможном в течение 22–23 июня нападении агрессора и требовал "быть в полной боевой готовности встретить внезапный удар немцев или их союзников"². Округам было приказано в ночь на 22 июня скрытно занять на границе огневые точки укрепленных районов, к рассвету рассредоточить по полевым аэродромам всю авиацию и замаскировать ее, войска держать рассредоточенно и замаскированно, противовоздушную оборону привести в боевую готовность без дополнительного подъема приписного состава, а города и объекты подготовить к затемнению. Проведение каких-либо других мероприятий без особого на то разрешения директива № 1 категорически запрещала.

Этот документ, подписанный Тимошенко, Жуковым и Маленковым, отличался многословием, но в нем отсутствовало главное – конкретность. Так, явно двусмысленным было требование не поддаваться на провокации. По плану, на случай войны, войска должны были быть приведены в готовность короткой шифротелеграммой: "Приступить к выполнению плана прикрытия 1941 г.", истинный смысл которого был известен всем командующим, командирам и начальникам штабов. Вместо этого Сталин приказал дать в войска директиву. Передача столь громоздкого документа закончилась только в половине первого ночи, а на весь длинный путь от Генерального штаба до округов, а затем до армий, корпусов и дивизий в целом ушло более четырех часов драгоценного времени. Но и это еще не все: большинство частей и соединений приграничных военных округов до начала нападения противника приказ о боевой тревоге так и не получило.

На рассвете 22 июня, в 3 часа 15 минут (по московскому времени), тысячи орудий и минометов германской армии открыли огонь по пограничным заставам и расположению советских войск. Немецкие самолеты устремились на бомбардировку важных объектов во всей приграничной полосе – от Баренцева моря до Черного. Воздушным налетам подверглись многие города, в их числе Мурманск, Рига, Каунас, Минск, Смоленск, Киев, а также военно-морские базы Кронштадт, Измаил, Севастополь. Чтобы достичь внезапности, бомбардировщики перелетели советскую границу на всех участках одновременно. Первые удары пришлись как раз по местам базирования советских самолетов новейших типов, пунктам управления, портам, складам, железнодорожным узлам. Массированные воздушные удары врага сорвали организованный выход первого эшелона приграничных округов к государственной границе. Сосредоточенная на постоянных аэродромах авиация понесла невосполнимые потери: за первый день войны было уничтожено 1200 советских самолетов, причем большая их часть даже не успела подняться в воздух. За тот же период советские ВВС совершили около 6 тыс. самолето-вылетов и уничтожили в воздушных боях свыше 200 немецких самолетов³.

Первые сообщения о вторжении германских войск на советскую территорию поступили от пограничников. В Москве, в Генеральном штабе, информация о перелете вражеских самолетов через западную границу СССР была принята в 3 часа 7 минут. Вскоре стали поступать сообщения о бомбардировке и артиллерийском обстреле советских объектов. Около 4 часов утра Жуков позвонил Сталину и доложил о случившемся. Одновременно, уже открытым текстом, Генеральный штаб сообщил в штабы военных округов, объединений и крупных соединений о нападении Германии.

Узнав о нападении, Сталин созвал на совещание высших военных, партийных и государственных деятелей. В 5 часов 45 минут к нему в кабинет прибыли С.К. Тимошенко, Г.К. Жуков, В.М. Молотов, Л.П. Берия и Л.З. Мехлис. К 7 часам 15 минутам была выработана директива № 2, которая от имени наркома обороны требовала:

"1. Войскам всеми силами и средствами обрушиться на вражеские силы и унич-

тожить их в районах, где они нарушили советскую границу. Впредь до особого распоряжения границу не переходить.

2. Разведывательной и боевой авиацией установить места сосредоточения авиации противника и группировку его наземных войск. Мощными ударами бомбардировочной и штурмовой авиации уничтожить авиацию на аэродромах противника и разбомбить основные группировки его наземных войск. Удары авиации наносить на глубину германской территории до 100–150 км. Разбомбить Кенигсберг и Мемель. На территорию Финляндии и Румынии до особых указаний налетов не делать"⁴.

Запрещение переходить границу, к тому же еще и ограничение глубины ударов авиации свидетельствует о том, что Сталин все еще не верил, что началась "большая война". Утром 22 июня берлинское радио оповестило весь мир о начале войны Германии против СССР, но Москва хранила упорное молчание. Только к полудню члены политбюро ЦК ВКП(б) – Молотов, Маленков, Ворошилов, Берия – подготовили текст заявления советского правительства. Сталин, который постоянно твердил, что войны с Германией в ближайшее время не будет, который неделю назад дал указание опубликовать заявление ТАСС, не нашел в себе сил выступить по радио. Ему нечего было сказать советскому народу. Поэтому в 12 часов 15 минут по радио выступил Молотов.

На совещании в Кремле были приняты важнейшие решения, положившие начало тому, чтобы превратить всю страну в единый военный лагерь. Они были оформлены как указы Президиума Верховного Совета СССР: о мобилизации военнообязанных во всех военных округах, за исключением Среднеазиатского и Забайкальского, а также Дальнего Востока, где с 1938 г. существовал Дальневосточный фронт; о введении военного положения на большей части европейской территории СССР – от Архангельской области до Краснодарского края; о военных трибуналах.

Утром того же дня первый заместитель председателя Совета народных комиссаров (СНК) СССР Н.А. Вознесенский, собрав наркомов, ответственных за основные отрасли промышленности, отдал распоряжения, предусмотренные мобилизационными планами. Тогда никто и мысли не допускал, что начавшаяся война очень скоро поломает все задуманное, что придется срочно эвакуировать промышленные предприятия на восток и создавать там, по существу заново, военную индустрию.

Еще до выступления Молотова по радио, руководящие партийные органы республик и областей западных регионов СССР были оповещены о нападении Германии через ЦК ВКП(б) или находившиеся на их территории военные штабы. Они немедленно приступили к претворению в жизнь мобилизационных планов. Однако скованные обязательным подчинением вышестоящим инстанциям, они имели право действовать только в ограниченных рамках. Так, руководству компартии Белоруссии уже с утра 22 июня стало известно, что германские войска успешно продвигаются в глубь территории, но оно так же, как и в Москве, и мысли не допускало о трагических последствиях этого, а потому и не начало подготовку к эвакуации, ожидая указаний из центра. Несмотря на то что на рассвете 22 июня Кишинев подвергся налету вражеской авиации, бюро ЦК и СНК Молдавии постановили запретить эвакуацию населения без особого на то распоряжения сверху.

Война, о которой в мирное время говорили как о неизбежной, для многих партийных и советских руководителей, привыкших действовать по указке, оказалась полной неожиданностью, и поначалу они не вполне сознавали свои задачи.

Большинство населения о начале войны узнало из выступления Молотова по радио. Эта неожиданная весть глубоко потрясла людей, вызвала тревогу за судьбу Родины. Разом нарушилось обычное течение жизни, расстраивались не только планы на будущее, возникала реальная опасность для жизни родных и близких. По указанию партийных органов на предприятиях, в учреждениях, колхозах, воинских частях проводились митинги и собрания. Выступавшие осуждали нападение

Германии на СССР и выражали готовность стать на защиту Отечества. Многие тут же подавали заявления о добровольном зачислении их в армию и просили немедленно отправить на фронт.

Но и в такой момент патриотизм и чувство долга перед Родиной зачастую уживались с благодушием и беспечностью. Предвоенная пропаганда постаралась воспитать в народе уверенность в превосходстве Красной Армии. Вначале почти никто не сомневался, что понадобится всего-навсего каких-нибудь три-четыре недели для того, чтобы враг был разбит. Все, вспоминал генерал К.Ф. Телегин, служивший тогда в управлении политпропаганды пограничных войск СССР, "с нетерпением ждали с границы сообщений, что враг не прошел, а там, где прорвался, разгромлен и отброшен назад"⁵. Подобного же мнения придерживались и простые люди, например, краснофлотец М.А. Бабилов из зенитного дивизиона, который прикрывал с воздуха советскую военно-морскую базу в Полярном: "Ошеломленные услышанным, никто и мысли не допускал, что воевать будем не месяц, не два и не год... Все еще казалось, что пройдет короткое время приграничных сражений и наши войска двинутся на запад, станут сокрушать фашизм, будут вызволять народы Европы"⁶.

Однако было бы ошибочным утверждать, будто всю страну охватил патриотический порыв. Наблюдались настроения совсем иного рода, прежде всего в республиках и областях, включенных совсем недавно в состав Советского Союза. Многие жители Прибалтики, западных областей Белоруссии и Украины, а также Бессарабии не воспринимали проводимые там политические и социально-экономические преобразования, сопровождаемые массовыми репрессиями. Их недовольство, подогреваемое антисоветским подпольем, с началом войны выплеснулось наружу. Оно выражалось в невыполнении распоряжений местных органов власти, уклонении военнообязанных от прибытия на призывные пункты, поддержке антисоветских подпольщиков. Многие местные жители, взятые на учет военкоматами, разбежались. В ряде населенных пунктов местное население приветствовало вступление германских войск.

С первых дней вторжения немцы, сохраняя административную власть в своих руках, стали создавать и так называемое местное самоуправление, вспомогательную полицию из населения захваченных районов СССР. Они нужны были оккупантам как в пропагандистских целях, так и для того, чтобы переложить на их плечи непопулярные в народе мероприятия: карательные акции против партизан и подпольщиков, разграбление материальных ценностей для Германии и ее союзников.

После выступления Молотова у людей резко возрос интерес к информации. Они стремились не пропустить ни одного сообщения по радио, охотно встречались с агитаторами в надежде получить от них хоть какие-то сведения с фронта.

Нападение Германии на СССР явилось не только новым этапом в жизни советского народа, в той или иной мере это отразилось на народах других стран, прежде всего тех, которым вскоре предстояло стать его основными союзниками или противниками.

Правительство и народ Великобритании сразу же вздохнули с облегчением: война на востоке, по крайней мере на какое-то время, отодвинет германское вторжение на Британские острова. Итак, у Германии появился еще один, к тому же довольно серьезный противник; это ее неминуемо ослабит, а потому, рассуждали британцы, следует сразу рассматривать СССР как своего союзника в борьбе против агрессора. Именно это и выразил премьер-министр Черчилль, который уже вечером 22 июня выступил по радио по поводу очередного нападения Германии. "Любой человек или государство, которые борются против нацизма, – сказал он, – получают нашу помощь... Такова наша политика, таково наше заявление. Отсюда следует, что мы окажем России и русскому народу всю помощь, какую только сможем...

Гитлер хочет уничтожить русскую державу потому, что в случае успеха надеется отозвать с востока главные силы своей армии и авиации и бросить их на наш остров"⁷.

Выступление Черчилля произвело на британцев сильное впечатление. В подавляющем большинстве они разделяли точку зрения своего премьер-министра. Тут же неизмеримо возрос их интерес ко всему русскому и советскому. В печати и по радио подробно освещалось положение на советско-германском фронте, рассказывалось об СССР, особенностях его политического и общественного строя. Газеты охотно публиковали многочисленные материалы, посвященные различным аспектам жизни нашего государства, его вооруженным силам, культуре и обычаям. На радио все чаще звучала русская и советская музыка.

Реакция американской общественности на начало войны Германии исходила прежде всего из позиции изоляционизма. Выступление Черчилля 22 июня произвело в США огромное впечатление, ибо многие американцы расценивали британского лидера как смелого и дальновидного политика, возглавившего борьбу против гитлеризма. Они привыкли считать Черчилля непримиримым противником коммунизма. Впрочем, он и сам не скрывал этого в своем выступлении: "За последние 25 лет никто не был более последовательным противником коммунизма, чем я. Я не возьму обратно ни одного слова, которое я сказал о нем. Но все это меркнет перед тем, что открывается сейчас"⁸. Эти слова особенно импонировали американцам. Вместе с тем они были абсолютно согласны с выводами Черчилля, что опасность, угрожающая России, может обернуться несчастьем и для Англии, и для США. Правда, не все были склонны тут же последовать призыву британского премьера включиться в активную борьбу против третьего рейха, но откровенность его многим запала в душу.

Руководство США сделало официальное заявление 23 июня. От имени правительства его зачитал исполнявший обязанности государственного секретаря С. Уэллес. В заявлении подчеркивалось, что любое сплочение сил против гитлеризма независимо от их происхождения ускорит падение германских руководителей, а гитлеровская армия представляет собой сейчас главную опасность для Американского континента. На следующий день президент Рузвельт сказал на пресс-конференции, что США рады приветствовать еще одного противника нацизма и намерены предоставить Советскому Союзу помощь, но заметил, что еще неизвестно, в какую форму она выльется⁹.

По сравнению с выступлением Черчилля заявления Уэллеса и Рузвельта не получили большого резонанса среди общественности США. Это, видимо, вполне устраивало и самих американских руководителей. Они ожидали дальнейшего развития событий на советско-германском фронте. Учитывалось и наличие в США сильной изоляционистской группировки, выступавшей против любой помощи Советскому Союзу.

Подобных взглядов придерживалось немало американцев. Однако разум здесь явно превалировал: большинство полагало, что нацизм является для США большим, чем коммунизм, злом и в качестве соседей им лучше иметь русских, чем немцев. Об этом красноречиво свидетельствовал опрос общественного мнения, проведенный институтом Гэллага 13 июля 1941 г. На вопрос, "какую сторону вы хотели бы видеть победителем в русско-германской войне", 72% опрошенных ответили – Россию и только 4% – Германию, для 17% американцев это вообще не имело никакого значения, лишь 4% отказались от выражения собственного мнения. В то же время 47% предполагали, что победит Германия, 22 – Россия, 8 – считали, что война закончится ничейным результатом, 23% не имели своего мнения¹⁰.

С 22 июня информация о событиях на советско-германском фронте и советско-американских отношениях заняла ведущее место в передачах более тысячи радиостанций и публикациях почти всех газет США. По данным американских

социологов, в конце июня советской теме отводилось более 70% места на первых полосах ежедневных газет. Так продолжалось вплоть до нападения японцев на Перл-Харбор, когда тема войны на Тихом океане стала ведущей¹¹.

О начале новой войны население Германии узнало из обращения фюрера к народу, которое 22 июня в 5 часов 30 минут зачитал по радио министр пропаганды И. Геббельс. Вслед за ним выступил министр иностранных дел Риббентроп со специальным меморандумом, где перечислялись обвинения в адрес Советского Союза. Само собой разумеется, Германия, как и в прежних своих агрессивных акциях, всю вину за развязывание войны возложила на СССР. В обращении к народу Гитлер не забыл упомянуть о "заговоре евреев и демократов, большевиков и реакционеров" против рейха, о сосредоточении на границах 160 советских дивизий, которые якобы в течение многих недель угрожали не только Германии, но также Финляндии и Румынии. Все это, мол, и вынудило фюрера предпринять "акт самообороны", с целью обезопасить страну, "спасти европейскую цивилизацию и культуру"¹².

Для подавляющего большинства немцев все услышанное было громом среди ясного неба. Ведь они ожидали вторжения в Англию, затем скорых переговоров и наконец долгожданного мира, а вместо этого новая война. "Известие о нашем походе в Россию, – доносили в Берлин из области Магдебург-Анхальт, – прозвучало как разорвавшаяся бомба"¹³.

С самого начала "восточного похода" население Германии охватила волна беспокойства. У старшего поколения еще слишком свежи были воспоминания о первой мировой войне, а потому расчет фюрера на быструю и легкую победу над такой огромной страной, как СССР, их сильно смущал. Люди опасались не только потерять близких на фронте, но и дальнейшего ухудшения материального положения своих семей. "Настроение народа несколько подавленное, – записал в своем дневнике 23 июня Геббельс. – ...Каждый вновь создаваемый театр военных действий приносит ему заботы и печали"¹⁴.

Нацистское руководство приложило все силы, чтобы как можно быстрее добиться всеобщего одобрения предпринятой на востоке агрессии, вселить в народ уверенность в быстрый успех. По радио и в печати широко комментировалось принятое решение, доказывались его своевременность и разумность. Во многих местах были проведены собрания и митинги. Однако самым действенным средством оказались ежедневные сводки верховного главнокомандования вермахта (ОКВ), кратко информировавшие население о положении на фронтах войны, а также особые сообщения ОКВ об итогах борьбы за определенный период.

В связи с "восточным походом" возрос интерес германской общественности к СССР. Многим хотелось знать, что представляет собой советская система, как она функционирует, кто такие большевики, против которых ведется война, и т.д. Спрос на подобного рода материалы был очень велик. Предлагаемые населению материалы носили тенденциозный и клеветнический характер. Служба информации имперского министерства пропаганды подобрала большое количество материалов о "преступлениях советского коммунизма". Передав их в редакции газет, она рекомендовала публиковать их вместе с "фотографиями и описанием примитивных условий жизни в СССР"¹⁵. Скоро на волне массовой эйфории ненависть к Советам, советскому народу и армии глубоко проникла в сознание большинства немцев.

КАТАСТРОФА В БЕЛОРУССИИ

Чрезвычайная сложность быстро меняющейся обстановки, высокая подвижность и маневренность военных действий, ошеломляющая мощь первых ударов вермахта показали, что советское военно-политическое руководство не имеет эффективной системы управления войсками. Как это и планировалось ранее,

Цифрами обозначены: 1—Латвийская ССР; 2—Литовская ССР; 3—Молдавская ССР
 Сокращения: А—Алтуз; Б—Барановичи; Бер—Берестеко; Бор.—Борисов; В.—Волковск; Влад.—Влад.—Владимир-Волинский; Д.—Диска; Кр.—Крыстынополю; Л.—Летичев; М.—П.—Могилев-Подольский; П.—Перемышль; Р.—Рава-Раво; Р.—Р.—Раво-Русская; СЛ.—Слоним; Т.—Тильзит

Военные действия в начальный период войны.
 22 июня—9 июля 1941 г.

руководство войсками осуществлял нарком обороны маршал Тимошенко. Однако без Сталина он не мог решать практически ни одного вопроса. Опыт первых же часов показал, что в условиях гигантских масштабов развернувшейся вооруженной борьбы один человек не в состоянии осуществлять командование действующей армией.

Маршал Тимошенко и генерал Жуков доложили об этом Сталину в 9 часов утра 22 июня в присутствии членов политбюро ЦК ВКП(б). Нарком обороны и начальник Генерального штаба предложили создать Ставку Главного Командования, однако Сталин решения не принял¹⁶. Оно было принято 23 июня и оформлено присущим сталинскому режиму способом: протоколом политбюро ЦК ВКП(б) № 34 в виде Постановления СНК СССР и ЦК ВКП(б): "Создать Ставку Главного Командования Вооруженных Сил Союза ССР в составе тт.: наркома обороны маршала Тимошенко (председатель), начальника Генштаба Жукова, Сталина, Молотова, маршала Ворошилова, маршала Буденного и наркома Военно-Морского Флота адмирала Кузнецова.

При Ставке организовать институт постоянных советников Ставки в составе тт.: маршала Кулика, маршала Шапошникова, Мерецкова, начальника Военно-Воздушных Сил Жигарева, Ватутина, начальника ПВО Воронова, Микояна, Кагановича, Берия, Вознесенского, Жданова, Маленкова, Мехлиса"¹⁷.

Подписал это решение Сталин как секретарь ЦК ВКП(б), а довел его до военных советов фронтов, округов, военно-морских флотов его секретарь А.Н. Поскребышев¹⁸.

Такой состав позволял Ставке оперативно решать все задачи по руководству вооруженной борьбой. Однако получилось два главнокомандующих: Тимошенко – юридический, который без санкции Сталина не имел права отдавать приказы действующей армии, и Сталин – фактический. Это не только усложняло управление войсками, но и приводило к запоздалым решениям в быстро меняющейся обстановке на фронте. В последующем это было устранено.

С первого дня войны наиболее тревожная обстановка сложилась в Белоруссии, где вермахт наносил главный удар самым мощным объединением – войсками группы армий "Центр" под командованием фельдмаршала Бока. Но и противостоявший ему Западный фронт (командующий генерал Д.Г. Павлов, член Военного совета корпусной комиссар А.Ф. Фоминых, начальник штаба генерал В.Е. Климовских) обладал немалыми силами (табл. 6).

Таблица 6. Соотношение сил в полосе Западного фронта к началу войны¹⁹

Силы и средства	Западный фронт*	Группа армий "Центр" (без 3 тгр)**	Соотношение
Личный состав, тыс. чел.	678	634,9	1,1:1
Орудия и минометы (без 50-мм), шт.	10 296	12 500	1:1,2
Танки, шт.	2189	810	2,7:1
Боевые самолеты, ед.	1539	1677	1:1,1

* Учтена только исправная техника.

** До 25 июня 3-я танковая группа действовала в полосе Северо-Западного фронта.

В целом Западный фронт незначительно уступал противнику в орудиях и боевых самолетах, но существенно превосходил его по танкам. К несчастью, в первом эшелоне армий прикрытия планировалось иметь всего лишь 13 стрелковых дивизий, в то время как противник в первом эшелоне сосредоточил 28 дивизий, из них 4 танковые.

События в полосе Западного фронта разворачивались самым трагическим об-

разом. Еще в ходе артиллерийской подготовки немцы захватили мосты через Западный Буг, в том числе и в районе Бреста. Первыми границу пересекли штурмовые группы с задачей буквально в течение получаса захватить пограничные заставы. Однако противник просчитался: не нашлось ни одной погранзаставы, которая не оказала бы ему упорного сопротивления. Вооруженные только винтовками и пулеметами, пограничники стояли насмерть. Немцам пришлось вводить в бой главные силы дивизий.

Так, заставу 9-го Брестского пограничного отряда во главе с ее начальником лейтенантом А.М. Кижеватовым атаковала ударная группа 45-й пехотной дивизии, намереваясь с ходу захватить Брестскую крепость. Однако засевшие в развалинах казармы пограничники заставили атакующих немцев залечь, а тех, кто прорывался в их расположение, уничтожали в рукопашной схватке. Контуженный взрывной волной, лейтенант продолжал вести огонь, пока не кончились боеприпасы. Вместе с подошедшими стрелковыми подразделениями пограничники не позволили врагу с ходу ворваться в крепость.

А в небе над пограничными районами разгорелись ожесточенные бои. Летчики фронта вели ожесточенную борьбу, стремясь вырвать у противника инициативу и не дать ему возможность захватить господство в воздухе. Однако задача эта оказалась непосильной. Ведь в первый же день войны Западный фронт лишился 738 боевых машин, что составляло почти 40% численности самолетного парка²⁰. К тому же, на стороне вражеских летчиков было явное преимущество и в мастерстве, и в качестве техники. Узнав о потерях, командующий ВВС фронта генерал И.И. Копец, человек храбрый, что в свое время он с успехом доказал, сражаясь в небе республиканской Испании, застрелился. Захватив господство в воздухе, противник наносил методичные удары по аэродромам, штабам войск, узлам связи и железных дорог, что полностью нарушило управление войсками, работу транспорта, доставку боеприпасов, горючего, переброску сил.

Положение советских войск серьезно осложняла неопределенность задач, поставленных директивой НКО № 1. Дело в том, что командующие фронтами и армиями должны были сами определить: являются ли провокацией начавшиеся боевые действия? Над командующими довлело указание центра – не поддаваться ни на какие провокации. Вот почему, подняв по тревоге войска, они медлили с приказами о решительном отпоре. Только в 6 часов 4-я армия получила, наконец, от Военного совета Западного фронта задачу: "Поднять войска и действовать по-боевому". Бывший начальник штаба 4-й армии Л.М. Сандалов писал после войны: "...первые сообщения о боях на границе были восприняты в округе как вооруженная провокация со стороны немцев. И лишь через 1,5 часа там убедились, что началась война"²¹.

Запоздалый выход навстречу наступавшему противнику вынуждал советские войска вступать в бой с ходу, по частям. На направлениях ударов агрессора подготовленных рубежей им достичь не удалось, а значит, и сплошного фронта обороны не получилось. Встретив сопротивление, противник быстро обходил советские части, атаковал их с флангов и тыла, стремился продвинуть свои танковые дивизии как можно дальше в глубину. Положение усугубляли выброшенные на парашютах диверсионные группы численностью от нескольких десятков до двухсот человек, а также устремившиеся в тыл автоматчики на мотоциклах, которые выводили из строя линии связи, захватывали мосты, аэродромы, другие военные объекты. Мелкие группы мотоциклистов вели беспорядочную стрельбу из автоматов, чтобы создать у оборонявшихся видимость окружения. При незнании общей обстановки и потере управления их действия нарушали устойчивость обороны советских войск, вызывая панику.

В результате внезапного удара противника многие стрелковые дивизии первого эшелона армий с первых же часов были расчленены, некоторые оказались в окру-

жении. Связь с ними прервалась. К 7 часам штаб Западного фронта не имел проводной связи даже с армиями.

Когда штаб фронта получил директиву наркома № 2, стрелковые дивизии первого эшелона уже втянулись в бои. Хотя механизированные корпуса начали выдвигание к границе, но из-за большой удаленности их от участков прорыва врага, нарушения связи, господства немецкой авиации в воздухе "обрушиться на противника всеми силами" и уничтожить его ударные группировки, как того требовал нарком, советские войска, естественно, не могли.

Серьезная угроза возникла на северном фланге белостокского выступа, где действовала 3-я армия генерала В.И. Кузнецова. Непрерывно подвергая бомбардировкам армейский штаб, расположенный в Гродно, противник к середине дня вывел из строя все узлы связи. Ни со штабом фронта, ни с соседями не удавалось связаться целые сутки. Между тем, пехотные дивизии 9-й немецкой армии уже успели отбросить правофланговые соединения Кузнецова на юго-восток.

На южном фланге выступа, где приняла бой 4-я армия во главе с генералом А.А. Коробковым, противник имел трех-четырёхкратное превосходство. Управление и здесь было нарушено. Не успев занять намеченных рубежей обороны, стрелковые соединения армии под ударами 2-й танковой группы Гудериана начали отходить.

Их отход поставил в трудное положение соединения 10-й армии, находившейся в центре белостокского выступа. С самого начала вторжения штаб фронта не имел с ней связи. Павлову не оставалось ничего иного, как отправить самолетом в Белосток, в штаб 10-й армии, своего заместителя генерала И.В. Болдина с задачей установить положение войск и организовать контрудар на гродненском направлении, что предусматривалось еще довоенным планом.

Командование Западного фронта за весь первый день войны не получило ни одного донесения из армий. На основании весьма отрывочных данных начальник штаба фронта генерал Климовских сделал ошибочный вывод, что 3-я и 10-я армии к концу дня отошли, а 4-я армия продолжает удерживать свой рубеж на границе. Именно так он и сообщил Генеральному штабу в 22 часа, хотя к тому времени 4-я армия оказалась отброшенной от границы на 25–30 км, а передовые танковые части немцев прорвались еще глубже – на 60 км. По сути, Климовских своим докладом ввел Генеральный штаб в заблуждение. К сожалению, командование фронта не осознало угрозы, нависшей над его войсками на брестском направлении. Его больше беспокоило положение под Гродно, где к концу дня определился глубокий охват белостокского выступа с севера.

Да и Москва в течение всего дня объективной информации о положении на фронтах не получала, хотя после полудня направила туда своих представителей. Для выяснения положения и помощи генералу Павлову Сталин послал на Западный фронт самую большую группу. В нее входили заместители наркома обороны маршалы Б.М. Шапошников и Г.И. Кулик, а также заместитель начальника Генштаба генерал В.Д. Соколовский и начальник оперативного управления генерал Г.К. Маландин. Однако выявить действительное положение как на этом фронте, так и на других, разобраться в обстановке не удалось. Об этом свидетельствует оперативная сводка Генерального штаба на 22 часа. "Германские регулярные войска, – указывалось в ней, – в течение 22 июня вели бои с погранчастями СССР, имея незначительный успех на отдельных направлениях. Во второй половине дня, с подходом передовых частей отдельных войск Красной Армии, атаки немецких войск на преобладающем протяжении нашей границы отбиты с потерями для противника"²².

На основании донесений фронтов нарком обороны и начальник Генерального штаба сделали заключение, что в основном бои ведутся вблизи границы, а самые крупные группировки противника – это сувалковская и люблинская, именно от их действий и будет зависеть дальнейший ход сражений. Мощную немецкую груп-

пировку, наносившую удар из района Бреста, советское Главное Командование из-за дезориентирующих докладов штаба Западного фронта явно недооценило, впрочем, не ориентировалось оно и в общей воздушной обстановке.

Полагая, что для ответного удара сил вполне достаточно, и руководствуясь довоенным планом на случай войны с Германией, нарком обороны в 21 час 15 минут подписал директиву № 3. Войскам Западного фронта приказывалось во взаимодействии с Северо-Западным фронтом, сдерживая противника на варшавском направлении, мощными контрударами во фланг и тыл уничтожить его сувалковскую группировку и к исходу 24 июня овладеть районом Сувалки. На другой день предстояло совместно с войсками других фронтов перейти в наступление и разгромить ударную группировку группы армий "Центр". Подобный замысел не только не соответствовал истинной обстановке, но и помешал войскам Западного фронта создать оборону. Павлов и его штаб, получив поздно ночью директиву № 3, начали подготовку к ее выполнению, хотя сделать это за оставшиеся до рассвета часы, да еще и при отсутствии связи с армиями было просто невыполнимо.

С утра 23 июня командующий решил нанести контрудар в направлении Гродно, Сувалки силами 6-го и 11-го механизированных корпусов, а также 36-й кавалерийской дивизии, объединив их в группу под командованием своего заместителя генерала Болдина. В намечавшемся контрударе должны были участвовать и соединения 3-й армии. Заметим, что решение это было абсолютно нереально: действовавшие на направлении контрудара соединения 3-й армии продолжали отходить, 11-й мехкорпус вел напряженные бои на широком фронте, 6-й мехкорпус находился слишком далеко от района контрудара – в 60–70 км, еще дальше от Гродно была 36-я кавалерийская дивизия.

Поэтому нет ничего удивительного в том, что в распоряжении генерала Болдина оказалась только часть сил 6-го мехкорпуса генерала М.Г. Хацкилевича и то лишь к полудню 23 июня. Считавшийся по праву самым укомплектованным в Красной Армии, этот корпус имел 1022 танка, из них 352 КВ и Т-34²³. Однако в ходе выдвижения, находясь под непрерывными ударами вражеской авиации, он понес значительные потери. Много машин остановилось по техническим причинам, к тому же отрицательно сказывалась слабая подготовка механиков-водителей и командиров, низкое обеспечение частей ремонтными средствами. Только что подошедшие танковые дивизии Болдин направил в бой с ходу. Танкисты дрались отчаянно. Однако к концу дня соединения Хацкилевича приостановили наступление: горючее и боеприпасы были на исходе.

В ночь на 24 июня, узнав о захвате Гродно, Павлов уточнил задачу группе Болдина и 3-й армии. Им приказывалось овладеть городом и, развивая наступление по обоим берегам Немана на север, к исходу следующего дня продвинуться на глубину до 70 км. Для механизированных корпусов, которым отводилась основная роль, такая задача оказалась не под силу. Особенно слабым был 11-й мехкорпус генерала Д.К. Мостовенко: перед войной он насчитывал всего 243 танка²⁴. К тому же в первые два дня оба корпуса понесли значительные потери. Впрочем, 24 июня соединения группы Болдина при поддержке фронтовой авиации и 3-го дальнебомбардировочного корпуса полковника Н.С. Скрипко сумели добиться некоторого успеха. 256-я пехотная дивизия немцев не выдержала напора танков и отошла.

Против советских войск, наносивших контрудар, фельдмаршал Бок направил основные силы 2-го воздушного флота. Немецкие самолеты непрерывно висели над полем боя, лишая части 3-й армии и группы Болдина возможности любого маневра. Тяжелые бои под Гродно продолжались и на следующий день, но силы танкистов быстро иссякли. Противник подтянул противотанковую и зенитную артиллерию, а также 129-ю пехотную дивизию. Тем не менее группе Болдина удалось на двое суток приковать к району Гродно значительные силы врага и нанести ему существенный урон. Контрудар облегчил, хотя и ненадолго, положение 3-й армии. Но

вырвать инициативу у противника так и не удалось, причем механизированные корпуса понесли огромные потери: например, в 11-м мехкорпусе осталось всего 50 танков²⁵.

Танковая группа Гота глубоко охватила 3-ю армию Кузнецова с севера, а соединения 9-й армии генерала Штрауса атаковали ее с фронта. Уже 23 июня 3-й армии пришлось отойти за Неман, чтобы избежать окружения. Кузнецов прилагал все усилия, только бы остановить врага, хотя численность его войск уменьшилась наполювину, по-прежнему не было связи со штабом фронта и соседями, а войска испытывали острую нужду в боеприпасах и горючем.

В чрезвычайно трудных условиях оказалась 4-я армия генерала А.А. Коробкова. Танковая группа Гудериана и основные силы 4-й армии, наступавшие от Бреста в северо-восточном направлении, рассекали войска этой армии на две неравные части. Выполняя директиву фронта, Коробков тоже готовил контрудар. Однако ему удалось собрать лишь части танковых дивизий 14-го мехкорпуса генерала С.И. Оборина, да остатки 6-й и 42-й стрелковых дивизий. А им противостояли почти две танковые и две пехотные дивизии врага.

Атаковав с утра 23 июня противника, советские дивизии продвинулись на несколько километров к Бресту. Разгорелись ожесточенные встречные бои. Мужественно сражались танкисты 30-й танковой дивизии полковника С.И. Богданова. Рядом вела бой 22-я танковая дивизия генерала В.П. Пуганова, который в один из крайне напряженных моментов боя сам возглавил атаку и погиб смертью храбрых. Но силы оказались слишком неравными. 14-й мехкорпус понес большие потери. Были обескровлены и стрелковые дивизии. Встречное сражение закончилось в пользу противника.

Лишь одна левофланговая 75-я стрелковая дивизия под командованием генерала С.И. Недвигина продолжала упорные бои на пинском направлении, сдерживая наступавший здесь 53-й армейский корпус. Части дивизии, при поддержке кораблей Пинской военной флотилии адмирала Д.Д. Рогачева, непрерывно контратаковали врага. Их стойкость и активность были столь удивительны, что командование вермахта даже решило, будто здесь действует крупная группировка. Эти бои крепко запомнились немцам. Сам Гудериан после войны писал "о тяжелых боях на нашем правом фланге, где с 23 июня у Малорита 53-й армейский корпус успешно отбивал атаки русских"²⁶.

Между тем положение 4-й армии, особенно в центре, оставалось критическим. Как докладывал в штаб фронта полковник Сандалов, "авиация противника к исходу 23 июня совместно с танковыми частями атаковала наши части на рубеже р. Ясельда. Разрозненные части 28-го стрелкового и 14-го механизированного корпусов, не успевшие привести себя в порядок, не выдержали этой атаки, поддержанной большим количеством авиации, и начали отход"²⁷.

Разрыв с войсками Северо-Западного фронта на правом крыле, куда устремилась танковая группа Гота, и тяжелая обстановка на левом крыле, где отходила 4-я армия, создали угрозу глубокого охвата всей белостокской группировки и с севера, и с юга.

Генерал Павлов решил усилить 4-ю армию 47-м стрелковым корпусом. Одновременно 17-й мехкорпус (всего 63 танка, в дивизиях по 20–25 орудий и по 4 зенитных орудия) из резерва фронта перебрасывался на р. Щару для создания там обороны.

Дивизии 47-го стрелкового корпуса подходили к Щаре, в район Слонима, по частям. Выдвижение их навстречу наступавшему противнику привело к разрозненным столкновениям. Части 55-й стрелковой дивизии полковника Д.И. Иванова с ходу вступили в бой с 4-й немецкой танковой дивизией. Советские воины дрались героически, но враг был сильнее. Командир дивизии ввел резерв, усиленный теми 25 танками, что оставались у 14-го мехкорпуса. Огромным напряжением они отбросили

врага за Щару. Однако создать прочную оборону по реке не сумели. Танковые дивизии противника форсировали ее и 25 июня подошли к Барановичам.

Положение войск Западного фронта становилось все более критическим. Особую тревогу вызывало северное крыло, где образовался никем не прикрытый разрыв в 130 км. Танковую группу Гота, устремившуюся в этот разрыв, фельдмаршал Бок вывел из подчинения командующего 9-й армией. Получив свободу действий, Гот направил один свой корпус на Вильнюс, а два других на Минск и в обход города с севера, с целью соединения со 2-й танковой группой. Главные силы 9-й армии были повернуты на юг, а 4-й – на север, в направлении слияния рек Щара и Неман, для расщепления окружаемой группировки. Над войсками Западного фронта нависла угроза полной катастрофы.

Выход из положения генерал Павлов видел в том, чтобы задержать продвижение 3-й танковой группы Гота соединениями резерва, объединенными управлением 13-й армии, и в то же время силами группы Болдина продолжать наносить контрудар во фланг Готу. 24 июня командующий 13-й армией генерал П.М. Филатов получил приказ: объединить управление тремя дивизиями 21-го стрелкового корпуса, 50-й стрелковой дивизией и отходившими войсками. Находившийся в резерве фронта 44-й стрелковый корпус комдива В.А. Юшкевича организовал оборону Минского укрепленного района. В тот же день 21-й стрелковый корпус генерала В.Б. Борисова, еще 22-го занявший рубеж на направлении Гродно, Вильнюс, вступил в бой с немецкими танками. 24-я стрелковая дивизия К.Н. Галицкого с 8-й противотанковой бригадой севернее Лиды остановила танки Гота. Бригаде удалось уничтожить около 60 немецких танков (за умелое руководство боем ее командир полковник И.С. Стрельбицкий был награжден орденом Красного Знамени). Только после артиллерийских и бомбардировочных ударов враг смог продолжить наступление.

Не успела еще 13-я армия сосредоточить свои силы, а главное привести в порядок отходившие от границы войска, в том числе и 5-ю танковую дивизию Северо-Западного фронта, как танки противника ворвались в расположение штаба армии. Они в упор расстреливали автомашины, пулеметным огнем косили мечущихся в панике людей. Генерал Филатов вместе с начальником штаба комбригом А.В. Петрушевским, приказав своим подчиненным сменить командный пункт, уехал на своей машине. Немцы захватили большую часть автомашин, в том числе и с шифрованными документами. Остатки штаба вывел в расположение 44-го стрелкового корпуса заместитель начальника штаба подполковник С.П. Иванов. Командование армии объявилось только к вечеру 26 июня, а около 50 офицеров штаба пропали без вести; штаб лишился и почти всех средств связи²⁸.

Положение войск Западного фронта неумолимо продолжало ухудшаться. Захваченная у противника 25 июня карта с расположением его войск свидетельствовала о намерении германского командования окружить войска этого фронта выходом к Минску с северо- и юго-запада. Маршал Шапошников, находившийся вместе со штабом фронта в Могилеве, обратился в Ставку с просьбой немедленно отвести войска. Москва дала свое "добро". Однако, как выяснилось довольно скоро, это решение уже запоздало.

На северном крыле танковая группа Гота не только достигла намеченного Военным советом фронта рубежа отхода, но и передовыми частями находилась уже в 50 км к востоку от него. А в это время на юге основные силы 2-й танковой группы Гудериана тоже преодолели указанный рубеж, а ее 3-я танковая дивизия была уже в 120 км восточнее его. Однако все эти обстоятельства штабу фронта были неизвестны.

Для отхода 3-й и 10-й армий, глубоко обойденных танковыми группами Гота и Гудериана с севера и юга, оставался коридор шириной не более 60 км. Продвигаясь по бездорожью (все дороги были заняты немецкими войсками), под непрерывными

ударами вражеской авиации, при почти полном отсутствии автотранспорта, остро нуждаясь в боеприпасах и горючем, соединения не могли оторваться от наседавшего врага.

Обескровленная 3-я армия с огромным трудом сдерживала натиск трех армейских корпусов 9-й армии, наступавших вдоль Немана на юго-восток, в то время как с юга, в тыл 10-й армии, заходила 4-я армия противника.

К моменту получения задачи 4-я армия уже находилась в 30–40 км к востоку от намеченного рубежа. Строго придерживаясь требований Ставки, Павлов приказал Коробкову вернуть войска на указанный в директиве рубеж. Но полное отсутствие связи не позволило ее командующему довести до войск это распоряжение. К тому же противник атаковал соединения армия на занимаемом рубеже, на закрепление которого были направлены все ее усилия.

Оборону в районе Барановичей заняли соединения 17-го механизированного корпуса генерала М.П. Петрова. Туда же был направлен помощник командующего фронтом генерал Ф.И. Хабаров. Советские воины задержали 47-й моторизованный корпус противника на три дня, однако 24-му моторизованному корпусу удалось обойти их с юга и он устремился к Слуцку.

Несмотря на крайне тяжелое положение, соединения Коробкова не позволили главным силам Гудериана оторваться от основных сил 4-й армии фельдмаршала Х. Клюге. Лишь утром 28 июня 2-я танковая группа была выведена из его подчинения с одной целью – ускорить продвижение на соединение с группой Гота в районе Минска. Одновременно 24-й моторизованный корпус получил задачу захватить переправы на Березине у Бобруйска.

25 июня Ставка образовала группу армий резерва Главного Командования во главе с маршалом Буденным в составе 19, 20, 21 и 22-й армий. Их соединения, начавшие выдвижение еще 13 мая, прибывали из Северо-Кавказского, Орловского, Харьковского, Приволжского, Уральского и Московского военных округов и сосредоточивались в тылу Западного фронта. Маршал Буденный получил задачу приступить к подготовке оборонительного рубежа по линии Невель, Могилев и далее по рекам Десна и Днепр до Кременчуга; одновременно "быть готовым по особому указанию Главного Командования к переходу в контрнаступление"²⁹. Однако 27 июня Ставка отказалась от идеи контрнаступления и приказала Буденному срочно занять и прочно оборонять рубеж по рекам Западная Двина и Днепр, от Краславы до Лоева, не допуская прорыва противника на Москву. Одновременно в район Смоленска ускоренными темпами перебрасывались прибывшие еще до войны на Украину войска 16-й, а с 1 июля и 19-й армий. Все это означало, что советское командование наконец-то отказалось от абсолютно нереальных наступательных планов и решило перейти к стратегической обороне, перенося основные усилия на западное направление.

26 июня танковые дивизии Гота подошли к Минскому укрепленному району. На следующий день на подступы к столице Белоруссии вышли передовые части Гудериана. Здесь оборонялись соединения 13-й армии. Главный удар приняли 64-я и 100-я стрелковые дивизии. Начались ожесточенные бои. Одновременно город подвергся бомбардировке немецкой авиации; начались пожары, вышли из строя водопровод, канализация, электролинии, телефонная связь, но главное – гибли тысячи мирных жителей. Тем не менее защитники Минска продолжали сопротивление.

Именно в этот день совершил свой подвиг экипаж самолета капитана Н.Ф. Гастелло. Снаряд вражеской зенитки пробил бензобак. Сбить пламя не удалось, и командир решил направить объятый пламенем бомбардировщик на колонну вражеских машин. Экипаж не покинул своего командира и погиб вместе с ним. За этот подвиг Н.Ф. Гастелло был посмертно удостоен звания Героя Советского Союза, а члены экипажа: лейтенанты А.А. Бурденюк, Г.Н. Скоробогатый и старший сержант А.А. Калинин награждены орденами.

Оборона Минска составляет одну из ярких страниц истории Великой Отечественной войны. Слишком неравны были силы. Советские войска испытывали острую нужду в боеприпасах, а чтобы подвезти их, не хватало ни транспорта, ни горючего, к тому же часть складов пришлось взорвать, остальные захватил противник. Враг упорно рвался к Минску с севера и юга. В 16 часов 28 июня части 20-й танковой дивизии группы Гота, сломив сопротивление 2-го стрелкового корпуса генерала А.Н. Ермакова, ворвались в Минск с севера, а на следующий день с юга ей навстречу устремилась 18-я танковая дивизия из группы Гудериана. К вечеру немецкие дивизии соединились и замкнули кольцо окружения. Только основные силы 13-й армии успели отойти на восток. Днем ранее пехотные дивизии 9-й и 4-й немецких армий соединились восточнее Белостока, отрезав пути отхода 3-й и 10-й советских армий. Окруженная группировка войск Западного фронта оказалась рассеченной на несколько частей.

В котел попало почти три десятка дивизий. Лишенные централизованного управления и снабжения, они, однако, бились до 8 июля. На внутреннем фронте окружения Боку пришлось держать сначала 21, а затем 25 дивизий, что составляло почти половину всех войск группы армий "Центр". На внешнем фронте продолжали наступление к Березине лишь 8 ее дивизий, да еще против 75-й советской стрелковой дивизии действовал 53-й армейский корпус.

Немецкая авиация наносила массированные удары по окруженным войскам. Из-за сухой погоды начались лесные пожары. Непрерывная бомбежка, артиллерийские обстрелы, гарь от пожарищ вынуждали людей метаться из стороны в сторону. Они предпринимали отчаянные попытки вырваться из этого ада, но снова и снова натывались на плотный артиллерийско-пулеметный огонь. И все-таки, как вынужден признать Гальдер, "часть окруженной группировки противника прорвалась между Минском и Слонимом через фронт танковой группы Гудериана"³⁰. Одну из групп, которая объединяла несколько тысяч человек, возглавил командир 8-й артиллерийской противотанковой бригады И.С. Стрельбицкий³¹.

Минчане явились свидетелями дерзких действий прорывавшихся воинов. До сих пор ходит легенда о танке Т-28, который неожиданно появился в занятом немцами городе. В районе завода имени К.Е. Ворошилова он уничтожил большую группу немцев, на Ульяновской улице огнем и гусеницами рассеял колонну мотоциклистов, а в парке имени М. Горького – скопление техники и живой силы врага. Среди немцев поднялся переполох. Артиллерийские орудия, выставленные на пути смельчака, в упор расстреляли танк. Полагали, что экипаж погиб целиком, но, как оказалось впоследствии, Д.И. Малько сумел выбраться из горящего танка и добраться до леса. Вместе с другими бойцами ему удалось вырваться из окружения в районе Рославля. Мужественный танкист провоевал всю войну до самой победы.

Но до победы было еще слишком далеко, а тогда, измотанные непрерывными боями, тяжелыми переходами через леса и болота, без пищи и отдыха, окруженные теряли последние силы. В донесениях группы армий "Центр" сообщалось, что на 2 июля только в районе Белостока и Волковыска взято в плен 116 тыс. человек, уничтожено или захвачено в качестве трофеев 1505 орудий, 1964 танка и бронемашин, 327 самолетов. При этом, как указывалось в той же сводке, "количество трофеев и пленных возрастает"³². Военнопленные содержались в ужасающих условиях. Они размещались в необорудованных для жизни помещениях, нередко прямо под открытым небом. Ежедневно люди гибли сотнями от истощения, эпидемий. Ослабевшие безжалостно уничтожались.

Вот что сообщал Розенбергу (будущему министру оккупированных восточных областей) член министерского совета К. Дорш из организации "Тодт" о содержании военнопленных в Минске: "На пространстве чуть более берлинской площади Вильгельмплац создан лагерь для 100 тыс. военнопленных и 40 тыс. гражданских заключенных – почти все мужское население Минска. Собранные здесь люди едва

могут пошевелиться". Охрана, по его словам, применяла "жесточайшее подавление, оружие пускалось в ход без предупреждения". Военнопленные оставались без пищи по 6–8 дней³³.

До сентября выходили из окружения воины Западного фронта. В конце месяца к р. Сож вышли остатки 13-го механизированного корпуса во главе со своим командиром генералом П.Н. Ахлюстиным. 1667 человек, из них 103 раненых, вывел заместитель командующего фронтом генерал Болдин³⁴. Многие, кому не удалось выйти из окружения, стали сражаться с врагом в рядах партизан и подпольщиков.

С первых дней оккупации в районах, где появлялся враг, начало возникать сопротивление народных масс. Однако оно разворачивалось медленно, особенно в западных регионах страны, в том числе в Западной Белоруссии, население которой было влиито в состав СССР лишь за год до начала войны. Вначале здесь стали действовать в основном диверсионно-разведывательные группы, засылаемые из-за линии фронта, многие военнослужащие, попавшие в окружение, и частично местные жители.

29 июня, на 8-й день войны, когда значительная часть советской территории оказалась захваченной противником, была принята директива СНК СССР и ЦК ВКП(б) партийным и советским организациям прифронтовых областей, в которой наряду с другими мерами по превращению страны в единый военный лагерь для оказания всенародного отпора врагу содержались указания о разворачивании подполья и партизанского движения, определялись организационные формы, цели и задачи борьбы. Сначала все мероприятия осуществлялись узким кругом сотрудников НКВД, партийных и советских работников в обстановке строгой секретности. Лишь 3 июля из выступления Сталина по радио советский народ узнал о призывах партии и правительства. После этого работа по разворачиванию партизанского движения и партийного подполья активизировалась.

Важное значение для организации партизанской борьбы в тылу врага имело обращение Главного политического управления Красной Армии от 15 июля 1941 г. "К военнослужащим, сражающимся в тылу противника", выпущенное в виде листовки и разбросанное с самолетов над оккупированной территорией. В нем деятельность советских воинов за линией фронта оценивалась как продолжение выполнения ими боевой задачи. Военнослужащим предлагалось переходить к методам партизанской войны. Эта листовка-обращение помогла многим окруженцам найти свое место в общей борьбе против захватчиков.

Бои шли уже далеко от границы, а гарнизон Брестской крепости все еще сражался. После отхода основных сил здесь остались часть подразделений 42-й и 6-й стрелковых дивизий, 33-го инженерного полка и пограничная застава. Наступавшие части 45-й и 31-й пехотных дивизий поддерживала огнем осадная артиллерия. Едва оправившись от первого ошеломляющего удара, гарнизон занял оборону цитадели с намерением сражаться до конца. Началась героическая оборона Бреста. Гудериан после войны вспоминал: "Особенно ожесточенно оборонялся гарнизон имеющий важное значение крепости Брест, который держался несколько дней, преградив железнодорожный путь и шоссеыные дороги, ведущие через Западный Буг в Мухавец"³⁵. Правда, генерал почему-то запямятовал, что гарнизон держался не несколько дней, а около месяца – до 20 июля.

Недовольный столь непредвиденной задержкой, Гальдер приказал: "расследовать действия 45-й пехотной дивизии в районе Бреста". Проводивший расследование генерал отмечал, что "сопротивление превосходящих по численности и фанатически сражающихся войск противника было очень сильным, что вызвало большие потери в составе 31-й пехотной дивизии"³⁶. Правда, в отчете ни слова нет о потерях 45-й дивизии, которая лишилась 1137 человек, из них – 61 офицера³⁷.

К концу июня 1941 г. противник продвинулся на глубину до 400 км. Войска Западного фронта понесли тяжелые потери в людях, технике и оружии. ВВС фрон-

та лишились 1483 самолетов³⁸. Оставшиеся вне окружения соединения вели бои в полосе шириной свыше 400 км. Фронт остро нуждался в пополнении, но он не мог получить даже того, что ему полагалось для полного укомплектования по довоенному плану на случай мобилизации. Она была сорвана в результате быстрого продвижения противника, крайне ограниченного количества автомобилей, нарушения работы железнодорожного транспорта и общей организационной неразберихи. Вот что сообщал Сталину по этому же поводу Гомельский обком КП(б) Белоруссии: "Бюро Гомельского обкома информирует Вас о некоторых фактах, имевших место с начала военных действий и продолжающихся в настоящее время... Посылка безоружных мобилизованных в районы действия противника (27 июня по приказу командующего в Жлобине было выгружено 1000 человек, направляемых в Минск)"³⁹. Комментарии к этой телеграмме не нужны.

Оценивая обстановку, сложившуюся к 28 июня, генерал Павлов сознавал, что подвижные соединения врага вот-вот могут выйти к Днепру и прорваться к Смоленску. Не имея больше резервов, он приказал организовать оборону по р. Березина силами местных гарнизонов и не закончившего формирования 4-го воздушно-десантного корпуса генерала А.С. Жидова, того самого, кому Сталин потом велел переменить фамилию на Жадова. Остатками отходивших 12 стрелковых дивизий, 20-го механизированного корпуса и 6 артиллерийских корпусных полков Павлов намеревался усилить здесь оборону, хотя боеспособность этих соединений была крайне низкой. Некоторые дивизии насчитывали всего до 1000 человек.

Для организации обороны на Березине командующий 4-й армией генерал Коробков создал отряд из 2610 человек, 6 танков и 20 орудий во главе с командиром 47-го стрелкового корпуса генералом С.И. Поветкиным, причем основу его составляли курсанты Бобруйского автотранспортного училища. Поветкин получил приказ "ни под каким видом не отходить с этого рубежа"⁴⁰.

Когда немцам удалось переправиться через Березину, Поветкин собрал уцелевших бойцов и лично повел их в контратаку. Сила ненависти и отчаяние были столь велики, что горстка храбрецов не только остановила врага, но и отбросила его к Бобруйску. Многие погибли, а генерал был ранен. Тем не менее сдержат все нараставший натиск врага было уже невозможно. Танки Гудериана двинулись на Могилев.

В Ставке Главного Командования сознавали: разразившуюся в Белоруссии катастрофу скрывать и дальше не удастся, а потому стали искать "виновных". Павлов был отстранен от командования фронтом, отозван в Москву и арестован.

Свое стремительное восхождение по служебной лестнице Дмитрий Григорьевич Павлов начал после войны в Испании, где командовал танковой бригадой. Домой он возвратился Героем Советского Союза, затем в течение трех лет возглавлял автобронетанковое управление Красной Армии, а за год до нападения Германии на СССР стал командующим войсками Западного Особого военного округа. Дмитрий Григорьевич был единственным из всех командующих приграничными военными округами, кто имел воинское звание генерала армии, он считался одним из опытных военачальников. По сути, в этой личности нашли свое отражение как сильные, так и слабые стороны, присущие всему советскому генералитету.

Поражение Западного фронта – это беда, а не вина сорокачетырехлетнего Павлова, тем более что в командовании войсками фронта ему помогали посланные Сталиным в первые же дни войны три Маршала Советского Союза – Шапошников, Кулик и Ворошилов. После окружения под Минском Сталин послал на Западный фронт еще двух маршалов – Тимошенко и Буденного, к которым вскоре присоединился начальник Главного политуправления Красной Армии Мехлис. Даже все вместе существенных изменений в обстановке к лучшему они добились не сразу, а получив необходимые для этого силы. И тем не менее Сталин отдал генерала Павлова под суд военного трибунала, который приговорил командующего к рас-

стрелу. Аналогичная участь постигла начальника штаба фронта Климовских и других генералов. Все они спустя много лет после тщательного и скрупулезного расследования, проведенного работниками Генерального штаба, были реабилитированы "за отсутствием состава преступления". Эти жертвы были нужны Сталину для того, чтобы показать народу "виновников" катастрофы, постигшей Красную Армию в начале войны.

После назначения Тимошенко командующим, а Мехлиса членом Военного совета Западного фронта активный поиск "виновников" катастрофы в Белоруссии продолжался. 6 июля Военный совет фронта доложил Верховному, что "установлена преступная деятельность" ряда должностных лиц, в результате чего фронт и потерпел тяжелое поражение.

Документ подписали С.К. Тимошенко, Л.З. Мехлис и П.К. Пономаренко. В тот же день они получили телеграмму: "Государственный Комитет Обороны одобряет Ваши мероприятия по аресту Климовских, Оборина, Таюрского и других и приветствует эти мероприятия, как один из верных способов оздоровления фронта"⁴¹. Однако судилище над генералами и перестановка командных кадров ничуть не улучшили положение в полосе фронта.

Советское военно-политическое руководство к концу июня поняло, что для отражения агрессии необходима мобилизация всех сил страны. С этой целью 30 июня был создан чрезвычайный орган – Государственный Комитет Обороны (ГКО) во главе со Сталиным. В руках ГКО концентрировалась вся полнота власти в государстве. Его решения и распоряжения, имевшие силу законов военного времени, подлежали беспрекословному выполнению всеми гражданами, партийными, советскими, комсомольскими и военными органами. Каждый член ГКО отвечал за определенный участок (боеприпасы, самолеты, танки, продовольствие, транспорт и т.д.).

В стране продолжалась мобилизация военнообязанных 1905–1918 гг. рождения в армию и на флот. За первых восемь дней войны в вооруженные силы было призвано 5,3 млн человек. Из народного хозяйства на фронт было направлено 234 тыс. автомашин и 31,5 тыс. тракторов⁴².

Ставка продолжала принимать чрезвычайные меры по восстановлению стратегического фронта в Белоруссии. 1 июля она передала Западному фронту 19, 20, 21 и 22-ю армии. По существу, образовывался новый фронт обороны. В тылу фронта, в районе Смоленска, сосредоточивалась 16-я армия. Преобразованный Западный фронт насчитывал теперь 48 дивизий и 4 мехкорпуса, однако к 1 июля оборону на рубеже Западной Двины и Днепра занимало всего 10 дивизий.

Спротивление советских войск, окруженных под Минском, вынудило командование группы армий "Центр" рассредоточить свои соединения на глубину 400 км, причем полевые армии сильно отстали от танковых групп. С целью более четкого согласования усилий 2-й и 3-й танковых групп по овладению районом Смоленска и при дальнейшем наступлении на Москву фельдмаршал Бок 3 июля объединил обе группы в 4-ю танковую армию во главе с управлением 4-й полевой армии Клюге. Пехотные соединения бывшей 4-й армии объединялись управлением 2-й армии (оно находилось в резерве ОКХ), под командованием генерала Вейкса, для ликвидации советских частей, окруженных западнее Минска.

А тем временем в междуречье Березины, Западной Двины и Днепра шли ожесточенные бои. Штаб 3-й танковой группы 3 июля докладывал: "Противник упорно сопротивлялся при поддержке танков и артиллерии. Оперативное руководство войсками противника хорошее"⁴³. Не менее упорное сопротивление встретили и танкисты Гудериана. В районе Борисова на их пути встали возглавляемые начальником Борисовского танкового училища корпусным комиссаром И.З. Сусайковым курсанты. В беспорядке отступавшие войска сводились здесь в подразделения и части, из которых была создана дивизия. Вскоре на помощь подошла

1-я Московская стрелковая дивизия полковника Я.Г. Крейзера. Имея около 100 танков Т-34, она стала главной силой борисовского участка обороны. Воины дивизии совместно с другими защитниками города не только остановили танки врага, успевшие переправиться через Березину, но и отбросили их за реку. Полковнику Крейзеру за эти бои одному из первых на Западном фронте было присвоено звание Героя Советского Союза.

Но противник продолжал двигаться к Смоленским воротам. Чтобы задержать его, командующий фронтом приказал 20-й армии подготовить контрудар в стык танковых групп Гудериана и Гота.

Наступило утро 6 июля. Соединения 3-й танковой армии подошли к Западной Двине севернее и южнее Полоцка. Одновременно два мехкорпуса Западного фронта предприняли контрудар между Витебском и Оршей. Они превосходили противника в силах, имея в своем составе 1,3 тыс. танков, но тот безраздельно господствовал в воздухе, в то время как у Западного фронта оставалось всего 253 боевых самолета.

До встречи с главными силами врага удар развивался успешно. 5-й механизированный корпус генерала И.П. Алексеенко, продвинувшись на 30–40 км, вышел в район Сенно. Достигли определенного успеха и соединения 7-го механизированного корпуса, возглавляемого генералом В.И. Виноградовым. Четверо суток продолжались бои. Это позволило 20-й армии укрепить оборону и обеспечить сосредоточение подходивших войск. Однако цена оказалась слишком высокой: 5-й и 7-й механизированные корпуса потеряли 832 танка⁴⁴. К сожалению, о людских потерях в документах того времени не сообщалось, но можно с уверенностью сказать, что они были немалыми.

Тяжелая обстановка сложилась на правом крыле фронта. На 200-километровом фронте 22-я армия генерала Ф.А. Ершакова сдерживала натиск противника. 20-я танковая дивизия из группы Гота 7 июля прорвала оборону в районе Улла и форсировала Западную Двину. 9 июля, наступая вдоль правого берега Западной Двины, она подошла к Витебску. С юга к городу двигалась 7-я танковая дивизия, изрядно потрепанная в первые дни войны под Алитусом и в боях под Сенно, но все же сохранившая высокую боеспособность. В это же время все три моторизованных корпуса группы Гудериана вышли к Днепру южнее и севернее Могилева, готовясь форсировать его у Быхова, Шклова и Копыси.

Одна из первых стратегических оборонительных операций Красной Армии, получившая впоследствии название Белорусской, завершилась. За 18 дней войска Западного фронта потерпели сокрушительное поражение. Из 44 дивизий, первоначально входивших в состав фронта, 24 погибли полностью, остальные 20 потеряли от 30 до 90% своего состава. Общие потери исчислялись огромными цифрами – 417 790 человек, из них безвозвратные – 341 073 человека, 4799 танков, 9427 орудий и минометов и 1777 боевых самолетов⁴⁵. Тыл фронта лишился 1766 вагонов боеприпасов, более чем 17,5 тыс. т горючего, 2038 т смазочных материалов, 60% запасов продовольствия и фуража, всех запасов вещевого имущества, рассчитанного на 370 тыс. человек⁴⁶. Оставив почти всю Белоруссию, войска отошли на глубину до 600 км.

ДРАМА В ПРИБАЛТИКЕ

Ареной драматических событий с началом войны стала и Прибалтика. Оборонявшийся здесь Северо-Западный фронт под командованием генерала Ф.И. Кузнецова был значительно слабее фронтов, действовавших в Белоруссии и на Украине, так как имел всего лишь три армии и два механизированных корпуса. Между тем агрессор сосредоточил на этом направлении крупные силы (табл. 7). В первом

Таблица 7. Соотношение сил в полосе Северо-Западного фронта к началу войны⁴⁷

Силы и средства	Северо-западный фронт*	Группа армий "Север" и 3 тгр	Соотношение
Личный состав, тыс. чел.	379,5	655	1:1,7
Орудия и минометы (без 50-мм), шт.	4938	7673	1:1,6
Танки,** шт.	1274	1389	1:1,1
Боевые самолеты**, ед.	1078	1070	1:1

* Без сил Балтийского флота.

** Учены только исправные.

ударе против Северо-Западного фронта приняла участие не только группа армий "Север" под командованием фельдмаршала В. Лееба, но и 3-я танковая группа из соседней группы армий "Центр", т.е. войскам Кузнецова противостояли две немецкие танковые группы из четырех.

Противник превосходил фронт по числу людей, артиллерии и танков. Главный удар 3-й танковой группы генерала Гота пришелся по 128-й и 23-й (двум батальонам) стрелковым дивизиям, прикрывавшим границу на вильнюсском направлении. Наступавшие здесь четыре пехотные и три танковые дивизии превосходили советские войска в восемь раз, а действовавшая на шяуляйском направлении 4-я танковая группа генерала Гепнера – в пять раз. Фельдмаршал Лееб имел задачу быстро овладеть Прибалтикой, а затем захватить Ленинград с базами Балтийского флота.

Уже в первый день войны оборона Северо-Западного фронта была расколота. Танковые клинья пробили в ней основательные бреши. На левом крыле фронта соединения 3-й танковой группы смяли так и не успевшие развернуться части 128-й и 184-й стрелковых дивизий 11-й армии генерала В.И. Морозова.

Севернее, в полосе 8-й армии генерала Собенникова, 4-я танковая группа и 18-я армия также имели успех. В журнале боевых действий группы армий "Север" отмечалось, что сопротивление на границе было очень незначительным, противник застигнут врасплох, а потому все пограничные мосты оказались в полной сохранности⁴⁸.

Из-за систематического нарушения связи командующие фронтом и армиями не сумели организовать управление войсками. Войска несли большие потери, но остановить продвижение танковых групп не могли. В полосе 11-й армии 3-я танковая группа, преодолевая разрозненное сопротивление стрелковых соединений, устремилась к мостам через Неман. И хотя здесь дежурили специально выделенные команды подрывников, они вовремя не сориентировались в обстановке, ибо из-за отсутствия связи приказ о взрыве мостов в нужный момент не поступил. В итоге вместе с отходившими частями армии по мостам, где царили полная неразбериха и хаос, проскочили и вражеские танки. "Для 3-й танковой группы, – писал ее командующий генерал Гот, – явилось большой неожиданностью, что все три моста через Неман, овладение которыми входило в задачу группы, были захвачены неповрежденными"⁴⁹.

Переправившись через Неман, танки Гота устремились к Вильнюсу, но натолкнулись на отчаянное сопротивление. "Вечером 22 июня, – доносил генерал Гот в штаб группы армий "Центр", – 7-я танковая дивизия имела крупнейшую танковую битву за период этой войны восточнее Олита (Алитус. – Ред.) против 5-й танковой дивизии. Уничтожено 70 танков и 20 самолетов (на аэродромах) противника. Мы потеряли 11 танков"⁵⁰.

К исходу дня соединения 11-й армии оказались расчлененными на части. Между

Северо-Западным и Западным фронтами образовалась большая брешь, закрыть которую оказалось нечем.

Верно определив направление ударов противника на Шяуляй и Вильнюс, командование Северо-Западного фронта результаты действий своих войск сильно преувеличило. Так, подводя итоги первого дня войны, начальник штаба фронта генерал П.С. Кленов докладывал в Генеральный штаб, что враг сдерживается на всех направлениях, хотя в действительности войска фронта под натиском превосходивших сил отходили, а на отдельных направлениях бежали на восток. За первый день германские соединения вклинились на глубину до 60 км. "Не было никаких признаков целеустремленного и планового руководства войсками противника в целом, – указывается в отчетных документах танковой группы Гота. – Непосредственное управление войсками отличалось малоподвижностью, схематичностью. Отсутствовали быстрая реакция и быстрое принятие решений в связи с меняющейся боевой обстановкой. Ни один советский начальник не принимал самостоятельного решения уничтожать переправы и мосты"⁵¹.

65-летний фельдмаршал Лееб, начавший службу в германской армии еще в 1895 г., был вполне доволен развитием событий: танковым группам удалось быстро преодолеть Неман, Дубису и Юру, открывалась перспектива скорого выхода к Западной Двине. Запись в журнале боевых действий группы, отражавшая итоги за 22 июня и ее дальнейшие планы, гласила: "Группа армий наступает в прежнем порядке, имея своей целью завязать с противником сражение еще до подхода к Западной Двине и уничтожить его"⁵². Сухая и теплая погода вполне способствовала выполнению такого замысла.

В то время как глубокое вклинение противника требовало ответных энергичных мер, и командование фронта, и командование армий проявили явную пассивность. Генерал Кузнецов, которому в ту пору шел 43-й год, имел за плечами военную академию, потом свыше десяти лет он занимался подготовкой офицерских кадров и лишь за три года до войны был назначен на командную должность, сначала в качестве заместителя командующего округом, затем начальника Академии Генерального штаба и, наконец, командующего войсками округа.

Вечером 22 июня генерал Кузнецов получил директиву наркома № 3, в которой фронту приказывалось: "Прочно удерживая побережье Балтийского моря, нанести мощный контрудар из района Каунаса во фланг и тыл сувалковской группировки противника, уничтожить ее во взаимодействии с Западным фронтом и к исходу 24.6 овладеть районом Сувалки"⁵³. Однако составители директивы совершенно не учитывали ни реальное состояние войск, ни их возможности. В то время как стрелковые соединения отходили под натиском врага, дивизии 12-го мехкорпуса, розданные генералом Собенниковым стрелковым корпусам, были рассредоточены на 90-километровом участке. 5-я танковая дивизия 3-го мехкорпуса, потерпев поражение, в беспорядке отходила. Вскоре ее остатки (3 танка, 12 броневых автомобилей и 40 грузовых автомашин) оказались в полосе соседнего Западного фронта⁵⁴. В целом реальных сил для нанесения удара 23 июня Северо-Западный фронт не имел.

Однако еще до получения директивы, в 10 часов утра, генерал Кузнецов отдал приказ армиям и механизированным корпусам о нанесении контрудара по тильзитской группировке врага⁵⁵. Поэтому войска выполняли его приказ, а командующий решил не менять задач, по существу не выполнив требований директивы № 3.

Шести дивизиям предстояло атаковать танковую группу Гепнера и восстановить положение по границе. Против 123 тыс. солдат и офицеров, 1800 орудий и минометов, более 600 танков противника Кузнецов планировал выставить около 56 тыс. человек, 980 орудий и минометов, 950 танков (в основном легких)⁵⁶. Несмотря на полуторное превосходство в танках, силы советской группировки были

явно недостаточными, особенно в условиях безраздельного господства вражеской авиации.

Из 12-го механизированного корпуса генерала Н.М. Шестопалова только 28-я танковая дивизия полковника И.Д. Черняховского к 10 часам 23 июня сумела занять исходное положение. Остальные соединения, будучи связаны боями – только к вечеру⁵⁷. Дивизии 3-го механизированного корпуса генерала А.В. Куркина противник опередил в выходе в исходный район. Командованию фронта пришлось назначать новый район, куда соединения выдвинулись лишь в середине дня и с ходу перешли в наступление. Спустя три часа нанесла удар 28-я танковая дивизия 12-го корпуса. Иначе говоря, одновременного удара не получилось: после длительного марша соединения вступали в бой с ходу, чаще всего разрозненными группами. Артиллерия при остром недостатке боеприпасов надежной поддержки танкам не оказала. Задача осталась невыполненной. Дивизии, потеряв значительную часть танков, в ночь на 24 июня вышли из боя. Больше всех пострадала 48-я стрелковая дивизия: она лишилась штаба и 70% личного состава. Командир ее генерал П.В. Богданов попал в плен. Согласившись сотрудничать с немцами, он был назначен начальником контрразведки 1-й русской национальной бригады. После перехода бригады на сторону партизан Богданов был арестован и передан советским властям, казнен как предатель в 1950 г.

На рассвете 24 июня бои разгорелись с новой силой. С обеих сторон в них участвовало свыше 1 тыс. танков, около 2700 орудий и минометов, более 175 тыс. солдат и офицеров⁵⁸. Командование 4-й танковой группы в 18 часов сообщило в штаб группы армий "Север", что атаки тяжелых танков и пехоты противника вынудили правый фланг 41-го моторизованного корпуса перейти к обороне.

Части полковника Черняховского, вклинившиеся в боевые порядки врага на 5 км, уничтожили 14 танков, 20 орудий и до батальона пехоты. Заместитель командира 55-го танкового полка майор Б.П. Попов огнем только одного своего танка уничтожил четыре противотанковые пушки и несколько десятков гитлеровцев. Даже когда его машина загорелась, отважный танкист не покинул поле боя. Указом Президиума Верховного Совета Союза СССР от 25 июля 1941 г. Попову посмертно было присвоено звание Героя Советского Союза, одному из первых на Северо-Западном фронте.

Воины 9-й артиллерийской противотанковой бригады под командованием полковника П.И. Полянского 24 июня подбили 30 танков. Однако боеприпасы кончились, и бригаде вместе с 202-й моторизованной дивизией пришлось отойти.

Попытка возобновить контрудар на следующий день свелась к поспешным, плохо согласованным действиям, к тому же на широком фронте, при низкой организации управления. Вместо того чтобы наносить сосредоточенные удары, командиры корпусов получили приказ действовать "небольшими колоннами с целью рассредоточить авиацию противника". Танковые соединения понесли огромные потери: в обеих дивизиях 12-го мехкорпуса осталось всего 35 танков⁵⁹.

Если в результате контрудара удалось на какое-то время задержать продвижение 41-го моторизованного корпуса Рейнгардта на шяуляйском направлении, то 56-й корпус Манштейна, обойдя контратаковавшие соединения с юга, получил возможность осуществить стремительный бросок на Даугавпилс.

За три дня боев Северо-Западный фронт потерял 921 самолет⁶⁰, т.е. почти всю свою авиацию, огромны были потери в артиллерии, но особенно в танках. Войска беспорядочно отходили. Вместе с ними устремились почти 60 тыс. строительных рабочих, которые еще совсем недавно возводили укрепленные районы у границы. Дороги были забиты толпами беженцев из приграничной полосы⁶¹. Немецкие авиадесанты и диверсионные группы сеяли панику в тылу, выводили из строя проводные средства связи. Все это еще больше усугубляло неразбериху.

Трагическим было положение 11-й армии: она оказалась зажатой в клещи между 3-й и 4-й танковыми группами. Основным силам 8-й армии повезло больше: они остались в стороне от бронированного кулака врага и относительно организованно отходили на север. Никакого взаимодействия между армиями не существовало. Почти полностью прекратился подвоз боеприпасов и горючего. Обстановка требовала решительных мер по ликвидации прорыва противника. Однако, не имея резервов и потеряв управление, командование фронта предотвратить отступление и восстановить положение не могло.

К вечеру 24 июня немцы захватили Каунас и Вильнюс. Германские генералы пришли в восторг от собственных успехов, а Гальдер сделал многозначительную запись в своем дневнике: "Наши войска заняли Вильнюс, Каунас и Кейданы" (Историческая справка: Наполеон занял Вильнюс и Каунас тоже 24 июня)⁶².

Главкомандующий сухопутными силами вермахта фельдмаршал Браухич приказал повернуть 3-ю танковую группу Гота на юго-восток, в сторону Минска, как это было предусмотрено планом "Барбаросса", поэтому с 25 июня она действовала уже против Западного фронта. Используя разрыв между 8-й и 11-й армиями, 56-й моторизованный корпус 4-й танковой группы устремился к Западной Двине, перерезая тыловые коммуникации 11-й армии.

Военный совет Северо-Западного фронта счел целесообразным отвести соединения 8-й и 11-й армий на рубеж по рекам Вента, Шушва, Виляя. Однако в ночь на 25 июня он принял новое решение: нанести контрудар 16-м стрелковым корпусом генерала М.М. Иванова, чтобы вернуть Каунас, хотя логика событий требовала отвода частей за р. Виляя. Первоначально корпус генерала Иванова имел частный успех, но задачу он выполнить не смог, и дивизии отошли в исходное положение.

В целом основную задачу – задержать агрессора в приграничной полосе, войска фронта не выполнили. Не удалось и попытки ликвидировать глубокие прорывы немецких танков на важнейших направлениях. Войска Северо-Западного фронта не смогли удержаться на промежуточных рубежах и откатывались все дальше на северо-восток.

И без того тяжелое положение войск усугубили действия националистов. Удар в спину готовился в глубоком подполье еще до войны. Об этом, в частности, свидетельствуют документы немецкого 800-го полка "Бранденбург". В них говорится, что в Литве "организованы активисты на территории противника. Это бывшие граждане прибалтийских стран, обученные специально для подрывных акций, саботажа и для охраны объектов. По данным руководителей, в настоящее время в каждом литовском населенном пункте существует такая группа. В Латвии и Эстонии такое же положение"⁶³.

Военные действия на северо-западном стратегическом направлении развернулись не только на суше, но и на море, где Балтийский флот с первых же дней войны подвергся ударам вражеской авиации. По приказу командующего флотом вице-адмирала В.Ф. Трибуца в ночь на 23 июня началась установка минных заграждений в устье Финского залива, а на следующий день стали создаваться такие же заграждения в Ирбенском проливе. Усиленное минирование фарватеров и подступов к базам, а также господство вражеской авиации и угроза базам с суши сковали силы Балтийского флота. Господство на море надолго перешло к противнику.

При общем отходе войск Северо-Западного фронта упорное сопротивление враг встретил у стен Лиенаи. Немецкое командование планировало захватить этот город не позднее второго дня войны. Против немногочисленного гарнизона, состоявшего из частей 67-й стрелковой дивизии генерала Н.А. Дедаева и военно-морской базы капитана 1 ранга М.С. Клевенского, действовала 291-я пехотная дивизия при поддержке танков, артиллерии и морской пехоты. Лишь 24 июня немцы блокировали город с суши и моря. "В Лиенае, – отмечал западногерманский историк

П. Карелл, – солдат Красной Армии впервые показал, на что он способен, когда опирается на подготовленные позиции, действует под командованием хладнокровных и энергичных командиров⁶⁴. Вместе с войсками сражались жители Лиепаи, руководимые штабом обороны. Только по приказу командования Северо-Западного фронта в ночь на 27 и 28 июня защитники оставили Лиепаю и начали пробиваться на восток.

25 июня Северо-Западный фронт получил задачу отвести войска и организовать оборону по Западной Двине, куда из резерва Ставки выдвигался 21-й механизированный корпус генерала Д.Д. Лелюшенко. При отходе войска попали в тяжелое положение: после неудачного контрудара управление 3-го механизированного корпуса во главе с генералом А.В. Куркиным и 2-я танковая дивизия, оставшаяся без горючего, оказались в окружении. Лишь немногим удалось прорваться к своим. По данным противника, здесь было захвачено и уничтожено свыше 200 танков, более 150 орудий, а также несколько сот грузовых и легковых автомашин. От 3-го механизированного корпуса осталась лишь одна 84-я моторизованная дивизия, а 12-й мехкорпус из 750 танков потерял 600⁶⁵.

В трудном положении оказалась 11-я армия. Отходу за р. Виляя помешала авиация противника, разрушавшая переправы. Враг угрожал окружением, а переброска войск на другой берег продвигалась очень медленно. Генерал Морозов буквально умолял командующего фронтом о помощи. Так и не получив ее, он гневно упрекал Кузнецова в бездействии, хотя в обычных обстоятельствах отличался выдержкой и дисциплинированностью. Поэтому в штабе фронта посчитали, что Морозов попал в плен и "работает под диктовку врага". Генерал Кузнецов приказал прекратить радиосвязь с 11-й армией именно в тот момент, когда она больше всего в ней нуждалась. А нарком обороны командующий фронтом докладывал 26 июня: "11 армия – штаб и Военный совет армии, по ряду данных, пленен или погиб. Немцы захватили шифродокумент, 5, 33, 188, 128-я стрелковые дивизии неизвестно в каком состоянии и где находятся. Много отставших и убежавших, задерживаемых [на] направлении Двинск (Даугавпилс. – *Ред.*). Много брошено оружия. 11-я армия не является организованным боеспособным соединением. На вильнюсском направлении необходимо развертывание новой армейской группировки немедленно". Сам Военный совет фронта принял решение выдвинуть туда из Риги управление 27-й армии во главе с генералом Н.Э. Берзариним.

Морозов задумал отходить на северо-восток, но только 27 июня выяснилось, что противник, захвативший накануне Даугавпилс, перерезал и этот путь. Свободным оставалось лишь восточное направление, через леса и болота на Полоцк, куда, в полосу соседнего Западного фронта, 30 июня и вышли остатки армии. Вечером того же дня начальник Генерального штаба Жуков сообщил командующему Северо-Западным фронтом о местонахождении 11-й армии, оставшейся без горючего, боеприпасов, продовольствия, а главное – в полном неведении, что ей делать дальше. К этому времени она потеряла почти всю технику и около 60% личного состава, имевшегося к началу войны.

Войска фельдмаршала Лееба быстро продвигались в глубь территории Прибалтики. Организованное сопротивление им оказывала лишь армия генерала Собеникова. В приказе от 28 июня командование 1-го немецкого армейского корпуса отмечало, что 8-я армия красных сильными арьергардами сражалась храбро и стойко. В то же время полоса обороны 11-й армии осталась неприкрытой, чем тут же не замедлил воспользоваться Манштейн, направив по кратчайшему пути к Западной Двине свой 56-й моторизованный корпус.

Чтобы стабилизировать обстановку, войскам Северо-Западного фронта было очень важно закрепиться на рубеже Западной Двины. К сожалению, 21-й механизированный корпус, которому предстояло здесь обороняться, к реке еще не вышел. Не сумели своевременно занять оборону и соединения 27-й армии. А ос-

новной целью группы армий "Север" на этот момент являлся именно прорыв к Западной Двине с направлением главного удара на Даугавпилс и севернее⁶⁶.

Утром 26 июня 8-я танковая дивизия немцев подошла к Даугавпилсу. В составе передового отряда действовало переодетое в форму Красной Армии подразделение 800-го полка "Бранденбург". Приблизившись вплотную к ничего не подозревавшей команде подрывников, охранявших переправу через Западную Двину, диверсанты обезоружили саперов и захватили мост. Дивизия устремилась в город, создав очень важный для развития наступления на Ленинград плацдарм. Помощник командующего Северо-Западным фронтом генерал С.Д. Акимов получил приказ возглавить войска, действовавшие в районе Даугавпилса, и освободить город. Однако наспех организованная атака успеха не принесла. Акимов докладывал Военному совету фронта: "Наступление захлебнулось... Основные причины нашего неуспеха – полное отсутствие с нашей стороны танков и очень малое количество артиллерии – всего 6 орудий"⁶⁷.

Во второй половине следующего дня в район Даугавпилса прибыл корпус генерала Лелюшенко. Из имевшихся у него совсем недавно 107 машин и 129 орудий осталось всего 28 танков. Утром 27 июня корпус атаковал противника. К вечеру немцы, подтянув свежие силы, вынудили соединения Лелюшенко отойти, но и сами оказались основательно потрепанными. "...Цель – Ленинград – отодвигалась от нас в далекое будущее, – вспоминал Манштейн, – а корпус должен был выждать у Двинска (Даугавпилс)"⁶⁸.

Штаб 27-й армии Берзарина только вечером 28 июня вышел в район Резекне, где принял под свое управление 5-й воздушнодесантный и 21-й механизированный корпуса.

Юго-восточнее Риги, в ночь на 29, передовой отряд 41-го моторизованного корпуса генерала Рейнгардта с ходу форсировал Западную Двину у Екабпилса. А на следующий день передовые части 1-го и 26-го армейских корпусов 18-й немецкой армии ворвались в Ригу и захватили мосты через реку. Однако решительной контратакой 10-го стрелкового корпуса генерала И.И. Фадеева противник был выбит, что обеспечило планомерный отход 8-й армии через город. 1 июля немцы вновь овладели Ригой.

Еще 29 июня Ставка приказала командующему Северо-Западным фронтом, одновременно с организацией обороны по Западной Двине, подготовить и занять рубеж по р. Великой, опираясь при этом на имевшиеся там укрепленные районы в Пскове и Острове. Из резерва Ставки и Северного фронта туда выдвигались 41-й стрелковый и 1-й механизированный корпуса, а также 234-я стрелковая дивизия.

Неправильно поняв задачу фронта, генерал Кузнецов 30 июня приказал войскам, оборонявшимся вдоль Западной Двины, отходить в Псковский, Островский и Себежский укрепленные районы, и они немедленно приступили к выполнению приказа. Генеральному штабу об этом стало известно лишь вечером. Жуков срочно направил Кузнецову телеграмму: "Ваши приказ Ставки не понят. Сложившаяся обстановка требует в течение ближайших 3–4 дней задержать противника на рубеже р. Западная Двина. Примите все меры, чтобы не допустить распространения противника на северном берегу"⁶⁹. Командование фронта, отменив свои предыдущие распоряжения, потребовало от войск, с утра 2 июля, восстановить оборону по Западной Двине.

Во фронте в это время насчитывалось всего 150 танков и 154 самолета⁷⁰. К тому же быстрая и неожиданная смена решений, причем без учета времени, привела к тому, что войска оказались не готовыми ни к отходу, ни к обороне. Воспользовавшись этим, противник, с утра 2 июля нанес удар в стык 8-й и 27-й армий и прорвался в направлении Острова и Пскова. За неумелое управление войсками Кузнецов был снят с занимаемой должности, такая же участь постигла члена Воен-

ного совета П.А. Диброва и начальника штаба Кленова. С 4 июля в командование фронтом вступил Собенников. Членом Военного совета был назначен корпусной комиссар В.Н. Богаткин, а начальником штаба стал генерал Н.Ф. Ватутин – заместитель начальника Генерального штаба, находившийся на фронте с 22 июня.

Угроза прорыва противника в районе Острова и Пскова и далее на Ленинград заставила командование Северного фронта создать Лужскую оперативную группу во главе с генералом К.П. Пядышевым, чтобы прикрыть юго-западные подступы к городу на Неве.

К исходу 3 июля противник захватил Гулбене в тылу 8-й армии, лишив ее возможности отходить на р. Великая. Армия, в командование которой только что вступил генерал Ф.С. Иванов, была вынуждена отходить на север, в Эстонию. Между 8-й и 27-й армиями образовался разрыв, куда и устремились соединения 4-й танковой группы врага. Утром следующего дня 1-я танковая дивизия достигла южной окраины Острова и с ходу форсировала р. Великая. Попытки отбросить ее не увенчались успехом. 6 июля немцы полностью захватили Остров и устремились на север, к Пскову. Спустя два дня передовые части германской танковой группы подошли к древнему русскому городу. Все мосты в Пскове были взорваны.

Только к вечеру следующего дня немцы ворвались в город. Командование 4-й танковой группы, отмечая отсутствие у советских войск "плановой обороны" под Псковом, одновременно было вынуждено признать их "отчаянное сопротивление" и "самопожертвование передовых частей", обеспечивавших отход главных сил. Тем не менее к 10 июля создалась реальная угроза прорыва немцев к Ленинграду.

Чтобы использовать успех на псковском направлении, противник повернул часть сил 18-й армии на восток, в направлении Острова. На север наступало лишь два армейских корпуса. В результате натиск на 8-ю армию ослаб, что позволило ей 10 июля остановить врага на рубеже Пярну, Тарту.

В целом же первая оборонительная операция Северо-Западного фронта закончилась неудачей. За три недели боевых действий его войска отступили в глубину до 450 км, оставив почти всю Прибалтику. Фронт потерял свыше 90 тыс. человек, более 1 тыс. танков, 4 тыс. орудий и минометов и более 1 тыс. самолетов⁷¹. Его командованию не удалось создать оборону, способную отразить удар агрессора. Войска не сумели закрепиться даже на таких выгодных для обороны преградах, как рр. Неман, Западаи Двина, Великая. Непрерывный отход деморализующе воздействовал на личный состав. Появилась боязнь окружения. Некоторые части оставляли позиции и отходили даже в том случае, когда противник наступал равными или даже меньшими силами. Уже 4 июля политуправление Северо-Западного фронта в своем донесении признает соединения 22-го стрелкового корпуса как "не являющимися в полной мере боеспособными"⁷². По причине низкой боеспособности частей, командованию 24-го стрелкового корпуса пришлось уже 7 июля убрать всех без исключения офицеров и 1445 человек рядового состава, главным образом латышской национальности⁷³. Это объяснялось тем, что 22, 24 и 29-й стрелковые корпуса были укомплектованы в основном личным составом эстонской, латышской и литовской национальности.

Серьезные трудности создавали перебои в снабжении боеприпасами и горючим. Но главную опасность для советских войск представляли самолеты и танки противника. Недостаток эффективных средств борьбы с ними вызывал зачастую самолето- и танкобоязнь. В пехоте решили создавать группы истребителей танков, вооружая их гранатами и бутылками с горючей смесью или бензином. При ударе о танк бутылка загоралась от прикрепленной к ней и подожженной еще перед броском пакли. На Северо-Западном фронте была разработана специальная инструкция, подписанная 5 июля Ватутиным, утвержденная Собенниковым и Богаткиным. Один

из ее пунктов рекомендовал: "Израсходовав гранаты и бутылки с горючей смесью, бойцы-истребители заготавливают грязь-глину, которой забрасывают смотровые щели"⁷⁴. Однако "грязь-глина" остановить танки никак не могла.

Сложная обстановка складывалась и на море. С потерей баз в Лиенае и Риге корабли перешли в Таллин, где подвергались постоянным жесточайшим бомбардировкам немецкой авиации. А в начале июля флоту пришлось вплотную заняться организацией обороны Ленинграда с моря.

НЕУДАЧИ НА УКРАИНЕ И В МОЛДАВИИ

Юго-Западный фронт, которым командовал генерал М.П. Кирпонос, представлял собой наиболее сильную группировку советских войск, сосредоточенных у западных границ СССР, так как в соответствии с довоенным планом на случай войны ему отводилась главная роль в разгроме агрессора. Группа армий "Юг" под командованием фельдмаршала К. Рундштедта в отличие от войск, наступавших севернее Припятских болот, с началом войны основной роли не играла, хотя перед ней и стояла задача уничтожить советские войска на Правобережной Украине, не допустив их отхода за Днепр.

Юго-Западный фронт имел достаточно сил, чтобы дать агрессору достойный отпор (табл. 8). Однако уже первый день войны показал, что эти возможности реализовать не удается. Война застала войска фронта врасплох. С первой минуты соединения, штабы, аэродромы подверглись мощным авиационным ударам, а военно-воздушные силы так и не смогли оказать должного противодействия.

Таблица 8. Соотношение сил в полосе Юго-Западного фронта к началу войны⁷⁵

Силы и средства	Юго-Западный фронт*	Группа армий "Юг" (без войск в Румынии)	Соотношение
Личный состав, тыс. человек	957	730	1,3:1
Орудия и минометы (без 50-мм), ед.	12604	9700	1,3:1
Танки, ед.	4783	799	5,9:1
Боевые самолеты, ед.	1759	772	2,2:1

* Учтена только исправная техника.

Главный удар противник нанес севернее львовского выступа. 6 стрелковых и кавалерийская дивизии с трудом сдерживали натиск 17 пехотных и 2 танковых дивизий противника.

Несмотря на упорное сопротивление стрелковых дивизий 5-й армии, противник через образовавшиеся в обороне промежутки пехотными дивизиями прорвался в глубину. Используя их успех, командование группы армий "Юг" во второй половине дня ввело в прорыв на левом фланге 5-й армии, в районе Сокаля, танковую дивизию. К исходу дня ее передовые части прорвались на глубину до 20 км, выйдя в район Радехова.

Южнее, в полосе 6-й армии, германские войска ворвались в Струмиловский укрепленный район, когда его батальоны только занимали доты. Ударом кавалерийской дивизии немцы были все-таки выбиты из укреплений. Был успешно отражен и натиск основных сил 17-й армии противника, которые наступали на Львов. Тесное взаимодействие полевых войск с гарнизонами дотов и пограничниками сделало их оборону труднопреодолимой. 22 июня 17-я немецкая армия не

достигла сколько-нибудь серьезных результатов. В 19 часов штаб Рундштедта, докладывая в ОКХ обстановку в полосе армии, сообщал: "Спротивление противника окрепло, в особенности перед фронтом 4-го армейского корпуса; проводятся контратаки"⁷⁶. Против корпуса действовала 41-я стрелковая дивизия генерала Г.Н. Микушева. Не добилась 17-я армия успеха и в полосе 26-й армии, которой командовал генерал Ф.Я. Костенко.

В Карпатах оборону занимали дивизии 12-й армии во главе с генералом П.Г. Понеделиным. Так как Венгрия еще не вступила в войну на стороне Германии, на границе отмечались лишь отдельные мелкие стычки.

А в это время на границе с Румынией развертывались войска 9-й армии под командованием генерала Я.Т. Черевиченко. Передовые части выдвинулись к р. Прут и пришли на помощь пограничным заставам, которые вели борьбу со штурмовыми отрядами румын, поставивших целью захватить мосты через реку. Вражеская авиация бомбила Кишинев, Бельцы, Болград. Действия немецко-румынских войск носили в общем-то сковывающий характер. 11-я немецкая, а также главные силы 3-й и 4-й румынских армий еще только готовились к переходу в наступление, а оно должно было начаться лишь после того, как группа армий "Юг" добьется успеха на направлении главного удара.

Согласно директиве № 3 Юго-Западный фронт должен был нанести удар в общем направлении на Люблин, окружить и уничтожить противника, наступавшего на фронте Владимир-Волынский, Крыстынополь, и к исходу 24 июня овладеть районом Люблин. Учитывая силы и средства, имевшиеся и в составе фронта и у противостоявшего противника, можно сказать, что задача была ему вполне по плечу. И тем не менее она уже не соответствовала той обстановке, что сложилась на Украине к исходу первого дня войны. Двух суток, отведенных для овладения Люблином, до которого войскам предстояло еще пройти свыше 120 км, было явно недостаточно. Начальник штаба фронта генерал Пуркаев считал, что только сосредоточение механизированных корпусов потребует не менее трех-четырёх суток, а за это время противник, естественно, успеет продвинуться еще дальше. Он предлагал обратиться к Главному Командованию за разрешением создать на рубеже укрепленных районов вдоль старой государственной границы прочную оборону, т.е. сначала остановить врага, а уже затем, перейдя в контрнаступление, разгромить его. Генерал Кирпонос, соглашаясь с доводами начальника штаба генерала М.А. Пуркаева, стоял на том, что приказ есть приказ и его нужно выполнять во что бы то ни стало. Командующего поддержал член Военного совета корпусной комиссар Н.Н. Вашугин.

Кирпоносу шел пятидесятилетний год. Через три месяца после окончания советско-финляндской войны, где он успешно командовал дивизией, он возглавил сначала Ленинградский, а с февраля 1941 г. – Киевский Особый военный округ. За столь короткий срок нельзя, конечно, приобрести качества, необходимые командующему фронтовым объединением. А ведь теперь ему противостоял один из опытнейших фельдмаршалов вермахта – Рундштедт. В кампаниях против Польши и Франции он командовал группой армий, которая с большим успехом действовала именно на направлении главного удара.

Кирпонос принял решение нанести два удара по флангам главной группировки противника – с севера и юга, причем каждый силами трех механизированных корпусов, в которых в общей сложности насчитывалось 3,7 тыс. танков. Генерал Жуков, прибывший в штаб фронта вечером 22 июня, одобрил его решение.

Организация фронтового контрудара заняла три дня, а до того успела выдвинуться и атаковать врага лишь часть сил 15-го и 22-го механизированных корпусов, причем в 15-м мехкорпусе действовал один-единственный передовой отряд 10-й танковой дивизии. Поэтому 11-я танковая дивизия врага продолжала наступление и к исходу 23 июня подошла к Берестечко. В последующие два дня боевые действия

корпуса свелись к обороне против 297-й пехотной дивизии, а также к изнуряющим силы личного состава передвижениям с целью занять исходное положение для удара по противнику то в северо-западном направлении – на Радехов, то в северо-восточном – на Берестечко, так как командование фронта ежедневно меняло боевые задачи. В результате организованно атаковать противника так и не удалось.

Из 22-го мехкорпуса в контрударе 24 июня приняла участие лишь часть сил моторизованной и танковой дивизий, которые вступили в бой с интервалами в несколько часов. Восточнее Владимира-Вольнского разгорелось встречное сражение. В ходе ожесточенных боев погибли командир корпуса генерал С.И. Кондрусев, все командиры полков 19-й дивизии, был тяжело ранен командир этой дивизии генерал К.А. Семенченко. Несмотря на ранение, он продолжал управлять боем. За проявленное мужество генерал Семенченко первым среди танкистов был удостоен звания Героя Советского Союза. На какое-то время противника удалось задержать, но вскоре он вновь устремился вперед, вынудив контратаковавших отойти за р. Стырь, в район Луцка.

Решающую роль в разгроме врага могли сыграть 4-й и 8-й механизированные корпуса. Сформированные еще в 1940 г., они имели в своем составе свыше 1,7 тыс. танков⁷⁷. Особенно сильным считался 4-й механизированный корпус: в его распоряжении только новых танков КВ и Т-34 было 414 машин. Однако усилиями командующего 6-й армией Н.И. Музыченко и начальника Генштаба Жукова, находившегося на фронте, 4-й мехкорпус был раздроблен на части. Его 8-я танковая дивизия должна была наносить удар по противнику, прорвавшемуся северо-западнее Львова, в районе Немирова, а 32-я – на юго-запад, где по данным, как потом выяснилось ложным, действовало до 300 танков противника.

Командир 8-го механизированного корпуса генерал Д.И. Рябишев вечером 22 июня, находясь юго-западнее Львова, получил задачу вывести свои соединения в район восточнее города и поступить в подчинение командующего 6-й армией. Но генерал Музыченко, не ознакомленный с предназначением корпуса, повернул его на запад. В свою очередь Кирпонос, который считал, что 8-й мехкорпус уже сосредоточился восточнее Львова, потребовал от его командира ускорить выдвижение на север, в район Броды, чтобы с утра 24 июня совместно с 15-м мехкорпусом атаковать и уничтожить танки противника, прорвавшиеся в Берестечко. Лишь после этого Музыченко поставил Рябишеву соответствующую задачу. На выдвижение корпусу потребовалось еще двое суток. Только к утру 26 июня он вышел к Бродам. Из 858 танков осталась едва ли половина⁷⁸, другая половина из-за всевозможных поломок отстала почти на 500-километровом маршруте.

В ночь на 25 июня генерал Жуков приказал повернуть 8-ю танковую дивизию 4-го мехкорпуса на северо-восток. К тому времени она уже потеряла в боях 92 танка. Еще большие потери были связаны с техническими неисправностями. К концу дня 27 июня из 385 танков в исходный район прибыло 65 машин, сведенных в один танковый полк⁷⁹.

Одновременно шло сосредоточение механизированных корпусов для нанесения контрудара с севера. Наиболее сильная в 22-м корпусе 41-я танковая дивизия вместо того, чтобы наступать на юг совместно с остальными дивизиями, 25 июня была повернута на север, где, по данным авиаразведки, ожидался удар крупной группировки противника из района Бреста на Ковель. Только через два дня удалось установить, что никакой группировки там нет. 41-я дивизия была по частям придана стрелковым дивизиям и во фронтовом контрударе участия не принимала. 9-му и 19-му мехкорпусам, которые выдвигались с востока, предстояло преодолеть 200–250 км. Оба они насчитывали всего 564 машины, да и то старых типов⁸⁰.

А в это время стрелковые соединения вели упорные бои, стремясь задержать противника. 24 июня в полосе 5-й армии врагу удалось окружить две стрелковые

дивизии. В обороне образовалась 70-километровая брешь, используя которую, немецкие танковые дивизии устремились на Луцк и Берестечко. Окруженные советские войска оборонялись упорно. В особо трудных условиях оказалась 87-я дивизия, которой командовал герой советско-финляндской войны генерал Ф.Ф. Алябушев. В ходе ожесточенного боя 25 июня при прорыве из кольца генерал Алябушев погиб. Его заменил начальник штаба полковник М.И. Бланк. Шесть дней части пробивались к своим. От двух попавших в окружение стрелковых полков дивизии осталось всего около 200 человек⁸¹. Обессиленные в непрерывных боях, они сохранили свои боевые знамена.

Мужественно сражались в окружении и воины 124-й стрелковой дивизии во главе с генералом Ф.Г. Сущим. Остатки дивизии проделали 600-километровый путь по вражеским тылам и лишь в июле пробившись к своим. Исключительную выдержку проявил командир 406-го стрелкового полка полковник Т.Я. Новиков: после гибели командира дивизии он заменил его и вывел полки из кольца.

Стойко оборонялись воины 6-й армии и на рава-русском направлении. Фельдмаршал Рундштедт предполагал, что после захвата Равы-Русской в сражение будет введен 14-й моторизованный корпус. По его расчетам, это должно было произойти к утру 23 июня. Но все планы Рундштедта сорвала 41-я дивизия, которой уже два года командовал генерал Микушев. Несмотря на яростный огонь немецкой артиллерии, массированные удары бомбардировщиков, полки дивизии совместно с батальонами Рава-Русского укрепрайона и 91-го погранотряда пять дней сдерживали продвижение 4-го армейского корпуса 17-й армии. Дивизия оставила свои позиции только по приказу командующего армией. В ночь на 27 июня она отошла на рубеж восточнее Равы-Русской.

Ожесточенные сражения разгорелись в районе Перемышля, где оборонялись: 99-я стрелковая дивизия полковника Н.И. Дементьева из 26-й армии, пограничники 14-й заставы лейтенанта А.Н. Патарыкина, сводный батальон под командованием старшего лейтенанта Г.С. Поливоды, отряд из 187 местных жителей во главе с секретарем горкома ВКП(б) П.В. Орленко⁸². Город трижды переходил из рук в руки.

На левом крыле Юго-Западного фронта оборонялась 12-я армия генерала Понеделина. После передачи в состав вновь создаваемого Южного фронта 17-го стрелкового и 16-го механизированного корпусов в ней оставался единственный стрелковый корпус – 13-й. Он прикрывал 300-километровый участок границы с Венгрией. Пока здесь царил тишина.

Напряженные бои развернулись не только на земле, но и в воздухе. Правда, надежно прикрыть аэродромы истребительная авиация фронта не смогла. Только за первые три дня войны противник уничтожил на земле 234 самолета, в то время как в воздушных боях и от зенитной артиллерии ВВС фронта потеряли 102 самолета⁸³. Неэффективно использовалась и бомбардировочная авиация. При наличии 587 бомбардировщиков фронтовая авиация за это время совершила лишь 463 самолето-вылета⁸⁴. Причина – неустойчивая связь, отсутствие должного взаимодействия общевойсковых и авиационных штабов, удаленность аэродромов.

Вечером 25 июня 6-я армия фельдмаршала В. Рейхенау на 70-километровом участке от Луцка до Берестечко с ходу форсировала р. Стырь, а 11-я танковая дивизия, почти на 40 км оторвавшись от главных сил, овладела Дубно.

С востока подходили 31, 36 и 37-й стрелковые корпуса, составлявшие резерв фронта. Они начали выдвижение к границе еще за четыре дня до войны. Боеспособность соединений была невысокой, дивизии выдвигались только с носимым запасом боеприпасов, не имея даже автотранспорта для их подвоза. Соединениям пришлось с ходу, под огнем противника занимать оборону по рекам Стырь и Иква.

С 26 июня в бой вступили 8-й мехкорпус с юга, 9-й и 19-й – с северо-востока. Корпус генерала Рябышева продвинулся от Броды до Берестечко на 10–12 км.

Однако его успех не смогли поддержать другие соединения. Еще утром командир 15-го механизированного корпуса генерал И.И. Карпезо, части которого расположились левее 8-го мехкорпуса, докладывал командующему фронтом: "Начало наступления задерживается до сосредоточения 8-й танковой дивизии (4-го мехкорпуса. – *Ред.*). Меры по ее розыску принимал вчера и сегодня"⁸⁵. Приказ на наступление командир корпуса отдал лишь в 13 часов 40 минут, когда немецкие бомбардировщики нанесли массированный удар. Корпус понес существенные потери. Ко всем прочим бедам он лишился своего командира: сильно контуженный, генерал Карпезо находился в таком глубоком шоке, что танкисты посчитали его убитым и поспешили предать земле. К счастью, отсутствовавший на похоронах его заместитель полковник В.С. Ермолаев попросил солдат разрыть могилу, чтобы проститься с любимым командиром. Только это и спасло ему жизнь.

Из-за потери управления не удалось ввести в бой подошедшую из района Немирова 8-ю танковую дивизию, которая к тому же в ходе марша оставила в болотах все свои исправные танки КВ. Основной причиной несогласованных действий механизированных корпусов явилось отсутствие единого руководства этой мощной танковой группировкой со стороны фронтового командования.

Более удачными, несмотря на меньшие силы, оказались действия 9-го и 19-го механизированных корпусов. Они были включены в состав 5-й армии. Здесь же находилась и оперативная группа во главе с первым заместителем командующего фронтом генералом Ф.С. Ивановым, координировавшая действия соединений.

Во второй половине дня 26 июня корпуса, наконец, атаковали противника. Причем танковые дивизии 19-го мехкорпуса действовали сводными отрядами (полками) из-за того, что основная масса танков осталась на дорогах. Так, в его 43-й дивизии в бою участвовало только 76 машин⁸⁶. Преодолевая сопротивление противника, корпус, которым командовал генерал Н.В. Фекленко, вместе со стрелковой дивизией к исходу дня вышел к Дубно. Действовавший правее 9-й механизированный корпус генерала К.К. Рокоссовского развернулся вдоль дороги Ровно–Луцк и вступил в схватку с 14-й танковой дивизией врага. Он остановил ее, но далее не смог продвинуться ни на шаг.

Под Берестечко, Луцком и Дубно развернулось встречное танковое сражение – крупнейшее с начала второй мировой войны по числу участвовавших в нем сил. С обеих сторон на участке шириной до 70 км столкнулось около 2 тыс. танков. В небе вели ожесточенную борьбу сотни самолетов.

Контрудар Юго-Западного фронта только задержал на какое-то время продвижение Клейста. В целом сам Кирпонос считал, что приграничное сражение проиграно. Глубокое вклинение немецких танков в районе Дубно создавало опасность удара в тыл армиям, которые продолжали сражаться во львовском выступе. Военный совет фронта решил отвести войска на новый оборонительный рубеж, о чем доложил в Ставку, и, не дожидаясь согласия Москвы, отдал армиям соответствующие распоряжения. Однако Ставка не утвердила решение Кирпоноса и потребовала возобновить контрудары. Командующему пришлось отменить только что отданные собственные распоряжения, которые уже начали выполняться войсками.

8-й и 15-й мехкорпуса едва успели выйти из боя, а тут новый приказ: отход прекратить и нанести удар в северо-восточном направлении, в тыл дивизиям 1-й танковой группы противника. Времени на организацию удара, связанную прежде всего с поворотом в обратном направлении, у начавших отход соединений не было. 27 июня в 10 час. в штаб Рябышева прибыл член Военного совета фронта Вашугин. Угрожая комкору расстрелом, он потребовал немедленно предпринять атаку. Позднее Рябышев вспоминал: "Моих объяснений причин задержки выслушивать не стал. Несмотря на это, я все же высказал ему свое мнение и заявил, что считаю преступлением перед Родиной бросать войска корпуса по частям на явное

уничтожение противником. Тем не менее корпусной комиссар потребовал немедленного выполнения приказа по выходу корпуса в район Дубно⁸⁷.

27 июня Кирпонос получил от своего заместителя генерала Иванова донесение: "Моральное состояние пехоты 27-го и 36-го стрелковых корпусов очень низкое. Патронов и снарядов крайне ограничено. Много случаев оставления артиллерии и боевых машин на дорогах и на поле боя. Мною созданы заградительные отряды, но их стремятся обойти полями. Проверая организованную мною из задержанных разрозненных частей оборону в Ровно, последнюю не обнаружил. Разошлась. Задержать возможное продвижение на Ровно и Острог нечем"⁸⁸. А вечером генерал Фекленко сообщал: "Нет ясности в вопросах обеспечения горючим, боеприпасами, совершенно отсутствует кухня. Личный состав питается сухим пайком, матчасть заправляется несвоевременно, отсутствуют запасные части". Из-за того, что тылы не успели отмотелизоваться, раненых перевязывали нередко портянками, их не на чем было эвакуировать в тыл.

Несмотря на все эти трудности, сражение разгоралось с новой силой. Войска в упорных боях в районе Дубно, под Луцком и Ровно до 30 июня сковывали 6-ю армию и танковую группу противника. Немецкие войска вынуждены были маневрировать в поисках слабых мест. 11-я танковая дивизия, прикрывшись частью сил от удара 19-го мехкорпуса, повернула на юго-восток и овладела Острогом. Но ее все-таки остановила группа войск, созданная по инициативе командующего 16-й армией генерала М.Ф. Лукина. В основном это были части армии, не успевшие погрузиться в эшелоны для отправки под Смоленск, а также 213-я моторизованная дивизия полковника В.М. Осьминского из 19-го мехкорпуса, пехота которой, не имея транспорта, отстала от танков.

Генерал Рябышев даже под сильным напором Вашугина не в состоянии был сразу повернуть все соединения на новое направление. Поэтому он создал сводный отряд и по указанию все того же Вашугина поставил во главе его не командира дивизии, а своего заместителя бригадного комиссара Н.К. Попеля. Удар отряда пришелся по пехотным частям 16-й танковой дивизии врага. Для усиления натиска соединений группы Клейста Рундштедту пришлось направить в район Броды две пехотные дивизии. Они-то во взаимодействии с 16-й танковой и 16-й моторизованной дивизиями и завершили окружение 8-го мехкорпуса, расчленив его на две части.

Воины 8-го мехкорпуса всеми силами пытались вырваться из кольца окружения сначала через Дубно, а затем в северном направлении. Отсутствие связи со штабом корпуса не позволяло Попелю согласовывать собственные действия с соседними соединениями. А вместе с тем было бы вполне возможно вырваться из мешка, если бы он двинулся на юго-восток, на Икву, где сражались дивизии 36-го стрелкового корпуса. Мехкорпус понес тяжелые потери: многие воины погибли, в том числе и командир 12-й танковой дивизии генерал Т.А. Мишанин. Чувствуя свою долю вины за случившееся, член Военного совета фронта Вашугин покончил жизнь самоубийством.

Основные усилия авиации Юго-Западного фронта с 25 июня были сосредоточены на поддержке механизированных корпусов. Летчики сражались, не жалея ни сил, ни жизни. 27 июня дальний бомбардировщик 21-го авиационного полка был подбит на боевом курсе. Командир экипажа лейтенант Д.З. Тарасов принял решение направить горящий самолет на колонну немецких танков, приказав экипажу покинуть машину. Пылающий самолет врезался в танковую колонну. Вместе с командиром погибли штурман лейтенант Б.Д. Еремин и радист ефрейтор Б.Г. Капустин. За этот подвиг командир и штурман были посмертно удостоены звания Героя Советского Союза, а радист – ордена Красного Знамени. Посмертно был награжден орденом Красного Знамени и стрелок младший сержант С.И. Ковальский. Как потом выяснилось, он в последний момент выбросился на

парашюте и раненым попал в плен. О своем награждении Ковальский узнал лишь через 25 лет⁸⁹.

Командование Юго-Западного фронта, опасаясь окружения армий, оборонявшихся в львовском выступе, решило в ночь на 27 июня начать планомерный отход. К исходу 30 июня советские войска, оставив Львов, заняли новый рубеж обороны, что в 30–40 км восточнее города. В тот же день в наступление перешли авангардные батальоны подвижного корпуса Венгрии, которая 27 июня объявила войну СССР.

30 июня Кирпонос получил задачу: к 9 июля, используя укрепленные районы на государственной границе 1939 г., "организовать упорную оборону полевыми войсками с выделением в первую очередь артиллерийских противотанковых средств"⁹⁰.

Коростенский, Новоград-Волынский и Летичевский укрепленные районы, еще в 30-е годы построенные в 50–100 км восточнее старой государственной границы, с началом войны были приведены в боевую готовность и, усиленные стрелковыми дивизиями, могли стать серьезным препятствием на пути противника. Правда, в системе укрепленных районов имелись разрывы, достигавшие 30–40 км.

Войскам фронта за восемь суток надо было отойти на 200 км в глубь территории. Особые трудности выпадали на долю 26-й и 12-й армий, которым предстоял самый длинный путь, причем при постоянной угрозе удара противника в тыл, с севера, соединениями 17-й армии и 1-й танковой группы. Конечно, главная опасность исходила от танковой группы Клейста. На киевском направлении рвался к Днепру 3-й моторизованный корпус генерала Э. Макензена, он-то и мог упредить советские войска в выходе к укрепленным районам. Южнее его, к Шепетовке, в стык между Новоград-Волынским и Летичевским укрепленным районом прорывался 48-й моторизованный корпус генерала В. Кемпфа.

Чтобы помешать продвижению группы Клейста и выиграть время для отвода своих войск, 5-я армия нанесла по ее флангу контрудар с севера силами двух корпусов, которые в предыдущих боях истощили свои силы до предела: в дивизиях 27-го стрелкового корпуса насчитывалось около 1,5 тыс. человек, а 22-й мехкорпус имел всего 153 танка⁹¹. Не хватало боеприпасов. Контрудар готовился наспех, атака осуществлялась на стокилометровом фронте и одновременно. Однако то обстоятельство, что удар пришелся в тыл танковой группе, давало существенное преимущество. Корпус Макензена был задержан на двое суток, что облегчило войскам Кирпоноса выход из боя.

Они двигались на восток, обгоняя толпы беженцев. В небе то и дело появлялись немецкие самолеты. Нередко возникала паника, особенно при появлении вражеских танков, и собрать подразделения не всегда удавалось. Как отмечалось в политдонесении Юго-Западного фронта, "все внимание начсостава, политорганов и партполитаппарата частей направлено на ликвидацию паники, повышение бдительности, наведение строгого порядка и организованности на дорогах. В отношении трусов и паникеров усиливались меры репрессий. Созданы заградительные отряды"⁹².

Особое беспокойство командиров вызывали военнослужащие, мобилизованные из недавно присоединенных к СССР районов Западной Украины, которые в большинстве не имели никакой военной подготовки. Командование 5-й армии даже пришло к выводу, что "для более успешных действий необходимо освободить части от приписного состава западных областей, так как последние показали неустойчивость в бою"⁹³.

Войска отходили с большими потерями. Значительную часть техники пришлось уничтожить, так как даже мелкую неисправность нельзя было устранить из-за отсутствия ремонтных средств. В одном только 22-м мехкорпусе подорвали 58 неисправных танков.

6 и 7 июля танковые дивизии противника достигли Новоград-Волынского

укрепленного района, оборону которого должны были усилить отходившие соединения 6-й армии. Вместо нее сюда смогли выйти некоторые части 5-й армии. Здесь же перешла к обороне выбравшаяся из окружения группа полковника Бланка, созданная из остатков двух дивизий – всего 2,5 тыс. человек. Два дня подразделения укрепрайона и эта группа сдерживали натиск врага. 7 июля танковые дивизии Клейста овладели Бердичевом, а через день – Новоград-Волынским. Вслед за танковой группой 10 июля с севера и юга обошли укрепленный район пехотные дивизии 6-й армии Рейхенау. Остановить противника и на старой государственной границе не удалось.

Особую тревогу вызвал прорыв на бердичевском направлении, ибо он создал угрозу тылу основных сил Юго-Западного фронта. Кирпонос выехал в штаб 6-й армии помочь Музыченко организовать оборону. Была создана бердичевская группа, куда вошли соединения 16-го мехкорпуса. Еще до захвата Бердичева корпус выдвигался в район Мозыря, но по инициативе его командира комдива А.Д. Соколова головные части корпуса вступили в бой с противником в Бердичеве. К группе Соколова присоединился сводный отряд 15-го мехкорпуса под управлением командира 10-й танковой дивизии генерала С.Я. Огурцова. До 15 июля они сдерживали натиск врага.

Севернее 13-я танковая дивизия противника 9 июля овладела Житомиром. Хотя 5-я армия и продолжала наносить контрудары с севера по противнику, даже перерезала в его тылу шоссе, ведущее с запада к Житомиру, задержать стремительный бросок вражеских танков не удалось. Подошедшие пехотные дивизии отразили удары войск Потапова. За двое суток немецкие танковые соединения продвинулись на 110 км и 11 июля приблизились к Киевскому укрепленному району. Только здесь, на оборонительном рубеже, созданном войсками гарнизона и населением столицы Украины, враг наконец-то был остановлен.

В отражении удара противника большую роль сыграло народное ополчение. Уже 8 июля в Киеве было сформировано 19 отрядов общей численностью около 30 тыс., а в целом по Киевской области в ряды ополчения вступили свыше 90 тыс. человек. 85-тысячный корпус добровольцев был создан в Харькове, корпус из пяти дивизий общим числом 50 тыс. ополченцев – в Днепропетровске⁹⁴. Украина поднималась на защиту Отчизны.

Не так драматично, как на Украине, началась война в Молдавии, где границу с Румынией вдоль Прута и Дуная прикрывала 9-я армия. Противостояли ей 11 немецкая 3 и 4-я румынские армии, которые имели задачу сковать советские войска и при благоприятных условиях перейти в наступление. Пока же румынские соединения стремились захватить плацдармы на восточном берегу Прута. В первые два дня здесь разгорелись ожесточенные бои. Не без труда плацдармы, кроме одного в районе Скулян, советскими войсками были ликвидированы.

Военные действия разгорелись и на Черном море. В 3 часа 15 минут 22 июня вражеская авиация произвела налеты на Севастополь и Измаил, а артиллерия обстреляла населенные пункты и корабли на Дунае. Уже в ночь на 23 июня авиация флота предприняла ответные меры, произведя налет на военные объекты Констанцы. Советские самолеты сбросили бомбы на нефтебаки в районе порта, вызвав взрывы и пожары. В течение дня было совершено четыре налета на Констанцу и два на Сулину. В следующие дни бомбовые удары по объектам Констанцы продолжались. А 26 июня удар по этому порту нанесла специально созданная ударная группа Черноморского флота в составе лидеров "Харьков" и "Москва". Их поддерживали крейсер "Ворошилов" и эскадренные миноносцы "Сообразительный" и "Смышленный". Корабли выпустили 350 снарядов 130-мм калибра. Однако ответным огнем 280-мм немецкая батарея накрыла лидер "Москва", который при отходе подрывался на mine и затонул. В это время самолеты противника повредили лидер "Харьков".

25 июня из соединений, действовавших на границе с Румынией, был создан Южный фронт. Кроме 9-й армии в него вошла 18-я армия, сформированная за счет войск, переданных из Юго-Западного фронта. Управление нового фронта создавалось на базе штаба Московского военного округа во главе с его командующим генералом И.В. Тюленевым и начальником штаба генералом Г.Д. Шишениным. Членом Военного совета был назначен армейский комиссар 1-го ранга А.И. Запорожец, бывший до начала войны начальником главного управления политической пропаганды Красной Армии. Командующий и его штаб на новом месте столкнулись с огромными трудностями, связанными в первую очередь с тем, что они были абсолютно не знакомы с театром военных действий. В своей первой директиве Тюленев поставил войскам фронта задачу: "Оборонять госграницу с Румынией. В случае перехода и перелета противника на нашу территорию уничтожать его активными действиями наземных войск и авиацией и быть готовым к решительным наступательным действиям"⁹⁵.

Учитывая успех наступления на Украине и то обстоятельство, что советские войска в Молдавии удерживали свои позиции, фельдмаршал Рундштедт решил ударами 11-й, 17-й немецких армий и румынских соединений в общем направлении на Винницу окружить и уничтожить главные силы Южного и Юго-Западного фронтов.

Наступление немецко-румынских войск против Южного фронта началось 2 июля. Утром ударные группировки атаковали соединения 9-й армии на двух узких участках. Главный удар из района Яссы наносили четыре пехотные дивизии в стык двух стрелковых дивизий. Другой удар силами двух пехотных дивизий и кавалерийской бригады пришелся по одному стрелковому полку. Добившись решающего превосходства, противник уже в первый день прорвал слабо подготовленную оборону на р. Прут на глубину 8–10 км.

Генерал Тюленев решил перебросить часть своих резервов на правое крыло фронта, по которому наносился главный удар противника. Пока советские войска сосредоточивались, противник передвинулся еще на 30 км. Командующий 9-й армией генерал Черевиченко контрударами механизированного корпуса и стрелковой дивизии пытался уничтожить врага, наступавшего на Яссы, Бельцы, но безуспешно.

Основываясь на ошибочных данных разведки, Тюленев сделал вывод: против фронта действует до 53 дивизий, в том числе 13 танковых и моторизованных. В действительности дивизий было в два раза меньше, а танковые и моторизованные соединения и вовсе отсутствовали. Оценив обстановку, командующий решил отвести войска за Днестр, доказывая Ставке, что против столь сильного противника фронт может вести боевые действия только "методом подвижной обороны, опираясь на УР на Днестре"⁹⁶.

Не дожидаясь, пока Ставка утвердит его решение, Тюленев приказал войскам начать отход. Однако Главное Командование признало такое решение не отвечающим обстановке и отменило его. 7 июля Тюленев получил приказ контрударом отбросить противника за Прут, чтобы территорию Бессарабии использовать как плацдарм для будущего наступления, к Днестру отвести разрешалось только примыкавшую к Юго-Западному фронту 18-ю армию.

При организации контрудара возникло немало сложностей. Так, соединения 9-й армии утром 7 июля начали отходить за Днестр, а чтобы вернуть их, потребовались целые сутки. И только с утра 8 июля три корпуса армии Черевиченко атаковали противника. Вплоть до 10 июля продолжались упорные атаки советских войск. В результате наступление 11-й немецкой и 4-й румынской армий, действовавших на кишиневском направлении, было задержано.

Командующий 11-й армией генерал Э. Шоберт, ссылаясь на отсутствие горючего и необходимость восполнения потерь, просил у фельдмаршала Рундштедта

передышки в наступлении. Тот согласился, но приказал повернуть 54-й армейский корпус для помощи румынам в овладении Кишиневом. 10 июля Гальдер докладывал Кейтелю: шансы 11-й армии на успех незначительны, и продолжать наступление она сможет не ранее 16 июля⁹⁷.

Положение на Южном фронте временно удалось стабилизировать. Задержка противника позволила 18-й армии отойти и занять Могилев-Подольский укрепленный район, а 9-я армия сумела закрепиться западнее Днестра. Оставшиеся в нижнем течении Прута и Дуная ее левофланговые соединения 6 июля были объединены в Приморскую группу войск под управлением генерала Н.Е. Чибисова. Совместно с Дунайской военной флотилией они отразили все попытки румынских войск перейти границу СССР.

Большую помощь войскам Южного фронта оказали и Черноморский флот, и Дунайская военная флотилия, по силам и средствам превосходившие флот Румынии.

Оборонительная операция в Западной Украине (впоследствии она получила название Львовско-Черновицкой стратегической оборонительной операции) завершилась поражением советских войск. Глубина их отхода составила от 60–80 до 300–350 км. Были оставлены Северная Буковина и Западная Украина, враг вышел к Киеву. Хотя оборона на Украине и в Молдавии, в отличие от Прибалтики и Белоруссии, еще сохраняла некоторую устойчивость, фронты Юго-Западного стратегического направления не сумели использовать своего численного превосходства для отражения ударов агрессора и в итоге потерпели поражение. К 6 июля людские потери Юго-Западного фронта и 18-й армии Южного фронта составили 241 594 человека, в том числе безвозвратные – 172 323 человека. Они лишились 4381 танка, 1218 боевых самолетов, 5806 орудий и минометов⁹⁸. Соотношение сил изменилось в пользу врага. Владея инициативой и сохранив наступательные возможности, группа армий "Юг" готовила удар из района западнее Киева на юг в тыл Юго-Западному и Южному фронтам.

* * *

Начальный период Великой Отечественной войны, продолжавшийся с 22 июня до середины июля, закончился поражением советских вооруженных сил. Противник добился крупных оперативно-стратегических результатов. Его войска продвинулись в глубь советской территории на 300–600 км. Под натиском врага Красная Армия вынуждена была почти повсеместно отступать. Латвия, Литва, почти вся Белоруссия, значительная часть Эстонии, Украины и Молдавии оказались под оккупацией. В фашистскую неволю попали около 23 млн советских людей⁹⁹. Страна лишилась многих промышленных предприятий и посевных площадей с созревающим урожаем. Создалась угроза Ленинграду, Смоленску, Киеву. Лишь в Заполярье, Карелии и Молдавии продвижение противника было незначительным.

За первые три недели войны из 170 советских дивизий, принявших на себя первый удар германской военной машины, 28 оказались полностью разгромлены, а 70 – лишились более чем половины личного состава и военной техники. Только три фронта – Северо-Западный, Западный и Юго-Западный – безвозвратно потеряли около 600 тыс. человек, или почти треть своего численного состава. Красная Армия лишилась около 4 тыс. боевых самолетов, свыше 11,7 тыс. танков, около 18,8 тыс. орудий и минометов¹⁰⁰. Даже на море, несмотря на ограниченный характер боевых действий, советский флот потерял лидер, 3 эсминца, 11 подводных лодок, 5 тральщиков, 5 торпедных катеров и ряд других боевых судов и транспортов¹⁰¹. На оккупированной территории осталось более половины запасов приграничных военных округов. Понесенные потери тяжело отразились на боеспособности войск, остро нуждавшихся во всем: в боеприпасах, горючем, вооружении, транспорте. На их восполнение советской промышленности потребовалось более года.

Еще в начале июля германский генеральный штаб сделал вывод, что кампания в России уже выиграна, хотя еще и не завершена. Гитлеру казалось, что Красная Армия уже не в состоянии создать сплошного фронта обороны даже на важнейших направлениях. На совещании 8 июля он лишь уточнил войскам дальнейшие задачи.

Несмотря на потери, войска Красной Армии, сражавшиеся от Баренцева моря до Черного, к середине июля располагали 212 дивизиями и 3 стрелковыми бригадами. И хотя полнокровными из них являлись лишь 90 соединений, а остальные имели всего половину, а то и менее штатного состава, считать Красную Армию разгромленной было явно преждевременно. Сохранили способность к сопротивлению Северный, Юго-Западный и Южный фронты, спешно восстанавливали боеспособность войска Западного и Северо-Западного фронтов.

В начале кампании вермахт также понес потери, которых он не знал за предыдущие годы второй мировой войны. По данным Гальдера на 13 июля, только в сухопутных войсках было убито, ранено и пропало без вести свыше 92 тыс. человек, а урон в танках составил в среднем 50%¹⁰². Примерно такие же данные приводят уже в послевоенных исследованиях западногерманские историки. Они считают, что с начала войны до 10 июля 1941 г. вермахт потерял на восточном фронте 77 313 человек¹⁰³. Люфтваффе лишилось 950 самолетов, на Балтийском море германский флот потерял четыре минных заградителя, два торпедных катера и один охотник. Однако потери личного состава не превышали численности имевшихся в каждой дивизии полевых запасных батальонов, за счет которых они и были восполнены, поэтому боеспособность соединений в основном сохранилась. К середине июля наступательные возможности агрессора оставались большими: 183 боеспособные дивизии и 21 бригада¹⁰⁴.

В чем же причины столь драматического развития событий в начале войны? Читателю, знакомому с первыми очерками нашей книги, нетрудно прийти к выводу о том, что они были заложены в довоенном развитии советского общества, в установленном режиме, в его ошибках и извращениях во внешней и внутренней политике, в строительстве вооруженных сил, в определении намерений нацистского руководства Германии и, в немалой степени, в сроках его нападения на СССР, что позволило агрессору застать страну и армию врасплох. Не встретив умело организованного сопротивления, противник в короткие сроки сумел достичь серьезного успеха. Только огромные размеры территории страны, ее людские и материальные ресурсы, патриотизм народа позволили избежать полного краха.

Одна из причин трагического исхода начального периода войны – это грубейший просчет политического и военного руководства Советского Союза в отношении сроков агрессии, которая оказалась для Красной Армии внезапной. В результате войска первого оперативного эшелона попали в исключительно тяжелое положение. Противник громил советские войска по частям: сначала расположенные вдоль границы и не приведенные в боевую готовность соединения первого эшелона армий прикрытия, затем встречными ударами – их вторые эшелоны, а после, развивая наступление, он упреждал советские войска в занятии выгодных рубежей в глубине, с ходу овладевая ими. В итоге советские войска оказывались расчлененными и попадали в окружение.

Попытки советского командования нанести ответные удары с переносом военных действий на территорию агрессора, предпринятые им на второй день войны, уже не соответствовали возможностям войск и по сути явились одной из причин неудачного исхода приграничных сражений. Запоздалым оказалось и решение о переходе к стратегической обороне, принятое лишь на восьмой день войны. К тому же этот переход происходил слишком нерешительно и разновременно. Он потребовал переноса основных усилий с юго-западного направления на западное, где противник наносил свой главный удар. В результате значительная часть советских войск не столько сражалась, сколько перемещалась с одного

направления на другое. Это давало противнику возможность громить соединения и даже объединять по частям, по мере их подхода к району сосредоточения.

Морально-боевые качества Красной Армии не соответствовали довоенным представлениям. Не прошли бесследно ни массовые репрессии, ни изъятия в идейно-воспитательной работе. Танко- и самолетобоязнь, страх у многих воинов попасть в окружение резко снижали устойчивость обороны. Особенно разлагающе действовало на личный состав неуверенное управление войсками, а непрерывное отступление вообще деморализовывало их. Давая оценку причин панического бегства с поля боя командиров, политическое управление Западного фронта в своем донесении от 12 июля 1941 г. делало вывод о том, что "в период мирной учебы они плохо изучали начальствующий состав. Поэтому на руководящие должности назначались шкурники и карьеристы, которые во имя сохранения своей шкуры предали интересы Родины"¹⁰⁵.

Война выявила существенные недостатки в управлении войсками. Основная причина – в слабой профессиональной подготовке командных кадров Красной Армии. Среди причин, обусловивших недостатки в управлении войсками, была чрезмерная привязанность к проводным средствам связи. После первых же ударов авиации противника и действий его диверсионных групп постоянные линии проводной связи оказались выведенными из строя, а крайне ограниченное количество радиостанций, отсутствие необходимых навыков в их использовании не позволили наладить устойчивую связь. Командиры боялись радиопеленгации противником, а потому избегали пользоваться радио, предпочитая проводные и другие средства. Да и у органов стратегического руководства отсутствовали заранее подготовленные пункты управления. Ставке, Генеральному штабу, командующим родами войск и видами вооруженных сил пришлось руководить войсками из абсолютно не приспособленных для этого кабинетов мирного времени.

Вынужденный отход советских войск чрезвычайно усложнил и в значительной мере нарушил мобилизацию в западных приграничных округах. Штабы и тылы дивизий, армий, фронтов вынуждены были вести боевые действия в составе мирного времени.

Начальный период Великой Отечественной войны завершился поражением советских вооруженных сил. Военно-политическое руководство Германии не скрывало своего ликования по поводу ожидаемой близкой победы. Еще 4 июля Гитлер, опьяненный первыми успехами на фронте, заявил: "Я все время стараюсь поставить себя в положение противника. Практически он войну уже проиграл. Хорошо, что мы разгромили танковые и военно-воздушные силы русских в самом начале. Русские не смогут их больше восстановить"¹⁰⁶. А вот что записал в своем дневнике начальник генерального штаба сухопутных войск вермахта генерал Ф. Гальдер: "...не будет преувеличением сказать, что кампания против России выиграна в течение 14 дней"¹⁰⁷. Однако они жестоко просчитались.

¹ См.: *Анфилов В.А.* Бессмертный подвиг. М., 1971. С. 184.

² Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации. Ф. 48а. Оп. 1554. Д. 90. Л. 257. (Далее: ЦАМО).

³ Советские Военно-Воздушные Силы в годы Великой Отечественной войны, 1941–1945. М., 1968. С. 30.

⁴ ЦАМО. Ф. 132а. Оп. 2642. Д. 41. Л. 1–2.

⁵ *Телегин К.Ф.* Не отдали Москвы. 2-е изд. М., 1975. С. 13–14.

⁶ Цит по: *Бабилов М.А.* Летом сорок первого. М., 1980. С. 22.

⁷ Величие подвига советского народа: Зарубежные отклики и высказывания 1941–1945 годов о Великой Отечественной войне. М., 1985. С. 63.

⁸ *Churchill W.* Speeches. London, 1942. Vol. 2. P. 180.

⁹ См.: История дипломатии. 2-е изд. М., 1975. Т. 4. С. 188.

¹⁰ *Levering R.* American Opinion and the Russian Alliance, 1939–1945. Chapel Hill, 1976. P. 45.

¹¹ *Ibid.* P. 54.

- 12 *Carell P.* Unternehmen Barbarossa: Der Marsch nach Russland. Frankfurt a/M, 1985. S. 13–14.
- 13 Цит. по: *Steinert M.* Hitlers Krieg und die Deutschen. Düsseldorf, 1970. S. 206.
- 14 *Goebbels J.* Die Tagebücher: Samtliche Fragmente. München, 1987. Teil 1. Bd. 4. S. 712.
- 15 Bundesarchiv Koblenz. ZSg 109/23/ Fol. 26, 32.
- 16 *Жуков Г.К.* Воспоминания и размышления. М., 1990. Т. 2. С. 11–12.
- 17 Российский центр хранения и изучения документов новейшей истории. Ф. 13. Оп. 59. Д. 401. Л. 1.
- 18 ЦАМО. Ф. 148а. Оп. 3763. Д. 110./ Л. 1.
- 19 Сост. по: Институт военной истории Министерства обороны Российской Федерации: Документы и материалы. Ф. 239. Оп. 280. Д. 432. Л. 2–3. (Далее: ИВИ); 1941 год – уроки и выводы. М., 1992. С. 95; *Мюллер-Гиллебранд Б.* Сухопутная армия Германии, 1933–1945. М., 1976. Т. 3. С. 269; ЦАМО. Ф. 208. Оп. 25 899. Д. 93. Л. 5 (численность фронта с Пинской военной флотилией).
- 20 ЦАМО. Ф. 35. Оп. 11285. Д. 205. Л. 4; Ф. 208. Оп. 2511. Д. 206. Л. 22; Ф. 208. Оп. 3038. Д. 12. Л. 10.
- 21 *Сандалов Л.М.* Первые дни войны: Боевые действия 4-й армии 22 июня – 10 июля 1941 г. М., 1989. С. 89.
- 22 Цит. по: История Великой Отечественной войны Советского Союза, 1941–1945. М., 1963. Т. 2. С. 29.
- 23 ЦАМО. Ф. 38. Оп. 11 353. Д. 5. Л. 51–54.
- 24 Там же.
- 25 Там же. Ф. 208. Оп. 2511. Д. 206. Л. 34.
- 26 *Гудериан Г.* Воспоминания солдата / Пер. с нем. М., 1954. С. 149.
- 27 ЦАМО. Ф. 208. Оп. 2511. Д. 84. Л. 37.
- 28 Сборник боевых документов Великой Отечественной войны. М., 1958. вып. 35. С. 170–171.
- 29 ЦАМО. Ф. 48а. Оп. 1554. Д. 90. Л. 284.
- 30 *Гальдер Ф.* Военный дневник / Пер. с нем. М., 1971. Т. 3, кн. 1. С. 66.
- 31 См.: *Болдин И.В.* Страницы жизни. М., 1961. С. 108.
- 32 ИВИ. Ф. 191. Оп. 233. Д. 87. Л. 160.
- 33 *Streit Ch.* Keine Kameraden. Stuttgart, 1978. S. 131.
- 34 ЦАМО. Ф. 208. Оп. 2511. Д. 11. Л. 49.
- 35 *Гудериан Г.* Указ. соч. С. 147–148.
- 36 *Гальдер Ф.* Указ. соч. Т. 3, кн. 1. С. 43, 56.
- 37 *Анфилов В.А.* Указ. соч. С. 275.
- 38 ЦАМО. Ф. 203. Оп. 2513. Д. 72. Л. 340.
- 39 Известия ЦК КПСС. 1990. № 6. С. 215.
- 40 ЦАМО. Ф. 318. Оп. 4631. Д. 6. Л. 13.
- 41 ЦАМО. Ф. 48а. Оп. 1551. Д. 89. Л. 79.
- 42 50 лет Вооруженных Сил СССР. М., 1968. С. 275.
- 43 ЦАМО. Ф. 500. Оп. 13 462. Д. 569. Л. 151.
- 44 Там же. Ф. 15. Оп. 977 444. Д. 58. Л. 21. 35.
- 45 Гриф секретности снят: Потери Вооруженных Сил СССР в войнах, боевых действиях и военных конфликтах: Стат. исследование. М., 1993. С. 163, 368.
- 46 ЦАМО. Ф. 208. Оп. 2513. Д. 72. Л. 134, 152, 340.
- 47 Сост. по: ИВИ. Ф. 239. Оп. 280. Д. 432. Л. 2–3; 1941 год – уроки и выводы. С. 95; *Мюллер-Гиллебранд Б.* Сухопутная армия Германии, 1933–1945 / Пер. с нем. М., 1976. Т. 3. С. 270; Воен.-ист. журн. 1988. № 7. С. 45.
- 48 ЦАМО. Ф. 500. Оп. 12459. Д. 50. Л. 32.
- 49 *Гот Г.* Танковые операции / Пер. с нем. М., 1961. С. 64.
- 50 ЦАМО. Ф. 500. Оп. 12 462. Д. 118. Л. 2.
- 51 Там же. Оп. 12 478. Д. 231. Л. 5–7.
- 52 Там же. Оп. 12 459. Д. 50. Л. 34.
- 53 Там же. Ф. 481. Оп. 1554. Д. 90. Л. 260.
- 54 Там же. Ф. 208. Оп. 2513. Д. 72. Л. 40.
- 55 Там же. Ф. 221. Оп. 1394. Д. 23. Л. 125–128.
- 56 Воен.-ист. журн. 1974. № 7. С. 78.
- 57 ЦАМО. Ф. 12 мк. Оп. 266 019. Д. 14. Л. 5–7.
- 58 Там же. Ф. 344. Оп. 5554. Д. 85. Л. 23–26.
- 59 На Северо-Западном фронте, 1941–1943. М., 1969. С. 201.

- 60 ЦАМО. Ф. 35. Оп. 107559. Д. 6. Л. 8.
- 61 Там же. Ф. 201. Оп. 1351. Д. 200. Л. 7.
- 62 Гальдер Ф. Указ. соч. Т. 3, кн. 1. С. 37.
- 63 ЦАМО. Ф. 500. Оп. 12 462. Д. 594. Л. 13–14.
- 64 Carell P. Umternehmen Barbarossa. Frankfurt a/M; Berlin; Wien, 1963. S. 30–31.
- 65 ЦАМО. Ф. 334. Оп. 5554. Д. 71. Л. 113.
- 66 Там же. Ф. 500. Оп. 12 459. Д. 50. Л. 40.
- 67 Сборник боевых документов Великой Отечественной войны. М., 1958. вып. 34. С. 256.
- 68 Манштейн Э. Утерянные победы / Пер. с нем. М., 1957. С. 172.
- 69 ЦАМО. Ф. 3. Оп. 11 556. Д. 1. Л. 44.
- 70 Там же. Ф. 8. Оп. 930 688. Д. 41. Л. 160, 162.
- 71 Там же. Ф. 8. Оп. 11 627. Д. 954. Л. 62; Ф. 221. Оп. 1364. Д. 72. Л. 91; Д. 73. Л. 2, 138.
- 72 Там же. Ф. 32. Оп. 11 289. Д. 76. Л. 23–24.
- 73 Там же. Ф. 22. Оп. 1362. Д. 15. Л. 101.
- 74 Сборник боевых документов Великой Отечественной войны. Вып. 34. С. 141.
- 75 Составлена по: ИВИ. Ф. 239. Оп. 280. Д. 432. Л. 2–3; Ф. 244. Оп. 100. Д. 5. Л. 115; 1941 год – уроки и выводы. С. 95; Стратегический очерк Великой Отечественной войны, 1941–1945. М., 1961. С. 57, 157; Мюллер-Гиллебранд Б. Указ. соч. Т. 3. С. 269; Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg. Stuttgart, 1983. Bd. 4. S. 692–696.
- 76 ИВИ. Ф. 191. Оп. 285. Д. 90. Л. 5.
- 77 ЦАМО. Ф. 38. Оп. 11 360. Д. 2. Л. 3.
- 78 Там же. Ф. 229. Оп. 157. Л. 711. Л. 117.
- 79 Там же. Ф. 38. Оп. 11 360. Д. 2. Л. 26, 148–156.
- 80 Там же. Л. 3.
- 81 Там же. Ф. 125. Оп. 881 474. Д. 12. Л. 150.
- 82 Украинская ССР в Великой Отечественной войне Советского Союза. Киев, 1975. Т. 1. С. 58, 67.
- 83 ЦАМО. Ф. 229. Оп. 181. Д. 47. Л. 45.
- 84 Там же. Д. 25. Л. 6–7.
- 85 Там же. Ф. 229. Оп. 164. Д. 1. Л. 147.
- 86 Там же. Оп. 157. Д. 7. Л. 343.
- 87 ИВИ. Ф. 237. Оп. 273. Д. 142. Л. 185–186.
- 88 ЦАМО. Ф. 229. Оп. 164. Д. 6. Л. 11–12.
- 89 См.: Краснознаменный Киевский. 3-е изд. Киев, 1989. С. 174.
- 90 ЦАМО. Ф. 132 а. Оп. 2642. Д. 29. Л. 9–11.
- 91 Там же. Ф. 229. Оп. 164. Д. 15. Л. 3.
- 92 Там же. Ф. 32. Оп. 11 289. Д. 83. Л. 230.
- 93 Там же. Ф. 229. Оп. 9776. Д. 3. Л. 10.
- 94 Украинская ССР в Великой Отечественной войне Советского Союза. Т. 1. С. 93.
- 95 ЦАМО. Ф. 228. Оп. 2535. Д. 30. Л. 55.
- 96 Там же. Оп. 701. Д. 58. Л. 11–12.
- 97 Гальдер Ф. Указ. соч. Т. 3, кн. 1. С. 114–115.
- 98 Гриф секретности снят... С. 164, 368.
- 99 Гозулов А.И., Григорьянц М.Г. Народонаселение СССР: Статистическое изучение численности, состава и размещения. М., 1969. С. 57; История второй мировой войны, 1939–1945. М., 1974. Т. 3. С. 357, 371.
- 100 Гриф секретности снят... С. 164, 368.
- 101 Стратегический очерк Великой Отечественной войны, 1941–1945 гг. С. 191.
- 102 Гальдер Ф. Указ. соч. Т. 3, кн. 1. С. 130, 148.
- 103 Schustereit H. Vabanque. Hitlers Angriff auf die Sowjetunion 1941 als Versuch durch den Sieg im Osten den Westen zu bezwingen. Herford; Bonn, 1988. S. 70.
- 104 Сборник материалов по составу, группировке и перегруппировке сухопутных войск фашистской Германии и войск бывших ее сателлитов на советско-германском фронте. М., 1955. Вып. 1. С. 26–28.
- 105 ЦАМО. Ф. 327. Оп. 11 289. Д. 67. Л. 208.
- 106 Kriegstagebuch des Oberkommandos der Wehrmacht (Wehrmachtführungsstab), 1940–1945. Frankfurt a/M, 1965. Bd. 1. S. 1020.
- 107 Гальдер Ф. Указ. соч. Т. 3, кн. 1. С. 79.

ПЕРВЫЕ СБОИ "БАРБАРОССЫ"

Крупные поражения в начальном периоде войны не могли не отразиться на моральном состоянии советских воинов: командиры вынуждены были отмечать самолето- и танкобоязнь личного состава, "повышенную чувствительность" к охватам и окружениям, воздушным десантам противника. Порой у многих закрадывалось неверие в возможность одолеть столь идеально отлаженную германскую машину.

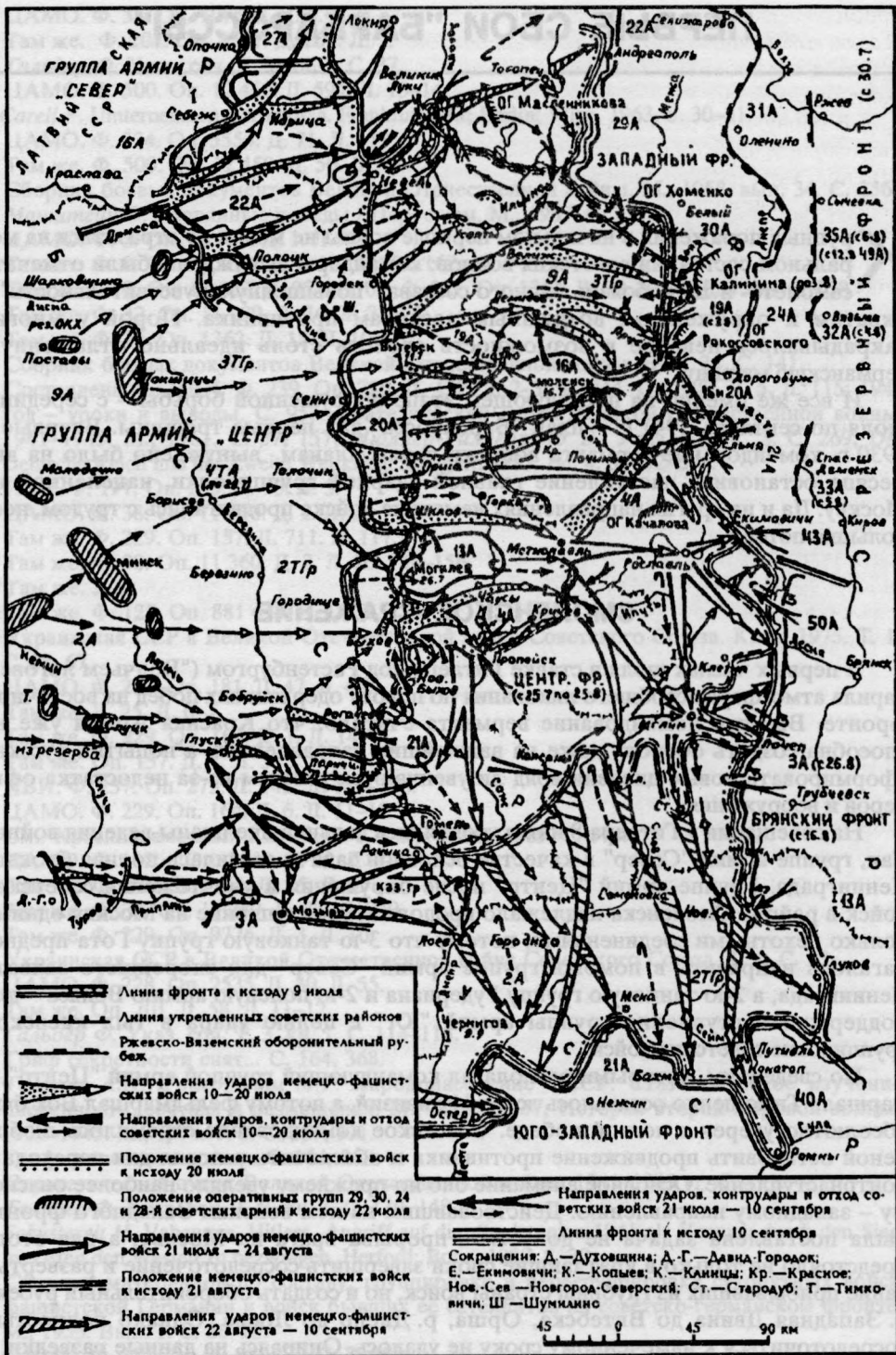
И все же именно на последующем этапе вооруженной борьбы – с середины июля по сентябрь 1941 г. – план "Барбаросса" дал первые трещины. Впервые с 1939 г. командование вермахта вопреки своим планам вынуждено было на два месяца остановить наступление главной ударной группировки, нацеленной на Москву. Да и на других направлениях немецкие войска продвигались с трудом, неся большие потери.

СМОЛЕНСКОЕ СРАЖЕНИЕ

В первых числах июля в ставке Гитлера под Растенбургом ("Волчьем логове") царила атмосфера всеобщего ликования по поводу одержанных побед на восточном фронте. Высшее командование вермахта считало, что Красная Армия уже не способна создать оборону даже на важнейших направлениях, а попытки русских сформировать новые дивизии вряд ли увенчаются успехом из-за недостатка офицеров и вооружения.

На совещании у Гитлера 8 июля уточнялись дальнейшие планы ведения войны. Так, группе армий "Север" в качестве основной задачи ставилась полная блокада Ленинграда. Группе армий "Центр" после окружения и уничтожения советских войск в районе Смоленска надлежало продолжать наступление на Москву одними только пехотными соединениями, потому что 3-ю танковую группу Гота предполагалось направить в помощь группе армий "Север" для скорейшего захвата Ленинграда, а 2-ю танковую группу Гудериана и 2-ю полевую армию Вейхса – для поддержки наступления группы армий "Юг" с целью удара в тыл киевской группировки советских войск¹.

По сведениям, которыми располагал командующий группой армий "Центр", у маршала Тимошенко оставалось всего 11 дивизий, а потому фельдмаршал Бок был абсолютно уверен в легкой победе. Советское командование стремилось любой ценой остановить продвижение противника и обеспечить условия для перехода в контрнаступление. Основное внимание оно по-прежнему уделяло наиболее опасному – западному направлению. Действовавшим на нем войскам Западного фронта была поставлена задача не допустить прорыва врага на Москву, а для этого предстояло не только в кратчайшие сроки завершить сосредоточение и развертывание прибывавших из глубины страны войск, но и создать оборонительный рубеж: р. Западная Двина до Витебска, Орша, р. Днепр до Лоева. Однако полностью сосредоточиться к намеченному сроку не удалось. Опираясь на данные разведки, в Москве полагали, будто немецкая группировка, противостоявшая Западному

Военные действия на западном направлении.
Июль—сентябрь 1941 г.

фронту и имевшая на тот период 66 дивизий, насчитывает только 35 дивизий². Такое преимущество позволяло надеяться, что противника на этом направлении удастся остановить, а значит создать условия для перехода советских войск в контрнаступление.

В первую очередь командование Западного фронта стремилось сосредоточить основные усилия на удержании Смоленских ворот – междуречья Западной Двины и Днепра, куда оно направило войска 16, 19 и 20-й армий. Ожидался удар и на могилевском направлении, где действовала лишь ослабленная 13-я армия, хотя там наступала одна из основных ударных немецких группировок.

Из семи входивших в состав фронта армий маршал Тимошенко в первый эшелон выделил пять (13, 19, 20, 21 и 22-ю). Второй эшелон должны были составлять 4-я армия, соединения которой доукомплектовывались во фронтовом тылу, и прибывавшая с Украины 16-я армия. За войсками Западного фронта, в 100 км восточнее Смоленска, Ставка решила развернуть второй стратегический эшелон из группы войск фронта резервных армий, объединявшего шесть общевойсковых армий, что повышало устойчивость западного направления.

К началу Смоленского сражения вследствие ошибок в планировании, колоссального объема намеченных мероприятий при ограниченных сроках на их осуществление создать сплошной и устойчивый фронт обороны советское командование не сумело. Оборону успели занять лишь 37 дивизий из 66. Причем всего 24 дивизии располагались в первом эшелоне армий: 275 тыс. человек, 135 танков, 2 116 орудий и 1 300 минометов всех калибров. Соотношение сил, непосредственно вступивших в сражение, было в пользу противника: в людях – 1,5:1, в артиллерии – 1,7:1 и в танках – 7:1.

Смоленское сражение началось 10 июля и продолжалось целых два месяца.

Из-за того, что противник оказался чрезвычайно сильным, а его удары приходились как раз по слабым местам советской обороны, командование Западного фронта вынуждено было расплывать и без того слабые резервы, а потому Гудериан и Гот получили полный простор для маневра своими танковыми соединениями. Мощные атаки подвижных дивизий поддерживались массированными ударами 2-го воздушного флота люфтваффе. А так как в распоряжении Западного фронта имелось всего 400 зенитных орудий и весьма слабая истребительная авиация, то не приходится удивляться по поводу того, что советские войска оказались почти беззащитными перед немецкими самолетами. Бойцы с надеждой вглядывались в знойное небо, ожидая появления краснотелых истребителей, но напрасно.

Между тем на шкловском направлении танковая группа Гудериана нанесла удар, бросив на 37-километровом участке против трех стрелковых дивизий около 450 танков³. Сдерживать эту лавину без достаточного количества артиллерии и авиации было просто немыслимо. Успешным действиям своих войск на этом рубеже Гудериан придавал чрезвычайное значение.

Ранним солнечным утром 11 июля в 6 часов 10 минут он в сопровождении итальянского военного атташе генерала Марраса выехал со своего командного пункта в Толочине (именно здесь в войну 1812 г. располагалась штаб-квартира Наполеона) и направился в район Копыси, чтобы лично наблюдать, как 47-й моторизованный корпус будет форсировать Днепр. Однако, по воспоминаниям самого Гудериана, 17-я танковая дивизия неожиданно натолкнулась южнее Орши на такие силы противника, что ее пришлось перебрасывать через Копысь в тыл 29-й моторизованной дивизии⁴. Тем не менее к вечеру того же дня соединения корпуса захватили плацдармы севернее и южнее Могилева.

Самым уязвимым местом в обороне Западного фронта оказался стык 20-й и 22-й армий. На этом направлении еще 9 июля советские войска оставили Витебск, что позволило 20-й танковой дивизии из танковой группы Гота буквально на следующий день устремиться на восток.

Маршал Тимошенко сразу же оценил серьезность положения в районе Витебска: прорыв Гота создал угрозу выхода его танков в тыл главным силам фронта. Парировать удар танкового клина можно было только мощным вторым эшелонном, а именно его-то у Западного фронта и не было. Оказалось, что единственный резерв в этом районе – это отдельные части и соединения 19-й армии, так как ее главные силы продолжали следовать по железной дороге. Командующий фронтом решил "совместными действиями 19, 20 и 22-й армий во взаимодействии с авиацией уничтожить прорвавшегося противника и, овладев Витебском, закрепить на фронте Идрица, Полоцкий УР... Орша и далее по р. Днепр"⁵. 21-й армии было приказано нанести удар в направлении Городище, Бобруйск и попытаться с юга воздействовать на тылы могилевской группировки противника.

Удар во фланг 3-й танковой группы Гота силами 22-й армии нанести не удалось. Противник расчленил ее войска на две части и глубоко охватил их с флангов. Армия, оборонявшаяся к тому же в 280-километровой полосе, имела всего-то 6 дивизий; тем не менее они оказали упорное сопротивление. До 16 июля Полоцкий укрепрайон защищали части 174-й стрелковой дивизии полковника А.И. Зыгина. Они помешали быстрому продвижению 18-й моторизованной дивизии, но главным силам группы Гота все же удалось продвинуться вперед.

Оценив обстановку, Тимошенко приказал командарму Ершакову "с боями, спокойно, изматывая противника, последовательно отводить" армию на тыловой рубеж. Он потребовал "для уничтожения прорвавшихся танков создать в каждой дивизии отряды и, объединив действия их в армейском масштабе, окружать и уничтожать противника"⁶; чтобы хоть как-то ограничить маневр вражеских танков, создавать на их пути заграждения, построенные с помощью местного населения. Для поражения танков привлекалась и авиация. Она должна была наносить по ним удары специальными термитными шарами, бутылками и ампулами с горючей смесью⁷. Однако все эти меры не помешали немцам прорваться на правом крыле фронта. Не достигли поставленной цели 19-я и 20-я армии: их соединения дважды – 10 и 11 июля – пытались нанести удары в центре обороны фронта, но атаки предпринимались не одновременно, нередко без артиллерийской поддержки, зачастую полки вступали в бой с ограниченным количеством боеприпасов.

После ожесточенных боев 19-я армия разрозненными группами устремилась на восток. Этим немедленно воспользовался противник, который 15 июля перехватил восточнее Смоленска, у Ярцево, железнодорожную и автомобильную магистрали, ведущие к Москве; одновременно 29-я моторизованная дивизия захватила левобережную часть Смоленска. В результате в районе Смоленска оказались охваченными с трех сторон три армии – 16, 19 и 20-я. Для отхода на восток им оставалась одна-единственная переправа через Днепр, в районе села Соловьево (15 км южнее Ярцево). В тот же день маршал Тимошенко докладывал в Ставку: "Подготовленных в достаточном количестве сил, прикрывающих направление Ярцево, Вязьма, Москва, у нас нет. Главное – нет танков"⁸.

Казалось, ничто не могло помешать немцам развить успех. 16 июля, захватив Невель, они западнее него окружили 51-й стрелковый корпус 22-й армии, а 29-я моторизованная дивизия полностью овладела Смоленском. Сталин был вне себя, узнав о падении города, прикрывавшего дорогу на Москву. Кстати, именно 16 числа восточнее Витебска был взят в плен старший сын Сталина – командир батареи артиллерийского полка 14-й танковой дивизии старший лейтенант Я.И. Джугашвили⁹. Позднее он погиб в немецком концлагере, разделив судьбу многих своих соотечественников. По свидетельству очевидцев, Яков и там проявил себя достойным человеком и патриотом.

17 июля путь на восток противнику преградила сформированная генералом К.К. Рокоссовским боевая группа в составе 38-й стрелковой дивизии полковника М.Г. Кириллова и 101-й танковой дивизии полковника Г.М. Михайлова. Дивизии

20-й армии более десяти дней отвлекали значительные силы противника, непрерывно контратакуя его. При обороне Орши отличилась 73-я стрелковая дивизия полковника А.И. Акимова. Четыре дня упорно сражалась в окружении и 1-я мотострелковая дивизия полковника Я.Г. Крейзера. В донесении танковой группы Гота отмечалось, что ее соединения и части несут большие потери, а моральный дух личного состава подавлен стойкостью советских войск, их неожиданными действиями и ожесточенной борьбой. К сожалению, перебои в снабжении боеприпасами и горючим вынудили 20-ю армию отойти в район северо-западнее Смоленска.

В боях под Оршей была впервые применена реактивная артиллерия. 14 июля в 15 часов 15 минут командир батареи капитан И.А. Флеров подал команду: «По фашистским ордам батарея "Залп!"». Над ложиной, поросшей кустарником, взметнулось облако дыма и пыли. Каждая из семи установок в течение 15 секунд выпустила по шестнадцать 132-мм реактивных снарядов, что по мощи равно примерно залпу трех артиллерийских полков. На железнодорожном узле Орша, где стояли немецкие вагоны с боеприпасами и цистерны с горючим, взметнулись огромные столбы огня и дыма. Спустя полтора часа, батарея произвела залп по переправе через р. Оршицу. Враг понес большие потери, в его рядах возникла паника. Те из гитлеровцев, кто уцелел, были взяты в плен. Это чудо-оружие советские бойцы называли ласково "катюша", а немецкие солдаты прозвали его "сталинским органом" (Stalinorgel).

Тяжелая обстановка сложилась на могилевском направлении, где оборонялась 13-я армия. Танковая группа Гудериана форсировала Днепр на ее флангах. Развернувшиеся ожесточенные бои не прекращались ни днем, ни ночью. Четыре стрелковые дивизии, а также отдельные части 61-го стрелкового и 20-го механизированного корпусов, возглавляемые командиром 61-го корпуса генералом Ф.А. Бакуниным, оказались в Могилеве, как в ловушке.

Еще 11–12 июля противник во много раз превосходившими силами неоднократно пытался прорваться на позиции 388-го стрелкового полка 172-й стрелковой дивизии, которая обороняла подступы к Могилеву с запада. Только за день полк под командованием полковника С.Ф. Кутепова, отбивая атаки, уничтожил 39 немецких танков и 3 самолета. В память о стойкости советского солдата на месте этого боя возвышается обелиск.

Кровопролитные бои развернулись и на других участках обороны 172-й дивизии. До десяти атак ежедневно пришлось отражать подразделениям 647-го стрелкового полка, которым командовал подполковник А.В. Щеглов. А сражались они буквально до последнего патрона. На станине орудия умер смертельно раненный политрук А.П. Смирнов, подбивший перед этим два вражеских танка¹⁰. Самоотверженно сражался у д. Пашково батальон милиции под командованием капитана К.Г. Владимирова.

17 июля немецкая 3-я танковая дивизия овладела Кричевом, зашла в тыл 13-й армии, окружив часть ее сил в районе Чаусы. Войскам 4-й и 13-й армий пришлось вести тяжелые бои в трех изолированных районах, а фактически в тылу врага: у Могилева, под Чаусами и у Кричева. Общая глубина очагов сопротивления достигала с запада на восток 100 км. Но и в таком, казалось бы, безвыходном положении войска сумели нанести противнику ощутимый урон, остановив его на р. Сож, где на участке от Мстиславля до Кричева оборона стабилизировалась вплоть до 1 августа, а южнее, от Кричева до Славгорода (Пропойск), – даже до 8 августа.

На подступах к Смоленску, в районе с. Красное, умело оборонялась 57-я танковая дивизия: восемь суток она сдерживала во много раз превосходившего противника. Только получив приказ на отход, воины оставили позиции. Вдохновлял их своим личным мужеством командир дивизии полковник В.А. Мишулин. В одном из сражений он был тяжело ранен в голову, но не покинул командного пункта. За

храбрость и воинское мастерство, проявленные в ходе борьбы за Смоленск, Указом Президиума Верховного Совета ССР от 24 июля 1941 г. он был удостоен звания Героя Советского Союза¹¹. Вместе с 20-й армией храбро дрались соединения 16-й армии генерала М.Ф. Лукина. Военный совет армии особо отмечал организованность, напористость и дерзость, проявленные личным составом 129-й и 152-й стрелковых дивизий¹². В одном из боев командир 152-й дивизии полковник П.Н. Чернышев был ранен дважды, но остался в строю. "129 сд, составленная из сформированных отрядов, отступивших с фронта, и отдельных подразделений других дивизий, сейчас стала одной из наиболее устойчивых дивизий", – доносил генерал Лукин маршалу Тимошенко¹³. Командовал ею генерал А.М. Городнянский – участник первой мировой и гражданской войн (через месяц он станет командующим 13-й армией). Человеком он был смелым до отчаяния. Говорят, обычно передвигался он по переднему краю во весь рост. Бойцы уверяли даже, что "пуля его не берет".

Фюрер, довольный ходом наступления, еще 14 июля в беседе с японским посланцем в Берлине Хироси Осима заявил, что это Сталина, а не его, Гитлера, ожидает судьба Наполеона; при этом на восторженно отзывался о своих военачальниках, называя их "личностями исторического масштаба", а офицерский корпус "исключительным в своем роде"¹⁴. Теперь на совещаниях в ставке все чаще заводилась речь не о дальнейшем ходе войны против СССР, а о послевоенных проблемах. Уже в июле генеральный штаб стал детально разрабатывать вопрос о скором возвращении в Германию большей части вермахта и порядке военной оккупации Советского Союза. Гитлер торопился закрепить стратегический успех политическими решениями. Военно-политическая элита рейха 16 июля, обсудив конкретные вопросы присоединения к Германии советских территорий, приступила к назначению имперских комиссаров на Украину, в Белоруссию, Прибалтику и Крым.

Падение Смоленска и охват значительных сил Западного фронта повлекли за собой очень суровую реакцию Сталина. От имени Государственного комитета обороны весь командный состав Западного фронта он обвинил в эвакуационных построениях, а главное – слишком уж легком отношении к сдаче Смоленска. Если подобные настроения соответствуют действительности, указывал Сталин, то ГКО считает их преступлением, граничащим с прямой изменой Родине. Он потребовал: "а) пресечь железной рукой подобные настроения, порочащие знамя Красной Армии; б) город Смоленск ни в коем случае не сдавать врагу"¹⁵.

Действительно, после прорыва обороны танковыми группировками противника некоторые командиры, как писал после войны участник этого сражения маршал С.С. Бирюзов, попросту говоря, растерялись и не знали, что предпринять. Нашлись и такие, кто без приказа оставлял занимаемые позиции, стремясь укрыться в лесах, либо двинулся в восточном направлении¹⁶. По сообщению НКВД в Государственный комитет обороны, с начала военных действий по 20 июля особыми отделами НКВД фронтов и армий были задержаны на дорогах 103 876 военнослужащих, потерявших свои части и беспорядочно отступавших. Основная масса задержанных была тут же направлена на формирование новых воинских частей и в их составе отправлена на фронт.

Само командование Западного фронта причины неустойчивости обороны видело в плохой подготовке и слабой технической оснащенности частей и подразделений, а также больших потерях в личном составе, оружии и военной технике¹⁷. Тем не менее оно предприняло попытку вернуть Смоленск. Член Военного совета Западного направления Булганин 20 июля докладывал Сталину и Молотову: "В течение 17 и 18 июля в результате упорных боев отдельные районы города переходили из рук в руки. К утру 19 июля противник овладел большей частью города. Атакой наших войск 19 июля вновь занята северо-западная часть города"¹⁸.

Бои в Смоленске продолжались до конца июля. Последними город покинули 46, 129 и 152-я стрелковые дивизии.

О том, в каких условиях приходилось сражаться окруженным в районе Смоленска, дают представление воспоминания участника этих событий члена Военного совета 16-й армии А.А. Лобачева: «Лето 1941 г. выдалось на редкость сухое. Там, где на карте значились непролазные болота, войска продвигались даже с тяжелыми орудиями. Люди страдали от жажды. Июльское солнце палило нещадно. Горели деревни, горели леса. Вражеская авиация буквально висела над нами, не давая покоя ни днем, ни ночью. Видимо, гитлеровские генералы разыгрывали свой "классический план" уничтожения попавших в кольцо войск. Однако 16-я армия жила и сражалась»¹⁹. Единственным путем доставки пополнения войскам 16-й и 20-й армий служила Соловьевская переправа на Днепре. Чтобы не допустить к ней противника, командование Западного фронта создало из остатков танкового и моторизованного полков, ранее входивших в состав 5-го механизированного корпуса, сводный отряд под командованием полковника А.И. Лизюкова. В течение почти двух недель изо дня в день, под пулями и осколками, в сплошном грохоте разрывов Лизюков со своим отрядом оборонял переправу. А ведь только совсем недавно примерно за такое же время в Европе гитлеровцы захватывали целые государства. Здесь же, у старинного русского села несокрушимость духа и стойкость воинов Красной Армии оказались крепче крупновской стали. За умелые действия в районе Соловьево многие бойцы сводного отряда были награждены орденами и медалями, а их командир полковник А.И. Лизюков удостоен звания Героя Советского Союза.

А под Смоленск все прибывало пополнение. Одним из первых прибыл отряд коммунистов, призванных в армию по партийной мобилизации Московским и Горьковским комитетами партии. Всего в ходе Смоленского сражения ЦК ВКП(б) мобилизовал на Западный фронт 13 тыс. человек. Большая их часть была направлена по подразделениям в качестве политбойцов. С их появлением в войсках наметилась тенденция к снижению случаев дезертирства, членовредительства и трусости. В грозном сорок первом Смоленщина стала ареной ожесточенной борьбы советских людей против немецких завоевателей. Вместе с регулярными частями в бой вступили и смоленские ополченцы. В августе в Смоленской области начал действовать партизанский отряд численностью около 100 человек. Возглавил его участник партизанского движения на Дальнем Востоке в годы гражданской войны Н.З. Коляда. Отряд, а затем соединение "Бати" (так называли Коляду партизаны) вписал много ярких страниц в историю партизанского движения на Смоленщине.

Большую помощь в подготовке партизанских кадров оказал Военный совет Западного фронта, организовавший учебный центр по подготовке партизанских кадров. С 13 июля по сентябрь 1941 г. обучение прошли 3 600 специалистов из Белоруссии, а также Смоленской и ряда других областей РСФСР.

Одновременно с упорной обороной на смоленском направлении Западный фронт наносил контрудар на своем левом крыле, где 13 июля перешла в наступление 21-я армия, которую возглавлял бывший командующий Северо-Западным фронтом генерал Ф.И. Кузнецов. Основную роль здесь сыграл 63-й стрелковый корпус под командованием комкора Л.Г. Петровского. В тот же день корпус форсировал с помощью подручных средств Днепр и, продвинувшись на 8–10 км, освободил Рогачев и Жлобин – первые города, которые, правда, лишь на короткое время, были освобождены от оккупантов.

В этих боях отличился один из батальонов 154-й стрелковой дивизии. Благодаря умелым действиям батальона удалось сломить сопротивление противника под Жлобиным. За проявленную в сражениях самоотверженность, храбрость и мужество его командир капитан Ф.А. Баталов 9 августа 1941 г. был удостоен звания Героя Советского Союза.

Наступление 63-го стрелкового корпуса было остановлено подошедшим с запада 53-м армейским корпусом противника, который сам здесь на длительное время завяз в боях. Рядом с корпусом Петровского наступал 66-й стрелковый корпус генерала Ф.Д. Рубцова. Его 232-я стрелковая дивизия под командованием генерала С.И. Недвигина, который умело руководил соединением в ходе приграничных сражений, используя леса, продвинулась с боями почти на 80 км и захватила переправы через р. Березина и Птичь.

Развернулись тяжелые бои с переброшенным сюда же из резерва группы армий "Центр" 43-м армейским корпусом и еще двумя пехотными дивизиями. Для отражения удара 21-й армии, которая создавала угрозу глубокому тылу танковой группы Гудериана, фельдмаршалу Боку пришлось привлечь около 15 дивизий, причем 8 из них понесли серьезный урон, что ограничило возможности по наращиванию усилий на смоленском направлении.

Определяя планы дальнейшего ведения войны на востоке, Гитлер в директиве № 33, подписанной им 19 июля, приказал группе армий "Центр" после уничтожения окруженных советских войск наступать на Москву. При этом предполагалось, что для решения первой задачи фельдмаршалу Боку потребуется немалое время, поэтому в последующем наступлении группа армий "Центр" определяющей роли играть не будет. Наступление на Москву должно было осуществляться лишь пехотными соединениями и частью танковых войск, которые не примут участия в наступлении на юго-восток, за линию Днепра. Отныне главные усилия вермахта переносились на юго-западное направление для разгрома советских войск на Украине. Армиям Бока предстояло «перерезать коммуникационную линию Москва – Ленинград и тем самым прикрыть правый фланг группы армий "Север", наступающей на Ленинград»²⁰.

А в это время советское командование все внимание сосредоточило на московском направлении. Ставка усиленно перебрасывала сюда свои резервы. На рубеже Старая Руса, Осташков, Белый, Ельня, Брянск, т.е. в тылу Западного фронта, создавал оборону фронт резервных армий под командованием генерала И.А. Богданова, бывшего начальника войск Белорусского пограничного округа. В новый фронт входили дивизии, сформированные НКВД из кадрового состава пограничных и внутренних войск. Всего фронт включал четыре армии: 29-ю, которую возглавил заместитель наркома внутренних дел генерал И.И. Масленников, 30-ю, командующим которой был назначен начальник войск Украинского пограничного округа генерал В.А. Хоменко, 31-ю, возглавляемую начальником войск Карело-Финского пограничного округа генералом В.Н. Долматовым, и 24-ю во главе с бывшим начальником войск Прибалтийского пограничного округа генералом К.И. Ракутиным.

18 июля Ставка приступила к созданию на Западном направлении третьего стратегического эшелона. На дальних подступах к Москве был образован фронт Можайской линии обороны в составе 32, 33 и 34-й армий во главе с командующим Московским военным округом генералом П.А. Артемьевым. Готовились три оборонительных рубежа, занимаемых войсками на глубине до 300 км. Но Ставка не сбрасывала со счетов и вопрос о переходе в контр наступление. Такая идея возникла лично у Сталина. В разговоре 20 июля по прямому проводу с главнокомандующим Западным направлением Тимошенко, критикуя маршала за распыление сил, Верховный сказал: "Я думаю, что пришло время перейти нам от крохоборства к действиям большими группами"²¹.

В тот же день начальник Генерального штаба издал директиву о проведении операции по окружению и разгрому противника в районе Смоленска. С этой целью из 20 дивизий фронта резервных армий было создано 5 армейских оперативных групп, которые затем вошли в состав Западного фронта. Этим группам войск, возглавляемым генералами В.А. Хоменко, С.А. Калининым, К.К. Рокоссовским, В.Я. Качаловым и И.И. Масленниковым, предстояло нанести одновременные

удары с северо-востока, востока и юга в общем направлении на Смоленск. После разгрома прорвавшегося врага они должны были соединиться с основными силами 16-й и 20-й армий²². Это была попытка перейти в контрнаступление.

Чтобы поддержать и прикрыть ударные группировки с воздуха, выделялись три авиационные группы, каждая в составе до смешанной авиационной дивизии, а для содействия наступающим с фронта войскам была создана кавалерийская группа (три дивизии) с задачей совершить рейд по тылам моголевско-смоленской группировки противника²³. В целях повышения боевых возможностей в каждую стрелковую дивизию, предназначенную для наступления, включили по одному танковому батальону из 21 танка каждый, а в группу генерала Качалова – 104-ю танковую дивизию.

Первой 23 июля нанесла удар в районе Рославля группа Качалова. На следующий день из района Белого перешла в наступление группа Хоменко, а в районе Ярцева атаковала группа Калинина. В течение нескольких дней группа Рокоссовского отражала атаки противника, пытавшегося прорваться к Ельне и Вязьме, и только 28 июля смогла нанести удар. Последней выступила группа Масленникова. Чтобы парировать удары советских войск, враг использовал все соединения 3-й танковой группы, включая и учебную бригаду²⁴. Лишенная свободы маневра, она была вынуждена отражать атаки на широком фронте, а на ряде участков перейти к обороне. Значительные силы 2-й танковой группы приковали к себе войска Качалова. Существенного успеха добилась кавалерийская группа О.И. Городовикова: 24 июля она прорвалась в район юго-западнее Бобруйска и, оказавшись в глубоком тылу танковой группы Гота и 2-й армии, сумела перерезать коммуникации противника. Не имея сил для ликвидации прорыва, Бок обратился за помощью к Браухичу. Только полученные им из резерва три пехотные дивизии позволили сковать группу Городовикова.

Таким образом, в результате действий оперативных групп продвижение противника на ряде участков фронта было остановлено. Однако создать необходимые условия для полного разгрома его духовщинской группировки не удалось. Медленное продвижение оперативных групп объяснялось главным образом слабым авиационным обеспечением наступающих войск, большой неукомплектованностью соединений танками и артиллерией, крайне ограниченным временем на подготовку контрнаступления. В своем докладе в Ставку маршал Тимошенко, в частности, указал: "Я все, что в моих силах, собрал и направил на усиление Хоменко и Калинина. Но вы знаете, что пушек у меня нет, самолетов нет и людей очень мало"²⁵.

Боевые действия войск центра и левого крыла Западного фронта разделились на два относительно самостоятельных очага борьбы: один – в районе Смоленска, другой – Гомеля. Для удобства управления войсками Ставка 25 июля образовала Центральный фронт, включив в него 13-ю и 21-ю армии, а несколько позже вновь сформированную 3-ю армию. Новый фронт возглавил генерал Ф.И. Кузнецов. Однако уже через две недели милость Сталина вновь сменилась гневом, и вместо Кузнецова на этом посту оказался генерал М.Г. Ефремов. Задача этого фронта состояла в том, чтобы прочно прикрыть стык Западного и Юго-Западного фронтов, активными действиями на северо-запад, в направлении Гомеля, Бобруйска, содействовать успеху Западного фронта.

Продолжались ожесточенные бои в районе Могилева. 21 июля возглавлявший оборону генерал Ф.А. Бакунин докладывал командующему 13-й армией генералу Герасименко: "Вторые сутки веду упорные бои с превосходящими силами противника. Положение удерживаю. Снаряды кончаются. Прошу сообщить, когда будут доставлены снаряды"²⁶. Окруженные войска вплоть до 26 июля выполняли приказ Тимошенко: "Могилев оборонять во что бы то ни стало". Особым упорством отличался 172-я стрелковая дивизия генерала М.Т. Романова. Совместно с правифланговыми дивизиями 21-й армии, которые контратаковали противника в направлении Могилева с юга, окруженные войска сковывали силы четырех вражеских дивизий.

К 25 июля все боеприпасы, не говоря уже о продовольствии, были израсходованы, а пополнить их никакой возможности не представлялось. Линия фронта откатилась далеко на восток. Ряды защитников Могилева поредели, но моральный дух оставался высоким. Тем не менее генерал Романов почувствовал, что в ходе сражения наступил такой момент, когда дальнейшая оборона днепровского рубежа на столь ограниченном участке уже не имеет оперативного значения, а попытка остаться на занимаемых позициях лишь угрожает полным истреблением подчиненных ему войск. Посоветовавшись с командирами полков, он отдал приказ в ночь на 26 июля попытаться вырваться из окружения. Ценой невероятных усилий только часть воинов сумела выбраться из кольца и выйти в расположение своих войск. Однако многим этого не удалось: те, кто выжил, продолжили борьбу с врагом в составе партизанских отрядов.

Оставшиеся в Могилеве войска сражались до последнего патрона. Впрочем, и выбора у них иного не было: чтобы не дать врагу возможности наступать на восток, был взорван последний мост. Обреченные на гибель люди держались еще сутки. В ночь на 27 июля в город ворвался противник. Как утверждает германский историк П. Карелл, в результате боев за Могилев было пленено 12 тыс. его защитников, но среди них почти не было офицеров. По мнению того же автора, они предпочли погибнуть в бою или застрелившись, только бы не попасть в плен²⁷. При этом Карелл сообщает и о слишком значительных потерях в немецкой 23-й пехотной дивизии. Если учесть, что город штурмовали четыре дивизии, то можно сделать однозначный вывод: большинство его защитников до конца выполнили свой воинский долг. Трагическая участь постигла и героя обороны города генерала Романова: при прорыве из окружения он, тяжело раненный, попал в плен и погиб в концлагере. Город еще оборонялся, а в нем уже стал создаваться незримый фронт подполья. Разрозненные группы сопротивления позже объединились в Могилеве в крупную подпольную организацию "Комитет содействия Красной Армии", во главе которой стали К.Ю. Мяттэ и П.И. Криевич. Стойкая оборона Могилева – незабываемая страница героической летописи Великой Отечественной войны. Многие защитники города погибли. Их вклад в победу над врагом навечно останется в памяти потомков.

К сожалению, не на всех направлениях советские воины сражались так стойко, как под Могилевом, Красным и у Соловьевской переправы. Вспоминая после войны о боях под Смоленском, маршал Рокоссовский отмечал массовый героизм солдат и офицеров, но вместе с тем он, как человек честный, вынужден был признать: «К великому прискорбию, о чем я не имею права умалчивать, встречалось немало фактов проявления военными трусости, паникерства, дезертирства и членовредительства с целью уклониться от боя. Вначале появились так называемые "леворучники", простреливавшие себе ладонь левой руки или отстреливавшие на ней палец, несколько пальцев. Когда на это обратили внимание, то стали появляться "праворучники", проделывавшие то же самое, но уже с правой рукой. Случалось членовредительство по сговору: двое взаимно простреливают друг другу руки. Вскоре вышел закон, предусматривавший применение высшей меры (расстрел) за дезертирство, уклонение от боя, "самострел", неподчинение начальнику в боевой обстановке»²⁸.

Суровые испытания выпали на долю группы генерала Качалова: она попала в окружение севернее Рославля, на одном из тех немногих участков фронта, где противник в те дни пытался наступать. Выходя из окружения в начале августа, войска группы понесли тяжелые потери. 4 августа погиб и командующий группой генерал Качалов, а 16-го появился приказ Ставки Верховного Главнокомандования* № 270, в котором, в частности, совершенно безапелляционно утверждалось:

---

* Так с 8 августа стала называться Ставка Главного Командования.

"Командующий 28-й армией генерал-лейтенант Качалов, находясь вместе со штабом группы войск в окружении, проявил трусость и сдался в плен немецким фашистам". Незаслуженные обвинения в измене Родине генерала, до конца исполнившего свой воинский долг, были сняты лишь спустя многие годы после войны.

Несмотря на все усилия, выполнить задачу по разгрому противника в районе Смоленска войска Западного фронта так и не смогли. Им не удалось перейти в контрнаступление, а разрозненные удары, к тому же на широком фронте, оказались малоэффективными. Однако и эти удары лишили войска группы армий "Центр" маневра в сторону флангов – на Украину и Ленинград, что облегчило положение советских войск на юго-западном и северо-западном направлениях. Смог улучшить положение и Западный фронт: своими ударами он на какое-то время отвлек противника от окруженных в районе Смоленска войск. К 1 августа группа Рокоссовского и войска 16-й и 20-й армий одновременным наступлением навстречу друг другу прорвали кольцо окружения. После шестидневных кровопролитных боев части этих армий наконец-то соединились с главными силами фронта.

Просчитались немецкие генералы: желанный разгром окруженных советских войск под Смоленском не состоялся. Начальник штаба 4-й армии генерал Г. Блюментрит писал впоследствии: "...в районе Смоленска была окружена большая группа русских. Две полевые армии... удерживали три стороны котла, в то время как наши танки блокировали выход из него близ Ярцева. И снова эта операция не увенчалась успехом. Ночью русские войска вырвались из кольца окружения и ушли на восток"²⁹.

Перешедшие к обороне на левом берегу р. Вопь войска Рокоссовского впервые за войну сделали попытку создать противотанковую оборону, основанную на противотанковых опорных пунктах (районах), размещаемых на танкодоступных направлениях. Позднее по такому принципу противотанковая оборона стала строиться советскими войсками повсеместно.

В ходе боев под Смоленском Западный фронт понес серьезные потери. К началу августа в его дивизиях оставалось не более чем по 1–2 тыс. человек³⁰. По данным противника, только в июле в плен было захвачено 184 тыс. красноармейцев.

Очень трудно в дни Смоленского сражения приходилось малочисленной советской авиации, особенно бомбардировщикам и штурмовикам. На каждый самолет или небольшую их группу набрасывались целые стаи "мессершмиттов". Так, 26 воздушных боев провел и сбил 3 самолета командир эскадрильи 129-го истребительного авиационного полка старший лейтенант П.С. Ковац. В бою 21 августа ценой собственной жизни он спас товарищей и обеспечил успешное выполнение боевой операции. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 12 апреля 1942 г. ему посмертно присвоено звание Героя Советского Союза.

Ожесточенное сопротивление советских войск под Смоленском ослабило наступательную мощь группы армий "Центр". Она оказалась скованной на всех участках фронта. Фельдмаршал Бок писал в те дни: "Я вынужден ввести в бой теперь все мои боеспособные дивизии из резерва группы армий... Мне нужен каждый человек на передовой... Несмотря на огромные потери... противник ежедневно на нескольких участках атакует так, что до сих пор было невозможно произвести перегруппировку сил, подтянуть резервы. Если в ближайшее время русским не будет где-либо нанесен сокрушительный удар, то задачу по их полному разгрому будет трудно выполнить до наступления зимы"³¹.

В ходе сражения наглядно проявился просчет политического и военного руководства Германии – в оценке способности советских войск к сопротивлению. Несмотря на крупные потери и тяжелейшие бои в окружении, части продолжали сражаться "ожесточенно и фанатично", как докладывали в Берлин сами немецкие

генералы. Главная цель кампании – уничтожение армии русских – оставалась незавершенной.

И хотя сил было еще довольно много, вести наступление одновременно на всех трех главных направлениях вермахт уже не мог. Вот почему 30 июля Гитлер подписал директиву № 34, согласно которой группа армий "Центр" должна была перейти к обороне. По приказу фюрера основные усилия вермахта в силу неблагоприятно сложившихся обстоятельств на центральном участке фронта были перенесены на фланги. В августе в первую очередь намечалось продолжать наступление с целью уничтожения советских войск на Украине, а также совместно с финскими войсками блокировать Ленинград. Танковые группы, входившие в состав войск Бока, выводились из боев для срочного восстановления боеспособности и последующего использования их на флангах восточного фронта. Очень точную оценку сложившейся обстановке дал генеральный штаб сухопутных войск вермахта. В журнале боевых действий ОКХ отмечалось: "Таким образом, противник получил месяц времени, чтобы западнее Москвы организованно укрепиться для обороны при одновременном отражении наступления, проводимого в августе недостаточными силами. Тем самым он в конце концов достиг того, что для него очень важно. Постоянной угрозой нашим силам на флангах он расколол их единство. Одновременно ему удалось на несколько недель исключить непосредственную угрозу Москве и этим добиться большого политического успеха"³².

Сталин по-прежнему считал, что свои основные силы противник собирает для овладения Москвой. В Кремле ожидали, что после неудавшегося лобового удара немецкие войска попытаются обойти главные силы Западного фронта с флангов. Поэтому войскам Западного направления было приказано прочно удерживать великолукский и гомельский выступы, сохраняя охватывающее положение по отношению к группе армий "Центр", одновременно продолжать наносить удары по главным ее силам на смоленском направлении, в районах Духовщины и Ельни. Усиливая оборону на московском направлении, Ставка ВГК 30 июля объединила резервные армии на ржевско-вяземском оборонительном рубеже, создав Резервный фронт во главе с генералом Г.К. Жуковым, который из-за разногласий со Сталиным по вопросам ведения вооруженной борьбы был отстранен от должности начальника Генерального штаба.

Весьма примечательный факт: под впечатлением упорных боев под Смоленском группа офицеров японского генерального штаба, до сего времени ратававшая за войну с Россией, пришла к выводу, что вермахт, возможно, и возьмет Москву к концу года, но это еще не означает, что война будет Гитлером выиграна, ибо у Сталина нет оснований для капитуляции³³.

В августе основные события развернулись в полосе Центрального фронта, куда были повернуты 25 дивизий группы армий "Центр", в том числе 6 танковых и моторизованных. Они наносили удар на юг с целью выхода в тыл Юго-Западному фронту, остановившему наступление группы армий "Юг" на рубеже Днепра. 8 августа при поддержке крупных сил авиации перешли в наступление соединения Гудериана, а 12-го их поддержала 2-я армия генерала Вейхса.

Войска генерала Ефремова не смогли сдержать столь мощного танкового удара и под угрозой охвата превосходившими силами противника начали отходить в южном и юго-восточном направлениях. На сей раз Ставка разгадала намерения немцев и, чтобы не допустить окружения Центрального фронта и выхода врага в тыл войск, которые обороняли Киев, развернула между Центральным и Резервным фронтами Брянский фронт во главе с генералом Еременко. В его состав входили соединения вновь формируемой в районе Брянска 50-й армии генерала М.П. Петрова, а также остатки 13-й армии, командующим которой был только что назначен генерал К.Д. Голубев.

К сожалению, эта мера не дала каких-либо положительных результатов.

Танкисты Гудериана к 21 августа продвинулись на глубину до 140 км, овладев к этому времени Клинцами и Стародубом. Армия Вейхса, прорвав оборону Центрального фронта, захватила Гомель.

Почти одновременно начались атаки войск Западного фронта в общем направлении на Духовщину, а Резервного – в районе Ельни. И тот и другой фронты пытались вырвать из рук противника инициативу. К этому моменту войска Западного фронта уже имели небольшой перевес в людях, но продолжали уступать немцам в артиллерии, танках, но особенно в авиации.

8 августа соединения 19-й и 30-й армий под командованием генералов И.С. Конева и В.А. Хоменко атаковали противника под Духовщиной. Несколько дней они безуспешно пытались прорвать оборону врага и выйти на оперативную глубину. Однако, перегруппировав силы, немцы быстро организовали устойчивое сопротивление. Правда, и сами при этом понесли значительные потери. Следует отметить, что атаки соединений 19-й армии способствовали выходу из окружения группы генерала И.В. Болдина, которая, совершив 500-километровый рейд по тылам противника, все-таки через полтора месяца соединилась со своими войсками.

"Общая обстановка, – с тревогой пишет Гальдер 11 августа, – показывает все очевиднее и яснее, что колосс Россия... был недооценен нами. Это утверждение распространяется на все хозяйственные и организационные стороны, на средства сообщения и в особенности на чисто военные аспекты"³⁴. Это признание Гальдера свидетельствовало не только о начале провала плана молниеносной войны, но и о том, что Красная Армия способна бить "непобедимую" германскую армию.

15 августа командующий Западным фронтом отдал приказ продолжать Духовщинскую операцию. Наносившая главный удар армия Конева, наконец-то, получила подкрепление: 101-ю танковую и 64-ю стрелковую дивизии, 43-ю смешанную авиационную дивизию, а также два пушечных артиллерийских полка, три артиллерийских дивизиона и две батареи реактивной артиллерии. В ходе подготовки к главному наступлению особое внимание уделялось повышению боеспособности войск и управлению ими.

Наступление армии началось 17 августа с форсирования р. Воль. По ней проходил передний край вражеской обороны, где еще ночью саперы сумели возвести десять мостов и оборудовать броды. Рано утром, после артиллерийской и авиационной подготовки, соединения армии преодолели реку и атаковали позиции 161-й пехотной дивизии. Прорвав вражескую оборону, они в первый же день наступления продвинулись на 10 км.

Перешли в наступление и другие армии фронта. Соединения армии Масленникова успешно форсировали Западную Двину, смяли обороняющуюся здесь пехотную дивизию противника, нанеся ей большой урон. Для восстановления положения на этом участке фронта немецкое командование вынуждено было перебросить моторизованный корпус из 3-й танковой группы и другие части.

Более скромных результатов в эти дни достигли войска генерала Ракутина, так как оборонявший ельнинский выступ противник превосходил их в силах и средствах, к тому же его оборона имела хорошо организованную систему огня. Но советские части не прекращали атак. Особое мужество и упорство проявили воины 765-го стрелкового полка 107-й стрелковой дивизии, которым командовал подполковник М.С. Батраков. Захватив высоту, они целых 12 дней удерживали ее, отражая бесчисленные контратаки врага. Отличился при этом личный состав 586-го стрелкового полка во главе с полковником И.М. Некрасовым. За бои под Ельней многие получили правительственные награды, а полковник Некрасов был удостоен звания Героя Советского Союза³⁵.

Генерал Жуков пришел к выводу, что для уничтожения противника, который пятью пехотными дивизиями оборонял ельнинский выступ, сил одной 24-й армии

явно недостаточно. 21 августа Жуков приказал прекратить наступление и приступить к подготовке нового, более сильного и лучше организованного удара³⁶.

Ставка продолжала добиваться изменения характера боевых действий в свою пользу. И хотя войска Западного, Резервного, Центрального и Брянского фронтов понесли большие потери, а их удары не достигли цели, они нанесли противнику весьма ощутимый урон, истощили его группировки и резервы, а кроме всего прочего командный состав Красной Армии приобрел так необходимый ему боевой опыт. Учитывая большие потери Западного и Резервного фронтов в предыдущих боях, Ставка уточнила их задачи. Теперь Западный фронт должен был, продолжая наступление, начатое еще 16 августа, овладеть рубежом Велиж, Демидов, Смоленск. Резервному фронту предстояло разгромить противника в ельнинском выступе, а далее наступать на Рославль. Самая сложная задача поручалась Брянскому фронту, в состав которого были включены отошедшие войска упраздненного 25 августа Центрального фронта. Генерал Еременко получил задачу разгромить 2-ю танковую группу, которая продолжала наступать на юг, в тыл киевской группировке войск Юго-Западного фронта. Однако войска фронта реальными возможностями для этого не располагали.

В 20-х числах августа в огромной полосе, от Торопца до Новгорода-Северского, шириной около 600 км развернулись ожесточенные бои. На правом крыле Западного фронта противник прорвал оборону 22-й и 29-й армий, отбросив их дивизии на левый берег Западной Двины. Чтобы остановить продвижение вражеских танков, Тимошенко направил к месту прорыва 4 инженерных батальона с 15 т взрывчатки, 18 800 противотанковыми минами и 800 бутылками с зажигательной смесью. Группа имела задачу создать минно-взрывные заграждения на пути противника. Руководил ею начальник инженерного управления фронта генерал М.П. Воробьев³⁷. В начале сентября армия, изматывая силы немецкой группировки, остановила противника.

Значительную помощь 22-й армии оказала 30-я армия. Перейдя 29 августа в наступление своим правым флангом, она прорвала оборону врага, вынудив его отойти. Воспользовавшись успехом объединения, Тимошенко ввел в прорыв кавалерийскую группу генерала Л.М. Доватора. Ее глубокий рейд по немецким тылам вызвал серьезную тревогу у командования вермахта. Для борьбы с советской конницей и охраны тыловых объектов главное командование сухопутных войск было вынуждено выделить из своего резерва три пехотные дивизии.

1 сентября под Смоленском перешли в наступление 16, 19 и 20-я армии. Ослабленные в предыдущих боях, они за девять дней упорных атак смогли продвинуться лишь на несколько километров. Поэтому маршал Шапошников передал командованию фронта указание Ставки прекратить бесплодные атаки и перейти к обороне.

В начале сентября враг создал серьезную угрозу Брянскому фронту. Именно в его полосе танки Гудериана форсировали Десну южнее Новгорода-Северского. Силами 3-й и 13-й армий, т.е. фланговыми ударами с востока, Еременко стремился разгромить противника, но безуспешно: эти атаки лишь замедлили темпы наступления врага, упорно продвигавшегося на юг.

В создавшихся условиях Ставка впервые за войну решила провести воздушную операцию. Для уничтожения танковой группы Гудериана было решено использовать силы ВВС Брянского и Резервного фронтов, 1-й резервной авиационной группы и дальнебомбардировочной авиации – всего более 460 самолетов. План ее проведения утвердил лично Сталин. С 29 августа по 4 сентября авиация совершила свыше 4 тыс. самолето-вылетов. Только 30–31 августа советские летчики, сбросив 4500 бомб, уничтожили более 100 танков, 20 бронемашин, взорвали склад горючего. В воздушных боях было сбито 55 вражеских самолетов. А 30 августа воздушным ударам подверглись 8 аэродромов противника, на которых удалось уничтожить еще 57 самолетов³⁸.

И все же сорвать наступление соединений Гудериана не удалось. Для решения столь серьезной задачи только авиации оказалось недостаточно. В должной мере не сумели использовать результаты воздушных ударов и войска Еременко: атаки соединений 3-й и 13-й армий не обладали необходимой мощностью. К тому же наиболее сильная 50-я армия вместо того, чтобы вести бои против танковой группировки противника, получила задачу прорвать оборону 4-й полевой армии, а затем наступать в северо-западном направлении. Все это дало возможность немцам продолжить продвижение на юг и к 10 сентября выйти на рубеж Конотоп, Чернигов, создав непосредственную угрозу глубокому тылу Юго-Западного фронта.

Первого значительного успеха советские войска добились под Ельней, где 24-я армия с 30 августа по 8 сентября провела наступательную операцию по уничтожению группировки противника, оборонявшей выступ.

В основу замысла генерала Жукова был положен самый решительный способ – двусторонний охват с целью окружения и разгрома немцев по частям. Создавая две ударные группировки, генерал К.И. Ракутин включил в их состав все исправные танки и около 70% артиллерии армии. Ее плотность на участках прорыва достигала 60 орудий и минометов на 1 км фронта, что было в два-три раза больше, чем в наступлении Западного фронта под Смоленском в августе 1941 г.³⁹. Уязвимым местом в предстоящей операции было отсутствие авиационного обеспечения, не говоря уже об ограниченном количестве танков, что в случае успеха не позволило бы развить наступление. В связи с тем что на подготовку операции отводилось всего около четырех суток, не удалось полностью решить вопросы обеспечения боевых действий.

30 августа в 7 часов утра около 800 орудий, минометов и реактивных установок обрушили шквал огня на вражескую оборону. Пехота вслед за танками непосредственной поддержки атаковала ожесточенно сопротивлявшегося врага. За сутки войска сумели продвинуться всего на 1,5 км и то лишь на отдельных участках. Сказывались слабая разведка обороны противника, низкая степень огневого поражения из-за недостатка боеприпасов, отсутствие опыта наступательных боев, значительные потери среди командного состава. И все-таки после четырехдневного упорного сопротивления противник не выдержал удара и под угрозой окружения начал отходить. 6 сентября Ельня была освобождена.

К исходу 8 сентября ельнинский выступ, вдававшийся в оборону Резервного фронта, был срезан, а значит противник лишился выгодного плацдарма для удара по флангам советских войск. Пять немецких дивизий понесли значительный урон: потери только в людях составили до 45 тыс. человек⁴⁰. В Ельнинской наступательной операции войска Красной Армии впервые с начала войны прорвали сильную оборону противника и разгромили его значительную группировку. Здесь, под Ельней, родилась советская гвардия. Первым четырем стрелковым дивизиям (100, 127, 153 и 161-й), особо отличившимся в боях, было присвоено звание "гвардейская". Оно стало гордостью для всех воинов Красной Армии. Каждое соединение, каждая часть действующей армии стремилась его заслужить.

10 сентября, учитывая измотанность войск, Ставка приказала прекратить наступление. Смоленское сражение завершилось. Его главным итогом был срыв планов вермахта на безостановочное продвижение к Москве. Впервые с начала второй мировой войны германские войска вынуждены были перейти к обороне на своем главном направлении, в результате чего Ставка ВГК выиграла время для совершенствования стратегической обороны на московском направлении и подготовки резервов.

Советские войска проявили небывалую стойкость и массовый героизм. Тысячи бойцов и командиров были удостоены государственных наград, а 14 воинам было присвоено звание Героя Советского Союза. Неоценимую помощь войскам оказало население Смоленщины. Только на оборонительных работах в полосе Западного

фронта участвовало около 300 тыс. жителей Смоленской области, а парторганизации прифронтовых областей послали на фронт большую часть своих коммунистов: Смоленская – 18 тыс., Калининская – свыше 19 тыс., Орловская – 23 тыс. человек. В Смоленской области к тому же из числа добровольцев были созданы 26 истребительных батальонов и бригада ополченцев⁴¹.

Но дорогой была цена Смоленского сражения – безвозвратные потери составили 486 171 человек, а санитарные – 273 803 человека⁴². Значительными были и потери противника. По признанию самих немцев, к концу августа только моторизованные и танковые дивизии лишились половины личного состава и материальной части, а общие потери составляли около полумиллиона человек. Эти цифры говорят сами за себя: теперь уже советские войска сражались с немецко-фашистскими на равных. В огне Смоленского сражения воины Красной Армии приобрели опыт, без которого нельзя было воевать против сильного врага.

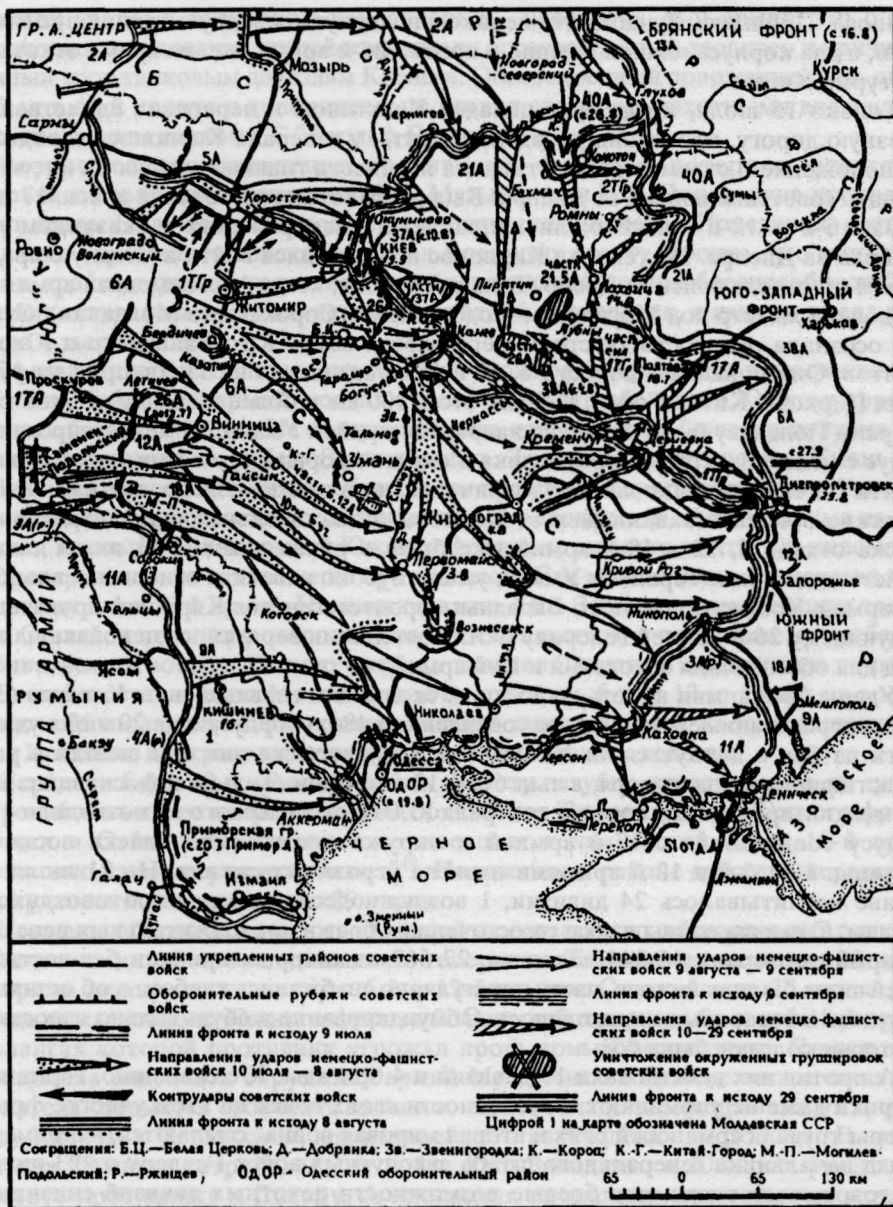
ТЯЖЕЛЫЕ БОИ НА УКРАИНЕ

Неожиданно упорное сопротивление войск Юго-Западного и Южного фронтов замедлило наступление группы армий "Юг". В то время, как войска группы армий "Центр" овладели Витебском, форсировали Днепр севернее и южнее Могилева и угрожали прорывом к Смоленску, группа армий "Юг" вопреки планам только передовыми отрядами 13-й танковой дивизии выходила на подступы к Киеву. Основные же силы 1-й танковой группы Клейста находились в 100–200 км от Днепра, а пехотные соединения 6-й и 17-й армий отстали от них на несколько суточных переходов. Еще более скромными оказались успехи германских и румынских войск в Молдавии. Им удалось лишь незначительно продвинуться на направлении Бельцы, Сороки и прорваться к Могилеву-Подольскому, а 9 июля они были остановлены в междуречье Прута и Днестра.

Еще 5 июля командующий группой армий "Юг" В. Рундштедт решил, что группа Клейста после захвата Житомира и Бердичева повернет свои два корпуса на Кировоград, используя дорогу на Одессу, чтобы с востока глубоко охватить основные силы советских войск на Правобережной Украине и в Молдавии, не дать им возможности отойти за Днепр. Третьему корпусу предстояло овладеть плацдармами на Днепре у Киева. 6-я полевая армия, разделенная на две группы, должна была северной группой наступать на Киев, а южной – на юг, чтобы во взаимодействии с главными силами танковой группы Клейста и наступавшей навстречу ей с юга 11-й армией окружить и уничтожить войска Юго-Западного фронта. Предполагалось, что с запада советские войска потеснит 17-я армия генерала К.-Х. Штюльпнагеля.

Итак, германское командование сосредоточивало свои основные усилия на окружении советских войск в районе Винницы, к юго-западу от Киева, в то время как и командование Юго-Западного фронта, и Ставка считали наиболее опасным киевское направление. Поэтому они во что бы то ни стало стремились остановить противника под Киевом и отрезать острие германского копья – танковые соединения от древка – пехотных дивизий. Для этого 5-й армии генерала М.П. Потапова, отошедшей в Коростенский укрепленный район, было приказано обрушить все силы на прорвавшегося противника с севера, а с юга, навстречу ей, планировалось наступление 6-й армии.

Однако у войны своя логика. 6-я армия не смогла выполнить намеченного, ибо сама оказалась в тяжелом положении: ее правый фланг был глубоко обойден с севера, а центр с трудом сдерживал атаки соединений 6-й и 17-й немецких армий. И

Военные действия на юго-западном направлении.
Июль—сентябрь 1941 г.

все же войска генерала М.И. Потапова причинили немало хлопот противнику. Они неоднократно перехватывали дорогу Новоград-Волинский — Житомир, угрожая тылу танковой группы Клейста. В ответ тому пришлось выделять все больше и больше сил и средств для обеспечения своего левого фланга.

12 июля генерал Кирпосов вывел в резерв управление 26-й армии, чтобы под его руководством объединить соединения, сосредоточиваемые восточнее и северовосточнее Белой Церкви. Им предстояло наступать с юго-востока навстречу армии

Потапова. Пришлось Рундштедту целиком повернуть северную группу против 5-й армии, а два корпуса южной группы – против 26-й армии, т.е. на время отказаться от штурма Киева.

Только 15 июля, когда враг овладел Казатином и перерезал единственную железную дорогу, проходившую вдоль фронта, у генерала Кирпоноса зародилось предположение о стремлении противника перенести главные усилия на юг, чтобы отрезать советские войска от Днепра. Был разработан план отхода войск. 17 июля штабам 6-й и 12-й армий были направлены распоряжения с указанием мест переправ на Днестре. Но генерал Кирпонос не осмелился войти в Ставку с предложением об отводе войск за Днепр. Только 18 июля, когда 11-я немецкая армия уже преодолела Днестр под Могилевом-Подольским и Сороками (в Молдавии), Ставка сама осознала опасность двустороннего охвата войск Юго-Западного и Южного фронтов. Она приказала отвести 6, 12 и 18-ю армии, но не за Днепр, а на рубеж Белая Церковь, Китай-Город, Гайсин, что в 100 км и более к западу от этой реки. Генералу Тюленеву было поручено направить в район Умани 2-й механизированный корпус с целью задержать противника в случае прорыва его в тыл войск Южного фронта⁴³. Решение было явно половинчатое, но и оно запоздало, так как 18 июля советские войска оставили Белую Церковь, а значительная часть намеченного рубежа отхода 6, 12 и 18-й армий уже была в руках немцев. 21 июля дивизии Клейста подошли к Тараще и Умани, успев глубоко охватить основные силы 6-й и 12-й армий. Командующий Юго-Западным фронтом генерал Кирпонос приказал командующему 26-й армией генералу Ф.Я. Костенко повернуть свои войска на юго-запад для обеспечения отхода 6-й и 12-й армий.

Удары 26-й армии вплоть до 25 июля сковывали главные силы Клейста (3-й и 14-й моторизованные корпуса), но соединениям 48-го корпуса еще 20 июля удалось выйти из боя и двинуться на Умань. К исходу того же дня они вышли в район Монастырище, иначе говоря, в тыл 6-й и 12-й армиям. Только подоспевшие части 2-го механизированного корпуса генерала Ю.В. Новосельского не позволили 48-му корпусу соединиться с 17-й армией и окружить советские войска восточнее Винницы. Над 6-й и 12-й армиями нависла угроза окружения. На 21 июля в их составе насчитывалось 24 дивизии, 1 воздушнодесантная и 2 противотанковые бригады. С начала войны в ходе ожесточенных боев и продолжительных переходов обе армии потеряли 46 844 человека, 27 667 из которых пропали без вести⁴⁴. У людей силы были на исходе, части нерегулярно снабжались хлебом, а об остальных продуктах и говорить не приходилось. Обмундирование и обувь сильно износились, некоторые солдаты были босы.

А против них действовали 13 дивизий и 4 бригады. К сожалению, германские историки даже не упоминают о численности своих войск на этом участке фронта. Авторы труда "Германский рейх и вторая мировая война" ссылаются, например, на доклад начальника генерального штаба сухопутных войск Гитлеру от 23 июля. В нем говорилось о том, что боевые возможности пехотных дивизий снизились в среднем на 20, а танковых и моторизованных – на 50%⁴⁵. Исходя из этих данных, можно предположить, что к началу Уманской операции одни только немецкие дивизии без учета словацких и венгерских бригад, а также частей резерва главного командования могли насчитывать свыше 100 тыс. человек, около 3 тыс. орудий и минометов, более 200 танков.

Советские войска к 20 июля имели около 130 тыс. человек, более тысячи орудий и минометов, 384 танка⁴⁶. К этому следует добавить, что в воздухе безраздельно господствовала немецкая авиация. Снабжение противника пока осуществлялось довольно сносно, в то время как советские войска испытывали острую нужду в транспортных средствах, а значит, им не хватало самого необходимого для боя – боеприпасов и горючего.

Чтобы обеспечить выполнение поставленной Ставкой задачи, 6-я и 12-я армии

наносили удары в восточном направлении – навстречу 26-й армии. По оценке немецкого командования, их действия имели организованный характер и причиняли немалый урон танковым дивизиям Клейста. Обеспокоенный положением дел, он сам прибыл в 48-й корпус и дополнительно усилил его двумя пехотными дивизиями и моторизованным полком СС "Адольф Гитлер".

Взросшее сопротивление противника, большие потери и отсутствие боеприпасов вынудили генералов И.Н. Музыченко и П.Г. Понеделина прекратить наступление. Положение становилось критическим. Генерал Понеделин, который возглавил отрезанные войска, сообщал Военному совету фронта, что они "находясь в крайне тяжелом состоянии и на грани полной потери боеспособности"⁴⁷. В дивизиях оставалось не более четверти штатной артиллерии, и каждая имела всего от 1 до 4 тыс. человек.

24 июля генерал Кирпонос, ссылаясь на сложность управления и невозможность снабжения 6-й и 12-й армий, просил Ставку передать обе армии Южному фронту. Согласие было получено. На следующий день генерал И.В. Тюленев получил приказ отвести армии на рубеж Звенигородка, Тальное, Христиновка, Умань, т.е. пробиваться на восток⁴⁸. Таким образом, им предстояло прорываться через дивизии 48-го моторизованного корпуса и приданные ему соединения. В то же время на юго-востоке, на стыке с 18-й армией Южного фронта оставалось почти 100-километровое пространство, не занятое еще противником. Его можно было бы использовать для вывода 6-й и 12-й армий. Но командование Юго-Западного направления так же, как и Ставка, не воспользовалось этим обстоятельством и по-прежнему требовало пробиваться на восток. В свою очередь генерал Тюленев стремился в точности выполнять поставленную Москвой задачу: отводить 6-ю и 12-ю армии на восток. Но после 26 июля эта задача потеряла всякий смысл, так как из-за недостатка сил армия Костенко прекратила атаки навстречу отходившим войскам.

Передача 6-й и 12-й армий Южному фронту пагубно отразилась на их судьбе. На третий день после их формального подчинения Тюленеву штаб Южного фронта сообщал в Ставку: "Установить точное положение частей 6-й и 12-й армий невозможно из-за отсутствия связи..."⁴⁹. Положение в районе действий переданных армий удалось выяснить только 29 числа.

Незнание обстановки явилось причиной и последующих неправильных решений. Фактически директива, подписанная генералом Тюленевым вечером 28 июля, повторяла задачу, поставленную 6-й и 12-й армиям Ставкой еще 25 июля. Да и вообще командование Южного фронта больше заботила судьба своей 18-й армии, на флангах которой противник угрожал прорывом. К сожалению, Ставка тоже недооценила опасность окружения армий Музыченко и Понеделина, считая, что неприятель стремится отбросить их на юг, чтобы овладеть переправами на Днепре, между Киевом и Черкассами, для дальнейшего наступления на Донбасс. В связи с этим она 28 июля потребовала от войск Юго-Западного и Южного фронтов не допустить противника к Днепру. А противник продолжал захлестывать петлю с востока и юго-запада, не ослабляя натиска с севера и запада.

Упорное сопротивление войск генерала Понеделина в районе Умани задержало дивизии Клейста почти на восемь суток. Окружить советские войска ударом навстречу 17-й армии ему не удавалось. Между тем Клейст опасался, как бы они, отходя на юго-восток, не избежали окружения. 29 июля он приказал 48-му моторизованному корпусу, обходя Умань с востока, наступать на Первомайск⁵⁰. Соответствующую задачу 49-му горнострелковому корпусу поставил командующий 17-й армией генерал Штюльпнагель: корпус повернул на юго-восток. Этот маневр противника, казалось бы, давал советским войскам драгоценное время для ликвидации угрозы окружения и выхода на юго-восток. Командование Южного фронта упустило и эту последнюю возможность, предоставленную судьбой. Оно по-прежнему требовало от 6-й и 12-й армий отходить на восток.

1 августа стал переломным днем в Уманском сражении. Утром генералы П.Г. Понеделин и И.Н. Музыченко доложили по радио Военному совету фронта и Ставке: "Положение стало критическим. Окружение 6-й и 12-й армий завершено. Налицо прямая угроза распада общего боевого порядка 6-й и 12-й армий на два изолированных очага с центрами Бабанка, Теклиевка. Резервов нет. Просим очистить вводом новых сил участок Терновка, Ново-Архангельск. Боеприпасов нет. Горючее на исходе"⁵¹. К этому времени 26-я армия отошла за Днепр, удерживая на его правом берегу ржищевский и каневский плацдармы. Начала отходить на юго-восток и 18-я армия – южный сосед группы Понеделина. Пала Умань.

2 августа на р. Синюха, у Добрянки, 1-я танковая группа и 17-я армия замкнули кольцо окружения, а на другой день 16-я танковая дивизия и венгерский корпус соединились в Первомайске, создав еще одно кольцо⁵². Однако командование Южного фронта и мысли не допускало, что его войска оказались в двойном котле. Считая, что Понеделину с востока противостоят лишь танковая и моторизованная дивизии, генерал Тюленев приказывал ему "активными действиями в восточном направлении уничтожить прорвавшегося противника, занять и прочно удерживать рубеж Звенигородка, Бродецкое, Ново-Архангельск, Терновка, Краснополье"⁵³. В действительности же против группы Понеделина только с востока наступали два корпуса 1-й танковой группы в составе шести дивизий, а также две пехотные дивизии, а с запада и северо-запада – часть сил 6-й армии, соединения 17-й армии и венгерский подвижный корпус.

С 4 августа окруженные оказались целиком и полностью предоставленными самим себе. Правда, командование Южного фронта пыталось перебрасывать им по воздуху боеприпасы, но, по свидетельству немцев – участников боев под Уманью, значительная часть сброшенных грузов попадала в руки последних⁵⁴. Командование группы не теряло управление войсками и настойчиво пыталось вырваться из окружения. Самыми решительными и успешными были действия в ночь на 6 августа: 12-я армия пробивалась на восток, а 6-я – на юг. Однако группировка противника, особенно на юге, была настолько сильна, что справиться с ней столь малыми силами оказалось невозможно. Отчаянные атаки в первые предутренние часы да еще под проливным дождем на какое-то время привели немцев в растерянность, что позволило советским войскам продвинуться на несколько километров. Но вскоре немцы опомнились: атаковавшим под напором превосходящих сил пришлось с большими потерями повернуть назад, в район Подвысокое. И здесь они продолжали сражаться. Историк, описавший боевые действия 49-го горнострелкового корпуса, дивизии которого на себе испытали яростные атаки окруженных под Уманью, отмечал, что противник, "несмотря на безнадежное положение, не помышлял о плене"⁵⁵.

Последняя попытка была предпринята в ночь на 7 августа. Советским войскам удалось прорвать оборону 1-й горнострелковой и 24-й пехотной дивизий. На направление прорывов немецкое командование повернуло 16-ю моторизованную дивизию и полк СС "Вестланд". Днем сопротивление в основном было сломлено, хотя еще до 13 августа в лесу восточнее Копенковатое, по свидетельству немцев, продолжала сражаться группа командиров и красноармейцев.

Восстановить истинные масштабы потерь советских войск в сражении под Уманью из-за отсутствия документов, к сожалению, весьма затруднительно. Известно только, что 20 июля 6-я и 12-я армии насчитывали 129,5 тыс. человек⁵⁶. А по данным штаба Южного фронта на 11 августа, окружения удалось избежать 11 тыс. человек, главным образом из тыловых частей⁵⁷. Судя по немецким источникам, под Уманью было взято в плен 103 тыс. советских солдат и офицеров⁵⁸, а число убитых русских, согласно ежедневным сообщениям верховного командования вермахта, достигало 200 тыс. человек.

Из этого следует, что имеющаяся в настоящее время в распоряжении

историков информация весьма противоречива, но как бы там ни было, разыгравшаяся под Уманью трагедия глубокой болью отозвалась в сердцах многих советских людей, потерявших там своих родных и близких. Юго-Западное направление лишилось двух армий. В плен попали их командующие генералы П.Г. Понеделин и И.Н. Музыченко, 4 командира корпуса и 11 командиров дивизий. Погибли 2 командира корпуса, 6 командиров дивизий. Но и потери противника, по его собственному признанию, были неожиданно велики. К сожалению, авторы не располагают сведениями об общих потерях германских войск под Уманью, известно, что лишь одна 4-я горнострелковая дивизия потеряла только убитыми 1778 человек⁵⁹.

Судьба попавших в плен под Уманью трагична. Сначала их разместили за колючей проволокой под открытым небом, и только с наступлением зимы перевели в неотапливаемые казармы. Тем, кому все-таки удалось выжить в аду фашистского плена, после окончания войны пришлось испытать еще одну горькую чашу – по возвращении на Родину. Показательна в этом отношении судьба генерала Понеделина. В августе 1941 г., когда Сталину стало известно, что командующий 12-й армией сдался в плен, он приказал судить его. Понеделин был заочно приговорен к расстрелу.

С трагедией под Уманью непосредственно связан приказ Ставки Верховного Главнокомандования Красной Армии № 270, подписанный 16 августа. Вопреки истине в нем говорилось, что Понеделин "имел полную возможность пробиться к своим, как это сделало подавляющее большинство частей его армии. Понеделин не проявил необходимой настойчивости и воли к победе, поддавшись панике, струсил и сдался в плен врагу, дезертировал к врагу, совершив таким образом преступление перед Родиной, как нарушитель военной присяги"⁶⁰.

После войны генерал Понеделин – снова в тюрьме, на этот раз на Родине, а спустя пять лет он был расстрелян. Предлогом послужила записка, составленная им в первые дни плена в Ровенской тюрьме. В ней бывший командующий показал положение и численность своих войск на 4–5 августа 1941 г., а ведь эти сведения уже тогда утратили какую-либо ценность для германского командования.

Подобная же участь постигла и командира 13-го стрелкового корпуса генерала Н.К. Кириллова, также отмеченного в приказе № 270.

Во второй половине дня 7 августа в Бердичев, в штаб Рундштедта, где в это время находились Гитлер и Антонеску, главнокомандующий румынскими войсками, поступило сообщение о победе под Уманью. Фюрер ликовал. На радостях он одарил Антонеску высшей военной наградой – рыцарским крестом и заверил его в том, что еще до наступления осенней непогоды немецкие войска успеют захватить важнейшие центры СССР, в том числе Москву и Ленинград.

Гитлер расценил победу под Уманью как достижение группой армий "Юг" первой стратегической цели, что, однако, не соответствовало действительности, так как согласно плану "Барбаросса" первой стратегической целью группы армий Рундштедта являлось уничтожение основных сил русских войск на Правобережной Украине. Вот почему 12 августа главное командование сухопутных войск вермахта приказало Рундштедту уничтожить советские войска между устьем Днепра и Запорожьем. Это обеспечило бы немцам охват и оттеснение к Черному морю сил Южного фронта – 9-й, 18-й и Приморской армий.

К северо-западу от Киева как дамоклов меч нависала над 6-й армией Рейхенау армия Потапова. Она приковала к себе все его соединения, с одной стороны, не давая им возможности наступать на Киев, а с другой – постоянно угрожая южному флангу и тылу группы армий "Центр".

Только 6 августа противнику удалось прорваться к окраинам Киева. Однако уже 9-го в журнале боевых действий главного командования вермахта отмечалось, что наступление на Киев приостановилось. Все войска, оборонявшиеся в Киевском укрепленном районе, были объединены в 37-ю армию под командованием генерала

А.А. Власова. Они успешно отражали, вражеские атаки. Через два дня немецкие войска перешли к обороне, а 12 числа 37-я армия сама нанесла контрудар и почти полностью восстановила положение по переднему краю укрепленного района. В тот же день Гитлер приказал: "Наступление на Киев приостановить. Как только позволят возможности подвоза боеприпасов, город должен быть разрушен бомбардировкой с воздуха"⁶¹. Итак, в районе Киевского укрепленного района боевые действия приняли позиционный характер, а Рейхенау свои усилия вновь направил против 5-й армии.

Остановка германских войск на лужском рубеже под Ленинградом, медленное продвижение под Смоленском и на Украине заставили Гитлера принять решение о повороте части сил группы армий "Центр" на юг – для уничтожения Юго-Западного фронта. Таким образом, вопреки первоначальному замыслу, основные усилия германских войск переносились с западного (московского) направления на юго-западное.

Ставка ВГК обнаружила поворот 2-й танковой группы Гудериана на юг и 19 августа разрешила генералу Кирпоносу отвести войска за Днепр, организовав оборону по его левому берегу, а на правом берегу было приказано удерживать один лишь Киев⁶². Для противодействия прорыву противника в тыл фронта с севера по р. Десна теперь развертывалась новая 40-я армия под командованием генерала К.П. Подласа.

К сожалению, отвод войск за Днепр не везде проходил организованно. Вслед за 27-м отдельным стрелковым корпусом противник прорвался к переправе севернее Киева, в районе Окунинова, и захватил плацдарм на левом берегу. Для войск фронта генерала Тюленева трудности возникли в связи с преждевременным взрывом плотины Днепровской ГЭС 18 августа. Подъем воды в реке, южнее Запорожья, где даже до взрыва ее ширина превышала 1,5 км, усложнил переправу 9-й и 18-й армий. К чести командования этих войск надо отметить, что переправа была организована четко. Несмотря на то, что на один рейс парома уходило больше часа, к исходу 22 августа основные силы уже были на левом берегу.

К концу августа войска Юго-Западного и Южного фронтов отошли за Днепр. Нацеленный на окружение Юго-Западного фронта противник более чем вдвое превосходил его по числу самолетов и в 4,2 раза по количеству танков⁶³. По левому берегу Днепра, от устья Ворсклы и до Черного моря, оборонялся Южный фронт, в который кроме 9-й и 18-й армий вошли воссозданные 6-я и 12-я армии, а Приморская армия, прижатая к морю, оставалась в тылу противника, обороняя Одессу. Но основная опасность Юго-Западному фронту исходила с севера от танковой группы Гудериана, которая успела захватить два плацдарма на р. Десна – у Коропа и Новгорода-Северского, угрожая выйти в глубокий тыл войск Кирпоноса. В первых числах сентября здесь развернулись ожесточенные бои. В междуречье Сейма и Десны, севернее Конотопа и Бахмача, дивизии 40-й армии сдерживали напор танков Гудериана. Об этих боях Гальдер с явным беспокойством писал: "2-я танковая группа в ходе наступления через Десну своим левым флангом настолько вцепилась в противника, что ее наступление на юг приостановилось"⁶⁴.

Из-за упорного сопротивления советских войск, бездорожья, отставания переправочных средств, нарушения снабжения преодоление Днепра немцами затягивалось. Рундштедт опасался, что советские войска будут отходить дальше на восток, чтобы избежать окружения на Левобережной Украине, поэтому 28 августа потребовал от 1-й танковой группы, 6-й и 17-й армий с утра следующего дня приступить к форсированию Днепра на возможно большем количестве участков, без оглядки на фланги и соседей. 31 августа 17-я армия захватила плацдарм у Дериевки, под Кременчугом. Главнокомандующий Юго-Западным направлением маршал Буденный сразу же понял, какую опасность для его войск представляет

этот плацдарм. Он потребовал незамедлительно сбросить немцев с левого берега Днепра⁶⁵. Но как это сделать, когда не хватало ни сил, ни умения?

Между тем противник быстро расширял плацдарм, и 4 сентября Рундштедт решил перебросить сюда 1-ю танковую группу. В ночь на 12 под проливным дождем 16-я танковая дивизия генерала Хубе переправилась через Днепр, а утром внезапно всей своей массой обрушилась на пехотинцев 297-й стрелковой дивизии полковника П.П. Чувашева. На второй день немецкие танкисты подошли к р. Сула, южнее города Лубны. Но здесь путь им, героям французского похода, преградили советские зенитчики и отряды городской самообороны. Изрядно потрепанные еще под Дубно и Уманью, солдаты Х. Хубе стали довольно осторожными и не бросались так рьяно вперед.

А в это время 3-я танковая дивизия генерала В. Моделя из группы Гудериана подошла к Лохвице с севера. Между 3-й и 16-й немецкими дивизиями еще оставался 40-километровый коридор, которым советские войска уже не могли воспользоваться для отхода на восток: во-первых, потому что Ставка категорически запретила им отходить, а во-вторых, было уже слишком поздно. 13 сентября Тимошенко, прибывший в штаб Юго-Западного направления сменить Буденного, заверил Верховного, что Киев будет удержан.

Воскресным солнечным днем 14 сентября части Моделя и Хубе овладели Лохвицей и Лубнами, но из-за сильного сопротивления советских войск двигаться дальше, навстречу друг другу, не смогли. Бои вокруг Лохвицы и под Лубнами продолжались и на другой день, но тут к Лохвице с юго-востока подошла 9-я танковая дивизия. Оборонявшие Киев войска находились в 200 км к западу от места соединения вражеских дивизий. Гигантское кольцо вокруг четырех советских армий замкнулось. В котле оказалось и управление Юго-Западного фронта.

Окружение советских войск под Киевом – самое крупное за всю вторую мировую войну, поэтому каждый, кто обращает свой взор к тем далеким событиям, задумывается: как же это все могло произойти? Неужели советское командование не видело угрозы, нависшей над войсками Юго-Западного фронта? А если оно видело, то почему не смогло предотвратить окружение?

Главным виновником трагедии Красной Армии на Левобережной Украине многие историки Запада давно считают Верховного Главнокомандующего. Действительно, именно он до самого последнего момента не разрешал войскам оставлять Киев, именно он, создав Брянский фронт, целиком и полностью положился на его командующего генерала Еременко, самонадеянно обещавшего непременно разгромить "подлеца Гудериана". К чести других военных руководителей надо отметить, что они вовремя разгадали замысел командования вермахта, но в тех условиях не могли повлиять на ход событий.

Еще в конце июля, когда наступательные возможности группы армий "Центр" иссякли, руководство советского Генерального штаба пришло к выводу, что немецкие войска возобновят наступление на Москву "только после того, как будет ликвидирована угроза для них на фланге центральной группировки со стороны юго-западного направления..."⁶⁶. Жуков доложил эти соображения Сталину 29 июля. Начальник Генштаба предлагал усилить Центральный фронт с тем, чтобы тот был в состоянии надежно прикрыть северный фланг Кирпоноса, и, оставив Киев, отвести его войска за Днепр. Однако тогда Сталин не распознал той опасности, что нависла над киевской группировкой. Даже сама мысль об оставлении Киева казалась ему кошунственной. Его больше всего волновало, как это отразится на настроениях внутри страны, а главное – как отнесутся к этому правительства Великобритании и США, на помощь которых Сталин возлагал немалые надежды? Недолго думая, Сталин отстранил Жукова от занимаемой должности и назначил командующим Резервным фронтом, а Шапошникова отозвал с Западного направления, где тот возглавлял штаб главкома Тимошенко, и назначил начальником Генштаба.

Шапошников кроме высокой теоретической подготовки имел богатую практику штабной работы в стратегическом звене. В гражданскую войну он возглавлял оперативный отдел Полевого штаба Реввоенсовета республики, а в межвоенный период дважды назначался начальником Генерального штаба РККА. Шапошников окончил Николаевскую академию и еще до революции успел получить чин полковника. Из всех "военспецов", достигших высокого ранга в Красной Армии, он оказался единственным человеком, кому удалось уцелеть после кровавых чисток. Это немаловажное обстоятельство не могло не отразиться на всей последующей деятельности маршала. Как правило, Шапошников весьма объективно оценивал обстановку, довольно точно предугадывал намерения командования вермахта, правильно прогнозировал ход вооруженной борьбы и выдвигал рациональные предложения. Однако Сталин, обладавший неограниченной властью, но не имевший достаточной военной подготовки, часто не соглашался с выводами и предложениями маршала, больше действуя по своему усмотрению, руководствуясь только ему одному известными мотивами. А Шапошников, опасаясь сталинской немилости, которая полковнику старой армии грозила не просто отставкой, а застенками НКВД, часто не упорствовал, отстаивая свое мнение. Следует иметь в виду, что Шапошников постоянно находился в поле зрения НКВД, и, начиная с 20-х годов, его имя фигурировало при подготовке репрессий против командного состава Красной Армии. В 1925 г. он был убран из Штаба РККА, в 1931 г. в период ареста большого количества бывших генералов и офицеров он вновь подвергся опале – его переместили с поста начальника Штаба РККА на должность командующего войсками третъестепенного Приволжского военного округа. У него на квартире производились тайные обыски, Сталин и Ворошилов устраивали ему очные ставки с доносчиками. Многие из военачальников, проходивших по делу "заговора военных" в 1937 г., в своих показаниях причисляли Шапошникова к руководству "заговорщиками".

Разумеется, Шапошников видел опасность, угрожавшую войскам Юго-Западного фронта, и вместе со своим заместителем Василевским предпринимал попытки убедить Сталина в необходимости отвода их за Днепр. Однако Сталин, беспокоясь за Москву, больше всего заботился об укреплении западного направления, ибо он был абсолютно уверен, что немцы вскоре возобновят наступление на столицу. В этой мысли его поддерживали и данные разведки. В первой половине августа в Кремль поступило сообщение от хорошо информированного разведчика А. Радо из Швейцарии о том, что командование вермахта собирается нанести удар на Москву через Брянск.

Это и в самом деле соответствовало намерениям главного командования сухопутных войск вермахта: 18 августа начальник генерального штаба Гальдер представил Гитлеру план такого наступления. Но через три дня Гитлер подписал директиву, в соответствии с которой часть сил группы армий "Центр" должна была повернуть на юг. 23 августа Гальдер лично доставил директиву в Борисов, в штаб-квартиру группы армий "Центр", где она встретила явное неодобрение. Особенно резко отозвался Гудериан. В тот же день он вместе с Гальдером вылетел в Растенбург, в ставку Гитлера, чтобы убедить фюрера в необходимости наступления на Москву. Тем не менее 24 августа Гудериан прибыл на свой командный пункт, чтобы руководить наступлением войск на юг, прикрывшись от Еременко всего лишь одним корпусом. Конечно, обо всем этом не было известно Сталину, а потому он по-прежнему уделял основное внимание Москве.

В свою очередь командование Юго-Западного фронта еще 18 августа пыталось обратить внимание Ставки на угрожающее положение своего правого фланга. Буквально на другой день командующий Резервным фронтом Жуков направил Сталину телеграмму, в которой сообщал, что противник, "перейдя к активной обороне против Западного и Резервного фронтов, все свои ударные подвижные и

танковые части бросил против Центрального, Юго-Западного и Южного фронтов⁶⁷. Жуков предлагал создать в районе Глухов, Чернигов, Конотоп крупную группировку войск, способную сорвать замысел противника.

Сталину пришлось согласиться с предложенной оценкой. Однако он по-прежнему был уверен, что Еременко сможет не только надежно прикрыть брянское направление, но и разгромить ударную группировку противника, нацеленную в тыл Юго-Западного фронта. Потому-то войскам Юго-Западного направления и было приказано упорно оборонять рубеж р. Днепр и "во что бы то ни стало удержать за собой Киев"⁶⁸.

Когда в 20 числах августа обозначился прорыв танковой группы Гудериана на стыке Брянского и Центрального фронтов, Ставка для руководства действиями войск в районе Новгород-Северского создала управление 40-й армии, полагая, что оно остановит дивизии Гудериана и надежно прикроет правый фланг и тыл Юго-Западного фронта. Но могли ли ослабленные в предыдущих боях на днепровском рубеже две стрелковые дивизии и воздушнодесантный корпус противостоять двум танковым дивизиям противника? А ведь за ними двигались еще две моторизованные и кавалерийская дивизии. Ни героизм советских воинов, задержавших немцев на несколько дней, ни опыт командарма Подласа, командовавшего армией еще в 1938 г., когда она сражалась против японских войск в районе озера Хасан, положение спасти не могли.

30 августа Брянскому фронту была поставлена задача разгромить танковую группу Гудериана, которая к этому времени, преодолев Десну, устремилась в тыл Юго-Западного фронта. Но предпринятые усилия не дали должных результатов: противник упорно продолжал продвигаться. Объясняя неудачи своих войск Ставке, Еременко жаловался на их неустойчивость и просил разрешения на создание заградительных отрядов. 4 сентября просьба командующего Брянским фронтом была удовлетворена.

7 сентября, когда танки Гудериана вышли к Конотопу, Шапошников и Василевский вновь попытались убедить Сталина в необходимости отвода войск Кирпоноса. По их обоюдному мнению, даже в случае немедленного принятия такого решения войскам пришлось бы столкнуться с огромными трудностями, ибо было уже поздно. Как отмечал в своих мемуарах Василевский, Верховный довольно резко отреагировал на предложение руководителей Генштаба, упрекая их в том, что они идут по пути наименьшего сопротивления. "При одном упоминании о жестокой необходимости оставить Киев Сталин, – вспоминал маршал Василевский, – выходил из себя и на мгновение терял самообладание"⁶⁹.

10 сентября Кирпонос телеграфировал в Ставку: "Танковая группа противника прорвалась в Ромны, Грайворон. 21-я и 40-я армии не могут ликвидировать эту группу. Требуется немедленная выброска войск из Киевского укрепленного района на пути движения противника и общий отход войск фронта..."⁷⁰. В ночь на 11 сентября в переговорах по телеграфу с Шапошниковым он просил разрешить отвести войска фронта на восток. Начальник Генштаба ответил ему, что Ставка полагает необходимым продолжать драться на занимаемых позициях. Отлично зная, что в районе Ромны действуют 3-я и 4-я танковые дивизии противника, Шапошников назвал это "вылазкой" и заявил, что фронт может сам справиться с нею, сняв часть сил с днепровского рубежа. Помня особое отношение Сталина, он запрещал снимать войска с обороны Киева, хотя оборонявшая его 37-я армия Власова являлась самой сильной во всем фронте, да и немцы отказались от штурма города еще в первой половине августа.

Утром 11 сентября главком направления Буденный, узнав о переговорах Кирпоноса с Шапошниковым, телеграфировал Сталину из Полтавы, что "отход Юго-Западного фронта является вполне назревшим" и что промедление может только привести "к потере войск и огромного количества матчасти"⁷¹. Маршал

просил хотя бы вывести войска из Киева, чтобы использовать их для противодействия окружению. В тот же день в разговоре по прямому проводу с Кирпоносом Верховный еще раз приказал: "Киева не оставлять и мостов не взрывать без разрешения Ставки"⁷². Кирпонос так и не смог убедить Сталина в необходимости отвода. Буденный же, осмелившийся настаивать на этом, был немедленно отстранен от должности главнокомандующего направлением. Надо заметить, что смена командования Юго-Западного направления происходила как раз в самый критический момент и уже не могла что-либо изменить к лучшему. А Ставка ВГК по-прежнему верила, будто наступление Брянского фронта позволит восстановить положение. Явно недооценивая опасность, нависшую над Юго-Западным фронтом, Сталин сильно переоценивал возможности его войск и особенно войск Брянского фронта.

В ночь на 14 сентября начальник штаба фронта Тупиков в радиограмме Шапошникову сообщил: "Начало понятной Вам катастрофы – дело пары дней". И даже после этого Верховный продиктовал ответ за начальника Генштаба: "Генерал-майор Тупиков... представил в Генштаб паническое донесение. Обстановка, наоборот, требует сохранения исключительного хладнокровия и выдержки командиров всех степеней. Необходимо, не поддаваясь панике, принять все меры к тому, чтобы удержать занимаемое положение и особенно прочно удерживать фланги. Надо заставить Кузнецова и Потапова прекратить отход. Надо внушить всему составу фронта необходимость упорно драться, не оглядываясь назад, необходимо выполнять указания т. Сталина, данные Вам 11.IX"⁷³. Что же стояло за всем этим?

Дело в том, что в условиях глубокого вторжения вражеских войск на территорию страны и крупных поражений Красной Армии советская пропаганда сделала Киев наряду с Ленинградом и Одессой символом мужества и примером того, что противника можно и нужно остановить. Видимо, была и другая подоплека: необходимо было продемонстрировать своим будущим союзникам, что Красная Армия способна оказывать упорное сопротивление победоносным войскам вермахта. Вот те мотивы, которые двигали Сталиным при руководстве вооруженной борьбой на юго-западе и в жертву которым были принесены сотни тысяч человеческих жизней и судеб. Не говоря уже о тысячах орудий, сотнях танков и самолетов, бесчисленном множестве другого оружия и техники, которые были так нужны на полях сражений.

Только 16 сентября Тимошенко устно через Баграмяна передал Кирпоносу распоряжение об отводе войск фронта на рубеж р. Псел. Кирпонос, помня указания Сталина не оставлять ни за что Киев и не имея на то письменной директивы, обратился в Москву за подтверждением решения главкома, так как связи со штабом Тимошенко он не имел. Драгоценное время было упущено. В ночь на 18 сентября Шапошников, наконец, сообщил, что Ставка разрешает оставить Киев, но ни словом не обмолвился по поводу отвода войск фронта.

Еще 17 сентября, буквально за несколько минут до окончательной потери связи со штабами армий, Кирпонос успел отдать приказ 5, 21, 26 и 37-й армиям на прорыв в восточном направлении. Находившимся вне котла силам 38-й и 40-й армий надлежало поддержать выход войск фронта из окружения ударом на Ромны и Лубны⁷⁴.

Однако планомерный вывод не состоялся. Теснимые со всех сторон немцами, расчлененные на части и оставшиеся без управления войска, понесшие большие потери в предыдущих боях, действовали разрозненно и беспорядочно, а чаще небольшими группами. В районе Оржицы дольше всех – до 26 сентября сражались остатки 26-й армии Костенко. Армия Власова оказалась в двух районах: один – в 40–50 км юго-восточнее, другой – в 10–15 км северо-восточнее Киева. Она смогла продержаться до 21–23 сентября. Пирятинская группа из войск 5-й и 21-й армий

держалась до 25. Часть сил и управление 5-й армии вынуждены были присоединиться к колонне штаба фронта и двигались вместе с ней на Пирятин⁷⁵. Остальные, расчлененные на мелкие группы, пытались вырваться самостоятельно.

Трагически закончились попытки прорыва Военного совета и штаба Юго-Западного фронта, потерявших связь с армиями. 20 сентября сводная колонна штабов фронта и 5-й армии подошла к хутору Дрюковщина, что в 15 км юго-западнее Лохвицы. Именно там она была атакована главными силами 3-й танковой дивизии противника. Потеряв несколько орудий и бронемашин, остатки ее отошли в рощу Шумейково. В руки врага попал командующий артиллерией 5-й армии генерал В.Н. Сотенский вместе со всем своим штабом.

В группе оставалось не более тысячи человек, из них 800 офицеров, в том числе командующий фронтом М.П. Кирпонос, члены Военного совета М.А. Бурмистенко, Е.П. Рыков, начальник штаба В.И. Тупиков, генералы управления фронта Д.М. Добыкин, А.И. Данилов, В.В. Панюхов, командующий 5-й армией М.И. Потапов, члены Военного совета его армии М.С. Никишев, Е.А. Кальченко, начальник штаба армии Д.С. Писаревский. Роща насквозь простреливалась пулеметным огнем. Транспорт и люди рассредоточились по кромке пересекавшего ее оврага, бронемшины заняли позиции по опушке.

Немецкие танки и пехота атаковали рощу с трех сторон. Вначале они ворвались на восточную опушку. Вооруженные связками гранат и бутылками с бензином, люди отбивали атаки. В рукопашной схватке участвовали все – от солдата до командующего фронтом. Кирпоноса сначала ранило в ногу, а вскоре осколки разорвавшейся рядом мины изрешетили его грудь. Командующий тут же скончался.

По свидетельству германского историка В. Хаупта, бой продолжался пять часов. Русские не могли вырваться из рощи и должны были или покончить с собой, или сгореть в пламени огнеметов. Они оборонялись ожесточенно и отчаянно. Прочесывая лес на другой день, стрелки мотоциклетного батальона 3-й танковой дивизии обнаружили лежащего без сознания генерала. Им оказался командующий 5-й армией генерал-майор М.И. Потапов, которого командование вермахта считало "одним из наиболее талантливых генералов Красной Армии, чья заслуга заключалась в том, что не только 6-я армия, но и 1-я танковая группа не смогли взять Киев"⁷⁶. Так генерал Потапов оказался в плену, а на Родине его считали погибшим. Освобожденный в конце войны из лагеря, он вернулся в ряды Красной Армии и служил в ней до 1965 г. – до самой смерти.

Погибли начальник штаба фронта В.И. Тупиков и начальник штаба 5-й армии Д.С. Писаревский. Был замучен попавший в руки немцев Е.П. Рыков.

Поражение войск Юго-Западного фронта явилось подлинной катастрофой для Красной Армии, превзошедшей по своим масштабам трагедию в Белоруссии. На 1 сентября без фронтовых резервов, запасных частей и тылов в Юго-Западном фронте насчитывалось 752–760 тыс. человек, 3923 орудия и миномета, 114 танков и 167 боевых самолетов⁷⁷. К моменту окружения в котле оказались 452,7 тыс. человек, 2642 орудия, 1225 минометов, 64 танка⁷⁸. До 2 октября из окружения вышли почти 15 тыс. человек⁷⁹. Германские историки считают, что под Киевом к 24 сентября силами групп армий "Юг" и "Центр" было взято в плен 665 тыс. человек⁸⁰. В это число вошли бойцы и командиры не только Юго-Западного, но и Брянского фронта, плененные в августе–сентябре.

Точность этих данных пусть останется на совести командования группы армий "Юг" и германских историков. Безусловным остается лишь то, что число военнопленных было действительно огромным. Об этом свидетельствует хотя бы тот факт, что командующие 6-й и 17-й германскими армиями вынуждены были вывести из боя по одной пехотной дивизии в помощь охранным, не справлявшимся с обслуживанием военнопленных. На долю пленных под Киевом выпали еще большие

страдания, чем те, которые пришлось испытать советским воинам, попавшим в руки врага под Уманью.

Так, военнопленные, собранные в тылу 17-й армии, транспортировались пешком через Лубны и Хорол в район Умани на расстояние 400 км. На сутки марша протяженностью 30–40 и более км им выдавалось по 20 г пшена и 100 г хлеба⁸¹. Не будучи в состоянии справиться со снабжением пленных, а может и не желая того, командующий 6-й армией генерал Райхенау приказал пристреливать ослабевших. Примечательно, что этот приказ не встретил возражений в вышестоящих военных инстанциях. Инспектировавший 6-ю армию полковник абвера Лаузен в докладе о приказе своему руководству 31 октября сетовал лишь на то, что расстрелы часто производятся в населенных пунктах и местное население становится их свидетелем⁸². В этих жутких условиях советские военнопленные вовсе не напоминали "стадо послушных животных", одолеваемых голодом и подавленных страхом, как их иногда изображают бывшие офицеры и генералы вермахта. Документы свидетельствуют как раз об обратном. Согласно докладу командира 24-й пехотной дивизии штабу 17-й армии, 25 сентября в районе Лубны взбунтовались 33 тыс. военнопленных армейского сборного пункта⁸³. Спустя почти месяц штаб той же дивизии сообщал командующему тыловым районом группы армий "Юг", что "транспортировка военнопленных ввиду сопротивления и истощения очень тяжела"⁸⁴.

В результате катастрофы под Киевом Красная Армия лишилась самого сильного фронтового объединения. По данным, опубликованным в 1993 г. Генеральным штабом Вооруженных Сил Российской Федерации, в Киевской оборонительной операции Красная Армия потеряла свыше 700 тыс. человек, из них 627,3 тыс. безвозвратно⁸⁵.

В то время как войска Юго-Западного фронта вели бои под Коростенем, Киевом и Уманью, в полосе Южного фронта к 7 августа враг занял Котовск, Первомайск, Кировоград, Вознесенск. Одесса – крупный порт и военно-морская база на Черном море оказалась обойденной противником. Вот в такой тяжелой обстановке Приморской армии генерала Г.П. Софронова предстояло защищать город. Армию поддерживали корабли Черноморского флота⁸⁶.

С 8 августа Одесса была объявлена на осадном положении. В городе были сформированы 241-я стрелковая дивизия, два полка морской пехоты, несколько отрядов моряков и 6 истребительных батальонов. Промышленные предприятия приступили к выпуску военной продукции⁸⁷. В короткие сроки на подступах к городу, на глубине 6–25 км, были построены три рубежа обороны, на улицах возведены баррикады. Прикрытие с моря и огневую поддержку войск осуществляли корабли. Ставка ВГК 19 августа образовала Одесский оборонительный район в составе Приморской армии и Одесской военно-морской базы во главе с адмиралом Г.В. Жуковым⁸⁸. Войска, которым было приказано оборонять город до последнего бойца, насчитывали 34 500 человек, 303 орудия, 2 танка и 19 исправных самолетов⁸⁹.

Около месяца защитники Одессы отбивали атаки войск 4-й румынской армии, а 22 сентября сами нанесли контрудар. Боевые корабли высадили в район Григорьевки полк морской пехоты, одновременно в тыл противника был выброшен парашютный десант. Врага удалось отбросить на 5–8 км.

Защитники были полны решимости продолжать борьбу и дальше, но в конце сентября Ставка из-за угрозы прорыва противника в Крым решила оставить Одессу. Со 2 по 16 октября корабли Черноморского флота эвакуировали войска оборонительного района в Крым. Эвакуацией руководил новый командующий Приморской армией И.Е. Петров, который заменил заболевшего Г.Н. Софронова. Оборона Одессы на два с лишним месяца сковала 4-ю румынскую армию и наряду с Киевом и Ленинградом явилась символом мужества и стойкости.

В целом длительная и упорная борьба советских войск на Украине сыграла важную роль в срыве плана молниеносной войны. Привлечение значительных сил

группы армий "Центр" для удара во фланг Юго-Западному фронту более чем на месяц задержало ее наступление на главном, московском направлении. Но катастрофа, постигшая Юго-Западный фронт, и поражение Южного фронта резко ухудшили обстановку на всем южном крыле советско-германского фронта. Командование вермахта получило возможность усилить войска группы армий "Центр" для возобновления наступления на Москву. К тому же создалась реальная угроза прорыва противника в Донбасс.

Некоторые историки запада склонны считать, что Киев спас Москву. В какой-то степени они правы, но думается, не следует сбрасывать со счетов и Ленинград. Для преодоления сопротивления его защитников германское командование тоже снимало часть сил с московского направления.

СРЫВ ПЛАНА ЗАХВАТА ЛЕНИНГРАДА

В Прибалтике и на ленинградском направлении к середине июля продвижение германских войск фактически приостановилось. С одной стороны, это обуславливалось тем, что был создан заблаговременно оборонительный рубеж и постепенно нарастало сопротивление советских войск, а с другой – фронт наступления группы армий "Север" все время возрастал.

Первая попытка захвата Ленинграда с ходу была предпринята командованием группы армий "Север" 10 июля. Согласно его замыслу, 4-я танковая группа должна была одним своим корпусом перерезать магистраль Ленинград – Москва у Чудова, а другим – прорваться к Ленинграду с юга через Лугу. 18-й армии предстояло наступать за левым флангом 4-й танковой группы, отсекая советскую 8-ю армию, действовавшую в Эстонии, от остальных сил Северо-Западного фронта⁹⁰. Одновременно с севера на Карельском перешейке наносили удар на Ленинград финские войска.

Успехи германских войск в первые три недели войны привели к тому, что их командование настолько уверовало в слабое сопротивление советских войск, что надеялось в четыре дня преодолеть 300-километровое расстояние до Ленинграда. Однако спасло положение то обстоятельство, что уже 24 июня командование Северного фронта приступило к созданию рубежа обороны по р. Луга на юго-западных и южных подступах к Ленинграду. К началу немецкого наступления на город здесь развернулась Лужская оперативная группа войск. Возглавил ее заместитель командующего фронтом генерал К.П. Пядышев – опытный военачальник, еще в 20-х годах командовавший дивизией.

Уже на второй день наступления командующий 4-й танковой группой генерал Гепнер понял, что на лужском, т.е. кратчайшем к Ленинграду, направлении из-за упорного сопротивления русских прорваться без значительных потерь и в короткие сроки не удастся. 12 июля он повернул 41-й моторизованный корпус на северо-запад, чтобы попытаться счастья в нижнем течении Луги. Два дня спустя корпусу удалось захватить небольшие плацдармы юго-восточнее Кингисеппа, но продвинуться дальше он не смог, увязнув в обороне курсантов Ленинградского пехотного училища, которыми командовал полковник Г.В. Мухин. Им на помощь подоспели бойцы 2-й дивизии народного ополчения полковника Н.С. Угрюмова – героя советско-финляндской войны.

Туго пришлось и 56-му моторизованному корпусу генерала Манштейна, действовавшему против левого фланга Лужской оперативной группы. 14 июля 11-я армия генерала В.И. Морозова, нанеся удар по сходящимся направлениям, окружила 8-ю танковую и часть сил 3-й моторизованной дивизии. В течение пяти суток

Военные действия на северо-западном направлении.
Июль—сентябрь 1941 г.

западнее Сольцы шли напряженные бои. Манштейн, штаб которого также оказался отрезанным, после войны писал: "Нельзя было сказать, что положение корпуса в этот момент было весьма завидным... Последующие несколько дней были критическими, а противник всеми силами старался сохранить кольцо окружения"⁹¹. На выручку Манштейну были брошены дивизии 1-го армейского корпуса. Им-то и удалось остановить советские войска.

Гитлер считал Гепнера виновником остановки наступления 4-й танковой группы. Ведь это он, вопреки замыслу фюрера, отказался от сосредоточения основных усилий на восточном фланге и, перебросив корпус под Кингисепи, наносил теперь удар не "кулаком", а "растопыренными пальцами". Для выяснения обстоятельств в группу армий "Север" вылетел адъютант Гитлера Шмундт, которому Лееб разъяснил, что Гепнер не виноват: в его действия вмешался противник, упорное и организованное сопротивление которого вынудило командующего 4-й танковой группой маневрировать в поисках слабых мест в русской обороне.

Неожиданно образовавшуюся паузу каждая из сторон стремилась максимально использовать. В то время как немцы разрабатывали план возобновления наступления на Ленинград, советское командование укрепляло оборону города. Конечно, и в ставке Гитлера, и в штабе группы армий "Север" понимали, что чем быстрее их войска возобновят наступление, тем меньше будет времени у русских на укрепление обороны. Тем не менее сроки начала наступления откладывались шесть раз, главным образом, из-за трудностей в снабжении и в осуществлении перегруппировок, а также из-за разногласий по поводу дальнейших действий.

В середине июля командование группы армий "Север" пришло к выводу, что сопротивление противника и недостаток собственных сил не позволят овладеть Ленинградом с ходу. Эта задача может быть решена только путем последовательного разгрома русских сил. Поэтому вначале оно предполагало овладеть рубежом Новгород, Нарва. Правда, приступить к выполнению этой задачи можно было лишь после того, как 16-я армия завершит разгром окруженных советских соединений под Невелем или отбросит их на восток, а значит, когда будет надежно прикрыт правый фланг 4-й танковой группы. По мнению фельдмаршала Лееба, наступление следовало отложить до 25 июля⁹².

Это вовсе не устраивало Гитлера, который стремился как можно скорее покончить с Ленинградом. 21 июля фюрер прилетел в штаб-квартиру Лееба, к которому он особо благоволил. Фельдмаршал изложил Гитлеру свои соображения: до подхода достаточных сил пехоты танковая группа Гепнера вряд ли может рассчитывать на успех.

Гитлер, как и всегда в беседах с военачальниками, помимо чисто военных доводов, привел немало политических аргументов. Он говорил, что необходимость срочного захвата Ленинграда обуславливается не только тем, что это позволит очистить все балтийское побережье, а значит лишит русской флот баз и тем самым обеспечит свободу перевозки шведской руды в Германию, но и даст политический выигрыш, ибо руководство СССР потеряет город, который, являясь колыбелью большевистской революции, имеет для советского режима особый символ. Кроме того, Гитлер считал очень важным не дать советскому командованию возможности вывести войска из района Ленинграда и использовать их на других направлениях. Потому-то очень важно было, по его мнению, в первую очередь перехватить магистрали, ведущие из Ленинграда на восток, и блокировать их выходом немецких войск к Ладоге. Он настаивал на сосредоточении основных усилий группы армий "Север" на направлении Новгород, Ладожское озеро и привлечении сюда 3-й танковой группы, которая в то время вела тяжелые бои северо-восточнее Смоленска.

Командование сухопутных войск также полагало, что группа армий "Север" должна перенести свои усилия на направление Новгород, Ладога, однако оно возражало против переброски 3-й танковой группы, ибо это означало ослабить натиск, если не полностью отказаться от наступления на Москву. Лееб и Гепнер поддерживали идею переброски группы Гота под Ленинград, но склонялись к тому, чтобы основные силы 4-й танковой группы сосредоточить на ее левом фланге, в полосе 41-го моторизованного корпуса, так как на избранном фюрером направлении местность, по их мнению, была совершенно непригодной для действий крупных подвижных соединений.

Вовсе не заинтересованный в переброске 3-й танковой группы, Гальдер направил к Леебу своего первого обер-квартирмейстера Паулюса – опытного танкиста. Ему предстояло убедить и Лееба, и Гепнера в необходимости наступать главными силами на правом фланге 4-й танковой группы. Однако, возвратившись в Берлин, Паулюс подтвердил, что местность на указанном направлении действительно непригодна для наступления танковых соединений. Гальдеру пришлось пойти на компромисс с Леебом: направление Новгород, Ладога официально оставалось главным, но для действий на нем назначались в основном пехотные дивизии. 8-я танковая дивизия и дивизия СС "Мертвая голова", переброшенные из 56-го моторизованного корпуса на левый фланг танковой группы, формально готовились к вводу в сражение на правом фланге.

Таким образом, на новгородском направлении оставался 56-й моторизованный корпус в составе моторизованной и полицейской дивизий. Однако Гальдер, которого буквально обуревала идея быстрого овладения Москвой, закрывал на это глаза, лишь бы сохранить 3-ю танковую группу Гота в составе группы армий "Центр". К тому же он заручился свидетельством такого высококвалифицированного танкиста, как Паулюс, и мнением фельдмаршала Лееба. Ведь оба они утверждали, что избранное фюрером направление непригодно для действий танковых соединений, в том числе и 3-й танковой группы. 25 июля Гальдер сообщил Леебу, что последняя прибудет в полосу действий его войск не ранее 5 августа, а спустя три дня этот срок был отодвинут до 15 августа⁹³.

30 июля Гитлер направил в штаб командующего группой армий "Север" начальника своего штаба Кейтеля с целью еще раз разъяснить Леебу значение наступления на Ленинград. Одновременно он приказал передислоцировать 8-й авиационный корпус из группы армий "Центр" для поддержки войск Лееба. Под давлением обстоятельств Леебу пришлось назначить начало наступления 4-й танковой группы на 8 августа, хотя 56-й моторизованный корпус явно запаздывал с выходом в исходный для наступления район.

А в это время командование Северо-Западного направления, Северо-Западного и Северного фронтов напряженно готовилось к отражению удара на Ленинград с юга. И все это в условиях постоянной борьбы на два фронта, так как и финские войска к северу от Ленинграда, и немецкие к югу от него вели себя отнюдь не пассивно. Город усиленно готовился к отражению новых ударов врага. Многие его жители подали заявления с просьбой отправить их на фронт. Только за первую неделю войны в военкоматы поступило 212 тыс. таких заявлений⁹⁴. В конце июня началось создание Ленинградской армии народного ополчения. К 14 июля первые три дивизии народного ополчения общей численностью 31 тыс. человек были переданы в Лужскую оперативную группу. Партийные мобилизации дали фронту свыше 12 тыс. коммунистов – политработников и политбойцов.

24 июля приказом главкома Северо-Западного направления К.Е. Ворошилова при обкоме и горкоме ВКП(б), областном и городском исполнительных комитетах советов была создана комиссия по оборонительным работам под председательством секретаря горкома партии А.А. Кузнецова. На строительство оборонительных сооружений ежедневно работали до 500 тыс. человек⁹⁵. Приверженец партизанской войны, Ворошилов отдал распоряжение о формировании из добровольцев – рабочих Ленинграда десяти истребительных полков для действий в тылу врага⁹⁶.

Так случилось, что взгляды Гитлера и командования сухопутных войск вермахта полностью совпали с оценками Ставки и командования Северо-Западного направления по поводу наиболее выгодного направления удара на Ленинград. Самой опасной для себя советское командование считало немецкую группировку, действовавшую на новгородском направлении.

28 июля начальник штаба направления генерал М.В. Захаров представил главкому Ворошилову свои соображения об организации удара по этой группировке.

Он предлагал развернуть в районе Луги четыре-пять стрелковых и одну танковую дивизию для удара с севера на Струги Красные. С востока, по замыслу Захарова, должна была наступать на Сольцы 11-я армия. Однако он считал, что для разгрома новгородской группировки названных сил будет недостаточно, а потому предлагал привлечь формируемую 34-ю армию для удара с востока. Наступление планировалось на 3—4 августа, т.е. раньше немцев. Но из-за того что сосредоточение войск затягивалось, оно началось только 12 августа.

За четыре дня до этого с лужских плацдармов ударил 41-й моторизованный корпус противника. А спустя два дня смог начать наступление на новгородском направлении и 56-й моторизованный корпус. В первый день боев 41-й корпус Рейнгардта продвинулся всего на 5 км. Гитлер приказал ему остановиться и перейти к обороне. Лееб уже подумывал, что вопреки всем его ожиданиям успеха на этом направлении не добиться, и намеревался перенести усилия на правый фланг. Но и там соединения увязли из-за упорной обороны советских войск.

Положение казалось Леебу уже безнадежным, но неожиданно 1-й танковой дивизии 41-го корпуса удалось найти слабое место в советской обороне. В образовавшийся прорыв Рейнгардт направил 6-ю танковую и 1-ю пехотную дивизии. Туда же Гепнер приказал перебросить 3-ю моторизованную, а затем и 8-ю танковую дивизии.

Казалось, русская оборона сломлена, а возжеленная цель – Ленинград совсем близка. 15 августа Лееб приехал в штаб Гепнера обговорить детали дальнейших действий, и здесь его застало сообщение, которое опрокинуло все их совместные планы.

Дело в том, что 12 августа под Старой Руссой в наступление против правого фланга группы армий "Север" перешли 11-я и 34-я армии. К 15 августа они продвинулись более чем на 60 км в тыл новгородской группировки. Лееб приказал остановить 41-й и 56-й корпуса и направить обе дивизии Манштейна на помощь 10-му армейскому корпусу, который подвергся удару советских войск. Задача овладения Ленинградом оказалось под угрозой срыва. Для Гитлера это явилось поводом с еще большей настойчивостью проводить свою идею относительно переноса части усилий с московского на ленинградское направление. Он потребовал немедленно перегруппировать под Ленинград как можно больше сил танковой группы Гота. Гальдеру пришлось распорядиться о переброске 39-го моторизованного корпуса на новгородское направление.

Между тем в Кремле действия своих войск расценивали, мягко говоря, несколько иначе: они не разбили новгородскую группировку, а значит, не выполнили поставленную задачу. Дело в том, что противник, упредив советские войска в переходе в наступление, сорвал участие в нем войск Лужского рубежа, в то время как войска 34-й армии вследствие неумелого руководства стали беспорядочно отходить с подходом новых сил врага. Положение усугубило то, что штаб 34-й армии потерял управление. В частях возникла паника. К 25 августа армия не досчиталась около 60% людей, более 80% военной техники и оружия⁹⁷.

Как всегда в подобных случаях, Сталин немедленно занялся выявлением виновных, приказав Шапошникову представить сведения о действиях 34-й армии в период отхода – с 20 по 26 августа. Верховный потребовал подробно остановиться на "характеристике командира и комиссара каждой дивизии и им равных войсковых соединений"⁹⁸. Он приказал заменить командующего Северо-Западным фронтом П.П. Собенникова (на его место был назначен генерал П.А. Курочкин, успешно справившийся с выводом из окружения 16, 19 и 20-й армий в районе Смоленска), понизить в должности К.М. Кочанова и С.Д. Акимова, командующих 34-й и 43-й армиями. Затем по его распоряжению были отданы под суд командиры и комиссары 90-й и 237-й стрелковых дивизий полковники И.Ф. Абрамов и В.В. Носков, полковые комиссары И.А. Семагин и Б.С. Давидович⁹⁹.

Ничего, кроме страха перед вышестоящим начальством и, как следствие, искаженной информации о положении дел в подчиненных войсках, эти репрессии дать не могли. Одной из причин неудачи являлась постановка перед войсками непосильных задач. Так, известно, что 11-я армия к моменту перехода в наступление была сильно ослаблена предыдущими боями, а 34-я плохо укомплектована и слажена. Зачастую во главе вновь сформированных соединений и частей стояли недостаточно подготовленные командиры.

Обстановка в районе города продолжала обостряться, и это очень беспокоило Сталина. Решив разобраться в деятельности главкома Ворошилова, он направил в Ленинград комиссию в составе В.М. Молотова, Г.М. Маленкова, Н.Г. Кузнецова, А.Н. Косыгина, П.Ф. Жигарева и Н.Н. Воронова. Выданный ей мандат позволял от имени Государственного комитета обороны решать все вопросы обороны и эвакуации города. Комиссии предстояло определить, оставить ли Ворошилова на его месте или снять.

Между тем 25 августа 39-й моторизованный корпус, наступавший из района Чудова, захватил Любань. Оборонявшаяся здесь 48-я армия не смогла сдержать натиска пяти немецких дивизий и отошла на Кириши и Пушкин. Через три дня противник занял Тосно. До Ленинграда оставалось чуть менее 50 км.

В посланной на имя Молотова и Маленкова телеграмме Сталин не смог скрыть своего раздражения: "Если так будет продолжаться, боюсь, что Ленинград будет сдан идиотски глупо, а все ленинградские дивизии рискуют попасть в плен. Что делают Попов и Ворошилов?.. Почему богатая ленинградская техника не используется на этом решающем участке?.. Что за человек Попов (командующий созданным 23 августа Ленинградским фронтом. – *Ред.*)? Чем, собственно, занят Ворошилов и в чем выражается его помощь Ленинграду?"¹⁰⁰.

30 августа противник занял станцию Мга, а 8 сентября, захватив Шлиссельбург, стоящий у истока Невы, вышел к Ладожскому озеру и блокировал Ленинград с суши. Лишь остров, на котором возвышается Шлиссельбургская крепость, оставался в руках советских войск. Кстати, еще почти 500 дней небольшой гарнизон крепости не только оборонялся, но и наносил противнику немалый урон.

Ворошилов не спешил докладывать в Москву о случившемся, надеясь хоть как-то поправить положение. Однако утром следующего дня в Кремле уже знали о блокаде Ленинграда, и Шапошников направил главкому телеграмму следующего содержания: "Имеются данные, что Шлиссельбург занят 8.9 противником. Сообщите, так ли это, так как мы не имеем данных о Вашем восточном фронте"¹⁰¹. Ворошилову пришлось сообщать все как есть. Это явилось последней каплей, переполнившей чашу терпения Сталина: Ворошилов был отстранен от командования войсками в районе Ленинграда. Вечером того же дня командующий Резервным фронтом Жуков, только что завершивший ликвидацию ельнинского выступа, был вызван в Кремль. После непродолжительной беседы он вышел из кремлевской квартиры Сталина с запиской, адресованной Ворошилову. В ней Верховный писал: "Передайте командование фронтом Жукову, а сами немедленно вылетайте в Москву"¹⁰².

В этот критический период Сталин не был уверен в возможности отстоять город. По словам самого маршала Жукова, Сталин «положение, сложившееся под Ленинградом, в тот момент оценивал как катастрофическое. Помню, он даже употребил слово "безнадежное". Он говорил, что, видимо, пройдет еще несколько дней, и Ленинград придется считать потерянным»¹⁰³.

Весь день 9 сентября немецкие войска пытались преодолеть Неву; одновременно они рвались к Ленинграду с юга, чтобы соединиться с финской армией на Карельском перешейке, всего-то до нее оставалось каких-нибудь 60 км. Атаки врага с левого берега Невы были отбиты специально созданной Невской оперативной группой. К югу от Ленинграда события развивались более драматично. Там, на

узом участке от Колпино до Ропши удар пришелся по соединениям 42-й и 55-й армий, которыми командовали генералы Ф.С. Иванов и И.Г. Лазарев. Их войскам и штабам очень недоставало организованности, дисциплины и стойкости, но более всего мастерства, которого так не хватало только что сформированным соединениям и объединениям. 12 сентября 42-я армия оставила Красное Село. До Ленинграда оставалось 10 км. Казалось, удержать его не удастся. Тревога охватила многих. Уже подготовили к взрыву заводы и фабрики, к затоплению корабли.

По свидетельству Жукова, Военный совет Ленинградского фронта направил часть зенитных орудий на самые опасные участки обороны для борьбы с немецкими танками, а также принял меры к усилению инженерного оборудования обороны в районе Пулковских высот. Командующим 42-й армией, оборонявший этот наиболее опасный участок, вместо генерала Ф.С. Иванова был назначен генерал И.И. Федюнинский, которого Жуков знал еще по Халхин-Голу, а потому и вызвал с Украины. Этой армии передавалась часть войск с Карельского перешейка, ее, кроме того, поддерживала вся корабельная артиллерия флота. Началось формирование отдельных стрелковых бригад за счет флота и учебных заведений Ленинграда¹⁰⁴.

Обстановка оставалась по-прежнему сложной. Враг рвался к городу. 13 сентября 42-я армия отошла на пулковский рубеж, строительство которого так и не успели завершить.

16 сентября противник прорвался к Финскому заливу, между Стрельной и Урицким. Части 8-й армии оказались отрезанными от основных сил фронта. Западнее города образовался ораниенбаумский плацдарм. На следующий день враг захватил Павловск и ворвался в центр Пушкина.

Ситуация казалась совсем безнадежной, и Жуков пошел на последнее средство. 17 сентября он отдал приказ, суть которого сводилась к тому, что за оставление без письменного приказа рубежа Лигово, Верхнее Койрово, Пулковские высоты, Шушары, Колпино все командиры, политработники и бойцы подлежали немедленному расстрелу¹⁰⁵.

19 сентября по приказу Жукова 8-я армия нанесла с ораниенбаумского плацдарма удар на Красное Село, в тыл противнику, наступавшему из Урицка на Ленинград. В своих послевоенных мемуарах Жуков так оценивал ее действия: "Чрезвычайно важную роль в срыве планов противника – прорыва в Ленинград через Урицк – сыграл контрудар 8-й армии... Хотя это наступление и не привело к восстановлению здесь обороны, но оно вынудило немцев перегруппировать часть сил с самого опасного для нас направления Урицк, Ленинград на петергофское..."¹⁰⁶. Видимо, маршал намеренно умалчивает о той оценке, которую он дал действиям этой армии в сентябре 1941 г. Тогда ему было не до дипломатических формулировок. "8-я армия своими действиями, – говорилось в директиве Военного совета фронта, – не только подводит Ленинградский фронт, но играет предательскую роль. В то время как 23, 42, 55 А блестяще отражают все атаки немцев, нанесли им громаднейшие потери, 8-я армия, имея против себя 3–4 тыс. немцев с 10–20 танками, позорно разбегается при первом выстреле. Военный совет бездействует, настроен больше на эвакуацию, а не на упорный бой. Такой Военный совет вполне заслужил суровой кары, вплоть до расстрела"¹⁰⁷. Командующий армией В.И. Щербаков и член Военного совета И.Ф. Чухнов были отстранены от должности, вместо них назначены Г.И. Шевалдин и А.Д. Огороков.

Захват Пушкина 17 сентября оказался последним существенным успехом противника. В тот день Гепнер получил приказ о выводе своей танковой группы из боя и переброске ее на московское направление¹⁰⁸. Все войска, действовавшие под Ленинградом, отныне переходили в подчинение командования 18-й армии. 23 сентября, когда немцам в ходе наступления на Петергоф удалось овладеть его восточной частью, Гальдер записал в своем дневнике: "В районе Ладожского озера наши войска продвинулись незначительно и, по-видимому, понесли большие потери.

Для обороны сил тут вполне достаточно, но для решительного разгрома противника их, вероятно, не хватит. Но у нас нет большего"¹⁰⁹. Через день фельдмаршал Лееб вынужден был доложить Браухичу, что оставшимися силами продолжать наступление на Ленинград он не может¹¹⁰. 27 сентября фельдмаршал подписал приказ, в котором указывал, что его группа армий "Север", обороняясь и улучшая положение на отдельных участках, должна создать условия для дальнейшего наступления с целью более тесной блокады Ленинграда, а также соединения с финскими войсками западнее и восточнее Ладоги¹¹¹.

В борьбе за Ленинград существенную роль сыграла оборона Таллина, Моонзундских островов и полуострова Ханко, так как они надолго приковали к себе часть немецкой 18-й армии и финских войск. Бои на подступах к Таллину длились недолго – с 5 по 28 августа, но отличались особым упорством и самоотверженностью оборонявшихся, хотя противник здесь превосходил их в силах и средствах.

Еще 13 августа Военный совет Балтийского флота обратился в Ставку с просьбой разрешить перевезти с полуострова Ханко 20 тыс. бойцов, обещая осуществить это за три-четыре дня¹¹². Но Ставка ответила отказом. Тогда Военный совет флота предложил главкому Ворошилову перебросить на таллинский плацдарм гарнизоны с Ханко и Моонзундских островов, что позволило бы нарастить силы, а затем нанести удар во фланг противника для выхода в район Нарвы. Но и это предложение было отклонено¹¹³. Только 26 августа, когда враг находился всего в 6 км от Таллина, а возможность прорыва по суше полностью исключалась, Ворошилов наконец-то разрешил начать эвакуацию морем. Во второй половине 28 августа около 200 кораблей, транспортов и вспомогательных судов, имея на борту 20,5 тыс. человек и ценные грузы, покинули таллинский рейд¹¹⁴. Начался героический переход, завершившийся 30 августа прорывом основных сил флота в Кронштадт и Ленинград. Конечно, при этом не обошлось без жертв: на переходе погибли свыше 10 тыс. человек, затонуло 53 корабля и судна, в том числе 36 транспортов и большое количество грузов¹¹⁵.

Оборона Таллина почти на месяц сковала мощную группировку врага и тем самым облегчила советским войскам борьбу на подступах к Ленинграду. Переход же кораблей позволил сохранить боевое ядро Балтийского флота и вместе с тем усилить оборону города на Неве.

А тем временем советские войска продолжали удерживать Моонзундские острова и военно-морскую базу на полуострове Ханко. Для германского флота в Рижском и Финском заливах они были как кость в горле, так как служили передовой базой для советских подводных лодок, торпедных катеров и авиации. Кроме того, на острове Саарема (Эзель) базировалась авиация, которая наносила удары по Берлину и другим военно-промышленным центрам Германии.

Первый налет на столицу рейха был совершен в ночь на 8 августа самолетами 1-го минно-торпедного полка ВВС Балтийского флота под командованием полковника Е.Н. Преображенского. Налет так встревожил германское военное командование, что Кейтель через четыре дня издал приказ: "Как только позволит обстановка, следует совместными усилиями соединениями сухопутных войск, авиации и военно-морского флота ликвидировать военно-воздушные базы противника на острове Эзель и Даго. При этом особенно важно уничтожить вражеские аэродромы, с которых осуществляются воздушные налеты на Берлин"¹¹⁶. До 4 сентября самолеты 1-го минно-торпедного полка и 81-й авиадивизии авиации дальнего действия успели совершить девять ударов по Берлину. Хотя их результативность можно назвать небольшой, главным было другое: эффект от них превосходил все ожидания, так как развенчивал в Германии сообщения средств массовой информации о полном уничтожении советской авиации.

Обороной островов руководил командир 3-й отдельной стрелковой бригады

генерал А.Б. Елисеев. Ожесточенные бои продолжались до 22 октября. Немцы потеряли 2 850 человек убитыми, пропавшими без вести и ранеными¹¹⁷. Из 24 тыс. советских воинов, оборонявших острова, эвакуировать удалось лишь 500, остальные погибли или попали в плен.

Захватив Моонзундские острова, германский флот существенно улучшил положение своих сил на Балтике, но свободного входа в Финский залив все равно не получил: советские войска, удерживая военно-морскую базу Ханко, продолжали контролировать и залив.

Оборона Ханко началась с первых же дней войны. Более пяти месяцев 25 тыс. воинов во главе с генералом С.И. Кабановым отражали атаки финских войск. Они не только оборонялись, но и наступали, захватив у врага 19 островов. Эвакуация гарнизона началась только по приказу командования и продолжалась с 26 октября по 7 декабря. На корабли было погружено 23 тыс. человек, 26 танков, 14 самолетов, 76 орудий, 100 т боеприпасов, 107 радиостанций, 700 т продовольствия. Но в ходе эвакуации погибли почти 5 тыс. человек, подорвались на минах и затонули 13 боевых кораблей¹¹⁸.

С потерей Таллина, Моонзундских островов и Ханко Балтийский флот оказался зажатым в восточной части Финского залива. Запертые по существу в Невской губе корабли, однако, не были обречены на бездействие. Балтийцы производили минные постановки, вели траление, обеспечивали межбазовые переходы, перевозки людей, оружия, военной техники, продовольствия в интересах фронта и города, действовали на морских коммуникациях противника в Балтийском море.

Несмотря на исключительно сложные навигационно-гидрографические и оперативно-тактические условия, подводные лодки совершили 58 походов, уничтожив в них 16 судов общим тоннажем свыше 33,5 тыс. брт. Это составило примерно 37% от общего тоннажа транспортного флота, потерянного немцами на Балтийском морском театре в 1941 г.¹¹⁹ И все же, как отмечал впоследствии бывший командующий флотом адмирал В.Ф. Трибуц, "мы неверно и недостаточно целеустремленно использовали значительную часть подводных лодок"¹²⁰.

Немецкое командование отчетливо представляло значение флота, прежде всего крупных артиллерийских кораблей, для обороны Ленинграда и в связи с этим предприняло во второй половине сентября 1941 г. попытку уничтожить базировавшиеся в Кронштадте морские силы. В крупной воздушной операции, проведенной в период с 19 по 27 сентября, участвовало в общей сложности свыше 400 бомбардировщиков.

В эти полные драматизма для моряков дни выявились и серьезные пробелы в противовоздушной обороне флотских объектов. Потребовалось принять меры к изменению дислокации кораблей, их маскировке, усилению средств ПВО и воздушного патрулирования. Массированные налеты были предприняты 21, 22 и особенно 23 сентября. Удары с воздуха при этом сопровождались артиллерийскими обстрелами кораблей, стоявших на Неве, в морском порту, в морском канале и в других местах.

Скажем сразу, "балтийский Перл-Харбор" врагу не удался. Однако урон все же оказался значительным. Прямыми попаданиями бомб крупного калибра были потоплены лидер "Минск", сторожевой корабль "Вихрь", подводная лодка "М-74", транспорт. Затонул поврежденный эсминец "Стерегающий". Получили повреждения линкор "Октябрьская революция", крейсер "Киров", три эскадренных миноносца, надводный заградитель, ряд других кораблей и судов. У линкора "Марат" оторвало носовую часть по вторую башню. Пострадал и город, его предприятия, флотский госпиталь¹²¹.

В том, что противник все же не достиг поставленной цели, немалую роль сыграло своевременное оповещение об обнаружении вражеских самолетов, направившихся в сторону о-ва Котлин. Его передали операторы радиолокационной

станции "Редут-3", установленной в Усть-Ижоре в районе "Ораниенбаумского пятачка" (они входили в систему ПВО фронта).

Ценой огромных жертв и усилий советские войска остановили наступление группы армий "Север" и заставили ее перейти к обороне. С 10 июля по 30 сентября войска Северного, Северо-Западного и Ленинградского фронтов, а также Балтийский флот потеряли почти 350 тыс. человек, из них свыше 214 тыс. убитыми и пропавшими без вести¹²². В конце месяца начался новый этап битвы за Ленинград. Противник принялся разрушать город, терроризируя его жителей методичным огнем артиллерии и массированными бомбежками. В ослаблении артобстрелов большую роль сыграл Балтийский флот, артиллерия которого участвовала в контрбатарейной борьбе. Только с августа по декабрь 1941 г. корабельная и береговая артиллерия 5777 раз открывала огонь по позициям немецких войск, в том числе 1650 раз по вражеским батареям, выпустив при этом свыше 71,5 тыс. снарядов калибра от 100 до 406 мм¹²³.

Для защиты города флот собрал все свои силы: корабельный состав, авиацию, береговую и железнодорожную артиллерию, сформировал корректировочно-наблюдательные посты, части морской пехоты. Непосредственно на суше плечом к плечу с войсками фронта сражались свыше 70 тыс. моряков.

Появление врага у стен Ленинграда всего через два с половиной месяца после начала войны оказалось для советского народа слишком неожиданным и труднообъяснимым. Невольно возникал вопрос: почему же части и соединения Красной Армии остановили агрессора лишь у порога этого великого города? Ведь при умело организованной обороне соотношение сил сторон вполне позволяло преградить путь противнику далеко за его пределами. Тем более что Ставка ВГК постоянно оказывала помощь Ленинграду. С 10 июля до конца октября туда было дополнительно отправлено 17 стрелковых и 3 кавалерийские дивизии¹²⁴.

Одна из основных причин – это поражение Северо-Западного фронта в самом начале войны. Ни командование, ни войска фронта так и не оправились от него. Главком Ворошилов, командование фронта, армий, соединений и частей не сумели восстановить боеспособность войск, деморализованных почти непрерывным отступлением.

Недостаток сил, слабая выучка войск, отсутствие опыта наступательных действий в условиях лесисто-болотистой местности, неумение командиров и штабов управлять войсками в сложной боевой обстановке привели к срыву плана деблокады города. Отрезанный от "большой земли" войскам и населению предстояла многомесячная и многотрудная борьба за жизнь.

* * *

В июле–сентябре Красная Армия продолжала отходить в глубь страны. На северо-западном и западном направлениях противнику удалось продвинуться на 150–250, а на юго-западном – почти на 500 км. Его войска блокировали с суши Ленинград, оккупировали Карело-Финскую и Прибалтийские республики, Белоруссию, огромную часть Украины, всю Молдавию, несколько областей западной части России. Немцы стояли всего в 300 км от Москвы, угрожали захватом Харьковскому промышленному району, Донбассу и Крыму.

Оккупированная территория сразу же покрывалась широкой сетью районных комендатур и комендатур населенных пунктов, насаждавших жестокий режим принуждения. Советские местные органы власти ликвидировались. Вместо них создавалась местная администрация из числа советских граждан, пожелавших сотрудничать с врагом. Вслед за войсками вермахта, несмотря на официальное запрещение, хлынули эмигранты. Поощряемые военным командованием, они развернули активную деятельность по созданию административных органов и вооруженных

формирований из военнопленных и местного населения для оказания помощи оккупационным властям.

Все население было охвачено системой обязательной регистрации. Перемещение и перемена места жительства осуществлялись только с разрешения немецких властей. Население широко привлекалось к принудительным работам в интересах войск. Без каких-либо ограничений, произвольно конфисковывалось все, что могло пригодиться войскам или просто приглянулось отдельным солдатам или офицерам. Устанавливался комендантский час, за нарушение которого использовалась только одна мера наказания – расстрел. Расстрелы применялись и за другие, даже мелкие нарушения. Большинство оккупантов относилось к местному населению как к недочеловекам (унтерменш), вступая в вопиющее противоречие с официальной нацистской пропагандой, преподносившей советским гражданам Гитлера и вермахт как освободителей от "жидо-большевиков". Началась охота на евреев и других "опасных элементов": коммунистов, советских работников и т.п.

По мере продвижения войск вермахта в глубь советской территории оккупированные области передавались в ведение заранее подготовленной германской гражданской администрации, однако жестокость по отношению к населению не снижалась. 1 августа район Белостока отошел в ведение германской провинции Восточная Пруссия, часть Западной Украины (Галиция) – в состав так называемого генерал-губернаторства (так именовалась оккупированная Польша). 1 сентября были учреждены два райхскомиссариата: "Остланд" и "Украина". В состав первого были включены Литва, Латвия и территория вокруг Минска, а второго – район Пинска, Бреста, Каменец-Подольска. В последующем предполагалось расширить их владения на всю советскую Прибалтику, Белоруссию, Украину и часть западных областей России. Райхскомиссары Г. Лозе ("Остланд") и Э. Кох ("Украина") подчинялись главе специально созданного имперского министерства по делам оккупированных восточных территорий А. Розенбергу.

Гражданская администрация приступила к восстановлению разрушенных при отходе Красной Армии предприятий, в первую очередь для ремонта военной техники и оружия, обеспечения войск транспортом, снаряжением, обмундированием, обувью, повозками и т.п. Колхозная система на селе сохранялась повсеместно и была использована для сбора и вывоза урожая в Германию. Продовольствие отбиралось и у населения как войсками в порядке самоснабжения, так и гражданской администрацией для обеспечения своих чиновников и вывоза в Германию.

Жестокий античеловечный оккупационный режим вызвал рост сопротивления населения, развертывание партизанского движения. 18 июля политбюро ЦК ВКП(б) приняло специальное решение об организации борьбы в тылу врага. Уже в середине августа в Белоруссии действовало более 200 отрядов и групп¹²⁵. Правда, пока их основой в большинстве случаев являлись оказавшиеся в окружении группы советских военнослужащих. Ширилась партизанская борьба и на Украине. Так, в ходе обороны Киева на территории Черниговской области были созданы партизанские отряды и переправлены в тыл немецких войск. В июле штаб действовавшей под Ленинградом 4-й танковой группы докладывал штабу групп армий "Север" о планомерных действиях партизан на коммуникациях танковых соединений.

Советские вооруженные силы понесли колоссальные потери. По официальным данным, в сражениях под Ленинградом, Смоленском и Киевом из строя выбыли 1,8 млн военнослужащих, при этом погибли и пропали без вести 1,3 млн человек¹²⁶. Трудно судить, насколько точны эти сведения, так как в первые месяцы войны учет потерь был поставлен плохо. По данным германских исследователей, в период с 11 июля по 30 сентября 1941 г. немецкие войска пленили 2,1 млн советских военнослужащих¹²⁷, в то время как потери вермахта составили 455 тыс. человек¹²⁸. Но несмотря на все потери и поражения, упорное сопротивление советских войск привело к тому, что на западном и северо-западном направлениях противник был

остановлен. Сроки завершения "восточного похода", предусмотренные планом "Барбаросса", были сорваны. Война принимала затяжной характер.

Конечно, такой результат был достигнут не только благодаря принесенным жертвам и героизму советских воинов. На действиях войск противника не могли не сказаться значительное увеличение протяженности советско-германского фронта, растянувшиеся коммуникации и состояние дорог.

Важную роль играли богатые людские ресурсы СССР, дававшие возможность постоянно наращивать силы. Ежемесячно советские фронты получали не менее 0,5 млн человек маршевого пополнения. Только в июле–августе в Красной Армии была сформирована 191 стрелковая дивизия, а с июля по сентябрь создано еще 48 кавалерийских дивизий, т.е. новых советских дивизий оказалось куда больше, чем планировал выделить вермахт вместе с союзниками для войны против СССР¹²⁹.

С июня по ноябрь противник направил на фронт лишь 400 тыс. человек нового пополнения. К октябрю командование вермахта израсходовало на восточном фронте весь свой стратегический резерв – 28 дивизий, получив еще дополнительно по одному корпусу словацких, венгерских и итальянских войск, испанскую добровольческую и германскую охранную дивизию, а также десять пехотных батальонов. В общей сложности это не превышало четырех десятков дивизий¹³⁰.

В Советском Союзе производство вооружения за июнь–сентябрь выросло в несколько раз по сравнению с довоенным уровнем. Пусть не полностью, но это в какой-то степени позволило восполнить потери и снабжать вновь формируемые соединения.

Советское военное командование предпринимало энергичные меры к изменению структуры войск с учетом боевого опыта, наличия оружия и военной техники, а совершенствование способов вооруженной борьбы и руководства ею оказывало постепенно благотворное влияние на действия войск.

Принимались меры по укреплению дисциплины и стойкости войск путем активизации политической работы на фронте и в тылу, перестройки армейских политорганов, восстановления в армии и на флоте института военных комиссаров. Широко практиковались и репрессивные меры. 16 августа появился приказ № 270. В нем, в частности, говорилось: "Командиров и политработников, во время боя срывающих с себя знаки различия и дезертирующих в плен врагу, считать злостными дезертирами, семьи которых подлежат аресту, как семьи нарушивших присягу и предавших свою Родину дезертиров. Обязать всех вышестоящих командиров и комиссаров расстреливать на месте подобных дезертиров из начсостава"¹³¹.

Приказ предоставлял право каждому военнослужащему требовать от вышестоящего начальства драться в окружении до последней возможности, а если командир или часть красноармейцев "предпочтут сдаться в плен – уничтожить их всеми средствами, как наземными, так и воздушными".

Уже в июне во фронтах по инициативе командования создавались заградительные отряды, а 12 сентября Ставка ВГК разослала военным советам фронтов специальную директиву, узаконившую эту практику. В этой директиве под № 00 1919, написанной Шапошниковым под диктовку Сталина, отмечалось, что «в наших стрелковых дивизиях имеется немало панических и прямо враждебных элементов, которые при первом же нажиме бросают оружие, начинают кричать: "Нас окружили!" – и увлекают за собой остальных бойцов. В результате подобных действий этих элементов дивизия обращается в бегство, бросает материальную часть. Подобные явления имеют место на всех фронтах». Утверждалось также, что "твердых и устойчивых командиров и комиссаров у нас не так много", и приказывалось "в каждой дивизии иметь заградительный отряд из надежных бойцов"¹³². В условиях острой нехватки автомобилей и танков, когда, по свидетельству Жукова, Сталин лично распределял их поштучно между фронтами и армиями, Верховный требовал выделения автомобилей для передвижения, да еще нескольких танков и бронема-

шин на каждый из дивизионных заградотрядов силою в нормальный стрелковый батальон. Основной задачей заградотряда, как указывалось в директиве, следовало считать "помощь командному составу в поддержании твердой дисциплины в дивизии, приостановку бегства одержимых паникой военнослужащих, не останавливаясь перед применением оружия, ликвидацию инициаторов паники..."¹³³.

В приказе № 270 и директиве № 00 1919 отразились и отчаянность положения, и растерянность, и бессилие руководства, и насаждавшиеся еще до войны репрессивные меры, недоверие к командному составу, и жестокая политическая воля большевизма. А приказ № 270 закрывал дорогу к своим воинам, оказавшимся в плену даже не по своей воле, так как фактически объявлял всех пленных предателями, подлежащими уничтожению. Но так или иначе он способствовал повышению стойкости войск.

К концу сентября враг понес немалые потери, а его силы оказались растянутыми на огромном фронте, но он был по-прежнему силен, а главное, значительно более опытен и лучше организован. Крупное поражение Юго-Западного фронта дало возможность германскому командованию высвободить войска для возобновления наступления на Москву.

Красную Армию и советский народ ждали новые испытания.

- ¹ См.: *Дашичев В.И.* Банкротство стратегии германского фашизма. М., 1973. Т. 2. С. 207–211.
- ² Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации. Ф. 208. Оп. 2511. Д. 1475. Л. 141. (Далее: ЦАМО).
- ³ См.: *Еременко А.И.* На западном направлении. М., 1959. С. 48.
- ⁴ См.: *Гудериан Г.* Воспоминания солдата / Пер. с нем. М., 1959. С. 163–164.
- ⁵ ЦАМО. Ф. 208. Оп. 2511. Д. 2511. Л. 39.
- ⁶ Там же. Оп. 2454. Д. 29. Л. 39.
- ⁷ Там же. Оп. 2511. Д. 208. Л. 34.
- ⁸ Там же. Ф. 246. Оп. 12 928. Д. 2. Л. 15.
- ⁹ См.: Красная звезда. 1988. 14 мая.
- ¹⁰ См.: Солдатами были все. Минск, 1972. С. 244.
- ¹¹ См.: *Воробьев М., Храпченков А.* В боях на смоленской земле. М., 1975. С. 24–26.
- ¹² ЦАМО. Ф. 208. Оп. 2454. Д. 6. Л. 293.
- ¹³ Там же. Л. 294.
- ¹⁴ *Рейнгардт К.* Поворот под Москвой / Пер. с нем. М., 1980. С. 49.
- ¹⁵ ЦАМО. Ф. 208. Оп. 2511. Д. 208. Л. 65.
- ¹⁶ *Бирюзов С.С.* Когда гремели пушки. М., 1961. С. 24.
- ¹⁷ ЦАМО. Ф. 208. Оп. 2454. Д. 29. Л. 372–376.
- ¹⁸ Там же. Ф. 246. Оп. 1525. Д. 1. Л. 19–20.
- ¹⁹ *Лобачев А.А.* Трудными дорогами. М., 1960. С. 174.
- ²⁰ Сборник военно-исторических материалов Великой Отечественной войны. М., 1960. Вып. 18. С. 231.
- ²¹ ЦАМО. Ф. 96а. Оп. 2011. Д. 5. Л. 1–2.
- ²² Там же. Ф. 48а. Оп. 1554. Д. 91. Л. 60–61.
- ²³ Там же. Ф. 3. Оп. 11 556. Д. 1. Л. 177–182, 187–188.
- ²⁴ См.: *Гот Г.* Танковые операции / Пер. с нем. М., 1961. С. 118.
- ²⁵ ЦАМО. Ф. 246. Оп. 1525. Д. 1. Л. 182.
- ²⁶ Там же. Ф. 208. Оп. 2513. Д. 31. Л. 223.
- ²⁷ *Karell P.* Unternehmen "Barbarossa". Frankfurt a/M, 1963. S. 79–80.
- ²⁸ Цит. по: Воен.-ист.журн. 1989. № 6. С. 52.
- ²⁹ Цит. по: *Воробьев М., Усов М.* Подвигам жить в веках. М., 1983. С. 37.
- ³⁰ См.: *Еременко А.И.* В начале войны. М., 1959. С. 280.
- ³¹ Цит. по: *Рейнгардт К.* Указ. соч. С. 52.
- ³² Стратегический очерк Великой Отечественной войны, 1941–1945. М., 1961. С. 220.
- ³³ *Truppenpraxis.* 1987. Н. 1. Bonn. S. 97.

- 34 Гальдер Ф. Военный дневник / Пер. с нем. М., 1971. Т. 3. Кн. 1. С. 264.
- 35 См.: Воробьев М., Храпченков А. Указ. соч. С. 33–39.
- 36 См.: Ельня: рождение гвардии. М., 1975. С. 18.
- 37 ЦАМО. Ф. 69. Оп. 14 065. Д. 27. Л. 254.
- 38 См.: Советские Военно-Воздушные Силы в Великой Отечественной войне, 1941–1945 гг. М., 1968. С. 53.
- 39 ЦАМО. Ф. 208. Оп. 2526. Д. 22а. Л. 407.
- 40 Там же. Д. 24. Л. 131–135.
- 41 См.: История второй мировой войны, 1939–1945. М., 1975. Т. 4. С. 80.
- 42 См.: Гриф секретности снят. Потери Вооруженных Сил СССР в войнах, боевых действиях и военных конфликтах: Стат. исследование. М., 1993. С. 169.
- 43 ЦАМО. Ф. 3. Оп. 11 556. Д. 1. Л. 179.
- 44 Там же. Ф. 228. Оп. 710. Д. 18. Л. 232, 271.
- 45 Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg. Stuttgart, 1983. Bd. 4. S. 475; Steets H. Gebirgsjäger bei Uman. Heidelberg, 1955. Kartenskizze 5.
- 46 ЦАМО. Ф. 228. Оп. 701. Д. 47. Л. 55–56, 74–75.
- 47 Там же. Д. 58. Л. 52.
- 48 Там же. Д. 228. Л. 28.
- 49 Там же. Д. 4. Л. 107.
- 50 Munzel O. Panzer-Taktik. Nekargemünd, 1959. S. 71, 72.
- 51 ЦАМО. Ф. 228. Оп. 2539. Д. 36. Л. 205–206.
- 52 Steets H. Op. cit. S. 78.
- 53 ЦАМО. Ф. 451. Оп. 646. Д. 455. Л. 170–171.
- 54 Munzel O. Op. cit. S. 79.
- 55 Steets H. Op. cit. S. 91.
- 56 ЦАМО. Ф. 228. Оп. 701. Д. 47. Л. 55–56, 74–75.
- 57 Там же. Ф. 228. Оп. 701. Д. 58. Л. 139.
- 58 Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg. Bd. 4. S. 485; Haupt W. Kiew – die grösste Kesselschlacht der Geschichte. Bad Nauheim, 1954. S. 15.
- 59 Steets H. Op. cit. S. 111.
- 60 Цит. по: Воен.-ист.журн. 1988. № 9. С. 27.
- 61 Сборник военно-исторических материалов Великой Отечественной войны. Вып. 18. С. 239.
- 62 ЦАМО. Ф. 3. Оп. 11 556. Д. 1. Л. 376.
- 63 Подсчитано по: Haupt W. Op. cit. S. 61; ЦАМО. Ф. 229. Оп. 487 954. Д. 1.
- 64 Гальдер Ф. Указ. соч. Т. 3. Кн. 1. С. 324.
- 65 См.: Баграмян И.Х. Так начиналась война. М., 1970. С. 310.
- 66 Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. М., 1990. Т. 2. С. 119.
- 67 Там же. С. 129–130.
- 68 ЦАМО. Ф. 229. Оп. 2146. Д. 7. Л. 293.
- 69 Василевский А.М. Дело всей жизни. М., 1988. Кн. 1. С. 144.
- 70 ЦАМО. Ф. 52. Оп. 363. Д. 3. Л. 100.
- 71 Цит. по: Грецов М.Д. На юго-западном направлении. М., 1965. С. 226.
- 72 Там же. С. 227.
- 73 ЦАМО. Ф. 229. Оп. 2606. Д. 25. Л. 92, 108.
- 74 Там же. Оп. 161. Д. 103. Л. 80.
- 75 Там же. Л. 24.
- 76 Haupt W. Op. cit. S. 125.
- 77 Подсчитано по: ЦАМО. Ф. 229. Оп. 487 954. Д. 1.
- 78 ЦАМО. Ф. 229. Оп. 161. Д. 103. Л. 91.
- 79 Там же.
- 80 Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg. Bd. 4. S. 516.
- 81 Streit Ch. Keine Kameraden. Stuttgart, 1978. S. 131.
- 82 Ibid. S. 171.
- 83 Ibid. S. 153.
- 84 Ibidem.
- 85 См.: Гриф. секретности снят... С. 166.

- 86 ЦАМО. Ф. 15. Оп. 11 600. Д. 1026. Л.22.
- 87 Там же. Л. 117.
- 88 Там же. Л. 83.
- 89 Там же. Ф. 3. Оп. 11 556. Д. 1. Л. 373; Крылов Н.И. Не померкнет никогда. М., 1984. С. 109.
- 90 Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg. Bd. 4. S. 465.
- 91 Манштейн Э. Утерянные победы / Пер. с нем. М., 1957. С. 181.
- 92 Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg. Bd. 4. S. 468.
- 93 Ibid. S. 542.
- 94 См.: В годы суровых испытаний: Ленинградская партийная организация в Великой Отечественной войне. Л., 1985. С. 89.
- 95 См.: История Великой Отечественной войны Советского Союза. М., 1963. Т. 2. С. 80.
- 96 ЦАМО. Ф. 249. Оп. 1544. Д. 111. Л. 28–29.
- 97 Там же. Ф. 221. Оп. 3928. Д. 51. Л. 256.
- 98 Центр хранения современной документации. Оп. 1554. Д. 16. Л. 135. (Далее: ЦХСД).
- 99 Там же. Л. 195.
- 100 Известия ЦК КПСС. 1990. № 9. С. 213.
- 101 ЦХСД. Оп. 1554. Д. 4/2. Л. 421.
- 102 Жуков Г.К. Указ. соч. Т. 2. С. 143.
- 103 Цит. по: Воен.-ист.журн. 1987. № 9. С. 56.
- 104 См.: Жуков Г.К. Указ. соч. Т. 2. С. 150.
- 105 ЦАМО. Ф. 219. Оп. 1544. Д. 112. Л. 114.
- 106 Жуков Г.К. Указ. соч. Т. 2. С. 178.
- 107 ЦАМО. Ф. 217. Оп. 1221. Д. 220. Л. 388–390.
- 108 Haupt W. Leningrad. Podzun-Pallas-Ferlag, 1980. S. 77.
- 109 Ibid. S. 84–85.
- 110 См.: Гальдер Ф. Указ. соч. Т. 3, кн. 1. С. 371.
- 111 См.: Гудериан Г. Воспоминания солдата / Пер. с нем. М., 1954. С. 215.
- 112 Отделение Центрального военно-морского архива. Ф. ШТ. Д. 81. Л. 4.
- 113 См.: Трибуц В.Ф. Балтийцы вступают в бой. Калининград, 1972. С. 125, 126.
- 114 См.: Кузнецов Н.Г. На флоте боевая тревога. М., 19781. С. 53.
- 115 Трибуц В.Ф. Балтийцы вступают в бой. С. 160; Эдлинский С.Ф. Балтийский транспортный флот в Великой Отечественной войне, 1941–1945. М., 1957. С. 45.
- 116 "Совершенно секретно! Только для командования!" Стратегия фашистской Германии в войне против СССР: Документы и материалы. М., 1967. С. 274.
- 117 Haupt W. Leningrad. S. 52.
- 118 ЦАМО. Ф. 217. Оп. 2970. Д. 18. Л. 198, 199.
- 119 См.: Дмитриев В.И., Чемесов О.Г. В глубине Балтики. М., 1988. С. 57.
- 120 Трибуц В.Ф. Подводники Балтики атакуют. Л., 1963. С. 22.
- 121 См.: Хроника Великой Отечественной войны на Балтийском море и Ладожском озере. М., 1945. Вып. 1. С. 125.
- 122 См.: Гриф секретности снят... С. 168.
- 123 Отделение Центрального военно-морского архива. Д. 11090. Л. 159, 160.
- 124 См.: Стратегический очерк Великой Отечественной войны, 1941–1945 гг. С. 215.
- 125 См.: История Великой Отечественной войны. Т. 2. С. 126.
- 126 Подсчитано по: Гриф секретности снят... С. 166, 168, 169.
- 127 Подсчитано по: Streit Ch. Op. cit. S. 83.
- 128 Подсчитано по: Операции Советских Вооруженных Сил в Великой Отечественной войне, 1941–1945. М., 1958. Т. 1. С. 235.
- 129 Подсчитано по: Стратегический очерк Великой Отечественной войны, 1941–1945. С. 199, 201.
- 130 См.: Мюллер-Гиллебранд Б. Сухопутная армия Германии, 1933–1945 / Пер. с нем. М., 1976. Т. 3. С. 17.
- 131 Цит. по: Воен.-ист.журн. 1988. № 9. С. 28.
- 132 ЦАМО. Ф. 251. Оп. 646. Д. 465. Л. 231–232.
- 133 Там же. Л. 232.

УКРОЩЕНИЕ "ТАЙФУНА"

Заканчивался сентябрь 1941 г. Пожар Великой Отечественной войны усиливался, охватывая своим неистовым пламенем все новые и новые земли нашего Отечества. Германские войска блокировали Ленинград, разгромили под Киевом основные силы Юго-Западного фронта, отрезали от страны Крым. Вместе с тем все достигнутое вермахтом явно не соответствовало планам его командования. Мечты Гитлера "15 августа занять Москву, а 1 октября закончить войну с Россией оказались несбыточными"¹. Однако задержка с реализацией замыслов не только не охладила пыл врага, но, наоборот, лишь прибавила энергии в стремлении как можно быстрее достичь конечных целей войны против Советского Союза.

ПЛАН ЗАХВАТА МОСКВЫ

6 сентября Гитлер подписал директиву № 35 о большом осеннем наступлении на восточном фронте. Общая цель его заключалась в том, чтобы решительными ударами на всех трех стратегических направлениях еще до наступления зимы добиться разгрома противника, быстро овладеть Крымом, Киевом, Харьковом, Ленинградом и соединиться с финской Карельской армией.

Главные усилия теперь вновь переносились на московское направление. "Для этого, – указывалось в директиве, – необходимо подтянуть и сосредоточить все силы авиации и наземных войск, без которых можно обойтись на флангах..." Группе армий "Центр" предстояло не позднее конца сентября "перейти в наступление, имея на флангах сильные танковые части, и в результате двойного охвата в направлении г. Вязьма уничтожить противника, находящегося восточнее Смоленска"². Для этой цели было решено нанести два удара танковыми группами: первый – в районе Рославля, второй – через г. Белый. Только после уничтожения главных сил армий Тимошенко, подчеркивалось в той же директиве, войскам группы армий "Центр" надлежит, "примыкая справа к р. Ока и слева к верховьям Волги, начать преследование противника в направлении на Москву"³.

16 сентября командующий группой армий "Центр" фельдмаршал фон Бок направил в войска директиву о непосредственной подготовке операции по захвату Москвы, получившей кодовое название "Тайфун" ("Taifun"). Если директива № 35 определяла два главных направления, то в директиве Бока назначалось еще и третье – из района Шостки на Орел. Дело в том, что первоначальное число ударов вытекало из боевого состава группы армий "Центр" на 6 сентября, в то время как к середине месяца обстановка для немцев стала более благоприятной: разгром войск Юго-Западного фронта под Киевом позволил перебросить оттуда два оперативных объединения для дополнительного охвата советских войск под Брянском.

Замысел операции заключался в нанесении трех мощных ударов из районов Духовщины, Рославля и Шостки в восточном и северо-восточном направлениях с целью прорыва обороны советских войск, а затем окружения и уничтожения их в районах Вязьмы и Брянска. Выполнение этих задач возлагалось на танковые группы. Пехотные дивизии 9-й и 4-й армий, развернутые между Духовщиной и Рос-

лавлем, должны были сковать противостоявшие советские войска, не допустив их преждевременного отхода, а при благоприятном ходе операции перейти в наступление и ликвидировать окруженную группировку. Развертываемой южнее Рославля 2-й армии предстояло своим левым флангом наступать на Сухиничи, Мещовск, а правым – во взаимодействии со 2-й танковой группой окружить и разгромить соединения Брянского фронта в районе Брянска. Авиационную поддержку осуществлял 2-й воздушный флот. С целью лучшего взаимодействия подвижных войск и пехотных соединений 3-я и 4-я танковые группы подчинялись командованию полевых армий, в полосах которых они наступали. 2-й танковой группе предстояло действовать самостоятельно, а потому она и подчинялась непосредственно командованию группы армий.

За счет резервов ОКХ и войск с других участков восточного фронта германское командование смогло к концу сентября довести состав группы армий "Центр" до 1800 тыс. человек, 14 тыс. орудий и минометов, 1,7 тыс. танков, их поддержку осуществляли 1390 самолетов⁴. Никогда ранее немцы не использовали столь огромных сил в составе одной группы армий и не развертывали на одном стратегическом направлении три танковые группы из четырех. Только на Москву противник бросил танковых и моторизованных дивизий больше, чем в мае 1940 г. против Франции, Бельгии и Нидерландов, вместе взятых. На советскую столицу было нацелено 42% личного состава, 75% – танков, почти половина самолетов, 33% орудий и минометов из общего количества, находившегося на всем восточном фронте⁵.

Таковы были планы врага. Что же им противопоставлялось советским командованием? В 300 км западнее Москвы, в полосе шириной около 800 км, что простиралась от оз. Селигер до р. Сейм, оборонялись войска Западного, Резервного и Брянского фронтов. Первый с 10 сентября возглавлял 43-летний генерал И.С. Колев, до этого командовавший армией. А командующим Резервным фронтом вместо генерала Г.К. Жукова был назначен маршал С.М. Буденный. Брянский фронт возглавлял 49-летний генерал А.И. Еременко. Всего в войсках трех фронтов насчитывалось около 1250 тыс. человек, 7,6 тыс. орудий и минометов, 990 танков, 667 самолетов⁶. В эту группировку, прикрывавшую около трети активной части советско-германского фронта, вспоминал позднее маршал Жуков, "входило свыше 40% сил Красной Армии, действовавших между Балтийским и Черным морями, что свидетельствовало о большом внимании, уделявшемся Ставкой московскому направлению", которая правильно оценивала его как главное в предстоящем наступлении вражеских войск⁷.

Однако документально оформленного плана ведения оборонительной операции на московском направлении у Ставки ВГК не было, существовал лишь замысел организации обороны. Да и формировался он постепенно, а воплощался в жизнь распорядительным порядком. Замысел Ставки состоял в том, чтобы, опираясь на глубоко эшелонированную оборону, не допустить прорыва немцев к столице. Основные усилия предполагалось сосредоточить на кратчайших путях к городу с запада – вдоль дорог Смоленск–Москва (Минская автострада) и Рославль–Москва (Варшавское шоссе).

Советские войска, привлеченные к обороне, состояли из двух группировок: главная непосредственно прикрывала московское направление. Она включала 12 армий Западного и Резервного фронтов. Вторая группировка, прикрывавшая брянское и орловское направления, включала 3 армии и оперативную группу Брянского фронта. Эти войска были построены в два эшелона: в первый входило 11 армий и оперативная группа, во второй – 4 армии.

Система оборонительных рубежей на московском направлении готовилась с начала июля. Передовой рубеж сооружался по рекам Десна и Судость. Уже в августе он стал передним краем обороны советских войск. Восточнее строился Ржевско-Вяземский оборонительный рубеж, который состоял из двух полос. Первая

проходила по линии оз. Селигер–Селижарово–Оленино–Дорогобуж. Вторая готовилась лишь на отдельных направлениях в 35–45 км к востоку от первой.

Для более надежного прикрытия подступов к столице 16 июля было принято решение о строительстве Можайской линии обороны, состоявшей из двух полос. Передний край первой полосы обороны проходил по линии Тургиново, западнее Волоколамска и Можайска, Медынь, западнее Калуги. Основу Можайской линии составляли четыре укрепленных района: Волоколамский, Можайский, Малоярославецкий и Калужский. Эти УРы были не долговременными, а обычными полевыми укреплениями. Они представляли собой главным образом дерево-земляные сооружения, приспособленные под штатное оружие полевых войск. Создание первой очереди оборонительных сооружений намечалось завершить к 15 октября, а второй – к 20–25 ноября⁸. К концу сентября готовность Ржевско-Вяземского рубежа и Можайской линии обороны не превышала 40–50% запланированного объема работ.

Каких-то особых задач на оборону московского направления войска не получали вплоть до второй декады сентября. До этого они вели активные наступательные действия с целью нанесения поражения группе армий "Центр". И лишь после окончания Ельнинской наступательной операции Западный, Резервный и Брянский фронты по приказу Ставки перешли к обороне.

10 сентября Ставка потребовала от Западного фронта "прочно закопаться в землю и за счет второстепенных направлений и прочной обороны вывести в резерв шесть-семь дивизий, чтобы создать мощную маневренную группу для наступления в будущем"⁹. Выполняя приказ, генерал Конев выделил в резерв четыре стрелковые, две мотострелковые и кавалерийскую дивизии, а также четыре танковые бригады и пять артиллерийских полков. По своему составу такой резерв был крупнее любой армии. Одновременно совершенствовалось инженерное оборудование местности. Перед главной полосой обороны в большинстве армий создавалась полоса обеспечения (предполье) глубиной от 4 до 20 км и более.

В 20 числах сентября штабы стали получать все больше разведанных о подготовке немцами крупного наступления. Сама обстановка требовала принятия незамедлительных мер. Наконец 27 сентября командующие Западным и Брянским фронтами получили директиву Ставки, из которой следовало: "В связи с тем, что, как выяснилось в ходе боев с противником, наши войска еще не готовы к серьезным наступательным операциям, Ставка ВГК приказывает:

1. На всех участках фронта перейти к жесткой, упорной обороне, при этом ведя активную разведку сил противника и лишь в случае необходимости принимая частные наступательные операции для улучшения своих оборонительных позиций...

2. ...Особенно хорошо должны быть прикрыты в инженерном и огневом отношении направления на Ржев, Вязьму, Брянск, Севск, Курск и стыки с соседними фронтами".

Далее директива требовала от войск закопаться в землю и "устроить на всем фронте окопы полного профиля в несколько линий с ходами сообщения, провололочными заграждениями и противотанковыми препятствиями"¹⁰.

Конев предупредил всех командующих армиями, что в ближайшее время возможен переход немцев в наступление. В связи с этим он потребовал доработать и представить ему на утверждение планы обороны армий, а также усилить разведку, противотанковую и противовоздушную оборону войск, поставить минновзрывные заграждения, повысить бдительность. Кроме того, чтобы сорвать готовившееся наступление противника, в 16-й и 19-й армиях, прикрывавших направления на Ржев и Вязьму, Конев приказал спланировать проведение артиллерийской контрподготовки для подавления и уничтожения танков и пехоты врага еще на исходных позициях¹¹.

28 сентября директиву о переходе войск к жесткой обороне подписал и генерал Еременко. Решив сосредоточить основные усилия на брянском направлении, он расположил здесь почти 86% состава своего резерва (две стрелковые и танковую дивизии), а оставшуюся часть (танковую бригаду) – в районе Севска. Войска фронта получили приказ: к исходу 1 октября "зарыться в землю, устроить проволочные заграждения и противотанковые препятствия". В каждой армии и оперативной группе предусматривалось вывести в резерв еще по одной стрелковой дивизии и приступить к оборудованию тыловых рубежей. В ряде случаев с разрешения командующего фронтом допускались "частные наступательные действия для улучшения своего положения"¹².

Таким образом, можно сделать вывод, что Ставка ВГК не разгадала замысел противника на московском направлении. Поэтому и районы сосредоточения основных усилий фронтов оказались в стороне от направлений главных ударов врага. Ставка вообще обошла своим вниманием Резервный фронт, не поставив его войскам задачу на переход к жесткой обороне. Это по меньшей мере кажется странным, ибо три армии маршала Буденного обороняли совершенно самостоятельную полосу между Западным и Брянским фронтами.

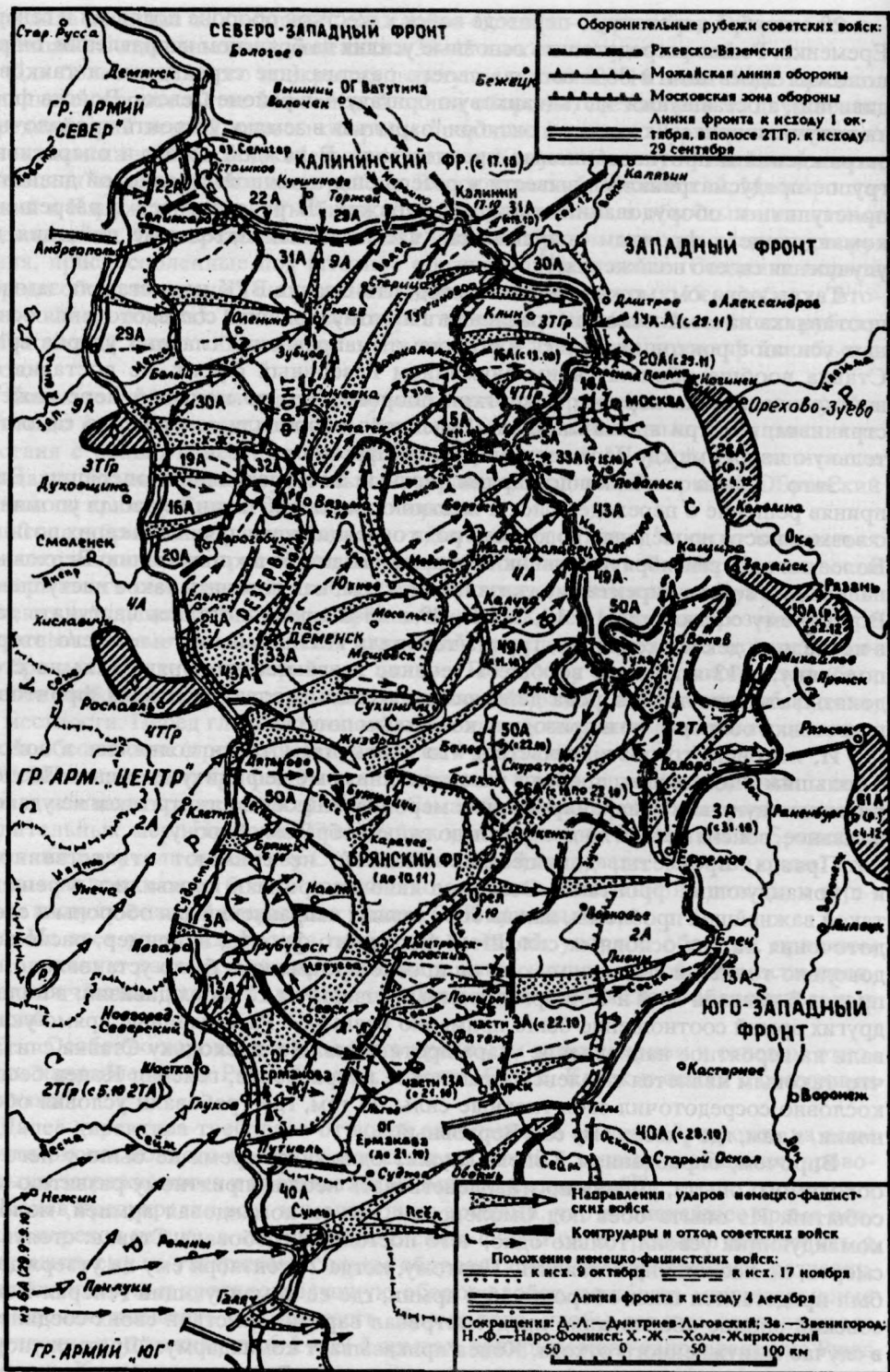
Зато Ставка всячески поощряла частные наступательные операции. Даже приняв решение о переходе войск к жесткой обороне, Сталин не забыл упомянуть о возможности проведения подобного рода операций для улучшения своих позиций. Более того, 29 сентября начальник Генерального штаба по приказанию Верховного направил в войска директиву с указаниями о том, как готовить такое наступление. Вот почему соединения 16, 19, 22, 24, 29 и 43-й армий пытались наступать даже в последней декаде сентября, группа генерала А.Н. Ермакова – всю его вторую половину, а 13-я армия – вообще в течение всего месяца. Вряд ли ныне стоит доказывать, что такого рода действия не только отвлекали войска фронтов от подготовки обороны, но и приводили к немалым потерям.

И, наконец, то обстоятельство, что директива Ставки появилась в войсках с большим опозданием, привело к невосполнимому дефициту времени. Поэтому подавляющую часть запланированных мероприятий осуществить так и не удалось, а главное, войска не смогли построить должным образом оборону.

Правда, просчеты, допущенные Ставкой, не снимают ответственности и с командующих фронтами. Особенно явно их промахи проявились в решении такой важнейшей проблемы, как выбор главных направлений для обороны и сосредоточения на них основных сил. Штаб Западного фронта, например, располагал довольно точными сведениями о группировке противника: было установлено, что против 8 дивизий 30-й и 19-й армий немцы развернули 17 своих дивизий; в полосах других армий соотношение было примерно равным¹³. Разведанные прямо указывали на вероятное направление удара противника. Но, поскольку Ставка считала, что таковым является смоленско-виземское направление, генерал Конев беспрекословно сосредоточил свои главные силы не там, где требовали условия обстановки, а там, где указал ему сам Верховный.

Впрочем, оправданием Конева служит одно: в то время не было у него необходимого опыта, умения противодействовать неблагоприятному развитию хода событий. Из опыта боев под Смоленском, где он командовал армией, молодой командующий усвоил только одно, чего постоянно требовала Ставка: стоять насмерть, но позиций не оставлять. Поэтому, когда 27 сентября ему на утверждение был представлен план обороны 16-й армии, где ее командующий генерал Рокоссовский вполне обоснованно предусматривал вариант действий своих соединений в случае вынужденного отхода, Конев приказывает командарму: "Драться упорно. Всякое понятие подвижной обороны исключить... В соответствии с этим переработать план обороны"¹⁴. Командующий фронтом, по-видимому, просто не допускал ситуацию, при которой был бы возможен отход вверенных ему войск.

Оборона Москвы.
30 сентября—4 декабря 1941 г.

Представляет интерес и такая деталь: разведка Брянского фронта вовремя зафиксировала перегруппировку войск противника, а вот ее выводы почему-то соответствовали точке зрения командующего, и получилось, что в то время как генерал Еременко основные усилия сосредоточил на правом крыле фронта, в районе Брянска, немцы направлением своего главного удара избрали его левое крыло. Как видим, и здесь командующий фронтом и его штаб допустили крупный промах; и здесь замысел на оборону не отвечал обстановке. Ко всему прочему войскам этого фронта на построение обороны было отпущено всего-навсего двое суток.

Значительная часть стрелковых дивизий оборонялась в полосах свыше 20 км при явном недостатке сил и средств. Западный фронт имел некомплект более чем наполовину: по людям – в 22% дивизий, по артиллерии – в 44, в пулеметах – в 60% дивизий¹⁵. Это в свою очередь обусловило и малую плотность войск. Она составляла 13 км на одну дивизию, 1,2 танка, около 6 орудий и минометов, 1,6 противотанковой и до 0,8 зенитной пушки на 1 км фронта¹⁶. Низкие плотности сил и средств, незначительная глубина и очаговый характер обороны делали малоэффективной всю систему огневого поражения противника, борьбу с вражескими танками и противовоздушную оборону войск.

Таким образом, к концу сентября на центральном участке советско-германского фронта были сосредоточены главные силы воюющих сторон. Причем степень готовности их была далеко не одинаковой.

Фронты западного направления в предшествующих боях понесли значительные потери. И хотя в сентябре они получили свыше 193 тыс. человек маршевого пополнения (39,2% общего количества людей, направленного в действующую армию), укомплектованность войск была явно недостаточной. Это обстоятельство в сочетании с ошибками в определении районов сосредоточения основных усилий фронтов, их неглубоким оперативным построением, очаговым характером и слабым инженерным оборудованием обороны делали ее уязвимой для ударов вражеских танков, артиллерии и авиации.

Германское командование сумело создать условия для ввода в сражение максимально возможного количества сил и средств. При общем численном превосходстве в 1,4–1,8 раза немцы на направлениях своих главных ударов достигли преимущества в людях, артиллерии и танках в 5–8 раз и более.

ВЯЗЕМСКО-БРЯНСКАЯ ОПЕРАЦИЯ

Немецкое наступление на орловском направлении началось 30 сентября, а на вяземском – 2 октября.

Дивизии 47-го и 24-го моторизованных корпусов танковой группы Гудериана нанесли удар по войскам левого крыла Брянского фронта. Развернутые здесь соединения из группы Ермакова* именно 30 сентября должны были наступать на глуховском направлении. Оказавшись поэтому вне укрытий, на не подготовленной к обороне местности, они не выдержали массированного удара врага и начали отходить. Противнику открылся путь на тылы двух левофланговых соединений 13-й армии генерала А.М. Городнянского. Оборонявшиеся здесь части встретили немцев организованным огнем артиллерии. Но и они не смогли сдержать удара превосходивших сил врага. Во второй половине дня обе дивизии были оттеснены к северо-востоку. Между армией Городнянского и группой Ермакова образовался разрыв. Все предпринятые контратаки оказались безуспешными. К исходу 30 сентября глубина бреши, пробитой неприятелем, составила 15–20 км.

* Оперативная группа генерала А.Н. Ермакова состояла из трех стрелковых и двух кавалерийских дивизий, двух танковых бригад, отдельного танкового батальона и имела 33,5 тыс. людей, 158 танков, 132 орудия и миномета.

Вечером Военный совет Брянского фронта сделал вывод: противник нанес лишь отвлекающий удар силами одного из корпусов Гудериана. Главный же удар, по мнению членов совета, последует позднее со стороны 2-й армии в направлении Брянска. Утраченное за день положение на левом крыле было решено восстановить силами находившихся там войск. Это решение генерал Еременко доложил Сталину, и тот целиком утвердил его.

Утром 1 октября соединения из группы Ермакова нанесли контрудар. Однако закрыть образовавшуюся накануне брешь и восстановить положение не удалось. Контрудар соединений, введенных в сражение по частям, в разное время, к тому же с различных направлений, при слабой огневой поддержке, по силе своей не соответствовал мощи наступавшего противника. Лавина вражеских танков, поддерживаемых с воздуха всем составом авиации 2-го воздушного флота, смела и отбросила контратаковавших. К полудню соединения 47-го корпуса противника захватили Севск и устремились на север. 24-й корпус, наступая на орловском направлении, к исходу дня увеличил глубину прорыва до 80 км. Немцы окружили две дивизии 13-й армии, а также отрезали от главных сил фронта группу Ермакова.

Только тогда командованию Брянского фронта стало ясно, что удар противника на левом крыле отнюдь не отвлекающий. И тем не менее в условиях сохранявшейся стабильности в центре и на правом крыле, полного затишья на Западном и Резервном фронтах прорыв Гудериана не казался ему столь глубоким и опасным. Поэтому при докладе в Ставку начальник штаба фронта генерал Г.Ф. Захаров обрисовал обстановку менее тяжелой, чем она была в действительности¹⁷. А генерал Еременко приказал часть фронтового резерва использовать для того, чтобы помешать противнику устремиться к северо-востоку от Севска¹⁸. Так закончился второй день боев.

У противника на рассвете 2 октября во всех подразделениях и штабах зачитывалось обращение Гитлера. Фюрер извещал солдат восточного фронта о начале последней, великой, по его словам, и решающей битвы года. Он заверял своих солдат, что "этот момент готовился по плану, шаг за шагом, чтобы завести противника в то положение, в котором мы сможем нанести ему смертельный удар..."¹⁹. В кровавое действо были брошены главные силы Бока. На фронте в 600 км – от Западной Двины до Десны – во всю свою силу загрохотал "Тайфун".

К исходу дня части танковой группы Гота преодолели полосу обеспечения Западного фронта и на стыке 19-й и 30-й армий прорвали главную полосу обороны на глубину 5–10 км. А 12 дивизий танковой группы Гепнера на участке к югу от Варшавского шоссе нанесли удар по частям 43-й армии. Державшие здесь оборону соединения уступали немцам по людям в 5 раз, по артиллерии – в 13 и танкам – в 14 раз²⁰. Такого таранного удара они не в силах были сдержать. Враг смял их и устремился в оперативную глубину. К исходу дня его передовые части, продвинувшись на 40 км, нанесли удар уже по второму эшелону Резервного фронта – дивизиям 33-й армии комбрига Д.П. Онуприенко. К этому времени танкисты Гудериана углубились в сторону Брянского фронта почти на 120 км. Немецкая авиация нанесла удар по командным пунктам Брянского и Западного фронтов. Связь с войсками была нарушена.

Советское командование предприняло ответные меры. В 16-й и 30-й армиях была проведена артиллерийская контрподготовка. Командующие фронтами начали перегруппировку резервов на выявившиеся теперь совершенно точно направления ударов противника. Генерал Конев передал генералу В.А. Хоменко – командующему 30-й армией, три дивизии и моторизованную группу для нанесения контрудара по вклинившемуся противнику и восстановления положения. Генерал Еременко приказал выдвинуть часть фронтового резерва на рубеж р. Нерусса, занять оборону и не допустить продвижения неприятеля в северном направлении.

Однако все это мало повлияло на изменение обстановки. Не достигла цели и артиллерийская контрподготовка, так как в армии Хоменко она была проведена преждевременно, понесенный от нее ущерб противник успел полностью восстановить к началу атаки. Объекты огневого поражения артиллерии 16-й армии не входили в состав ударной группировки немцев, потому что она находилась в 30–40 км к северу. В свою очередь резервы генерала Конева оказались далеко в стороне от направлений главных ударов противника. На их перегруппировку к участкам прорыва чисто теоретически требовалось не менее трех суток, а на практике времени ушло гораздо больше из-за сильного противодействия немецкой авиации.

Все внимание Ставки ВГК в эти дни было приковано к трем направлениям – орловскому, курскому и харьковскому. Для их прикрытия из состава Резервного фронта еще 1 октября Сталин приказал выделить 49-ю армию. Ее дивизии должны были начать погрузку в железнодорожные эшелоны в период с 2 по 4 октября. Для ликвидации противника, прорвавшегося в районе Глухова, Севска, 2 октября началось формирование 1-го гвардейского стрелкового корпуса под командованием генерала Д.Д. Лелюшенко. Одновременно для действий по противнику, наступавшему на орловском направлении, была выделена авиагруппа в составе пяти авиадивизий из резерва Ставки ВГК. Командование этой группой возлагалось на представителя Ставки при Брянском фронте полковника И.Н. Рухле²¹.

3 октября глубина продвижения немцев на Западном фронте возросла до 50 км, а на Резервном до 80 км. В полосе фронта Еременко части врага, преодолев почти 200 км, ворвались в Орел. По словам Гудериана, "захват города произошел для противника настолько неожиданно, что, когда наши танки ворвались в Орел, в городе еще ходили трамваи"²². Одновременно дивизии 47-го корпуса того же Гудериана перерезали тылы армии Городнянского и начали выход на тылы 3-й армии генерала Я.Г. Крейзера. Над войсками Брянского фронта нависла угроза окружения. Сгустились тучи над Западным и Резервным фронтами.

В сводке ОКХ от 3 октября отмечалось, что во второй половине дня части 3-й танковой группы "прорвались к Днепру восточнее Холм-Жирковский и захватили в неповрежденном состоянии два моста. Южнее города разгорелось танковое сражение с подошедшими русскими танковыми частями"²³. Это означало, что противник нанес удар по 32-й армии генерала С.В. Вишневого и вклинился в первую полосу Ржевско-Вяземского рубежа обороны. Полная незащищенность левого крыла войск Конева и прорыв немцев к Днепру создали реальную угрозу их выхода на тылы Западного фронта.

Оказавшиеся на направлениях главных ударов противника советские войска отходили с большими потерями. Тем не менее они огнем и контратаками пытались сдержать его наступление. 3 октября в районе к югу от г. Белый нанесли контрудары части 242-й стрелковой и 107-й мотострелковой дивизий генерала К.А. Коваленко и полковника П.Г. Чанчибадзе; южнее Холм-Жирковского – 128-я танковая бригада, входившая в группу генерала И.В. Болдина; в направлении на Середину Буду (30 км западнее Севска) – части 6-й и 298-й стрелковых дивизий полковников М.Д. Гришина и М.Е. Ерохина. С тяжелыми боями пробивалась на восток для прикрытия г. Дмитриев-Львовский группа Ермакова²⁴. Вечером того же дня генерал А.И. Еременко обратился к начальнику Генерального штаба с предложением отвести войска фронта на тыловой рубеж, но Шапошников его категорически отклонил.

4 октября бои с неослабевающей силой велись на всех направлениях. Особенно напряженными они были в полосе Западного фронта. В районе Холм-Жирковского группа Болдина подбила 38 немецких танков, несколько затормозив продвижение дивизий группы Гота²⁵. В полосе 19-й армии противник был задержан. Однако другие его ударные группировки продолжали развивать успех в направлении Вязь-

мы, охватывая советские войска, удерживавшие позиции между флангами прорыва, в 100–110 км к западу от города. Вероятность их окружения превращалась в реальность. "В связи с создавшимся положением, – вспоминал маршал Конев, – я 4 октября доложил Сталину об обстановке на Западном фронте и о прорыве обороны на участке Резервного фронта... а также об угрозе выхода крупной группировки противника в тыл войскам... Сталин выслушал меня, однако не принял никакого решения. Связь оборвалась, и дальнейший разговор прекратился..."²⁶.

А между тем обстановка накалялась.

Отказ советского стратегического руководства от отвода войск был на руку командованию вермахта: ведь войска Красной Армии продолжали удерживать фронт между флангами участков прорыва, тогда как танковые клещи находились уже далеко у них в тылу, в 45 км от Вязьмы²⁷. Такое расположение еще более способствовало их окружению.

Генерал Конев решил прикрыть с севера путь на Вязьму силами группы Болдина, а с юга – 16-й армией. 5 октября в 18 часов 50 минут он подписал директиву: "Командарму-16 Рокоссовскому немедленно приказываю участок 16-й армии передать командарму-20 Ершакову. Самому с управлением армии и необходимыми средствами прибыть форсированным маршем не позднее утра 6.10 в Вязьму... Задача армии – задержать наступление противника на Вязьму, наступающего с юга из района Спас-Деменска..."²⁸.

В 19 часов 25 минут начальник Генерального штаба передал Коневу: "Ставка ВГК согласно Вашему предложению разрешила Вам сегодня ночью начать отход"²⁹. Одновременно Ставка приняла решение об отводе в ночь на 6 октября войск Резервного и Брянского фронтов³⁰.

В это же время Сталин передал распоряжение генералу Жукову, находившемуся в Ленинграде, немедленно вылететь в Москву. Государственный комитет обороны принял решение о защите столицы и дал указание о переброске войск под Москву с Северо-Западного и Юго-Западного фронтов, о выдвигании резервов Ставки из глубины страны.

Согласно приказу Военного совета Западного фронта, подписанному 6 октября в 5 часов 45 минут, первыми должны были начать отход войска 19-й и 20-й армий, остальные – спустя сутки. Одновременно уточнялась задача армии Рокоссовского: ей предписывалось сосредоточиться в районе севернее Вязьмы и действовать не только в южном, но и в северном направлении³¹.

К сожалению, приказ ни в коей мере не соответствовал обстановке. Во-первых, он был отдан с опозданием на двое-трое суток, поэтому войска отходили на рубеж, который противник уже успел частично захватить. Во-вторых, дивизии 16-й армии не могли физически в течение одной ночи по бездорожью преодолеть расстояние 100–110 км. В-третьих, эти самые дивизии по-прежнему вели бои с превосходившими силами врага, причем оторваться от немцев им так и не удалось. И поэтому вполне естественным выглядит то положение, в котором оказался генерал Рокоссовский по прибытии в назначенный район. Во второй половине 6 октября он получил исчерпывающий доклад начальника гарнизона города генерала И.С. Никитина: "В Вязьме никаких войск нет и в окрестностях тоже. Имею только милицию"³². А буквально через несколько минут Рокоссовскому и его штабу пришлось поспешно покидать город, чтобы не попасть в руки немецкому передовому отряду, ворвавшемуся в Вязьму.

Примерно в то же время один из передовых отрядов Гудериана вышел в район командного пункта Брянского фронта, расположенного в 11 км юго-восточнее Брянска. По-видимому, немцы приняли его за какое-то тыловое учреждение; танки и мотопехота тотчас же открыли огонь по домикам и плохо замаскированным землянкам КП. Подразделения охраны штаба, а вместе с ними командиры и красноармейцы из состава КП начали ответную стрельбу. Под прикрытием их огня успели

эвакуировать оперативный, разведывательный и шифровальный отделы. По объездной дороге они двинулись на новый КП, в Белев. Примерно через час вражеский отряд ушел к северо-западу³³. А командующий фронтом с этого момента оказался без своего штаба, потеряв управление войсками. Лишь на другой день генерал Еременко с адъютантом добрался до КП 3-й армии. Последующее его руководство свелось в основном к управлению одной этой армией.

6 октября войска 19-й и 20-й армий, возглавляемые генералами М.Ф. Лукиным и Ф.А. Ершаковым, а также 24-й армии генерала К.И. Ракутина начали отходить, прикрываясь арьергардами. Часть войск занимала новый рубеж, остальные проходили его, оставляя первых в арьергарде. 16 дивизий противника перешли к их преследованию. Однако 7 октября противник замкнул кольцо вокруг советских войск западнее Вязьмы, а через два дня и в районе Брянска. Успех под Вязьмой и Брянском вызвал взрыв ликования в третьем рейхе. Впервые после начала "восточного похода" публично выступил Гитлер. Восторженно встретила нацистская и военная элита Германии его слова о том, что "противник разгромлен и больше никогда не поднимется!" Упивалась победой и фашистская пропаганда. Гигантские заголовки на первых страницах газет кричали: "Прорыв центра восточного фронта!", "Исход похода на восток решен!", "Последние боеспособные дивизии Советов принесены в жертву"³⁴. Все было направлено на то, чтобы не только в самом рейхе, но и за его пределами создать впечатление полного и окончательного триумфа Германии и поражения Советского Союза.

Действительно, ситуация под Москвой была драматической. Враг создал 500-километровую брешь в обороне, а стратегических резервов в районе столицы не оказалось, так как все они были задействованы для восстановления обороны на юго-западном направлении. 8 октября в 2 часа 30 минут Жуков докладывал Сталину: "Главная опасность заключается в том, что почти все пути на Москву открыты, слабое прикрытие на Можайской линии не может гарантировать от внезапного появления перед Москвой бронетанковых войск противника. Надо быстро стягивать войска, откуда только можно, на Можайскую линию обороны"³⁵.

В такой тревожной и опасной обстановке, не исключавшей возможности падения столицы, Государственный комитет обороны был вынужден, наряду с мерами укрепления обороны дальних подступов к городу, принять 8 октября специальное постановление по подготовке к уничтожению 1119 предприятий и других объектов Москвы и Московской области³⁶. Параллельно с этим Ставка ВГК в спешном порядке проводила мероприятия по организации обороны на Можайской линии. Сюда из Западного и Резервного фронтов были переброшены 110-я и 113-я стрелковые дивизии (бывшие 4-я и 5-я дивизии народного ополчения Москвы). Началось формирование 5-й армии под командованием генерала Лелюшенко. На ее укомплектование передавались подошедшие резервы Ставки и части, уже развернутые в Можайском укрепленном районе. Все войска на Можайской линии объединялись управлением вновь образованного Московского Резервного фронта во главе с Военным советом Московского военного округа³⁷.

Для обороны орловско-тульского направления создавалась 26-я армия с непосредственным подчинением ее Ставке. В состав армии были включены части 1-го гвардейского стрелкового корпуса, остановившего продвижение танков Гудериана в районе Мценска³⁸.

10 октября Ставка объединила Западный и Резервный фронты в один – Западный. Его командующим был назначен генерал армии Г.К. Жуков, а членами Военного совета – Н.А. Булганин, И.С. Хохлов и С.Н. Круглов³⁹. Выдвижение Жукова на столь ответственный пост в самый критический момент битвы – человека неуклонной воли, кипучей энергии и блестящего организатора, прямо скажем, весьма удачное решение Верховного Главнокомандующего. Прежний командующий Западным фронтом Конев стал заместителем Жукова.

В тот же день войскам, окруженным под Вязьмой, была поставлена задача: "В течение 10–11 октября прорвать линию противника и во что бы то ни стало выйти из окружения..."⁴⁰. Общее руководство прорывом возлагалось на генерала Лукина. Он получил приказ 19, 24, 32-й армиями и группой Болдина пробиться на восток в направлении либо Сычевки, либо Гжатска, а генералу Ершакову было дано указание пробиваться на юго-восток⁴¹.

"Принимая решение на выход из окружения, – вспоминал маршал Конев, – мы ставили задачу ударными группировками армий прорвать фронт противника... не соединяя армии в одну группировку и не назначая сплошного участка прорыва. Нашей целью было не позволить врагу сужать кольцо окружения и, имея обширную территорию, маневрировать силами, сдерживать активной борьбой превосходящие силы противника"⁴². Однако с подобным выводом маршала полностью согласиться нельзя. Его оценка замысла выхода из окружения – это всего лишь попытка оправдаться задним числом, ибо действия окруженных под Вязьмой войск были Коневым плохо продуманы. Прежде чем выбираться из окружения, следовало бы организовать оборону района, как это сделал П.А. Курочкин под Смоленском. Здесь же, под Вязьмой, предполагалось осуществить прорыв с ходу, в процессе отхода, а это обрекало войска на заведомое поражение.

К моменту окружения в районе Вязьмы внутренний фронт имел протяженность около 320 км. Его создали 24 немецкие дивизии, из них 6 танковых перешли к обороне на восточном участке фронта шириной 80 км. Они образовали так называемый "танковый фронт", проходивший через Вязьму с северо-запада на юг в форме дуги. По сути, этот фронт выполнял роль наковальни, а молотом являлись пехотные дивизии, которые сжимали кольцо окружения в направлении наковальни.

Внезапно и резко изменилась погода: 7 октября осень превратилась в раннюю зиму, затяжные дожди сменились снегопадом и метелями.

Армии Западного фронта, прикрываясь арьергардами и минными заграждениями, почти под непрерывным огнем противника, продолжали отходить к Вязьме. Особенно тяжело пришлось армии Ракутина. Оба ее фланга оказались открыты, а путь ей предстоял более длинный, чем другим объединениям. Отход прикрывали 8-я и 139-я стрелковые дивизии (бывшие 8-я и 9-я дивизии народного ополчения Москвы) полковника Г.А. Зверева и генерала Б.Д. Боброва. Ополченцы четверо суток мужественно сражались в 10–15 км юго-восточнее и юго-западнее Ельни, где немало москвичей сложили свои головы. 9 октября все пути отхода армии оказались отрезанными, основная масса воинов была или уничтожена, или пленена. Под Семлевым (20 км юго-западнее Вязьмы) погиб и командарм генерал К.И. Ракутин.

Трое суток 2-я стрелковая дивизия (2-я дивизия народного ополчения) генерала В.Р. Вашкевича пропускала через свои боевые порядки соединения 19-й и 20-й армий, отходившие на восток. 8 октября ополченцы подорвали железнодорожное полотно и мост через р. Днепр, не дав врагу возможности захватить его. За это время войска 19-й армии генерала Лукина и группы Болдина сосредоточились в районе Павлово (25–30 км северо-западнее Вязьмы), а 20-й армии – в 4–18 км к югу от города. На следующее утро объединения попытались прорвать кольцо окружения. Группа Болдина нанесла удар на север в направлении Касни (40 км севернее Вязьмы), а 19-я армия – на Богородицкое (17 км северо-западнее ее). Но попытка не удалась.

Еще два дня окруженные усиленно готовились к прорыву. Генерал Лукин вспоминал: "...положение окруженных войск резко ухудшилось. Снарядов мало, патроны на исходе, продовольствия нет. Питались тем, что могло дать население, и кониной. Кончились медикаменты и перевязочные материалы. Все палатки и дома переполнены ранеными"⁴³. За это время протяженность фронта окружения сокра-

тилась, а оперативная плотность немецкой группировки, наоборот, увеличилась более чем в три раза, составив 3,7 км на одну дивизию⁴⁴.

Замысел Лукина заключался в том, чтобы прорвать фронт окружения в направлении Богородицкое, Гжатск. По данным разведки, перед намеченным участком прорыва находилась 7-я танковая дивизия немцев, которой трудно было маневрировать на болотистой местности. Однако здесь, кроме танковой дивизии, сосредоточились части еще и двух пехотных дивизий, но об этом Лукину не было известно.

11 октября с наступлением темноты началась артиллерийская подготовка, ее завершал залп гвардейских минометов. Ударная группа пошла в атаку. Враг ответил шквалом огня. Факелами горели дома и сараи в Богородицком, освещающая заревом бегущих бойцов. Атакующие прорвали фронт окружения. "Ко мне, – писал Лукин, – стремительно вбегает командир 91-й дивизии полковник И.А. Волков:

– Товарищ генерал! Прорыв сделан, дивизии уходят, выводите штаб армии!

Немедленно доношу об этом в штаб фронта. В прорыв вводится артиллерия, подтягиваются другие соединения. И.А. Волкову я сказал, что лично выходить не буду, пока не пропущу все или хотя бы половину войск⁴⁵.

Узкий трехкилометровый коридор удерживался до рассвета. По нему удалось прорваться частям 91-й дивизии. Несколько сотен человек вывел генерал Вашкевич, но главным силам не повезло. Ночью среди болот маневрировать большой массе войск неимоверно сложно. Образовались пробки. Кони, люди, техника перемешались. Словом, темп был потерян, а шанс упущен. Враг вновь замкнул кольцо окружения.

В течение следующего дня советские войска удерживали район Богородицкого. Немцы предпринимали одну атаку за другой, чтобы еще туже сжать кольцо и расчлнить окруженных. К исходу дня им это удалось. Войска Лукина в районе Богородицкого занимали теперь территорию размером 10 × 10 км, а части Ершакова южнее Вязьмы – 10 × 5 км. Эти два "пятачка" отделяли друг от друга всего каких-то 12 км.

Генерал Лукин собрал командиров и комиссаров на последнее совещание, где объявил о своем решении. На сей раз замысел командарма состоял в том, чтобы, действуя отдельными группами по трем параллельным маршрутам, прорваться на юг и сосредоточиться в районе Быково, Селиваново, Покров (7–18 км южнее Вязьмы), а в дальнейшем совместно с частями 20-й армии прорываться в восточном направлении⁴⁶.

Это решение имело скорее психологическое, чем практическое значение. Оно не вытекало из реальной обстановки, ибо Лукин не знал группировку врага. Прорыв в указанный им район давал окруженным шансов не более, чем любое другое направление. Ведь оба "пятачка" были блокированы силами 16 развернутых в боевой порядок и 9 выведенных в резерв немецких дивизий, а внешний фронт окружения, где наступали еще 17 дивизий, уже находился в 80–100 км к востоку от Вязьмы⁴⁷.

12 октября в 18 часов из района Богородицкое по каждому из маршрутов выступили авангарды. По центральному маршруту вслед за авангардом двинулся штаб 19-й армии: в голове колонны батальон охраны, затем рота офицеров штаба, замыкающим был 48-й полк связи⁴⁸. И шли они в свой последний бой...

Обстановка к югу от Вязьмы была еще того хуже. Вечером 10 октября войска армии Ершакова пытались прорвать фронт окружения, но их удар цели своей не достиг. На следующий день штаб Западного фронта получил последнее донесение от генерала Ершакова: "Имея в своем составе две дивизии (двумя днями ранее их было семь! – *Ред.*) и испытывая недостаток в огнеприпасах и горючем, продолжаем вести кровопролитные бои... Части армии готовятся к прорыву в направлении на Быково"⁴⁹.

Последняя попытка оказалась роковой: армия как боевая единица перестала существовать. А спустя сутки сюда двинулись ничего не подозревавшие войска Лукина. Но вместо дивизий 20-й армии их встретили разрывы снарядов, мин, свинцовый дождь и бомбо-штурмовые удары немецкой авиации. Вся огневая мощь врага обрушилась на подходившие части. Не имея боеприпасов, советские воины не могли ответить противнику огнем. Части Лукина стихийно разбивались на отдельные не связанные между собой группы и отряды. 13 октября управление войсками было потеряно окончательно.

На следующий день германское командование объявило, что "противник, окруженный... западнее Вязьмы, полностью уничтожен"⁵⁰, хотя до конца месяца с уже "уничтоженным противником" вели боевые действия от девяти до пяти немецких дивизий. В районе Брянска обстановка была не лучше. Когда генерал Еременко потерял управление войсками, его функции взял на себя Генеральный штаб. В довершение ко всему ему же пришлось решать проблемы, связанные с выполнением заявок командармов, а те просили сбросить им горючее и боеприпасы, прикрыть авиацией определенные районы на какое-то время, вывести раненых и прочее⁵¹.

В ночь на 8 октября армии Брянского фронта начали отходить. К рассвету войскам 3-й и 50-й армий удалось совершить бросок к востоку почти на 50 км. Для 13-й армии отход с самого начала превратился в прорыв из вражеского кольца. После того как попытка наступать в юго-восточном направлении оказалась безуспешной, генерал Городнянский решил пробиваться на юг, в направлении станции Суземка (32 км северо-западнее Севска). На рассвете 9 октября армия нанесла неожиданный удар и создала брешь в боевых порядках врага. Через нее прорвались 132-я и 143-я стрелковые дивизии, 141-я танковая бригада и часть штаба армии. Однако в скором времени противник закрыл брешь и отрезал путь остальным частям армии, но дивизия полковника Гришина стремительной атакой вновь опрокинула врага. За ней проскочили часть второго эшелона и резерв командарма⁵². В этот день 13-я армия продвинулась на юг почти на 25 км, но была остановлена.

9 октября войска 2-й армии генерала Вейхса соединились со 2-й танковой армией* северо-западнее Брянска, расчленив окруженную группировку Брянского фронта на две части: северную – в районе Брянск, Дятьково и южную – в районе Трубчевск, Суземка, Навля. Для борьбы с окруженными советскими войсками противник задействовал 20 дивизий из 22, имевшихся в составе двух армий. Генерал Еременко так и не смог наладить управление войсками, а 13 октября во время налета немецкой авиации он был ранен. Ночью на самолете Еременко переправили в Москву, а его обязанности стал исполнять начальник штаба фронта генерал Г.Ф. Захаров. Войска фронта продолжали пробиваться из окружения.

Слабым местом у противника оказалось направление к северо-востоку от Брянска: там еще имелись значительные разрывы в его боевых порядках. Через них-то и начали успешно прорываться соединения 50-й армии. Однако 10 октября Шапошников потребовал не отклоняться от намеченной для них директивой Ставки оси отхода. Пришлось командующему армией генералу М.П. Петрову срочно изменить маршрут⁵³. В последующие пять суток его армия пробивалась в юго-восточном направлении. Но именно здесь противник имел значительное преимущество в силах и средствах.

К исходу 13 октября большая часть армии Петрова сосредоточилась в районе станции Батагово (25 км северо-восточнее Брянска), Буяновичи для подготовки переправы через р. Рессета. Утром 154-я стрелковая дивизия генерала Я.С. Фофанова форсировала реку. Однако немцы не дали ей развить успех⁵⁴. Наступление

---

* 5 октября 1-я и 2-я танковые группы были переименованы в 1-ю и 2-ю танковые армии.

затормозилось. Командарм решил одновременными ударами основных сил с фронта, а обходящего отряда с тыла сбить противника, а затем форсировать реку.

Обходящий отряд, возглавляемый самим командармом, приступил к выполнению задуманного им маневра. Через некоторое время в тылу врага разгорелся бой. Отзвуки его явились сигналом для наступления главных сил. Неся большие потери от огня противника, войска все-таки переправились через Рессету. Им удалось продвинуться к югу еще на 5–7 км. Но обходящий отряд был расчленен на отдельные группы. Много бойцов здесь пало смертью храбрых. Среди них командующий армией Герой Советского Союза генерал М.П. Петров и член Военного совета бригадный комиссар Н.А. Шляпин. Остатки армии были "сдавлены в районе Желтоводье, Вереща (10 км северо-западнее Карачева)", а 17 октября немцы сообщили о завершении ликвидации ее частей⁵⁵.

Да, армия была разгромлена. Ее остатки и штаб во главе с полковником Л.А. Пэрном пробившись из окружения в другом, северо-восточном направлении, именно там, где до 10 октября, т.е. до вмешательства начальника Генерального штаба, они успешно продвигались. 20 октября они вышли в район Белева. От армии осталась всего-навсего десятая часть людей и 3% артиллерии⁵⁶.

Юго-западнее Навли, в тылу 3-й армии, противник еще 11 октября перерезал пути отхода и закрыл ей все выходы на восток. Двое суток ее войска прорывались через заслоны врага, а когда их преодолели, то выяснилось, что штаб армии потерял связь с дивизиями. В принципе зная общее направление и рубеж выхода, они продолжали действовать самостоятельно. Оставшиеся под управлением командарма генерала Крейзера 137-я и 269-я стрелковые дивизии, а также 42-я танковая бригада с 17 по 20 октября вели бои в полном окружении в 6–20 км севернее г. Дмитровск-Орловский⁵⁷. Надо сказать, что положение войск было катастрофическим: в труднопроходимых болотах застрял весь автотранспорт, кончили горючее, встали танки. Под почти непрерывным артиллерийско-минометным обстрелом и при часто повторявшихся атаках врага спасти машины было невозможно. Военный совет армии принял решение об их уничтожении.

Войска Крейзера пробившись по узкому 500-метровому коридору, и на рассвете 23 октября в район севернее поселка Поньри вышла из окружения основная группа, а южнее – остатки дивизий в составе около 3 тыс. человек. Заняв участок тылового рубежа обороны фронта, 3-я армия начала восстанавливать свою боеспособность.

Соединения генерала Городнянского к исходу 13 октября пробившись в район Хомутово, что в 50 км северо-западнее Льгова. Целых пять суток шли тяжелые бои. Гудериан бросил против 13-й армии 34-й армейский и 48-й моторизованный корпуса, которые перехватили пути к р. Свапа, а на ряде участков отгеснили войска группы Ермакова, оборонявшиеся на ее левом берегу. К этому времени горючее было полностью израсходовано, поэтому Военный совет приказал уничтожить автотранспорт и "другое имущество, чтобы его не использовал враг..."⁵⁸. Для оказания помощи прорвавшимся частям командующий фронтом приказал группе Ермакова нанести четыре одновременных удара по врагу, а авиации фронта – уничтожить его с воздуха⁵⁹. Встречными ударами войскам генерала Городнянского 18 октября удалось прорвать кольцо окружения и переправиться на восточный берег Свапы. "Промокшие, истощенные от недоедания, ведя бои днем и ночью, воины 13-й армии вышли из окружения в составе 10 тыс. человек, все с винтовками, при 32 станковых и 34 ручных пулеметах, со 130 автоматами ППШ и 11 пушками"⁶⁰. К 22 октября армия заняла оборону в 45 км северо-западнее Курска.

Сражения под Вязьмой и Брянском завершились. Исход их для советских войск оказался катастрофическим: в окружение попали 7 из 15 управлений армий, 64 дивизии из 95, 11 танковых бригад из 13, 50 артиллерийских полков РКК из 62. Из этого числа в районе Вязьмы были окружены 37 дивизий, 9 танковых бригад, 31

артиллерийский полк РГК и 4 полевых управления армий (19, 20, 24 и 32-й). Заметим, что окруженные под Вязьмой войска входили в состав десяти армий (16, 19, 20, 22, 24, 30, 31, 32, 43 и 49-й). Вне общих котлов было окружено 5 дивизий и 4 артполка РГК, все остальные – под Брянском.

В окружении советские войска потеряли около 6 тыс. орудий и минометов, свыше 830 танков⁶¹. Что касается потерь фронтов в живой силе, то точных сведений о них нет. В труде "Гриф секретности снят..." приведены цифры потерь за весь оборонительный период битвы, но достоверность их сомнительна. Поэтому, чтобы иметь хотя бы общее представление об их величине, сделаем ориентировочный расчет, зная, что из вяземского котла вышло до 85 тыс. человек, а из брянского – около 23 тыс. Приплюсуем к ним 98 тыс. – количество людей в избежавших окружения 29-й и 33-й армиях, группе Ермакова и в 22-й армии, где была окружена только одна дивизия. Учитывая, что определенное количество бойцов и командиров вышло из окружения и сразу же влилось в свои части, а также то, что часть задержанных военнослужащих формировалась в подразделения и направлялась заградотрядами на передовые позиции для пополнения войск, полученный выше результат округлим до 250 тыс. Это и есть примерное количество оставшихся во фронтах людей. Сопоставляя его с 1250 тыс. человек, имевшихся во фронтах к началу битвы, приходим к выводу: за первые 2–3 недели боев под Москвой Красная Армия лишилась до одного миллиона человек, из которых (по немецким источникам) около 688 тыс. были пленными.

Ни Ставка, ни военные советы фронтов не смогли организовать контрудары извне для содействия выходящим из окружения. В то же время окруженные войска, находясь, по существу, в безвыходном положении, на три недели приковали к себе от 48 до 26 вражеских дивизий. Более того, из окружения сумели вырваться 3 управления армий, остатки 32 разбитых дивизий, 13 артиллерийских полков. Быстро восстановив боеспособность, они вновь встали на пути врага, рвавшегося к столице.

Германское командование переоценило результаты первых сражений. В начале второй декады октября оно скорректировало свои планы, решив одновременно с наступлением на Москву взять в гигантские клещи и уничтожить войска Северо-Западного фронта. Для этого 3-я танковая группа развертывала наступление в направлении Калинин, Торжок, Вышний Волочек. Навстречу ей от Чудова предусматривалось нанести удар силами группы армий "Север". Эта операция, по мнению фельдмаршала Бока, должна была стать последним усилием в битве за Москву⁶².

Одновременно войскам группы армий "Центр" предстояло развивать наступление силами 9-й и 2-й армий веером на северо- и юго-восток, 4-й армии и 4-й танковой группе – на Москву, а 2-й танковой армии – в обход ее с юго-востока⁶³. Следует заметить, что поворот на север двух (вместе с 3-й танковой группой), а на юг – одного оперативного объединения ослаблял общий нажим германских войск на Москву, что создавало более благоприятные условия для обороны столицы.

12 октября Государственный комитет обороны принял постановление о строительстве обороны на ближних подступах к Москве и в самом городе⁶⁴. Одновременно он поручил "НКВД СССР взять под особую охрану зону, прилегающую к Москве, с запада на юг по линии Калинин, Ржев, Можайск, Тула, Коломна, Кашира... Организовать при НКВД СССР штаб охраны Московской зоны, подчинив ему в оперативном отношении расположенные в зоне войска НКВД (6000 по особому расчету), милицию, районные органы НКВД, истребительные батальоны и заградительные отряды"⁶⁵. ГКО предусматривал мобилизовать на строительство оборонительных сооружений сроком на 20 дней 240 тыс. жителей Московской области и 200 тыс. москвичей. Войска НКВД должны были обеспечивать охрану и защиту людей, работавших в зоне в порядке трудовой повинности, так

как немецкие войска в любой момент могли появиться в районах строительных работ.

Многие меры, принимаемые в эти дни в интересах обороны Москвы, отличались взвешенностью, реализмом и оперативностью. Но были и такие, что при всей своей, казалось бы, привлекательности на деле оказались явно невыполнимыми. Так, 9 октября, после окружения советских войск под Вязьмой и Брянском, Ставка ВГК приказала командующему Западным фронтом срочно построить три полевых укрепленных рубежа на калининском направлении, а командующему Брянским фронтом подготовить два подобных же рубежа по линии рек Ока, Дон с обходом Воронежа⁶⁶. Но Ставка почему-то не приняла во внимание тот факт, что к этому времени командующие фронтами совершенно не располагали какими-либо силами для выполнения ее распоряжения. Поэтому требование о срочном строительстве рубежей, имевших только на калининском направлении общую протяженность почти 350 км, можно, бесспорно, отнести к разряду прожектерских.

10 октября части 3-й танковой группы противника, которой теперь командовал Рейнгардт, встретили упорное сопротивление войск Западного фронта. Это были те самые армии – 22-я и 29-я, которые были вынуждены отступать под давлением смежных флангов групп армий "Центр" и "Север" и о которых выше упоминал Бок. Однако они не только сумели планомерно отойти, но и частью сил заняли инженерные сооружения Ржевско-Вяземского рубежа. Активные действия советских войск угрожали левому флангу и тылу группы Рейнгардта. Это обстоятельство заставило его под Сычевкой выделить 6-ю танковую дивизию в оборону. Лишь после этого противник получил возможность продолжить наступление и 11 октября занять Погорелое Городище (21 км восточнее Зубцова) и Зубцов, а на следующий день Старицу. Враг устремился к Калинин.

Положение Западного фронта резко ухудшилось. Между Зубцовом и Гжатском образовался разрыв до 80 км, закрыть который было нечем. По приказу командования фронта войска правого крыла отошли на левый берег Волги. Но оборонять Калинин было, прямо скажем, нечем и некем. В городе оставались лишь курсы младших лейтенантов да отряд народного ополчения. Сюда срочно выехал заместитель Жукова Конев. В Калинин начали стягивать войска из Западного и Северо-Западного фронтов. Последний по приказу Ставки выделил оперативную группу в составе двух стрелковых, двух кавалерийских дивизий, танковой бригады и мотоциклетного полка во главе с начальником штаба фронта генералом Н.Ф. Ватутиным. Но на их сосредоточение и развертывание требовалось время, а его как раз и не было.

Во второй половине 13 октября противник вышел на ближние подступы к Калинин, а к вечеру достиг его западной окраины. Одновременно немцы форсировали Волгу. Разгорелись тяжелые уличные бои. К утру 15 октября советские войска оставили большую часть города, заняв оборону по левым берегам рек Тверца и Волга. Только один стрелковый полк сумел удержаться на северо-западной окраине Калинина, оседлав Ленинградское шоссе. Немцы, подтянув дополнительные войска, на следующий день в 15 часов прорвали слабую оборону полка и прямо по шоссе устремились в северо-западном направлении. За два дня они продвинулись на 40 км.

17 октября Ставка выделила войска, что действовали на осташковском и ржевском направлениях, а также в районе Калинина, в самостоятельный Калининский фронт во главе с генералом Коневым. В его состав вошли 22, 29, 30, 31-я армии и оперативная группа Ватутина. Собственной авиации у Конева в наличии не было. Его должна была поддерживать малочисленная авиация Северо-Западного фронта. Новый фронт получил задачу вернуть Калинин и сорвать попытки врага обойти Москву с севера⁶⁷.

18 октября оперативная группа Ватутина разгромила немцев в районе Марь-

ино, Медное (28 км северо-западнее Калинина) и прочно закрепила за собой рубеж северо-западнее Калинина. Остатки войск 30-й армии генерала Хоменко попытались выбить противника из города, но безуспешно. Враг прочно укрепился там. 19 октября группа Ватутина была расформирована, а ее соединения включены в состав 31-й армии, командующим которой был назначен генерал В.А. Юшкевич. На этом посту он заменил В.Н. Долматова, который за крупные упущения в управлении войсками при обороне Ржева был предан суду военного трибунала.

Завершив ликвидацию вяземского котла, 9-я армия 24 октября нанесла удар от Ржева и Старицы в общем направлении на Торжок, Вышний Волочек. За семь дней наступления ей удалось продвинуться на 30–40 км. Однако активные действия Калининского фронта, который быстро наращивал свои силы, сорвали задуманный германским командованием план окружения Северо-Западного фронта. Впрочем, не только 9-я полевая армия, но и 3-я танковая группа были остановлены войсками генерала Конева. Фронт стабилизировался на рубеже рек Большая Коша и Тьма. Занимая охватывающее положение по отношению группы армий "Центр" с севера, Калининский фронт создавал непосредственную угрозу ее флангу и держал противника в постоянном напряжении.

К Можайской линии обороны немцы устремились сразу же после образования вяземского и брянского котлов. Командующий 4-й армией фельдмаршал Клюге основные усилия сосредоточил вдоль Минской автострады, Киевского и Варшавского шоссе. Значительная часть дивизий находилась до этого или во втором эшелоне, или резерве, или на пассивных участках фронта. Они обошлись почти без потерь, а потому их боевой потенциал оставался высоким.

Советское командование к 10 октября развернуло на Можайской линии обороны четыре стрелковые дивизии, шесть военных училищ, три запасных стрелковых полка, пять пулеметных батальонов, семь танковых бригад, десять артиллерийских полков и другие части. При этом фланги и стыки укрепленных районов оставались без прикрытия. Не удалось создать и оперативных резервов⁶⁸.

С 13 октября Московский Резервный фронт был влит в Западный фронт; все соединения и части на волоколамском направлении объединились в 16-ю армию, на можайском – в 5, на малоярославецком – в 43 и на калужском – в 49-ю армии.

10 октября бои начались на малоярославецком направлении, 11 – на калужском, 13 – на можайском, 16 октября – на волоколамском. Интенсивность их возрастала по мере высвобождения немецких сил из-под Вязьмы и подхода советских войск к Можайской линии. Сплошного фронта не существовало. Натыкаясь на очаги обороны, немцы обходили их, атакуя с флангов или тыла, а затем упорно продолжали продвижение. Обстановка менялась ежедневно, даже ежечасно. Против напористых, хорошо оснащенных и обученных немецких войск действовали немногочисленные, формируемые в основном в ходе боев соединения. В такой обстановке от каждого батальона и полка, дивизии и армии зависел исход боя, операции, а в конечном итоге – судьба Москвы.

На Калужский укрепрайон, расположенный в южной части Можайской линии, наступали три пехотные дивизии немцев. Калугу обороняли части 5-й гвардейской стрелковой дивизии, сводный отряд и сводный полк 194-й стрелковой дивизии. В таких совершенно неравных условиях борьбы они не смогли сдержать натиск врага и 13 октября оставили город. Противник устремился на Алексин (60 км восточнее Калуги) и Серпухов, создав угрозу прорыва к Москве. Ставка перебросила под Алексин 173-ю (бывшую 21-ю ополченческую московскую) и 238-ю стрелковые дивизии полковников А.В. Богданова и Г.П. Короткова, а под Серпухов – 7-ю гвардейскую и 60-ю (бывшую 1-ю ополченческую московскую) стрелковые дивизии во главе с полковником А.С. Грязновым и генералом Н.Н. Прониным. Эти соединения вместе с 5-й гвардейской стрелковой дивизией полковника П.В. Миронова и подразделениями 69-й бригады войск НКВД 29 октября остановили врага на линии

14 км западнее Серпухова, восточнее Тарусы (25 км юго-западнее Серпухова), западная окраина Алексина.

43-я армия генерала К.Д. Голубева обороняла Малоярославецкий укрепрайон, территорию которого пересекают две крупные автотрассы – Варшавское и Киевское шоссе. В 20 км южнее Малоярославца и в 25 км западнее него эти дороги перерезались инженерными сооружениями созданных здесь секторов обороны. На позициях секторов были развернуты части 312-й стрелковой дивизии полковника А.Ф. Наумова, подразделения курсантов подольских пехотного и артиллерийского училищ, шесть артиллерийских полков, три отдельных пулеметно-артиллерийских батальона, семь огнеметных рот и др.⁶⁹. А на западных подступах к секторам обороны действовали 17-я танковая бригада майора Н.Я. Клыпина, десантный отряд капитана И.Г. Старчака и передовые отряды курсантов.

Восемь дней они отбивали нескончаемые атаки пехоты и танков, постоянно поддерживаемые артиллерией и авиацией врага. Лишь 18 октября немцы добились успеха; они взяли Малоярославец и окружили детчинский сектор обороны. К счастью, его гарнизону удалось пробиться из кольца окружения и выйти к своим. Подольские курсанты, десантники, бойцы дивизии Наумова и танкисты Клыпина выполнили приказ командования. Задержав противника, они обеспечили развертывание еще четырех стрелковых дивизий, танковой, мотострелковой и двух воздушнодесантных бригад. Совместными усилиями этих соединений фронт в полосе армии был наконец-то стабилизирован. С 29 октября ее войска перешли к обороне по р. Нара.

Но не все показывали такое упорство в обороне. К примеру, части 53-й стрелковой дивизии полковника Н.П. Краснорецкого в ходе боев за Боровск разбежались при малейшем нажиме противника. Низкую боеспособность показала и 17-я (бывшая 17-я ополченческая московская) стрелковая дивизия полковника П.С. Козлова. А причина состояла в том, что в ней после боев под Спас-Деменском в строю осталось всего 558 человек, т.е. около 6% первоначального состава. 15 октября в Угодском Заводе (ныне Жуково, 17 км восточнее Малоярославца) она была доукомплектована только что прибывшим маршевым пополнением и уже через два дня введена в сражение на рубеже р. Протва. Оба эти соединения оставляли один рубеж за другим, дав противнику возможность без боя форсировать р. Нара и захватить плацдарм у Тарутино (32 км юго-восточнее Наро-Фоминска). В дальнейшем под ударами 22 немецких самолетов "дивизии в панике бежали в Подольск, где оказалось около 7 тыс. человек из этих соединений"⁷⁰.

Низкие морально-боевые качества воинов дивизий, которые только что были переформированы после разгрома в начале октября, объясняются еще и тем, что солдаты плохо владели своим оружием, не были уверены сами в себе и в своих командирах. В состоянии психологического надлома люди утратили возможность контролировать свои действия. Неудержимый страх, особенно перед немецкими танками и самолетами, охватывал их при первых же атаках врага. А это помогало последнему развивать свое наступление. Угроза столице возрастала: линия фронта проходила уже в 75 км от нее. Отступать дальше было некуда.

В такой критической ситуации особую опасность всегда представляют паникеры и трусы. Не найдя других средств, советское руководство пошло по привычному пути. Были преданы суду военного трибунала целые группы командиров и политработников. Перед строем своих подчиненных был расстрелян командир 17-й стрелковой дивизии полковник Козлов⁷¹.

Да, в периоды отчаяния, когда решалась судьба Отечества, жестокость нередко оказывалась единственным средством, способным остановить врага. И все же перелом создавали отнюдь не репрессии, а ввод в сражение новых и новых сил.

15 октября, когда немцы овладели Боровском и возникла реальная угроза прорыва их к столице по Киевскому шоссе через Наро-Фоминск, Ставка передала

Западному фронту полевое управление 33-й армии, возглавляемое генералом М.Г. Ефремовым, и включила в состав армии четыре стрелковые дивизии⁷². На сосредоточение и развертывание армии потребовалось около пяти суток. За это время передовые части 20-го армейского корпуса врага приблизились к Наро-Фоминску и 22 октября начали его штурм. При этом части двух пехотных дивизий не только ворвались в город, но и, просачиваясь через лесные массивы, перерезали подходы к нему. В боях за Наро-Фоминск решающую роль сыграла 1-я гвардейская Московская мотострелковая дивизия. Ее воины во главе с Героем Советского Союза полковником А.И. Лизюковым за "четыре дня непрерывных боев измотали врага, отбросили его за р. Нара и вынудили перейти к обороне". Но победа досталась им нелегко: дивизия потеряла до 70% личного состава⁷³. Таким образом, в конце октября враг был задержан и на наро-фоминском направлении.

Однако главные события в те дни развернулись на Можайском направлении – кратчайшем и удобнейшем пути к Москве. Здесь почти параллельно друг другу проходят железная дорога, Можайское шоссе и Минская автострада. Последняя – единственная трасса, проложенная от границ рейха до советской столицы. Ее особенно хорошо знали немцы. Ведь накануне войны именно они помогали ее строить, причем на вполне современном уровне. И вот теперь она стала главной питающей артерией группы армий "Центр". Развитая дорожная сеть позволяла ей расширить фронт наступления, совершать обходные маневры для удара по флангам и тылу советских войск. Эти обстоятельства и определили выбор направления для самого сильного удара 4-й армии. Сюда фельдмаршал Бок направил четыре корпуса. Здесь и развернулись сражения, которые отличались особой напряженностью.

Сдерживающие бои на подступах к Можайскому укрепрайону в течение пяти суток вели запасная учебная, 18-я и 19-я танковые бригады под командованием полковников А.М. Томашевского, С.А. Колиховича, подполковника А.С. Дружинина и другие части. За это время на позициях укрепрайона успели развернуться 32-я стрелковая дивизия полковника В.И. Полосухина, 151-я мотострелковая бригада, 230-й стрелковый запасной полк и батальон курсантов Военно-политического училища. Такими силами армия генерала Лелюшенко готовилась оборонять полосу шириной 50 км.

Утром 14 октября после артиллерийской и авиационной подготовки 10-я танковая дивизия противника вместе с эсэсовскими полками "Дойчланд" и "Фюрер" бросились в атаку. В невообразимую какофонию слились залпы орудий, грохот танков, вой пикирующих бомбардировщиков, треск пулеметов, зловещее шипение огнеметов. Покорители Ельни и Вязьмы рвались к Москве. Им уже грезились победные марши и богатые трофеи в поверженной русской столице. "Дивизия СС и танковая дивизия, – отмечалось в описании боев 4-й танковой группы, – под Можайском наступают с таким подъемом, будто у них позади не четыре месяца тяжелых боев, а длительный отдых..."⁷⁴.

Но не дрогнули советские воины, в который раз подтвердив свою любовь к Отчизне и умение ее защитить. Дивизия Полосухина, дислоцировавшаяся до войны на Дальнем Востоке и получившая боевой опыт при разгроме японских войск у оз. Хасан, теперь встала на пути рвавшегося к Москве врага, отбивая одну за другой атаки превосходивших сил. Жесточайшие рукопашные схватки развернулись на полях, прославленных русскими воинами в 1812 г. у с. Бородино, на берегах речек Колочи и Еленки. Бои здесь не прекращались пять суток. По несколько раз переходили из рук в руки деревеньки, от которых в конце концов остались одни пепелища да названия на военных картах. По ночам еще светились догорающие рощи, окрашивая низкие тучи в кроваво-красный цвет. В пламени сражений сгорали расчеты, экипажи, взводы. Был тяжело ранен и генерал Лелюшенко, которого пришлось эвакуировать в тыл. 18 октября командование

армией принял начальник артиллерии Западного фронта генерал Л.А. Говоров, проявивший себя еще в боях под Ельней.

Германское командование вводило в сражение все новые и новые соединения. Но и советская сторона наращивала свои силы. Так, с 15 по 25 октября Ставка передала в состав 5-й армии две стрелковые дивизии, пять танковых бригад, а также семь артиллерийских, девять артиллерийско-противотанковых полков, шесть гвардейских минометных дивизионов и другие части⁷⁵. В итоге 12-дневных ожесточенных боев противник смог лишь вытеснить советские войска с Можайского УРа, но все его попытки развить успех и продвинуться в сторону Москвы вдоль Минской автостреды оказались бесплодными.

Фельдмаршал Бок решает перенести направление главного удара с запада на северо-запад. 4-я танковая группа получила задачу перегруппировать соединения на 65 км к северу по дороге Дорохово – Руза – Новопетровское, а затем выйти на шоссе Волоколамск – Москва. Рокада, выбранная для такого маневра, пролегает через узел дорог на Минской автострате у поселков Шаликово, Дорохово (12–16 км восточнее Можайска). В большей своей части она имеет твердое покрытие, что в условиях осенней распутицы делало ее просто незаменимой. 25 октября по ней на север стали выдвигаться подвижные соединения немцев.

Но в этот же день по приказу генерала Жукова 5-я армия нанесла контрудар, в результате которого части 82-й мотострелковой дивизии полковника Г.П. Карамышева и 25-й танковой бригады полковника И.А. Таранова подошли к восточной окраине Дорохова и блокировали узел дорог. Тем самым они на десять суток задержали маневр 40-го моторизованного корпуса противника, нарушили планы немецкого командования и оказали помощь 16-й армии, оборонявшейся под Волоколамском. 29 октября на рубеже Колюбакино (19 км юго-западнее Звенигорода), Тучково (30 км северо-восточнее Можайска), восточная окраина Дорохова, Нарские пруды войска обеих сторон перешли к обороне.

Бои на участке Волоколамского укрепрайона начались 16 октября ударом двух танковых дивизий врага по левому флангу армии генерала Рокоссовского. За пять дней наступления немцам удалось прорвать оборону на фронте шириной 20 км и углубиться на 12–15 км, но, потеряв 34 танка, они приостановили атаки. В этих неравных боях успех войск армии предопределили три фактора: правильный выбор района сосредоточения основных усилий, быстрый маневр артиллерий и стойкость личного состава.

Генерал Рокоссовский удачно использовал свой опыт борьбы с танками, приобретенный еще в боях под Смоленском. Он расположил противотанковые районы не за лесом, рекой, болотом или еще за какими-то естественными преградами, как того требовали уставы, а на танкодоступных направлениях и узлах дорог. Теперь танки врага можно было уничтожать не заградительным огнем с закрытых огневых позиций, а самым эффективным способом – прямой наводкой. При прорыве вражеских танков через первый эшелон противотанковых районов путь им преграждал второй и последующие эшелоны. Такое их размещение концентрировало усилия противотанковой обороны в глубине, гася наступательную энергию противника.

Исключительно высокой оказалась стойкость войск, хотя для многих бойцов и командиров эти бои были первыми. Но они упорно сражались с многоопытным врагом, не дрогнув ни от налетов авиации, ни от огня артиллерии, ни от ударов танков. Особенно успешно действовала 316-я стрелковая дивизия генерала И.В. Панфилова. Одна из главных причин – тщательная и длительная подготовка личного состава к боям. И здесь добрым словом следует вспомнить командующего 52-й армией Северо-Западного фронта генерала Н.К. Клыкова, в распоряжение которого в конце августа поступила прибывшая из Казахстана дивизия Панфилова. Командарм не стал вводить ее в бой, а оставил в резерве. Почти месяц шли занятия по 12–14 часов в сутки. И не случайно командир 5-го армейского корпуса

генерал Р. Руоф 23 октября в докладе фельдмаршалу Боку отмечал: "316-я русская дивизия... имеет в своем составе много хорошо обученных солдат, ведет поразительно упорную оборону... Ее слабое место – широкий фронт расположения"⁷⁶.

24 октября немцы возобновили наступление. Непосредственно на Волоколамск наступали две пехотные и три танковые дивизии. Через два дня у д. Скирманово (28 км юго-восточнее Волоколамска) появились части еще одной танковой дивизии. Удары противника пришлось по центру и левому флангу 16-й армии, где оборонялись курсантский полк Московского пехотного училища имени Верховного Совета РСФСР, 690-й стрелковый полк, только что вышедший из окружения, части генерала Панфилова, 289-й и 296-й артиллерийские противотанковые полки и другие части. После семидневных упорных боев противник все-таки овладел Волоколамском и Скирманово, но это оказалось его последней удачей. На рубеже 4 км восточнее Волоколамска, Рождественно (7 км южнее Новопетровского) фронт был стабилизирован.

Итак, к концу октября на Можайской линии обороны враг был остановлен. В 70–110 км к западу от Москвы наступило временное затишье.

Одновременно с рассмотренными выше событиями шли бои и на орловско-тульском направлении, где войска противника пытались прорваться к городу русских оружейников. За первые четыре дня наступления они продвинулись на 200 км. До Тулы оставалось 160 км. Но активные действия отступавших и окруженных войск Брянского фронта заставили врага затормозить свое наступление. На рубеже р. Зуша, в 110 км от Тулы, противник вынужден был перейти к обороне.

Причиной тому явились три обстоятельства. Во-первых, угроза тылу 2-й танковой армии со стороны прибывавших из окружения армий Брянского фронта: без ликвидации этой опасности Гудериану нечего было и думать о продолжении наступления, а для борьбы с окруженными армиями ему пришлось оставить 15 из 17 своих дивизий. Во-вторых, из-за отставания соседней группы армий "Юг" правый фланг армии Гудериана оказался открытым. И в-третьих, умелые и мужественные действия частей 1-го гвардейского стрелкового корпуса при поддержке 6-й резервной авиагруппы, преградивших врагу путь под Мценском. Здесь особо отличились бойцы и командиры 4-й танковой бригады полковника М.Е. Катуква. За отважные и смелые действия это соединение было преобразовано в 1-ю гвардейскую танковую бригаду.

Образованная 10 октября на базе 1-го гвардейского стрелкового корпуса 26-я армия получила задачу оборонять тульское направление. 23 октября Ставка передала ее войска в состав только что вышедшей из окружения 50-й армии, что усилило оборону Тулы. Командующим 50-й армией был назначен генерал А.Н. Ермаков.

24 октября противник возобновил наступление на Тулу. Обходя открытые фланги частей 50-й армии, танки Гудериана приближались к городу. 29 октября они захватили Ясную Поляну – музей-усадьбу русского писателя Л.Н. Толстого и поселок Косая Гора (7–15 км южнее Тулы), а вечером их передовые отряды уже вышли к окраинам Тулы, но 108-я танковая дивизия, кстати сказать, не имевшая ни единого танка, 260-я стрелковая дивизия, 156-й полк войск НКВД, Тульский рабочий полк, батальон милиции, бронепоезд, батареи 732 зенитного, 447 и 702-го артиллерийских полков отбили все атаки врага.

С утра 30 октября немцы вновь начали штурмовать Тулу, направив главные силы вдоль Орловского и Воронежского шоссе. Только к 14 часам, после четвертой танковой атаки им удалось несколько потеснить защитников Тулы на участке обороны Рабочего полка и даже захватить часть Рогожинского поселка, но дальше они не прошли. Решающую роль в этот ответственный момент сыграли батареи 732-го зенитного полка, подбившие здесь 26 танков.

Гудериан упорно и настойчиво искал слабые места в обороне города, пере-

группировывая силы то на одно, то на другое направление. 1 ноября он решил осуществить обход Тулы с юго-востока и востока силами 17 танковой, 112 и 167-й пехотных дивизий. Одновременно к городу продолжали рваться 3-я и 4-я танковые дивизии и моторизованный полк "Великая Германия".

Контрудар 3-й и 50-й армий, осуществленный 7 ноября, расстроил все планы Гудериана. Ему пришлось на десять дней прекратить наступление.

Для защиты Москвы упорная оборона войск Брянского фронта под Тулой сыграла огромную роль. С одной стороны, она обеспечила устойчивость левого крыла Западного фронта, а с другой – 2-я танковая армия Гудериана не могла выполнить задачу по обходу Москвы с востока без риска подставить свой тыл под удар со стороны Тулы.

Завершился один из самых тяжелых и драматических этапов не только битвы под Москвой, но и всей Великой Отечественной войны. В третий раз с начала восточной кампании войска вермахта прорвали стратегическую оборону, окружив 64% дивизий, 84 – танковых бригад и 80% артиллерийских полков РКК от общего количества их во всех трех фронтах к началу битвы. В итоге войскам Западного фронта пришлось отступить на 230–250 км, а Брянского – на 360 км.

Что послужило причиной этой катастрофы? Увы, здесь не одна причина, а множество. Поражение советских войск под Вязьмой и Брянском было обусловлено, с одной стороны, тем, что противник умело реализовал свои преимущества в силах и средствах, в маневренности и боевом опыте войск, т.е. максимально использовал все то, что связано с удержанием стратегической инициативы. С другой стороны, это следствие просчетов и ошибок советского командования, не сумевшего использовать сильные стороны обороны. Ставка ВГК и Генеральный штаб вовремя не разгадали замысел командования вермахта на операцию по захвату Москвы, не смогли сосредоточенным ударам противника противопоставить свои силы и средства, крайне неудачно построили стратегическую оборону на западном направлении, наконец, плохо управляли войсками. Лишь через шесть суток Сталин согласился с предложениями командующих фронтами на отвод войск. Следует также признать, что для советских войск наступление немцев по плану "Тайфун" оказалось почти столь же внезапным, как и развязывание войны 22 июня 1941 г. К тому же из-за отсутствия стратегических резервов в районе Москвы Ставка не смогла помочь окруженным войскам ударами извне, что в свою очередь повлияло на развитие событий.

Но, несмотря на столь тяжелое поражение в начальной фазе Московской битвы, советская государственная система продемонстрировала в этой экстремальной ситуации свою исключительную оперативность и живучесть. В сравнительно короткий срок Ставка ВГК смогла перегруппировать силы между фронтами, создать и подтянуть резервы, восстановить Западный фронт и закрыть образовавшуюся в стратегической обороне брешь. К концу октября операция "Тайфун" захлебнулась на Можайской линии обороны.

Главной силой и главными героями октябрьских сражений явились советский народ и его вооруженные силы. Это они предельным напряжением духовных и физических сил, не жалея своей крови и самой жизни, не только остановили, но и заставили перейти к обороне сильнейшую группировку врага, рвавшуюся к Москве. Но не следует забывать и то, что реализация их потенциала зависела от искусства руководителей. В самом деле, войска трех советских фронтов, имея к началу битвы сил и средств в пять раз больше, чем оказалось в распоряжении генерала Жукова во второй половине октября, потерпели катастрофическое поражение. А о том, что оставило ему в наследство бывшее командование Западного Резервного фронтов в момент вступления в должность командующего войсками, говорит следующий отрывок из письма Жукова члену Военного совета Ленинградского фронта А.А. Жданову от 2 ноября 1941 г.: "Сейчас действуем на западе – на подступах к

Москве. Основное это то, что Конев и Буденный проспали все свои вооруженные силы. Принял от них одно воспоминание: от Буденного – штаб и 98 человек, от Конева – штаб и два запасных полка"⁷⁷. На их фоне деяния Жукова выглядят особенно впечатляюще: ведь он остановил противника, преимущество которого над войсками Западного фронта в те дни возросло до 7–9 раз!

Здесь уместен вопрос: как и почему в первой декаде октября немцы растеряли плоды своего военного триумфа! Ведь его мощный отзвук заставил и врагов, и друзей СССР подумывать о том, что судьба Москвы предрешена. И тем и другим казалось, что ее падение – дело нескольких дней. В принципе о трагическом положении свидетельствуют: постановление ГКО от 8 октября, в котором говорилось о подготовке 1119 предприятий Москвы и Московской области к уничтожению, и эвакуация из столицы правительства, Генерального штаба и большинства административных учреждений, осуществленная в соответствии с постановлением ГКО от 15 октября⁷⁸. Но из множества причин стоит выделить лишь три. Именно они оказали самое существенное влияние на действия противника во второй половине октября.

Во-первых, для ликвидации двух огромных котлов окружения командованию вермахта пришлось привлечь до 64% всех дивизий фельдмаршала Бока (48 из 74,5) и затратить на это от 7 до 14 суток. А на войне, когда время исчисляется не сутками, а часами – это значительный период, ведь зачастую успех решают даже минуты. Потеряешь их – упустишь момент, какой вовек не вернется. Вот и немцы упустили выгодную пору, когда все пути на Москву были открыты. Такой для них благоприятной ситуации больше никогда не возникало.

Во-вторых, германское командование проявило полное пренебрежение к противнику, прямо скажем, просто перестав с ним всерьез считаться. После окружения советских войск под Вязмой и Брянском и перехода к преследованию немцы слишком рано сделали для себя весьма опрометчивый вывод, будто битва за Москву, по существу, уже выиграна, а потому лучше без промедления решать новые стратегические задачи. Вот почему они поспешили повернуть левое крыло группы армий "Центр" на север, а правое – на юго-восток, заведомо ослабив группировку, нацеленную непосредственно на столицу. Получилось так, что именно выведенных сил "не хватило в решающий момент под Москвой", справедливо отмечает германский историк К. Рейнгардт, "когда новые русские оборонительные рубежи не были еще укреплены, а резервы русских большей частью находились еще на подходе"⁷⁹. Неуважение к противнику никогда и никому не приносило удачи.

В-третьих, осенняя распутица лишила немцев превосходства над русскими в подвижности войск. Однако она еще больше вредила русским. Например, Рокоссовский в одном из донесений штабу фронта писал, что из-за плохого состояния дорог создается угроза невозможности вывести материальную часть артиллерии и всех типов машин. Во многом из-за бездорожья потеряли значительную часть своих орудий, автотранспорта и радиостанций 3-я и 13-я армии Брянского фронта при выходе из окружения. В этом смысле, пожалуй, распутица значительно больший урон нанесла советским войскам, нежели немцам: в то время как у противника техника лишь застревала в грязи, отступавшие советские части вынуждены были ее бросать или уничтожать.

Применяя спортивную терминологию, можно утверждать, что уже в самом начале боя советские войска пропустили сокрушающий удар немцев. Сбитые с ног, они оказались в нокадауне. А немцы, посчитав бой выигранным, позволили себе расслабиться. Ведь после такого мощного удара противник обычно прекращает поединок. Но вопреки логике бокса, советские войска смогли не только подняться, но и нанести несколько ответных ударов. Первый раунд в целом они проиграли, однако впереди было еще два. Пока же наступила пауза, которую обе стороны использовали для подготовки ко второму раунду.

НА ФЛАНГАХ (под Тихвином и Ростовом)

Одновременно с битвой под Москвой на северо-западном направлении продолжались ожесточенные сражения за Ленинград. Советское руководство предпринимало отчаянные попытки восстановить сухопутную связь города со страной. В свою очередь германское командование стремилось расширить под Ленинградом фронт наступления. Ударами из района Чудова, Кириши, Любань в северо-восточном и юго-восточном направлениях группа армий "Север" пыталась решить две главные задачи. Во-первых, выдвинуться к р. Свирь, соединиться с финскими войсками и полностью блокировать город на Неве. Во-вторых, наступая на Малую Вишеру, Вышний Волочек навстречу соединениям группы армий "Центр", выйти вместе с ними в тыл Северо-Западного фронта, а затем окружить и уничтожить его войска.

Надо заметить, что командование Ленинградского фронта тоже спешило с подготовкой к прорыву блокады (Синявинская операция), но немцы, все-таки предупредив, перешли в наступление 16 октября. Имея полуторное превосходство в людях и более чем двукратное в артиллерии и танках, противник к исходу пятых суток прорвал оборону советских войск и, введя в прорыв танковую и моторизованную дивизии, приступил к развитию успеха на тихвинском и мало-вишерском направлениях.

Для ликвидации прорыва советское командование выделило восемь дивизий. Так как на их сосредоточение и развертывание требовалось не менее одной-двух недель, было решено, несмотря на резкое ослабление состава ударной группировки, начать Синявинскую операцию в соответствии с планом. Но цели своей она не достигла.

Тем не менее сопротивление советских войск усиливалось с каждым днем. Они уже не только удерживали оборонительные рубежи, но и наносили контрудары по врагу, срывали его продвижение. Это обстоятельство заставило командование группы армий "Север" отказаться от наступления на Вышний Волочек. Перейдя здесь к обороне, немцы сосредоточили свои усилия на тихвинском и волховском направлениях. 8 ноября они захватили Тихвин и перерезали единственную железнодорожную магистраль к Ладожскому озеру, по которой шли грузы в блокадный Ленинград.

Этот крупный успех немецких войск оказался и последним. Во второй половине ноября их наступление удалось остановить. Красная Армия своей стойкой обороной измотала ударную группировку противника, растянувшуюся на фронте до 350 км. Его оперативное положение благоприятствовало переходу советских войск в контрнаступление под Тихвином, к тому же та трагическая ситуация, в которой пребывали ленинградцы, требовала начать его незамедлительно. Ведь с начала блокады города нормы выдачи хлеба населению сокращались в пятый раз, а войскам – в третий. Поэтому контрнаступление развертывалось по мере готовности войск с 10 ноября по 3 декабря.

В ходе контрнаступления под Тихвином советские войска к концу декабря продвинулись на 100–120 км и отбросили противника на рубеж, с которого он и начал наступление. Немецкое командование срочно перебросило на тихвинское направление дополнительно пять дивизий. План фашистского руководства – полностью изолировать Ленинград – провалился.

Очень сложной была обстановка и на юго-западном направлении. К концу сентября соотношение сил здесь оставалось неблагоприятным для войск Красной Армии. Противник превосходил их по количеству людей и авиации в два, а по артиллерии – в три раза⁸⁰. Германское командование подготовило наступательную операцию. Ее замысел состоял в том, чтобы одновременными ударами от Днепропетровска и оз. Молочное (у Мелитополя) на Осипенко (Бердянск) окружить

и уничтожить войска Южного фронта. В последующем правому крылу группы армий "Юг" предстояло наступать на Ростов и в Крым, а левому – разгромить Юго-Западный фронт, овладеть Харьковским промышленным районом и Донбассом.

Ставка ВГК 27 сентября потребовала от командующих Юго-Западным и Южным фронтами маршала С.К. Тимошенко и генерала Д.И. Рябышева (5 октября его сменил генерал Я.Т. Черевиченко) перейти на занимаемых рубежах к жесткой обороне. 30 сентября она приняла решение об усилении обороны Крыма за счет переброски войск Одесского оборонительного района. Однако создать прочную оборону в короткий срок войска фронтов Юго-Западного направления не успели: группа армий "Юг" еще накануне начала наступление на донбасском направлении.

Самый мощный удар нанесла со стороны Днепропетровска 1-я танковая армия. Прорвав оборону 12-й армии, моторизованные корпуса противника устремились в южном направлении, создав угрозу глубокого охвата всего Южного фронта. Приказ командующего фронтом отойти на 40–50 км к востоку войска выполнить не успели. 7 октября (как раз в день катастрофы под Вязьмой) части шести дивизий 9-й и 18-й армий оказались в кольце между Мелитополем и Осипенко. Командующий 18-й армией генерал А.К. Смирнов, который лично руководил действиями окруженных дивизий, погиб в одном из боев. С 10 октября с большим трудом вырвавшиеся из окружения части 18-й армии стали отходить на Сталино (Донецк), а 9-й армии – к Таганрогу.

Войска левого крыла группы армий "Юг" перешли в наступление 6 октября. Их удары сдерживали вновь сформированная 6-я и 38-я армии Юго-Западного фронта. Но без резервов и пополнения силы их таяли на глазах. Положение осложнялось с каждым днем, а все внимание Ставки после катастрофы под Вязьмой и Брянском было приковано к восстановлению обороны на западном направлении. В такой ситуации сохранить силы и создать резервы на южном стратегическом фланге можно было лишь за счет выпрямления самой линии фронта. И потому Верховный Главнокомандующий приказал с 17 по 30 октября отвести войска Юго-Западного и Южного фронтов на рубеж рек Оскол и Северский Донец, Горловка, р. Миус до устья⁸¹, а Северо-Кавказскому военному округу – сформировать 56-ю отдельную армию для обороны Ростова – этого важнейшего пункта на пути к Кавказу.

25 октября после пятидневных уличных боев войска 38-й армии оставили Харьков. 28 октября Юго-Западный и правое крыло Южного фронтов остановили противника и перешли к обороне в 70–80 км к западу от рубежа, назначенного Ставкой. Войска же центра и левого крыла Южного фронта, ослабленные в боях при выходе из окружения, наоборот, отступили на 30–35 км восточнее указанного рубежа. Здесь фронт и стабилизировался. К концу октября немцы, захватив Харьковский промышленный район и юго-западную часть Донбасса, вышли на подступы к Ростову-на-Дону.

5 ноября противник предпринял наступление на Ростов. Чтобы окружить и уничтожить советские войска на подступах к городу, немцы решили использовать свой давно испытанный прием – глубокий охват. С этой целью 1-я танковая армия должна была нанести удар по Ростову не по кратчайшему пути – с северо-запада, а с северо-востока – через Шахты и Новочеркасск. К 11 ноября противник на 30-километровом участке вклинился в оборону 9-й армии генерала Ф.М. Харитонова, но вынужден был отказаться от своего первоначального замысла, понеся большие потери. Германское командование поставило генералу Клейсту новую задачу – овладеть Ростовом ударом с севера. На подготовку операции ему потребовалось восемь суток.

За это время существенно увеличились силы Южного фронта. В районе севернее Шахт к 15 ноября была сформирована новая 37-я армия. Советское командование, придавая исключительно важное значение удержанию Ростова, решило подготовить и провести контрнаступление силами фронта⁸². К началу

операции советские войска имели равное с противником количество людей, но почти в три раза превосходили его в артиллерии и в полтора раза в авиации. Однако враг имел двукратное преимущество в танках.

Борьба за Ростов началась 17 ноября. Ее своеобразие заключалось в том, что наступление вели одновременно обе стороны: немцы наносили удар по городу с севера, а советские войска – в их тыл и во фланг. Но в действиях Южного фронта имелись крупные недостатки, не позволившие реализовать свои преимущества. Стремление командиров быть везде одинаково сильными, робость в принятии решений, малоинициативность в исполнении, слабое маневрирование силами и средствами и другие просчеты привели к низким темпам наступления. Вследствие этого оно не оказало решающего влияния на те бои, которые вел противник в первые пять дней операции. В итоге 21 ноября врагу удалось занять Ростов.

Вместе с тем нависающее положение ударной группировки Южного фронта и ее продвижение на юг создали угрозу флангу и тылу противника, прорвавшегося к Ростову. В этих условиях занятие города не давало ему никаких перспектив, а потому он вынужден был перейти к обороне. Более того, для противодействия советским войскам противнику пришлось начать переброску из города и с побережья Азовского моря на рубеж р. Тузлов немецкой танковой и словацкой моторизованной дивизий.

После перегруппировки войск Южный фронт 27 ноября возобновил наступление, нанося удары на Ростов с северо-запада и юга. Противник, чтобы избежать окружения, вынужден был начать отход из города. Через два дня части 56-й и 9-й армий при содействии ростовских ополченцев и партизан полностью очистили город от врага. Его изрядно потрепанные соединения отходили на рубеж р. Миус, где им удалось закрепиться и остановить наступление Южного фронта.

Поражение 1-й танковой армии под Ростовом создало некоторое равновесие сил на юго-западном направлении. На длительное время фронт здесь стабилизировался. Этот успех был оплачен дорогой ценой. В борьбе за Донбасс и Ростов с 29 сентября по 2 декабря Красная Армия только безвозвратно потеряла 158 577 человек⁸³.

Одновременно с действиями в Донбассе и под Ростовом часть сил группы армий "Юг" вела бои за Крымский полуостров. Крым занимает исключительно важное географическое положение. Вдаваясь с севера на юг почти до середины Черного моря, он позволял советскому Военно-Морскому Флоту господствовать на море, а авиации – наносить удары по нефтяным районам Румынии. Немцы стремились лишить войска Красной Армии этих преимуществ и в свою очередь использовать полуостров как плацдарм для вторжения на Кавказ. Овладеть Крымом должна была 11-я немецкая армия под командованием генерала Манштейна. 24 сентября она нанесла удар по частям 51-й отдельной армии и попыталась с ходу ворваться в Крым. Но после упорных пятидневных боев ей удалось прорвать одну только позицию – Перекопский (Турецкий) вал, а затем пришлось остановиться для подготовки новой операции.

К середине октября 51-я отдельная и прибывшая в Крым из Одессы Приморская армии, которыми командовали генералы Ф.И. Кузнецов и И.Е. Петров, насчитывали 12 стрелковых и 4 кавалерийские дивизии⁸⁴. Этих сил было вполне достаточно для организации прочной обороны крымских перешейков. На море господствовал Черноморский флот, а потому возможность высадки морского десанта противника исключалась. Однако генерал Кузнецов не сумел правильно оценить обстановку: он разбросал свои силы по полуострову, стремясь прикрыть не только перешейки, но и все побережье.

18 октября противник перешел в наступление. Главный удар по Ишуньским позициям наносили немецкие войска, вспомогательный – через Чонгарский мост, – румынские. Через два дня они прорвали Ишуньские укрепления. Советские войска оказались в тяжелом положении на позициях, почти не подготовленных к обороне.

С целью объединения действий обеих армий и Черноморского флота Ставка создала командование войсками Крыма, которое возглавил вице-адмирал Г.И. Левченко. Однако реорганизация структуры управления войсками позитивного влияния на обстановку не оказала. К 28 октября оборона была прорвана, а все резервы исчерпаны. Ведя непрерывные бои с наседавшим противником, Приморская армия отходила к Севастополю, а 51-я, в командование которой 30 октября вступил генерал П.И. Батов, – к Керчи, откуда 16 ноября ее остатки были эвакуированы на Таманский полуостров.

К середине ноября враг овладел почти всем Крымом и блокировал с суши Севастополь. Главная база Черноморского флота оказалась под огнем его артиллерии и ударами авиации. Основные силы флота пришлось перебазировать в малоудобные порты Кавказа. 4 ноября сухопутные войска и силы флота, защищавшие Севастополь, были объединены в Севастопольский оборонительный район (СОР). 9 ноября командующим войсками района стал вице-адмирал Ф.С. Октябрьский, его заместителем по сухопутной обороне – генерал И.Е. Петров. Свыше 15 тыс. севастопольцев добровольно вступили в народное ополчение.

11 ноября с подходом главных сил 11-й армии противник предпринял первое наступление на Севастополь. Защитники города оказали решительное сопротивление. За десять дней напряженных боев войскам Манштейна удалось лишь на двух участках вклиниться в оборону на 1–4 км. Понеся большие потери, противник 21 ноября прекратил наступление. Защитники Севастополя – доблестного города русской морской славы получили небольшую передышку.

Таким образом, активные действия Красной Армии на флангах советско-германского фронта не позволяли германскому командованию установить связь с финской Карельской армией и полностью блокировать Ленинград, что обеспечило бы не только левое крыло наступавшей на Москву группы армий "Центр", но и ее правое крыло, как того требовала директива Гитлера № 35, а кроме того, препятствовали прорыву врага на Кавказ через Ростов и Крым.

У ВОРОТ МОСКВЫ

Приближавшаяся зима заставила германское командование искать способы овладения столицей Советского Союза до наступления морозов. По мнению начальника генерального штаба сухопутных войск генерала Гальдера, к концу октября возможности Красной Армии были незначительными, потому и удержать сплошной фронт она не в состоянии, а стремление сохранить за собой Москву и Кавказ поставит ее перед необходимостью отойти вплоть до Волги и отвести войска к Рыбинску из-под Ленинграда. По предположению того же Гальдера, советскому Верховному Главнокомандованию предстояло решить три главные проблемы: сосредоточение сил на московском направлении, удержание за собой коммуникаций, связывавших центр с северными портами страны, формирование новых объединений для наступления в 1942 г. Чтобы помешать этому, Гальдер считал необходимым в первую очередь лишить Красную Армию основных коммуникаций и важных промышленных районов⁸⁵.

Именно эти соображения и легли в основу плана дальнейших действий вермахта. Он заключался в охвате советских войск на северо-востоке стратегического фронта. Кроме того, предполагалось подготовить наступление 3-й и 4-й танковых групп на Ярославль и Рыбинск. Пришлось, правда, отказаться от наступления 9-й армии совместно с правым крылом группы армий "Север" в направлении Вышнего Волочка. Интересно и то, что в директиве главнокома сухопутных войск "О продолжении операции против группировки противника между Волгой и Ладожским озером" уже ни слова не говорилось о взятии Москвы.

В самой Германии, где со дня на день ожидали сообщения о захвате советской столицы, приостановка операции "Тайфун" вызвала не только недоумение, но и недовольство, что тут же было отмечено службой безопасности СС: "В широких кругах населения все еще существует определенное разочарование по поводу того, что разгром большевиков осуществляется не так быстро, как надеялись, и что конца восточной кампании не видно... Отсутствие дальнейших сообщений о победах под Москвой дает населению повод задумываться над тем, правдивым ли было сообщение, переданное 14 дней назад, о том, что немецкие войска находятся в 60 км от Москвы"⁸⁶.

В такой ситуации фюрер вынужден был пересмотреть план Гальдера. Дело в том, что "взятием Москвы Гитлер надеялся поднять дух населения не только Германии, но и ее союзников..."⁸⁷. Он лично поставил задачу по окружению Москвы командующему группой армий "Центр", который 30 октября подписал приказ на продолжение операции⁸⁸. Суть ее замысла сводилась к тому, чтобы двумя подвижными группировками нанести удар по флангам Западного фронта и, обойдя столицу с севера и юга, замкнуть кольцо окружения восточнее ее, в районе Орехова-Зуева, Коломны. Охватить Москву с севера должны были соединения смежных флангов 4-й и 9-й армий, а с юга – 2-я танковая армия.

Командование сухопутных войск спешило возобновить наступление. Его подгоняли приближавшая зима, неподготовленность войск к холодам и принятое Гитлером решение о переброске сил 2-го воздушного флота в бассейн Средиземного моря в помощь Муссолини. Уже 5 ноября первые авиационные части были сняты с восточного фронта. Командующий 2-м воздушным флотом со своим штабом должен был отбыть 18 ноября, а вслед за ним снимался и 2-й авиационный корпус. Для поддержки группы армий "Центр" оставался 8-й авиационный корпус генерала Рихтгофена. Как ни спешило немецкое командование, сроки начала операции из-за недостатков в системе снабжения войск оттягивались. Фельдмаршал Бок вынужден был отдать приказ о переходе в наступление не позднее 15 ноября, хотя его соединения имели минимум необходимых средств.

Потеряв 88 тыс. солдат и офицеров в октябре и первой половине ноября⁸⁹, немцы после перегруппировки и пополнения оружием и военной техникой продолжали превосходить советские войска на западном направлении по людям почти в 2 раза, танкам – в 1,6, орудиям и минометам – в 3 раза. Зато по количеству самолетов советская авиация имела теперь полуторное преимущество над противником⁹⁰.

Советское Верховное Главнокомандование, верно определив намерения противника нанести главные удары из районов Волоколамска и Серпухова, потребовало в первую очередь укрепить эти направления. Здесь сосредоточивались основные силы Западного фронта и стратегические резервы. Калининскому фронту предстояло активной обороной предотвратить переброску сил противника на московское направление. Юго-Западный фронт, в состав которого после расформирования 10 ноября Брянского фронта передавались 3-я и 13-я армии, прикрывал ефремовское и елецкое направления с целью не допустить прорыва врага к путям, связывающим Москву с южными районами страны. На западное направление Ставка ВГК перебрасывала соединения с Дальнего Востока, из Сибири, Средней Азии и других регионов. Одновременно шло формирование 9 резервных армий в составе 59 стрелковых и 13 кавалерийских дивизий, 75 стрелковых и 20 танковых бригад и частей родов войск⁹¹.

На ближний подступах к столице – по рубежу Ростокино, Лихоборы, Щукино, Кунцево, Очаково, Теплый Стан (все эти пункты ныне в черте города) заняли оборону 332, 2, 3, 4 и 5-я дивизии народного ополчения. Кроме того, москвичи сформировали 25 отрядов истребителей танков и 169 особых боевых дружин для ведения уличных боев⁹². К концу ноября Москва выставила свыше 65 тыс. человек, 623 орудия и миномета⁹³.

С 21 октября на подступах к Москве, ее окраинах и внутри самого города началось строительство оборонительных сооружений. Они включали три рубежа Московской зоны обороны (МЗО): первый – внешний пояс – проходил по линии от Клязьминского водохранилища, через Сходню, Перхушково до Домодедова; второй – главный рубеж – по линии радиусом 15–20 км от центра города (примерно в районе современной кольцевой автомобильной дороги), третий – городской оборонительный рубеж. Последний состоял из трех позиций, проходивших по Окружной железной дороге, Садовому и Бульварному кольцам. Между этими позициями оборона строилась по радиальным улицам с таким расчетом, чтобы системой огня и инженерными заграждениями закрыть выходы на боковые улицы.

Неузнаваем стал облик Москвы: баррикады, ежи, надолбы, проволочные заграждения заполнили ее площади и улицы. Из заложённых кирпичом окон зданий выглядывали стволы пулеметов, снайперские винтовки. На балконах, укрытых ящиками с песком, расположились истребители танков с запасом гранат и бутылок с зажигательной смесью. Под прицелом теперь находилась каждая точка Красной площади, все улицы, бульвары, заставы, набережные Москвы-реки.

Одновременно к востоку от Москвы сооружались тыловые рубежи обороны. Для их строительства во второй половине октября приступили к формированию саперных армий. К январю 1942 г. уже имелось десять таких армий⁹⁴. На подготавливаемом по линии Вытегра, Череповец, Рыбинск, Ярославль, Горький, Пенза, Саратов, Сталинград, Астрахань тыловом рубеже развертывались резервные армии. В случае неудачного для советских войск развития оборонительных операций они должны были задержать прорвавшегося противника.

Интересная деталь: южная половина названного рубежа совпадала с линией "АА" – конечным рубежом выхода германских войск по плану "Барбаросса", наметенного для создания "заградительного барьера против Азиатской России". Иными словами, агрессор заранее выбрал эту линию в качестве конечного рубежа продвижения своих войск, а оборонявшаяся сторона под давлением обстоятельств решила не допустить продвижения его дальше указанной черты. Такая "солидарность" у противоборствующих сторон на войне случается редко.

В предстоящих боях важная роль отводилась 16-й армии: ведь именно она оборонялась на вероятном направлении главного удара врага. Командарм Рокоссовский все свое внимание уделял удержанию главной (первой) полосы обороны, сосредоточив основные силы на волоколамско-истринском направлении. За счет создания второго эшелона и общевойскового резерва он довел глубину обороны армии до 40–50 км. Войска армии оборудовали 30 противотанковых районов. К тому же в своем распоряжении Рокоссовский оставил артиллерийский противотанковый резерв, подвижной отряд заграждения и армейскую авиацию. Предусматривалось также привлечение к борьбе с танками всей артиллерии, танков, бронепоездов и отрядов истребителей танков. Последние были созданы в каждом батальоне, полку и дивизии. Важная роль отводилась инженерным заграждениям.

В целом построение обороны 16-й армии соответствовало обстановке. Однако неожиданное вмешательство Сталина привело к резкому ее ослаблению. 14 ноября Жуков получил распоряжение: упреждающими ударами сорвать наступление противника. Один из них нужно "нанести в районе Волоколамска, а другой – из района Серпухова, во фланг 4-й армии немцев"⁹⁵. Все доводы Жукова против распыления сил на контрудары, успех которых весьма сомнителен, а главное – против изъятия у фронта последних резервов не возымели успеха. Сталин своего решения не только не отменил, а, наоборот, потребовал немедленного его исполнения. Командующий фронтом был вынужден отдать необходимые распоряжения 16-й и 49-й армиям и передать им все свои резервы. Однако соотношение сил и средств по-прежнему оставалось в пользу противника. Это обстоятельство заставило генерала Рокоссовского отказаться от второго эшелона, ликвидировать 13

противотанковых районов и уменьшить состав своего резерва. В итоге сократилась глубина оперативного построения армии, была существенно ослаблена ее противотанковая оборона. Для выполнения требования Сталина о немедленном нанесении контрудара генералы Рокоссовский и Захаркин были вынуждены начинать его еще до подхода выделенных им резервов.

Контрудар 49-й армии – это шестидневные ожесточенные бои с небольшим территориальным успехом и огромными с обеих сторон потерями. Положительным в нем было лишь одно: соединения правого фланга 4-й немецкой армии не смогли принять участие в планируемом наступлении на Москву.

Контрудар 16-й армии – это совершенно не подготовленное наступление именно в тот момент, когда противник уже изготавился к нанесению своего удара, имея превосходство в личном составе и артиллерии в 2,4–3 раза, а в танках – в 10 раз⁹⁶. Это был первый бой еще несколоченных и необстрелянных частей фронтового резерва, к тому же начавших его без подготовки. В результате 58-я танковая дивизия потеряла 139 танков (70,2% общего количества), 17-я кавалерийская дивизия – 75% личного состава, а продвинулись они всего на 3–4 км⁹⁷. О том, как нещадно уничтожались конники, свидетельствует запись в отчетных документах 4-й немецкой танковой группы: "Не верилось, что противник намерен атаковать нас на этом широком поле, предназначенном разве что для парадов... Но вот... три шеренги всадников двинулись на нас... По освещенному зимним солнцем пространству неслись в атаку всадники с блестящими клинками, пригнувшись к шеям лошадей... Первые снаряды разорвались в гуще атакующих... Вскоре сплошное черное облако повисло над ними. В воздух взлетают разорванные на куски люди и лошади... Трудно разобрать, где всадники, где кони... В этом аду носились обезумевшие лошади. Немногие уцелевшие всадники были добиты огнем артиллерии и пулеметов..."

И вот из леса несется в атаку вторая волна всадников (на этом направлении действовали части 44-й кавалерийской дивизии полковника П.Ф. Куклина, только что прибывшие из Ташкента. – *Ред.*). Невозможно представить себе, что после гибели первых эскадронов кошмарное представление повторится вновь... Однако местность уже пристрелена и гибель второй волны конницы произошла еще быстрее, чем первой...⁹⁸.

Контрудар в районе Волоколамска оказался крайне неудачным. Цели его не были, да и не могли быть достигнуты. Армия понесла большие потери, ее оборона была ослаблена.

15 ноября группа армий "Центр" возобновила наступление на Москву. Ее войска вводились в сражение в течение пяти суток. Среди причин, обусловивших разновременность перехода врага в наступление, следует отметить успешные действия 237 отрядов и 468 групп партизан Московской, Калининской, Смоленской, Курской, Орловской и Тульской областей. Отряды народных мстителей не только наносили удары по вражеским гарнизонам, но и нарушали снабжение. Так, из-за разрушений на железных дорогах в середине ноября группа армий "Центр" вместо 70 эшелонов, составлявших суточную потребность войск в материальных средствах, получала только 23. В это же время партизанские отряды Шаховского, Волоколамского, Рузского и других районов взорвали целый ряд складов с боеприпасами и горючим, что на четверо суток задержало ввод в сражение главных сил 4-й танковой группы противника.

Первой нанесла удар 9-я немецкая армия. Прорвав оборону 30-й армии Калининского фронта (17 ноября она была передана в Западный фронт), немцы расчленили ее соединения, оттеснив их за Волгу, а также к востоку и югу от Волжского водохранилища. 9-я армия завершила свою операцию захватом переправ и с 19 числа перешла к обороне. 3-я танковая группа развивала наступление на Клин. Продвижение 4-й танковой группы не было столь успешным: за три дня

она смогла вытеснить 16-ю армию лишь с главной полосы обороны и продвинуться всего на 4–6 км. Но 19 ноября Гепнер ввел в сражение еще три корпуса, что резко усилило ее нажим: к исходу следующего дня глубина вклинения составила 18–23 км.

Сравнительно успешное начало очередного наступления немцев обусловили несколько факторов. Во-первых, удачный выбор направления первого удара: он пришелся по стыку Калининского и Западного фронтов, где оборона была слабой. Во-вторых, негативные последствия принятого Сталиным решения на контрудары, ибо на их проведение были брошены почти все резервы Западного фронта. Вплоть до 20 ноября Жуков был лишен возможности оперативно парировать удары врага и эффективно влиять на ход сражения. Когда же резерв был, наконец, восстановлен, немцы успели обойти оба фланга 16-й армии, что создавало угрозу ее тылу. Задержать их продвижение не удалось. Противодействие врагу оказалось запоздалым по времени и совершенно неадекватным по силе. 23 ноября пали Клин и Солнечногорск. Противник получил возможность не только обойти столицу с севера, но и нанести удар непосредственно по ней.

Обстановка снова обострилась до предела. Ставка ВГК и командование Западного фронта принимали срочные меры для ликвидации нависшей над Москвой опасности. На рубеж южнее Солнечногорска, Истринского водохранилища, р. Истра спешно отводились войска Рокоссовского. На пути врага развертывались зенитные батареи противовоздушной обороны столицы, устраивались инженерные заграждения, выдвигались резервы Ставки и армейские резервы с пассивных участков фронта. Усилились удары авиации по войскам противника. Наступление дивизий Гепнера из района Солнечногорска было задержано на пять суток.

Восточнее Клина остановить немцев не удалось. Под натиском 3-й танковой группы генерала Г. Рейнгардта левый фланг 30-й армии отходил к северу. На ее стыке с 16-й армией образовался разрыв, использовав который, части врага в ночь на 28 ноября захватили мост через канал Москва–Волга у Яхромы и образовали плацдарм на восточном берегу. В то же время 4-я танковая группа усилила давление на 16-ю армию и потеснила ее части. 30 ноября противник занял пос. Красная Поляна, подойдя к столице на пушечный выстрел. Ожесточенные бои шли и на рубеже нынешнего аэропорта Шереметьево, станция Крюково, Дедовск (14 км юго-восточнее Истры).

Напряженной оставалась обстановка и на южных подступах к Москве. С 18 ноября главный удар танковой армии Гудериана был направлен на стык Западного и Юго-Западного фронтов. Прорвав слабую оборону левого фланга армии Ермакова, немцы устремились в обход Тулы с востока. К исходу 25 ноября они достигли рубежа, что в 6 км к югу от Каширы. Но неожиданно сильный контрудар кавкорпуса генерала П.А. Белова заставил противника перейти к обороне. Не увенчалась успехом и попытка Гудериана овладеть Тулой с востока и северо-востока.

К концу ноября накал борьбы уже достиг своей кульминации. Чтобы снять напряжение, Ставка передала из своих резервов Западному фронту 1-ую ударную и 20-ю армии. Жуков тут же ввел их в сражение между 16-й и 30-й армиями. Контрударом 1-й ударной армии генерала В.И. Кузнецова противник был отброшен на западный берег канала Москва – Волга в районе Яхромы. Активные действия 20-й армии* сковали врага на рубеже, проходившем через Красную Поляну.

В тяжелых условиях оказалась 16-я армия, от стойкости которой во многом зависела судьба Москвы. Ее дивизии истекали кровью, хотя Жуков укреплял их всем, чем только мог. По его приказу в конце ноября от каждой дивизии,

---

* Командующим 20-й армией был назначен генерал А.А. Власов. Но к исполнению своих обязанностей он приступил лишь в середине декабря 1941 г. Временно обязанности командарма исполнял генерал А.И. Лизюков.

оборонявшей центральный участок фронта, в 16-ю армию было направлено по одному взводу солдат, их сразу же бросили в бой. На основании документов, найденных на полях сражений, и после опроса захваченных "языков" немцы заключили, что советское командование перебросило сюда дивизии, которые ранее противостояли центру и правому флангу 4-й армии. Выходило, что этим русские ослабили оборону Москвы с запада. Такой "выгодный момент" Бок упустить никак не мог. По его мнению, пришла пора нанести решающие удары по советской столице.

Замысел противника сводился к нанесению одновременных ударов по Москве не только с севера и юга, но и с запада. С этой целью предусматривалось силами 4-й армии прорвать оборону в районах Звенигорода и Наро-Фоминска и, наступая по сходящимся направлениям на Кубинку и Голицыно, окружить и уничтожить войска 5-й и 33-й армий. В дальнейшем планировалось развить наступление непосредственно на город вдоль Минской автострады и Киевского шоссе.

Утром 1 декабря немцы перешли в наступление по всему фронту. Но сломить сопротивление советских войск им оказалось уже не под силу. Более того, части танковой группы Рейнгардта, не выдерживая контрударов армии Кузнецова, медленно отходили к юго-западу от Яхромы. Не смогла продвинуться вперед и группа Гепнера, встретив упорную оборону частей 16-й и 20-й армий. К 5 декабря она была окончательно остановлена на рубеже, который пересекал Ленинградское, Пятницкое и Волоколамское шоссе в 15–23 км от главного рубежа Московской зоны обороны.

Под воздействием контрударов 5-й армии противник прекратил наступление к востоку от Звенигорода и отошел на исходные позиции к западу от него. Лишь в полосе 33-й армии немцы смогли добиться некоторого успеха. Прорвав оборону севернее Наро-Фоминска, они устремились на север, на Кубинку, и на восток, в направлении Апрелевки, а южнее Наро-Фоминска вклинились в оборону на 4–9 км. Прорваться к Кубинке врагу не позволила дивизия полковника В.И. Полосухина. А в районе Апрелевки нанесла контрудар группа, сформированная из фронтовых резервов и частей 33-й армии, возглавляемая генералом М.Г. Ефремовым. Немцы не выдержали контрудара и отошли. 4 декабря они были отброшены за р. Нара. Вскоре положение было восстановлено и к югу от Наро-Фоминска.

Несколько иначе развивались события южнее столицы. Противник не мог наступать на Москву, не овладев Тулой. Поэтому основные усилия он сосредоточил для завершающего сражения за этот город. С утра 2 декабря соединения Гудериана нанесли два встречных удара, чтобы замкнуть кольцо севернее Тулы. 3 декабря они перерезали железнодорожную, а на следующий день шоссеиную магистрали, связывающие Тулу с Москвой. Чтобы завершить окружение, немецким группировкам, идущим навстречу друг другу, оставалось преодолеть каких-то 5–6 км. Усилившийся натиск советских войск с севера и востока вынудил Гудериана 5 декабря перейти к обороне. Недостигаемой для него оказалась не только Москва, но и героическая Тула. Южные подступы к столице превратились в неприступную преграду для агрессора.

Наступивший для немцев момент можно сравнить, пожалуй, с эффектом резинового жгута: вроде бы силы есть, да вот руки разведены до предела, нужно бы перехватить жгут, но это связано с возвращением резины в исходное положение. Так и в сложившейся для противника ситуации стало невозможным дальнейшее продолжение наступления на Москву, а это означало провал последней попытки прорваться к столице. За 20 дней враг продвинулся на 80–110 км, но к 5 декабря в его действиях наступил кризис. Советские войска сумели остановить мощную группировку вермахта буквально у стен столицы.

Итак, наконец-то противник под Москвой был остановлен окончательно.

Важную роль в этом сыграли резервы, подготовленные Ставкой. В самом деле, если командование вермахта за 67 дней наступления на московском направлении не смогло направить на усиление группы армий "Центр" ни одной дивизии, то Ставка ВГК, наоборот, развернула до 75 расчетных дивизий, а сверх того 24 расчетные дивизии были сосредоточены под Рязанью, Ногинском и Ряжском в составе 10, 26 и 61-й резервных армий⁹⁹. С учетом же 271 395 солдат и сержантов, направленных на фронт в качестве маршевого пополнения, получается, что за период обороны на подступах к Москве была развернута новая стратегическая группировка, которая по численности личного состава по крайней мере не уступала той, что приняла на себя удары врага в самом начале битвы. Ввод ее в сражение вместе с перешедшим к советской авиации оперативным господством в воздухе сыграл важнейшую роль в срыве немецких планов захвата столицы.

Улучшились и управление войсками, и стратегическое взаимодействие. Ставка, командование фронтов и армий в ноябре работали в целом гораздо профессиональнее, чем до сих пор: они смогли разгадать замысел, направления главных ударов и примерное время возобновления наступления противника на Москву. Это позволило командирам и штабам с большей эффективностью реализовать боевые возможности войск и построить более устойчивую оборону. В результате глубина продвижения врага в ноябре оказалась в 2,5–3,5 раза меньшей, чем в октябре, но что самое важное – он был окончательно остановлен. Согласованные действия фронтов западного направления создали угрозу обоим флангам группы армий "Центр". Для их обеспечения фельдмаршал Бок выделил 22 дивизии. Тем самым непосредственно из ударного кулака, который планировалось обрушить на Москву, было выключено до 30% сил противника. А контрастступление Красной Армии под Тихвином и Ростовом не позволило германскому командованию в том же ноябре усилить войска Бока за счет групп армий "Север" и "Юг".

Героизм, мужество, стойкость советских воинов на фронте, самоотверженный труд жителей столицы и Подмосковья при возведении оборонительных рубежей на подступах к городу, партизанская борьба в тылу врага – существенные составляющие в решении проблемы остановки наступления врага на Москву.

Без достаточного материально-технического обеспечения фронтов было бы невозможно не только остановить врага, но и оказать ему сопротивление. За время обороны в среднем более 5,5 тыс. железнодорожных вагонов ежедневно доставляли защитникам Москвы технику, оружие, боеприпасы, горюче-смазочные материалы, продовольствие и все то, без чего не может существовать армия.

Ведение оборонительных сражений на подступах к Москве было связано с огромными людскими потерями. Так, немцы лишились более 145 тыс. солдат и офицеров¹⁰⁰. Но гораздо больший урон понесла Красная Армия. Согласно новейшим исследованиям он составил 658 279 человек, из которых 514 338 – безвозвратные потери¹⁰¹. Правда, и точность последних цифр вызывает сомнение. Ведь только число военнопленных, взятых немцами под Вязьмой и Брянском, превышает цифру общих потерь, приведенную в этом исследовании. Причем пленные взяты противником в первые три недели боев, а цифра общих потерь дана за девять недель. (По немецким источникам, число военнопленных варьируется в пределах от 663 до 688,3 тыс. человек.) Поэтому проблему установления потерь советских войск в обороне под Москвой окончательно решенной считать нельзя. Бесспорно одно – они были чрезвычайно велики.

Обусловлены они в значительной степени промахами и ошибками, допущенными стратегическим и оперативными звеньями руководства при построении и

ведении обороны, недостаточной профессиональной подготовки младшего и среднего командного состава, а к тому же и плохой обученностью солдат.

Потеря 2,8 млн человек за первые три месяца войны буквально выкосила кадровую армию¹⁰². На смену выбывшим встали менее подготовленные командиры и необученные солдаты. Дело в том, что с середины 20-х до конца 30-х годов ежегодная численность призывного контингента по СССР "составляла более 900 тыс. человек, а принять на службу из-за ограничений призывной емкости армия и флот могли только около 300 тыс. человек"¹⁰³. Вот и получилось так, что каждый год до 600 тыс. человек оказывались в стороне от войсковой подготовки. К лету 1941 г. миллионы людей, не обученных военному делу, составляли значительную часть призывников. Вот такими людьми и комплектовались соединения, части и маршевые роты, направляемые на фронт в период обороны Москвы. Для многих из них первые же уроки беспощадного "ликбеза" войны стали последними. Учиться пришлось на большой крови.

Конечно, среди войск, оборонявших столицу, были и отлично подготовленные соединения. К ним в первую очередь относятся 2, 4, 18, 21-я московские ополченческие, 32, 78, 316-я стрелковые, 1 гвардейская и 82 мотострелковые, 112-я танковая дивизии. От их умелых действий враг нес особо ощутимый урон. Однако в общем составе войск фронтов доля таких соединений оказалась незначительной. А подавляющая часть дивизий была укомплектована либо слабо, либо вовсе не обученным личным составом.

Но люди шли в бой, не считаясь ни с чем. Для большинства из них защита столицы выходила за рамки чисто военной задачи. Само слово "Москва" имело особый смысл: ведь за ней – не только наше настоящее, но и наше прошлое и будущее. С Москвы начиналось Российское государство. Москва – сердце Родины, ее мозг, слава и надежда. Неимоверными усилиями и великой кровью Москву отстояли.

Однако угроза столице оставалась: враг находился рядом с ней. Чтобы снять эту опасность, необходимо было отбросить его как можно быстрее. К решению такой задачи и готовилась Красная Армия.

¹ Рейнгардт К. Поворот под Москвой: Крах гитлеровской стратегии зимой 1941/42 года / Пер. с нем. М., 1980. С. 51.

² Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации. Ф. 500. Оп. 12462. Д. 7. Л. 38–39. (Далее: ЦАМО).

³ Там же.

⁴ История второй мировой войны, 1939–1945. М., 1975. Т. 4. С. 92.

⁵ Там же.

⁶ Там же. С. 93.

⁷ Цит. по: Воен.-ист. журн. 1971. № 10. С. 61–62.

⁸ ЦАМО. Ф. 6314. Оп. 11 158. Д. 87. Л. 12.

⁹ Там же. Ф. 48а. Оп. 1554. Д. 81. Л. 184.

¹⁰ Там же. Ф. 132а. Оп. 2642. Д. 30. Л. 47, 49.

¹¹ Там же. Ф. 208. Оп. 2513. Д. 82. Л. 139, 149, 150, 185, 217–222; Д. 83. Л. 109, 124.

¹² Там же. Ф. 48а. Оп. 1554. Д. 91. Л. 288–290.

¹³ Там же. Ф. 208. Оп. 2511. Д. 216. Л. 5–6.

¹⁴ Там же. Д. 191. Л. 54.

¹⁵ Там же. Ф. 208. Оп. 2511. Д. 216. Л. 8.

¹⁶ Там же. Л. 5–6.

¹⁷ См.: Сандалов Л.М. На московском направлении. М., 1970. С. 204.

¹⁸ ЦАМО. Ф. 202. Оп. 5. Д. 64. Л. 424–425.

¹⁹ Berliner Börsenzeitung. 1941. 9 Okt.

²⁰ Подсчитано по: ЦАМО. Ф. 500. Оп. 12 462. Д. 454. Л. 182, 253; Ф. 8. Оп. 11 627. Д. 205. Л. 110–116.

²¹ ЦАМО. Ф. 132А. Оп. 2642. Д. 30. Л. 57–59; Оп. 1554. Д. 91. Л. 311–312, 308.

- 22 Гудериан Г. Воспоминания солдата / Пер. с нем. М., 1954. С. 220.
- 23 ЦАМО. Ф. 500. Оп. 12 462. Д. 548. Л. 159.
- 24 Там же. Ф. 8. Оп. 11 627. Д. 233. Л. 289–290; Д. 226. Л. 63–69.
- 25 Там же. Ф. 8. Оп. 11 627. Д. 233. Л. 263–264.
- 26 Цит. по: Воен.-ист. журн. 1966. № 10. С. 62.
- 27 ЦАМО. Ф. 500. Оп. 12 462. Д. 233. Л. 195.
- 28 Там же. Ф. 208. Оп. 2511. Д. 1029. Л. 2.
- 29 Там же. Л. 22–24.
- 30 Там же. Оп. 2513. Д. 82. Л. 283.
- 31 Там же. Ф. 208. Оп. 2513. Д. 83. Л. 283–285.
- 32 Рокоссовский К.К. Солдатский долг. М., 1980. С. 51.
- 33 См.: Сандалов Л.М. Указ. соч. С. 210–213.
- 34 Völkischer Beobachter. 1941. 9, 10 Okt.
- 35 Цит. по: Провал гитлеровского наступления на Москву. М., 1966. С. 20–21.
- 36 Российский центр хранения и изучения документов новейшей истории. Ф. 644. Оп. 1. Д. 1. Л. 181. (Далее: РЦХИДНИ); Известия ЦК КПСС. 1990. № 12. С. 210–212.
- 37 ЦАМО. Ф. 132а. Оп. 2642. Д. 12. Л. 53.
- 38 Там же. Д. 30. Л. 64–67.
- 39 Там же. Д. 12. Л. 53.
- 40 Там же. Ф. 208. Оп. 2513. Д. 82. Л. 344–345.
- 41 Там же.
- 42 Цит. по: Воен.-ист. журн. 1966. № 10. С. 64.
- 43 Цит. по: Там же. 1981. № 9. С. 36.
- 44 Подсчитано по: ЦАМО. Ф. 500. Оп. 12 484. Д. 542. Л. 1.
- 45 Цит. по: Воен.-ист. журн. 1981. № 9. С. 36–37.
- 46 ЦАМО. Ф. 8. Оп. 11 627. Д. 1001. Д. 219–220.
- 47 Там же. Ф. 500. Оп. 12 484. Д. 542. Л. 1.
- 48 Там же. Ф. 8. Оп. 11 627. Д. 1001. Л. 218.
- 49 Там же. Д. 237. Л. 49.
- 50 Там же. Ф. 500. Оп. 12 462. Д. 548. Л. 257.
- 51 Там же. Ф. 5. Оп. 11 462. Д. 106. Л. 257, 268.
- 52 Воен.-ист. журн. 1964. № 5. С. 55.
- 53 ЦАМО. Ф. 48а. Оп. 1454. Д. 9. Л. 534.
- 54 Там же. Ф. 202. Оп. 5. Д. 33. Л. 24–26.
- 55 Там же. Ф. 500. Оп. 12 462. Д. 548. Л. 257.
- 56 Подсчитано по: ЦАМО. Ф. 8. Оп. 11 627. Д. 205. Л. 111–114.
- 57 ЦАМО. Ф. 202. Оп. 5. Д. 32. Л. 20–24.
- 58 Цит. по: Воен.-ист. журн. 1964. № 5. С. 55–56.
- 59 ЦАМО. Ф. 202. Оп. 12 462. Д. 73. Л. 18–19.
- 60 Цит. по: Воен.-ист. журн. 1964. № 5. С. 57.
- 61 Там же. 1991. № 11. С. 21–22.
- 62 Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg. Stuttgart, 1983. Bd. 4. S. 573–578.
- 63 ЦАМО. Ф. 500. Оп. 12 461. Д. 114. Л. 68–70.
- 64 РЦХИДНИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 12. Л. 93.
- 65 Там же. Л. 79.
- 66 ЦАМО. Ф. 48а. Оп. 1554. Д. 10. Л. 352–353, 529–530.
- 67 Там же. Д. 92. Л. 251.
- 68 Подсчитано по: ЦАМО. Ф. 38. Оп. 11 360. Д. 7. Л. 105, 146; Ф. 132а. Оп. 2642. Д. 30. Л. 64–65.
- 69 ЦАМО. Ф. 208. Оп. 2511. Д. 230. Л. 120.
- 70 Там же. Д. 216. Л. 123, 124.
- 71 Там же. Л. 113.
- 72 Там же. Ф. 388. Оп. 8712. Д. 1. Л. 20–28; Д. 7. Л. 2.
- 73 Там же. Л. 30–31.
- 74 Там же. Ф. 500. Оп. 12 462. Д. 232. Л. 5.
- 75 Там же. Ф. 208. Оп. 2511. Д. 216. Л. 188–190.
- 76 Там же. Ф. 500. Оп. 12 462. Д. 73. Л. 238–239.
- 77 Там же. Ф. 288. Оп. 2524. Д. 15. Л. 7.

- 78 РЦХИДНИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 11. Л. 155.
- 79 *Рейнгардт К.* Указ. соч. С. 87–88.
- 80 Стратегический очерк Великой Отечественной войны, 1941–1945 гг. М., 1961. С. 308.
- 81 Сборник документов Верховного Главнокомандования за период Великой Отечественной войны. М., 1968. Вып. 1. С. 262–263.
- 82 ЦАМО. Ф. 228. Оп. 701. Д. 251. Л. 6.
- 83 Подсчитано по: Гриф секретности снят: Потери Вооруженных Сил СССР в войнах, боевых действиях и военных конфликтах: Стат. исследование. М., 1993. С. 170, 173.
- 84 Операции Советских Вооруженных Сил в Великой Отечественной войне, 1941–1945. М., 1958. Т. 1. С. 317.
- 85 *Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg.* Bd. 4. S. 581–584.
- 86 *Рейнгардт К.* Указ. соч. С. 153.
- 87 Там же.
- 88 *Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg.* Bd. 4. S. 584–585.
- 89 *Рейнгардт К.* Указ. соч. С. 381.
- 90 Разгром немецко-фашистских войск под Москвой. М., 1964. С. 52; ЦАМО. Ф. 208. Оп. 6892. Д. 11. Л. 5–27; Ф. 358. Оп. 5916. Д. 20. Л. 49; Оп. 5929. Д. 1. Л. 115–116; Оп. 5931. Д. 4. Л. 32–173.
- 91 ЦАМО. Ф. 38. Оп. 11 373. Д. 15. Л. 185–217.
- 92 На огненных рубежах Московской битвы. М., 1981. С. 113.
- 93 ЦАМО. Ф. 8. Оп. 11 627. Д. 207. Л. 5.
- 94 Операции Советских Вооруженных Сил в Великой Отечественной войне, 1941–1945. Т. 1. С. 298–299, 355.
- 95 ЦАМО. Ф. 358. Оп. 5916. Д. 64. Л. 84–87; *Жуков Г.К.* Воспоминания и размышления. М., 1990. Т. 2. С. 229–230.
- 96 Подсчитано по: ЦАМО. Ф. 8. Оп. 11 627. Д. 1001. Л. 21–22; Ф. 358. Оп. 5931. Д. 4. Л. 173; Оп. 5916. Д. 77. Л. 1–20.
- 97 Там же. Ф. 8. Оп. 11 627. Д. 1001. Л. 20; Ф. 17 кд. Оп. 7010. Д. 3. Л. 3–9.
- 98 Там же. Ф. 500. Оп. 12 462. Д. 232. Л. 31–34.
- 99 Воен.-ист. журн. 1991. № 11. С. 24.
- 100 Подсчитано по: *Рейнгардт К.* Указ. соч. С. 381.
- 101 Гриф секретности снят... С. 171.
- 102 Подсчитано по: Там же. С. 146–147.
- 103 Скрытая правда войны, 1941 год: Неизвестные документы. М., 1992. С. 218–219.

СОКРУШЕНИЕ БЛИЦКРИГА

В те дни, когда на подступах к Москве полыхали ожесточенные сражения, неуклонно приближаясь к ее воротам, когда с крыш домов подмосковных деревень Катюшки, Пучки, Красная Поляна немецкие солдаты пытались разглядеть в бинокли жизнь на улицах города, советское командование ни на минуту не прекращало работы, цель которой – перехватить стратегическую инициативу и снять угрозу, нависшую над столицей. Оно видело, что наступательные возможности противника почти иссякли, что зачастую враг уже не выдерживает контрударов, останавливается, местами отходит, а кое-где закрепляется на достигнутых рубежах.

При строжайшем соблюдении всех мер маскировки готовилось контрнаступление советских войск под Москвой. Следует отметить, что подготовку к активным наступательным действиям осложняли крайне неблагоприятная стратегическая обстановка на всем советско-германском фронте и тяжелейшее экономическое положение, в котором оказалась страна.

ПЛАНЫ И ЗАМЫСЛЫ СТОРОН

Неудачный для Красной Армии исход приграничных сражений, последующие поражения и отступление войск нанесли Советскому Союзу огромный урон. К декабрю 1941 г. враг продвинулся на глубину 900–1200 км и захватил около 1,5 млн кв. км его территории. По площади это соответствует таким государствам, как Великобритания, Испания, Италия и Франция, вместе взятым, и почти в четыре раза превышает территорию самой Германии. На оккупированных землях до войны проживало 77,6 млн человек, или более 40% населения; там выплавлялось 68% чугуна, 58 – стали, добывалось 63% угля, производилось 38% зерна.

В стране резко сократилась численность рабочих и служащих – с 31,5 до 18,5 млн. За пять месяцев войны валовая продукция промышленности уменьшилась в 2,1 раза, производство черного металла – в 3,1 раза¹, а металлургия и угольная промышленность оказались на уровне 1931–1932 гг. Сложности усугублялись необходимостью демонтажа и перемещения на восток производительных сил, запасов продовольствия; в тыл страны вывозились культурные ценности, учебные заведения, научные учреждения. К декабрю 1941 г. было эвакуировано более 10 млн человек и 1523 промышленных предприятия. Сегодня размах и тяжесть эвакуации даже трудно себе представить: за тысячи километров от родных мест в малообжитых и суровых землях надо было в палатках и землянках разместить людей и немедленно приступить к монтажу оборудования заводов и выпуску военной продукции. Именно в таком положении оказалась большая часть предприятий, вывезенных из прифронтовых районов на восток.

Все это отрицательно повлияло на выпуск оружия и военной техники. Так, по сравнению с августом и сентябрем производство стрелкового вооружения в ноябре сократилось в 1,5 раза, орудий – в 1,36, артиллерийских снарядов – в 1,4 и самолетов – в 4,56 раза, т.е. в этот месяц промышленность дала фронту всего 2575 ору-

дий, 880 танков и 448 боевых самолетов². Конечно же, такое количество вооружения не обеспечивало даже восполнения потерь, понесенных Красной Армией летом и осенью 1941 г., не говоря уже о том, что предстояло вооружать вновь формируемые соединения и части. О величине же ущерба можно судить по следующим цифрам: только до 1 декабря советские вооруженные силы потеряли свыше 20 тыс. танков, около 17 тыс. боевых самолетов, более 60 тыс. орудий и минометов, не считая 50-мм, свыше 20% общего количества боеприпасов и горючего³. Иными словами, Красная Армия лишилась танкового, самолетного и артиллерийского парков, с таким трудом созданных в предвоенные годы.

В столь трагических условиях боеспособность армии восстанавливалась и поддерживалась тем вооружением, которое, минуя арсеналы и склады, отправлялось с заводов прямо в войска. Это продолжалось до следующего лета, хотя уже с декабря процесс производства оружия, военной техники и боеприпасов неуклонно пошел вверх. К сожалению, протекал он значительно медленнее, чем требовалось фронту. Достичь объема, равного наивысшему месячному производству 1941 г., удалось по танкам (средним и тяжелым) только в январе, стрелковому вооружению в феврале, орудиям в марте, боеприпасам к минометам и орудиям в мае, стрелковому оружию в октябре 1942 г.⁴ Если учесть, что максимальный месячный объем производства 1941 г. не удовлетворял потребностей войск даже в обороне, то что же тогда говорить об их нуждах для решения задач наступления? Ведь в зимней кампании 1941–42 г. производство боеприпасов оказалось в 1,2–1,5 раза ниже уровня 1941 г.

В решении проблемы обеспечения Красной Армии необходимой военной техникой и оружием немаловажную роль сыграло развивавшееся сотрудничество с Великобританией и Соединенными Штатами Америки. В соответствии с подписанным в октябре 1941 г. в Москве соглашением эти страны обязались поставлять в СССР вооружение и другие материалы. До конца года союзники поставили 873 самолета и 669 танков⁵. Расчеты показывают, что по самолетам это составило 43,3%, а по танкам – 24,1% общего объема их производства в СССР, т.е. из каждых 23 самолетов и 41 танка, направленных в это время на фронт, 10 поставлялись союзниками. Из этих несложных расчетов видно, что в той ситуации их помощь оказалась весьма весомой. Велика благодарность американцам и англичанам за то, что они в очень короткие сроки смогли переправить по морским коммуникациям, растянувшимся на 12–13 тыс. км, самолеты и танки, столь необходимые в борьбе с общим врагом, хотя в этот период в отношениях Советского Союза с США и Англией имелось еще немало трудностей. Мобилизация огромного экономического и военного потенциала этих государств только развертывалась. В правящих кругах США слишком сильна была позиция изоляционистов, которым не по нутру пришлось внешнеполитические мероприятия президента Рузвельта, в том числе и его планы экономического сотрудничества с СССР⁶. Наконец, внезапное нападение японцев на американские и английские владения в бассейне Тихого океана, в первую очередь разгром военно-морских сил в Перл-Харборе, явилось тяжелым ударом для США.

Чтобы остановить наступление Японии и перехватить стратегическую инициативу, надо было спешно восстанавливать понесенные потери. А для этого, по расчетам американского командования, требовалось не менее полугода. Естественно, все эти обстоятельства не могли не отразиться на размерах военных поставок в СССР.

Следовательно, агрессия Японии на Тихом океане косвенно отразилась и на Советском Союзе. При этом не прекращалось и ее прямое влияние на СССР. Ведь японцы продолжали укреплять маньчжурский плацдарм и увеличивать состав своей Квантунской армии. На юге, на подступах к советскому Закавказью значительную группировку войск развернула и Турция. Эти факторы вынуждали Ставку ВГК дер-

жать на дальневосточных и южных границах СССР крупные силы. На 1 декабря 1941 г. там находилось 57% танков и почти 56% самолетов. Иначе говоря, в указанных районах имелось на 587 танков и 716 самолетов больше, чем во всей действующей армии⁷. Как не хватало этих средств на советско-германском фронте! Возможно, обстановка на западе была бы совершенно иной, если бы дальневосточную и закавказскую группировки войск удалось использовать для борьбы с вермахтом. Тем более, что они были не только очень крупными, но и наиболее подготовленными во всей Красной Армии. Например, такие соединения, как 32, 78 стрелковые, 82-я мотострелковая дивизии под командованием полковников В.И. Полосухина, А.П. Белобородова, Г.П. Карамышева, с честью выполнили свой долг, когда советское командование с учетом донесения Р. Зорге из Японии сочло возможным перебросить их под Москву.

Итак, стратегическое и экономическое положение Советского Союза было чрезвычайно сложным. Тем не менее, руководство страны изыскивало силы и средства, чтобы снять угрозу Москве. Сразу же после срыва первой попытки немцев прорваться к столице в Ставке ВГК возникла идея контрнаступления. Для претворения ее в жизнь 1 ноября было принято решение о формировании в тылу страны 10 резервных армий, одновременно создавалось еще 9 танковых бригад, 49 отдельных танковых батальонов и свыше 100 лыжных батальонов со сроком ввода в строй к 1 декабря. Кроме того, намечалось передать на усиление Западного и Калининского фронтов 90 тыс. маршевого пополнения⁸.

Однако возобновившееся в середине ноября наступление противника на Москву заставило на время отказаться от контрнаступления. Для отражения наступления ударных группировок врага потребовались имевшиеся резервы⁹. А нужда в них была весьма острой, особенно после 23 ноября, когда пал Солнечногорск и немцы были всего в 40–45 км от Москвы. Обстановка с этого момента стала угрожающей: можно было буквально теряться в догадках, в каком направлении и как она будет развиваться. 24 ноября Ставка приняла решение о переброске под Москву своих резервов, расположенных в Поволжье – от Чебоксар до Астрахани. Причем поставленные тогда войскам задачи носили чисто оборонительный характер. Так, Ставка приказала "не допустить выдвижения противника": 10-й армии – на Рязань, 26-й – в направлении Коломны, 61-й – в направлении Рязск, Раненбург (Чаплыгин)¹⁰.

Наряду с этим против ударных танковых группировок врага развертывались свежие силы: 30-я армия получила четыре стрелковые и кавалерийскую дивизии, 5-я и 16-я армии – две стрелковые дивизии и пять стрелковых бригад. 29 ноября в промежутке между 16-й и 30-й армиями были развернуты 1-я ударная и 20-я армии резерва Ставки. А 2 декабря в связи с прорывом противника под Наро-Фоминском и выходом его к Алабино (22 км северо-восточнее Наро-Фоминска) Ставка передала в распоряжение командующего Московским военным округом генерала П.А. Артемьева четыре стрелковые, кавалерийскую дивизии, а также семь стрелковых бригад, поставив задачу незамедлительно занять внешний оборонительный пояс столицы¹¹. Одновременно на базе управления обороны Москвы она приказала создать новое оперативное объединение – Московскую зону обороны (МЗО). В ее состав передавались 24-я и 60-я армии¹². Этим решением Ставки в тылу Западного фронта развертывался второй стратегический эшелон.

Из этого следует, что советское Верховное Главнокомандование, располагая к этому времени крупными резервами, готовило материальные предпосылки для перехвата стратегической инициативы и перелома хода сражений. Но, чтобы претворить намеченное в жизнь, нужна была целенаправленная работа по оптимальному использованию резервов. В условиях, когда все внимание Ставки и командования фронтов было сосредоточено на отражении рвавшегося к столице врага, эту задачу пришлось взять на себя Генеральному штабу. В 20-х числах ноября он во

главе с маршалом Шапошниковым в полном составе возвратился из Арзамаса в Москву и "тут же включился в работу по подготовке контрнаступления"¹³.

Эта сторона деятельности Генерального штаба до сего времени изучена мало, хотя она имела огромное значение, ибо предстояло правильно выбрать районы сосредоточения стратегических резервов, организовать перевозку войск, одновременно прикрыть их от ударов с воздуха. В намеченных районах представители Генштаба не только организовывали управление войсками, но и контролировали доукомплектование, довооружение и бесперебойное снабжение частей. Об объеме проделанной работы можно судить по такому факту: на перевозку 10, 26 и 61-й резервных армий и соединений, предназначенных для усиления правого крыла Западного фронта, потребовалось изыскать в течение семи-десяти дней свыше 60 тыс. железнодорожных вагонов!

Удачный выбор районов сосредоточения и своевременная перегруппировка туда войск позволили, во-первых, использовать стратегический резерв как в целях обороны, так и наступления; во-вторых, наносить удары по наиболее опасным для Москвы группировкам противника, не прибегая к сложному маневру; в-третьих, быстро ввести резервы в сражение. Словом, Генштаб своей работой помог Ставке развернуть дополнительную группировку войск и тем самым завершить создание предварительных условий для перехода Красной Армии к активным наступательным действиям под Москвой. Теперь оставалось определить момент начала контрнаступления и методы его проведения.

29 ноября командующий Западным фронтом, доложив обстановку Верховному Главнокомандующему, попросил его отдать приказ о начале контрнаступления. Свое предложение генерал Жуков обосновывал так: "Противник истощен. Но если мы сейчас не ликвидируем опасные вражеские вклинения, немцы смогут подкрепить свои войска в районе Москвы крупными резервами за счет северной и южной группировок своих войск, и тогда положение может серьезно осложниться. И.В. Сталин сказал, что он посоветуется с Генеральным штабом"¹⁴.

Поздно вечером, приняв решение о начале контрнаступления, Ставка довела до командующих Западным и Юго-Западным фронтами общие задачи и потребовала от них конкретных предложений по их реализации.

На следующий день военные советы этих фронтов представили на имя наркома обороны планы контрнаступательных операций. После их рассмотрения Ставка пришла к выводу, что, кроме Западного и Юго-Западного фронтов, к планируемой операции необходимо привлечь еще и войска Калининского фронта. 1 декабря в 3 часа 30 минут утра туда была направлена директива Ставки¹⁵, а менее чем через час заместитель начальника Генштаба генерал Василевский по телеграфу сориентировал командующего Калининским фронтом генерала Конева о характере предстоявших действий¹⁶. Для поддержки контрнаступления с воздуха, кроме ВВС фронтов, предусматривалось привлечь авиацию МЗО, МВО, ПВО Москвы, а также дальнебомбардировочную и две резервные авиагруппы.

Суть замысла контрнаступления сводилась к тому, чтобы ударами правого и левого крыльев Западного фронта во взаимодействии с Калининским и Юго-Западным фронтами разгромить главные группировки врага, стремившиеся охватить Москву с севера и юга. Основная роль при этом отводилась войскам Западного фронта.

Что же представлял собой сам план контрнаступления? Во-первых, карту масштаба 1:200 000, на которой красным карандашом изображены полосы наступления и стрелы направлений ударов армий Западного фронта, проведенные на глубину до 60 км к северу от Москвы и около 100 км – к югу от нее.

Во-вторых, объяснительную записку к плану-карте контрнаступления армий Западного фронта, имеющую гриф "особо важно". Написанная от руки лично начальником штаба фронта, она уместилась всего на полутора страницах, где

указаны дни начала наступления обеих ударных группировок: 3–4 декабря – для четырех армий и 5–6 – для 30-й армии. Далее формулируется ближайшая задача фронта и разъясняется, что "главная группировка авиации (3/4) будет направлена на взаимодействие с правой ударной группировкой и остальная часть с левой – армией генерала Голикова (10-я армия. – *Ред.*)". Под текстом три подписи – Жуков, Булганин, Соколовский. На левом верхнем углу карты синим карандашом наложена резолюция "Согласен. И. Сталин. 30.11.41 г."¹⁷.

Следовательно, это свидетельствует о том, что документ носил частный, а не общий характер. План намечал удары армий только одного фронта, но не предусматривал их согласования по цели, месту и времени с действиями двух других фронтов. Да в принципе это было и не нужно, ибо в стратегической наступательной операции функция координации усилий фронтов принадлежала Ставке ВГК. А вот у нее-то документально оформленного замысла и плана ведения контрнаступления не оказалось. Созревая постепенно, они воплощались в жизнь распорядительным порядком: переговорами по прямому проводу, при личном общении командующих фронтами со Сталиным, Шапошниковым и Василевским, директивами и боевыми распоряжениями.

В связи с этим уместно напомнить следующее высказывание маршала Жукова: "...в наших замыслах еще не было четко обоснованного мнения о том, что нами затевается такое грандиозное контрнаступление, каким оно потом оказалось. Первая постановка задач 30 ноября ...преследовала хотя и важную, но пока ограниченную цель – отбросить наиболее угрожавшие прорывом к Москве вражеские силы... Как мне помнится, специального приказа или общей директивы на контрнаступление не отдавалось. Боевые задачи войскам... ставились последовательно отдельными директивами штаба фронта"¹⁸.

Суть задач, поставленных войскам фронтов, заключалась в следующем.

Генерал Жуков приказал ударами правого и левого крыльев Западного фронта, отстоявших друг от друга на 200 км, разгромить противника, действовавшего севернее и южнее Москвы. Четырём армиям предстояло сковать силы противника в центре фронта, чтобы лишить его возможности перебрасывать войска для усиления важнейших направлений¹⁹.

Решение командующего Калининским фронтом генерала Конева сводилось к тому, чтобы, продолжая активно обороняться на селижаровском и торжокском направлениях, сосредоточить главные силы на левом крыле, с целью выйти на тылы клинкой группировки противника, а затем во взаимодействии с войсками правого крыла Западного фронта уничтожить ее²⁰.

Юго-Западный фронт маршала Тимошенко окружал и уничтожал елецко-ливенскую группировку противника, тем самым угрожая выйти на тылы 2-й немецкой танковой армии, что содействовало бы ее разгрому войсками левого крыла Западного фронта²¹.

К 6 декабря все три фронта получили 27 расчетных дивизий, доведя таким образом общую численность войск, привлекаемых к контрнаступлению, до 1100 тыс. человек, 7652 орудия и миномета, 774 танка и 1000 самолетов. Группа армий "Центр" насчитывала 1708 тыс. человек, около 13 500 орудий и минометов, 1170 танков и 615 самолетов²². Простое сравнение приведенных цифр показывает, что противник превосходил советские войска в личном составе – в 1,5, в артиллерии – в 1,8, танках – в 1,5 раза, только в боевых самолетах он нам уступал в 1,6 раза.

Исследование архивных документов показывает, что, несмотря на получение сравнительно крупных резервов, фронты продолжали уступать врагу в количественном отношении. Нельзя было считать удовлетворительным и качество подготовки поступивших войск, так как они были недостаточно обучены, сколочены и вооружены.

Большинство резервных соединений вооружалось уже в районах сосредоточения, т.е. непосредственно перед их вводом в бой. Уместно напомнить, что в те дни даже стрелковое оружие относилось к разряду дефицитного средства. Например, войска Западного фронта были обеспечены винтовками лишь на 60% к штатной потребности. В силу этого командованию приходилось изымать оружие в частях, которые в тот момент не привлекались к боевым действиям, и передавать его соединениям, отправляемым на фронт.

Нехватка оружия и невыгодное соотношение сил ставили под сомнение успех предстоявшего контрнаступления. Однако в той обстановке учитывались и такие факторы, как отсутствие у противника оперативных резервов, измотанность немецких солдат, недостаточность их материального обеспечения в условиях суровой зимы, а также то обстоятельство, что ударные группировки врага действовали на не подготовленных для отражения встречных ударов рубежах. Советским командованием принимались во внимание не только конфигурация линии фронта, позволявшая наносить удары по флангам главных немецких группировок, но и более высокий моральный дух советских войск, которые сражались за свой дом во имя спасения своего Отечества.

Однако, чтобы использовать все эти факторы с пользой для дела, требовалась не только быстрая, но и скрытная подготовка войск. Пауза для перехода от обороны к контрнаступлению абсолютно исключалась, ибо всякое промедление пошло бы лишь на пользу противнику. Поэтому армии готовились к наступательным действиям в предельно сжатые сроки, находясь в тех же полосах и группировках, в каких они завершали оборонительные операции. Директиву о переходе к контрнаступлению штаб Западного фронта отдал 2 декабря (10-й армии – 4 декабря), а штаб Юго-Западного фронта – 4 декабря. Боевой приказ командующего Калининским фронтом последовал 2 декабря.

Все передвижения войск осуществлялись ночью или в сложных метеорологических условиях днем, когда вьюга гнала по полям поземку, засыпала снегом овраги, громоздила в лощинах и на лесных полянах сугробы. Казалось, все живое должно было искать убежище от лютой стужи, но люди как будто не замечали непогоды. Сквозь снежные заносы они выдвигались на исходные рубежи для наступления. При этом категорически запрещалось разводять костры, работать на радиостанциях и т.д.

Благодаря целому комплексу мероприятий по сохранению в тайне подготовки контрнаступления противник оказался введенным в заблуждение относительно истинных намерений советского командования, что способствовало достижению внезапности. А смысл ее, как известно, заключается в том, чтобы неожиданными для неприятеля действиями компенсировать невыгодное для себя соотношение сил и тем самым добиться успеха. Тот факт, что на ежедневных отчетных картах генерального штаба сухопутных войск "Lage Ost" ("Положение на Восточном фронте") даже 6 декабря отсутствуют не только многие советские дивизии, но и три свежие армии Западного фронта, переданные из резерва Ставки ВГК²³, свидетельствует именно об этом.

Само собой разумеется, контрнаступление при невыгодном соотношении сил и средств ограничивало масштабы задач. Поэтому фронтам ставилась только ближайшая задача, совпадавшая с глубиной одной армейской операции, но в какие сроки она должна была быть решена – заранее не оговаривалось. Не определялась и дальнейшая задача фронта. "Для постановки войскам фронта более далеких и решительных целей, – вспоминал маршал Жуков, – у нас тогда еще не было сил. Мы стремились только отбросить врага как можно дальше от Москвы и нанести ему возможно большие потери"²⁴.

Так как фронтам предстояло наступать в широких полосах, они имели одноэшelonное построение и низкие плотности: одну дивизию на 8,5 км, 10–11 орудий и

минометов и 0,8 танка на 1 км фронта. За счет неравномерного расположения войск плотности на направлениях главных ударов были ббльшими²⁵.

Сложный, а порой даже драматический ход оборонительных сражений на ближних подступах к Москве, зависимость фронтов от сроков выгрузки, сосредоточения и довооружения резервных войск сильно затрудняли выбор момента перехода в контрнаступление. Оно планировалось не в виде одномоментного, резко очерченного действия, а как последовательный, растянутый на четыре дня процесс.

В Берлине были уверены в скором падении советской столицы, а потому продолжали гнать войска в наступление. Обращает на себя внимание такая любопытная деталь. В тот самый день, когда в Ставке был утвержден план контрнаступления советских фронтов, в дневнике начальника генерального штаба сухопутных войск генерала Ф. Гальдера появилась следующая запись: «Для артобстрела Москвы будут переброшены: 10 батарей 150-мм пушек (дальность стрельбы 11 300 м), 2 батареи 150-мм пушек (15 300 м), 1 батарея 194-мм пушек (20 800 м). Эти батареи будут направлены в группу армий "Центр" 6.12»²⁶.

Буквально на другой день войска фельдмаршала Бок предприняли попытку нанести удары по Москве не только с севера и юга, но и с запада. В ходе этого последнего наступления немцам удалось прорвать оборону в центре Западного фронта и к исходу 2 декабря подойти к поселку Алабино (45 км юго-западнее Москвы). В этом продвижении частей 4-й армии Гитлер, как считают германские исследователи, "вновь увидел возможность окружения больших сил противника под Москвой"²⁷. Однако сбыться надеждам фюрера не было суждено.

Уже 3 декабря обстановка для немцев стала обостряться. В тот же день Бок получил пренеприятнейшие сообщения от командующих 4-й армией и 4-й танковой группой. Первый докладывал, что вынужден не только приостановить наступление, но и отвести части на исходные позиции, т.е. за р. Нара, а второй предложил фельдмаршалу отдать приказ о занятии обороны соединениями его группы вдоль р. Истра на том основании, что силы подчиненных ему войск на исходе²⁸.

Действительно, штаб группы армий "Центр" получал все больше свидетельств о том, что физическое, а главное – психологическое состояние войск достигло предела: слишком заметными стали признаки апатии. Отдельные дивизии, не выдерживая контрударов, самовольно, без приказа сверху, переходили к обороне и даже отступали. Необходимость перехода к обороне теперь сознавали даже те, кто так недавно был уверен в легкой победе. С этими обстоятельствами не мог не считаться и фельдмаршал Бок. В докладной записке главному сухопутных войск он с большим сожалением отмечал, что предположения о близком поражении неприятеля оказались иллюзией, а посему и наступление теряет всякий смысл. Как следует из немецких документов, фельдмаршал Браухич полностью разделял это мнение²⁹.

Генерал Гальдер 4 декабря в разговоре с начальником штаба группы армий "Центр" генералом Г. Грейфенбергом заметил, что "если фельдмаршал фон Бок считает, что нет никаких шансов нанести противнику большие потери в ходе наступления северо-западнее Москвы, ему предоставляется право прекратить наступательные действия"³⁰.

5 декабря командование группы армий "Центр" приступило к работе по планированию отхода ударных группировок на выгодные для обороны участки местности. Намести новые рубежи обороны, оно проинформировало о них командующих объединениями. Отход предусматривалось совершить в течение двух ночей, а точка отсчета – 6 декабря. Однако приступить к его выполнению можно было только после соответствующего приказа фюрера³¹. На следующий день Гитлер дал свое принципиальное согласие на отход войск группы армий "Центр" и занятие ими нового рубежа в интересах "сокращения линии фронта", но потребовал

предварительно "подготовить этот новый рубеж, отрыть стрелковые окопы, установить печи и т.д."³².

Стало быть, начавшееся к этому времени контрнаступление советских войск у верховного главнокомандующего вермахта никакого беспокойства не вызвало. Видимо, не последнюю роль в этом сыграли выводы из оценки обстановки, сделанные отделом сухопутных войск восточного фронта германского штаба еще 4 декабря. Из них вытекало, что «противник перед фронтом группы армий "Центр" в настоящее время не способен вести контрнаступление без подхода значительных резервов»³³.

Фельдмаршал Бок к исходу 5 декабря дал разрешение 2-й танковой армии отойти на рубеж р. Шат и Дон. К тому времени части 4-й армии уже отошли на исходные позиции, за р. Нара, не выдержав контрудара войск 33-й армии. В тот период командование группы армий "Центр" планировало сначала отразить, как им казалось, местные контратаки противника, а затем, без особого воздействия с его стороны совершить тактическую перегруппировку, провести доукомплектование, пополнить запасы продовольствия, горючего и боеприпасов, организовать отдых личного состава и другие мероприятия по подготовке новых операций³⁴.

Итак, в начале декабря на западном стратегическом направлении в составе трех советских фронтов находился почти 41% соединений сухопутных войск, здесь же было сосредоточено почти 40% танков, около 32% орудий и минометов от общего количества в действующей армии³⁵. Несмотря на это, соотношение сил и средств, за исключением боевых самолетов, оставалось неблагоприятным для советской стороны. Серьезную озабоченность у командования фронтов вызывало и то, что степень боевой готовности большинства резервных соединений была ниже минимального уровня. К тому же им в значительных размерах не хватало оружия, боеприпасов, имущества связи, инженерных средств, транспорта и т.д.

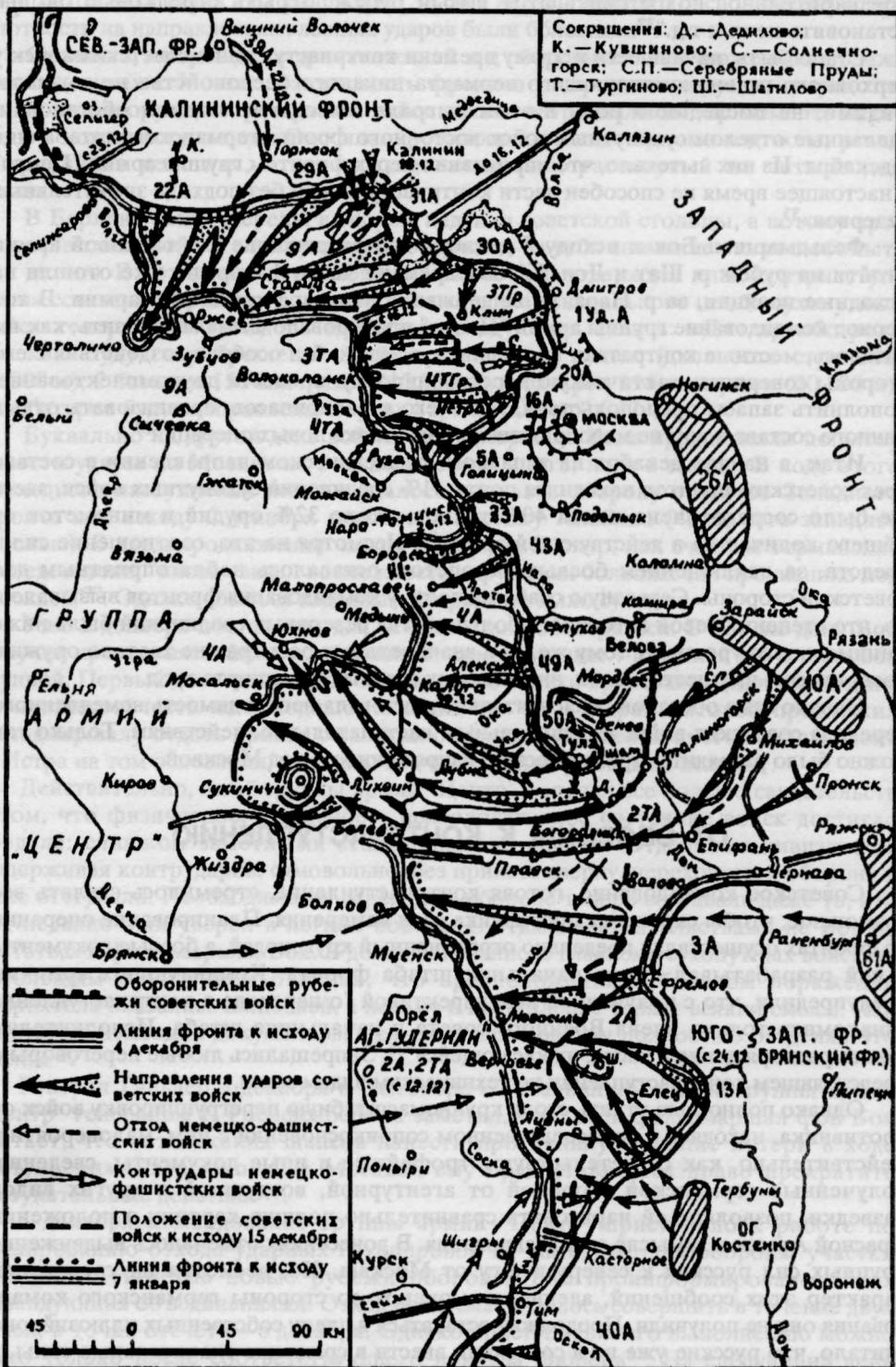
Однако сама обстановка настоятельно диктовала необходимость немедленного перехода советских войск к решительным наступательным действиям. Только так можно было разрядить стратегическую напряженность под Москвой.

ОТ ОБОРОНЫ К КОНТРНАСТУПЛЕНИЮ

Советское командование, готовя контрнаступление, стремилось сделать все возможное, чтобы скрыть от противника свои намерения. Планирование операции во фронтах осуществлял предельно ограниченный круг людей, а боевые документы к ней разрабатывал лично начальник штаба фронта. Командующих армиями предупредили, что с полученной ими директивой "о переходе в контрнаступление ознакомить только члена Военного совета и начальника штаба. Исполнителям давать распоряжения в части, их касающейся"³⁶. Запрещались любые переговоры о предстоявшем контрнаступлении по техническим видам связи.

Однако полностью утаить столь крупномасштабную перегруппировку войск от противника, находясь в непосредственном соприкосновении с ним, маловероятно. Действительно, как свидетельствуют трофейные и иные документы, сведения, полученные германской стороной от агентурной, воздушной и других видов разведки, позволяли ей нарисовать сравнительно полную картину о положении Красной Армии и замысле ее командования. В донесениях отмечалось выдвижение крупных сил русских к северу и югу от Москвы. Но, несмотря на тревожный характер этих сообщений, адекватных оценок со стороны германского командования они не получили. Продолжая оставаться в плену собственных иллюзий, оно считало, что русские уже не в состоянии ввести в сражение значительные силы, а факт появления свежих частей под Москвой оно расценило как обычную перегруппировку войск с пассивных участков на активные для противодействия

Контрнаступление советских войск под Москвой.
5 декабря 1941 г.—7 января 1942 г.

немецкому наступлению. 4 декабря фон Бок на одно из подобных донесений разведки отреагировал так: "...Боевые возможности противника не столь велики, чтобы он мог этими силами... начать в настоящее время большое контр-наступление"³⁷.

Германское командование закрывало глаза на усилившееся сопротивление советских войск и возросшую их активность. Лишь усталостью своего личного состава, а главное влиянием погодных условий объясняло оно то обстоятельство, что не выдерживавшие контрударов немецкие войска были отброшены под Яхромой, Кубинкой, Наро-Фоминском, Каширой, Тулой и на других участках.

На рассвете 5 декабря, вопреки всем прогнозам фельдмаршала Бока о невозможности перехода советских войск в большое контрнаступление, соединения левого крыла Калининского фронта, а в 14 часов – и правого фланга 5-й армии нанесли удары по врагу. Затем, подобно нарастающей снежной лавине, 6 декабря на него ринулись 1-я ударная, 10, 13, 20 и 30-я армии; 7 декабря – соединения правого фланга и центра 16-й армии, а также оперативная группа Костенко, 8 декабря – левофланговые соединения 16-й армии, оперативная группа Белова, 3-я и 50-я армии. На калининском, клинском, солнечногорском, истринском, тульском и елецком направлениях развернулись ожесточенные сражения.

Интересно знать, какой была реакция на происходившее у человека с феноменальной памятью, обладавшего к тому же неограниченной властью, вождя нации и верховного главнокомандующего, если всего за два месяца до того он заявил всему миру, что противник на востоке разгромлен и больше никогда не поднимется? А Красная Армия не только поднялась, но и совершенно неожиданно нанесла такие сильные удары, что заставила отступать доселе непобедимые полчища третьего рейха. Ответ на этот вопрос может дать директива Гитлера № 39 от 8 декабря 1941 г. В ней указывается: "Преждевременное наступление холодной зимы на восточном фронте и возникшие в связи с этим затруднения в подвозе снабжения вынуждают немедленно прекратить все крупные наступательные операции и перейти к обороне. Порядок ведения этой обороны зависит от цели, которую она преследует, а именно:

а) удержать за собою районы, имеющие для противника важное оперативное и военно-хозяйственное значение;

б) дать войскам отдых и возможность произвести пополнение;

в) создать таким образом необходимые предпосылки для возобновления крупных наступательных операций в 1942 г."³⁸.

Лишь группе армий "Юг" Гитлер в той же директиве приказывал "в течение зимы предпринять наступление с целью выхода на рубеж нижнего течения р. Дон и Донец" и "как можно быстрее захватить Севастополь"³⁹. Так отреагировал фюрер на переход Красной Армии в контрнаступление. Анализ этих руководящих указаний позволяет выделить следующее.

Вопреки своим недавним декларациям типа "еще до начала зимы враг будет разгромлен", а также своеобразному вердикту вроде "противник уже никогда не поднимется", Гитлер на сей раз заявил, что во всех бедах вермахта под Москвой виновата холодная зима, которая, мол, к тому же наступила слишком рано. Однако в отношении погоды вся его аргументация – малоубедительна. Ведь средняя температура в Подмосковье, и об этом свидетельствуют ежедневные оперсводки группы армий "Центр", держалась в ноябре на уровне минус 4–6° по Цельсию. Наоборот, замерзшие болота, ручьи, мелкие речки вместе с неглубоким еще снежным покровом резко улучшили условия проходимости немецких танков и моторизованных частей, которые получили возможность, не увязая в грязи, действовать вне дорог, выходить на фланги и в тыл советских войск. Такие условия были близки к идеальным. Правда, с 5 по 7 декабря, когда ртутный столбик опускался до отметки минус 30–38°, положение войск заметно ухудшилось. Но уже

с 8 числа температура поднялась до нулевой отметки. Следовательно, в мотивировке фюрера просматривается его желание скрыть правду о положении на восточном фронте, снять с себя ответственность за неподготовленность своих войск к действиям в зимних условиях, а главное сохранить престиж безупречного политического и военного руководителя рейха.

Фельдмаршал Бок 9 декабря отдал приказ об оборудовании тыловой позиции группы армий "Центр" по рубежу Курск, Орел, Медынь, Гжатск, Ржев⁴⁰. Промежуточную позицию для 3-й и 4-й танковых групп, а также для левого фланга 9-й армии он наметил по линии Руза, Волоколамск, Старица. Что касается 4-й армии, то она, еще в конце октября подготовив оборону по рубежу рек Ока и Нара, чувствовала себя вполне комфортно.

Тем временем контрнаступление Красной Армии продолжало набирать темпы. Войска правого крыла Западного фронта, взаимодействуя с Калининским фронтом, нанесли удары по клинско-солнечногорской и калининской группировкам врага, а смежные фланги Западного и Юго-Западного фронтов – по его 2-й танковой и 2-й полевой армиям.

Войска 30-й армии под командованием генерала Лелюшенко, прорвав своим центром фронт обороны 3-й танковой группы, с северо-востока приближались к Клину. Здесь немцы оказывали особенно упорное сопротивление. Дело в том, что Клин для них был единственным в этом районе узлом дорог, который связывал между собой соединения 3-й танковой группы, а кроме того, всю эту группу с тылом группы армий "Центр". Город "был необходим им и для обеспечения отвода войск с дмитровского и солнечногорского направлений. Но главным было то, что выход советских войск на ближние подступы к Клину создавал угрозу глубокого флангового удара по немецким войскам, действовавшим северо-западнее Москвы. Вот почему германскому командованию пришлось спешно усиливать свою клинскую группировку за счет переброски войск с других участков. Уже 7 декабря в район Клина начали перебрасываться части шести танковых дивизий"⁴¹. Это обстоятельство привело к замедлению наступления 30-й армии, но зато другим войскам правого крыла Западного фронта облегчило ведение боевых действий.

И тем не менее темп наступления советских войск оставался еще очень низким: он составлял всего 1,5–4 км в сутки. Притом войска плохо учитывали состояние противника, в боевых порядках которого в то время было множество промежутков и свободных проходов по окрестным лесам и полям. Наступавшие соединения втягивались в бои за овладение опорными пунктами, поспешно создаваемыми немцами в населенных пунктах, узлах дорог и на господствовавших высотах, но, к сожалению, при этом они действовали крайне неумело. Даже те из них, что прекрасно проявили себя в оборонительных сражениях, не успели овладеть искусством ведения наступательного боя.

Так, части 9-й гвардейской стрелковой дивизии в течение 8 декабря трижды предпринимали попытку атаковать пос. Снегири на Волоколамском шоссе (11 км юго-восточнее Истры), но трижды откатывались назад со значительными потерями, особенно среди командиров подразделений, которые шли впереди своих рот и взводов, как того требовали уставы. Причин неудачных действий было немало: один из командиров приданных дивизии бригад не умел оперативно управлять боем, другой – с опозданием вывел подразделения на рубеж атаки. Да и артиллерийская подготовка оказывалась малоэффективной. К тому же после ее окончания и перед началом атаки возникала большая пауза. За это время противник успевал прийти в себя и, оцетинившись орудиями вкопанных танков, противотанковыми пушками, пулеметами и автоматами, открывал огонь на поражение, расстреливая танки прямой наводкой, а пехоту заставляя залегать. Главная же причина неудач в том, что дивизия стремилась выполнить поставленную задачу только ударом с фронта.

Критически осмыслив итоги дня, командир дивизии генерал Белобородов решил изменить тактику: с наступлением темноты совершить обходный маневр, выйти на Волоколамское шоссе с фланга и нанести удар по снегиревской группировке противника с тыла. А чтобы ввести немцев в заблуждение, главным силам дивизии он приказал продолжать демонстративные атаки с фронта. В состав обходящего отряда Белобородов выделил усиленный 252-й стрелковый полк под командованием подполковника М.А. Суханова.

В морозной тьме подразделения отряда медленно продвигались по снежной целине. Бойцы несли на плечах оружие, боеприпасы и все, что необходимо для боя. Шли молча, в полной тишине. И вдруг перед выходом на Волоколамское шоссе прогремели взрывы... Вскоре выяснилось, что отряд попал на минное поле. Несколько человек погибли. Движение остановилось. Каждый следующий шаг таил в себе смертельную опасность. Но и топтаться на месте нельзя: рушился общий план боя, а с рассветом полк мог стать мишенью для вражеской артиллерии и других средств поражения. И тут из колонны вышел комиссар полка батальонный комиссар Д.С. Кондратенко и зашагал вперед, а вскоре от опушки леса миганием фонарика дал сигнал к движению. Цепочкой по одному, идя точно по следу комиссара, минное поле пересекли без потерь сотни людей – весь полк⁴². Да, такие люди, как Кондратенко, своим примером учили мужеству, самопожертвованию, умению выполнять боевые задачи. Они были всегда рядом, в одном строю, в одном окопе. С них брали пример молодые воины. Кстати, в мемуарах немецких ветеранов – участников битвы под Москвой, можно встретить такие высказывания: «Неосознанно мы симпатизировали русским комиссарам и спрашивали: а где же наши политические вожди – зондерфюреры и "золотые фазаны"?» Спрашивали, хотя и знали, что они отсиживаются в тылу»⁴³.

А внезапное появление полка Суханова в тылу частей моторизованной дивизии СС "Рейх" вызвало среди немцев панику. Враг поспешно отступил, и 9 декабря поселок Снегири уже стал тылом гвардейцев, продолжавших наступать в сторону Истры.

К сожалению, тогда такие бои были не частым явлением. В действиях наступавших было слишком много недостатков. Проанализировав их, генерал Жуков в директиве от 9 декабря потребовал от всех командующих армиями категорически запретить ведение фронтальных боев. Он приказал шире применять обходы, а для этого формировать сильные ударные группы, которые во вражеском тылу должны уничтожать склады горючего и артиллерийскую тягу. Жуков приказывал гнать немцев днем и ночью, предусматривая, однако, меры по боевому обеспечению войск от возможных контратак⁴⁴. К моменту отдачи этой директивы армии правого крыла Западного фронта, взаимодействуя с Калининским фронтом, продвинулись на глубину от 3–4 до 20 км в полосе протяженностью почти 290 км.

На калининском направлении контрнаступление развивалось еще медленнее. 29-я армия под командованием генерала Масленникова вместо того, чтобы нанести один удар, предприняла наступление одновременно на трех участках фронта, к тому же удаленных один от другого на 7–8 км. Каждая из трех наступавших дивизий наносила удары на полуторакилометровом фронте. Атаковавшие части вклинились в оборону противника, но простреливаемые его огнем с обоих флангов, вынуждены были остановиться. На следующий день немцы предприняли сильные контратаки и вновь отеснили советские части на левый берег Волги. По существу и к концу пятого дня боев соединения 29-й армии оставались на тех же рубежах, с которых они начали наступление. Наоборот, 31-я армия, командующим которой был генерал Юшкевич, достигла успеха. Она захватила плацдармы на правом

* Офицеры ведомства Розенберга, занимавшиеся сбором и отправкой трофеев, имели на мундирах золотое шитье. Оттого их, а также офицеров рот пропаганды и тыловых служб немецкие солдаты на фронте презрительно называли "золотыми фазанами". – *Ред.*

берегу Волги и к исходу 9 декабря продвинулась на 10–12 км, перерезав шоссе Калинин–Тургиново, тем самым создала угрозу тылу группировки противника в Калининне.

Это обстоятельство, а также важное оперативное значение города, к тому же "большие запасы находившихся там материальных средств и значительное количество не готовых к вылету самолетов на его аэродроме"⁴⁵, заставили противника принять срочные меры по укреплению обороны Калинина. Командующий 9-й армией генерал А. Штраус снял с участка фронта западнее города две пехотные дивизии и поспешил перебросить их к юго-востоку от него. 10 декабря Штраус высказал мнение, что "линия фронта юго-восточнее Калинина, где бои уже перешагнули кульминационный пункт, может быть удержана"⁴⁶. Явно не верил германский генерал в серьезность намерений русских.

Тем временем армии правого крыла Западного фронта продолжали наступать. К исходу 12 декабря они продвинулись еще на 7–16 км. Теперь линия фронта проходила северо-западнее, севернее и восточнее Клина и вплотную подошла к Истринскому водохранилищу, р. Истре. Были освобождены города Солнечногорск и Истра.

Немцы, стремясь помешать наступлению советских войск, взорвали плотину. Со стороны Истринского водохранилища взметнулась громадная волна, сметавшая на своем пути все живое. Бурлящий поток унес немало людей. Река разлилась, раздвинув свои берега до шестидесятиметровой ширины. Это была уже не безобидная речушка, что уснула подо льдом. Теперь это была серьезная водная преграда, к преодолению которой наступающие части никак не были готовы. Наступление приостановилось.

Чтобы удержать дороги, ведущие на запад, и обеспечить вывод главных сил 3-й и 4-й танковых групп на рубеж Волоколамск, Руза, противник продолжал упорно сражаться в районе Клина и Истринского водохранилища.

Советское командование усиливало войска и производило перегруппировки, однако наступление развивалось в целом недостаточно быстро. В действиях соединений и частей по-прежнему преобладали лобовые атаки укрепленных опорных пунктов противника, а не окружение их посредством охватов. Вот почему генерал Жуков директивой от 13 декабря вновь потребовал от армий правого крыла неотступным и энергичным наступлением завершить разгром противника, причем 30-й и 1-й ударной армиям предстояло частью сил окружить врага в районе Клина⁴⁷.

Командующий Западным фронтом опять категорически запрещал лобовые атаки укрепленных узлов сопротивления врага. Он приказывал "преследование вести стремительно, не допуская отрыва противника. Широко применять сильные передовые отряды для захвата узлов дорог, теснин, дезорганизации походных и боевых порядков противника"⁴⁸.

Войска правого крыла фронта, выполняя приказ своего командующего, стремились перехватить пути отхода противника и окружить его. С этой целью 30-я армия направила подвижную группу во главе с полковником П.Г. Чанчибадзе в его тыл. 14 декабря группа вышла к Дятлово, что в 35 км западнее Клина, однако перехватить дорогу Клин–Волоколамск ей не удалось. Противник, действуя более крупными силами, остановил группу Чанчибадзе в 6 км к северу от этой коммуникации, а сам продолжил отводить свои части из Клина. Несмотря на исключительно сильное противодействие немецких войск, кольцо вокруг города неуклонно сжималось. Соединения 30-й армии охватили Клин с северо-запада, севера и востока, а 1-й ударной армии – с юго-востока. 15 декабря к 2 часам они завершили освобождение города. В боях за Клин особенно отличились части 371-й стрелковой дивизии генерала Ф.В. Чернышева. Освобождение Клина решило, в свою очередь, и судьбу другого города – Калинина, в который 16 декабря вошли войска Кали-

нинского фронта. При этом одна дивизия противника была разбита, пять – изрядно потрепаны и, кроме того, потеряно 266 орудий и минометов, 26 танков, 319 автомашин и другое вооружение⁴⁹. В связи с этим вполне уместен вопрос: почему войска Калининского фронта не смогли отрезать калининской группировке противника пути отхода, окружить и полностью уничтожить ее? Может, они не проявили достаточную активность? И в какой степени был прав Сталин, когда в разговоре с Коневым еще вечером 12 декабря оценил действия войск фронта как неудовлетворительные, потребовав от его командующего свою "крохоборскую тактику" заменить "тактикой действительного наступления"?⁵⁰

Анализ боевых документов показывает, что Калининский фронт, энергично наступая, делал все возможное для окружения и разгрома противника. Об активности войск фронта свидетельствует, к примеру, и такая выдержка из сводки штаба ОКВ за 12 декабря: "Отбито 11 атак противника с северо-востока и севернее Калинина"⁵¹. Но добиться полной реализации поставленной цели им все-таки не удалось.

А причин тут было немало. Стоит, однако, обратить особое внимание на главное. В отличие от Западного фронта Калининский к началу контрнаступления получил на усиление всего одну стрелковую дивизию, 10 декабря – один танковый батальон, 13 – еще один, 16 – две стрелковые дивизии. Оттого-то в период боев за Калинин немцы и превосходили войска этого фронта в людях в 1,5, а в артиллерии в 2,2 раза⁵². В таких условиях германское командование имело возможность выделить необходимые силы для удержания шоссе Калинин – Старица, а ведь это была единственная дорога, по которой немецкие соединения могли отойти на промежуточную позицию. Причем выделенные части активно противодействовали всем попыткам 29-й армии перерезать эту артерию. Только 14 декабря 110-я пехотная дивизия провела три последовательные контратаки, лишь бы не допустить подхода русских к трассе⁵³. Вот в такой ситуации противнику удалось отвести свою группировку из Калинина, хотя при этом его 9-я армия потеряла 12% орудий и минометов и свыше 43% танков⁵⁴. О числе убитых, раненых, обмороженных и пленных достоверных сведений у нас нет.

Итак, одна из главных причин, что не позволила разгромить калининскую группировку врага, был дефицит в силах и средствах. Усиление войск Калининского фронта в более или менее значительных размерах началось со второй половины декабря, когда выгодный момент для окружения и уничтожения противника был упущен. И произошло это не потому, что Ставка или командование фронта не хотели использовать благоприятную для себя оперативно-стратегическую обстановку, а оттого, что на том этапе войны они просто не могли сделать этого: поставленные задачи явно превышали возможности войск. Впрочем, в подобной ситуации находились тогда и остальные фронты и армии.

С 11 декабря соединения 16-й армии Западного фронта под командованием генерала Рокоссовского пытались преодолеть Истринское водохранилище. Однако после взрыва плотины лед опустился на 3–4 м и у западного берега покрылся полуметровым слоем воды. Кроме того, на этом берегу, который являлся довольно серьезным естественным препятствием, заняли оборону части пяти дивизий противника.

Именно здесь и проявили самопожертвование и героизм воины-сибиряки генерала Белобородова, москвичи-ополченцы 18-й и бойцы 354-й стрелковых дивизий во главе с полковниками П.Н. Чернышевым и Д.Ф. Алексеевым. Под огнем противника они вновь и вновь пытались преодолеть ледяной поток, захватить плацдармы и, пользуясь подручными материалами, навести переправы. 13 декабря немецкая артиллерия разрушила только что наведенный мост севернее г. Истра, а 14-го она уничтожила переправу южнее его.

Этим соединениям волей-неволей пришлось вести фронтальное наступление на

неприятельскую оборону. Осуществить тогда тактические обходы и охваты не имелось никакой возможности, ибо занятое противником естественное препятствие проходило через всю полосу армии, т.е. свыше 30 км. В такой ситуации маневр войск мог быть организован только командованием оперативного звена.

Для наступления в обход водохранилища с севера, а реки с юга генерал Рокоссовский сформировал две подвижные группы. Одну группу возглавил генерал Ф.Т. Ремизов, другую – генерал М.Е. Катуков. Командующий Западным фронтом генерал Г.К. Жуков, передав на усиление 5-й армии 2-й гвардейский кавалерийский корпус генерала Л.М. Доватора, два отдельных танковых батальона и другие части, потребовал от генерала Л.А. Говорова использовать их в качестве армейской подвижной группы. Все три группы 13 декабря были введены в сражение.

Для развития наступления на правом крыле Западного фронта применение подвижных групп имело важнейшее значение. Используя свои маневренные возможности, они наносили внезапные и дерзкие удары по флангам противника, даже выходили в его тылы. Особенно впечатляющих результатов на этом этапе контрнаступления добилась подвижная группа Доватора. Об этом свидетельствуют не только отчетные документы советских штабов, но и оперативные сводки группы армий "Центр".

Если, судя по немецким сводкам, 13 декабря положение дивизий 9-го армейского корпуса оставалось без изменений, т.е. они прочно удерживали рубеж, проходивший в 3–4 км западнее линии Истра, Звенигород, то в дальнейшем "дивизии 9-го армейского корпуса... принуждены бросить большую часть своего тяжелого оружия и материальной части... Организация нового фронта не удалась. От 78-й пехотной дивизии сведений нет... она окружена с запада"⁵⁵.

Это было следствием активных действий подвижной группы Доватора. Ее части, преодолев за двое суток расстояние в 16 км, утром 15 декабря перерезали пути отхода звенигородской группировке противника. Немцы, вовремя оценив для себя степень созданной группой Доватора угрозы, решили незамедлительно отвести свои войска на новый рубеж. Нужно отдать должное расторопности врага: уже к исходу 15 декабря его части находились в 12–20 км западнее еще утром занимаемого ими рубежа. Иными словами, темпы предпринятого противником отхода оказались в 1,5–2,5 раза выше, чем у наступавшей конницы Доватора. Выходит, когда возникала смертельная опасность, немецкая пехота уже в тот период бежала быстрее русской кавалерии.

Успешно действовали и другие подвижные группы. Группа Чанчибадзе к исходу 16 декабря вела бои в 17 км северо-восточнее Волоколамска, группа Ремизова, только накануне переданная в состав 20-й армии, вышла на рубеж в 16 км западнее Истринского водохранилища, а группа Катукова продвинулась на 24 км западнее р. Истра.

Противник, еще вчера удерживавший западные берега водохранилища и р. Истра, бросил "много машин 46-го моторизованного корпуса из-за недостатка горючего"⁵⁶ и начал отступление с темпом 17–18 км в сутки⁵⁷. Из-за глубокого снежного покрова боевые действия велись главным образом вдоль дорог. При этом немцы, чтобы только сдержать наступление советских войск, выделяли сильные арьергарды, разрушали мосты и дороги, производили завалы, минировали местность и т.д.

Несмотря на большие трудности и недостатки, контрнаступление развивалось успешно. Войска Западного фронта за 11 дней наступления продвинулись на своем правом крыле от 30 до 65 км, их средний темп составил почти 6 км в сутки. Войска левого крыла Калининского фронта преодолели расстояние от 10 до 22 км. Их средний темп не превысил 0,8–1,8 км в сутки. Итак, на ближних подступах к Москве, к северу и северо-западу от нее отборные войска вермахта впервые

потерпели значительное поражение и вынуждены были с большими потерями отступать.

В эти же дни войска левого крыла Западного фронта добились даже больших успехов, чем те соединения, что действовали севернее и северо-западнее столицы. Три основных обстоятельства обусловили это достижение. Во-первых, неудачное расположение соединений генерала Гудериана. Дело в том, что его 2-я танковая армия, с юга пробивавшаяся к Москве, к 6 декабря оказался растянутой на 350-километровом фронте по дуге, проходившей через Тулу, Мордвес, Серебряные Пруды, Михайлов, Чернаву. При этом, почти 75% ее состава были скованы активными действиями войск 50-й армии под Тулой и группой Белова под Мордвесом, а правый фланг плохо обеспечен из-за множества разрывов и низкой оперативной плотности войск (одна дивизия на 23 км фронта)⁵⁸.

Во-вторых, умелое использование командованием Западного фронта создавшегося положения. Главный удар был нанесен по слабому месту в оперативном построении противника – во фланг и тыл основной его группировки. А сосредоточение 8 дивизий из 11 (73%) на этом же направлении позволило изменить соотношение сил в пользу 10-й армии по людям в 2,5, а по артиллерии – в 1,5 раза⁵⁹.

В-третьих, наступление с выдвиганием войск из глубины, непосредственно из района сосредоточения, обеспечило внезапность удара. По этому поводу немецкий историк К. Рейнгардт писал: "Соединения 10-й армии... атаковали незащищенный восточный фланг танковой армии Гудериана... вызвав панику в немецких войсках"⁶⁰.

Используя благоприятную ситуацию, соединения 10-й армии под командованием генерала Голикова выбили противника из Поярково, Михайлова, Серебряных Прудов и к исходу 7 декабря продвинулись почти на 30 км в глубину расположения противника. В тот момент перед советским командованием открылась перспектива не только расчленив, но и окружить восточнее Тулы часть сил танковой армии Гудериана. Дело в том, что более трети ее состава оказалась в 50–90 км севернее и северо-восточнее Дедилова в оперативном мешке. В то же время соединения 10-й армии вышли на рубеж, удаленный на 65 км к востоку от Дедилова, а 50-я армия оборонялась в 25 км севернее него. Для затягивания горловины мешка от обеих армий требовалось нанести встречные удары в направлении этого поселка. Причем им предстояло преодолеть расстояние в 1,5–2 раза меньшее, чем противнику. Вот почему командование Западного фронта решило привлечь для нанесения ударов от Тулы в южном и юго-восточном направлениях и 50-ю армию⁶¹.

Чтобы не допустить окружения, генерал Гудериан поспешил отдать войскам приказ об отходе на рубеж рек Шат и Дон. От остальных частей армии он потребовал усилить противодействие наступающим советским войскам. Выполняя распоряжение Гудериана, четыре дивизии 2-й танковой армии уже к утру 8 декабря отошли на 17–25 км к юго-западу и югу от занимаемых накануне рубежей, а 4-я танковая дивизия, которая еще 5 декабря пыталась обойти Тулу с севера и завершить окружение города, к рассматриваемому времени "полностью переправилась через р. Шат и достигла района восточнее и юго-восточнее Дедилова"⁶². Как видим, маневренные возможности немецких войск были еще довольно значительными, если ночью, при сильном морозе, по глубокому снегу они преодолели столь значительное расстояние.

В этот же момент командующий 50-й армией генерал И.В. Болдин в соответствии с директивой штаба фронта поставил своим войскам задачу: нанести удары в южном и юго-восточном направлениях с выходом на рубеж Щекино (22 км южнее Тулы), Дедилово⁶³. Наступление началось во второй половине 8 декабря. Но добиться поставленной цели армии не удалось: за два дня ее войска лишь вклинились в расположение противника. А уже к исходу следующего дня немецкая 296-я пехотная дивизия восстановила положение юго-восточнее Тулы⁶⁴.

Столь низкая эффективность действий 50-й армии объясняется общей слабостью ее войск. В самом деле, только 6 декабря генерал Жуков в своей докладной записке Верховному писал: "Части 50-й армии, защищающие Тулу, понесли за последние два дня большие потери. Резервов нет... Прошу помочь тов. Болдину выброской на автотранспорте в Тулу одной стрелковой бригады и одного танкового батальона. Помощь необходима, так как действия Голикова и Белова, видимо, будут развиваться не так быстро..."⁶⁵. А спустя всего два дня после этого доклада Жуков, все еще находясь под впечатлением успешного дебютирования 10-й армии и поспешного отхода врага из мешка, требует немедленного перехода в наступление обессиленной от напряженных оборонительных боев 50-й армии.

Но в таких условиях что могла сделать армия? Наступление требует не только хорошей выучки войск и создания превосходства в силах и средствах над противником, но и времени на организацию операции. Ни того, ни другого армия не имела. А ведь ее частям предстояло атаковать противника, который на южной окраине Тулы еще в начале ноября перешел к обороне. Оттого и результат можно было определить заранее: большие потери, но нулевая эффективность.

Между тем враг усиливал сопротивление и на других участках. К 9 декабря он ввел в сражение 112-ю пехотную дивизию, которая совместно с отошедшими частями заняла оборону по западному берегу р. Шат, Шатскому водохранилищу и р. Дон. Опираясь на эти естественные препятствия, немцы остановили 10-ю армию, части которой к тому моменту успели продвинуться на глубину до 60 км. Однако все попытки ее соединений преодолеть эту позицию оказались тщетными.

Довольно успешно действовала группа Белова, состоявшая из двух кавалерийских, стрелковой и танковой дивизий, а также танковой бригады. Группа перешла в наступление 8 декабря. Уже на следующий день, освободив Венев, она быстро продвигалась в южном направлении. Стремление остановить наступление группы заставило противника взорвать плотину на р. Шат. Однако, обходя затопленные участки, войска группы Белова прорвали оборону врага на реке и 11 декабря после упорных боев освободили Сталиногорск (Новомосковск).

В тот же день генерал Жуков отдал приказ: совместными усилиями войск группы Белова и 50-й армии окружить и уничтожить немецкую группировку, действовавшую южнее Тулы, а 10-й армии – нанести удар на Плавск⁶⁶.

Анализ хода реализации этого приказа показывает, что советским войскам не удалось перехватить пути отхода противника из мешка восточнее Тулы. Высокие темпы отступления с одновременным использованием естественных препятствий и заграждений на путях наступления советских войск позволили дивизиям Гудериана не только избежать окружения в том районе, но и остановить 10-ю армию. Командующий Западным фронтом предпринял новую попытку окружить противника, но теперь на другом участке – южнее Тулы. Свой замысел Жуков строил на повышении мощи удара 50-й армии за счет более решительного массирования ее сил и средств на избранном направлении. А возможности для этого у генерала Болдина появились лишь после того, как немцы отвели свои войска с северных и восточных подступов к Туле. Теперь он мог перебросить оттуда часть сил на южное направление.

Одновременно Жуков сместил ось удара главных сил 10-й армии с направления Сталиногорск, Дедилово на линию Елифань, Плавск. Сделал он это с целью обхода наиболее сильного узла в обороне противника и более глубокого охвата его группировки с юга.

Для наступления на новом направлении генерал Голиков сначала вывел свои войска из боя и перебросил их на 25–50 км к югу. На этот маневр ушло более трех суток. Уже 13 декабря после тяжелых боев части армии освободили пос. Елифань и, прорвав оборону противника на р. Дон, изготовились к наступлению в сторону Плавска.

Войска 50-й армии, реализуя приказ Жукова, еще 11 декабря возобновили наступление, но вновь встретили ожесточенное сопротивление противника, который успел уплотнить свои боевые порядки за счет отходивших частей. Поэтому, несмотря на сосредоточение дополнительных войск, генералу Болдину изменить соотношение сил не удалось. В итоге двухдневные бои опять оказались бесплодными. Успешными были лишь действия 258-й стрелковой дивизии генерала М.А. Сиязова, которая получила задачу нанести вспомогательный удар. Ее части, наступая с исходного рубежа в 12–20 км северо-западнее Тулы, ударили по стыку 31-й и 296-й пехотных дивизий врага и прорвали их общий фронт. К исходу 12 декабря они продвинулись в западном и юго-западном направлениях на 20–26 км, создав в обороне немцев брешь шириной почти 20 км. К 16 декабря глубина их продвижения уже достигла 35 км, а ширина – 25 км. К этому же времени обозначился успех и на южном направлении. Своими центральными соединениями армия продвинулась на 15 км. Подойдя к северной окраине Щекино, она завязала упорные бои с противником.

У Щекино немцы оказали особенно ожесточенное сопротивление: ведь им надо было обеспечить отход на новый промежуточный рубеж своих потрепанных войск. А о том, что они попали в изрядную переделку, свидетельствует следующая выдержка из оперсводки группы армий "Центр": "112-я пехотная дивизия из-за условий передвижения вынуждена была взорвать 5 легких полевых гаубиц... Кроме того, в ночь на 16 декабря она потеряла 21 пехотное орудие, много противотанковых пушек, 2 тяжелых противотанковых ружья, много автомашин и конных повозок"⁶⁷. Аналогичные сведения даны и по другим соединениям танковой армии Гудериана.

Между тем наступление левого крыла Западного фронта продолжало развиваться. На рассвете 14 декабря группа Белова освободила станцию Узловая (9 км юго-западнее Сталиногорска), а на следующий день – Дедилово. В тот же день войска 10-й армии штурмом взяли Богородицк, продолжая наступление в сторону Плавска. Но главное, что еще 14 декабря в контрнаступление включилась еще одна армия – 49-я, возглавляемая генералом И.Г. Захаркиным, с задачей разгромить алексинскую группировку противника⁶⁸. К исходу 16 декабря она продвинулась от 5 до 15 км, прикрывая справа войска 50-й армии.

В полосе правого крыла Юго-Западного фронта действовала 2-я немецкая армия под командованием генерала Р. Шмидта*, которая наступала вплоть до 6 декабря, а потому подготовленной обороны не имела. Противник рассчитывал относительно спокойно укрепиться на зимней позиции, которую планировал создать в районе Ельца, а перед ней – сделать "зону пустыни" глубиной 15–20 км, в пределах которой он намеревался разрушить все жилые дома и постройки. Уже обсуждался вопрос и об уничтожении Ельца с его 50 тыс. жителей⁶⁹. Но вместо ожидаемой "зимней спячки" немцы попали здесь в наихудшее по сравнению со всеми остальными войсками Бока положение.

6 декабря на направлении вспомогательного удара начала действовать 13-я армия генерала А.М. Городнянского. В первый день ее войска не достигли сколь-нибудь значительного территориального успеха, но зато они отвлекли внимание противника от направления главного удара фронта, вынудив германское командование снять отсюда часть сил для противодействия соединениям 13-й армии. Это дало возможность ударной группе фронта, возглавляемой генералом Костенко, нанести утром 7 декабря внезапный удар по ослабленной немецкой группировке.

В тот же день 13-я армия завязала бои непосредственно за г. Елец. Враг

* Шмидт командовал этой армией с 15 ноября 1941 г. по 15 января 1942 г., пока генерал М. Вейхс находился в отпуске по болезни.

оказывал упорное сопротивление, но в ночь на 9 декабря под угрозой окружения его части стали выходить из города. Елец был освобожден. На другой день войска армии наступали уже во всей полосе. Попытки немцев задержать их успеха не имели. 10 декабря части генерала Городнянского продвинулись от 6 до 16 км, а противник поспешно отступал в западном и северо-западном направлениях.

Левофланговые соединения группы Костенко 7 декабря смогли продвинуться всего на 2–4 км. А вот ее правофланговые войска, наоборот, удачно использовав ослабление противостоявшей группировки, продвинулись почти на 15 км. В последующие дни группа Костенко успешно развивала наступление в северном направлении, в тыл 34-му армейскому корпусу противника. К полудню 10 декабря части группы, преодолев с боями расстояние в 45 км, перерезали главную коммуникацию врага – дорогу Ливны–Елец и отсекли немцам пути отступления на запад. По этому поводу Гальдер в своем дневнике записал: "Снабжение войск 34-го армейского корпуса нарушено. Противник перерезал пути подвоза корпуса"⁷⁰.

Для успешного окружения отходивших на северо-запад частей противника нужно было предварительно решить две основные задачи: увеличить темп наступления; изменить направления ударов 13-й армии и группы Костенко, нацелив их на Верховье. В целом этому благоприятствовала и общая обстановка. Так, соседняя 3-я армия под командованием генерала Я.Г. Крейзера, используя успехи войск левого крыла Западного фронта, перешла всеми своими силами в наступление. Южнее группы Костенко двинулась вперед 40-я армия. С учетом этого маршал Тимошенко приказал 13-й армии усилить темп наступления и к исходу 13 декабря выйти на рубеж Верховье, Ливны и южнее для создания внешнего фронта окружения. Группе Костенко предстояло создать внутренний фронт окружения елецко-ливненской группировки врага, а затем завершить ее разгром⁷¹.

Выполняя поставленные задачи, войска под командованием генералов Городнянского и Костенко к исходу 12 декабря полуокружили елецкую группировку врага. Полное ее окружение завершилось к исходу 16 числа, когда левофланговые соединения 3-й армии вышли к поселку Судбищи (68 км северо-западнее Ельца).

Вражеские части, пытаясь пробиться на запад, многократно переходили в контратаки. Своими активными действиями они нередко ставили в сложное положение войска группы Костенко. Так, отдельным частям 34-го армейского корпуса противника удалось выйти на коммуникации 5-го кавалерийского корпуса генерала В.Д. Крюченкина и прервать его снабжение. В результате корпус стал испытывать острый дефицит в боеприпасах, продовольствии и фураже. На каждое орудие оставалось всего по три снаряда, многие автомашины стояли без горючего, а лошадям уже шесть дней не давали ни овса, ни сена. Но тем не менее войска фронта почти полностью разгромили 34-й армейский корпус, а его остатки отбросили на запад. При этом "был убит командир 134-й пехотной дивизии... Дивизия потеряла почти всю материальную часть... 134-я пехотная дивизия больше небоеспособна"⁷². Тяжелый урон в личном составе и военной технике понесли 45, 95 и 134-я пехотные дивизии. 21 декабря ОКХ отдал приказ расформировать 34-й армейский корпус⁷³. Так прекратил свое существование этот немецкий корпус, который совсем недавно считался непобедимым. Только в сентябре его войска торжествовали по поводу взятия Киева. В октябре дивизии корпуса вели жестокую борьбу с окруженными в брянском котле войсками 13-й армии, но ликвидировать ее не смогли. И вот теперь, в декабре, та же самая армия совместно с группой Костенко сама разгромила 34-й армейский корпус.

Моральный дух немецких солдат настолько упал, что командующий 2-й армией генерал Шмидт был вынужден отдать приказ выявлять лиц, которые осмелились вести пораженческие разговоры, и для наглядного примера другим немедленно их расстреливать⁷⁴.

Положение на правом фланге группы армий "Центр" всего за одну неделю

настолько обострилось, что фельдмаршалу Боку пришлось сосредоточить управление войсками на участке между Тулой и р. Тим в одних руках. 12 декабря он передал 2-ю армию в подчинение 2-й танковой армии, создав армейскую группу "Гудериан", перед которой поставил задачу остановить советские войска на рубеже Алексин, восточнее Курска⁷⁵. А для того чтобы закрыть образовавшуюся брешь в полосе обороны 2-й армии, фельдмаршал приказал спешно перебросить подкрепление с других участков фронта. К 16 декабря сюда прибыли части 56-й пехотной дивизии и 1-я пехотная бригада СС из 2-й танковой армии, а также 221-я охранная дивизия и полицейские батальоны из тылового района группы армий "Центр", да еще два усиленных полка из группы армий "Юг". Только после этого противнику удалось остановить продвижение войск правого крыла Юго-Западного фронта. Наступление в районе Ельца завершилось.

Войска маршала Тимошенко, которые нанесли серьезное поражение 2-й армии, продвинулись на запад на 80–100 км. Кроме того, они отвлекли на себя и часть сил 2-й танковой армии, облегчив этим выполнение задачи войсками левого крыла Западного фронта.

Конечно, результаты операции могли бы быть и более весомыми, но и здесь негативное влияние оказали общая нехватка материальных средств и ошибки командования. Основной просчет заключался в недостаточно обоснованном выборе направления главного удара. Так, наступавшие на север войска группы Костенко вышли не в тыл, а на фланг елецкой группировки врага. Столь неглубокий охват не позволил им сразу окружить противника, а это в свою очередь привело к затяжным боям и излишним потерям. И только уже в ходе сражения, когда части 5-го кавалерийского корпуса вышли на пути отхода немцев, удалось, наконец, нанести удары по их тылу. Анализ архивных документов показывает, что при ориентировании оси удара группы Костенко не в северном, а в северо-западном направлении охват был бы более глубоким и эффективным. Что касается материального обеспечения войск, то его недостатки особенно тяжело отразились на ходе боевых действий во второй половине операции.

Контрнаступление под Москвой шло уже восьмой день, а в стране ничего о нем даже не слыхали. Думы о грозящей беде, нависшей над столицей, тяжким грузом давили на людей, а неизвестность только усиливала их тревогу за участь любимого города. И вдруг в ночь на 13 декабря по радио прозвучало сообщение Совинформбюро: "В последний час. Провал немецкого плана окружения и занятия Москвы". В нем впервые раскрывались планы врага и сообщалось о срыве "второго генерального наступления на Москву".

Это сообщение всколыхнуло буквально весь народ, вызвав огромный эмоциональный подъем. Радость людей от первой и такой долгожданной победы над захватчиками была безмерной. Не только у нас, но и у всех народов оккупированных стран Европы появилась надежда на скорый разгром общего врага. Тот памятный день старшему поколению не забыть никогда.

ПЕРВАЯ КРУПНАЯ ПОБЕДА

События под Москвой развивались непрерывно, днем и ночью, без всяких пауз. Вообще-то в хронологических рамках контрнаступления есть некая промежуточная веха, которая делит его на два этапа. Такой вехой явилась середина декабря. К этому времени советские войска разбили ударные танковые группировки противника и, продвинувшись от исходной линии севернее столицы на 60 км, а южнее – на 120 км, устранили непосредственную опасность Москве. Иными словами, войска трех фронтов к этому дню выполнили ближайшую задачу и достигли главной цели контрнаступления: отбросить врага как можно дальше от Москвы и нанести ему

возможно большие потери⁷⁶. 16 декабря советское командование отдало распоряжение о продолжении преследования противника⁷⁷.

Надо отметить, что эти приказы коренным образом отличались от предыдущих малосодержательных указаний, зачастую носивших неконкретный характер. Теперь, как это и принято в военном деле, войскам определялись рубежи, которых они должны были достигнуть, а также сроки выполнения задач и способы их решения. При этом увеличивались ширина фронта наступления и состав привлекаемых войск за счет правого крыла Калининского, центра Западного и правого крыла Юго-Западного фронтов.

В то же время Сталин и Шапошников пришли к выводу, что при дальнейшем наступлении правого крыла Западного фронта на Волоколамск отпала необходимость использовать четыре армии на сравнительно узком участке фронта. В связи с этим Ставка ВГК распорядилась с 12 часов 16 декабря передать 30-ю армию Калининскому фронту с задачей "перехватить с юга и юго-запада все пути сообщения калининской группы противника и тем завершить окружение этой группы"⁷⁸. В результате такого решения значимость Калининского фронта резко возрастала. Он так же, как и Западный фронт, становится теперь главным фронтом в контрнаступлении под Москвой. Дело в том, что если дотоле войска генерала Конева действовали в основном в интересах правого крыла соседнего, Западного, фронта, то отныне на них возлагалась самостоятельная задача: разгромить 9-ю немецкую армию, причем используя лишь собственные силы.

Одновременно Ставка скоординировала усилия фронтов. Проанализировав отданные приказы, она установила, что если Юго-Западный фронт перейдет в наступление 18 декабря, то он явно будет отставать на 100 км от смежного с ним крыла Западного фронта. При этом левый фланг 10-й армии мы как бы сами подставляли под удар противника с направления Мценска. Поэтому Ставка предложила маршалу Тимошенко "ускорить срок наступления правого фланга Юго-Западного фронта"⁷⁹. В соответствии с полученными указаниями Тимошенко приказал 61-й армии частью сил перейти в наступление 16 декабря, т.е. на два дня ранее. Для этого была сформирована подвижная группа во главе с генералом К.И. Новиком.

Обращает на себя внимание темп, с которым надлежало наступать армиям правого крыла Западного фронта: Ставка установила его в пределах 10–15 км в сутки, а Жуков увеличил до 20–25 км в сутки, т.е. почти вдвое⁸⁰, хотя в тех условиях достичь таких темпов практически было невозможно. В принципе это подтверждалось и ходом предыдущих боевых действий, когда на правом крыле фронта войска наступали со средним темпом до 6 км в сутки, а на левом – до 10 км. Видимо, у командования Западного фронта стали преобладать малообоснованный оптимизм в оценке возможностей своих войск и явная недооценка противника. Это уже был тревожный симптом.

В тот же самый момент ряд важных решений приняло и верховное главнокомандование вермахта. 16 декабря Гитлер отдал приказ войскам группы армий "Центр" держаться до последней возможности, чтобы выиграть время для улучшения транспортного сообщения, подтягивания резервов, эвакуации техники и оборудования тылового рубежа. Все имеющиеся силы должны быть отправлены на восточный фронт: у военнопленных и местного населения отобрать зимнюю одежду, на оставляемой территории уничтожить жилые дома⁸¹.

Параллельно с этим фюрер отдал распоряжение командующему армией резерва генералу Ф. Франку сформировать из этих войск четыре с половиной дивизии для отправки на восточный фронт. Еще пять дивизий он приказал перебросить с запада, а четыре дивизии высвободить на Балканах, где решение оккупационных задач он возложил на союзников – болгар и итальянцев⁸². Военно-воздушным силам надлежало немедленно выделить четыре бомбардировочные

авиационные группы, группу истребителей-бомбардировщиков и пять транспортных групп для действий в составе 8-го авиационного корпуса, поддерживавшего войска группы армий "Центр"⁸³.

Приняв решение любой ценой удержать фронт, Гитлер 16 декабря пришел к выводу о необходимости заменить как Браухича, так и Бока, которые, по его мнению, не смогут справиться с кризисной ситуацией⁸⁴.

Анализ этих решений показывает, что верховное главнокомандование вермахта только к середине декабря осознало всю степень опасности, нависшей над группой армий "Центр". Лишь спустя 12 дней после начала контрнаступления советских войск под Москвой оно убедилось, что их действия привели не к тактическим прорывам местного значения, а к прорыву стратегического масштаба. В итоге создалась угроза разгрома самой крупной стратегической группировки вермахта. Острота положения усугублялась тем, что ее соединения могли осуществить отход, только бросив тяжелое вооружение, а без него немецкие войска оказались бы не в силах удержать те тыловые позиции, на которые они отходили. Выход из создавшегося положения Гитлер видел в одном: "Заставить войска оказывать фанатичное сопротивление на занимаемых позициях, несмотря на вклинение противника на фланги и выход в тыл"⁸⁵. Только так, по его мнению, можно было выиграть время до подвоза резервов из самой Германии и с запада. Лишь после того как прибывшие резервы займут отсечные и тыловые позиции, представится возможность подумать и о том, чтобы отойти на новые рубежи. Гитлер считал, что в сложившейся обстановке это единственно приемлемый вариант.

Впрочем, объективно оценивая состояние и возможности сопротивления группы армий "Центр", следует отметить, что с сокращением линии фронта положение немецких войск несколько улучшилось. В самом деле, если к началу контрнаступления оперативная плотность германских соединений перед правым крылом Западного фронта составляла 12,6 км на дивизию, а перед смежными крыльями Западного и Юго-Западного фронтов даже 32,1 км, то к 16 декабря она достигла соответственно 8,6 км и 18,1 км⁸⁶. Иначе говоря, к рассматриваемому моменту плотность 3-й и 4-й танковых групп увеличилась в 1,4 раза, а армейской группы "Гудериан" – в 1,8 раза. Вот почему войска группы армий "Центр" имели реальную возможность вести упорную оборону и оказывать достаточно активное сопротивление наступавшей Красной Армии. Оттого и требование Гитлера к войскам оказывать фанатичное сопротивление на занимаемых позициях выглядит вполне обоснованным, так как оно соответствовало сложившейся обстановке и боевому потенциалу немецких войск.

Гитлер, сняв Браухича с поста главнокомандующего сухопутными войсками, сам решил стать во главе сухопутных войск и лично осуществлять руководство всеми мероприятиями по спасению восточного фронта. Этот факт в советской историографии, впрочем, и в американской тоже, всегда интерпретировался преимущественно в уничижительном тоне. Вот только один пример: "...Гитлер еще более расширил полноту своей диктаторской власти, стараясь этим подчеркнуть, что его личная гениальность позволит исправить ошибки неспособных фельдмаршалов и генералов"⁸⁷.

К слову сказать, авторы таких трудов забывали напомнить своим читателям, что и Сталин был не только Верховным Главнокомандующим, но и фактическим руководителем сухопутных войск. При этом ему даже не понадобилось иметь такую "промежуточную инстанцию" между Ставкой ВГК и фронтами, как главное командование сухопутных войск, ибо он сам единолично управлял всеми вооруженными силами страны.

Все эти важные события, которые произошли в середине декабря, оказали существенное влияние на характер боевых действий. Под воздействием рассмот-

ренных факторов и начался второй этап контрнаступления Красной Армии под Москвой.

Войска левого крыла Калининского фронта продолжали наступление в южном и юго-западном направлениях, но в связи с передачей 30-й армии из Западного фронта создавалась необходимость несколько изменить ориентировку наступления. Командующий Калининским фронтом генерал Конев 16 декабря отдал приказ, согласно которому 30-я и 31-я армии должны были наступать с востока на Старицу, а 22-я и 29-я армии – с севера, нанося главные удары своими смежными флангами. В ходе этих действий предполагалось не только разгромить большую часть войск 9-й армии, но и создать условия для последующего удара во фланг и тыл главных сил группы армий "Центр"⁸⁸.

Для реализации замысла Конева от армий левого крыла фронта требовалось быстрое продвижение на Старицу. Однако командование 30-й армии, соединения которой к 16 декабря были рассредоточены и не готовы для действий на новом направлении, не сумело в короткий срок создать необходимую группировку. Основные силы ее вступили в сражение только 19 декабря. Очень медленно протекало наступление и соседней – 31-й армии. К 20 числу она так и не осуществила сложный поворот к западу, продолжая наступать на юго-запад. Обе армии к исходу 20 декабря продвинулись всего на 12–15 км, причем темп наступления не превышал 3–4 км в сутки.

А обстановка требовала ускорить разгром правого фланга 9-й армии врага, с тем чтобы выходом во фланг 3-й танковой группы оказать содействие Западному фронту. Ставка ВГК решила передать Коневу резервную 39-ю армию и ввести ее в сражение на ржевском направлении⁸⁹. Необходимость такого удара диктовалась стремлением нанести его по наиболее слабой группировке противника, а также желанием отрезать пути отхода на Ржев правофланговым соединениям 9-й армии. Этих целей можно было достичь при единственном условии – быстром переходе в наступление. Ставка категорически потребовала начать его не позднее 22 декабря. Но задержало сосредоточение 39-й армии. Лишь к концу декабря она была развернута между 22-й и 29-й армиями.

Тем не менее генерал Конев не счит возможным отказаться от активных действий на торожско-ржевском направлении до завершения развертывания 39-й армии. Он приказал ее командующему генералу Масленникову перейти в наступление двумя дивизиями, продолжая подтягивать остальные шесть. Завершив сосредоточение соединений, армия усилила натиск и к концу декабря, взаимодействуя с левофланговыми дивизиями 22-й армии генерала В.И. Вострухова, пробилась в глубину вражеской обороны на 15–20 км.

К этому времени войска 29-й и 31-й армий нанесли серьезное поражение противнику и вышли на подступы к Старице. Этот город, расположенный на крутых берегах Волги, немцы превратили в мощный узел сопротивления, но удержать его не смогли. Под натиском войск генерала Швецова части 6-го армейского корпуса были вынуждены поспешно оставить Старицу. Попытки противника исправить положение успеха не принесли. Безрезультатным оказалось и отстранение от должности командира корпуса генерала О. Ферстера. Назначенный вместо него генерал В. Рихтгофен (командир 8-го авиационного корпуса. – *Ред.*) перелома добиться не сумел. Советские дивизии устремились на Ржев⁹⁰.

Очень медленно продвигались вперед войска 30-й армии генерала Лелюшенко. Противник, стремясь не допустить выхода ее частей во фланг и тыл 3-й танковой группы, оказывал упорное сопротивление, особенно в полосе наступления левофланговых соединений. В результате к 31 декабря они отставали от правофланговых частей почти на 30 км, располагаясь уступом влево на юго-восток.

Но тут наметился новый вариант развития операции с использованием успеха, достигнутого 39-й армией. Распоряжением штаба Калининского фронта ее войска с

1 января нацеливались на обход Ржева с северо-запада, а 29-й армии – с северо-востока. Кроме того, учитывая трудность для 30-й армии эффективно использовать подвижные соединения в условиях затяжных боев, Конев передал их в состав 31-й армии. Подвижная группа Чанчибадзе была реорганизована в 82-ую кавалерийскую дивизию⁹¹.

Успешное продвижение войск правого крыла и центра Калининского фронта поставило противника в сложное положение. Ведь продолжение борьбы северо-восточнее Ржева создавало угрозу прорыва обороны в центре 9-й армии. Однако даже в такой ситуации и 2 января Гитлер не дал разрешения на отвод войск этой армии⁹².

Соединения 22-й и 39-й армий к 7 января сломали сопротивление противника и вышли на линию р. Волга, железная дорога западнее Ржева, открыв себе путь для наступления на Сычевку и Вязьму. К этому времени, используя успех 39-й армии, развивали наступление в направлении Ржева и нависли над ржевской группировкой противника с северо-востока соединения 29-й армии, а с востока – 31-й армии. Что касается 30-й армии, то ее продвижение по-прежнему было минимальным. Причина тут не только в ожесточенном сопротивлении противника, но и в плохом управлении ходом операции со стороны командования армии, которое не решилось перегруппировать резервы на правый фланг, где наметился успех, а упорно пыталось прорвать оборону врага на левом фланге.

Таким образом, на втором этапе контрнаступления войска Калининского фронта нанесли 9-й немецкой армии очередной урон, вынудив ее на торжокско-ржевском направлении отойти на 50–60 км, а на калининско-ржевском – на 90–100 км. На правом крыле они вышли на рубеж Волги, в центре – охватили Ржев полукольцом, которое проходило в 10 км юго-западнее, западнее и севернее города, а также в 20–25 км северо-восточнее и восточнее него. Относительно главных сил группы армий "Центр" фронт продолжал занимать охватывающее положение. Все это создавало предпосылки для развития наступления в сторону Сычевки и Вязьмы. В соответствии с указаниями Ставки Калининский фронт приступил к перегруппировке войск в интересах новой операции.

Однако ему не удалось полностью выполнить задачу по разгрому 9-й армии и освободить Ржев. Основными причинами этого явились как недостаток сил и средств, так и допущенные просчеты в организации прорыва обороны и преследования противника. Это прежде всего задержка с сосредоточением войск и их перегруппировкой на новые направления, слабая артиллерийская подготовка атаки и практически полное отсутствие артиллерийской поддержки атаки при прорыве обороны врага, низкие плотности танков непосредственной поддержки пехоты и др. Кроме всего прочего из-за глубокого снежного покрова части вынуждены были наступать в основном вдоль дорог, что значительно стесняло их маневренность, вследствие чего немецким войскам удавалось относительно организованно отходить на новые рубежи обороны.

Войска правого крыла Западного фронта с утра 17 декабря продолжали преследование противника, имея задачу к 27 числу выйти на линию Зубцов, Гжатск, т.е. на 112–120 км западнее рубежа, достигнутого ими к тому моменту. Немецкое командование, прикрывая отступление сильными арьергардами, отводило главные силы танковых групп на промежуточную позицию, подготовленную по берегам рек Лама и Руза, при этом широко использовались заграждения, особенно в населенных пунктах и на узлах дорог. На многих участках фронта враг отходил беспорядочно, бросая оружие, технику и автотранспорт.

Войска 1-й ударной армии генерала В.И. Кузнецова 18 декабря с боем взяли крупный опорный пункт Теряеву Слободу (Теряево 14 км севернее Волоколамска) и вышли на рубеж р. Большая Сестра, продвинувшись вперед более чем на 20 км.

20-я армия, преследуя противника частями подвижной группы Ремизова, продвинулась в западном направлении примерно на 20 км и к исходу 18 декабря вышла на рубеж в 18 км восточнее Волоколамска. На следующий день в полдень в с. Чисмена, что в 14 км восточнее Волоколамска, начал разворачиваться командный пункт 20-й армии. Когда ее начальник штаба генерал Л.М. Сандалов и член Военного совета П.Н. Куликов уточняли на узле связи последнее положение войск, вошел адъютант командующего армией и доложил о его приезде. Это был генерал А.А. Власов. Он зашел на узел связи и здесь состоялась его первая встреча с людьми, которые формировали армию и управляли ее войсками вплоть до этого дня.

19 декабря войска 20-й армии завязали бои за Волоколамск. При этом группа Ремизова совместно с 64-й морской стрелковой бригадой полковника И.М. Чистякова наступала на город с севера и востока, а группа Катукова с юго-запада. Под угрозой окружения 35-я пехотная дивизия противника, прикрывшись арьергардами, на рассвете 20 декабря начала поспешно отходить на западный берег р. Лама⁹³. На плечах отступавших немцев части обеих подвижных групп и моряков-тихоокеанцев ворвались в Волоколамск и решительными действиями выбили из него арьергард врага. Так противник лишился крупного опорного пункта в системе своей обороны на рубеже Ламы.

К этому времени 16-я армия генерала Рокоссовского вышла к р. Руза, но, встретив упорное сопротивление врага, продвинуться дальше не смогла.

5-я армия генерала Говорова в течение 19 и 20 декабря на своем правом фланге и в центре вела ожесточенные бои с частями противника, отошедшими за р. Руза и Москва. Хорошо организованным артиллерийско-минометным и пулеметным огнем немцы оказывали упорное сопротивление на этом естественном рубеже и на подступах к г. Руза. Этот русский город-крепость, с XVI века охранявший путь к Москве с запада, был превращен врагом в крупный опорный пункт, выполнявший функции "тет-де-пона" (предмостного укрепления) через р. Руза. Все попытки частей армии прорвать его оборону и освободить город оканчивались неудачей. Здесь же, на подступах к Рузе, около с. Палашкино 19 декабря был убит командир 2-го гвардейского кавалерийского корпуса генерал Доватор.

Следует отметить, что на втором этапе контрнаступления советское командование допустило просчет, неправильно оценив противника. Дело в том, что после прорыва истринского рубежа 3-я и 4-я танковые группы отходили на промежуточную позицию на реках Лама и Руза. Выбранный немцами рубеж являлся не только естественным препятствием; здесь сохранилось немало инженерных сооружений, таких, как рвы, эскарпы, огневые точки, бронированные колпаки, доты, дзоты и другие различные позиции, оборудованные войсками Западного фронта еще в ходе обороны в августе–ноябре 1941 г.⁹⁴ Но советское командование не приняло во внимание всех этих обстоятельств, решив, что противник отходит на линию Ржев, Гжатск и только прикрывается арьергардными частями.

Основываясь на таком выводе, Ставка передала, как уже упоминалось выше, 30-ю армию из Западного фронта в Калининский. Однако в той ситуации Конев не смог эффективно использовать ударную силу ее войск, а Жукову не удалось помешать отходу врага, так как он лишился самой сильной армии. В наступлении произошел сбой, который, конечно, был на руку немцам: они успели отвести главные силы обеих танковых групп на заранее намеченный рубеж.

Подобным же образом недооценил противника и командующий Западным фронтом. Об этом свидетельствует приказ от 20 декабря, в котором Жуков требовал от армий продвигаться к рубежу Зубцов, Гжатск с темпом до 15 км в сутки⁹⁵. В свою очередь командующие армиями, стремясь сразу же опрокинуть противника, вели наступление на широком фронте. И это было вполне закономерно с их стороны, ведь они тоже считали, что имеют дело с арьергардами врага. Вот

почему у них и в мыслях не было встретить такое упорное его сопротивление. Бои на рубеже рек Лама и Руза приняли затяжной характер.

К чести Жукова, он быстро осознал свою ошибку в оценке противника и уже 22 декабря дал указания военным советам всех армий по организации прорыва обороны на узком участке фронта⁹⁶. А на другой день он направил командующему 20-й армией специальную директиву по прорыву обороны на волоколамском направлении⁹⁷. Это было вызвано тем, что армия, в отличие от других войск правого крыла Западного фронта, уже 20 декабря смогла вклиниться в оборону противника на западном берегу р. Лама у с. Ивановское (1,5 км северо-западнее Волоколамска).

Особо следует сказать о решительности и храбрости моряков 64-й стрелковой бригады. Посаженные десантом на боевые машины 24-й танковой бригады полковника В.П. Зелинского, они пытались с ходу овладеть селом, но, встреченные огнем противника, вынуждены были спешиться. Бои затянулись. Атаки тихоокеанцев сменялись контратаками противника. Бои принимали здесь все более ожесточенный характер. Немцы бросали в контратаки превосходящие силы пехоты и танков. Но моряки, возглавляемые командиром 1-го батальона старшим лейтенантом М.А. Токаревым, стояли насмерть и противника к своим позициям не подпускали. Немцы, готовя очередную контратаку, усилили огонь по боевым порядкам батальона и под его прикрытием устремились на моряков. В тяжелом положении оказались тихоокеанцы: не имея окопов и других оборонительных сооружений, они были очень чувствительны к огню врага. Их ряды таяли. От разрыва вражеского снаряда погиб и Токарев. В этот критический момент управление батальоном взял на себя командир бригады полковник И.М. Чистяков и моряки устояли. Немцам не удалось в этот день выбить их из села⁹⁸.

Но 23 декабря положение изменилось к худшему: части 106-й пехотной и 5-й танковой дивизий противника после 4-часовых ожесточенных уличных боев захватили Ивановское⁹⁹.

Как видим, немцы, оценив серьезность этого не столь уж существенного вклинения советских войск, привлекли значительные силы для восстановления своей обороны по р. Лама. Но генерал Власов не придал этому эпизоду должного значения, а потому не усилил группировку войск в Ивановском необходимыми резервами. Бездействие командарма привело к тому, что стала реальной утрата только что с таким трудом захваченного плацдарма. Именно тогда и вмешался Жуков в управление войсками 20-й армии. В своей директиве он дал Власову необходимые указания по организации прорыва, одновременно он усилил армию стрелковой дивизией и двумя дивизионами "катюш".

Не вдаваясь в детали хода боевых действий, следует все же отметить, что реализовать требования директив Жукова от 22 и 23 декабря войскам правого крыла фронта так и не удалось. Лишь 20-я армия достигла некоторого успеха: овладела Ивановским и вышла на рубеж 3–4 км западнее и юго-западнее Волоколамска¹⁰⁰.

Упорные и кровопролитные бои войск 20-й армии продолжались до 6 января, т.е. 18 дней подряд они пытались прорвать оборону врага на Ламе. Итогом их явился захват плацдарма на западном берегу реки размером около 10 км по фронту и до 5 км в глубину. Но прорвать оборону противника они не смогли.

При этом противоборствовавшие стороны несли огромные потери. Так, только 106-я пехотная и 6-я танковая дивизии (с 25 по 30 декабря) потеряли 2575 человек¹⁰¹. Ну, а о потерях соединений 20-й армии можно судить на примере одной 352-й стрелковой дивизии, полки которой с 24 декабря по 4 января лишились 7529 человек, или 95,7% первоначального состава¹⁰². Кстати, и в соседней 354-й стрелковой дивизии со 146-й танковой, 40-й и 49-й стрелковыми бригадами оставалось в наличии 377 штыков и 15 танков¹⁰³.

Что касается результатов наступательных действий войск 1 ударной, 16 и 5-й армий, то с 20 декабря по 7 января они были безуспешными: им не удалось не только осуществить прорыв, но и даже вклиниться в оборону на этом промежуточном рубеже противника. Сражение приняло затяжной, а по существу, позиционный характер.

Разбирая подоплеку приостановки наступления на рубеж рек Лама, Руза, Москва, необходимо выделить несколько причин. Это слабый численный состав войск правого крыла фронта, хронический недостаток боеприпасов, исключительно трудные условия подвоза материальных средств по заснеженным дорогам, отставание артиллерии, совершенно недостаточная степень огневого поражения противника, не говоря уже о слабой подготовке командного состава, несклоченности подразделений и плохой выучке бойцов. По-прежнему практиковались фронтальные атаки опорных пунктов врага вдоль дорог. Правда, к этому войска вынуждал глубокий снежный покров, а для обходного маневра по снежной целине не хватало специальных лыжных подразделений. Оттого что маршевое пополнение обычно прибывало невооруженным, фронту и армиям приходилось организовывать сбор оружия прямо на поле боя. Ну, а о степени обеспеченности войск боеприпасами говорит такой факт: "В складах 16-й армии к исходу 1 января 1942 г. не оставалось ни одного выстрела для полковой артиллерии; имелась всего одна тысяча выстрелов для дивизионной артиллерии и 400 выстрелов для 152-мм гаубиц"; было 0,4 заправки автобензина и 0,5 – дизельного топлива¹⁰⁴.

Нельзя сбрасывать со счетов и состояние войск противника. В советской историографии положение немцев к концу контрнаступления под Москвой изображалось примерно таким же: "Гитлеровцы потеряли огромное количество солдат и офицеров убитыми, ранеными и пленными. По их собственным данным, боевой состав каждой дивизии 4-й танковой армии на 5 января 1942 г. равнялся одному усиленному батальону... Вражеские войска потеряли тысячи орудий, пулеметов, автоматов, сотни танков и самолетов. Все поля и дороги Подмосковья были загромождены брошенным противником вооружением, техникой, автотранспортом и другой военной техникой"¹⁰⁵. Иначе говоря, выходило, что врагу под Москвой был учинен полный разгром. Но тогда почему же армиям правого крыла Западного фронта не удалось преодолеть сопротивление уже разгромленного противника? Отчего за 18 дней упорных сражений они так и не прорвали немецкую оборону на рубеже р. Лама и Руза?

В действительности потери противника оказались не столь катастрофическими, как их представляли в полных драматизма донесениях, направляемых в Берлин с подмосковных рубежей, а впоследствии и в советской военной историографии. Чтобы убедиться в этом, лучше всего обратиться к результатам послевоенных исследований германских историков.

Итоги расчетов показывают, что с 6 декабря 1941 г. по 7 января 1942 г. группа армий "Центр" потеряла около 116 тыс. человек, или 14,5% состава дивизий, бригад, отдельных полков и батальонов¹⁰⁶. В декабре она получила из Германии 40,8 тыс. человек маршевого пополнения¹⁰⁷, с учетом которого численный состав ее уменьшился на 75,2 тыс. человек, или на 9,4%.

К сожалению, немецкие источники не дают обобщенных показателей потерь вооружения. В ранее закрытых советских трудах говорится, что немцы потеряли 650 танков, т.е. 65%, а также 3079 орудий и минометов, или около 22% состава на начало декабря¹⁰⁸.

Кроме того, произошло спрямление линии фронта 3-й и 4-й танковых армий*. Так, если к началу контрнаступления ее протяженность составляла 289 км, то к 20 декабря – 140 км, или 48,4% первоначальной длины. Вследствие этого оперативная

* 1 января 1942 г. 3-я и 4-я танковые группы были преобразованы в танковые армии.

плотность танковых армий увеличилась с 12,6 км до 6,1 км на дивизию. А это означает, что средние показатели количества войск и военной техники на 1 км фронта возросли на 48,4% от исходного значения. Однако этот прирост показателей не учитывает понесенных немцами потерь. С их вычетом увеличение оперативной плотности составит 34–39% по личному составу и 26,4% по артиллерии. А вот по танкам, наоборот, плотность сократилась на 16,6%.

Как видим, получился довольно своеобразный парадокс: неприятель, который за первые две недели понес немалые потери, стал значительно сильнее, когда занял оборону на менее широком, чем прежде, фронте по рубежу р. Лама и Руза. Это обстоятельство вместе с фанатичным сопротивлением врага, к тому же его опорой на естественное препятствие при достаточно мощной группировке артиллерии привело к тому, что армии правого крыла Западного фронта на втором этапе контрнаступления так и не смогли прорвать оборону на его промежуточном рубеже.

Протяженность линии фронта становилась существенным фактором в повышении устойчивости обороны. И потому не случайно германское командование, выбирая тыловую позицию на рубеже Орел, Курск, Гжатск, Ржев, стремилось в максимально возможной степени спрямить фронт, чтобы в любом случае его длина была значительно меньше той, что занимали войска группы армий "Центр" в тот момент¹⁰⁹.

Итак, на втором этапе контрнаступления армии правого крыла Западного фронта продвинулись еще на 40 км, что примерно было в 1,5 раза меньше, чем на первом этапе. Причины в том, что наступательные возможности армий иссякли, фактор внезапности себя исчерпал, противник успел организовать на промежуточном рубеже довольно сильную оборону. Попытки преодолеть ее с ходу оказались безуспешными.

В то время как войска правого крыла Западного фронта приступили к подготовке операции по прорыву вражеской обороны, основные события развернулись на его левом крыле.

В процессе завершения наступления под Тулой командование фронта нацелило войска для последующих действий в северо-западном и западном направлениях. Вечером 16 декабря генерал Жуков приказал 10, 49, 50-й армиям и группе Белова продолжать безостановочное преследование противника и освободить Калугу¹¹⁰.

Реализуя поставленные задачи, войска левого крыла Западного фронта усилили давление на противника. Под их напором 2-я танковая армия врага главными силами отходила в юго-западном направлении на Орел, а левым флангом – на запад. Между этими группировками образовался разрыв, ширина которого к вечеру 17 декабря достигла 30 км. Так как левофланговый 43-й армейский корпус оказался оторванным от 2-й танковой армии, германское командование 18 декабря передало его в состав 4-й армии.

Генерал Жуков, решив использовать разрыв во фронте неприятеля для быстрого овладения Калугой ударом с юга, приказал командующему 50-й армией генералу Болдину создать подвижную группу. Одновременно группа Белова должна была стремительно выйти к Оке, форсировать ее севернее Белева и, повернув затем главные силы на северо-запад, 28 декабря овладеть Юхновом и отрезать таким образом противнику пути отхода от Калуги и Малоярославца. 10-я армия получила приказ быстро занять Белев и Сухиничи. Жуков преследовал цель лишить немцев возможности закрепиться на промежуточных рубежах и удержать важнейшие узлы дорог.

Созданная в 50-й армии для освобождения Калуги подвижная группа в составе стрелковой, танковой и кавалерийской дивизий, а также тульского рабочего полка и танкового батальона под командованием генерала В.С. Попова в ночь на 18 декабря приступила к выполнению своей задачи. Обходя населенные пункты и

не ввязываясь в бои с противником, она к исходу 20 декабря скрытно подошла к Калуге с юга.

Между тем фланговые дивизии 50-й армии, наступление которых развивалось медленно, значительно отстали. 49-я армия, ранее получившая задачу освободить Калугу, развивала наступление в северо-западном направлении, все более отдаляясь от города. Учитывая это, генерал Жуков передал левофланговую 340-ю стрелковую дивизию 49-й армии в состав 50-й.

Утром 21 декабря части подвижной группы Попова захватили мост через Оку, ворвались в Калугу и завязали уличные бои с гарнизоном города. Немецкое командование, стремясь во что бы то ни стало удержать за собой Калугу, вначале направило туда полицейские части и 4-й пехотный полк СС, а затем и отходившие части 43-го армейского корпуса. Для ударов по группе с воздуха привлекалась авиация. В результате активных действий превосходящих сил врага группа Попова вскоре была расчленена; ей пришлось вести бои в окружении, которые приняли затяжной характер и продолжались до конца декабря.

Вынужденный отход 43-го армейского корпуса к Калуге привел к тому, что разрыв между смежными флангами 4-й полевой и 2-й танковой армий еще более увеличился. В эту брешь была направлена группа Белова, которая 24 декабря вышла к Оке южнее Лихвина. К тому времени в ее состав из 10-й армии были переданы две стрелковые и три кавалерийские дивизии. Наступление группы и выход ее частей к Оке благоприятно отразился на действиях левофланговых соединений 50-й армии, поскольку была устранена угроза удара с юга. Армия быстро выдвинулась к Лихвину и 26 декабря освободила город. Теперь ее левофланговые дивизии получили возможность охватить Калугу с юго-запада. К этому моменту правофланговые соединения армии вели бои с противником восточнее и юго-восточнее Калуги, стремясь охватить ее еще и с северо-востока. При этом смежный фланг 49-й армии нависал над городом с севера. 30 декабря после десятидневных напряженных боев группа Попова совместно с подошедшими частями 290-й и 258-й стрелковых дивизий полковников Н.В. Рякина и М.А. Сязова очистили от оккупантов старинный русский город Калугу.

Немецкие части, выбитые из Калуги, медленно отходили в северо-западном и западном направлениях, а войска 49-й и 50-й армий, а также группа Белова стремились разгромить их западнее города.

В начале января 49-я армия вела бои восточнее железной дороги Малоярославец–Калуга. Особенно напряженными они были у Детчино (20 км юго-западнее Малоярославца), где немцы умело использовали инженерные сооружения Можайской линии обороны, построенные еще до начала битвы. Только к 9 января 1942 г. частям армии удалось овладеть этими позициями.

50-я армия своим правым флангом вела безуспешные бои у станции Тихонова Пустынь (16 км севернее Калуги), а левым – продвинулась на 15–25 км в сторону Юхнова. Противник, перебросив к Юхнову танковую дивизию, к 6 января остановил наступление армии и на этом направлении.

Группа Белова 24 декабря с ходу переправилась через Оку и повела наступление на Юхнов. Через четыре дня ее кавалерийские дивизии освободили Козельск (30 км юго-восточнее Сухиничей). Но к 6–8 января соединения группы встретили сильное сопротивление переброшенных сюда частей 19 танковой, 10 моторизованной и 216-й пехотной дивизий врага и были остановлены. Следует отметить, что группа Белова за 11 дней преодолела около 150 км, ей удалось дезорганизовать в довольно большой полосе немецкую оборону, что способствовало успешному продвижению 10-й армии на Белев и Сухиничи.

10-я армия своим левым флангом 26 декабря завязала бои за Белев, а остальными соединениями продолжала наступать на запад. Немецкие войска, прикрывая орловское направление, упорно обороняли Белев, расположенный на

левом, возвышенном берегу Оки. Только 31 декабря удалось сломить сопротивление противника и освободить этот город. Остальные дивизии армии вышли на подступы к Сухиничам. Все попытки взять город лобовым ударом оказались напрасными. Генерал Жуков, оценив обстановку, приказал командарму Голикову частью сил блокировать Сухиничи, а остальными соединениями безостановочно продвигаться к железной дороге Вязьма–Брянск. К 8 января 10-я армия почти вплотную подошла к указанному рубежу, но здесь была остановлена противником, который успел подготовить оборону на выгодном рубеже. На этом наступление войск левого крыла Западного фронта завершилось.

В тесном взаимодействии с ними вели наступление войска правого крыла Юго-Западного фронта на орловском направлении. 16 декабря в его состав была передана резервная 61-я армия генерала М.М. Попова. Она вводилась в сражение на стыке двух фронтов в направлении, выведившем к Болхову, что в принципе могло бы привести к расчленению 2-й танковой армии. 18 декабря армия начала наступление и, пройдя с боями от 40 до 85 км, к исходу 24 декабря была остановлена подошедшими немецкими войсками.

3-я армия за десять дней напряженных боев преодолела 30–65 км и 27 декабря освободила г. Новосиль. Но развития наступление не получило. 28 декабря в бою погиб командующий армией генерал П.С. Пшенников. Новым командармом был назначен генерал П.И. Батов.

На фронте 13-й армии генерала А.М. Городнянского и группы Костенко наступление, начатое 21 декабря, застопорилось. До 24 декабря включительно советские войска вели бои в основном на прежних рубежах. Лишь правифланговые соединения армии продвинулись на 10–14 км к северо-западу от г. Ливны.

Напряженный характер боевых действий, нехватка сил и средств, неопытность командного состава, слабая подготовка войск, трудные погодные условия требовали от фронтового командования немедленной реакции на все неожиданности. Однако командование и штаб Юго-Западного фронта при всем желании не могли реализовать это непреложное требование, управляя войсками почти в 700-километровой полосе. В связи с этим маршал Тимошенко обратился в Ставку с предложением: в целях развития наступления на орловско-брянском направлении и разгрома орловско-болховской группировки противника передать 3, 13 и 61-ю армии вместе с оперативной группой Костенко Брянскому фронту, полевое управление которого с 10 ноября оставалось в резерве главкома Юго-Западного направления. Ставка согласилась с Тимошенко и 24 декабря назначила 47-летнего генерала Я.Т. Черевиченко командующим вновь создаваемого Брянского фронта.

Войска Брянского и правого крыла Юго-Западного фронтов, выполняя указания главкома Юго-Западного направления, предпринимали попытки овладеть Орлом и Курском¹¹¹. Однако эти задачи намного превышали возможности войск. К 8 января они продвинулись всего лишь на 5–25 км. Противник постоянно наращивал свои усилия, а советские войска несли большие потери. Так, на 1 января в пяти стрелковых дивизиях 3-й армии насчитывалось 16 028 человек и 138 орудий; в пяти стрелковых дивизиях 13-й армии имелось всего 11 833 человека, 82 орудия и миномета¹¹². Таким количеством людей можно было бы по полному штату укомплектовать всего две дивизии, а вот артиллерии не хватило бы и для одной. Но ведь эти две армии должны были наступать в полосе общей шириной около 90 км!

Последними начали контрнаступление войска, действовавшие в центре Западного фронта. Следует сразу же отметить, что условия здесь для этого оказались самыми неблагоприятными по сравнению с тем, что они были на флангах Западного фронта. Немецкие войска опирались на заранее подготовленный оборонительный рубеж. Он сооружался в течение двух месяцев и к середине декабря имел вполне оборудованные опорные пункты с окопами полного профиля,

блиндажами и ходами сообщения. Здесь были противотанковые и противопехотные заграждения, главным образом минновзрывные, а также хорошо организованная система огня с достаточным запасом снарядов, мин, патронов. Большая часть соединений оборонявшейся на этом участке 4-й полевой армии не вела активных боевых действий в течение месяца, а потому понесла наименьшие потери. К тому же и оперативная плотность ее войск, составлявшая 5,4 км на дивизию, оказалась самой высокой в группе армий "Центр".

Учитывая все эти факторы, генерал Жуков приказал армиям центра Западного фронта сковать силы противника и лишить его возможности перебрасывать войска¹¹³. Но, как показали дальнейшие события, постановка таких ограниченных задач сама себя не оправдала. Пассивные действия этих армий позволили немецкому командованию с 5 по 16 декабря перекинуть с центрального участка фронта на ржевское и рузское направления четыре дивизии, а на тульское – одну. В результате сопротивление фланговых группировок противника севернее и южнее Москвы снова возросло.

По этой причине генерал Жуков приказом от 16 декабря уточнил армиям центра задачу: перейти в наступление, прорвать оборонительную полосу противника и к исходу 19 декабря овладеть рубежом в 2–16 км западнее р. Нара¹¹⁴. Для усиления 33-й армии в ее состав передавались две стрелковые дивизии из 16-й армии и резерва фронта¹¹⁵.

Утром 18 декабря, после часовой артиллерийской подготовки, войска центра Западного фронта перешли в наступление. Некоторым частям в 33-й армии генерала М.Г. Ефремова удалось переправиться на западный берег р. Нара к северу от Наро-Фоминска, но они были отброшены контратакой противника.

На следующий день 110-я стрелковая (бывшая 4-я Московская ополченческая) дивизия частью сил переправилась на западный берег реки у поселка Елагино (3 км южнее города) и там завязала бои. 20 декабря генерал Ефремов ввел в сражение 201-ю стрелковую дивизию. Однако этот маневр не внес изменений в обстановку. Затяжные бои шли на прежних рубежах. Только 222-й стрелковой дивизии 21 декабря удалось все же овладеть небольшим плацдармом на западном берегу Нары у д. Таширово (6 км севернее Наро-Фоминска). Не произошло перелома и к исходу 24 декабря, т.е. на седьмой день операции. Войска 33-й армии продолжали вести боевые действия, находясь на одних и тех же рубежах.

К этому моменту и 43-я армия продвинулась всего на 4 км. Безуспешным оказалось наступление левофланговых соединений 5-й и правофланговых дивизий 49-й армий.

Причин столь малоэффективных действий войск центра Западного фронта множество, но главная – нехватка огневых средств для надежного подавления вражеской обороны. А это очень важное обстоятельство. Ведь, как известно, огнем одного-двух неподдавленных вражеских пулеметов можно сорвать атаку целого полка. Немцы же в полосе наступления 33-й армии имели в среднем свыше десятка пулеметов и 18–19 орудий и минометов на 1 км фронта. Причем эти огневые средства находились в хорошо замаскированных укрытиях, да и располагались они на выгодных позициях.

И тем не менее ситуация стала меняться в благоприятном для армий центра Западного фронта направлении. Дело в том, что в результате наступления левого крыла этого фронта и отхода немецких войск к Калуге в полосе действий противника образовался разрыв между 13-м и 43-м армейскими корпусами. В эту брешь немедленно устремились левофланговые соединения 49-й армии генерала Захаркина. К исходу 22 декабря они, продвинувшись на 52 км, создали угрозу охвата 4-й немецкой армии с юга. В связи с чем уже с 17 часов 24 декабря немцы "начали отвод 12, 13 армейских и 57-го моторизованного корпусов на общую линию", проходившую в 20–30 км к западу от занимаемого рубежа¹¹⁶.

Начавшийся без особого давления со стороны войск 43-й армии отвод послужил генералу Жукову поводом для того, чтобы отдать приказ генералу Ефремову усилить нажим на врага. Бои за Наро-Фоминск разгорелись с новой силой. Преодолевая ожесточенное противодействие неприятеля, части 222-й стрелковой дивизии полковника Ф.А. Боброва охватили город с севера, а 1-й гвардейской мотострелковой дивизии полковника С.И. Иовлева – с юго-запада. 26 декабря, т.е. после девятидневных кровопролитных боев, части 183 пехотной дивизии противника под угрозой окружения оставили Наро-Фоминск.

В тот же день генерал Жуков отдал приказ командующим 33-й и 43-й армиями о преследовании врага на Можайском и малоярославецком направлениях. Выполняя приказ, эти армии своими смежными флангами успешно продвигались вперед. 28 декабря они освободили Балабаново (22 км южнее Наро-Фоминска) и к концу месяца вышли к рекам Протва и Лужа. Форсировав их, части 43-й армии приблизились к Малоярославу и после упорных боев 2 января освободили этот город. Кстати, в 1812 г. у стен Малоярославца русская армия одержала внушительную победу над Наполеоном, вынудив его армию к отступлению по ранее им же разоренной Смоленской дороге. В отличие от французов, немцы в 1941 г. стремились во что бы то ни стало сохранить за собой эту коммуникацию, являвшуюся для них главной питающей артерией. Вот почему они поспешили сосредоточить основные усилия 4-й полевой и 4-й танковой армий на обороне подступов к Минской автостраде и Можайскому шоссе, направив сюда свыше трети маршевого пополнения, прибывавшего в группу армий "Центр" из Германии.

Яростно сопротивляясь, немцы не позволили соединениям правого фланга и центра 33-й армии продвинуться к западу от Наро-Фоминска. Три дня и три ночи пять стрелковых дивизий 33-й и 43-й армий вели исключительные по ожесточенности уличные бои, прежде чем смогли очистить от врага Боровск, прикрывавший с юга подступы к Минской автостраде. Произошло это 4 января, а в последующие четыре дня смежные соединения этих же армий продвинулись еще на 10–25 км, но из-за упорного сопротивления и мощных контратак частей 20-го и подошедших к ним на помощь соединений 7-го и 9-го армейских корпусов противника вынуждены были остановиться.

К 7 января 1942 г. контрнаступление Красной Армии завершилось.

* * *

Итак, в декабре 1941 г. под Москвой произошло знаменательнейшее событие: впервые во второй мировой войне войска Красной Армии остановили, а затем нанесли крупное поражение дотоле считавшей себя непобедимой германской армии и, отбросив ее от Москвы на 100–250 км, сняли угрозу советской столице и Московскому промышленному району. Успех этот был бесспорным и чрезвычайно важным, а его значение вышло далеко за рамки чисто военной задачи.

Ведь именно под Москвой немцы не только утратили стратегическую инициативу и познали горечь поражения, но, и это главное, они проиграли свою "молниеносную войну" против Советского Союза. Крах стратегии блицкрига поставил третий рейх перед перспективой длительной, затяжной войны. Такая война потребовала от его правителей перестройки плана "Барбаросса", нового стратегического планирования на последующие годы и дополнительного изыскания огромных материальных ресурсов. К затяжной войне Германия была не готова. Для ее ведения требовалось радикальным образом перестроить экономику страны, свою внутреннюю и внешнюю политику, не говоря уже о стратегии.

В связи с этим определенный интерес представляет ретроспективный взгляд высокопоставленных немецких генералов на происшедшие под Москвой события. Так, во время допроса в Бад-Мондорфе в июне 1945 г. фельдмаршал Кейтель

заявил, что после Московской битвы не представлял себе "военного решения" всей восточной кампании. Поражение под Москвой Гальдер назвал "катастрофой" и "началом трагедии на востоке", а бывший начальник штаба 2-й армии генерал Блюментрит – "поворотным пунктом" кампании в России. Бывший командир 47-го моторизованного корпуса генерал Р. Бамлер утверждал, что "отступление 1941–1942 гг. было исходным пунктом большого военного кризиса, от которого немецкая армия ни материально, ни морально так и не смогла оправиться"¹¹⁷. А адъютант Гитлера фон Белов в своих воспоминаниях события под Москвой отнес к "великому перелому в ходе второй мировой войны"¹¹⁸.

Поражение под Москвой измерялось и другими критериями. "Разбит миф о непобедимости немецкой армии, – писал Гальдер. – С наступлением лета немецкая армия добьется в России новых побед, но это уже не восстановит миф о ее непобедимости. Поэтому 6 декабря 1941 года можно считать поворотным моментом, причем одним из самых роковых моментов в краткой истории третьего рейха. Сила и могущество Гитлера достигли своего апогея, начиная с этого момента они пошли на убыль..."¹¹⁹.

Как видим, немцы резонно считают, что для Германии перелом в войне начался под Москвой. Но в противоборстве двух государств не может быть такого положения, при котором успех или крупное поражение одной стороны не оказал бы соразмерного влияния на процесс самой борьбы. Иначе говоря, если усилиями Красной Армии вермахт оказался в тяжелом кризисе, который перечеркнул планы и надежды руководства Германии на победный финал, то почему это обстоятельство должно касаться только третьего рейха, а не войны в целом? Поэтому правомерно утверждать, что под Москвой начался перелом не только в Великой Отечественной, но и во всей второй мировой войне. Причем совершенно несущественным является вопрос, следует ли этот процесс отнести к началу "коренного перелома", "великого перелома", "коренного", или, как считал маршал Жуков, "крутого поворота" в войне. Определения "коренной", "великий" и "крутой" здесь добавлялись для большей выразительности, а в терминах "перелом" и "поворот" нет какого-то смыслового различия. Важно лишь то, что победа Красной Армии под Москвой положила начало перелому в ходе самой войны.

Особую значимость этому успеху Красной Армии придает то, что он был достигнут при невыгодном для наступления соотношении сил и средств.

Однако советскому командованию удалось компенсировать этот недостаток за счет удачного выбора момента перехода в контрнаступление: когда противник остановился, но еще не успел перейти к обороне и построить оборонительные позиции, а также внезапности контрнаступления. Неприятель, не подготовленный к парированию неожиданных ударов, оказался в невыгодных условиях, ему пришлось поспешно менять планы и приспособляться к действиям Красной Армии. Именно внезапность явилась одним из важнейших условий успешного контрнаступления на первом его этапе. Кроме того, успех был достигнут за счет использования дополнительных сил. Для развития контрнаступления были введены полевое управление фронта, 2 общевойсковые армии, 26 стрелковых и 8 кавалерийских дивизий, 10 стрелковых бригад, 12 отдельных лыжных батальонов и около 180 тыс. человек маршевого пополнения.

Все эти факторы, а также понесенные противником потери, особенно в военной технике, отсутствие у него оперативных резервов обусловили изменение соотношения сил и средств сторон. В итоге к концу контрнаступления оно уравнилось по артиллерии, а по людям (в дивизиях, бригадах, отдельных полках и батальонах) и танкам стало в пользу фронтов западного направления соответственно в 1,1 и 1,4 раза¹²⁰.

Однако и такое, более благоприятное для Красной Армии соотношение сил и средств не обеспечивало возможность создания необходимого превосходства над

войсками группы армий "Центр". Данное обстоятельство вместе с повышением оперативной плотности противника (из-за спрямления линии фронта) и приказом Гитлера от 16 декабря о фанатичном упорстве при обороне занимаемых позиций, а также репрессивные меры, которые Гитлер обрушил на своих генералов за их неспособность остановить деморализованные войска, в определенной степени повысили устойчивость противника.

Решающим фактором в достижении победы над захватчиками в контрнаступлении под Москвой являлся высокий моральный дух советских воинов. Известный английский военный теоретик и историк Б. Лиддел Гарт подчеркивал, что эта победа была одержана "прежде всего мужеством и стойкостью русского солдата, его способностью выносить тяготы и непрерывные бои в условиях, которые прикончили бы любую западную армию"¹²¹. И это абсолютно верно. Но потери были огромными. Имеется множество примеров, указывал Жуков в одной из своих директив, "когда командиры частей и соединений губят сотни и тысячи людей при атаке на неуничтоженную оборону противника и неуничтоженные пулеметы, на неподавленные опорные пункты, при плохой организации наступления"¹²². Адекватно оценивал действия наступавших и враг. Так, 14 января 1942 г. "Бюллетень немецкой армии" отмечал, что у красных "артиллерийская подготовка атаки применяется редко... Атаки русских проходят, как правило, по раз и навсегда данной схеме – большими людскими массами и повторяются несколько раз... не щадя сил и ничего не меняя... Наше прекрасное стрелковое оружие в состоянии противостоят массовому наступлению русских"¹²³. И, действительно, оно противостояло, нанося значительный ущерб советским войскам.

Трудно приходилось Красной Армии. Экономика страны была еще неспособна обеспечить ее всем необходимым для ведения успешных боевых действий. Командиры подразделений и частей в большинстве своем были неопытны и слабо подготовлены для управления войсками, а солдаты – недостаточно вооружены и плохо обучены. Многие не знали даже азбучных истин военного дела. Учиться воевать им пришлось прямо на поле боя. Свою тактическую безграмотность и неумение владеть оружием они возмещали самоотверженностью, терпением и героизмом. Сознвая личную ответственность за судьбу Отчизны и столицы, они шли напролом, проливали кровь и даже сознательно жертвовали собой. Например, чтобы обеспечить успех атаки подразделения, закрыли своим телом вражеские огневые точки краснофлотец А.И. Ваганов, сержант В.В. Васильковский, рядовой Я.Н. Падерин (отец шестерых детей), краснофлотец С. Санин, младшие лейтенанты А.Е. Халин и Н.С. Шевляков и рядовой А.С. Шешков¹²⁴.

Да, гибли рядовые, сержанты и офицеры. К тем сотням тысяч человек, что потеряли фронты западного направления в оборонительный период битвы, добавилось еще около 371 тыс. за время контрнаступления под Москвой¹²⁵. А впереди были еще 103-суточные кровопролитные бои на ржевско-вяземском направлении. Битва под Москвой продолжалась с неослабевающим напряжением.

¹ История второй мировой войны, 1939–1945. М., 1975. Т. 4. С. 144, 152.

² Советское военное искусство в Великой Отечественной войне, 1941–1945. М., 1962. Т. 1. С. 688–690.

³ Стратегический очерк Великой Отечественной войны, 1941–1945 гг. М., 1961. С. 254.

⁴ Советское военное искусство в Великой Отечественной войне, 1941–1945. Т. 1. С. 697–698.

⁵ Архив внешней политики Российской Федерации. Ф. 06. Оп. 4. Д. 102. Л. 11.

⁶ Adler S. The Isolationist Impulse. It's Twentieth Century Reaction. N.Y., 1957. P. 311–312.

⁷ Подсчитано по: История второй мировой войны, 1939–1945. Т. 4. С. 212.

⁸ Подсчитано по: Центральный архив Министерства обороны. Ф. 8. Оп. 11627. Д. 76. Л. 24–25; Д.60. Л. 3–21. (Далее: ЦАМО).

⁹ См.: Василевский А.М. Дело всей жизни. М., 1989. Кн. 1. С. 161.

- ¹⁰ ЦАМО. Ф. 132а. Оп. 2642. Д. 233. Л. 127–134.
- ¹¹ Там же. Д. 101. Л. 1; Операции Советских Вооруженных Сил в Великой Отечественной войне, 1941–1945. М., 1958. Т. 1. С. 366.
- ¹² ЦАМО. Ф. 132а. Оп. 2642. Д. 12. Л. 130.
- ¹³ См.: *Василевский А.М.* Указ. соч. Кн. 1. С. 161.
- ¹⁴ *Жуков Г.К.* Воспоминания и размышления. М., 1992. Т. 2. С. 254.
- ¹⁵ ЦАМО. Ф. 132а. Оп. 2642. Д. 30. Л. 108.
- ¹⁶ Там же. Ф. 96а. Оп. 2011. Д. 5. Л. 185–190.
- ¹⁷ Там же. Ф. 3. Оп. 11 556. Д. 4. Л. 164–165.
- ¹⁸ Цит. по: Воен.-ист. журн. 1966. № 10. С. 70, 72.
- ¹⁹ ЦАМО. Ф. 208. Оп. 2513. Д. 213. Л. 454, 456, 457–461; Д. 1048. Л. 85–86.
- ²⁰ Там же. Ф. 3. Оп. 11 556. Д. 4. Л. 174–175; Ф. 213. Оп. 2002. Д. 21. Л. 7–17; Д. 30. Л. 19.
- ²¹ Там же. Ф. 229. Оп. 161. Д. 15. Л. 208–213; Д. 96. Л. 5; Д. 107. Л. 5–7.
- ²² История второй мировой войны, 1939–1945. Т. 4. С. 283–284.
- ²³ ЦАМО. Ф. 500. Оп. 12 484. Д. 751. Л. 1.
- ²⁴ *Жуков Г.К.* Указ. соч. Т. 2. С. 257.
- ²⁵ Подсчитано по: ЦАМО. Ф. 213. Оп. 2002. Д. 5. Л. 134; Разгром немецко-фашистских войск под Москвой. М., 1964. С. 186; *Муриев Д.З.* Провал операции "Тайфун". М., 1972. с. 173–174.
- ²⁶ *Гальдер Ф.* Военный дневник / Пер. с нем. М., 1971. Т. 3, кн. 2. С. 86.
- ²⁷ Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg. Stuttgart, 1983. Bd. 4. S. 599.
- ²⁸ Ibidem.
- ²⁹ ЦАМО. Ф. 500. Оп. 12 473. Д. 265. Л. 637; Д. 350. Л. 60–65; Д. 158. Л. 98.
- ³⁰ *Гальдер Ф.* Указ. соч. Т. 3, кн. 2. С. 95.
- ³¹ Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg. Bd. 4. S. 601.
- ³² *Гальдер Ф.* Указ. соч. Т. 3, кн. 2. С. 99.
- ³³ Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg. Bd. 4. S. 600.
- ³⁴ Ibid. S. 600, 602, 603.
- ³⁵ Разгром немецко-фашистских войск под Москвой. М., 1964. С. 194.
- ³⁶ ЦАМО. Ф. 208. Оп. 2513. Д. 213. Л. 453, 454.
- ³⁷ Цит. по: *Рейнгардт К.* Поворот под Москвой. М., 1980. С. 241.
- ³⁸ "Совершенно секретно! Только для командования!" Стратегия фашистской Германии в войне против СССР: Документы и материалы. М., 1967. С. 342.
- ³⁹ Там же. С. 343.
- ⁴⁰ *Рейнгардт К.* Указ. соч. С. 256.
- ⁴¹ Разгром немецко-фашистских войск под Москвой. С. 208.
- ⁴² Патриот (лит.-худ., ист.-публ. альманах). М., 1991. Вып. 1. С. 313–314.
- ⁴³ *Steinhoff J.* Deutsche im Zweiten Weltkrieg. München, 1989. S. 200.
- ⁴⁴ ЦАМО. Ф. 208. Оп. 2513. Д. 87. Л. 73–74.
- ⁴⁵ Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg. Bd. 4. S. 608.
- ⁴⁶ *Рейнгардт К.* Указ. соч. С. 248.
- ⁴⁷ ЦАМО. Ф. 208. Оп. 2511. Д. 222. Л. 78–80.
- ⁴⁸ Там же. Оп. 2513. Д. 87. Л. 157–159.
- ⁴⁹ Подсчитано по: *Рейнгардт К.* Указ. соч. С. 248; ЦАМО. Ф. 213. Оп. 2002. Д. 5. Л. 179–180.
- ⁵⁰ Сборник документов Верховного Главнокомандования за период Великой Отечественной войны. М., 1968. Вып. 1. С. 365–366.
- ⁵¹ Институт военной истории Министерства обороны Российской Федерации: Документы и материалы. Ф. 191. Оп. 233. Д. 31. Л. 1906. (Далее: ИВИ).
- ⁵² Разгром немецко-фашистских войск под Москвой. С. 170.
- ⁵³ ИВИ. Ф. 191. Оп. 233. Д. 91. Л. 213.
- ⁵⁴ Подсчитано по: ЦАМО. Ф. 213. Оп. 2005. Д. 5. Л. 179; Разгром немецко-фашистских войск под Москвой. С. 170.
- ⁵⁵ ИВИ. Ф. 191. Оп. 233. Д. 91. Л. 190, 198, 211, 214, 226.
- ⁵⁶ Там же. Л. 234.
- ⁵⁷ Подсчитано по: ИВИ. Ф. 191. Оп. 233. Д. 91. Л. 211, 253, 254.
- ⁵⁸ Воен.-ист. журн. 1986. № 12. С. 22–23.

- ⁵⁹ ЦАМО. Ф. 353. Оп. 3. Д. 2. Л. 8–13.
- ⁶⁰ *Рейнгардт К.* Указ. соч. С. 249.
- ⁶¹ Разгром немецко-фашистских войск под Москвой. С. 233–234.
- ⁶² ИВИ. Ф. 191. Оп. 233. Д. 91. Л. 80, 98, 99.
- ⁶³ ЦАМО. Ф. 208. Оп. 2511. Д. 72. Л. 26.
- ⁶⁴ ИВИ. Ф. 191. Оп. 233. Д. 91. Л. 124.
- ⁶⁵ ЦАМО. Ф. 208. Оп. 2511. Д. 1029. Л. 317.
- ⁶⁶ Там же. Ф. 208. Оп. 2513. Д. 87. Л. 102–103.
- ⁶⁷ ИВИ. Ф. 191. Оп. 233. Д. 91. Л. 255, 233.
- ⁶⁸ ЦАМО. Ф. 208. Оп. 2511. Д. 222. Л. 96.
- ⁶⁹ *Рейнгардт К.* Указ. соч. С. 252.
- ⁷⁰ *Гальдер Ф.* Указ. соч. Т. 3, кн. 2. С. 112.
- ⁷¹ ЦАМО. Ф. 229. Оп. 161. Д. 96. Л. 16.
- ⁷² ИВИ. Ф. 191. Оп. 233. Д. 91. Л. 194, 208, 216.
- ⁷³ См.: *Рейнгардт К.* Указ. соч. С. 253.
- ⁷⁴ Там же. С. 254.
- ⁷⁵ Там же.
- ⁷⁶ *Жуков Г.К.* Указ. соч. Т. 2. С. 257.
- ⁷⁷ ЦАМО. Ф. 208. Оп. 2511. Д. 1030. Л. 36–38; Ф. 213. Оп. 2002. Д. 21. Л. 114–117; Ф. 251. Оп. 164. Д. 51. Л. 135–137.
- ⁷⁸ Цит. по: Сборник документов Верховного Главнокомандования за период Великой Отечественной войны. Вып. 1. С. 369.
- ⁷⁹ ЦАМО. Ф. 48а. Оп. 1551. Д. 10. Л. 234.
- ⁸⁰ Подсчитано по: ЦАМО. Ф. 208. Оп. 2511. Д. 1030. Л. 36.
- ⁸¹ Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg. Bd. 4. S. 615.
- ⁸² Ibid. S. 607–610.
- ⁸³ Ibidem.
- ⁸⁴ *Рейнгардт К.* Указ. соч. С. 268–269.
- ⁸⁵ Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg. Bd. 4. S. 604.
- ⁸⁶ Подсчитано по: ЦАМО. Ф. 500. Оп. 12484. Д. 682. Л. 1; Д. 697. Л. 1; Разгром немецко-фашистских войск под Москвой. С. 251.
- ⁸⁷ Цит. по: Разгром немецко-фашистских войск под Москвой. С. 403–404.
- ⁸⁸ ЦАМО. Ф. 213. Оп. 2002. Д. 5. Л. 150–152.
- ⁸⁹ Там же. Ф. 48а. Оп. 1554. Д. 92. Л. 201.
- ⁹⁰ *Рейнгардт К.* Указ. соч. С. 285.
- ⁹¹ ЦАМО. Ф. 213. Оп. 2002. Д. 105. Л. 24–27.
- ⁹² Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg. Bd. 4. S. 620.
- ⁹³ ИВИ. Ф. 191. Оп. 233. Д. 91. Л. 306.
- ⁹⁴ См.: Разгром немецких войск под Москвой. М., 1943. Ч. 3. С. 25, схема 5.
- ⁹⁵ ЦАМО. Ф. 208. Оп. 2513. Д. 87. Л. 281–284.
- ⁹⁶ Там же. Д. 88. Л. 345–346.
- ⁹⁷ Там же. Л. 357–358.
- ⁹⁸ См.: *Терновский Г.В.* Военные моряки в битвах за Москву. М., 1968. С. 127–134.
- ⁹⁹ ИВИ. Ф. 191. Оп. 233. Д. 91. Л. 362.
- ¹⁰⁰ Там же. Л. 371, 402, 419, 507, 517.
- ¹⁰¹ Там же. Л. 517.
- ¹⁰² Подсчитано по: Боевые действия соединений 20, 5 и 33-й армий в битве под Москвой. М., 1979. С. 21.
- ¹⁰³ Разгром немецких войск под Москвой. Ч. 3. С. 32–33.
- ¹⁰⁴ Там же. С. 135–136.
- ¹⁰⁵ Разгром немецко-фашистских войск под Москвой. С. 304.
- ¹⁰⁶ Подсчитано по: *Рейнгардт К.* Указ. соч. С. 381.
- ¹⁰⁷ Там же. С. 279.
- ¹⁰⁸ Подсчитано по: Советское военное искусство в Великой Отечественной войне, 1941–1945. Т. 1. С. 338, 352.
- ¹⁰⁹ Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg. Bd. 4. S. 610–611.
- ¹¹⁰ ЦАМО. Ф. 208. Оп. 2511. Д. 1030. Л. 36–38.
- ¹¹¹ Там же. Ф. 229. Оп. 161. Д. 15. Л. 275–277.

- ¹¹² Разгром немецко-фашистских войск под Москвой. С. 297.
- ¹¹³ ЦАМО. Ф. 208. Оп. 2511. Д. 1048. Л. 85–86.
- ¹¹⁴ Там же. Д. 1030. Л. 36–38.
- ¹¹⁵ Там же. Д. 222. Л. 92, 118.
- ¹¹⁶ ИВИ. Ф. 191. Оп. 233. Д. 91. Л. 370.
- ¹¹⁷ Цит. по: *Безыменский Л.А.* Укрощение "Тайфуна". М., 1987. С. 195, 196.
- ¹¹⁸ *Below N.* Als Hitlers Adjutant, 1937–1945. Mainz, 1980. S. 300.
- ¹¹⁹ Цит. по: *Ширер У.* Взлет и падение третьего рейха / Пер. с англ. М., 1991. Т. 2. С. 254–255.
- ¹²⁰ Советское военное искусство в Великой Отечественной войне, 1941–1945. Т. 1. С. 352.
- ¹²¹ Цит. по: От "Барбароссы" до "Терминала": Взгляд с Запада / Пер. с англ. М., 1988. С. 120.
- ¹²² ЦАМО. Ф. 353. Оп. 5879. Д. 174. Л. 390.
- ¹²³ Цит. по: Скрытая правда войны: 1941 год. Неизвестные документы. М., 1992. С. 226–227.
- ¹²⁴ *Коваленко А.П.* Правда о Матросове и матросовцах. М., 1993. С. 348, 349, 380, 388, 390.
- ¹²⁵ Гриф секретности снят: Потери Вооруженных Сил СССР в войнах, боевых действиях и военных конфликтах: Стат. исследование. М., 1993.

ЗИМНЕЕ НАСТУПЛЕНИЕ КРАСНОЙ АРМИИ

В декабрьские дни 1941 г. народы всего мира узнали, что Красная Армия может не только отступать, но и способна противостоять войскам вермахта. Несомненно и другое: успех под Москвой оказал огромное влияние на дальнейший ход как Великой Отечественной, так и всей второй мировой войны в целом. Произошло и еще одно очень важное событие общепланетарного масштаба: 1 января 1942 г. представители 26 государств подписали Декларацию Объединенных Наций. Все они обязались использовать свои экономические и военные ресурсы для борьбы против Германии, Италии, Японии и присоединившихся к ним стран, а кроме того, сотрудничать друг с другом и не заключать сепаратного перемирия или мира с государствами фашистского блока. Это явилось залогом создания благоприятной атмосферы для планомерного наращивания военной мощи антигитлеровской коалиции.

Советское руководство встретило новый год с явным оптимизмом. В связи с устранением угрозы захвата немцами столицы и переходом стратегической инициативы на сторону Красной Армии оно приняло ряд мер по стабилизации обстановки в тылу и развитию успеха на фронте. ГКО постановил разминировать предприятия и объекты Москвы, подготовленные к взрыву еще в октябре, прекратить все работы на пяти оборонительных рубежах, возводившихся за Волгой, Окой и Клязьмой¹. Одновременно Ставка ВГК и Генеральный штаб осуществляли подготовку к новым наступательным операциям Красной Армии.

ФИНАЛ БИТВЫ ПОД МОСКВОЙ

Советское руководство, воодушевленное удачей, достигнутой в контрнаступлении, принимало меры по развитию и закреплению успеха. И.В. Сталин потребовал от Генерального штаба разработать план общего наступления на всех фронтах – от Ладожского озера до Черного моря.

Уже 17 декабря Волховский, а на следующий день Ленинградский и Северо-Западный фронты получили директивы Ставки о подготовке к новым операциям. Через два дня маршал С.К. Тимошенко по указанию Верховного Главнокомандующего представил свои предложения по проведению наступательных операций на юго-западном направлении. В то же время продолжалась перегруппировка войск. На усиление фронтов, развернутых на северо-западном направлении, Ставка передала из своего резерва три армии. Для западного направления она выделила 39-ю, а для юго-западного – 61-ю армии.

5 января Верховный Главнокомандующий на заседании Ставки ВГК изложил свое представление о дальнейшем ведении войны. Суть его заключалась в том, чтобы развертыванием решительного наступления на трех стратегических направлениях нанести поражение основным группировкам противника и, не давая его войскам передышки, "гнать их на запад без остановки, заставить их израсходовать резервы еще до весны, когда у нас будут новые большие резервы, а у немцев не будет больше резервов, и обеспечить, таким образом, полный разгром гитлеровских войск в 1942 г."².

Главный удар намечалось нанести на западном направлении и разгромить наиболее сильную группировку врага – войска группы армий "Центр". Эту задачу предполагалось решить усилиями трех фронтов. Калининскому и Западному предстояло нанести удары по сходящимся направлениям на Вязьму с целью окружения основных сил противника, а левому крылу Северо-Западного фронта – глубоко охватить их с запада.

Второй по мощности удар планировалось нанести на северо-западном направлении войсками Ленинградского, Волховского и правого крыла Северо-Западного фронтов, чтобы разгромить основные силы группы армий "Север" и снять блокаду с Ленинграда.

На южном крыле советско-германского фронта предстояло решить две задачи: нанести поражение немецкой группировке в Донбассе и освободить Крым. Решение первой было возложено на войска Южного и левого крыла Юго-Западного фронтов, а второй – на войска Закавказского фронта и силы Черноморского флота.

Войска Брянского и правого крыла Юго-Западного фронтов должны были развить наступление на орловском и курском направлениях и, сковав силы противника на этом участке фронта, содействовать выполнению задач на западном и юго-западном направлениях.

В принципе, этот замысел был привлекательным, так как предусматривал быстрый разгром врага и освобождение значительной территории страны от оккупантов. Правда, беспокойство вызывало соотношение сил и средств, сложившееся к этому времени. Наиболее выгодным для советской стороны оно было на северо-западном направлении и, наоборот, самое невыгодное – на западном. Такое распределение стратегических резервов никак нельзя считать удачным, так как оно расходилось с замыслом Ставки нанести главный удар на западном направлении. К тому же ни на одном из этих направлений советские войска не имели решающего превосходства над противником.

Именно по этим причинам командующий войсками Западного фронта генерал Жуков на упомянутом заседании Ставки заявил, что план общего наступления нереален. Самым разумным он полагал усилить фронты одного только западного направления для проведения более мощного наступления. Что касается других направлений, то, по мнению Жукова, наступать там в сложившейся обстановке просто бессмысленно, ибо советские войска натолкнутся на хорошо подготовленную оборону немцев, прорвать которую без мощных артиллерийских средств они не в состоянии. А таких средств усиления у Ставки не было. Соображения Жукова поддержал заместитель председателя Совнаркома СССР Н.А. Вознесенский, добавив, что в данный момент государство не располагает материальными ресурсами для обеспечения одновременного наступления всех девяти фронтов. Однако переубедить Верховного Главнокомандующего им не удалось.

Сталин, Генеральный штаб, другие участники совещания, конечно, видели изъяны плана дальнейших действий. Но они понимали и другое: уже четыре месяца длилась блокада Ленинграда, в течение которых Ставка была не в состоянии оказать необходимую помощь ленинградцам. Только теперь, после отвода угрозы от столицы, появилась возможность усилить войска на северо-западном направлении и активизировать борьбу по снятию вражеской блокады. Кроме того, и И.В. Сталин, и Генеральный штаб считали, что сложившаяся обстановка благоприятна для освобождения Донбасса и Крыма.

Что касается недостатка сил и средств, то, по мнению Верховного Главнокомандующего, его можно было компенсировать умелыми действиями войск, для чего потребовалось "заменить в практике наших армий и фронтов действия отдельными дивизиями, расположенными цепочкой, действиями ударных групп, сосредоточенных в одном направлении... и заменить так называемую артиллерийскую подготовку артиллерийским наступлением". Последнее означало, что артиллерия должна

наступать вместе с пехотой, вести огонь в течение всего "наступления, пока не будет взломана оборонительная линия противника на всю ее глубину", и что "артиллерия должна быть сосредоточена не в любом месте фронта, а в районе действия ударной группы армии, фронта..."³.

Эти принципы излагались в директивном письме Ставки ВГК № 03, которое в ночь на 10 января 1942 г. по прямому проводу было направлено военным советам фронтов и армий⁴.

Директива сыграла положительную роль в развитии принципов массирования сил и средств и боевого применения артиллерии в наступлении. Однако острая нехватка боеприпасов в тот период зачастую сводила на нет все очень правильные теоретические установки Ставки.

Итак, Ставка ВГК утвердила план общего наступления Красной Армии, который не имел достаточного обеспечения силами и средствами. Недостаток их мыслилось возместить путем создания во фронтах и армиях ударных групп и переходом к артиллерийскому наступлению. Но командный состав не имел еще такого опыта, а вести артиллерийское наступление не позволял острейший дефицит боеприпасов.

В начале января германское командование предприняло все меры, только бы восстановить боеспособность своих армий на восточном фронте. Чтобы остановить наступление советских войск, оно продолжало направлять туда свежие дивизии, маршевое пополнение, боеприпасы и другие материальные средства. К тому времени немцам удалось стабилизировать положение на своих флангах: группа армий "Север", остановив наступление советских войск, прочно закрепилась на левом берегу р. Волхов; оправилась от поражения под Ростовом и группа армий "Юг". А вот положение группы армий "Центр" вызывало в Берлине некоторую обеспокоенность, ибо под Ржевом сохранялась опасность, что 9-я армия будет отрезана от своих коммуникаций. Кризисная ситуация сложилась в полосе 4-й армии, когда советские войска взяли Боровск и обошли правый фланг 20-го армейского корпуса. В случае дальнейшего их продвижения в северном направлении корпус мог оказаться в котле, а это в свою очередь привело бы к тому, что советские войска нанесут удар непосредственно на Вязьму, который мог привести к «большому окружению всей группы армий "Центр"»⁵. Ликвидировать эту опасность Гитлер поручил командующему 4-й танковой армией генералу Гепнеру, передав в его подчинение 20-й армейский корпус. Гепнер, полагая, что для успешной реализации поставленной перед ним задачи необходимо немедленно отвести корпус к северо-западу от Боровска, 6 января обратился к командующему группой армий "Центр" фельдмаршалу Клюге, но тот отклонил это предложение.

Очень сложной оставалась обстановка и в полосе 2-й танковой армии, так как в разрыв, образовавшийся на ее стыке с 4-й полевой армией, устремилась оперативная группа генерала Белова, которая начала развивать успех на юхновском направлении, а через брешь на смежном со 2-й полевой армией фланге наступали войска 10-й советской армии. Они уже настолько приблизились к железной дороге Брянск–Вязьма, что возникла прямая угроза этой жизненно важной для группы армий "Центр" артерии.

Поскольку выдвижение свежих сил с запада шло в недостаточно высоких темпах, Гитлер потребовал от войск оказывать ожесточенное сопротивление русским. Право на отход они получали только с разрешения вышестоящего командования и в том случае, если из-за "отсутствия боеприпасов или продовольствия войска не смогут наносить потери противнику"⁶.

Таким образом, у противника на центральном участке восточного фронта имелось немало слабых мест. Вследствие этого немецкий исследователь Рейнгардт с полным основанием мог утверждать, что, "несмотря на все меры, принимаемые Гитлером, ОКХ и Клюге, группу армий ("Центр". – *Ред.*) нельзя было бы спасти,

если бы ей противостоял сильный, умеющий использовать свои преимущества противник..."⁷.

Советское командование при подготовке общего наступления исходило из того, что успех его будет обусловлен целенаправленностью усилий и непрерывностью боевых действий. Применительно к фронтам западного направления эта зависимость была выражена в директиве Ставки от 7 января 1942 г. Ее суть заключалась в том, чтобы, во-первых, все дальнейшие усилия войск направить на окружение ржевско-вяземской группировки противника, а, во-вторых, приступить к операции немедленно, т.е. никакой паузы между окончанием контрнаступления и началом общего наступления не должно быть. С этой целью Ставка приказала: Калининскому фронту нанести удар в направлении Ржева и Вязьмы, Западному – в направлении Юхнова и Вязьмы. Совместными усилиями они должны были "окружить, а затем пленить или уничтожить" всю ржевско-вяземскую группировку противника. Кроме всего прочего Западный фронт силами 20-й армии прорывал оборону врага на р. Лама⁸.

Северо-Западный фронт под командованием генерала П.А. Курочкина должен был наступать на старорусском и торопецком направлениях с задачей разгромить противника в районе озер Селигер и Волго, обойти его ржевско-вяземскую группировку с запада, отрезать пути отхода и "во взаимодействии с войсками Калининского фронта" уничтожить ее⁹.

В соответствии с указаниями Верховного Главнокомандующего в наступление 8 января 1942 г. перешли войска Калининского, левого крыла и центра Западного фронтов; 9 января – ударные армии Северо-Западного фронта; 10 января – армии правого фланга Западного фронта. Итак, начался завершающий этап битвы под Москвой.

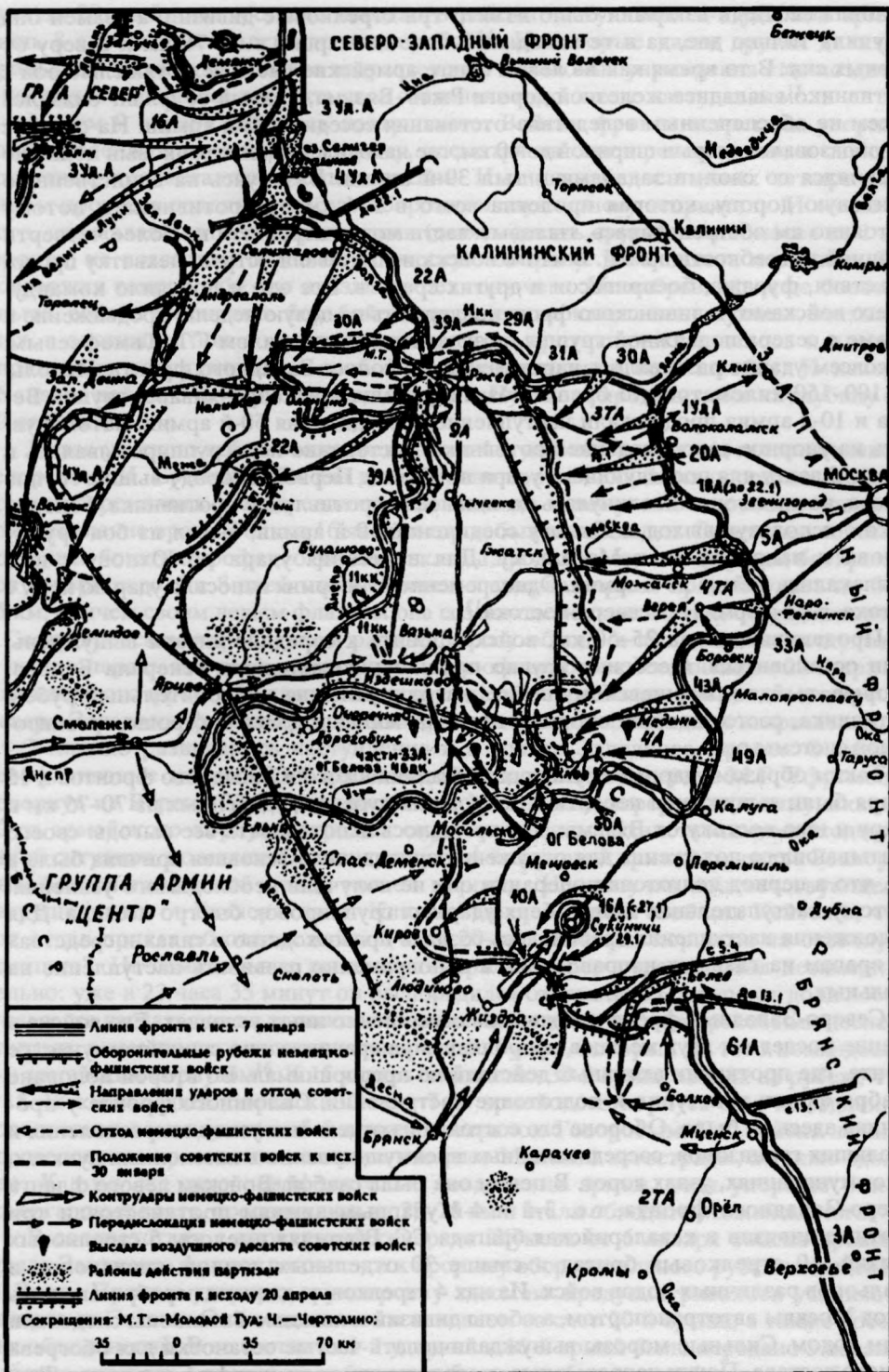
6–7 января ударная группа Калининского фронта прорвала оборону противника западнее Ржева и, расчленив 6-й армейский корпус немцев на две части, отбросила одну на восток, к Ржеву, а другую – к станции Оленино. С утра 8 января 39-я армия под командованием генерала И.И. Масленникова частью войск продвигалась к Ржеву, а основными силами – на юг, в сторону Вязьмы. Отражая контратаки противника, главные ее силы к вечеру 10 января достигли рубежа, что был в 35 км юго-западнее Ржева. Быстрый выход армии на фланг и в тыл ржевской группировки противника существенно изменил обстановку. Противоборствовавшие стороны торопились принять экстренные меры. Ставка ВГК в ночь на 11 января потребовала от командующего войсками Калининского фронта генерала И.С. Конева "в течение 11 и ни в коем случае не позднее 12 января овладеть г. Ржев..."¹⁰.

Не сидело сложа руки и германское командование: оно бросило против главных сил 39-й армии танковую и пехотную дивизии. При этом штаб 9-й полевой армии из-за опасения попасть в окружение 12 января вынужден был переместиться из Сычевки в Вязьму¹¹.

Дальнейшие события показали, что поставленные Ставкой задачи превышали возможности 29-й и 39-й армий, войска которых за период контрнаступления понесли значительные потери. К тому же на подступах к Ржеву немцам за счет сокращения линии фронта и переброски новых частей удалось повысить оперативную плотность и усилить свою оборону. В итоге советским армиям освободить этот город с ходу не удалось. Пришлось генералу Коневу, перегруппировав силы, нацелить 29-ю армию только на Ржев, а 39-ю – на Вязьму.

Не привел к изменению положения и ввод в сражение 12 января подвижной группы фронта – 11-го кавалерийского корпуса, ибо сил и средств у нее было мало: 5800 человек, 84 орудия и миномета, 27 противотанковых ружей¹².

39-я армия оказалась в сложном положении. Дело в том, что рокировка войск, осуществленная Коневым в интересах быстрейшего освобождения Ржева, сильно

Наступление советских войск на западном направлении.
 Январь—апрель 1942 г.

ослабила ее. Ведь из армии было изъято три стрелковые дивизии, а взамен она получила только две, да и те находились еще на марше, в 60–70 км к северу от главных сил. В то время как на левом фланге армейские части вели тяжелые бои с противником западнее железной дороги Ржев–Вязьма, правый ее фланг оказался совсем не обеспеченным вследствие отставания соседней 22-й армии. На стыке с ней образовался разрыв шириной до 40 км, где находился один стрелковый полк. Не справлялся со своими задачами и тыл 39-й армии. Базируясь на единственную грунтовую дорогу, которая пролегла всего в 3–4 км от противника и потому постоянно им обстреливалась, тыловые части могли перевезти не более четверти суточной потребности армии. В итоге войска испытывали острую нехватку продовольствия, фуража, боеприпасов и других средств. Все это и побудило командующего войсками Калининского фронта задерживать на целую неделю продвижение к Вязьме с севера подвижной группы, возглавляемой генералом Г.Т. Тимофеевым. Не совсем удачно развивалось наступление и в полосе Западного фронта. Используя 100–150-километровую брешь, созданную еще в декабре–январе, группа Белова и 10-я армия продолжали наступление, а соединения 50-й армии, натолкнувшись на упорное сопротивление противника, постепенно перегруппировывались к левому флангу для последующего удара на Юхнов. Первой к городу вышла группа Белова, но здесь она натолкнулась на сильное сопротивление противника. Генерал Жуков, используя выход к Юхнову соединений 50-й армии, вывел из боя группу Белова и направил ее к Мосальску. Для нанесения удара по Юхнову с юга привлекались войска 50-й армии. Одновременно 49-я армия наносила удар по нему с востока, а 43-я армия – с северо-востока¹³.

Продвинувшись на 25–50 км, войска фронта к середине января вынуждены были остановиться. Особенно трудно пришлось соединениям генерала Белова, которые, выйдя к Варшавскому шоссе, натолкнулись на оборонительный рубеж противника, состоявший из опорных пунктов, минных полей и хорошо организованной системы огня.

Таким образом ударные группировки Калининского и Западного фронтов к 15 января были вынуждены перейти к обороне на рубежах, удаленных на 70–75 км к северу и юго-востоку от Вязьмы. Им не удалось использовать все выгоды своего охватывающего положения для окружения противника. Основная причина была в том, что в период подготовки операции они не получили необходимого усиления. Поэтому наступательная мощь обеих ударных группировок быстро иссякла. Для продолжения наступления требовалось создать превосходство в силах и средствах над врагом на главных направлениях и одновременно развивать наступление на остальных.

Северо-Западный фронт находился в совершенно иных условиях. Его войска в течение последних двух месяцев оборонялись на сравнительно спокойном участке фронта, где противник активных действий не предпринимал. Во второй половине декабря фронт приступил к подготовке наступления. Сплошного фронта у противника здесь не было. Оборона его состояла из отдельных узлов сопротивления и небольших гарнизонов, сосредоточенных преимущественно в населенных пунктах, на коммуникациях, узлах дорог. В целом она была слабой. Войскам левого фланга Северо-Западного фронта, т.е. 3-й и 4-й ударным армиям противостояли три пехотные дивизии и кавалерийская бригада СС. В армиях имелось: 5 стрелковых дивизий, 10 стрелковых бригад и свыше 30 отдельных полков, дивизионов и батальонов различных родов войск. Из них 4 стрелковые дивизии перебрасывались из-под Москвы автотранспортом, а обозы дивизий и лыжные батальоны следовали своим ходом. Сильные морозы вынуждали делать частые остановки для обогрева личного состава. Почти непрерывные снегопады снижали скорость движения. Так, маршрут 332-й стрелковой дивизии полковника С.А. Князькова проходил через Дмитров, Кимры, Лихославль, Торжок, Осташков. Преодолев 400-километровый

путь за 20 дней, она достигла исходного района наступления 4-й ударной армии лишь 8 января, т.е. за день до ввода в бой¹⁴. Некоторые части других дивизий прибыли 9 числа, а отдельные подразделения и тыловые учреждения еще позднее, а потому им пришлось догонять свои соединения уже в ходе наступления¹⁵.

Утром 9 января началось наступление. Войска фронта встретили упорное сопротивление противника и потому, несмотря на свое преимущество в силах и средствах, продвигались очень медленно. Им понадобилось целых четыре дня, чтобы прорвать довольно слабую оборонительную полосу неприятеля. И все из-за того, что малая плотность артиллерии (девять-десять орудий и минометов на 1 км фронта) не позволила подавить вражескую оборону. Да и пехота наступала без поддержки танков, ибо они оказались без горючего. Не набравшись еще боевого опыта, войска увлекались борьбой за укрепленные населенные пункты, ввязывались в затяжные бои с мелкими гарнизонами противника. Сказалось и плохое управление войсками из-за слабой подготовленности всех штабов. К исходу 16 января войска 3-й ударной армии генерала Пуркаева продвинулись на глубину от 20 до 60 км.

Более успешно действовали соединения 4-й ударной армии под командованием генерала А.И. Еременко. За два дня оборона противника была прорвана. Войска армии устремились к Андреаполю. На подходе к нему они встретили упорное сопротивление врага. Только 16 января город был освобожден. Советским войскам достались богатые трофеи: огромные склады продовольствия и фуража, боеприпасов и горючего. За 8 дней наступления 4-я ударная армия продвинулась на 60–65 км, причем своим левым флангом она создала немецким частям, оборонявшимся в Селижаровском укрепленном районе, угрозу обхода и вынудила их отступить. В свою очередь это дало возможность правофланговым соединениям 22-й армии Калининского фронта 16 числа выйти на правый берег Волги. Армии левого крыла Северо-Западного фронта продолжали продвижение в юго-западном направлении.

Успешно развивалось наступление и в полосе Западного фронта. 8 января левофланговые дивизии 33-й армии под командованием генерала М.Г. Ефремова, повернув на Верею (22 км юго-восточнее Можайска), перерезали коммуникации 20-го армейского корпуса, угрожая ему окружением. Единственным выходом в такой ситуации, по мнению командующего 4-й танковой армией генерала Гепнера, был безотлагательный отвод частей корпуса. Не получив соответствующего разрешения ни от Гитлера, ни от Клюге, Гепнер вечером сообщил Кейтелю, что "он отдал приказ об отходе войск 7-го и 20-го армейских корпусов на отсечную позицию". На самовольное решение генерала фюрер отреагировал незамедлительно: уже в 23 часа 35 минут он распорядился отстранить Гепнера от должности и навсегда изгнать его из армии со всеми вытекающими отсюда правовыми последствиями, а вместо него назначил генерала Р. Руофа, который до того командовал 5-м армейским корпусом¹⁶. К 15 января соединения 33-й армии вышли на рубеж, что в 15–18 км западнее Боровска. Отход 7-го армейского корпуса был немедленно использован командующим 5-й армией генералом Говоровым. Его войска начали преследование противника севернее и южнее Минской автомагистрады, а также вдоль нее. К тому же дню левофланговые соединения армии, ведя упорные бои с арьергардами врага, продвинулись на 20–25 км и стали обходить Можайск с юга.

В соответствии с директивой генерала Жукова от 6 января войска правого крыла Западного фронта готовились к прорыву оборонительного рубежа немцев на р. Лама. Причем ударную группировку здесь не предусматривалось усиливать резервами Ставки. Она создавалась в основном за счет 20-й армии, а также соседних объединений. В ее состав из 1-й ударной и 16-й армий было передано 3 кавалерийские дивизии, 4 стрелковые бригады, 5 полков, 5 лыжных батальонов, 50 танков, 321 орудие и миномет¹⁷. В результате соотношение сил и средств в полосе наступления 20-й армии составило: по пехоте – 3,2:1, по орудиям – 3,5:1, по мино-

метам – 4,0:1 и по танкам – 2:1 в пользу ее войск¹⁸, плотность артиллерии калибра 76-мм и выше достигла 57 орудий и минометов на 1 км участка прорыва¹⁹.

Но почему Жуков поступил так, а не иначе? Причин тут немало. Во-первых, 20-я армия занимала выгодное оперативное положение, захватив в ходе предшествовавшей операции важный оперативный плацдарм на западном берегу р. Лама. Во-вторых, армия должна была наступать вдоль Волоколамского шоссе, а это давало ей значительные преимущества перед соседними армиями при решении вопросов маневра и подвоза материальных средств в условиях глубокого снежного покрова. Иными словами, она имела возможность подготовиться к наступлению в самые сжатые сроки. В-третьих, не получив от Ставки пополнения, Жуков за счет предельного ослабления второстепенных направлений осуществил массирование сил и средств на главном направлении. Все это показывает, насколько серьезно и продуманно командующий фронтом готовил данную операцию, в которой, в частности, впервые за войну он создал самую высокую плотность артиллерии на участке прорыва.

Утром 10 января, несмотря на сильную метель, после полуторачасовой артиллерийской подготовки, войска 20-й армии под командованием генерала А.А. Власова перешли в наступление. Преодолевая упорное сопротивление противника, соединения армии за день боя продвинулись всего на 2–3 км. Власов искал способ увеличить темп прорыва обороны. Однако его намерение помочь войскам первого эшелона за счет ввода подвижной группы не нашло поддержки у генерала Жукова. Командующий фронтом разрешил использовать ее лишь тогда, когда будет прорвана оборона противника. "Иначе, – подчеркивал он, – ввод конницы никакого эффекта не даст, а приведет только к ее уничтожению"²⁰.

На следующий день немцы трижды переходили в контратаки, пытаясь восстановить утраченное положение, но цели своей не достигли. Впрочем, атаки соединений 20-й армии тоже были малоуспешными. Столь же незначительным явилось продвижение частей 1-й ударной армии, которой командовал генерал В.И. Кузнецов.

К вечеру 12 января правофланговые соединения 20-й армии углубились в оборону противника еще на 5 км. В связи с этим генерал Власов решил с утра ввести в прорыв подвижную группу. Однако ввод ее оказался несколько преждевременным, так как оборона врага не была полностью прорвана. 2-му гвардейскому кавалерийскому корпусу под командованием генерала И.А. Плиева потребовалось еще двое суток, чтобы завершить прорыв в районе д. Высоково (в 9–12 км от переднего края). "Густота населенных пунктов и глубокий снежный покров не позволяли обходить укрепленные узлы немцев. В связи с чем приходилось вести бои за каждую деревню, за каждый участок местности. Это вызывало задержку наступления. Попытки же просачивания между укрепленными пунктами привели к большим потерям (особенно в конском составе) и не дали положительных результатов"²¹.

Тем не менее к 15 января прорыв в обороне немцев на р. Лама был расширен до 15 км по фронту и до 20 км в глубину. У войск правого крыла Западного фронта появилась возможность развить успех в направлении Гжатска и выйти на фланг 4-й танковой армии противника.

Почувствовав угрозу, германское командование принимало соответствующие контрмеры: 15 января фюрер вынужден был подписать приказ об отходе группы армий "Центр" на зимнюю позицию. Отход войск при сокращении фронта обороны на 100 км Гитлер обусловил целым рядом предварительных требований. Во-первых, ликвидировать прорыв советских войск западнее Ржева, отрезать их от тыловых коммуникаций и уничтожить. Во-вторых, 4-я полевая и 4-я танковая армии должны сначала ликвидировать прорыв под Медынью. В-третьих, 4-я армия обязана при любых обстоятельствах удержать рубеж обороны южнее и восточнее Юхнова,

обеспечив надежное прикрытие Варшавского шоссе на участке Рославль, Юхнов, а 2-й танковой армии он приказал деблокировать Сухиничи, которые с 29 декабря были окружены войсками 10-й армии. Чтобы высвободить резервы для этих операций, Гитлер позволил Клюге выровнять линию фронта в районе Волоколамска, Рузы и юго-восточнее Юхнова²².

Выполняя приказ Гитлера, 11 немецких корпусов начали отходить, в основном ночью, с рубежа, протяженность которого составляла около 350 км. Но, несмотря на все принятые меры маскировки, сохранить в тайне столь крупномасштабный маневр германскому командованию не удалось. Отход сразу же был зафиксирован советской разведкой, что позволило соединениям 30-й армии Калининского и главным силам Западного фронтов тут же перейти к преследованию.

И.В. Сталин распорядился, чтобы войска 39-й армии Калининского фронта прочно встали "на путях отхода противника", а части 11-го кавалерийского корпуса приступили к развитию наступления на Вязьму и перерезали железную дорогу и автостраду Москва–Минск к западу от Вязьмы²³. В целях содействия Калининскому и Западному фронтам в окружении и уничтожении ржевско-вяземской группировки врага он приказал командующему воздушнодесантными войсками Красной Армии генералу В.А. Глазунову не позднее 21 января выбросить 4-й воздушнодесантный корпус юго-западнее Вязьмы с задачей перерезать основные коммуникации противника между Вязьмой и Смоленском и не допустить отхода его войск на запад. Далее последовала его директива о том, чтобы к исходу 19 января вывести из боя части 1-й ударной армии и не позднее 6 февраля перебросить их вместе с полевым управлением армии на Северо-Западный фронт, а тому к 22 января передать 3-ю и 4-ю ударные армии в состав Калининского фронта²⁴.

Можно сказать, что решения И.В. Сталина носили кардинальный характер, а базировались они в основном на его излишне оптимистических выводах из оценки обстановки. По его мнению, происходившие события подтверждали именно его точку зрения: немцы в полной растерянности, они в панике бегут, значит принятый по его настоянию план общего наступления был, безусловно, своевременным и правильным, ибо, мол, сам ход операции доказал точность его предвидения.

Вначале армии правого крыла Западного фронта вели преследование противника непрерывно днем и ночью, с предельным напряжением сил. Причем войска действовали не только на путях отхода немцев, но и по параллельным маршрутам, а лыжные батальоны направлялись на фланги и в тыл противнику. Однако с 19 января наступление затормозилось. Вывод из состава фронта 1-й ударной армии привел к тому, что ширина полосы наступления 20-й армии увеличилась вдвое, уменьшилась оперативная плотность и потребовалось дополнительное время на перегруппировку войск. А 21 января положение еще более осложнилось. В тот день генерал Г.К. Жуков направил полевое управление 16-й армии во главе с генералом К.К. Рокоссовским в район Сухиничей, где немцы нанесли сильный контрудар по оборонявшимся там частям. Изъятие 1-й ударной армии привело к уменьшению более чем наполовину боевого состава правого крыла Западного фронта. В итоге наступательные возможности советских войск резко сократились, а немцам представилась прекрасная возможность отвести свои соединения без особых помех.

А вот войска центра Западного фронта действовали более успешно. Соединения 5-й армии 20 января освободили Можайск, через два дня станцию Уваровка (139 км западнее Москвы). Это был последний крупный опорный пункт противника на территории Московской области. 25 января они достигли зимней позиции немцев, проходившей по меридиану примерно в 15 км восточнее Гжатска, однако прорвать ее не смогли. С этого момента войска генерала Говорова оказались втянутыми в напряженные затяжные бои.

Южнее наступала 33-я армия под командованием генерала М.Г. Ефремова. 19 января ее правифланговые дивизии сломали сопротивление немцев и штурмом

овладели городом Верея. Об упорстве боев за город говорит тот факт, что с 16 по 19 января он трижды переходил из рук в руки. Одновременно части трех левофланговых соединений успешно наступали в юго-западном направлении. После непродолжительной схватки с противником на стыке его 4-й танковой и 4-й полевой армий (в 25 км севернее Юхнова) они 26 января наконец-то пробили брешь в обороне врага шириной до 12 км и устремились в нее. В дальнейшем эти соединения форсировали р. Воря и Угра и, вклинившись на глубину до 40 км, к 1 февраля достигли рубежа, что в 7–8 км юго-восточнее и южнее Вязьмы. Вскоре еще одна – 329-я стрелковая дивизия во главе с полковником Н.М. Маковчуком вошла в пробитый коридор, в то время как другие четыре стрелковые дивизии 33-й армии находились в 20–30 км восточнее входа в этот коридор²⁵.

По распоряжению генерала Жукова для содействия группе Белова в прорыве обороны противника перед Варшавским шоссе 18–22 января были десантированы 250-й стрелковый полк и два парашютных батальона 201-й воздушнодесантной бригады в районе с. Желанье и Великополье (45–50 км западнее Юхнова). Десантники вступили в бой с подразделениями полицейского полка, а частью сил продвигались в сторону линии фронта, навстречу войскам группы Белова. Действия десантных отрядов в тылу юхновской группировки врага в немалой степени способствовали войскам группы Белова.

Вблизи д. Батищево (27 км юго-западнее Юхнова) в ночь на 25 января одному из лыжных батальонов группы удалось захватить участок Варшавского шоссе. Генерал Белов незамедлительно приступил к сосредоточению частей пяти кавалерийских дивизий к пробитому в обороне врага узкому коридору. В ночь на 30 января конница завершила переход через шоссе и, соединившись с десантниками, двинулась на Вязьму²⁶. 2 февраля они достигли рубежа, что был в 12 км южнее города. А стрелковые дивизии группы оставались на Варшавском шоссе с целью обеспечить проход дивизионной артиллерии, средств ПВО и тылов²⁷.

Еще 26 января в район 17–30 км западнее Вязьмы вышли части 11-го кавалерийского корпуса Калининского фронта, которым удалось перерезать Минскую автостраду и железную дорогу на Смоленск. С 27 января по 2 февраля в район юго-западнее Вязьмы была десантирована 8-я бригада 4-го воздушнодесантного корпуса в количестве 2100 человек. Таким образом под Вязьмой удалось сосредоточить четыре стрелковые и восемь кавалерийских дивизий, пять отдельных лыжных батальонов и одну воздушнодесантную бригаду. Этим войскам предстояло освободить Вязьму, нарушить коммуникации противника и отрезать ему пути отхода.

1 февраля Ставка ВГК, учитывая общность задач Калининского и Западного фронтов, а также необходимость более тесного их взаимодействия, восстановила должность главнокомандующего Западным направлением, обязанности которого возложила по совместительству на командующего войсками Западного фронта генерала Г.К. Жукова. При этом она указала, что "задачей ближайших дней Западного направления наряду с задачей занятия г. Вязьмы считать окружение и пленение ржевско-сычевской группы противника или в случае отказа сдать – истребление этой группы"²⁸.

В полночь 2 февраля части генерала Белова атаковали Вязьму с запада. Получив об этом донесение, Жуков тут же отдал приказ генералу Ефремову немедленно "атаковать город с юга и юго-востока". В журнале боевых действий Западного фронта далее зафиксировано: "33-я армия с 11.00 2.2.42 г. начала наступление на г. Вязьма". К исходу дня ее части вели бои "в районе Алексеевское (южная окраина Вязьмы)". 3 февраля она установила связь с группой Белова²⁹. Однако достичь поставленных целей советским войскам не удалось, хотя, казалось бы, сил у них было достаточно.

Потеря Вязьмы, а также тех питающих артерий, что проходили через город,

имела бы катастрофические последствия для всей группы армий "Центр". Удержание ее стало фактором стратегического значения. Вот почему фельдмаршал Клюге приказал в первую очередь без всякого промедления стягивать войска к Вязьме, а уж только потом заняться ликвидацией бреши севернее и южнее Юхнова. Выполняя этот приказ, немцы к 1 февраля сосредоточили под Вязьмой до шести дивизий³⁰ и, отбросив части 11-го кавкорпуса к северу от автостреды, восстановили прерванные коммуникации. Группу Белова и войска 33-й армии, начавших атаку Вязьмы, немцы встретили хорошо организованной системой огня всех видов и контратаками пехоты, поддержанной танками и авиацией. К преодолению такой обороны советские войска оказались не готовы. Занять Вязьму с ходу им не удалось, более того уже на второй день боев они сами попали в трудное положение.

3 февраля немцы нанесли с севера и юга встречные удары, благодаря чему им удалось закрыть бреши под Юхновом. В результате советские войска, пытавшиеся окружить противника, сами оказались не только отрезанными, но и расчлененными. Половина состава войск 33-й армии и две стрелковые дивизии группы Белова вместе с большей частью дивизионной конной артиллерии и средствами ПВО, а также тылами обоих объединений остались за линией фронта. Положение углублялось тем, что у отрезанных соединений почти закончились продовольствие и фураж, оставалось всего по 5–6 выстрелов на орудие и миномет.

Столь крутой поворот событий явился полной неожиданностью для советского командования. Оно явно не рассчитывало на такое сильное и активное противодействие врага. Вот почему генерал Ефремов для закрепления флангов участка прорыва шириной в 12 км выделил всего один стрелковый батальон, который занял оборону у д. Захарово (23 км севернее Юхнова)³¹. И, конечно, частям 20 танковой, 17 и 183-й пехотных дивизий противника не составило особого труда, сломив сопротивление одного батальона, закрыть эту брешь. В ночь на 4 февраля 17-я пехотная дивизия была усилена частями 98 и 268-й пехотных дивизий, а к 7 февраля – частями 255 пехотной и 5-й танковой дивизий.

Недооценило советское командование и немецкую авиацию. Так, командир 4-го воздушнодесантного корпуса выбрал исходный район для десантирования вблизи линии фронта; к тому же вывод войск и сосредоточение транспортной авиации осуществлялись без соблюдения элементарных мер маскировки и при слабой противовоздушной обороне. В итоге противник без особых усилий вскрыл подготовку операции. Он нанес бомбо-штурмовой удар по изготовившимся к взлету самолетам, уничтожив и повредив 15 транспортных машин. Среди десантников и летного состава оказалось много убитых и раненых. И после этого аэродромы подвергались систематическим ударам противника с воздуха. Процесс десантирования сильно усложнился и затянулся: на выброску лишь одной воздушнодесантной бригады потребовалась целая неделя. Действия немецкой авиации, по существу, сорвали десантную операцию. Ее пришлось прекратить, а оставшиеся две бригады возвратить к месту постоянной дислокации.

Главнокомандующий Западным направлением генерал Жуков резко отреагировал на события под Юхновым. От командующего 43-й армией генерала Голубева он потребовал до 4 февраля восстановить положение. Руководство частями, выделенными для разгрома противника, возлагалось на начальника штаба 33-й армии генерала А.М. Кондратьева. Батальон, который оборонял фланги прорыва, генерал Жуков приказал "вернуть обратно, виновных в сдаче этого особо важного пункта (Захарово. – *Ред.*) арестовать, судить и расстрелять на месте независимо от количества". Генералам Ефремову и Белову приказывалось "ускорить взятие Вязьмы, используя время, пока противник еще слаб"³².

4 февраля фронтальная разведка зафиксировала движение немецких колонн от Юхнова в северо-западном направлении. Сей маневр, осуществляемый германским командованием с целью усиления своей вяземской группировки, в штабе Западного

фронта приняли за начало отступления из Юхнова по вяземскому большаку. В связи с этим командующему 50-й армией генералу Болдину было приказано "всемерно усилить темп наступления, перерезать Варшавское шоссе и завершить в этом районе окружение противника", генералу Ефремову – "дезорганизовать движение противника по вяземскому большаку, а отходящие части уничтожить"³³.

Все это говорит о том, что случившееся под Юхновом происшествие командование Западного фронта всерьез не восприняло, посчитав его за досадное недоразумение, которое можно быстро устранить. Поэтому и принятые меры были явно не адекватны действиям противника. Правда, уже 5 февраля Жукову стало ясно, что выделенных им войск недостаточно для восстановления утраченного положения. Он решил привлечь главные силы 43-й армии. Но, как показывают оперативные расчеты, для подготовки ее соединений к участию в этой операции требовалось не менее двух-трех суток. А ведь к тому времени девять дивизий, отрезанных под Вязьмой, уже более трех суток не имели продовольствия и боеприпасов. Понимая это, Жуков передает Ефремову и Белову: "Дня через три-четыре к вам будут подходить части Голубева и Болдина"³⁴. По сути, это означало: потерпите, дескать, еще несколько дней.

Командование и штаб фронта развернули активную деятельность по оказанию помощи отрезанным войскам. Они организовывали наступления извне, чтобы прорвать оборону противника под Юхновом и установить непосредственную связь со своей вяземской группировкой. Жуков постоянно информировал Ефремова и Белова о немецких войсках под Вязьмой. Указывая на то, что это в основном обозы и другие тыловые подразделения врага, он упрекал Ефремова в том, что "его части и ведут себя преступно плохо, поддаваясь панике и беспорядку", а в конце потребовал "всех трусов, паникеров, провокаторов судить и расстреливать перед строем"³⁶.

Что ж, война всегда требует жесткого порядка и организованности, поэтому можно понять и даже оправдать применяемые командованием меры по поддержанию воинской дисциплины. Но как оправдать такие указания Жукова: "Продовольствие искать на месте, подавать его не будем, нет самолетов, искать снаряды также на месте"³⁶? Это говорит о том, что операция на вяземском направлении не имела соответствующих видов обеспечения: ни оперативного, ни материально-технического. И оттого противник без особого труда захлопнул ловушку, в которую без оглядки на свои фланги и тылы ринулись соединения 33-й армии и группы Белова. Принятые же командованием Западного фронта контрмеры оказались неэквивалентными по силе и запоздалыми по времени. В свою очередь немцы, перегруппировав войска, успели усилить оборону под Юхновом так, что все бесчисленные попытки прорвать ее, предпринятые 43, 49 и 50-й армиями в феврале, успеха не принесли.

В сложившейся ситуации окруженным войскам оставался один-единственный выход: перейти на самообеспечение и тесное взаимодействие с партизанами. Важнейшими объектами их атак стали коммуникации и склады, где иной раз они добывали богатые трофеи. Так, 329-я стрелковая дивизия на станции Волоста-Пятница (20 км южнее Вязьмы. – *Ред.*) захватила 150 вагонов боеприпасов, 8 танков (из них 6 исправных), а группа Белова свыше 100 отечественных орудий и склад боеприпасов³⁷. Партизаны не только выполняли боевые задачи по распоряжениям генералов Ефремова и Белова, но и снабжали войска продовольствием, оружием, боеприпасами. А отряды смоленских партизан под командованием В.И. Воронченко, Ф.Н. Деменкова и В.А. Киселева, освободив 15 февраля г. Дорогобуж, способствовали выходу в этот район частей группы Белова.

Но в целом положение окруженных оставалось чрезвычайно сложным. К тому же из-за неизбежных боевых и санитарных потерь, их ряды постепенно редели. Например, численность группы Белова к 7 февраля сократилась с 28 тыс. почти до

6 тыс. человек, из них одних только раненых было около 1500³⁸. В такой ситуации 9 февраля И.В. Сталин подписал приказ, в котором обязал военные советы действующих армий для пополнения своих частей личным составом призывать в порядке мобилизации граждан "освобожденных от оккупации территорий в возрасте от 17 до 45 лет из числа лиц, не призывавшихся в Красную Армию в течение истекших месяцев войны"³⁹. Реализация этого приказа позволила увеличить численность вяземской группировки советских войск. Представитель Генерального штаба при 33-й армии подполковник Н.Н. Борисенко докладывал, что на 11 марта соединения и части этой армии уже насчитывали 12 780 человек, т.е. ее состав за неделю увеличился почти на 6 тыс. человек⁴⁰.

Германское командование считало, что прорвавшиеся под Вязьму войска Красной Армии больших самостоятельных операций провести не смогут, но в то же время и уничтожить их весьма трудно. Поэтому целесообразнее всего сковать их силы. Стремясь в максимальной степени парализовать вяземскую группировку, немцы решили осуществить ряд специальных акций. Прежде всего отдельные дивизии и прочие боевые части были объединены в группу "Шенкендорф", сформированы конные отряды и подразделения из местного населения. Командование 4-й полевой армии отдало приказ о задержании всего мужского населения в возрасте от 16 до 50 лет и отправке его в концентрационные лагеря. Органы тайной полевой полиции, специальная команда при 12-м армейском корпусе и командование корпусного тылового района развернули крупномасштабные репрессии против местных жителей: всех лиц, подозреваемых в акциях саботажа или действиях, враждебных вермахту, надлежало расстреливать по приказу офицера⁴¹.

Тем временем армии правого крыла Калининского фронта разгромили противника в озерном районе западнее Осташкова, обошли с юга демянскую группировку, окружили пятитысячный гарнизон в г. Холм, завязали бои за Великие Луки, Велиж и Демидов, выйдя на рубеж в 15 км к северо-востоку от Витебска. К 1 февраля они продвинулись на 250 км и, глубоко обойдя с запада ржевско-вяземскую группировку врага, нарушили оперативное взаимодействие между группами армий "Север" и "Центр". Командование вермахта еще в конце января выдвинуло на это направление 59-й армейский корпус, а также резервы из Западной Европы (три пехотные дивизии, стрелковую бригаду и отдельные части, вошедшие в состав групп "Зинцингер" и "Вельвер") и с 12 часов 1 февраля подчинило их управлению 3-й танковой армии, которое было переброшено в Витебск⁴². Этой группировке было поручено остановить продвижение советских войск и тем самым обеспечивать устойчивость левого крыла группы армий "Центр"⁴³.

3-я и 4-я ударные армии, растянувшиеся на фронте около 300 км, не смогли преодолеть возросшее сопротивление врага и перешли к обороне на достигнутых рубежах. В этой связи генерал И.С. Конев послал следующее донесение главному Западного направления: "...обе армии в непрерывных боях понесли потери, резко снизили свои боевые качества и требуют доукомплектования как людским составом, так и матчастью"⁴⁴. Так и не получив необходимого усиления, войскам пришлось в дальнейшем вести бои местного значения.

Итоги операции этих двух армий, получившей название Торопецко-Холмской, производят довольно сильное впечатление. В самом деле, ведя непрерывные бои с упорно оборонявшимся противником, войска наступали, несмотря на заносы и бездорожье, со средним темпом 10–12 км в сутки и продвинулись на глубину, какой не достигла ни одна другая наступавшая армия. Это был настоящий подвиг личного состава этих объединений.

Однако наступление 3-й и 4-й ударных армий из-за того, что его направление было выбрано неудачно, особого влияния на события под Вязьмой не оказало. Очевидно, результат был бы более весомым, если бы они наступали не по

расходящимся направлениям на запад и юго-запад, а нанесли один, а значит и более мощный удар на Вязьму.

И тем не менее наступление армий правого крыла Калининского фронта в целом было успешным, чего нельзя сказать о действиях главной ударной группировки фронта, войска которой оказались в сложной ситуации. Дело в том, что противник, воспользовавшись растянутостью боевых порядков советских частей и соединений, 21 января нанес внезапные контрудары со стороны Ржева. К исходу 25 января войска 6-го и 23-го немецких корпусов соединились на южном берегу Волги, к западу от Ржева, отрезав 29-ю и 39-ю (четыре дивизии из семи) армии, а также 11-й кавкорпус от главных сил фронта⁴⁵. С этого момента снабжение их стало возможным лишь через горловину у города Белый.

В последующие дни 29-я армия под командованием генерала В.И. Швецова сдерживала напор противника с востока и запада. Она предпринимала многочисленные попытки пробиться к северу, навстречу 30-й армии, но все безуспешно. Ее положение резко осложнилось, когда 46-й моторизованный корпус противника нанес удар из района северо-западнее Сычевки. Прорвав советскую оборону, корпус 5 февраля установил связь с 23-м армейским корпусом. Кольцо окружения вокруг 29-й армии замкнулось.

Более двух недель войска 29-й армии бились в окружении. При этом некоторые подразделения сражались до конца и все их воины погибли смертью храбрых⁴⁶. В рядах окруженных частей действовали и партизаны. А вот донесение в штаб ОКВ: "Высоты западнее станции Манчалово, где велись бои с окруженными русскими частями (здесь оборонялись части 183-й стрелковой дивизии генерала К.В. Комиссарова. – *Ред.*), удалось захватить только после жесточайших атак, поддержанных сильнейшим огнем артиллерии. Эти высоты противник оборонял с исключительным мужеством, используя хорошо развитую и отлично замаскированную линию обороны (участок ржевско-вяземского рубежа, оборудованного советскими войсками еще летом и осенью 1941 г. – *Ред.*), которая имела окопы глубиной до 2,5 м и пулеметные гнезда, соединенные между собой ходами сообщения. Их замерзшие брустверы не могли разбить даже снаряды 210-мм мортир"⁴⁷.

У окруженных закончились боеприпасы, не говоря уже о продовольствии. Сражаться с врагом стало нечем, а удерживать позиции бессмысленно. Получив разрешение командующего фронтом, войска, рассредоточившись на отдельные группы, в ночь на 17 февраля начали отходить. Через два дня Конев докладывал Сталину, что "на участке 30-й армии вышло около 200 человек. В район 252-й стрелковой дивизии (39-й армии. – *Ред.*) пробивлись части 185-й и 381-й стрелковых дивизий, а также армейские части во главе с генералом Швецовым; всего до 3500 бойцов и командиров, которые приводят себя в порядок"⁴⁸.

А фельдмаршал Клюге направил фюреру победную реляцию: "9-я армия генерала Моделя в течение четырех недель жестоких наступательных боев в непривычных погодных условиях нанесла тяжелое поражение 39-й и полностью уничтожила 29-ю русские армии. Всего с 21 января ликвидировано шесть и разбито четыре дивизии, взято в плен 4833 и убито 26 647 человек, захвачено и уничтожено 187 танков, 1037 орудий и минометов... огромное количество стрелкового оружия и снаряжения"⁴⁹.

Следует заметить, что приведенные цифры относятся к обеим армиям, поэтому определить потери 29-й армии по ним нельзя. Кроме того, достоверность цифр вызывает сомнение. Утверждение же о том, будто эта армия была полностью уничтожена, не соответствует действительности: три ее дивизии в окружение не попали, а продолжали вести боевые действия северо-западнее и севернее Ржева. Но бесспорно одно: потери армии и в самом деле были значительными, а участь окруженных трагичной.

Ставка ВГК, ставя задачи непосредственно перед армиями, зачастую не

учитывала их боевых возможностей и даже не выслушивала соображений командования фронта по этому поводу. В свою очередь командармы, не имея достаточных сил и средств, были не в состоянии одновременно с наступлением на большую глубину организовать надежное обеспечение флангов участка прорыва. В то же время командиры соединений и частей пренебрегали необходимостью или просто не умели закрепляться на достигнутых рубежах. А именно этими промахами и воспользовался противник в районе Юхнова. Нанеся внезапный контрудар под основание участка обороны, он отсек войска, которые, по словам Г.К. Жукова, огульно двигались вперед, совершенно не закрепляя за собой захваченную местность. Да, к сожалению, постижение азов военного искусства на полях сражений всегда оплачивается большой кровью.

То обстоятельство, что наступление советских войск на западном направлении в первой половине февраля не достигало успеха, свидетельствовало об установлении некоего равновесия сил сторон, а значит требовалось внести соответствующие коррективы в их планы.

Действительно, группе армий "Центр" за счет резервных соединений, маршевого пополнения, быстрого создания новых оборонительных рубежей, а главное, за счет сокращения протяженности линии фронта удалось значительно повысить свою мощь. Умело маневрируя военной техникой и пехотой, ее командование сумело остановить продвижение Красной Армии на запад. А после ликвидации брешей под Ржевом и Юхновом и восстановления сплошного фронта "стало ясно, что самая опасная фаза боевых действий завершается"⁵⁰.

На этом основании уже 12 февраля 1942 г. командование сухопутных войск вермахта поставило группам армий задачи на дальнейшие действия: в ближайшее время уничтожить прорвавшиеся в их тыл русские силы, удержать нынешние позиции, а также готовиться к наступлению, которое планируется начать после весенней распутицы⁵¹.

В то же время войска Калининского и Западного фронтов из-за больших потерь утратили свое относительно небольшое превосходство над противником. Подавляющая часть дивизий обладала малочисленным составом, а поступавшее пополнение, плохо подготовленное, зачастую не могло использовать выданного ему оружия, не зная, как с ним обращаться. Артиллерия при остром недостатке боеприпасов резко снизила свои возможности по огневому подавлению вражеской обороны, авиация лишилась господства в воздухе, а личный состав войск, свыше двух месяцев ведя непрерывное наступление, был предельно измотан. Все свидетельствовало о том, что наступательный потенциал войск Западного направления себя исчерпал.

Однако Верховный Главнокомандующий не желал считаться с этим обстоятельством. Он по-прежнему был настроен весьма оптимистично. В ночь на 16 февраля И.В. Сталин отдал следующий приказ: "Войскам Западного фронта при содействии 22, 29, 30, 31 и 39-й армий и 11-го кавалерийского корпуса Калининского фронта разгромить и уничтожить ржевско-вяземско-юхновскую группировку противника и к 5 марта выйти и закрепиться на нашем старом оборонительном рубеже..." К тому же 5 марта 1942 г. войскам Западного фронта надлежало разгромить также и "болховско-жиздринско-брянскую группировку противника и, уничтожив ее, занять Брянск и закрепиться на нашем старом оборонительном рубеже..." Далее Сталин приказал передать в распоряжение главкома Западного направления 5-й гвардейский стрелковый корпус (3 дивизии), 9-ю и 214-ю воздушнодесантные бригады, 60 тыс. маршевого пополнения, 200 танков и 40 самолетов⁵².

В соответствии с этим приказом Г.К. Жуков и И.С. Конев произвели перегруппировку, войска доукомплектовались прибывшим пополнением и вооружением.

С 17 по 23 февраля в район западнее Юхнова были десантированы 7373 человека 9-й и 214-й воздушнодесантных бригад, а также сброшено 1525 тюков с боеприпасами, оружием, продовольствием и различным снаряжением. В посленую ночь в тылу врага приземлился самолет, на котором находились командование и штаб 4-го воздушнодесантного корпуса. Еще при подходе к посадочной площадке ТБ-3 был атакован немецким ночным истребителем. Командир корпуса генерал А.Ф. Левашов был убит, а несколько офицеров штаба ранены. В командование корпусом вступил начальник штаба полковник А.Ф. Казанкин.

Что касается общевойсковых армий, то их подготовка к наступлению осложнилась из-за задержки с прибытием пополнения. К тому же ни на одном из намеченных участков прорыва не удалось создать требуемого превосходства в силах и средствах над противником. Войскам пришлось переходить в наступление не одновременно, а последовательно в течение десяти суток. Начали его 18 февраля три армии – 5, 20 и 31-я; 22 февраля к ним присоединились 22, 30 и 39-я, на другой день – 43, 49 и 50-я и, наконец, 27-го – последние три армии – 10, 16 и 61-я.

Как и следовало ожидать, добиться решающего успеха, несмотря на многодневные, кровопролитные бои, не удалось ни на одном из направлений, были лишь отдельные достижения местного значения. Так, к исходу 5 марта части 30-й армии вклинились на 3–4 км в оборону противника на рубеже 25 км северо-западнее Ржева. 4-й воздушнодесантный корпус своими действиями отвлек на себя часть сил юхновской вражеской группировки, что позволило войскам 43, 49 и 50-й армий продвинуться на 8–15 км и срезать юхновской выступ. При этом части 133-й стрелковой дивизии и 34-й стрелковой бригады под командованием генерала Ф.Д. Захарова и полковника П.М. Акимочкина 5 марта освободили г. Юхнов.

Итак, вместо продвижения на глубину 120–140 км, как того требовал И.В. Сталин, войска до 5 марта по существу не имели продвижения, а лишь топтались на месте. Все их попытки разгромить врага или хотя бы соединиться с 33-й армией, группой Белова и 4-м воздушнодесантным корпусом закончились неудачей.

Безуспешные удары войск всех 12 наступавших армий обоих фронтов на Верховного Главнокомандующего не произвели никакого впечатления. Он считал, что успех все равно придет – не сегодня, так завтра обязательно. В 22 часа 35 минут 20 марта он вновь потребовал разгромить ржевско-вяземскую группировку противника, не позднее 20 апреля выйти и закрепиться на прежнем оборонительном рубеже по линии Белый, Булашово, Дорогобуж, Ельня, Снопоть, Красное. По его указанию Западный фронт должен был общими усилиями 43, 49 и 50-й армий, соединившихся с 33-й армией и группой Белова, уничтожить противника в районе Вязьмы, а Калининский фронт – разгромить его группировку в районе Оленино и освободить Ржев⁵³.

25–26 марта войска обоих фронтов возобновили наступление. Они вели его в течение первой половины апреля, пытаясь всеми силами выполнить последнюю директиву И.В. Сталина. Однако их усилия были безуспешными, а причины все те же. Например, переданные в 43-ю армию из резерва Ставки 5-я гвардейская и 415-я стрелковые дивизии оказались совершенно небоеспособными. Артиллерия же, имея от 0,1 до 0,3 боекомплекта снарядов и по 10 мин на миномет, ошутимого ущерба обороне врага нанести не смогла⁵⁴, поэтому все атаки захлебнулись. И в последующие дни ситуация была аналогичной.

Между тем положение войск 33-й армии под Вязьмой становилось просто трагическим. Немецкое командование бросило против воинов Ефремова части семи дивизий⁵⁵. К 28 марта противнику удалось сузить кольцо окружения до размеров 10 × 25 км, причем западная его часть была всего в 15 км юго-восточнее Вязьмы.

2 апреля немцы предъявили генералу Ефремову и командирам 113, 160 и 338-й стрелковых дивизий ультиматум о сдаче, указав, что до 18 часов 3 апреля будут ждать парламентариев, которые "должны идти по дороге от Горбы (15 км юго-восточнее Вязьмы. – *Ред.*) к Красной Татарке или к Лосьмино (12 км южнее Вязьмы. – *Ред.*), причем только днем, размахивая белым флагом"⁵⁶.

Но парламентариев противник так и не дождался. С утра 4 апреля немцы возобновили наступление. Все больше сжимая кольцо окружения, они к 8–10 апреля расчленили окруженную группировку. 1288-й стрелковый полк с командованием и штабом 113-й стрелковой дивизии был отрезан в районе Горбы, а 160-я стрелковая дивизия – западнее Пескова (38 км юго-восточнее Вязьмы). 1288-му полку 12 апреля удалось прорваться через немецкие боевые порядки и соединиться с главными силами дивизии. В тот день генерал Ефремов получил от командования фронта разрешение на выход из окружения⁵⁷. "При этом, – вспоминал маршал Жуков, – было строго указано выходить из района Вязьмы через партизанские районы, лесами, в общем направлении на Киров, где 10-й армией будет подготовлен прорыв обороны противника, так как там она была слабой"⁵⁸.

Но мог ли командарм выполнить эти указания, если его войска были окружены превосходящими силами противника, а в их рядах много тяжелораненых и больных тифом людей? К тому же начавшаяся весенняя распутица превратила в серьезное препятствие не только реки и речки, но и ручьи. В такой ситуации указанный Жуковым маршрут в 150–180 км давал окруженным войскам шансов на успех не более, чем 25-километровый путь, отделявший их от главных сил фронта. Видимо, оттого-то и выбрал генерал Ефремов кратчайшую дорогу, чтобы прорвать линию фронта у д. Захарово.

В ночь на 14 апреля части 33-й армии с исходного рубежа Шпырево, Жолобово (38 км юго-западнее Вязьмы) начали свой марш. В голове колонны главных сил шли генерал М.Г. Ефремов, начальник артиллерии армии генерал П.Н. Афро-симов, другие офицеры, а замыкали ее подводы с тяжелоранеными под охраной арьергардов полков. Арьергард всей группы составляла 113-я стрелковая дивизия⁵⁹.

На рассвете противник обрушил огонь на двигавшиеся войска. В тот день особо сильно пострадали обозы. Погибли многие раненые бойцы, почти все лошади, повозки были уничтожены, разбиты обе радиостанции (11 АК и РСБ)⁶⁰. Радиосвязь Ефремова со штабом фронта прервалась.

В последующие дни немцы только наращивали силу своих ударов. Под их воздействием отходившим войскам пришлось рассредоточиться на отдельные группы и отряды, которые пробивались самостоятельно. В бою возле д. Слободка командарм был тяжело ранен и потерял возможность передвигаться. Не желая попасть в плен, Михаил Григорьевич 19 апреля застрелился*.

Его похоронили в д. Слободка (50 км юго-западнее Вязьмы, в 10 км от переднего края 43-й армии)⁶¹.

И все же через линию фронта прорвались в полосе 43-й и 49-й армий две небольшие группы численностью в 80 и 10 человек соответственно. Отряд из 600 человек под командованием подполковника Кириллова вошел в партизанский отряд майора В.В. Жабо. Сюда же пробился командир 338-й стрелковой дивизии полковник В.Г. Кучинев с группой из 33 человек, а отряд в количестве 450 человек во главе с командиром 160-й стрелковой дивизии полковником Н.Н. Якимовым соединился с частями 4-го воздушнодесантного корпуса. В ночь на 27 апреля им по

* Поскольку германское командование 25 апреля 1942 г. распространило сообщение о пленении командующего 33-й армией генерала М.Г. Ефремова, то для восстановления истины в марте 1943 г. после освобождения территории Вяземского района была произведена эксгумация. В донесении на имя Сталина сообщалось, что труп Ефремова опознан. Позднее останки боевого генерала были перенесены в Вязьму. В 1946 г. там ему был воздвигнут памятник по проекту скульптора Е.В. Вучетича.

приказу Жукова было сброшено около 3 т продовольствия, а на следующую ночь – сапоги, белье, обмундирование⁶².

На темпы наступления 43, 49 и 50-й армий, выполнявших основную задачу фронта, сильно повлияла распутица: реки вскрылись, половодьем снесло много мостов, дороги стали почти непроходимыми для колесного транспорта, а вне их даже пешком передвигаться было трудно. Резко ухудшилось снабжение войск продовольствием и всем необходимым для ведения боя. В сложившейся обстановке Сталин был вынужден принять предложение Жукова о прекращении наступления.

В соответствии с этим главком Западного направления приказал всем армиям с 20 апреля перейти к обороне, потребовав от них "период весенней распутицы максимально использовать для приведения в полное оборонительное состояние занимаемых рубежей, укомплектования вооружением частей и соединений, их обучения и боевого сколачивания, выделения и приведения в полный порядок фронтовых и армейских резервов, устройства фронтовых и армейских тылов, ремонта вооружения и боевой техники и отдыха войск"⁶³.

Итак, подошла к концу Ржевско-Вяземская операция, наступила оперативная пауза. На западном направлении установилось относительное затишье. Группе Белова и 4-му воздушнодесантному корпусу было приказано выходить на соединение с главными силами, а остальным войскам – закрепиться на занимаемых рубежах.

Результатом Ржевско-Вяземской операции явилось продвижение советских войск на витебском направлении на 250 км, на гжатском и юхновском – на 80–100 км, освобождение Московской, Тульской и ряда районов Калининской и Смоленской областей. Однако в целом она оказалась незавершенной: решить свою главную задачу – окружить, пленить или уничтожить ржевско-вяземскую группировку немцев – Красной Армии не удалось, хотя, казалось бы, привлекалось для этого сил больше, чем в контрнаступлении.

В самом деле, если для контрнаступления под Москвой Ставка из своего резерва выделила 47 расчетных дивизий, то для Ржевско-Вяземской операции – 63 дивизии⁶⁴. Однако в конце января и в феврале она уменьшила их количество, передав на усиление Северо-Западного фронта 13 дивизий. Кроме того, следует иметь в виду, что и продолжительность операций была различной: контрнаступление – 34 дня, а Ржевско-Вяземская – 103. Да и среднесуточное поступление дивизий в ходе контрнаступления оказалось в три раза больше, чем в последней операции. Правда, эту скудость Ставка попыталась компенсировать неподготовленным маршевым пополнением, направив с января по апрель во фронты Западного направления людей в 5,6 раза больше, чем в декабре (937 767 человек против 167 200).

Первопричина незавершенности рассматриваемой операции – это недостаток сил, а также большая растянутость во времени поступлений резервов и маршевого пополнения в войска. Другой причиной явился постоянный и острый недостаток вооружения, особенно боеприпасов. Промышленность, производившая их, была еще неспособна удовлетворить запросы действующей армии в полном объеме. Это и заставило перевести войска на голодные нормы. Из-за отсутствия боеприпасов минометы в отдельных армиях Западного фронта почти не использовались, а в 49-й армии они даже снимались с огневых позиций⁶⁵. "Вероятно, трудно поверить, – вспоминал маршал Жуков, – что нам приходилось устанавливать норму расхода боеприпасов – 1–2 выстрела на орудие в сутки. И это, заметьте, в период наступления! ... В результате система огня противника не уничтожается, и наши части, атакуя малоподавленную оборону противника, несут очень большие потери, не добившись надлежащего успеха"⁶⁶.

На незавершенность Ржевско-Вяземской операции оказали влияние и такие факторы, как утрата оперативного господства в воздухе, отсутствие должного

опыта у командного состава в организации и проведении крупных наступательных операций. Так, по мере удаления войск фронтов от Москвы все больше и больше проявлялась необходимость в перебазировании авиации ближе к линии фронта из-за ограниченного радиуса действия самолетов. Противник же, отступая, приводил в негодность взлетно-посадочные полосы оставляемых им аэродромов. Кроме того, с февраля немцы отказались от действия мелкими группами самолетов (до 20–25) и перешли к ударам по войскам силами 200–300 единиц⁶⁷. Казалось бы, в такой ситуации советская авиация должна была перестроиться. Но этому мешала организационная раздробленность ВВС, ибо большая часть самолетного парка входила в состав армейской авиации. К тому же вследствие удаленности линии фронта от столицы истребительная авиация ПВО Москвы перестала поддерживать наземные войска, а это привело к тому, что господство в воздухе снова захватил противник.

Наконец, самое непосредственное влияние на незавершенность операции оказало сопротивление врага. По сравнению с контрнаступлением оно значительно возросло за счет использования немецкими войсками заранее подготовленных оборонительных рубежей, переброски резервов и не в последнюю очередь сокращения линии фронта в 1,4 раза.

Ржевско-Вяземская операция превратилась в одну из самых кровопролитных операций Великой Отечественной войны. В ходе ее Красная Армия потеряла 776 889 человек (из них безвозвратно – 272 320 человек), 957 танков, 7296 орудий и минометов, 550 боевых самолетов⁶⁸. Столь крупные потери не могли не сказаться на мобилизационных возможностях страны. Начиная с марта Ставка осталась без резервов. Для их изыскания принимались экстренные меры. В частности, указ Президиума Верховного Совета СССР от 13 февраля 1942 г. узаконил мобилизацию женщин, которые могли заменить призываемых в армию военнообязанных мужчин, до того служивших в милиции и военизированной охране. На основании постановления ГКО от 13 апреля во фронтовых, армейских и запасных частях связи, а также в тыловых узлах связи началась замена красноармейцев-мужчин женщинами⁶⁹.

Ржевско-Вяземская операция подвела черту под Московской битвой, которая по размаху и напряженности еще не имела себе равных за период второй мировой войны. На полях Подмосковья в единоборстве сошлись главные силы воюющих сторон. Начали ее 3179 тыс. человек, которые в течение 203 дней и ночей вели жесточайшие сражения. А чтобы пожар не угасал, в сражения были брошены еще 3856 тыс. человек. Пламенем битвы была обожжена земля, площадь которой равна таким трем странам, как Швейцария, Англия и Исландия. В общей сложности в сражении участвовало 7035 тыс. человек, более 53 тыс. орудий и минометов, почти 6,5 тыс. танков и более 3 тыс. самолетов⁷⁰.

Битва под Москвой – одна из страшных человеческих трагедий. В услуду ненасытному Молоху здесь ежедневно поставлялось по 12,3 тыс. солдат. Общие потери советских войск составили 1 805 923 человека, из них безвозвратно – 926 244 человека, а кроме того, 4171 танк, 21 478 орудий и минометов, 983 самолета⁷¹. Из строя выбыли навсегда семь командующих армиями, из них четверо погибли, трое оказались в плену. Да и немцы за семь месяцев потеряли здесь 615 тыс. солдат и офицеров⁷².

В неразрывной связи с событиями на западном стратегическом направлении и под их непосредственным влиянием развертывались операции и на других участках советско-германского фронта.

ПОД ЛЮБАНЬЮ И ДЕМЯНСКОМ

Самые трагические за всю войну события в городе на Неве приходится на первую блокадную зиму. К ее началу на складах Ленинграда почти не осталось продовольствия. Иссякло топливо, а потому остановились турбины электростанций, застыли, печально опустив дуги, трамваи и троллейбусы, вышли из строя водопровод и канализация. Снежные сугробы перекрыли улицы. Жестокий голод и свирепый холод обрушились на людей. Смерть косила голодных без различия пола и возраста. Город погибал. Чтобы спасти Северную Пальмиру, как любовно называют этот неповторимый город, требовалось немедленно восстановить разорванную связь со страной.

В конце ноября через Ладожское озеро удалось проложить ледовую трассу, которая вскоре стала называться Дорогой жизни. Благодаря ей 25 декабря в Ленинграде впервые за время вражеской блокады чуть-чуть повысили нормы выдачи хлеба. Однако заметного улучшения это не принесло. Смертность среди его жителей продолжала неумолимо расти. Так, за первую половину 1942 г. от голода погибло свыше 600 тыс. человек. Требовались срочные радикальные меры. Их и наметила Ставка ВГК, приказав нанести второй по мощности (после западного направления) удар с целью освобождения Ленинграда от блокады и разгрома группы армий "Север".

17 декабря Ставка поставила соответствующие задачи войскам Ленинградского, Волховского и правого крыла Северо-Западного фронтов, причем основная роль отводилась Волховскому фронту. Войскам его правого крыла во взаимодействии с Ленинградским фронтом предстояло разгромить основные силы 18-й армии и деблокировать Ленинград, а войскам левого крыла во взаимодействии с правым крылом Северо-Западного фронта нанести удар по 16-й армии немцев. Практическое осуществление этого плана нашло свое воплощение в проведении Любанской и Демянской наступательных операций.

Основная идея Любанской операции заключалась в том, чтобы одновременными ударами войск Волховского фронта с рубежа р. Волхов и 54-й армии Ленинградского фронта от Погостья (25–36 км южнее Шлиссельбургской губы Ладожского озера) по сходящимся на Любань направлениям окружить и уничтожить противостоящую вражескую группировку и в дальнейшем выйти в тыл войскам, блокировавшим Ленинград с юга. Войска Ленинградского фронта, сосредоточенные на блокированной территории, должны были наступать в юго-восточном и южном направлениях с целью сковать находившиеся там соединения врага.

В начале января Волховский фронт под командованием генерала К.А. Мерцкова вел борьбу за расширение плацдармов на левом берегу р. Волхов, которые удалось захватить еще в ходе контрнаступления под Тихвином. Войска фронта превосходили немцев в людях в 2,2 раза, танках – в 3,2, артиллерии – в 1,5 раза. А вот 54-я армия во главе с генералом И.И. Федюнинским имела преимущество над неприятелем в людях всего в 1,2 раза и в артиллерии – в 1,6 раза⁷³. Противостоявший им противник обладал абсолютным господством в воздухе и создал хорошо организованную оборону как на левом берегу Волхова и у Погостья, так и под Ленинградом.

7 января войска Волховского фронта, еще не закончив перегруппировку, не говоря уже о сосредоточении авиации и артиллерии, а также не накопив необходимых запасов боеприпасов и горючего⁷⁴, попытались прорвать оборону противника на р. Волхов. Однако наступление успеха не принесло. Безрезультатной оказалась и попытка 54-й армии. С учетом этого Ставка 10 января дала указания приостановить наступление и возобновить его через три дня.

Одной из причин столь неудачного начала операции явилась неготовность к наступлению 2-й ударной армии. Дело в том, что ее командующий генерал Г.Г. Соколов не имел навыков в практическом руководстве общевойсковыми

соединениями. С 1920 по июль 1941 г. его служба проходила в органах НКВД. А тот боевой опыт, что он приобрел за десять дней оборонительных боев под Мценском в качестве начальника штаба 26-й армии, был совершенно недостаточным, чтобы в крайне сжатые сроки решить комплекс сложнейших задач, связанных с подготовкой армейской наступательной операции. Иначе говоря, честность и старательность, а главное, преданность делу партии и советского правительства, как отмечалось в его служебной аттестации, не смогли компенсировать профессиональную неподготовленность командующего 2-й армией. Поэтому Ставка была вынуждена отстранить Г.Г. Соколова от занимаемой должности, а вместо него назначила опытного и волевого генерала Н.К. Клыкова.

13 января войска Волховского фронта возобновили наступление. Главный удар в направлении Любани наносила 2-я ударная армия, которую с флангов поддерживали 59-я и 52-я армии под командованием генералов И.В. Галанина и В.Ф. Яковлева. Трудно пришлось наступающим: бои велись в условиях лесисто-болотистой местности. К тому же бездорожье и глубокий снег затрудняли маневр и снабжение войск. Не хватало боеприпасов, продовольствия, фуража. Лишь к 25 января удалось прорвать оборону противника на 12-километровом участке. В тот же день в прорыв была введена подвижная группа армии – 13-й кавалерийский корпус. Развивая наступление, соединения генерала Н.К. Клыкова к концу января узким клином продвинулись на 70–75 км, глубоко охватили с юго-запада любанско-чудовскую группировку врага. До Ленинграда оставалось около 50 км, до 54-й армии еще меньше – 44 км. Но все дальнейшие попытки 2-й армии под командованием генерала Н.К. Клыкова оказались тщетными: Любань освободить она не смогла, хотя в феврале увеличила ширину фронта вклинения с 12–15 км до 35–47 км.

Войска Ленинградского фронта из-за недостатка сил продвижения не имели вовсе. 26 февраля Ставка приказала усилить 54-ю армию 4-м стрелковым корпусом и не позднее 1 марта возобновить наступление на Любань, навстречу Волховскому фронту. На этот раз соединения 54-й армии под командованием генерала И.И. Федюнинского прорвали вражескую оборону и к концу марта продвинулись на 22 км. Однако этим все и закончилось. Противник, воспользовавшись тем, что 4-я армия Волховского фронта особой активности не проявляла, снял часть сил в ее полосу и перебросил их против наступавшей 54-й армии. К тому же за январь–март германское командование направило на усиление 18-й армии из состава 16-й армии, из Германии, Франции и Югославии 7 дивизий и бригаду, кроме того, в полосу наступления Волховского фронта перегруппировало из-под Ленинграда около 4 дивизий и привлекло до 250 бомбардировщиков 1-го воздушного флота. Все это резко изменило соотношение сил на любанском направлении в пользу немцев.

Начиная с марта противник стал наносить довольно ощутимые удары по флангам 2-й ударной армии. К концу месяца ему удалось перехватить ее коммуникации. Прикрывшись с запада и востока, немцы стали поспешно закрепляться на захваченной территории. Командующий войсками Волховского фронта организовал встречные удары окруженных войск с запада, а соединений 52-й армии с востока. У пос. Мясной Бор (35 км северо-восточнее Новгорода) была пробита горловина шириной 3–5 км, соединившая армию генерала Н.К. Клыкова с главными силами фронта. Несмотря на это, положение армии оставалось очень трудным.

В начале апреля весна вступила в свои права. Проложенные через болотистые участки местности и лесные массивы дороги и колонные пути сделались почти непроходимыми. Нарушились снабжение, связь и управление войсками. На всем 200-километровом фронте армии противник успел создать прочный оборонительный рубеж, не допуская ее дальнейшего продвижения. А в середине апреля в связи с тяжелой болезнью и необходимостью госпитализации генерала Клыкова в командование армией по совместительству вступил заместитель командующего войсками фронта генерал А.А. Власов⁷⁵.

Главная причина создавшегося положения – в несогласованности действий наступавших войск, особенно между 2-й ударной и 54-й армиями. В такой ситуации немцы получили возможность отражать их удары поочередно, без особых помех маневрировать войсками и военной техникой. Несогласованно действовали и командующие войсками фронтов – генералы Мерецков и Хозин. Они сами это понимали. Генерал Хозин в своем докладе начальнику Генерального штаба о причинах неудачных действий по разгрому любанско-чудовской группировки совершенно справедливо главной из них назвал отсутствие настоящего взаимодействия между Ленинградским и Волховским фронтами. Он попросил организовать его по месту и времени, а кроме того, выделить фронтам резервы, без которых, по его мнению, нельзя рассчитывать на доведение операции до логического конца⁷⁶. Вызванный к Верховному Главнокомандующему, он вдруг заявил, что если армии Волховского фронта будут присоединены к Ленинградскому фронту, то имеющимися силами он, Хозин, сумеет решить задачу по деблокаде Ленинграда.

Очевидно, И.В. Сталину эта идея пришла по душе: ведь главное, что Хозин не требовал никаких дополнительных войск, наоборот, он даже согласился на немедленную передачу Северо-Западному фронту 6-го гвардейского стрелкового корпуса и стрелковой дивизии, которые Мерецков выделил на усиление 2-й ударной армии. В предлагаемом Хозиным варианте проблема освобождения от блокады Ленинграда сводилась лишь к упразднению одного фронтового управления и перестановке кадров. Конечно, такую просьбу трудно не удовлетворить. 21 апреля Ставка приказала с 23 числа объединить Ленинградский и Волховский фронты в единый Ленинградский фронт в составе двух групп – ленинградского и волховского направлений. Командующим войсками фронта был назначен Хозин; на него же было возложено и командование группой войск волховского направления⁷⁷. В подчинении Хозина оказались девять армий и две оперативные группы, действовавшие к тому же на шести изолированных направлениях. Управлять таким количеством войск и в таких условиях – чрезвычайно сложное дело. Целесообразнее было бы сохранить оба фронта, но перераспределить армии так, чтобы один из фронтов управлял войсками только на блокированной территории, а другой – за ее пределами. Это в значительной степени облегчило бы управление войсками и улучшило бы условия их взаимодействия.

Как видим, решение Ставки не соответствовало обстановке. Из-за весенней распутицы, которая превратила дороги в километры вязкой грязи, снаряды и продукты питания доставлялись на руках за 20–30 км. В такой ситуации все попытки 2-й ударной и других армий продвинуться вперед цели не достигли.

Оперативная результативность Любанской операции в целом оказалась низкой. Вражеская группировка не была ни окружена, ни тем более разгромлена. 30 апреля наступление на любанском направлении пришлось прекратить. Советские войска, потеряв 308 367 человек, из них 95 064 безвозвратно, оказались, по существу, в окружении⁷⁸. В дальнейшем понадобилось проводить специальную операцию по выводу из окружения 2-й ударной армии.

Но есть в Любанской операции и положительный момент: Волховский фронт, оттянув на себя около 15 вражеских дивизий, создал благоприятные условия для наступления других фронтов, прежде всего правого крыла Северо-Западного фронта под Демянском.

В общем наступлении, предпринятом Красной Армией, Северо-Западный фронт наносил два удара. Один из них, как уже рассматривалось выше, силами 3-й и 4-й ударных армий, т.е. левым крылом, на торопецко-холмском направлении с целью содействия войскам Калининского и Западного фронтов в разгроме ржевско-вяземской группировки противника, а другой – силами 11-й армии в направлении от южного берега оз. Ильмень на Старую Руссу, чтобы отрезать пути отхода вражеских войск от Новгорода на запад, а затем во взаимодействии с Волховским

фронтом разгромить их. Одновременно 34-я армия, взаимодействуя с фланговыми соединениями смежных 11-й и 3-й ударной армий, должна была нанести удары по демянской группировке противника, окружить и уничтожить ее.

Северо-Западный фронт к началу операции превосходил противостоявшую ему группировку по пехоте в 1,8, а по артиллерии в 1,3 раза. Кроме того, советские войска имели 172 танка, а у немцев их здесь не было вовсе. На направлениях главных ударов превосходство советских войск возрастало еще больше – до трех-четырех раз. В то же время 34-я армия, предназначенная для непосредственного окружения и уничтожения демянской группировки, наоборот, уступала противнику в людях в 1,3 и в артиллерии в 2,1 раза⁷⁹. А если учесть, что она, являясь связующим звеном между фланговыми ударными группами фронта, одновременно прикрывала на широком 110-километровом фронте ответственное направление на Бологое, то вывод напрашивается один: задача, поставленная перед командующим 34-й армией генералом Н.Э. Берзариним, была заведомо совершенно нереальной. В этом был серьезный просчет командующего войсками фронта генерала П.А. Курочкина, который не учел того, что от успешного окружения и уничтожения демянской группировки противника зависел исход всей операции по разгрому главных сил группы армий "Север". Для решения такой задачи следовало бы и сил выделить значительно больше.

Наступление началось 7 января. В первый же день 11-я армия под командованием генерала В.И. Морозова прорвала оборону противника. К исходу следующего дня ее правофланговые соединения продвинулись, несмотря на глубокий снег, более чем на 50 км. Они вышли к Старой Руссе и завязали бои на северной и восточной окраинах города. Направленные вперед лыжные батальоны успели перерезать дорогу от Старой Руссы на северо-запад. Однако освободить город не удалось: из-за отставания артиллерии не была подавлена оборона, особенно система огня противника, и все атаки пехоты захлебнулись. А противник все подтягивал дополнительные силы и укреплял оборону (бои за Старую Руссу растянулись на 25 месяцев). Соединения 11-й армии, охватив город с двух сторон, 15 января устремились к пос. Рамушево, что в 24 км юго-восточнее Старой Руссы.

Наступление 34-й армии в эти дни успеха не имело. Большинство соединений смежных флангов ее и 3-й ударной армии ввязались в затяжные бои за овладение опорными пунктами врага. 22 января Ставка включила две левофланговые армии Северо-Западного фронта в состав Калининского фронта; одновременно из 3-й ударной армии она передала в 34-ю две стрелковые дивизии и три стрелковые бригады, которые были скованы боями. К тому времени войска фронта, охватив демянскую группировку немцев с севера, востока и юга, создали благоприятные предпосылки для успешного завершения операции. Однако для разгрома противника под Демянском имевшихся сил было явно недостаточно.

Ставка приняла решение передать Северо-Западному фронту свои резервы – 1-ю ударную армию, 1-й и 2-й гвардейские стрелковые корпуса. 24 января она утвердила план разгрома демянской группировки, который представил генерал П.А. Курочкин⁸⁰. Его суть состояла в том, чтобы встречными ударами войск из-под Старой Руссы в южном направлении, а от Молвотицы (28 км юго-западнее Демянска) – в северном окружить и уничтожить противника под Демянском.

29 января левое крыло Северо-Западного фронта возобновило наступление. Части 1-го гвардейского стрелкового корпуса, преодолевая ожесточенное сопротивление немцев, 20 февраля по бездорожью достигли наконец пос. Залучье (41 км западнее Демянска), где, соединившись с частями 34-й армии, создали внутренний фронт окружения. К концу февраля силами 11-й и 1-й ударной армий, а также 2-го гвардейского стрелкового корпуса был образован внешний фронт окружения. От внутреннего фронта он был удален в самом узком месте примерно на 40 км. В демянском котле оказалось шесть немецких дивизий общей численностью 96 тыс.

человек⁸¹. Это было первое за период Великой Отечественной войны окружение крупных сил врага.

25 февраля Ставка выразила недовольство исключительно медленной ликвидацией окруженной группировки. Решив, что причина этого в отсутствии единого руководства войсками, Ставка приказала "объединить управление всеми войсками, привлеченными для ликвидации демянской группы противника, в руках командующего Северо-Западным фронтом т. Курочкина", потребовав "не позднее как в четырех-пятидневный срок покончить с нею..."⁸².

К сожалению, и на этот раз противника недооценили. От изменения структуры подчинения некоторых соединений и частей, а также от возложения ответственности лично на командующего войсками фронта, хотя он и так отвечал за все, сил на фронте не прибавилось, а потому сломить сопротивление окруженного врага не удалось. Не смогли прочно заблокировать его с воздуха, а это позволило немецкому командованию организовать переброску на самолетах окруженным войскам пополнения, боеприпасов, продовольствия и эвакуацию раненых. Например, за март транспортная авиация, совершив в район котла свыше 3 тыс. рейсов, перебросила 24,3 тыс. т грузов и 15 446 человек и вывезла оттуда 22 093 раненых, при этом потери составили 262 транспортных самолета⁸³.

К 20 марта обстановка на северо-западном направлении резко обострилась. Его войска были распылены и нигде не имели превосходства над противником. Бои приняли затяжной характер. Воспользовавшись этим, немцы, сосредоточив южнее Старой Руссы корпусную группу "Зейдлиц" в составе пяти дивизий, нанесли удар в направлении на Рамушево. Надо заметить, что и противник продвигался медленно, несмотря на пяти-восьмикратное превосходство в силах и средствах, созданное на 4-километровом участке прорыва, и массированные удары авиации. Советские войска, используя выгодные для обороны участки местности, мужественно сражались с врагом. Лишь 21 апреля, т.е. через 32 дня кровопролитных боев, немцам удалось встречными ударами группы "Зейдлиц" с запада, а окруженных войск с востока прорвать фронт, образовав так называемый рамушевский коридор. К концу апреля противник расширил его до 6–8 км.

Вся последующая борьба, продолжавшаяся свыше девяти месяцев, проходила главным образом в зоне этого коридора. Но это в дальнейшем, а пока в операции под Демянском потери советских войск составили 245 511 человек, из которых безвозвратных – 88 908 человек⁸⁴.

Причины незавершенности операции по ликвидации демянской группировки противника те же, что и на западном направлении. Удары по врагу наносились на широком фронте рассредоточенными силами. Командование фронта не сумело правильно оценить обстановку, хотя разведка заранее выявила перегруппировку и сосредоточение войск группы "Зейдлиц". На направлении вероятного удара противника войска 11-й и 1-й ударной армий не организовали глубоко эшелонированной обороны, несмотря на то, что местность вполне благоприятствовала этому. В итоге их стык оказался необеспеченным. Командующий войсками фронта и командармы не сумели быстро организовать отпор. К тому же войска вводились в сражение по частям, а значит, и противодствие их было недостаточно эффективным. Сказалось и то, что контратаки советских войск на флангах прорвавшейся группировки врага проходили по болотам и бездорожью, в условиях начавшегося разлива рек. В то же время немцы наступали там, где имелось достаточное количество дорог.

Таким образом, на северо-западном направлении советские войска, с одной стороны, окружили немецкую группировку под Демянском, а с другой – сами оказались в котле под Любанью. Выполнить же главную задачу – деблокировать Ленинград и разгромить главные силы немецкой группы армий "Север" – им не удалось.

НА ЮЖНОМ КРЫЛЕ

После разгрома немецких войск под Ростовом на левом крыле юго-западного направления наступило относительное затишье, которое обе стороны поспешили использовать для подготовки дальнейших операций.

Группа армий "Юг" должна была в течение зимы полностью завершить захват угольных районов Донбасса, подготовить исходные районы для весеннего наступления и как можно быстрее овладеть Севастополем. Однако события под Москвой спутали все карты, не позволив приступить здесь к осуществлению задуманного. Действия немцев носили преимущественно оборонительный характер, лишь в Крыму они наступали.

К активным боевым действиям с решительными целями готовилось и советское командование. 19 декабря главком Юго-Западного направления маршал С.К. Тимошенко представил в Ставку соображения о плане операций, согласно которым Юго-Западный и Южный фронты нацеливались на разгром войск противника на южном крыле советско-германского фронта и выход на рубеж р. Днепр. Однако Ставка отклонила план Тимошенко, предложив в свою очередь провести операцию по разрому противника в Донбассе, которая получила название Барвенково-Лозовская.

Замысел ее состоял в том, чтобы ударом войск смежных крыльев Юго-Западного и Южного фронтов, командующими которых были генералы Ф.Я. Костенко и Р.Я. Малиновский, прорвать оборону врага и, развивая наступление на Запорожье, выйти в тыл его донбасско-таганрогской группировки. Затем предстояло отрезать ей пути отхода на запад и, прижав основные ее силы к побережью Азовского моря, уничтожить во взаимодействии с войсками левого крыла Южного фронта. Частью сил левого крыла Юго-Западного фронта предполагалось нанести удар на Красноград (91 км юго-западнее Харькова) для обеспечения операции с севера и последующего освобождения Харькова. Для развития успеха на направлении главного удара в сражение намечалось ввести вторые эшелоны фронтов (три кавалерийских корпуса и три танковые бригады), а также резерв главкома Юго-Западного направления – 9-ю армию и 2-й кавалерийский корпус.

Советским войскам противостояли 6 и 17 полевые, а также 1-я танковая армии, входившие в состав группы армий "Юг", командующим которой в январе стал фельдмаршал Бок, отстраненный Гитлером в декабре за поражение под Москвой.

Войска фронтов имели пехоты и танков примерно столько же, сколько противник, и только в авиации превосходили его в 1,4 раза. Однако в составе советской авиации 50% самолетов были устаревших конструкций. В орудиях и минометах враг превосходил советские войска в 1,2 раза, а по противотанковой артиллерии в 4,5 раза⁸⁵.

Операция началась 18 января. В первые четыре дня наступления 6-я и 57-я армии под командованием генералов А.М. Городнянского и Д.И. Рябышева прорвали вражескую оборону и продвинулись на направлениях главных ударов почти на 30 км. 23 января войска Южного фронта овладели Барвенковым – важным узлом коммуникаций. Однако противник по-прежнему упорно удерживал районы Балаклея и Славянска, не допуская расширения прорыва в сторону флангов.

На чугуевском и краматорском направлениях соединения 37-й и 38-й армий под командованием генералов А.Г. Маслова и А.И. Лопатина лишь вклинились в оборону немцев, но развить успех не смогли. Столь же неудачным оказалось и наступление 12-й армии под командованием генерала К.А. Коротеева на Дзержинск. Германское командование спешно вводило в сражение свои резервы и перебрасывало в район прорыва войска с других участков фронта, пытаясь атаками локализовать прорыв советских войск.

Чтобы увеличить темпы наступления, маршал С.К. Тимошенко решил ввести в

сражение вторые эшелоны фронтов и свой резерв. Ставка утвердила его решение 26 января, но одновременно Верховный Главнокомандующий приказал обоим фронтам перерезать основные коммуникации главной группировки противника в районе Славянска, Чистякова, после чего одной группой захватить плацдарм на правом берегу Днепра, а другой – двинуться на юг с целью захвата района западнее Мариуполя или западнее Мелитополя⁸⁶.

В соответствии с уточненными задачами армии Юго-Западного и Южного фронтов продолжали развивать наступление. Войска 6-й армии и введенного в сражение 6-го кавалерийского корпуса к 27 января достигли р. Орель и освободили крупный железнодорожный узел Лозовая. На этом рубеже наступление застопорилось. Все усилия срезать балаклейский выступ оказались напрасными. Войска Южного фронта 23 января освободили Барвенково и предприняли еще одну попытку разгромить вражескую группировку у Славянска и Артемовска. С этой целью 26 января в стыке 37-й и 57-й армий в сражение была введена 9-я армия под командованием генерала Ф.М. Харитонова. Но продвижение было незначительным.

К концу января противник успел подтянуть к участку прорыва дополнительные силы. Наступление советских войск пришлось приостановить. Обстановка здесь стабилизировалась, хотя и продолжались бои местного значения.

1 февраля войска 6, 9 и 57-й армий вместе с кавалерийскими корпусами начали закрепляться между Балаклеей, Лозовой и Славянском в образовавшемся выступе, глубина которого составляла почти 90 км, а ширина около 100 км. Для войск Юго-Западного и Южного фронтов наличие этого выступа имело двоякое значение. С одной стороны, армии заняли выгодное положение, чтобы нанести удары во фланг и тыл харьковской и донбасской группировкам врага, а с другой – они как бы сами загнали себя в мешок и тем самым оказались под угрозой возможного окружения противником. Эта опасность постоянно, как дамклов меч, висела над ними, и командованию фронтов приходилось заботиться о том, как бы немцы не захлопнули эту ловушку.

Подводя итоги Барвенково-Лозовской операции, следует отметить, что поставленные фронтам задачи не были выполнены. Операция не получила того развития, которое предусматривало главное командование Юго-Западного направления и на которое рассчитывали в Ставке. В значительной степени объясняется это тем, что и здесь планы превышали возможности войск. Глубокий отсекающий удар, который наносился при недостатке резервов, особенно подвижных, ставил его под угрозу срыва. Оттого-то и прорыв вражеской обороны осуществлялся медленно, а меры по его расширению в сторону флангов оказались неэффективными. В то же время пассивность армий левого крыла Южного фронта позволила германскому командованию вывести часть противостоявших им соединений и перебросить их на угрожаемое направление. К тому же в руководстве советскими войсками проявлялась чрезмерная централизация. Так, 6-й и 38-й армиями Юго-Западного фронта управлял сам главком направления, а не командующий войсками фронта. Сказалось также плохое материально-техническое обеспечение войск.

Уже отмечалось, что единственным районом, где немцы проявляли активность, был Крымский полуостров. Действовавшая там 11-я полевая армия получила задачу как можно скорее взять Севастополь, чтобы использовать высвободившиеся войска на других участках восточного фронта. В соответствии с полученными распоряжениями ее командующий генерал Манштейн готовил операцию по ликвидации последнего плацдарма советских войск в Крыму. Ударные группировки, изготовившиеся для наступления на Севастополь, он усилил частями 42-го армейского корпуса, которому для обороны Керченского полуострова осталось почти 25 тыс. человек, 180 орудий, 118 танков и около 100 самолетов. Под Севастополем Манштейн к середине декабря сосредоточил 7 дивизий, 2 горнострелковые

бригады, 1275 орудий и минометов, свыше 150 танков и почти 300 самолетов⁸⁷. Это обеспечивало немцам почти двойное превосходство в людях и технике над защитниками Севастополя.

К расширению боевых действий в Крыму готовилось и советское командование. В связи с успехом контрнаступления под Ростовом, упорством защитников Севастополя и наличием войск на Кавказе у него зародилась идея овладеть Керченским полуостровом и создать условия для освобождения от противника Крыма. Командующий войсками Закавказского фронта генерал Д.Т. Козлов в декабре представил в Ставку план операции, получившей название Керченско-Феодосийской десантной операции. Он предусматривал высадкой десантов на севере и востоке Керченского полуострова и в Феодосийский порт окружить и уничтожить группировку врага. Главный удар наносила 44-я армия в районе Феодосии, вспомогательный – 51-я армия в районе Керчи. Кроме того, с началом десантной операции предполагался переход в наступление Приморской армии на Симферополь с целью сковать силы противника и не допустить переброски его войск из-под Севастополя на керченское направление. Однако это было совершенно нереально. Хотя войска Приморской армии успешно оборонялись на подготовленных рубежах, для наступления у них не было ни сил, ни возможностей, так как наиболее мощные огневые средства – береговая и корабельная артиллерия – не могли покинуть Севастополь. Тем не менее Ставка 16 декабря утвердила план операции и одновременно назначила новых командующих армиями: 51-й – генерала В.Н. Львова, а 44-й – генерала А.Н. Первушина. Вместе с Закавказским фронтом в операции приняли участие силы Черноморского флота и Азовской военной флотилии.

Как видим, обе стороны в Крыму готовились к наступательным действиям. Правда, разведка, как советская, так и немецкая, проморгала всю подготовку к ним. Впоследствии это не только заставило внести соответствующие коррективы в разработанные планы, но и оказало влияние на ход противоборства.

Утром 17 декабря немцы начали второе наступление на Севастополь, нанося удары в направлении Северной бухты и Инкермана. Используя преимущество в силах, а также элемент неожиданности, противник к исходу дня вклинился в оборону советских войск от 1,5 до 5 км. На следующий день бои разгорелись с новой силой. И хотя защитникам Севастополя удалось полностью восстановить положение в восточном секторе, ситуация в северном секторе резко ухудшилась. 19 числа она приблизилась к критической, ибо противник ввел здесь свежие силы и усилил активность авиации. В результате ему удалось вывести из строя 305-мм батарею № 35 и подавить целый ряд других батарей береговой артиллерии, вдобавок ко всему и армейская артиллерия оказалась без снарядов. Командование Севастопольского оборонительного района забило тревогу и запросило помощи у Ставки⁸⁸. Перед Верховным Главнокомандованием встала дилемма: если выделить силы в Севастополь – значит заведомо ослабить десант на Керченский полуостров, если не выделить – утратить Севастополь. Поскольку потери его оно не допускало и в мыслях, то было решено срочно за счет войск десанта усилить гарнизон города. Одновременно Ставка подчинила Севастопольский оборонительный район командующему войсками Закавказского фронта⁸⁹.

А тем временем немцы продолжали наступление. 21 декабря они вклинились в оборону города. Только на другой день прибывшая из Новороссийска 79-я бригада морской пехоты восстановила положение. В эти же дни из Поти и Туапсе в Севастополь прибыли еще две стрелковые дивизии, отдельный танковый батальон и 22,8 тыс. маршевого пополнения. Поддерживаемые огнем корабельной артиллерии и авиацией, они нанесли несколько контрударов. Это обстоятельство и начавшаяся 26 декабря высадка советского десанта на Керченском полуострове вынудили противника снять отсюда ряд соединений и частей, а с 31 декабря прекратить

второе наступление на Севастополь. Его защитники получили передышку, но положение их оставалось сложным, так как город, бухта и аэродром оказались в зоне огня немецкой артиллерии. Теперь линия фронта проходила всего в 6–7 км севернее Севастополя.

В связи с событиями под Севастополем советское командование на пять суток задержало начало Керченско-Феодосийской десантной операции. Пришлось, кроме того, изменить и порядок ее проведения. Было решено высадку войск проводить не одновременно, а последовательно: 51-ю армию – 26 декабря, 44-ю – на три дня позже. После высадки и захвата плацдармов им предстояло при поддержке флота и авиации наступать от Феодосии и Керчи на Ак-Монай.

26-го началось десантирование на северо-восточном побережье Керченского полуострова. К сожалению, используемые для переброски войск рыболовецкие шаланды, сейнеры, мотоботы, баркасы и шлюпки были малопригодны для этой цели, особенно в штормовую погоду. А на море как раз и разыгрался шторм. Кроме того, образовавшаяся у берега кромка льда препятствовала подходу судов, а те не имели никаких средств для выгрузки тяжелой техники и высадки войск на необорудованный берег. Все эти трудности усугублялись противодействием артиллерийско-минометного огня и налетами самолетов противника.

Казалось бы, в таких условиях осуществлять десантирование войск – это обречь людей на верную гибель, а операцию – на неудачу. Но благодаря усилиям советских моряков, солдат и офицеров десанта удалось сделать почти невозможное. Под градом пуль, непрерывных разрывов снарядов и мин, под ударами вражеской авиации десантники прыгали в ледяную воду. Их накрывало волной, они захлебывались, а у выбравшихся на берег одежда моментально превращалась в ледяную корку. На некоторых судах моряки, стоя по грудь в воде, держали руками трапы, по которым десантники устремлялись к берегу. К исходу дня удалось высадить 3 тыс. человек и выгрузить с кораблей Азовской флотилии 6 танков и 18 орудий. К сожалению, от вражеского огня и из-за шторма почти 4 тыс. человек погибли, так и не достигнув берега⁹⁰.

Продолжавшаяся штормовая погода вынудила приостановить дальнейшую переброску войск. Возобновилась она лишь в ночь на 28 декабря, а завершилась в последний день уходящего года. Вследствие того, что высаженные войска 51-й армии имели очень мало тяжелого вооружения, а фронтовая авиация не оказала ни достаточной помощи, десантникам, вместо запланированного наступления, пришлось упорно обороняться, неся при этом большие потери, так как немцы стремились во что бы то ни стало сбросить их в море.

Обстановка изменилась лишь после того, как войска 44-й армии, высаженные кораблями и транспортом Черноморского флота в Феодосии, создали угрозу окружения всей группировки противника, сосредоточенной в восточной части Керченского полуострова. По этому поводу генерал Гальдер 29 декабря отметил в дневнике: "Очень тяжелый день! В Крыму командир 42-го армейского корпуса (граф Шпонек) под впечатлением высадки в Феодосии десанта противника отвел из Керчи 46-ю пехотную дивизию. Хотя он был тотчас же снят с должности, однако ущерб, нанесенный в результате отхода дивизии, вряд ли можно возместить"⁹¹. Части этой дивизии вместе с румынскими войсками форсированным маршем отступили за Ак-Монайский перешеек. Правда, при этом они лишились почти всей своей техники и артиллерии, зато избежали окружения.

К исходу 2 января 1942 г. советские войска вышли на рубеж Арабатский залив, Коктебель (15 км юго-западнее Феодосии) и развернулись фронтом на запад. Итак, Керченско-Феодосийская десантная операция – одна из самых крупных морских десантных операций Великой Отечественной войны – завершилась изгнанием противника с Керченского полуострова. Хотя эта операция по своим целям оказалась незавершенной, она имела большое значение: в Крыму был захвачен

важный оперативный плацдарм, враг потерял возможность через Керченский полуостров вторгнуться на Кавказ и был вынужден прекратить наступление под Севастополем. С завершением Керченско-Феодосийской десантной операции противоборствовавшие стороны с новой силой развернули борьбу за Крым.

Немцы основную ставку сделали на использование авиации. В начале января 1942 г. половина штаба 5-го авиакорпуса снова перебазировалась на Крымский полуостров в качестве специального штаба "Крым" под командованием генерала Р. Гройта, "из-за чего не состоялось формирование авиационного корпуса торпедоносцев для ведения боевых действий против Великобритании". Вторая половина штаба вскоре была направлена на центральный участок восточного фронта для подготовки к переброске в Крым 8-го авиационного корпуса⁹². Одновременно противник сосредоточил здесь основные силы 4-го воздушного флота. Полное господство в воздухе немецкой авиации оказало существенное влияние на ход боевых действий на полуострове в последующие четыре-пять месяцев.

Советское командование решило, что наступил самый подходящий момент для полного разгрома врага в Крыму. 2 января Ставка утвердила план его освобождения. Основная идея заключалась в том, чтобы главными силами Закавказского фронта, который с 30 декабря был переименован в Кавказский, наступать в направлении Джанкоя, Перекопа, Чонгара, а Приморской армией – на Симферополь и с помощью высадившихся у Алушты, Ялты, Перекопа и Евпатории морских десантов разгромить противника. С этой целью Ставка разрешила перебросить в Крым управление еще одной армии – 47-й, две горнострелковые дивизии и танковую бригаду, потребовав начать наступление не позднее 12 января⁹³.

Анализ показывает, что, переоценив значение успеха на Керченском полуострове, Ставка приняла желаемое за истинное. Дело в том, что в тот момент в Крыму не было группировок, способных вести столь глубокое наступление. Тыловые органы флота не могли в короткий срок обеспечить войска необходимыми материально-техническими средствами. К тому же многие части оказались без тыловых подразделений, транспорта и средств связи, так как все это осталось в портах Кавказского побережья. Снабжение морем проходило медленно. На полуострове еще не успела развернуться соответствующая авиационная группировка фронта, ощущался острый дефицит средств ПВО. Поэтому командование Кавказского фронта не в состоянии было подготовить в столь ограниченные сроки крупную наступательную операцию. Конечно, можно понять и объяснить это. Но вот оправдать то, что оно не приняло должных мер к прочному закреплению захваченных рубежей, довольно трудно. Промархом генерала А.Т. Козлова тут же воспользовался противник. 15 января немецкая авиация нанесла массированный удар, началось наступление на Феодосию. Войска 44-й армии, не выдержав сосредоточенных ударов врага, были вынуждены 18 января оставить Феодосию и отойти на Ак-Монайский перешеек. Эта неудача сильно осложнила подготовку к операции по освобождению Крыма.

Ставка, учтя произошедшие изменения, приняла в целом вполне обоснованное решение: глубину задачи фронта она сократила с 162 км до 35 км, усилила его тремя свежими дивизиями, направила 35 тыс. маршевого пополнения, запретила использовать для наступления войска Севастопольского оборонительного района и установила более реальные сроки для подготовки войск к наступлению. Но непроstitительную оплошность допустил сам Сталин, направив представителем Ставки в войска Кавказского (с 28 января – Крымского) фронта заместителя наркома обороны, начальника Главного политического управления Красной Армии армейского комиссара 1-го ранга Л.З. Мехлиса.

Малосведущий в военном деле Мехлис единолично принялся в Крыму решать вопросы. Теперь без его предварительного просмотра и согласия штаб фронта не мог передать в войска ни одного своего распоряжения. Все, что предлагал штаб,

отвергалось Мехлисом, а то, что настойчиво навязывал он, противоречило всем расчетам и замыслам командования фронта. Любая попытка отстоять собственные соображения вызывала у этого представителя Ставки неудержимый гнев, а главное, за этим непременно следовали "оргвыводы". Именно за подобные "вольности" 10 марта он отстранил от должности начальника штаба фронта талантливого генерала Ф.И. Толбухина. С той поры уже никто не осмеливался ему противоречить.

Безусловно, на срыв операций Крымского фронта значительное влияние оказал противник, который умело использовал все преимущества пересеченной местности для организации устойчивой обороны. К тому же его авиация господствовала в воздухе. Последнее обстоятельство лишний раз подтвердило истину, что ни в одной операции второй мировой войны никому не удалось добиться успеха без предварительного завоевания господства в воздухе. Сама обстановка требовала поиска нестандартных решений, тщательной подготовки наступления, особой осмотрительности командования, а вместо этого людей и технику бездумно посылали в атаку на неподавленную оборону врага. Вот так и случилось, что к 42 тыс. человек, потерянным в Керченско-Феодосийской операции, за январь–апрель добавилось еще 278 043 человека, в итоге общая цифра потерь советских войск на Керченском полуострове составила почти 320 тыс. человек⁹⁴.

К концу апреля войска Крымского фронта совсем обессилели. Для их восстановления требовались и время, и пополнение. Местные продовольственные, энергетические и другие ресурсы были полностью исчерпаны. Все необходимое войскам вплоть до дров перевозилось морем, но с каждым разом все с большими трудностями. Противник, блокировавший с воздуха морские коммуникации Крыма, гонялся буквально за любым судном и кораблем, едва оно появлялось здесь. Флот нес большие потери, а войска испытывали значительные сложности из-за постоянных перебоев в снабжении.

Наконец, встал вопрос о целесообразности дальнейшего удержания крымских плацдармов. Ставка и Генеральный штаб, вспоминая маршал Жуков, предлагали отвести войска с Керченского полуострова на Таманский и построить оборону там. Но Верховный Главнокомандующий отклонил эти предложения, считая, что в таком случае 11-я армия Манштейна получит свободу действий⁹⁵. 21 апреля он поставил перед Крымским фронтом задачу продолжать операцию по очистке полуострова от противника.

Таким образом, напряженность в Крыму нарастала, стороны продолжали борьбу за полуостров.

* * *

Итак, во второй половине апреля на всех стратегических направлениях завершилось общее наступление советских войск. В ходе его 34 армии всех 9 фронтов, наступая в полосе общей шириной около 1300 км, продвинулось на северо-западном направлении на 50–70 км, западном – на 80–250 км и юго-западном – почти на 100 км. Наиболее эффективными их действия были в январе. Именно тогда Красная Армия нанесла противнику максимальный урон и, как вынужден был признать Гитлер в своей беседе с Антонеску, отбросила войска вермахта почти на край "наполеоновской катастрофы"⁹⁶.

Чтобы противодействовать советским войскам, немецкому командованию пришлось с декабря 1941 по апрель 1942 г. дополнительно перебросить из Германии, Западной и Юго-Восточной Европы 39 дивизий, 6 бригад, около 800 тыс. человек маршевого пополнения, 18 эшелонов с оружием и военной техникой. Одновременно по приказу Гитлера на восточный фронт были возвращены авиационные части, только в ноябре отправленные на Запад и в Средиземноморье. Кроме того, для поддержки с воздуха групп армий "Север" и "Центр", а также 11-й

армии в Крыму дополнительно перебазировались новые эскадры и авиагруппы с территории самой Германии⁹⁷. С помощью этих сил и средств противнику удалось в начале февраля ликвидировать прорывы фронта, создать новые оборонительные рубежи и стабилизировать положение своих войск.

В целом можно утверждать, что общее наступление Красной Армии, с учетом и ряда неблагоприятных для нее факторов, завершилось определенным успехом. Однако это достижение не стало решающим, ибо ни на одном из стратегических направлений советское командование не достигло поставленных целей. Не смогло оно, в частности, ликвидировать окруженные немецкие группировки под Оленино (семь дивизий) и Демянском (шесть дивизий). Более того, некоторые советские армии сами оказались в трудном положении. Так, значительная часть войск 29-й и 33-й армий была окружена, а затем разгромлена под Ржевом и Вязьмой. К концу зимы попали в полуокружение или были окружены 2-я ударная армия под Любанью, 39-я армия и 11-й кавалерийский корпус западнее Сычевки, группа Белова и 4-й воздушнодесантный корпус южнее и юго-западнее Вязьмы, 6, 9 и 57-я армии – в барвенковском выступе. А на Керченском полуострове 44, 47 и 51-я армии, развернутые в наступательной группировке на узком Ак-Монайском перешейке, не имели в своем тылу подготовленных оборонительных позиций.

Незавершенность операций Красной Армии обуславливалась целым рядом причин. Вот главные из них: переоценка советским командованием собственных возможностей и, наоборот, недооценка сил противника; отсутствие решающего превосходства в силах и средствах над противником; постоянный и острый дефицит вооружения, особенно боеприпасов; отсутствие во фронтах и армиях крупных соединений танковых и механизированных войск; организационная раздробленность авиации; недостаточный практический опыт у командного состава; неподготовленность маршевого пополнения; слабая сколоченность резервных частей и многие другие.

Некоторые исследователи считают, что в той обстановке, которая сложилась на советско-германском фронте в начале 1942 г., было бы наиболее целесообразно решать стратегические задачи путем последовательного развертывания наступления сначала на одном направлении, а затем – на другом⁹⁸. Однако и с этим мнением нельзя согласиться полностью. Допустим, что Ставка, действуя подобным образом, сосредоточила все свои резервы на одном, например, западном направлении. В таком случае боевой состав фронтов увеличился бы здесь на четыре армии. При этом сила их ударов непременно бы возросла и наступление развертывалось в высоких темпах. А на остальных направлениях фронты топтались бы тогда на месте, так как у них просто не оказалось бы сил для наступательных действий. В такой ситуации противник получал возможность осуществить широкий маневр не только из глубины (с территории рейха и стран Европы), но и вдоль фронта. Иначе говоря, за счет резервов и перегруппировки войск с флангов немцы смогли бы в значительной степени усилить свою оборону в центре стратегического фронта и в итоге остановить наступление советских войск. И хотя последние к данному моменту глубину продвижения, наверняка, имели бы большую, чем она была в действительности, вряд ли данное обстоятельство привело бы к полному разгрому вражеской группы армий "Центр".

Рассматривая причины незавершенности большинства операций Красной Армии, уместно, пожалуй, привести выдержку из работы известного русского военного историка и теоретика генерала А.А. Свечина "Будущая война и наши военные задачи", которую он еще в марте 1930 г. представил наркомун обороны СССР К.Е. Ворошилову и на которую никто из высшего руководства страны не отреагировал. Рассматривая условия достижения целей операций, Свечин писал, что "право на наступление еще надо заработать. Только успешная операция сотен дивизий во всех фронтах позволит четырём десяткам дивизий нанести молниеносный удар на избранном направлении" и добиться безусловной победы⁹⁹.

Сопоставляя расчеты Свечина с количественным составом и соотношением сил сторон на советско-германском фронте, можно утверждать, что в тот момент Красная Армия еще "не заработала" право на такое наступление. Для ведения успешного наступления на всех фронтах у нее не доставало сил. И это не удивительно.

Экономика страны была пока не в состоянии обеспечить действующую армию всем необходимым. Впрочем, и сама Красная Армия оказалась в то время недостаточно подготовлена в качественном отношении. Что касается Верховного Главнокомандования, то на данном этапе войны оно допустило два просчета, которые привели к тяжким последствиям. Во-первых, поставило перед собой совершенно нереальную цель – осуществить полный разгром противника. Во-вторых, Ставка проигнорировала тот факт, что к началу февраля враг преодолел критическую точку неудач, оправился от шокового состояния и стал быстро наращивать мощь своей обороны. Прорвать ее теми силами и средствами, что располагали фронты, практически было невозможно. О каком подавлении или уничтожении вражеской обороны могла идти речь, если в марте плотность советской артиллерии на участках прорыва была в 3–5 раз ниже, чем в годы первой мировой войны? Немцы же, располагая примерно равным количеством стволов, значительно превосходили в плотности автоматического стрелкового оружия и не испытывали недостатка в боеприпасах. Хорошо организованной системой огня всех видов они отбивали бесчисленные атаки советских войск.

А Ставка, вместо того чтобы приостановить безрезультатное наступление, почти 80 дней продолжала требовать от командования фронтов все новых и новых атак, хотя каждая из них сопровождалась колоссальными потерями. Так, с февраля по апрель войска одного только Западного направления потеряли почти 635 тыс. человек, или более четырех пятых от общего их количества¹⁰⁰. Суммарные же потери Красной Армии за время общего наступления огромны – 1 млн 814 тыс. человек. На их восполнение Ставка направила 1 млн 990 тыс. человек маршевого пополнения¹⁰¹.

Значительный урон зимой 1941/42 г. понес и вермахт. Только сухопутные войска потеряли 723 200 человек¹⁰². Восполнение потерь вынудило германское руководство проводить новые призывы в армию, а также расширять военное производство. В результате в Германии появилась серьезная проблема с людскими ресурсами.

После завершения общего наступления Красной Армии на большей части советско-германского фронта установилось затишье. Противоборствовавшие стороны готовились к летним сражениям 1942 г. Но на южном крыле активные боевые действия продолжались.

¹ Российский центр хранения и изучения документов новейшей истории. Ф. 614. Оп. 1. Д. 16. Л. 94; Д. 17. С. 178.

² Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации. Ф. 3. Оп. 11 556. Д. 6. Л. 11. (Далее: ЦАМО).

³ Там же. Л. 11–17.

⁴ См.: Сборник документов Верховного Главнокомандования за период Великой Отечественной войны. М., 1968. Вып. 2. С. 13–16.

⁵ Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg. Stuttgart, 1983. Bd. 4. S. 621.

⁶ Институт военной истории Министерства обороны Российской Федерации: Документы и материалы. Ф. 191. Оп. 233. Д. 43. Л. 11–13. (Далее: ИВИ).

⁷ Рейнгардт К. Поворот под Москвой / Пер. с нем. М., 1980. С. 288.

⁸ ЦАМО. Ф. 132а. Оп. 2692. Д. 31. Л. 1–2; Ф. 213. Оп. 2002. Д. 69. Л. 141.

⁹ Там же. Ф. 221. Оп. 1351. Д. 351. Л. 1–3.

¹⁰ Сборник документов Верховного Главнокомандования за период Великой Отечественной войны. Вып. 2. С. 18.

- 11 См.: *Рейнгардт К.* Указ. соч. С. 298.
- 12 См.: Разгром немецко-фашистских войск под Москвой. М., 1964. С. 325.
- 13 ЦАМО. Ф. 208. Оп. 2511. Д. 1168. Л. 144–147, 248–250.
- 14 Там же. Ф. 332 сд. Оп. 157437. Д. 1. Л. 10.
- 15 См.: Операции Советских Вооруженных Сил в Великой Отечественной войне, 1941–1945. М., 1958. Т. 1. С. 465.
- 16 См.: *Рейнгардт К.* Указ. соч. С. 288; *Гальдер Ф.* Военный дневник / Пер. с нем. М., 1971. Т. 3, кн. 2. С. 163–164.
- 17 Подсчитано по: Разгром немецких войск под Москвой. М., 1943. Ч. 3. С. 63.
- 18 ЦАМО. Ф. 208. Оп. 2511. Д. 1457. Л. 87.
- 19 См.: *Передельский Г.Е.* и др. Артиллерия в бою и операции (по опыту Великой Отечественной войны). М., 1980. С. 130–131.
- 20 ЦАМО. Ф. 208. Оп. 2511. Д. 1427. Л. 91.
- 21 Цит. по: Разгром немецких войск под Москвой. Ч. 3. С. 71.
- 22 См.: *Рейнгардт К.* Указ. соч. С. 299–300; ИВИ. Ф. 191. Оп. 233. Д. 43. Л. 20–22.
- 23 ЦАМО. Ф. 213. Оп. 2002. Д. 246. Л. 3–4.
- 24 См.: Сборник документов Верховного Главнокомандования за период Великой Отечественной войны. Вып. 2. С. 31, 33–34.
- 25 ЦАМО. Ф. 208. Оп. 2511. Д. 1429. Л. 8, 32.
- 26 Там же. Д. 1168. Л. 467, 498.
- 27 Там же. Д. 1429. Л. 14.
- 28 Там же. Ф. 132а. Оп. 2642. Д. 32. Л. 22–23.
- 29 Там же. Ф. 208. Оп. 2511. Д. 1429. Л. 21, 32, 38, 48.
- 30 Там же. Л. 4.
- 31 Там же. Л. 8.
- 32 Там же. Л. 32, 33, 38.
- 33 Там же. Л. 43.
- 34 Там же. Л. 63, 81.
- 35 Там же. Л. 81.
- 36 Там же.
- 37 Там же. Л. 42, 52.
- 38 См.: Воен.-ист. журн. 1962. № 8. С. 61.
- 39 ЦАМО. Ф. 208. Оп. 2511. Д. 1429. Л. 142–143.
- 40 См.: Воен.-ист. журн. 1990. № 1. С. 63.
- 41 Цит. по: Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg. Bd. 4. S. 627.
- 42 ИВИ. Ф. 191. Оп. 233. Д. 94. Л. 21–22, 251–252, 322, 382.
- 43 Там же. Д. 36. Л. 15.
- 44 ЦАМО. Ф. 246. Оп. 1525. Д. 10. Л. 19–21.
- 45 Там же. Ф. 213. Оп. 2002. Д. 263. Л. 223.
- 46 Там же. Д. 343. Л. 23.
- 47 ИВИ. Ф. 191. Оп. 233. Д. 94. Л. 341.
- 48 ЦАМО. Ф. 213. Оп. 2002. Д. 247. Л. 114.
- 49 ИВИ. Ф. 191. Оп. 233. Д. 94. Л. 439.
- 50 Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg. Bd. 4. S. 628.
- 51 См.: Великая Отечественная война: Хроника событий, документы. М., 1992. Вып. 4. С. 45–49.
- 52 См.: Сборник документов Верховного Главнокомандования за период Великой Отечественной войны. Вып. 2. С. 61–62.
- 53 Там же. С. 76–78.
- 54 ЦАМО. Ф. 208. Оп. 2511. Д. 1433. Л. 386–387.
- 55 Там же. Л. 356.
- 56 Там же. Ф. 338. Оп. 5879. Д. 27. Л. 453–454.
- 57 Там же. Ф. 208. Оп. 2511. Д. 1435. Л. 84, 108.
- 58 *Жуков Г.К.* Воспоминания и размышления. М., 1992. Т. 2. С. 272–273.
- 59 ЦАМО. Ф. 208. Оп. 2511. Д. 1435. Л. 194–195.
- 60 Там же. Л. 173.
- 61 Там же. Ф. 33. Оп. 11454. Д. 179. Л. 28–33.
- 62 Там же. Ф. 208. Оп. 2411. Д. 1435. Л. 283, 292–293.
- 63 Там же. Л. 336–337.
- 64 Подсчитано по: ЦАМО. Ф. 208. Оп. 2511. Д. 1429. Л. 418; Д. 1433. Л. 409; Д. 1435. Л. 367;

- Ф. 213. Оп. 2. Д. 303. Л. 71–74; Д. 350. Л. 84–88; Д. 357. Л. 94–98; Сборник документов Верховного Главнокомандования за период Великой Отечественной войны. Вып. 2. С. 33, 35, 38, 61–62.
- ⁶⁵ См.: Операции Советских Вооруженных Сил в Великой Отечественной войне, 1941–1945. Т. 1. С. 527.
- ⁶⁶ Жуков Г.К. Указ. соч. М., 1990. Т. 2. С. 275.
- ⁶⁷ ЦАМО. Ф. 208. Оп. 2513. Д. 207. Л. 411–412.
- ⁶⁸ См.: Гриф секретности снят: Потери Вооруженных Сил СССР в войнах, боевых действиях и военных конфликтах: Стат. исследование. М., 1993. С. 176, 369.
- ⁶⁹ См.: Великая Отечественная война: Хроника событий, документы. Вып. 4. С. 89–90.
- ⁷⁰ Подсчитано по: История второй мировой войны, 1939–1945. М., 1975. Т. 4. С. 92, 93, 303; Гриф секретности снят... С. 171, 174, 176, 224, 369; *Рейнгардт К.* Указ. соч. С. 72, 381.
- ⁷¹ См.: Гриф секретности снят... С. 171, 174, 369.
- ⁷² См.: *Рейнгардт К.* Указ. соч. С. 381.
- ⁷³ См.: Операции Советских Вооруженных Сил в Великой Отечественной войне, 1941–1945. Т. 1. С. 477, 481.
- ⁷⁴ ЦАМО. Ф. 204. Оп. 89. Д. 8. Л. 10.
- ⁷⁵ Там же. Ф. 3. Оп. 11 556. Д. 7. Л. 201.
- ⁷⁶ Там же. Ф. 217. Оп. 1227. Д. 46. Л. 111–112.
- ⁷⁷ Там же. Ф. 132а. Оп. 2542. Д. 41. Л. 122–123.
- ⁷⁸ См.: Гриф секретности снят... С. 224.
- ⁷⁹ См.: Операции Советских Вооруженных Сил в Великой Отечественной войне, 1941–1945. Т. 1. С. 475, 477, 489–490.
- ⁸⁰ ЦАМО. Ф. 48а. Оп. 1100. Д. 7. Л. 37–39; Ф. 132а. Оп. 2642. Д. 32. Л. 13.
- ⁸¹ Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg. Bd. 4. S. 684–685.
- ⁸² См.: Сборник документов Верховного Главнокомандования за период Великой Отечественной войны. Вып. 2. С. 62–63.
- ⁸³ Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg. Bd. 4. S. 685.
- ⁸⁴ См.: Гриф секретности снят... С. 224.
- ⁸⁵ Подсчитано по: Операции Советских Вооруженных Сил в Великой Отечественной войне, 1941–1945. Т. 1. С. 508, 512–513.
- ⁸⁶ См.: Сборник документов Верховного Главнокомандования за период Великой Отечественной войны. Вып. 2. С. 42–43.
- ⁸⁷ См.: Операции Советских Вооруженных Сил в Великой Отечественной войне, 1941–1945. Т. 1. С. 425; История второй мировой войны, 1939–1945. Т. 4. С. 299.
- ⁸⁸ Отделение Центрального военно-морского архива. Ф. 72. Д. 837. Л. 38.
- ⁸⁹ ЦАМО. Ф. 48а. Оп. 1554. Д. 92. Л. 197–198.
- ⁹⁰ Там же. Ф. 407. Оп. 9837. Д. 7. Л. 91.
- ⁹¹ *Гальдер Ф.* Указ. соч. Т. 3, кн. 2. С. 153–154.
- ⁹² Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg. Bd. 4. S. 699–700.
- ⁹³ См.: Сборник документов Верховного Главнокомандования за период Великой Отечественной войны. Вып. 2. С. 8.
- ⁹⁴ См.: Гриф секретности снят... С. 175, 256.
- ⁹⁵ См.: Маршал Жуков: Каким мы его помним. М., 1988. С. 113.
- ⁹⁶ Цит. по: *Рейнгардт К.* Указ. соч. С. 317.
- ⁹⁷ См.: *Рейнгардт К.* Указ. соч. С. 312; *Мюллер-Гиллебранд Б.* Сухопутная армия Германии, 1933–1945: / Пер. с нем. М., 1976. Т. 3. С. 271; История второй мировой войны, 1939–1945. Т. 4. С. 323; Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg. Bd. 4. S. 699.
- ⁹⁸ См.: Советское военное искусство в Великой Отечественной войне. М., 1962. Т. 1. С. 357–358.
- ⁹⁹ Российский государственный военный архив. Ф. 33 987. Оп. 3. Д. 347. Л. 26.
- ¹⁰⁰ Подсчитано по: ЦАМО. Ф. 208. Оп. 2511. Д. 1433. Л. 415; Д. 1435. Л. 336; Ф. 213. Оп. 2002. Д. 343. Л. 144; Д. 350. Л. 89; Д. 357. Л. 99; Гриф секретности снят... С. 176, 224.
- ¹⁰¹ Подсчитано по: Гриф секретности снят... С. 176, 224, 225 (с включением сведений о потерях Крымского фронта).
- ¹⁰² *Müller-Hillebrand B.* Das Heer, 1933–1945. Frankfurt a/M., 1969. Bd. 3. S. 206; Kriegstagebuch des Oberkommandos der Wehrmacht. Frankfurt a/M., 1963. Bd. 2. S. 95.

НОВЫЕ ИСПЫТАНИЯ

К середине апреля 1942 г. общее наступление советских войск окончательно выдохлось. С таким трудом созданные еще осенью и в начале зимы резервы были распылены и израсходованы. Не были решены и поставленные фронтам задачи. Правда, и вермахт лишился стратегической инициативы. Несколько померкла слава "меча" германской нации. Он, хотя и не был еще сломлен, но получил явные зазубрины. План молниеносной войны провалился, а потому предстояла борьба на истощение. Обе противоборствующие стороны исчерпали свои наступательные возможности и вынуждены были перейти к стратегической обороне. На фронтах наступило временное затишье. Противники, готовясь к новым сражениям, стремились восстановить боеспособность войск, оценить обстановку, вскрыть намерения друг друга, принять решения и составить план предстоящих действий.

ДВА ПЛАНА – ДВЕ СТРАТЕГИИ

Вопрос о планах войны на лето 1942 г. встал перед советским командованием еще в ходе общего наступления, он неоднократно и всесторонне обсуждался в Генштабе. Для принятия правильного решения необходимо было трезво оценить военно-политическую обстановку в стране и за рубежом, состояние вооруженных сил, возможности свои и противника, а уж потом, на основании этого, планировать дальнейший ход войны.

Конечно, успехи в зимней кампании 1941/42 г. вызвали у руководства страны и народа определенный оптимизм: враг непременно будет разбит и победа будет за нами. Однако положение СССР оставалось крайне сложным и опасным: ведь он по-прежнему нес основную тяжесть борьбы против Германии и ее союзников, так как Великобритания и США все еще не были готовы к открытию второго фронта в Европе. А тем временем войска вермахта находились всего в 150 км от Москвы, в тисках вражеской блокады умирали от голода и бомбежек ленинградцы, миллионы жителей значительной части западных районов страны страдали от "нового порядка" оккупантов. Трудности Советского Союза усугубляли колоссальные потери в людях, оружии и военной технике, а также сложности в экономике. Возникла серьезная проблема восполнения потерь на фронте и нехватки квалифицированных рабочих кадров в тылу.

С начала войны и до конца апреля 1942 г. общие потери СССР составили 6839,4 тыс. человек, из них 4090,9 тыс. человек безвозвратные¹. Вермахт и сам понес потери, которые к концу февраля 1942 г. на восточном фронте составили 1005,6 тыс. человек, или 31% от всей численности. Их все труднее и труднее становилось восполнять. Так, с 1 ноября 1941 г. по 1 апреля 1942 г. армия резерва сумела отправить на восточный фронт всего 450 тыс. пополнения, но это было меньше убиты на 336 тыс. человек².

Из сводки вермахта за 30 марта 1942 г. видно, какую цену немцы заплатили, пытаясь ликвидировать последствия зимнего кризиса: из 162 боевых дивизий вос-

точного фронта только 8 можно было считать пригодными для ведения активных действий; в соединениях группы армий "Юг" осталось около половины, а в группах армий "Центр" и "Север" – около 35% первоначальной численности пехоты³. Общие потери танков к 20 марта 1942 г. составили 3319 единиц, а штурмовых орудий – 173, а в качестве пополнения поступило 732 и 17 единиц соответственно⁴.

Германское командование пришло к выводу, что до лета повысить боеспособность всех соединений не удастся, поэтому готовилось к наступлению на одном стратегическом направлении – юго-западном. Для предстоящего наступления на южном крыле восточного фронта оно решило восстановить боеспособность лишь 65 дивизий, причем в первую очередь обновить 12 танковых и 10 моторизованных соединений, а также соединения и части РГК, предназначенные для действий на южном фланге советско-германского фронта. В связи с тем что танков не хватало, сокращался состав 10 танковых и 7 моторизованных дивизий в группах армий "Север" и "Центр", а высвободившиеся специалисты передавались в группу армий "Юг". Предназначенные для наступления танковые полки дивизий были с двухбатальонной переведены на трехбатальонную организацию, а моторизованные дивизии получили один танковый батальон.

Модернизировались и боевые машины. С апреля 1942 г. на танки Т-III и Т-IV устанавливаются соответственно 50-мм и 75-мм длинноствольные пушки, что увеличило бронепробиваемость, а за счет крепления дополнительных бронелистов и использования навесных экранов усиливалась и броневая защита танков.

Все было сделано для того, чтобы боеспособность обновленных для ведения наступления на решающих направлениях в предстоящей летней кампании танковых и моторизованных соединений была доведена до максимально возможного уровня. При этом первые оказались примерно равноценными танковым дивизиям организации 1941 г., а вторые по своей боевой мощи даже превосходили моторизованные дивизии начала войны. Они были оснащены 1495 боеспособными танками, из них только 133 имели на вооружении 75-мм пушку с удлиненным стволом. В среднем в танковой дивизии насчитывалось свыше 126 танков, а в моторизованной – более 50 единиц⁵.

Невозможность пополнить 75 соединений, входивших в состав групп армий "Центр" и "Север", а также приказ Гитлера не расформировывать пехотные дивизии вынудили командование вермахта сократить на треть штатную организацию 69 из них. Пехоты там оставалось по шесть батальонов вместо девяти. В других родах войск также проводились соответствующие сокращения. Поскольку и в последующем не приходилось рассчитывать на пополнение их людьми, боеспособность частей уменьшилась почти наполовину. К этому добавилось весьма ощутимое снижение подвижности войск.

В результате экстренных мер немецкому руководству все же удалось усилить группу армий "Юг" с 20 дивизий до 68. Все они, кроме трех пехотных, были либо полностью, либо частично укомплектованы, но некомплект в офицерском и унтер-офицерском составе оставался значительным.

Трудности по восстановлению боеспособности сухопутных сил вермахта, а также планировавшееся расширение фронта борьбы заставило Берлин "нажать" на своих союзников в расчете увеличения их вклада в войну на Восточном фронте. В ответ те потребовали от рейха большей экономической и военной помощи. Хотя немцы и сами оказались в затруднительном положении, им пришлось усилить свой вклад в обучение и боевое оснащение союзных армий.

Венгерский подвижный корпус (две моторизованные и кавалерийская бригады) был развернут во 2-ю армию (три корпуса – девять легких дивизий по шесть батальонов в каждой и танковая дивизия, оснащенная немецкой военной техникой). Кроме того, Венгрия дополнительно выставила три охранные дивизии для использования их в оперативном тылу действующих сухопутных сил.

Италия на базе своего подвижного корпуса (три дивизии) создала 8-ю армию (три корпуса – в общей сложности 5 пехотных, 3 горные, мотопехотная и охранная дивизии, 2 пехотные и кавалерийская бригады).

Румыния, располагая на восточном фронте 12 пехотными, 3 горными дивизиями, 4 кавалерийскими, танковой и 2 крепостными бригадами, к летнему наступлению планировала иметь в составе своих 3-й и 4-й армий 7 корпусов (15 пехотных, 4 горных, 6 кавалерийских, танковая и охранная дивизии). Часть этих сил должна была прибыть в ходе наступления, а затем обе армии планировалось объединить в румынскую группу армий под командованием маршала Антонеску.

Словакия решила преобразовать две очень слабые пехотные дивизии и моторизованную бригаду в мотопехотную и охранную дивизии.

От случая к случаю армиям союзников, усиленным германскими частями РК, передавались в подчинение и дивизии вермахта. При штабах армий и корпусов имелись немецкие оперативные штабы связи и оперативные группы связи.

Одновременно с восстановлением боеспособности своих сил и союзных войск немецкое командование осуществляло планирование будущих операций, причем общие наметки предстоящей кампании были определены еще в начале года. Так, 3 января Гитлер в беседе с японским послом Осимой заявил, что он пока не намеревается проводить наступательные операции в центре фронта. Его цель – наступление на южном участке фронта в направлении Кавказа с тем, чтобы "выйти к нефтяным районам, к Ирану, и Ираку". Кроме того, он предполагал приложить "все усилия к тому, чтобы уничтожить Москву и Ленинград"⁶. Впрочем, эти цели фюрер ставил перед вермахтом и в 1941 г. Тогда группе армий "Юг" предписывалось очистить Черноморское побережье, захватить Ростов, нефтеносные районы Майкопа, а на Волге выйти к Сталинграду, перерезав тем самым последнюю артерию, связывающую Россию с Кавказом.

Один из признанных авторитетов в вермахте фельдмаршал Рундштедт попытался было объяснить Гитлеру, насколько опасно продвижение более чем на 600 км к востоку от Днепра при открытом левом фланге. Однако верховный главнокомандующий заявил, что русские уже не в состоянии оказать серьезное сопротивление на юге. По словам Рундштедта, выслушав его разъяснения, Гитлер "громко рассмеялся над их нелепостью, но вскоре ему пришлось убедиться, что они вовсе не лишены смысла"⁷. Как известно, вермахту тогда не удалось выполнить поставленные задачи. И вот теперь фюрер решил возобновить наступление на южном крыле восточного фронта.

Уже в распоряжении Гитлера от 12 февраля о ведении боевых действий после окончания зимнего периода в разделе "О намерениях главного командования сухопутных войск" ставилась задача, ликвидировав прорывы противника, улучшив нынешнюю линию фронта и уничтожив прорвавшиеся силы противника в тылу, удерживать в период распутицы нынешние позиции на восточном фронте на всем его протяжении, производя лишь перегруппировки местного характера с целью осуществить под их прикрытием необходимое пополнение соединений и подготовку к наступлению на фронте группы армий "Юг". А ближайшая задача состояла в том, чтобы ликвидировать прорыв противника западнее Изюма и возможно быстрее возвратить Керченский полуостров и овладеть Севастополем, чтобы высвободить силы для дальнейшего наступления⁸. Эти общие установки были положены в основу подготовительной работы генерального штаба сухопутных войск по планированию боевых действий.

28 марта 1942 г. в ставке Гитлера на специальном совещании обсуждался план летнего наступления. Присутствовавший на этом совещании генерал Варлимонт впоследствии писал: «...Гитлер, невзирая на постигшие немцев неудачи, вновь возвратился к своей основной идее, которой он придерживался еще в декабре 1940 г. при утверждении плана "Барбаросса" (в 1941 г. он вынужден был от нее

отказаться. – *Ред.*). Теперь он снова хотел сосредоточить основные усилия на крайних флангах широко растянутого фронта. Разница состояла лишь в том, что большие потери, которые понесла сухопутная армия и которые не удалось целиком восполнить, вынуждали его ставить перед собой последовательно одну цель за другой, начиная с южного участка, с Кавказа. Москва как цель наступления... пока совершенно отпадала»⁹.

Результаты этого совещания были затем оформлены в "основополагающей директиве" ОКВ № 41, подписанной Гитлером 5 апреля. Главная цель, поставленная перед вермахтом на лето, заключалась в том, чтобы "окончательно уничтожить оставшиеся еще в распоряжении Советов силы и лишить их по мере возможности важнейших военно-экономических центров". Для этого планировалось, "сохраняя положение на центральном участке", т.е. на московском направлении, на севере взять Ленинград и установить связь на суше с финнами, а на южном фланге фронта осуществить прорыв на Кавказ. В первую очередь все имеющиеся в распоряжении силы сосредоточивались для проведения главной операции на южном участке с целью уничтожения советских войск западнее Дона, захвата нефтеносных районов Кавказа и перехода через его хребет¹⁰. И лишь по достижении этих целей германское командование намеревалось, окончательно окружив Ленинград, захватить территории восточнее и западнее него.

До начала наступления планировалось улучшить оперативное положение войск, стабилизировать весь фронт и тыловые районы, чтобы высвободить дополнительные силы для главной операции.

К 11 апреля генеральный штаб на основе директивы № 41 разработал планы ряда последовательных операций на южном крыле восточного фронта. Это было обусловлено тем, что войска, предназначенные для решения конкретных задач, прибывали постепенно. Так, первую операцию (условное наименование "Блау" – "Синяя") должна была проводить на воронежском направлении группа "Вейхс". Входившим в нее 2-й и 4-й танковой армиям предстояло нанести удар из района северо-восточнее Курска на Воронеж, а 6-й армии – из района Волчанска на Острогжск. Вторую операцию – "Клаузевиц" планировалось осуществить силами той же группы и 1-й танковой армии. По замыслу германского командования, 2-я и 4-я танковая армии группы "Вейхс" должны были по достижении Воронежа повернуть на юг и нанести удар на Кантемировку. Одновременно навстречу ей, из района Славянска, будет наступать 1-я танковая армия с целью окружения войск Юго-Западного фронта. После этого предполагалось разделить группу армий "Юг" на две самостоятельные группы "А" и "Б", которые должны были развивать наступление на Сталинград и Северный Кавказ. Наступление планировалось начать в середине июня.

Характерно, что разведывательный отдел генерального штаба сухопутных сил вермахта в докладной записке от 28 июня 1942 г. пришел к выводу, что "оперативная цель летней кампании хотя и будет в основном достигнута, но не приведет... к полному уничтожению противника перед группой армий "Юг"; «группы армий "Центр" и "Юг" не в состоянии проводить операции крупного размаха»; "в течение лета 1942 г. в Советском Союзе не наступит политического и экономического поворота, который имел бы решающее значение для победы". Далее следовало заключение: немецкие войска не смогут ослабить Красную Армию до такой степени, чтобы наступил ее "военный крах"¹¹.

Однако ни Гитлер, ни его генералы из ОКВ не приняли во внимание эти хотя и запоздалые, но трезвые оценки разведки. Некоторые опасения, что в период наступления на юге советские войска могут нанести решительный удар по Смоленску, а это неминуемо поставит в тяжелое положение группу армий "Центр", были вскоре отброшены. Генерал Йодль заявил 10 мая, что "он очень сомневается, будто русские имеют для этого достаточно сил и мужества. Фюрер и он полагают,

что в связи с немецкой операцией на юге русские силы автоматически будут туда оттянуты"¹².

С целью скрыть направление главного удара в летней кампании и создать ложное впечатление о подготовке крупного наступления на московском направлении, по распоряжению командования вермахта штаб группы армий "Центр" разработал дезинформационную операцию под кодовым названием "Кремль". Цель ее была сформулирована в приказе о наступлении на Москву, подписанном 29 мая командующим группой армий "Центр" фельдмаршалом Клюге и начальником штаба генералом Велером: "Разгромить вражеские войска, находящиеся в районе западнее и южнее столицы противника, прочно овладеть территорией вокруг Москвы, окружив город и тем самым лишить противника возможности оперативного использования этого района"¹³. Бросается в глаза, что совершенно секретный приказ был составлен в 22 экземплярах, в то время как приказы по другим операциям составлялись в 10, максимум в 16 экземплярах. Часть этих документов специально подбрасывали советскому командованию, используя для этого самые различные приемы: "заблудившийся" самолет, убитых немецких офицеров и др.

Для большей убедительности дезинформации в плане этой операции перечислялось много мероприятий, имитирующих подготовку наступления в полосе группы армий "Центр". Проводилась аэрофотосъемка московских оборонительных позиций, окраин города, районов Владимира, Иванова, Тамбова, Горького, Рыбинска и др. Осуществлялась радиодезинформация, усилилась переброска агентов через линию фронта на западном направлении. Были размножены планы столицы и крупных городов в полосе наступления и с 10 июля разосланы во все штабы, вплоть до полков. Проводились полные перегруппировки и переброски войск, штабов, командных пунктов и др. По времени эти мероприятия тесно увязывались с подготовкой и осуществлением операции на южном крыле восточного фронта.

Готовилось к летней кампании и советское командование. Оно восстанавливало израсходованные резервы и боеспособность войск. Прежде всего восполнялись потери в личном составе, стрелковом вооружении, танках, самолетах, орудиях, минометах, боеприпасах, материально-технических средствах, приводилась в соответствие с требованиями войны организация войск, критически осмысливался приобретенный боевой опыт.

Благодаря титаническому труду и жертвам народа военная экономика к лету несколько увеличила выпуск вооружения. В войска стало поступать больше новой танковой и авиационной техники, артиллерийского и реактивного оружия, боеприпасов. В тылу страны формировались новые стратегические резервы всех родов войск. До весны они комплектовались преимущественно из новобранцев, сведенных в части и соединения. Теперь же ослабленные дивизии и бригады, сохраняя костяк, обладавший боевым опытом, выводились с фронта на отдых и пополнение. В них вливались свежие, относительно подготовленные маршевые пополнения. В соединениях развертывалась боевая подготовка.

Успехи танковой и артиллерийской промышленности дали возможность Ставке ВГК начать формирование танковых корпусов и армий, оснащая их новейшей по тому времени техникой. Правда, танковые армии по своей структуре напоминали предвоенные ударные объединения, основное предназначение которых – прорыв обороны противника и развитие успеха на направлении главного удара. Наряду с танковыми в них входили стрелковые, кавалерийские соединения и артиллерийские части. Так постепенно началось приспособление организации войск к наступательным действиям. Наметилась тенденция к укрупнению войсковых формирований. В общевойсковых армиях восстанавливалось корпусное звено управления. В Военно-воздушных силах приступали к созданию воздушных армий. К июню их стало уже восемь.

По заданию Ставки ВГК Генеральный штаб весной 1942 г. развернул работу по планированию предстоявшей летней кампании. Обобщалась и анализировалась разведывательная информация о противнике. Основное внимание уделялось определению намерений германского командования, направления главного удара вермахта. В докладе Главного разведывательного управления 18 марта утверждалось, что "центр тяжести весеннего наступления будет перенесен на южный сектор фронта с вспомогательным ударом на севере при одновременной демонстрации на Центральном фронте против Москвы... Для весеннего наступления Германия вместе с союзниками выставит до 65 новых дивизий... Наиболее вероятный срок наступления – середина апреля или начало мая"¹⁴. Через пять дней органы госбезопасности сообщили в ГКО: "Главный удар будет нанесен на южном участке с задачей прорваться через Ростов к Сталинграду и на Северный Кавказ, а оттуда по направлению к Каспийскому морю. Этим немцы надеются достигнуть источников кавказской нефти. В случае удачи операции с выходом на Волгу у Сталинграда немцы наметили повести наступление на север вдоль Волги... и предпримут основные операции против Москвы и Ленинграда, так как захват их является для немецкого командования делом престижа"¹⁵.

26 марта Главное разведывательное управление доложило генералу Василевскому спецсообщение, в котором излагалась оценка англичанами перспектив развертывания войны весной–летом 1942 г. По мнению военного командования и министерства иностранных дел Великобритании, Германия могла провести крупные операции только на южном крыле советско-германского фронта, нанося там главный удар с целью захвата кавказской нефти¹⁶.

Были и другие свидетельства, в том числе и косвенные. Так, в американском журнале "Тайм" от 16 февраля 1942 г. была опубликована довольно любопытная статья, посвященная начальнику Генерального штаба Красной Армии маршалу Шапошникову и его прогнозу развития военных событий в предстоящей летней кампании 1942 г. При этом неизвестный автор сообщает, что, судя по всему, "Шапошников не испытывает особого оптимизма в отношении весны"; не согласен он и "с благими рассуждениями президента Калинина" о том, что "немцы не могут захватить инициативу... и допускает такую возможность, несмотря на все противодействия с советской стороны. Причем он не сомневается, что даже если инициатива будет утрачена, то ее снова возможно завоевать и выиграть всю войну". И далее приводится предположительный ход рассуждений самого маршала: "По-видимому, весной и летом Ленинград по-прежнему останется в плотной блокаде. Можно ожидать удара на Москву, но она будет удержана. Скорее всего, немцы нанесут свой главный удар на юге с тем, чтобы оттеснить русских за Дон. На этом рубеже русские постараются удержаться и осенью начнут новое контрнаступление. К этому времени, если Великобритании удастся сохранить за собой Суэц и Средний Восток, Германия начнет ощущать нехватку горючего и людских ресурсов, а у личного состава вряд ли сохранится высокий моральный боевой дух. В конечном итоге зимой 1942/43 г. развернется великое наступление на рейх, в котором примут участие и западные союзники"¹⁷.

В этом деле есть еще одна интересная деталь. В записях фельдмаршала Кейтеля, сделанных в 1946 г. в Нюрнберге незадолго до его казни, имеются такие сведения: «Первым и необъяснимым тогда событием явилась публикация копии плана наступления в прессе западных противников. Во всяком случае одна из фраз "основополагающей директивы" фюрера была воспроизведена настолько точно, что никаких сомнений в предательстве быть не могло. Недоверие фюрера к тем штабам, которым была поручена предварительная разработка плана, получило новую пищу... Как выяснилось уже зимой 1942 г., предателем оказался мобилизованный из запаса офицер штаба оперативного руководства главного командования военно-воздушных сил, служивший там в разведывательном отделе...»¹⁸ Без

сомнения, речь идет об обер-лейтенанте Харро Шульце-Бойзене, служившем в главном штабе германских ВВС и работавшем на советскую разведку. Как мы теперь знаем, последующее развитие событий подтвердило эти вполне достоверные данные, кроме соображений о повороте немцев вдоль Волги на север и наступления на Москву.

Однако Генеральный штаб, оценивая вероятный характер действий противника, сделал вывод о том, что наибольшего эффекта немцы могут добиться при нанесении удара на участке Брянск, Курск в направлении на Рязск и последующими действиями на Владимир, при одновременном продвижении в сторону Пензы. Большая оперативная емкость этого направления, отсутствие крупных лесных массивов и водных преград вплоть до линии Коломна, Рязань, Моршанск, наличие развитой дорожной сети допускали массированное применение здесь крупных танковых и моторизованных соединений. В случае успеха на этом направлении немцы могли рассечь фронт на две части и охватить Москву с юга и юго-востока, отрезав от нее основные железнодорожные коммуникации. Не исключалась возможность нанесения противником удара и на северокавказском направлении с целью охвата нашего левого фланга, отсечения центра от бакинской нефти, нарушения коммуникаций, проходящих через Иран и обеспечивающих доставку вооружения от союзников. Однако, по мнению Генштаба, он мог носить только второстепенный характер, так как в этом случае большая часть советских войск оставалась бы вне воздействия противника.

Исходя из такой оценки обстановки, важнейшими направлениями вероятного действия противника были определены ленинградское, московское, воронежское и донбасско-ростовское, но предполагалось, что основные события развернутся на московском направлении¹⁹. Поэтому Генеральный штаб полагал, что важнейшей стратегической задачей на первом этапе кампании является удержание районов Ленинграда, Москвы, треугольника Елец, Лиски, Мичуринск и Ростовского района. На этих направлениях и предполагалось сосредоточить основные резервы ВГК. Планом летней кампании предусматривалось на фронте от Мурманска до Ладожского озера вести прочную и одновременно активную оборону. В первой половине мая намечалось ликвидировать демьянскую группировку противника, а затем одновременно с Орловской и Харьковской операциями силами Калининского и Западного фронтов с привлечением части войск Северо-Западного фронта осуществить разгром ржевско-вяземско-гжатской группировки немцев. После овладения районами Вязьмы, Орла и Харькова намечалось провести одновременно две операции: одну с целью разгрома любанско-чудовской группировки врага и деблокады Ленинграда, а другую – по освобождению Донбасса.

В случае своевременного вскрытия главной наступательной группировки немцев планировалось нанести по ней мощный встречный или даже упреждающий удар с последующим переходом в решительное наступление по всему фронту. При этом главные усилия предполагалось сосредоточить на двух участках: Двинск, Минск и со стороны Днепропетровска – Киев, Жмеринка, что должно было создать предпосылку охвата и последующего разгрома всей центральной группировки немцев²⁰.

Сталин эти предложения поддержал. Он был настроен оптимистически. Этот оптимизм не был безосновательным. К весне 1942 г. в вооруженных силах находилось более 400 дивизий, около 11 млн человек, свыше 10 тыс. танков и более 11 тыс. самолетов²¹. Кроме того, Главное разведывательное управление доложило ему явно завышенные потери Германии с начала вторжения по 1 марта 1942 г. – 6,5 млн человек, в том числе вермахта – 5,8 млн человек. По прогнозам разведки, немцы к середине июня могли иметь на советско-германском фронте до 310 дивизий и 5600 самолетов, что также было большим преувеличением. Хотя советские войска имели общее превосходство, однако 60% пополнения, полученного действу-

ющей армией, было не обучено и требовало много времени для подготовки. Соединения и части, посылаемые на фронт, не были в должной мере сколочены, имели значительный некомплект в личном составе и испытывали недостаток в боеприпасах и вооружении.

Все это в последующем сказалось на результатах большого количества проведенных частных наступательных операций.

"В основном я был согласен с оперативно-стратегическими прогнозами Верховного, – вспоминал маршал Жуков, – но не мог согласиться с ним в количестве намеченных им частных наступательных операций наших войск, считая, что они поглотят без особой пользы наши резервы и этим осложнится подготовка к генеральному наступлению... Докладывая свои соображения, я предлагал И.В. Сталину, так же как и Генштабу... в первую очередь нанести мощные удары на западном стратегическом направлении с целью разгрома вяземско-ржевской группировки противника... силами Западного, Калининского и ближайших фронтов, а также авиацией ВГК и ПВО Москвы..."²² Правда, сегодня трудно понять, чем руководствовался Георгий Константинович, предлагая Ставке свой вариант действий.

Многие соединения, имея 400–500 бойцов по своему списочному составу, никак не могут носить такое громкое название, как дивизия. Так, в конце марта в боевом донесении Военного совета 43-й армии Сталину и главнокомандующему Западным направлением Жукову подчеркивалось: основной причиной невыполнения приказа о соединении с окруженной немцами группой генерала Ефремова являлось обстоятельство, что начало операции не удалось обеспечить достаточными силами и средствами; три дивизии имели общую численность 13 тыс. клинков, одна – 554 штыка, а две – вообще небоеспособны. Пополнения по тысяче человек были влиты в части этих соединений накануне наступления и с ходу введены в бой. Полковая и дивизионная артиллерия к началу боев почти не была обеспечена снарядами. В наличии имелось от 0,1 до 0,3 боекомплекта, а 82-мм и 120-мм мин оказалось всего по 10 штук на миномет!²³ Спрашивается, как же с этими силами можно вести речь о наступлении на многих участках фронта? Из-за разногласий в вопросе о плане действий на лето 1942 г. в конце марта на совещании в ГКО, где обсуждался представленный командованием Юго-Западного направления план наступления трех фронтов, вновь возникла дискуссия.

Маршал Шапошников в своем докладе подчеркнул, что, учитывая численное превосходство противника и отсутствие второго фронта в Европе, на ближайшее время следует ограничиться активной обороной, а основные стратегические резервы, не вводя в дело, сосредоточить на центральном направлении и частично в районе Воронежа, где, по мнению Генштаба, летом могут разыграться главные события²⁴.

Не было единодушного мнения и при обсуждении плана проведения наступления на юго-западном направлении, предложенного его командованием. И снова Шапошников, выразив несогласие Генштаба с этим планом, пытался указать на трудности организации такой операции, но, по словам Жукова, Верховный, не дав ему закончить, сказал: "Не сидеть же нам в обороне сложа руки и ждать, пока немцы нанесут удар первыми! Нам самим надо нанести ряд упреждающих ударов на широком фронте и прощупать готовность противника. Жуков предлагает развернуть наступление на западном направлении, а на остальных фронтах обороняться. Я думаю, что это полумера"²⁵. Выступивший затем Тимошенко предложил нанести упреждающий удар и расстроить наступательные планы немцев против Южного и Юго-Западного фронтов, в противном случае, считал он, может повториться то, что было в начале войны. Ворошилов присоединился к его мнению. "Остальные, – как вспоминал Жуков, – молчали и, когда Сталин вновь заговорил о целесообразности ряда ударов, только одобрительно кивали". Жуков выступил еще

раз и высказал свое несогласие с развертыванием нескольких наступательных операций одновременно. Однако Шапошников, в основном сторонник его идей, "на сей раз, к сожалению, отмолчался..."²⁶.

Не успел Жуков доехать до штаба Западного фронта, как ему передали директиву о выводе из его подчинения Калининского фронта и переподчинении его Ставке, а также о ликвидации главного командования Западного направления, которое он, Жуков, до сего времени возглавлял. «Мне, конечно, было понятно, – признается маршал в своих воспоминаниях, – это за то, что не согласился с решением Верховного относительно "ряда упреждающих наступательных операций наших войск"»²⁷.

По мнению Жукова, половинчатость решения заключалась, с одной стороны, в том, что Верховный согласился с Генштабом, который решительно возражал против проведения крупной наступательной операции группой советских фронтов под Харьковом; с другой – он дал разрешение Тимошенко на проведение частной наступательной операции в том же районе. По словам Василевского, Сталин приказал Генштабу считать операцию внутренним делом направления и ни в какие вопросы по ней не вмешиваться.

Но он дал разрешение и на проведение не только фронтовых, но и стратегических операций. Об этом свидетельствуют новые документы, введенные в научный оборот в самое последнее время. До этого утверждалось, что Сталин, согласившись с предложениями Генштаба, дал ему указание подготовить и провести в ближайшее время частные наступательные операции.

Однако, изучая "Основные положения плана ГШ КА на летнюю кампанию 1942 г."²⁸ и "Замысел наступательных операций..."²⁹ на это время, мы убеждаемся, что лишь на одном участке фронта, к северу от Ладожского и Онежского озер до Мурманска (и то на ближайшую половину лета!) предусмотрена прочная и активная оборона. Остальным же фронтам (самостоятельно и во взаимодействии), на основании требования Сталина об изгнании захватчиков с оккупированной территории уже к концу 1942 г., были поставлены наступательные задачи. Так, в первой половине мая предстояло ликвидировать демянскую группировку, провести Орловскую и Харьковскую операции; одновременно предусматривался разгром ржевско-вяземско-гжатской группировки врага войсками Калининского, Западного и частью сил Северо-Западного фронтов. После овладения районами Вязьмы, Орла и Харькова планировались две одновременные операции: одна с целью разгрома любанско-чудской группировки и деблокады Ленинграда, а другая – с целью освобождения Донбасса. "Не ждать удара противника, – говорилось в пояснительной записке, – а самим нанести мощный встречный или даже упреждающий удар, может быть, даже отказавшись от некоторых задач, истребив основные свежие резервы противника, перейти в решительное наступление на всем фронте. При этом главные усилия, очевидно, будут направлены на участок Двинск–Минск и со стороны Днепропетровска на Киев–Жмеринка, чтобы создать предпосылки для захвата и последующего разгрома всей центральной группировки противника"³⁰. На карте обозначена и стратегическая цель к концу 1942 г. – выход на западную границу СССР. И только после этого – переход к обороне.

Таким образом на лето 1942 г. планировалось наступление почти на всем советско-германском фронте, подобно тому, что пыталась осуществить Красная Армия в январе–апреле 1942 г. Авантюристость этого плана не могла не привести к катастрофическим последствиям. Во многом она была обусловлена переоценкой знаний успехов советских войск и в незначительной степени недооценкой врага. В принципе злую шутку с Верховным сыграла не столько его недостаточная осведомленность об истинных боевых возможностях Красной Армии, сколько уверенность, что вермахт исчерпал свои наступательные возможности.

Поэтому из утверждений маршала Василевского (правда, высказанных уже

после войны) о том, что "самым уязвимым оказалось в нем (плане летней кампании. — *Ред.*) решение одновременно обороняться и наступать"³¹ и что "обоснованные данные нашей разведки в подготовке главного удара врага на юге не были учтены"³², можно согласиться только с последним.

ВЕСЕННИЕ НЕУДАЧИ

Относительное затишье на фронтах в мае сменилось ожесточенными боями, развернувшимися под Ленинградом и Демянском, в Крыму и под Харьковом. Противоборствующие стороны вступили в борьбу за стратегическую инициативу.

Несмотря на то что к концу апреля операция по деблокированию Ленинграда потерпела неудачу, а войска 2-й ударной армии фактически оказались в окружении, понесли большие потери, а их снабжение было крайне затруднено, Военный совет Ленинградского фронта в мае представил в Ставку план действий войск на волховском направлении, согласно которому основная задача заключалась в разгроме мгинско-синявинской группировки противника и снятии блокады с Ленинграда путем проведения ряда последовательных фронтовых операций. Сталину план пришлось по душе.

21 мая 1942 г. Верховный подписал директиву, в соответствии с которой войскам волховской группы Ленинградского фронта была поставлена задача: "Ударом главных сил 2-й ударной армии с запада с одновременным ударом 59-й армии с востока уничтожить противника в выступе Приютина, Спасская Полисть..., а затем силами 59, 2 ударной и правым крылом 52-й армий прочно обеспечить за собой плацдарм на западном берегу р. Волхов, в районе Спасская Полисть, Мясной Бор, Земтины, прикрыть ленинградскую железную дорогу и шоссе, с тем чтобы не допустить соединения по этим дорогам новгородской и чудовской группировок противника и восстановления железной дороги Новгород–Ленинград"³³. Как видим, в приказе совершенно не учитывалось положение 2-й ударной армии, которая, глубоко вклинившись в оборону противника, была ослаблена из-за непрерывных боев на своих флангах и путях подвоза³⁴.

Немецкое командование, постоянно усиливая группировки, нависшие с севера и юга над коммуникациями подвоза 2-й ударной армии, сосредоточило против ее войск до десяти дивизий. Правда, Ставка ВГК своевременно вскрыла проводимые врагом мероприятия и, утверждая план дальнейших действий Ленинградского фронта, потребовала от его командующего генерала М.С. Хозина прежде всего отвода войск этой армии на рубеж р. Волхов. Тем не менее командующий фронтом своевременно не выполнил требований Ставки и приступил к отводу только 25 июня. 23-го немцы нанесли три одновременных удара и на следующий день окончательно перерезали коммуникации у основания прорыва, тем самым завершив окружение большей части армии вместе со штабом.

Ставка, правда, с большим опозданием, лихорадочно изыскивала пути вызволения армии из котла, и не в последнюю очередь ее командующего генерала А.А. Власова. С этой целью она выделила волховскую оперативную группу (шесть армий) в отдельный фронт под командованием генерала К.А. Мерецкова, поставив ему задачу вывести 2-ю ударную из котла. Сталин снял с должности командующего Ленинградским фронтом М.С. Хозина, а на его место назначил генерала Л.А. Говорова. Но принятые меры не дали положительных результатов. 2-я ударная армия перестала существовать.

Немецкое радио усиленно муссировало тему окружения "самой крупной" советской армии, поэтому Верховный распорядился подготовить специальное сообщение Совинформбюро. 29 июня Совинформбюро передало буквально следующее: "Гитлеровские вояки приводят астрономическую цифру в 30 тыс. якобы захваченных пленными, а также о том, что число убитых превышает число пленных во много раз.

Военные действия на юго-западном направлении.
 Май—июль 1942 г.

Разумеется, эта очередная... фальшивка не соответствует фактам... По неполным данным, в этих боях немцы потеряли только убитыми не менее 30 тыс. человек... Части 2-й ударной армии отошли на заранее подготовленный рубеж. Наши потери в этих боях до 10 тыс. убитыми, около 10 тыс. человек пропавшими без вести..."³⁵ Других источников о потерях 2-й ударной армии нет.

А судя по немецким данным, противник захватил 33 тыс. военнопленных, 600 орудий и 170 танков³⁶. Правда, говорится о том, что незначительная часть войск просочилась через немецкие боевые порядки и вышла в расположение Волховского фронта. Все же операция по выводу из окружения 2-й ударной армии Волховским фронтом обошлась дорого. Три армии, в том числе и окруженная, потеряли 94 751 человека, из которых 54 774 – безвозвратно³⁷. Только спустя полвека мы по крупице узнаем, что начавшаяся ранней весной плохо подготовленная операция Волховского фронта поглотила в непроходимых болотах тысячи и тысячи советских солдат и офицеров, которые и по сей день числятся как "без вести пропавшие". Сам командующий, выданный немцам деревенским старостой, 12 июля попал в плен.

Не привели к успеху и попытки командования Северо-Западного фронта ликвидировать демянскую группировку противника, так называемый демянский котел. Наступление началось 3 мая и продолжалось до конца месяца. Немецкое командование перебросило к рамушевскому коридору силы и средства с других участков фронта, при этом значительную помощь им оказала авиация.

Северо-Западный фронт, хотя и располагал общим превосходством над противником, указаний Ставки о массировании сил и средств на избранных направлениях не выполнил. Его командование вместо того, чтобы сосредоточить основное внимание на разгроме окруженной группировки врага, все усилия сконцентрировало на старо-русском и демянском направлениях, но ни на одном из них так и не сумело создать решающего преимущества. Как правило, резервы вводились в бой с опозданием, маскировка войск и противовоздушная оборона организовывались недостаточно. Неумелая организация операции, незавершенность подготовки войск и штабов к наступлению, слабое управление, шаблонные действия, а к тому же и плохая организация разведки противника – вот основные причины безуспешных действий советских войск, их больших потерь. Только с 7 января по 20 мая они составили 245 тыс. человек, из них безвозвратные – 88 908 человек³⁸.

В результате вплоть до весны 1943 г. немцам удалось удерживать здесь оборону, находясь в полуокружении, и тем самым сковывать довольно крупные силы советских войск – целых пять армий, из них три ударные. Это имело немаловажное значение при подготовке летнего наступления. По данным противника, его собственные потери были немалыми: с 28 ноября 1942 до 28 февраля 1943 г. в районе Валдая, Демянска он потерял 6300 убитыми, 23 500 ранеными, 2400 обмороженными, 31 400 больными – всего 63 600 человек³⁹. Транспортная авиация в составе почти 600 самолетов между 19 февраля и 18 мая ежедневно поставляла в Демянск 273 т всевозможных грузов, она вывезла оттула 22 тыс. раненых, а доставила 15 тыс. человек пополнения.

Одновременно с боевыми действиями на севере не стихали бои и на юге. Готовясь к возобновлению наступления с целью освобождения Крыма в соответствии с задачами, поставленными Ставкой 21 апреля, командование Крымского фронта совершенно не уделяло внимания организации обороны. Надо подчеркнуть, что глубина ее главной полосы, состоявшей из отдельных стрелковых ячеек и окопов, причем отрытых без всякой системы и не связанных между собой, не превышала каких-то 4–5 км. Вторую оборонительную полосу от переднего края отделяли на правом фланге всего 12 км, а в центре и на левом фланге они сливались. Армейский тыловой рубеж, позиции Турецкого вала и Керченские оборонительные обводки, совершенно не подготовленные в инженерном отношении, войсками были не заня-

ты. Артиллерийские противотанковые резервы во фронте и в армиях не создавались, командные пункты для управления боем заранее не готовились. Маскировка и противовоздушная оборона войск, особенно штабов, полностью отсутствовала. Оперативное построение фронта оставалось одноэшелонным. То, что армии располагались в линию, а фронтовые резервы – вблизи переднего края обороны, неминуемо ставило их под первые же удары авиации и артиллерии противника. Ослабленные в предыдущих боях соединения первого эшелона так и остались без замены. Почти все они были развернуты в одну линию, что исключало возможность создания сильных вторых эшелонов, резервов и маневра ими.

Имея в своем распоряжении 21 расчетную дивизию (259 622 человека, 347 танков, 3577 орудий и минометов разных калибров и 400 самолетов)⁴⁰, командующий фронтом генерал Д.Т. Козлов расположил основные силы (47-ю и 51-ю армии) на правом крыле, которое глубоко вдавалось в оборону немцев, а на левом крыле занимала оборону 44-я армия генерала С.И. Черняка. Группировка создавалась как наступательная, хотя это и не отвечало условиям создавшейся обстановки. Лишь 7 мая, когда начальник штаба Северо-Кавказского направления поставил в известность командование Крымского фронта о возможном наступлении немцев в период с 10 по 15 мая, генерал Казлов доложил в Ставку план мероприятий по организации обороны⁴¹. В нем предусматривались усиление левого крыла фронта, создание подвижных противотанковых резервов, форсирование оборонительных работ и вывод во второй эшелон управления 47-й армии с задачей организовать оборону в тылу. К сожалению, это решение слишком запоздало.

Ранним утром 8 мая после часовой артподготовки и массированного авиационного удара немцы, создавая видимость наступления по всему фронту, на самом деле главный удар нанесли по 63-й горнострелковой дивизии 44-й армии своими тремя дивизиями на фронте в 6 км. К концу дня две пехотные и танковая дивизии проделали брешь до 6 км по фронту и 10 км в глубину⁴². Одновременно небольшой шлюпочный десант был высажен в тылу советских войск, в 15 км северо-восточнее Феодосии.

Массированными ударами авиации (до 900 самолето-вылетов в сутки) по заранее разведанным командным пунктам и узлам связи враг вывел из строя почти всю систему управления, парализовал связь объединений и соединений. Так, 44-я армия осталась без нее уже в первые часы боя, а 63-я горнострелковая дивизия – еще в период вражеской артподготовки. Взаимодействие между армиями и внутри них было нарушено.

В результате запланированный штабом 44-й армии контрудар по прорвавшемуся противнику не состоялся. Несмотря на требование Ставки немедленно организовать фронтовой контрудар по флангу и тылу наступавших немцев, командование фронта не сумело его осуществить из-за отсутствия связи с войсками. Враг продолжал развивать успех, введя в прорыв 22-ю танковую дивизию, которая на следующий день вышла к Турецкому валу*, а часть сил он повернул на север, в тыл войскам фронта.

С целью избежать полного окружения Сталин приказал генералу Козлову в ночь на 10 мая быстро отвести войска фронта за Турецкий вал, где организовать оборону. Однако в армии приказ на отход поступил только поздно вечером. Командование фронта, потеряв управление войсками и совершенно растерявшись, не сумело правильно организовать отступление. Целые соединения так и не смогли вырваться из кольца и оказались в окружении в районе Ак-Моная, откуда пробиться на восток им уже не удалось.

Верховный, предчувствуя повтор керченской трагедии в ноябре 1941 г., в на-

* Турецкий вал – древние земляные укрепления, возведенные на Керченском полуострове между Казантинским заливом и оз. Узинларское в 24–25 км к западу от Керченского пролива.

правленной в полночь 11 мая телеграмме приказал главкому Северо-Кавказского направления маршалу Буденному немедленно выехать в Керчь, где тогда находился штаб фронта, и организовать устойчивую оборону на линии Турецкого вала.

Сталин поручил Василевскому передать от его имени приказ лично командующему фронтом: Керчь не сдавать, а "организовать оборону по типу Севастополя. Перебросить к войскам, ведущим бой на западе, группу мужественных командиров с рациями с задачей взять войска в руки, организовать ударную группу, с тем чтобы ликвидировать прорвавшегося противника и восстановить оборону по одному из керченских обводов. Если обстановка позволяет, необходимо там быть Вам лично.

...Командуете фронтом Вы, а не Мехлис. Мехлис должен Вам помочь. Если не поможет, сообщите..."⁴³ Увы, было уже поздно.

Никто не мог помочь Крымскому фронту. Он был обречен. Когда сражение в Керчи затихло, Сталин потребовал точные данные о потерях. Сводку о них представили лишь через полторы недели. В ней значилось, что за 12 дней немецкого наступления Крымский фронт, обладая значительным превосходством в силах и средствах, потерял 176 566 человек, 347 танков, 3476 орудий и минометов, 400 самолетов⁴⁴.

Немцы же утверждают, что, сами потеряв убитыми 7588 человек, они только в плен взяли около 170 тыс. человек, а в качестве трофеев захватили 258 единиц бронетехники, около 110 орудий, а также другое вооружение и военное имущество⁴⁵.

Сталин, ознакомившись со сводкой потерь, приказал Василевскому срочно подготовить директиву Ставки военным советам фронтов и армий, которая бы обобщила все недостатки повторной трагедии в Крыму. 4 июня проект ее был готов и доложен Верховному. В этом секретном документе был дан весьма своеобразный анализ причин поражения Крымского фронта. Его командование было обвинено в "полном непонимании природы современной войны", "в бюрократическом и бумажном" методе руководства войсками, недисциплинированности Козлова и Мехлиса, которые "не обеспечили своевременного отвода войск за Турецкий вал"⁴⁶.

Сталин сместил и понизил в должности и в звании командующего фронтом, члена Военного совета Ф.А. Шаманина, командующих 44-й и 47-й армиями С.И. Черныя и К.С. Колганова, командующего ВВС фронта Б.М. Николаенко. Снятый с должности начальник штаба фронта генерал П.П. Вечный был направлен в распоряжение Генерального штаба для назначения на менее ответственную работу. Он был единственным, кто не был понижен в воинском звании за поражение Крымского фронта.

Смещен с поста заместителя наркома обороны и начальника Главного политического управления РККА, понижен в звании до корпусного комиссара и Мехлис. В практике Сталина это был, пожалуй, второй и, по-видимому, последний случай за годы войны, когда за поражение одного и того же фронта он в течение года так сурово обошелся с предателями Ставки. В первой керченской катастрофе в ноябре 1941 г. пострадал маршал Г.И. Кулик, посланный всего за пять дней до сдачи Керчи с категорическим требованием удержать город и не допустить прорыва немцев на Таманский полуостров. Тогда приказ Ставки не был выполнен не по вине Кулика, тем не менее все действия маршала по обороне Керчи Сталин квалифицировал как преступные.

Конечно, командование фронта и армий ответственны за то, что не выполнили свой служебный долг: каждый командир любого ранга после успешного или неудачного наступления обязан закрепиться на достигнутом рубеже. А Военный совет Крымского фронта 7 мая, за день до немецкого наступления, вместо укрепления обороны был занят обсуждением плана наступления. Что это: преступная халатность или беспечность командования? Да, все это имело место. И в этом одна из

причин очередного поражения Крымского фронта. Но были и другие. Так, значительная доля ответственности за вторую крымскую катастрофу лежит и на самой Ставке ВГК и на ее исполнительном органе – Генеральном штабе. Вплоть до 6 мая именно Ставка считала основной задачей фронта наступление в целях освобождения Крыма. Даже за день до удара немцев, когда наконец-то фронт получил задачу закрепиться на занимаемых рубежах, Сталин рекомендовал его командованию одновременно улучшить тактическое положение на отдельных участках, захватив для начала "кой-асановский узел врага". Другими словами, даже в такой обстановке фронту ставилась задача и обороняться, и наступать. Кстати, так было и перед вяземской катастрофой в 1941 г., и перед началом летнего наступления немцев в 1942 г.

Немалая доля вины за крымскую трагедию лежит на Мехлисе, который практически единолично решал вопросы комплектования войск и штабов, обеспечения фронта вооружением, боеприпасами, продовольствием и т.д. Начальники главных управлений НКО (артиллерийского, бронетанкового, кадров и др.) вели переписку только с Мехлисом. Дело было поставлено так, будто командующего фронтом просто не существует. Именно Мехлис запретил рыть глубокие окопы, а робко возражавшим командирам заявил, что окопы – это оборонная психология, а фронту в ближайшие дни предстоит наступать.

Увидев в первый же день наступления, что все рухнет под ударом немецкого армейского корпуса, Мехлис направил Верховному телеграмму, в которой обвинил во всех бедах командующего фронтом. На сей раз реакция Сталина была довольно своеобразной. Он резко отчитал своего доверенного: "Вы держитесь странной позиции стороннего наблюдателя, не отвечающего за дела Крымфронта. Эта позиция очень удобна, но она насквозь гнилая. На Крымском фронте Вы ...ответственный представитель Ставки, отвечающий за все успехи и неудачи фронта и обязанный исправлять на месте ошибки командования. Вы вместе с командованием отвечаете за то, что левый фланг фронта оказался из рук вон слабым... Вы посланы на Крым-фронт не в качестве Госконтроля...".*

Вы требуете, чтобы мы заменили Козлова кем-либо вроде Гинденбурга... У нас нет в резерве Гинденбургов... Если бы Вы использовали штурмовую авиацию... против танков и живой силы противника, противник не прорвал бы фронта и танки не прошли бы. Не нужно быть Гинденбургом, чтобы понять эту простую вещь, сидя два месяца на Крымфронте"⁴⁷.

Потеря Керченского полуострова поставила в исключительно тяжелое положение советские войска, защищавшие Севастопольский оборонительный район. Теперь против них были повернуты все силы 11-й немецкой армии.

Севастополь – гордость и славу русского Черноморского флота – обороняла Приморская армия, возглавляемая генералом И.Е. Петровым. В ее состав входили семь стрелковых дивизий, два полка морской пехоты, два танковых батальона и бронепоезд. Всего 106 тыс. человек, 600 орудий и минометов, 38 танков и лишь 53 исправных самолета⁴⁸. К началу июньского наступления немцев советские дивизии были укомплектованы всего на 55% их штатной численности.

Группировка противника, нацеленная на Севастополь, имела семь с половиной немецких и полторы румынские дивизии. На фронте протяженностью 35 км она имела 204 тыс. человек, 670 орудий калибра от 75 до 600 мм, 655 противотанковых пушек, 720 минометов, 450 танков и около 600 самолетов. 54-й армейский корпус, наносивший главный удар, поддерживали 120 артиллерийских батарей, в том числе 56 батарей тяжелой и сверхтяжелой артиллерии. На направлении главного удара плотность достигала 150 орудий и минометов на 1 км фронта. Для действий против советских кораблей противник создал авиаэскадру – 150 бомбардировщиков и

* До войны Мехлис возглавлял Госконтроль.

самолетов-торпедоносцев. В крымские порты, прежде всего в Ялту, он перебросил 19 торпедных, 30 сторожевых и 8 катеров противолодочной обороны, а также 6 итальянских "малюток" – малых подводных лодок⁴⁹. Таким образом, город был блокирован не только с суши, но и с моря.

Снабжение советских войск оружием, боеприпасами, снаряжением и продовольствием осуществлялось боевыми кораблями Черноморского флота. Каждый раз при подходе к осажденному городу им приходилось прорывать блокаду. Отдельные корабли подвергались атакам до 90 вражеских самолетов, сбрасывавших по 200–300 бомб. Для снабжения Севастополя привлекались также и части транспортной авиации Северо-Кавказского фронта. Для подвоза в осажденный город боеприпасов, горючего и продовольствия использовались и подводные лодки. Они совершили 81 рейс и доставили защитникам Севастополя около 4 тыс. т боеприпасов, продовольствия и бензина. Обратными рейсами они вывезли из города более 1300 раненых воинов, стариков, женщин и детей.

С 20 мая заметно активизировали свои действия авиация и артиллерия противника, а 2–6 июня, перед третьим штурмом Севастополя, чтобы окончательно деморализовать его защитников, была проведена авиационно-артиллерийская подготовка. Шквал огня обрушился на позиции осажденных. Авиация врага произвела свыше 9 тыс. самолето-вылетов, сбросив до 45 тыс. бомб, а артиллерия выпустила около 126 тыс. снарядов⁵⁰. Однако и это не сокрушило оборону.

7 июня начался третий штурм Севастополя. Для его защитников наступило самое тяжелое время. Ежедневно они отбивали по 15–20 атак превосходивших сил врага, нанося ему большой урон, но и сами имели немалые потери. Вражеская авиация совершала ежедневно по 600–1000 самолето-вылетов.

Враг, подтягивая к району боев все новые силы, с возрастающей яростью продолжал штурмовать Севастополь. Не сумев достичь успеха в направлении Северной бухты, он перенес основные усилия вдоль Ялтинского шоссе, но и здесь потерпел неудачу. Правда, на отдельных участках немцы сумели несколько продвинуться. Положение защитников Крыма с каждым днем ухудшалось. К тому же усиливалась блокада Севастополя с моря, и, хотя корабли Черноморского флота с отчаянными усилиями прорывались к нему, они не могли возместить потери войск и обеспечить защитников города всем необходимым. Все более остро ощущался недостаток боеприпасов, а поэтому пехота действовала почти без поддержки артиллерии. При налетах немецкой авиации зенитная артиллерия бездействовала – нечем было стрелять. Немногие уцелевшие советские самолеты вынуждены были покинуть район Севастополя и перебазироваться на кавказские аэродромы.

"Подводя итог первого дня наступления, – записано в дневнике военных действий вермахта, – необходимо сказать, что сопротивление противника ожесточеннее, чем ожидалось. Поставленные на день задачи нигде не были выполнены"⁵¹. Германское командование торопилось: ему нужен был 8-й авиационный корпус для проведения главной операции – наступления на Кавказ и Сталинград.

17 июня немцам все-таки удалось прорвать оборону на северном участке и в последующие шесть дней захватить все побережье бухты Северная, а на юге продвинуться до подножия Сапун-горы. В ночь на 29 июня части одного из армейских корпусов на ста штурмовых лодках неожиданно форсировали Северную бухту и с первой попытки закрепились на ее южном обрывистом берегу. Утром пехотная дивизия, развивая наступление, прорвала оборону в районе Сапун-горы и на следующий день вышла на широком фронте непосредственно к городу. В сложившихся условиях удержать город было невозможно: в дивизиях Приморской армии оставалось всего по 300–400 человек, а в бригадах – по 100–200. Существенно укрепить севастопольскую оборону не могла и Ставка, так как в это время противником уже велось наступление на Воронеж.

В трагической ситуации последних дней обороны командующий Севастопольским оборонительным районом вице-адмирал Ф.С. Октябрьский и член Военного совета Черноморского флота дивизионный комиссар Н.М. Кулаков, справедливо считая, что гарнизон продержится максимум два-три дня, запросили у Ставки разрешение на эвакуацию. Однако эвакуировать все войска было невозможно, так как порт находился под непрерывным обстрелом противника и в него могли прорваться только подводные лодки и быстроходные катера. Удалось эвакуировать лишь незначительную часть героических защитников Севастополя. По разрешению Ставки около 600 человек руководящего состава армии, флота, гражданских организаций и членов городского комитета обороны в ночь на 1 июля на самолетах покинули Севастополь, а генерал Петров со своим штабом – на подводной лодке. В городе, судя по докладу Октябрьского, остались примерно 5,5 тыс. боеспособных военнослужащих и около 15 тыс. раненых со всем медицинским персоналом.

Остатки армии, флота и рабочих формирований, среди которых было много женщин, продолжали сражаться, не имея ни малейшего шанса на спасение. "Их бомбили снова и снова, – сообщал немецкий офицер из эскадрильи пикирующих бомбардировщиков. – Один ядовитый гриб от взрыва накрывал другой, весь полуостров был в пламени и дыму, а ведь тысячи были заперты там. Их стойкости можно только удивляться. Это поистине невероятно. Так они по всей линии обороняли Севастополь все время, и это был очень крепкий орешек. Прежде чем удавалось отеснить их на самое короткое расстояние, всю землю приходилось в буквальном смысле перепахивать бомбами"⁵². В этом аду гибли люди. По немецким данным, к 7 июля было сломлено последнее сопротивление войск на п-ове Херсонес: 95 тыс. человек пленными и 45 тыс. убитыми – таковы страшные итоги севастопольской трагедии. Общие потери защитников Севастополя с 30 октября 1941 по 7 июля 1942 г. составила 200 тыс. человек, в том числе более 156 тыс. – безвозвратные⁵³.

Падение Севастополя закрепило выгодное положение противника в Крыму, хотя и ему это досталось дорогой ценой. В течение девяти с половиной месяцев целая армия была скована на столь важном, но отдаленном театре военных действий. К тому же по сравнению с другими соединениями группы армий "Юг" дивизии Манштейна имели явно непропорциональные потери. С начала "восточного похода" до конца марта 1942 г. они составили 70 тыс. человек (из них 2 тыс. офицеров), т.е. примерно 10 тыс. человек на дивизию (в этих подсчетах не учтены потери корпусных и войсковых формирований, охранных дивизий и запасных соединений).

Овладение Севастополем и почти одновременный захват генералом Э. Роммелем приморской базы Тобрук в Северной Африке немецкое командование явно переоценило. Одержанные победы были преподнесены немецкому народу как стратегический успех и как надежда на окончательный разгром русских и англичан. Гитлер присвоил Манштейну и Роммелю высшее воинское звание в вермахте – генерал-фельдмаршал, а в честь покорения Крыма даже была отлита памятная доска с выбитой медалью. Немцы отмечали свой, хотя и временный, триумф, а русские переживали случившуюся в Крыму трагедию в преддверии другой, уготованной им на Брянском, Юго-Западном и Южном фронтах.

Одновременно с боями в Крыму разворачивались события и на харьковском направлении, где войска Юго-Западного направления проводили наступательную операцию с целью освобождения Харькова и создания необходимых условий для последующего наступления в Донбассе.

Согласно замыслу операции предусматривалось нанесение двух ударов по сходящимся направлениям: одного – из района южнее Волчанска, а другого – с барвенковского плацдарма в общем направлении на Харьков.

Уже на этапе планирования советское командование получило первые сведения о возможном наступлении противника. Отмечалось, что он накапливает силы и, воз-

можно, с окончанием дождей предпримет попытку ликвидировать барвенковский выступ. Однако наступление ожидалось только со стороны Харькова, и как серьезная опасность оно не воспринималось.

Германское командование также приступило в конце апреля – начале мая к подготовке операции по ликвидации барвенковского выступа. Этот плацдарм создавал угрозу фланговым немецким группировкам, действовавшим под Харьковом и в Донбассе. Замысел операции состоял в том, чтобы встречными ударами 6-й армии генерала Паулюса из района Балаклеи и армейской группы генерала Клейста (1-я танковая и 17-я армии) из района Славянска и Краматорска (15 км южнее Славянска) в общем направлении на Изюм окружить и уничтожить советские войска в этом выступе, затем захватить плацдарм в районе Изюма, которому в дальнейшем предстояло стать исходным рубежом для развития наступления. Эта операция должна была создать условия для развертывания наступления в направлениях Кавказа и Волги.

Соединения группы армий "Юг" спешно пополнялись личным составом и военной техникой. Ее войска были усилены 11 дивизиями, из которых 5 (3 пехотные и 2 танковые) сосредоточивались против войск Юго-Западного фронта в районе Харькова. 4-й воздушный флот был значительно усилен боевыми самолетами. В полосе Юго-Западного фронта немцам удалось достичь превосходства в людях и танках в 1,5–2 раза, а по количеству артиллерии и минометов силы были примерно равны⁵⁴.

Надо признать, что перед летним наступлением на юге германскому командованию крупно повезло: в его руках оказался советский генерал А.Г. Самохин, до войны военный атташе в Югославии, а в роковой для него час – командующий 48-й армией Брянского фронта. Только недавно побывавший на приеме у Сталина, он летел на фронт. На его беду, пилот, который остался без штурмана и плохо знал навигационную обстановку, посадил самолет не в Ельце, а на аэродроме противника в Мценске!⁵⁵. Немцам не пришлось силой выуживать у советского генерала нужные им сведения: при нем оказалась полевая сумка с секретными директивами, которые давали полную картину предстоящего наступления войск под командованием маршала Тимошенко с барвенковского выступа.

12 мая войска Юго-Западного фронта нанесли два удара по сходящимся направлениям: главный – из барвенковского выступа в обход Харькова с юго-запада, вспомогательный – из района Волчанска. Вначале наступление развивалось успешно, и в результате пятидневных ожесточенных боев соединения продвинулись на 25–50 км.

Наступление войск Юго-Западного фронта поставило 6-ю армию генерала Паулюса в тяжелое положение. Командующему группой армий "Юг" уже 14 мая пришлось просить у ОКХ разрешения перебросить из войск генерала Клейста три-четыре дивизии, чтобы закрыть брешь в полосе 6-й армии. Этот успех, по воспоминаниям маршала Василевского, дал повод Сталину бросить работникам Генштаба резкий упрек, что из-за них он чуть было не отменил столь удачно развивающуюся операцию.

В целом же за истекшие пять суток наступление Юго-Западного фронта, не считая некоторого успеха армейской группы на юге, не привело к решительным результатам ни под Волчанском, ни под Барвенково. Вследствие того что обе ударные группировки слишком долго преодолевали главную полосу обороны противника, он успел усилить свои боевые порядки оперативными резервами. Тем не менее советское наступление вынудило немецкое командование изменить план действий своих войск по ликвидации барвенковского выступа.

Командующий группой армий "Юг" готов был уже отказаться от осуществления плана окружения советских войск, предложив ОКХ направить предназначенные для этого соединения Клейста в район Днепропетровска, Полтавы, чтобы

воспретить прорыв русских к Днепру. Однако против этого выступил Гальдер. Ему при поддержке Йодля удалось уговорить Гитлера не отменять намеченную операцию, а ввести в план ее проведения кое-какие изменения: вместо двустороннего охвата советских войск в барвенковском выступе провести односторонний удар соединениями армейской группы Клейста с юга, вдоль правого берега Северного Донца, на Изюм с одновременным продвижением на север через Барвенково. В дальнейшем, по их мнению, следовало развивать наступление на Балаклею, соединиться с войсками 6-й армии, оборонявшей чугуевский выступ, и тем самым не только сорвать наступление советских войск, но и завершить окружение всей барвенковской группировки.

С утра 17 мая войска Клейста нанесли мощные удары севернее Славянска и южнее Барвенково по пяти стрелковым и двум кавалерийским дивизиям 9-й армии, растянутым на 90-километровом фронте. Это явилось полной неожиданностью, особенно для командования Южного фронта. Уже в первый день наступления немцы прорвали слабую в инженерном отношении оборону 9-й армии. Здесь повторилось то же, что и в Крыму. Ударами авиации немцам удалось нарушить связь с войсками. Под натиском их превосходивших сил соединения армии начали отходить на север и северо-восток. За двое суток немцы продвинулись до 50 км и вышли во фланг Юго-Западному фронту, создав непосредственную угрозу тылам его ударной группировки.

Командующий Южным фронтом генерал Р.Я. Малиновский приказал соединениям резерва (кавалерийскому корпусу и стрелковой дивизии) с утра 18 мая нанести удар по группировке противника, прорвавшейся в Барвенково. В свою очередь главком направления маршал Тимошенко подчинил Малиновскому еще один кавкорпус, чтобы нанести контрудар по противнику, наступавшему на Изюм. А из полосы 38-й армии перебрасывались войска для занятия обороны южнее Изюма (стрелковая дивизия, танковая бригада и два батальона противотанковых ружей). Однако все эти указания повисали в воздухе из-за отсутствия связи со штабами 9-й армии и кавкорпусов.

Как же отреагировали в Ставке на контрнаступление немцев? "Получив первые сообщения из штаба направления о тревожных событиях, – вспоминал маршал Василевский после войны, а тогда временно исполнявший обязанности начальника Генерального штаба, – я связался по телефону с начальником штаба 57-й армии, моим давним сослуживцем генерал-майором А.Ф. Анисовым, чтобы выяснить истинное положение вещей. Поняв, что обстановка там критическая, я тут же доложил И.В. Сталину... Мотивируя тем, что вблизи не имеется резервов Ставки, которыми можно было бы немедленно помочь Южному фронту, я внес предложение прекратить наступление Юго-Западного фронта с тем, чтобы часть сил из его ударной группировки бросить на пресечение вражеской угрозы со стороны Краматорска. Верховный Главнокомандующий решил переговорить сначала с главкомом ЮЗН маршалом Тимошенко. Точное содержание телефонных переговоров И.В. Сталина и С.К. Тимошенко мне неизвестно. Только через некоторое время меня вызвали в Ставку, где я снова изложил свои опасения за ЮФ и повторил предложение прекратить наступление. В ответ мне было заявлено, что мер, принимаемых командованием направления, вполне достаточно, чтобы отразить удар врага против Южного фронта, а потому ЮЗФ будет продолжать наступление..."⁵⁶.

Видимо, при этом Сталин руководствовался соображениями Военного совета Юго-Западного направления, который, недооценив крупную немецкую танковую группировку в районе Краматорска, считал, что цель противника – овладеть районом Барвенково, Изюм, и сорвать наступление Юго-Западного фронта. Для укрепления правого фланга Южного фронта Тимошенко попросил у Ставки две стрелковые дивизии и две танковые бригады. Прибытие их ожидалось не ранее 20–

21 мая. А намерения противника становились все очевиднее: окружение всех войск Юго-Западного фронта в барвенковском выступе. Учитывая ухудшение обстановки на фронте 9-й армии, Тимошенко в ночь на 18 мая распорядился о переброске к участку прорыва из полосы 6-й армии 23-го танкового корпуса и стрелковой дивизии. По сути это означало отказ от развития удара на Харьков с юга, несмотря на приказ Сталина продолжать наступление. Причем из-за отсутствия связи корпус начал выход из боя лишь во второй половине дня 18 мая. В этот день было решено направить против дивизий Клейста и 21-й танковый корпус.

19 мая Генштаб еще раз высказался за прекращение наступления, предложив основные силы ударной группировки фронта повернуть для ликвидации угрозы окружения. Однако Сталин стоял на своем. Командование фронта еще раз попыталось прорвать оборону 8-го немецкого армейского корпуса, но безуспешно. Тогда в 17 часов 20 минут Тимошенко отдал приказ всем соединениям 6-й армии и армейской группе перейти к обороне на достигнутых рубежах. К этому времени глубина продвижения составила 60 км, а общий фронт обороны – 145 км.

Предполагалось, что часть войск займет оборону, а остальные силы 6-й армии и два ее танковых корпуса совместно с 57-й армией разгромят прорвавшихся в тыл немцев. К исходу 20 мая соединениям 57-й армии удалось остановить наступление противника, но на следующий день, сосредоточив две танковые, моторизованную и две пехотные дивизии в районе Петровская, Красный Лиман, Новониколаевка, он нанес удар в северном направлении. Одновременно враг стал перебрасывать из Харькова еще две танковые дивизии для наступления навстречу группе Клейста. 23 мая немцы, перерезав коммуникации барвенковской группировки советских войск, соединились в районе Глазуновки (17 км юго-западнее Балаклеи). На следующий день она была расчленена и дезорганизована. Пробриться к своим удалось немногим. Всего из окружения вышло около 27 тыс. человек⁵⁷.

Это была катастрофа. Потери войск здесь превзошли крымские. По советским источникам, Юго-Западный и Южный фронты потеряли 277 190 человек, из них 170 958 безвозвратно и 106 232 ранеными⁵⁸. Погибли там и известные военачальники Ф.Я. Костенко, Л.В. Бобкин, А.М. Городнянский, К.П. Подлас. Некоторые из них предпочли покончить с собой, чтобы не оказаться в плену.

Генерал Клейст после поездки по району только что стихших боев писал, что на поле боя везде, насколько хватало глаз, землю покрывали трупы людей и лошадей, и так плотно, что трудно было найти место для проезда легкового автомобиля. На немцев – очевидцев этих событий сражение оказало большое психологическое воздействие. Некоторые из них смотрели теперь на будущее с явным скептицизмом. Так, после боев восточнее Харькова командир 3-го танкового корпуса генерал Э. Макензен в донесении о состоянии своих войск после битвы сообщал, что победа была достигнута "на последнем издыхании"⁵⁹.

В результате катастрофы под Харьковом резко ухудшилась обстановка на южном крыле советско-германского фронта.

В целях дальнейшего улучшения оперативного положения войск перед началом главной операции командование вермахта в конце мая подготовило две новые операции силами 6-й и 1-й танковой армий.

10 июня 6-я немецкая армия генерала Паулюса начала наступление, нанеся удар двумя группировками западнее Волчанска и восточнее Чугуева по войскам 28-й и 38-й армий, которые не успели оправиться от понесенных потерь в ходе майского наступления и обороны. Не выдержав удара, они вынуждены были отходить в восточном направлении. Только 14 июня в 35 км восточнее Волчанска контрударом двух танковых корпусов и двух стрелковых дивизий Юго-Западного фронта удалось остановить продвижение врага на восток.

В течение следующей недели противник завершил подготовку очередной операции. За счет переброски из армии Паулюса в 1-ю танковую армию армейского

и моторизованного корпусов он к 21 июня на участке от Чугуева до Славянска создал три группировки общим составом до 13 дивизий.

22 июня, в годовщину нападения на СССР, немцы с чугуевского плацдарма нанесли мощный удар и, прорвав оборону советских войск, через два дня вышли к узловой станции Купянск.

Командующему фронтом ничего не оставалось делать, как с 23 по 26 июня отвести войска на левый берег р. Оскол. Попытки немцев форсировать ее и захватить плацдарм удалось отразить. Прервав наступление на этом направлении, германское командование приступило к переброске подвижных соединений 1-й танковой армии в Донбасс.

На левом фланге немецкой группировки, изготовившейся наступать на направлении главного удара, в течение нескольких дней велись упорные бои. В тот момент, когда советские войска исчерпали свои резервы, 4-я немецкая танковая армия прорвалась на участке севернее Курска. Вслед за ней устремились другие соединения. По равнинной местности, продвинувшись на глубину около 160 км, они вышли к р. Дон в районе Воронежа.

И снова Сталин ищет виновных. В личном письме от 26 июня Военному совету Юго-Западного фронта он объясняет причину снятия с поста начальника штаба Юго-Западного фронта генерала И.Х. Баграмяна, который, по его мнению, не удовлетворяет Ставку не только как начальник штаба, призванный укреплять связь и руководство армиями, но и как "простой информатор, обязанный честно и правдиво сообщать в Ставку о положении на фронте". Далее Сталин в первый раз называет поражение в районе Харькова катастрофой. "В течение каких-либо трех недель, – подчеркивает он, – Юго-Западный фронт, благодаря своему легкомыслию, не только проиграл наполовину выигранную Харьковскую операцию, но успел еще отдать противнику 18–20 дивизий... Эта катастрофа, которая по своим пагубным результатам равносильна катастрофе с Ренненкампомф и Самсоновым в Восточной Пруссии..." Сталин, понимая, что дело не только в Баграмяне, обвиняет в ошибках всех членов Военного совета, и прежде всего Тимошенко и Хрущева. И добавляет в конце: "Если бы мы сообщили стране во всей полноте о той катастрофе... которую пережил фронт и продолжает еще переживать, то я боюсь, что с Вами поступили бы очень круто..."⁶⁰.

Ожесточенные сражения, развернувшиеся в мае–июне 1942 г. на ряде участков советско-германского фронта, закончились для Красной Армии поражением. Замыслы советского командования по развитию успеха зимней кампании оказались невыполненными, а войска потеряли ряд важных районов и плацдармов. Самое главное – значительная часть резервов Ставки ВГК, предназначавшаяся для летнего наступления, была израсходована.

В результате крупных стратегических просчетов Ставки ВГК, прежде всего ее половинчатого решения "и обороняться, и наступать", советские армии оказались ослабленными накануне тяжелейших испытаний на сталинградском и кавказском направлениях.

После страшных потерь в Крымской, Харьковской и Любанской операциях Сталин, окончательно убедившись в том, что Япония завязла в бассейне Тихого океана, приказал Василевскому снять с Дальнего Востока 10–12 дивизий и не позже 11 июля начать их скрытное передвижение на запад в резерв ВГК⁶¹. Во второй раз за год войны Верховный брал из дальневосточного запасника соединения и закрывал ими являющиеся бреши фронта, которые, как черные дыры, немедленно проглатывали их.

В то же время успехи вермахта в мае–июне позволили его командованию вновь овладеть стратегической инициативой и создать благоприятные предпосылки для выполнения плана операции "Блау".

ОТХОД НА ЮГО-ЗАПАДНОМ НАПРАВЛЕНИИ

В период сражения под Харьковом командование вермахта завершило подготовку своей главной операции на Южном фланге восточного фронта. Намечалось вначале окружить и уничтожить советские войска, прикрывавшие воронежское направление. Для этого планировались два удара: один – из района северо-восточнее Курска на Воронеж, другой – из района Волчанска на Острогоск. С выходом 4-й танковой армии к Воронежу предполагалось повернуть ее на юг, в сторону Кантемировки, а тем временем навстречу ей, из района Славянска, должна была двинуться 1-я танковая армия.

Иными словами, целью первой операции являлось окружение Юго-Западного фронта, затем намечалось, организовав прикрытие с севера по рубежу Дона, наступать на Северный Кавказ. Всего германское командование выделило около 900 тыс. солдат и офицеров, 1260 танков, свыше 17 тыс. орудий и минометов, 1640 самолетов. Эти войска еще на этапе планирования были разделены на группы армий "А" и "Б", каждая в составе четырех армий, в том числе одна – танковая.

Первоначально операция намечалась на 15 июня. Однако уже в конце мая немцам стало ясно, что завершить подготовку войск к установленному сроку не удастся. Кроме того, проведение операций под Волчанском и Севастополем также потребовало значительно большего времени, чем предполагалось вначале. Между Гитлером и командованием сухопутных войск разгорелась дискуссия о сроках начала операции, которая прервалась самым неожиданным образом: 19 июня приказы и карты по операции "Блау I" попали в руки советского командования. Дело в том, что самолет, на котором майор Р. Райхель, начальник оперативного отделения штаба 23-й танковой дивизии, облетая намеченные маршруты выдвижения своей дивизии, сбился с курса и над расположением советских войск был сбит. Два офицера, в том числе летчик, при падении самолета погибли, а майор остался жив. Он пытался уничтожить документы, но в перестрелке был убит⁶². Так, по воле случая секретные немецкие материалы стали достоянием Ставки ВГК.

Так как к этому времени приготовления к наступлению были почти завершены, а изменение планов потребовало бы слишком много времени, германское командование приняло решение максимально быстрее нанести удар, придерживаясь ранее принятых разработок. Незамедлительно части 8-го авиационного корпуса, предназначенного поддержать наступление, были выведены из все еще продолжавшихся боев под Севастополем. Однако, по донесениям с фронта, они нуждались хотя бы в недельной подготовке. Шло спешное разбирательство и по поводу инцидента с майором Райхелем. Военный суд под председательством самого Г. Геринга оправдал командира 23-й танковой дивизии, но генерала Ф. Штумме (командира 40-го танкового корпуса) и его начальника штаба приговорили к тюремному заключению, правда, потом они были помилованы. Все трое были отстранены от командования перед самым началом наступления, а ведь именно их войскам отводилась центральная роль в наступлении.

После катастрофы под Харьковом часть армий Брянского, Юго-Западного и Южного фронтов, понесших тяжелые потери, не успели быстро восстановить свои силы и прочно закрепиться на новых рубежах. Несмотря на это, их войска превосходили противостоявшую им группу армий "Юг". В их составе насчитывалось 1715 тыс. человек, 2300 танков, 15 600 орудий и минометов, 758 боевых самолетов⁶³. Кроме того, на этом направлении располагались пять вновь формируемых общевойсковых армий, составлявших резерв Ставки ВГК. Однако немцы на направлении главных ударов массировали силы и средства. Кроме того, они обладали лучшей маневренностью своих войск и господством в воздухе.

Казалось бы, поражение советских войск в Крыму и под Харьковом должно было насторожить Ставку ВГК и заставить пересмотреть стратегические планы на

лето. Тем более уже к 20 июня в руках Военного совета Юго-Западного фронта оказались изъяты у майора Райхеля немецкие документы, которые, как считал Тимошенко, не вызывали сомнений. Однако Верховный успокоил Тимошенко тем, что добытые документы "вскрывают лишь один участок оперативного плана противника. Можно полагать, что аналогичные планы имеются и по другим фронтам. Мы думаем, что немцы постараются что-нибудь выкинуть в день годовщины войны и к этой дате приурочивают свои операции"⁶⁴.

И противник действительно "выкинул", но не то, что ожидал Сталин, а начал наступление в полном соответствии с перехваченным приказом. Утром 28 июня, т.е. на неделю позже, чем прошлогодняя операция по плану "Барбаросса", и с задержкой на тринадцать дней по сравнению с предварительным замыслом, войска группы "Вейхс" нанесли удар на воронежском направлении, на стыке 13-й и 40-й армий Брянского фронта. В первый же день они продвинулись на глубину 8–12 км, нарушив управление этими объединениями.

Чтобы помешать продвижению противника, Ставка ВГК дополнительно усилила Брянский фронт тремя танковыми корпусами. Кроме того, по ее указанию к участку прорыва врага выдвигался танковый корпус из резерва фронта. Все эти соединения в спешном порядке сосредоточивались на угрожаемом направлении. Теперь фронт имел достаточно сил не только для того, чтобы отразить наступление армейской группы "Вейхс", но и разгромить ее. Об этом 30 июня при переговорах по телеграфу Верховный напомнил командующему Брянским фронтом генералу Ф.И. Голикову и начальнику штаба генералу М.И. Казакову: "У вас теперь ...более 1000 танков, а у противника нет и 500... на фронте действия трех танковых дивизий противника у вас собралось более 500 танков, а у противника 300–350 танков самое большее. Все зависит от вашего умения использовать эти силы и управлять ими..."⁶⁵.

Однако командование фронта из-за быстрого изменения обстановки не сумело организовать своевременный контрудар по флангам основной группировки врага. Корпуса вводились в сражение не одновременно, а по мере их прибытия. Более того, командующий фронтом решил отвести 40-ю армию на новый рубеж, но Ставка запретила отход и приказала нанести контрудар силами двух танковых корпусов из района Старый Оскол, а одного из района Касторное, чтобы разгромить прорвавшегося противника. Согласование действий корпусов было возложено на начальника главного автобронетанкового управления Красной Армии генерала Я.Н. Федоренко.

Однако и здесь отрицательно сказалось отсутствие связи и плохое управление подвижными войсками, оттого и одновременного удара не получилось. К тому же 17-й танковый корпус, наступавший из района Касторное, отклонился от заданного Ставкой направления на 12 км к востоку и фактически участия в контрударе не принимал. В результате войскам Брянского фронта не удалось не только разгромить, но и остановить наступление немцев на Воронеж.

30 июня перешла в наступление из района северо-восточнее Харькова ударная группировка 6-й армии генерала Паулюса. Прорвав оборону на стыке 21-й и 28-й армий правого крыла Юго-Западного фронта и развивая успех в северо-восточном направлении, противник частями и соединениями четырех армейских и моторизованного корпуса к исходу 2 июля вышел на р. Оскол и захватил плацдармы на ее правом берегу. К этому времени армейская группа "Вейхс" достигла рубежа Касторное, Старый Оскол.

Итак, к исходу 2 июля оборона на стыке двух фронтов была прорвана на глубину до 80 км. Управление в трех их армиях было нарушено; более того, основные силы двух из них оказались под угрозой окружения, что грозило новой катастрофой, причем еще большей, чем под Харьковом. Смертельную опасность для Юго-Западного, Южного и Брянского фронтов вовремя заметили в Генеральном штабе,

и Ставка потребовала от маршала Тимошенко принять срочные меры для ликвидации этого прорыва.

В целях восстановления управления войсками Ставка приказала командующему Брянским фронтом лично выехать вместе с оперативной группой в Воронеж. Туда же для оказания практической помощи направился по ее указанию недавно назначенный начальником Генерального штаба генерал Василевский. Однако противник без промедления в ночь на 3 июля, завершив окружение основных сил двух армий Брянского фронта, продолжал развивать наступление на Воронеж и Кантемировку. Продолжая ожидать с самого начала наступления поворота удара вермахта в обход Москвы с юго-востока, Ставка направила на воронежское направление несколько танковых корпусов, а 2 июля передала из своего резерва в распоряжение Брянского фронта еще три резервные армии. Только что сформированная 5-я танковая армия генерала А.И. Лизюкова, усиленная танковым корпусом, получила приказ сосредоточиться южнее Ельца для нанесения контрудара по флангу и тылу врага, наступавшего на Воронеж. Сюда же была передислоцирована и истребительная авиационная армия РКК генерала Е.М. Белецкого. Кроме того, Брянский фронт усиливался одним танковым корпусом.

4 июля войска 4-й танковой армии противника вышли на подступы к Воронежу, а через два дня они, форсировав Дон, уже ворвались на западную окраину города. В тот же день 5-я танковая армия нанесла контрудар по левому флангу немецкой группировки, но успеха не имела. Здесь сказались поспешность в организации контрудара, отсутствие боевого опыта в вождении крупных масс танков, а кроме того, вмешательство в командование войсками самого Сталина... И не только это. По воспоминаниям маршала К.К. Рокоссовского, его «уже тогда удивило то... что в самый ответственный момент на фронте начальник Генштаба и начальник оперативного управления Генштаба – "мозг армии" – заняты были организацией и проведением фронтового контрудара, подменяя командующего фронтом. Повторялись ошибки лета 1941 г., когда Г.К. Жуков делал то же самое на Юго-Западном фронте»⁶⁶.

Немецкое командование, обеспокоенное угрозой армейской группе "Вейхс" с севера, вынуждено было развернуть на этом направлении 24-й танковый корпус, а также три пехотные дивизии, что ослабило удар по Воронежу. Запланированное использование этих пехотных дивизий для смены под Воронежем танковых войск, которые в свою очередь предназначались для развития успеха вдоль Дона на юг и участия в последующей операции по окружению советских войск, было сорвано. В результате главные силы наступающего клина Вейхса – 4-й танковая армия – застопорились у Воронежа. Фельдмаршал Бок понимал, что для него сосредоточение больших танковых сил русских в районе Воронежа представляет опасность контрудара с севера. Вот почему он считал необходимым как можно быстрее захватить город полностью, обезопасить свой левый фланг, прежде чем ринуться вдоль Дона на юг. В этом с ним были солидарны и Гот, и Вейхс.

Однако Гитлер придерживался иного мнения: в такой ситуации русские вынуждены вести сковывающие оборонительные действия, поэтому вряд ли стоит опасаться их контрнаступления. Ко всему прочему он полагал, что основные силы советских армий уже уничтожены, а те, что еще остались, непременно окажутся в очередном котле. Главный смысл, по его глубокому убеждению, состоит не в сосредоточении усилий у Воронежа, а в достижении Дона южнее него, а также в прикрытии левого фланга танкового удара пехотными соединениями. "Воронеж – это не главная цель. Гораздо важнее уничтожение крупного авиационного завода и железнодорожного узла в этом районе", – подчеркнул Гитлер 3 июля при посещении штаба группы армий "Юг" в Полтаве⁶⁷. Он решил не наступать через Дон на восток, а повернуть подвижные соединения как можно быстрее на юго-восток, чтобы обеспечить успех второго этапа операции по крупномасштабному

окружению советских войск между Осколом, Доном и Донцом⁶⁸. Бок был согласен с этим, но под влиянием настойчивых уговоров Вейхса никак не мог отказаться и от мысли быстро, а главное, легко занять Воронеж и удерживать его до тех пор, пока не будет проведено запланированное разрушение города⁶⁹.

Однако буквально через два дня после отъезда Гитлера из Полтавы штаб группы армий "Юг" получил категорический приказ "ввиду усиления советского сопротивления" немедленно вывести из боя за город ударные войска. Выполнить подобное требование было не так-то просто. Поэтому вдоль Дона к югу двинулся пока лишь один танковый корпус, хотя это могло серьезно нарушить общий план операции.

Таким образом, в ходе наступления с 28 июня по 7 июля немцам удалось прорвать оборону советских соединений на 300-километровом фронте; продвинувшись на 159–170 км, они вышли к Дону в районе Воронежа и глубоко охватили с севера войска Юго-Западного фронта.

Советские войска, усиливаемые резервами Ставки, в упорных боях остановили немцев у Воронежа и тем самым на несколько дней задержали их продвижение на юг. Изменившаяся обстановка заставила ОКХ направить в район Воронежа 29-й армейский корпус из 6-й армии, а это в свою очередь ослабило удар против войск Юго-Западного фронта⁷⁰.

По мнению германского генерального штаба, через десять суток после начала наступления войскам все-таки удалось достигнуть первой цели операции. Тут же из ОКВ последовала директива с требованием "быстрее вперед". В ней, в частности, говорилось, что каждый день, на который эту цель удастся достигнуть раньше, будет иметь исключительное значение для решения дальнейших оперативных задач года.

Командование сухопутных сил вермахта принимает решение начать операцию "Клаузевиц": 4-я танковая и 6-я армии должны были ударить из района Острогожска, а 1-я танковая армия – из района Артемовска в общем направлении на Кантемировку с целью глубокого двустороннего охвата войск Юго-Западного фронта.

Наученная горьким опытом Крыма, и особенно Харькова, Ставка ВГК уже 6 июля приняла решение на отвод войск Юго-Западного и правого крыла Южного фронтов на восток; одновременно она приступила к сосредоточению свежих сил и подготовке обороны на подступах к Сталинграду и Кавказу. К дополнительно сформировавшейся в районе Сталинграда 7-й резервной армии перебрасывалась 1-я резервная армия. Командующий Северо-Кавказским фронтом получил распоряжение о развертывании 51-й армии на левом берегу Дона, от Верхне-Курмоярской до Азова, и подготовке этого района к обороне⁷¹.

В ночь на 7 июля, в то время как войска 28, 38 и 9-й армий Юго-Западного, а также 37-й армии Южного фронтов начали отходить на восток, противник перешел в наступление силами 4-й танковой и 6-й армий вдоль правого берега Дона на Кантемировку. За два дня он вынудил советские войска отойти на левый берег реки. Перед Юго-Западным фронтом возникла реальная угроза окружения. В этих условиях Ставка ВГК вынуждена была дать указания о дальнейшем отступлении войск Юго-Западного и Южного фронтов.

Сразу же после неудачного контрудара 5-й танковой армии Брянского фронта Ставка ВГК потребовала от его командования создать две оборонительные полосы, а для их занятия приказала использовать два укрепленных района, три истребительно-противотанковые бригады, а также отходившие войска 21-й и 28-й армий и перебрасываемые из глубины части 22-го танкового и 3-го гвардейского кавалерийского корпусов⁷². К сожалению, выделенные войска не смогли своевременно выйти в назначенные районы; сильно ослабленные в боях 21-я и 28-я армии под натиском врага отошли соответственно за Дон и на Валуйки. Одновременно Ставка приказала войскам Воронежского фронта перейти в

наступление и очистить от противника междуречье Дона и Воронежа, обеспечив за собой переправы через Дон. В тот же день командующим Брянским, Юго-Западным и Южным фронтами было приказано провести рекогносцировку местности, а затем приступить к строительству и восстановлению оборонительных рубежей в тылу своих войск. На командующего Южным фронтом дополнительно возлагалась ответственность за строительство Сталинградского оборонительного рубежа по линии Суровикино, Нижне-Чирская.

В ходе дальнейших боевых действий две армии Юго-Западного фронта были вынуждены вести тяжелые бои юго-западнее Кантемировка, причем без всякой связи со штабом фронта, а две другие отдельными группами отходили за Дон. Штабам этих армий так и не удалось наладить управление войсками. Так как штаб Юго-Западного фронта находился в отрыве от войск в районе Калача (юго-восточнее Воронежа), все его четыре армии были подчинены Южному фронту. В связи с тем что войска Брянского фронта оказались разделенными на две части, для удобства управления ими Ставка ВГК на базе одной из них образовала Воронежский фронт во главе с генералом Н.Ф. Ватутиным, которому ставилась задача очистить от противника левый берег Дона, занять по нему оборону и прикрыть направления на Тамбов и Борисоглебск.

Между тем враг продолжал развивать успех. Танковый и армейский корпуса Паулюса форсировали р. Черная Калитва и к исходу 11 июля вышли в район Боковской, а передовые соединения Гота достигли Россоши.

Ставка ВГК решила в период с 9 по 11 июля отвести войска Южного фронта на левый берег Дона в его нижнем течении, оставив Донбасс и часть Ростовской области, а армии Юго-Западного фронта перебросить за Дон, передав их в состав Южного фронта. Управление и части Юго-Западного фронта, отходившие на восток, направлялись в район Сталинграда для развертывания в большой излучине Дона нового, Сталинградского фронта во главе с маршалом Тимошенко, которого вскоре сменил В.Н. Гордов. Маршал же после неоднократных провалов окончательно впал у Сталина в немилость. В Сталинградский фронт вошли 62, 63 и 64-я армии.

Немецкое командование также провело реорганизацию, разделив 9 июля группу армий "Юг" на две, примерно, равные части: "Б" и "А" под командованием фельдмаршалов Ф. Бока и В. Листа. Основной их задачей являлось окружение и уничтожение противостоящих им советских войск в районе западнее Миллерово. Для этого с севера, из района Воронежа предстояло нанести удар 4-й танковой армии в направлении Миллерово, а с юга, из района Славянска и Артемовска навстречу ей наступала 1-я танковая армия.

На сталинградском направлении, вдоль среднего течения Дона, наступала только армия генерала Паулюса. Поскольку Гитлер сам теперь руководил наступлением на юге, он решил перенести свою ставку из "Вольфшанце" (Растенбург) ближе к Волге и Кавказу – в "Вервольф" под Винницей.

Однако операция по охвату советских войск не удавалась: значительная их часть избежала окружения. 13 июля штаб группы армий "Б" докладывал в ОКХ, что перед 4-й танковой армией и левым флангом группы армий "А" неприятель прорвался на восток и юго-восток и снова сильными частями двинулся к югу. Фельдмаршал Бок потребовал направить 4-ю танковую армию через Морозовскую (Морозовск) к Дону для более глубокого охвата русских, а сам послал следующее донесение Гальдеру: "Я думаю, что уничтожение значительных сил противника больше не может быть достигнуто в одной операции, когда в центре – крупные силы, а на флангах – слабые"⁷³. Это донесение стало предметом бурного обсуждения на совещании 13 июля в ставке. Гитлер, взбешенный критикой его действий и угрозой провала операции, прежде всего Боку поставил в вину задержку вывода подвижных войск 4-й танковой армии из Воронежа. Неожиданно для всех он

отстранил его от командования. Вечером Бок получил телеграфное уведомление от Кейтеля немедленно вылететь в Берлин. 18 сентября Гитлер в беседе с Кейтелем так оценивал действия фельдмаршала: «Он теряет из-за этого (Воронежа. – *Ред.*) 4–5 дней. И это в то время, когда дорог каждый день для того, чтобы окружить и уничтожить русских; он продолжает сидеть там, наверху, с четырьмя лучшими дивизиями, в первую очередь с 24-й танковой дивизией и дивизией "Великая Германия", цепляясь за Воронеж. Я еще сказал – не нажимайте, если встретите где-либо сопротивление, идите южнее к Дону. Решающее – продвинуться как можно быстрее на юг, чтобы мы могли действительно захватить противника в клещи. Так нет, этот человек делает совершенно обратное. Затем пришла эта беда – несколько дней плохой погоды, в результате русские неожиданно выиграли 8–9 дней, в течение которых они смогли выбраться из котла...»⁷⁴.

На этом фельдмаршал с русским именем Федор закончил свою так блестяще начавшуюся карьеру. Отныне и вплоть до 1945 г. он прожил в рейхе как "частное лицо". Перед самым окончанием войны он погиб от взрыва английской бомбы на одной из дорог в западной части Германии.

Преемником Бока с 15 июля стал генерал М. Вейхс. Чтобы не позволить противнику отступить на восток и уйти через Дон к югу, Гитлер приказал подвижным соединениям возможно быстрее прорваться с севера к устью Северского Донца, занять переправы через Дон у Константиновской и Цимлянкой и последующим ударом на Ростов преградить уход охваченного противника к Нижнему Дону. Единое руководство операцией осуществлял Гитлер через штаб группы армий "А". Группе армий "Б" предстояло также прикрыть эту операцию с севера, в районе Среднего Дона и между Воронежем и правым крылом группы армий "Центр". Уже 13 июля 4-я танковая армия, включенная в состав группы армий "А", нанесла удар восточнее железной дороги Миллерово–Каменск–Шахтинский. Через двое суток она была в 20 км от Каменска и захватила Морозовск, глубоко охватив с тыла 38-ю, 9-ю и часть сил 24-й армий. В то же время соединения 1-й танковой армии своими передовыми частями вышли в район Каменска–Шахтинского.

Итак, к исходу 15 июля фронт обороны советских войск был прорван между реками Дон и Северский Донец. Основные силы Юго-Западного фронта оказались глубоко охваченными. Выход противника в большую излучину Дона и его продвижение на юг создавали опасность окружения соединений Южного фронта, продвигавших обороняться в Донбассе. Для их отхода за Дон оставался 150-километровый коридор, не занятый противником. Враг был близок к главной своей цели – прорыву на Северный Кавказ. Однако немцы, добившись больших территориальных успехов, не смогли достичь главной цели операции – уничтожения оставшихся советских армий.

* * *

Анализируя известные нам архивные документы тех лет, а также весьма противоречивые мемуары очевидцев, в том числе и высшего ранга, можно сделать вывод: трагедия лета и осени 1942 г., которая в последующем в конце концов привела к выходу немцев к Волге и на Кавказ, произошла в основном из-за того, что Верховный Главнокомандующий с недоверием относился к тем людям, суждения которых не совпадали с его личным мнением. Будучи начальником Генерального штаба, маршал Шапошников, как, впрочем, и генерал Жуков, не могли не знать истинного состояния вооруженных сил. Вначале Борис Михайлович настаивал на ведении летом активной обороны по всему советско-германскому фронту. Зная о намерениях немцев наступать на южном крыле восточного фронта, он все же предложил сосредоточить стратегические резервы на центральном направлении,

что совпадало с мнением Верховного. Непоследовательно вел себя и Жуков, поддерживавший Шапошникова, но предлагавший наступать на Западном, Калининском и соседних с ними фронтах, возможности которых были ограничены. На основе этих и других предложений Верховный принял решение и обороняться, и наступать. Результатом явилось то, что в операциях Ленинградского, Северо-Западного, Калининского и Брянского фронтов войсками не были достигнуты поставленные цели.

Последовало новое крушение фронта в Крыму и в районе Харькова, гибель дивизий и целых армий, потеря основной массы танков, отступление по бескрайним и безлесным равнинам и как финал – разгром южного крыла советско-германского фронта. В 1942 г. на сталинградском и кавказском направлениях произошло нечто подобно тому, что случилось в Крыму, на р. Альма, в далекие времена – в сентябре 1854 г. во время Крымской войны. Пытаясь задержать англичан и французов, русские воины, вооруженные всего лишь гладкоствольными ружьями, под воздействием огня нарезного оружия противника отказывались вопреки уставу и воле командиров применять в наступлении плотные боевые порядки, а рассыпались в цепь, спасая этим свою жизнь.

Почти век спустя, здесь, в обороне, под воздействием сильного и мобильного противника русские стремились не дать себя окружить и, изменив тактику, в буквальном смысле рассыпались. Вместо больших котлов немцы получали много мелких, против которых необходимо было развертывать части и соединения, а это сбивало темпы наступления, давало возможность советскому командованию выигрывать время и постоянно выдвигать на опасные направления свежие резервы.

В ходе сражений на воронежском и ворошиловградском направлениях стало совершенно очевидно, что свои основные ударные группировки вермахт развернул на юге. Поэтому советское командование за счет резервов Ставки начало спешно восстанавливать стратегический фронт на южном крыле, развертывая Воронежский и Сталинградский фронты. Однако мероприятия по усилению этого направления в мае–июне проводились медленно. Ограниченные, к тому же недостаточно подготовленные резервы прибывали с опозданием, вводились в сражение поспешно и неорганизованно.

Отступая, сражаясь в окружении, пробиваясь с боями к своим, советские войска вынуждали противника распылять силы. Вольно и невольно немецкое командование направляло свои армии именно туда, куда отходили соединения Красной Армии. Переоценив собственные успехи в мае и июне и недооценив возможности противной стороны, командование вермахта под нажимом Гитлера начало изменять свои первоначальные планы. Так, 4-я танковая армия была переброшена со сталинградского направления на кавказское, а 11-я армия перенацелена с кавказского на ленинградское направление. Все это было на руку советскому командованию. А самое основное – Гитлер заставил вермахт наступать по двум расходящимся направлениям, при этом главный удар постепенно перемещался с Кавказа в сторону Сталинграда. Для такого наступления у немцев было явно ограниченное количество сил и средств. Несмотря на успех весной и летом, они прямоком устремились к своей собственной катастрофе.

¹ См.: Гриф секретности снят: Потери Вооруженных Сил СССР в войнах, боевых действиях и военных конфликтах: Стат. исследование. М., 1993. С. 157.

² Kriegstagebuch des Oberkommandos der Wehrmacht. Frankfurt a/M., 1965. Bd. 2, Hb. 1. S. 46. (Далее: КТВ/ОКВ); Гальдер Ф. Военный дневник: Ежедневные записи начальника генерального штаба сухопутных войск, 1939–1942 гг. / Пер. с нем. М., 1971. Т. 3, кн. 2. С. 233.

³ См.: Дашичев В.И. Банкротство стратегии германского фашизма: Ист. очерки, документы и материалы: В 2-х т. М., 1973. Т. 2. С. 308.

- ⁴ Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg. Stuttgart, 1990. Bd. 6. S. 787.
- ⁵ См.: *Мюллер-Гиллебранд Б.* Сухопутная армия Германии, 1933–1945. Пер. с нем. М., 1976. Т. 3. С. 76.
- ⁶ КТВ/ОКВ. Bd. 6. Нб. 1 S. 5.
- ⁷ Цит. по: *Ширер У.* Взлет и падение третьего рейха: В 2-х т. / Пер. с англ. М., 1991. Т. 2. С. 248.
- ⁸ См.: *Дашичев В.И.* Банкротство стратегии германского фашизма. Т. 2. С. 316, 317.
- ⁹ *Warlimont W.* Im Hauptquartier der deutschen Wehrmacht, 1933–1945. Frankfurt a/M., 1962. S. 239.
- ¹⁰ См.: *Дашичев В.И.* Банкротство стратегии германского фашизма. Т. 2. С. 320–322.
- ¹¹ КТВ/ОКВ. Bd. 2, Нб. 1. S. 52, 53.
- ¹² Ibid. S. 49.
- ¹³ *Дашичев В.И.* Банкротство стратегии германского фашизма. Т. 2. С. 312.
- ¹⁴ Цит. по: История второй мировой войны, 1939–1945. М., 1975. Т. 5. С. 112.
- ¹⁵ Там же.
- ¹⁶ ЦАМО. Ф. 16а. Оп. 1072. Д. 49. Л. 408–414.
- ¹⁷ Time. 1942. Febr. 16. P. 29.
- ¹⁸ Цит. по: Новая и новейшая история. 1991. № 3. С. 198.
- ¹⁹ Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации. Ф. 16а. Оп. 1032. Д. 21. Л. 32, 33. (Далее: ЦАМО).
- ²⁰ Там же.
- ²¹ См.: Стратегический очерк Великой Отечественной войны, 1941–1945 гг. М., 1961. С. 356, 357.
- ²² См.: *Жуков Г.К.* Воспоминания и размышления. М., 1990. Т. 2. С. 276.
- ²³ ЦАМО. Ф. 48. Оп. 3408. Д. 141. Л. 77, 78, 79.
- ²⁴ См.: *Жуков Г.К.* Указ. соч. Т. 2. С. 277.
- ²⁵ Там же. С. 277, 278.
- ²⁶ Там же.
- ²⁷ Там же.
- ²⁸ ЦАМО. Ф. 16. Оп. 1032. Д. 21. Л. 38–40.
- ²⁹ Там же. Ф. 16а. Оп. 1093. Д. 6/5 (карта).
- ³⁰ Там же. Ф. 16. Оп. 1032. Д. 21. Л. 38–40.
- ³¹ *Василевский А.М.* Дело всей жизни. М., 1988. Кн. 1. С. 206.
- ³² Там же.
- ³³ ЦАМО. Ф. 132. Оп. 2642. Д. 42. Л. 12–18.
- ³⁴ Там же. Ф. 204. Оп. 4070. Д. 3. Л. 1–16, 20–31.
- ³⁵ См.: Сообщения Советского информбюро. М., 1944. Т. 2. С. 381.
- ³⁶ *Seaton A.* The Russo-German War, 1941–1945. London, 1971. P. 243.
- ³⁷ См.: Гриф секретности снят... С. 225.
- ³⁸ Там же. С. 224.
- ³⁹ *Seaton A.* Op. cit. P. 246.
- ⁴⁰ См.: Стратегический очерк Великой Отечественной войны, 1941–1945. С. 378.
- ⁴¹ См.: Керченская оборонительная операция. М., 1950. С. 19.
- ⁴² ЦАМО. Ф. 8. Оп. 11600. Д. 1294. Л. 52, 53.
- ⁴³ Там же. Ф. 3. Оп. 11 556. Д. 7. Л. 362.
- ⁴⁴ См.: Стратегический очерк Великой Отечественной войны, 1941–1945 гг. С. 379.
- ⁴⁵ Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg. Bd. 6. S. 843.
- ⁴⁶ ЦАМО. Ф. 3. Оп. 11 556. Д. 8. Л. 121–129.
- ⁴⁷ Цит. по: *Василевский А.М.* Указ. соч. Кн. 1. С. 208.
- ⁴⁸ См.: История второй мировой войны, 1939–1945. Т. 5. С. 132.
- ⁴⁹ См.: *Самсонов А.М.* Сталинградская битва. М., 1989. С. 57.
- ⁵⁰ См.: Боевой путь советского Военно-Морского флота. М., 1988. С. 337.
- ⁵¹ Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg. Bd. 6. S. 847.
- ⁵² Ibid. S. 849, 850.
- ⁵³ См.: Гриф секретности снят... С. 224.
- ⁵⁴ См.: Воен.-ист. журн. 1990. № 1. С. 13.
- ⁵⁵ См.: *Бирюзюф С.С.* Суровые годы. М., 1966. С. 84.

- ⁵⁶ *Василевский А.М.* Указ. соч. Кн. 1. С. 212.
- ⁵⁷ ЦАМО. Ф. 229. Оп. 161. Д. 921. Л. 227, 228.
- ⁵⁸ См.: Гриф секретности снят... С. 225.
- ⁵⁹ *Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg.* Bd. 6. S. 860.
- ⁶⁰ ЦАМО. Ф. 3. Оп. 11556. Д. 8. Л. 212–214.
- ⁶¹ Там же. Л. 332.
- ⁶² Новая и новейшая история. 1991. № 3. С. 199.
- ⁶³ *Василевский А.М.* Указ. соч. Кн. 1. С. 217.
- ⁶⁴ Цит. по: *Самсонов А.М.* Указ. соч. С. 65.
- ⁶⁵ ЦАМО. Ф. 96а. Оп. 2011. Д. 26. Л. 111.
- ⁶⁶ Цит. по: Воен.-ист. журн. 1991. № 7. С. 5–6.
- ⁶⁷ *Das Deutsche und der Zweite Weltkrieg.* Bd. 6. S. 876.
- ⁶⁸ Ibidem.
- ⁶⁹ Ibid. S. 877.
- ⁷⁰ См.: Стратегический очерк Великой Отечественной войны, 1941–1945. С. 395–396.
- ⁷¹ Там же.
- ⁷² Там же. С. 395.
- ⁷³ *Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg.* Bd. 6. S. 884.
- ⁷⁴ Цит. по: *Проектор Д.М.* Агрессия и катастрофа: Высшее военное руководство фашистской Германии во второй мировой войне, 1939–1945. М., 1972. С. 409.

ОБОРОНА СТАЛИНГРАДА И СЕВЕРНОГО КАВКАЗА

Весной и в начале лета 1942 г. военное положение СССР вновь резко ухудшилось. Попытки деблокады Ленинграда закончились трагически. Демянская операция, предпринятая Северо-Западным фронтом, также завершилась неудачей. На западном направлении, в районе Вязьмы, был потерян важный оперативно-стратегический плацдарм в тылу группы армий "Центр".

Как ни тяжело складывалась для советских войск обстановка на различных участках, самыми неблагоприятными оказались юго-западное, а тем более южное направление. Немецкое командование сумело срезать барвенковский выступ, разгромить войска Юго-Западного фронта, а Южному нанести серьезное поражение. На фронте в 600–650 км, между Таганрогом и Курском противник осуществил прорыв и стремился окружить и уничтожить войска Брянского, Юго-Западного и Южного фронтов западнее Дона. В обороне образовалась огромная брешь, куда и устремились германские войска. Во второй половине июля в большой излучине Дона развернулись кровопролитные бои на сталинградском и кавказском направлениях. Советское командование вело борьбу за перехват стратегической инициативы, за коренной перелом в войне.

НА ДАЛЬНИХ ПОДСТУПАХ

Вероятность того, что вермахт предпримет наступление на сталинградском направлении, советское командование не исключало еще осенью 1941 г. Именно поэтому 13 октября Государственный комитет обороны принял решение о строительстве оборонительных рубежей в большой излучине Дона: чирско-цимлянско (по рекам Чир и Цимла от Вешенской до Цимлянской) и сталинградского (по линии Клетская, Суровикино, Верхнекурмоярская). Однако успехи контрнаступления под Москвой показали советскому командованию столь впечатляющими, что оно приказало прервать уже начавшиеся на некоторых участках оборонительные работы. В несколько лучшем состоянии оказались два сталинградских оборонительных обвода, созданные в тот же период. Внешний обвод протяженностью в 500 км проходил вдоль р. Иловля севернее города, затем по левому берегу Дона и далее по р. Мышкова до Волги, в районе Райгорода. Средний обвод как бы вписывался в дугу, окаймленную р. Россоска и Червленая. Однако готовность этих рубежей к началу 1942 г. не превышала 40–50%. А внутренний обвод, намечавшийся по кольцу железной дороги западнее Сталинграда, вообще не был оборудован.

Только 10 июля командующим войсками Южного фронта и Сталинградского военного округа, а также начальнику инженерных войск Красной Армии была отдана директива о прикрытии сталинградского направления двумя оборонительными рубежами: отсечным (по линии р. Северский Донец, Тихая, вплоть до Дона) и сталинградским, перекрывавшим большую излучину Дона. Срок готовности

устанавливался 1 августа. 11 июля Ставка приказала командующему 62-й армией генералу В.Я. Колпакчи немедленно выдвинуть стрелковые дивизии, расположенные в районе Сталинграда, и занять ими рубеж обороны на подступах к городу. На следующий день соединения армии начали выдвижение на новый рубеж, где сразу же приступали к оборонительным работам, организации системы огня, наблюдению, ведению разведки перед передним краем. На удалении 10–15 км от него высылались небольшие передовые отряды.

Отход советских войск на территорию Сталинградской области резко увеличил масштабы второй волны эвакуации, начатой по решению ГКО еще в конце июня. Часть промышленных предприятий, имущество колхозов и совхозов области перебрасывались за Волгу. К ним присоединялись предприятия и население из соседних областей. Надо отметить, что в пределах Сталинграда не было мостов, связывавших с Заволжьем. Поэтому переправа почти 2 млн голов скота, до 9 тыс. тракторов и комбайнов, тысяч колхозных подвод, автомашин с людьми и имуществом осуществлялась по временным, наплавным мостам и паромам¹.

Но об эвакуации самого Сталинграда речь даже не заходила. Более того, ЦК ВКП(б) в своем обращении к сталинградцам требовал "решительно покончить с эвакуационными настроениями, обеспечить бесперебойную работу промышленности"².

Сталинград и в это время являлся одним из крупнейших военно-промышленных центров страны. Так, завод "Судоверфь" за первое полугодие 1942 г. выпустил более 1,5 тыс. танков Т-60, 1750 бронекорпусов Т-34 и 1944 бронекорпуса Ил-2³. Из ворот Сталинградского тракторного завода выходило до 50% всех танков Т-34; здесь же производились танковые дизель-моторы В-2, артиллерийские тягачи, снаряды, мины, авиабомбы, ремонтировались танки и двигатели. Завод "Баррикады" выпускал противотанковые и дивизионные 76-мм пушки ЗИС-3. Огромный вклад вносил металлургический завод "Красный Октябрь" и другие предприятия города.

Таким образом, во второй половине июля задача советских войск на сталинградском направлении заключалась в том, чтобы обеспечить бесперебойную работу важного военно-промышленного центра. Поэтому в соответствии с директивой Ставки Сталинградскому фронту была поставлена задача "прочно занять сталинградский рубеж западнее Дона и ни при каких условиях не допустить прорыва противника восточнее этого рубежа в сторону Сталинграда"⁴.

Почему же все-таки западнее, а не восточнее Дона? Ведь с незапамятных времен любая армия стремилась использовать при обороне противоположный от наступающего противника берег водной преграды. Это обеспечивало не только экономии собственных сил, но и врагу создавало дополнительные трудности. Он вынужден был форсировать реку под огнем, что было совсем не простым делом в те времена, да и сегодня является одной из сложнейших проблем военного искусства. Кроме того, большая излучина Дона, представлявшая собой природную дугу, уже сама по себе таила страшную угрозу оборонявшимся войскам: советские войска могли быть обойдены с флангов и отрезаны от спасительного левого берега, как это уже случилось в барвенковском выступе на Северском Донце.

13 июля командующий Сталинградским фронтом и его штаб прибыли в город на Волге. Оценивая обстановку, начальник штаба Сталинградского фронта генерал П.И. Бодин одним из первых обратил внимание на то, что главный удар противник наносит на Кавказ, а сталинградское направление явно для него является второстепенным⁵. О повороте противника на Москву у Бодина никаких данных не имелось. С учетом всех факторов – выгодное положение войск Сталинградского фронта, определенная свобода действий, а также продолжительность участия немецких войск в непрерывных боях и передвижениях – он настаивал на активных

действиях Сталинградского фронта, даже доказывал возможность разгрома главной группировки противника уже летом 1942 г.

Маршал С.К. Тимошенко разделял мнение своего начальника штаба, но трагические неудачи в первые месяцы войны, не говоря уже о харьковском поражении, вынуждали его проявлять определенную осторожность, действовать с оглядкой на Верховного. Вот почему он так и не решился сообщить в Ставку, что опасность вражеского удара на Москву сильно преувеличена⁶. Тем не менее он поддержал вывод Бодина, что до завершения операций противника против Южного фронта наступление его на Сталинград маловероятно, что сложившаяся обстановка требует от Сталинградского фронта активных действий для оказания немедленной помощи Южному фронту⁷. Тимошенко предложил Сталину использовать пока еще имевшееся время для формирования двух танковых армий с последующим их наступлением "в западном и юго-западном направлениях", т.е. для удара с целью срыва немецкого продвижения на Кавказ.

Кроме того, Военный совет Сталинградского фронта понимал, что занимаемый 62-й армией рубеж невыгоден для обороны. Поэтому он принял решение выдвинуть сильные передовые отряды на рубеж по р. Царица, Куртлак, Чир и Чимла, где местность была более благоприятной для создания обороны, а затем перегруппировать сюда соединения 62-й и 64-й армий. Это решение Тимошенко доложил в Ставку. Однако ее в то время волновало другое: она получила информацию о выдвигании немецких войск к Дону. Создавалась угроза форсирования ими реки в районе Цимлянской и удара по Сталинграду с юга. Вот почему 17 июля Ставка повторно приказала командующему фронтом под "личную ответственность" немедленно организовать сильные передовые отряды и выслать их на рубеж р. Цимла от Чернышковского и до ее устья, особенно прочно занять Цимлянскую, войдя в связь здесь с войсками Северо-Кавказского фронта.

Ставя задачи войскам, командование Сталинградского фронта, как, впрочем, и Ставка, исходило из неверной оценки обстановки. Оно полагало, что противник предпримет попытку перерезать железную дорогу Сталинград–Тихорецк, изолировать войска Южного и Сталинградского фронтов, а с подходом резервов – выйти к Волге и захватить Сталинград. 62-я армия получила задачу оборонять полосу в Большой излучине Дона от Клетской до Суворикино шириной 90 км. Передовые отряды направлялись на реки Цуцкан и Чир, к Чернышковскому и Тормосину. Левее переходила к обороне 64-я армия в 120-километровой полосе, которая высылала передовые отряды на р. Цимла. Выход на оборонительные рубежи осуществлялся в ночь на 19 июля.

Таким образом, обе армии вынуждены были оборонять огромный фронт. Их основные силы прикрывали кратчайшее направление на Сталинград. При этом главный удар немцев ожидался на южном крыле фронта. Но на это время у германского командования были несколько иные планы.

Обнаружив развертывание новой группировки, противник срочно предпринял ответные меры, ибо для командования вермахта появление на фланге его главной кавказской группировки нового фронта явилось неприятной неожиданностью. Поставленная ранее 6-й армии задача образовать рубеж прикрытия в большой излучине Дона и с ходу выйти к Сталинграду теперь становилась невыполнимой, так как сдержат советскую группировку столь малыми силами вряд ли удалось бы. В то же время создать значительное количественное превосходство над Сталинградским фронтом с целью его последующего разгрома было возможно лишь за счет ослабления нацеленной на Кавказ группировки, а это, по существу, исключало вероятность достижения стратегического успеха вермахта на решающем направлении. Требовалось в короткие сроки не просто усилить армию Паулюса, но и создать на сталинградском направлении необходимые ударные группировки.

Поскольку 6-я армия находилась на значительном удалении от обороны советских войск, а после выхода из ее состава 40-го танкового корпуса она лишилась и былой высокой подвижности, и ударной силы, ее группировки пришлось формировать за счет соединений, нацеленных на Кавказ. Северную ударную группировку составил сосредоточенный восточнее Миллерово 14-й танковый корпус, переданный в подчинение Паулюса 20 июля, а также головная дивизия 6-й армии, которая в ту пору выходила к р. Чир. В южную группировку была включена успевшая выйти в район Морозовска 24-я танковая дивизия, а также направлявшийся в этот же район армейский корпус из 1-й танковой армии.

Таким образом, в состав 6-й армии для наступления на Сталинград вливались шесть новых дивизий, снятых с кавказского направления и теперь наступавших на восток, а также восемь дивизий самой 6-й армии. Еще три дивизии 6-й армии прикрывали ее левый фланг, обороняясь по Дону. И хотя армия имела сил и средств меньше, чем противостоявший ей Сталинградский фронт, уже на подготовительном этапе к Сталинградской битве противник не только превзошел советские войска в быстроте создания ударных группировок, но и успел предусмотреть эффективное использование немногочисленных подвижных войск.

СТАЛИНГРАД ВЫСТОЯЛ

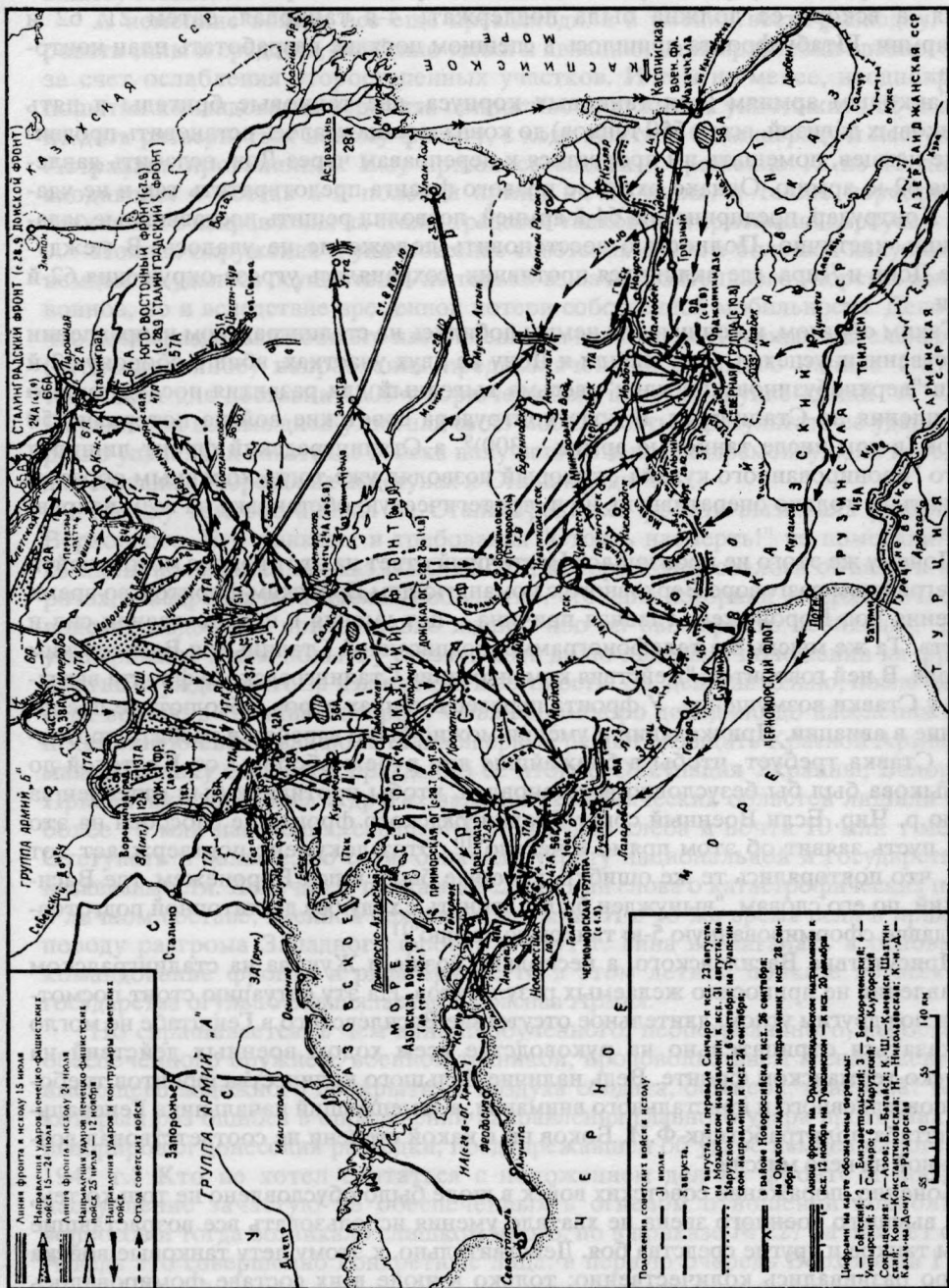
С выходом соединений в свои полосы обороны командование Сталинградского фронта, правда, с опозданием, попыталось реализовать замысел о выносе оборонительного рубежа на запад, надеясь под прикрытием передовых отрядов все-таки упредить противника в выдвигании на более выгодный рубеж рек Цуцкан, Чир и Цимла. Но время было безнадежно упущено. Пока совершался маневр, 23 июля к переднему краю обороны подошла часть сил армии Паулюса.

Какие же силы противоборствовавших сторон принимали участие в начале битвы за Сталинград? С 23 по 31 июля в сражении участвовали 270 тыс. солдат и офицеров вермахта против 300 тыс. советских; немецкая сторона имела 3,4 тыс. орудий и минометов, а Сталинградский фронт – 5 тыс.; против 400 немецких танков действовало около 1000 советских⁸. Следовательно, в начале наступления противник не только не имел тройного превосходства над оборонявшимися, как было принято считать до сих пор, но и уступал им, особенно в танках.

К исходу 19 июля головная дивизия армии Паулюса развернулась на линии передовых отрядов 62-й армии. На следующий день под ее прикрытием на р. Чир выдвинулся танковый корпус. 21 и 22 передовые отряды двух правобережных дивизий 62-й армии под натиском превосходивших сил противника отходили к главной полосе обороны, стремясь выполнить поставленные задачи.

23 июля северная ударная группировка 6-й армии нанесла удар по правому флангу 62-й армии. Оборонявшаяся здесь дивизия занимала полосу шириной 42 км. Прорвав оборону, противник утром 25 июля вышел к Дону, окружил в районе Верхней Бузиновки (35 км юго-восточнее Клетской) две дивизии и разгромил их штабы. Контрудар, проведенный командующим армией силами переподчиненного ему танкового корпуса, не принес успеха. Более того, тем же утром две моторизованные дивизии врага, даже не пытаясь форсировать Дон, в районе Калач-на-Дону повернули на юг, т.е. в тыл 62-й армии.

Одновременно немецкий армейский корпус совместно с танковой дивизией нанес встречный удар на Калач-на-Дону с юга. С выходом и этих соединений на Дон, к устью р. Чир, 62-я армия оказалась под угрозой окружения. В связи с этим генерал А.М. Василевский, несмотря на возражения командующего фронтом

Линия фронта в исходе 15 июля
 Направление удара ислеро-фашистские войска 15-21 июля
 Линия фронта в исходе 21 июля
 Направление удара 12 ислеро-фашистские войска 21-25 июля
 Направление удара и контрудар советские войска
 Отход советские войска

Положение советские войска в исходе
 31 июля
 3 августа
 17 августа, на первом Сачхера к исх. 22 августа, на втором Сачхера к исх. 23 августа, на третьем Сачхера к исх. 24 сентября, на Тулусском направлении к исх. 24 сентября;
 в районе Новороссийска к исх. 26 сентября; на Орджоникидзском направлении к исх. 28 сентября
 Аном фронт на Орджоникидзском направлении к исх. 12 ноября, на Тулусском — к исх. 20 декабря
 Цифрами на карте обозначены органы:
 Упирский: 1 — Батумский; 2 — Сачхера; 3 — Мугурская; 4 — Сопратенский; 5 — Алоз; 6 — Ватик; 7 — Кавказский; 8 — Шатинский; 9 — Коспидский; 10 — Никопольский; 11 — Дарьяльский; 12 — Дарьяльский

Военные действия на юго-западном направлении. Июль-ноябрь 1942 г.

генерала В.Н. Гордова (назначен 23 июля), вечером 24 июля принял решение нанести по северной группировке врага фронтовой контрудар силами двух танковых армий, которые только начали формироваться на основе прибывавших из резерва танковых бригад. С утра следующего дня в наступление переходила 1-я танковая армия, а вскоре ее должна была поддержать 4-я танковая, затем 21, 62 и 64-я армии. Штабу фронта пришлось в спешном порядке разработать план контрудара.

Танковым армиям (три танковых корпуса, две танковые бригады и пять стрелковых дивизий, всего 550 танков) до конца месяца удалось остановить продвижение немцев, помешать им прорваться к переправам через Дон, ослабить давление на 62-ю армию. Однако охват ее правого фланга предотвратить так и не удалось. Контрудар, предпринятый 64-й армией, позволил решить поставленные задачи лишь частично. Полностью восстановить положение не удалось. В между-речье Дона и Чира, где вклинился противник, сохранялась угроза окружения 62-й армии.

Таким образом, к концу июля немцы добились на сталинградском направлении существенных успехов. Они вышли к Дону на двух участках, вбив в оборону 62-й армии "верхнебузиновский клин", весьма выгодный для развития последующего наступления на Сталинград. В ходе контрудара советские войска потеряли 450 танков (в том числе танковые армии – 300)⁹, а Сталинградский фронт лишился своего "бронированного кулака", который позволял уже тогда коренным образом изменить не только оперативную, но и стратегическую обстановку на всем направлении.

Почему же этого не произошло? Частичный ответ на этот вопрос можно найти в телеграфном разговоре Верховного с командующим Брянским фронтом во время сражения под Воронежем: главная причина – нет умения в использовании сил и средств. Та же мысль и в телефонограмме, подписанной Сталиным и Василевским 26 июля. В ней говорится: "Действия командования Сталинградского фронта вызывают у Ставки возмущение. У фронта перевес в танках втрое, абсолютное преобладание в авиации. При желании и умении можно было вдребезги разбить противника. Ставка требует, чтобы в ближайшие дни рубеж обороны от Клетской до Калмыкова был бы безусловно восстановлен, чтобы противник был отнесен за линию р. Чир. Если Военный совет Сталинградского фронта не способен на это дело, пусть заявит об этом прямо и честно"¹⁰. Этот документ подтверждает тот факт, что повторялись те же ошибки, которые были и под Воронежем, где Василевский, по его словам, "вынужден был... двинуть с ходу без достаточной подготовки недавно сформированную 5-ю танковую армию"¹¹.

Присутствие Василевского, а несколько позже и Жукова на сталинградском направлении не приносило желаемых результатов. На эту ситуацию стоит посмотреть и под другим углом: длительное отсутствие Василевского в Генштабе не могло не сказаться отрицательно на руководстве всем ходом военных действий на советско-германском фронте. Ведь наличие большого количества фронтов требовало повседневного и пристального внимания, а замещавший начальника Генерального штаба политработник Ф.И. Бокви ни в какой степени не соответствовал возложенной на него миссии.

Конечно, поражение советских войск в июле было обусловлено не только тем, что у высшего военного звена не хватало умения использовать все возраставшие массы танков и другие средства боя. Действительно, к этому лету танковые войска быстро развивались количественно: только в июле в их составе формировалось более 200 танковых бригад (наибольшее количество за всю войну) и около 70 отдельных танковых батальонов. Бригады сводились в корпуса, а те в свою очередь в танковые армии смешанного состава. Однако обученность экипажей и сколоченность формирований были явно недостаточными. Следует добавить и

другое: командиры всех степеней, не говоря о солдатах, еще не преодолели своеобразный оборонительный синдром в своем сознании. После поражений и отступлений, а иногда и бегства оказалось очень трудно психологически настроиться на переход в наступление.

А немецкие войска все еще превосходили в умении вести разведку, массировать силы и средства, особенно танки и авиацию, на направлении главного удара за счет ослабления второстепенных участков. И тем не менее, неоднократные попытки командования вермахта полностью окружить и уничтожить 62-ю армию, не дать развернуться новому фронту, с ходу выйти к Сталинграду и наступать на Астрахань провалились. Ему пришлось ввести в сражение 12 из 15 дивизий, входивших в состав 6-й полевой армии на 30 июля, а также перебросить с кавказского направления на сталинградское танковый и армейский корпус.

Полное окружение и уничтожение советских войск в большой излучине Дона немцам не удалось осуществить не только из-за поразительного упорства советских воинов, но и вследствие временной потери собственной мобильности. Дело в том, что после разделения общего наступления на кавказское (главное) и сталинградское (второстепенное) направления предназначенный с самого начала 6-й армии транспорт для доставки 1500 т горючего был передан группе армий "А". Армия Паулюса на восемь дней утратила свою мобильность, в результате ее ударная сила резко упала. Так советские войска получили хоть кратковременную, но передышку для создания обороны на подступах к Сталинграду¹².

Между тем обстановка на Сталинградском фронте вызывала раздражение Верховного. Его приказы и требования "Стоять насмерть!" не помогли. И вот 28 июля появляется приказ НКО № 227, который требовалось объявить во всех ротах, эскадронах и батареях. Любопытно, что одни историки утверждают, будто в войсках подобный приказ давно ждали, ибо он был просто необходим. Другие усматривают в нем попытку сказать хоть долю правды о положении на фронтах. Третьи осуждают его за излишнюю жестокость. Да, действительно, после тяжкого года войны, в течение которого Совинформбюро доводило до населения сильно искаженную информацию, Сталин впервые решил сообщить Красной Армии лишь малую толику страшной правды об ее итогах. Оккупация Украины, Белоруссии, Прибалтики, Донбасса и других важных экономических областей лишили страну более 70 млн населения, свыше 700 млн пудов хлеба и почти 10 млн т металла. Отступать и дальше, по сути, означало утрату национальной и государственной независимости. Конечно, в приказе № 227 нет ни слова о катастрофических потерях в личном составе, военной технике и оружии. И в то же время если в приказе по поводу разгрома Западного фронта в 1941 г. вина возлагалась в основном на командование фронта и ряда армий, то в этом летнем приказе во всех бедах государства огульно обвинялась вся Красная Армия.

Но спрашивается: в чем вина необученного, необстрелянного, недостаточно обеспеченного оружием, военной техникой, продовольствием и снаряжением, не имеющего надежного прикрытия с воздуха солдата, офицера, генерала? Кто и в который раз ошибся в определении направления главного удара противника? Кто игнорировал донесения разведки, предупреждавшей об ударе немцев на юге летом 1942 г.? Кто не хотел считаться с положением дел на фронте и посылал в наступление зачастую не обеспеченных в огневом отношении воинов? Этих вопросов и тогда возникало слишком много, но в приказе № 227 на них нет ответа. А ведь это совершенно конкретные лица: в первую очередь Верховный Главнокомандующий, а кроме того, те высокопоставленные профессионалы, которые соглашались с его неправильными решениями по ведению военных действий. Как тут не вспомнить русского философа Николая Бердяева, который утверждал, что в России вечно за ошибки государственных деятелей расплачивается вся нация. К сожалению, это подтверждает и жаркое лето 1942 г.

Жесткими мерами Верховный пытался навести в войсках порядок, организованность и дисциплину. Без приказа сверху запрещалось оставлять позиции, а самовольно отступавших заградительные отряды истребляли на месте или отправляли в штрафные батальоны (роты). До конца войны через них прошли тысячи солдат и офицеров.

Однако, несмотря на приказ, который в войсках называли "Ни шагу назад!", соединения и части продолжали покидать свои позиции. Уже через два дня после того, как он был объявлен в 184-й и 192-й дивизиях, их части оставили Майоровский, а войска 21-й армии – Клетскую. Тут же последовала грозная телеграмма за подписью Сталина и Василевского на имя командующего Сталинградским фронтом Гордова и члена Военного совета Хрущева. От них потребовали отчета о случившемся, а кроме того, приказали "в двухдневный срок сформировать за счет лучшего состава прибывших на фронт дальневосточных дивизий заградительные отряды до 200 человек в каждом, которые поставить в непосредственном тылу и прежде всего за дивизиями 62-й и 64-й армий... подчинить военным советам армий через особые отделы. Во главе... поставить наиболее опытных в боевом отношении особистов..."¹³.

Одними приказами Сталин в те дни не ограничивался. 1 августа, когда особенно обострилась обстановка, он в директиве с грифом "особо важная", направленной командующим Московским, Приволжским, Сталинградским военными округами и наркомом внутренних дел Берия, приказал сформировать из содержавшегося в спецлагерях НКВД командно-начальствующего состава (от командира роты и выше) "штурмовые стрелковые батальоны" численностью 929 человек каждый. Все они предназначались для использования на наиболее активных участках фронта. Случай предоставлял им возможность с оружием в руках доказать свою преданность Родине. И надо заметить, что, выбравшись из спецлагерей, бывшие командиры были безмерно счастливы, что наконец-то попадут на фронт. Они знали, что большинство из них сложат свои головы, но эта смерть давала надежду освободить себя и свою семью от бесчестья и кары, которые грозили им за пребывание в плену или окружении.

А тем временем противник продолжал наращивать усилия на сталинградском направлении.

Попытки советского командования двумя контрударами (30 июля и 3–4 августа) ликвидировать вклинившегося неприятеля не увенчались успехом. И это несмотря на то, что именно 4 августа мобильность армии Паулюса снова оказалась сведенной к минимуму из-за нехватки горючего: его осталось на 40–60 км¹⁴. Однако Гитлер с Гальдером так торопили Паулюса, что тот, не дожидаясь, пока его армия будет обеспечена всем необходимым, утром 7 августа нанес удар. При этом 24-й танковый корпус продвигался западнее Дона на север, а навстречу ему – 14-й танковый корпус с целью отрезать советские войска от их тыловых коммуникаций на левом берегу реки.

В результате армии Сталинградского фронта, оборонявшие правый берег Дона в его излучине, попали в ловушку. В ночь на 8 августа юго-западнее Калача-на-Дону встретились авангарды продвигавшихся с юга и севера танковых клиньев немцев, а вечером 10 четыре дивизии 62-й и 1-й танковой армий были зажаты западнее Дона в кольце диаметром 6 км. Уже на следующий день после окружения противник, расчленив советские дивизии, начал громить их по частям.

За пять суток боев потерпели поражение семь стрелковых дивизий, две механизированные и семь танковых бригад, а еще две стрелковые дивизии были серьезно ослаблены. В общей сложности, начиная с 23 июля, только в полосе 6-й армии немцы пленили около 57 тыс. человек, уничтожили и захватили более 1 тыс. танков и бронированных машин, до 750 артсистем и почти 650 самолетов¹⁵.

Советскому командованию все-таки удалось выиграть время. Однако положе-

ние под Сталинградом оставалось тяжелым, особенно в полосе 62-й армии генерала А.И. Лопатина. Она к середине августа отошла на восточный берег Дона, заняв оборону по внешнему обводу Сталинграда от Вертячего (47 км северо-западнее Сталинграда) до Ляпичева (70 км юго-западнее Сталинграда). При этом четыре ее стрелковые дивизии продолжали вести бои в окружении на западном берегу реки. Несмотря на неоднократные указания Ставки, помощь попавшим в беду соединениям не была оказана. Учитывая это, Ставка 15 августа указала генералу А.И. Еременко на то, что "немцы никогда не покидают свои части, окруженные советскими войсками, и всеми возможными силами и средствами стараются во что бы то ни стало пробиться к ним и спасти их. У советского командования должно быть больше товарищеского чувства к своим окруженным частям, чем у немецкого командования... Ставка считает делом чести сталинградского командования спасение окруженных частей. У сталинградского командования имеется сейчас достаточно сил и средств, чтобы пробиться к своим окруженным дивизиям и вывести их"¹⁶. К сожалению, и в этот раз выполнить приказ не удалось. Связь с окруженными была потеряна. На вызовы по радио они не отвечали. Под воздействием противника дивизии были расколоты на мелкие группы, которые выходили на восточный берег Дона. Раненый командир 33-й гвардейской стрелковой дивизии полковник А.И. Утвенко вывел из окружения 120 человек. Выбирались на левый берег реки бойцы и командиры из других соединений, но их было мало. Многие пали смертью храбрых, другие пропали без вести или попали в плен.

Следует отметить, что в большой излучине Дона ряд частей сражался героически. Так, 1800 человек 20-й мотострелковой бригады полковника П.С. Ильина заняли оборону на пятикилометровом участке фронта в районе Калача-на-Дону. Умело зарывшись в землю, ее подразделения и части не допускали врага к реке. 15 августа саперы бригады взорвали мост через Дон, а когда противник навел переправу, то и она была взорвана. В боях бригада вместе с приданным ей артиллерийско-пулеметным батальоном укрепрайона противостояла превосходившим силам немцев. Только в ночь на 1 сентября по приказу командарма бригада и присоединившиеся к ней части сняли оборону и стали отходить на Сталинград. На рассвете у хутора Старый Рогачик (31 км западнее Сталинграда) под командование Ильина поступили и части, окруженные в районе Карповки. После ожесточенного боя окруженная группировка прорвала кольцо и вышла к своим войскам.

Особо необходимо выделить сражавшиеся в составе войск генерала Лопатина курсантские полки Краснодарского, Грозненского, Винницкого, 2-го Орджоникидзевского училищ. Некоторые из них прибыли в донскую степь раньше самой армии и стали ее передовыми отрядами, боевым охранением, а потом нередко использовались в качестве надежных отрядов прикрытия. Придаваемые различным дивизиям, они везде дрались доблестно, но день ото дня редели. "Это полки героев", – сказал о них Лопатин. К середине августа остался в строю лишь полк Орджоникидзевского училища, находившийся в армейском резерве.

Упорные бои в большой излучине Дона сбили темпы продвижения врага. За месяц тяжелых для него боев он продвинулся всего на 60–80 км. Однако инициатива в борьбе все еще продолжала оставаться у него. Немецкие штабисты отчетливо понимали, что достигнутый оперативный успех слишком далек от поставленной цели. Поэтому еще до окончательной ликвидации котла в большой излучине Дона Паулюс получил директиву, в которой указывалось, что "следующей задачей... является разгром противника в излучине Дона... и незамедлительный прорыв к Сталинграду через Качалинскую, чтобы во взаимодействии с одновременно наступающей с юга 4-й танковой армией разгромить противника, находящегося на внутреннем оборонительном обводе, и занять город"¹⁷.

Однако сам Паулюс считал, что "наличных сил для наступления на Сталинград у него недостаточно, ибо слишком мало пехоты"¹⁸. ОКХ откликнулось на его

просьбу, направив в полосу 6-й армии 8-ю итальянскую армию. Паулюсу передавались армейский корпус и танковая дивизия. Эти объединенные силы и должны были завершить разгром 62-й армии, а затем наступать на Сталинград. Уже 30 июля начальник штаба оперативного руководства вермахта генерал Йодль вынужден был признать: "...судьба Кавказа будет решена под Сталинградом"¹⁹. В тот же день Гитлер принял решение переподчинить группе армий "Б" все силы 4-й танковой армии генерала Гота для нанесения совместно с 6-й армией удара из района южнее Дона, вдоль железной дороги Тихорецк–Сталинград. Генерал Гальдер настаивал на том, чтобы все основные силы группы армий "А" бросить на захват Сталинграда. По его мнению, у вермахта недостаточно сил, чтобы вести две такие крупные стратегические операции, да к тому же еще на двух разобщенных направлениях. Гитлер не разделял точку зрения Гальдера, однако поворотом армии Гота на Сталинград фюрер сделал еще один шаг в переносе усилий немецких войск с кавказского направления на сталинградское.

31 июля 48-й танковый корпус 4-й танковой армии прорвал оборону сильно поредевшей в предыдущих боях 51-й армии генерала Т.К. Коломийца. Ему удалось изолировать эту армию от основных сил Северо-Кавказского фронта, а повернув наступление на северо-восток, он вынудил советские войска отступить в полосу Сталинградского фронта по расходящимся направлениям двумя группами: одной – на север, вдоль Дона, другой – на восток, к Сарпинским озерам. А жара стояла в этих безводных пустынных степях нестерпимая. Однако ни та, ни другая сторона даже не подозревала, что пройдет совсем немного времени и им вновь придется столкнуться на этих страшных перекрестках войны, но уже в условиях декабрьских морозов, зимних вьюг и метелей.

Чтобы парировать внезапно возникшую опасность на столь слабо прикрытом направлении, командованию 64-й армии пришлось спешно изменить фронт обороны. Оно развернуло свои главные силы на юг, по внешнему сталинградскому обводу на р. Мышкова.

Между тем силы противника на сталинградском направлении увеличились на десять дивизий*.

Особенно возросла его танковая группировка: сюда прибыли две танковые и моторизованная дивизии. Впрочем, это было последнее значительное усиление немецких войск, наступавших непосредственно на Сталинград. Теперь в составе 6-й и 4-й танковой армий насчитывалось 25 дивизий (18 пехотных, 4 танковые и 3 моторизованные, из них 4 пехотные румынские). Только они, перегруппировываясь и меняя иной раз направление, наступали на Сталинград, отражали удары советских войск на флангах и вели бои в самом городе.

Советское командование продолжало усиливать войска в большой излучине Дона. Сюда уже прибыли десять дивизий из Забайкалья и Дальнего Востока. Танковая группировка также увеличилась на 200 танков за счет поставок со Сталинградского тракторного завода, а также прибывшей еще одной танковой бригады. Однако в связи с большими потерями, понесенными в предыдущих боях, Сталинградский фронт, хотя и сохранил свое численное превосходство, но такого выгодного соотношения, как в начале боев, уже не имел. Даже намечавшееся прибытие в полосу 62-й армии из Подмосковья 1-й гвардейской армии, создаваемой из восьми воздушнодесантных корпусов, которые в свою очередь переформировались в восемь гвардейских стрелковых дивизий, не могло исправить положения.

Чтобы облегчить управление войсками и повысить устойчивость обороны на сталинградском направлении, Ставка ВГК 5 августа приняла решение разделить

* Здесь не учтены дивизии итальянской армии, ибо они, как и три немецкие дивизии, расположенные в полосе ее развертывания, противостояли 63-й армии на 200-километровом участке фронта. В последующих сражениях за Сталинград эти силы вплоть до ноября 1942 г. участия не принимали.

Сталинградский фронт, выделить из него к 7 августа Юго-Восточный фронт во главе с генералом А.И. Еременко*.

Сравнительно успешно для советских войск события развивались лишь к югу от Сталинграда, хотя 6 августа противник силами танкового корпуса сумел прорвать оборону 64-й армии на внешнем обводе в полосе шириной до 10 км и продвинуться на глубину 10–12 км, где и был остановлен. Следует отметить, что небывалую выдержку проявил командующий армией генерал М.С. Шумилов: несмотря на грозные окрики сверху, он отказался от поспешных и бесперспективных атак. В течение двух дней он подготовил, а 9–10 августа успешно осуществил контрудар. Противник был отброшен за внешний обвод, а положение на этом участке фронта восстановлено. Однако группировка советских войск, действовавшая в большой излучине Дона, потерпела поражение. У противника теперь появилась реальная возможность повести наступление на Сталинград одновременно двумя группировками – с запада и юго-запада. Возникла реальная угроза самому Сталинграду.

К 10 августа закончились оборонительные сражения на дальних подступах к городу, целью которых являлся перехват у противника инициативы на всем юго-западном направлении. Причем советские войска имели достаточно сил, а командование – достаточно решимости, чтобы ставить подобную цель. Но, несмотря на проявленные войсками стойкость, мужество и упорство, армии Сталинградского фронта не сумели разгромить вклинившиеся группировки врага, им пришлось отойти на ближние подступы к городу. Вопрос о перехвате инициативы пришлось отложить до лучших времен.

Далеко не полностью добился поставленных целей и противник. Даже за счет поворота 4-й танковой армии с кавказского направления ему не удалось пробить брешь в советской обороне и развить наступление на Сталинград. К тому же напряженные бои на дальних подступах к городу подорвали наступательные возможности обеих его группировок. Немцам тоже требовалось время на пополнение и перегруппировку войск, ремонт техники и подвоз материальных средств. "10 августа 6-я армия одержала полную победу, последнюю на открытой местности, – свидетельствует участник этих событий бывший генерал вермахта Г. Дёрр, – но в результате этого в ее операциях наступило еще одно промедление, использованное противником для усиления своей обороны на восточном берегу Дона; теперь необходимо было планомерно готовиться к последующему наступлению"²⁰.

После выхода немецких армий к внешнему Сталинградскому оборонительному обводу обе стороны приступили к подготовке последующих операций. Германское командование и теперь намеревалось прорваться к Волге на двух участках танковыми корпусами 6-й армии севернее Сталинграда, а 4-й танковой – южнее города, затем, развивая наступление вдоль Волги, овладеть городом.

Однако усилить свои группировки перед началом новой операции германское командование не могло ни за счет кавказского направления, где наступление группы армий "А" начинало уже тормозиться, ни за счет западного направления, где советские войска проводили Ржевско-Сычевскую операцию. 4-я немецкая танковая армия, понесшая в результате контрудара 64-й армии значительные потери, особенно в танках, наступать была не в состоянии. Поэтому для ее усиления были переданы из 6-й армии 24-я танковая и 297-я пехотная дивизии, что, естественно, ослабило последнюю и задержало начало очередной операции.

Командование Сталинградского фронта понимало, что самые ответственные задачи придется выполнять войскам 4-й танковой армии, перешедшим к обороне севернее Калача-на-Дону, в малой излучине Дона, а также 62-й и 64-й армиям и

* Состав новых фронтов был следующим: Сталинградский – 4 танковая, 63, 21 и 62-я армии, а также 8-я воздушная армия; Юго-Восточный – 64, 57 и 51-я армии.

развернувшейся восточнее них фронтом на юг 57-й армии генерала Ф.И. Толбухина. Понимало оно и то, что в создавшихся условиях требуется высокая степень координации всех усилий для обороны сталинградского промышленного района. Между тем все эти армии подчинялись разным фронтовым управлениям и их действия не были скоординированы. Вот почему 8 августа Гордов и Хрущев* предложили Ставке для организации тесного взаимодействия фронтов, периодической переброски сил из одного фронта на другой, а также "для упорядочения мобилизации внутренних ресурсов Сталинграда на усиление обороны полевых войск" выделить оперативную группу Ставки для руководства обоими фронтами по обороне города²¹.

9 августа Ставка ВГК приняла довольно необычное решение – объединить два фронта под одним командованием. На следующий день генерал Еременко стал командующим одновременно и Юго-Восточным, и Сталинградским фронтами, а генералы Голиков и Гордов были назначены его заместителями. В оперативное подчинение Еременко перешли Волжская военная флотилия, а позднее – Сталинградский корпусной район ПВО и Сталинградский военный округ (его штаб находился в Астрахани). В связи с этим значительно возросла нагрузка на штаб Юго-Восточного фронта, которому теперь предстояло обеспечивать управление двумя фронтами, хотя он был только что сформирован из армейского штаба. В то же время штаб Сталинградского фронта, с первых дней войны действовавший как штаб Юго-Западного фронта, оказывался в подчиненном, а значит и менее ответственном положении.

Сталин так и не смог простить генералу Гордову неоправданно тяжелое поражение достаточно сильной группировки Сталинградского фронта. Вот почему он не доверил ему, а следовательно, и его штабу более ответственное поручение. А недолечившийся после ранения генерал Еременко получил лично от Верховного как лицо особо доверенное задачу защитить Сталинград. Сюда же ГКО направил в качестве своих уполномоченных группу представителей во главе с членом политбюро, секретарем ЦК ВКП(б) Г.М. Маленковым. Вместе с ним в Сталинград вновь прибыл и начальник Генерального штаба генерал А.М. Василевский, командующий ВВС Красной Армии генерал А.А. Новиков и начальник главного автобронетанкового управления генерал Я.Н. Федоренко.

Совместными усилиями государственных и военных руководителей в первую очередь были разработаны меры по резкому увеличению выпуска военной продукции в интересах сталинградских фронтов. Было принято решение за семь-десять дней удвоить выпуск танков на заводах города. Генерал Федоренко взял на себя все заботы по доставке с фронта подбитых или требовавших ремонта танков, а прибывший чуть позже нарком танковой промышленности В.А. Малышев – организацию работ. Уже к 20 августа тракторный завод дал 240 танков Т-34²².

Между тем положение советских войск по-прежнему оставалось сложным. После тяжелого поражения в большой излучине Дона соотношение сил изменилось в пользу противника, имевшего 236 тыс. человек личного состава против 148 тыс. в трех советских армиях, соответственно 400 танков против 270, 2800 орудий и минометов против 1888.

При этом 21-я армия, которая до начала обороны на сталинградском направлении была неизмеримо слабее всех остальных, теперь, когда ей удалось сохранить свои силы, была дополнена еще двумя танковыми бригадами. Причем оказалось, что это были первые соединения, на вооружении которых находились американские танки М-3с – средние и М-3л – легкие. Располагаясь на левом берегу Дона, на фланге только образовавшейся ударной группировки 6-й армии, эта армия могла

* Н.С. Хрущев являлся членом Военного совета Сталинградского фронта.

быть с успехом применена для проведения контрударов во фланг этой группировки. Но так как 4-я танковая и 62-я армии, оборонявшиеся на направлении ожидаемого удара противника, были сильно ослаблены в предыдущих боях, командующий Сталинградским фронтом вместо того, чтобы организовать контрудар своей сильнейшей 21-й армией, вынужден был все ее танковые части, присовокупив к ним три только что прибывшие с Дальнего Востока дивизии, направить на усиление армий, находившихся в большой опасности.

Заметим, что на фоне многих неудачных для советских войск августовских событий значение этого маневра нигде не получило той высокой оценки, которую он заслуживает: 180 танков были настолько скрытно уведены от противника, что развернута им против 21-й армии танковая дивизия так и осталась на этом направлении в стороне от активных действий.

Принимала меры по укреплению Сталинградского фронта и Ставка. Пять дивизий 1-й гвардейской армии, уже следовавшие в эшелонах на Юго-Восточный фронт, были выгружены и развернуты северо-западнее Сталинграда за 4-й танковой армией, т.е. во втором эшелоне фронта. Туда же намечалось выдвинуть еще девять стрелковых дивизий и два танковых корпуса с фронтов западного и северо-западного направлений.

В период подготовки к очередным операциям обострилась борьба за господство в воздухе. Учитывая большие потери истребителей в предыдущих боях, германское командование перебросило из Сицилии 52-ю эскадру, где были собраны лучшие асы люфтваффе. Потери противника резко снизились. С 10 по 21 августа они составили 98 самолетов, в то время как советские ВВС лишились 152 боевых машин. Генерал Еременко обратился к Сталину с тревожной телеграммой: "Соотношение видов авиации не обеспечивает прикрытие штурмовиков и бомбардировщиков и совершенно исключает прикрытие войск. На 17 августа в строю насчитывается около 60 бомбардировщиков, 45 истребителей, 70 штурмовиков. Просим к началу наступления усилить фронт пятью-шестью истребительными авиаполками с таким расчетом, чтобы они прибыли к 18 августа"²³.

Ставка ВГК оперативно отреагировала на эту просьбу. По ее указанию из учебных центров страны под Сталинград было переброслено 30 полков, в том числе 8 бомбардировочных, 13 истребительных и 9 штурмовых²⁴. Только в августе 8-я воздушная армия получила 700 самолетов. Соотношение сил в воздухе постепенно начинало меняться.

Главные события на Юго-Восточном фронте по-прежнему ожидалось в полосе 64-й армии. Не исключалась возможность вражеского удара и по ее соседу слева – 15-й гвардейской дивизии 57-й армии. Южнее Сталинграда крайне ограниченными силами, но в широкой полосе оборонялась 51-я армия. Противник имел перед Юго-Восточным фронтом около 144 тыс. человек личного состава, 650 орудий и минометов, тогда как фронт – 135 тыс. человек, около 1900 орудий и минометов, но преимущество в танках сохранялось за врагом – 340 против 120²⁵. Зато войска Юго-Восточного фронта имели перевес в артиллерии, что в какой-то мере компенсировало недостаток танков. Вследствие этого и оборона здесь была более устойчивой, чем у Сталинградского фронта. Немецкая 4-я танковая армия готовила прорыв на Красноармейск (ныне в черте Волгограда), а частью сил – западнее железной дороги Сальск–Сталинград. "Красноармейск был южным краеугольным камнем обороны Сталинграда, – отмечал Г. Дёрр, – ни в каком другом пункте появление немецких войск не было бы так неблагоприятно для русских, как здесь"²⁶.

6-я немецкая армия, перейдя в наступление 16 августа, за несколько дней расчленила советскую группировку, причем южная ее часть была окружена и уничтожена. На этот раз немцы взяли в плен около 12 800 человек. На некоторых

участках противнику удалось форсировать Дон и захватить плацдармы. Тем не менее советские войска сумели удерживать северную часть большой излучины Дона вдоль узкой прибрежной полосы и при этом на продолжительное время связать значительные силы 14-го танкового и 11-го армейского корпусов.

Генерал Еременко решил контрударами – в районе Серафимовича, с плацдарма в малой излучине Дона и на правом фланге 62-й армии – разгромить группировку противника и таким образом ликвидировать угрозу Сталинграду. 20 августа войска Сталинградского фронта перешли в наступление. Контрудар 21-й и 63-й армий в районе Серафимовича завершился захватом важнейшего плацдарма на Дону, сыгравшего огромную роль в последующем контрнаступлении. Наступление 1-й гвардейской армии в малой излучине Дона позволило несколько расширить удерживаемый здесь советскими войсками плацдарм, потом он тоже был использован при подготовке контрнаступления. Однако в полосе 62-й армии контрудар не был предпринят в установленный срок.

23 августа 14-й танковый корпус армии Паулюса неожиданно для советской стороны прорвался на стыке 4-й танковой и 62-й армий. Пройдя по тылам советских войск около 60 км, он в 16 часов того же дня вышел к Волге севернее Сталинграда, у поселков Латошинка, Акатовка, Рынок. Под огнем танковых орудий противника оказался тракторный завод.

В полосе Юго-Восточного фронта немецкий 48-й танковый корпус, прорвав оборону 57-й армии, к 25 августа вышел к среднему оборонительному обводу, южнее Красноармейска, и вклинился в оборону советских войск, оказавшись на подступах к городу. Однако, используя последние резервы, командование фронта сумело остановить противника.

В день прорыва немцев к Волге почти вся авиация 4-го воздушного флота нанесла по Сталинграду массированный удар, обрушив на жилые кварталы города тонны фугасных и зажигательных бомб. Запылали, образуя один огромный костер, склады горючего, многочисленные деревянные постройки. Разрушилась вся система городского обеспечения: остановился транспорт, выбыл из строя водопровод, прекратилась подача электроэнергии, останавливались заводы, телефонная связь с Москвой оказалась прерванной. Ежедневные массированные налеты люфтваффе продолжались до конца месяца, в прорыве зенитного щита города участвовали и находившиеся севернее тракторного завода немецкие танки.

Город был превращен в груды развалин, битого кирпича и камня, покарженных металлических каркасов. В этом аду погибли тысячи мирных жителей, в основном женщины, дети, старики. Об их судьбе до сих пор мало что знают соотечественники. Принято считать, что Сталинградская битва навсегда связана только со славной и бессмертной победой, а об истинных масштабах сталинградской трагедии (вначале – для советских войск в большой и малой излучинах Дона, а затем – для жителей Сталинграда) известно немногим. На 2 февраля 1943 г., к финалу битвы, сталинградцев осталось 32 181 человек, причем в центральном, Сталинградском районе – всего 7 человек. А ведь по переписи 1939 г. в городе проживало 490 тыс. Кроме того, с февраля по май 1942 г. сюда прибыло 11 эшелонов с ленинградцами – 10 500 человек, летом к ним добавились тысячи эвакуированных и стихийных беженцев с Украины, из Орла, Смоленска, Курска. До трагических августовских событий город сумели покинуть лишь около 100 тыс. человек. Было эвакуировано некоторое количество оборудования и ценностей. В июле – начале августа вывезли 27 тыс. вагонов хлеба и весь лом цветных металлов, а 27 июля бюро обкома партии и исполком облсовета приняли решение "Об эвакуации скота...", для чего выделялись все волжские переправы. Подходили стада из Воронежской и Ворошиловградской областей. А на улицах в это время было уже не развернуться из-за нескончаемого потока машин и беженцев. Как упоминалось ранее, мостов через Волгу в самом Сталинграде, к большому сожалению, не было. Гигантский город на

правом берегу был фактически отрезан от левого берега. Переправы же были забиты скотом.

Мирные жители стали главным заградотрядом советских войск. За спиной солдат оставался живой город, а на передовой кричали раненые дети и обезумевшие матери. Так и представилось солдату, что за Волгой земли нет. Вот что по этому поводу писал в своих воспоминаниях Н.С. Хрущев, бывший тогда членом Военного совета Сталинградского фронта: "Никто об эвакуации не думал, и никто ничего не сделал для нее"²⁷. Выходит, к массовой эвакуации в Заволжье гражданского населения из Сталинграда тогда еще и не приступали. Лишь 18 августа бюро обкома партии принимает постановление об эвакуации детских домов.

Воспользовавшись успехами люфтваффе по уничтожению города, немцы в следующие два дня попытались овладеть тракторным заводом. Им преградили путь полк НКВД, истребительные рабочие батальоны, отряды народного ополчения, зенитчики района ПВО страны, танкисты танкового учебного центра и оперативная группа Волжской военной флотилии. Получив по радио 24 августа донесение о прорыве врага к Волге, Сталин передал Василевскому, Маленкову и Еременко: "Противник прорвал ваш фронт небольшими силами. У вас имеется достаточно возможностей, чтобы уничтожить прорвавшегося противника. Соберите авиацию обоих фронтов и навалитесь на прорвавшегося противника. Мобилизуйте бронепоезда и пустите их по круговой железной дороге Сталинграда. Пользуйтесь дымами, чтобы запутать врага. Деритесь с противником не только днем, но и ночью. Используйте всю артиллерийские и эресовские силы... Самое главное – не поддаваться панике, не бояться нахального врага и сохранить уверенность в нашем успехе"²⁸.

Командующий Сталинградским фронтом принял меры к созданию двух ударных группировок. Одна – севернее полосы прорыва – в составе трех стрелковых дивизий, танковой бригады и 28-го танкового корпуса во главе с новым заместителем командующего фронтом генералом К.А. Коваленко. Южнее вражеского коридора, на северной окраине Сталинграда вплоть до пос. Орловка, развертывались 2-й и 23-й танковые корпуса под командованием начальника автобронетанковых войск фронта генерала А.Д. Штевнева.

Подготовка войск к контрударам велась спешно, взаимодействие организовывалось в основном по карте, вопросы материального обеспечения в ходе боя заранее не оговаривались. К тому же сохранявшееся господство авиации противника в воздухе не позволило скрытно создать ударные группировки. Поэтому в ходе предпринятого в ночь на 24 августа контрудара только 35-я гвардейская стрелковая дивизия совместно с 169-й танковой бригадой сумели осуществить прорыв, но их успех не был закреплен остальными силами группы Коваленко. Снова они были отрезаны противником.

В последующие дни в контрудар с ходу и без достаточной подготовки на других участках включились прибывавшие резервные соединения, в том числе 4-й и 16-й танковые корпуса. Вплоть до 28 августа удары следовали из различных районов и в разных направлениях, но к успеху так и не привели. Однако самоотверженные действия бойцов и командиров лишили противника возможности наносить повторные удары по городу с севера.

Благодаря упорному сопротивлению воинов 57-й армии был остановлен и 48-й танковый корпус, прорывавшийся к Сталинграду с юга. Противник срочно переклассифицировал на решение второй задачи – окружение войск 64-й армии. 24–26 августа главные силы корпуса повернули фронт наступления на запад, угрожая этой армии с фланга и тыла. Такой маневр оказался полной неожиданностью для ее командования и штаба. Прорвавшиеся к станции Тингута танки во взаимодействии с 6-й полевой армией теперь угрожали окружением и 62-й армии.

Для ликвидации этой угрозы командующий 64-й армией ввел фактически все свои резервы. Пришлось перебросить и те резервы, которые только 19 августа

были развернуты в районе Абганерово, что ослабило это направление и вскоре отрицательно сказалось на ходе боевых действий. Угроза окружения становилась все реальнее. 26 августа командующий 64-й армией представил командующему фронтом "План скрытного отвода войск армии" на средний обвод, что, с одной стороны, сократило бы фронт обороны, а с другой – позволило бы уплотнить боевые порядки соединений. Но столь своевременные предложения были отклонены, что дорого обошлось советским войскам.

27–28 августа противник скрытно перегруппировал свои главные силы и вывел их с красноармейского направления в район Абганерово (70 км юго-западнее Волгограда). К исходу 28 августа противник уже изготoвился к нанесению удара на этом направлении. Одновременно он воспользовался тем, что значительные силы 62-й армии были отвлечены прорвавшимся к Волге севернее Сталинграда танковым корпусом, и активизировал боевые действия на левом фланге и в центре ее полосы обороны. Соединения 51-го армейского корпуса форсировали Дон в районе Калача-на-Дону, окружили 399-ю стрелковую дивизию полковника Н.Г. Травникова и вынудили остальные левофланговые соединения армии отойти за р. Карповка. Фронт 62-й армии развернулся почти на север, а ширина полосы ее обороны резко увеличилась. В состав армии была передана группа генерала Штевнева, перешедшая теперь к обороне на северной окраине Сталинграда.

"Наш передний край увеличился на десятки километров, – вспоминал маршал Н.И. Крылов, – и, приняв Г-образную конфигурацию, прошел на севере по недавним армейским тылам на всю их глубину. Появление противника можно было ожидать также с юга на левом фланге или даже с востока, если бы ему удалось отрезать нас от Волги, чего тоже нельзя было исключить. А наши наличные силы не обеспечивали надежного прикрытия всех опасных участков и направлений"²⁹.

Об угрозе, нависшей над левофланговыми соединениями армии, и об отсутствии резервов для прикрытия этого направления командующий 62-й армией генерал А.И. Лопатин 26 августа доносил в штаб фронта. Оценивая обстановку так же, как и командующий 64-й армией, он тоже просил разрешения отвести армию на средний обвод. Но вновь последовал отказ. Все надежды на перелом ситуации связывались с выдвигавшимися к городу 24-й и 66-й армиями вместе с управлением 1-й гвардейской армии, в состав которых входили соединения оставшихся в распоряжении Ставки 8, 9 и 10-й армий, не успевших прибыть сюда до вражеского прорыва.

Положение советских войск было не из легких, а на отдельных участках – просто критическим. Дивизии 62-й армии оказались отрезанными от остальных сил Сталинградского фронта. Поэтому она была передана в состав Юго-Восточного фронта. 29 августа прорыв противника в полосе 64-й армии в районе Абганерово стал неотвратимым, значит и угроза окружения двух армий – вполне реальной. Теперь сокращение линии фронта стало насущной необходимостью. Сил явно не хватало, а кроме того, надо было вывести войска из-под ударов, не допустить их разрома, ликвидировать бреши в обороне фронта. Поэтому командующий фронтом дал разрешение на отвод войск, причем вначале на промежуточный, а затем и на средний оборонительный рубеж, рассчитывая за счет сокращения полосы обороны (с 100–120 до 30–40 км) уплотнить ее и создать в армиях вторые эшелоны.

В самом трудном положении оказались соединения 64-й армии. Ведь против нее была уже развернута сильная и подвижная группировка врага, которая 29 и перешла в наступление. Чтобы как-то оторваться от нее и спасти главную группировку армии, был только один выход – пожертвовать частью войск для выигрыша времени. Выбор пал на 126-ю стрелковую дивизию. Задача, поставленная командармом, была предельно проста по форме, но страшна по содержанию: "Держаться до последнего вздоха. Иного выхода нет. Любой ценой сдерживайте

танки, отсекайте от них пехоту! Главное – продержаться. Час продержитесь – хорошо, два – еще лучше, а три – всем вам при жизни поставим памятник”³⁰.

И 126-я дивизия выдержала суровые испытания и с честью выполнила задачу: противник был задержан почти на целый день. Только к вечеру его танковые части ворвались на отдельные участки среднего обвода, но, к сожалению, темпы отходивших соединений оказались низкими. Пытаясь закрепиться на промежуточном рубеже, они вскоре обнаруживали противника в своем тылу. Поэтому 30 августа войскам фронта была отдана директива отходить на средний обвод³¹. В течение двух дней части 64-й армии разрозненными отрядами продвигались к нему. Вместе с ними отходили и соединения 62-й армии с рубежа р. Карповка.

Днем 1 сентября 51-й армейский корпус армии Паулюса прорвал средний оборонительный обвод и в районе станции Басаргино соединился с 48-м танковым корпусом. Однако полностью достичь своей цели противник и на этот раз не сумел. "Окружения между Доном и Волгой и сопряженных с ним массовых потерь в людях и тяжелой технике большинству наших частей все же удалось избежать, но не во всем..." – вспоминал маршал Крылов³².

Небольшой промежуток между обводами (25–30 км) позволил армиям фронта уже к исходу 2 сентября отступить на указанные позиции. 64-я армия отошла организованно и заняла оборону южнее железной дороги Калач–Сталинград. Попытки немцев с ходу преодолеть рубеж, занятый армией, были пресечены активными действиями ее соединений. Закрепившись, она оставалась там до конца оборонительного периода Сталинградской битвы.

Менее организованно отходили соединения 62-й армии, большинство которых в предшествовавших боях понесли такие потери, что их пришлось сводить в отдельные отряды и переподчинять другим соединениям. Лишь наиболее укомплектованные (35 гвардейская, 112 и 131-я стрелковые дивизии) насчитывали от 1,5 до 3 тыс. человек. Дивизионная артиллерия была крайне малочисленной, поэтому основу огневой мощи армии составили приданные ей артиллерийские полки резерва Ставки, в основном истребительно-противотанковые. Вот почему на 62-ю армию была возложена задача оборонять Сталинград не на внутреннем обводе, а в пределах городского оборонительного обвода, т.е. в промышленной части города. А на внутреннем обводе планировалось развернуть, по существу, новую армию из частей других объединений фронта, а также за счет прибывавших из резерва Ставки и трех наиболее боеспособных дивизий самой 62-й армии. Остальные соединения, обороняясь на внутреннем обводе и отходя от рубежа к рубежу к Сталинграду, должны были прикрыть войска, занимавшие городской обвод.

24-я и 66-я армии в ходе выдвижения к городу получили задачи на наступление, а за счет имевшихся севернее Сталинграда дивизий была сформирована новая армия. Ее возглавило управление 1-й гвардейской армии, которое передало ранее подчиненные ей соединения, что сражались в малой излучине Дона, в 4-ю танковую армию.

С 30 сентября начались бои на ближних подступах к городу, продолжавшиеся до 12 октября. Они закончились выходом немецких войск к городскому оборонительному обводу. Это явилось очередной катастрофой для советских войск. Несмотря на превосходство в силах и средствах, они оказались отброшены к Сталинграду и предгорьям Кавказа.

Ставка не могла не понимать, что ее вина в том не меньше, чем вина армейского и фронтового командования. Надо ей отдать должное, что она проявляла заботу об обеспечении фронтов всем необходимым, постоянно усиливала их. Так, за время боев на дальних и ближних подступах к городу на сталинградское направление прибыло 38 стрелковых дивизий (было 32) и 20 танковых бригад (было 20). Иначе говоря, состав фронтов увеличился примерно вдвое. Но и вражеская группировка удвоилась: прибыло 19 дивизий (было 18), из них две танковые и одна

моторизованная (было 2 танковые и 2 моторизованные). Однако советские дивизии несли большие потери. Случалось, что за три–пять дней из 10–12 тыс. человек в них оставалось всего по 1,5–2 тыс., а еще через пару дней – по 800–1000 человек.

И все-таки, несмотря на то что враг неоднократно достигал важных тактических успехов, его планы овладеть Сталинградом с ходу были сорваны. Его танковые корпуса не смогли прорваться вдоль Волги, а замкнув кольцо западнее Сталинграда, не сумели отрезать от города главные силы Юго-Восточного фронта. В итоге немецкие танковые корпуса постепенно утратили мобильность и вынуждены были ограничить свои действия узкими участками. Боевые действия все чаще принимали позиционный характер, к чему собственно и стремились советские войска.

Находившийся с конца августа в Сталинграде в качестве представителя Ставки Г.К. Жуков убедился, что Сталинградский фронт не мог разгромить вышедшего к Волге врага теми силами, которыми он располагал, поэтому нужны дополнительные войска и время на перегруппировку, ибо армейские удары не в состоянии решительно изменить обстановку. Об этом он и доложил Сталину, а тот немедленно вызвал его и Василевского в Москву.

Жуков доложил Верховному, что для ликвидации прорыва противника и соединения Сталинградского фронта с Юго-Восточным требовались минимум еще одна полнокровная общевойсковая армия, танковый корпус, три танковые бригады и не менее 400 орудий гаубичной артиллерии, а на время проведения операции дополнительно не менее воздушной армии. И Жуков, и Василевский уже тогда понимали, что, даже получив с таким трудом подготовленные резервы, они израсходуют их на частные операции, которые, увы, не решат проблемы захвата стратегической инициативы.

Генеральный штаб, видимо, и раньше пытался найти выход из тупиковой ситуации. Судя по отрывочным данным, Василевский поручил офицерам Генштаба – А.А. Грызлову, С.И. Тетешкину, Н.И. Бойкову и другим проработать вариант охвата с севера и юга далеко вклинившейся ударной группировки врага. Кстати, сохранилась карта в исполнении Бойкова, на которой нанесены первые контуры будущей операции на окружение. Если бы таких наработок у них не было, вряд ли Жуков и Василевский смогли бы так быстро – 13 сентября – доложить Сталину замысел контрнаступления. Задав несколько вопросов, Верховный, по словам Жукова, заявил, что "над планом надо еще подумать и подсчитать наши ресурсы. А сейчас главная задача – удержать Сталинград и не допустить продвижения противника в сторону Камышина"³³. Направляя Жукова под Сталинград для оказания помощи командованию Сталинградского фронта в оборонительной операции, Сталин дал ему указание изучить обстановку на плацдармах в районе Клетской и Серафимовича, а также возможности использования их для контрнаступления. С этими же целями, но уже в полосу Юго-Восточного фронта через несколько дней вылетел и Василевский.

С 13 сентября начались изнурительные и кровопролитные для обеих сторон сражения на окраинах и в черте города, вернее, в его развалинах. Одновременно Юго-Восточный фронт наносил контрудары в районе межозерных дефиле южнее Сталинграда, а Сталинградский фронт – с севера. Все эти операции и бои преследовали теперь одну цель: удержать волжскую твердыню, обескровить наступавшего врага и создать условия для перехода в контрнаступление.

В ходе первого штурма немцы смогли потеснить войска 62-й армии, в командование которой за день до этого вступил генерал В.И. Чуйков, ворваться в центр города, а на левом фланге, в стыке с 64-й армией – выйти к Волге.

Особенно тяжелыми для сталинградцев были первые три дня штурма. Перелом в эти, как временами казалось, последние часы был создан 13-й гвардейской

дивизией, которую возглавлял Герой Советского Союза А.И. Родимцев. Она за две ночи при помощи Волжской военной флотилии и понтонных батальонов – на катерах, буксирах, баркасах и даже на рыбацких лодках под непрерывающимся пулеметным, минометным и артиллерийским обстрелом и под бомбежкой с воздуха переправилась через широкую, с сильным течением реку. В ночь на 15 сентября было переброшено на правый берег свыше 6 тыс. человек.

Первым в боевое соприкосновение с врагом вступил батальон старшего лейтенанта З.П. Червякова. На другой день его бойцы заняли вокзал и прилегающую к нему площадь. Под их ударами немцы были вынуждены отступить. Тогда же два стрелковых полка дивизии, возглавляемые И.П. Елиным и В.А. Асеевым, после ожесточенных атак овладели Мамаевым курганом. В дальнейшем упорная борьба за него продолжалась до конца января 1943 г. Он неоднократно переходил из рук в руки. В ходе боев за главную высоту войны проявили героизм, дерзость и отвагу. Помогли стalingградцам удары авиации дальнего действия под командованием А.Е. Голованова и воздушной армии С.И. Руденко, а также атаки с севера войск Сталинградского фронта.

Несмотря на стойкость и самопожертвование войск Юго-Восточного фронта, противнику все же удалось в районе Купоросное (ныне в черте г. Волгограда) прорваться к Волге. Теперь армия Чуйкова оказалась изолированной от остальных сил фронта. Но воины продолжали мужественно сражаться с врагом.

Срыв планов немецкого командования по захвату всего города с ходу – результат общих усилий советских войск: и непосредственно оборонявших город, и наносивших удары с севера, и разящих противника из-за Волги артиллерийским огнем. За него отдали жизнь десятки тысяч воинов. Они внесли свой вклад в коренной перелом.

Ожесточенность борьбы в Сталинграде нарастала с каждым днем. С утра 21 сентября немецкая пехота при поддержке авиации и танков начала прорываться к Волге в центре города в полосе обороны дивизии Родимцева и двух соседних стрелковых бригад. Гвардейцы оказали упорное сопротивление. Врагу так и не удалось сбросить дивизию и другие части в Волгу. Он смог продвинуться всего лишь на несколько десятков метров. Борьба шла на улицах и площадях города. Борьба за центральную часть города продолжалась до 26 сентября.

Усиление сражавшейся армии двумя дивизиями, а также упорное сопротивление войск в городе сыграли большую роль в том, что немцам не удалось полностью овладеть Сталинградом. Однако они сумели потеснить войска 62-й армии и ворваться в центр города, а на ее фланге, 10-километровом участке – выйти к Волге. Но этот успех был достигнут дорогой ценой. В ротах противника оставалось, как правило, по 30–40 солдат. Правда, и советское командование вынуждено было ввести в бой шесть резервных дивизий.

С 27 сентября до 8 октября острие немецкого наступления переместилось в северную часть города, где находились заводские районы. Здесь обстановка для армии Чуйкова оставалась весьма напряженной. Район, который она удерживала на правом берегу Волги, к этому времени резко сократился. Он имел глубину от 100 м до 2,5 км. Поэтому на опасном левом фланге не было возможности разместить артиллерию. Большая ее часть, особенно артиллерия РГК, занимала позиции на левом берегу реки.

В итоге сентябрьских боев немцы захватили значительную часть высот, которые проходили по западным окраинам города. Это давало им возможность просматривать наиболее важные районы, русло Волги и ее левый берег, а советские войска стали еще больше ограничены в свободе маневра силами и средствами. Для генерала Чуйкова и его штаба значительно усложнилось и управление войсками. Его командный пункт, оборудованный в обрыве правого берега Волги, восточнее Мамаева кургана, находился всего в двух километрах от

врага и подвергался непрерывному обстрелу. По-прежнему с большими жертвами и в основном в темное время проходила переправа через реку.

С господствующей высоты захватчики видели город – израненный, обугленный и продолжающий сражаться. До Волги им отсюда оставалось несколько сот метров, но преодолеть их они так и не смогли. Воины Н.Ф. Батюка и А.И. Родимцева не сошли с крутых склонов Мамаева кургана. Отвага, мужество, стойкость, самоотверженность и растущее мастерство защитников страны стали той преградой, которая здесь, на волжском берегу, окончательно остановила продвижение вермахта. Защита Мамаева кургана, оборона сталинградских заводов стали вехами на пути к будущей победе. 14 октября германское командование отдало приказ на переход к обороне на всем советско-германском фронте, за исключением Сталинграда. Врагу удалось захватить тракторный завод, но к концу месяца его силы были на исходе.

11 ноября немецкое командование предприняло последнюю попытку овладеть Сталинградом и начало наступление в районе завода "Баррикады". Здесь 138-я дивизия полковника И.И. Людникова 100 дней и ночей вела бои. Имея перевес в пехоте, танках и авиации, противник прорвался к Волге между этим заводом и "Красным Октябрем", образовав коридор шириной в 500–600 м, но дальше продвинуться не смог. С трех сторон дивизию окружал враг, а позади – матушка-Волга. Плацдарм, защищаемый ею, имел протяженность по фронту 700 м и в глубину 400 м. Немцы были бессильны его ликвидировать.

В уличных боях и в небе Сталинграда советские воины проявили солдатскую доблесть и самопожертвование во имя Родины. Летчики 14 раз повторили подвиг Николая Гастелло. 29 крылатых бойцов совершили таран в воздухе. 11 воинов закрыли собой амбразуры вражеских огневых точек. На всю страну прославились легендарные снайперы Василий Зайцев, Анатолий Чехов, Максим Писсар, каждый из которых имел на своем боевом счету до 200 и более убитых врагов.

Город на Волге защищала вся страна. В легендарном Доме солдатской славы под командой сержанта Я.Ф. Павлова в течение 58 дней сражались воины многих национальностей: 11 русских, 6 украинцев, грузин, узбек, еврей, таджик и татарин. В одной братской могиле на площади Павших борцов лежат Герои Советского Союза русский летчик Алексей Каменщиков и славный сын Испании пулеметчик Рубен Ибаррури, уроженец Татарии артиллерист Хафиз Фаттахутдинов. Из разных краев пришли они в армию защитников волжской твердыни и отдали за свободу, честь и независимость России самое дорогое – свою жизнь.

Родина высоко оценила мужество и самоотверженность защитников города. В конце 1942 г. была учреждена медаль "За оборону Сталинграда", которой были награждены более 700 тыс. человек, а свыше 100 наиболее отличившихся удостоены звания Героя. В 1965 г. и город по праву награжден этим высоким званием. Конечно, оборона Сталинграда досталась дорогой ценой. За 125 суток фронты, прикрывшие сталинградское направление, потеряли 643 842 человека, из которых безвозвратно 323 856³⁴.

В ходе боев несли большие потери и немцы. Для них они оборачивались еще непрерывным и усиливающимся моральным "износом" войск. Сталинград стал "адом" для их солдат и офицеров, потерявших здесь остатки бывшего духа. Многие из них не только не верили в победу, но и в свое спасение.

В большой излучине Дона, на сталинградских обводах и в развалинах города они потеряли время, силы и средства. Их главные ударные группировки были втянуты в уличные бои, обескровлены, а их фланги более растянуты и прикрыты слабыми армиями союзников, коммуникации уязвимы для ударов партизан. Сюда, под Сталинград, они вынуждены были перебросить часть войск группы армий "А", что помогло советскому командованию спасти положение на Кавказе.

СРАЖЕНИЯ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ

Кавказ – важный экономический район, где до войны была создана крупная топливно-энергетическая база. На его долю приходилось 86,5% общесоюзной добычи нефти, 65 – природного газа, 56,5% – марганцевой руды. Один Бакинский район давал почти три четверти всей нефти, добывавшейся в СССР.

Географическое положение Кавказа определяет и его стратегическое значение. В довоенный период через Кавказ и порты на Черном и Каспийском морях осуществлялся значительный внешнеторговый грузооборот государства. В годы войны торговые пути, идущие через Персидский залив, Иран, Каспийское море, занимали второе место после Северного морского пути в подвозе вооружения, стратегического сырья по ленд-лизу из США и стран Британского содружества.

С потерей Украины, Белоруссии, Прибалтики, Донбасса и других областей, когда экономическая база страны сузилась и сократились ее мобилизационные возможности, значение Кавказа еще более возросло. Летом 1942 г. оборону Северного Кавказа Ставка ВГК возложила на войска Южного, Северо-Кавказского и Закавказского фронтов. Она считала, что соединением Северо-Кавказского фронта, развернутым по Дону, удастся подстраховать отход войск Южного фронта и наконец-то стабилизировать обстановку. Но это были очередные иллюзии, основанные на недооценке противника, а главное – слабом знании его намерений.

22 июля 17-я армия врага прорвала фронт под Ростовом и, взяв в полукольцо охваченный огнем пожарищ город – своеобразные ворота Кавказа, – устремилась к донским переправам. На следующий день Ростов пал. Упредив отходившие в беспорядке советские войска, противник на широком фронте вышел к Дону и захватил ряд плацдармов.

Несколькими днями раньше Ставка потребовала от командующего Южным фронтом генерала Р.Я. Малиновского немедленно занять левый берег Дона и не допустить форсирования противником реки. Генерал Малиновский назначил армиям своего фронта районы сосредоточения, которые располагались в 35–40 км южнее Дона³⁵. Он намеревался там привести их в порядок и лишь затем использовать для усиления обороны реки. Между тем маршал Буденный, командовавший Северо-Кавказским фронтом, уже имел к этому времени распоряжение Ставки "приводить в порядок и немедленно использовать" отходившие войска Южного фронта для усиления обороны левого берега Дона³⁶. В связи с этим отходившим частям Южного фронта не всегда позволяли следовать в назначенные им районы, чаще их останавливали для обороны реки, а иной раз и отбирали оружие для укомплектования соединений Северо-Кавказского фронта³⁷. В свою очередь, и войска Южного фронта, которые отступали под сильным воздействием авиации и многочисленных рейдов танковых частей противника по их тылам, сильно перемешались. Управление ими было серьезно нарушено. К тому же командиры, зная конечные рубежи отхода, выводили свои соединения к Дону значительно ранее назначенных им сроков, что создавало страшную неразбериху на переправах. Вот здесь-то и требовалась твердая рука для наведения порядка, но именно тогда Ставка запретила Буденному вмешиваться в действия соединений Южного фронта и предъявлять им какие-либо претензии, хотя отходили они в полосу Северо-Кавказского фронта.

К исходу 22 июля Ставка наконец разделила рубеж нижнего течения Дона между двумя фронтами, но при этом полоса, отведенная Южному фронту, оказалась внутри полосы Северо-Кавказского фронта. В ходе личных переговоров с Малиновским Сталин предложил ему взять на себя оборону левого берега Дона от Цимлянкой до Батайска. Переподчинил он Малиновскому авиацию обоих фронтов, а 25 июля и 51-ю армию, переброшенную с Таманского полуострова.

Войска Южного фронта (семь ослабленных общевойсковых армий, всего около

112 тыс. человек, 169 орудий калибра 76 мм и выше, 17 танков, 130 самолетов) должны были занять оборону по левому берегу Дона, от Верхнекурморской до Азова³⁸. Первому эшелону, включавшему четыре армии, предписывалось оборонять полосу около 320 км, а одна армия была выведена во второй эшелон. В резерве генерала Малиновского оставались лишь стрелковая и кавалерийская дивизии, а в районе Сальска – остатки 11 соединений 9-й и 24-й армий, ослабленных в боях за Донбасс. Войска фронта поддерживала 4-я воздушная армия.

Армии фронта насчитывали всего лишь по 17–20 тыс. человек; только 51-я армия, полоса обороны которой составляла 170 км, имела 40 тыс. личного состава. Все они, растянутые по фронту, не имели никакой возможности создать сильные вторые эшелоны и резервы, а об артиллерии и говорить не приходится. Так, в артчастях 37-й армии не осталось ни одного орудия. Не хватало ручных гранат, винтовочных патронов, горючего для самолетов. Продовольствие войска получали главным образом из местных ресурсов. При отступлении управление соединениями и частями нарушалось, проводная связь зачастую отсутствовала, а радио не всегда умело использовалось.

Войска первого эшелона фронта переходили к обороне под непрерывными ударами превосходивших сил противника, не успевая полностью подготовить в инженерном отношении занимаемые ими полосы обороны. Только в полосе 51-й армии оборонительный рубеж удалось подготовить на 50–60%. А инженерные сооружения на участке от Цимлянкой до Азовского моря, построенные ранее силами Северо-Кавказского военного округа, были приведены в непригодное состояние весенними паводками.

Северо-Кавказский фронт силами 47-й армии, 1-го отдельного стрелкового и 17-го кавалерийского корпусов оборонял северо-восточное и восточное побережья Азовского и Черного морей от Азова до Лазаревской (Лазаревское). 5-я воздушная армия фронта генерала С.К. Горюнова имела всего лишь 100 самолетов. Командующему фронтом подчинялись Черноморский флот и Азовская военная флотилия.

Закавказский фронт под командованием генерала И.В. Тюленева оборонял побережье Черного моря, от Лазаревской до Батуми, а также границу с Турцией. Часть его войск по договоренности с иранским правительством дислоцировалась в Северном Иране и обеспечивала безопасность ирано-турецкой границы. В районе Махачкалы вновь сформированная 44-я армия прикрывала с севера бакинское направление. Авиация фронта имела 164 исправных боевых самолета. Кроме того, в Закавказье в трех запасных авиационных полках и восьми авиашколах было еще 232 исправных боевых самолета. Резерв генерала Тюленева составляли стрелковая дивизия, танковая бригада, четыре артиллерийских и минометных полка.

После потери Севастополя и Керчи Черноморский флот под командованием вице-адмирала Ф.С. Октябрьского, хотя и сохранял свое превосходство в кораблях, вынужден был базироваться на недостаточно благоустроенных портах Новороссийска, Туапсе и Поти, располагавших маломощной судоремонтной базой. Ко всему прочему они оказались в зоне действий вражеской авиации, которая теперь наносила удары с территории Крыма. Авиации Черноморского флота пришлось использовать не только плохо оборудованные кавказские аэродромы, но и грунтовые площадки, что ограничивало ее применение. Мало было истребительной авиации. В этих условиях флот по мере сил содействовал сухопутным войскам в обороне на приморских направлениях, обеспечивал транспортировку материальных средств и личного состава, вел борьбу на морских коммуникациях врага.

Азовская военная флотилия во главе с контр-адмиралом С.Г. Горшковым совместно с сухопутными войсками обороняла восточное побережье Азовского моря.

Кавказское направление по своему ландшафту условно делится на две резко

отличающиеся друг от друга части: северную и южную. Первая включала Западную степь и Северный Кавказ. Она позволяла проводить крупные операции с использованием всех родов войск, причем Дон, Кубань и Терек, протекающие в широтном направлении, представляют серьезную преграду лишь в период весеннего паводка. Южная часть – горная, где Главный Кавказский хребет и часть Закавказья являются труднопреодолеваемой преградой для войск, а потому применение тяжелой техники и танков почти исключалось. Маневр соединений и частей возможен лишь вдоль дорог и проходов. В большей своей части этот район совершенно недоступен. Для ведения боевых действий требовались специально подготовленные части.

К 25 июля войска группы армий "А" генерал-фельдмаршала Листа (1-я и 4-я танковые, немецкие 11-я и 17-я полевые, итальянская 8-я и румынская 3-я армии), наступавшие на кавказском направлении, вышли к Нижнему Дону, овладели плацдармами в районах Цимлянской, Николаевской, Раздорской и Батайска. Против Южного фронта в первом эшелоне действовали 17-я армия генерала Р. Руоффа, 1-я и 4-я танковые армии генералов Клейста и Гота. В их составе насчитывалось 167 тыс. человек, 1130 танков, 4540 орудий и минометов, до 1 тыс. боевых самолетов 4-го воздушного флота³⁹. Однако в ходе операции боевой состав группы армий "А" постепенно сократился. После отправки на сталинградское направление 51-го армейского и 14-го танкового корпусов в составе кавказской группировки осталось 38 дивизий (в том числе 5 танковых и 5 моторизованных). В бои на Дону вступили только 10 дивизий, тогда как большинство соединений почти в течение недели продолжало оставаться севернее Дона, приводя себя в порядок. Затем 16 дивизий были направлены под Сталинград, и только 12 дивизий использовались для наращивания усилий на северокавказском направлении.

Подавляющее превосходство немцев по самолетам и танкам позволяло командованию вермахта ставить перед войсками задачи с решительными целями. Прежде всего они должны были окружить и уничтожить советские войска южнее и юго-восточнее Ростова и Новочеркаска (31 км северо-восточнее Ростова-на-Дону). Для этого планировалось нанесение двух ударов по сходящимся направлениям на Тихорецк с плацдармов в районах Константиновской и Цимлянской из района Ростова. Кроме того, намечалось форсирование Керченского пролива и нанесение удара на Краснодар.

В дальнейшем немцы предполагали захватить Северный Кавказ и Закавказье путем обхода Главного Кавказского хребта с запада и востока, а также одновременного преодоления его частью сил с фронта. Для решения этой задачи 17-я армия должна была наступать на Новороссийск и Туапсе, а выйдя к побережью Черного моря, развивать успех на Сухуми и Батуми. Горнострелковые дивизии получили задачу форсировать р. Кубань, захватить районы Майкопа, Армавира, горные перевалы западной части Главного Кавказского хребта и продвигаться в Закавказье.

Танковой армии Клейста предписывалось захватить Грозный, Махачкалу и Баку. С выходом подвижных соединений в район Грозного планировалось развернуть наступление вдоль Военно-Грузинской дороги на Тбилиси и Военно-Осетинской – на Кутаиси.

25 июля маршал Буденный в донесении в Ставку высказал свою точку зрения на происшедшее: имеющимися силами невозможно остановить вражеское наступление на Дону, а поэтому следует продолжать отводить войска за реки Кубань и Терек, еще надежнее – в предгорья Главного Кавказского хребта, где противник не сможет реализовать свое техническое превосходство. Конечно, Сталин не заблуждался, как летом 1941 г. он вовремя не отреагировал на предупреждение Буденного (впрочем, не его одного) о необходимости оставления Киева. Тогда промедление с отводом армий Юго-Западного фронта привело к тяжелейшей катастрофе. Тем не

менее Верховный и на этот раз не прислушался к предложениям маршала. И вот теперь надвигалась новая беда.

Ожесточенные бои развернулись в центре Южного фронта, особенно там, где оборонялись войска левого фланга 51-й армии генерала Т.К. Коломийца и 37-й генерала П.М. Козлова. Здесь наносили удар немецкие танковые и моторизованные соединения. Очень сложная обстановка возникла в полосе 37-й армии. При отходе ее на левый берег Дона на переправах скопилось не только много частей и подразделений, но и толпы беженцев. Из-за того что переправы не были надежно прикрыты зенитной артиллерией и авиацией, самолеты врага действовали почти безнаказанно. Поэтому здесь ему и удалось осуществить прорыв.

Для немцев открылся путь к нефтепромыслам Кавказа. Их потеря могла привести к парализации техники и транспорта. А после этого через перевалы немцы могли прорваться к богатейшим месторождениям иракской нефти – этой крови в артериях механизированной войны. Открывался прямой путь в Индию – жемчужину Британии! Немецкие историки так оценили решения тех дней: "Окрыленная кажущимися успехами последних недель фантазия Гитлера переместилась на Кавказ, как основную цель его желаний..."⁴⁰

У противника после форсирования Дона сложились три группировки. Первая действовала на плацдармах южнее Цимлянкой и в районе Николаевской. Ей следовало наступать через Сальск и Ставрополь с задачей как можно быстрее выйти на Терек и овладеть районом Грозного. Вторая группировка действовала между устьями рек Сал и Маныч и имела задачу завершить разгром частей 37-й армии. В дальнейшем она должна была наступать в тыл армии левого крыла Южного фронта. Третьей группировке после захвата плацдарма в районе Батайска предстояло оттеснить соединения 18-й армии за р. Кагальник (35 км южнее Ростова-на-Дону), обеспечивая ввод в сражение подвижных дивизий 17-й армии. Между двумя последними группировками держала оборону на берегу Дона 12-я армия Южного фронта, но здесь особой активности противник не проявлял.

В 8 часов утра 25 июля после короткой, но сильной артподготовки враг перешел в наступление, расширяя захваченные плацдармы. Войска 37-й и 51-й армий вынуждены были отступать, хотя штаб фронта в течение трех дней ежедневно издавал директивы на продолжение наступления. В то время как он настаивал на выполнении поставленных задач, а штабы армий дублировали их подчиненным войскам, соединения продолжали отходить или в лучшем случае стояли на месте. Сказывались плохое снабжение, моральная и физическая усталость.

Осознав безнадежность ситуации, командующий Южным фронтом 27 июля принял тяжкое и ответственное решение: отводить войска на рубеж рек Маныч и Кагальник, где к этому времени были проведены хоть какие-то оборонительные работы. Однако такой вариант абсолютно не устраивал Верховного. По его мнению, виной всему – генерал Малиновский, который в третий раз не оправдывает оказанного ему доверия: сначала на фланге Юго-Западного фронта, в районе изюм-барвенковского выступа, потом в начале летнего наступления, а вот теперь и на донском рубеже. 28 июля Малиновский был снят с должности, и в тот же день в приказе наркома обороны Сталина № 227 "Ни шагу назад" появились строки о том, что войска Южного фронта "оставили Ростов и Новочеркасск, покрыв свои знамена позором".

С целью объединения усилий и улучшения руководства войсками на Северном Кавказе 28 июля Ставка объединила войска двух фронтов в один – Северо-Кавказский фронт во главе с маршалом Буденным. В первую очередь она потребовала установить в войсках строжайший порядок и дисциплину, наладить управление и взаимодействие, остановить дальнейшее продвижение противника, а затем сильными контрударами разгромить и отбросить его за Дон. Для прикрытия

Кавказа на направлениях главных ударов врага Ставка приказала ускорить создание глубоко эшелонированной обороны и выделить силы для занятия ее по левому берегу Кубани и Краснодарскому оборонительному обводу. Перед войсками Закавказского фронта была поставлена задача занять оборонительный рубеж на подступах к Закавказью с севера – по рекам Терек и Урух, а также на перевалах центральной части Главного Кавказского хребта. Всемерно укреплялась оборона побережья Черного моря и портовых городов как с моря, так и с суши. В Закавказье формировались новые части и соединения.

Так как обстановка с каждым днем ухудшалась, Ставка разрешила Буденному отвести войска, но не далее рубежа рек Маныч и Кагальник. Одновременно фронту было приказано вернуть Батайск и теми же силами восстановить положение на Дону. 56-я армия получила приказ занять рубеж уже по левому берегу Кубани и Краснодарскому оборонительному обводу. В общем-то Ставка придерживалась той же стратегии, что была принята ею в начале летней кампании 1942 г., – обороняться, но главным образом – наступать, не считаясь ни с какими потерями, изматывая противника, вести войну на его истощение.

Вступивший в командование объединенным фронтом Буденный потребовал прекратить дальнейший отход, навести порядок в подчиненных частях и подготовиться к переходу в наступление с утра 30 июля. И снова командармы издают приказы, а штабы планируют наступательные операции, не считаясь с положением и состоянием подчиненных соединений. А войска по-прежнему отступают или стоят на месте. Так как мобильность немецких войск оставалась высокой, то планомерного отхода соединений Южного фронта никак не получалось.

Уже 28 июля 17-я армия противника заняла Азов и вышла к р. Кагальник, а 1-я танковая армия прорвалась в долину р. Маныч. Взорванная советскими войсками при отходе крупная плотина затопила долину, но это лишь временно задержало продвижение танков врага. Форсировав реку, подвижные соединения немцев уже вели наступление в задонских и сальских степях, а также в степных просторах Краснодарского края, стремясь к намеченной цели – Кавказу. Над Кавказом нависла угроза захвата. Положение усугублялось тем, что в степях Дона и Кубани враг эффективно использовал свое превосходство в танках и авиации. Как и на сталинградском направлении, местность здесь совсем лишена естественных укрытий, что крайне затрудняло организацию обороны, а наступающим танкам был полный простор для маневра. Почти 10 тыс. жителей городов и сел Кавказа сооружали оборонительные рубежи, строили дороги и мосты, принимали участие в снабжении войск боеприпасами и продовольствием. Многие городские промышленные предприятия изготавливали вооружение и боеприпасы. А в это время из наиболее опасных районов в тыл страны эвакуировались материальные ценности, а также гражданское население. 30 июля войскам Северо-Кавказского фронта был зачитан приказ Верховного Главнокомандующего № 227. Солдатам и офицерам его содержание разъясняли командиры и политработники.

После реорганизации Северо-Кавказский фронт имел в своем составе восемь армий. Две из них тут же были отведены в тыл на переформирование. Для обороны фронта протяженностью около 1000 км оставалось шесть армий, отдельный стрелковый и кавалерийский корпуса. В войсках имелся большой некомплект личного состава, не хватало вооружения, боеприпасов. В наличии было только 74 исправных танка, 11 бронемашин, 230 самолетов. Подчиненный фронту Черноморский флот насчитывал в своем составе 153 корабля различных классов, которые базировались на два порта – Новороссийск и Потти. Его авиация имела 216 самолетов. Азовская и Каспийская флотилии располагали небольшими силами.

С целью улучшения управления войсками фронт был разделен на две оперативные группы: Донскую (на ставропольском направлении) и Приморскую (на краснодарском направлении). В первую вошли три армии (12, 37 и 51-я) во главе с

генералом Малиновским; во вторую – тоже три армии (18, 47 и 56-я) под командованием генерала Я.Т. Черевиченко.

Буденный готовил контрудар на Батайск силами 18-й армии и кавалерийского корпуса.

Однако и немецкое командование не сидело сложа руки, сосредоточив к 29 июля на левом берегу Дона до семи корпусов, в том числе четыре танковых, продолжало развивать успех. 1 августа 3-й танковый корпус армии Клейста захватил Сальск. 40-й танковый корпус армии Гота также успешно продвигался вперед. В тот день ему удалось прервать движение поездов на Сталинград и продолжать переправляться через Маныч.

Введенный в сражение в районе Батайска 57-й танковый корпус 17-й армии наступал в юго-восточном направлении, вдоль железной дороги Батайск – Сальск. Во взаимодействии с 16-й танковой дивизией, форсировавшей Маныч, он окружил соединения 37-й и 12-й армий севернее Егорлыкской (66 км северо-западнее Сальска). С большим трудом советским армиям удалось вырваться из этого не слишком плотного кольца. Несколько позднее тот же самый корпус, но уже во взаимодействии с 3-й танковой дивизией вновь окружил дивизии этих армий западнее Сальска. Из нового кольца на рубеж р. Егорлык выбирались отдельными группами, а многие соединения уходили к предгорьям Кавказа, на Терек и Кубань только им известными путями.

Советские войска, не успевшие закрепиться на р. Кагальник, отступали на рубеж рек Ея и Куго-Ея. Вместо предполагаемого контрудара им приходилось сдерживать противника. Лишь в районе Шкуриной (21 км западнее Куцевской) соединения корпуса кубанских казаков нанесли удар и разгромили 196-ю пехотную дивизию немцев.

Войска 51-й армии, действовавшие на правом крыле Северо-Кавказского фронта, удерживали рубеж обороны на участке от Верхнекурмоярской до Романовской (84 км юго-западнее Верхнекурмоярской). Следует подчеркнуть, что там, где противник не превосходил советские войска в подвижности, отход совершался организованно и без массовых потерь. Заблаговременно заняв оборону на промежуточных рубежах, они действовали стойко и наносили врагу чувствительные удары.

Так, после боев на р. Маныч командование 40-го танкового корпуса констатировало: "По данным опроса пленных, вечером 30 июля перед строем был зачитан приказ Сталина, согласно которому район Маныча должен защищаться до последней капли крови. Упорство противника может быть проиллюстрировано тем, что в плавнях отдельные стрелки по горло в воде, без всякой надежды на отход, дерутся до последнего патрона; что стрелки, находящиеся в гнездах, оборудованных в каменной плотине, могут быть уничтожены только в ближнем бою. С одинаковым упорством защищаются и полевые укрепления, и берега"⁴¹.

Однако на открытой степной местности, когда приходилось действовать против танковых соединений врага, стрелковые дивизии мало что могли сделать. Поэтому советское командование еще в начале августа пришло к выводу о необходимости развертывания на р. Терек новой оборонительной группировки за счет сил Закавказского фронта. Подобное решение оказалось весьма своевременным, так как после поворота подвижных соединений 17-й армии на Сальск и последующей передачи их в состав 1-й танковой армии против наголовину разгромленных дивизий Донской оперативной группы были собраны все три танковые и все три моторизованные дивизии групп армий "А". Эта созданная по решению ОКХ 31 июля мобильная группа под управлением генерала Клейста должна была наступать из района Сальска в направлении Армавира и Майкопа с целью завершить разгром войск Донской группы, опередить отходившие на Краснодарском направлении соединения Приморской группы, выйти им в тыл, а затем во взаимодействии с 17-й армией окружить и уничтожить их, освободив себе путь к Черноморскому

побережью. После этого планировалось повернуть "бронированный кулак" Клейста на Батуми. Прикрывая этот удар с востока, 40-й танковый корпус продвигался в направлении Ставрополь, Невинномысск.

В созданных условиях советское командование не имело никаких возможностей оборонять два стратегических направления ослабленным Северо-Кавказским фронтом, основные усилия которого были сосредоточены на обороне предгорий Западного Кавказа. Восточная часть Кавказа осталась оголенной. Немцы получили возможность почти беспрепятственно двигаться к Восточному Кавказу, оборона которого теперь возлагалась на Закавказский фронт.

Однако немецкое командование постоянно сталкивалось с какими-то трудностями. Так, уже в самом начале наступления танковых и моторизованных соединений возникли затруднения в обеспечении их горючим. Но не только эта проблема беспокоила немецкое командование. Упорное сопротивление советских войск под Сталинградом доказывало, что взять город силами одной армии Паулюса невозможно. 31 июля ОКХ вынуждено было повернуть танковую армию Гота (шесть пехотных и танковая дивизия) на сталинградское направление, передав ее снова в группу армий "Б". Правда, в группе армий "А" был оставлен основной "бронированный кулак" армии – 40-й танковый корпус (две танковые и две моторизованные дивизии).

Так в очередной раз была ослаблена группировка на кавказском направлении, что несколько облегчило положение советских войск на Северном Кавказе. Однако обстановка там оставалась критической: объединения Донской группы отходили в южном и юго-восточном направлениях; между 37-й и 51-й армиями образовался разрыв до 65 км, куда тут же устремился 40-й, а в промежутке между 12-й и 37-й армиями – 57-й танковые корпуса противника, угрожая флангу Приморской группы*.

Чтобы избежать окружения, соединения Приморской группы оставили занимаемые позиции на р. Кагальник и отошли на рубеж рек Ея и Куго-Ея.

На следующий день Военный совет Северо-Кавказского фронта решил отвести Донскую группу за Кубань. Однако отойти сумели только штаб 12-й армии и стрелковая дивизия, да и те, переправившись на левый берег, потеряли связь со штабом группы. Поэтому соединения 12-й армии были переданы в состав Приморской группы войск. На этом закончилась оборонительная операция Донской группы на ставропольском направлении.

Для прикрытия Армавира по железной дороге спешно перебрасывался с Черноморского побережья отдельный стрелковый корпус (две стрелковые бригады и кавалерийская дивизия), а в состав 12-й армии включались пехотное училище, укрепрайон и собранная из остатков частей 9-й армии стрелковая дивизия.

Из-за плохого управления на правом берегу Кубани удалось создать лишь слабую завесу, которую противник без особых усилий преодолевал. 5 августа соединения Клейста взяли Ставрополь, а на следующий день – Армавир, продолжая наступать на Майкоп. Тогда-то Ставка ВГК и напомнила маршалу Буденному, что направление Майкоп, Туапсе – основное, а потому потребовала прочно прикрыть его силами 18-й армии и 17-го кавалерийского корпуса. 12-я армия должна была обеспечивать стык 18-й и 56-й армий⁴².

Для обороны Новороссийска выдвигалась 47-я армия, которую на Таманском полуострове сменили подразделения морской пехоты Азовской военной флотилии. Командующий Северо-Кавказским фронтом приказал срочно создать вторую линию завесы по р. Белая, куда с краснодарского направления перебрасывались штаб 18-й армии вместе с одной стрелковой дивизией и кавалерийский корпус⁴³. Из 47-й армии

* Войска 51-й армии были отрезаны от главных сил фронта, и 31 июля Ставка передала их в состав Сталинградского фронта.

выдвигалась стрелковая дивизия. Одновременно на направлении Майкоп, Туапсе готовилась третья линия обороны, куда, опять-таки с Таманского полуострова, на кораблях Черноморского флота перебрасывалась 32-я гвардейская стрелковая дивизия. Четвертая линия оборудовалась на побережье (Туапсинский и Пшадский оборонительные районы), в тылу Северо-Кавказского фронта.

В ходе боев, развернувшихся с 6 по 8 августа, 12-я армия не смогла удержать поспешно подготовленные позиции на р. Кубань и под натиском более маневренного врага отошла на р. Лаба.

Хотя замысел немецкого командования по окружению и полному разгрому советских войск в междуречье Дона и Кубани был сорван, инициатива по-прежнему оставалась в его руках. Танковым соединениям Клейста удалось создать угрозу выхода в тыл советским войскам, оборонявшимся севернее и северо-западнее Армавира, а также в районе Краснодара. По приказу командующего Северо-Кавказским фронтом войска его правого крыла с боями отошли за р. Лаба, а 37-я армия – на рубеж рек Малка и Баксан. Вскоре им пришлось отойти к предгорьям западной части Главного Кавказского хребта, только чтобы преградить путь на туапсинском и новороссийском направлениях. Сопrotивление их усиливалось, а темпы наступления врага снижались. Однако наступавшие на Краснодар пехотные дивизии после упорной борьбы все же преодолели сопротивление малочисленных и ослабленных в предыдущих боях соединений 56-й армии генерала А.И. Рыжова, а также бойцов краснодарского отряда народного ополчения. 12 августа немцы овладели главным городом Кубани, а через пять дней в районе Краснодара форсировали Кубань.

На правом крыле Северо-Кавказского фронта 1-я танковая армия 9 августа заняла Майкоп, дававший ежегодно 2,5 млн т нефти. Однако нефтесобирающие сооружения достались немцам почти полностью разрушенными. В тот же день авангард генерала Клейста ворвался в Пятигорск, в 240 км к востоку от Майкопа, у подножья Кавказских гор. Часть его сил наступала восточнее, в направлении Буденновска. Попытки немцев прорваться к побережью Черного моря через предгорья западной части Главного Кавказского хребта встретили упорное противодействие. Соeдинения 17-го кавалерийского корпуса генерала Н.И. Кириченко, оборонявшие дальние подступы к станции Хадыженская, а также Туапсинское шоссе, вели бои особенно успешно. За это корпусу было присвоено звание гвардейского, и он стал именоваться 4-й гвардейский Кубанский казачий кавалерийский корпус. В районе Горячего Ключа (78 км западнее Майкопа) успешно вела борьбу с врагом 30-я Иркутская стрелковая дивизия полковника Б.Н. Аршинцева.

Таким образом, бои на кавказском направлении с 25 июля по 17 августа составили первый этап обороны Северного Кавказа. В ходе него советские войска потерпели поражение и были отброшены от Дона и Кубани, а затем и к западным предгорьям Кавказа. По немецким данным, за 6 недель наступления (с 1 июля по 10 августа) группа армий "А" пленила 309 тыс. воинов Южного и Северо-Кавказского фронтов, потеряв при этом около 54 тыс. человек⁴⁴. Несмотря на столь большие потери, войска маршала Буденного не были полностью уничтожены. Отход его трех армий в предгорья западной части Главного Кавказского хребта прекратился на том рубеже, который Буденный предлагал еще в конце июля. Здесь сама природа позаботилась: ведь горы более благоприятны для обороны, чем для наступления.

Стабилизация положения дала возможность Северо-Кавказскому фронту по сути заново создать фронтовую и армейские тылы, перевести их службы на прибрежные коммуникации, организовать снабжение из местных средств, подкрепив их закавказскими запасами, начать пополнение войск за счет этого региона, а также переброску новых соединений через Каспийское море и по железной дороге Баку – Тбилиси – Сухуми. Положительно сказалось и то, что еще при отходе Южного

фронта за Дон его фронтные склады перебазировались на Кавказ, главным образом по железной дороге Туапсе – Сочи, а не на бакинское направление. Это позволило снабжать войска без особых проблем в первые, самые трудные месяцы.

Однако в планы германского командования не входила приостановка наступления ни на одном из кавказских направлений. Оно готовилось к развитию наступления группы армий "А" одновременно на трех направлениях. 1-я танковая армия должна была из района Пятигорска и Прохладного (66 км юго-восточнее Пятигорска) нанести удар в юго-восточном направлении, овладеть районом Грозного, выйти на побережье Каспийского моря и захватить Баку. Перед 17-й армией ставилась задача развернуть наступление из района Краснодара на Новороссийск и дальше вдоль Черноморского побережья на Батуми. Для содействия этой армии в овладении Новороссийском 42-му армейскому корпусу после форсирования Керченского пролива следовало, прикрывая правый фланг 17-й армии, занять Таманский полуостров. 49-й горнострелковый корпус предназначался для захвата перевалов Главного Кавказского хребта, а затем выхода в район Сухуми и Кутаиси.

В соответствии с планом наступления в группе армий "А" производилась перегруппировка войск. ОКВ было уверено в близком достижении поставленных целей, ибо "Гитлер считал, что в августе он нанес русским сокрушительные удары. Под впечатлением быстрых успехов в июле он по-прежнему преследовал двойную цель – захват Сталинграда и Кавказа"⁴⁵.

Готовились к обороне и советские войска: строились оборонительные рубежи, накапливались запасы вооружения, боеприпасов, горючего, продовольствия и обмундирования. Большая работа проводилась по повышению дисциплины, улучшению политического воспитания и боевой подготовки войск. Продолжалась мобилизация внутренних ресурсов Закавказья для оказания помощи фронту. Войска, оборонявшие Кавказ, были усилены за счет резервов Ставки ВГК. В результате по рекам Терек и Баксан была создана глубоко эшелонированная оборона, а вокруг Нальчика, Орджоникидзе (Владикавказ), Грозного, Махачкалы, Баку – оборонительные районы.

С 18 августа по 28 сентября основные события развернулись в восточных предгорьях Кавказа. Противник, учитывая то, что местность здесь более проходима для военной техники, стремился прорваться в Закавказье именно на этом направлении.

Еще в ходе боев за выход на Черноморское побережье командование группы армий "А" вывело из района Майкопа танковую и моторизованную дивизию и передало их в состав танковой армии Клейста (3 и 40 танковые и 52-й армейский корпуса), которая сосредоточилась южнее Ставрополя. 25 августа танки заняли Моздок, расположенный всего в 93 км от главного нефтедобывающего центра – Грозного. Отсюда до Каспийского моря оставалось еще столько же. Однако к концу августа главная группировка этой армии, сбив на р. Кума отряды прикрытия Северной группы войск, сумела только развернуться по левому берегу рек Баксан и Терек. 31 августа Гитлер потребовал от Листа собрать все наличные силы для завершающего броска на Грозный с тем, чтобы прибрать к рукам нефтеносные районы. В тот же день фельдмаршал Роммель начал наступление у Эль-Аламейна с целью прорыва к Нилу.

Из района Ставрополя, Невинномысска генерал Клейст по приказу Листа развернул наступление на грозненском направлении. Для этого он привлек два танковых и армейский корпуса. Прикрывавшие это направление войска Северной группы Закавказского фронта располагали силами, превышавшими противника. Однако они были равномерно распределены по правому берегу рек Терек и Баксан, от устья Терека до Баксанского ущелья, а на малгобекском направлении находилась лишь небольшая часть войск 9-й армии.

Массируя силы и средства на направлении главного удара, немцы форсировали Терек в районе Моздока и захватили плацдарм на его правом берегу, продви-

нувшись на 8–10 км к югу. Укрепившись на нем, они развернули наступление на Малгобек, но здесь неожиданно натолкнулись на сопротивление не имевших боевого опыта частей 9-й армии, которые сумели преодолеть танкобоязнь. Все же враг захватил город, но на Терском хребте был остановлен, а значит, так и не смог выйти в долину. Его "заперли" в Вознесенском проходе подоспевшие противотанковые части.

С 10 по 18 сентября противник перенес усилия западнее. Командование 9-й армии слишком поздно заметило этот маневр, и враг прорвался через Курпский проход в долину Алхан-Чурт. С большим трудом противотанковая артиллерия успела развернуться против острия немецкого танкового клина, а стрелковые соединения перекрыть долину, построив оборону фронтом на запад. Одновременно командующий Северной оперативной группой, воспользовавшись тем, что противник все более втягивался в предгорья, нанес удар севернее Терека с целью отсечь вражеские части от их тылов, прижать к горам и уничтожить. К сожалению, этот замысел осуществить не удалось.

Во второй половине сентября немцы перешли в наступление юго-западнее Моздока, но и здесь не смогли добиться успеха. Немецкое командование вынуждено было снять с туапсинского направления моторизованную дивизию СС "Викинг" из 17-й армии и перебросить ее в 1-ю танковую армию. Но она прибыла с опозданием, когда наступление танковой армии затухало. Соединения врага попытались прорваться к Орджоникидзе и Грозному через Эльхотовские ворота с обходом Терского хребта, но не смогли сломить сопротивление стойко сражавшихся советских частей, которые успели своевременно совершить маневр на пути движения немцев. Наступление захлебнулось.

В итоге 28-дневной Малгобекской оборонительной операции танковая армия Клейста вынуждена была отказаться от наступления на грозненском направлении и перейти к обороне. Усилить свои войска за счет переброски дивизий из-под Сталинграда противник не мог, так как в сентябре сталинградское направление из второстепенного превратилось в главное.

Во второй половине августа армии Северо-Кавказского фронта вели оборонительные бои на новороссийском направлении и Таманском полуострове. Там 17-я армия развернула наступление из района Краснодара на Новороссийск. В помощь этому объединению германское командование стало перебрасывать войска из Крыма на Таманский полуостров, но упорная оборона Темрюкской и Керченской военно-морских баз сорвала запланированные противником сроки форсирования Керченского пролива и обеспечила прорыв кораблей Азовской военной флотилии в Черное море. Однако одними лишь частями военно-морских сил оказалось невозможным предотвратить высадку вражеского десанта и захват Таманского полуострова.

Сосредоточив основные силы Северо-Кавказского фронта в районе туапсинского горного прохода, советское командование недооценило новороссийское направление: ведь после захвата Краснодара все четыре немецкие дивизии были нацелены на юг, оставляя Новороссийск в стороне.

Для обороны Новороссийска и Таманского полуострова командующий Северо-Кавказским фронтом еще 17 августа, объединив силы войск и флота, создал Новороссийский оборонительный район (НОР). Он включил в него 47-ю армию генерала Г.П. Котова, Азовскую военную флотилию, Темрюкскую, Керченскую и Новороссийскую военно-морские базы, а также сводную авиационную группу. В полосе 47-й армии (две стрелковые дивизии и бригада, несколько батальонов морской пехоты) действовали небольшие сковывающие отряды противника. Его главные силы (четыре пехотные дивизии) были развернуты южнее Краснодара, по левому берегу Кубани, против 56-й армии с целью прорваться через пос. Горячий Ключ к Туапсе.

Румынские кавалерийские дивизии действовали в обход 47-й армии с севера, угрожая базам Азовской военной флотилии в Темрюке и Тамани. Их натиск сдерживали батальоны советской морской пехоты, что позволяло морякам Азовской флотилии блокировать побережье Керченского полуострова, где соединения 11-й немецкой армии готовились к форсированию пролива.

15 августа противник начал наступление на Горячий Ключ. Через четыре дня две его пехотные дивизии неожиданно быстро повернули на запад, в сторону Крымской (24 км северо-восточнее Новороссийска), и на юг – на Шапсугскую (25 км восточнее Новороссийска).

На новороссийском направлении развернулись напряженные бои. Соединения 47-й армии при поддержке частей морской пехоты Черноморского флота, несмотря на численное превосходство врага, сдерживали его натиск. Войска Новороссийского оборонительного района были очень растянуты по фронту. К тому же оборона Новороссийска с суши не имела заранее подготовленных оборонительных полос, особенно слабо были защищены город и порт.

20 и 21 августа ожесточенные бои шли в районе станиц Крымской и Абинской, что в 12 км восточнее Крымской. Имея четырехкратное превосходство в пехоте, семикратное – в артиллерии и минометах, двойное – по танкам и авиации, враг захватил обе станицы, создав угрозу прорыва через перевалы к Новороссийску. Еще спустя двое суток он уже обстреливал порт и сам город, но сломить сопротивление частей 47-й армии и Черноморского флота ему не удалось.

Командование 17-й армии, обнаружив вывод советских войск с Таманского полуострова, резко изменило направление удара. Оставив против 56-й армии, в районе Горячего Ключа, всего одну дивизию, враг перебросил другую дивизию на помощь румынскому кавалерийскому корпусу. Эта группировка сумела обойти предгорья, выйти на побережье и 31 августа захватить Анапу. Действовавшие на Таманском полуострове части морской пехоты, отрезанные от основных сил фронта, по приказу командования были 5 сентября эвакуированы морем в Геленджик, где они влились в Черноморскую группу войск*.

Положение защитников Новороссийска становилось все труднее. В ночь на 10 сентября, после трехдневных уличных боев, советские войска эвакуировались на восточный берег Цемесской бухты. Врагу удалось овладеть большей частью Новороссийска и Таманского полуострова, но развить наступление вдоль Черноморского побережья на Туапсе ему так и не было суждено, он, наконец, был остановлен. Не сбылись его планы использовать Новороссийский порт в качестве своей военно-морской базы. Советские войска, прочно удерживая восточный берег Цемесской бухты, простреливали ее с окрестных горных позиций армейской и морской артиллерией. Таким образом, немцы в захваченной ими части города постоянно находились под пулеметным, минометным и артиллерийским обстрелом, что заставляло их осуществлять передвижение частей только в ночное время, а днем солдаты врага отваживались ходить лишь по "теневого" стороне улицы, делая перебежки на перекрестках.

Не добившись серьезных успехов ни на одном из направлений в ходе августовско-сентябрьских боев, противник до конца года продолжал проводить наступательные операции на туапсинском, а в октябре – и на грозненском направлениях. Снова перегруппировав войска, он нанес удар из района Абинской на Геленджик, чтобы отрезать и уничтожить советские войска под Новороссийском. Однако до конца сентября он так и не смог воспользоваться проходившей здесь единственной дорогой на Туапсе. В течение последующих месяцев немцам не удалось пройти

* 1 сентября 1942 г. Северо-Кавказский и Закавказский фронты были объединены в один – Закавказский, управление Северо-Кавказского фронта было преобразовано в Черноморскую группу войск под командованием генерала Черевиченко, а с 17 октября – генерала Петрова. В ее подчинение были переданы 12, 18, 47 и 56-я армии, а также управление Закавказского фронта.

через новороссийские ворота и соединиться с группировкой, наступавшей на Туапсе с севера.

Одновременно с наступлением на грозненском и новороссийском направлениях 49-й горнострелковый корпус из района Невинномыска и Черкесска сделал попытку прорваться к побережью Черного моря через перевалы Главного Кавказского хребта в направлении на Кутаиси и Сухуми, а затем оказать помощь 17-й армии в продвижении вдоль побережья на Батуми.

К сожалению, командующий 46-й армией генерал В.Ф. Сергацков, который еще в июле получил приказ организовать оборону перевалов, необходимых для этого мер не предпринял. Надежды на неприступность гор, разброшенность армии на широком фронте привели к тому, что уже в первые дни наступления части 49-го горнострелкового корпуса заняли населенные пункты Верхняя Теберда, Зеленчукская, Сторожевая, Ахметовская. Используя специально подготовленные группы альпинистов из 1-й горнострелковой дивизии, немцы 20 августа захватили Клухорский и Марухский перевалы, а на следующий день подняли на вершине Эльбруса два нацистских флага. Малочисленные отряды 3-го стрелкового корпуса 46-й армии (от роты до батальона) были оттеснены на южные склоны перевалов. Возникла угроза захвата Сухуми и прорыва к Черноморскому побережью. 23 августа командующим 46-й армией был назначен генерал К.Н. Леселидзе, который, выполняя указания Ставки, направил на перевалы значительную часть подчиненных ему войск.

Срочно создавались специальные горнострелковые отряды из курсантов военных училищ, сильных и выносливых молодых бойцов. Для помощи войскам в горах широко привлекалось местное население, предпочтение отдавалось опытным проводникам. Командование фронта организовало снабжение по воздуху тех подразделений и отрядов, которые вели бои в горах. Были взорваны и завалены перевалы и горные тропы там, где отсутствовали оборонительные сооружения. Особое внимание уделялось организации обороны Военно-Грузинской, Военно-Осетинской и Военно-Сухумской дорог. Недостаток артиллерии и минометов частично восполнялся успешными действиями авиации Черноморского флота.

Убедившись в том, что развить наступление невозможно, командир 49-го корпуса генерал Р. Конрад начал боевые действия силами 4-й горнострелковой дивизии на перевалах Умпырский и Санчаро. Последний был захвачен 25 августа столь же легко, как и несколько ранее перевал Клухор, но на этот раз немцы вышли на побережье, переправились через р. Бзыбь и приблизились к Сухуми почти на 40 км⁴⁶. После месяца ожесточенных боев советским войскам удалось все-таки остановить продвижение врага через перевалы, а на клухорском и санчарском направлениях, где он успел выйти на южные склоны перевалов, отбросить на северные склоны хребта. К концу сентября путь противнику в Закавказье был прегражден на всех направлениях его наступления. Закончился второй этап обороны Кавказа.

Гитлер, недовольный действиями группы армий "А", послал на фронт генерала Йодля, начальника штаба оперативного руководства вооруженных сил, с задачей на месте изучить обстановку и определить возможности для продолжения наступления. Возвратившись в ставку, Йодль доложил фюреру об обстановке в районе боевых действий 49-го горнострелкового корпуса. Он целиком разделял точку зрения фельдмаршала Листа: положение на Кавказе приближается к критическому, а причины неудач гораздо глубже, чем нераспорядительность командиров и штабов или неумение войск. Доклад Йодля привел Гитлера в ярость: это генералы устроили против него заговор и хотят жалкими увертками саботировать его приказы, и ведь не кто иной, а именно он во время посещения штаба группы

армий "Юг" в Полтаве 1 июня 1942 г., т.е. накануне наступления, назвал захват кавказских нефтяных месторождений главной предпосылкой победы. По этому же поводу Кейтель вспоминал: "Он вбил себе в голову идею: преодолев западные отроги Кавказского хребта, захватить прибрежное шоссе на Черном море; генералы же не видят достоинств этой тактики и поэтому оппозиционны к ней. О том, что огромные трудности подвоза и снабжения по горным тропам эту операцию исключают, он и слышать не хотел"⁴⁷.

Свой безудержный гнев Гитлер обрушил не только на Йодля, но и на Кейтеля – инициатора поездки Йодля. Кейтель получил приказ на следующий день вылететь к Листу в Сталино (Донецк) и уведомить его, что от командования он отстранен и должен вернуться в распоряжение фюрера для дальнейшего использования*.

Продолжая искать новые обходные пути для выхода к морю, немецкое командование создало сильную группировку на левом фланге 17-й армии (всего 14 дивизий). При поддержке авиационной группы 4-го воздушного флота она 25 сентября нанесла удар на туапсинском направлении с целью пробиться в Закавказье через западную часть Главного Кавказского хребта. Это направление прикрывала Черноморская группа войск Закавказского фронта, занимавшая оборону на рубеже протяженностью 255 км. Враг превосходил ее по пехоте и минометам в 1,5 раза, а по артиллерии и авиации – в 2,5 раза. Он имел 147 танков, в то время как у советских войск их не было вовсе. Несмотря на это, немцы в первые два дня не добились успеха, но в последующем на отдельных участках они на 5–10 км вклинились в оборону 18-й армии.

К 3 октября части противника вышли к железной и шоссевой дорогам, что в районе южнее Хадзыженской. Ставка ВКГ 15 октября указала командующему Закавказским фронтом на недооценку им роли Черноморской группы и серьезность обстановки на этом направлении, так как противник угрожал выйти к Туапсе и отрезать 18-ю армию от остальных войск фронта.

19 октября немецкие войска захватили Елизаветпольский перевал, но дальнейшее продвижение их было остановлено. Однако обстановка здесь оставалась трудной. Командование вермахта уже предвкушало близкую победу, а немецкие газеты пестрели сообщениями о предстоящем размещении своих раненых в сочинских санаториях, о вывозе нефти через Батуми в рейх и о других не менее заманчивых перспективах. А в турецкой реакционной печати всюю дебатировался вопрос, придет ли советский Черноморский флот в порты Турции или он будет затоплен своими командами, подобно тому, как это произошло в 1918 г. под Новороссийском.

В конце октября противник вынужден был временно приостановить наступление на туапсинском направлении, только во второй половине ноября он снова начал активные действия и приблизился к Туапсе на 30 км. Части 18-й армии, отбив все последующие атаки врага, перешли затем в контрнаступление.

Ожесточенные бои в западной части Главного Кавказского хребта продолжались до середины декабря. Войска Закавказского фронта не только отразили атаки врага, но и разгромили его группировку, пытавшуюся прорваться к Туапсе. Наступление немцев было остановлено.

А на восточном крыле Закавказского фронта противник упорно пробивался к Грозному. Северная группировка Закавказского фронта, оборонявшаяся на малгобекско-моздокском направлении, имела превосходство над противником, но на нальчикско-орджоникидзевском направлении оборонялась ослабленная в предыдущих боях 37-я армия. Именно здесь противник сосредоточил крупные силы 1-й танковой

* В ноябре в командование группой "А" вступил генерал Клейст.

армии. 25 октября он перешел в наступление с целью прорваться в сторону Грозного, Баку, а потом по Военно-Грузинской дороге выйти на Тбилиси. Захватив Нальчик, он устремился к Орджоникидзе. Под его натиском 37-я армия вынуждена была отходить к предгорьям Главного Кавказского хребта. Подошедшая вскоре 9-я армия 5 ноября окончательно остановила наступление немцев в районе Гизель, на подступах к Орджоникидзе, а на следующий день ее войска нанесли сильный контрудар. Враг стал отходить на Алагир. Преследуя его, советские соединения до 12 ноября разгромили 13-ю немецкую танковую дивизию и полк "Гинденбург". Потери немецких и румынских частей были немалыми. Поражение 1-й танковой армии в районе Гизель заставило противника отказаться от попыток прорваться к нефтепромыслам Грозного и Баку.

Таким образом, в течение пятимесячной борьбы советские войска, несмотря на отступление к предгорьям Главного Кавказского хребта, в районы Орджоникидзе и Туапсе, сумели решить исход оборонительных операций в свою пользу.

Войска Северо-Кавказского и Закавказского фронтов во взаимодействии с Черноморским флотом, Азовской и Каспийской военными флотилиями при активном участии населения сорвали план "Эдельвейс". Противник, потеряв свыше 100 тыс. человек, не смог добиться главной своей цели и перешел к обороне. Поворот части немецких войск под Сталинград способствовал ослаблению их давления на Кавказ.

Уже после войны бывший фельдмаршал вермахта Клейст заявил: "4-я танковая армия... могла захватить Сталинград без боя в конце июля, но ее отвлекли на юг в помощь мне форсировать Дон. А я не нуждался в ее помощи, и она просто забила дороги, которыми я пользовался. Когда она через две недели снова повернула на север, русские успели собрать достаточно сил у Сталинграда, чтобы остановить ее". К тому времени Клейсту потребовались дополнительные танковые резервы. "Мы могли выйти к нашей цели (район Грозного. – *Ред.*), если бы мои силы не были отвлечены... чтобы помочь наступлению на Сталинград", – добавил он⁴⁸.

Видимо, с этим мнением следует согласиться. Однако фактором, сыгравшим важную роль в срыве планов противника на Северном Кавказе, была стойкость советских войск под Сталинградом.

* * *

Весной и летом 1942 г. советские войска подверглись новым суровым испытаниям – поражение на харьковском направлении, в Крыму и под Ленинградом. В результате германское командование вновь овладело стратегической инициативой и развернуло наступление на южном крыле советско-германского фронта. Враг вышел в районы Воронежа, Сталинграда, к предгорьям Главного Кавказского хребта. Он захватил промышленный Донбасс, богатые сельскохозяйственные районы Дона, Кубани, Нижней Волги. Советские фронты понесли страшные потери. Страна вновь, как и в 1941 г., оказалась на краю пропасти.

Однако, несмотря на огромные пространственные и военно-политические успехи, командованию вермахта не удалось достичь цели, поставленной на летнюю кампанию, а его наступательные возможности оказались исчерпанными. Ударные группы армий "А" и "Б" растянулись на 2300-километровом фронте. При этом основные силы были разобщены на большом удалении друг от друга; войска группы армий "Б" – в районах Воронежа и Сталинграда, а войска группы армий "А" – на туапсинском и нальчикском направлениях. К тому же снабжение войск на таком огромном пространстве при большой удаленности от стратегического тыла и слабой дорожной сети в условиях эффективного воздействия партизан становилось все проблематичнее.

Советские войска летом и осенью 1942 г. своими активными операциями сковывали силы врага на других стратегических направлениях, лишая его возможности перебрасывать войска из групп армий "Север" и "Центр" под Сталинград и на Кавказ, где немецкие армии несли большие потери.

Все это вынудило ОКХ 14 октября 1942 г. отдать приказ о переходе восточного фронта к обороне, за исключением района Сталинграда и небольших участков у Туапсе и Нальчика. Впереди была очередная зима, но не в Подмосковье, а на безлесной степной местности и в предгорьях Кавказа.

К этому времени советское командование приступило к подготовке контрнаступления под Сталинградом, которое должно было привести к разгрому всего южного крыла восточного фронта.

¹ См.: Сталинградская эпопея. М., 1968. С. 392.

² Чуянов А.С. Сталинградский дневник (1941–1943). Волгоград, 1979. С. 100.

³ Волгоградский областной государственный архив. Ф. 4011. Оп. 3. Д. 3. Л. 6, 9, 4.

⁴ Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации. Ф. 96а. Оп. 2011. Д. 26. Л. 146–150. (Далее: ЦАМО).

⁵ Там же. Ф. 220. Оп. 220. Д. 79. Л. 80.

⁶ Там же.

⁷ Там же. Д. 85. Л. 28.

⁸ Подсчитано по: ЦАМО. Ф. 220. Оп. 223. Д. 1. Л. 232–234, 248–249; Боевые действия Советской Армии в Великой Отечественной войне, 1941–1945. М., 1958. С. 358–363.

⁹ Подсчитано по: ЦАМО. Ф. 220. Оп. 235. Д. 6. Л. 36, 47, 409; Оп. 220. Д. 8. Л. 303–307.

¹⁰ ЦАМО. Ф. 220. Оп. 220. Д. 85. Л. 43.

¹¹ Цит. по: Иванов С.П. Штаб армейский, штаб фронтовой. М., 1990. С. 307.

¹² Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg. Stuttgart, 1990. Bd. 6. S. 892.

¹³ ЦАМО. Ф. 3. Оп. 11556. Д. 9. Л. 128–129.

¹⁴ Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg. Bd. 6. S. 964.

¹⁵ Ibid. S. 965.

¹⁶ ЦАМО. Ф. 148а. Оп. 3763. Д. 136. Л. 12, 13.

¹⁷ Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg. Bd. 6. S. 965.

¹⁸ Ibidem.

¹⁹ Kriegstagebuch des Oberkommandos der Wehrmacht. Frankfurt a/M., 1963. Bd. 3. S. 493.

²⁰ Дёрр Г. Поход на Сталинград: Оперативный обзор / Пер. с нем. М., 1957. С. 134.

²¹ ЦАМО. Ф. 220. Оп. 220. Д. 82. Л. 139.

²² См.: Сталинградская эпопея. С. 392–393.

²³ Институт военной истории Министерства обороны Российской Федерации: Документы и материалы. Ф. 43. Оп. 251. Д. 2. Л. 61.

²⁴ См.: Губин Б.А., Киселев В.А. Восьмая воздушная: Военно-исторический очерк боевого пути 8-й воздушной армии в годы Великой Отечественной войны. М., 1986. С. 44.

²⁵ Подсчитано по: ЦАМО. Ф. 341. Оп. 5317. Д. 3. Л. 65; Боевые действия Советской Армии в Великой Отечественной войне, 1941–1945. С. 358–363.

²⁶ Дёрр Г. Поход на Сталинград. С. 40.

²⁷ Цит. по: Самсонов А.М. Сталинградская битва. 4-е изд. М., 1989. С. 85.

²⁸ ЦАМО. Ф. 3. Оп. 11556. Д. 9. Л. 316.

²⁹ Крылов Н.И. Сталинградский рубеж. М., 1979. С. 54.

³⁰ Цит. по: Гриневский В.В., Овсянников А.Д. Героическая шестьдесят четвертая. Волгоград, 1981. С. 150.

³¹ ЦАМО. Ф. 220. Оп. 451. Д. 3. Д. 87, 88.

³² Крылов Н.И. Указ. соч. С. 60.

³³ Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. М., 1990. Т. 2. С. 305.

³⁴ См.: Гриф секретности снят: Потери Вооруженных Сил СССР в войнах, боевых действиях и военных конфликтах. М., 1993. С. 179. Потери противника превысили 180 тыс. человек (Сталинградская битва: Материалы научных конференций, прошедших в Москве и Волгограде. Волгоград, 1994. С. 170.

- ³⁵ ЦАМО. Ф. 412. Оп. 10232. Д. 31. Л. 5.
- ³⁶ Там же. Ф. 48а. Оп. 1640. Д. 180. Л. 29.
- ³⁷ Там же. Ф. 224. Оп. 781. Д. 34. Л. 492.
- ³⁸ См.: Стратегический очерк Великой Отечественной войны, 1941–1945. М., 1961. С. 410.
- ³⁹ Там же.
- ⁴⁰ Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg. Bd. 6. S. 886.
- ⁴¹ ЦАМО. Ф. 224. Оп. 762. Д. 5. Л. 34.
- ⁴² Там же. Ф. 148а. Оп. 3763. Д. 124. Л. 242.
- ⁴³ Там же. Ф. 412. Оп. 10282. Д. 31. Л. 45.
- ⁴⁴ Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg. Bd. 6. S. 934.
- ⁴⁵ *Туннельскирх К.* История второй мировой войны. М., 1956. С. 255.
- ⁴⁶ Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg. Bd. 6. S. 940.
- ⁴⁷ Цит. по: Новая и новейшая история. 1991. № 3. С. 201.
- ⁴⁸ Цит. по: *Ширер У.* Взлет и падение третьего рейха / Пер. с англ. М., 1991. Т. 2. С. 307.

Великая Отечественная война с самого ее начала подвергла тяжелейшему испытанию весь народнохозяйственный комплекс страны. Перед экономикой СССР сразу же встала задача огромной важности: путем максимальной мобилизации ее внутренних ресурсов в сжатые сроки обеспечить непрерывное возрастание военного производства, добиться решающего материально-технического перевеса Красной Армии над агрессором и тем самым обеспечить прочный фундамент победы.

Как уже отмечалось, вступив в вооруженную борьбу против фашистского блока, Советский Союз располагал современным промышленным потенциалом, ибо по производству важнейших видов продукции он находился в первых рядах наиболее развитых стран мира, а по природным запасам многих полезных ископаемых, включая стратегическое сырье, и превосходил их.

Однако к моменту нападения на СССР Германия обладала не только огромной ударной силой войск, но также имела в своем распоряжении экономические ресурсы почти всей Европы. К июню 1941 г. ее мощности по производству металла, электроэнергии и добыче угля были примерно в 2–2,5 раза больше, чем у Советского Союза. Кроме того, в оккупированных странах третий рейх захватил громадные запасы металла, стратегического сырья, оборудования, а главное – весь арсенал вооружения. Военная продукция одних только чехословацких предприятий "Шкода" могла снабдить многими видами вооружения около 40–45 немецких дивизий¹.

Таким образом, Советскому Союзу пришлось вступить в единоборство с мощной и прекрасно оснащенной военной машиной.

ВОЕННАЯ ПЕРЕСТРОЙКА ЭКОНОМИКИ

Весьма неблагоприятное для СССР развитие событий на фронте продиктовало необходимость в кратчайшие сроки переключить экономику, всю жизнь страны на военный лад. Перевод народного хозяйства СССР на военные рельсы предусматривал коренное изменение структуры материального производства, полное подчинение всей экономики – промышленности, транспорта, сельского хозяйства – задачам борьбы с агрессором, введение в действие мобилизационных планов, перераспределение материальных ресурсов в пользу военного производства, введение строгой централизации в деле их распределения и нормирования. Государственный бюджет должен был обеспечить в первую очередь нужды оборонной промышленности, строительство новых военных объектов и предприятий тяжелой индустрии. В национальном доходе уменьшалась доля накопления и потребления, соответственно вырастали расходы на нужды войны.

Общая программа военной перестройки народного хозяйства СССР и мобилизации сил страны на отпор врагу была изложена в директиве Совнаркома СССР и ЦК ВКП(б) от 29 июня и в выступлении И.В. Сталина по радио 3 июля. Как в директиве, так и в речи Сталина содержался призыв к народу покончить с

благодарушием и беспечностью, отрешиться от настроений мирного времени, перестроить работу предприятий и учреждений на военный лад, мобилизовать все силы страны "для разгрома врага, для беспощадной расправы с ордами напавшего германского фашизма"². Особое внимание воинов и тружеников тыла обращалось на необходимость успешного проведения мобилизации, выполнения заданий по воинским и народнохозяйственным перевозкам, на организацию массового выпуска военной продукции, на обеспечение надежной охраны заводов, электростанций, телефонной и телеграфной сети. Требовалось превратить страну в единый боевой лагерь.

Новые условия хозяйственной жизни страны требовали усиления централизации руководства, существенного изменения форм и методов экономического планирования и управления промышленностью. Важнейшей функцией учрежденного 30 июня 1941 г. высшего чрезвычайного органа государственной власти – Государственного комитета обороны (ГКО) – являлась координация усилий фронта и тыла. Во всей своей деятельности ГКО опирался на действовавший до конца войны аппарат управления хозяйством, приспособленный, разумеется, к условиям военного времени. Особое внимание ГКО уделял вопросам максимальной централизации системы материально-технического снабжения промышленности и хозяйственного планирования в масштабе всей страны. Соответственно с этим перестраивался и аппарат Совнаркома СССР как органа общегосударственного руководства экономикой.

Сталин распределил среди своего ближайшего окружения обязанности по руководству отдельными отраслями военного хозяйства. Так, В.М. Молотову предстояло решать вопросы производства танков, Г.М. Маленкову – самолетов и авиационных моторов, Н.А. Вознесенскому – вооружения и боеприпасов, А.И. Микояну – продовольствия, горючего и вещевого имущества, Л.П. Берия – самолетов и ракетной техники, Л.М. Кагановичу и А.А. Андрееву – транспортных перевозок.

Сам же Сталин, возглавив ГКО, постоянно занимался и военно-экономическими проблемами. Очень трудно определить границы между тем, что он удачно делал ради общих интересов защиты советского государства, и тем, что диктовалось его упрямством, жестокостью, непомерными амбициями и жадной не только сохранения, но и дальнейшего расширения своей и без того необъятной власти.

30 июня был утвержден мобилизационный народнохозяйственный план на третий квартал 1941 г., разработанный в основных чертах еще до начала агрессии, а уже 16 августа был утвержден военно-хозяйственный план на четвертый квартал и на 1942 г. по районам Поволжья, Урала, Западной Сибири, Казахстана и Средней Азии. Его главная направленность – развертывание основной военно-промышленной базы в восточных районах страны. Именно сюда из южных и центральных районов переводились предприятия по производству авиамоторов и самолетов, танков и танковой брони. Здесь намечалось наладить массовое производство стрелкового оружия, всех видов артиллерии, минометов, боеприпасов. Была разработана программа увеличения в восточных районах добычи угля и нефти, производства электроэнергии, авиабензина, чугуна, стали, проката, алюминия, меди, аммиачной селитры. В общем плане капитального строительства удельный вес оборонных наркоматов повышался с 30% в первом полугодии 1941 г. до 40% в четвертом квартале того же года. Число же новостроек, предусмотренных третьей пятилеткой, сокращалось с 5700 до 614. Продолжалось строительство лишь тех предприятий, которые можно было завершить в течение года. В области сельского хозяйства план предусматривал увеличить посевные площади под зерновыми и техническими культурами в восточных районах РСФСР, Казахстана и Средней Азии. Под урожай 1942 г. намечалось расширить там посевные площади путем использования в первую очередь земель, пригодных для самотечного орошения.

В предвидении увеличения грузопотоков с запада на восток и обратно большое внимание уделялось расширению важнейших узлов и станций на магистралях восточного направления. Было намечено строительство вторых путей, которые связывали Сибирь с Уралом, а Урал с Поволжьем.

Вновь составленный государственный бюджет отражал изменившееся направление в развитии народного хозяйства. Военные расходы во второй половине 1941 г. увеличивались на 20,6 млрд руб. по сравнению с первым полугодием. В свою очередь бюджетные ассигнования на развитие гражданских отраслей народного хозяйства уменьшились на 21,6 млрд руб., а на социально-культурные мероприятия – на 16,5 млрд³.

Постановлением СНК СССР от 1 июля 1941 г. расширялись права народных комиссаров СССР. А в составе Госплана (председатель М.З. Сабуров) образовывались отделы вооружения, боеприпасов, судостроения, авиастроения и танкостроения⁴. В аппарате ЦК союзных республик, крайкомов, обкомов, а также горкомов и райкомов партии крупных индустриальных центров по мере восстановления и развертывания новых отраслей производства прежде всего создавались новые отраслевые промышленные отделы.

Усилению организационного централизма в партийном руководстве военным хозяйством содействовало расширение института парторгов. В первые месяцы войны парторги ЦК ВКП(б) были назначены на 1170 самых крупных заводах страны, имевших особо важное оборонное значение. На многих предприятиях в работу включились парторги компартий, крайкомов и обкомов.

Быстрая перестройка работы всего государственного аппарата соответственно требованиям войны стала одним из основополагающих средств превращения страны в единый военный лагерь. Способность максимально использовать все источники, привести в действие все резервы была проверкой плановой системы государственного и собственно хозяйственного управления на решение сложнейших задач военного времени.

В результате огромной по своим масштабам и размаху работы удалось сравнительно быстро переключить большую часть гражданских предприятий страны на выпуск военной продукции и усилить наркоматы оборонной промышленности, передав им предприятия других наркоматов. Во многих отраслях тяжелой промышленности коренным образом изменилась номенклатура продукции, осваивалось производство нового сырья и материалов. Тем самым удалось значительно расширить материально-техническую базу, на основе которой начался переход к крупносерийному выпуску боевой техники и вооружения. Наряду с этим был увеличен объем производства продукции, которая использовалась при изготовлении взрывчатых веществ.

Осуществляя перестройку народного хозяйства и мобилизацию материальных и людских ресурсов страны, Государственный комитет обороны, Совнарком СССР, центральные и местные советские, партийные и хозяйственные органы в сложных и драматических условиях добивались максимального использования всех возможностей не только промышленности, но и сельского хозяйства. Враг быстро продвигался на восток, настала пора уборки урожая. Возникла необходимость эвакуации из прифронтовой полосы скота, сельскохозяйственных машин, запасов сырья и продовольствия. потеря сельскохозяйственных угодий на западе страны восполнялась интенсификацией труда колхозников (повышение минимума трудодней) и введением дополнительных поставок зерна и мяса в фонд Красной Армии.

Разумеется, все эти меры снижали и без того сравнительно невысокий жизненный уровень тружеников села, заставляли работать на пределе сил и возможностей. Но они были восприняты широкими крестьянскими массами в целом как суровая необходимость.

Осенью 1941 г. увеличивались посевы озимых хлебов на востоке страны. Под посевы зерновых и технических культур использовалась часть хлопковых посевных площадей Среднеазиатских республик.

В 1941 г. работники сельского хозяйства заготовили свыше миллиарда пудов зерна. В тех труднейших условиях это было их серьезным достижением, немалым вкладом в мобилизацию экономики страны.

Приспосабливать транспортную сеть ко все возрастающим потребностям фронта и тыла, особенностям военно-экономической мобилизации приходилось в исключительно тяжелой обстановке. Враг в первые же дни войны попытался парализовать транспортные артерии страны, с особым ожесточением подвергая бомбовым ударам железнодорожные коммуникации. Лишь с июня по декабрь противник совершил на железные дороги 5939 воздушных налетов (или в среднем по 37 налета в сутки), сбросив свыше 46 тыс. авиабомб⁵.

Перестройка работы железных дорог (нарком путей сообщения Л.М. Каганович) началась с перевода движения поездов 24 июня 1941 г. (с 18 часов) на особый военный график. Введение военного графика обеспечивало первоочередной и скорейший пропуск военных поездов, устанавливало очередность приема грузов, ограничивало пассажирское движение. Одновременно принимались меры к увеличению пропускной способности важнейших узлов восточных районов: Челябинского, Свердловского, Тагильского, Новосибирского, Кировского; развертывалось строительство новых дорог в восточных и северных районах.

Осуществление максимально быстрой переброски войск на фронт при одновременно проводимых хозяйственных перевозках, а также перемещение многомиллионных масс людей и тысяч предприятий в тыл потребовали от железнодорожников высокой организованности, дисциплины и самоотверженности в работе. Трудности были велики, но дезорганизовать, а тем более парализовать движение на железнодорожном транспорте противник не смог. Более того, с самого начала боевых действий возросло взаимодействие железнодорожного и других видов транспорта.

В первые дни войны особенно много пришлось потрудиться коллективам речников (нарком речного флота З.А. Шашков) Днепро-Двинского, Северо-Западного и Волжского бассейнов. Морской транспортный флот (нарком С.С. Дукельский) на Черном море и северных морях так же, как и речной флот в западных областях, был поставлен целиком на службу фронту и действовал главным образом по заданиям военного командования.

Автомобильный транспорт, удельный вес которого в грузообороте страны в 1940 г. составлял всего лишь 1,8%, в военных условиях приобрел важное значение при обеспечении перевозок ближайших направлений от тыла к фронту, а также для доставки в тыл эвакуированного населения, сырья, продовольствия и материалов. Только автомобильным транспортом Ленинградского фронта через Ладожскую ледовую трассу – Дорогу жизни – с 24 ноября 1941 по 21 апреля 1942 г. было перевезено 354 200 т грузов, в тыл удалось вывезти 514 069 человек⁶.

В числе мер, ставших важнейшей составной частью перестройки народного хозяйства, была эвакуация людей, материальных и культурных ценностей, сырья и оборудования промышленных предприятий из опасных районов на восток. Ведь враг вторгся в пределы обширной территории Европейской части СССР, поставил под угрозу районы, где проживало 40% населения страны и было расположено 31 850 промышленных предприятий, из них 37 заводов черной металлургии, 749 – тяжелого и среднего машиностроения, 169 заводов сельскохозяйственного, химического, деревообрабатывающего и бумагоделательного машиностроения, 1135 шахт, свыше 3 тыс. нефтяных скважин, 61 крупная электростанция, сотни текстильных, пищевых и других предприятий⁷.

Партийно-правительственная директива от 29 июня 1941 г. призвала население

при вынужденном отходе Красной Армии "угонять подвижной железнодорожный состав, не оставлять врагу ни одного паровоза, ни одного вагона, не оставлять противнику ни килограмма хлеба, ни литра горючего". Конечно, само по себе это требование представлялось невыполнимым, но это была конечная цель, к которой следовало стремиться. "Колхозники, – говорилось в этом же документе, – должны угонять скот, хлеб сдавать под сохранность государственным органам для вывозки его в тыловые райны"⁸. Все ценное имущество и продовольственные запасы, которые было невозможно эвакуировать в тыл, подлежали разрушению и уничтожению.

Это были жестокие требования. Они обрекали на голод миллионы людей, оставшихся на оккупированной территории. Но в глазах советского политического руководства это были уже "не наши" люди. "Наши" люди должны были покинуть столетиями обжитые места и двинуться на восток. Но организовать поголовную эвакуацию не смогли. В первую очередь спасались материальные ценности, архивы местных властей, советские и партийные работники, специалисты, или, как тогда говорили, – основные кадры промышленности и сельского хозяйства.

Эвакуация сопровождалась значительными материальными и финансовыми потерями. Одно лишь прекращение производственного процесса на тысячах предприятий означало для советского государства ущерб в десятки и сотни миллионов рублей. Каких-либо заблаговременно разработанных эвакуационных планов практически не существовало, хотя черновые варианты таких документов составляла Военно-промышленная комиссия при СНК СССР в 1939–1940 гг. и в начале 1941 г.⁹ Не были созданы и органы, призванные непосредственно руководить перебазируанием производительных сил страны. Все это пришлось решать в ходе разразившейся войны, зачастую в спешке, а порой и без учета конкретной обстановки, что не могло не иметь отрицательных последствий.

Быстрое продвижение врага, громадные размеры театра военных действий, массированные удары немецкой авиации вместе с артиллерийскими обстрелами, превращение многих городов и сел в арену ожесточенных сражений – все это создавало невероятные сложности во время эвакуации, требовало от людей огромного физического и морального напряжения.

24 июня 1941 г. постановлением ЦК ВКП(б) и СНК СССР "для руководства эвакуацией населения, учреждений, военных и иных грузов, оборудования предприятий и других ценностей" при СНК СССР был создан Совет по эвакуации под председательством Л.М. Кагановича. "Тогда считалось, – вспоминал А.И. Микоян, – что наркомат путей сообщения должен играть главную роль в вопросах эвакуации. Объем же эвакуации из-за ухудшения военной обстановки расширялся. Все подряд эвакуировать было невозможно. Не хватало ни времени, ни транспорта. Уже к началу июля 1941 г. стало ясно, что Каганович не может обеспечить четкую и оперативную работу Совета по эвакуации"¹⁰.

3 июля председателем Совета по эвакуации был назначен кандидат в члены политбюро ЦК, секретарь ВЦСПС Н.М. Шверник. Однако на этом организационный процесс не завершился. 16 июля последовало новое решение ГКО "О составе Совета по эвакуации". В него вошли: Н.М. Шверник (председатель), А.Н. Косыгин (заместитель председателя), М.Г. Первухин (заместитель председателя), А.И. Микоян, Л.М. Каганович (в отсутствие Кагановича его заменял Б.Н. Арутюнов), М.З. Сабуров (в отсутствие Сабурова его заменял Г.П. Косяченко), В.С. Абакумов (НКВД).

16 августа в Совет по эвакуации дополнительно ввели заместителя начальника главного управления тыла Красной Армии генерала М.В. Захарова, а 26 сентября при этом Совете было создано управление по эвакуации населения во главе с заместителем председателя СНК РСФСР К.Д. Памфиловым. Одновременно Памфилов назначается заместителем председателя Совета по эвакуации¹¹.

Вопросы перебазирования постоянно находились в центре внимания ЦК ВКП(б), ГКО и Совнаркома СССР. За практическое осуществление эвакуации отвечали центральные комитеты партии и совнаркомы союзных республик, обкомы, райкомы и горкомы партии, а также исполкомы местных советов прифронтовых и многих тыловых областей страны, где были созданы специальные комиссии, комитеты или советы по эвакуации. К выполнению этой военно-хозяйственной задачи привлекались и военные органы. Вывоз промышленного оборудования и других материальных ценностей в восточные районы страны стал одной из важнейших обязанностей начальников тыла фронтов и армий.

По указанию правительства при наркоматах и ведомствах были образованы бюро и комиссии по эвакуации с выделением уполномоченных для каждой группы предприятий. Контроль за вывозом населения, оборудования и других ценностей осуществляла созданная при Совете по эвакуации группа инспекторов во главе с Косыгиным.

Постановлением ЦК ВКП(б) и Совнаркома СССР "О порядке вывоза и размещения людских контингентов" от 27 июня 1941 г. определялись главные задачи и первоочередные объекты эвакуации. В первую очередь перемещению на восток подлежали квалифицированные кадры рабочих и служащих, старики, женщины и дети, промышленное оборудование, станки и машины, цветные металлы, горючее, хлеб и другие ценности, имеющие государственное значение.

В гигантскую операцию по перебазированию производительных сил страны на восток с первых дней войны активно включались все виды транспорта. Однако главная тяжесть в выполнении этой сложнейшей задачи легла на плечи железнодорожников. Для оказания органам НКПС помощи на крупные железнодорожные станции были направлены уполномоченные Совета по эвакуации. Позднее и во все морские бассейны были направлены заместители наркома морского флота и ответственные работники политуправления этого наркомата.

С 5 июля на ряде железнодорожных узлов, станций и пристаней были организованы эвакуационные пункты, которые принимали и отправляли эшелоны, организовывали питание и медицинское обслуживание людей. Уже к 22 августа в прифронтовых и тыловых районах страны действовало 128 таких пунктов.

Тяжелая обстановка, сложившаяся на фронтах, заставила правительственные и плановые органы срочно разработать конкретные планы по эвакуации. Как вспоминал бывший заместитель наркома путей сообщения и начальник грузового управления Наркомата путей сообщения (НКПС) Н.Ф. Дубровин, "необходимого опыта планирования и проведения столь экстренного перемещения производительных сил из западных районов страны на восток у нас не было. Помню, как по заданию директивных органов мы специально разыскивали в архивах и библиотеках Москвы, в том числе в Государственной библиотеке им. В.И. Ленина, хотя бы отрывочные сведения об эвакуации во время первой мировой войны, но найти ничего не удалось. Опыт приобретался в ходе военных действий"¹².

При составлении планов первоочередное внимание уделялось перевозке предприятий, выпускавших военную продукцию. Особое преимущество перед всеми другими эшелонами, кроме воинских и оперативных, имели и составы с населением, для которых устанавливалась среднесуточная скорость 500–600 км. При острой нехватке пассажирских вагонов людей вывозили чаще всего в специально оборудованных для этой цели грузовых вагонах, а иногда и просто на платформах. Вот что писал Н.С. Патоличев, работавший тогда первым секретарем Челябинского обкома ВКП(б), о первых эшелонах, прибывших на Урал: "Случалось, что в открытых полувагонах или на платформах ехали люди. Хорошо, если был брезент, которым можно было прикрыться от дождя... Иногда и этого не было. Здесь же станки или материалы, кое-что из вещей эвакуированных. Люди спасались от нашествия варваров, и было, конечно, не до вещей... При более благоприятной

обстановке два-три крытых вагона выделяли для женщин с детьми. Вместо 36 человек в них набивалось до 80–100. Никто, разумеется, не роптал – горе объединяло людей, кров которых был захвачен фашистами¹³.

Перевозки населения были взяты под постоянный и строгий контроль. Каждый день не позже 22 часов начальники дорог сообщали в НКПС сведения о следовании эшелонов с людьми по состоянию на 18 часов. В свою очередь наркомат путей сообщения ежедневно представлял в ГКО подробную справку о находящихся в пути составах с эвакуированными. Для оказания помощи эвакуированному населению выделялись значительные средства. Только во второй половине 1941 г. государство израсходовало на эти цели почти 3 млрд руб.¹⁴

В ряде случаев и из районов, отстоявших на многие сотни километров от фронта, началась эвакуация заводского оборудования. Так, уже 30 июня, а также 5 и 8 июля были приняты постановления ГКО, Совнаркома СССР и отдано распоряжение Совета по эвакуации о перебазировании в тыловые районы пяти московских авиазаводов и др.¹⁵ 2 июля по предложению наркоматов черной металлургии, по строительству, судостроительной промышленности, тяжелого и среднего машиностроения (их соответственно возглавляли И.Ф. Тевосян, С.З. Гинзбург, Н.Н. Носенко, Н.С. Казаков, В.А. Малышев) правительство приняло решение вывезти броневой стан Мариупольского завода им. Ильича на Магнитогорский завод. На следующий день Государственный комитет обороны, утвердив план выпуска основного артиллерийского и стрелкового оружия, приказал переместить 26 заводов наркомата вооружения (нарком Д.Ф. Устинов) из Москвы, Тулы, Ленинграда и прифронтовых районов Украины в города Южного Урала, Поволжья и Сибири. Причем в решении подчеркивалось, что на базе этих заводов необходимо развернуть производство оружия, патронов и приборов.

5 июля ГКО обязал наркомат среднего машиностроения создать на Урале и в Поволжье заводы-дублеры по производству танковых дизелей и моторов. Для этой цели использовали вывезенные в Челябинскую область дизельный завод из Харькова, а также цеха ленинградского Кировского и Харьковского тракторного заводов. Горьковский автозавод переходил на производство танковых моторов¹⁶.

В конце июля было приостановлено строительство доменной печи № 4 на заводе "Запорожсталь", а ее оборудование демонтировано и переброшено на Новотагильский завод, где сооружалась доменная печь № 3.

По предложению наркома черной металлургии И.Ф. Тевосяна ГКО 7 августа принял решение о перебазировании в Магнитогорск, Нижний Тагил и Златоуст отдельных цехов московских металлургических заводов "Серп и молот" и "Электросталь". Это имело важное значение для увеличения производства качественного металла на Урале.

В ходе эвакуации из-за недостатка опыта порой возникали трудности, допускались ошибки. Например, погрузка эвакуационных грузов на приграничных станциях и узлах зачастую расплылась, что затрудняло быстрое формирование эшелонов. Точные направления продвижения эвакопоездов и конечные пункты их следования указывались, как правило, только для пассажирских составов. Новые места размещения многих предприятий планировались или очень далеко (в Сибири и даже на Дальнем Востоке), или в районах ближайшего тыла, которые вскоре сами становились зоной военных действий. Иногда вместе с эвакогрузами в глубокий тыл без всякой надобности отправляли вагоны с боеприпасами и вооружением, предназначенные для действующей армии.

Бывали ошибки и иного рода. Так, слишком задержалась эвакуация из Кировограда машиностроительного завода "Красная звезда", а также ряда крупных металлургических заводов Донецкой области¹⁷. Из-за неразберихи многие материальные ценности отправить не успевали, как, например, это случилось в Витебске: из 1300 вагонов, полностью загруженных, было отправлено не более

950¹⁸. Часть кадровых рабочих не была вывезена вместе со своими предприятиями, или они прибывали к новому месту назначения с большим опозданием. В результате некоторые перебазированные в тыл заводы и фабрики длительное время не могли вступить в строй. Нередко в пути следования эвакуэшелоны уничтожала авиация противника.

При демонтаже многих предприятий ощущалась острая нехватка рабочей силы, не говоря уже о грузоподъемных и транспортных средствах. Чрезвычайно сложно было в столь ограниченное время демонтировать, а потом размещать на железнодорожных платформах крупногабаритные грузы: оборудование электростанций, горной, металлургической, машиностроительной, коксовой и других отраслей тяжелой промышленности. Вот что об этом вспоминал А.А. Житков – бывший главный механик Московского станкостроительного завода имени С. Орджоникидзе: "При эвакуации большие трудности представляла у нас подача станков и оборудования к местам погрузки. Здесь народ проявлял настоящий патриотизм, настоящую самоотверженность. Крупнейшие станки подавались вручную. Крановые средства у нас не по всему заводу, и большинство, по крайней мере 50% оборудования, пришлось подавать вручную. Отдельные товарищи работали буквально не выходя с завода, причем к этому были привлечены не только рабочие, но и инженерно-технический персонал"¹⁹.

В условиях быстро ухудшающейся военной обстановки нередко приходилось ограничиваться вывозом только наиболее ценных агрегатов, станков, машин, механизмов. При этом, с одной стороны, учитывалась необходимость обеспечения оперативной переброски определенного числа и профиля предприятий для развертывания военного производства на востоке, а с другой – требовалось создать условия, чтобы не вызвать резких перебоев в обеспечении первоочередных нужд действующей армии. В то время как одна часть промышленных предприятий находилась еще в пути на восток, другая продолжала до последней возможности производить на старом месте продукцию для фронта.

Быстрое продвижение вермахта в глубь советской территории, огромные потери Красной Армии вынудили советское руководство принять решение об эвакуации из Москвы и Московской области. Через Москву как важнейший транспортный узел проходил большой поток беженцев из западных районов страны. На ближайших станциях железнодорожная милиция вела строгую проверку всех прибывавших лиц. Только с 28 июня по 4 июля 1941 г. было задержано для проверки 49 370 человек, из них 2116 арестованы по различным причинам. Органы милиции изъяли 29 пулеметов, 1026 винтовок, 1260 пистолетов, 223 боевые гранаты, свыше 47,2 тыс. патронов и т.д.²⁰ Разумеется, в разряд подозреваемых в шпионаже, диверсиях иной раз попадали и совершенно невинные люди, но в условиях военного времени подобная проверка в целом была вполне оправданной мерой.

По данным пассажирского управления НКПС, только с 29 июня по 29 июля специальные эвакуопоезда вывезли из Москвы 959 530 человек (включая беженцев из прифронтовых областей)²¹.

Более широкие масштабы приняли эвакуоперевозки из Москвы и Московской области в осенние месяцы 1941 г. В очень короткие сроки были эвакуированы дипломатический корпус, Президиум Верховного Совета СССР, СНК СССР, наркоматы обороны, военно-морского флота, а также другие правительственные и военные учреждения. Что невозможно было эвакуировать, в том числе все электрооборудование метро (исключая водопровод и канализацию), готовилось к подрыву.

По данным 24 наркоматов, на 12 декабря к эвакуации были подготовлены 523 предприятия Москвы и Московской области. К этому сроку удалось вывезти на восток 100 334 вагона из 143 196 требуемых, в том числе 43 632 – с оборудованием,

26 729 – с материалами и готовыми изделиями и 18 094 – с людьми. На 10 декабря вместе с предприятиями девятнадцати наркоматов было перемещено в тыл 564 248 работников промышленности и членов их семей²². Общее число эвакуированных москвичей достигло 2 млн человек²³.

В целом же в течение второго полугодия 1941 г. из прифронтовой зоны на восток только по железным дорогам было вывезено, по неполным данным НКПС, 2593 промышленных предприятия. А если учесть, что значительная часть производительных сил перебазировалась в тыловые районы по решениям местных органов с использованием всех видов транспорта (причем имелось большое количество так называемых бездокументных грузов), то приведенная выше цифра возрастет еще более. И все же значительная часть предприятий не была эвакуирована. Ведь на территории СССР, что была захвачена врагом, размещалось накануне войны 31 850 заводов и фабрик (в том числе 7,5 тыс. крупных), не считая мелких предприятий и мастерских.

Оборудование военных, машиностроительных, металлообрабатывающих, алюминиевых, химических предприятий, а также турбогенераторы электростанций были практически полностью перебазированы. Этому способствовала сравнительная легкость их демонтажа и транспортировки. Из-за громоздкости, ограниченности времени и транспортных средств котельное оборудование электростанций и основные фонды горной, металлургической и коксовой промышленности, которые в большинстве своем состояли из крупных сооружений (шахты, мартеновские и доменные печи, коксовые батареи и т.п.), были перебросены в тыл лишь частично. Только в отдельных случаях эвакуировались металлургические сооружения. При перемещении двух доменных печей Новолипецкого металлургического завода их разобрали на части, перевезли на Урал и использовали при сооружении нового металлургического завода. Из прокатного оборудования в ряде случаев пришлось ограничиться переброской только особо важных и технически современных агрегатов.

Не успели вывезти многие материальные ценности не только из приграничных районов Украины, Белоруссии и Прибалтики, но и из некоторых областей Российской Федерации. По сообщению управления НКВД по Смоленской области, осталось неэвакуированным значительное количество продовольствия, зерна и товаров, а также оборудование и сырье ряда предприятий, в частности, не вывезено все оборудование и продукция 30 льнозаводов и все имущество, оборудование и сырье смоленских хлебокомбинатов.

Почти 70% вывезенных на восток промышленных предприятий размещалось на Урале, в Западной Сибири, Средней Азии и Казахстане. Вместе с перебазированными фабриками и заводами прибыло до 30–40% рабочих, инженеров и техников. Всего же по железным и шоссейным дорогам, а также по водным и воздушным путям в течение второй половины 1941 г. в тыловые районы было переправлено более 12 млн человек.

Одновременно с эвакуацией промышленных предприятий осуществлялась операция по спасению ресурсов сельского хозяйства. Колхозы и совхозы восточных районов страны во втором полугодии 1941 г. приняли 2393,3 тыс. голов скота из прифронтовой зоны²⁴. Все эвакуоперевозки потребовали более 1,5 млн железнодорожных вагонов. Построенные в одну линию, они заняли бы путь от Бискайского залива до Тихого океана. Однако в 20 занятых противником районах осталось 20–22% крупного и 18–20% мелкого скота, принадлежавшего колхозам²⁵.

Первостепенную роль в осуществлении беспрецедентного в истории перемещения производительных сил сыграл самоотверженный труд коллективов эвакуируемых предприятий и учреждений. Люди работали с громадным напряжением, по нескольку суток не покидая объектов, чтобы своевременно и как можно полнее демонтировать и погрузить оборудование и другие материальные ценности. В

обстановке постоянных налетов вражеской авиации и обстрелов люди проявляли исключительную выдержку, мужество, самопожертвование, преданность делу.

Процесс перебазирования производительных сил СССР включал не только вывоз в тыловые районы людей, промышленного оборудования, ресурсов сельского хозяйства, материальных и культурных ценностей, но и их рациональное размещение на новых местах в соответствии с военно-хозяйственными интересами. Государственные и общественные органы восточных областей страны всемерно готовились к приему эвакуированных. Надо было решать вопросы расселения, трудоустройства и бытового обслуживания прибывавших из опасных районов рабочих, служащих, колхозников и членов их семей. Примерно треть была расселена в городской местности, а остальные – в сельской.

Чрезвычайно важное военно-хозяйственное значение имели сроки ввода в действие предприятий, перевезенных в восточные районы. В их скорейшем пуске заключался большой дополнительный источник увеличения производства оружия, военной техники и боеприпасов. От решения этой задачи во многом зависела успешная перестройка народного хозяйства СССР на военный лад, создание в стране мощной военной экономики, способной обеспечить победу над врагом.

Вопросами размещения и ввода в строй перемещенных в тыл предприятий занимались члены правительства: С.А. Акопов, Б.Л. Ванников, В.В. Вахрушев, С.З. Гинзбург, А.И. Ефремов, А.Г. Зверев, Н.С. Казаков, И.Г. Кабанов, А.Н. Косыгин, А.И. Микоян, П.И. Паршин, М.Г. Первухин и др. Преодолевая огромные трудности, рабочие и служащие эвакуированных предприятий вместе с местными кадрами в невиданно короткие сроки, в среднем за 1,5–2 месяца, монтировали поступавшее промышленное оборудование и вводили его в действие.

Это стало возможным благодаря усилиям строителей, их творческой смекалке, смелым техническим решениям. Между тем строить приходилось в неимоверно тяжелых условиях. Нередко переброшенные в тыл предприятия начинали свою жизнь буквально на пустом месте. Возведение цехов и монтаж оборудования зачастую проходили одновременно. Работы не прекращались ни днем, ни ночью. Под открытым небом, в лютые морозы люди рыли котлованы, строили дороги, разгружали поезда, монтировали оборудование.

К концу 1941 г. на новых местах было размещено 1910 крупных предприятий, в том числе 122 авиазавода, 43 завода наркомата танковой промышленности, 71 – наркомата вооружения, 96 – наркомата боеприпасов, 199 – наркомата черной металлургии, 80 – наркомата минометной промышленности, 91 – наркомата химической промышленности, 65 – наркомата среднего машиностроения, 57 – наркомата тяжелого машиностроения. Местами их нового размещения стали Новосибирск, Омск, Кемерово, Чебоксары, Челябинск, Киров, Нижний Тагил, Красноярск, Казань и другие промышленные центры страны²⁶.

Уже в марте 1942 г. промышленность восточных районов с учетом восстановленных здесь эвакуированных предприятий произвела военной продукции столько, сколько в начале войны выпускалось на всей территории СССР²⁷.

В конце декабря 1941 г. в связи с разгромом немецких войск под Москвой началась реэвакуация части предприятий центрального промышленного района СССР, в том числе и столицы. Так, уже в начале 1942 г. в Москву было возвращено несколько крупных объектов, в том числе станкостроительный завод "Красный пролетарий"²⁸.

Весной обстановка на фронтах вновь вызвала необходимость проведения эвакуации. Правда, на этот раз она проходила с более ограниченной территории и в гораздо меньших масштабах, охватив преимущественно Ростовскую, Воронежскую, Орловскую, Сталинградскую, Ворошиловградскую области и Северный Кавказ. Летом и осенью 1942 г. из опасных районов удалось вывезти оборудование более 150 промышленных предприятий, многие материальные и культурные

ценности, сотни тысяч беженцев. Как и в 1941 г., эвакуация позволила спасти значительные производственные ресурсы, которые немедленно подключались к работе для фронта.

Перебазирование производительных сил страны на восток явилось одним из наиболее значительных достижений тружеников тыла. По своей значимости эта грандиозная операция, по мнению маршала Г.К. Жукова, оказалась равной "величайшим битвам второй мировой войны"²⁹.

ИНДУСТРИАЛЬНАЯ БАЗА ОБОРОНЫ

Мобилизация усилий народного хозяйства на обеспечение нужд фронта проходила в условиях чрезвычайно сильного снижения достигнутых до войны объемов промышленного производства. Одна только черная металлургия за первый военный год потеряла более 60 доменных и 225 мартеновских печей, 174 прокатных стана, которые давали свыше 70% выплавки чугуна, около 58% стали и проката от общесоюзного производства. Большой ущерб понесли топливно-энергетический и машиностроительный комплексы, а станочный парк уменьшился более чем на 200 тыс. единиц. Значительно сократились мощности всех базовых отраслей промышленности³⁰.

Резко изменился баланс трудовых ресурсов. Если к 22 июня 1941 г. в народном хозяйстве было занято 63,9 млн человек (из них в промышленности – 13 млн, в строительстве – около 2 млн, на транспорте – 3,5 млн), то с первых дней войны наиболее трудоспособная часть населения стала призываться в армию. Только с промышленных предприятий Российской Федерации в 1941 г. на фронт ушло около трети квалифицированных рабочих. К тому же миллионы советских людей остались на оккупированных территориях. Во всех отраслях народного хозяйства значительно уменьшилось число занятых в сфере общественного производства. Об этом красноречиво свидетельствует тот факт, что по сравнению с предвоенным периодом среднегодовая численность рабочих и служащих упала в 1942 г. с 33,9 млн до 18,4 млн человек, т.е. на 15,5 млн человек³¹.

В течение первого периода войны пришлось прибегать к радикальному перераспределению трудовых ресурсов в интересах первоочередного укрепления военных отраслей. Если численность рабочих в текстильной промышленности к концу 1942 г. по сравнению с третьим кварталом 1941 г. снизилась почти наполовину, то на авиационных заводах она составила 112,9%, в промышленности боеприпасов – 109,6%³².

На смену ушедшим на фронт пришли новые рабочие кадры, прежде всего женщины и молодежь. В целом по промышленности доля женщин превышала половину всех работающих. Фактически женщины овладели всеми специальностями и профессиями в машиностроении, металлургии, горном деле, химическом производстве. Они трудились сталеварами, вагранщиками, крановщиками, сварщиками, газовщиками, крепильщиками, кочегарами, такелажниками, землекопами, каменщиками. В суровую военную годину женщина стойко переносила все тяготы трудовой вахты, при этом каждодневно испытывая огромное моральное и физическое напряжение. Ведь в то время во многих промышленных и строительных отраслях преобладал ручной труд. Например, уровень механизации в строительных организациях составлял всего 7,4%.

Индустриальный фронт непрерывно пополнялся молодежью, пришедшей в заводские цеха со школьной скамьи. На многих промышленных предприятиях рабочие и работницы в возрасте 18–25 лет составляли от 40 до 60% трудовых

коллективов. Вместе с ними на производство пришли сотни тысяч подростков 14–16 лет.

"Шла война, – вспоминал участник трудовой военной страды В. Чивилихин, – и мы, пятнадцатилетние парнишки, пришли в наше насквозь прокопченное депо, чтобы взять в руки гаечные ключи и чечегарные лопаты. Голодно было и холодно, и становилось тяжело к концу смены поднимать кувалду... А надо было еще сдавать курсовые работы в техникуме, проходить усиленную военную подготовку, в жестокие морозы чистить от снега горловину станции и сажать, сколько сил хватит, картошку... Военная эта юность на всю жизнь наградила нас мерилом труда и лишений"³³.

В условиях войны специальными правительственными постановлениями определялся режим рабочего времени, порядок мобилизации различных категорий городского и сельского населения для работы в промышленности и строительстве, привлечения граждан к трудовой повинности, перераспределения рабочей силы между отраслями народного хозяйства. С июля по декабрь 1941 г. в промышленное производство было вовлечено около 1,9 млн человек неработающего трудоспособного населения, пенсионеров, домохозяек. В строительстве оборонных рубежей на Днепре, в Заполярье, под Москвой и Ленинградом участвовало около 10 млн человек. Летом 1942 г. такие же работы были проведены в районах Поволжья и Кубани. Во многих областях массовый характер носили трудовые мобилизации населения на лесозаготовки, расчистку и ремонт дорог, сбор металлолома и др.

Руководство всеми отраслями промышленного производства осуществлял Государственный комитет обороны. Он распределял наличные ресурсы, определял объемы и номенклатуру выпускаемой продукции, выносил решения о принятии в серийное производство новых видов военной техники. Задания ГКО отражались в квартальных и месячных планах выпуска продукции, а по отдельным видам – в декадных и суточных графиках. Руководители наркоматов ежедневно представляли в ГКО отчетные данные об объеме и номенклатуре наиболее важных изделий, выпущенных за истекшие сутки, разрабатывали предложения по увеличению производства, вводу в строй новых мощностей, устранению узких мест, обеспечению предприятий всеми видами материально-технического снабжения.

Одной из важнейших народнохозяйственных задач, которые решались в первом периоде войны, являлось форсированное окончание незавершенного строительства. Чтобы не расплыть силы и средства на тысячи новостроек, заложенных еще в предвоенные годы, основные усилия наркомата по строительству, промышленных и оборонных наркоматов, главного военно-строительного управления при СНК СССР и других организаций сосредоточивались на строительстве 614 ударных промышленных и военных объектов.

Участие в этих работах принимали десятки строительных батальонов наркомата обороны³⁴. Совместно со строительными организациями гражданских ведомств военные стройбаты сооружали десятки крупных авиационных, артиллерийских, металлургических заводов.

Для выполнения срочных правительственных заданий по строительству оборонных предприятий летом 1941 г. из состава трестов и управлений, входивших в систему наркомстроя, были созданы 70 особых строительно-монтажных частей (ОСМЧ). Рабочие и служащие этих формирований освобождались от мобилизации и переводились на казарменное положение³⁵. В развертывании нового строительства на Урале и в других восточных районах большую роль сыграли строительные организации, эвакуированные из Европейской части страны: трест Запорожстрой, Донбасстязстрой, Азовстальстрой, Южтяжстрой и др.³⁶ Широкий фронт строительно-монтажных работ осуществляли рабочие коллективы трестов Уралтяжстрой, Магнитострой, Прибалхашстрой, Амурстальстрой.

Крупной строительной базой располагал наркомат внутренних дел. В этой системе находились главное управление аэродромного строительства, главное управление строительства шоссейных дорог, ГУЛАГ, Главпромстрой. В их состав входили Дальстрой, Особстрой (Куйбышевский авиакомплекс), Тагилстрой, Севжелдорстрой, Печорстрой, Карагандастрой, Metallургстрой (Норильский горно-металлургический комбинат) и т.д. В колониях и исправительно-трудовых лагерях НКВД к июню 1941 г. содержалось около 2 млн человек. Из мест лишения свободы в 1941 г. было направлено в Красную Армию 420 тыс. человек, в 1942 г. – более 100 тыс. человек. Сотни тысяч оставшихся заключенных в тяжелейших условиях участвовали в производстве военной и другой продукции, строительстве аэродромов, дорог, заводов, шахт и рудников на Урале, в Заполярье, Сибири, Поволжье, Казахстане, на Дальнем Востоке.

В начале войны исключительно важное значение имел фактор времени. Дорог был не только каждый месяц, но и каждый день. Поощряя скоростные методы строительного-монтажных работ, Государственный комитет обороны в отличие от мирного времени разрешал начинать и развертывать новое строительство военно-промышленных предприятий "без проектов и смет". Для максимального сокращения сроков и уменьшения материальных и финансовых затрат применялись упрощенные конструкции с предельно допустимым ограничением внутривоздушных коммуникаций, линий электроснабжения, водоснабжения, отопления. Практика подтвердила высокую эффективность добычи угля открытым способом на разрезах.

Война внесла существенные изменения в финансовую политику государства. С самого начала войны были сокращены расходы на финансирование гражданского сектора народного хозяйства и резко возросли ассигнования на военное строительство и содержание многомиллионных вооруженных сил. Из месяца в месяц увеличивались инвестиции для расширения военно-промышленной базы на востоке. Если перед войной на Урал, Сибирь, Дальний Восток приходилось 28% капитальных вложений, то в 1942 г. их доля превысила 52%. Капитальные вложения в районы Поволжья выросли с 7,9 до 13,4%. К лету 1942 г. в восточных районах было сооружено 850 новых объектов – заводов, электростанций, шахт, рудников, цехов, металлургических агрегатов³⁷. Подвигом строителей являлся ввод в строй Челябинской ТЭЦ, Карагандинской и Рыбинской ГРЭС, установка в энергосистемах 200 турбин и котлов, строительство Чебаркульского литейного завода, завершение постройки Челябинского трубопрокатного завода, доменных печей и прокатных станов на Урале и многих других промышленных объектов, агрегатов, шахт, рудников, созданных в рекордно короткие сроки.

Одной из ярких страниц трудового подвига строителей явилось сооружение в Магнитогорске самой мощной в стране доменной печи № 5, которое велось скоростными методами при крайнем дефиците квалифицированных кадров (65% рабочих не имели строительных специальностей, 50% технического персонала из молодежи не обладали практическим опытом). Но всего за три месяца они вынули 282 тыс. кубометров грунта, уложили свыше 33 тыс. кубометров бетона, выложили 6 тыс. кубометров огнеупорной кладки, смонтировали 5,7 тыс. т металлоконструкций и около 4 тыс. т промышленного оборудования. Осенью 1942 г. все основные работы были завершены. Государственная комиссия приняла новую домну с высокой оценкой. За выполнение ответственного правительственного задания и проявленную самоотверженность в труде высоких государственных наград были удостоены 583 работника Магнитогорского комбината и треста "Магнитострой", в том числе управляющий стройтрестом В.Э. Дымшиц, бригадир монтажников К.Н. Коноваленко, арматурщик Т.С. Легкобитов и др.

Значительной реконструкции и расширению подверглось большинство важнейших промышленных объектов Урала и Сибири, что намного увеличило их производственные мощности по выпуску продукции, необходимой фронту. Так, на

Челябинском тракторном заводе было построено 17 новых цехов, на Уральском заводе тяжелого машиностроения, Сормовском судостроительном заводе, многих крупнейших предприятиях Новосибирска, Горького, Куйбышева, Иркутска, Омска были коренным образом модернизированы, реконструированы и переоборудованы сотни производственных участков.

Важнейшее место в развертывании экономического потенциала на востоке страны занимал ввод в строй предприятий и промышленного оборудования, эвакуированных с запада. Всего из общего числа эвакуированных предприятий к лету 1942 г. приступили к эксплуатации 1200 заводов³⁸. В результате перебазирования производительных сил на восток и быстрого увеличения там масштабов индустриального строительства экономические районы восточнее Волги стали основной промышленной базой страны. По отношению к 1940 г. валовая промышленная продукция на Урале в 1942 г. увеличилась в 2,8 раза, в Западной Сибири – в 2,4 раза, в Восточной Сибири – в 1,4 раза. Изменение удельного веса восточных районов в общесоюзном промышленном производстве показано в табл. 9.

Таблица 9. Удельный вес восточных районов (включая Поволжье) в общесоюзном промышленном производстве (в %)³⁹

Вид промышленной продукции	1940 г.	1942 г.	Вид промышленной продукции	1940 г.	1942 г.
Уголь	35,9	81,4	Прокат	36,5	90,2
Чугун	28,5	97,4	Железная руда	28,7	96,8
Сталь	37,0	89,1	Марганцевая руда	8,4	84,7

Резкое изменение народнохозяйственных пропорций, вызванное обстоятельствами военного времени, потребовало, с одной стороны, увеличения и максимального использования основных фондов в одних отраслях, а с другой – сокращения ранее принятых плановых заданий, не имеющих прямого военного или военно-промышленного назначения. Тяжелая обстановка на фронте и в тылу вынуждала ограничивать или совсем прекращать даже выпуск некоторых боевых средств и остродефицитного технического оборудования. В 1942 г. из-за жесткого лимитирования энерго- и металлоресурсов почти полностью прекратилось производство многих видов продукции тяжелого, транспортного, энергетического, строительно-дорожного машиностроения. Оставшиеся вне оккупированной территории трубопрокатные заводы, полностью переключенные на артиллерийское, минометное и боеприпасное производство, дали нефтяникам труб в 43 раза меньше, чем в мирное время⁴⁰. Еще в большей степени сократилось производство предметов потребления (группа Б). На оккупированной территории осталось от 30 до 80% мощностей различных отраслей текстильной промышленности. В капитальных вложениях 1942 г. доля предприятий легкой промышленности упала до наименьшего уровня – 2,4%. Из-за нехватки электроэнергии, сырья, трудовых ресурсов и в связи с увеличением потребностей армии часть фабрик и цехов текстильной, пищевой и местной промышленности была законсервирована, а большинство предприятий реконструированы или переориентированы на обеспечение нужд фронта.

Возросший размах промышленного строительства в тыловых районах страны не мог за короткие сроки компенсировать огромные потери, понесенные народным хозяйством в результате оккупации западных и южных регионов. Самым напряженным временем в экономической жизни страны оказались осень 1941 г. и зима 1941/42 г., когда многие эвакуированные предприятия были еще "на колесах",

а на десятках строительных площадок только завершался нулевой цикл. Среднемесячный выпуск металла и станков, добыча угля, производство электроэнергии по сравнению с довоенным уровнем упали в два-четыре раза. По отношению к июню 1941 г. выплавка чугуна в сентябре снизилась до 57%, в декабре – до 23, в феврале 1942 г. – до 20%. Если перед войной среднемесячный выпуск металлорежущих станков превышал 5 тыс. единиц, то в октябре 1941 г. он снизился до 2 тыс, а в январе 1942 г. – до 1 тыс. За первое полугодие добыча угля сократилась на две трети.

Но самоотверженными усилиями народа дальнейший спад промышленного производства во многих отраслях народного хозяйства был прекращен. С марта 1942 г. началось постепенное наращивание ежемесячных объемов производства. Большое значение для восстановления и подъема производственных мощностей центрального промышленного региона имела победа Красной Армии под Москвой. Во втором полугодии 1942 г. по сравнению с первым полугодием был достигнут прирост объемов производства по электроэнергии на 6,3%, по углю – на 10,1, по стали – на 4,3, по прокату – на 6,8, по станкам – на 84,9% (табл. 10).

Таблица 10. Производство основных видов промышленной продукции
с июля 1941 г. по декабрь 1942 г.⁴¹

Вид промышленной продукции	Июль – декабрь 1941 г.	Январь – июнь 1942 г.	Июль – декабрь 1942 г.	Вид промышленной продукции	Июль – декабрь 1941 г.	Январь – июнь 1942 г.	Июль – декабрь 1942 г.
Электроэнергия, млрд кВт-ч	19,3	14,2	14,9	Сталь, млн т	6,5	3,9	4,2
Уголь, млн т	59,5	35,7	39,8	Прокат, млн т	4,4	2,6	2,8
Нефть, млн т	15,7	11,7	10,3	Железная руда, млн т	8,1	4,6	5,1
Чугун, млн т	4,8	2,3	2,5	Металлорежущие станки, тыс. шт.	16,4	8,0	14,9

Снижение добычи нефти из-за потери ряда кавказских нефтяных промыслов удалось восполнить только в 1943–1944 гг.

Для всего народнохозяйственного и оборонного комплекса центральной и вместе с тем наиболее острой была проблема производства металла, потребности в котором постоянно росли. Непосредственно на военные цели в 1942 г. шло 70% проката. Большой металлоемкостью отличались танковая, артиллерийская и другие отрасли военного производства, только для производства боеприпасов было выделено 1,8 млн т высококачественного металла, но этого количества явно не хватало.

Для расширения металлургической базы на востоке планировалось в сжатые сроки ввести в строй доменные печи мощностью 4 млн т чугуна, сталеплавильные агрегаты на 5,2 млн т стали, прокатные и трубопрокатные станы на 4,4 млн т проката⁴². Но такая программа в тяжелейших условиях военного времени оказалась нереальной и в течение первого периода войны была выполнена всего лишь на 20%.

Среди действовавших металлургических предприятий на первом месте по темпам прироста продукции стоял Новотагильский завод: выплавка стали здесь увеличилась в 1942 г. на 38%, производство проката – на 58%. По объемам годового выпуска металла ведущее место занимали Кузнецкий металлургический комбинат (2 млн т стали) и Магнитогорский комбинат (1,7 млн т). Около 1 млн т

стали дали в 1942 г. заводы треста Главуралмет (Алапаевский, Верхне-Исетский, Верхне-Салдинский, Нижне-Салдинский, Лысьвенский, Нижнетагильский, Уфалейский, Чусовский), важный вклад в производство металла внесли заводы Главспецстали (Златоустовский, Серовский, "Красный Октябрь" и др.).

Многие металлургические заводы в течение всего первого периода войны работали с огромным напряжением. Из-за острой нехватки электроэнергии, низкой пропускной способности железных дорог, недостатка угля, кокса, руды они нередко были вынуждены работать прямо "с колес", а доменные, мартеновые, прокатные станы и коксовые батареи переводились на "тихий ход" или совсем останавливались. В четвертом квартале 1942 г. на Магнитогорском комбинате бывали периоды, когда из 19 мартеновских печей выдавали металл только 11, а из 10 прокатных станов работали 4; на Челябинском ферросплавном заводе из 17 печей плавки шли только в 5. На "тихий ход" были переведены печи Чусовского, Саткинского, Ашинского заводов, а электроплавильный цех Златоустовского завода на некоторое время пришлось совсем остановить.

Во всех отраслях народного хозяйства изыскивались дополнительные источники и резервы для восполнения недостатка металла. Для обеспечения строительства железной дороги в Поволжье были экстренно сняты рельсы протяженностью 145 км со строящейся линии Байкало-Амурской магистрали. Многие потребители угля переводились на дровяное отопление, жестко лимитировался и ограничивался отпуск электроэнергии. Важное значение для роста топливно-энергетического баланса имело восстановление шахт Подмосквовного угольного бассейна (начавшееся сразу после разгрома немцев под Москвой), увеличение добычи угля в Печерском и Карагандинском бассейнах, расширение угледобычи открытым способом на разрезах Кизела и Сибири.

Возрастали требования к качественной металлургии. Для производства многих видов военной техники требовался только высококачественный металл, в то время как многие ведущие комбинаты и заводы наркомата черной металлургии до войны были профилированы преимущественно на рядовые марки стали и проката. Поэтому наряду с увеличением объемов производства производилась большая работа по расширению ассортимента легированных сталей и броневому прокату, освоению новых марок металла. В 1942 г. удалось выпустить качественного проката на 6% больше, чем до войны, а производство бронелиста и снарядной заготовки увеличить в 1,8 раза⁴³. Для роста эффективности металлургии большое значение имело увеличение производства металла в специализированных металлургических цехах оборонных заводов. Их продукция в 1942 г. составляла около 20% общего производства стали и проката в стране.

В конце 1941 г. положение в цветной металлургии сложилось критическое: производство проката цветных металлов уменьшилось в 430 раз. Требовались огромные усилия, чтобы обеспечить тысячи оборонных, сталелитейных, машиностроительных, химических заводов алюминием, медью, никелем, свинцом, оловом, молибденом и другими металлами, без которых выпуск основных видов продукции невозможен. В 1942 г. были достигнуты первые успехи в добыче, производстве и обработке многих видов дефицитной продукции. В апреле выдал первые тонны никеля Норильский горно-металлургический комбинат, значительно увеличился выпуск продукции на Уфалейском заводе и комбинате Южуралникель в Орске. В 1942 г. вошел в состав действующих Новокузнецкий алюминиевый завод, форсированными темпами велось строительство Богословского завода⁴⁴. Нарастали мощности Медногорского медно-серного, Балхашского горно-металлургического, Красноуральского, Баймакского медеплавильных комбинатов, Пышминского электродного завода. Медеплавильщики Пышмы обеспечивали выпуск металла, из которого изготовлялось около 80% снарядных гильз и патронов. Большой вклад в обеспечение оборонных заводов внесли ведущие поставщики свинца, олова,

цинка – Лениногорский полиметаллический, Дальневосточный, Зырянский, Иртышский горно-металлургический комбинаты, Чимкентский свинцовый, Челябинский и Беловский цинковые и другие заводы и рудники цветной металлургии.

Химическая промышленность за первый год потеряла 77% мощности по производству серной кислоты, 83 – кальцинированной соды, 50 – аммиака, 70% – пластмасс, лишилась многих заводов по выпуску азотной кислоты, толуола и другой продукции, необходимой для выполнения военных заказов⁴⁵. В этих условиях первостепенное значение приобрело перепрофилирование действовавших на востоке предприятий химической промышленности для обеспечения нужд фронта. В 1942 г. там было введено в эксплуатацию 11 новых химических предприятий, расширены мощности на 15 заводах, восстановлено производство на Воскресенском и других химкомбинатах. В результате валовой выпуск химической продукции увеличился вдвое⁴⁶.

На Березняковском содовом заводе под руководством инженеров А.П. Плановского, В.С. Хайлова, С.З. Кагана был построен первый в стране цех по получению хлорбензола непрерывным методом для производства пикриновой кислоты. На Чернореченском и ряде других химзаводов инженеры, техники, ученые Г.К. Борисков, А.Г. Амелин, Е.Д. Ступников, В.В. Святухин, Б.А. Болотов, С.С. Бабков, В.Т. Зайцев обеспечили внедрение новых методов и технологических процессов по интенсификации выпуска серной кислоты и многих других видов химической продукции.

В тяжелых условиях первого периода войны напряженно функционировала транспортная система страны, прежде всего железнодорожный транспорт, на долю которого приходилось более 80% суммарного грузооборота. Удельный вес железнодорожного транспорта в общем потреблении проката по сравнению с довоенным уровнем упал в 1942 г. с 20 до 4,2%, поставки черных металлов и метизов уменьшились в 10 раз. Из-за резкого сокращения железнодорожной сети, подвижного состава и его грузоподъемности среднесуточная погрузка уменьшилась в 2,3 раза и составила 43 тыс. вагонов вместо 98 тыс. в 1940 г. В то же время возросла роль транспорта в обеспечении всех народнохозяйственных и военно-стратегических задач.

Несмотря на ограниченные производственные возможности продолжалось строительство новых железнодорожных линий, прокладка вторых путей для увеличения пропускной способности дорог, реконструкция станций, речных и морских портов и т.д. Важное стратегическое и экономическое значение имело принятие в эксплуатацию летом 1941 г. новой железнодорожной линии Озерская–Сороки, обеспечившей бесперебойную связь центральных районов с Заполярьем. В 1942 г. было построено 3,1 тыс. км новых железных дорог (Гурьев–Кандагач, Астрахань–Кизляр, Свяжск–Иловня и др.), в освобожденных от оккупации районах восстановлено 4,6 тыс. км главных и вторых путей, 800 км станционных путей, более 100 мостов.

В системе транспортных грузопотоков особое место занимали воинские перевозки, связывавшие фронт и тыл, обеспечивавшие доставку в войска действующей армии людских контингентов, большого количества вооружения, боеприпасов, горючего, продовольствия и других материально-технических средств из основных экономических районов страны.

В общем объеме воинских перевозок в наибольшей степени возрастал удельный вес снабженческих: если в 1941 г. они составляли 15,2%, то в 1942 г. – 41,2%. На изменении структуры воинских перевозок отражались огромные потребности армии в оружии и военной технике, ее техническая оснащенность. С наибольшей интенсивностью воинские грузопотоки увеличивались в ходе подготовки и проведения крупнейших стратегических операций на советско-германском фронте. Наряду с железнодорожным транспортом важную роль в снабжении войск играли

автомобильный и гужевой, речной и морской. Для срочной доставки людей и грузов постоянно привлекались самолеты транспортной авиации.

Важным фактором повышения эффективности работы всех отраслей промышленности являлось укрепление связи науки с производством. С первых дней войны вся деятельность ученых была подчинена интересам фронта. Академия наук СССР в 1941–1942 гг. создала комиссии по мобилизации ресурсов и развитию производительных сил восточных регионов. Они-то и объединили усилия ученых в решении самых актуальных научных и практических задач. В работе комиссий активное участие принимали виднейшие ученые: академики А.А. Байков, И.П. Бардин, Э.В. Брицке, А.Ф. Иоффе, В.Л. Комаров, А.Н. Крылов, С.С. Наметкин, В.Н. Образцов, Н.Н. Семенов, К.И. Скрябин, А.Е. Ферсман, Е.А. Чудаков и др.

Большое значение имели работы по поиску новых месторождений полезных ископаемых, совершенствованию металлургического производства, изысканию промышленных способов получения жидкого кислорода, решению важных проблем баллистики, танкостроения, авиации, противоминной защиты кораблей, медицинского обеспечения населения и войск, интенсификации сельскохозяйственного производства и многие другие.

Война резко ухудшила условия жизни трудящихся. Душевое потребление основных промышленных и продовольственных товаров широкого спроса, очень невысокое и до войны, многократно упало в военное время из-за сокращения производства. В 1942 г. на душу населения, включая и военнослужащих, приходилось в среднем всего по 0,3 пары обуви. При этом ухудшение положения рабочих, служащих, колхозников зависело не только от изменения соотношения производства средств производства и производства предметов потребления, но и от увеличения централизованных фондов для снабжения армии и соответственно сокращения фондов товаров, направляемых в торговую сеть для продажи гражданскому населению. По сравнению с довоенным уровнем товарные фонды для розничной торговли сократились в 1942 г. по хлопчатобумажным тканям в 12 раз, льняным – в 11,6 раза, швейным изделиям – в 8 раз, чулочно-носочным изделиям – в 6 раз, кожаной обуви – в 11 раз, мылу – в 4,4 раза, керосину – в 6,5 раза, спичкам – в 8 раз и т.д.⁴⁷ Самые необходимые предметы повседневного спроса распределялись либо по карточкам, либо выдавались в качестве премий за ударную работу.

Исключительно тяжелой оставалась, естественно, и жилищная проблема. Большая часть населения, особенно сельского, и в мирное-то время почти не знала коммунальных удобств: свыше половины городов и поселков не имели тогда водопровода и канализации, а электрификацией еще не охватили сотни тысяч сел и деревень. В военные годы, когда значительная часть населения была эвакуирована на восток, а крестьяне в массе своей привлечены на заводы и стройки, бытовые условия населения сильно ухудшились. Миллионы людей жили в бараках, общежитиях, непригодных служебных помещениях, даже в палатках и землянках. На Синарском прокатном заводе на одного работника, проживающего в общежитии, приходилось 1,8 кв. м жилплощади, на Сухоложском огнеупорном заводе – 2 кв. м, на Магнитогорском металлургическом комбинате – от 1,3 до 2,2 кв. м площади. Даже на военных предприятиях, обеспечивавшихся в материально-бытовом отношении в первоочередном порядке, положение было также тяжелым. Из эвакуированного персонала танковых заводов в 1942 г. в землянках проживало 8500 человек, в неблагоустроенных бараках – 12,5 тыс. человек. В поселках танкостроителей с населением в 15 тыс. человек имелось всего 6 уличных водопроводных колонок.

Вот как вспоминал об обычной для того времени жизни рабочих, прибывших на строящийся завод, один из руководителей автомобильной промышленности П.И. Смирнов: "Идешь, бывало, и видишь, как откуда-то из-под земли идет дым.

Смотришь: то тут, то там из земли железные трубы. Подходишь, глядишь: огороженные снаружи ступени ведут в землянку... Некоторые умудрились устроить аккумуляторное освещение и вытяжку для вентиляции воздуха⁴⁸. До рабочих мест добирались обычно пешком. Наибольшие трудности выпали на долю рабочих, трудившихся в северных и отдаленных районах.

Во время войны удалось избежать массовых эпидемий в стране, но недостаток многих лекарств, сокращение медицинских учреждений и лечебного персонала, мобилизованных в действующую армию, крайнее перенапряжение на работе, плохое питание часто вызывали острые формы дистрофии у многих рабочих и увеличение производственного травматизма во всех отраслях промышленности.

Трагедией военного времени являлось массовое увеличение числа осиротевших, безнадзорных, беспризорных детей, потерявших своих родителей из-за их гибели во фронтовых условиях или во время эвакуации. Количество малолетних сирот исчислялось сотнями тысяч. Для устройства их расширялась сеть детских домов. Но наиболее эффективной мерой устройства осиротевших детей и сокращения массовой беспризорности было усыновление их в семьях простых людей, проявлявших поистине материнскую сердечную заботу и теплоту о малолетних жертвах войны. Только в семьях трудящихся Российской Федерации к концу 1942 г. воспитывалось более 117 тыс. детей, оставшихся без родителей.

Для финансирования оборонных нужд с января 1942 г. был введен военный налог. Он взимался с большинства населения допенсионного возраста, в том числе и с командного состава частей армии и флота, не участвовавших в боевых действиях. Поступления от военного налога превышали все взимавшиеся до этого налоговые платежи. Весной были прекращены выплаты денежной компенсации за отмененные на время войны отпуска для всех категорий населения. Все эти мероприятия, вызванные тяжелым экономическим положением страны, новым бременем ложились на плечи трудящихся.

И тем не менее жизнь полностью опрокинула расчеты нацистов на развал экономики СССР и непрочность его тыла. "В труде – как в бою", "Все для фронта, все для Победы!" – эти призывы отражали жизненные интересы народа, готового отстаивать свое Отечество. Они объединяли коммунистов, беспартийных и комсомольцев, верующих и атеистов, различные слои общества.

Для всей страны примерами стойкости мужества стали защитники Ленинграда и Москвы, Сталинграда и Севастополя, Одессы и Новороссийска, Тулы и Мурманска, тех рубежей, где фронт и тыл слились воедино. За рубежом восхищались самоотверженностью россиян, превративших Урал и Сибирь в мощный промышленный бастион, который снабжал Красную Армию оружием и военной техникой.

Решение сложнейших производственных задач, что встали перед страной в первый период войны, стало возможным только благодаря самоотверженному героизму рабочего класса. Среди передовиков трудового фронта заслуженную известность приобрели люди всех профессий и рабочих специальностей: фрезеровщики А. Богданов, Д. Босый, И. Манаков, Г. Масудов, токари А. Афанасьев, П. Константинов, В. Лаврентьев, И. Мизенин, расточники В. Андреев, М. Борцов, М. Попов, П. Щукин, горняки С. Еременко, И.П. Завертайло, А. Семиволос, И. Янкин, строители С.С. Максименко, И. Мещеряков, В.Ф. Шалаев и многие другие новаторы производства. У каждого советского труженика была нелегкая жизненная судьба. У сибирячки Марии Прохоровны Косогоровой в годы гражданской войны погиб отец, мать стала инвалидом, из одиннадцати детей в живых осталось трое. Взяв на себя все тяготы главы семьи, она овладела профессией горняка, закончила институт, стала инженером. В 1942 г. на фронте погиб ее муж, умерли сын и младшая сестра. Но никакие невзгоды не снизили накал жизненной энергии и трудовой активности М.П. Косогоровой. В годы Великой Отечественной войны она

была единственной в стране женщиной, возглавлявшей одну из крупнейших шахт в Кузбассе. За самоотверженный труд коллектива и его руководителя этой шахте в 1942 г. было присвоено звание лучшей угольной шахты страны. Достижение высоких показателей, перевыполнение плановых заданий и нормативов на каждом участке народного хозяйства в конечном итоге имели общегосударственное значение, являлись решающим фактором укрепления военно-экономического потенциала СССР.

РОСТ ВОЕННОГО ПРОИЗВОДСТВА

Центральной задачей народного хозяйства СССР являлось обеспечение потребностей советских войск в оружии, военной технике, всех видах материально-технического снабжения. Решалась она за счет приоритетного распределения материальных, сырьевых, научно-производственных ресурсов в интересах выпуска конечной военной продукции, путем значительного опережения объемов и темпов роста военного производства по отношению к валовой продукции всей промышленности (табл. 11).

Таблица 11. Соотношение объемов производства между основными отраслями промышленности (в % к 1940 г.)⁴⁹

Отрасли промышленности	1941 г.	1942 г.	Отрасли промышленности	1941 г.	1942 г.
Валовая продукция всех отраслей промышленности,	98	77	авиационная промышленность	126	178
в том числе:			промышленность вооружения	145	191
танковая промышленность	112	184	промышленность боеприпасов	152	218

Военная промышленность к началу войны располагала развитой производственной базой. Помимо военных заводов сотни предприятий-смежников поставляли комплектующие изделия и специальные материалы широкой номенклатуры. Из ежедневных сводок промышленных и оборонных наркоматов видно, что уже за первую неделю войны суточный выпуск военной продукции значительно вырос⁵⁰. В июне–июле 1941 г. все оборонные заводы перешли на круглосуточный график и работали на полную мощность, а производство основных видов военной техники по сравнению со среднемесячными показателями первого полугодия увеличилось в два-три раза. Однако к осени более половины оборонных заводов оказались в прифронтной зоне и подлежали немедленной эвакуации. В самом тяжелом положении оказались танковая и авиационная промышленность, а также промышленность боеприпасов.

В главных центрах танкостроения (Ленинграде и Харькове) с начала войны до октября 1941 г. было выпущено около 1200 средних и тяжелых танков Т-34 и КВ. В Центральном промышленном районе продолжалось производство только легких танков Т-40. Предвоенные планы развертывания танковой промышленности в восточных районах полностью выполнены не были, так как к началу войны на Урале и в Поволжье производство танковой брони и дизельных двигателей для средних и тяжелых танков еще не было налажено.

В этих условиях потребовались огромные усилия танкостроителей, чтобы в самые сжатые сроки компенсировать прекращение танкового производства в Ленинграде и на Украине и создать новые мощные центры на востоке страны. Для создания новой базы танкового дизелестроения пришлось оснащать часть

средних и тяжелых танков бензиновыми авиадвигателями М-17 и развертывать на заводах Москвы, Кирова и других городов массовый выпуск легких танков Т-60 с автомобильными моторами⁵¹. Если в первом полугодии 1941 г. удельный вес легких танков в общем танковом производстве не превышал 12–14%, в октябре – 40, то в декабре он достиг 60%⁵².

Несмотря на то что легкие танки по сравнению с Т-34 и КВ имели ограниченные боевые возможности, организация их производства в сложившейся тогда обстановке имела большое значение для обеспечения нужд фронта. Поэтому их выпуск продолжал нарастать вплоть до лета 1942 г.: ежемесячно в войска поступало более 900 этих боевых машин. На вооружение был принят новый легкий танк Т-70 с 45-мм пушкой и броней 35–45 мм. С увеличением выпуска Т-34 удельный вес легких танков в танковом производстве стал падать. Уже в мае–июне 1942 г. ежемесячное производство средних танков превысило выпуск Т-60 и Т-70.

С первых дней войны развернулась огромная работа по наращиванию мощностей заводов, выпускавших более совершенные боевые машины – Т-34 и КВ. Постановлением ГКО № 1 от 1 июля 1941 г. на производство средних танков переключился судостроительный завод "Красное Сормово". Для обеспечения развертываемого танкового производства конкретные задания получили около десятка металлургических и машиностроительных заводов Поволжья⁵³. Уже в сентябрь–октябре на фронт была отправлена первая партия Т-34. До конца года сормовские танкостроители дали войскам 173 средних танка.

Постановление ГКО № 2 также касалось танковой промышленности. Оно требовало развернуть производство тяжелых танков КВ на Челябинском тракторном заводе. К выпуску корпусов КВ привлекался Уралмашзавод, а руководству наркомата черной металлургии поручалось приступить к прокату спецсталей для тяжелых танков на уральских и сибирских металлургических заводах, чтобы полностью прекратить завоз танкового металла с южных и северо-западных заводов⁵⁴. После эвакуации в октябре оборудования ленинградского Кировского завода в Челябинск здесь был создан мощный производственный комплекс по выпуску тяжелых танков (Танкоград). Во второй половине 1941 г. челябинские тракторостроители изготовили свыше 500 танков КВ.

Мощности танкостроения на Урале и в Поволжье значительно увеличились тогда, когда туда перебазировались харьковские заводы. На Уралвагонзаводе в Нижнем Тагиле развернулись крупномасштабные работы по переоборудованию его цехов и монтажу агрегатов харьковского танкового завода № 183. До конца года в Нижнем Тагиле были выпущены первые 25 танков Т-34. С каждым месяцем расширялся объем танкового производства на Сталинградском тракторном заводе. За вторую половину 1941 г. сталинградцы дали фронту около тысячи средних танков. Важнейшее значение для развертывания танковой промышленности имело налаживание производства дизельных двигателей в Свердловске, Челябинске и Сталинграде. Всего с начала войны до конца 1941 г. в войска поступило более 4,7 тыс. танков, что значительно превышало объем довоенного производства. Однако это не покрывало потерь на фронтах, которые за это время составили 20,5 тыс. единиц.

В 1942 г. нижнетагильский завод № 183 становится главным центром по производству средних танков. Наряду с увеличением их выпуска шла непрерывная модернизация Т-34. Находившиеся непосредственно на заводе ученые во главе с академиком Е.О. Патонем внесли большой вклад в совершенствование технологии производства танков. Внедрение автоматической сварки танковых корпусов под слоем флюса повысило производительность труда в восемь раз. Была внедрена технология отливки танковой башни из броневой стали в сырые формы с применением машинной формовки. Этот метод позволил увеличить выпуск башен с 5–6 до 30–32 в сутки. Нарастали темпы производства Т-34 на Сормовском и

Сталинградском заводах. В Сталинграде выпуск танков не прекращался вплоть до выхода врага в берегам Волги.

Потеря Сталинградского промышленного района тяжело отразилось на развитии танковой промышленности. Это компенсировалось за счет освоения выпуска танков Т-34 на Уралмаше. С этой целью сокращалось производство бронекорпусов для тяжелых танков. Наряду с автоматической сваркой свердловские танкостроители широко использовали внедренную ими штамповку на различных типах кузнечно-прессового оборудования.

Но действующей армии требовалось все больше и больше средних танков. В июле 1942 г. освоение их выпуска вынужден был начать и Танкоград, который оставался единственным заводом-изготовителем тяжелых танков КВ. Был проведен огромный объем работ по переоборудованию главного конвейера и ряда основных цехов. Уже во второй половине августа с конвейера сошел первый средний танк. Одновременно в Танкограде продолжались работы по совершенствованию тяжелых танков, хотя в количественном отношении их выпуск уменьшился. Под руководством главного конструктора Ж.Я. Котина в том же году был создан ряд модификаций танка КВ (КВ-7, КВ-8, КВ-9, КВ-10).

Всего в 1942 г. было выпущено свыше 24 тыс. танков, в том числе 12,5 тыс. Т-34 и КВ. В отличие от предыдущего года поступление новой танковой техники на фронт существенно превысило понесенные в боях потери.

Первый год войны показал острую необходимость оснащения войск маневренной боевой машиной для непосредственного огневого сопровождения пехоты и танков, артиллерийской поддержки подвижных соединений, усиления противотанковой обороны войск, борьбы с танками, штурмовыми орудиями и противотанковой артиллерией противника, сокрушения его оборонительных сооружений. Кроме того, опыт военных действий требовал скорейшего решения вопроса механической тяги для артиллерийских систем, ибо дивизионная артиллерия, находившаяся на конной тяге, не обеспечивала высокоманевренные действия, особенно подвижных соединений. Уже в октябре начались работы по конструированию и созданию самоходных артиллерийских установок. На заводе в Коврове был изготовлен опытный образец легкобронированной самоходной установки ЗИС-3, на Уралмаше спроектирована и создана бронированная самоходная установка СУ-122, в Челябинске развернулись работы по созданию тяжелой СУ-152.

В целом в первый период войны буквально за считанные месяцы на востоке страны была создана мощная танковая промышленность, неуязвимая для противника и способная удовлетворять все возрастающие потребности действующей армии. Следует отметить, что для резкого увеличения выпуска бронетанковой техники пришлось построить и переоборудовать десятки цехов, переместить, заменить и установить тысячи станков и агрегатов, возвести новые корпуса, коммуникации, спроектировать и изготовить десятки и сотни тысяч штампов, прессов, приспособлений, инструментов, технической оснастки, демонтировать ненужное оборудование, освоить новые технологические процессы. Трудовые коллективы в крайне сжатые сроки сумели решить все эти сложнейшие научно-производственные проблемы, преодолеть невиданные трудности военного времени. В организации танкового производства важную роль сыграло создание в сентябре 1941 г. наркомата танковой промышленности во главе с талантливым организатором В.А. Мальшевым, который одновременно являлся заместителем председателя СНК.

За трудовой подвиг рабочих коллективов по созданию бронетанковой техники в 1941–1942 гг. государственными наградами были отмечены ведущие заводы страны: Кировский, Горьковский автомобильный, Сталинградский тракторный, Харьковский дизельный, Нижнетагильский № 183, Уралмаш и др. Звания Героя Социалистического Труда были удостоены конструктор тяжелых танков Ж.Я. Котин и директор Кировского завода И.М. Зальцман, Государственной премией за

создание танка Т-34 был отмечен в апреле 1942 г. коллектив конструкторов – М.М. Кошкин (посмертно), Н.А. Кучеренко, А.А. Морозов. Талантливыми организаторами производства проявили себя директора заводов Б.Я. Дулькин, К.А. Задорожный, Д.Е. Кочетов, И.К. Лоскутов, Ю.Е. Максарев, Д.В. Михалев, Б.Г. Музруков, Е.Э. Рубинчик, Г.Р. Фрезеров. Большой вклад в совершенствование бронетанковой техники и внедрение передовых методов производства внесли конструкторы и инженеры Н.А. Астров, Я.И. Баран, Л.И. Горлицкий, Н.Л. Духов, Н.В. Курин, С.Н. Махонин, И.Я. Трашутин, Т.П. Чупахин и др.

Ускоренными темпами совершенствовалась и авиационная промышленность. Еще в годы предвоенных пятилеток была создана мощная производственная база. В этой отрасли были заняты сотни тысяч рабочих и служащих. В сентябре 1941 г. авиационные заводы выпустили свыше 2 тыс. самолетов, что в три раза превышало среднемесячное производство за первую половину того же года. Однако поражение Красной Армии, ее отход в глубь страны привели к спаду производства самолетов. В ноябре он достиг критической черты: прекратили деятельность десятки крупнейших самолетостроительных, авиадвигательных и агрегатных заводов в Ленинграде, Запорожье, Харькове, Таганроге, Москве, Воронеже, Ростове и других городах. С эвакуацией единственного в стране завода по выпуску штурмовика Ил-2 производство этой столь нужной фронту боевой машины упало до нескольких единиц в месяц.

За первое военное полугодие было выпущено 8,2 тыс. боевых самолетов, в то время как потери ВВС составили около 18 тыс. боевых машин⁵⁵.

Поистине героические усилия потребовались от авиастроителей, чтобы восстановить мощности самолетостроения, наладить новые производственные связи, внедрить новые технологические процессы для поточного производства, расширить станочный парк, обучить и повысить квалификацию новых контингентов рабочих и служащих. Главный центр авиастроения переместился в Поволжье. После разгрома немцев под Москвой был эвакуирован ряд московских и подмосковных авиапредприятий. Возникли новые и значительно расширились существовавшие заводы на востоке.

Наиболее высокими темпами увеличивалось производство штурмовиков Ил-2. Причем специальная отечественная авиационная броня оставалась непревзойденной в мировой практике. Штурмовик был незаменим для поддержки войск в оборонительных и наступательных боях, уничтожения военной техники и живой силы противника, нанесения ударов по его объектам. К ноябрю 1942 г. среднемесячный выпуск Ил-2 по сравнению с первой половиной 1941 г. увеличился в 25 раз. Их производили на четырех авиазаводах. Главный вклад в создание грозной боевой машины внесли трудовые коллективы Куйбышева и Москвы⁵⁶.

Борьба за господство в воздухе требовала расширения серийного производства истребителей. С учетом фронтового опыта конструкторские бюро в тесном сотрудничестве с заводскими коллективами Горького, Новосибирска, Саратова совершенствовали тактико-технические характеристики самолетов Як-7 и Як-9 – новые модификации истребителей А.С. Яковлева, которые обладали большей скоростью, лучшей маневренностью, повышенной огневой мощью и дальностью полета. С учетом пожеланий летчиков-фронтовиков были уменьшены размах и площадь крыла новых истребителей, фонарю кабины летчика придали каплевидную форму и изменили обвод фюзеляжа за кабиной, что значительно улучшило обзор; увеличили запас топлива, повысив дальность полета более чем на 100 км.

На смену истребителю ЛаГГ-3 пришла новая боевая машина Ла-5. Фронтовые испытания она прошла осенью 1942 г. под Сталинградом. Новый истребитель с двигателем воздушного охлаждения был вооружен двумя мощными авиационными пушками, развивал скорость до 630 км/ч и имел потолок до 10 тыс. м. До конца 1942 г. было выпущено свыше тысячи таких машин.

В общем объеме военного самолетостроения производство бомбардировщиков занимало меньший удельный вес, чем в 1941 г., что определялось требованиями наиболее рационального использования мощностей авиационной промышленности и приоритетного развития штурмовой и истребительной авиации. В 1942 г. в массовом количестве производились фронтовой пикирующий бомбардировщик Пе-2 и дальний бомбардировщик Ил-4. Важный вклад в развитие авиастроения внесли нарком А.И. Шахурин, С.И. Агаджангов, А.А. Белянский, В.П. Баландин, А.Т. Третьяков и другие.

Важное значение для усиления огневой мощи авиации имела деятельность заводов по производству пушечно-пулеметного вооружения самолетов: 23-мм авиапушки ВЯ, 20-мм авиапушки ШВАК, 7,62-мм пулемета ШКАС, крупнокалиберных 12,7-мм пулеметов УВ. В 1942 г. арсенал авиационного вооружения пополнился мощной 37-мм авиапушкой НС-37. Установленные на штурмовиках и новых истребителях, эти пушки показали исключительно высокую эффективность как в воздушных боях, так и при поражении наземных целей⁵⁷.

В результате напряженной работы авиапромышленности Красная Армия получила в 1942 г. более 21 тыс. боевых самолетов, что не только покрыло понесенные на фронте потери, но и позволило приступить к формированию мощных авиационных объединений и соединений.

Сложные организационно-технические проблемы с начала войны встали перед артиллерийской промышленностью. Еще в предвоенное полугодие 1941 г. артиллерийские заводы выпустили более 1500 пушек и гаубиц крупного калибра (122–280 мм), но войска совсем не получили 45-мм противотанковые и 76-мм полковые и дивизионные пушки, которые в наибольшей степени отвечали потребностям вооруженной борьбы⁵⁸. В 1941 г. Красная Армия потеряла свыше 101,2 тыс. орудий и минометов, или более 90% от общего количества всей артиллерии⁵⁹.

В результате принятых мер объем артиллерийского производства во втором полугодии 1941 г. по сравнению с первым полугодием вырос более чем в три раза. В рекордно короткие сроки возобновилось изготовление противотанковых орудий и 76-мм пушек. Устойчивый рост этих видов артиллерийского вооружения обеспечивался тем, что их производство велось на заводах Поволжья и Урала, не затронутых эвакуацией. Сложнее складывалось положение с зенитными орудиями, выпуск которых был возложен на подмосковные заводы. В сентябре на фронт было отправлено немногим более тысячи зенитных орудий, но в результате эвакуации выпуск их сократился в 10–12 раз. Спад производства зенитной артиллерии, хотя потребности действующей армии были огромные, продолжался и в ходе битвы под Москвой: в январе–феврале 1942 г. ежемесячно выпускалось лишь по 180–190 зенитных орудий.

В 1942 г. рабочие коллективы артиллерийских заводов, несмотря на тяжелые экономические условия, добились существенного подъема производства. Уже в первом полугодии выпуск орудий всех калибров превысил все годовое производство 1941 г. на 20%, а во второй половине года было произведено на 20 тыс. орудий больше, чем в первой половине. Нарастали мощности по производству зенитной артиллерии, продолжалось увеличение выпуска 76-мм полевых пушек за счет уменьшения удельного веса орудий крупных калибров.

В целом количественные характеристики оружейного производства стали настолько высокими, что в дальнейшем требовалось лишь качественное совершенствование артиллерийских систем. В течение года трудовые коллективы артиллерийских заводов обеспечили выпуск продукции*, достаточной для штатного оснащения 535 стрелковых дивизий, 342 артиллерийских полков, 57 воздушнодесантных частей⁶⁰.

* Всего было выпущено 291 тыс. орудий, минометов и реактивных установок.

Важнейшее место в повышении огневой мощи войск заняла реактивная артиллерия. Если до войны на отработку первых пусковых установок потребовалось свыше трех лет, то с началом боевых действий сроки внедрения новой техники исчислялись неделями и даже днями. 31 июля 1941 г. ГКО обязал наркомат общего машиностроения немедленно изготовить три батареи установок БМ-8, а наркомат обороны произвести полигонные испытания и еще до утверждения чертежей приступить к серийному производству⁶¹.

Изготовление пусковых установок БМ-8 и БМ-13, а также снарядов к ним осуществляли многие предприятия, в том числе московские заводы "Компрессор", "Красный пролетарий", "Красная Пресня", "Манометр", имени Серго Орджоникидзе, Коломенский машиностроительный, кроме того, десятки предприятий Сибири, Урала и Средней Азии. Если в августе–декабре 1941 г. было выпущено 900 установок реактивной артиллерии, то в 1942 г. уже 3,3 тыс. На базе новой боевой техники были созданы гвардейские минометные части. Они стали эффективным средством ВГК и фронтового командования.

К началу войны промышленность СССР выпустила более 50 тыс. ротных, батальонных и полковых минометов, но из них более 70% калибра 50 мм, которые имели невысокие боевые качества⁶². Дальность их огня, составлявшая всего несколько сот метров, заставляла расчет миномета сближаться с противником на предельно малые расстояния, а это, в свою очередь, приводило к демаскировке стреляющих, поражению даже из стрелкового оружия. Осенью 1941 г. был создан наркомат минометной промышленности, который объединил предприятия, занятые выпуском минометов. Помимо них к производству этого технологически простого и дешевого вида вооружения были привлечены тысячи предприятий многих наркоматов и ведомств. Летом и осенью 1941 г. они выпустили 42 тыс. минометов (из них более половины 50-мм ротных), в следующем году их производство возросло более чем в пять раз, т.е. больше, чем во всех воюющих государствах за вторую мировую войну. Впоследствии созданные запасы минометов позволили снизить их выпуск (в 1943 г. до 67 тыс., в 1944 г. – до 2 тыс.).

В общей системе вооружения Красной Армии самым массовым оставалось стрелковое оружие. Несмотря на значительный запас винтовок, созданный перед войной, потребность в них сильно возросла с первых же дней войны. План на июль 1941 г. предусматривал увеличение ежемесячного их выпуска более чем на 100 тыс. Три оружейных завода сумели во второй половине этого года повысить производство винтовок по сравнению с довоенным полугодием. Однако потеря более 5,5 млн винтовок в 1941 г. требовала дальнейшего развертывания их массового изготовления. Эвакуация тульских заводов в конце 1941 г. заметно отразилась на мощностях оружейного производства, но уже в первом квартале следующего года началось восстановление оборонной промышленности Тулы. В октябре тульские оружейники по сравнению с апрелем дали фронту почти в шесть раз больше винтовок. Шестикратного увеличения выпуска винтовок добился также Ижевский завод, где ежедневно с конвейеров сходило до 12 тыс. единиц оружия. Всего в 1942 г. (при потерях на фронте почти 2,2 млн единиц) заводы наркомата вооружения дали армии свыше 4 млн винтовок – максимальное производство за время войны⁶³.

Боевая практика показала, что пистолеты-пулеметы являются универсальным оружием. Однако в связи с эвакуацией из Подмосковья головного завода по производству пистолетов-пулеметов задержался их массовый выпуск. Во второй половине 1941 г. их было выпущено всего лишь около 90 тыс. штук. Резкий перелом в производстве автоматического стрелкового оружия произошел только в следующем году. Особенно зарекомендовал себя высокими боевыми, технологическими и эксплуатационными качествами пистолет-пулемет Г.С. Шпагина (ППШ), который отличался простотой конструкции, высокой надежностью и безотказностью. Это позволяло наладить массовое производство деталей и узлов

автоматического оружия на многих предприятиях различных отраслей промышленности, в том числе на Московском автомобильном и Московском инструментальном заводах, заводе счетно-аналитических машин, Ярославском автозаводе и др.

В структуре производства оружейных заводов в период войны значительно изменился удельный вес пулеметов всех типов – ручных, станковых, авиационных, танковых и др. Если в довоенном полугодии их было выпущено 42 тыс., то в первом полугодии 1942 г. их производство увеличилось в 3,2 раза, а во втором полугодии – более чем в 5 раз. Резко возросло производство крупнокалиберных пулеметов, что способствовало повышению огневой мощи советских войск.

Перед войной из-за неправильной оценки боевых возможностей противотанковых ружей они были вообще сняты с производства. А опыт боевых действий показал, что войска лишились эффективного средства борьбы с танками противника. Чтобы как-то исправить сложившееся положение, ГКО уже через две недели после начала войны приказал развернуть массовое производство бутылок с зажигательной смесью. В августе 1941 г. промышленность получила задание отправить на фронт 3 млн бутылок⁶⁴. Хотя применение их сыграло свою роль в борьбе с немецкими танками, надо признать, что это влекло за собой большие потери среди бойцов-бронбойщиков*.

Для пополнения арсенала противотанковых средств постановлением ГКО от 10 августа 1941 г. наркомату вооружения предлагалось срочно восстановить производство довоенных 7,92-мм противотанковых ружей⁶⁵. Одновременно известные конструкторы-оружейники В.А. Дегтярев и С.Г. Симонов вели интенсивную разработку новых образцов ПТР. Предложенные ими новые образцы ружей обладали более высокими баллистическими характеристиками и обеспечивали поражение быстро движущихся целей с броней 35 мм на дальностях в 500 м. Эти 14,5-мм ружья (противотанковое ружье Дегтярева – ПТРД и Симонова – ПТРС) были приняты на вооружение и срочно запущены в серийное производство на заводах в Ижевске, Коврове, Златоусте, Саратове⁶⁶. До конца года удалось выпустить 17,6 тыс. однозарядных ПТРД и полуавтоматических многозарядных ПТРС. В 1942 г. производство противотанковых ружей, зарекомендовавших себя как высокоэффективное средство в борьбе с вражескими танками, приняло массовый характер: ежемесячно их выпуск превышал 22 тыс. штук. К концу года промышленность дала фронту более 250 тыс. противотанковых ружей. "Мировая оружейная практика не знала примера столь стремительного темпа создания нового вида вооружения и столь короткого срока их прохождения от конструкторских разработок до действующей армии", – отмечал заместитель наркома вооружения В.Н. Новиков⁶⁷.

За самоотверженный труд рабочих коллективов по обеспечению действующей армии артиллерийским и стрелковым вооружением государственных наград были удостоены заводы в Горьком, Ижевске, Коврове, Молотове, Сталинграде, Свердловске, а также ряд минометных заводов. Были отмечены Московский автомобильный завод, заводы "Компрессор", имени Владимира Ильича и др., звание Героя Социалистического Труда было присвоено наркомом вооружения Д.Ф. Устинову, его заместителям Б.Л. Ванникову и В.Н. Новикову, директорам артиллерийских заводов А.И. Быховскому, Л.Р. Гонору, С.А. Еляну, конструкторам А.Г. Костикову и Б.Н. Шавыдвину; государственные премии получили В.А. Дегтярев и С.Г. Симонов. Большой вклад в развитие артиллерийской и минометной промышленности

* Инструкцией, утвержденной наркомом обороны 12 августа 1941 г., предусматривалось, что для эффективного поражения танков зажигательными бутылками броски надо начинать на расстоянии не далее 15 м от приближающейся вражеской машины. Бойцы-бронбойщики, преграждая путь танкам зажигательными бутылками, почти всегда наверняка шли на смерть.

внесли нарком П.И. Паршин, директора заводов Л.Т. Боярский, В.Д. Манин, Н.В. Никулин, Б.А. Фраткин, Б.А. Хазанов, Ф.К. Чеботарев.

Судостроительная промышленность к началу войны обладала большими производственными мощностями и первоклассным оборудованием. Такие заводы наркомсудпрома, как Ижорский и Мариупольский, являлись основными производителями броневой стали и проката различного профиля и назначения. Мобилизационный план военного кораблестроения на второе полугодие 1941 г. был утвержден 10 июля. Он предусматривал приостановку постройки линкоров, тяжелых и легких крейсеров, а также прекращение закладки новых кораблей на ленинградских и николаевских заводах (за исключением катеров). Руководству наркомата предлагалось представить предложения о размещении на судостроительных заводах заказов на изготовление снарядов и производство ремонтных работ по бронетехнике. Вместе с тем планом предусматривалось продолжение постройки двух крейсеров, около 100 эсминцев, сторожевых кораблей и тральщиков, 85 подводных лодок и др. Однако в связи с резко изменившейся обстановкой на северо-западе и юге количество боевых кораблей, подлежащих достройке, было ограничено 2 эсминцами, 4 сторожевыми кораблями и 4 подводными лодками. Новая программа строительства ВМФ предполагала заложить в 1941–1942 гг. 259 охотников за подводными лодками, 134 бронекатера и 213 торпедных катеров⁶⁸.

Блокадный Ленинград оставался главным судостроительным и судоремонтным центром страны. С 22 июня по 30 декабря 1941 г. на его заводах были введены в строй 280 кораблей и судов. 30 кораблей различных типов были выведены по водным путям для достройки во внутренних бассейнах. Сотни гражданских судов подверглись переоборудованию и вооружению. Для обеспечения Дороги жизни по Ладоге началось строительство транспортных плавсредств. Одной из главных задач судостроительных заводов стал ремонт боевых кораблей.

Ремонт судов ленинградские судостроители продолжали и в тяжелую зиму 1941 г. К маю 1942 г. из 295 находившихся в ремонте кораблей и судов Балтийского флота были закончены работы на 204 кораблях. В последующие месяцы восстановили еще 116 кораблей. Летом 1942 г. были построены, смонтированы и оснащены десятки судов, совершавших воинские и снабженческие перевозки по Ладоге для блокадного города. Ни на один день не прекращалась производственная деятельность рабочих коллективов Кронштадта. На всех заводах и предприятиях работы велись под ожесточенными обстрелами и бомбардировкой врага. Наряду с выполнением работ по поддержанию боеготовности флота огромное значение имело участие судостроителей в обеспечении заказов Ленинградского фронта. Только за вторую половину 1941 г. на судостроительных предприятиях города-героя было изготовлено около 500 тыс. различных видов военной техники и боеприпасов.

Военное судостроение на юге страны, после того как пришлось оставить Николаев, Херсон, Одессу, было практически свернуто. Но для поддержания боеспособности Черноморского флота и азовской военной флотилии важное значение имела деятельность судостроительных предприятий Севастополя, Новороссийска, Туапсе, Ейска, Поти, Сухуми. На Черном море и Каспии были вооружены и оснащены сотни торговых и промысловых судов, которые приняли активное участие в боевых действиях.

С осени 1941 г. ощутимо увеличились судостроительные работы на Севере, Дальнем Востоке и во внутренних речных бассейнах. Быстрыми темпами шла постройка нового крупнейшего кораблестроительного центра страны в Молотовске (Северодвинске). Расширялись производственные площади на судостроительных заводах Комсомольска-на-Амуре, Хабаровска, Владивостока. По программе военного кораблестроения на 1942 г., введенной в действие постановлением ГКО от 4 декабря 1941 г., заказы ВМФ выполнялись десятками производственных

предприятий наркоматов морского и речного флота, лесной и рыбной промышленности и т.д.⁶⁹ Продолжалась постройка подводных лодок на Волге. Коллективы многих оборонных, электротехнических, машиностроительных заводов успешно выполняли задания по выпуску новых образцов минно-торпедного оружия, гидроакустической аппаратуры, станций орудийной наводки СОН-2, штурманского оборудования, аккумуляторных батарей для подводных лодок, электромагнитных тралов, авиационных индукторных мин АМД-500, АМД-1000 и т.д. Всего с июля 1941 по декабрь 1942 г. в состав ВМФ вошли 33 подводные лодки, 1230 боевых катеров, сотни вспомогательных судов⁷⁰.

В исключительно тяжелом состоянии оказалась промышленность боеприпасов. Конкретные мероприятия по увеличению мощностей этой важнейшей оборонной промышленности были одобрены и приняты всего за две недели до нападения Германии. К тому же из-за неудачного военно-стратегического размещения боеприпасных заводов положение Красной Армии оказалось критическим. Только с августа по ноябрь 1941 г. из строя вышло более 300 предприятий, ежемесячный выпуск которых составлял 8,4 млн. корпусов снарядов, 4,7 млн корпусов мин и авиабомб, 7,9 млн взрывателей, более 5 млн гильз. Свыше 65% производственных мощностей потеряла промышленность, выпускавшая порох⁷¹. Для ликвидации кризисного состояния в производстве боеприпасов пришлось срочно мобилизовать большие материальные, сырьевые и людские ресурсы.

Помимо специализированных боеприпасных заводов к производству снарядов, мин, авиабомб, гранат, взрывателей в 1941 г. было привлечено из гражданского сектора народного хозяйства свыше 380 предприятий, а в 1942 г. – более 1100 предприятий и цехов 58 наркоматов и ведомств. Уже в первой декаде июля 1941 г. на изготовление 900 тыс. корпусов фугасных и зажигательных авиабомб были выданы задания почти 400 заводам тяжелого, среднего и общего машиностроения, черной металлургии, судостроительной, угольной, нефтяной и пищевой промышленности, речного флота и др. Поставка 8 млн противотанковых и противопехотных мин была возложена на заводы "Красный штамповщик", "Фанерпродукт", трест "Севзаплес", московские и ленинградские мебельные фабрики. Выпуск 1 млн деталей для ручной противотанковой гранаты РПГ-40 был возложен на предприятия и цеха 26 наркоматов⁷².

Основными поставщиками боеприпасов после эвакуации специализированных производств из оккупированных западных областей и прифронтовых районов Подмосковья и Ленинграда с осени 1941 г. стали заводы в Челябинске, Держинске, Невьянске, Златоусте, Копейске, Чапаевске, Серове, Миассе, Саратове, Горьком, Казани, Новосибирске, Кемерово, Орске, Молотове, Омске и других городах. Ввод в строй гражданских предприятий и цехов, переведенных на выпуск военной продукции, потребовал коренного переоборудования производственных площадей, внедрения принципиально новых технологических процессов, переоборудования производственных площадей, внедрения принципиально новых технологических процессов, переобучения рабочих и инженерно-технических кадров. Боеприпасное производство требовало повышенной точности и особой дисциплины, тщательности, а главное, обеспечения безопасности. Основная тяжесть этой ответственной и опасной работы легла на плечи женщин, так как на многих боеприпасных заводах они составляли 80–90% трудовых коллективов. Каждая работница выполняла за смену тысячи сложнейших операций, переносила вручную тонны взрывчатых веществ.

В ходе летне-осенней кампании 1941 г. практически полностью иссякли запасы боеприпасов основных артиллерийских калибров. Зимой 1941/42 г. количество артиллерийских снарядов и мин, а также винтовочных патронов, выпускаемых ежемесячно, по сравнению со среднемесячным уровнем июля–сентября 1941 г. уменьшилось на 20–25%, в то время как потребности фронта резко возросли. С

вводом в строй эвакуированных заводов и расширением масштабов боеприпасного производства на предприятиях гражданского сектора спад сменился постепенным увеличением выпуска этой необходимой продукции. Во второй половине 1942 г. среднемесячный выпуск снарядов и мин составлял уже 18,4–19,8 млн штук, авиабомб – 420–500 тыс. штук⁷³. Патронные заводы осенью 1942 г. давали около 395 млн винтовочных патронов в месяц, т.е. столько же, сколько летом 1941 г. В целом к концу 1942 г. положение со снабжением действующей армии боеприпасами стало медленно выправляться, однако с ростом стрелкового, артиллерийского, минометного, танкового и авиационного вооружения войск потребность в них все более увеличивалась⁷⁴.

Важную роль в повышении качества боеприпасов сыграло внедрение в производство новых взрывчатых веществ, способных заменить их традиционные виды, прежде всего гексогена и тетрила. С осени 1941 г. были проведены большие работы по наращиванию промышленного производства гексогена и взрывчатых составов на его основе. В 1942 г. изготовление гексогена возросло по сравнению с 1941 г. в десять раз. Все снаряды танковой и противотанковой артиллерии, авиационных и морских пушек, поставлявшиеся теперь на флот, стали снаряжаться только мощными гексогенными составами.

При остром дефиците металлов шла постоянная работа по усовершенствованию производства гильз, корпусов снарядов, мин, авиабомб⁷⁵. Корпуса многих видов артиллерийских снарядов изготавливались отныне не из дорогостоящей качественной стали, а из сталистого чугуна. Особое значение для улучшения боевых свойств боеприпасов имело внедрение в производство подкалиберных снарядов и кумулятивных авиабомб.

В первый период войны на использовании военной техники сильно сказывалась неудовлетворительная организация ремонтно-восстановительной службы, унаследованная с довоенного времени. Тысячи танков, самолетов, автомашин, тракторов, тягачей требовали ремонта и восстановления. Например, в начале 1942 г. во всех авиационных частях находилось 4938 неисправных самолетов и 9752 неисправных мотора при общей численности самолетного парка действующей армии 5,4 тыс. боевых машин. Поставку запасных частей для ремонта военной техники осуществляли многие предприятия тяжелого, среднего, общего машиностроения⁷⁶. Наряду с полевыми ремонтными мастерскими тыловые ремонтные базы создавались в Москве, Люберцах, Казани, Свердловске, Новосибирске и других городах. Путем капитального ремонта восстанавливали и возвращали в строй тысячи боевых машин. Но мощности ремонтно-восстановительной базы оставались ограниченными.

Наряду с военной техникой промышленность обеспечивала армию большим количеством горюче-смазочных материалов (ГСМ), вещевым, обозным, медицинским имуществом. Основными поставщиками ГСМ для войск являлись Грозненский, Константиновский, Уфимский, Сталинградский, Орский, Московский, Саратовский, Бакинский, Гурьевский, Краснодарский, Сызранский нефтеперерабатывающие заводы⁷⁷. В связи с резким возрастанием потребностей армии в обмундировании количество предприятий легкой и текстильной промышленности, выполнявших военные заказы, увеличилось со 146 в начале войны до 296 в 1942 г.⁷⁸ Среди них все крупнейшие текстильные комбинаты: Трехгорная мануфактура, Купавинская фабрика, Глуховский, Ивановский, Егорьевский, Куровской, Барнаульский, Ташкентский комбинаты. Ежеквартальный выпуск шинелей в 1942 г. составлял 4 млн штук⁷⁹. Только предприятия Москвы в 1942 г. дали 2 млн пар армейской обуви, более 2,8 млн м парашютных тканей⁸⁰.

Главным итогом мобилизации народного хозяйства на обеспечение нужд фронта в первый период Великой Отечественной войны стал значительный рост мощностей всех отраслей оборонной промышленности, увеличение выпуска основных видов оружия и военной техники. Благодаря концентрации усилий на развитии военного

строительства в интересах повышения боевой мощи вооруженных сил выпуск военной техники шел возрастающими темпами. Сокращение военного производства в тяжелой обстановке осени 1941 г. в центральных, западных и южных промышленных регионах компенсировалось быстрым наращиванием оборонных мощностей в восточных районах. Объем годового производства 1942 г. по сравнению с 1941 г. превышал по винтовкам почти на 2 млн штук, по пулеметам – на 200 тыс. штук, орудиям – на 87 тыс., танкам – на 18 тыс., боевым самолетам – почти на 9 тыс.

Развитие военного производства характеризовалось не только количественными масштабами, но и глубокими структурными изменениями, связанными с освоением новых видов и образцов вооружения, повышением тактико-технических характеристик оружия, совершенствованием технологических процессов на оборонных заводах.

В 1942 г. советские военные заводы смогли дать вооруженным силам больше техники, чем германские заводы: винтовок – на 2,6 млн, пистолетов-пулеметов – на 1,25 млн, пулеметов – на 240 тыс., орудий – на 87 тыс., минометов – на 220 тыс., танков – на 18 тыс., самолетов – на 10 тыс.

Индустриальная мощь России являлась главным арсеналом укрепления боевой мощи вооруженных сил. Основная тяжесть по выполнению заказов фронта легла на трудящихся трех экономических регионов Российской Федерации – Урала, Поволжья, Сибири. В 1942 г. выпуск военной продукции на Урале возрос более чем в 5 раз, в Поволжье – в 9 раз, в Сибири – в 27 раз. Значительный вклад в повышение боевой мощи действующей армии внесли трудящиеся Казахстана, Средней Азии и Закавказья. Удельный вес предприятий оборонных отраслей промышленности на востоке за первый год войны повысился с 18,5 до 76%. В работе танковых, артиллерийских, авиационных, пороховых и других заводов и предприятий, выполнявших заказы фронта, концентрировались усилия всего народного хозяйства по обеспечению действующей армии военной техникой.

СОСТОЯНИЕ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА

Германская агрессия резко ослабила аграрный потенциал СССР. На территории, подвергшейся оккупации, находилось до войны около 40% колхозов, совхозов, машинно-тракторных станций⁸¹. Среди миллионов советских людей, оказавшихся под оккупацией, большинство составляло сельское население. Численность труженников села с первых же дней войны стала постоянно сокращаться и в связи с мобилизацией их в армию, в промышленность и на оборонное строительство.

Крестьянство являлось главным и самым многочисленным источником пополнения вооруженных сил. В военные годы практически не было ни одного крестьянского двора, который бы не направил на фронт по нескольку бойцов. Из семьи колхозника Хрисанфа Роя (Ростовская область) в армию ушло 10 сыновей, из семьи Прасковьи Моревой (Ярославская область) на фронтах сражались 10 сыновей и 14 внуков⁸².

Массовые мобилизации сельского населения и оккупация западных областей более чем вдвое сократили число трудоспособных работников в колхозном производстве, особенно мужчин⁸³. Уменьшилась численность рабочих и служащих, в первую очередь механизаторов, в совхозах и МТС. К концу 1941 г. их трудовые ресурсы сократились более чем на 600 тыс. человек⁸⁴.

На территории крупнейших сельскохозяйственных регионов, подвергшихся оккупации, находилось 47% всех посевных площадей СССР, в том числе 38% посевов

зерновых, 87 – сахарной свеклы, 50% – подсолнечника, льна и других культур, животноводческие хозяйства насчитывали 57% крупного рогатого скота и лошадей, около 60% свиней и др.⁸⁵ Летом 1941 г. наступающие немецкие войска стремились сорвать ход полевых работ, уборку и эвакуацию всех материальных средств из прифронтовых районов. Под огнем врага колхозники делали все, чтобы собрать и спасти урожай, эвакуировать в тыл зерновые запасы, скот, общественное имущество. Однако возможности вывести сельскохозяйственную продукцию в тяжелой обстановке были весьма ограничены. Из Прибалтики, Молдавии, Белоруссии, Смоленщины удалось перебросить на восток лишь небольшую часть зерновых ресурсов. В августе–сентябре с земельных массивов Украины было вывезено 12,5 млн т зерна и других культур, что составило восьмую часть зерновых, собранных и заготовленных в восточных районах страны. С огромными трудностями проходила эвакуация скота. До тыловых районов дошло примерно 13% колхозного и совхозного стада из Украины, Белоруссии и западных областей Российской Федерации⁸⁶.

Потеря южных и западных районов страны привела к резкому снижению технической вооруженности сельскохозяйственного производства. До войны там находилось 35% комбайнового и 28% тракторного парка страны, а также значительная часть автотранспорта. Территория, захваченная противником, имела 30% всех энергетических мощностей сельского хозяйства⁸⁷. Из-за трудностей эвакуации часть сельскохозяйственной техники была разукомплектована, разобрана или уничтожена на местах, значительное количество тракторов и автомашин передано Красной Армии. К концу 1941 г. машинный парк сельского хозяйства уменьшился по сравнению с довоенным уровнем на 242 тыс. тракторов, 61 тыс. комбайнов, 162 тыс. автомашин. Оставшиеся энергетические мощности сельскохозяйственного производства снизились почти на 60%.

Первая уборочная страда военного времени потребовала максимальной мобилизации усилий колхозной деревни. На поля вышло практически все сельское население, включая детей, стариков, инвалидов. Основная тяжесть уборки урожая легла на женщин. Недосыпая и недоедая, они сутками не покидали своих бригад и звеньев. В ход пошли серпы и косы, а в упряжки вместо лошадей запрягали бычков и яловых коров. Например, в колхозе "Вторая пятилетка" Хабаровского района больше половины овса и пшеницы скошили косами. По ночам возили с полей снопы и обмолачивали. Одновременно следовало позаботиться о севе озимых. Пришлось использовать самые примитивные приемы земледелия – вспашка лопатами, мелкая пахота и т.д.

К тому же надо учесть, что обновилось руководство большинства колхозов, совхозов, бригад, ферм, МТС, не говоря уже о составе механизаторских кадров. В некоторых районах не осталось ни одного председателя колхоза или опытного специалиста с довоенным стажем работы. На их место встали женщины и молодежь. На помощь селу в уборочной страде пришло городское население. На Урале, в Сибири и на Дальнем Востоке в полевых работах участвовал почти 1 млн горожан, половину из них составляли школьники. Благодаря самоотверженному труду хлеборобов тыловых районов Российской Федерации, Казахстана, Средней Азии и Закавказья государству было сдано 17,5 млн т хлеба⁸⁸. Весомый вклад в снабжение страны продовольствием внесли колхозы Российской Федерации. Животноводческие хозяйства обеспечили поставки сотен тысяч тонн мяса и другой сельскохозяйственной продукции.

Однако положение в земледелии и животноводстве оставалось исключительно тяжелым. Восточные районы не могли полностью компенсировать потери, вызванные оккупацией южных и западных областей, а также сокращением людских и материально-технических ресурсов сельскохозяйственного производства. По отношению к довоенному уровню посевные площади зерновых к концу 1941 г. сос-

тавляли 46,4%, сахарной свеклы – 13%, поголовье крупного рогатого скота упало до 57,3%, свиней – до 32,6, лошадей – до 39%. Валовой сбор зерна в 1941 г. по сравнению с 1940 г. во всех категориях хозяйств снизился более чем на 40 млн т⁸⁹. Страна недополучила многие миллионы тонн другой сельскохозяйственной продукции, что непосредственно влияло на материальное положение трудящихся и воинов Красной Армии. Для бесперебойного обеспечения армии и городского населения важное значение приобрели меры по жесткому регулированию и лимитированию распределения продовольственных ресурсов.

Нормированное снабжение рабочих и служащих основными продуктами питания стало вводиться уже через три недели после начала войны. Продажа продовольственных, а затем и промышленных товаров по карточкам была введена в июле 1941 г. в Москве, Ленинграде и ряде других городов и пригородных районов. С сентября нормированное снабжение хлебом, сахаром, кондитерскими изделиями распространилось на 197 городов и рабочих поселков, а спустя два месяца – на все остальные города и поселки. С ноября в крупных городах и промышленных центрах были введены карточки на мясо, рыбу, жиры, крупу, макароны. Порядок продажи в городах остальных продуктов питания, в том числе овощей, регламентировался в зависимости от наличия ресурсов местными органами власти.

Нормы снабжения основными продовольственными товарами разделялись по четырем группам населения: для рабочих и приравненных к ним лиц, служащих, иждивенцев и детей. В свою очередь, нормы для рабочих предусматривали две категории: по первой категории обеспечивались работники оборонной, угольной, нефтяной, химической, резиновой, металлургической, машиностроительной, цементной промышленности, станкостроения, транспорта, оборонного строительства и ряда других предприятий, выполнявших военные заказы. Рабочие этой категории получали в день по 800 г хлеба, по карточкам иждивенцев и детей выдавалось по 400 г хлеба. В месячный паек рабочих входили: мясо и рыба – 1,8 кг, жиры – 0,4 кг, крупа и макаронные изделия – 1,2 кг⁹⁰. В 1942 г. были введены карточки для получения дополнительного питания. Они выдавались рабочим горячих и вредных цехов, всем занятым на подземных работах, а также беременным женщинам, кормящим матерям, донорам и больным. Для поощрения передовиков производства руководителям промышленных предприятий предоставлялось право на выдачу дополнительного горячего питания и сверхнормативный отпуск овощей из подсобных хозяйств.

Нормированное снабжение продовольствием при крайне ограниченных ресурсах сельского хозяйства позволило в целом устойчиво обеспечивать городское население, прежде всего рабочих промышленности, строительства и транспорта, необходимым минимумом основных продуктов питания. Но из-за перебоев в снабжении люди не везде могли полностью получить установленную норму продуктов зимой 1941/42 г. Даже в Москве продовольственные карточки отоваривались всего на 30–40%. Привычной картиной стали многотысячные очереди возле продовольственных магазинов. В несравненно худшем положении находился блокадный Ленинград, где с ноября 1941 по февраль 1942 г. рабочие получали по 250 г хлеба, а служащие, иждивенцы и дети – по 125 г.

С ростом численности вооруженных сил увеличивались потребности в продовольственном снабжении войск. В сентябре 1941 г. ГКО принял ряд постановлений, которые изменяли порядок обеспечения действующей армии продовольствием и вводили дифференцированные нормы довольствия. Вместо отпуска продовольственных фондов по штатной численности личного состава устанавливался отпуск фондов по фактической списочной численности в пределах количества пайков, установленных для каждого фронта. Вводились новые нормы продовольственного снабжения различных категорий военнослужащих с учетом реальных особенностей и тягот воинской службы на фронте и в тылу. Личный состав боевых частей

действующей армии стал получать 800–900 г хлеба в день, а воины тыловых учреждений – по 600–700 г⁹¹. Были определены нормы продовольственных сухого и других пайков для летно-технического состава авиации, госпитального, курсантского состава. Одновременно с воинского интендантского довольствия снимались многие формирования, ранее состоявшие на снабжении у НКО. Упорядочение организации снабжения войск учитывало сложившуюся экономическую обстановку в стране и способствовало более рациональному использованию и расходованию продовольственных ресурсов.

Всего на централизованном продовольственном снабжении в 1941 г. состояло около 62 млн человек. При этом карточная система, гарантировавшая нормированное получение минимума основных продуктов питания, не распространялась на сельское население, занятое земледельческим или животноводческим трудом. Для сельских учителей, медицинских работников и других категорий служащих в сельской местности, а также инвалидов войны и труда было установлено снабжение хлебом и другими продуктами питания по спискам и талонам в пределах наличных ресурсов⁹².

Обязательные поставки зерна, другой продукции земледелия и животноводства государству были основным путем заготовок сельскохозяйственной продукции. В 1941–1942 гг. общая доля государственных заготовок от валового сбора зерна составляла 42–44%, а в отдельных районах она превышала 50%. Отчисления сельскохозяйственной продукции в пользу государства производились за счет фондов личного потребления, которые сокращались из года в год. Для оплаты трудодней выделялось менее 20% зерна от валового сбора. Натуральная оплата трудодня уменьшилась в два-три раза. На душу населения приходилось в день примерно по 200 г зерна и 100 г картофеля, что соответствует стакану зерна и одной картофелине. При этом колхозная продукция поступала в распоряжение государства почти бесплатно, так как номинальные заготовительные цены при расчетах по поставкам оставались на довоенном уровне: 7–8 копеек за 1 кг зерна, 3 копейки за 1 кг картофеля и т.д.⁹³

Ослабление общественного колхозного хозяйства из-за тягот военного времени обуславливало ухудшение материального положения крестьянства. Как и в городе, значительно беднее стал крестьянский стол, особенно в многодетных семьях. Здесь нередко в пищу шли крапива, щавель, лебеда, свекольный лист, широко использовались отруби, жмыхи, желуди. Доход крестьянской семьи, получаемый от колхоза, не превышал 13–15% ее совокупного дохода. Существенно изменились основные источники материального снабжения крестьянства. Вместо централизованного государственного и кооперативного снабжения все большее место занимали товарно-денежные отношения через рынок и меновую торговлю. С сокращением государственной и колхозной торговли и падением покупательной стоимости рубля постоянно росли цены на рынке. В 1942 г. 1 кг зерна стоил в среднем 53 руб. 80 коп. (вместо 1 руб. 88 коп. до войны), литр молока – 38 руб. (вместо 2 руб. 28 коп.), 1 кг овощей – 28 руб. и т.д.⁹⁴ Остродефицитными стали многие вещевые, строительные, обозные, шорные изделия и материалы. Для удовлетворения широкого спроса населения в обуви местные органы промкооперации наладили массовый многотысячный выпуск лаптей.

Подготовка к посевной и уборочной кампаниям 1942 г. характеризовалась усилением централизации руководства колхозами со стороны СНК СССР и ЦК ВКП(б). В апреле партийно-государственные органы повысили норму трудодней, обязательную для выработки колхозниками, с 60–100 до 100–150 (в зависимости от района). За невыполнение ее виновные подлежали судебной или административной ответственности. Впервые были установлены обязательные нормы трудодней для подростков в возрасте от 12 до 16 лет. Для них вводились специальные трудовые книжки. Усиление централизации руководства сопровождалось детальной регла-

ментацией всей повседневной деятельности трудовых коллективов, подменой центром функций не только областного и районного руководящего звена, но и правлений колхозов. Так, СНК и ЦК ВКП(б) установили, что колхозники средней полосы (от Москвы до Тихого океана) должны до 15 июня вырабатывать до 25 трудодней, с 15 июня по 1 августа – 25 трудодней, с 1 августа по 1 октября – 35 трудодней.

Постановлением СНК СССР и ЦК ВКП(б) были утверждены объемы и сроки вывоза навоза по каждой области, краю, союзной республике. Другое постановление центра обязало руководство союзных республик, облисполкомов и крайисполкомов "организовать срезание верхушек клубней картофеля весом 5–15 г во время очистки его от кожуры в столовых общественного питания"⁹⁵. Такая мелочная регламентация имела определенный пропагандистский эффект, но на практике наилучших результатов добивались лишь те хозяйственные и партийные организаторы, которые не слепо следовали директивным указаниям Москвы, а принимали самостоятельные решения исходя из местных возможностей.

1942 год был временем самой низкой технической оснащенности деревни за годы войны. Из-за перевода заводов тракторного и сельскохозяйственного машиностроения на выпуск военной техники село в этом году получило в 100 раз меньше сельхозмашин, чем в 1940 г. В машинно-тракторные станции (МТС) всей страны поступило всего 400 тракторов, 700 плугов, 600 культиваторов, поставки новых автомашин, комбайнов, молотилок, сеялок фактически прекратились. В большинстве хозяйств имеющаяся техника работала на износ. Снабжение минеральными удобрениями уменьшилось в 25 раз.

В целом по сравнению с довоенным уронем количество тракторов в сельском хозяйстве сократилось почти в половину, еще больше уменьшилось число автомашин. Много техники стояло без движения из-за недостатка горючего и запасных частей. В общем объеме полевых работ тракторами обеспечивалось всего 40% подъема зяби, 22% сева яровых культур и 20% сева озимых. Поголовье лошадей в колхозах по сравнению с 1940 г. уменьшилось почти на 8 млн, из-за бескормицы и истощения значительная часть конского состава едва держалась на ногах⁹⁶.

Во время посевных работ основной тягловой силой пришлось стать женщинам. Чтобы вспахать землю, по шесть–десять женщин впрягались в одну упряжку и сообща тянули за собой плуг, за которым часто стоял подросток. Выбываясь из сил, они продолжали тащить вперед неподатливый плуг. Поле медленно, но покрывалось свежими бороздами. Потом женщины брались за бороны или шли вместе с детьми разбивать ссохшиеся комья земли. Наконец, в поле выходили старики и инвалиды, скупно высевая драгоценные зерна. Если в колхозах Сибири в 1941 г. ручным способом засеивалось всего 10–20% яровых культур, то весной 1942 г. – около 50%. Здесь же для полевых работ использовалось почти 90 тыс. голов рогатого скота.

Женщины пасли скот, работали на ферме, в кузнице, держали руль трактора и штурвал комбайна. В период весеннего сева 1942 г. широкую известность завоевала тракторная бригада Дарьи Гармаш из Рыбковской МТС Рязанской области. Выработка на один трактор у нее превысила плановые нормативы почти в 2,5 раза. Отказывая себе в отдыхе после ночной смены, опытные трактористки, чтобы обучить новичков, не уходили с поля и на следующий день. Высоких показателей достигли тракторные бригады Паши Ангелиной, Анастасии Кузнецовой, Екатерины Коноваловой и многих других. Бойцы действующей армии обращались к передовикам села: "Дорогие девушки! Мы восхищены вашим героическим трудом и шлем вам большую благодарность за вашу работу, за вашу заботу о Красной Армии"⁹⁷.

Пример женщин вдохновлял молодежь. 17-летний комсомолец из колхоза "Красный партизан" Красноярского края Валентин Нагорный весной 1942 г. на конной тяге только за один день вспахал 4 га, многократно перекрыв норму. Он

работал без отдыха с 4 часов утра до 22 часов вечера, сменив три пары лошадей. Нередко из-за нехватки машин и живого тягла десятки гектаров вспахивали лопатами, переносили на себе запасы семенного фонда и удобрений за десятки километров. Такие примеры были обычным явлением и при уборке урожая. Передовые комбайнеры ежедневно скашивали по 30–60 га. От механизаторов не отставали и косари. Сибирские колхозницы Ф. Абрамова и Е. Фатьянова скосили вручную за сезон по 30–46 га колосовых.

Благодаря самоотверженному труду хлеборобов в 1942 г. по сравнению с 1941 г. было достигнуто увеличение посевных площадей колхозов тыловых районов (табл. 12). Основная часть прироста посевных площадей под зерновыми приходилась на Сибирь, Дальний Восток, Урал, Казахстан, в то время как в центральных районах и Поволжье посевы несколько сократились. Прирост площадей был достигнут главным образом за счет освоения и вовлечения в оборот новых, ранее не обрабатывавшихся земель. Вместе с тем из-за нехватки техники и рабочей силы многие хозяйства во время уборочных работ осенью 1942 г. не смогли справиться с расширенными полевыми массивами, поэтому часть урожая осталась необранной.

Таблица 12. Основные показатели колхозного производства сельскохозяйственных культур (1940–1942 гг.)⁹⁸

Сельскохозяйственные культуры	Годы	Уборочная площадь, млн га	Средняя урожайность, с 1 га	Валовые сборы, млн т
Зерновые	1940	89,6	8,5	74,8
	1941	50,7	7,0	35,5
	1942	54,4	4,6	24,9
Картофель	1940	2,9	86,1	24,9
	1941	1,3	54,8	7,4
	1942	1,7	40,8	6,9
Сахарная свекла	1940	1,1	143,2	15,9
	1941	0,09	154,7	1,4
	1942	0,26	76,8	1,9
Подсолнечник	1940	3,0	7,5	2,2
	1941	0,87	2,6	0,2
	1942	0,8	1,2	0,09
Хлопок-сырец	1940	1,5	13,7	2,0
	1941	1,5	15,7	2,3
	1942	1,4	9,1	1,3

В отдельных регионах была достигнута неплохая урожайность зерновых (8,3–8,7 ц с га). Однако в целом из-за низкого уровня механизации, острого недостатка минеральных удобрений, упрощения агротехнических требований и неблагоприятных метеорологических условий средняя урожайность сельскохозяйственных культур по сравнению с предыдущими годами уменьшилась почти вдвое. Менее 3 ц зерновых с гектара удалось собрать в Пензенской, Челябинской, Читинской, Курганской областях, менее 4 ц – в Казахстане, Узбекистане и др. Наряду с зерновыми сильно снизилась урожайность других культур. Соответственно упали объемы валовых сборов.

В тяжелых условиях находилось животноводство. Сократилась кормовая база, прекратилось производство концентрированных кормов, ухудшилось содержание скота, ослабла ветеринарная служба, усилились заболевания и падеж животных. Во всех видах хозяйств численность крупного рогатого скота за 1942 г. уменьшилась

на 3 млн голов, свиней – на 2,2 млн, овец и коз – на 8,8 млн. Несмотря на значительное число передовиков животноводства и установленные ими рекорды по достижению высоких удоев общее ухудшение кормовой базы и условий содержания скота определяли дальнейшее снижение его продуктивности. Удойность коров в 1942 г. в среднем по стране составляла всего 764 л, а в хозяйствах среднеазиатских республик упала до предельно низкого уровня – 250–470 л. В отличие от промышленности производительность труда во всех отраслях сельского хозяйства снизилась на 40%⁹⁹.

Как ни велики были усилия крестьянства обеспечить страну и армию продовольствием и техническими культурами в первый период войны, тыловые районы не могли восполнить потерю важнейших сельскохозяйственных регионов. В 1942 г. общая посевная площадь сократилась по сравнению с 1940 г. на 42%. Урожайность основных культур упала в 1,5–2 раза. Количество полученного хлеба уменьшилось на 72%. Весьма существенным было сокращение общих объемов производства картофеля, другой продукции полеводства. Валовой сбор сахарной свеклы уменьшился в 8,5 раза, подсолнечника – в 9 раз.

Ведущее место в сельскохозяйственном производстве, как и до войны, занимали колхозы. Доля совхозов в зерновом хозяйстве в 1942 г. составляла 6,4%. Личные и подсобные хозяйства трудящихся не производили зерна, но их удельный вес был значительным в производстве картофеля, овощей, яиц, молока и другой продукции животноводства. В личных хозяйствах колхозников находилось 48% крупного рогатого скота, 33% овец и коз от общего поголовья¹⁰⁰.

Внимание к развитию подсобных хозяйств особенно усилилось с весны 1942 г., когда продовольственное обеспечение в стране было близко к кризису. На полуголодном пайке находились трудовые коллективы многих предприятий, особенно миллионы детей и иждивенцев – стариков, инвалидов, нетрудоспособных, больных. В этой обстановке СНК и ЦК ВКП(б) постановлением от 7 апреля 1942 г. предусмотрели выделение земель для подсобных хозяйств предприятий и индивидуальных огородов рабочих и служащих¹⁰¹. В течение года под подсобные хозяйства предприятий было выделено около 1,2 млн га, под индивидуальные огороды – 0,5 млн гектаров земли. Самообеспечение продовольствием помогло миллионам трудящихся выжить.

Высокое осознание своего патриотического долга в борьбе против фашизма было главной движущей силой тружеников города и деревни. Ярким проявлением народного патриотизма являлись добровольные взносы в фонд обороны. Как и рабочие, крестьяне сдавали на нужды Красной Армии личные накопления, денежные средства, облигации, продовольствие, одежду. В 1941 г. только колхозники Саратовской области собрали столько теплой одежды, белья, валяной обуви, шерсти и кож, что их было достаточно для обеспечения не менее 15 стрелковых дивизий. На фронт отправлялись сотни тысяч тонн продовольствия за счет сверхплановых поставок сельскохозяйственной продукции с Урала, из Сибири, Поволжья и Казахстана, из всех областей многонациональной державы.

* * *

Тыл страны являлся тем источником, который материально и духовно питал действующую армию, давал ей силы для вооруженной борьбы с врагом, обладавшим промышленным потенциалом почти всей Европы и самой сильной армией капиталистического мира. Единство тыла и фронта, армии и народа, подчинение всей жизни страны достижению победы над фашизмом обеспечили решение всех военно-стратегических и экономических задач первого периода войны. При ограниченных мощностях в базовых отраслях народного хозяйства был достигнут непрерывный рост военного производства, что имело решающее значение для повышения боевой мощи вооруженных сил.

СССР добился военно-технического превосходства над противником ценой огромного напряжения, лишений и жертв народа. Подчинение производственной и общественной жизни каждого советского человека нуждам фронта, повышение его ответственности за судьбу родной земли полностью отвечало интересам освобождения страны. Помощь Советскому Союзу в борьбе против общего врага оказывали и союзники по антигитлеровской коалиции. Так, в 1942 г. по ленд-лизу в СССР было поставлено более 2,5 тыс. самолетов, 3 тыс. танков, около 79 тыс. автомобилей, некоторые виды легированных металлов, прокат, алюминий, радиотехнические средства, гидроакустические приборы, бензин, продовольствие, обувь и др. Но главным арсеналом, обеспечивавшим боеспособность советских войск, являлись отечественные заводы, шахты, колхозы.

Преодоление колоссальных трудностей военного времени – результат теснейшего сплочения тыла и фронта, повседневного напряжения многомиллионной армии рабочих, крестьян, интеллигенции, их высокой творческой активности, инициативы, коллективизма, взаимовыручки.

В целом народное хозяйство страны обеспечило повышение технической оснащенности армии и флота, увеличение их боевого состава, создало необходимые возможности для решения самых сложных стратегических задач, формирования резервов и разгрома ударных сил фашистского блока на советско-германском фронте. Героическим трудом миллионов советских людей создавались предпосылки коренного перелома во второй мировой войне.

¹ См.: *Вознесенский Н.А.* Военная экономика СССР в период Отечественной войны. М., 1948. С. 171.

² КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. 9-е изд. М., 1985. Т. 7. С. 221–223. (Далее: КПСС в резолюциях...).

³ См.: *История Великой Отечественной войны Советского Союза, 1941–1945.* М., 1961. Т. 2. С. 142.

⁴ См.: *Советский тыл в Великой Отечественной войне.* М., 1974. Кн. 1. С. 74.

⁵ См.: *Куманев Г.А.* Война и железнодорожный транспорт СССР, 1941–1945. М., 1988. С. 107.

⁶ Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации. Ф. 41. Оп. 27014. Д. 3.

⁷ См.: *Вознесенский Н.А.* Избр. произв., 1931–1947. М., 1979. С. 504, 582; *Эшелоны идут на Восток.* М., 1966. С. 6.

⁸ КПСС в резолюциях... Т. 7. С. 222.

⁹ Государственный архив Российской Федерации. Ф. 8418/689. Оп. 27. Д. 244; Оп. 23. Д. 244; Оп. 25. Д. 120. (Далее: ГАРФ).

¹⁰ *Новая и новейшая история.* 1985. № 6. С. 103–104.

¹¹ См.: *Эшелоны идут на Восток.* С. 10.

¹² Там же. С. 208–210.

¹³ *Патолитчев Н.С.* Испытание на зрелость. М., 1977. С. 217.

¹⁴ См.: *Железнодорожники в Великой Отечественной войне, 1941–1945.* М., 1985. С. 118.

¹⁵ ГАРФ. Ф. 6822. Оп. 1. Д. 195. Л. 46.

¹⁶ См.: *История Великой Отечественной войны Советского Союза, 1941–1945.* Т. 2. С. 141.

¹⁷ См.: *Эшелоны идут на Восток.* С. 206.

¹⁸ См.: *Эшелон за эшелон.* М., 1981. С. 63.

¹⁹ Научный архив Института российской истории РАН. Великая Отечественная война. Разд. V. Ф. 13. Д. 10. Л. 15.

²⁰ ГАРФ. Ф. 6822. Оп. 1. Д. 200. Л. 20, 24, 25, 27, 29, 32, 33, 36, 37.

²¹ Центральный архив Министерства путей сообщения. Ф. 33а. Оп. 49. Д. 1224. Л. 64, 82.

²² ГАРФ. Ф. 6822. Оп. 1. Д. 495. Л. 110, 111, 116.

²³ См.: *История Великой Отечественной войны Советского Союза, 1941–1945.* Т. 2. С. 258.

- ²⁴ См.: *Арутюнян Ю.В.* Советское крестьянство в годы Великой Отечественной войны. М., 1970. С. 52.
- ²⁵ ГАРФ. Ф. 6822. Оп. 1. Д. 200. Л. 16–17.
- ²⁶ Там же. Оп. 1. Д. 500. Л. 39; Д. 538. Л. 1.
- ²⁷ См.: *Вознесенский Н.А.* Избр. произв., 1931–1947. С. 505.
- ²⁸ См.: История второй мировой войны, 1939–1945. М., 1975. Т. 4. С. 157.
- ²⁹ *Жуков Г.К.* Воспоминания и размышления. М., 1969. С. 278.
- ³⁰ См.: *Чадаев Я.Е.* Экономика СССР в годы Великой Отечественной войны (1941–1945). М., 1985. С. 83–85.
- ³¹ См.: Труд в СССР. М., 1988. С. 26; Рабочий класс накануне и в годы Великой Отечественной войны, 1938–1945. М., 1984. Т. 3. С. 356.
- ³² См.: *Митрофанова А.В.* Рабочий класс Советского Союза в первый период Великой Отечественной войны (1941–1942 гг.). М., 1960. С. 350.
- ³³ Медаль за бой, медаль за труд. М., 1960. С. 169.
- ³⁴ ГАРФ. Ф. 1111. Оп. 25. Д. 191. Л. 62; Российский центр хранения и изучения документов новейшей истории. Ф. 644. Оп. 1. Д. 11. Л. 185–187; Д. 5. Л. 5. (Далее: РЦХИДНИ).
- ³⁵ РЦХИДНИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 1. Л. 150–151.
- ³⁶ Там же. Д. 5. Л. 1.
- ³⁷ См.: Советский тыл в первый период Великой Отечественной войны. М., 1988. С. 204.
- ³⁸ Там же.
- ³⁹ Сост. по: Великая Отечественная война, 1941–1945: Энциклопедия. М., 1985. С. 807.
- ⁴⁰ См.: История социалистической экономики СССР. М., 1978. Т. 5. С. 288.
- ⁴¹ Сост. по: Рабочий класс накануне и в годы Великой Отечественной войны. С. 260; История второй мировой войны, 1939–1945. Т. 4. С. 157; М., 1976. Т. 6. С. 341.
- ⁴² РЦХИДНИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 14. Л. 36; КПСС в резолюциях... Т. 7. С. 255.
- ⁴³ См.: *Вознесенский Н.А.* Избр. произв., 1931–1947. С. 70–71.
- ⁴⁴ См.: *Ломако П.Ф.* Цветная металлургия в годы Великой Отечественной войны. М., 1985. С. 248–250.
- ⁴⁵ См.: Оружие Победы, 1941–1945. М., 1985. С. 444.
- ⁴⁶ См.: Страницы героического труда химиков в годы Великой Отечественной войны, 1941–1945: Сб. статей и воспоминаний. М., 1989. С. 21.
- ⁴⁷ См.: Советская экономика в период Великой Отечественной войны, 1941–1945 гг. М., 1970. С. 383.
- ⁴⁸ История Московского автозавода имени И.А. Лихачева. М., 1966. С. 345.
- ⁴⁹ История социалистической экономики СССР. Т. 5. С. 72, 525.
- ⁵⁰ ГАРФ. Ф. 841. Оп. 25. Д. 332. Л. 7.
- ⁵¹ РЦХИДНИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 1. Л. 1; Д. 2. Л. 92–94; Д. 3. Л. 196–200.
- ⁵² См.: Советское военное искусство в Великой Отечественной войне, 1941–1945 гг. М., 1962. Т. 1. С. 690.
- ⁵³ РЦХИДНИ. Ф. 644. Оп. 17. Д. 1. Л. 1.
- ⁵⁴ Там же.
- ⁵⁵ Гриф секретности снят: Потери Вооруженных Сил СССР в войнах, боевых действиях и военных конфликтах: Стат. исследование. М., 1993. С. 357.
- ⁵⁶ РЦХИДНИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 26. Л. 48, 58–63.
- ⁵⁷ См.: Развитие авиационной науки и техники в СССР: Историко-технические очерки. М., 1980. С. 120–130; *Пономарев А.Н.* Советские авиационные конструкторы. М., 1990. С. 120–130, 228.
- ⁵⁸ РЦХИДНИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 1. Л. 21–22.
- ⁵⁹ См.: Гриф секретности снят... С. 353, 355.
- ⁶⁰ См.: Знамя. 1988. № 2. С. 158.
- ⁶¹ РЦХИДНИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 5. Л. 114.
- ⁶² См.: *Яковлев Н.Д.* Об артиллерии и немного о себе. М., 1981. С. 151.
- ⁶³ См.: Гриф секретности снят... С. 351.
- ⁶⁴ РЦХИДНИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 1. Л. 21–22.
- ⁶⁵ Там же. Д. 6. Л. 142–143.
- ⁶⁶ Там же. Д. 8. Л. 61; Д. 13. Л. 186; Д. 14. Л. 42.

- ⁶⁷ Новиков В.Н. Накануне и в дни испытаний. М., 1988. С. 140.
- ⁶⁸ РЦХИДНИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 2. Л. 7–17; Д. 6. Л. 177–178.
- ⁶⁹ Там же. Д. 16. Л. 11–13.
- ⁷⁰ См.: Гриф секретности снят... С. 361.
- ⁷¹ См.: Оружие Победы, 1941–1945. С. 444.
- ⁷² РЦХИДНИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 2. Л. 198–201; Д. 1. Л. 115–117, 136.
- ⁷³ См.: История второй мировой войны, 1939–1945. Т. 6. С. 343.
- ⁷⁴ См.: Оружие Победы, 1941–1945. С. 410, 413, 442, 452–453.
- ⁷⁵ РЦХИДНИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 26. Л. 76; Д. 3. Л. 38–60; Д. 57. Л. 18.
- ⁷⁶ См.: Никитин В.В. Горючее – фронту, 1941–1945. М., 1984. С. 142–143.
- ⁷⁷ См.: Развитие тыла Советских Вооруженных Сил, 1918–1988. М., 1989. С. 129.
- ⁷⁸ РЦХИДНИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 26. Л. 21, 34.
- ⁷⁹ См.: Советская экономика в период Великой Отечественной войны, 1941–1945 гг. С. 121.
- ⁸⁰ См.: История второй мировой войны, 1939–1945. М., 1982. Т. 12. С. 200.
- ⁸¹ См.: История советского крестьянства. Т. 3: Крестьянство СССР накануне и в годы Великой Отечественной войны. М., 1987. С. 187.
- ⁸² См.: Там же. Т. 3. С. 176.
- ⁸³ См.: Советская экономика в период Великой Отечественной войны, 1941–1945 гг. С. 249.
- ⁸⁴ См.: История советского крестьянства. Т. 3. С. 245–247.
- ⁸⁵ Там же. С. 155–156, 209.
- ⁸⁶ См.: Советская экономика в период Великой Отечественной войны, 1941–1945 гг. С. 245.
- ⁸⁷ См.: История социалистической экономики СССР. Т. 5. С. 369.
- ⁸⁸ См.: Советская экономика в период Великой Отечественной войны, 1941–1945 гг. С. 249; История советского крестьянства. Т. 3. С. 240.
- ⁸⁹ См.: Чернявский У.Г. Война и продовольствие: снабжение городского населения в Великую Отечественную войну (1941–1945 гг.) . М., 1964. С. 74–75.
- ⁹⁰ РЦХИДНИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 9. Л. 50–55.
- ⁹¹ Там же. Л. 53.
- ⁹² Там же. Л. 60–81.
- ⁹³ См.: Любимов А.В. Торговля и снабжение в годы Великой Отечественной войны. М., 1968. С. 50.
- ⁹⁴ См.: История советского крестьянства. Т. 3. С. 241–242, 356–358.
- ⁹⁵ КПСС в резолюциях... Т. 7. С. 275.
- ⁹⁶ См.: История социалистической экономики СССР. Т. 5. С. 402; История советского крестьянства. Т. 3. С. 220.
- ⁹⁷ Цит. по: Арутюнян Ю.В. Советское крестьянство в годы Великой Отечественной войны. С. 129.
- ⁹⁸ См.: История советского крестьянства. Т. 3. С. 219.
- ⁹⁹ См.: История социалистической экономики СССР. Т. 5. С. 393; История советского крестьянства. Т. 3. С. 177, 213, 224.
- ¹⁰⁰ См.: История советского крестьянства. Т. 3. С. 361.
- ¹⁰¹ См.: Директивы КПСС и советского правительства по хозяйственным вопросам. М., 1957. Т. 2. С. 723.

ОБРАЗОВАНИЕ АНТИГИТЛЕРОВСКОЙ КОАЛИЦИИ

В годы Великой Отечественной войны Советский Союз воевал в составе широкого объединения государств, противостоявшего нацистской Германии и ее союзникам. С участием СССР антигитлеровская коалиция начала создаваться в июне 1941 г., окончательно сложилась она к лету 1942 г. В основе этого процесса лежали общие интересы борьбы с угрозой, которую для всех стран, хотя и в разной степени, представляла эскалация фашистской агрессии в Европе и в других районах земного шара.

НАЧАЛО СОТРУДНИЧЕСТВА

Некоторые компоненты антигитлеровской коалиции, такие, как структура англо-американских связей, начали формироваться еще до 22 июня 1941 г. С принятием по инициативе президента США Ф. Рузвельта 11 марта 1941 г. закона о ленд-лизе Соединенные Штаты Америки сделали серьезный шаг в сторону поддержки Британии и ряда других стран, воевавших с Германией. Закон уполномочил президента, когда тот сочтет это необходимым, передавать займы или в аренду предметы обороны "правительству любой страны, оборону которой президент признает жизненно важной для безопасности Соединенных Штатов". В тот же день его действие было распространено на Англию и Грецию, а в дальнейшем – и на многие другие страны.

К весне 1941 г. сотрудничество двух западных государств приняло разнообразные формы: на секретном совещании штабов были согласованы общие основы стратегии войны и утвержден принцип первоочередности разгрома Германии; подписано соглашение об использовании США военно-морских и воздушных баз, полученных от Британии еще в сентябре 1940 г.; произведен обмен научной и разведывательной информацией, включая атомную энергию и радиолокацию; организована отправка на Британские острова американских военных и гражданских специалистов. Но официально США все еще сохраняли нейтралитет в войне.

Сотрудничество США и Великобритании было обусловлено резким усилением их противоречий с Германией. Оккупация вермахтом в 1940 г. ряда стран Европы разрушила систему государственных союзов Лондона, в том числе англо-французского союза. Нарушенными оказались связи британского капитала, который утратил ключевые экономические и военно-политические позиции в регионах Западной, Центральной и Юго-Восточной Европы. Нацистский рейх добивался признания своей безраздельной гегемонии в Европе и передачи ему части колониальных владений. Но согласие с господством Германии в Европе и компромисс с ней на основе подчинения диктату силы неизбежно привели бы к разрыву вековых связей Британии с континентом и ее отказу от положения мировой колониальной державы. Более того, агрессор покушался на государственный суверенитет и национальную независимость страны, на демократические права и свободы британцев.

Значительно обострились также отношения между Германией и США. Поражение Франции, установление нацистского контроля над значительной частью Европы представляли потенциальную опасность для Соединенных Штатов. Прямой угрозе германского нападения они тогда не подвергались, но фашизм давно отнес их к числу своих противников. Еще в 1928 г. в так называемой "Второй книге" Гитлер призывал европейские народы объединиться под эгидой Германии против США. Хотя потом он, правда, заговорил о другом – о мировой гегемонии "нордическо-германской Америки", мысль о неизбежности борьбы с США не покидала нацистских главарей. В планы широкой экспансии рейха входил подрыв влияния англосаксов в Северной Америке, объединение ее с Южной Америкой в рамках фашистского "нового порядка", морские операции против США и их включение в состав "германской мировой империи". В случае триумфа фашизма, писал известный американский журналист Р. Ингерсолл, "нам не останется ничего другого, кроме как вспоминать о демократии"¹.

Вступлению СССР в антигитлеровскую коалицию предшествовал период прохладных, порой весьма напряженных отношений с США и Великобританией. Их поддержание было сопряжено с большими трудностями вследствие приверженности советского руководства договорам, заключенным в 1939 г. с Германией. Сталин и его окружение питали давнюю антипатию к западным демократиям. Выработке трезвого политического подхода мешали также глубоко укоренившиеся чувства недоверия к Британии и подозрения насчет возможного соглашения ее с Германией против СССР. Они усилились под влиянием позиции, занятой правительством Н. Чемберлена во время "зимней войны" СССР с Финляндией, и опубликованных немцами документов генерального штаба Франции об англо-французских планах нападения на СССР с юга и севера. Болезненную подозрительность Кремля питало и сохранение У. Черчиллем после прихода его к власти (май 1940 г.) в составе кабинета ряда министров-мюнхенцев.

И все же отношение к Великобритании со стороны СССР постепенно менялось уже с 1940 г. по мере осознания неотвратимости угрозы со стороны Германии. От прямых обвинений британского правительства в том, что оно ведет активную работу против СССР², советские дипломатические представители перешли на более умеренные позиции, к осторожному поискам точек соприкосновения интересов Москвы с Лондоном. Одновременно предпринимались усилия, чтобы не вызывать негативной реакции в Берлине.

Правительство Черчилля с лета 1940 г. начало искать прямые контакты с главой советского правительства в интересах скорейшего создания антигитлеровской коалиции. Однако в Москве уклонялись от совместных с Британией действий против Гитлера, предпочитая не реагировать на информацию о подготовке Германией нападения на СССР, поступавшую в числе прочего от руководителей США и Великобритании. 6 марта 1941 г. британский посол в Москве Ст. Криппс, в частности, сообщил заместителю наркома иностранных дел Вышинскому о следующем плане нацистов: "Ходят слухи, что Германия готовится направить свой удар против СССР и что все действия Германии на Балканах в настоящее время имеют своей целью лишь защитить свой балканский фланг в предстоящем нападении на СССР". Нападение на СССР, по словам посла, «даст Германии возможность пойти на мир с Англией, на основе отказа от Бельгии, Франции и пр. за счет СССР. Таков этот – "резервный план", который в настоящее время кажется маловероятным, но который, однако, требует к себе внимания»³. Как показывает запись в дневнике Вышинского, он не был расположен вдаваться в обсуждение переданной ему Криппсом важной информации.

В предупреждениях западных руководителей о нависшей над СССР угрозе со стороны Германии в Кремле предпочитали видеть только одно, а именно: попытку вбить клин в советско-германские отношения, облегчив тем самым для Британии

ведение борьбы с рейхом. Между тем к началу лета 1941 г. в Вашингтоне и Лондоне располагали уже совершенно достоверными данными о ближайших намерениях Германии и передвижении ее войск к границам СССР. Правительство Черчилля стало рассматривать вопрос об оказании Советскому Союзу поддержки в случае германской агрессии. Объединенный разведывательный комитет Британии (ОРК) высказал сильные сомнения в способности СССР к длительному сопротивлению. В докладах, представленных ОРК 9 и 14 июня, говорилось, что Германии потребуется от трех до четырех недель, а самое большее – шесть недель для овладения Украиной и Москвой. Британские начальники штабов, хотя и считали русских сильными в обороне, предсказывали лишь недолговременное сопротивление СССР⁴.

Оценки военного потенциала СССР даже таким сторонником сотрудничества Англии с нашей страной, как Криппс, были весьма осторожными. При обсуждении в военном кабинете в Лондоне 16 июня 1941 г. вопроса о близком нападении вермахта Криппс отказался от точного определения эффективности вооруженных сил СССР. Армия, как утверждал он, находится в хорошем состоянии, имеет значительное количество бронетанковой техники, но качество последней неизвестно; военная машина СССР может рухнуть из-за дефектов организации и снабжения; в составе русской авиации, по слухам, имеется большое число новых истребителей. "В дипломатических кругах в Москве преобладает мнение, что Россия не продержится в борьбе с Германией более трех или четырех недель. К концу этого периода противник может уже быть в Ленинграде, Москве и Киеве". Железнодорожная система России, считал Криппс, неэффективна. Тем не менее если значительной части советской армии удастся достичь Сибири, то появится серьезный шанс выстоять⁵.

Военные лидеры США, со своей стороны, были убеждены в краткосрочности советского сопротивления. Неточность прогнозов, ожидание быстрой победы вермахта на востоке, недружелюбные и открыто антисоветские высказывания некоторых высокопоставленных американцев отрицательно сказывались на выработке правительственной политики в отношении СССР. Государственный департамент США, как это видно из его меморандума от 21 июня, высказался против того, чтобы в случае войны между Германией и СССР связывать себя какими-либо обещаниями или политическими обязательствами⁶. Президент США, однако, проявил готовность поставить соображения национальной безопасности и борьбы с Германией выше идеологических соображений. Рузвельта отличала глубокая враждебность к нацистскому режиму, широкое понимание государственных и национальных задач Америки, диктовавших важность сплочения антифашистских сил и сближения с СССР. Он последовательно отстаивал ту линию, что Советский Союз менее опасен для интересов США, нежели гитлеровская Германия.

Британский премьер-министр занял сходную позицию, при этом он стремился согласовать ее с мнением Рузвельта. В датированном 1 июня 1941 г. отчете советского посольства в Великобритании за сентябрь 1939 – май 1941 г. довольно точно характеризовались как изменившееся в пользу США соотношение сил двух англосаксонских стран, так и зависимость "русской" политики британского правительства от Соединенных Штатов. "...На ближайший период времени, – подчеркивалось в отчете, – ключ к советско-английским отношениям будет находиться в Америке и Англия не сделает в этой области ничего такого, что могло бы в какой-либо мере вызвать неудовольствие Америки"⁷.

15 июня 1941 г. Черчилль поставил в известность Рузвельта о намерении оказать "всю возможную помощь русским исходя из того, что Гитлер – это тот враг, которого мы должны побить". Президент в устном ответе, который он передал через срочно направленного в Лондон американского посла в Велико-

британии Д. Вайнанта, поддержал эту инициативу. Приехав в субботу вечером 21 июня в Чекерс – загородную резиденцию главы правительства, Вайнант заверил его в том, что президент немедленно выступит в поддержку любого заявления, которое сделает Черчилль, "приветствуя Россию в качестве союзника"⁸.

Эти решения были приняты с учетом собственных интересов Запада. Отвлечение основных сил Германии на войну против СССР принесло бы огромное облегчение находившейся в тяжелом положении Британии, дало бы ей и Соединенным Штатам возможность укрепиться в военном и экономическом отношениях. Черчилль особенно рассчитывал на то, что создание советско-германского фронта позволит сконцентрировать дополнительные британские силы в важнейших имперских регионах, прежде всего на Ближнем и Среднем Востоке.

22 июня 1941 г. в 12 часов дня министр иностранных дел Великобритании А. Иден, приняв советского посла И.М. Майского, от имени своего правительства подтвердил высказанную им еще ранее готовность отправить в СССР военную и экономическую миссии⁹. Одновременно в Москве состоялась другая встреча – заместителя наркома иностранных дел Вышинского с британским поверенным в делах в СССР Баггалеем. Последний отметил, что обстановка изменилась в результате нападения Германии на СССР, что Британия и СССР, "нравится ли это нам или нет, имеют общий интерес нанесения поражения Германии". Вышинский, по словам британского дипломата, находился в исключительно нервном состоянии¹⁰.

В тот же день в 9 часов вечера по Би-би-си выступил Черчилль. Свое решение о предоставлении СССР всей возможной помощи премьер-министр, помня об антисоветских настроениях в высших сферах Лондона, принял без обращения к военному кабинету. Это, безусловно, был акт политической прозорливости и мужества¹¹. Выступление было обусловлено острой заинтересованностью Британии в привлечении СССР на сторону вооруженной борьбы с Германией, при сохранении неизменно сильной антипатии к сталинскому режиму. В тот же день Молотов телеграфировал Майскому, что советское правительство не возражает против присылки экономической миссии Британии.

Позиция американского правительства, напомним, была определена 23 июня, когда заместитель государственного секретаря США С. Уэллес выступил на пресс-конференции с осуждением нападения Германии на СССР, а Рузвельт объявил на следующий день о предоставлении России всей возможной помощи. За этим последовали практические шаги: по настоянию Белого дома были разморожены советские валютные фонды в США; 26 июня президент распорядился не применять закон о нейтралитете к войне СССР с Германией, что сохранило возможность для советских закупок вооружения в США и для захода американских судов в морские порты СССР.

Для сталинского руководства сближение с Британией было непростым делом, если иметь в виду длительность натянутых отношений с ней СССР и ожидание англо-германского сговора. Однако катастрофическое положение на фронте, потребность в помощи и мобилизации всех антигитлеровских сил вынуждали к такому сближению с Западом. Уже в начальный период Великой Отечественной войны, отмеченный крупными поражениями Красной Армии и колоссальными потерями материального богатства страны, советская дипломатия проявила заинтересованность в установлении связей с западными демократиями. С первых дней войны она стала добиваться четкого определения линий и форм сотрудничества с Британией. В беседе с Криппсом 27 июня (посол вернулся в тот день в Москву вместе с военной и экономической миссиями) Молотов попросил выяснить, какую степень военно-политического сближения с СССР предполагает осуществить британское правительство. Нарком предложил обусловить взаимную помощь определенным политическим соглашением. Рамки сотрудничества, как следовало из ответов посла, должны были ограничиться экономической сферой, обменом

военным опытом и военной информацией. Криппс признал желательной выработку общей политической линии обеих стран в районах Ближнего, Среднего и Дальнего Востока с целью недопущения туда Германии, но выдвинул возражения против политического соглашения¹². Впервые официальное одобрение заявления Черчилля в поддержку СССР было высказано советской стороной именно в ходе этой закрытой беседы с британским послом. В речи по радио 3 июля, которую слушал весь мир, Сталин от имени советских людей выразил благодарность правительствам Великобритании и США в связи с их заявлениями о помощи СССР. Он сослался на "верных союзников в лице народов Европы и Америки" и заявил, что война советского народа "согнется с борьбой народов Европы и Америки за их независимость, за демократические свободы"¹³.

Не все вопросы на пути создания антигитлеровской коалиции решались быстро и безболезненно. В США объявленный Рузвельтом курс в отношении СССР встретил сопротивление со стороны правого крыла изоляционистов. В Конгрессе, в некоторых американских газетах открыто высказывались пожелания о взаимном уничтожении СССР и Германии, принимались резолюции против помощи России. Тоталитарный сталинский режим вызывал осуждение со стороны большинства американцев, хотя они и поддерживали политику оказания помощи СССР. Только немногие деятели левой ориентации готовы были ставить СССР в один ряд с демократиями.

Сдерживающее влияние оказывали сильно заниженные на первых порах оценки способностей СССР противостоять вермахту. Впечатляет в этом смысле дневник постоянного заместителя министра иностранных дел Ал. Кадогана. Он записал 29 июня 1941 г.: "Русские все еще, по-видимому, наносят некоторые удары по Германии... Но мы не можем надеяться на слишком многое"; 30 июня: "Заседание кабинета в 5 [часов]. Дилл (начальник имперского генерального штаба. – *Прим. ред.*) о[чень] мрачно оценивает перспективы России, а она является единственным обнадеживающим фактором"¹⁴. Глубокий пессимизм выражали почти все дипломатические и военные представители в Москве. Военный атташе США Эйтон, например, был убежден в первые дни войны, будто у Москвы нет никакой воздушной обороны¹⁵.

Сомнения относительно шансов СССР выстоять в схватке с нацистским рейхом основывались на почти всеобщей уверенности западных военных специалистов в том, что Красная Армия фатально ослаблена репрессиями. Но поскольку после 22 июня Германия снизила активность на Западе, считалось необходимым поддержать недолговременное, как им ошибочно казалось, сопротивление СССР, не направляя, впрочем, британские силы на советско-германский фронт¹⁶.

Премьер-министр Великобритании, впрочем, проявил стремление использовать механизм контактов на высшем уровне для обеспечения военного сотрудничества обеих стран. 8 июля в первом (после нападения Германии) личном послании У. Черчилля Председателю Совета Народных Комиссаров СССР, которое непосредственно Сталину вручил Криппс, говорилось о налетах английской авиации на Германию и на все оккупированные ею территории. Черчилль намекал на целесообразность координации борьбы против Германии на двух фронтах, проводя мысль о том, что англичане, совершая налеты авиации, надеются таким путем "заставить Гитлера вернуть часть своих военно-воздушных сил на запад и постепенно ослабить бремя, лежащее на Вашей стране". Он также писал о планах серьезных операций в Арктике и действиях по охране конвоев у норвежских берегов, о положительном отношении британского правительства к прибытию военной миссии России "с целью согласования будущих планов"¹⁷.

На той же встрече с Криппсом 8 июля Сталин предложил Англии заключить соглашение с СССР, основанное на обязательствах взаимной помощи в войне против Германии и отказе от сепаратного мира. Британское правительство

предпочло бы подписать общую декларацию, но в конце концов согласилось поддержать идею соглашения с СССР, поскольку оно не имело еще формы политического договора.

Подписанное в Москве 12 июля 1941 г. Молотовым и Криппсом соглашение между правительствами СССР и Великобритании о совместных действиях в войне против Германии обязывало обе стороны, во-первых, оказывать друг другу помощь и поддержку всякого рода в этой войне, и во-вторых, не вести в ходе ее переговоров с Германией и не заключать перемирия или мирного договора с ней без обоюдного согласия¹⁸.

Советско-английское соглашение явилось первым межправительственным документом, зафиксировавшим начало формирования антигитлеровской коалиции. Сталин сделал свое предложение Лондону на следующий день после падения Пскова – немцы рвались к Ленинграду; повсюду они теснили отступавшие с кровопролитными боями советские войска; противник приблизился к Смоленску и Киеву. Британия к тому времени также находилась в нелегком положении, но оно не было уже столь отчаянным, как прежде. Несмотря на то что англичане не добились успеха в битве за Атлантику и в Северной Африке, а потери их морского тоннажа оставались высокими, шансы вермахта на вторжение в Британию заметно снизились, наметился перелом в ее пользу в воздушной войне¹⁹.

Для СССР важно было побудить Великобританию и США к скорейшему претворению в жизнь курса сотрудничества. В начале июля 1941 г. в Лондон вылетела советская военная миссия во главе с заместителем начальника Генерального штаба Красной Армии генералом Ф.И. Голиковым. Миссии поручалось, во-первых, обсудить возможность предоставления Англией конкретных видов помощи вооружением и материалами. Переговоры в Лондоне показали, что СССР может ожидать получения только ограниченной помощи. Британское правительство вскоре приняло решение передать Советскому Союзу 200 истребителей типа "Томагавк" из числа тех, которые Англии поставили США. В вопросах снабжения Черчилль прямо рекомендовал советской стороне рассчитывать прежде всего на США. 26 июля он сообщил Сталину о ближайшей отправке 200 "Томагавков" в Россию²⁰. В задачи миссии входило, во-вторых, договориться с англичанами о проведении ряда боевых операций и обсудить, в частности, желательность высадки значительного контингента британских войск на севере Франции.

9 июля военная миссия была принята Иденом в министерстве иностранных дел. Голиков заявил, что СССР заинтересован не только в поставках материалов, но и в совместных с Англией военных действиях на севере Европы, в районе Заполярья, а также в усилении британских воздушных налетов на военные объекты в Германии и в срочном развертывании десантных операций в Северной Франции²¹.

Эти же вопросы были поставлены затем перед начальниками штабов и их заместителями. Однако они не хотели доводить сотрудничество с СССР до уровня военного союза. Британское руководство спешило, воспользовавшись переброской основных сил вермахта на восток Европы, укрепить стратегические позиции метрополии на Среднем и Дальнем Востоке, а в отношениях с СССР ограничиться лишь косвенной поддержкой. Подлинно широкое сотрудничество было еще впереди, пишет контр-адмирал Н.М. Харламов (после вызова Голикова 12 июля в Москву Харламов руководил советской военной миссией в Лондоне)²².

В интересах активизации действий флота в Западной Атлантике намеревались использовать занятость Германии в СССР и американские военные круги. Организация обещанных Советскому Союзу поставок задерживалась из-за неясности перспектив его борьбы, сложности решения финансовых проблем, из-за разного рода политических и административных препон. В переговорах посла СССР в США К. Уманского с представителями госдепартамента, особенно с Уэллесом, часто

возникали сомнения, недоверие, неискренность. В конце июля за океан была направлена советская военная миссия, ее опять возглавил генерал Голиков. По заданию Сталина он должен был форсировать закупки американского вооружения и стратегических материалов, урегулировать проблемы их доставки в СССР, а также выяснить на месте позицию американского руководства. Дело с американскими поставками, как могли убедиться члены военной миссии, продвигалось с еще большим трудом. Тем не менее поездка Голикова в Лондон и Вашингтон позволила Москве составить более ясное представление о стратегии западных держав и возможностях создания антигитлеровской коалиции²³.

Советское руководство положительно оценило предложение, сделанное Рузвельтом Уманскому, о создании в Лондоне трехсторонней миссии с участием СССР, Британии и США для решения вопросов снабжения и распределения запасов и вооружения. Молотов в беседе с Криппсом назвал Америку "решающим звеном" в вопросах военного снабжения: "Являясь базой снабжения вооружением, Америка имеет решающее слово", а поэтому место пребывания комиссии следует определить не в Лондоне, а в Вашингтоне²⁴.

Сторонниками полного военного сотрудничества с СССР выступали широкие массы населения в странах антигитлеровской коалиции. Со второй половины 1941 г. в антифашистскую борьбу на стороне СССР вступили самые различные круги общественности Европы и Америки. Важным фактором политической жизни в этих странах летом и осенью стали акции и заявления профсоюзов и других неправительственных организаций в поддержку Советского Союза²⁵. В Великобритании с первых дней Великой Отечественной войны началось массовое движение с участием тред-юнионов за налаживание военного сотрудничества с СССР, в промышленных центрах шли митинги и демонстрации в его поддержку. Небывалый размах приобрел трудовой порыв британских трудящихся – "солдат производственного фронта", который стимулировали решения Эдинбургского (1941 г.) и последующих съездов Британского конгресса тред-юнионов об увеличении военного производства. Большое значение имел призыв о максимальной помощи вооружением Советскому Союзу, поддержанный тред-юнионами и компартией в ходе проведения "недели танков для СССР" (22–28 сентября 1941 г.). Росли размеры пожертвований англичан советскому народу, не смолкали их требования о предоставлении Красной Армии действенной военной помощи. Ширились выступления за открытие второго фронта в Европе. В своих донесениях из Лондона советский посол приводил многочисленные свидетельства углубления симпатий к СССР и желания оказать ему решительную поддержку среди рабочих масс и других групп общества.

Большинство жителей Британских островов встало на сторону советского народа, связывая с его борьбой против нацистского рейха решение судеб всего человечества.

Осознание глобальности фашистской угрозы и необходимости решительного отпора агрессорам все глубже утверждалось и в американском народе. В пользу развития военного сотрудничества с СССР и оказания ему всей возможной помощи высказались крупнейшие профсоюзы, в первую очередь входившие в Конгресс производственных профсоюзов. Рабочие заводов Форда и других американских предприятий, чья военная продукция отправлялась в Англию и в СССР, включились в движение за максимальное увеличение ее выпуска. Борьба Советского Союза и стран складывавшейся антигитлеровской коалиции была поддержана подавляющим большинством общественных организаций и среди них Американским советом по вопросам отношений с СССР (с 1943 г. – Национальный совет американо-советской дружбы во главе с видным публицистом и общественным деятелем Корлиссом Ламонтом). Крупнейшие представители американской интеллигенции – Рокуэлл Кент, Теодор Драйзер, Эптон Синклер и многие другие выразили свое сочувствие и симпатии к СССР. 283 профессора нью-йоркского

университета и колледжей обратились с посланием к президенту США по вопросу об оказании максимальной поддержки СССР. 50 видных американских художников также призвали Рузвельта предоставить помощь по ленд-лизу, заявив: "Союз Англии и Советского Союза обеспечивает народам всех стран беспрецедентную возможность покончить с гитлеризмом"²⁶. "Для нас, американцев, вопрос ясен: мы не можем допустить, чтобы варвары победили СССР", – говорил К. Ламонт²⁷. Представители творческой интеллигенции оказали благотворное влияние на формирование общественного мнения США в отношении Великой Отечественной войны²⁸.

Исключительно большую роль в установлении сотрудничества с СССР сыграли Ф. Рузвельт, Г. Гопкинс, многие другие американские политики и дипломаты. Гопкинсу, который в качестве личного представителя президента посетил летом 1941 г. Москву, был оказан самый дружественный прием. На первой же встрече со Сталиным Гопкинс заявил, что Рузвельт восхищен борьбой Советского Союза, уверен в его победе и готов сделать все для оказания ему помощи²⁹. В ходе переговоров 30–31 июля были рассмотрены вопросы о типах вооружения, срочно необходимого для борьбы с вермахтом, и о путях снабжения. На Гопкинса, хотя он и был критически настроен к сталинскому режиму, большое впечатление произвели беседы в Кремле, полнота полученной информации о положении на фронте и о стратегических планах советского командования, конкретный характер запросов на вооружение. Он был поражен отсутствием в Москве паники и воочию убедился в твердой воле советского народа к сопротивлению. Все это заставило Гопкинса отправить из Москвы послание обнадеживающего содержания. "Здесь существует безграничная решимость победить", – писал он Рузвельту и Хэллу 1 августа³⁰.

Миссия Гопкинса в СССР ознаменовала поворотный пункт в отношениях между США и СССР, убедив советское руководство в реальности создания коалиции СССР, США и Британии, а многих скептиков на Западе – в огромных возможностях Советского Союза. Отчет Гопкинса, сделанный вскоре на Атлантической конференции, подтвердил правильность принятого Рузвельтом решения об оказании всей возможной помощи СССР. Кроме того, Гопкинс, еще находясь в Москве, в неофициальном порядке выяснил, что советское правительство одобряет идею созыва совещания трех держав для изучения вопроса об "относительных стратегических интересах каждого фронта"³¹.

Организация сотрудничества зависела от положения дел на советско-германском фронте. С тяжелейшими потерями Красная Армия продолжала отступать в глубь страны, не прекращая изматывать противника. С середины июля 1941 г. перехваченные и расшифрованные британской разведкой немецкие радиотелеграммы подтвердили, что рейх встретился на востоке с серьезными трудностями³².

Фашистский блицкриг затягивался, и британскому руководству пришлось пересматривать свои прежние заниженные оценки сроков советского сопротивления. Британский ОРК все еще считал длительное противостояние СССР и Германии невозможным, но 28 и 31 июля в своих заключениях уже исключил вероятность его полного краха. В обзоре стратегии, подготовленном комитетом начальников штабов 31 июля 1941 г., по-прежнему подвергались сомнению сроки советского сопротивления, но признавалось его глубокое воздействие на положение Британии: "Вторжение в Соединенное Королевство должно быть отложено, и будет достигнута передышка на Среднем Востоке. Уменьшится вероятность германских авантюр в Испании или Французской Африке. С уменьшением опасности для Британии мы сможем сконцентрировать больше сил для подготовки нашего наступления". Более оптимистические оценки боеспособности СССР, данные ОРК, позволили премьер-министру и начальникам штабов отменить 2 августа их директиву (от 25 июня) о контрмерах против немецкого вторжения на Британские острова. Неделью спустя ОРК пришел к выводу, что сопротивление России

исключает до конца 1941 г. возможность какого-либо передвижения войск Германии для целей, не связанных с укреплением ее восточного фронта³³.

Западные руководители стали исходить из того, что СССР сможет выстоять еще пять месяцев. Это обстоятельство, так же как отчет Гопкинса о переговорах в Москве и настойчивые представления Уманского и Голикова по поводу советских заявок на вооружение, подтолкнули американские власти к более энергичным шагам. Президент задал 45-минутную "головомойку" Стимсону и другим членам кабинета в связи с отказом военного ведомства передать Советскому Союзу самолеты. Рузвельт распорядился до конца октября отправить в СССР некоторое количество самолетов³⁴.

Тем не менее, беседа 9 августа с Криппсом, Вышинский жаловался на то, что Америка "раскачивается очень медленно". Британский посол заметил, что "американцы всегда очень медленно раскачиваются и что Англия раскачивает Америку уже полтора года. Может быть, с помощью СССР это удастся сделать быстрее?" Криппс, по его словам, послал с Гопкинсом личное обращение к Рузвельту, присоединив к этому личному обращению две бутылки русской водки и два килограмма икры. "Зная, что Рузвельт любит русскую водку, – заключил посол, – он хотел сделать ему приятное"³⁵.

15 августа в Москву поступило совместное послание Рузвельта и Черчилля, где в соответствии с привезенным Гопкинсом на Атлантическую конференцию проектом они предлагали созвать в советской столице совещание представителей трех стран для непосредственного обсуждения со Сталиным и принятия решений по вопросу о распределении общих ресурсов³⁶. Но созыв совещания западные державы хотели бы оттянуть до того момента, как определятся результаты развертывавшегося на советско-германском фронте сражения (в завершающую стадию вступало Смоленское сражение). "Мы не хотим, – писал 13 августа Черчилль, – чтобы конференция в России открылась раньше конца сентября, когда, как ожидается, мы будем знать, где расположится на зиму русский фронт"³⁷.

Конференция в Атлантике, близ о. Ньюфаундленд (9–12 августа 1941 г.) была первой за годы войны встречей двух западных лидеров. Она вошла в историю благодаря решению о созыве в Москве совещания по вопросу о поставках СССР, а также главным образом благодаря документу, который Рузвельт и Черчилль обнародовали 14 августа и который широко известен как Атлантическая хартия. В восьми ее пунктах определялись демократические принципы внешней и социально-экономической политики. Президент и премьер-министр объявляли, что США и Великобритания не стремятся к территориальным и другим приобретениям; отказываются признать территориальные изменения, не находящиеся в согласии с свободно выраженным желанием заинтересованных народов; уважают право всех народов избрать приемлемую для них форму правления; поощряют экономическое сотрудничество между странами в целях обеспечить для всех более высокий уровень жизни и социального обеспечения; надеются на установление после войны мира, который обеспечит всем странам безопасность и т.д.

Атлантическая хартия носила весьма общий характер, оба западных лидера соблюдали осторожность в своих публичных заявлениях о послевоенной политике, ибо всякая детализация планов и формулировок могла вызвать нежелательные споры и помешать военному сотрудничеству³⁸. Но документ был созвучен атмосфере антифашистской войны, по существу каждый его пункт являлся вызовом практике держав "оси", подтверждая принципы цивилизации, которые Германия и Италия отвергали повсюду в Европе. В Америке и Британии встреча двух лидеров получила широкий резонанс. Пресса подчеркивала пропагандистский эффект "нового курса для мира", провозглашенного Рузвельтом и Черчиллем, а также большое значение их совместного послания Сталину.

В СССР центральные газеты "Правда" и "Известия" в своих передовых

статьях 17 августа приветствовали этот документ и расширение англо-американского сотрудничества в борьбе с Германией, хотя неофициальная реакция советского руководства на документ была отрицательной. Молотов усмотрел в хартии стремление превратить СССР "в бесплатное приложение других держав", и Майский по инструкции Москвы подчеркивал в разговорах с Иденом (26 августа) неприемлемый для нее способ подготовки документа. Лишь в середине сентября было дано согласие на присоединение СССР к Атлантической хартии³⁹.

Рассмотрение Атлантической хартии и ее принятие с теми или иными оговорками состоялось 24 сентября в Лондоне на межсоюзнической конференции с участием представителей Великобритании, СССР, эмигрантских правительств Бельгии, Греции, Норвегии, Польши и других оккупированных нацистами стран. В декларации советского правительства, которую огласил Майский, было выражено его согласие с основными принципами хартии. Важнейшей целью государств и народов, воевавших против Германии и ее сообщников, объявлялась полная и окончательная победа над гитлеризмом. Основной задачей момента советское правительство считало мобилизацию всех экономических и военных ресурсов свободолюбивых народов для их полного и возможно более скорого освобождения.

Советское правительство к этому времени установило связи с теми эмигрантскими правительствами оккупированных европейских стран, которые объявили войну Германии. Еще 3 июля 1941 г. Майскому были даны инструкции сообщить Идену и главам эмигрантских правительств Польши, Чехословакии, Югославии, что СССР выступает за создание польского независимого государства "в границах национальной Польши, включая некоторые города и области, недавно отошедшие к СССР", а также за восстановление чехословацкого и югославского государств⁴⁰.

18 июля СССР подписал в Лондоне соглашение с Чехословакией о восстановлении дипломатических отношений и о взаимной помощи в войне против Германии. 27 сентября 1941 г. оно было дополнено соглашением о формировании на территории СССР национальных чехословацких воинских частей. 30 июля аналогичного рода соглашение было заключено с эмигрантским правительством Польши, глава которого В. Сикорский еще 23 июня 1941 г. обратился с предложением к СССР установить сотрудничество в борьбе против Германии. При этом СССР выразил согласие на создание на своей территории польской армии (условия и порядок ее формирования оговаривались в советско-польском военном соглашении от 14 августа 1941 г.). В ходе переговоров с Сикорским советское правительство заявило 11 июля, что признает договоры между СССР и Германией 1939 г. относительно Польши "более несуществующими"⁴¹. В начале августа 1941 г. СССР восстановил также отношения с эмигрантскими правительствами Норвегии и Бельгии.

Большое внимание уделялось также развитию дружественных отношений с возглавляемым генералом Ш. де Голлем движением "Свободная Франция", представлявшим буржуазно-патриотическое крыло французского Сопротивления. Де Голль, со своей стороны, проявлял заинтересованность в сближении с СССР, понимая, что это укрепит позиции движения, и через своих представителей в Британии и Турции поставил перед советскими послами в этих странах вопрос об установлении отношений с СССР. 26 сентября 1941 г. советское правительство признало де Голля – председателя Национального комитета "Свободная Франция" – руководителем "всех свободных французов, где бы они ни находились, которые сплотились вокруг Вас, поддерживая дело союзников". Оно выразило готовность оказать "Свободной Франции" всестороннюю помощь и содействие в общей борьбе с гитлеровской Германией и ее союзниками, а также свою решимость после победы "обеспечить полное восстановление независимости и величия Франции"⁴².

Де Голль тогда же высказал удовлетворение этим шагом и обязался бороться на стороне СССР и его союзников до достижения окончательной победы над общим врагом. Выступая позже по лондонскому радио, он отметил, что необходимость в союзе СССР с Францией "становится очевидной при каждом новом повороте истории"⁴³.

Консолидация связей СССР с силами Сопротивления в Восточной, Центральной и Западной Европе имела немаловажное значение для ускорения формирования антигитлеровской коалиции. В первую же очередь этот процесс зависел от состояния сотрудничества СССР с США и Великобританией, а оно находилось под прямым воздействием положения дел на советско-германском фронте.

В сентябре 1941 г. резкое ухудшение военного положения – была потеряна почти вся Украина вместе с Киевом, немецкие войска подошли к Ленинграду и угрожали столице – заставило советское руководство прибегнуть к дипломатическому нажиму на британское правительство с целью получения активной помощи. В посланиях Сталина Черчиллю от 3 и 13 сентября со всей категоричностью были названы возможные формы такой помощи, а именно: открытие Англией уже в 1941 г. второго фронта "где-либо на Балканах или во Франции", способного оттянуть с востока 30–40 немецких дивизий; высадка 25–30 английских дивизий в Архангельске или перевод их через Иран в южные районы СССР для взаимодействия с советскими войсками на территории СССР; поставки Советскому Союзу алюминия, самолетов, танков⁴⁴.

Великобритания, продолжая ослаблять Германию воздушными, морскими и экономическими акциями, безусловно, облегчала этим положение СССР. В Заполярье вместе с советскими летчиками против немецкой авиации сражались летчики 151-го крыла британских ВВС под командованием подполковника И. Ишервуда. С конца августа 1941 г. они выполняли операции по сопровождению бомбардировщиков 72-го авиаполка ВВС Северного флота и защите Мурманска. Боевые подвиги Ишервуда, майоров авиации А. Рука и А. Миллера, сержанта Дж. Хоу были отмечены высокими советскими наградами.

Важным шагом явился также согласованный обеими странами ввод их дивизий 25 августа 1941 г. в некоторые районы Ирана. Он был предпринят в интересах подавления активности вражеской агентуры в этой стране и обеспечения безопасности нефтеносных районов Кавказа и Среднего Востока. Особое значение придавалось созданию еще одного, южного, пути снабжения СССР от Персидского залива до Каспийского моря. 30 августа Черчилль сообщил Сталину: "При всей важности защиты нефтяных источников целью нашего вступления в Персию было еще в большей степени стремление установить еще один сквозной путь к Вам, который не может быть перерезан"⁴⁵. Совместной акцией советских и британских войск была проведенная незадолго до этого (19 августа) операция по разрушению угольных шахт на о. Шпицберген, в задачи которой входило лишить вермахт топлива в случае захвата им архипелага. Начались совместные действия советского Северного флота и союзнических военно-морских сил⁴⁶.

В то же время премьер-министр и имперский генеральный штаб не шли навстречу настойчивым призывам СССР об активном участии британских войск в сухопутных операциях на западе или востоке Европы. Для создания второго фронта потребовалось бы переориентировать основные силы Британии на территорию Европы и ослабить ее армии на Ближнем Востоке, а также ограничить решение задач, связанных с освобождением средиземноморских коммуникаций. Делать все это Черчилль не хотел⁴⁷. Не было к тому же у Британии и реальных возможностей к открытию второго фронта. В переговорах с британским правительством советская дипломатия стала акцентировать тогда внимание на желательности совместных операций на северном и южном участках советско-германского фронта. Однако британское руководство, готовя наступление в Ливии, рассматривало и эти

операции как не желательные для себя, и Сталину был дан более уклончивый ответ.

Сторонниками открытия второго фронта и неограниченной помощи СССР выступали лорд Бивербрук (именно по его инициативе была проведена "неделя танков для России"), левый лейборист член парламента Э. Бивен, другие британские парламентарии. Необходимость энергичных совместных действий не переставал доказывать Криппс. Отсутствие военной помощи со стороны Британии и занятая ею позиция выжидания, по мнению посла, вели к ухудшению отношений с СССР⁴⁸.

Черчилль оставался непреклонен. Он откровенно признался Майскому еще 4 сентября, что Англия до зимы не сможет оказать СССР "никакой серьезной помощи – ни путем создания второго фронта, ни путем обеспечения широкого снабжения нужными вам видами оружия". Не в силах Англии, доказывал премьер-министр, предпринять какую-либо акцию, которая повлияла бы в ближайший два месяца на развитие событий в России. Британское правительство лишь предлагало послать небольшое количество британских сил на Кавказ (где военные действия тогда не велись) и командировать двух генералов (Уэйвелла и Пейджета) на переговоры со Сталиным с целью, как писал Черчилль, "внести в дела ясность и составить планы на будущее"⁴⁹. Криппс, выдвинувший идею о поездке двух генералов в СССР, в отличие от неопределенных обещаний Черчилля, рассчитывал, что их приезд "мог бы послужить общему делу в вопросе о координации совместных действий против Германии и, в частности, о посылке некоторой части британских войск на восточный фронт в СССР"⁵⁰.

Однако ни усилия Криппса, ни советские попытки побудить Британию к вводу войск в СССР для боевых действий против немцев на фронтах успеха не имели.

В первые же дни Великой Отечественной войны, как мы видели, были установлены контакты между СССР и Великобританией в вопросах снабжения, обе страны обменялись военно-экономическими миссиями. Отдельные виды сырьевых материалов и вооружения направлялись в небольшом объеме в летние месяцы для поддержки союзника. 2 августа 1941 г. было на год продлено действие торгового соглашения США с СССР. В тот же день американское правительство уведомило Уманского о решении оказать все осуществимое экономическое содействие с целью укрепления Советского Союза в его борьбе против вооруженной агрессии. 16 августа СССР подписал в основном приемлемое для себя соглашение с Англией о товарообороте, кредите и клиринге; по его условиям Советскому Союзу предоставлялся кредит в сумме 10 млн ф. ст. сроком на пять лет при 3% годовых⁵¹.

Важное значение для развития сотрудничества имела также договоренность "большой тройки" – Рузвельта, Черчилля и Сталина – относительно проведения конференции трех государств по вопросам снабжения. США обязались предоставить свои ресурсы для совместной борьбы с Германией, объединив их с ресурсами Британии и СССР.

Британское правительство начало с лета снабжать СССР некоторым количеством военных поставок и сырья. Первый конвой с грузами, прибывший в Архангельск 31 августа 1941 г., доставил: самолеты (типа "Томагавк" – 48 единиц, типа "Хоукер Сидли" – 1); патроны (обыкновенные – 1 млн шт., крупнокалиберные – 100 тыс. шт.); магнитные мины (800 шт.); торпеды (8 шт.); бомбы (3 тыс. шт.); звукоулавливатель (1 шт.); пеленгаторную установку (1 шт.); секретную опытную радиостанцию (1 шт.)⁵².

В Лондоне не проявляли, вообще говоря, большого желания передавать СССР вооружение, необходимое для собственной армии; неясным представлялся там и исход борьбы на советско-германском фронте. В послании Рузвельту 7 сентября премьер-министр отметил по этому поводу: "Если Россия продолжит сопротивление, поставки имеют смысл; если нет – мы не должны направлять их". Военное

руководство приоритетным направлением по-прежнему определяло Средний Восток и жизненно важные для Британии морские коммуникации в Атлантике⁵³.

Из США до 15 сентября 1941 г. было отправлено в СССР 8 млн патронов, 10 тыс. бомб и 10 тыс. радиостанций; на пароходы были погружены 49 самолетов и 9 авиамоторов⁵⁴. Многие деятели также высказывались, по тем или иным причинам, против предоставления больших партий вооружения России. Но решающее слово осталось за Рузвельтом. В директиве военному министру президент 30 августа предписал, имея в виду первостепенную важность борьбы СССР для безопасности Америки, обеспечить его всей возможной помощью вооружением и выдать ему существенные и обширные обязательства на Московской конференции. Был ускорен отъезд из Вашингтона Аверелла Гарримана, назначенного главой американской делегации на Московской конференции. Сначала Гарриман и члены его миссии посетили Лондон, где на совещании с британскими руководителями (15–20 сентября) была обсуждена долгосрочная программа вооружения США и согласованы планы ежемесячных поставок Советскому Союзу. Через Гопкинса Рузвельт довел до сведения Черчилля: обе миссии должны заявить советскому правительству, что помощь совершенно определено будет ему оказываться по июль 1942 г.⁵⁵

Черчилль исходил из того, что главную часть помощи предоставят США. На заседании Комитета обороны 19 сентября он снова заявил: "...русским следует обращаться к США за крупными долгосрочными контрактами. Америка, а не мы, должна стать арсеналом русской армии". Спустя два дня ему все же пришлось известить Сталина, что до конца июня 1942 г. поставки будут обеспечены почти целиком из британского производства или из продукции, которую США направят Британии в счет ее собственных закупок или по закону о ленд-лизе⁵⁶.

Советское правительство, готовясь к конференции, тщательно изучило вопрос о том, на получение каких поставок оно может рассчитывать в дальнейшем. 27 сентября Микоян направил в ЦК ВКП(б) подготовленную вместе с другими наркомками записку с перечислением поставок из США и Великобритании по 69 пунктам до конца 1942 г., в том числе самолетов, танков, зенитных орудий, различных видов материалов и продовольствия⁵⁷.

Конференция представителей трех держав проходила в Москве 29 сентября – 1 октября 1941 г. В советскую делегацию входили: В.М. Молотов (глава делегации), К.Е. Ворошилов, Ф.И. Голиков, Н.Г. Кузнецов, М.М. Литвинов, А.И. Шахурин, Н.Д. Яковлев. На открытии конференции главы делегаций выразили непреклонную решимость бороться с Германией. Советская делегация информировала присутствующих о положении на советско-германском фронте, о соотношении численности вооруженных сил и боевой техники СССР и Германии⁵⁸. Момент был в высшей степени напряженный – враг рвался к столице, начиналась операция "Тайфун".

Еще перед открытием переговоров А.И. Микоян направил В.М. Молотову проект подготовленных документов для ознакомления с ними глав американской (Гарриман) и британской (лорд Бивербрук) делегаций. В документ для Гарримана были включены списки предметов вооружения, материалов и оборудования, поставку которых в СССР из США советская делегация считала необходимой в 1941–1942 гг. В списке "А" (предметы вооружения) предусматривались поставки до конца 1941 и на первое полугодие 1942 г.: ежемесячно до 400 самолетов (истребителей и бомбардировщиков поровну), по 500 танков, противотанковых ружей (по 30 тыс.) и другого вооружения. В списке "Б" (материалы, оборудование и другие изделия, кроме вооружения) обозначались номенклатура поставок и их количество. На указанный период планировались поставки 14,5 тыс. металлорежущих станков, 19 промышленных установок, 265 тыс. т цветных металлов, 871,3 тыс. т стали и изделий из нее, а также другие поставки – всего на сумму 847 млн долл.⁵⁹

Лорду Бивербруку также были переданы оба списка с перечислением поставок, которые советская делегация считала необходимым получить до лета 1942 г., а именно: ежемесячно по 200 самолетов (из них одна треть – бомбардировщики, две трети – истребители); по 250 танков (одна треть – средних, две трети – легких); по 1200 станков (в первом полугодии 1942 г.), некоторое количество военных кораблей и другое вооружение. Список "Б" в части, касавшейся поставок станков и оборудования в 1942 г., включал их количество по уже размещенным до войны заказам⁶⁰.

Переговоры в Москве велись в основном в дружественном тоне. Запросы СССР на поставки вооружения и сырья убеждали, что он намерен вести длительную войну. Гарриман в своих донесениях президенту 1 и 10 октября отметил реалистический характер запросов, их соответствие масштабам советской обороны⁶¹. Не все советские запросы получили одобрение. На первом заседании 29 сентября, которое вел Сталин с главами делегаций западных стран, началось подробное обсуждение советских заявок на танки, самолеты и боекомплекты к ним. Лорд Бивербрук дал обещания, в частности, следующего рода: с помощью Америки Англия сможет доставлять в месяц по 500 танков, из них не больше половины легких; по 200 британских истребителей в течение восьми месяцев ("Харрикейны", "Спитфайеры"); через восемь-девять месяцев будут представлены и обсуждены предложения о снабжении в большем масштабе. Запись этой беседы гласит: "С т а л и н (разр. – Ред.). Мы вчера выразили желание получить больше бомбардировщиков, чем истребителей, а именно в пропорции 75 к 25%. Б и в е р б р у к (разводя руками). Это абсолютно невозможно"⁶². Вместе с тем глава британской делегации, стоявший на позиции максимальной поддержки Советского Союза, включая открытие второго фронта, заявил 30 сентября: "Я хочу, чтобы Великобритания шла далеко, очень далеко, чтобы получилось ощущение настоящего сотрудничества"⁶³.

Параллельно с переговорами между Сталиным, Бивербруком и Гарриманом шли рабочие дискуссии в различных комиссиях конференции. На заседании авиационной комиссии, состоявшемся в день открытия Московской конференции, нарком авиационной промышленности А.И. Шахурин поставил вопрос о поставке ежемесячно 300 бомбардировщиков и 100 истребителей, подчеркнув, что бомбардировщики ближнего действия являются основным типом, который хотел бы получить СССР. "Не следует бояться давать нам новые самолеты, – заявил нарком. – Мы имеем много замечательных летчиков, которые не боятся новых машин и быстро овладевают новой материальной частью"⁶⁴.

Однако западные представители не соглашались на желательную для СССР пропорцию самолетов, ссылались на потребности собственных войск и недостаточное серийное производство бомбардировщиков. В докладной записке о работе авиационной комиссии, составленной 30 сентября 1941 г., А.И. Шухурин, Н.Д. Яковлев (начальник Главного артиллерийского управления Красной Армии) и другие члены советской делегации писали: "Несмотря на неоднократные и настойчивые требования, добиться изменения в соотношении бомбардировочных самолетов и истребителей не удалось". На рассмотрение советской делегации были предложены типы самолетов, уже в течение ряда лет выпускавшиеся в Англии и Америке серийно. "Эти самолеты, – указывалось в докладе, – не являются новейшими образцами английской и американской техники". Придется, делался, однако, вывод, согласиться на закупку именно таких самолетов: истребителей – "Киттигаук", "Харрикейн" и небольшого числа "Спитфайер-5"; бомбардировщиков – "Дуглас А-20"⁶⁵.

Детальное, деловое обсуждение советских заявок происходило и в другой комиссии – по сырьевым материалам и оборудованию. На заседании 29 сентября представитель США Батт заявил, что целью приезда американской делегации

является оказание максимальной помощи русскому народу, что США еще не переклЮчили полностью свою экономику на нужды войны и им требуется для этого определенное время. С запросами СССР членов комиссии ознакомил Микоян. Одной из самых насущных потребностей он назвал алюминий, связав это с эвакуацией промышленности и потерей около половины общего производства этого металла. Советская заявка предусматривала поставку СССР ежемесячно 4 тыс. т алюминия и 500 т дюралюминиевого проката. Западные союзники соединили этот вопрос с объемом поставок самолетов. Британский представитель Бетман говорил о возможности передачи СССР только 2 тыс. т алюминия в месяц, что, по его утверждению, "является определенной жертвой, в силу которой пришлось урезать удовлетворение потребностей авиационной промышленности Англии. Так что дальнейшее увеличение поставок алюминия из Соединенного Королевства в СССР может иметь место лишь за счет уменьшения самолетов"⁶⁶.

На заседании той же комиссии 30 сентября Микоян возбудил вопрос о поставке СССР 1200 станков в месяц, что являлось минимальным требованием. Металлорежущие станки необходимы были для производства снарядов (на снаряды советская сторона заявок не дала). Батт и Бетман выразили в принципе готовность удовлетворить запрос на станки при условии получения от СССР подробных спецификаций, после чего плановые организации в Лондоне и Вашингтоне рассмотрят порядок распределения станков между США, Англией и СССР. "Почему нельзя решить этот вопрос в Москве еще на конференции?" – спросил Микоян. Батт ответил: "Вопросы планирования могут решаться только в Вашингтоне или Лондоне". На очередном заседании в тот же день Бетман заметил: "...он принимает упрек тов. Микояна, что Британская и Американская стороны недостаточно конкретны в своих предложениях, однако на это он может ответить, что продуктивность взаимных усилий определяется не только тем, что делается на данном заседании комиссии, но главным образом результатами переговоров, а эти результаты могут быть значительно лучшими, если т. Микоян будет чаще улыбаться"⁶⁷. К концу заседания Микоян представил спецификации на металлорежущие станки, электропечи, сталь и стальные изделия.

1 октября 1941 г. Молотов, Гарриман и Бивербрук подписали секретный протокол о поставках, согласованных между тремя правительствами⁶⁸. По Первому (Московскому) протоколу – его срок определялся с 1 октября 1941 по 30 июня 1942 г. – западные союзники обязались поставлять СССР ежемесячно согласованное количество вооружения, военных материалов, сырья и продовольствия. Кроме того, они должны были отправлять по 400 самолетов в месяц (из них 100 американских бомбардировщиков и 300 истребителей – по 200 британских и 100 американских), по 500 танков (из них не более половины малых), по 152 зенитных пушки (90-мм), по 2 тыс. т алюминия из Канады (сверх уже отправленных 5 тыс. т), олово, свинец и другие металлы, по 1200 штук металлорежущих станков и пр.

Стратегические переговоры с Генеральным штабом СССР на Московской конференции, вопреки желанию Черчилля, не велись. Отдельные военные вопросы – о количестве дивизий Германии и СССР, о слабости немецкой пехоты в сравнении с русской – затрагивались в ходе бесед Бивербрука со Сталиным. Кроме того, в Кремле состоялся неофициальный 10-минутный разговор генерала Х. Исмея со Сталиным: последний доказывал необходимость для Англии иметь крупную армию. Генерал Исмей, как отмечено в составленном им "Военном отчете", объяснил затруднения Британии с людскими ресурсами. Когда он перечислял ее трудности с судами, "Сталин вмешался, сказав, что вполне понимает, почему мы в данный момент не можем создать Западный фронт"⁶⁹.

Первая партия грузов в счет поставок по Московскому протоколу была доставлена в СССР в конце октября. Тогда же Рузвельт сообщил Сталину о решении американского правительства применить к СССР закон о ленд-лизе.

Советскому Союзу предоставлялся беспроцентный заем в 1 млрд долл. на оплату поставок вооружения и сырьевых материалов в рамках ленд-лиза. Выплату платежей по займу СССР должен был начать через пять лет после окончания войны и производить в течение десяти лет после истечения этого пятилетнего срока. Советское правительство с полным основанием расценило это решение как исключительно серьезную поддержку СССР и выразило согласие с условиями американского займа⁷⁰. 7 ноября 1941 г. правительство США официально распространило действие ленд-лиза на СССР. В дальнейшем президент неоднократно и решительно вмешивался в деятельность ленд-лизированных организаций, когда тормозилось или срывалось выполнение программы поставок для СССР.

Не раз отмечалось, тем не менее, что Первый протокол по поставкам лишь в малой степени удовлетворил советские запросы и нужды. Это действительно так, — и до и после Московской конференции СССР обеспечивал свои военные потребности почти целиком за счет собственных ресурсов. Британия, как и ожидалось, взяла на себя выполнение той части поставок, которая была закреплена за США. Положение с американскими поставками стало улучшаться лишь с февраля 1942 г., но и на 15 июня они отставали от зафиксированных в Первом протоколе норм; взятые же британским правительством обязательства реализовались неплохо⁷¹.

Нет сомнения в том, что принятые в разгар битвы под Москвой обязательства о поставках и распространение американского закона о ленд-лизе на СССР оказались для него большой политической и морально-психологической поддержкой. И в материальном плане поставки западных союзников, хотя еще и небольшие по объему, сослужили свою службу, особенно если принять во внимание резкий спад промышленного производства в СССР в конце 1941 г.

По Первому протоколу (с 1 октября 1941 г. до 30 июня 1942 г.) США, по американским данным, отправили в СССР 1273,6 тыс. т грузов, что составило около 80% от обещанного объема. Обязательства по протоколу и фактический экспорт основных видов вооружения выражены следующим образом: самолеты — 1800 и 1285; танки — 2250 и 2249; противотанковые пушки (37-мм) — 756 и 63; зенитные орудия (90-мм) — 152 и 4 соответственно. Поставки джипов, химических товаров и одежды превысили норму⁷². Из Соединенного Королевства были получены также 1442 танка вместо 2250 обещанных, 1411 пулеметов против 1800, 1323 истребителя вместо 1800. Но в целом Великобритания играла преимущественную роль в выполнении Первого протокола; американская помощь стала превышать британскую с лета 1942 г.⁷³ Изучение отечественных архивов позволило установить: из 3600 самолетов, обещанных по Московскому протоколу, в СССР было отправлено 3296, вместо 4500 танков — 4697, вместо 1800 танкеток — 1853⁷⁴.

Поставки осуществлялись по нескольким маршрутам. Самым коротким и экономичным был северный маршрут, по которому транспорты с грузами следовали в Мурманск, Архангельск и Молотовск (Северодвинск) через Исландию по Норвежскому, Баренцеву и Белому морям. Этот путь был сопряжен с огромными трудностями и опасностями из-за тяжелых условий плавания в период полярной ночи, а также вследствие действий германских подводных лодок в Северной Атлантике и Баренцевом море. 1942 год, когда противник бросил против конвоев крупные силы авиации и флота, оказалась самым сложным для их проводки. В том же году из Британии и США в Россию отправились 13 конвоев (249 транспортов, из них 55 были потеряны при переходе); в обратный путь ушли 12 конвоев (187 транспортов, из них потеряны 15)⁷⁵. В 1941 г. 42,7% всех поставок Советскому Союзу из Западного полушария было осуществлено через Северную Россию, в 1942 г. — 38,7%⁷⁶. В нашей стране высоко оценивают и чтят мужественный подвиг моряков Британии и других союзных стран, участвовавших в проводке и охране конвоев северным путем.

Весьма существенную роль в снабжении СССР сыграл тихоокеанский путь, по которому в 1941 г. было направлено 53,6% всех поставок из Западного полушария (в июне–июле 1941 года – 100%). В 1942 г. через советский Дальний Восток прошло 29,9% грузов. Для перебазирования американских самолетов на советскую территорию была создана строго засекреченная воздушная трасса между Аляской и Сибирью (АЛСИБ). В октябре 1942 г. с Аляски под Сталинград прибыла первая группа бомбардировщиков А-20 "Бостон"⁷⁷.

В эти годы был освоен также южный маршрут, по которому в 1941 г. прошло 3,7%, а в следующем – уже 28,8% общего объема поставок. Первое судно с грузами для СССР появилось в Персидском заливе в конце ноября 1941 г., а в 1942 сюда прибывало через Южную Атлантику и Индийский океан уже в среднем 10–12 судов ежемесячно⁷⁸.

Объем поставок из Западного полушария по всем направлениям составил в июне–декабре 1941 г. 361 длинную т*, в январе–декабре 1942 г. – 2453 тыс. дл. т⁷⁹. (С 22 июня 1941 г. по 20 сентября 1945 г. он исчислялся в 17 500 тыс. дл. т.) Из Великобритании в СССР за период с 1 октября 1941 по 30 сентября 1942 г. прибыло 2 тыс. самолетов, 1800 танков, 1100 пулеметов, 500 противотанковых пушек, а также другие виды оружия и техники, сырьевые материалы и продовольствие (14 тыс. т алюминия, 8,6 тыс. т олова, 37 тыс. т каучука, 14 тыс. т меди, 13 тыс. т никеля, 60 тыс. т пшеницы и муки, 77 тыс. т сахара)⁸⁰. Танки "Валлентайн" и другое вооружение направляла на советско-германский фронт Канада, в 1941–1942 гг. ее поставки включались в английский список обязательств по Первому и Второму протоколам. В сентябре 1942 г., кроме того, она предоставила СССР кредит в 10 млн долл. для закупки пшеницы. К концу года общие затраты на помощь СССР достигли 102 млн канадских долл.⁸¹ И все-таки в 1941–1942 гг. помощь западных союзников, при всей ее значимости для СССР, в основном по военно-техническим причинам отставала от запланированных протоколами норм. Заметное увеличение поставок началось только с лета 1943 г.

Необходимо также напомнить, что и СССР, со своей стороны, оказывал посильную помощь западным союзникам. В тяжелейших условиях конца 1941 г. выполнялись заявки США и Великобритании на некоторые советские товары. От имени правительств обеих стран Гарриман на Московской конференции подтвердил получение от СССР партий сырьевых материалов. Бивербрук в ноябре того же года выразил Сталину благодарность за снабжение Великобритании материалами, особенно хромовой рудой, в которых она испытывала острую нужду⁸². Хотя Второй протокол не содержал формального обязательства СССР по оказанию взаимной помощи, тем не менее был заключен ряд соглашений о поставке союзникам различных товаров. За время действия этого протокола СССР поставил важные для западных стран виды сырья: лес – 13,8 тыс. т, апатиты – 5,5 тыс. т, поташ – 19,7 тыс. т, хлопок – 7,3 т и др.⁸³

ПОЛИТИЧЕСКИЕ И ВОЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ КОАЛИЦИИ

Отношения между участниками антигитлеровской коалиции, при всех их трениях, внушали определенный оптимизм. К началу контрнаступления советских войск под Москвой был заключен ряд официальных соглашений о сотрудничестве, подведена юридическая база для поставок США и Великобритании Советскому Союзу, без которой было немыслимо развитие военно-экономического сотрудничества трех стран. В конце 1941 – начале 1942 г. развивалось стратегическое

* 1 дл. т – 1016 кг.

взаимодействие военноморских флотов обеих стран, связанное с обеспечением безопасности северных конвоев. Большое значение для СССР имело также присутствие в Северной Атлантике и в западной части Арктики сил британского флота, противостоявших крупной группировке противника на Северном ТВД. Со своей стороны, советские вооруженные силы, скользя в Заполярье множество (не менее 220) вражеских самолетов, оказывали важную услугу британскому союзнику⁸⁴.

Но в отношениях СССР с Великобританией сохранялись определенные трудности. Это вызывалось отсутствием более существенной военной помощи, которой добивался СССР, затягиванием Лондоном объявления войны союзникам Германии – Венгрии, Румынии, Финляндии. Не решался и вопрос о союзном договоре, выдвинутый Сталиным на Московской конференции 30 сентября. В послании Черчиллю 8 ноября Сталин в совершенно категорической форме предложил внести ясность в советско-английские отношения и подчеркнул два обстоятельства: отсутствие договоренности между обеими странами о целях войны и планах послевоенной организации мира; отсутствие между ними договора о военной взаимопомощи в Европе против Гитлера. Можно понять сомнения советского посла, которому пришлось вручать это послание британскому премьер-министру. В такой опасной для СССР военной ситуации, какая в тот момент сложилась для СССР, вряд ли своевременной была постановка столь сложных проблем послевоенного урегулирования⁸⁵. Но сталинская "централизованная дипломатия" (выражение Молотова)⁸⁶ не допускала никакого выражения сомнений или критики.

Излишне резкий тон послания вызвал в Лондоне недовольство. Правда, оба лидера в своих высказываниях воздержались от открытой полемики. Черчилль считал необходимым поддерживать "фасад" союзнического единства. В ответе Сталину он выразил готовность командировать в Москву А. Идена для обсуждения всех касающихся войны вопросов, включая вопрос о посылке войск на Кавказ и на линию фронта советских армий на юге. Сталин 23 ноября одобрил это предложение.

На самом же деле в Лондоне переговорам министра иностранных дел стремились придать общий характер. Британский военный кабинет на своем заседании 4 декабря нацелил Идена на то, чтобы ограничиться опубликованием совместной декларации (по типу Атлантической хартии) и избегать конкретной дискуссии по вопросам послевоенного мирного урегулирования. В свою очередь государственный департамент США через американского посла в Лондоне Дж. Вайнанта уведомил Форин офис о нежелательности принятия в ходе переговоров каких-либо обязательств о послевоенном урегулировании. Из телеграммы Майского, полученной 1 декабря, в Москве стало известно, что британское правительство упорно противилось слишком детальному уточнению послевоенных планов, поскольку оно, во-первых, хотело сохранить свободу рук при заключении мира, во-вторых, постоянно оглядывалось на США и, в-третьих, учитывало внутривластную борьбу у себя в стране по вопросам послевоенного устройства⁸⁷. Как в Лондоне, так и в Вашингтоне не исключали вероятности того, что позиции западных держав к концу войны усилятся, а ослабленный Советский Союз не сможет отстоять свою программу требований.

Что касается упомянутой Черчиллем возможности отправки британских войск на советско-германский фронт, то она отпала еще до прибытия Идена в Москву. В директиве Идену от 6 декабря Черчилль указал на то, что кампания в Ливии потребует, вероятно, привлечь те две британские дивизии, которые предполагалось направить в СССР. Вместо этого лучше будет перебросить на южный фланг русских армий 10 эскадрилий. Однако на следующий день Япония начала войну на Тихом океане и в Азии (Иден узнал об этом событии по дороге в Москву). 10 декабря Черчилль телеграфировал вдогонку министру, чтобы в свете изменившейся

ситуации он не предлагал русским 10 британских эскадрилий⁸⁸. Фактически же вопрос о военной помощи был предрешен до начала японской агрессии на Дальнем Востоке. Еще 3 декабря А. Кадоган отметил в своем дневнике после заседания Комитета обороны: "Премьер-министр, по-видимому, одобрил идею посылки телеграммы Сталину с предупреждением о том, что мы не прибудем с дивизиями в нашем кармане". А после присутствия в военном кабинете на следующий день Кадоган сделал следующую запись: "Теперь как будто выясняется, что у нас не будет даже военных материалов, чтобы предложить русским взамен дивизий..."⁸⁹.

Иден принадлежал к числу сторонников англо-советского сотрудничества. Он был одним из немногих государственных деятелей Запада, лично знакомых со Сталиным, с ним он встречался в дни своего первого визита в СССР в 1935 г. Второй визит Идена в середине декабря 1941 г. проходил на фоне успешно развивавшегося контрнаступления Красной Армии под Москвой.

Британский имперский генеральный штаб в своем докладе подчеркнул как очевидный факт всеобщее чувство уверенности в официальных кругах Москвы и высокий моральный дух Красной Армии⁹⁰. Обстановка, иными словами, изменилась в пользу СССР, и это, вероятно, побудило Сталина выдвинуть на переговорах серьезные требования. В первой же беседе в Иденом, которая состоялась 16 декабря, он передал ему проекты двух договоров – о взаимной военной помощи и о разрешении послевоенных проблем. После беглого ознакомления с ними Идена, который не выдвинул против договоров принципиальных возражений, Сталин заявил о желательности "приложить ко второму договору секретный протокол, в котором была бы намечена общая схема реорганизации европейских границ после войны". На втором и третьем заседаниях (17–18 декабря) Сталин прямо и недвусмысленно подчеркивал, что его больше всего интересует вопрос о будущих границах СССР. Конкретно речь шла о признании границ СССР 1941 г. с Финляндией, Прибалтийскими государствами и Румынией (о границах с Польшей он надеялся договориться с Англией позднее).

Майский и Кадоган согласовали текст как советско-английского договора о союзе и взаимопомощи, так и договора о совместных действиях по обеспечению безопасности в Европе после войны. Несмотря на это, ни один документ не был принят. Иден утверждал, что без согласования со своим правительством он не может принять советское требование о границах, а британское правительство откалось от признания границ (отказ был согласован с США). Сталин объявил, что в таком случае подписание договора не может состояться⁹¹.

Таким образом, несмотря на благоприятную для советской стороны обстановку, ей не удалось отстоять все выдвинутые ею предложения. Хотя московские переговоры и не завершились подписанием определенных документов, визит Идена имел положительное значение – был установлен непосредственный контакт между двумя правительствами, выяснена точка зрения по важнейшим международным вопросам. Во время пребывания в СССР Идену и его группе была предоставлена возможность посетить фронт в районе Клина, и картина боев Красной Армии с агрессором произвела на англичан неизгладимое впечатление⁹².

Обсуждение вопроса о договоре между СССР и Англией было продолжено по дипломатическим каналам. Что касается признания советских границ, то позиция британской дипломатии, как можно было судить, могла в дальнейшем измениться. Форин офис сообщил Идену 19 декабря: "Отказ нашей стороны взять на себя на этой стадии обязательства в отношении территориальных притязаний России не означает, разумеется, что мы непременно будем против того, чтобы Советский Союз реаннексировал Балтийские государства и Бессарабию и восстановил границу 1940 г. с Финляндией на мирной конференции. Но мы не считаем, что на данной стадии Вы можете пойти дальше предложения обсудить эту проблему с Вашими

коллегами и правительством США после возвращения в Лондон⁹³. Как бы то ни было, советская дипломатия не сняла с повестки дня переговоров этот щекотливый вопрос.

Подготовка и проведение советско-английских переговоров в Москве совпали с еще одним крупным событием, которое, так же как и контрнаступление советских войск, имело долговременные международные последствия. Во вторую мировую войну вступили Соединенные Штаты Америки; с нападением Японии 7 декабря 1941 г. на американскую военно-морскую базу Перл-Харбор, а также на владения Британии и Нидерландов в Юго-Восточной Азии мировой конфликт приобрел в полном смысле глобальные масштабы. Катастрофа в Перл-Харборе положила конец официальному американскому нейтралитету – США объявили войну государствам "оси". Войну Японии объявила и Великобритания.

Начальная фаза войны на Тихом океане и в Юго-Восточной Азии ознаменовалась для обеих западных держав серией тяжелых поражений – был разгромлен тихоокеанский флот США, потоплены крупные британские корабли "Принс оф Уэльс" и "Рипалс"; Япония за короткий срок овладела Гонконгом, Сингапуром, огромными территориями на азиатском материке. Все это повысило заинтересованность США и Британии в сохранении советско-германского фронта в качестве главного фронта второй мировой войны, в расширении сотрудничества со странами, оказывавшими сопротивление фашистским агрессорам. С началом войны на Дальнем Востоке упорчились англо-американские связи. На открывшейся вскоре в Вашингтоне конференции (22 декабря 1941 – 14 января 1942 г.) американские и британские руководители разработали структуру органов экономического сотрудничества двух западных стран. Были заложены основы для интеграции военных усилий США и Британии, несмотря на все имевшиеся между ними разногласия⁹⁴.

Не меньшее значение имели усилия западных союзников и СССР по оформлению широкой антигитлеровской коалиции и согласованию целей войны. 27 декабря Рузвельт зачитал в присутствии прибывших в Белый дом Черчилля и Гопкинса составленный им проект общей декларации новому советскому послу М.М. Литвинову. Президент обратил внимание на то, что он не имеет права подписывать соглашения без одобрения их сенатом США и поэтому избрана форма декларации⁹⁵. В тот же день документ был вручен Литвинову, и он передал его в Москву для согласования.

Советское правительство одобрило американский проект, но с рядом поправок. Например, оно сочло необходимым изменить ту фразу заключительной части проекта, где говорилось о "вкладе союзников в борьбу против участников Тройственного пакта". Поскольку СССР не находился в состоянии войны с Японией – одним из членов этого пакта, то такая формулировка могла связать СССР обязательствами вступить в войну на Дальнем Востоке в момент, когда почти все его силы были сосредоточены против Германии. СССР предложил поэтому говорить о "вкладе в борьбу против гитлеризма". Со слов Гопкинса Рузвельт знал, что Сталин не согласится на какую-либо иную формулировку.

Принципиальных возражений позиция СССР в вопросе о его вступлении в войну на Дальнем Востоке у президента, собственно говоря, и не вызывала. Еще 11 декабря, приняв Литвинова, Рузвельт по существу выразил понимание решения советского правительства соблюдать пакт о нейтралитете с Японией (установка на выполнение условий советско-японского пакта была дана Молотовым в телеграмме, которую Литвинов получил еще перед визитом в Белый дом)⁹⁶.

Все советские поправки были учтены в общей декларации, и по предложению Рузвельта документ получил название Декларация Объединенных Наций. Она была подписана 1 января 1942 г. в Вашингтоне сперва Рузвельтом, Черчиллем, Литвиновым и представителем Китая Сун Цзывэнем, а затем в алфавитном

порядке представителями еще 22 государств, объявивших войну державам "оси". Декларация Объединенных Наций (или Декларация 26 государств) содержала обязательства каждого из ее участников употребить все свои ресурсы – экономические и военные – против тех членов Тройственного пакта и присоединившихся к нему государств, с которыми эти правительства находились в состоянии войны. Каждое правительство взяло на себя обязательство, кроме того, сотрудничать друг с другом и не заключать сепаратного мира с врагами. Оговаривалась возможность присоединения к декларации других государств, "которые оказывают или могут оказать материальную помощь и содействие в борьбе за победу над гитлеризмом"⁹⁷ (к 1 мая 1945 г. декларацию подписало еще 21 государство).

Срыв гитлеровского плана молниеносной войны, разгром немцев под Москвой и зимнее наступление советских вооруженных сил подняли авторитет СССР у народов и правительств мира, укрепили их уверенность в возможности победы над фашизмом, расширили диапазон движения Сопротивления в Европе. Внушительный вклад СССР в вооруженное противоборство с главными государствами фашистского блока получил высокую оценку со стороны руководителей западных стран. Наиболее важным событием истекшего года на европейском фронте назвал Рузвельт в апреле 1942 г. наступление советских армий. "Русские армии, – заявил он, – уничтожили и уничтожают больше вооруженных сил наших врагов – войск, самолетов, танков, орудий, чем все другие Объединенные Нации, вместе взятые". Генерал Д. Макартур, говоря о повороте в ходе войны и переходе Красной Армии в контрнаступление под Москвой, определил это как "самое колоссальное достижение в истории по своим масштабам, величию"⁹⁸. В странах антигитлеровской коалиции с весны 1942 г. развертывалось массовое движение в поддержку СССР и за открытие второго фронта на Западе.

Весной и летом 1942 г. в связи с тяжелым положением, сложившимся для советских войск в ходе харьковского сражения, оборонительных боев за Севастополь и на других участках фронта, перед внешней политикой СССР с новой силой встали задачи дипломатического обеспечения более тесного военного сотрудничества с главными союзниками по антигитлеровской коалиции – США и Великобританией.

Рузвельт 12 апреля 1942 г. известил Сталина о намерении США использовать свои вооруженные силы с целью облегчить критическое положение советских войск и предложил направить на переговоры в Вашингтон Молотова. Президент тогда склонялся к идее крупного наступления через Ла-Манш. 1 апреля он одобрил представленный ему план вторжения на территорию Европы, в основу которого был положен меморандум начальника штаба армии США Дж. Маршалла. Здесь обосновывались доводы в пользу Западной Европы как предпочтительного театра военных действий для развертывания крупного наступления вооруженных сил США и Британии в 1943 г. Одновременно предусматривалась возможность "досрочного вторжения" в сентябре–октябре 1942 г., которое было бы осуществлено в двух случаях: во-первых, если положение на советско-германском фронте окажется для СССР настолько тяжелым, что лишь англо-американские операции на Западе смогут предупредить его полный развал, во-вторых, если оборона Германии в Западной Европе будет сильно подорвана⁹⁹.

Сталин с удовлетворением воспринял предложение президента, подтвердив в ответе необходимость встречи Рузвельта с Молотовым для обмена мнениями по вопросу об организации второго фронта в Европе в ближайшее время¹⁰⁰.

В преддверии поездки Молотова в Лондон и Вашингтон советская пропаганда взяла более дружественный тон в отношении западных союзников, и это не прошло незамеченным. В сводке, подготовленной для Идена в начале мая 1942 г., указывалось, что ссылки на Британию и США в союзном и иностранном радиовещании СССР стали более благожелательными, чем в какой-либо другой

период войны; подчеркивается солидарность британских и советских профсоюзов, а также темы антигитлеровской коалиции и англо-американских поставок¹⁰¹.

Важное значение сохранял в то же время вопрос об оформлении политического сотрудничества с Великобританией. В переговорах, которые после отъезда из Москвы Идена вел посол в Лондоне, СССР продолжал отстаивать выдвинутые им в конце 1941 г. предложения о заключении двух договоров – военного (о союзе и взаимопомощи в войне) и политического (о военном сотрудничестве). Необходимым условием советское правительство, как и во время московских переговоров, считало подписание протокола о западных границах СССР 1941 г. Речь шла, иначе говоря, о признании территориальных изменений, которые СССР осуществил в свою пользу в 1939–1940 гг.

Майский рекомендовал возможно скорее подписать договоры, не дожидаясь выработки протокола о послевоенном устройстве Европы. По мнению посла, договоры "способны проложить дорогу для усиления нашего влияния в Англии во время и после войны"¹⁰².

Между тем в Москве, где были получены новые британские проекты двух договоров, решили отправить в Лондон Молотова для обсуждения в личных беседах всех спорных вопросов, включая границы и второй фронт. Сталин поставил об этом в известность Черчилля 22 апреля¹⁰³. В тот момент сталинская дипломатия не намеревалась отступить от своего требования о признании западных границ СССР 1941 г. 2 мая Молотов сообщил Майскому: советское правительство считает "обязательным и безусловным" одновременное подписание протокола и обоих договоров; в случае несогласия английской стороны "лучше прервать переговоры о договорах, отложив их на неопределенное время". Спустя пять дней он дополнительно подтвердил послу: "Без протокола мы не пойдем на уступки"¹⁰⁴.

19 мая Молотов, облаченный в меховое летное обмундирование, отбыл на советском бомбардировщике в многочасовое путешествие к берегам Шотландии, откуда специальный поезд доставил его в пригороды Лондона. Здесь наркома встретил Иден, и на автомобилях делегация отправилась в столицу. Вместе с "мистером Брауном" – под таким именем Молотов совершал свою поездку – в Лондон прибыл военный представитель СССР генерал-майор Ф.М. Исаев.

21 мая состоялась первая встреча Молотова с Черчиллем и Иденом, на которой советский гость изложил цели своего визита. С начала переговоров тема союзного договора была "увязана" с темой второго фронта, и с самого начала Молотов подчеркивал срочность, важное военное и политическое значение его открытия и оттягивания Англией летом – осенью 1942 г. хотя бы 40 дивизий противника¹⁰⁵. Положение на советско-германском фронте, вне всякого сомнения, внушало серьезнейшие опасения: 16–19 мая войска Крымского фронта с большими потерями эвакуировались с Керченского полуострова; перешедшая в наступление группа "Клейст" перерезала пути отхода 9-й армии Южного фронта. Однако едва ли реалистической была постановка вопроса об отвлечении такого числа дивизий. Сам Молотов понимал, если судить по его послевоенным беседам с писателем Ф. Чуевым, что открытие второго фронта в 1942 г. – для англичан "невозможная вещь"; не верил в возможность этого, по словам Молотова, и Сталин¹⁰⁶.

Черчилль признал серьезнейшую опасность для своей страны в том случае, если бы вермахту удалось прорвать линию советского фронта и нанести удар по Британским островам или по Кавказу и Ирану через Баку. "Поэтому, – сказал он 22 мая, – наше благополучие зависит от сопротивления Советской Армии". Премьер-министр, однако, отказался поддержать советское предложение о том, чтобы оттянуть с советско-германского фронта в 1942 г. в Западную Европу 40 немецких дивизий. Он ограничился ссылкой на подготовку операции в Европе в 1943 г.¹⁰⁷ Переговоры по этому вопросу показали, что никакого второго фронта на 1942 г. не планируется. Черчилль и британские начальники штабов не

намеревались отступить от проводимой ими стратегии не прямых действий, которая предполагала борьбу с Германией на второстепенных театрах войны.

Обсуждение проектов двух договоров также сначала не продвигалось вперед. На утреннем заседании 21 мая Молотов отстаивал "минимальные условия" советского правительства, изложенные в этих проектах. Имелось в виду возвращение оккупированных нацистами территорий, предоставление СССР минимальных гарантий безопасности, прежде всего на северо-западе и юго-западе от его границ. Черчилль и в этом случае занял уклончивую позицию, ссылаясь на различные трудности с признанием проектов советских договоров.

Западные союзники все еще воздерживались на той стадии войны от рассмотрения вопроса о территориальных изменениях. Рузвельт дал ясно понять Литвинову, что не предвидит никаких затруднений в связи с желательными для СССР послевоенными границами. Но американское правительство, как говорил президент, опасается вызвать открытую дискуссию в Америке по этому поводу, предпочитает устную, неформальную договоренность со Сталиным, возражает против обсуждения вопроса о границах ранее конца войны¹⁰⁸. Президент не хотел связывать себя твердыми обязательствами, чтобы сохранить свободу рук к моменту мирного урегулирования.

23 мая Иден передал Молотову новый проект. Чтобы выйти из тупика, британская дипломатия предложила вместо двух договоров заключить один договор сроком на 20 лет, определяющий обязательства Англии и СССР как на военный, так и на послевоенный периоды. О западных границах здесь ничего не говорилось. Но Иден разъярил наркому на следующий день, что этот проект не исключает возможности обсуждения проблем Финляндии, Румынии, будущей карты Европы и послевоенных экономических вопросов¹⁰⁹.

Правительство Британии было заинтересовано в оформлении союзнических связей с СССР по ряду причин. Страна несла крупные военные и политические потери от Японии на Дальнем Востоке. В Лондоне опасались агрессивных акций со стороны Германии на Западе и не исключали возможности прекращения сопротивления СССР. При отсутствии советско-германского фронта, как указывают авторы английского труда "Большая стратегия", силы вермахта "могли быть использованы для захвата наших позиций на Среднем Востоке, для вторжения в Марокко через Испанию или для вторжения на Британские острова"¹¹⁰. Кроме того, общественность, парламентские круги оказывали все более сильное давление на военный кабинет, побуждая его к заключению союза с СССР. Наконец, в Лондоне хотели в какой-то мере возместить отсутствие второго фронта и невыполнение обязательств по поставкам СССР. Лорд Галифакс заявил Уэллесу, что британское правительство должно подписать договор с СССР, который явился бы политической компенсацией материальной и военной помощи.

Молотов и Майский, передав телеграфом новый проект Сталину, расценили его как пустую декларацию, в которой СССР не нуждается. Однако Сталин в день получения этой телеграммы (24 мая) дал указание наркому: "Мы его [британский проект] не считаем пустой декларацией и признаем, что он является важным документом. Там нет вопроса о безопасности границ, но это, пожалуй, неплохо, так как у нас остаются руки свободными. Вопрос о границах, или скорее о гарантиях безопасности наших границ на том или ином участке нашей страны, будет решаться силой. Мы предлагаем отбросить поправки к старым проектам договоров и принять за основу план Идена"¹¹¹. Сталин дал указание Молотову поскорее подписать договор и поскорее вылететь в Америку. На следующий же день нарком известил Идена о своей готовности вступить в переговоры на основе нового британского проекта.

Это означало, что советское правительство сняло с обсуждения свое требование о границах. Поворот был вызван, надо полагать, не только расчетом на

силовое решение в будущем. Сталин надеялся подготовить почву для визита Молотова в США и для благоприятного решения вопроса о втором фронте. В Москве, как и в Лондоне, не могли не считаться с мнением американского правительства. Посол США в Англии Д. Вайнант специально посетил 24 мая советское посольство в Лондоне и в беседе с Молотовым и Майским подчеркнул, что Рузвельт и К. Хэлл настроены "определенно против британо-русского договора, содержащего соглашение о границах". Что касается нового английского проекта, сказал посол, то Рузвельт одобряет его, и поэтому он, Вайнант, рекомендовал бы Молотову подписать этот документ. Нарком ответил, что мнение Рузвельта заслуживает серьезного внимания и что он вновь рассмотрит представленный Иденем проект договора. На следующий день Молотов и Иден согласовали в основном, с некоторыми поправками, этот документ. Одновременно Черчиллю было передано послание Сталина с согласием на то, чтобы Молотов вновь посетил Лондон на обратном пути из Вашингтона.

Решение подписать договор, не содержащий территориальных условий, сняло возражения со стороны правительства США и оппозиционных сил на Британских островах (определенная часть консервативной партии и католические круги возражали против признания западных границ СССР).

26 мая Молотов и Иден подписали в Лондоне договор между СССР и Великобританией о союзе в войне против гитлеровской Германии и ее сообщников в Европе и о сотрудничестве и взаимной помощи после войны. В договоре формулировались взаимные обязательства сторон на период войны и после ее окончания. Оба государства обязались оказывать друг другу военную и другую помощь в войне против Германии (ст. 1); не вступать, кроме как по взаимному согласию, ни в какие переговоры с гитлеровским правительством (ст. 2); не заключать никаких союзов и не принимать участия ни в каких коалициях, направленных против другой стороны (ст. 7); оказывать друг другу после войны всякую взаимную экономическую помощь (ст. 6). Действие второй части договора (ст. 3–8), касавшейся послевоенного периода, определялось сроком в 20 лет¹¹².

Договор с Англией, как об этом говорилось при его ратификации в Верховном Совете СССР 18 июня 1942 г., так же как результаты визита наркома иностранных дел в Лондон и Вашингтон, укрепили уверенность Красной Армии, всего советского народа в сплочении антигитлеровских сил; договором закладывалась основа для плодотворного сотрудничества участников антигитлеровской коалиции после войны в интересах справедливого устройства мира¹¹³.

Высоко оценили тогда советско-английский договор Черчилль и Иден. Британский МИД обратил внимание правительства на следующие обстоятельства: договор от 26 мая "а) сближает СССР теснее с Соединенным Королевством в ведении войны в Европе до окончательной победы; б) обеспечивает наиболее эффективное сотрудничество в деле недопущения повторения агрессии Германией и ее сообщниками в Европе на период до организации более общей системы безопасности. Договор таким образом обеспечивает создание главных усилий, от которых зависит эффективное экономическое восстановление Европы после войны"¹¹⁴. В поддержку союза двух стран высказались "Дейли экспресс", "Манчестер гардиан" и другие английские газеты; "Таймс", поздравив Идена, расценила заключение договора как выдающееся достижение его карьеры. Положительно комментировали договор государственные деятели Австралии, Канады, Южно-Африканского Союза и других стран. С энтузиазмом договор был встречен широкой общественностью Британии и других стран антигитлеровской коалиции.

С правительством США не было подписано договора по типу советско-английского, во время второй мировой войны оно не отступало от традиции незаключения официальных союзов с иностранными государствами (впервые эта традиция была нарушена в 1949 г. с вступлением США в НАТО). Но американское

правительство и общественность приветствовали договор между СССР и Англией – первый, по замечанию журнала "Лайф" (24 июня), союзный договор двух государств Объединенных Наций, оформленный в противовес блоку держав "оси".

После заключения союза с Великобританией Молотов продолжил свой путь на том же бомбардировщике, который пересек Атлантику и благополучно доставил его в Америку. 29 мая нарком прибыл в Вашингтон, и в тот же день начались переговоры с Рузвельтом и военными лидерами США (29 мая – 4 июня 1942 г.). Второй фронт был главным пунктом повестки дня. Президент, лично направлявший переговоры, заметил, что 90% из них были посвящены военному положению.

Если в Лондоне Молотов не получил согласия британского правительства на открытие фронта на Западе в 1942 г., то в Вашингтоне он, казалось, добился успеха. Рузвельт обещал предпринять вторжение через Ла-Манш в этом году. В переговорах был согласован текст коммюнике о посещении американской столицы наркомом иностранных дел СССР, содержащий фразу о достижении полной договоренности "в отношении неотложных задач создания второго фронта в Европе в 1942 г." (Для обеспечения безопасности обратного полета Молотова было решено опубликовать коммюнике после его возвращения в Москву, что и было сделано 12 июня.)

"Я считал нашей громадной победой мою поездку в 1942 году и ее результаты, – скажет впоследствии Молотов, – потому что мы ведь знали, что они не могут пойти на это, а заставили их согласиться и подписать"¹¹⁵. Появление в печати совместного коммюнике и в самом деле выглядело большим достижением советской дипломатии; его пропагандистский эффект был чрезвычайно сильным, подчеркивая согласованность целей правительств СССР и США. Молотов смог выполнить предписания Сталина, данные в его телеграмме от 2 июня 1942 г., а именно: иметь два проекта коммюнике (о переговорах с Англией и с США); упомянуть в обоих случаях "вопрос о создании второго фронта в Европе и о том, что по этому вопросу имеется полная договоренность"¹¹⁶.

Однако Молотову не удалось выполнить все задачи, которые советская сторона выдвигала в вашингтонских переговорах, и прежде всего главную задачу – добиться обещания американского правительства оттянуть 40 вражеских дивизий с советско-германского фронта. Твердых обязательств на этот счет наркому в Вашингтоне не было дано, и в Москве не было в действительности полной ясности относительно создания второго фронта.

Еще менее результативной в этом смысле оказалась встреча с Черчиллем, после того как Молотов по пути из Америки посетил Лондон. Фраза о втором фронте, аналогичная упомянутой выше в советско-американском коммюнике, присутствовала и в тексте опубликованного 12 июня советско-английского коммюнике о посещении наркомом британской столицы. Тем не менее глава британского правительства оговорил, что оно не связывает себя определенным обязательством в отношении даты открытия второго фронта, и тезис "никакого обещания в этом вопросе" повторялся в памятной записке, врученной 10 июня Черчиллем Молотову¹¹⁷.

Возвращаясь к переговорам Молотова в Белом доме, скажем, что там затрагивалось и несколько других тем, например, связанных с организацией послевоенного мира четырьмя государствами – США, Британией, СССР и Китаем. Президент говорил также о разоружении после войны всех стран, кроме трех первых из только что названных и, с оговорками, Китая; о необходимости в течение 10–20 лет поддерживать мир с помощью силы. Сталин, проинформированный об этом Молотовым, поручил ему ответить Рузвельту (что и было сделано 1 июня): советское правительство целиком разделяет мысль президента об организации объединенной силы "по крайней мере в составе США, СССР, Англии и, если возможно, Китая". Сам Молотов так же, как и Сталин, энергично поддер-

жал идею "четырёх полицейских"¹¹⁸. В дальнейшем ходе войны лидерам США и СССР пришлось отказаться от этой идеи блоковой политики в пользу плана создания широкой системы международной безопасности с участием всех государств – больших и малых. Но с наступлением "холодной войны" блоковое мышление, основанное на противостоянии западных держав и СССР, на десятилетия утвердилось в международной политике.

В разговоре с Молотовым 1 июня 1942 г. Рузвельт сообщил также, что передал послу СССР в США соглашения двух стран о займе и аренде (ленд-лизе). 11 июня 1942 г. Литвинов и Хэлл подписали в Вашингтоне соглашение между правительствами СССР и США о принципах, применимых к взаимной помощи в ведении войны против агрессии. Оно расширяло ранее действовавшие формы экономических связей двух стран. Американское правительство обязалось продолжать снабжение СССР "теми оборонными материалами, оборонным обслуживанием и оборонной информацией, которые президент Соединенных Штатов Америки разрешил передавать или предоставлять" (ст. 1). Советское правительство заявило, что "будет продолжать содействовать обороне Соединенных Штатов Америки и ее укреплению и предоставлять материалы, обслуживание, льготы и информацию в меру его возможностей" (ст. 2). Соглашением устанавливался также порядок предоставления помощи и взаимных расчетов¹¹⁹.

27 июня 1942 г. советское правительство заключило в Москве соглашение с правительством Великобритании о финансировании ее военных поставок и другой военной помощи СССР. Соглашением предусматривались поставки Советскому Союзу без оплаты, на основе взаимности, того вооружения, которое производилось в метрополии, доминионах и британских колониях. Коммерческий же товарооборот, как и ранее, должен был финансироваться в соответствии с соглашением от 16 августа 1941 г. о взаимных поставках, кредите и порядке платежей. По новому соглашению (1942 г.) СССР получил еще один английский кредит в сумме 20 млн ф. ст.¹²⁰

Таким образом, в мае–июне 1942 г. был согласован ряд важных документов военно-экономического и политического сотрудничества СССР, США и Великобритании. Западные союзники подтвердили, уточнили и расширили основные принципы своей политики оказания помощи СССР и ее процедуру. Окончательно завершилось оформление антигитлеровской коалиции.

ПРОБЛЕМЫ ВТОРОГО ФРОНТА

Сталин и его приближенные возлагали большие надежды на договоренности с правительством США в военной области. Молотов в беседе с американским послом в СССР У. Стэндли 19 июля 1942 г. отметил быстроту достижения взаимопонимания с президентом, его реализм, дальновидность и сильное сочувствие идее второго фронта в Европе в 1942 г. Самым главным нарком назвал то, что он познакомился и беседовал по важным вопросам с Рузвельтом, Хэллом, Гопкинсом и другими деятелями США. Стэндли так информировал Рузвельта и Хэлла об этой беседе с Молотовым: Молотов, говоря о своей поездке, особенно подчеркивал, что договоренности о втором фронте придает большее значение, нежели даже договору СССР с Британией или соглашению с Америкой¹²¹.

Предоставления активной поддержки Советскому Союзу и быстрее открытия второго фронта требовали американцы. Слова Гопкинса "Второй фронт – да!" были встречены бурной овацией собравшихся в июне 1942 г. на массовый митинг в Нью-Йорке¹²². Видный деятель республиканской партии У. Уилки, который осенью посетил Москву, заявил Сталину, что в США едва ли найдется "один человек из тысячи или даже один из 10 000, который не оценил бы жертв, приносимых Россией.

Американцы с восхищением читают в своих газетах о борьбе за Сталинград¹²³.

Тем не менее надежды на второй фронт не оправдывались. В июле 1942 г. Рузвельт, поддержав настояния британских руководителей, принял совместно с ними решение о проведении совместной англо-американской операции вторжения во Французскую Северную Африку осенью 1942 г. (в дальнейшем закодирована как "Торч"). Президент считал важным задействовать еще в 1942 г. армию США в войне с Германией и нейтрализовать требования определенных американских кругов о перенесении главных усилий США на Тихоокеанский ТВД. Но предпочтение средиземноморскому варианту стратегии сделало практически невозможным накопление сил для подготовки мощного наступления через Ла-Манш в 1943 г., высадку союзных войск на северо-западе Европы в 1942 г. и оказание Советскому Союзу более действенной помощи в сравнении с той, какую создало отвлечение сил противника на север Африки. Между тем, как полагал генерал Эйзенхауэр, любой риск с высадкой во Франции был бы оправданным: речь шла о том, чтобы, по его словам, "удержать в войне 8 млн русских"¹²⁴.

Решение о подготовке операции "Торч", а также приостановка Англией и США летом 1942 г. отправки конвоев в СССР северным путем (об этом Черчилль известил Сталина 18 июля) оказали негативное влияние на союзнические отношения.

В то же время усилились взаимные подозрения, подогреваемые слухами о сепаратном мире. Сведения о возможности "мирного" предложения со стороны Гитлера Советскому Союзу поступали в Лондон летом-осенью из различных источников. ОРК Великобритании в целом оптимистически оценивал теперь боеспособность Красной Армии. В своих докладах от 1 июня, 15 и 16 июля 1942 г. ОРК признавал огромную военную опасность для СССР, но приходил к выводу, что СССР сможет в течение значительного времени сохранить свои сухопутные и военно-воздушные силы и что даже в случае потери нефтеносных районов Кавказа окажется в состоянии в течение года вести войну. Сходной точки зрения придерживался и Объединенный комитет начальников штабов США. По его прогнозу (от 20 июня 1942 г.) СССР, приняв сильнейший удар со стороны противника, "все еще будет способным продолжать войну", хотя, возможно, и в сильно уменьшенном масштабе¹²⁵. Британский МИД считал "мирный" демарш нацистов в адрес СССР маловероятным, но все же не хотел полностью игнорировать слухи о сепаратном мире и намеки ряда советских дипломатов на возможность прекращения сопротивления (например, Вышинский заявил 16 июля британскому послу А. Кларку Керру, что Красная Армия, конечно, будет бороться до конца; но может наступить и такой момент, когда борьба не сможет продолжаться, и открывать второй фронт тогда будет уже слишком поздно)¹²⁶.

Для дипломатии Советского Союза проблемой № 1 оставалась проблема второго фронта. Вермахт овладел Севастополем и Керченским полуостровом, Донбассом, пробивался на Кавказ и Волгу, развернув наступление на Сталинград, и военная помощь со стороны западных союзников была бы более чем своевременной. 23 июля, отвечая на послание Черчилля, Сталин не скрыл своего раздражения и недовольства. Он упрекал британское правительство в отказе продолжать снабжение СССР северным маршрутом и в отсрочке мер по организации второго фронта¹²⁷. Керр спустя два дня телеграфировал в Лондон из Куйбышева, что отношения Англии с СССР вступили в "очень деликатную стадию" в части, касающейся руководства войной. "Советское правительство определенно ожидает сейчас от Соединенного Королевства военных действий в Европе", – утверждал посол. Поэтому, писал он, массовые манифестации дружбы и восхищения советским сопротивлением, исходящие от официальных и неофициальных кругов, не должны создавать впечатления о подмене действий. Русские "сопоставляют собственные огромные потери с нашими (сравнительно)

незначительными потерями в людях и технике, понесенными с конца 1939 г. Они видят кажущееся бездействие больших британских армий. Они видят, как пал внезапно Тобрук вопреки объявленному решению удерживать его и сравнивают это с длительной обороной Севастополя"¹²⁸.

Обострение отношений с СССР заставило британское правительство предпринять шаги для разрядки обстановки. По совету Керра и с одобрения военного кабинета Черчилль решил лично объясниться со Сталиным. Он просил советского лидера о встрече. Просьба была поддержана, премьер-министр приглашался в Москву на переговоры с членами правительства (фактически они стали диалогом двух лидеров).

В сопровождении группы военных и дипломатов Черчилль отправился в Москву. Гарриман, а также генерал-майор Р. Максвелл и О. Брэдли присутствовали на московских переговорах в качестве представителей президента США. Свою миссию в Россию Черчилль впоследствии сравнил с задачей "доставить глыбу льда на Северный полюс". Суть поездки английский генерал Уэйвелл, прибывший вместе с премьером в советскую столицу, довольно точно выразил в поэме, рефреном которой была фраза: "Никакого второго фронта в 1942 году". Фактически Черчилль, вылетая в Москву, уже знал, что второй фронт и в 1943 г. открыт не будет¹²⁹.

Обстановка на фронте становилась все тревожнее. Войска противника 12 августа – как раз в день приезда Черчилля в столицу – овладели Краснодаром, вели наступление на Сталинград. Сразу по прибытии Черчилль вступил в переговоры со Сталиным, Молотовым, Ворошиловым, в центре находились военные планы. Британский премьер доказывал невозможность открытия второго фронта в Европе в 1942 г., ссылаясь на свою памятную записку, врученную Молотову в Лондоне. Известие, естественно, не порадовало Сталина, он подверг критике английский способ воевать. Атмосфера накалилась. "Первые два часа были унылыми и мрачными, – сообщил Черчилль Рузвельту. – Но настроение Сталина изменилось, когда он узнал о готовящейся высадке в Северной Африке". Положительно оценив операцию "Торч" с военной точки зрения, Сталин заметил, что она "недостаточно обставлена в политическом отношении" (имелось в виду отстранение западными союзниками от участия в операции руководителей движения "Сражающаяся Франция")¹³⁰.

В начале беседы с Черчиллем, состоявшейся 13 августа, Сталин вручил ему меморандум, где снова в категорической форме выражалось несогласие советского правительства с отказом правительства Великобритании от создания второго фронта в Европе в 1942 г. Черчилль оправдывался как мог, а одно из особо резких обвинений со стороны Сталина парировал словами: "Я прощаю это замечание только из-за храбрости русских войск". В письменном ответе Сталину премьер-министр доказывал, что операция "Торч" является самым лучшим видом второго фронта в 1942 г., что западные державы не нарушили никакого обещания Советскому Союзу. Гарриман в письме Сталину выразил согласие с этими утверждениями. Впоследствии Сталин подтвердил: косвенное значение операции "Торч", хотя она и не связана прямо с СССР, очень велико, так как ее успех – это удар по "оси"¹³¹.

Во время пребывания Черчилля в Москве состоялась встреча Ворошилова и Шапошникова с военными представителями Британии и США. Но практических результатов не было достигнуто¹³². В беседе с Черчиллем Сталин поддержал его идею о совместной англо-советской акции в Северной Норвегии (операция "Юпитер"), но премьер-министр хорошо знал, что ни британские, ни американские начальники штабов не одобряют эту идею.

В ходе московских переговоров затрагивался также вопрос о заключении соглашения между СССР и Британией об обмене технической информацией. Оно

было подписано 29 сентября 1942 г. в форме обмена нотами между Молотовым и Керром. Оба правительства договорились предоставлять друг другу по просьбе всю информацию, относящуюся к вооружению – его предметам, приспособлениям или процессам, а также к определенным новым его видам¹³³. Обмен информацией осуществлялся обеими сторонами, однако, в ограниченном объеме. Вообще уклонилось от подписания такого рода соглашения с СССР военное министерство США. Практически советско-английское соглашение было отменено летом 1945 г.¹³⁴

Приезд Черчилля в Москву, установление личных контактов со Сталиным позволили снять возникшую в советско-английских отношениях напряженность. Открытый разрыв с британским правительством не входил, разумеется, в планы советского правительства. Черчилль, со своей стороны, предостерег от возникновения публичных споров, которые могут принести ущерб общим интересам двух стран¹³⁵. Премьер-министр не желал допустить этого, в числе прочего, по внутриполитическим мотивам, – визитом в СССР он рассчитывал ослабить критику в свой адрес в парламенте, которая летом 1942 г. создала определенную трудность для кабинета и его главы.

Важно и то, что Черчилль, получив в Москве информацию из первых рук о тяжелом положении на фронте, убедился в решимости русских продолжать войну. Ни в одном случае, заверил он Рузвельта, не было сделано ни малейшей ссылки на прекращение ими борьбы.

Но вопрос о втором фронте оставался открытым. А этот вопрос определял отношение к западным союзникам и сталинского руководства, и миллионов советских людей. Александр Верт с полным основанием напомнил в трудные дни лета 1942 г.: "Английский народ, который дни и ночи аплодирует доблестной Красной Армии, не осознает, какое чувство горечи испытывают ... русские... в связи с отсутствием второго фронта"¹³⁶. Правда и то, что миллионы англичан, американцев и жителей других стран коалиции продолжали требовать от своих правительств скорейшей высадки войск на территорию Европы, чтобы заставить нацистов снять часть сил со Сталинградского фронта. У. Уилки во время пребывания в СССР в сентябре 1942 г. ссылаясь на многие свидетельства преклонения перед колоссальными жертвами защитников города на Волге. "...Каждый американец это понимает, – говорил он, – что русский борется не только за Россию, но и за Америку, что Сталинградский фронт – это не только русский фронт, но и американский фронт"¹³⁷.

Отсутствие второго фронта использовалось Сталиным и советской пропагандой для оправдания огромных потерь в войне с Германией, особенно в период ухудшения военного положения СССР на юге и ужесточения кровавых битв в районе Сталинграда в сентябре–октябре 1942 г. В докладе о 25-й годовщине Октябрьской революции, сделанном Сталиным 6 ноября 1942 г., большое место было отведено критике западных союзников в вопросе о втором фронте. (Впрочем, ряд западных дипломатов восприняли эту критику как сравнительно мягкую, а само выступление как доказательство стремления сотрудничать с западными странами.) Доклад содержал вместе с тем раздел "Боевой союз СССР, Англии и США против гитлеровской Германии и ее союзников в Европе". Сталин признал, что события истекшего года свидетельствовали о "прогрессивном сближении членов англо-советско-американской коалиции", сославшись, в числе другого, на подписание тремя правительствами в мае–июне 1942 г. важных документов. Как положительный факт было отмечено также посещение Москвы британским премьер-министром и установление полного взаимопонимания руководителей СССР и Англии. Одной из характерных черт, говорилось в докладе, является увеличение морально-политических резервов антигитлеровской коалиции в Европе и за ее пределами, рост сочувствия к ее членам со стороны оккупированных европейских стран¹³⁸.

Несмотря на все трудности, процесс консолидации антифашистских сил становился неоспоримым фактом. Расширились и международные связи СССР. Летом–осенью 1942 г. СССР установил дипломатические отношения с Канадой, Австралией, Кубой, с эмигрантским правительством Нидерландов; восстановил дипломатические отношения с Люксембургом и Мексикой. Дипломатические представительства СССР при эмигрантских правительствах Чехословакии, Югославии и Норвегии и дипломатические представительства указанных стран в СССР были преобразованы в посольства. В соответствии с подписанным в июле 1942 г. между СССР и Чехословакией соглашением на советской территории шло формирование национальных чехословацких воинских частей.

В то же время был достигнут успех на пути укрепления дружественных связей с движением "Сражающаяся Франция". Советское правительство подчеркивало в июле 1942 г. свое стремление "видеть Францию свободной и способной вновь занять в Европе и мире свое место великой демократической антигитлеровской державы". Оно пошло навстречу пожеланию Французского Национального Комитета (руководящий орган "Сражающейся Франции") о признании его в качестве единственного органа, обладающего правом организовывать участие в войне французских граждан и французских территорий и представлять их интересы. Эта формулировка и была зафиксирована в коммюнике правительства СССР и Французского Национального Комитета (ФНК) 29 сентября 1942 г.¹³⁹

Позиция СССР укрепила политический вес ФНК, в частности, в эмигрантских лондонских кругах. "...Наша поддержка де Голля, – сообщал в октябре 1942 г. в НКИД СССР советский посол при союзных правительствах в Лондоне, – подбодрила Бенеша и югославов, которые стали говорить, что желают восстановления сильной независимой Франции ..."¹⁴⁰.

В том же году были заложены основы для налаживания военного взаимодействия СССР с движением "Сражающаяся Франция". 25 ноября в Москве было подписано соглашение между представителем командования Красной Армии и представителем военного командования "Сражающейся Франции" об участии французской авиационной эскадрильи в операциях советских войск. В том же месяце в Иваново началось формирование эскадрильи "Нормандия", которая в апреле 1943 г. приступила к боевым действиям в составе ВВС СССР. Она вписала славную страницу в летопись сотрудничества обеих стран.

Улучшались отношения СССР с южными соседями. После приостановки западными союзниками поставок Советскому Союзу северным маршрутом повысилась роль южного пути снабжения через Персидский залив. Важные линии снабжения советских армий были переведены на территорию Ирана, оно осуществлялось в основном силами США. В октябре 1942 г. было создано американское командование службы перевозок в Персидском заливе. В процессе организации и осуществления поставок через Иран приобретался ценный опыт международного сотрудничества советских людей с американцами, британцами, иранцами. Положительным фактом было и то, что Иран производил на своих заводах корпуса снарядов, мин, различные детали для вооружения, отправляя их в СССР.

В Турции советское правительство совместно с британским предприняло акцию в целях не допустить ее перехода в лагерь фашистского блока и нейтрализовать давление на нее со стороны Германии. 10 августа 1942 г. послы СССР и Британии в Анкаре от имени своих правительств сделали турецкому правительству заявление об уважении территориальной неприкосновенности Турецкой Республики и о готовности оказать ей всякую помощь и содействие в случае, если бы она подверглась нападению со стороны какой-либо европейской державы. Советская дипломатия поддержала мнение британского и американского руководства о желательности сделать все возможное для того, чтобы Турция вступила в войну на стороне стран антигитлеровской коалиции¹⁴¹.

На Дальнем Востоке СССР соблюдал чрезвычайную осторожность, чтобы не вызвать обострения отношений с Японией и не сыграть на руку фашистской Германии, которая летом 1942 г. предпринимала новые попытки вовлечь Японию в войну против СССР.

* * *

В истории международных отношений послеверсальского периода вторая половина 1941 г. и 1942 год занимают особое место. Именно тогда Советский Союз и демократические государства Европы и Америки, невзирая на различия их общественных систем и идеологические предубеждения, объединились в целях противодействия фашистской агрессии. Произошло то, чего так старались не допустить руководители нацистского рейха: на сторону СССР, подвергнувшегося нападению гитлеровской Германии, встали западные демократии, а советское руководство приняло предложенные ими обещания поддержки. Гитлер "воздвигнул" против себя коалицию, которая в случае, если бы она создалась в 1939 г., могла бы кардинальным образом изменить ход мировых событий.

СССР, Великобритания и США выступили главными участниками антигитлеровской коалиции, которая формировалась на базе общности интересов и целей этих стран в войне с нацистской Германией. Отказ от капитуляции перед агрессором, решимость вести борьбу до полной победы за национальную независимость и суверенитет своих государств, за разгром фашизма, готовность к определенной степени кооперации усилий в военной и экономической сферах – эти принципы были зафиксированы в Атлантической хартии, Вашингтонской декларации 26 государств, советско-английском договоре и в других основополагающих документах, подписанных правительствами СССР и западных держав в 1941–1942 гг.

В эти годы сложилась практика политических контактов "большой тройки", послужившая развитию в дальнейшем ходе войны. Уникальная в своем роде переписка Черчилля с Рузвельтом, начатая в 1939 г., была дополнена обменом посланиями между ними и Сталиным – явление совершенно незнакомое для межгосударственных отношений трех государств в 20–30-е годы. Важным путем решения разногласий в области стратегии, политики и военного снабжения стали конференции с личным участием руководителей этих государств (Московская конференция, переговоры Черчилля со Сталиным и др.). Военное сотрудничество СССР с западными союзниками развивалось по нескольким линиям (совместные усилия по охране северных конвоев, организации поставок через Иран и т.п.).

В то же время полного взаимопонимания между правительствами СССР и западных держав достигнуто не было. Этому препятствовал груз многолетних подозрений, враждебности и стереотипных представлений друг о друге. В руководящих кругах США, Британии и других стран сильными оставались чувства антипатии к советскому тоталитарному режиму. Сталин и его окружение, со своей стороны, с исключительной настороженностью и недоверием относились к западным демократиям. Каждая из ведущих стран антигитлеровской коалиции стремилась проводить в первую очередь собственные стратегические планы, часто пренебрегая и игнорируя интересы своих союзников.

В целом, тем не менее, антигитлеровская коалиция уже в рассматриваемый период оказала существенное влияние на ход войны, а участие СССР в коалиции было фактором ее усиления и содействия общей борьбе с фашизмом.

¹ Germany and America: Essays on Problems of International Relations and Immigration / Ed. H.L. Trefousse. N.Y., 1980. P. 54–55, 59; *Ingersoll R. America is Worth Fighting For*. N.Y., 1941. P. 49–50.

- ² См.: Документы внешней политики. 1939 год. М., 1992. Т. 22, кн. 2. С. 461.
- ³ Архив внешней политики Российской Федерации. Ф. 68. Оп. 25. П. 70. Д. 4. Л. 18. (Далее: АВП РФ). О деятельности Криппса в качестве посла в СССР см.: *The Foreign Office and the Kremlin: British Documents on Anglo-Soviet Relations, 1941–1945* / Ed. Gr. Ross. Cambridge, 1984. P. 10–11, 72–73; *Gorodetsky G. Stafford Cripps' Mission to Moscow, 1940–1942*. Cambridge, 1984.
- ⁴ *Woodward L. British Foreign Policy in the Second World War: Vols. 1–5*. L., 1970–1976. Vol. 1. P. 619–620.
- ⁵ Public Record Office. London. CAB. 65/22. 60-th Conclusion. 1941. 16 June. P. 167–168. (Далее: PRO).
- ⁶ *Foreign Relations of the United States*. 1941. Wash., 1958. Vol. 1. P. 766–767. (Далее: FRUS).
- ⁷ АВП РФ. Ф. 69. Оп. 25. П. 74. Д. 42. Л. 15–16.
- ⁸ *Churchill W.S. The Second World War*. L., 1950. Vol. 1. P. 330.
- ⁹ См.: Советско-английские отношения во время Великой Отечественной войны, 1941–1945: Документы и материалы: В 2-х т. М., 1984. Т. 1. С. 45.
- ¹⁰ АВП РФ. Ф. 6. Оп. 3. П. 3. Д. 29. Л. 60; PRO. FO. 371/29466.
- ¹¹ См.: *Трухановский В.Г. Уинстон Черчилль*. М., 1989. С. 311.
- ¹² См.: Советско-английские отношения... Т. 1. С. 48–52.
- ¹³ *Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны*. М., 1946. Т. 1. С. 34.
- ¹⁴ *The Diaries of Sir Alexander Cadogan, 1938–1945* / Ed. D. Dilks. L., 1973. P. 390–391.
- ¹⁵ *Bennett E.M. Soviet-American Relations, 1939–1942: Searching for Allies in a Treathening World // Soviet-U.S. Relations, 1933–1942*. Moscow, 1989. P. 33–34; АВП РФ. Ф. 26а. П. 236. Д. 3. Л. 10.
- ¹⁶ *Miner St.M. Between Churchill and Stalin: The Soviet Union, Great Britain and the Origins of the Grand Alliance*. Chapel Hill, 1988. P. 144.
- ¹⁷ Советско-английские отношения... Т. 1. С. 68.
- ¹⁸ *Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны*. Т. 1. С. 131–132.
- ¹⁹ *James R.R. Anthony Eden: A Biography*. N.Y., 1987. P. 254.
- ²⁰ См.: Новая и новейшая история. 1969. № 3. С. 101–106; Советско-английские отношения. Т. 1. С. 88, 90–91.
- ²¹ См.: *Голиков Ф.И. Советская военная миссия в Англии и США в 1941 году // Новая и новейшая история*. 1969. № 3. С. 103.
- ²² См.: *Харламов Н.М. Трудная миссия*. М., 1983. С. 29, 34.
- ²³ См.: *Голиков Ф.И. Указ. соч.* С. 106–111; *Stalin's Generals* / Ed. H. Shukman. L., 1993. P. 83–84.
- ²⁴ АВП РФ. Ф. 6. Оп. 3. П. 8. Д. 81. Л. 59 (из дневника Молотова. Прием английского посла Криппса 18 июля 1941 г.).
- ²⁵ См.: *Союзники в войне, 1941–1945*. М., 1995. С. 331–335.
- ²⁶ АВП РФ. Ф. 6. Оп. 3. П. 21. Д. 281. Л. 71–72.
- ²⁷ Цит. по: *Дорога на Смоленск: Американские писатели и журналисты о Великой Отечественной войне советского народа, 1941–1945*. М., 1985. С. 399.
- ²⁸ См.: *Американский ежегодник*. 1988. М., 1988. С. 117–126.
- ²⁹ См.: Советско-американские отношения во время Великой Отечественной войны, 1941–1945: Документы и материалы: В 2-х т. М., 1984. Т. 1. С. 80.
- ³⁰ Цит. по: *Шервуд Р. Рузвельт и Гопкинс*. М., 1958. Т. 1. С. 526–547; FRUS, 1941. Vol. 1. P. 814.
- ³¹ Цит. по: *Kimball W.F. The Juggler: Franklin Roosevelt as Wartime Statesman*. Princeton, 1991.
- ³² *Military Effectiveness*. / Ed. A.R. Millett and W. Murray. Vol. III: *The Second World War*. Boston, 1988. P. 99.
- ³³ *Hinsley F.H. British Intelligence in the Second World War*. L., 1979. Vol. 1. P. 482–483; PRO. CAB. 120/20.
- ³⁴ См.: Советско-американские отношения... Т. 1. С. 58, 90–94.
- ³⁵ АВП РФ. Ф. 69. Оп. 25. П. 70. Д. 4. Л. 72.
- ³⁶ См.: Переписка Председателя Совета Министров СССР с Президентами США и

Премьер-Министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны, 1941–1945 гг. М., 1989. Т. 1. С. 24–25.

³⁷ PRO. CAB. 120/24.

³⁸ Dobson A. U. S. Wartime Aid to Britian, 1940–1946. L., 1986. P. 66–68.

³⁹ См.: Советско-английские отношения... Т. 1. С. 104, 108–109, 122–123.

⁴⁰ Там же.

⁴¹ Там же. Т. 1. С. 81; *Сиполс В.Я.* На пути к Великой Победе. М., 1985. С. 66–68.

⁴² Советско-французские отношения во время Великой Отечественной войны, 1941–1945: Документы и материалы: В 2-х т. М., 1983. Т. 1. 1941–1943. С. 47–49, 51–52.

⁴³ Там же. С. 52, 64.

⁴⁴ См.: Переписка Председателя Совета Министров СССР... Т. 1. С. 28–29, 31–32.

⁴⁵ Советско-английские отношения... Т. 1. С. 26.

⁴⁶ См.: Международная научная конференция "Союзные морские конвои на Севере, 1941–1945 гг. в архивных документах Российской Федерации, Великобритании и США" (Вестник архивиста: Информационный бюллетень. 1993. № 1–3).

⁴⁷ См.: *Харламов Н.М.* Трудная миссия. С. 48–49.

⁴⁸ *Gorodetsky G.* Op. cit. P. 219, 257–258.

⁴⁹ Советско-английские отношения... Т. 1. С. 115, 169; PRO. FO. 954 (Lord Avon Papers). Vol. 24.

⁵⁰ АВП РФ. Ф. 6. Оп. 3. П. 4. Д. 31. Л. 57 (из дневника Вышинского о приеме Криппса 10 ноября 1941 г.).

⁵¹ См.: Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. Т. 1. С. 139–144, 148–149.

⁵² АВП РФ. Ф. 6. Оп. 3. П. 21. Д. 285. Л. 16.

⁵³ Churchill and Roosevelt: the Complete Correspondence. Vol. 1–3/Ed. with commentaries W.F. Kimball. Princeton, 1984. Vol. 1. P. 239; *Gorodetsky G.* Op. cit. P. 231.

⁵⁴ АВП РФ. Ф. 6. Оп. 3. П. 21. Д. 285. Л. 16.

⁵⁵ FRUS, 1941. Vol. 1. P. 826; Советско-американские отношения... Т. 1. С. 107.

⁵⁶ PRO. PREM. 3/401/7. P. 173; Советско-английские отношения... Т. 1. С. 126–127.

⁵⁷ См.: Воен.-ист. журн. 1978. № 9. С. 63.

⁵⁸ Там же. С. 64.

⁵⁹ АВП РФ. Ф. 6. Оп. 3. П. 33. Д. 442. Л. 1–10.

⁶⁰ Там же. Л. 14–20.

⁶¹ *Herring G.C.* Aid to Russia: Strategy, Diplomacy, the Origins of the Cold War. N.Y., 1973. P. 17.

⁶² Советско-английские отношения... Т. 1. С. 132–135.

⁶³ Там же. С. 137.

⁶⁴ АВП РФ. Ф. 6. Оп. 3. П. 32. Д. 436. Л. 85–86.

⁶⁵ Там же. Л. 119–120.

⁶⁶ Там же. Л. 6–9.

⁶⁷ Там же. Л. 22–24, 29, 37.

⁶⁸ См.: Советско-английские отношения... Т. 1. С. 140–146.

⁶⁹ PRO. PREM. 3/401/7. P. 114 (Moscow Conference. Encl II: Military Report. October. 1941. P. 114).

⁷⁰ См.: Переписка Председателя Совета Министров СССР... М., 1989. Т. 2. С. 6–8.

⁷¹ АВП РФ. Ф. 69. Оп. 26. П. 78. Д. 49. Л. 9.

⁷² *Leighton R.W., Coakley R.M.* Global Logisrtics and Strategy, 1940–1943. Wash. 1955. P. 559; *Herring G.C.* Op. cit. P. 66.

⁷³ *Beaumont J.* Comrades in Arms: British Aid to Russia, 1941–1945. L., 1980. P. 112–113; Вторая мировая война: Актуальные проблемы. М., 1995. С. 328.

⁷⁴ *Сунрун М.Н.* Ленд-лиз и северные конвои, 1941–1945. М., 1997. С. 120.

⁷⁵ См.: Вестник архивиста. 1993. № 1. С. 29–30, 35–37.

⁷⁶ *Motter V.T.H.* The Persian Corridor and Aid to Russia. Wash., 1952. P. 481.

⁷⁷ *Ibidem.* По вопросу о роли и значении тихоокеанского маршрута см.: *Паперно А.* Лендлиз: Пятьдесят на пятьдесят // Начало. 1992. № 24; *Она же.* Америка – Владивосток // Море. 1996. Июль.

⁷⁸ Воен.-ист. журн. 1991. № 1. С. 29.

- 79 *Motter V.T.H.* Op. cit. P. 481–482.
- 80 PRO. FO. 371/32872.
- 81 Canada and the Soviet Experiment / Ed. D. Davies. P. 80; *Поздеева Л.В.* Канада в годы второй мировой войны. М., 1986. С. 233–235.
- 82 См.: Советско-американские отношения... Т. 1. С. 130; Советско-английские отношения... Т. 1. С. 172.
- 83 PRO. PREM. 3, 401/19. War Cabinet. 1943. 25 Oct.
- 84 См.: Вестник архивиста. 1993. № 1. С. 48–49.
- 85 См.: *Майский И.М.* Воспоминания советского посла: Война, 1939–1943. М., 1965. С. 181–182.
- 86 Сто сорок бесед с Молотовым: Из дневника Ф. Чуева. М., 1991. С. 98–99.
- 87 АВП РФ. Ф. 48з. Оп. 11ж. П. 64. Д. 1. Л. 20–21.
- 88 PRO. PREM. 3–394/1; 394/4.
- 89 The Diaries of Sir Alexander Cadogan. P. 415–416.
- 90 PRO. FO. 371/29472.
- 91 Советско-английские отношения... Т. 21 С. 184–192, 195–196. Текст двух проектов советского конфиденциального протокола и другие документы о визите Идена в СССР см.: *Ржешевский О.А.* Война и дипломатия: Документы, комментарии (1941–1942). М., 1997. Гл. 1.
- 92 См.: *Израэлян В.Л.* Антигитлеровская коалиция (дипломатическое сотрудничество СССР, США и Англии в годы второй мировой войны). М., 1964. С. 95–96.
- 93 PRO. FO. 371/29655.
- 94 *Thorne Chr.* Allies of a Kind: The United States, Britain and the War against Japan, 1941–1945. L., 1978. P. 109; Союзники в войне, 1941–1945. С. 116–118.
- 95 См.: Советско-американские отношения... Т. 1. С. 146.
- 96 Там же. С. 144–145.
- 97 Там же. С. 146–147.
- 98 Величие подвига советского народа: Зарубежные отклики и высказывания 1941–1945 годов о Великой Отечественной войне. М., 1985. С. 87, 93, 112.
- 99 *Мэтлофф М., Снелл Э.* Стратегическое планирование в коалиционной войне, 1941–1942 гг. М., 1955. С. 213–217.
- 100 См.: Советско-американские отношения... Т. 1. С. 159–160, 162–163.
- 101 FRUS. 1942. Vol. III. 1961. P. 553.
- 102 АВП РФ. Ф. 48з. Оп. 11ж. П. 64. Д. 1. Л. 36.
- 103 См.: Переписка Председателя Совета Министров СССР... Т. 1. С. 54–55.
- 104 АВП РФ. Ф. 48з. Оп. 11ж. П. 64. Д. 1. Л. 38–39.
- 105 Документы личного архива И. Сталина и других архивов о визите В.М. Молотова в Лондон и Вашингтон в мае–июне 1942 г. см.: *Ржешевский О.А.* Указ. соч. Гл. 2–4.
- 106 Сто сорок бесед с Молотовым: Из дневника Ф. Чуева. С. 66.
- 107 Советско-английские отношения... Т. 1. С. 221–222, 227.
- 108 Там же. С. 217–218; Советско-американские отношения... Т. 1. С. 155–156.
- 109 The Foreign Office and the Kremlin. P. 105.
- 110 *Батлер Дж., Гуайер Дж.* Большая стратегия, июнь 1941 – август 1942 / Пер. с англ. М., 1967. С. 447.
- 111 Советская внешняя политика в ретроспективе, 1917–1991. М., 1993. С. 117; Вторая мировая война: Актуальные проблемы. С. 150.
- 112 См.: Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. Т. 1. С. 270–273.
- 113 См.: Ратификация договора от 26 мая 1942 года: Материалы заседаний Верховного Совета СССР. 1942. С. 8, 10, 12, 14.
- 114 FRUS. 1942. Vol. III. P. 583–584.
- 115 Сто сорок бесед с Молотовым: Из дневника Ф. Чуева. С. 66–67.
- 116 Советско-американские отношения... Т. 1. С. 195.
- 117 Там же. С. 248–249.
- 118 Там же. С. 189–190.
- 119 Там же. С. 198–202.
- 120 См.: Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. Т. 1. С. 304.

- ¹²¹ См.: Советско-американские отношения... Т. 1. С. 204–205; FRUS. 1942. Vol. III; см. также: *Борисов А.Ю.* СССР и США: Союзники в годы войны, 1941–1945. М., 1983. С. 98.
- ¹²² *Levering R.B.* American Opinion and the Russian Alliance, 1939–1945. Chapel Hill, 1976. P. 81.
- ¹²³ Советско-американские отношения... Т. 1. С. 236–237.
- ¹²⁴ *Ambrose St.* Eisenhower. Vol. 1: Soldier, General of the Army, President Elect, 1890–1952. N.Y., 1983. P. 180–181.
- ¹²⁵ *Hinsley F.H.* Op. cit. Vol. 2. L., 1981. P. 98, 101; *Smith B.F.* The Shadow Warriors. N.Y., 1983. P. 142–143.
- ¹²⁶ The Foreign Office and the Kremlin. P. 29, 109–112.
- ¹²⁷ Советско-английские отношения... Т. 1. С. 258.
- ¹²⁸ PRO. FO. 371/32911.
- ¹²⁹ *Gilbert M.* Winston S. Churchill: Road to Victory, 1941–1945. L., 1986. P. 160.
- ¹³⁰ По мнению Сталина, четыре стратегических преимущества операции "Торч" состояли в следующем: она нанесет удар тылу противника; вынудит немцев и французов воевать друг с другом; выведет из строя Италию; содействует сохранению нейтралитета Испании (PRO. CAB. 12065. Запись беседы Сталина с Черчиллем 12 августа 1942 г.).
- ¹³¹ Советско-английские отношения... Т. 1. С. 276–277, 280; Churchill and Roosevelt: the Complete Correspondence. Vol. 1. P. 565.
- ¹³² *Kitchen M.* British Policy towards the Soviet Union during the Second World War. L., 1986. P. 138.
- ¹³³ Советско-английские отношения... Т. 1. С. 289–290.
- ¹³⁴ FRUS. 1942. Vol. III. P. 753–754; 1943. Vol. III. P. 738; Retreat from Power: Studies in Britain's Foreign Policy of the Twentieth Century. Vol. 2. After 1939 // Ed. D. Dilks. L., 1981. P. 118.
- ¹³⁵ Советско-английские отношения... Т. 1. С. 278–279.
- ¹³⁶ The New Statesman and Nation. 1942. 23 Aug.
- ¹³⁷ АВП РФ. Ф. 129. Оп. 26а. П. 236. Д. 3. Л. 102.
- ¹³⁸ См.: Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. Т. 1. С. 78–81.
- ¹³⁹ Советско-французские отношения во время Великой Отечественной войны, 1941–1945: Документы и материалы. М., 1983. Т. 1. С. 101, 119.
- ¹⁴⁰ Там же. С. 124.
- ¹⁴¹ Советско-английские отношения... Т. 1. С. 318, 520.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В истории нашей Родины предвоенные годы, особенно с началом второй мировой войны, а тем более первый период Великой Отечественной, были насыщены драматическими, а порой и трагическими событиями, оставившими глубокий след в сознании людей. Анализ всей совокупности факторов, изобиловавших множеством противоречий, показывает, в какой исключительно сложной обстановке приходилось действовать политическому руководству страны.

В 30-е годы с захватом Японией Маньчжурии и развертыванием войны в Китае, установлением фашистского режима в Германии и последовавшими вскоре агрессивными акциями третьего рейха в отношении своих ближайших соседей – Австрии и Чехословакии возникла угроза новой мировой войны. В тех условиях руководство СССР своей главной целью видело создание системы коллективной безопасности в Европе, призванной не позволить агрессорам развязать очередную мировую бойню. По инициативе Советского Союза международным сообществом было принято определение понятий "агрессия", "неделимость мира", а также заключены договоры о ненападении или нейтралитете. Основу коллективной безопасности в Европе призваны были заложить советско-чехословацкий и советско-французский договоры.

И тем не менее мировая война была неизбежной, потому что сама политическая доктрина третьего рейха была нацелена на установление путем вооруженного насилия общеевропейского, а в дальнейшем и мирового господства. К тому времени милитаризованная экономика Германии уже превратилась в самодовлеющий фактор, требовавший "прыжка в войну". Только союз СССР с Англией и Францией мог быть единственным гарантом предотвращения войны, но для его реализации необходимы были следующие условия: осознание угрозы нацизма для всего человечества; взаимное доверие, а главное, уверенность, что каждый из союзников выполнит взятые на себя обязательства; поддержка со стороны США, а также малых и средних государств на всех континентах. Однако нежелание западных демократий подчинить эгоистически понимаемые национальные интересы общей задаче обуздания фашизма, стремление решить собственные проблемы за счет других государств и народов привели к развязыванию войны в условиях, наиболее выгодных для агрессоров.

Помощь СССР испанским республиканцам, остававшаяся в силе теоретическая установка на мировую революцию, на "увеличение числа советских республик", не говоря уже о массовых репрессиях внутри страны, вызвали возрастающую негативную реакцию со стороны западных демократий, которые опасались "большевизации" европейских стран, где левые силы пользовались определенным влиянием. Мюнхенское соглашение поставило СССР в условия политической изоляции. Провал политики коллективной безопасности, о чем свидетельствовал Мюнхен, вынудил руководство СССР искать новые пути обеспечения национальной безопасности, с тем чтобы максимально отсрочить втягивание страны в войну, угроза которой после захвата Германией всей Чехословакии, Мемеля (Клайпеды) и ее притязаний на польские территории все больше возрастала.

Переговоры между Англией, Францией и СССР о взаимной помощи в случае фашистской агрессии протекали в условиях надвигавшегося на Европу военного

пожара, который в любое время мог перекинуться на территорию СССР. Расплывчатая позиция английских и французских партнеров по переговорам, не сулившая Советскому Союзу ничего, кроме несения основного бремени войны с самого ее начала, с одной стороны, а с другой стороны – отсрочка вооруженного столкновения и удовлетворение геополитических интересов СССР в Прибалтике, Восточной Польше и Бессарабии, которые гарантировал ему договор с Германией, сыграли решающую роль в выборе советского руководства в пользу последнего. Оно пошло на подписание предложенного Германией пакта о ненападении, одновременно был подписан и секретный дополнительный протокол, по которому СССР и Германия разделили лежавшие между ними европейские страны, без их ведома, на свои "сферы интересов".

А во внутренней политике советские лидеры прилагали все усилия к тому, чтобы использовать последние мирные месяцы для подготовки страны к войне. Однако при этом были допущены крупные ошибки и просчеты, ослабившие оборонный потенциал СССР. К числу таких ошибок следует отнести неправильную оценку международной ситуации еще в конце 20-х годов, которую советское руководство рассматривало как непосредственный канун войны. Результатом этого явилось интенсивное насыщение армии и флота военной техникой¹. Например, с 1928 по 1935 г. количество танков в Красной Армии увеличилось с 82 до 7633 единиц, а самолетов с 1934 – до 6672². К 1941 г. значительная часть этой техники сильно устарела и требовала замены.

Огромный вред стране нанесли массовые репрессии 1937–1938 гг. Аресту подверглись выдающиеся конструкторы, крупные руководители военной промышленности, инженерно-технические работники. Почти весь высший командный состав Красной Армии, тысячи командиров и политработников были репрессированы. Все это отрицательно повлияло на качество офицерского состава: снизился его профессиональный уровень. Даже после того как основная волна репрессий схлынула, страх продолжал сковывать Красную Армию.

Очевидец тех страшных событий Константин Симонов писал: "Речь идет не только о потерях, связанных с ушедшими. Надо помнить, что творилось в душах людей, оставшихся служить в армии, о силе нанесенного им духовного удара. Надо помнить, каких невероятных трудностей стоило армии – в данном случае я говорю только об армии – начать приходить в себя после этих страшных ударов. К началу войны этот процесс не закончился. Армия оказалась не только в самом трудном периоде незаконченного перевооружения, но и в не менее трудном периоде незаконченного восстановления моральных ценностей и дисциплины"³.

Репрессии причинили большой ущерб советской военной науке. А ведь к середине 30-х годов она достигла немалых результатов. Полевой устав Красной Армии 1936 г. в большей степени соответствовал характеру ожидавшихся войн, чем уставы многих зарубежных армий того времени. Но разработка проблем военной теории в СССР затормозилась, а труды опальных военных теоретиков были изъяты из обращения, что незамедлительно сказалось на развитии военного мышления командного состава, и это все в условиях, когда на высокие должности в армии и на флоте вместо расстрелянных и арестованных опытных кадров выдвигались люди, не имевшие военного образования и опыта управления войсками, а самое главное – авторитета.

Тем временем начавшаяся вторая мировая война и стремительный разгром вермахтом англо-французской коалиции в 1940 г. увеличили опасность агрессии против СССР. Война, которую ждали в течение всего межвоенного периода и к которой готовились, теперь стояла у порога. Необходимо было резко повысить обороноспособность страны, боеспособность и боевую готовность Красной Армии. Эта важнейшая задача решалась всеми имеющимися средствами. В немалой степени этому способствовал тот факт, что в предвоенные пятилетки, несмотря на

Общий ход военных действий
 в первый период Великой Отечественной войны.
 22 июня 1941 г. – 18 ноября 1942 г.

перечисленные выше недостатки, ценой огромных усилий и материальных затрат были заложены основы мощного военно-экономического потенциала.

В конечном счете, именно эти факторы, помноженные на патриотизм и ненависть к захватчикам, позволили народам СССР выстоять в годину тяжелых испытаний. Конечно, совершенные сталинским руководством преступления, а также просчеты и ошибки, вызванные некомпетентностью, самонадеянностью, неадекватной оценкой ситуации, нанесли колоссальный вред обороноспособности страны. Все это было, но было и другое: трудовой энтузиазм, готовность отдать все для обороны, отстаивать независимость своего Отечества. Сил и средств для этого было достаточно. Нужно было умело распорядиться людскими и материальными ресурсами, использовать с максимальной эффективностью имевшиеся возможности. Однако как раз этого и не хватало. Сказывался допущенный еще в 30-х годах просчет в соотношении средств вооруженной борьбы. Если по количеству танков, самолетов, артиллерии и других боевых средств Красная Армия превосходила потенциального противника, то в средствах обеспечения – радиосвязь, автомобили, инженерное вооружение, мототяга и т.п. – она явно отставала. Давали себя знать крупные упущения в боевой и оперативной подготовке войск, особенно в танковых частях, авиации, ВДВ, ПВО, куда поступали новая техника и сложное оборудование.

В 1939–1940 гг. со вступлением советских войск в западные области Украины и Белоруссии, страны Прибалтики, Бессарабию и Северную Буковину, с переходом части территории Финляндии к СССР в результате советско-финляндской войны командование Красной Армии немедленно приступило к строительству оборонительных рубежей, причем без полосы обеспечения, в непосредственной близости к границе. Уже это ставило приграничные группировки войск в крайне невыгодное положение в случае внезапного нападения противника. К тому же они широко привлекались к оборонительным работам, что надолго отвлекало их от боевой подготовки.

В невыгодном положении оказались войска Западного и Киевского Особых военных округов. Их дислокация позволяла противнику уже в первые дни войны осуществлять глубокие охваты и окружать крупные группировки. Причем основная группировка советских войск была сосредоточена на юго-западе, тогда как свой главный удар противник нанес на западном направлении. Предполагалось, что западные военные округа (фронты) быстро отразят вторжение неприятеля, а затем успешные отоброшенные армии перейдут в решительное наступление. В соответствии с таким замыслом сосредоточение основной группировки войск на юго-западном направлении было обоснованным, так как здесь сама местность благоприятствовала возможности выйти в тыл главной вражеской группировки, в то время как на западном направлении требовалось прорывать укрепленные районы противника на местности с очень сложным рельефом.

Однако установки политического руководства, несмотря на имевшиеся сведения о подготовке третьего рейха к нападению на Советский Союз, требовали одного: не давать немцам повода для развязывания войны. Вот причина того, что развертывание объединений Красной Армии в приграничных районах всячески сдерживалось, войска не были приведены в боевую готовность, директива об этом пришла к ним слишком поздно. Запоздалые и половинчатые меры по развертыванию вооруженных сил позволили командованию вермахта с первых часов войны захватить стратегическую инициативу.

Таким образом, приобретенная ценой огромных политических и моральных издержек оттяжка вступления СССР во вторую мировую войну была перечеркнута роковыми просчетами. Безраздельно уверовавший в правильность своих оценок политических ситуаций, Сталин оказался не в состоянии объективно оценить обстановку предвоенных месяцев, не сумел использовать те возможности, которые давал пакт о ненападении, не смог круто повернуть руль управления страной для

своевременного отпора фашистской агрессии, что в свою очередь привело к ложным выводам и неправильным действиям на дипломатическом уровне.

Конечно, возможность оттянуть вступление СССР в войну в 1941 г. была маловероятной. Но, безусловно, при продуманных действиях беда была бы для страны не столь огромной. "За ошибки государственных деятелей расплачивается нация", – подчеркивал русский философ Н. Бердяев. Вина Сталина не только в том, что он с непостижимым упорством не желал считаться с очевидными реалиями обстановки первой половины 1941 г. Главное то, что он создал губительную атмосферу в стране, когда профессионалы высокого уровня не имели возможности доказать главе государства масштаб грозящей катастрофы и не обладали правами принимать меры к ее предотвращению. История такого не прощает, что и подтвердила трагедия лета 1941 г. Одна из главных причин этой трагедии – переоценка возможностей одними политическими средствами оттянуть начало войны и попытки добиться продления мира с Германией без учета реальной военно-стратегической обстановки.

Были также допущены крупные просчеты, связанные с переводом вооруженных сил на военное положение. Всеобщая подозрительность в стране, массовые необоснованные репрессии лишили систему управления необходимой для нее гибкости, широкого использования творчества и инициативы миллионов людей, что тормозило работу по подготовке страны и вооруженных сил к отражению агрессии. Армия и флот находились в стадии реорганизации и перевооружения. Так и не были введены в действие новые оперативные и мобилизационные планы, которые должны были заменить устаревшие. К началу войны войска, по существу, оставались на положении мирного времени, не были приведены в боевую готовность и не заняли оборонительных рубежей для отражения агрессии. В подобных условиях ни одна армия мира не в состоянии эффективно реализовать свои технические возможности и боевые качества.

Была и еще одна немаловажная причина, не позволившая должным образом использовать имевшуюся в большом количестве военную технику, осуществлять грамотное управление войсками, воспользоваться отечественными достижениями в сфере военного искусства. Это слабость командных кадров, низкая степень обученности и слаженности штабов и войск, общая культурная и техническая отсталость народов СССР. Да, за годы советской власти очень многое было сделано по ликвидации неграмотности населения, в области повышения уровня и размаха технического образования, воспитания нового поколения интеллигенции. И результаты были впечатляющими. Но за 20 лет преодолеть многовековую отсталость было просто невозможно. И это в первую очередь сказалось на вооруженных силах, где требовалось виртуозное владение новой техникой, умение грамотно пользоваться техническими средствами управления, хорошее знание противника, чтобы противопоставить ему свою стратегию и тактику. Одной крестьянской смекалки (которая всегда в России имела в избытке), а также готовности умереть за Родину было явно недостаточно, чтобы "в войне моторов" отразить натиск сильнейшей армии мира. Понадобился тяжелый опыт первых полутора лет, прежде чем Красная Армия получила все необходимое для успешного ведения войны и начала овладевать военным искусством на достаточно высоком уровне. Эти недостатки, помноженные на некомпетентность руководства, приводили к неоправданным поражениям и жертвам. Нападение Германии оказалось внезапным не только для народа, которому изо дня в день внушали, что в 1941 г. война не начнется, а если начнется, то враг тут же будет отброшен на свою территорию и там будет разбит, что пролетарии, одетые в солдатские шинели, не поднимут оружие на своих братьев по классу, но оно было неожиданным и для вооруженных сил. Вот почему, несмотря на общее превосходство в основных видах военной техники, реализовать его для успешного отражения наступления вермахта

не удалось. Потеря управления войсками и страх допустить ошибку сковывали инициативу командиров, не позволяли использовать войска и вооружение с наибольшей эффективностью. Сказывалась и неустойчивость политико-морального состояния воинов, значительная часть которых не выдерживала испытания трудными условиями обстановки. В результате уже в первые недели войны войска вермахта, несмотря на героическое сопротивление советских соединений и частей на отдельных участках, глубоко вторглись в пределы СССР. К концу 1941 г. в немецком плену оказалось около четырех миллионов человек, противник захватил огромное количество техники и вооружения, различных материальных ценностей⁴.

Положение СССР было бы еще более трагичным, если бы он оставался в международной изоляции. Именно на это рассчитывали в Берлине. Но справедливую борьбу против фашизма с первых дней поддержали многие государства Запада. Со вступлением Советского Союза во вторую мировую войну начала складываться антигитлеровская коалиция, которая окончательно оформилась в 1942 г. Вместе с Англией и США СССР занял ведущее место в этом союзе государств и народов. Между великими державами, вошедшими в коалицию, налаживалось военное и экономическое взаимодействие. С осени 1941 г. в Советский Союз начала поступать помощь, вначале за наличный расчет, а с ноября 1941 г. – по ленд-лизу. Хотя в тот период помощь эта была невелика, но ценна тем, что поставлялись вооружение и материалы, крайне нужные Красной Армии: самолеты, танки, зенитные орудия, компоненты взрывчатых веществ и т.д. И хотя фактически полученное в первый год войны вооружение и снаряжение было меньше запланированного, в те тяжелые для нашей страны дни оно играло немалую роль. В августе–октябре 1941 г. английские летчики вместе с советскими ВВС защищали небо над Кольским полуостровом. В 1942 г. арктические конвои союзников, следовавшие из Атлантики в СССР, героически отражали атаки немецкого флота совместно с советскими морскими. Были открыты трассы ленд-лиза через Тихий океан, из Аляски в Сибирь, из Ирана в советский Азербайджан. Все это способствовало укреплению антигитлеровской коалиции.

Летне-осенняя кампания 1941 г. носила в целом оборонительный характер. На всех стратегических направлениях инициатива в этот период находилась в руках противника, хотя советское командование пыталось организовать повсеместное наступление и изменить ход войны. Но в те дни это была непосильная для советских войск задача. В этом был очередной просчет военно-политического руководства страны, которое должно было принять решение о немедленном переходе к обороне и созданию в глубине страны, на выгодных естественных рубежах, сплошного оборонительного фронта. Но момент был безвозвратно упущен. Не увенчались успехом и попытки остановить врага, предпринятые летом 1941 г. на ряде участков фронта. Только под Смоленском удалось на некоторое время заставить противника перейти к обороне.

Но и организация устойчивой, глубоко эшелонированной обороны – дело чрезвычайно трудное. Противнику еще не раз удавалось осуществлять глубокие прорывы с последующим охватом и окружением советских войск. В итоге в стратегическом фронте образовывались бреши, что вынуждало командование Красной Армии использовать для восстановления фронта крупные стратегические резервы, состоявшие часто из небоеспособных соединений.

Тем не менее даже в этих крайне неблагоприятных условиях на многих участках огромного фронта советским войскам удавалось в течение длительного времени надежно оборонять занимаемые ими рубежи (под Смоленском, Ленинградом, Киевом, Одессой, Севастополем и др.), хотя со стратегической точки зрения это не всегда было целесообразно. Так, запоздалые решения Верховного Главнокомандования на отвод войск из Белоруссии (в июне) и из-под Киева (в сентябре) привели к

окружению и разгрому крупных группировок, что повлекло за собой потерю огромной территории с жизненно важными для страны промышленными и сельскохозяйственными районами.

В ходе упорной обороны на подступах к Москве войска Красной Армии вновь предприняли попытку захватить инициативу. Контрнаступление под Ростовом и Тихвином обозначило первый успех. Боевые действия на тихвинском и ростовском направлениях сыграли важную роль в удержании столицы и создании условий для перехода Красной Армии в решительное контрнаступление под Москвой. В сочетании с продолжавшимся контрнаступлением под Тихвином оно переросло вскоре в общее наступление на советско-германском фронте. Стратегическая инициатива перешла в руки Красной Армии и удерживалась ею в течение пяти месяцев.

Успеху контрнаступления под Москвой способствовал накопленный опыт и возросший уровень военного искусства. Советское командование сумело скрытно сосредоточить под столицей стратегические резервы, выбрать момент перехода в контрнаступление, когда противник уже не мог наступать, но еще не перешел к обороне, правильно определить направления ударов. Все это позволило обеспечить внезапность и лишить неприятеля возможности перегруппировать свои силы. "То, что немецкое командование было застигнуто врасплох, свидетельствует о хорошо удавшемся русским развертывании своих сил и о правильно выбранном моменте контрнаступления", – писал немецкий историк К. Рейнгардт⁵.

Битва под Москвой закончилась провалом гитлеровского блицкрига. Это означало крушение всех военно-политических и стратегических планов нацистского руководства, обрекало Германию на затяжную войну, которую она не могла вести успешно. Действия Красной Армии в битве под Москвой, оказавшие влияние на дальнейший ход второй мировой войны, мировое сообщество расценило как выдающуюся победу, что способствовало усилению антифашистской борьбы во всем мире. И, конечно, они вызвали в СССР большой морально-политический подъем и в тылу, и на фронте.

После разгрома войск вермахта под Москвой Красная Армия развернула общее наступление силами шести фронтов. Несмотря на недостаточное техническое оснащение войск и постоянную нехватку боеприпасов для всех видов вооружения, не имея, по существу, превосходства над противником, она добилась немалых успехов, удерживая инициативу до конца апреля 1942 г. Однако и в этой кампании Верховное Главнокомандование Красной Армии не избежало ошибок: неправильно были оценены возможности своих войск и войск противника, неудачно использовались стратегические резервы, распределенные равномерно между всеми стратегическими направлениями. В результате накопленные резервы были растрочены, а наступление заглохло. Ни на одном из трех стратегических направлений поставленные задачи не были выполнены.

Летне-осенняя кампания 1942 г. также носила в целом оборонительный характер. Попытки советского командования предпринять наступательные операции на отдельных направлениях заканчивались провалом. И здесь крупнейшей ошибкой была неправильная оценка обстановки. Несмотря на данные разведки, предупреждавшей о подготовке немцами наступления на юго-западе, Ставка полагала, что противник свой главный удар нанесет на западном направлении, и сосредоточивала там основные силы. Чреватым оказалось решение Верховного Главнокомандования одновременно и обороняться, и наступать. Вновь была допущена переоценка своих сил и недооценка сил вермахта. Сталин санкционировал проведение наступательных операций Красной Армии фактически на всем советско-германском фронте, что привело к распылению сил. Особенно губительные последствия имел провал наступления под Харьковом, резко ослабивший группировку Красной Армии на юго-западном направлении, как раз там, где противник готовил летнее наступление.

Это создало вермахту наиболее благоприятную обстановку для наступления на Кавказ и Сталинград. На южном крыле советско-германского фронта к началу наступления противника у командования фронтов не оказалось достаточного количества техники для нанесения мощных ударов по врагу. Наспех созданные группировки состояли, как правило, из ослабленных в предыдущих боях стрелковых соединений. Войска же, перебрасываемые по железной дороге, поступали во фронты с опозданием и, не закончив сосредоточения, сразу же вводились в бой. В танковых соединениях было мало исправных танков. Времени для отработки взаимодействия и организации управления при подготовке контрударов катастрофически не хватало.

Почему же так трагически складывались обстоятельства для Красной Армии в первые полтора года войны? Здесь целый ряд причин: и некомпетентность руководящих органов армии и флота, и слабая подготовка командного состава, и недостаточное владение имевшейся на вооружении военной техникой, и низкое боевое мастерство наспех обученных резервов. Все это, вместе взятое, в условиях непрерывного сильнейшего натиска врага приводило к плачевным результатам. Воевать мы еще не умели. Выход искали в чрезвычайных мерах: меняли командные кадры, усиливали репрессии, пытались поднять боевой дух массивной пропагандой.

Частая потеря управления вела к неадекватным оценкам обстановки и к запоздалой реакции высших эшелонов командования. Упущенное время оборачивалось трагедиями окружений, огромными потерями. Чехарда с командующими (И.С. Конев дважды за год назначался командующим Западным фронтом, на Брянском фронте в ходе битвы под Москвой сменилось три командующих, примерно то же происходило на Ленинградском, Северо-Западном, Западном и Южном фронтах летом и осенью 1941 г.) заставляла вновь пришедших руководителей в спешке принимать решения. В результате недостаточно подготовленные операции завершались провалом.

Одной из причин была весьма несовершенная организация войск и слабость их вооружения при чрезмерном увлечении количеством формирований. Штат стрелковой дивизии из-за больших потерь в оружии и технике в 1941–1942 гг. менялся пять раз. Стрелковые корпуса в 1941 г. были расформированы. В дивизии уменьшилось количество артиллерии, сокращались подразделения тыла, особенно плохо обстояло дело с автотранспортом. Количество же дивизий и бригад постоянно росло. Не хватало танков поддержки пехоты. В танковых войсках из-за недостатка боевых машин уже в июле 1941 г. упраздняются корпуса и формируются танковые бригады и батальоны. На большие формирования не доставало техники. Обнаружилась довоенная недооценка роли, значения и удельного веса артиллерии резерва Главного Командования. Пришлось ее недостаток восполнять за счет ослабления артиллерийского вооружения стрелковых дивизий. Дороговизна, сложность производства нарезных артиллерийских систем вынудили сделать крен в сторону гладкоствольных – минометов. Их количество в штате стрелковой дивизии было увеличено на 38 единиц⁶. Сказывались недостаток инженерного вооружения и предвоенная недооценка значения инженерных войск. В условиях стратегической обороны их роль неизмеримо возросла (осенью 1941 г. было сформировано 10 саперных армий), создавались инженерные бригады специального назначения (для постановки телефугасов, электрозаграждений и др.). Не справлялись с задачами войска связи. Надежды на обеспечение устойчивой связи за счет возможностей наркомата связи себя не оправдали. Радиосвязь была не развита, опора на проводные средства вела к нарушению, а порой и к потере управления. Авиация, понесшая крупные потери в начале войны, была до конца 1941 г. немногочисленной и не могла применяться массивно. Фронтная авиация уменьшилась с 5952 самолетов к началу войны до 2436 к концу 1941 г.⁷ Среди

сил флота действовали главным образом торпедные катера в прибрежных водах.

В ходе зимнего наступления 1942 г. войскам ставились непосильные задачи. Ни на одном стратегическом направлении не было необходимого превосходства в силах. Отсюда незавершенность ударов по противнику. Недостаток сил, усугублявшийся плохо организованным взаимодействием, слабое и часто непрофессиональное управление не обеспечивали прорыва тактической зоны обороны противника, а если это удавалось, не оставалось сил для развития успеха в оперативной глубине. Распыление сил приводило к отсутствию сильных резервов, особенно танковых. Танковые бригады и батальоны использовались лишь для непосредственной поддержки пехоты. Раздача по приказу Ставки от 25 января 1942 г. авиаполков в распоряжение общевойсковых армий исключала массированное применение авиации. Взаимодействие авиации с пехотой было поставлено неудовлетворительно. Артиллерийское и авиационное обеспечение ограничивалось подготовкой атаки, поэтому прорыв пехоты не получал развития. 40–60% танков были неисправными, так как не было ремонтной базы и средств эвакуации. Все это усугублял острый недостаток боеприпасов для всех родов войск.

Некомпетентность руководства, дилетантские волевые решения имели губительные последствия. Именно этот порок привел к полному разгрому Крымского фронта в мае 1942 г. Имея численное превосходство над противником, его войска потеряли в течение 12 дней беспорядочного отхода 65% личного состава, все танки и самолеты и почти все орудия. Один из участников событий вспоминал: "Полное недоверие командующим армиями и фронтом, самодурство и дикий произвол Мехлиса, человека неграмотного в военном деле... Запретил рыть окопы, чтобы не подрывать наступательного духа солдат. Выдвинул тяжелую артиллерию и штабы армий на самую передовую и т.д. Три армии стояли на фронте 16 км, дивизия занимала по фронту 600–700 м... и все это смешалось в кровавую кашу, было сброшено в море, погибло только потому, что фронтом командовал не полководец, а безумец"⁸.

Еще большей катастрофой обернулась наступательная операция на Харьков в мае 1942 г. Неправильная оценка обстановки, стремление главного командования Юго-Западного направления и Сталина продолжать наступление, когда уже ясно было, что его продолжение обернется сокрушительным поражением советских войск, привело к окружению и уничтожению крупной группировки Красной Армии.

Чтобы компенсировать потери такого масштаба, требовались все новые резервы. Наспех сформированные, плохо обученные соединения сразу же шли на фронт. Дивизии на фронтах сражались до полного истощения, взамен вводились вновь сформированные дивизии, часто не укомплектованные полностью личным составом и вооружением. Отсутствовала преемственность, части учились на собственных ошибках.

Но при всех неудачах Красной Армии летом 1942 г. активные и маневренные оборонительные действия все же подготовили условия для срыва генерального наступления вермахта. В боях на Северном Кавказе и особенно под Сталинградом, где боевые действия велись с крайней степенью ожесточения, советские войска ценой больших потерь измотали наступавшие группировки врага и в середине октября вынудили перейти его к обороне сначала на сталинградском направлении, а в начале ноября и на северокавказском. В ходе тех сражений советские войска совершенствовали свое боевое мастерство, осваивали опыт ведения современной войны, демонстрировали высокие морально-боевые качества. Укрепилась воинская дисциплина.

В целом первый период войны был самым тяжелым для народов СССР и его вооруженных сил. Войска нацистской Германии захватили значительную часть советской территории, где до войны проживало 42% населения, производилось 35%

валовой продукции промышленности СССР, находились обширные продовольственные ресурсы. В вооруженных силах из строя выбыло 11 162 тыс. человек, из которых 6155 тыс. безвозвратно⁹.

В основных стратегических операциях первого периода Красная Армия потеряла 24 771 танк и самоходную артиллерийскую установку, 129 397 орудий и минометов, 11 873 боевых самолета¹⁰. Несмотря на потери такого масштаба, к концу 1942 г. советская промышленность выпускала больше боевой техники и оружия, чем Германия и все оккупированные ею страны. Это было достигнуто благодаря тому, что руководство СССР сумело организовать и успешно провести эвакуацию промышленных предприятий на восток страны, создать там мощную военную промышленную базу, подчинить экономикой всей страны нуждам войны. Был создан монолитный и прочный тыл, опираясь на который руководство СССР могло обеспечивать все возраставшие нужды фронта.

Люди всех национальностей самоотверженно встали на защиту Отечества. В то же время во вражеском тылу развертывалось и набирало силу партизанское движение, возникли обширные партизанские края и зоны, неподвластные оккупантам. Своими действиями партизаны сковывали значительные силы противника, наносили немалый ущерб тыловым службам вермахта, особенно коммуникациям. В ноябре 1942 г. в тылу вермахта действовало около 100 тыс. человек¹¹.

Чем же был вызван столь значительный размах партизанского движения? Явилось ли оно стихийным проявлением патриотизма народа, вставшего на борьбу против чужеземных захватчиков? Было ли это вызвано неумной и жестокой политикой немецких властей в отношении населения оккупированных земель? Или же партизанское движение насаждалось, направлялось и обеспечивалось военно-политическим руководством Советского Союза? Как свидетельствуют факты и документы, все эти факторы имели место, причем на различных этапах партизанского движения и в различных регионах тот или иной из них выходил на передний план. Это зависело от военно-политической обстановки, экономического состояния района, характера и результатов действий Красной Армии на фронтах, физико-географических условий, политики оккупационных властей, соотношения противоборствующих сил.

Первые партизанские группы возникли летом 1941 г. Они формировались за счет оказавшихся в окружении военнослужащих, лиц из состава местных партийных и советских органов, НКВД, милиции, работников идеологических учреждений, т.е. тех, кому грозили репрессии немецких оккупационных властей. Активность их была сравнительно невелика, так как необходимо было добыть оружие, выработать тактику действий, создать себе скрытые от врага базы, установить связи с местным населением. Безопасности и росту таких групп способствовали лесная и болотистая местность в Белоруссии, лесные массивы Смоленщины и Брянщины, украинского и белорусского Полесья, где можно было легко укрываться от немцев, особенно если не проявлять большой активности. Но успехи Красной Армии под Москвой, наступление советских войск зимой 1942 г. активизировали деятельность партизан, расширили территории, где действовали партизанские отряды, ставшие основным формированием партизанских сил. Возросло внимание центра к развитию партизанского движения. Подготовленные к партизанской войне организованные группы забрасывались в тыл врага органами ВКП(б), Красной Армии, НКВД. Движение ширилось.

Размаху партизанского движения способствовала гитлеровская установка на жестокое обращение с советскими людьми. Известный белорусский писатель Алевт Адамович отмечал: "Я помню, как 7 ноября 1941 года они (немецкие войска. – Ред.) гнали через нашу деревню военнопленных, забывая насмерть на глазах у жителей! И вызвали такую ненависть, такую ярость, которую потом никакими репрессиями нельзя было подавить. И так было повсеместно"¹².

Развертывание партизанской борьбы с оккупантами получило дальнейшее развитие в приказе наркома обороны СССР от 5 сентября 1942 г. "О задачах партизанского движения", которое, как подчеркивалось в приказе, "становится одним из решающих условий победы над врагом"¹³. Еще раньше, 30 мая 1942 г., Постановлением Государственного комитета обороны при Ставке Верховного Главнокомандования был создан Центральный штаб партизанского движения (ЦШПД).

Образование ЦШПД и местных ШПД придало партизанскому движению необходимую военную организованность и дисциплину, повысило его эффективность и размах. Была создана и стройная система подготовки квалифицированных кадров для организации и ведения партизанской войны, возникали все новые партизанские формирования. Четко выявились и основные направления их деятельности: разрушение коммуникаций, создание обширных районов, контролируемых партизанами, так называемых "партизанских краев", ведение разведки в интересах Красной Армии и т.д.

Партизанское движение было важнейшим, но не единственным проявлением развернувшегося в тылу врага сопротивления оккупантам. Расширению масштабов партизанских действий, саботажа населения и других форм противодействия оккупантам способствовал установленный германскими военными и гражданскими властями жестокий оккупационный режим. Он был направлен на радикальное сокращение коренного населения путем запланированного голода и насильственного выселения. Массовые расстрелы, уничтожение жителей целых населенных пунктов за связь с партизанами или за неповиновение властям, насильственный угон в Германию молодежи, взятие и казнь заложников, издевательства и реквизиции – все эти меры оккупационных органов власти усиливали ненависть людей к фашистскому режиму, побуждали народ к борьбе против оккупантов.

Кроме того, с первых дней войны население оккупированных территорий видело бесчеловечное отношение соответствующих служб вермахта к советским военнопленным. Памятка об охране советских военнопленных от 8 сентября 1941 г. предусматривала отказ от женевской конвенции и "беспощадную кару при малейших признаках протеста и неповиновения"¹⁴. К февралю 1942 г. из 3,9 млн советских военнопленных около двух миллионов человек умерло от голода, холода, сыпного тифа (зимой 1941/42 г.), а также массовых расстрелов. Уничтожались тяжело раненные, а также военнопленные, которых выделяли из массы за политические убеждения или расовую принадлежность.

Жестокости оккупационного режима, невыносимые условия в лагерях военнопленных, наличие определенного слоя несправедливо обиженных и антисоветски настроенных людей, карьеристские, а порой и идеологические соображения породили такое явление, как коллаборационизм. В начале войны он имел довольно широкие масштабы, так как было немало людей, особенно в Прибалтийских республиках, в западных областях Украины и Белоруссии, в казачьих областях, наиболее сильно пострадавших от большевиков. Часть населения здесь встретила немцев как освободителей от сталинского режима. Большое количество военнопленных и лиц из числа гражданского населения оккупированных территорий служило в частях вермахта, выполняя вспомогательные работы на кухнях и в мастерских, работая в качестве водителей автомашин и возниц. Их называли "хиви" – сокращение от немецкого слова "хильфсвиллиге" (дословно – желающие помогать). Из военнопленных – представителей народов Кавказа, Средней Азии, Поволжья, Крыма и РСФСР – формировались так называемые восточные легионы. Военнопленные, а также жители оккупированных территорий, в том числе и представители славянских народов СССР, служили в создаваемых оккупационными властями формированиях для охраны объектов тыла, борьбы с партизанами (так называемые восточные батальоны), а также в полиции. Имевшихся собственных

сил для этого не хватало, а дела на фронте постепенно становились все напряженнее, все больше и больше ощущался дефицит живой силы. К началу 1943 г. в вермахте насчитывалось до 400 тыс. "хиви", в службах по поддержанию порядка – 60–70 тыс. советских граждан и до 80 тыс. – в "восточных батальонах" и "восточных легионах"¹⁵.

Но не они определяли основные тенденции поведения населения на оккупированных территориях. Оно было проникнуто ненавистью к захватчикам и жило надеждой на скорое освобождение. Почти в каждой семье были люди, сражавшиеся в рядах Красной Армии; и те, кто не по своей воле остался в тылу врага, конечно же, сочувствовали советским войскам, тяжело переживали их неудачи на фронте, радовались успехам. Этому способствовало и свойственное нашему народу глубокое чувство патриотизма, желание видеть свою Родину освобожденной от иноземного нашествия. Поэтому поражение вермахта под Москвой, переход Красной Армии в стратегическое наступление воспринимались населением оккупированных территорий с радостью, вселяли надежду на скорое освобождение. Непрочность немецкого тыла стала важным фактором успехов Красной Армии на советско-германском фронте.

На жизни народа в тылу, деятельности войск на фронте сказывались и изменения в международной обстановке. С 1942 г. уже ощущалась помощь по ленд-лизу. Разгром войск Роммеля в Африке и высадка американско-английских войск в Алжире, Тунисе, Марокко вселяли надежды на перелом в войне, укрепляли уверенность, что германский фашизм будет разбит. Крупные успехи СССР во внешней политике сделали нашу страну одной из ведущих держав антигитлеровской коалиции, и ее роль в международных делах непрерывно возрастала.

За первый период войны изменился облик Красной Армии. В вооруженных силах произошли большие организационные изменения. Они диктовались новым качественным состоянием производства оружия и военной техники, а также уровнем накопленного боевого опыта. Выработка и освоение современных приемов и способов борьбы, овладение искусством организации и ведения операций и боев осуществлялись в суровых и зачастую трудно предсказуемых условиях. Пути определения правильного решения сложных задач были нелегкими, порой сопровождались большим количеством ошибок и неудач. Но, накапливая опыт и учитывая ошибки, советские войска все увереннее и успешнее вели боевые действия. Об интенсивности и масштабах обучения войск военному искусству свидетельствуют приказы наркома обороны и директивы Ставки ВГК этого периода: о действии ударными группами и артиллерийском наступлении, об улучшении радиосвязи, об организации взаимодействия между штабами сухопутных войск и флота, о совершенствовании тактики наступательного боя и боевых порядков, о боевом применении танковых и механизированных частей и соединений и др. С весны 1942 г., опираясь на растущие возможности военного производства и накопленный боевой опыт войск, советское командование приступило к созданию танковых корпусов и армий, воздушных армий, артиллерийских дивизий и корпусов. К зиме 1942/43 г. организационные формы Красной Армии стали более совершенными, значительно повысился уровень военного искусства.

Постепенно происходил переход от равномерного распределения сил и средств по всему фронту к действиям мощными ударными группировками на направлениях главных ударов. Подготовка к наступлению велась по возможности скрытно (об этом свидетельствует внезапный для немцев переход Красной Армии в контрнаступление под Москвой). Сильный первоначальный удар обеспечивал прорыв тактической зоны обороны противника, а вторые эшелоны и резервы, своевременно введенные в сражение, развивали успех. Стратегическое наступление начало осуществляться группой фронтов методом проведения последовательных операций.

Красная Армия превратилась в силу, способную успешно сражаться с таким

грозным противником, как вермахт. Все это позволяло перейти от стратегической обороны к стратегическому наступлению. Преодолев тяжчайшие испытания первого периода войны, народы СССР и его вооруженные силы создали условия для коренного перелома в ходе Великой Отечественной войны.

- ¹ Российский государственный военный архив. Ф. 33988. Оп. 2. Д. 682. Л. 21–22.
- ² См.: Советская военная энциклопедия. М., 1976. Т. 1. С. 598.
- ³ *Симонов К.* Уроки истории и долг писателя // Наука и жизнь. 1987. № 6. С. 44.
- ⁴ *Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg.* Stuttgart, 1983. Bd. 4. S. 727; *Schustereit H.* Vabanque: Hitlers Angriff auf die Sowjetunion 1941 als Versuch durch den Sieg im Osten den Westen zu bezwingen. Herford; Bonn, 1988. S. 73.
- ⁵ *Reinhardt K.* Die Wende for Moskau. Stuttgart, 1973. S. 204.
- ⁶ См.: Стратегический очерк Великой Отечественной войны, 1941–1945. М., 1961. С. 894.
- ⁷ Там же. С. 900.
- ⁸ *Симонов К.* Указ. соч.
- ⁹ См.: Гриф секретности снят: Потери Вооруженных Сил СССР в войнах, боевых действиях и военных конфликтах. М., 1993. С. 157. Только сухопутные войска Германии за период с 22 июня 1941 г. по 10 сентября 1942 г. потеряли убитыми, пропавшими без вести и ранеными 1 637 280 человек (*Гальдер Ф.* Военный дневник / Пер. с нем. М., 1971. Т. 3. Кн. 2. С. 343.
- ¹⁰ Там же. С. 369.
- ¹¹ См.: Операции Советских Вооруженных Сил в Великой Отечественной войне, 1941–1945. М., 1959. Т. 4. С. 511.
- ¹² Столица. 1993. № 30. С. 7.
- ¹³ Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации. Ф. 208. Оп. 2524. Д. 72. Л. 92.
- ¹⁴ Война Германии против Советского Союза, 1941–1945. Берлин, 1991. С. 110.
- ¹⁵ Там же. С. 140.

ХРОНИКА ОСНОВНЫХ СОБЫТИЙ

1938 г.

- Январь – Начало третьей пятилетки развития народного хозяйства СССР.
- Март – Судебный процесс по делу правотроцкистского блока (подсудимые: Бухарин, Рыков, Крестинский, Розенгольц и др.)
- 11–12 марта – Захват Австрии нацистской Германией.
- 14 марта – Постановление СНК СССР о создании Главного Военного совета Красной Армии.
- 16 марта – Постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) "О развитии новых нефтяных районов".
- 17 марта – Предложение СССР созвать международную конференцию в интересах сохранения мира.
– Заявление правительства СССР о готовности Советского Союза оказать помощь Чехословакии в случае агрессии.
- 23 апреля – Постановление СНК СССР о создании Главного Военного совета ВМФ.
- 5 мая – В Японии издан указ "О всеобщей мобилизации нации".
- 30 мая – Утверждение правительством Германии плана "Грюн" (плана нападения на Чехословакию).
- 22 июня – Введение в Германии всеобщей трудовой повинности.
- 28–30 июля – Занятие японскими войсками Пекина и Тяньцзиня.
- 29 июля – 11 августа – Советско-японский конфликт у оз. Хасан.
- Сентябрь – Сосредоточение на западной границе СССР тридцати стрелковых дивизий, приведение в боевую готовность авиации и танковых частей Красной Армии для оказания помощи Чехословакии.
- 5 сентября – Предложение СССР созвать международную конференцию в связи с угрозой немецкой агрессии против Чехословакии.
- 19 сентября – Ультиматум Англии и Франции чехословацкому правительству с требованием передать Германии пограничные районы.
- 20 сентября – Положительный ответ правительства СССР на запрос президента Чехословакии о готовности Советского Союза помочь Чехословакии в случае агрессии независимо от позиции Франции.
- 21 сентября – Принятие правительством Чехословакии англо-французского ультиматума.
– Выступление советского представителя в Лиге наций в защиту Чехословакии.
- 22–23 сентября – Встреча Чемберлена с Гитлером в Годесберге.
- 28 сентября – Начало мобилизации в Германии.
- 29–30 сентября – Мюнхенская конференция Англии, Франции, Германии и Италии.
- 30 сентября – Подписание англо-германской декларации о ненападении.
- Конец сентября – Обмен посланиями между Председателем Президиума Верховного Совета СССР и президентом США о созыве международной конференции по чехословацкому вопросу.
- 1–10 октября – Оккупация Германией пограничных районов Чехословакии.
- 9 октября – Предложение правительства СССР правительству Чехословакии о гарантии ее новых границ.
- 17 октября – Учреждение медалей "За отвагу" и "За боевые заслуги".
- Ноябрь – Ввод в эксплуатацию первой очереди Балхашского медеплавильного завода.
- 3 ноября – Японская "Декларация о новом порядке в Восточной Азии".
- 17 ноября – Постановление ЦК ВКП(б) и СНК СССР об ограничении репрессий, упразднении "троек", усилении прокурорского надзора и пересмотре дел.
- 25 ноября – Л.П. Берия назначен наркомом внутренних дел.

- 6 декабря – Подписание франко-германской декларации о ненападении.
 27 декабря – Указ Президиума Верховного Совета СССР об установлении звания Героя Социалистического Труда.
 28 декабря – Постановление СНК СССР, ЦК ВКП(б) и ВЦСПС "О мероприятиях по упорядочению трудовой дисциплины, улучшению практики государственного социального страхования и борьбе с злоупотреблениями в этом деле".

1939 г.

- Январь – Ввод в эксплуатацию железнодорожной линии Караганда – Балхаш.
 12 января – Указ Президиума Верховного Совета СССР о разделении народного комиссариата оборонной промышленности СССР на наркоматы авиационной, судостроительной промышленности, боеприпасов и вооружения.
 20 января – Указ Президиума Верховного Совета СССР о разделении народного комиссариата пищевой промышленности СССР на наркоматы рыбной, мясной и молочной, пищевой промышленности.
 25 января – Указ Президиума Верховного Совета СССР о разделении народного комиссариата тяжелой промышленности СССР на наркоматы топливной, электростанций и электропромышленности, черной металлургии, цветной металлургии, химической промышленности и промышленности строительных материалов.
 Февраль – В Болшево Московской области создано Особое техническое бюро при НКВД СССР – "шарашка". В нем работали: А.И. Туполев, С.П. Королев, А.И. Некрасов, Б.С. Стечкин, В.М. Петляков, В.М. Мясищев, Р.Л. Бартини.
 2 февраля – Постановление СНК СССР о ликвидации Главного управления пограничных и внутренних войск НКВД СССР и создании главных управлений пограничных, охранных конвойных, железнодорожных войск, военного снабжения НКВД и военного строительства НКВД.
 27 февраля – Признание Англией и Францией правительства Франко в Испании.
 5 марта – Выступление сторонников Франко в Мадриде против правительства Народного фронта.
 10–21 марта – XVIII съезд ВКП(б), принявший третий пятилетний план развития народного хозяйства СССР. Партийным комитетам предоставлено право контролировать деятельность администрации.
 15 марта – Завершение захвата Чехословакии Германией.
 18 марта – Нота наркоминдела СССР германскому правительству о непризнании захвата Чехословакии.
 21 марта – Начало англо-франко-советских переговоров о взаимной помощи против агрессии.
 22 марта – Захват Германией Мемеля (Клайпеды).
 – Подписание румыно-германского экономического соглашения, подчинившего экономику Румынии интересам Германии.
 28 марта – Вступление в Мадрид войск Франко и поддерживавших его итало-германских частей.
 31 марта – Предоставление Англией гарантий Польше.
 3 апреля – Утвержден Гитлером план "Вайс" (план войны против Польши).
 7 апреля – Нападение фашистской Италии на Албанию.
 17 апреля – Постановление Комитета обороны при СНК СССР о местных органах военного управления.
 28 апреля – Расторжение Германией англо-германского морского соглашения и германо-польского пакта о ненападении.
 5 мая – Вместо М.М. Литвинова наркомом иностранных дел назначен В.М. Молотов.
 11 мая – 31 августа – Советско-японский конфликт у р. Халхин-Гол.
 22 мая – Подписание военно-политического договора между Италией и Германией – "Стальной пакт".
 3–5 июня – Бои советско-монгольских войск с японскими войсками у горы Баин-Цаган (Баин-Цаганское побоище).
 Июль – Приказ наркома обороны о введении в действие проекта Полевого устава Красной Армии (ПУ – 1939 г.).

- 23 июля – Договор между Англией и Японией (соглашение Крейги – Арпта) – попытка осуществления "дальневосточного Мюнхена" за счет Китая.
- Август – Кредитное соглашение между СССР и Германией на сумму 380 млн марок.
- 1 августа – Открытие в Москве Всесоюзной сельскохозяйственной выставки.
- 11–21 августа – Переговоры военных миссий СССР, Англии и Франции о заключении пакта о взаимопомощи.
- 14 августа – Постановление Комитета обороны при СНК СССР об усилении обороны северного побережья СССР.
- 19 августа – Заседание Политбюро ЦК ВКП(б) "Об отсрочке призыва в РККА рабочих строительства железной дороги Акмолинск–Карталы".
- 23 августа – Подписание советско-германского договора о ненападении и секретных протоколов к нему.
– Подписание договора о взаимной помощи между Англией и Польшей.
- 31 августа – Утверждение правительством Германии директивы № 1 о ведении войны против Польши.
- 1 сентября – Начало второй мировой войны. Нападение Германии на Польшу.
– Принятие внеочередной четвертой сессией Верховного Совета СССР Закона о всеобщей воинской обязанности.
- 3 сентября – Объявление Англией и Францией войны Германии.
- 4 сентября – Постановление СНК СССР "О развитии станкостроительной промышленности СССР".
- 5 сентября – Заявление правительства США о распространении на польско-германскую войну политики "нейтралитета".
- 15 сентября – Подписание соглашения между СССР, МНР и Японией о ликвидации конфликта у р. Халхин-Гол.
- 17 сентября – Вступление Красной Армии на территорию Западной Украины и Западной Белоруссии.
- 28 сентября – Договор о дружбе и границе между СССР и Германией.
– Подписание договора о взаимной помощи между СССР и Эстонией.
- 5 октября – Подписание договора о взаимной помощи между СССР и Латвией.
- 7 октября – Постановление Комитета обороны при СНК СССР об усилении Тихоокеанской флотилии.
- 9 октября – Директива № 6 верховного командования Германии о подготовке нападения на Францию через Люксембург, Бельгию и Голландию.
- 10 октября – Подписание договора о взаимной помощи между СССР и Литвой.
- 11 октября – Постановление СНК СССР об охране морских границ Советского Союза.
- 16 октября – Учреждение медали "Золотая Звезда" – знака отличия Героя Советского Союза.
- 19 октября – Подписание в Анкаре англо-франко-турецкого договора о взаимной помощи.
- Октябрь – Создание военных гарнизонов и баз Красной Армии в Прибалтике в соответствии с договорами.
- Ноябрь – Расформирование механизированных (танковых) корпусов Красной Армии.
- 1–2 ноября – Присоединение Западной Украины и Западной Белоруссии к СССР и воссоединение их с УССР и БССР.
- 30 ноября 1939 г. – 13 марта 1940 г. – Советско-финляндская война.
- 1 декабря – Создание в Терийоки финского правительства во главе с секретарем Коминтерна О. Куусиненом.
- 2 декабря – Объявление правительством США "морального эмбарго" на торговлю с Советским Союзом.
- 14 декабря – Исключение СССР из Лиги наций.

1940 г.

- Ввод в эксплуатацию первой очереди Новотагильского металлургического завода.
- Переход Военно-воздушных сил Красной Армии на новую структуру: вместо армий – корпуса, вместо бригад – дивизии, подчинение боевой авиации командованию общевойсковых объединений.
- Создание механизированных (танковых) корпусов, состоящих из дивизий.
- В составе СНК СССР утверждены советы по металлургии и химии, оборонной промышленности, топливу и электрохозяйству, товарам широкого потребления.
- 5 февраля – Решение высшего военного совета Англии и Франции о посылке экспедиционного корпуса в Финляндию.
- 11 февраля – Хозяйственное соглашение между Германией и СССР.
- 11–23 февраля – Прорыв советскими войсками главной полосы линии Маннергейма.
- 24 февраля – Принятие верховным главнокомандованием вооруженных сил Германии плана наступательных операций против Франции, Бельгии и Голландии "Гельб".
- 28–29 февраля – Прорыв советскими войсками второй полосы линии Маннергейма.
- 5 марта – Решение политбюро ЦК ВКП(б) о расстреле польских военнопленных.
- 12 марта – Подписание мирного договора между СССР и Финляндией.
- 13 марта – Решение политбюро ЦК ВКП(б) об аттестовании номенклатурных работников партии и присвоении им воинских званий. Аттестование прошли 99 тыс. человек.
- 26–28 марта – Пленум ЦК ВКП(б), обсудивший вопросы: об изменениях в политике заготовок и закупок сельскохозяйственных продуктов, о внешней политике СССР, об итогах войны с Финляндией.
- 8 апреля – Заявление советского правительства правительству Германии о сохранении нейтралитета Швеции.
- Апрель–май – Расстрел в Катыни интернированных польских военнослужащих.
- 9 апреля – Нападение Германии на Данию и Норвегию.
- 14–17 апреля – Обсуждение итогов советско-финляндской войны на расширенном заседании Главного Военного совета Красной Армии.
- 14–19 апреля – Высадка английских и французских войск в Северной Норвегии.
- 7 мая – Введение Президиумом Верховного Совета СССР генеральских и адмиральских званий.
- Май – С.К. Тимошенко назначен наркомом обороны вместо К.Е. Ворошилова.
- 10 мая – 25 июня – Наступление вооруженных сил Германии во Франции, Бельгии и Голландии.
- 14 мая – Капитуляция Голландии перед Германией.
- 22 мая – Учреждение золотой медали "Серп и Молот" – знака отличия Героя Социалистического Труда.
- 26 мая – 3 июня – Эвакуация английской экспедиционной армии из-под Дюнкерка.
- 28 мая – Капитуляция Бельгии перед Германией.
- Июнь – Формирование 16-й и 17-й армий в Забайкалье.
- 5 июня – Решение политбюро ЦК ВКП(б) о производстве танков Т-34 в 1940 г.
- 10 июня – Завершение оккупации Норвегии немецкими войсками.
  - Объявление Италией войны Англии и Франции.
- 14 июня – Падение Парижа.
- 14, 16 июня – Заявление советского правительства по поводу грубых нарушений Литвой, Латвией и Эстонией договоров о взаимной помощи.
- 15, 17 июня – Вступление советских войск в Прибалтийские республики.
- 17 июня – Свержение политического режима в Литве и образование народного правительства.
- 20 июня – Свержение политического режима в Латвии и образование народного правительства.
- 21 июня – Свержение политического режима в Эстонии и образование народного правительства.
- 22 июня – Капитуляция Франции перед Германией (Компъенское перемирие).
- 24 июня – Капитуляция Франции перед Италией.
- 25 июня – Установление дипломатических отношений между СССР и Югославией.

- 25 июня – Письмо Черчилля Сталину о действительных планах Германии относительно СССР (вручено 1 июля).
- 26 июня – Указ Президиума Верховного Совета СССР "О переходе на 8-часовой рабочий день, на 7-дневную рабочую неделю и о запрещении самовольного ухода рабочих и служащих с предприятий и учреждений".
- 28–30 июня – Присоединение к Советскому Союзу Бессарабии и Северной Буковины.
- 16 июля – Директива № 16 германского верховного главнокомандования о подготовке операции "Морской лев" (высадка в Англии).
- 21–22 июля – Начало разработки Германией плана войны против СССР.
– Установление советской власти в Латвии, Литве и Эстонии. Образование Латвийской, Литовской и Эстонской советских социалистических республик.
- 2 августа – Образование Молдавской советской социалистической республики.
- 3–6 августа – Включение Литовской, Латвийской и Эстонской ССР в состав Советского Союза.
- 12 августа – Указ Президиума Верховного Совета СССР об укреплении единоначалия в Красной Армии и Военно-Морском Флоте.
- 20 августа – Директива Главного управления политической пропаганды Красной Армии о перестройке партийно-политической работы в войсках.
- 30 августа – Второй Венский "арбитраж". Присоединение Северной Трансильвании к Венгрии.
- 2 сентября – Англо-американское соглашение о предоставлении Англией США военных баз на Тихом океане.
- 4 сентября – Установление диктатуры Антонеску в Румынии.
- 13–16 сентября – Наступление итальянских войск в Египте.
- 22 сентября – Соглашение между правительством Петэна и Японией об Индокитае.
– Захват Японией Северного Индокитая.
– Начало борьбы народа Индокитая против японских захватчиков.
- 27 сентября – Заключение Берлинского (Тройственного) пакта между Германией, Италией и Японией.
- Октябрь – Введение в действие нового Дисциплинарного устава Красной Армии.
- 2 октября – Указ Президиума Верховного Совета СССР "О государственных трудовых резервах".
- 12 октября – Вступление германских войск в Румынию.
- 22 октября – Постановление СНК СССР о переводе казахской письменности с латинизированного алфавита на русский.
- 28 октября – Вторжение вооруженных сил фашистской Италии в Грецию.
- Ноябрь – Введение воинских званий для рядового и младшего начальствующего состава Красной Армии.
- 6 ноября – Постановление СНК СССР об организации специальных школ в системе народного комиссариата просвещения.
- 12–14 ноября – Визит В.М. Молотова в Берлин по поводу присоединения СССР к Тройственному пакту.
- 20–24 ноября – Присоединение правительств Венгрии, Румынии и Словакии к Тройственному пакту.
- 29 ноября – 7 декабря – Оперативно-стратегические игры в штабе германского верховного главнокомандования по плану нападения на СССР.
- Декабрь – Постановление ЦК ВКП(б) и СНК СССР об изменении порядка комплектования авиационных школ и училищ: отказ от принципа добровольности поступления, увеличена обязательная служба в авиации до 4 лет, выпуск летчиков из училищ сержантами и перевод их на казарменное положение.
- 5 декабря – Рассмотрение на совещании руководящих военных деятелей Германии результатов штабных учений по первому варианту войны против СССР.
- 6–12 декабря – Разработка главным командованием сухопутных войск Германии директивы № 21 – плана "Барбаросса" (плана войны против СССР).
- 9 декабря 1940 г. – 10 февраля 1941 г. – Наступление английских войск в Северной Африке.
- 13 декабря – Приказ правительства Германии относительно операции "Марита" (план вторжения в Грецию).

- 18 декабря – Подписание Гитлером директивы № 21 о войне против СССР (план "Барбаросса").
- 21–31 декабря – Совещание Главного Военного совета Красной Армии по вопросам дальнейшего совершенствования обучения и воспитания войск.

1941 г.

- Январь – Создано Главное управление строительства пороховых, патронных, гильзовых и снарядных заводов – Главбоеприпасстрой.
- 2–6 и 8–11 января – Оперативно-стратегические игры на картах в Генеральном штабе Красной Армии.
- 10 января – Хозяйственное соглашение между СССР и Германией.
- 15 января – 18 мая – Наступление английских войск в Восточной Африке.
- 21 января – Приказ наркома обороны СССР № 30 о боевой и политической подготовке войск на 1941 г.
- 31 января – Утверждение главным командованием сухопутных войск Германии директивы по сосредоточению войск против СССР.
- 15–20 февраля – XVIII конференция ВКП(б), обсудившая задачи партийных организаций в области промышленности и транспорта и план развития народного хозяйства СССР на 1941 г.
- 25 февраля – Постановление ЦК ВКП(б) и СНК СССР "О реорганизации авиационных сил Красной Армии".
- 26 февраля – Подписание соглашения между правительством Петэна и США (соглашение Вейган – Мэрфи).
- Март – Опубликован новый проект Полевого устава Красной Армии.
- 1 марта – Вступление немецких войск в Болгарию и ее присоединение к Тройственному пакту.
- 4 марта – Постановление Главного Военного совета ВМФ о подготовке командных кадров в военно-морских учебных заведениях.
- 21 марта – Образовано Бюро СНК СССР вместо Экономического Совета СНК СССР.
- 24 марта – Постановление политбюро ЦК ВКП(б) об обеспечении строительства и реконструкции аэродромов.
- 27 марта – Утверждение германским командованием директивы № 25 о нападении на Югославию.
- 31 марта – 15 апреля – Наступление итало-немецких войск в Киренаике (Северная Африка).
- Апрель – Формирование в Красной Армии пяти воздушнодесантных корпусов и десяти противотанковых бригад.
- 5 апреля – Подписание советско-югославского договора о дружбе и ненападении.
- 6–17 апреля – Захват немецкими войсками Югославии.
- 6–29 апреля – Захват немецкими войсками Греции.
- 13 апреля – Подписание пакта о нейтралитете между СССР и Японией.
- 18 апреля – Письмо Черчилля Сталину о планах Германии в отношении СССР.
- 29 апреля – Совещание представителей вооруженных сил Германии, обсуждавшее планы экономического ограбления территории СССР. Объявлено о создании военно-хозяйственного штаба "Ольденбург".
- 30 апреля – Решение главного командования вооруженных сил Германии о нападении на СССР 22 июня 1941 г.
- Май – В Красную Армию мобилизовано 800 000 резервистов.
- 5 мая – Выступление Сталина перед выпускниками военных академий.
- 6 мая – Указ Президиума Верховного совета СССР о назначении И.В. Сталина Председателем СНК СССР, его заместителем – В.М. Молотова.
- 9 мая – СССР разорвал дипломатические отношения с эмигрантскими правительствами Бельгии, Норвегии, Югославии.
- 10 мая – Перелет Р. Гесса в Англию.
– Последний налет немецкой авиации на Англию.
- 12 мая – Директива главного командования германских вооруженных сил об обращении с захваченными в плен советскими политическими и военными работниками.

- СССР признал прогерманский режим в Ираке.
- 13 мая – Директива германского правительства «Об особой подсудности в районе "Барбаросса" и об особых мероприятиях войск».
- 13 мая – Распоряжение Генерального штаба Красной Армии о переброске из внутренних округов в приграничные войск трех армий, досрочном выпуске из военных училищ и передислокации части военно-учебных заведений с запада в глубь страны.
- 19 мая – Капитуляция итальянских войск в Эфиопии перед англичанами.
- 20 мая – 1 июня – Завхват немецкими войсками о. Крит.
- Июнь – Директива германского правительства по руководству экономикой в оккупируемых восточных областях ("Зеленая папка Геринга").
- 6 июня – Гитлеровским командованием утверждена инструкция об обращении с политическими комиссарами, требовавшая истребления политработников Красной Армии.
- 10–21 июня – Выход германских войск в исходные районы для нападения на СССР.
- 13 июня – Сообщение ТАСС об опровержении слухов о готовящемся нападении Германии на СССР.
- 16 июня – Постановление ЦК ВКП(б) и СНК СССР об ускорении приведения в боевую готовность укрепленных районов.
- 17 июня – Постановление ЦК ВКП(б) о посылке в армию коммунистов для усиления партийно-политической работы в войсках.
  - Приказ верховного главнокомандования вооруженных сил Германии начать осуществление плана "Барбаросса" с утра 22 июня.
- 18 июня – Заключение договора о дружбе и ненападении между Германией и Турцией.
- 19 июня – Распоряжение НКО командующим Прибалтийского, Западного и Киевского Особых военных округов о выделении управлений фронтов и переводе их на полевые командные пункты.
- 21 июня – Завершение стратегического развертывания немецкой армии у границ СССР.
  - Заседание политбюро ЦК ВКП(б) по военным вопросам.
  - Директива военным советам Ленинградского, Прибалтийского Особого, Западного Особого, Киевского Особого и Одесского военных округов о возможном внезапном нападении немцев.
- 22 июня – Нападении Германии и ее союзников на СССР. Начало Великой Отечественной войны.
  - Объявление Италией войны Советскому Союзу.
  - Выступление по радио заместителя Председателя СНК Союза ССР и народного комиссара иностранных дел СССР В.М. Молотова с правительственным сообщением о нападении Германии на СССР.
  - Указы Президиума Верховного Совета СССР: "О мобилизации военнообязанных по Ленинградскому, Прибалтийскому Особому, Западному Особому, Киевскому Особому, Одесскому, Харьковскому, Орловскому, Московскому, Архангельскому, Уральскому, Сибирскому, Приволжскому, Северо-Кавказскому и Закавказскому военным округам"; "О военном положении"; "Об объявлении в отдельных местностях СССР военного положения"; "Об утверждении Положения о военных трибуналах в местностях, объявленных на военном положении, и в районах военных действий".
  - Преобразование западных приграничных военных округов во фронты: Прибалтийского Особого – в Северо-Западный, Западного Особого – в Западный, Киевского Особого – в Юго-Западный.
  - Директива Главного военного совета военным советам Прибалтийского, Западного, Киевского Особых, Ленинградского и Одесского военных округов (7 час. 15 мин.), предписывающая направить все силы и средства на уничтожение немецких войск в районах, где они нарушили советскую границу.
  - Заявление премьер-министра Великобритании У. Черчилля о поддержке Советского Союза в войне против Германии.
  - середина июля – Начальный период войны. Прибалтийская, Белорусская, Львовско-Черновицкая стратегические оборонительные операции советских войск.

- 22 июня – 20 июля – Героическая оборона Брестской крепости.
- 23 июня – Постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) "О создании Ставки Главного Командования Вооруженных Сил СССР".
– Постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) "О вводе в действие мобилизационного плана по боеприпасам".
- 24–29 июня – Крупнейшее танковое сражение начального периода Великой Отечественной войны в районе Луцк, Броды, Ровно.
- 24 июня – Постановление ЦК ВКП(б) и СНК СССР "О создании Совета по эвакуации".
– Постановление ЦК ВКП(б) о создании советского информационного бюро (Совинформбюро).
– Постановление СНК СССР "Об охране предприятий и учреждений и создании истребительных батальонов".
– Постановление СНК СССР о перемещении в тыл из прифронтовой полосы оборудования и основных кадров авиапромышленности Ленинграда, Риги, Таллина, Могилева, Минска и Днепропетровска.
– Рассмотрение Политбюро ЦК ВКП(б) вопроса о создании танкостроительной промышленности в Поволжье и на Урале.
– Преобразование Ленинградского военного округа в Северный фронт.
– Заявление президента Соединенных Штатов Америки Ф. Рузвельта о готовности американского правительства предоставить помощь Советскому Союзу.
- 25 июня – Директива НКО СССР о создании стратегического фронта обороны на рубеже рек Западная Двина и Днепр.
– Директива НКО СССР о формировании группы армий резерва Главного Командования.
– Директива наркома обороны о создании Южного фронта.
– Постановление СНК СССР "О сдаче населением радиоприемников и передающих устройств".
- 26 июня – Указы Президиума Верховного Совета СССР: "О режиме рабочего времени рабочих и служащих в военное время", "О порядке назначения и выплаты пособий семьям военнослужащих рядового и младшего начальствующего состава в военное время".
– Объявление Финляндией войны Советскому Союзу.
- 26 июня – 2 декабря – Оборона советской военно-морской базы на п-ве Ханко.
- 26 июня – Постановление политбюро ЦК ВКП(б) о мобилизации коммунистов и комсомольцев для усиления партийно-политической работы в частях Красной Армии.
– Объявление Венгрией войны Советскому Союзу.
- 28 июня – Советские войска оставили г. Минск, окружение основных сил Западного фронта.
- 29 июня – Директива СНК СССР и ЦК ВКП(б) партийным и советским организациям прифронтовых областей, содержащая программу мобилизации всех сил и средств страны на отпор фашистским захватчикам.
– Переход в наступление немецких и финских войск на мурманском направлении.
- 29 июня – 10 октября – Стратегическая оборонительная операция советских войск в Заполярье и Карелии.
- 30 июня – Постановление Президиума Верховного Совета СССР, СНК СССР и ЦК ВКП(б) "Об образовании Государственного комитета обороны" (ГКО).
– Советское правительство утвердило мобилизационный народнохозяйственный план на III квартал 1941 г.
– ЦК ВКП(б) Украины создал оперативную группу по развертыванию партизанской борьбы.
– Директива № 1 ЦК ВКП(б) Белоруссии "О переходе на подпольную работу партийных организаций районов, занятых врагом".
– Начало формирования народного ополчения в Ленинграде.
– Директива Ставки ГК об отводе к 9 июля войск Юго-Западного и Южного

- фронтов на рубеж Коростенского, Новоград-Волынского, Шенетовского, Староконстантиновского, Проскуровского и Каменец-Подольского укрепленных районов и организации здесь обороны.
- Официальное обращение руководства Германии к правительству Японии с просьбой начать войну против СССР.
- Июль – Ликвидированы корпусные звенья управления в стрелковых и танковых войсках.
- 1 июля – Постановление СНК СССР: "О расширении прав народных комиссаров СССР в условиях военного времени"; "О всеобщей обязательной подготовке населения к противовоздушной обороне".
  - 2 июля – Переход в наступление немецких и румынских войск с территории Румынии, начало оборонительной операции советских войск в Молдавии (завершилась 26 июля).
    - Начало формирования народного ополчения в Москве.
  - 3 июля – Выступление по радио Председателя Государственного комитета обороны И.В. Сталина.
  - 4 июля – Решение ГКО о разработке военно-хозяйственного плана обеспечения обороны страны с использованием ресурсов и предприятий на Волге, Урале и в Западной Сибири.
  - 5 июля – Постановление ГКО "О создании заводов-дублеров по производству танковых дизелей".
  - 6 июля – Указ Президиума Верховного Совета СССР "Об ответственности за распространение в военное время ложных слухов, возбуждающих тревогу населения".
  - 7 июля – 26 сентября – Киевская стратегическая оборонительная операция советских войск.
  - 10 июля – Постановление ГКО об образовании главкомандований Северо-Западного, Западного и Юго-Западного направлений и преобразовании Ставки Главного Командования в Ставку Верховного Командования.
  - 10 июля – 30 сентября – Ленинградская стратегическая оборонительная операция советских войск, начало битвы за Ленинград (завершилась 1 марта 1944 г.).
  - 10 июля – 10 сентября – Смоленское сражение.
  - 11–27 июля – оборона Могилева.
  - 12 июля – Подписание соглашения между СССР и Великобританией о совместных действиях в войне против Германии.
  - 15 июля – Войска Северного фронта остановили наступление немецких и финских войск на мурманском направлении.
  - 16 июля – Указ Президиума Верховного Совета СССР "О реорганизации органов политической пропаганды и введении института военных комиссаров в Рабоче-Крестьянской Красной Армии". (20 июля 1941 г. указ распространен на Военно-Морской Флот).
    - Постановление ГКО об аресте и предании суду военного трибунала ряда военачальников: Д.Г. Павлова, В.Е. Климовских, А.Т. Григорьева, А.А. Коробкова, И.С. Кособуцкого, М.Б. Салихова, И.Г. Курочкина, С.Г. Галактионова, И.К. Елисеева.
  - 17 июля – Постановление ГКО "О преобразовании органов 3-го управления в особые отделы с правами ареста дезертиров, расстрела на месте, создания вооруженных отрядов из войск НКВД".
  - 18 июля – Постановление ГКО "О мероприятиях по обеспечению Красной Армии теплыми вещами на зимний период 1941/42 г.".
    - Постановление СНК СССР "О введении карточной системы в Москве, Ленинграде и в отдельных городах и пригородных районах Московской и Ленинградской областей".
    - Постановление ЦК ВКП(б) "Об организации борьбы в тылу германских войск".
    - Подписание соглашения между правительствами СССР и Чехословакии о совместной борьбе против Германии и создании на территории СССР чехословацких воинских формирований.
  - 19 июля – Указ Президиума Верховного Совета СССР о назначении И.В. Сталина народным комиссаром обороны.
  - 20 июля – Постановление ЦК ВКП(б) "О плане озимого сева зерновых культур в областях Поволжья, Сибири, Урала и Казахской ССР".

- 22 июля – Отражение первого налета немецкой авиации на Москву.
- 24 июля – НКВД и НКГБ объединены в единый НКВД СССР под руководством Л.П. Берия.
- 24–27 июля – Войска Западного фронта остановили наступление группы армий "Центр" на великолукском направлении и под Ельней.
- 28 июля – Постановление ГКО "Об улучшении работы Генерального Штаба Красной Армии и центральных управлений НКО".
– Введены должности начальника тыла Красной Армии, начальника тыла – заместителя командующего фронтом, армией по тылу.
- 29 июля – Начальником Генерального штаба Красной Армии назначен Маршал Советского Союза Б.М. Шапошников.
- 30 июля – Постановление ГКО "О мероприятиях по развитию добычи и переработки нефти в восточных районах СССР и Туркмении".
– Войска Северного фронта остановили наступление финских армий на петрозаводском и олонцеком направлениях.
– Подписание правительствами СССР и Польши соглашения о взаимной помощи в войне против Германии и формировании польских воинских частей на территории СССР.
- 30 июля – Прибытие в Москву для переговоров с советским правительством советника президента США Г. Гопкинса.
- Август – Переселение немцев Поволжья.
– Создан Еврейский антифашистский комитет.
- 5 августа – 16 октября – Оборона Одессы.
- 5 августа – Восстановление дипломатических отношений между СССР и Норвегией.
- 7 августа – Восстановление дипломатических отношений между СССР и Бельгией.
- 7 августа – 19 октября – Оборона советскими войсками Моонзундского архипелага.
- 8 августа – Преобразование Ставки Верховного Командования в Ставку Верховного Главнокомандования. Назначение И.В. Сталина на пост Верховного Главнокомандующего Вооруженными Силами СССР.
– Первый налет советской авиации на Берлин.
- 10 августа – Заявление советского правительства правительству Турции о готовности СССР оказать ей помощь и содействие в случае нападения на Турцию какой-либо европейской державы.
- 10–11 августа – Первый всеславянский митинг в Москве.
- 16 августа – Приказ Ставки ВГК № 270 "О случаях трусости и сдачи в плен и мерах по пресечению таких действий".
– Постановление ЦК ВКП(б) и СНК СССР об утверждении военно-хозяйственного плана на IV квартал 1941 г. и на 1942 г. по районам Поволжья, Урала, Западной Сибири, Казахстана и Средней Азии.
- 22 августа – Постановление ГКО "О введении водки на снабжение в действующей КА".
- 25 августа – Вступление советских и английских войск на территорию Ирана.
- 30 августа – 8 сентября – Ельнинская наступательная операция Резервного фронта.
- Сентябрь – Создание Комиссии АН СССР по мобилизации ресурсов Урала на нужды войны.
- 6 сентября – Немецкое верховное главнокомандование отдало директиву № 35 о генеральном наступлении на советско-германском фронте.
- 8 сентября – Начало героической борьбы Ленинграда в блокаде.
- 10 сентября – Заявление советского правительства правительству Болгарии о недопустимости использования территории Болгарии в интересах фашистского блока.
- 11 сентября – Постановление СНК СССР "О строительстве промышленных предприятий в условиях военного времени".
- 12 сентября – Директива Ставки ВГК "О создании заградительных отрядов".
- 17 сентября – Постановление ГКО "О всеобщем обязательном обучении военному делу граждан СССР".
- 18 сентября – Приказ народного комиссара обороны о преобразовании 100, 127, 153 и 161-й стрелковых дивизий в 1, 2, 3 и 4-ю гвардейские стрелковые дивизии.
- 21–24 сентября – Групповые налеты германской авиации на корабли Краснознаменного Балтийского флота в Кронштадте.

- 24 сентября – Присоединение СССР к "Атлантической хартии".
- 27 сентября – Заявление советского правительства о признании комитета "Свободная Франция" и о готовности оказать французскому народу всестороннюю помощь и содействие в борьбе против Германии и ее союзников.
- 29 сентября – 1 октября – Московская конференция представителей СССР, США и Англии по вопросам взаимных военных поставок.
- 29 сентября – 16 ноября – Донбасско-Ростовская стратегическая оборонительная операция советских войск.
- 30 сентября – 5 декабря – Московская стратегическая оборонительная операция советских войск. Начало битвы под Москвой (завершилась 20 апреля 1942 г.).
- 6 октября – Постановление ГКО о расстреле в Орловской тюрьме 170 заключенных за террористическую, шпионско-диверсионную и иную контрреволюционную работу, в основном представителей партий меньшевиков и эсеров.
- 8 октября – Постановление ГКО "О подготовке к взрыву предприятий Москвы и Московской области".
- 12 октября – Постановление ГКО о создании Московской зоны обороны.
- 13 октября – Образовано Главное управление оборонного строительства.
– Создано шесть саперных армий.
- 14 октября – Постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) "О посевах в 1942 г. сахарной свеклы на орошаемых землях в колхозах Казахской, Киргизской и Узбекской ССР".
- 15 октября – Постановление ГКО "Об эвакуации столицы СССР г. Москвы и взрыве предприятий, складов и учреждений, метро (исключая водопровод и канализацию)".
- 16 октября – 25 ноября – Тихвинская оборонительная операция советских войск.
- 18 октября – 16 ноября – Крымская оборонительная операция советских войск.
- 19 октября – Постановление ГКО "О введении осадного положения в Москве и прилегающих к ней районах".
- 28 октября – В Куйбышеве расстреляны командующий ПВО Г.М. Штерн, командующий ВВС П.В. Рычагов, командующий Прибалтийским военным округом А.Д. Локтионов, помощник начальника Генерального штаба Красной Армии по ВВС Я.В. Смушкевич.
- 30 октября 1941 г. – 4 июля 1942 г. – Оборона Севастополя.
- Конец октября – начало ноября – Освобождены и реабилитированы ряд военачальников, среди них: заместитель наркома обороны К.А. Мерецков, нарком вооружений Б.Л. Ванников.
- 6 ноября – Торжественное заседание Московского Совета депутатов трудящихся, посвященное 24-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции.
- 7 ноября – Парад войск Красной Армии на Красной площади в Москве.
– Опубликование декларации президента США Ф. Рузвельта о предоставлении Советскому Союзу военных материалов на основании закона о ленд-лизе.
- 9 ноября – Постановление ГКО "О восстановлении производства предприятий черной металлургии, эвакуированных на Урал и в Сибирь, и о наращивании мощности за счет ввода в действие новых агрегатов в ноябре и декабре 1941 г. и в январе 1942 г."
- 10 ноября – 30 декабря – Тихвинская стратегическая наступательная операция советских войск (контрнаступление советских войск под Тихвином).
- 13 ноября – Постановление ГКО "О формировании национальных войсковых соединений (башкир, туркмен, казах, калмык, киргиз, чечен-ингуш, кабардино-балкар)".
- 17 ноября – Постановление политбюро ЦК ВКП(б) "Об организации политотделов в МТС и совхозах".
– Постановление ГКО "О расстреле заключенных, приговоренных к высшей мере наказания, до утверждения приговора высшими судебными инстанциями".
– Постановление ГКО "О предоставлении Особому Совещанию НКВД права назначать меры наказания вплоть до расстрела по ст. 58–59".
– Постановление СНК СССР "Об обеспечении электроэнергией предприятий Поволжья, Урала и Сибири и плане ввода новых мощностей по каждой электростанции".

- Постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) "О производстве и ремонте тракторов, комбайнов, сельскохозяйственных машин, запасных частей и плане сельскохозяйственных работ на 1942 год".
- 17 ноября – 2 декабря – Ростовская стратегическая наступательная операция советских войск (контрнаступление под Ростовом).
- 22 ноября – Открытие ледовой трассы (Дороги жизни) на Ладожском озере. (Движение на трассе прекратилось 21 апреля 1942 г.).
- 24 ноября – Указ Президиума Верховного Совета СССР "Об освобождении от наказания бывших военнослужащих, осужденных за несвоевременную явку в часть и малозначительные должностные, хозяйственные и воинские преступления, совершенные до начала войны, с остатком срока до 3 лет (кроме ст. 58)".
- 25 ноября – Нота советского правительства послам всех стран, имеющих с СССР дипломатические отношения, о зверствах германских властей в отношении советских военнопленных.
- 26 ноября – Указ Президиума Верховного Совета СССР "О преобразовании народного комиссариата общего машиностроения в народный комиссариат минометного вооружения".
- 4 декабря – Опубликование советско-польской декларации о дружбе и взаимной помощи в войне против фашистской Германии.
- 5 декабря 1941 г. – 7 января 1942 г. – Московская стратегическая наступательная операция советских войск (контрнаступление под Москвой).
- 7 декабря – Нападение японских военно-морских сил на военно-морскую базу США Перл-Харбор.
- 8 декабря – Постановление СНК СССР "О развитии добычи угля в восточных районах СССР".
  - Германское командование отдало директиву № 39 о переходе войск к обороне на всем советско-германском фронте.
  - Объявление Японией войны США и Англии.
- 11 декабря – Германия и Италия объявили войну США.
- 13 декабря – Опубликовано сообщение Совинформбюро о провале немецкого плана окружения и взятия Москвы.
- 14 декабря – Постановление ГКО "О разминировании объектов на предприятиях Москвы в связи с изменившейся обстановкой на Западном фронте".
- 25 декабря 1941 г. – 2 января 1942 г. – Керченско-Феодосийская десантная операция советских войск.
- 27 декабря – Созданы специальные лагеря для проверки бывших военнослужащих Красной Армии, вернувшихся из плена или окружения.
- 29 декабря – Постановление Совета Народных Комиссаров СССР "О восстановлении угольных шахт в Подмосковном бассейне".

1942 г.

- 1 января – Подписание в Вашингтоне декларации 26 государств об использовании всех военных и экономических ресурсов этих стран для борьбы против фашистского блока. (Декларация Объединенных Наций.)
- 6 января – Нота наркомата иностранных дел СССР "О повсеместных грабежах, разорении населения и чудовищных зверствах германских властей на захваченной ими советской территории".
- 7 января – 30 апреля – Любанская наступательная операция советских войск.
- 7 января – 20 мая – Демянская наступательная операция советских войск.
- 8 января – 20 апреля – Ржевско-Вяземская стратегическая наступательная операция, общее наступление Красной Армии, окончание битвы под Москвой.
- 10 января – Директивное письмо Ставки ВГК, обобщающее опыт наступательных операций советских войск.
- 18–30 января – Барвенковско-Лозовская наступательная операция советских войск.
- 23 января – Постановление СНК СССР "Об устройстве детей, оставшихся без родителей".
- 28 января – Создана комиссия по изучению проектов послевоенного государственного

- устройства стран Европы, Азии и других частей мира, выдвигаемых иностранными правительствами, политическими партиями и отдельными политическими деятелями.
- 29 января – Заключение договора между СССР, Англией и Ираном о союзе в войне против Германии и ее союзников.
- 12 февраля – Постановление СНК СССР "О развитии добычи воркуто-интинских углей и мероприятиях по обеспечению их вывозки".
- 13 февраля – Указ Президиума Верховного Совета СССР "О мобилизации на период военного времени трудоспособного городского населения для работы на производстве и строительстве".
- 14 февраля – Образован Транспортный комитет при ГКО.
- 15 февраля – Группа партизанских отрядов Смоленской области освободила в тылу врага г. Дорогобуж.
- 20 февраля – Окружение войсками Северо-Западного фронта крупной группировки немецких войск в районе Демянска.
- 21 февраля – Постановление ГКО "О неотложных мерах помощи черной металлургии".
- 2 марта – Постановление СНК СССР "О подготовке МТС Московской, Ленинградской, Калининской, Тульской, Орловской и Курской областей к весеннему севу 1942 г."
- 28 марта – Ставка вермахта рассмотрела план летнего наступления на восточном фронте в 1942 г.
- 28–30 марта – ГКО и Ставка ВГК рассмотрели стратегический план действий советских вооруженных сил на весенне-летний период 1942 г.
- 4–30 апреля – Отражение попыток германской авиации путем нанесения массированных воздушных ударов уничтожить корабли Краснознаменного Балтийского флота.
- 5 апреля – Германское верховное главнокомандование отдало директиву № 41 о подготовке нового наступления на советско-германском фронте.
- 7 апреля – Постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) "О выделении земель для подсобных хозяйств и под огороды рабочих и служащих".
- 9 апреля – ГКО принял постановление о перевозке грузов для Ленинграда и Ленинградского фронта через Ладожское озеро в навигацию 1942 г.
- 13 апреля – Постановление ГКО "О замене во фронтовых, армейских и запасных частях и тыловых узлах связи красноармейцев женщинами".
– Постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) "О порядке мобилизации на сельскохозяйственные работы в колхозы, совхозы и МТС трудоспособного населения городов и сельских местностей".
– Постановление СНК СССР "О повышении для колхозников обязательного минимума трудовой".
- 25 апреля – Постановление СНК СССР "О строительстве электростанций на Урале".
- 26 апреля – ГКО принял постановление о подчинении Главного управления гражданского воздушного флота (ГВФ) командующему ВВС Красной Армии.
- 4 мая – Начало Всесоюзного социалистического соревнования в промышленности.
- 5 мая – Народный комиссар обороны СССР отдал приказ о создании первой воздушной армии фронтовой авиации. Начало перехода советских ВВС на новую организационную структуру.
- 8 мая – Постановление ГКО о формировании гвардейских минометных полков и отдельных гвардейских минометных дивизионов М-8 и М-13.
- 8–19 мая – Керченская оборонительная операция советских войск.
- 12–29 мая – Харьковское сражение советских войск.
- 13 мая – 10 июля – Операция по выводу из окружения 2-й ударной армии Волховского фронта.
- 15 мая – ГКО принял постановление о формировании 18 артиллерийских противотанковых полков.
- 19 мая – ГКО принял постановление об организационном укреплении органов тыла и улучшении снабжения Красной Армии.
– Начало оборонительных боев партизан южного массива Брянских лесов против крупной карательной экспедиции, в которой участвовали 5 пехотных дивизий, полицейские части, 120 танков и авиация.
– Оставление советскими войсками Керченского полуострова.

- 20 мая – Президиум Верховного Совета СССР издал Указ об учреждении ордена Отечественной войны I и II степени.
- 21 мая – Ставка ВГК приняла решение о переходе советских войск к обороне на северо-западном направлении.
– Президиум Верховного Совета СССР издал Указ о введении для военнослужащих гвардейских частей и соединений Красной Армии и Военно-Морского Флота гвардейских воинских званий.
- 26 мая – Подписание в Лондоне договора между СССР и Великобританией о союзе в войне против Германии и ее союзников в Европе и о сотрудничестве и взаимной помощи после войны.
- 30 мая – Постановление ГКО "О создании при Ставке ВГК центрального штаба партизанского движения".
- 30 мая – Начало Всесоюзного социалистического соревнования работников МТС и колхозов.
- Май – июнь – Реорганизация ВВС семи фронтов Красной Армии в семь воздушных армий.
- Июнь – Образована Комиссия Академии наук СССР по мобилизации ресурсов Поволжья и Прикамья.
- 6 июня – Объявление Соединенными Штатами Америки войны Болгарии, Венгрии и Румынии.
- 11 июня – Подписание соглашения между СССР и США о принципах, применимых к взаимной помощи в ведении войны против агрессии.
- 12 июня – Опубликование англо-советского и советско-американского коммюнике о договоренности открыть второй фронт в Европе в 1942 г.
– Заместителем наркома обороны и начальником Главного политического управления РККА вместо Л.З. Мехлиса назначен кандидат в члены политбюро, секретарь ЦК ВКП(б) А.С. Щербаков.
– Установление дипломатических отношений между СССР и Канадой.
- 24 июня – Постановление ГКО "О членах семей изменников Родины".
- 26 июня – Начальником Генерального штаба Красной Армии назначен генерал-полковник А.М. Василевский.
- 28 июня – 24 июля – Воронежско-Ворошиловградская оборонительная операция советских войск.
- 10 июля – Постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) "О создании из урожая 1942 г. хлебного фонда Красной Армии".
– Установление дипломатических отношений между Советским Союзом и Голландией.
- 11 июля – Постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) "Об уборке урожая и заготовках сельскохозяйственных продуктов в 1942 г."
- 12 июля – Директива Ставки ВГК об образовании Сталинградского фронта и ликвидации Юго-Западного фронта.
- 23 июля – 18 ноября – Сталинградская стратегическая оборонительная операция советских войск, начало битвы под Сталинградом (завершилась 2 февраля 1943 г.).
- 25 июля – 31 декабря – Северо-Кавказская стратегическая оборонительная операция советских войск, начало битвы за Кавказ (завершилась 4 февраля 1943 г.).
- 28 июля – Приказ НКО № 227, известный под названием "Ни шагу назад".
- 29 июля – Учреждение ордена Суворова I, II и III степени, ордена Кутузова I и II степени и ордена Александра Невского.
- 18 августа – Опубликовано сообщение о совещании глав правительств СССР и Великобритании в Москве.
- 19 августа – 10 октября – Синявинская наступательная операция советских войск.
- 24 августа – Постановление ГКО "О неотложных мерах по увеличению добычи угля в Кузнецком бассейне".
- 26 августа – СНК СССР принял постановление об учреждении должности заместителя Верховного Главнокомандующего и назначении на эту должность генерала армии Г.К. Жукова.
- 5 сентября – Постановление СНК СССР "Об эксплуатации природного газа Елшанского

месторождения Саратовской области и снабжении этим газом Саратовской ГРЭС".

– Приказ НКО "О задачах партизанского движения".

6 сентября – Главнокомандующим партизанским движением назначен К.Е. Ворошилов.

13 сентября – 19 ноября – Оборонительные бои в Сталинграде.

22 сентября – Постановление ГКО о мероприятиях по всемерному увеличению добычи нефти в восточных районах страны.

28 сентября – Постановление ГКО "Об организации работ по урану".

9 октября – Установление полного единоначалия и упразднение института военных комиссаров в Красной Армии.

13 октября – Постановление ГКО "О подчинении уполномоченных особых отделов и начальников особых отделов соединения командиру части или соединения".

13 октября – Введение единоначалия в Военно-Морском Флоте.

– Установление дипломатических отношений между Советским Союзом и Австралией.

14 октября – Главное командование сухопутных войск Германии издало оперативный приказ № 1 о переходе войск вермахта к стратегической обороне на восточном фронте.

17 октября – Установление дипломатических отношений между Советским Союзом и Кубой.

23 октября – Приказ НКО о выведении Главного разведывательного управления из Генерального штаба и передаче его в НКО.

28 сентября – Приказ НКО о создании штрафных батальонов и рот.

2 ноября – Указ Президиума Верховного Совета СССР "Об образовании Чрезвычайной Государственной Комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников и причиненного ими ущерба гражданам, колхозам, общественным организациям, государственным предприятиям и учреждениям на территории СССР".

12 ноября – Восстановление дипломатических отношений между Советским Союзом и Мексикой.

19 ноября 1942 г. – 2 февраля 1943 г. – Сталинградская стратегическая наступательная операция советских войск (контрнаступление под Сталинградом – начало второго периода Великой Отечественной войны).

ПРИЛОЖЕНИЕ

ДОКУМЕНТЫ 1939–1942 гг.

ДОГОВОР О НЕНАПАДЕНИИ МЕЖДУ ГЕРМАНИЕЙ И СОВЕТСКИМ СОЮЗОМ*

Правительство СССР и
Правительство Германии,

руководимые желанием укрепления дела мира между СССР и Германией и исходя из основных положений договора о нейтралитете, заключенного между СССР и Германией в апреле 1926 года, пришли к следующему соглашению:

Статья I

Обе Договаривающиеся Стороны обязуются воздерживаться от всякого насилия, от всякого агрессивного действия и всякого нападения в отношении друг друга, как отдельно, так и совместно с другими державами.

Статья II

В случае, если одна из Договаривающихся Сторон окажется объектом военных действий со стороны третьей державы, другая Договаривающаяся Сторона не будет поддерживать ни в какой форме эту державу.

Статья III

Правительства обеих Договаривающихся Сторон останутся в будущем в контакте друг с другом для консультации, чтобы информировать друг друга о вопросах, затрагивающих их общие интересы.

Статья IV

Ни одна из Договаривающихся Сторон не будет участвовать в какой-нибудь группировке держав, которая прямо или косвенно направлена против другой Стороны.

Статья V

В случае возникновения споров или конфликтов между Договаривающимися Сторонами по вопросам того или иного рода, обе Стороны будут разрешать эти споры и конфликты исключительно мирным путем в порядке дружеского обмена мнениями или в нужных случаях путем создания комиссий по урегулированию конфликта.

Статья VI

Настоящий договор заключается сроком на десять лет с тем, что, поскольку одна из Договаривающихся Сторон не денонсирует его за год до истечения срока, срок действия договора будет считаться автоматически продленным на следующие пять лет.

---

* Правда. 1939. 24 авг.

Статья VII

Настоящий договор подлежит ратификации в возможно короткий срок. Обмен ратификационными грамотами должен произойти в Берлине. Договор вступает в силу немедленно после его подписания.

Составлен в двух оригиналах, на немецком и русском языках в Москве,
23 августа 1939 года.

**По уполномочию
Правительства СССР
В. Молотов**

**За Правительство
Германии
И. Риббентроп**

СЕКРЕТНЫЙ ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЙ ПРОТОКОЛ*

При подписании Договора о ненападении между Германией и Союзом Советских Социалистических Республик нижеподписавшиеся уполномоченные обеих сторон обсудили в строго конфиденциальном порядке вопрос о разграничении сфер обоюдных интересов в Восточной Европе. Это обсуждение привело к нижеследующему результату:

1. В случае территориально-политического переустройства областей, входящих в состав Прибалтийских государств (Финляндия, Эстония, Латвия, Литва), северная граница Литвы одновременно является границей сфер интересов Германии и СССР. При этом интересы Литвы по отношению Виленской области признаются обеими сторонами.

2. В случае территориально-политического переустройства областей, входящих в состав Польского государства, граница сфер интересов Германии и СССР будет приблизительно проходить по линии рек Нарева, Вислы и Сана.

Вопрос, является ли в обоюдных интересах желательным сохранение независимого Польского Государства и каковы будут границы этого государства, может быть окончательно выяснен только в течение дальнейшего политического развития.

Во всяком случае, оба Правительства будут решать этот вопрос в порядке дружественного обоюдного согласия.

3. Касательно юго-востока Европы с советской стороны подчеркивается интерес СССР к Бессарабии, с германской стороны заявляется о ее полной политической незаинтересованности в этих областях.

4. Этот протокол будет сохраняться обеими сторонами в строгом секрете.

Москва, 23 августа 1939 г.

**Полномочный
представитель
Правительства СССР
В. Молотов**

**За Правительство
Германии
И. Риббентроп**

* Военные архивы России. М., 1993. Вып. 1. С. 71.

германо-советский договор о дружбе и границе между СССР и Германией*

Правительство СССР и Германское Правительство после распада бывшего Польского государства рассматривают исключительно как свою задачу восстановить мир и порядок на этой территории и обеспечить народам, живущим там, мирное существование, соответствующее их национальным особенностям. С этой целью они пришли к соглашению в следующем:

Статья I

Правительство СССР и Германское Правительство устанавливают в качестве границы между обоюдными государственными интересами на территории Польского государства линию, которая нанесена на прилагаемую при сем карту и более подробно будет описана в дополнительном протоколе.

Статья II

Обе Стороны признают установленную в статье I границу обоюдных государственных интересов окончательной и устраняют всякое вмешательство третьих держав в это решение.

Статья III

Необходимое государственное переустройство на территории западнее указанной в статье линии производит Германское Правительство, на территории восточнее этой линии – Правительство СССР.

Статья IV

Правительство СССР и Германское Правительство рассматривают вышеприведенное переустройство как надежный фундамент для дальнейшего развития дружественных отношений между своими народами.

Статья V

Этот договор подлежит ратификации. Обмен ратификационными грамотами должен произойти возможно скорее в Берлине.

Договор вступает в силу с момента его подписания.

Составлен в двух оригиналах, на немецком и русском языках.

Москва, 28 сентября 1939 г.

**По уполномочию
Правительства СССР
В. Молотов**

**За Правительство
Германии
И. Риббентроп**

* Правда. 1939. 29 сент.

КОНФИДЕНЦИАЛЬНЫЙ ПРОТОКОЛ*

Правительство СССР не будет создавать никаких препятствий на пути имперских граждан и других лиц германского происхождения, проживающих на территориях, находящихся в сфере его интересов, если они пожелают переселиться в Германию или на территории, находящиеся в германской сфере интересов. Оно согласно с тем, что подобные перемещения будут производиться уполномоченными Правительства империи в сотрудничестве с компетентными местными властями и что права собственности эмигрантов будут защищены.

Аналогичные обязательства принимаются Правительством Германии в отношении лиц украинского или белорусского происхождения, проживающих на территориях, находящихся под его юрисдикцией.

Москва, 28 сентября 1939 г.

**За Правительство
Германии
И. Риббентроп**

**По уполномочию
Правительства СССР
В. Молотов**

СЕКРЕТНЫЙ ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЙ ПРОТОКОЛ**

Нижеподписавшиеся полномочные представители заявляют о соглашении Правительства Германии и Правительства СССР в следующем:

Секретный дополнительный протокол, подписанный 23 августа 1939 года, должен быть исправлен в пункте I, отражая тот факт, что территория Литовского государства отошла в сферу интересов СССР, в то время когда, с другой стороны, Люблинское воеводство и часть Варшавского воеводства отошли в сферу интересов Германии (см. карту, приложенную к договору о дружбе и границе, подписанному сегодня). Как только Правительство СССР примет специальные меры на литовской территории для защиты своих интересов, настоящая германо-литовская граница, с целью установления естественного и простого пограничного описания, должна быть исправлена таким образом, чтобы Литовская территория, расположенная к юго-западу от линии, обозначенной на приложенной карте, отошла к Германии.

Далее заявляется, что ныне действующее экономическое соглашение между Германией и Литвой не будет затронуто указанными выше мероприятиями Советского Союза.

Москва, 28 сентября 1939 г.

**По уполномочию
Правительства СССР
В. Молотов**

**За Правительство
Германии
И. Риббентроп**

* Оглашению подлежит. СССР – Германия, 1939–1941: Документы и материалы. М. 1991. С. 119.

** Там же.

СЕКРЕТНЫЙ ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЙ ПРОТОКОЛ*

Нижеподписавшиеся полномочные представители, по заключении германо-русского договора о дружбе и границе, заявляют о своем согласии в следующем:

Обе стороны не будут допускать на своих территориях никакой польской агитации, затрагивающей территорию другой стороны. Они будут подавлять на своих территориях все источники подобной агитации и информировать друг друга о мерах, предпринимаемых с этой целью.

Москва, 28 сентября 1939 г.

**По уполномочию
Правительства СССР
В. Молотов**

**За Правительство
Германии
И. Риббентроп**

СЕКРЕТНЫЙ ПРОТОКОЛ**

По уполномочию Правительства Союза ССР Председатель СНК СССР В.М. Молотов, с одной стороны, и по уполномочию Правительства Германии Германский Посол граф фон-дер Шуленбург, с другой стороны, согласились о нижеследующем:

1. Правительство Германии отказывается от своих притязаний на часть территории Литвы, указанную в Секретном Дополнительном Протоколе от 28 сентября 1939 года и обозначенную на приложенной к этому Протоколу карте.

2. Правительство Союза ССР соглашается компенсировать Правительство Германии за территорию, указанную в пункте 1 настоящего Протокола, уплатой Германии суммы 7 500 000 золотых долларов, равной 31 миллиону 400 тысяч германских марок.

Выплата суммы в 31,5 миллионов германских марок будет произведена нижеследующим образом: одна восьмая, а именно: 3 937 500 германских марок, поставками цветных металлов в течение трех месяцев со дня подписания настоящего Протокола, а остальные семь восьмых, а именно 27 562 500 германских марок, золотом, путем вычета из германских платежей золота, которые германская сторона имеет произвести до 11 февраля 1941 года на основании обмена писем, состоявшегося между Народным Комиссаром Внешней Торговли Союза ССР А.И. Микояном и Председателем Германской Экономической делегации г. Шнурре в связи с подписанием "Соглашения от 10 января 1941 года о взаимных товарных поставках на второй договорной период по Хозяйственному Соглашению от 11 февраля 1940 года между Союзом ССР и Германией".

3. Настоящий Протокол составлен в двух оригиналах на русском и в двух оригиналах на немецком языках и вступает в силу немедленно по его подписании.

Москва, 10 января 1941 года.

**По уполномочию
Правительства СССР
В. Молотов**

**За Правительство
Германии
Шуленбург**

* Оглашению подлежит. СССР – Германия, 1939–1941: Документы и материалы. М. 1991. С. 120–121.

** Военные архивы. М., 1993. Вып. 1. С. 118–121.

ЦК ВКП(б)*

товарищу С Т А Л И Н У

В лагерях для военнопленных НКВД СССР и в тюрьмах западных областей Украины и Белоруссии в настоящее время содержится большое количество бывших офицеров польской армии, бывших работников польской полиции и разведывательных органов, членов польских националистических к-р партий, участников вскрытых к-р повстанческих организаций, перебежчиков и др. Все они являются заклятыми врагами советской власти, преисполненными ненависти к советскому строю.

Военнопленные офицеры и полицейские, находясь в лагерях, пытаются продолжить к-р работу, ведут антисоветскую агитацию. Каждый из них только и ждет освобождения, чтобы иметь возможность активно включиться в борьбу против советской власти.

Органами НКВД в западных областях Украины и Белоруссии вскрыт ряд к-р повстанческих организаций. Во всех этих к-р организациях активную руководящую роль играли бывшие офицеры бывшей польской армии, бывшие полицейские и жандармы.

Среди задержанных перебежчиков и нарушителей госграницы также выявлено значительное количество лиц, которые являются участниками к-р шпионских и повстанческих организаций.

В лагерях для военнопленных содержится всего (не считая солдат и унтер-офицерского состава) – 14 736 бывших офицеров, чиновников, помещиков, полицейских, жандармов, тюремщиков, осадников и разведчиков – по национальности свыше 97 проц. поляки.

Из них:

Генералов, полковников и подполковников	– 295.
Майоров и капитанов	– 2080.
Поручиков, подпоручиков и хорунжих	– 6049.
Офицеров и младших командиров полиции, пограничной охраны и жандармерии	– 1030.
Рядовых полицейских, жандармов, тюремщиков и разведчиков	– 5138.
Чиновников, помещиков, ксендзов и осадников	– 144.
В тюрьмах западных областей Украины и Белоруссии всего содержится арестованных (из них 10 685 поляки), в том числе:	–18 632
Бывших офицеров	– 1207.
Бывших полицейских, разведчиков и жандармов	– 5141.
Шпионов и диверсантов	– 347.
Бывших помещиков, фабрикантов и чиновников	– 465.
Членов различных к-р и повстанческих организаций и разного к-р элемента	– 5345.
Перебежчиков	– 6127.

Исходя из того, что все они являются закоренелыми, неисправимыми врагами советской власти, НКВД СССР считает необходимым:

I. Предложить НКВД СССР:

1) Дела о находящихся в лагерях для военнопленных 14 700 человек бывших польских офицеров, чиновников, помещиков, полицейских, разведчиков, жандармов, осадников и тюремщиков,

2) а также дела об арестованных и находящихся в тюрьмах западных областей Украины и Белоруссии в количестве 11 000 человек членов различных к-р шпионских и диверсионных организаций, бывших помещиков, фабрикантов, бывших польских офицеров, чиновников и перебежчиков

– рассмотреть в особом порядке, с применением к ним высшей меры наказания – расстрела.

II. Рассмотрение дел провести без вызова арестованных и без предъявления обвинения, постановления об окончании следствия и обвинительного заключения – в следующем порядке:

* Военные архивы России. М., 1993. Вып. 1. С. 124–125.

а) на лиц, находящихся в лагерях военнопленных – по справкам, представляемым Управлением по делам военнопленных НКВД СССР,

б) на лиц, арестованных – по справкам из дел, представляемым НКВД УССР и НКВД БССР.

III. Рассмотрение дел и вынесение решения возложить на тройку, в составе тт. МЕРКУЛОВА, КОБУЛОВА*, БАШТАКОВА (начальник 1-го спецотдела НКВД СССР).

Народный комиссар внутренних дел Союза ССР

Подлежит возврату в течение
24 часов во 2-ю часть
Особого Сектора ЦК.

(Л. Берия)**
(Пост. ПБ ЦК от 5.V.27 г.
пр. № 100, п. 5)

строго секретно
(Из. О.П.)

ВСЕСОЮЗНАЯ КОММУНИСТИЧЕСКАЯ ПАРТИЯ (большевиков) ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КОМИТЕТ***

№ П13/144
5 марта 1930 г.****

Тов. Б е р и я

Выписка из протокола № 13 заседания Политбюро ЦК от _____ 193 _____ г.

Решение от 5.III.40 г.

144. Вопрос НКВД СССР

I. Предложить НКВД СССР:

1) Дела о находящихся в лагерях для военнопленных 14 700 человек бывших польских офицеров, чиновников, помещиков, полицейских, разведчиков, жандармов, осадников и тюремщиков,

2) а также дела об арестованных и находящихся в тюрьмах западных областей Украины и Белоруссии в количестве 11 000 человек членов различных к-р шпионских и диверсионных организаций, бывших помещиков, фабрикантов, бывших польских офицеров, чиновников и перебежчиков – рассмотреть в особом порядке, с применением к ним высшей меры наказания – расстрела.

II. Рассмотрение дел провести без вызова арестованных и без предъявления обвинения, постановления об окончании следствия и обвинительного заключения – в следующем порядке:

а) на лиц, находящихся в лагерях военнопленных – по справкам, представляемым Управлением по делам военнопленных НКВД СССР,

б) на лиц, арестованных – по справкам из дел, представляемым НКВД УССР и НКВД БССР.

* В пункте III фамилия Берия вычеркнута, вписана чернилами фамилия Кобулова.

** На первой странице документа подписи И.В. Сталина, К.Е. Ворошилова, В.М. Молотова, А.И. Микояна. М.И. Калинин и Л.М. Каганович на заседании отсутствовали, но высказались "за".

*** Военные архивы России. М., 1993. Вып. 1. С. 126.

**** Так в документе.

III. Рассмотрение дел и вынесение решения возложить на тройку, в составе тт. Меркулова, Кобулова и Баштакова (начальника 1-го спецотдела НКВД СССР).

СЕКРЕТАРЬ ЦК

Пр и м е ч а н и е: на выписке из протокола стоит резолюция «Изъято из протокола "ОП" 4.III.1970 года М. закрытый пакет. Согласовано с т. Черненко К.У.» Подпись неразборчива.

ИЗ ПЕРЕПИСКИ ПОСЛА ГЕРМАНИИ В СССР Ф. ШУЛЕНБУРГА С МИНИСТЕРСТВОМ ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ ГЕРМАНИИ*

162. ПОСОЛ ШУЛЕНБУРГ – В МИД ГЕРМАНИИ

2 мая 1941 г.

Я и высшие чиновники моего посольства постоянно боремся со слухами о неминуемом немецко-русском военном конфликте, так как ясно, что эти слухи создают препятствия для продолжающегося мирного развития германо-советских отношений. Пожалуйста, имейте в виду, что попытки опровергнуть эти слухи здесь, в Москве, остаются неэффективными поневоле, если эти слухи беспрестанно поступают сюда из Германии и если каждый прибывающий в Москву или проезжающий через Москву не только привозит эти слухи, но может даже подтвердить их ссылкой на факты.

163. ПОСОЛ ШУЛЕНБУРГ – В МИД ГЕРМАНИИ.

7 мая 1941 г.

Сталин, сменив Молотова на посту Председателя Совета Народных Комиссаров СССР, таким образом возглавил правительство Советского Союза. Молотов занял должность заместителя председателя Совета Народных Комиссаров и наркома иностранных дел.

...Я убежден, что Сталин использует свое новое положение для того, чтобы принять личное участие в деле сохранения и развития хороших отношений между СССР и Германией.

164. ПОСОЛ ШУЛЕНБУРГ – В МИД ГЕРМАНИИ

24 мая 1941 г.

22 мая я посетил Молотова для обсуждения с ним ведущихся переговоров по вопросам культуры, освобождения заключенных и т.д. Молотов принял меня в Кремле в том же кабинете, который был у него ранее, в своей привычной обстановке. Он был так же любезен, самоуверен и хорошо информирован, как и всегда. Единственным изменением была вывеска при входе с новой надписью: "Молотов – заместитель председателя Совета Народных Комиссаров". Ничто не указывало на то, что поколеблена его позиция при Сталине или что уменьшилось его влияние как народного комиссара иностранных дел.

Это и другие наблюдения, сделанные здесь со времени принятия Сталиным высшей государственной власти, показывают, что двое самых сильных людей в Советском Союзе – Сталин и Молотов – удерживают позиции, являющиеся самыми важными для внешней политики СССР. То, что эта внешняя политика, прежде всего, направлена на предотвращение столкновения с Германией, доказывается позицией, занятой советским правительством в последние недели, тоном советской прессы, которая рассматривает все события, касающиеся Германии, в не вызывающей возражений форме, и соблюдением экономических соглашений, заключенных с Германией.

* СССР–Германия, 1939–1941: Сб. документов. М., 1983. С. 161, 162, 165; Канун и начало войны: Документы и материалы. Л., 1991. С. 226, 227.

ИЗ ДОНЕСЕНИЯ ПОМОЩНИКА ВОЕННОГО АТТАШЕ США В СССР О СОСТОЯНИИ КРАСНОЙ АРМИИ НАКАНУНЕ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ*

секретно

Отдел военной разведки Военного министерства, Генеральный штаб
Донесение военного атташе в СССР

Предмет: Вооруженные силы (Общий обзор)

Источник и степень надежности: Советские военные публикации; советская пресса; инспекционные поездки и визуальные наблюдения, собеседования с коллегами, другие наблюдения.

Краткое содержание донесения: Оценка боеспособности Красной Армии.

В сравнении с высокомоторизованными, боеспособными, современными армиями, уже созданными и создаваемыми в различных странах мира, боеспособность Красной Армии в настоящее время находится на относительно низком уровне.

Руководство армии состоит из необразованных и даже невежественных людей. В результате чистки 1938 г. из армии были изгнаны способные военачальники, что сделало ее сегодняшний высший командный состав в качественном отношении неполноценным. Офицерский корпус в целом может быть охарактеризован подобным же образом, за исключением офицеров молодого возраста. Возросшее значение, придаваемое последние десять лет системе военных училищ, подняло образовательный уровень среди половины офицеров молодого возраста – но в этом отношении еще предстоит сделать очень много.

Источник формирования живой силы не вызывает беспокойства и взятый в отдельности рекрут становится хорошим и храбрым солдатом, но он недостаточно находчив и сообразителен. Надо отметить, однако, что были предприняты усилия, направленные на то, чтобы солдаты и офицеры принадлежали к наилучшим образом обеспеченной группе населения страны. В целом мораль военнослужащих находится на высоком уровне и их лояльность должна приниматься во внимание. Тем не менее в случае нападения немцев должны быть приняты в расчет определенные негативные последствия немецкого влияния в Прибалтике в сочетании с сепаратистскими движениями на Украине. Мусульманские влияния на Кавказе следует тоже учитывать в случае нападения на среднеазиатские государства.

Пехоту следует оценить как род войск, способный выполнять приказы командования, но нельзя сказать, что она делает это хорошо. Она испытывает недостаток способных командиров и недостаточно хорошо обучена. Военное обучение страдает от климатических условий, а также из-за того, что многие гарнизоны расположены в сердце городов и поселков. Огневая мощь дивизии слишком низка, а численность дивизии слишком большая и (неразборчиво. – *Ред.*).

Кавалерия может быть охарактеризована как хорошая, хотя она и лишена современных вспомогательного оружия и транспортных средств. Лучшая часть ее лошадей – это рослые и подвижные животные арабской породы, а остальная часть – небольшие, но крепкие и выносливые монгольские пони, способные переносить большие лишения. Внешний вид животных свидетельствует, что с ними плохо обращаются. Недостаток автоматического оружия, артиллерии поддержки и автотранспорта делает советскую кавалерию уязвимой для механизированных войск противника. Она вооружена винтовками, пистолетами и саблями.

Артиллерия имеет в достаточном количестве устаревшее снаряжение, но очень немного такого, которое является современным. Техника ведения огня может быть оценена как превосходная.

Танковые войска, как представляется, находятся в отличном состоянии, но они не располагают достаточным количеством современных тяжелых танков. Вооружение средних танков оставляет желать лучшего, и все ненадежны с точки зрения механики. Существует огромная нехватка хороших механиков-водителей и ремонтных средств.

* Геополитика и безопасность. 1993. № 1. С. 162–164.

Противовоздушная оборона является слабой с точки зрения оснащения ее современным снаряжением. Очень сомнительно, что ее вооружение может быть достаточно эффективным.

Автомобильный транспорт устаревшего типа и не рассчитан на эксплуатацию в тяжелых военных условиях. У Красной Армии нет легких автомобилей-вездеходов. В качестве таковых используются автомобили Форда модели 1933–1934 гг. Так же как и в случае с танковыми войсками и здесь наблюдается нехватка водителей и ремонтных средств. Тип и состояние автомобилей плюс состояние внутренней дорожной сети делают очень сомнительным успешное использование мотопехоты. Таким же образом они оказывают влияние на всю систему тылового снабжения. Если добавить к этому неразвитую сеть шоссе и дорог, а также слабую железнодорожную систему вместе с тихоходным и устаревшим грузовым транспортом, то мы можем сделать почти заранее предпрешенный вывод – система тылового обеспечения Красной Армии в случае войны рухнет. Эта армия не в состоянии сегодня передвигаться быстрее, чем она могла это делать тридцать лет назад.

Калибр противотанковых пушек слишком мал, а их число невелико. Есть сведения, что освоено производство 150-мм противотанковых пушек, но маловероятно, что их будет произведено достаточно и достаточно скоро, имея в виду возможное вовлечение СССР в военный конфликт в ближайшем будущем.

ВВС оснащены небольшим числом бомбардировщиков дальнего действия, имеется только один тип бомбардировщика, способного действовать ночью (ДБ-3). Они имеют на вооружении хороший скоростной истребитель и недавно освоенный новый скоростной бомбардировщик, но и тех, и других по числу очень немного, производство же наращивается медленно. Большая часть самолетов устаревших моделей и находится в изношенном состоянии.

Короче говоря, самая большая слабость Советской Армии состоит в недостатке современного снаряжения, вооружения и техники. В качественном и количественном отношении она нуждается в усилении современными самолетами, артиллерией и автотранспортом.

Эти недостатки снижают ее воздушную мощь, огневую мощь и мобильность. Она не сможет противостоять действующей в наступательном духе, высокоподвижной армии, оснащенной современным снаряжением и вооружением. Однако плохие дороги и огромные пространства страны могут стать труднопроходимыми препятствиями даже для современной армии вторжения.

Этот анализ проделан на базе тщательного изучения русского народа и того, что доступно для обозрения на улицах городов и во время военных парадов. Никто из сотрудников нашей группы военных специалистов не видел действия Красной Армии во время маневров.

Трудно говорить о боеспособности Красной Армии, базой которой является страна, все еще фактически безграмотная и отсталая с точки зрения технического оснащения. Общая эффективность, характерная для всех сфер экономической жизни страны, приводит именно к такому выводу. Он не может рассматриваться как целиком опирающийся на информацию, полученную из первых рук.

Джозеф А. Мишела,
Майор, Кавалерия
Помощник военного атташе

Из: Отдел военного атташе, Москва, СССР, 16 июня 1941 г.

В: Объединенный Комитет Начальников Штабов, Джи-2, Военное министерство, Вашингтон, Округ Колумбия.

1. ^а полностью согласен с оценкой, высказанной выше

Иван Д. Итон,
Майор, Ф.А.,
Военный атташе

ДЕКЛАРАЦИЯ ГИТЛЕРА*

БЕРЛИН, 22 июня (ТАСС). Гитлер опубликовал следующую декларацию: Германский народ, национал-социалисты: После тяжелых размышлений, когда я был вынужден молчать в течение долгих месяцев, наконец наступил момент, когда я могу говорить с полной откровенностью...

...принимая на себя тяжелые обязательства, я служу делу мира в этом районе...

...Москва предательски нарушила условия, которые составляли предмет нашего пакта о дружбе. Делая все это, правители Кремля притворялись до последней минуты, симулируя позицию мира и дружбы, так же, как это было в отношении Финляндии и Румынии. Они сочинили опровержение, производившее впечатление невинности. В то время как до сих пор обстоятельства заставляли меня хранить молчание, теперь наступил момент, когда выжидательная политика является не только грехом, но и преступлением, нарушающим интересы германского народа, а следовательно, и всей Европы. Сейчас, приблизительно, 160 русских дивизий находятся на нашей границе. В течение ряда недель происходили непрерывные нарушения этой границы, причем не только на нашей территории, но и на крайнем севере Европы и в Румынии. Советские летчики развлекались тем, что не признавали границ, очевидно, чтобы нам доказать таким образом, что они считают себя уже хозяевами этих территорий. Ночью 18 июня русские патрули снова проникли на германскую территорию и были отеснены лишь после продолжительной перестрелки. Теперь наступил час, когда нам необходимо выступить против этих иудейско-англосаксонских поджигателей войны и их помощников, а также евреев из московского большевистского центра.

Осуществляется концентрация войск, которая по своим масштабам и по своему территориальному охвату является величайшей, какая когда-либо имела место в мире. Сотрудничая со своими финскими товарищами, соратники победителей Нарвика держат берега Ледовитого океана. Германские дивизии под командованием победителя Норвегии охраняют финляндскую землю вместе с героями финляндских битв за освобождение, действующими под руководством своего маршала. От Восточной Пруссии до Карпат располагаются формирования германского восточного фронта. На берегах Прута, на нижнем течении Дуная до берегов Черного моря находятся германские и румынские солдаты под командованием генерала Антонеску, главы румынского государства: в задачу этого фронта входит уже не защита отдельных стран, а обеспечение безопасности Европы и, следовательно, защита всех стран Европейского континента. Таким образом, я решил сегодня передать судьбу государства и нашего народа в руки наших солдат. Да поможет нам Бог в этой важнейшей борьбе!

---

* Великая Отечественная война: 50 лет / Приложение к календарю дат и событий. М., 1991. Вып. 1. С. 32-33.

**КОМАНДУЮЩИМ 3, 4, 10-й АРМИЙ,
ПЕРЕДАЮ ПРИКАЗ НАРКОМА ОБОРОНЫ
ДЛЯ НЕМЕДЛЕННОГО ИСПОЛНЕНИЯ^{1*}**

1. В течение 22–23.6.41 г. возможно внезапное нападение немцев на фронтах ЛВО, ПРИБОВО, ЗАПОВО, КОВО, ОДВО.

Нападение немцев может начаться с провокационных действий.

2. Задача наших войск не поддаваться ни на какие провокационные действия, могущие вызвать крупные осложнения.

Одновременно войскам ЛВО, ПРИБОВО, КОВО и ОДВО быть в полной боевой готовности встретить внезапный удар немцев или их союзников.

3. Приказываю:

а) в течение ночи на 22.6.41 г. скрытно занять огневые точки укрепленных районов на государственной границе;

б) перед рассветом 22.6.41 г. рассредоточить по полевым аэродромам всю авиацию, в том числе и войсковую, тщательно ее замаскировать;

в) все части привести в боевую готовность, без дополнительного подъема приписного состава. Подготовить все мероприятия по затемнению городов и объектов.

Никаких других мероприятий без особого распоряжения не проводить.

/Тимошенко/
/Павлов^{2*}/

/Климовских^{4*}/

/Жуков/
/Фоминых^{3*}/

**ВОЕННЫМ СОВЕТАМ ЛВО, ПРИБОВО, ЗАПОВО, КОВО, ОДВО
Копия: НАР. КОМ. ВОЕН.-МОР. ФЛОТА^{5*}**

22 июня 1941 г. 04 часа утра немецкая авиация без всякого повода совершила налеты на наши аэродромы и города вдоль западной границы и подвергла их бомбардировке.

Одновременно в разных местах германские войска открыли артиллерийский огонь и перешли нашу границу.

В связи с неслыханным по наглости нападением со стороны Германии на Советский Союз ПРИКАЗЫВАЮ:

1. Войскам всеми силами и средствами обрушиться на вражеские силы и уничтожить их в районах, где они нарушили советскую границу.

Впредь, до особого распоряжения, наземными войсками границу не переходить.

2. Разведывательной и боевой авиацией установить места сосредоточения авиации противника и группировку его наземных войск.

Мощными ударами бомбардировочной и штурмовой авиации уничтожить авиацию на аэродромах противника и разбомбить группировки его наземных войск.

Удары авиацией наносить на глубину германской территории до 100–150 км

Разбомбить Кенигсберг и Мемель.

На территорию Финляндии и Румынии до особых указаний налетов не делать.

ТИМОШЕНКО

ЖУКОВ

МАЛЕНКОВ

№ 2 22. 6. 1941 г. 7. 15

^{1*} Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации. Ф. 208. Оп. 2513. Д. 71. Л. 69. Подлинник.

^{2*} Командующий войсками Западного Особого военного округа, с 22.6.41 г. командующий войсками Западного фронта.

^{3*} С 22.6.41 г. член Военного совета Западного фронта.

^{4*} С 22.6.41 г. начальник штаба Западного фронта.

^{5*} Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации. Ф. 132а. Оп. 2642. Д. 41. Л. 1, 2.

ВОЕННЫМ СОВЕТАМ СЕВЕРО-ЗАПАДНОГО, ЗАПАДНОГО, ЮГО-ЗАПАДНОГО И ЮЖНОГО ФРОНТОВ!^{1*}

№ 3

22. 6.41

Карта 1.000.000

1. Противник, нанося главные удары из Сувалковского^{2*} выступа на Олита^{3*} и из района Замостье на фронте Владимир-Волынский, Радзехов^{4*} вспомогательные удары в направлениях Гильзит, Шауляй и Седлец, Волковыск, в течение 22. 6, понеся большие потери, достиг небольших успехов на указанных направлениях.

На остальных участках госграницы с Германией и на всей госгранице с Румынией атаки противника отбиты с большими для него потерями.

Ближайшей задачей войск на 23–24. 6 ставлю:

а) концентрическими сосредоточенными ударами войск Северо-Западного и Западного фронтов окружить и уничтожить сувалкскую группировку противника и к исходу 24. 6 овладеть районом Сувалки;

б) мощными концентрическими ударами механизированных корпусов, всей авиации Юго-Западного фронта и других войск 5 и 6 А окружить и уничтожить группировку противника, наступающую в направлении Владимир-Волынский, Броды. К исходу 24. 6 овладеть районом Люблин.

3. Приказываю:

а) Армиям Северного фронта продолжать прочное прикрытие госграницы.

Граница слева – прежняя.

б) Армиям Северо-Западного фронта, прочно удерживая побережье Балтийского моря, нанести мощный контрудар из района Каунас во фланг и тыл сувалкской группировки противника, уничтожить ее во взаимодействии с Западным фронтом и к исходу 24. 6 овладеть районом Сувалки.

Граница слева – прежняя.

в) Армиям Западного фронта, сдерживая противника на варшавском направлении, нанести мощный контрудар силами не менее двух мехкорпусов и авиации фронта во фланг и тыл сувалкской группировки противника, уничтожить ее совместно с Северо-Западным фронтом и к исходу 24. 6 овладеть районом Сувалки.

Граница слева – прежняя.

г) Армиям Юго-Западного фронта, прочно удерживая госграницу с Венгрией, концентрическими ударами в общем направлении на Люблин силами 5 и 6 А, не менее пяти мехкорпусов и всей авиации фронта, окружить и уничтожить группировку противника, наступающую на фронте Владимир-Волынский, Крыстынополь, к исходу 24. 6 овладеть районом Люблин. Прочно обеспечить себя с краковского направления.

д) Армиям Южного фронта не допустить вторжения противника на нашу территорию. При попытке противника нанести удар в черновицком направлении или форсировать рр. Прут и Дунай мощными фланговыми ударами наземных войск во взаимодействии с авиацией уничтожить его; двумя мехкорпусами в ночь на 23. 6 сосредоточиться в районе Кишинев и лесов северо-западнее Кишинева.

4. На фронте от Балтийского моря до госграницы с Венгрией разрешаю переход госграницы и действия, не считаясь с границей.

5. Авиации Главного Командования:

а) поддержать Северо-Западный фронт одним вылетом 1-го ав. корп. ДД и Западный фронт одним вылетом 3-го ав. корп. ДД на период выполнения ими задачи по разгрому сувалкской группировки противника;

б) включить в состав Юго-Западного фронта 18-ю авиадивизию ДД и поддержать Юго-Западный фронт одним вылетом 2-го ав. корпуса ДД на период выполнения им задачи по разгрому люблинской группировки противника;

в) 4-й ав. корпус ДД оставить в моем распоряжении в готовности содействовать главной группировке Юго-Западного фронта и частью сил Черноморскому флоту.

Народный Комиссар Обороны Союза ССР

Маршал Советского Союза

Тимошенко

**Начальник Генерального штаба Красной Армии
генерал армии Жуков**

Член Главного

Военного Совета

Маленков

Отправлена 21.15. 22.6. 1941 г.

^{1*} ЦАМО. Ф. 48а. Оп. 1554. Д. 90. Л. 260–262. Заверенная копия.

^{2*} Сувалкского.

^{3*} Алитус.

^{4*} Радехов.

^{5*} Отправлена 21.15. 22.6. 1941 г.

ДИРЕКТИВА
СОВНАРКОМА СОЮЗА ССР И ЦК ВКП(б)
ПАРТИЙНЫМ И СОВЕТСКИМ ОРГАНИЗАЦИЯМ
ПРИФРОНТОВЫХ ОБЛАСТЕЙ*

Вероломное нападение фашистской Германии на Советский Союз продолжается. Целью этого нападения является уничтожение советского строя, захват советских земель, порабощение народов Советского Союза, ограбление нашей страны, захват нашего хлеба, нефти, восстановление власти помещиков и капиталистов. Враг уже вторгся на советскую землю, захватил большую часть Литвы с городами Каунас и Вильнюс, захватил часть Латвии, Брестскую, Белостокскую, Вилейскую области Советской Белоруссии и несколько районов Западной Украины. Опасность нависла над некоторыми другими областями. Германская авиация расширяет территорию бомбежки, подвергая бомбардировкам города – Ригу, Минск, Оршу, Могилев, Смоленск, Киев, Одессу, Севастополь, Мурманск.

В силу навязанной нам войны наша страна вступила в смертельную схватку со своим опасным и коварным врагом – немецким фашизмом. Наши войска героически сражаются с врагом, вооруженным до зубов танками, авиацией, Красная Армия, преодолевая многочисленные трудности, самоотверженно бьется за каждую пядь советской земли.

Несмотря на создавшуюся серьезную угрозу для нашей страны, некоторые партийные, советские, профсоюзные и комсомольские организации и их руководители все еще не понимают смысла этой угрозы, еще не осознали значение этой угрозы, живут благодушно-мирными настроениями и не понимают, что война резко изменила положение, что наша родина оказалась в величайшей опасности и что мы должны быстро и решительно перестроить всю свою работу на военный лад.

Совнарком СССР и ЦК ВКП(б) обязывают все партийные, советские, профсоюзные и комсомольские организации покончить с благодушием и беспечностью и мобилизовать все наши организации и все силы народа для разгрома врага, для беспощадной расправы с ордами напавшего германского фашизма.

Совнарком Союза ССР и ЦК ВКП(б) требуют от вас:

1) В беспощадной борьбе с врагом отстаивать каждую пядь советской земли, драться до последней капли крови за наши города и села, проявлять смелость, инициативу и сметку, свойственные нашему народу.

2) Организовать всестороннюю помощь действующей армии, обеспечить организованное проведение мобилизации запасных, обеспечить снабжение армии всем необходимым, быстрое продвижение транспортов с войсками и военными грузами, широкую помощь раненым предоставлением под госпитали больницы, школ, клубов, учреждений.

3) Укрепить тыл Красной Армии, подчинив интересам фронта всю свою деятельность, обеспечить усиленную работу всех предприятий, раз'яснить трудящимся их обязанности и создавшееся положение, организовать охрану заводов, электростанций, мостов, телефонной и телеграфной связи, организовать беспощадную борьбу со всякими дезорганизаторами тыла, дезертирами, паникерами, распространителями слухов, уничтожать шпионов, диверсантов, вражеских парашютистов, оказывая во всем этом быстрое содействие истребительным батальонам. Все коммунисты должны знать, что враг коварен, хитер, опытен в обмане и распространении ложных слухов, учитывать все это в своей работе и не поддаваться на провокации.

4) При вынужденном отходе частей Красной Армии угонять подвижной железнодорожный состав, не оставлять врагу ни одного паровоза, ни одного вагона, не оставлять противнику ни килограмма хлеба, ни литра горючего. Колхозники должны угонять скот, хлеб сдавать под сохранность государственным органам для вывозки его в тыловые районы. Все ценное имущество, в том числе цветные металлы, хлеб и горючее, которое не может быть вывезено, должно безусловно уничтожаться.

5) В занятых врагом районах создавать партизанские отряды и диверсионные группы для борьбы с частями вражеской армии, для разжигания партизанской войны всюду и

---

* Великая Отечественная война: 50 лет / Приложение к календарю дат и событий. М., 1991. Вып. 1. С. 48–49.

езде, для взрыва мостов, дорог, порчи телефонной и телеграфной связи, поджога складов и т.д. В захваченных районах создавать невыносимые условия для врага и всех его пособников, преследовать и уничтожать их на каждом шагу, срывать все их мероприятия.

Для руководства всей этой деятельностью заблаговременно, под ответственность первых секретарей обкомов и райкомов создавать из лучших людей надежные подпольные ячейки и явочные квартиры в каждом городе, районном центре, рабочем поселке, железнодорожной станции, в совхозах и колхозах.

б) Немедленно предавать суду Военного трибунала всех тех, кто своим паникерством и трусостью мешает делу обороны, – невзирая на лица.

Совнарком СССР и ЦК ВКП(б) заявляют, что в навязанной войне с фашистской Германией решается вопрос о жизни и смерти Советского государства, о том – быть народам Советского Союза свободными или впасть в порабощение.

Теперь все зависит от нашего умения быстро организоваться и действовать, не теряя ни минуты времени, не упуская ни одной возможности в борьбе с врагом.

Задача большевиков – сплотить весь народ вокруг партии Ленина – Сталина, вокруг советского правительства для самоотверженной поддержки Красной Армии, для победы.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ СОВНАРКОМА СССР

и СЕКРЕТАРЬ ЦК ВКП(б)

И. СТАЛИН

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ПРЕДСЕДАТЕЛЯ

СОВНАРКОМА СССР

В. МОЛОТОВ

29 июня 1941 года

№ П509

Экз. № _____

сов. секретно

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ КОМИТЕТ ОБОРОНЫ

ПОСТАНОВЛЕНИЕ № ГКО-169сс

(№ 00381)*

от "16" июля 1941 г.

Москва, Кремль

Государственный Комитет Оборона устанавливает, что части Красной Армии в боях с германскими захватчиками в большинстве случаев высоко держат великое знамя Советской власти и ведут себя удовлетворительно, а иногда прямо героически, отстаивая родную землю от фашистских грабителей.

Однако наряду с этим Государственный Комитет Оборона должен признать, что отдельные командиры и рядовые бойцы проявляют неустойчивость, паникерство, позорную трусость, бросают оружие и, забывая свой долг перед Родиной, грубо нарушают присягу, превращаются в стадо баранов, в панике бегущих перед обнаглевшим противником.

Воздавая честь и славу отважным бойцам и командирам, Государственный Комитет Оборона считает вместе с тем необходимым, чтобы были приняты меры против трусов, паникеров, дезертиров.

Паникер, трус, дезертир хуже врага, ибо он не только подрывает наше дело, но и порочит честь Красной Армии. Поэтому расправа с паникерами, трусами и дезертирами и восстановление воинской дисциплины является нашим священным долгом, если мы хотим сохранить незапятнанным великое звание воина Красной Армии.

Исходя из этого Государственный Комитет Оборона, по представлению главнокомандующих и командующих фронтами и армиями, арестовал и предал суду военного трибунала за позорящую звание командира трусость, бездействие власти, отсутствие распорядительности, развал управления войсками, сдачу оружия противнику без боя и самовольное оставление боевых позиций:

- 1) бывшего командующего Западным фронтом генерала армии Павлова;
- 2) бывшего начальника штаба Западного фронта генерал-майора Климовских;
- 3) бывшего начальника связи западного фронта генерал-майора Григорьева;

* Российский центр хранения и изучения документов новейшей истории. Ф. 644. Оп. 1. Д. 3. Л. 95–96.

4) бывшего командующего 4-й армией Западного фронта генерал-майора Коробкова;

5) бывшего командира 41-го стрелкового корпуса Северо-Западного фронта генерал-майора Кособуцкого;

6) бывшего командира 60-й горнострелковой дивизии Южного фронта генерал-майора Селихова*;

7) бывшего заместителя командира 60-й горнострелковой дивизии Южного фронта полкового комиссара Курочкина;

8) бывшего командира 30-й стрелковой дивизии** Южного фронта генерал-майора Галактионова;

9) бывшего заместителя командира 30-й стрелковой дивизии Южного фронта полкового комиссара Елисеева***.

Воздавая должное славным и отважным бойцам и командирам, покрывшим себя славой в боях с фашистскими захватчиками, Государственный Комитет Оборона предупреждает, вместе с тем, что он будет и впредь железной рукой пресекать всякое проявление трусости и неорганизованности в рядах Красной Армии, памятуя, что железная дисциплина в Красной Армии является важнейшим условием победы над врагом.

Государственный Комитет Оборона требует от командиров и политработников всех степеней, чтобы они систематически укрепляли в рядах Красной Армии дух дисциплины и организованности, чтобы они личным примером храбрости и отваги вдохновляли бойцов на великие подвиги, чтобы они не давали паникерам, трусам и дезорганизаторам порочить великое знамя Красной Армии и расправлялись с ними, как с нарушителями присяги и изменниками Родины.

**Круглая печать
Государственного Комитета
Оборона № 1
Протокольная часть ГОКО**

**ПРЕДСЕДАТЕЛЬ
ГОСУДАРСТВЕННОГО
КОМИТЕТА ОБОРОНЫ
И. СТАЛИН**

Главнокомандующим, Военным Советам фронтов и армий, командующим военными округами, командирам корпусов и дивизий.

Настоящее постановление Государственного Комитета Оборона прочесть во всех ротах, батареях, эскадронах, авиаэскадрильях.

* Так в документе. Правильно – М.Б. Салихов.

** Так в документе. Правильно – 30-я горнострелковая дивизия.

*** Военной коллегией Верховного Суда СССР от 22 июля 1941 г. Д.Г. Павлов, В.Е. Климовских, А.Т. Григорьев, А.А. Коробков были приговорены к высшей мере наказания – расстрелу. Приговор привели тогда к исполнению. И.С. Кособуцкий по приговору Военной коллегии Верховного Суда СССР от 26 июля подвергнут наказанию в виде лишения свободы в исправительно-трудовом лагере сроком на 10 лет. М.Б. Салихов военным трибуналом ЮФ осужден на 10 лет тюремного заключения с отбывтием наказания по окончании войны, а С.Г. Галактионов приговорен к высшей мере наказания – расстрелу. И.С. Кособуцкий постановлением Президиума Верховного Совета СССР от 21 октября 1942 г. досрочно освобожден с направлением в действующую армию, а 31 октября 1943 г. с него снята судимость. В годы войны занимал различные командные посты. С 1944 г. – генерал-лейтенант. После окончания войны – на штабной и преподавательской работе. И.К. Елисеев до конца войны находился на партийно-политической работе в войсках. С января 1945 г. начальник политотдела – заместитель командира 99-й сд II формирования. И.Г. Курочкин до конца августа 1941 г. комиссар 60-й горнострелковой дивизии. Другие данные не обнаружены. Постановлением Военной коллегии Верховного суда СССР от 31 июля 1957 г. Д.Г. Павлов, В.Е. Климовских, А.Т. Григорьев, А.А. Коробков после проверки, установившей, что их судили необоснованно, были реабилитированы: приговор отменен и дело на них за отсутствием состава преступления производством прекращено. В документе подчеркивалось, что прорыв германских войск на фронте обороны Западного особого военного округа произошел в силу неблагоприятно сложившейся для наших войск оперативно-тактической обстановки и не может быть инкриминирован осужденным как воинское преступление, так как это произошло по независящим от них обстоятельствам. 29 мая 1961 г. Военной коллегией Верховного суда СССР реабилитирован и С.Г. Галактионов (см.: Воен.-ист. журн. 1992. № 4/5. С. 19–22).

П Р И К А З
СТАВКИ ВЕРХОВНОГО ГЛАВНОГО КОМАНДОВАНИЯ
КРАСНОЙ АРМИИ*

№ 270

16 августа 1941 года

О случаях трусости и сдаче в плен и мерах по пресечению таких действий

Не только друзья признают, но и враги наши вынуждены признать, что в нашей освободительной войне с немецко-фашистскими захватчиками части Красной Армии, громадное их большинство, их командиры и комиссары ведут себя безупречно, мужественно, а порой – прямо героически. Даже те части нашей армии, которые случайно оторвались от армии и попали в окружение, сохраняют дух стойкости и мужества, не сдаются в плен, стараются нанести врагу побольше вреда и выходят из окружения. Известно, что отдельные части нашей армии, попав в окружение врага, используют все возможности для того, чтобы нанести врагу поражение и вырваться из окружения.

Зам. командующего войсками Западного фронта генерал-лейтенант Болдин, находясь в районе 10-й армии около Белостока, окруженной немецко-фашистскими войсками, организовал из оставшихся в тылу противника частей Красной Армии отряды, которые в течение 45 дней дрались в тылу врага и пробились к основным силам Западного фронта. Они уничтожили штабы двух немецких полков, 26 танков, 1049 легковых, транспортных и штабных машин, 147 мотоциклов, 5 батарей артиллерии, 4 миномета, 15 станковых пулеметов, 3 ручных пулемета, 1 самолет на аэродроме и склад авиабомб. Свыше тысячи немецких солдат и офицеров были убиты. 11 августа генерал-лейтенант Болдин ударил немцев с тыла, прорвал немецкий фронт и, соединившись с нашими войсками, вывел из окружения вооруженных 1654 красноармейца и командира, из них 103 раненых.

Комиссар 8-го мех. корпуса бригадный комиссар Попель и командир 406 сп полковник Новиков с боем вывели из окружения вооруженных 1778 человек. В упорных боях с немцами группа Новикова – Пополя прошла 650 километров, нанося огромные потери тылам врага.

Командующий 3-й армией генерал-лейтенант Кузнецов и член Военного совета армейский комиссар 2 ранга Бирюков с боями вывели из окружения 498 вооруженных красноармейцев и командиров частей 3-й армии и организовали выход из окружения 108 и 64-й стрелковых дивизий.

Все эти и другие многочисленные подобные факты свидетельствуют о стойкости наших войск, высоком моральном духе наших бойцов, командиров и комиссаров.

Но мы не можем скрыть и того, что за последнее время имели место несколько позорных фактов сдачи в плен врагу. Отдельные генералы подали плохой пример нашим войскам.

Командующий 28-й армией генерал-лейтенант Качалов, находясь вместе со штабом группы войск в окружении, проявил трусость и сдался в плен немецким фашистам. Штаб группы Качалова из окружения вышел, пробился из окружения части группы Качалова, а генерал-лейтенант Качалов предпочел сдаться в плен, предпочел дезертировать к врагу.

Генерал-лейтенант Понеделин, командовавший 12-й армией, попав в окружение противника, имел полную возможность пробиться к своим, как это сделало подавляющее большинство частей его армии. Но Понеделин не проявил необходимой настойчивости и воли к победе, поддался панике, струсил и сдался в плен врагу, дезертировал к врагу, совершив таким образом преступление перед Родиной, как нарушитель военной присяги.

Командир 13-го стрелкового корпуса генерал-майор Кириллов, оказавшийся в окружении немецко-фашистских войск, вместо того, чтобы выполнить свой долг перед Родиной, организовать вверенные ему части для стойкого отпора противнику и выхода из окружения, дезертировал с поля боя и сдался в плен врагу. В результате этого части 13-го стрелкового корпуса были разбиты, а некоторые из них без серьезного сопротивления сдались в плен.

* Воен.-ист. журн. 1988. № 9. С. 26–28.

Следует отметить, что при всех указанных выше фактах сдачи в плен врагу члены военных советов армий, командиры, политработники, особоотдельщики, находившиеся в окружении, проявили недопустимую растерянность, позорную трусость и не попытались даже помешать перетрусившим Качаловым, Кирилловым и другим сдать в плен врагу.

Эти позорные факты сдачи в плен нашему залятому врагу свидетельствуют о том, что в рядах Красной Армии, стойко и самоотверженно защищающей от подлых захватчиков свою Советскую Родину, имеются неустойчивые, малодушные, трусливые элементы. И эти элементы имеются не только среди красноармейцев, но и среди начальствующего состава. Как известно, некоторые командиры и политработники своим поведением на фронте не только не показывают красноармейцам образец смелости, стойкости и любви к Родине, а, наоборот, прячутся в щелях, возятся в канцеляриях, не видят и не наблюдают поля боя, а при первых серьезных трудностях в бою пасуют перед врагом, срывают с себя знаки различия, дезертируют с поля боя.

Можно ли терпеть в рядах Красной Армии трусов, дезертирующих к врагу и сдающихся ему в плен, или таких малодушных начальников, которые при первой заминке на фронте срывают с себя знаки различия и дезертируют в тыл? Нет, нельзя! Если дать волю этим трусам и дезертирам, они в короткий срок разложат нашу армию и загубят нашу Родину. Трусов и дезертиров надо уничтожить.

Можно ли считать командирами батальонов или полков таких командиров, которые прячутся в щелях во время боя, не видят поля боя, не наблюдают хода боя на поле и все же воображают себя командирами полков и батальонов? Нет, нельзя! Это не командиры полков и батальонов, а самозванцы. Если дать волю таким самозванцам, они в короткий срок превратят нашу армию в сплошную канцелярию. Таких самозванцев нужно немедленно смещать с постов, снижать по должности, переводить в рядовые, а при необходимости расстреливать на месте, выдвигая на их место смелых и мужественных людей из рядов младшего начсостава или из красноармейцев.

П Р И К А З Ы В А Ю :

1. Командиров и политработников, во время боя срывающих с себя знаки различия и дезертирующих в тыл или сдающихся в плен врагу, считать злостными дезертирами, семьи которых подлежат аресту как семьи нарушивших присягу и предавших свою Родину дезертиров.

Обязать всех вышестоящих командиров и комиссаров расстреливать на месте подобных дезертиров из начсостава.

2. Попавшим в окружение врага частям и подразделениям самоотверженно сражаться до последней возможности, беречь материальную часть как зеницу ока, пробиваться к своим по тылам вражеских войск, нанося поражение фашистским собакам.

Обязать каждого военнослужащего независимо от его служебного положения потребовать от вышестоящего начальника, если часть его находится в окружении, драться до последней возможности, чтобы пробиться к своим, и если такой начальник или часть красноармейцев вместо организации отпора врагу предпочтут сдать в плен – уничтожать их всеми средствами, как наземными, так и воздушными, а семьи сдавшихся в плен красноармейцев лишать государственного пособия и помощи.

3. Обязать командиров и комиссаров дивизий немедленно смещать с постов командиров батальонов и полков, прячущихся в щелях во время боя и боящихся руководить ходом боя на поле сражения, снижать их по должности, как самозванцев, переводить в рядовые, а при необходимости расстреливать их на месте, выдвигая на их место смелых и мужественных людей из младшего начсостава или из рядов отличившихся красноармейцев.

Приказ прочесть во всех ротах, эскадронах, батареях, эскадрильях, командах и штабах.

СТАВКА ВЕРХОВНОГО ГЛАВНОКОМАНДОВАНИЯ:

Председатель Государственного Комитета Обороны
Зам. Председателя Государственного Комитета Обороны
Маршал Советского Союза
Маршал Советского Союза
Маршал Советского Союза
Маршал Советского Союза
Генерал армии

И. СТАЛИН
В. МОЛОТОВ
С. БУДЕННЫЙ
К. ВОРОШИЛОВ
С. ТИМОШЕНКО
Б. ШАПОШНИКОВ
Г. ЖУКОВ

П Р И К А З
НАРОДНОГО КОМИССАРА ОБОРОНЫ СОЮЗА ССР*

№ 227

"28" июля 1942 г.

г. Москва

Враг бросает на фронт все новые силы и, не считаясь с большими для него потерями, рвется в глубь Советского Союза, захватывает новые районы, опустошает и разоряет наши города и села, насилует, грабит и убивает советское население. Бои идут в районе Воронежа, на Дону, на юге у ворот Северного Кавказа. Немецкие оккупанты рвутся к Сталинграду, к Волге и хотят любой ценой захватить Кубань, Северный Кавказ с их нефтяными и хлебными богатствами. Враг уже захватил Ворошиловград, Старобельск, Россошь, Купянск, Валуйки, Новочеркасск, Ростов-на-Дону, половину Воронежа. Часть войск Южного фронта, идя за паникерами, оставила Ростов и Новочеркасск без серьезного сопротивления и без приказа Москвы, покрыв свои знамена позором.

Население нашей страны, с любовью и уважением относящееся к Красной Армии, начинает разочаровываться в ней, теряет веру в Красную Армию, а многие из них проклинают Красную Армию за то, что она отдает наш народ под ярмо немецких угнетателей, а сама утекает на восток.

Некоторые неумные люди на фронте утешают себя разговорами о том, что мы можем и дальше отступать на восток, так как у нас много территории, много земли, много населения и что хлеба у нас всегда будет в избытке. Этим они хотят оправдать свое позорное поведение на фронтах. Но такие разговоры являются насквозь фальшивыми и лживыми, выгодными лишь нашим врагам.

Каждый командир, красноармеец и политработник должны понять, что наши средства не безграничны. Территория Советского государства – это не пустыня, а люди – рабочие, крестьяне, интеллигенция, наши отцы, матери, жены, братья, дети. Территория СССР, которую захватил и стремится захватить враг, – это хлеб и другие продукты для армии и тыла, металл и топливо для промышленности, фабрики, заводы, снабжающие армию вооружением и боеприпасами, железные дороги. После потери Украины, Белоруссии, Прибалтики, Донбасса и других областей у нас стало намного меньше территории, стало быть, стало намного меньше людей, хлеба, металла, заводов, фабрик. Мы потеряли более 70 миллионов населения, более 8000 миллионов пудов хлеба в год и более 10 миллионов тонн металла в год. У нас нет уже теперь преобладания над немцами ни в людских резервах, ни в запасах хлеба. Отступать дальше – значит загубить себя и загубить вместе с тем нашу Родину. Каждый новый клочок оставленной нами территории будет всемерно усиливать врага и всемерно ослаблять нашу оборону, нашу Родину.

Поэтому надо в корне пресекать разговоры о том, что мы имеем возможность без конца отступать, что у нас много территории, страна наша велика и богата, населения много, хлеба всегда будет в избытке. Такие разговоры являются лживыми и вредными, они ослабляют нас и усиливают врага, ибо если не прекратим отступления, останемся без хлеба, без топлива, без металла, без сырья, без фабрик и заводов, без железных дорог.

Из этого следует, что пора кончить отступление.

Ни шагу назад! Таким теперь должен быть наш главный призыв.

Надо упорно, до последней капли крови защищать каждую позицию, каждый метр, советской территории, цепляясь за каждый клочок советской земли и отстаивать его до последней возможности.

Наша Родина переживает тяжелые дни. Мы должны остановить, а затем отбросить и разгромить врага, чего бы это нам ни стоило. Немцы не так сильны, как это кажется паникерам. Они напрягают последние силы. Выдержать их удар сейчас, в ближайшие несколько месяцев – это значит обеспечить за нами победу.

* Воен.-ист. жур. 1988. № 8. С. 73–75.

Можем ли выдержать удар, а потом и отбросить врага на запад? Да, можем, ибо наши фабрики и заводы в тылу работают теперь прекрасно и наш фронт получает все больше и больше самолетов, танков, артиллерии, минометов.

Чего же у нас не хватает?

Не хватает порядка и дисциплины в ротах, батальонах, полках, дивизиях в танковых частях, в авиаэскадрильях. В этом теперь наш главный недостаток. Мы должны установить в нашей армии строжайший порядок и железную дисциплину, если мы хотим спасти положение и отстоять Родину.

Нельзя терпеть дальше командиров, комиссаров, политработников, части и соединения которых самовольно оставляют боевые позиции. Нельзя терпеть дальше, когда командиры, комиссары, политработники допускают, чтобы несколько паникеров определяли положение на поле боя, чтобы они увлекали в отступление других бойцов и открывали фронт врагу.

Паникеры и трусы должны истребляться на месте.

Отныне железным законом дисциплины для каждого командира, красноармейца, политработника должно являться требование – ни шагу назад без приказа высшего командования.

Командиры роты, батальона, полка, дивизии, соответствующие комиссары и политработники, отступающие с боевой позиции без приказа свыше, являются предателями Родины. С такими командирами и политработниками и поступать надо как с предателями Родины.

Таков призыв нашей Родины.

Выполнить этот приказ – значит отстоять нашу землю, спасти Родину, истребить и победить ненавистного врага.

После своего зимнего отступления под напором Красной Армии, когда в немецких войсках расшаталась дисциплина, немцы для восстановления дисциплины приняли некоторые суровые меры, приведшие к неплохим результатам. Они сформировали более 100 штрафных рот из бойцов, провинившихся в нарушении дисциплины по трусости или неустойчивости, поставили их на опасные участки фронта и приказали им искупить кровью свои грехи. Они сформировали, далее, около десятка штрафных батальонов из командиров, провинившихся в нарушении дисциплины по трусости или неустойчивости, лишили их орденов, поставили их на еще более опасные участки фронта и приказали им искупить свои грехи. Они сформировали, наконец, специальные отряды заграждения, поставили их позади неустойчивых дивизий и велели им расстреливать на месте паникеров в случае попытки самовольного оставления позиций и в случае попытки сдаться в плен. Как известно, эти меры возымели свое действие, и теперь немецкие войска дерутся лучше, чем они дрались зимой. И вот получается, что немецкие войска имеют хорошую дисциплину, хотя у них нет возвышенной цели защиты своей родины, а есть лишь одна грабительская цель – покорить чужую страну, а наши войска, имеющие возвышенную цель защиты своей поруганной Родины, не имеют такой дисциплины и терпят ввиду этого поражение.

Не следует ли нам поучиться в этом деле у наших врагов, как учились в прошлом наши предки у врагов и одерживали потом над ними победу?

Я думаю, что следует.

Верховное Главнокомандование Красной Армии приказывает:

1. Военным советам фронтов и прежде всего командующим фронтами:

а) безусловно ликвидировать отступательные настроения в войсках и железной рукой пресекать пропаганду о том, что мы можем и должны якобы отступать и дальше на восток, что от такого отступления не будет якобы вреда;

б) безусловно снимать с поста и направлять в Ставку для привлечения к военному суду командующих армиями, допустивших самовольный отход войск с занимаемых позиций, без приказа командования фронта;

в) сформировать в пределах фронта от одного до трех (смотря по обстановке) штрафных батальонов (по 800 человек), куда направлять средних и старших командиров и соответствующих политработников всех родов войск, провинившихся в нарушении дисциплины по трусости или неустойчивости, и поставить их на более трудные участки фронта, чтобы дать им возможность искупить кровью свои преступления против Родины.

2. Военным советам армий и прежде всего командующим армиями:

а) безусловно снимать с постов командиров и комиссаров корпусов и дивизий, допустивших самовольный отход войск с занимаемых позиций без приказа командования армии, и направлять их в военный совет фронта для предания военному суду;

б) сформировать в пределах армии 3–5 хорошо вооруженных заградительных отрядов (до 200 человек в каждом), поставить их в непосредственном тылу неустойчивых дивизий и обязать их в случае паники и беспорядочного отхода частей дивизии расстреливать на месте паникеров и трусов и тем помочь честным бойцам дивизий выполнить свой долг перед Родиной;

в) сформировать в пределах армии от пяти до десяти (смотря по обстановке) штрафных рот (от 150 до 200 человек в каждой), куда направлять рядовых бойцов и младших командиров, провинившихся в нарушении дисциплины по трусости или неустойчивости, и поставить их на трудные участки армии, чтобы дать им возможность искупить кровью свои преступления перед Родиной.

3. Командирам и комиссарам корпусов и дивизий:

а) безусловно снимать с постов командиров и комиссаров полков и батальонов, допустивших самовольный отход частей без приказа командира корпуса или дивизии, отбирать у них ордена и медали и направлять их в военные советы фронта для предания военному суду;

б) оказывать всяческую помощь и поддержку заградительным отрядам армии в деле укрепления порядка и дисциплины в частях.

Приказ прочесть во всех ротах, эскадронах, батареях, эскадрильях, командах, штабах.

Народный комиссар обороны

И. СТАЛИН

СРАВНИТЕЛЬНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ВООРУЖЕННЫХ СИЛ СССР И ГЕРМАНИИ

ПРОМЫШЛЕННЫЕ ПОСТАВКИ ВООРУЖЕНИЯ И БОЕПРИПАСОВ КРАСНОЙ АРМИИ В 1937–1941 гг.*

Вооружение	1937 г.	1938 г.	1939 г.	1940 г.	Январь– июнь 1941 г.
Артиллерийские орудия, шт.	5443	12 340	17 066	15 096	7 913
В том числе:					
37–45-мм	3768	7126	8485	6254	1824
76–152-мм	1556	5090	8328	862	5371
152-мм гаубицы-пушки и 305-мм пушки	49	124	253	222	718
Минометы, шт.	1587	1188	4070	37 867	10 480
Винтовки, тыс. шт.	567,4	1124,7	1396,7	1395,0	792,0
Пулеметы, тыс. шт.	31,1	52,6	73,6	52,2	–
Пистолеты, пулеметы, тыс. шт.	–	–	–	81,1	–
Самолеты, ед.	4435	5469	10362	10565	5958
В том числе:					
бомбардировщики	1303	2017	2744	3575	–
истребители	2129	2016	372	4657	–
другие типы	1003	1436	3892	2333	–
Танки, шт.	1559	2271	2986	2790	1672
В том числе:					
тяжелые (Т-35, КВ)	10	11	6	243	381
средние (Т-28, Т-34)	39	96	131	127	1110
легкие (Т-26, Т-37, Т-38, БТ, Т-40)	1510	2164	2849	2296	181
Боеприпасы, тыс. шт.	–	13 036	20 198	32 682	18 821
В том числе:					
артвыстрелы	4889	12 434	16 838	14 561	10 861
мины	28	602	3360	18 121	7960
Гранаты, тыс. шт.	–	801	6044	10 071	–
Винтпатроны, тыс. шт.	–	744	1313	4040	–
Порох, т	15 559	25 877	50 959	59 482	–

* Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации. Ф. 81. Оп. 12076. Д. 5. Л. 13; Ф. 38. Оп. 13078. Д. 23. Л. 204; *Захаров М.В.* Накануне великих испытаний. М., 1968. С. 147.

**ВООРУЖЕНИЕ И ВОЕННАЯ ТЕХНИКА ВОЕННО-ВОЗДУШНЫХ СИЛ ГЕРМАНИИ
в 1939–1941 гг.***

Наименование	Количество на:		
	1 октября 1939 г.	1 мая 1940 г.	1 июня 1941 г.
Разведывательные самолеты, ед.	642	664	823
Истребители, ед.	868	1369	2017
Истребители-бомбардировщики, ед.	438	372	232
Бомбардировщики, ед.	1230	1758	2141
Пикирующие бомбардировщики 10–87, ед.	354	417	501
Штурмовики, ед.	39	49	–
Транспортные самолеты, ед.	706	800	719
Самолеты связи, ед.	225	225	133
Самолеты морской авиации, ед.	254	241	286
Всего самолетов, ед.	4756	5895	6852
Легкие зенитные орудия (20- и 37-мм), шт.	7300	9602	13 049
Тяжелые зенитные орудия (88- и 105-мм), шт.	2528	3011	4409
Стрелковое оружие: пистолеты, карабины, винтовки, пистолеты-пулеметы, тыс. шт.	728,4	1063,7	1255,2
Бомбы, воздушные мины и торпеды, млн шт.	16,2	17,1	5,5

* Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg. Stuttgart, 1988. Bd. 5/1. S. 555.

**КОЛИЧЕСТВО СРЕЛКОВОГО И АРТИЛЛЕРИЙСКО-МИНОМЕТНОГО ВООРУЖЕНИЯ
В СУХОПУТНЫХ ВОЙСКАХ ГЕРМАНИИ В 1939–1941 гг.***

Вид оружия, ед.	Количество по состоянию на:		
	1.10.1939 г.	1.5.1940 г.	1.6.1941 г.
Винтовки и карабины	2 569 300	3 228 500	4 372 800
Пистолеты-пулеметы	5711	27 800	166 700
Пулеметы	103 300	150 400	203 250
Минометы 50-мм	5062	9957	16 129
Минометы 81,4-мм	3959	7091	11 767
Химические реактивные минометы 105- и 158,5-мм	179	288	1112
Пусковые устройства для реактивных снарядов	–	–	6791
Противотанковые ружья 7,92-мм	62	1353	25 298
Тяжелые ПТ ружья 28-мм	–	–	183
Противотанковые орудия (чешские 47-мм)	–	36	785
Противотанковые орудия 37-мм	10 560	14 257	15 522
Противотанковые орудия 50-мм	–	–	1047
Зенитные пушки 20-мм	895	1487	2153
Зенитные пушки 88-мм	–	–	6
Легкие пехотные орудия 75-мм	2931	3365	4176
Тяжелые пехотные орудия 149,1-мм	367	491	867
Горные пушки 75-мм	213	354	108
Легкие полевые гаубицы 105-мм	4919	5538	7076
Тяжелые полевые гаубицы 150-мм	2434	2383	2867
Пушки 105-мм	400	709	760
Тяжелые пушки 150-мм	25	177	68
Сверхтяжелые мортиры и пушки (от 210 до 420-мм)	47	163	442

* Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg. Stuttgart, 1988. Bd. 5/1. S. 554.

**ИЗМЕНЕНИЕ КОЛИЧЕСТВА БРОНЕТАНКОВОЙ ТЕХНИКИ
В СУХОПУТНЫХ ВОЙСКАХ ВЕРМАХТА В ПЕРИОД С СЕНТЯБРЯ 1939 г. ПО ИЮНЬ 1941 г.***

Наименование техники, ед.	На 1.9.1939 г.		На 10.5.1940 г.		На 1.6.1941 г.**	
	всего	в действующей армии	всего	в действующей армии	всего	в действующей армии
Танки Т-I	1445	–	1276	523	877	281
Танки Т-II	1224	–	1096	955	1074	658
Танки Т-II (огн.)	–	–	17	–	85	85
Танки 35т (чеш.)	196	112	143	128	187	157
Танки 38т (чеш.)	78	59	248	229	772	651
Танки Т-III (37-мм)	98	69	429	349	350	–
Танки Т-III (50-мм)	–	–	–	–	1090	979
Танки Т-IV	211	205	296	278	572	444
Командирские танки	215	–	244	135	330	143
Всего танков	3466	2626	3749	2597	5337	3398
Штурмовые орудия	–	–	23	6	377	250
47-мм СУ	–	–	100	100	202	144
149, 1-мм САУ	–	–	38	36	38	36
Всего танков и САУ	3466	2626	3890	2739	5954	3828
Легкие БА	718	–	800	615	928	–
Тяжелые БА	307	–	333	286	390	–

* Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg. Stuttgart, 1979. Bd. 2. S. 268; Stuttgart, 1983. Bd. 4. S. 185; *Zaloga S.J.* Blitzkrieg: Armour Camouflage and Markings, 1939–1940. L., 1980. P. 66; *Hahn F.* Waffen und Geheimwaffen des deutschen Heeres. Koblenz, 1986. Bd. 2. S. 66–67, 194–200.

** На 1 июня 1941 г. указаны только исправные танки. Еще 471 танк проходил заводской ремонт или модернизирование: 245 – Т-I, 45 – Т-II, 81 – Т-III (37-мм), 23 – Т-III (50-мм), 41 – Т-IV, 11 – 35 (чеш), 25 – 38 (чеш).

**ШТАТНАЯ ЧИСЛЕННОСТЬ ЛИЧНОГО СОСТАВА
И ВООРУЖЕНИЯ СТРЕЛКОВЫХ (ПЕХОТНЫХ) ДИВИЗИЙ СССР И ГЕРМАНИИ
НАКАНУНЕ ВОЙНЫ***

Части и подразделения дивизии	СД** Красной Армии военного времени 1941 г.	ПД*** вермахта 1941 г.
Личный состав, человек	14 483	16 859
Винтовки и карабины, шт.	10420	11500
Пулеметы (станковые), шт.	166	142
Пулеметы (ручные), шт.	392	434
Пулеметы (зенитные), шт.	33	–
Пистолеты-пулеметы, шт.	1204	486
Противотанковые ружья, шт.	–	81
Орудия, шт.	144	161
Минометы, шт.	66	54
Автомашины, шт.	558	902
Лошади, голов	3039	6358
Танки, шт.	16	–
Бронемашины, шт.	13	16
Тракторы, шт.	99	62

* Стратегический очерк Великой Отечественной войны, 1941–1945. М., 1961. С. 113.

** СД – стрелковая дивизия.

*** ПД – пехотная дивизия.

ХАРАКТЕРИСТИКА КОМАНДНОГО СОСТАВА РККА НАКАНУНЕ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ ПО СТАЖУ ПРЕВЫВАНИЯ В ДОЛЖНОСТИ*

Должность	Время пребывания в должности					Должность	Время пребывания в должности					
	до 3 месяцев	от 3 до 6 месяцев	от 6 месяцев до 1 года	от 1 года до 2 лет	от 2 до 3 лет		более 3 лет	до 3 месяцев	от 3 до 6 месяцев	от 6 месяцев до 1 года	от 1 года до 2 лет	от 2 до 3 лет
Командующие округами	3	4	5	3	2	-	59	2	-	-	-	-
Командующие армиями	10	3	5	1	1	-	50	12	40	47	14	9
Командиры корпусов	19	28	26	11	5	6	-	22	9	-	-	-
Командиры стрелковых дивизий	59	10	51	65	10	3	-	-	-	-	-	-

* Российский государственный военный архив. Ф. 4. Оп. 14. Д. 2781. Л. 135.

ОСНОВНЫЕ ТАКТИКО-ТЕХНИЧЕСКИЕ ДАННЫЕ ТАНКОВ КРАСНОЙ АРМИИ К НАЧАЛУ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ*

Марка танка	Год поступления на вооружение	Вес, т	Экипаж, человек	Вооружение			Толщина брони, мм		Мощность двигателя, л.с.	Максимальная скорость, км/ч	Запас хода по шоссе, км
				пушки (количество, калибр, мм)	пулеметы (количество, калибр, мм)	пулеметы зенитные (количество, калибр, мм)	корпус, лоб, борт	башня			
T-26	1937	10,5	3	1-45	2-7,62	1-7,62	15-15	15	90	30	200
BT-7M	1939	14,6	3	1-45	2-7,62	1-7,62	20-13	15	400	60/86**	600-700
BT-7	1935	13,8	3	1-45	1-7,62	-	20-13	15	400	55/73	375-500
T-34	1940	26,5	4	1-76	2-7,62	-	45-45	45	500	51	370
KB-1	1941	47,5	5	1-76	2-7,62	1-7,62	100-75	95	600	35	250

* История второй мировой войны, 1939-1945. М., 1974. Т. 3. С. 420. (Наряду с указанными в таблице на вооружении Красной Армии находились машины, уже снятые с производства. К ним относятся танки Т-35, Т-28, BT-5, Т-37, Т-38).

** Числитель означает скорость движения на гусеницах, знаменатель - на колесах.

**ТАКТИКО-ТЕХНИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ
ОСНОВНЫХ АРТИЛЛЕРИЙСКИХ И МИНОМЕТНЫХ СИСТЕМ КРАСНОЙ АРМИИ
К НАЧАЛУ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ***

Наименование и калибр орудия	Вес снаряда, кг	Начальная скорость, м/сек	Дальность стрельбы, км	Скорострельность, выстр./мин	Вес системы в боевом положении, кг
45-мм противотанковая пушка обр. 1937 г.	1,4	760	4,6	20	560
76-мм полковая пушка обр. 1927 г.	6,2	387	8,5	10-12	1620
76-мм дивизионная пушка обр. 1939 г.	6,2	680	13,3	15-20	1480
122-мм гаубица обр. 1938 г.	21,7	515	11,8	5-6	2500
122-мм пушка обр. 1931/37 г.	25	800	19,7	5-6	7120
152-мм гаубица-пушка обр. 1937 г.	43,5	655	17,2	3-4	7129
152-мм гаубица обр. 1938 г.	40	508	12,3	3-4	4150
203-мм гаубица обр. 1931 г.	100	607	18,0	0,5-1	17 700
280-мм мортира обр. 1939 г.	286	356	14,4	0,5	17 600
305-мм гаубица обр. 1939 г.	465	410	10,4	0,5	45 700
25-мм зенитная пушка обр. 1940 г.	0,28	910	2,4/2,0**	250	1060
37-мм зенитная пушка обр. 1939 г.	0,77	880	4,0/3,0**	180	2100
76-мм зенитная пушка обр. 1938 г.	6,6	813	14,6/9,5**	20	4300
85-мм зенитная пушка обр. 1939 г.	9,2	800	15,5/10,5**	15-20	4300
82-мм миномет обр. 1937 г.	3,4	211	3,1	25	61
120-мм миномет обр. 1938 г.	16	272	5,7	12-15	280

* История второй мировой войны, 1939-1945. М., 1974. Т. 3. С. 422.

** Знаменатель — дробляемость по вертикали.

**ТАКТИКО-ТЕХНИЧЕСКИЕ ДАННЫЕ ОСНОВНЫХ ТИПОВ САМОЛЕТОВ КРАСНОЙ АРМИИ
К НАЧАЛУ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ***

Тип	Год поступления на вооружение	Экипаж, человек	Количество и мощность моторов, л.с.	Максимальная скорость, км/час	Дальность полета, км	Вооружение		Бомбовая нагрузка, кг
						количество, шт.	калибр, мм	
Истребители								
И-15бис	1935	1	1 × 730	367	770	4 пулемета	7,62	150
И-16	1934	1	1 × 900	462	625	4 пулемета	7,62	100
И-153	1938	1	1 × 900	427	690	4 пулемета	7,62	200
Як-1	1941	1	1 × 1050	572	700	1 пушка 2 пулемета	20,0 7,62	—
ЛалТ-3	1941	1	1 × 1050	549	556	1 пушка 1 пулемет 2 пулемета	20,0 12,7 7,62	200
МиГ-3	1940	1	1 × 1200	620	1000	1 пулемет 2 пулемета	12,7 7,62	200
Штурмовики								
Ил-2	1941	1	1 × 1600	412	510	2 пушки 2 пулемета 8 РС	20,0 7,62 82,0	400–600
Бомбардировщики								
ТБ-3**	1931	8	4 × 850	288	4000	8 пулеметов	7,62	2000–4000
ДБ-3Ф	1937	3	2 × 1000	440	2700	3 пулемета	7,62	1000–2500
СБ	1935	3	2 × 1050	445	1000	4 пулемета	7,62	600–1500
Пе-2	1941	3	2 × 1260	540	1100	4 пулемета	7,62	600–1000
Разведывательная авиация								
Р-5	1931	2	1 × 650	230	600	3 пулемета	7,62	200–400
Специальная авиация								
У-2 (По-2)	1929	2	1 × 110	145	470			

* История второй мировой войны, 1939–1945. М., 1974. Т. 3. С. 424.

** Модификация 1934 г.

ОСНОВНЫЕ ТАКТИКО-ТЕХНИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ТАНКОВ ВЕРМАХТА
(к середине 1941 г.)*

Показатели	Типы танков и год выпуска				
	легкие		средние		
	Т-ПФ 1940 г.	Т-38 (чеш.)	Т-ШЕ 1939 г.	Т-ШФ 1940 г.	Т-IVФ1 1940 г.
Вес, т.	9,5	10,5	19,5	20,3	22,3
Экипаж, человек	3	4	5	5	5
Вооружение (количество, калибр, мм):					
пушка	1 – 20,0	1 – 37,0	1 – 37,0	1 – 50,0	1 – 75,0
пулеметы	1 – 7,92	2 – 7,92	2 – 7,92	2 – 7,92	2 – 7,92
Толщина брони**, мм:					
корпус	30/14,5	25/17,5	30/30	30/30	50/30
башня	–	–	30/3	30/30	50/30
Мощность двигателя, л.с.	140	125	265–300	265–300	265–300
Минимальная скорость, км/ч	40	42	40	40	40
Запас хода по шоссе, км	150	240	160	160	200

* История второй мировой войны, 1939–1945. М., 1974. Т. 3. С. 320.

** Толщина брони: в числителе – лобовая, в знаменателе – бортовая.

ТАКТИКО-ТЕХНИЧЕСКИЕ ДАННЫЕ ОСНОВНЫХ ОБРАЗЦОВ
АРТИЛЛЕРИЙСКОГО ВООРУЖЕНИЯ ВЕРМАХТА
(к середине 1941 г.)*

Наименование и калибр	Вес снаряда, кг	Начальная скорость снаряда, м/сек	Дальность стрельбы, км	Скорость стрельбы, в/мин.	Вес в боевом положении, кг
37-мм пушка обр. 1933/34 г.	0,35/0,68**	1030/762**	7,2	10–15	450
50-мм пушка обр. 1938 г.	0,98/2,0**	1198/823**	9,4	12–14	986
75-мм пушка обр. 1930/31 г.	–	485	9,4	8–10	1120
105-мм легкая гаубица обр. 1928/29 г.	15,8	470	10,7	6–8	1985
105-мм пушка обр. 1930 г.	15,1	835	19,1	6	5620
150-мм пехотное орудие обр. 1933 г.	38,0	240	4,7	3–4	1750
150-мм тяжелая гаубица обр. 1918/40 г.	43,5	520	13,3	4	5512
150-мм пушка обр. 1939 г.	43,0	865	24,8	2	12 200
210-мм мортира обр. 1939 г.	121	565	16,7	30 в/час	16 700
50-мм миномет обр. 1936 г.	0,8	75	0,5	–	14
81-мм миномет обр. 1934 г.	3,2	174	2,4	30	57

* История второй мировой войны, 1939–1945. М., 1974. Т. 3. С. 322.

** Числитель – бронебойный снаряд, знаменатель – осколочный.

ТАКТИКО-ТЕХНИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ОСНОВНЫХ ТИПОВ САМОЛЕТОВ ВЕРМАХТА
(к середине 1941 г.)*

Типы самолетов	Экипаж	Количество и мощность моторов, л.с.	Максимальная скорость, км/ч	Дальность полета, км	Вооружение		Бомбовая нагрузка, кг
					количество	калибр, мм	
Истребители							
Me-109 E-1 ("Мессerschmitt")	1	1 × 1100	570	660	4 пулем.	7,9	-
Me-110 Ф-2 ("Мессerschmitt")	2	2 × 1350	570	1200	2 пушки 2 пулем.	20,0 7,9	-
Бомбардировщики							
Ю-88 А-4 ("Юнкерс")	4	2 × 1410	472	2730	1 пушка 4 пулем.	13,0 7,9	до 3000
He-111 Х-6 ("Хейнкель")	5	2 × 1340	435	2800	1 пушка 6 пулем.	20,0 7,9	до 2000
Do-217 E-2 ("Дорнье")	4	2 × 1600	515	2300	1 пушка 2 пушки 3 пулем.	15,0 13,0 7,9	
Ю-87 Д-1 ("Юнкерс" пикирующий)	2	2 × 1300	400	1920	2 пушки 2 пулем.	15,0 7,9	до 1800
Специальные:							
Хш-126 ("Хейнкель" - ближний разведчик)	2	1 × 830	253	710	2 пулем.	7,9	
ФВ-189 А-1	3	2 × 465	344	940	4 пулем.	7,9	
("Фокке-Вульф" - ближний разведчик)							
Ю-52-3м ("Юнкерс" транспортн.)	3	3 × 660	290	1286			2000 или 17 десантников

* История второй мировой войны, 1939-1945. М., 1974. Т. 3. С. 323.

ПОТЕРИ ВОЮЮЩИХ СТОРОН

ЛЮДСКИЕ ПОТЕРИ КРАСНОЙ АРМИИ И ВОЕННО-МОРСКОГО ФЛОТА В ПЕРВЫЙ ПЕРИОД ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ*

Кампания	Людские потери**, тыс. чел.		
	безвозвратные	санитарные	всего
Летне-осенняя (22.6–4.12.1941 г.)	<u>2841,9</u> 17,1	<u>1145,8</u> 6,9	<u>3987,7</u> 24
Зимняя (5.12.1941 г.–30.4.1942 г.)	<u>1249</u> 8,5	<u>1602,7</u> 10,9	<u>2851,7</u> 19,4
Летне-осенняя (1.5–18.11.1942 г.)	<u>2064,1</u> 10,2	<u>2258,5</u> 21,4	<u>4322,6</u> 21,4
Итого в первый период	<u>6155</u> 12	<u>5007</u> 9,7	<u>11162</u> 21,7

* Гриф секретности снят: Потери Вооруженных Сил СССР в войнах, боевых действиях и военных конфликтах: Стат. исследование. М., 1993. С. 152, 157.

** В числителе показаны все потери, в знаменателе – в том числе среднесуточные.

БЕЗВОЗВРАТНЫЕ ПОТЕРИ ВОЕННОЙ ТЕХНИКИ И ОРУЖИЯ СОВЕТСКИХ ВООРУЖЕННЫХ СИЛ В ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ (1941–1942 гг.)*

Наименование	Потери			
	1941 г.		1942 г.	
	количество	%	количество	%
Стрелковое оружие всех типов, млн ед.	6,29	40,7	3,31	21,4
Танки и САУ, тыс. шт.	20,5	21,2	15,1	15,6
Орудия и минометы** всех калибров, тыс. шт.	101,1	31,8	107,6	33,9
Боевые самолеты всех типов***, тыс. шт.	<u>17,9</u> 10,3	<u>20,3</u> 23,9	<u>12,1</u> 7,8	<u>13,7</u> 18,1

* Гриф секретности снят: Потери Вооруженных Сил СССР в войнах, боевых действиях и военных конфликтах: Стат. исследование. М., 1993. С. 366–369.

** В данной таблице в общее количество потерь орудий и минометов включены потери и 50-мм минометов, количество которых в армии составляло от 29–30% в 1941–1942 гг.

*** Потери боевых самолетов приведены: в числителе – общие, в знаменателе – боевые. Потери остальных видов оружия и военной техники на боевые и небоювые не делились, так как последние составляли незначительный процент от общих.

**ЛЮДСКИЕ ПОТЕРИ НЕМЕЦКИХ СУХОПУТНЫХ ВОЙСК
НА СОВЕТСКО-ГЕРМАНСКОМ ФРОНТЕ В ПЕРВЫЙ ПЕРИОД
ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ***

Период	Потери				Всего потерь
	убитые	пропавшие без вести	всего безвозвратных потерь	раненые	
22.6.41 г.–20.3.42 г.	225 559	50 991	276 550	796 516	1 073 066
Март 1942 г.	–	–	105 042	–	167 900
Апрель 1942 г.	–	–	60 291	–	108 450
Май 1942 г.	–	–	74 700	–	134 230
Июнь 1942 г.	–	–	85 300	–	126 050
Июль 1942 г.	–	–	95 800	–	156 700
Август 1942 г.	–	–	157 400	–	256 100
Сентябрь 1942 г.	–	–	130 550	–	191 000
Октябрь 1942 г.	–	–	68 150	–	130 100
Ноябрь 1942 г.	–	–	46 900	–	128 900

* Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg. Stuttgart, 1990. Bd. 6. S. 780–782, 787.

**БЕЗВОЗВРАТНЫЕ ПОТЕРИ ВОЕННОЙ ТЕХНИКИ И ОРУЖИЯ
СУХОПУТНЫХ ВОЙСК ГЕРМАНИИ НА СОВЕТСКО-ГЕРМАНСКОМ ФРОНТЕ
В ПЕРИОД С 22 ИЮНЯ 1941 г. ПО 20 МАРТА 1942 г.***

Наименование	Потери
Стрелковое оружие всех типов, ед.**	110 048
Танки и штурмовые орудия, ед.***	3492
Орудия и минометы всех калибров, ед.	17 377

* Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg. Stuttgart, 1990. Bd. 6. S. 787.

** Учтены винтовки, пулеметы и противотанковые ружья.

*** Учтена только техника германского производства, на ремонт которой требовалось более пяти дней.

**СВЕДЕНИЯ О ВОЕННОПЛЕННЫХ, ЗАХВАЧЕННЫХ КРАСНОЙ АРМИЕЙ
В 1941–1942 гг. НА СОВЕТСКО-ГЕРМАНСКОМ ФРОНТЕ***

Период	Личный состав				
	генералы	офицеры	унтер-офицеры	солдаты	всего
22 июня–31 декабря 1941 г.	–	303	947	9352	10 602
1 января–30 июня 1942 г.	1	161	762	5759	6683
1 июля–31 декабря 1942 г.	2	1173	3848	167 120	172 143

* Гриф секретности снят: Потери Вооруженных Сил СССР в войнах, боевых действиях и военных конфликтах: Стат. исследование. М., 1993. С. 391.

Таблица составлена на основе отчетно-статистических данных фронтов, флотов и отдельных армий, обобщенных в Генеральном штабе, и включает, помимо военнослужащих вермахта, и представителей воинских формирований других стран, находившихся на советско-германском фронте, а также работавших в обслуживающих и тыловых учреждениях.

**ПОДЕКАДНЫЕ СВЕДЕНИЯ О ЧИСЛЕ СОВЕТСКИХ ВОЕННОПЛЕННЫХ,
ЗАХВАЧЕННЫХ НЕМЕЦКИМИ ВОЙСКАМИ В 1941 г.***

Декада	Пленено за декаду	Пленено с 22.6.41 г. до конца декады	Декада	Пленено за декаду	Пленено с 22.6.41 г. до конца декады
22-30.06	112 784		01-10.10	288 485	2 790 098
01-10.07	253 588	366 372	11-20.10	499 476	3 289 574
11-20.07	234 566	600 738	21-31.10	249 817	3 539 391
21-31.07	213 092	813 830	01-10.11	152 296	3 691 687
01-10.08	271 714	1 085 544	11-20.11	85 786	3 777 473
11-20.08	211 225	1 296 769	21.30.11	53 852	3 831 325
21-31.08	215 641	1 512 410	01-10.12	39 596	3 870 921
01-10.09	203 668	1 716 078	11-20.12	19 277	3 890 198
11-20.09	234 574	1 950 652	21-31.12	16 567	3 906 765
21-30.09	550 961	2 501 613			

* *Schustereit H.* Vabanqe. Herford; Bonn, 1988. S. 73 (со ссылкой на Bundesarchiv: Militärarchiv. III W 805/5-7).

ОСНОВНЫЕ ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПОКАЗАТЕЛИ ГОСУДАРСТВ

ОСНОВНЫЕ ПОКАЗАТЕЛИ РАЗВИТИЯ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА СССР В 1940–1942 гг.*

	1940 г.	1941 г.	1942 г.
Среднегодовая численность рабочих и служащих в народном хозяйстве, млн человек	31,2	27,3	18,4
Производственные основные фонды (без скота) всех отраслей народного хозяйства (в ценах 1945 г.), в % к 1940 г.	100	72	68
Национальный доход, в % к 1940 г.	100	92	66
Продукция промышленности, в % к 1940 г.	100	88	77
Чугун, млн т	14,9	13,8	4,8
Сталь, млн т	18,3	17,9	8,1
Прокат черных металлов, млн т	13,1	12,6	5,4
Железная руда, млн т	29,9	24,7	9,8
Уголь, млн т	165,9	151,4	75,5
Нефть (включая газовый конденсат), млн т	31,1	33,0	22,0
Электроэнергия, млрд кВт-ч	48,3	46,7	29,1
Металлорежущие станки, тыс. шт.	58,4	44,5	22,9
Подшипники качения, млн шт.	44,8	38,0	21,8
Автомобили, тыс. шт.	145,4	124,2	35,0
Синтетический аммиак, тыс. т	338	338	167
Минеральные удобрения, тыс. т	3238	2674	364
Цемент, млн т	5,7	5,5	1,1
Хлопчатобумажные ткани, млн погонных м	3954	3824	1644
Кожаная обувь, млн пар	211,0	157,7	52,7
Сахар-песок, тыс. т	2165	523	114
Растительное масло, тыс. т	798	685	253
Валовая продукция сельского хозяйства, в % к 1940 г.	100	62	38
Посевные площади всех сельскохозяйственных культур, млн га	150,4	108,1	87,7
в том числе:			
зерновые культуры:	110,5	81,4	67,3
из них			
пшеница	40,3	33,1	25,4
технические культуры	11,8	8,0	5,9
Картофель и овощебахчевые культуры:	10,0	5,9	5,0
из них картофель	7,7	4,3	3,9
Кормовые культуры	18,1	12,8	9,5
Валовой сбор (во всех категориях хозяйств) зерновых культур, млн т:	95,5	55,9	29,7
в том числе пшеница	31,7	21,2	9,8
Сахарная свекла (фабричная), млн т	18,0	1,9	2,1
Хлопок-сырец (заготовки), тыс. т	2237	2478	1329
Лен-волокно, тыс. т	349	133	210
Подсолнечник, тыс. т	2636	909	283
Картофель, млн т	75,9	26,4	23,8

* Сост. по: Народное хозяйство СССР в Великой Отечественной войне, 1941–1945 гг.: Стат. сб. М., 1990. С. 5–8.

ОСНОВНЫЕ ПОКАЗАТЕЛИ РАЗВИТИЯ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА СССР В 1940—1942 гг.*

	1940 г.	1941 г.	1942 г.
Поголовье скота (во всех категориях хозяйств на конец года), млн голов:			
Крупный рогатый скот,	54,5	31,4	28,4
в том числе коровы	27,8	15,0	13,8
Свиньи	27,5	8,2	6,0
Овцы и козы,	91,6	70,6	61,8
в том числе овцы	79,9	60,4	51,9
Лошади	21,0	10,0	8,1
Производство основных продуктов животноводства (во всех категориях хозяйств), млн т			
мясо (в убойном весе)	4,7	4,1	1,8
молоко	33,6	25,5	15,8
шерсть (немытая), тыс. т	161	161	125
яйца, млрд шт.	12,2	9,3	4,5
Парк тракторов, комбайнов и грузовых автомобилей в сельском хозяйстве (на конец года), тыс. шт.:			
тракторы	531	364	313
зерноуборочные комбайны	182	141	119
грузовые автомобили	228	66	43
Грузооборот всех видов транспорта общего пользования, млрд т · км	487,6	449,7	259,7
в том числе железнодорожного транспорта	415,0	386,5	217,8
Среднесуточная погрузка железных дорог, тыс. условных вагонов	97,7	85,0	42,6
Капитальные вложения государственных и кооперативных организаций, без колхозов (в сопоставимых ценах), млрд руб.	45,3	39,2	24,0
Объем розничного товарооборота государственной и кооперативной торговли (в ценах соответствующих лет), млрд руб.,	175,1	152,8	77,8
в том числе общественное питание	22,9	21,4	18,2
Число учащихся дневных начальных, семилетних и средних школ, млн человек	34,8	17,8	14,0
Число учащихся средних специальных учебных заведений (включая обучающихся заочно), тыс. человек,	975	415	316
в том числе без обучающихся заочно	819	415	316
Число студентов высших учебных заведений (включая обучающихся заочно), тыс. человек,	812	313	227
в том числе без обучающихся, заочно	585	313	227
Число больничных коек, без госпиталей (на конец года), тыс.**	791	429	468
Число врачей, без зубных (на конец года), тыс.***	140,8	69,9	78,5
Государственный бюджет СССР			
доходы, млрд руб.	180,2	177,0	165,0
расходы, млрд руб.	174,3	191,4	182,8

* Народное хозяйство СССР в Великой Отечественной войне: Стат. сб. М., 1990. С. 5–8.

** В таблицу не включены данные по эвакуогоспиталям.

*** Без врачей-военнослужащих.

**ПРОИЗВОДСТВО ОСНОВНЫХ ВИДОВ ПРОМЫШЛЕННОЙ ПРОДУКЦИИ В СССР,
В % К ПРОИЗВОДСТВУ В США, АНГЛИИ, ФРАНЦИИ И ГЕРМАНИИ***

Виды продукции	СССР, в % к			
	США	Англии	Франции	Германии (в границах 1937 г.)
Железная руда				
1940 г.	40	166	164	(203)
1941 г.	26	128	118	(177)
1942 г.	9	48	39	(78)
Чугун				
1940 г.	35	179	405	107
1941 г.	27	184	412	89
1942 г.	9	61	125	31
Сталь				
1940 г.	30	139	415	96
1941 г.	24	143	415	86
1942 г.	10	61	180	39
Уголь (в пересчете на каменный)				
1940 г.	33	67	366	61
1941 г.	27	66	308	54
1942 г.	11	30	140	24
Нефть (включая газовый конденсат)				
1940 г.	17	Добыча нефти незначительна	Добыча нефти незначительна	Добыча нефти незначительна
1941 г.	12			
1942 г.	12			
Электроэнергия**				
1940 г.	25	121	208	77
1941 г.	21	106	—	67
1942 г.	12	61	—	41
Локомотивы магистральные				
1940 г.	185	329	—	—
1941 г.	65	293	—	—
1942 г.	1,0	2,5	4,5	—
Вагоны грузовые магистральные				
1940 г.	48	—	—	—
1941 г.	40	—	—	—
1942 г.	0,1	—	2,4	—
Вагоны пассажирские магистральные***				
1940 г.	369	—	—	—
1941 г.	152	—	—	—
Станки металлорежущие				
1940 г.	52	—	—	47
1941 г.	24	55	—	35
1942 г.	7,4	24	—	21
Цемент				
1940 г.	25	77	—	52
1941 г.	19	76	161	41
1942 г.	4	15	45	13

* Народное хозяйство СССР: Стат. сб. М., 1990. С. 34–36.

** По США и Франции соотношения исчислены на основании данных об отпуске с шин; по Англии и Германии – на основании данных о валовой выработке электроэнергии.

*** В СССР пассажирские магистральные вагоны в 1942–1944 гг. не производились.

**ПРОИЗВОДСТВО ОСНОВНЫХ ВИДОВ ПРОМЫШЛЕННОЙ ПРОДУКЦИИ В СССР
И В РАЗВИТЫХ КАПИТАЛИСТИЧЕСКИХ СТРАНАХ В 1940–1942 г.^{1*}**

Виды продукции	СССР	США	Англия	Франция	Германии (в границах 1937 г.)
Железная руда, млн т					
1940 г.	29,9	74,9	18,0	18,2	(14,7)
1941 г.	24,7	93,9	19,3	20,9	(13,9)
1942 г.	9,8	108,7	20,2	25,0	(12,5)
Чугун, млн т					
1940 г.	14,9	42,6	8,3	3,7	14,0
1941 г.	13,8	50,9	7,5	3,4	15,4
1942 г.	4,8	54,5	7,8	3,8	15,3
Сталь, млн т					
1940 г.	18,3	60,8	13,2	4,4	19,1
1941 г.	17,9	75,1	12,5	4,3	20,8
1942 г.	8,1	78,0	13,1	4,5	20,5
Уголь (в пересчете на каменный) ^{2*} , млн т					
1940 г.	153,7	463,6	227,9	42,0	251,9
1941 г.	138,2	516,5	209,6	44,9	257,4
1942 г.	62,9	582,2	208,2	44,9	261,7
Нефть (включая газовый конденсат), млн т					
1940 г.	31,1	182,9	Добыча нефти незначительна	Добыча нефти незначительна	Добыча нефти незначительна
1941 г.	33,0	189,5			
1942 г.	22,0	187,4			
Электроэнергия ^{3*} , кВт-ч					
1940 г.	48,3	179,9	39,9	22,0 ^{4*}	63,0
1941 г.	46,7	208,3	44,1	...	70,0
1942 г.	29,1	233,1	47,8	...	71,5
Магистральные локомотивы, шт.					
1940 г.	928	501	282	...	...
1941 г.	715	1104	244	...	...
1942 г.	9	947 ^{4*}	360	201	...
Грузовые магистральные вагоны, тыс. шт.					
1940 г.	30,9	64,1	...	...	...
1941 г.	33,1	83,0	...	...	...
1942 г.	0,1	71,4	...	4,2	...
Пассажирские магистральные вагоны, шт.					
1940 г.	1051	285	...	...	...
1941 г.	552	363	...	...	...
1942 г.	—	429	...	...	...
Металлорежущие станки ^{5*} , тыс. шт.					
1940 г.	58,4	112,0	...	...	125,0
1941 г.	44,5	185,0	80,9	...	126,0
1942 г.	22,9	307,2	95,8	...	107,0
Цемент, млн т					
1940 г.	5,7	22,6	7,3	...	10,9
1941 г.	5,5	28,4	7,2	3,4 ^{6*}	13,4
1942 г.	1,1	31,5	7,6	2,5 ^{6*}	9,0

^{1*} Народное хозяйство СССР в Великой Отечественной войне: Стат. сб. М., 1990. С. 31–33.

^{2*} По СССР показан весь рядовой уголь по установленному стандарту зольности (не исключая отходов при обогащении, по капиталистическим странам – товарная добыча угля (без отходов при обогащении)).

^{3*} По СССР, Англии и Германии приведена валовая выработка электроэнергии, по США и Франции – отпуск с шин (без расхода электростанций на собственные нужды).

^{4*} Не включено производство по заказам государственных органов по закону "О передаче взаймы или аренду вооружения".

^{5*} По Англии данные относятся к металлообрабатывающему оборудованию. По Германии данные рассчитаны.

^{6*} Без Эльзас-Лотарингии.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

- Абакумов В.С. 389
Абрамов И.Ф. 201
Абрамова Ф. 419
Агаджангов С.И. 408
Агас 64
Адамович Алесь 468
Акимов А.И. 173
Акимов С.Д. 153, 201
Акимочкин П.М. 300
Акопов С.А. 394
Александров Г.Ф. 60, 61
Алексеев Д.Ф. 260
Алексеев И.П. 147
Алябушев Ф.Ф. 158
Амелин А.Г. 401
Ангелина П. 418
Андреев А.А. 68, 386
Андреев В. 403
Анисов А.Ф. 337
Антонеску Й. 189, 314, 321, 476, 497
Анфилов В.А. 118
Артемяев П.А. 176, 250
Арутюнов Б.Н. 389
Аршинцев Б.Н. 376
Асеев В.А. 367
Астров Н.А. 407
Афанасьев А. 403
Афросимов П.Н. 301
Ахлюстин П.Н. 144
- Бабилов М.А. 132
Бабков С.С. 401
Баггале 427
Баграмян И.Х. 194, 339
Байков А.А. 402
Бакунин Ф.А. 173, 177
Баландин В.П. 408
Бамлер Р. 280
Баран Я.И. 407
Бардин И.П. 402
Бартини Р.Л. 473
Баталов Ф.А. 175
Батов П.И. 238, 277
Батраков М.С. 181
Батт 437
Батюк Н.Ф. 368
Баштаков 493
Белецкий Е.М. 342
- Белл Ф. 18
Белобородов А.П. 250, 259, 260
Белов П.А. 242, 257, 263–265, 275, 287, 290, 294, 295, 302
Белов фон 280
Белянский А.А. 408
Бенеш Э. 19, 453
Бердяев Н.А. 355, 463
Берзарин Н.Э. 152, 307
Берия Л.П. 59, 68, 70, 126, 130, 131, 136, 356, 386, 473, 481, 493
Бетман 438
Бивен Э. 435
Бивербрук У. 435–438, 440
Бирюзов С.С. 86, 174
Бирюков Н.И. 503
Бланк М.И. 158, 162
Блюментрит Г. 179, 280
Бобкин Л.В. 338
Бобров Б.Д. 222
Бобров Ф.А. 279
Богаткин В.Н. 154
Богданов А. 403
Богданов А.В. 228
Богданов И.А. 176
Богданов П.В. 150
Богданов С.И. 140
Бодин П.И. 350, 351
Бойков Н.И. 366
Бок Ф. фон 113, 117, 136, 141, 143, 146, 169, 176, 179, 180, 212, 218, 226, 227, 230, 231, 232, 234, 239, 243, 244, 254–257, 265, 269, 342–345
Боков Ф.И. 354
Болдин И.В. 138, 139, 144, 181, 219, 222, 263, 265, 275, 296, 503
Болдуин С. 17
Болотов В.А. 401
Борисенко Н.Н. 297
Борисков Г.К. 401
Борисов В.Б. 141
Борцов М. 403
Босый Д. 403
Боярский Л.Т. 411
Браун 445
Браухич В. 43, 47, 94, 96, 98, 103, 151, 177, 204, 254, 269
Брицке Э.В. 402

- Брэдли О. 451
 Буденный С.М. 71, 88, 89, 136, 142, 145, 190, 191, 193, 194, 213, 215, 234, 332, 369, 371–376, 504
 Булганин Н.А. 68, 174, 221, 252
 Бурденюк А.А. 142
 Бурмистенко М.А. 195
 Бухарин Н.И. 472
 Быховский А.И. 410
- Ваганов А.И. 281
 Вагнер Э. 101
 Вайнант Дж. 427, 441, 447
 Ванников Б.Л. 65, 394, 410, 482
 Варлимонт 381
 Василевский А.М. 108, 118, 120, 192, 193, 252, 324, 327, 332, 336, 337, 339, 342, 354, 356, 360, 363, 366, 485
 Васильковский В.В. 281
 Ватутин Н.Ф. 108, 136, 154, 227, 228, 334
 Вахрушев В.В. 394
 Вашкевич В.Р. 222, 223
 Вашугин Н.Н. 156, 159, 160
 Вейган 477
 Вейхс М. 169, 181, 224, 265, 342, 343, 345
 Велер 323
 Верт А. 452
 Вечный П.П. 332
 Вильсон 24
 Виноградов В.И. 147
 Вишневский С.В. 219
 Власов А.А. 190, 193, 242, 272, 273, 292, 305, 328
 Вознесенский Н.А. 68, 131, 136, 286, 386
 Волков И.А. 223
 Вольгат Г. 24
 Воробьев М.П. 182
 Воронов Н.Н. 136, 202
 Воронченко В.И. 296
 Ворошилов К.Е. 24, 59, 82, 86, 126, 131, 136, 143, 145, 192, 200, 202, 204, 206, 315, 436, 451, 475, 486, 493, 504
 Вострухов В.И. 270
 Вучетич Е.В. 301
 Вышинский А.Я. 69, 425, 427, 432, 450
- Галактионов С.Г. 480, 502
 Галанин И.В. 305
 Галифакс Э. 17, 18, 24, 26, 35, 446
 Галицкий К.Н. 141
 Гальдер Ф. 39, 42, 43, 94, 96–98, 100, 101, 126, 143, 144, 151, 164–166, 181, 190, 192, 200, 201, 203, 238, 239, 254, 266, 280, 312, 337, 344, 356, 358
 Гармаш Д. 418
 Гарриман А. 436–438, 440, 451
 Гастелло Н.Ф. 142, 368
 Геббельс И. 134
- Генлейн К. 18
 Гепнер Э. 148, 149, 197, 199, 201, 203, 218, 242, 243, 287, 289
 Герасименко В.Ф. 177
 Гесс Р. 477
 Гинденбург П. 330
 Геринг Г. 26, 44, 71, 340
 Гинзбург С.З. 391, 394
 Гитлер А. 13, 14, 17–20, 22, 23, 28, 30, 31, 34–44, 46, 49, 56, 71, 80, 94, 96–98, 100, 104, 113, 116, 117, 126, 133, 134, 169, 176, 179, 180, 181, 189, 190, 192, 199, 200, 201, 212, 218, 221, 238, 239, 254, 257, 268, 269, 271, 280, 281, 287, 291–293, 314, 321, 322, 335, 337, 340, 342–346, 356, 358, 372, 377, 380, 381, 425, 426, 428, 440, 441, 450, 454, 472, 497
 Глазунов В.А. 293
 Говоров Л.А. 262, 272, 291, 293, 328
 Голиков Ф.И. 117, 264, 341, 360, 429, 430, 432, 436
 Голль Ш. де 433, 434, 453
 Голованов А.Е. 367
 Голубев К.Д. 180, 229, 295, 296
 Гонор Л.Р. 410
 Гопкинс Г. 431, 432, 436, 443, 449, 481
 Гордов В.Н. 344, 354, 356, 360
 Горин Н.В. 271
 Горлицкий Л.И. 407
 Городнянский А.М. 174, 217, 219, 224, 225, 265, 266, 277, 309, 338
 Городовиков О.И. 176
 Горшков С.Г. 370
 Горюнов С.К. 370
 Гот Г. 140–143, 147–149, 151, 169, 171, 172, 199, 200, 201, 218, 219, 342, 344, 358, 371, 374, 375
 Грейфенберг Г. 94, 254
 Григорьев А.Т. 480, 501, 502
 Гришин М.Д. 219, 224
 Гройт Р. 313
 Грызлов А.А. 366
 Грязнов А.С. 228
 Гудериан Г. 138, 140–147, 169, 171, 173, 176, 180–183, 190, 192, 217–220, 225, 232, 233, 242, 243, 263, 265
- Давидович В.С. 201
 Даладзе Э. 21, 23
 Данилов А.И. 195
 Дегтярев В.А. 410
 Дедаев Н.А. 151
 Деменков Ф.Н. 296
 Дементьев Н.И. 158
 Дёрр Г. 359, 361
 Джугашвили Я.И. 172
 Дибров П.А. 153
 Дилл 428

- Димитров Г.М. 31
 Дирксен Г. 24
 Добыкин Д.М. 195
 Доватор Л.М. 182, 262, 272
 Долматов В.Н. 176, 228
 Дорш К. 143
 Драйзер Теодор 430
 Дружинин А.С. 230
 Дубровин Н.Ф. 390
 Дукельский С.С. 388
 Дульский Б.Я. 407
 Духов Н.Л. 407
 Дымшиц В.Э. 397
- Егоров А.И. 106
 Ежов Н.И. 64
 Елин И.П. 367
 Елисеев А.Б. 205
 Елисеев И.К. 480, 502
 Елян А.С. 410
 Еременко А.И. 180, 182, 183, 191, 192, 213, 215, 217–219, 221, 224, 291, 357, 359–363
 Еременко С. 403
 Еремин Б.Д. 160
 Еремин Н.В. 120, 121
 Ермаков А.Н. 143, 215, 219, 225, 226, 232, 242
 Ермолаев В.С. 159
 Ерохин М.Е. 219
 Ершаков Ф.А. 147, 172, 220–223
 Ефремов А.И. 394
 Ефремов М.Г. 177, 180, 230, 243, 278, 279, 291, 293–296, 300–301, 326
- Жабо В.В. 301
 Жданов А.А. 59, 60, 71, 136, 233
 Жигарев П.Ф. 136, 202
 Жидов А.С. (Жадов) 145
 Житков А.А. 392
 Жуков Г.В. 196
 Жуков Г.К. 59, 82, 108, 118, 120, 121, 129, 130, 136, 152, 153, 156, 157, 180–183, 191–193, 202, 208, 213, 220–222, 227, 231, 233, 234, 240, 242, 251–253, 259, 260, 262, 264, 265, 268, 272, 273, 275–281, 285, 286, 290–292, 294–296, 299–302, 314, 326, 327, 342, 345, 346, 354, 366, 394, 485, 498, 499, 504
- Завертайло И.П. 403
 Задорожный К.А. 407
 Зайцев В. 368
 Зайцев В.Т. 401
 Зальцман И.М. 406
 Запорожец А.И. 59, 163
 Захаркин И.Г. 241, 264
 Захаров Г.Ф. 218, 224
 Захаров М.В. 120, 200, 389
- Захаров Ф.Д. 300
 Зверев А.Г. 394
 Зверев Г.А. 222
 Зелинский В.П. 273
 Зоденштерн Г. 41
 Зорге Р. 250
 Зыгин А.И. 172
- Ибаррури Р. 368
 Иванов Д.И. 140
 Иванов М.М. 151
 Иванов С.П. 141
 Иванов Ф.С. 154, 159, 160, 203
 Иден А. 427, 429, 433, 441, 442, 444–447
 Ильин П.С. 357
 Ингерсолл Р. 425
 Иовлев С.И. 279
 Иоффе А.Ф. 402
 Исаев Ф.М. 445
 Исмей Х. 438
 Итон И.Д. 496
 Ишервуд И. 434
- Йодль А. 43, 44, 94–97, 101, 322, 337, 358, 380, 381
- Кабанов И.Г. 394
 Кабанов С.И. 205
 Каган С.З. 401
 Каганович Л.М. 59, 68, 136, 386, 388, 389, 493
 Кадоган Ал. 428, 442
 Казаков Н.С. 381, 394
 Казаков М.И. 341
 Казанкин А.Ф. 300
 Калинин А.А. 142
 Калинин М.И. 324, 493
 Калинин С.А. 176, 177
 Кальченко Е.А. 195
 Каменщиков А. 368
 Капустин Б.Г. 160
 Карамышев Г.П. 231, 250
 Карелл П. 151, 178
 Карпезо И.И. 159
 Катуков М.Е. 232, 262
 Качалов В.Я. 176–179, 503, 504
 Кейтель В. 41, 42, 45, 103, 164, 200, 204, 279, 291, 324, 345, 381
 Кемпф В. 161
 Кент Рокуэлл 430
 Керр Кларк 450–452
 Кижеватов А.М. 137
 Кинцель Э. 94, 95
 Кириллов М.Г. 172
 Кириллов Н.К. 189, 503, 504
 Кириллов 301
 Кирпонос М.П. 34, 155–157, 159, 161, 162, 185, 186, 193–195

- Киселев В.А. 296
 Клевенской М.С. 151
 Клейст Э. 159–162, 184–187, 236, 336–338, 371, 374–377, 381, 382
 Кленов П.С. 129, 149
 Климовских В.Е. 129, 136, 138, 146, 480, 498, 501, 502
 Клыков Н.К. 231, 305
 Клыпин Н.Я. 229
 Клюге Х.Г. 142, 228, 287, 291, 293, 295, 298, 323
 Князьков С.А. 290
 Кобулов Б.З. 493
 Козлов Д.Т. 311, 313, 331, 333
 Козлов П.М. 372
 Козлов П.С. 229
 Коваленко К.А. 219, 363
 Ковальский С.И. 160, 161
 Ковац П.С. 179
 Колганов К.С. 322
 Колихович С.А. 230
 Коломиец Т.К. 358, 372
 Колпакчи В.Я. 350
 Коляда Н.З. 175
 Комаров В.Л. 402
 Комен 21
 Комиссаров К.В. 298
 Кондратенко Д.С. 259
 Кондратьев А.М. 295
 Кондрусев С.И. 157
 Конев И.С. 181, 213–215, 218–220, 222, 227, 228, 234, 251, 252, 261, 268–272, 288, 297, 298, 299, 466
 Коноваленко К.Н. 394
 Коновалова Е. 418
 Конрад Р. 380
 Константинов П. 403
 Копец И.И. 137
 Коробков А.А. 138, 140, 142, 145, 480, 501, 502
 Королев С.П. 473
 Коротеев К.А. 309
 Коротков Г.П. 228
 Кособуцкий И.С. 480, 501, 502
 Косогорова М.П. 403
 Костенко Ф.Я. 156, 186, 194, 256, 265–267, 309, 338
 Костиков А.Г. 410
 Косыгин А.Н. 65, 202, 389, 390, 394
 Косяченко Г.П. 389
 Котин Ж.Я. 406
 Котов Г.П. 378
 Котце фон 35
 Кох Э. 207
 Кочанов К.М. 201
 Кочетов Д.Е. 407
 Кошкин М.М. 407
 Краснорецкий Н.П. 229
 Крейзер Я.Г. 147, 173, 219, 225, 266
 Крестинский Н.Н. 472
 Криппс С. 38, 40, 425–430, 432, 435
 Крисевич П.И. 178
 Круглов С.Н. 221
 Крылов А.Н. 402
 Крылов Н.И. 364, 365
 Крюченкин В.Д. 266
 Кузнецов А.А. 200
 Кузнецов В.И. 138, 140, 152, 153, 242, 271, 292, 503
 Кузнецов Н.Г. 202, 436
 Кузнецов Ф.И. 112, 119–121, 136, 147–149, 175, 237, 243
 Кузнецова А. 418
 Куклин П.Ф. 241
 Кулаков Н.М. 335
 Кулик Г.И. 71, 136, 138, 145, 332
 Куликов П.Н. 272
 Курдюмов В.Н. 82
 Курин Н.В. 407
 Куркин А.В. 150, 152
 Курочкин И.Г. 480, 502
 Курочкин П.А. 201, 222, 288, 307, 308
 Кутепов С.Ф. 173
 Куусинен О. 33
 Кучеренко Н.А. 407
 Кучинев В.Г. 301

 Лавернь Б. 41
 Лаврентьев В. 403
 Лазарев И.Г. 203
 Ламонт К. 430, 431
 Лаузен 196
 Левашов А.Ф. 300
 Левченко Г.И. 238
 Легкобитов Т.С. 397
 Лееб В. 117, 148, 149, 152, 199, 200, 201, 204
 Лелюшенко Д.Д. 152, 153, 219, 221, 230, 257, 270
 Ленин В.И. 15, 60, 63, 501
 Леселидзе К.Н. 380
 Лиддел Гарг Б. 281
 Лизюков А.И. 175, 230, 342
 Лист В. 344, 371, 377, 380, 381
 Литвинов М.М. 19, 21, 436, 443, 446, 449, 473
 Ллойд Джордж 40
 Лобачев А.А. 175
 Лозе Г. 207
 Локтионов А.Д. 80, 482
 Ломонт К. 430
 Лопатин А.И. 309, 357, 364
 Лоскутов И.К. 407
 Лоссберг Б. 96
 Лукин М.Ф. 160, 174, 221–224
 Львов В.Н. 311
 Людников И.И. 368

- Майский И.М. 27, 427, 433, 435, 441, 442, 445, 446
 Макартур Д. 444
 Макензен Э. 161, 338
 Маковчук Н.М. 294
 Максарев Ю.Е. 407
 Максвелл Р. 451
 Максименко С.С. 403
 Маландин Г.К. 138
 Маленков Г.М. 59, 71, 126, 130, 131, 136, 202, 360, 363, 386, 498, 499
 Малиновский Р.Я. 309, 337, 369, 370, 371, 374
 Малько Д.И. 143
 Малышев В.А. 65, 360, 391, 406
 Манаков И. 403
 Манин В.Д. 411
 Маннергейм Г. 33, 475
 Манштейн Э. 150, 152, 153, 197, 198, 201, 237, 238, 310, 314, 335
 Марко Э. 95, 96
 Маррас 171
 Маршалл Дж. 444
 Масленников И.И. 176, 177, 181, 259, 270, 288
 Маслов А.Г. 309
 Масудов Г. 403
 Махонин С.М. 407
 Мацуоки И. 40
 Меженинов С.А. 106
 Мерецков К.А. 71, 80, 82, 88, 89, 104, 106, 136, 304, 306, 328, 482
 Меркулов В.Н. 493
 Мехлис Л.З. 68, 71, 88, 130, 136, 145, 146, 313, 314, 332, 333, 485
 Мещеряков И. 403
 Мизенин И. 403
 Микоян А.И. 59, 68, 136, 386, 389, 394, 436, 438, 491, 493
 Микушев Г.Н. 120, 156, 158
 Миллер А. 434
 Минин К. 5
 Миронов П.В. 228
 Михайлов Г.М. 172
 Михалев Д.В. 407
 Мишанин Т.А. 160
 Мишела Д.М. 496
 Мишулин В.А. 173
 Модель В. 182, 191, 298
 Молотов В.М. 24, 31, 33, 36, 38, 59, 60, 68, 80, 117, 118, 125, 129–132, 136, 174, 202, 386, 427, 429, 430, 433, 436, 438, 440–442, 444–452, 473, 476–478, 490, 491, 493, 494, 501, 504
 Морева П. 414
 Морозов А.А. 407
 Морозов В.И. 148, 152, 196, 307
 Москаленко К.С. 360
 Мостовенко Д.К. 139
 Музруков Б.Г. 407
 Музыченко И.Н. 157, 162, 187–189
 Муссолини Б. 21, 239
 Мухин Г.В. 197
 Мэрфи 477
 Мяттэ К.Ю. 178
 Мясницев В.М. 473

 Нагорный В. 418
 Наметкин С.С. 402
 Наполеон Б. 5, 151, 486
 Невский Александр 5, 486
 Наумов А.Ф. 229
 Недвигин С.И. 140, 176
 Некрасов А.И. 473
 Некрасов И.М. 181
 Никитин И.С. 220
 Никишев М.С. 195
 Николаев-Журид 64
 Николаенко Б.М. 332
 Никулин Н.В. 411
 Новик К.И. 268
 Новиков А.А. 360
 Новиков В.Н. 410
 Новиков Т.Я. 158, 503
 Новосельский Ю.В. 186
 Носенко Н.Н. 391
 Носков В.В. 201

 Оборин С.И. 140, 146
 Образцов В.И. 402
 Огурцов С.Я. 162
 Окороков А.Д. 203
 Октябрьский Ф.С. 238, 335, 370
 Онуприенко Д.П. 218
 Орленко П.В. 158
 Осима Х. 174, 321
 Осьминский В.М. 160

 Паасикиви Ю.К. 32
 Павлов Д.Г. 136, 138–142, 145, 480, 498, 501, 502
 Павлов Я.Ф. 368
 Падерин Я.Н. 281
 Памфилов К.Д. 389
 Панфилов И.В. 231, 232
 Панюхов В.В. 195
 Паршин П.И. 394
 Патарыкин А.Н. 158
 Патолычев Н.С. 390
 Патон Е.О. 405
 Паулус Ф. 96–98, 200, 336, 338, 341, 344, 351, 353, 355–358, 362, 365, 375
 Пейджет 435
 Первухин М.Г. 389, 394

- Первушин А.Н. 311
 Петляков В.М. 473
 Петров И.Е. 196, 237, 238, 333, 335, 379
 Петров М.П. 142, 180, 224, 225
 Петровский Л.Г. 175, 176
 Петрушевский А.В. 141
 Петэн А. 476, 477
 Писаревский Д.С. 195
 Писсар М. 368
 Плановский А.П. 401
 Плиев И.А. 292
 Поветкин С.И. 145
 Подлас К.П. 190, 193, 338
 Пожарский Д. 5
 Поливода Г.С. 158
 Полосухин В.И. 230, 243, 250
 Полянский П.И. 150
 Понеделин П.Г. 156, 187–189, 530
 Пономаренко П.К. 146
 Попель Н.К. 160, 503
 Попов Б.П. 150
 Попов В.С. 275, 276
 Попов М.М. 277
 Попов М. 403
 Поскребышев А.Н. 136
 Поспелов П.Н. 60
 Потапов М.И. 120, 162, 184, 186, 189, 194, 195
 Потемкин В.П. 21, 23
 Преображенский Е.Н. 204
 Пронин Н.Н. 288
 Пуганов В.П. 140
 Пуркаев М.А. 129, 156, 291
 Пшеничников П.С. 277
 Пэрн Л.А. 225
 Пядышев К.П. 154, 197

 Радзивиловский А.П. 64
 Радо А. 192
 Райхель Р. 340, 341
 Ракутин К.И. 176, 181, 183, 221, 222
 Редер Э. 43
 Рейнгардт К. 150, 201, 227, 234, 242, 243, 263, 287, 465
 Рейхенау В. 158, 162, 163, 189, 190, 196
 Ремизов Ф.Т. 262, 272
 Реннекамф П.К. 339
 Риббентроп И. 21, 26, 30, 37, 134, 488–491
 Рихтгофен В. 239, 270
 Рогачев Д.Д. 140
 Родимцев А.И. 367, 368
 Розенберг А. 143, 207, 259
 Розенгольц А.П. 472
 Рой Хрисанф 414
 Рокоссовский К.К. 159, 172, 176, 178, 179, 215, 220, 231, 234, 240–242, 272, 293, 342
 Романов М.Т. 177, 178
 Роммель Э. 335, 377, 470

 Рубинчик Е.Э. 407
 Рубцов Ф.Д. 176
 Руденко С.И. 367
 Рузвельт Ф. 133, 249, 426–428, 430–432, 435, 436, 443, 446–452, 454, 484, 489–491
 Рука А. 434
 Рундштедт Г. фон 41, 117, 155, 156, 158, 160, 163, 186, 189–191, 321
 Руофф Р. 232, 291, 371
 Рухле И.Н. 219
 Рыжов А.И. 376
 Рыков А.И. 472
 Рыков Е.П. 195
 Рычагов П.В. 80
 Рябышев Д.И. 157–160, 309
 Рякин Н.В. 276

 Сабуров М.З. 387, 389
 Салихов М.Б. 480, 502
 Самохин А.Г. 336
 Самсонов А.В. 339
 Сандалов Л.М. 137, 272
 Санин С. 281
 Свечин А.А. 315, 316
 Святухин В.В. 401
 Семагин И.А. 201
 Семенов Н.Н. 402
 Семенченко К.А. 157
 Семиволос А. 403
 Сергацков В.Ф. 380
 Сикорский В. 433
 Симонов Константин 63, 460
 Симонов С.Г. 410
 Синклер Эптон 430
 Сиязов М.А. 256, 276
 Скрипко Н.С. 139
 Скоробогатый Г.Н. 142
 Скрябин К.И. 402
 Смирнов А.К. 236
 Смирнов А.П. 70
 Смирнов П.И. 402
 Смушкевич Я.В. 71, 482
 Собенников П.П. 112, 148, 153, 154, 201
 Соколов А.Д. 162
 Соколов Г.Г. 304, 305
 Соколовский В.Д. 138, 252
 Сотенский В.Н. 195
 Софронов Г.Н. 196
 Сталин И.В. 28, 30, 31, 32, 37–41, 59, 60, 62, 68, 70–72, 80, 82, 83, 85–87, 104, 116–120, 125, 126, 130, 131, 136, 138, 144–146, 172, 174, 176, 180, 182, 191–194, 201, 202, 208, 215, 219, 220, 233, 240–242, 251, 252, 268, 269, 272, 285, 293, 297–300, 302, 306, 313, 325–328, 331–333, 336–339, 341, 342, 344, 351, 354–356, 360, 361, 363, 366, 369, 371, 372, 374, 385, 386, 425, 428–432, 434, 435, 437, 438, 440–442, 444–452, 454, 462, 463,

- 465, 476, 480, 481, 492–494, 501, 502, 504,
507
Старчак И.Г. 229
Стечкин Б.С. 473
Стимсон Г. 432
Стрельбицкий И.С. 141, 143
Ступников Е.Д. 401
Стэндли У. 449
Сун Цзывэнь 443
Суриц Я. 17
Сурков А. 63
Сусайков И.З. 146
Суханов М.А. 259
Суций Ф.Г. 158
Сыровы Я. 19
- Таннер В. 32
Таранов И.А. 231
Тарасов Д.З. 160
Таюрский А.И. 146
Твардовский А.Т. 63
Тевосян И.Т. 391
Тевосян И.Ф. 65
Телегин К.Ф. 132
Тетешкин С.И. 366
Тимофеев Г.Т. 290
Тимошенко С.К. 33, 67, 82, 104, 106, 118–
120, 129, 130, 136, 145, 146, 169, 171, 172,
174, 176, 177, 182, 191, 194, 212, 236, 266,
268, 285, 309, 325, 327, 336–339, 341, 342,
344, 351, 475, 498, 499, 504
Тодт Ф. 50, 51
Токарев М.А. 273
Толбухин Ф.И. 314, 360
Толстой Л.Н. 232
Томас Г. 44
Томашевский А.М. 230
Травников Н.Г. 364
Траштуин И.Я. 407
Третьяков А.Т. 408
Трибуц В.Ф. 151, 205
Тупиков В.И. 117, 194, 195
Туполев А.Н. 62, 473
Тухачевский М.Н. 106
Тюленев И.В. 163, 186, 187, 188, 190, 370
- Угрюмов Н.С. 197
Уилки У. 449, 452
Ульяновы 63
Уманский К. 429, 432, 435
Устинов Д.Ф. 65, 439, 410
Утвенко А.И. 357
Ушаков-Ушмирский З.М. 64
Уэйвелл А. 435, 451
Уэллес С. 133, 427, 429, 446
- Фадеев И.И. 153
Файэрбрейс Р. 20
- Фаттяхутдинов Х. 368
Фатьянова Е. 419
Федор 345
Федоренко Я.Н. 87, 341, 360
Федюнинский И.И. 120, 203, 304, 305
Фекленко Н.В. 159
Ферсман А.Е. 402
Ферстер О. 270
Филатов П.М. 141
Фланден П. 17
Флеров И.А. 173
Фоканов Я.С. 224
Фоминых А.Ф. 136, 498
Форд 430
Франк Ф. 268
Франко Б. 16, 473
Фраткин Б.А. 411
Фрезеров Г.Р. 407
Фрикке К. 43
Фриновский М.П. 64
Фрунзе М.В. 106
- Жабаров Ф.И. 142
Хазанов Б.А. 411
Хайлов В.С. 401
Халин А.Е. 281
Харитонов Ф.М. 236, 310
Харламов Н.М. 429
Харро Шульце-Бойзен 325
Хаупт В. 195
Хацкилевич М.Г. 139
Хиранума К. 27
Хозин М.С. 306, 328
Хоменко В.А. 176, 177, 181, 218, 219
Хоу Дж. 434
Хохлов И.С. 221
Хренов А.Ф. 86
Хрущев Н.С. 339, 356, 360, 363
Хубе Х. 191
Хэлл К. 431, 447, 449
- Цехлин Э. 35
- Чанчибадзе П.Г. 260, 262, 271
Чеботарев Ф.К. 411
Чемберлен Н. 19, 21, 23, 24, 26, 40, 425, 472
Червяков З.П. 367
Червяченко Я.Т. 156, 163, 236, 277, 374,
379
Черненко К.У. 472
Чернышев П.Н. 174, 261
Чернышев Ф.В. 260
Черняк С.И. 331, 332
Черняховский И.Д. 190
Черчилль У. 23, 40, 42, 425–427, 429, 432,
434–436, 438, 441, 443–446, 448, 450–452,
454, 476, 477, 478
Чехов А. 368

Чиано Г. 21
Чибисов Н.Е. 164
Чивилихин В. 396
Чистяков И.М. 272, 273
Чувашев П.П. 191
Чудаков Е.А. 402
Чуев Ф. 117, 445
Чуйков В.И. 366, 367
Чупахин Т.П. 407
Чухнов И.Ф. 203

Шавыдвин Б.Н. 410
Шагинян М. 62, 63
Шалаев В.Ф. 403
Шаманин Ф.А. 332
Шапошников Б.М. 71, 82, 86, 87, 104, 136, 138, 141, 145, 182, 191, 193, 194, 201, 208, 219, 224, 251, 268, 324, 326, 327, 345, 346, 451, 481, 504
Шахурин А.И. 408, 436, 437
Шашков Э.А. 388
Шверник Н.М. 389
Швецов В.И. 270, 298
Шевалдин Г.И. 203
Шевляков Н.С. 281
Шестопалов Н.М. 150
Шешков А.С. 281
Шишенин Г.Д. 163
Шляпин Н.А. 225
Шмидт Р. 265, 266

Шмундт Р. 199
Шнурре 481
Шоберт Э. 163
Шпагин Г.С. 409
Шпонек 312
Штевнев А.Д. 363, 364
Штерн Г.М. 80, 482
Штраус А. 140, 260
Штумме Ф. 340
Штюльпнагель К.-Х. 184, 187
Шуленбург Ф. 30, 31, 36, 37, 129, 491, 494
Шумилов М.С. 359

Щеглов А.В. 173
Щербаков А.С. 60, 485
Щербаков В.И. 203
Щукин П. 403

Эйзенхауэр Д. 450
Эйтон 428
Эркко Э. 32

Юшкевич В.А. 144, 259

Якимов Н.Н. 301
Яковлев А.С. 407, 436, 437
Яковлев В.Ф. 305
Яковлев Н.Д. 436
Янкин И. 403
Ярославский Е.М. 60

УКАЗАТЕЛЬ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ

- Абганерово 364
Абинская 379
Австралия 447, 453, 486
Австрия 14, 18, 20, 472
Азербайджан 464
Азия 17, 484
Азов 343, 370, 373
Азово-Черноморский край 67
Азовское море 96, 237, 309, 370
Акатовка 362
Акмолинск (Акмола) 474
Ак-Монай 311, 312, 331
Ак-Монайский перешеек 312, 313, 315
Алабино 250, 254
Алагир 382
Албания 16, 473
Алексеевское 294
Алексин 228, 229, 264
Алжир 470
Алитус 147
Алленштайн (Ольштын) 108
Алушта 313
Алхан-Чурт 378
Альма, р. 346
Аляска 440, 464
Америка 85
Анапа 379
Англия *см.* Великобритания
Андреаполь 291
Анкара 474
Антреа, ст. 33
Апрелевка 243
Арабатский вал. 312
Арзамас 251
Арктика 428, 441
Армавир 371, 374, 376
Артемовск 310, 343, 344
Архангельск 95–97, 122, 434, 435, 439
Астрахань 240, 250, 355, 360, 401
Атлантика 115, 429, 432, 436, 448, 464
Атлантический океан 109
Афганистан 15, 40, 76
Африка 102, 450, 470
Африканский континент 56
Ахметовская 380

Бабанка 188
Бад-Мондорф 279

Баин-Цаган 474
Байкал, оз. 17
Бакинский р-н 369
Баксан, р. 376, 377
Баксанское ущелье 377
Баку 38, 371, 376, 377, 382, 445
Балабаново 279
Балаклея 309, 310, 336–338
Балканы (Балканский п-ов) 10, 37, 38, 39, 44, 102, 107, 114, 116, 268, 425, 434
Балтийские государства 442
Балтийское море 43, 50, 95, 97, 98, 109, 115, 149, 165, 213, 499
Балхаш 473
Барановичи 104, 141, 142
Барвенково 309, 310, 336, 337
Баренцево море 32, 108, 130, 165, 439
Басаргино 365
Батагово 224
Батайск 369, 371–374
Батищево 294
Батуми 370, 371, 375, 377, 380, 381
Бахмач 190
Белая, р. 375
Белая Церковь 185, 186
Белёв 221, 225, 275, 276
Белое море 108, 439
Беломорск 115
Белоруссия 10, 31, 40, 67, 74, 82, 84, 88, 98, 104, 131, 132, 134, 136, 145–147, 164, 175, 195, 206, 207, 355, 369, 393, 415, 460, 464, 468, 469, 474, 479, 492, 493, 500, 505
Белосток 29, 100, 138, 143, 503
Белостокская обл. 500
Белья 176, 212, 219, 298, 300
Бельгия 16, 34, 40, 425, 433, 474, 475, 477, 481
Бельцы 156, 163, 184
Бергхоф 43, 98
Бердичев 162, 184, 189
Березина, р. 142, 143, 145, 147, 176
Берестечко 156–159
Берлин 13, 16–18, 24–26, 30, 35–39, 43, 46, 52, 76, 77, 117, 134, 174, 179, 204, 254, 287, 320, 345, 425, 464, 476, 481, 488, 489, 497
Берхтесгаден 19

Бессарабия 26, 27, 36, 37, 40, 56, 132, 163, 442, 460, 462, 476, 488
Бзыбь, р. 380
Бискайский зал. 393
Ближний Восток 117, 427, 428, 434
Бобруйск 142, 172, 176, 177
Богемия (Чехия) 14, 23, 76
Богородицк 265
Богородицкое 222, 223
Боковская 344
Болгария 16, 38, 39, 40, 113, 477, 481, 485
Болград 156
Бологое 307
Болшево 62, 473
Болхов 277
Большая Коша, р. 228
Большая Сестра, р. 271
Борисов 146
Борисоглебск 344
Боровск 229, 279, 287, 291
Бородино, с. 230
Босфор, прол. 38
Ботнический зал 109, 115.
Бреслау (Вроцлав) 107
Брест 29, 104, 108, 137, 139, 140, 144, 206
Брест-Литовск 29, 106
Брестская крепость 137, 144, 479
Британия 372, 424–427, 429–434, 436, 438, 439, 443, 444, 446, 448, 449, 451, 453, 454
Британская империя 38
Британские о-ва 43, 103, 114, 116, 132, 430, 431, 445–447
Британское содружество 369
Бродецкое 188
Броды 157, 160, 479, 499
Брянск 176, 180, 192, 212–214, 217, 218, 220, 221, 224–227, 233, 234, 236, 244, 277, 287, 299, 325
Брянщина 468
Буг, р. 31
Буденновск 376
Булашово 300
Буяновичи 224
Быково 223
Быхов 147
Бяла-Подляска 51

Валдай 330
Валуйки 343, 505
Варшава 29, 114
Варшавское воеводство 31, 490
Вашингтон 17, 426, 430, 436, 438, 443, 444, 447–449, 496
Велиж 182, 297
Великая, р. 153, 154
Великие Луки 297
Великобритания 7, 13–19, 21–28, 30, 34, 36, 38–44, 48, 52, 71, 73, 76, 95, 102, 103, 116, 126, 132–134, 191, 248, 249, 319, 324, 424–429, 431–438, 440–442, 444–452, 454, 459, 464, 472–480, 482–485
Великополье 294
Венгрия 16, 19, 20, 22, 34, 37, 39, 44, 49, 50, 80, 104, 108, 112, 113, 115, 155, 158, 161, 320, 441, 476, 479, 485, 499
Венёв 264
Вента, р. 151
Вереща 225
Веря 291, 294
Вертячий 357
Верхне-Курмоярская 343, 349, 370, 374
Верхнее Койрово 203
Верхняя Бузиновка 353
Верхняя Теберда 380
Верховье 226
Вёшенская 349
Вилейская область 500
Виленская область 488
Виляя, р. 151, 152
Вильнюс 104, 14, 148, 149, 151, 500
Винница 163, 184, 186, 344
Виола, р. 27, 30, 108, 114, 488
Витебск 95, 147, 169, 171, 172, 184, 297, 391
Владивосток 411
Владимир 323, 325
Владимир-Волынский 29, 156, 157, 499
Влодава 29
Вознесенск 196
Волга, р. 11, 12, 95–97, 212, 227, 238, 241, 259, 260, 270, 271, 285, 291, 298, 321, 324, 325, 344, 345, 349–351, 359, 362–368, 382, 398, 406, 412, 450, 452, 480, 505
Волго, оз. 288
Волгоград 361, 364, 367
Волжский бассейн 388
Волжское вдхр. 241
Волковыск 104, 143, 499
Волоколамск 214, 231, 232, 239, 241, 257, 260, 261, 267, 271–273, 293
Волоколамский р-н 241
Волоста-Пятница 296
Волхов, р. 287, 304, 328
Волчанск 322, 335, 336, 338, 340
Вопь, р. 179, 181
Воронеж, р. 344, 407, 505
Воронеж 227, 322, 325, 334, 339–345, 354, 382
Воронежская обл. 362, 394
Ворошиловградская обл. 362, 394
Ворскла, р. 190
Воря, р. 294
Восточная Азия 76, 472
Восточная Африка 477
Восточная Германия 51, 114
Восточная Европа 17, 22, 24, 29, 434, 488
Восточная Польша 30, 51, 460

- Восточная Пруссия 31, 35, 44, 49, 50, 96,
 103, 104, 107, 108, 117, 123, 207, 339, 497
 Восточная Сибирь 398
 Восточный Кавказ 375
 Вуокси (Вуокса), оз. 33
 Выборг 33
 Выборгский залив 33
 Высоково 292
 Вытегра 240
 Вышний Волочек 226, 228, 235, 238
 Вязьма 9, 172, 176, 212, 214, 219–228, 230,
 233, 234, 236, 244, 271, 277, 287, 290, 293–
 297, 300, 301, 315, 325, 327, 349
 Гайсин 186
 Галиция, обл. 95
 Геленджик 379
 Германия 5, 7–11, 15–32, 34–47, 49–52, 56,
 61, 62, 71, 73, 75, 76, 78, 80, 83–86, 91, 94,
 97, 98, 101–104, 106, 107, 110, 112, 113,
 116–118, 120, 124, 125, 129–134, 139, 151,
 165, 166, 179, 199, 204, 207, 221, 239, 248,
 285, 305, 314–316, 319, 324, 325, 385, 424–
 429, 431, 433–436, 441, 443, 444, 446, 447,
 450, 452–454, 459, 460, 463, 465, 467–469,
 472–491, 494, 498–501, 507–509, 516
 Гжатск 222, 223, 227, 254, 271, 272, 275, 292,
 293
 Гизель 382
 Главный Кавказский хребет 371, 372, 376,
 377, 380–382
 Глазуновка 338
 Глухов 193, 219
 Годесберг 472
 Голицыно 243
 Голландия 34, 474, 475
 Гомель 177
 Гонконг 443
 Горбы 301
 Горловка 236
 Городище 172
 Горький 95, 96, 240, 323, 398, 407, 410, 412
 Горячий Ключ 376, 378, 379
 Грайворон 193
 Греция 38, 40, 100, 101, 424, 433, 476, 477
 Григорьевка 195
 Гродно 138, 141
 Грозный 371, 372, 377, 378, 381, 382
 Гулбене 154
 Гурьев 401
 Даго, о. 204
 Дальний Восток 17, 27, 108, 117, 131, 230,
 239, 339, 358, 361, 391, 397, 411, 415, 419,
 428, 429, 440, 442, 443, 446, 454
 Дания 103, 109, 475
 Данциг 18, 22, 25
 Дарданеллы, прол. 38
 Двинск (Даугавпилс) 104, 150, 152, 153, 325,
 327
 Дедилово 263–265
 Дедовск 242
 Демидов 182, 297
 Демянск 304, 306–308, 315, 328, 330, 484
 Дериевка 190
 Десна, р. 142, 182, 190, 193, 213, 218
 Детчино 276
 Джанкой 313
 Дзержинск 309, 412
 Дмитриев-Льговский 219
 Дмитров 290
 Дмитровск-Орловский 225
 Днепр, р. 9, 36, 96, 98, 100, 121, 122, 125,
 126, 142, 145–147, 155, 161, 169, 171–173,
 175, 180, 182, 184, 186–193, 219, 222, 321,
 327, 396, 479
 Днепропетровск 162, 235, 236, 325, 327, 336,
 479
 Днепро-Двинский бассейн 388
 Днестр, р. 37, 163, 164, 184, 186
 Добрянка 188
 Домодедово 240
 Дон, р. 96, 227, 255, 257, 263, 264, 322, 324,
 339, 340, 342–345, 349–351, 353–360, 365,
 368–374, 376, 377, 382, 505
 Донбасс 197, 206, 236, 237, 285, 309, 325,
 327, 335, 336, 339, 344, 345, 355, 369, 370,
 382, 450, 505
 Донец, р. 257
 Донецкая обл. 391
 Дорогобуж 214, 296, 300, 484
 Дорохово 231
 Дрезден 46
 Дрогобыч 29
 Дрюковщина 195
 Дубиса, р. 149
 Дубно 158–160, 191
 Думбартон-Окс (в Вашингтоне) 5
 Дунай, р. 162, 164, 497, 499
 Духовщина 181, 212
 Дюнкерк 475
 Дятлово 260
 Дятьково 224
 Евпатория 313
 Европейская часть СССР 388, 389
 Европа 7, 8, 13–16, 18–20, 23, 25–30, 37–39,
 41–42, 52, 72, 84, 97, 107, 123, 126, 132,
 319, 326, 385, 424, 428–430, 432, 434, 441,
 442, 444–454, 459, 484, 485, 488, 497
 Египет 476
 Егорлык, р. 374
 Егорлыкская 374
 Ейск 411
 Екабпилс 153
 Елагино 278

Еленка, р. 230
 Елец 265–267, 325, 336, 342
 Елизаветпольский перевал 381
 Ельня 176, 177, 180, 181, 183, 222, 230, 231, 300, 481
 Епифань 264
 Ея, р. 374, 375

Желанье 294
 Желтоводье 225
 Житомир 162, 184
 Жлобин 145, 175
 Жмеринка 325, 327
 Жолобово 301

Забайкалье 117, 122, 358, 475
 Заволжье 350, 363
 Закавказье 249, 370, 371, 373, 377, 380, 381, 414, 415
 Закарпатская Русь 22
 Замостье 499
 Залучье 307
 Западная Атлантика 429
 Западная Белоруссия 29, 31, 56, 144, 474
 Западная Двина, р. 96, 100, 121, 125, 142, 146, 147, 149, 151–154, 169, 171, 181, 218, 470
 Западная Европа 7, 22, 34, 42, 52, 56, 124, 314, 424, 434, 444, 445
 Западная Сибирь 386, 393, 398, 480, 481
 Западная Украина 22, 30, 56, 96, 161, 207, 474, 500
 Западно-Сибирский край 67
 Западное полушарие 439, 440
 Западный Буг, р. 137, 144
 Западный Кавказ 375
 Запоярь 164, 396, 397, 401, 429, 434, 441, 479
 Запорожье 190, 309, 407
 Захарово 295, 301
 Звенигород 231, 243, 262
 Звенигородка 187
 Зеленчукская 380
 Земтины 328
 Златоуст 391, 410, 412
 Зубцов 227, 271, 272
 Зуша, р. 232

Иваново 323, 453
 Ивановское 273
 Идрица 172
 Ижевск 410
 Измаил 130, 162
 Изюм 321, 336, 337
 Иква, р. 158, 160
 Иловля, р. 401
 Иловля 349
 Ильмень, оз. 98, 306

Индийский океан 440
 Индия 372
 Индокитай 476
 Инкерман 311
 Инстербург (Черняховск) 108
 Ирак 40, 321, 477
 Иран 15, 40, 76, 321, 325, 369, 344, 345, 453, 454, 464, 481, 484
 Ирбенский прол. 151
 Иркутск 398
 Исландия 303, 439
 Испания 13, 16, 84, 85, 137, 145, 248, 368, 431, 446, 473
 Истра, р. 242, 254, 260, 262
 Истра 254, 259–262
 Истринское вдхр. 242
 Италия 13, 14, 16, 19, 21, 23, 26, 34, 37, 38, 44, 104, 113, 321, 432, 471, 475, 476, 478, 483

Кавказ 11, 51, 107, 109, 236–238, 321, 322, 334, 336, 343–346, 350, 351, 353, 358, 365, 368, 372–377, 380, 382, 383, 434, 435, 441, 445, 466, 469, 485, 495
 Кавказские горы 376
 Кавказский хребет 12, 381
 Кавказское побережье 313
 Кагальник, р. 372–375
 Казань 394, 412, 413
 Казатин 186
 Казантинский залив 331
 Казахстан 60, 231, 386, 393, 397, 414, 415, 419, 420, 480–482
 Калач 344
 Калач-на-Дону 353, 356, 359, 364
 Калинин 226–228, 260, 261
 Калининская обл. 74, 184, 241, 484
 Калмыково 354
 Калуга 214, 220, 275, 278
 Каменец-Подольский 207
 Каменск-Шахтинский 345
 Камышин 366
 Канада 438, 440, 447, 453, 485
 Кандагач 401
 Кандалакша 104
 Кантемировка 322, 340, 342–344
 Караганда 478
 Карачев 225
 Карелия 32, 164, 479
 Карело-Финская республика 206
 Карельский перешеек 32, 33, 34, 82, 197, 202, 203
 Карпаты 116, 155, 497
 Карповка, р. 365
 Карповка 357
 Карталы 474
 Кархула 33
 Касня 222

- Каспийское море 369, 376, 377, 411, 434
 Касторное 341
 Катюнь 475
 Катюшки 248
 Качалинская 357
 Кашира 226, 242, 257
 Каунас 35, 130, 149, 151, 490, 500
 Кейданы 151
 Кексгольм 33
 Кемерово 394, 412
 Кёнигсберг (Калининград) 50, 114, 131, 498
 Керченский п-ов 312–314, 321, 331, 333, 379, 445, 450
 Керченский прол. 331, 371, 377, 378
 Керчь 238, 311, 312, 332, 370
 Киев 9, 25, 95, 97, 98, 100, 104, 108, 117, 130, 162, 164, 180, 186, 187, 190, 191, 193–196, 207, 212, 266, 325, 327, 371, 426, 429, 434, 464, 500
 Киевская обл. 162
 Кизел 400
 Кизляр 401
 Кимры 290
 Кингисепп 197, 199
 Киргизия 67, 482
 Киренаика 477
 Кириши 202, 235
 Киров 301, 388, 394, 405
 Кировоград 184, 195, 391
 Китай 16, 75, 443, 448, 453, 474
 Китай-Город 186
 Кишинев 37, 108, 131, 156, 164, 499
 Клайпеда (Мемель) 23
 Клетская 349, 351, 353, 354, 356, 366
 Клин 241, 242, 257, 260, 261, 442
 Клинцы 181
 Клухорский перевал 380
 Клязьма, р. 285
 Клязьминское вдхр. 240
 Ковель 120, 157
 Ковно (Каунас) 104
 Ковров 406, 410
 Козельск 276
 Койвисто (Приморск) 32
 Коктебель 312
 Коломна 226, 239, 250, 325
 Колоча, р. 230
 Колпино 203
 Колумбия 16
 Колумбия, округ 496
 Кольский п-ов 464
 Колубакино 231
 Компьен 41
 Комсомольск-на-Амуре 411
 Конотоп 183, 190, 193
 Константиновская 345, 371
 Констанца 162
 Копейск 412
 Копенковатое 188
 Копысь 147, 171
 Короп 190
 Коростень 184
 Косая Гора, пос. 232
 Котлин, о. 205
 Котовск 196
 Краков 107
 Краматорск 336, 337
 Краслава 142
 Красная Поляна 242, 248
 Красная Татарка 301
 Красноармейск 361, 362
 Красноград 309
 Краснодар 371, 376–378, 451
 Краснодарский край 131, 373
 Красное 173, 178, 300
 Красное Село 203
 Краснополье 188
 Красноярск 394
 Красноярский край 418
 Красный Лиман 338
 Кременчуг 142, 190
 Крит, о. 38, 103, 478
 Кричев 173
 Кронштадт 98, 130, 204, 205, 411, 481
 Крым 108, 122, 196, 206, 212, 236–238, 285, 309–315, 328, 330, 332–335, 337, 340, 343, 346, 370, 378, 382, 469
 Крымская 379
 Крымский п-ов 237, 311, 313–315
 Крыстынополь 156, 499
 Крюково 242
 Куба 453, 486
 Кубань, р. 371, 373–376, 378, 382, 505
 Кубань 396
 Кубинка 243, 257
 Куго-Ея, р. 374, 375
 Кузбасс 404, 485
 Куйбышев (Самара) 398, 407, 450, 482
 Кума, р. 377
 Кунцево 239
 Купоросное 367
 Купянск 339, 505
 Курганская обл. 419
 Курпский проход 378
 Курск 9, 214, 225, 257, 267, 275, 277, 322, 325, 339, 340, 349, 362
 Курская обл. 241, 484
 Куртлак, р. 351
 Кутаиси 371, 377, 380
 Кушевская 374
 Ла-Манш, прол. 34, 444, 448, 450
 Лаба, р. 376
 Ладога 199, 200, 204, 411
 Ладожское. оз. 199, 202, 235, 238, 285, 304, 325, 327, 388, 483, 484

Лазаревская 370
 Лама, р. 271–275, 288, 291, 292
 Латвия 15, 23, 26, 27, 31, 32, 34, 35, 40, 151, 164, 207, 474–476, 488, 500
 Лагошинка 362
 Левобережная Украина 190, 191
 Ленинград 10, 32, 34, 56, 78, 96, 98, 104, 108, 117, 148, 153–155, 164, 176, 179, 180, 189, 190, 194, 196–207, 212, 220, 235, 238, 285, 304–306, 308, 321, 322, 324, 325, 327, 328, 349, 382, 396, 403, 404, 407, 411, 412, 416, 426, 429, 434, 464, 479–481, 484
 Ленинградская обл. 74, 480
 Ливия 434
 Ливны 266, 277
 Лигово 203
 Лида 121, 141
 Липая 151, 152, 155
 Липола (Верховье) 32
 Лиски 325
 Литва 15, 16, 27, 28, 31, 32, 34, 35, 40, 151, 164, 207, 474–476, 488, 490, 500
 Литовская ССР 104
 Лихвин 276
 Лихоборы 239
 Лихославль 290
 Лоев 142, 169
 Лозовая 310
 Лондон 14, 17, 18, 23, 42, 424–427, 429–433, 435, 436, 438, 441, 443, 444–451, 453, 485
 Лосьмино 301
 Лохвица 191, 195
 Лубны 191, 194, 195
 Луга, р. 197
 Луга 201
 Лужа, р. 279
 Луцк 120, 157–160, 479
 Львов 29, 37, 155, 157, 161
 Льгов 225
 Любань 202, 235, 304, 305, 308, 315
 Люберцы 413
 Люблин 29, 104, 107, 108, 156, 499
 Люблинское воеводство 31, 490
 Люксембург 16, 453, 474
 Ляпичев 357

 Магдебург-Анхальт 134
 Магнитогорск 391, 397
 Мадрид 473
 Майкоп 321, 371, 374–377
 Майоровский 356
 Малая Вишера 235
 Малгобек 378
 Малка, р. 376
 Малорита 140
 Малоярославец 229, 275, 276, 279
 Мамаев курган 367, 368
 Манчалово 298

 Маныч, р. 372–374
 Маньчжурия 13, 459
 Мариуполь 310
 Марокко 446, 470
 Марухский перевал 380
 Марьино 227
 Махачкала 370, 371, 377
 Мга 202
 Медное 228
 Медынь 214, 257, 292
 Мексика 453, 486
 Мелитополь 235, 236, 310
 Мемель (Клайпеда) 50, 131, 459, 473, 498
 Мещовск 213
 Миасс 412
 Миллерово 344, 345, 353
 Минск 9, 25, 96, 97, 100, 104, 130, 141–143, 145, 146, 151, 207, 293, 325, 327, 478, 500
 Миус, р. 236, 237
 Михайлов 263
 Мичуринск 325
 Могилев 141, 142, 145, 147, 171, 173, 177, 178, 184, 479, 480, 500
 Могилев-Подольск 164, 184, 186
 Модлин 29
 Можайск 214, 226, 230, 231, 291, 293
 Моздок 377, 378
 Мозырь 162
 Молвотицы 307
 Молдавская ССР (Молдавия) 37, 131, 155, 162–164, 184, 206, 415, 476, 480
 Молотов 410, 412
 Молотовск (Северодвинск) 410, 412
 Молочное, оз. 235
 Монастырище 186
 Монголия 17, 27, 75, 474
 Моонзундские о-ва (архипелаг) 204, 205, 481
 Моравия (Чехия) 14, 23, 76
 Мордвес 263
 Морозовск 344, 345, 353
 Моршанск 325
 Мосальск 290
 Москва, р. 240, 274
 Москва 5, 11, 14, 20, 23, 24, 25, 27, 23–32, 36, 38, 39, 41, 56, 63, 76, 95, 97, 98, 117, 121, 130, 131, 138, 141, 142, 145, 146, 169, 172, 176, 180, 187, 189, 200, 202, 206, 209, 212, 213, 216, 220–222, 226–228, 230, 235, 238–245, 248–255, 257, 262, 263, 267–270, 278–281, 285, 288, 293, 303, 309, 390–392, 394, 396, 399, 400, 403, 405, 407, 408, 413, 416, 418, 425–433, 436, 438, 440, 441, 443–445, 447–449, 451–453, 465, 466, 468, 470, 480–484, 485, 488–491, 494, 496, 497, 501, 505
 Москва-Волга, канал 242
 Московская обл. 221, 226, 234, 241, 392, 473, 480, 482

- Мстиславль 173
 Мурманск 104, 130, 325, 327, 403, 434, 439, 500
 Мухавец 144
 Мценск 221, 232, 305, 336
 Мышкова, р. 349, 358
 Мюнхен 19, 20, 21, 22, 24–26, 30, 459, 474, 484
 Мясной Бор 305, 328

Навля 224, 225
 Нальчик 377, 382, 383
 Нара, р. 229, 230, 243, 254, 255, 257, 258
 Нарва 199, 204
 Нарвик 497
 Нарев, р. 27, 30, 488
 Наро-Фоминск 229, 230, 243, 250, 257, 278, 279
 Нарские пруды 231
 Нева, р. 154, 202, 204, 205, 235, 304
 Невель 142
 Невинномысск 375, 377, 380
 Невская губа 205
 Невьянск 412
 Неман, р. 50, 129, 140–142, 148, 149, 154
 Немиров 154
 Нерусса, р. 218
 Нидерланды 213, 443, 453
 Нижне-Чирская 344
 Нижний Тагил 391, 394, 405
 Николаев 411
 Николаевская 371, 372
 Нил, р. 377
 Новгород 199, 200, 305, 306, 328
 Новгород-Северский 182, 190, 192
 Ново-Архангельск 188
 Новоград-Волынский 162, 184
 Новониколаевка 338
 Новопетровское 231, 232
 Новороссийск 311, 370, 371, 373, 375, 377–379, 381, 403, 411–413
 Новосибирск 388, 394, 398, 407
 Новосиль 277
 Новочеркасск 236, 371, 372, 505
 Ногинск 244
 Норвегия 40, 97, 103, 108, 109, 113, 114, 433, 453, 475, 477, 481
 Норвежское море 439
 Нормандия 10
 Нью-Йорк 449
 Ньюфаундленд, о. 432
 Нюрнберг 324

Одер (Одра), р. 108
 Одесса 37, 184, 194, 195, 237, 403, 411, 464, 481, 500
 Озерская 401
 Ока, р. 212, 227, 257, 275–277, 285

 Окуниново 190
 Оленино 214, 288, 300, 315
 Олита (Алитус) 499
 Омск 394, 398, 412
 Онежское, оз. 327
 Орджоникидзе 377, 378, 382
 Орел 212, 219, 257, 275, 277, 325, 327, 362
 Орель, р. 310
 Орехово-Зуево 239
 Оржица 194
 Орловка 363
 Орловская обл. 184, 394, 484
 Орск 400, 412
 Орша 147, 169, 171, 172, 500
 Оршица, р. 173
 Осипенко (Бердянск) 235, 236
 Оскол, р. 236, 339, 341, 343
 Осло 115
 Осташков 176, 290, 297
 Остров 153, 154
 Острог 120, 160
 Острогожск 322, 340, 343
 Оулу 15
 Очаково 239

Павлово 222
 Павловск 203
 Палашкино 272
 Париж 17, 18, 23, 41, 46, 475
 Пашково 173
 Пекин 472
 Пенза 240, 325
 Пензенская обл. 419
 Первомайск 187, 188, 195
 Перекоп 313
 Перекопский (Турецкий) Вал 237
 Перемышль 158
 Пёрл-Харбор 133, 205, 249, 443, 483
 Персидский зал. 38, 369, 434, 440, 453
 Персия 434
 Перхушково 240
 Песков 301
 Петергоф 203
 Петровская 338
 Петрозаводск 104
 Пилица, р. 108
 Пинск 140, 207
 Пиренейский п-ов 16
 Пирятин 195
 Писса, р. 30
 Плавск 264, 265
 Поволжье 386, 387, 391, 396–398, 400, 404, 405, 407, 408, 414, 419, 420, 469, 479, 480–483, 485
 Погорелое Городище 227
 Погостье 304
 Подвысокое 188
 Подмосковье 244, 257, 358, 383, 409, 412

- Подольск 229
 Покров 223
 Полесье 104
 Полоцк 104, 147
 Полтава 5, 336, 342, 343
 Польша 14, 15, 19–31, 35, 38, 43, 44, 50, 51, 103, 107, 114, 117, 120, 123, 156, 207, 433, 442, 473, 474, 481
 Полярный 132
 Померания 35
 Поньры 225
 Порккала-Удд 115
 Поти 311, 370, 373, 411
 Потсдам 5
 Поярково 263
 Правобережная Украина 10, 98, 104, 155, 184, 189
 Прага 19, 20
 Прибалтийские республики (государства) 24, 32, 34–36, 56, 206, 442, 469, 475, 488
 Прибалтика 23, 31, 32, 34–37, 40, 96, 97, 98, 104, 132, 147, 148, 152, 154, 164, 355, 369, 393, 415, 460, 462, 474, 495, 505
 Прикамье 485
 Приморье 17
 Припятские болота 97, 155
 Припять, р. 95, 106, 107
 Приютино 328
 Протва, р. 229, 279
 Прохладный 377
 Прут, р. 162–164, 184, 497, 499
 Псёл, р. 194
 Псков 153, 154, 429
 Птичь, р. 176
 Пулковские высоты 203
 Пучки 248
 Пушкин 202, 203
 Пышма 400
 Пярну 154
 Пятигорск 376, 377

 Рава-Русская 158
 Радехов 155, 157, 499
 Раздорская 371
 Райгород 349
 Рамушево 307, 308
 Раненбург (Чаплыгин) 250
 Растенбург (Кентшин) 50, 169, 344
 Резекне 153
 Рейн, р. 13, 17
 Рейнская зона 18
 Рессета, р. 224, 225
 Ржев, 214, 226, 228, 257, 270, 271, 275, 287, 288, 290, 292, 298–300, 315
 Рига 35, 104, 130, 152, 153, 155, 479, 500
 Рижский зал. 204
 Рим 16
 Рованиemi 115
 Ровно 159, 160, 479
 Рогачев 175
 Рогожино 232
 Рождественно 232
 Романовская 374
 Ромны 193
 Ропша 203
 Рославль 143, 293
 Россия 7, 10, 11, 13, 14, 27, 35, 37, 38, 41–43, 51–80, 95, 103, 132, 133, 134, 165, 166, 180, 181, 206, 212, 245, 321, 355, 368, 386, 395, 403, 414, 415, 426–429, 431, 432, 434–436, 438, 442, 449, 451, 453, 463, 469, 492, 493
 Россошка, р. 349
 Россошь 344, 505
 Ростов-на-Дону (Ростов) 95, 235–238, 244, 287, 309, 311, 321, 324, 325, 345, 369, 371, 372, 407, 465, 483, 505
 Ростовская обл. 344, 394, 414
 Ростовский р-н 325
 Ростokino 239
 Руза, р. 271–275
 Руза 231, 257, 260, 272, 293
 Рузский р-н 241
 Румыния 15, 17, 21, 23, 24, 27, 29, 36–40, 44, 49, 51, 80, 95, 96, 101, 104, 108, 112–115, 123, 131, 134, 155, 162–164, 237, 321, 441, 442, 446, 473, 476, 480, 485, 497–499
 Рыбачий, п-ов 31
 Рыбинск 238, 240, 323
 Рынок 362
 Рязск 244, 325
 Рязанская обл. 418
 Рязань 325

 Саарема (Эзель) о. 204
 Сал, р. 372
 Сальск 361, 372, 374
 Сан, р. 27, 30, 488
 Сан-Франциско 5
 Санчаро, перевал 380
 Сапун-Гора 334
 Саратов 240, 407, 410, 412
 Саратовская обл. 420, 485
 Сарпинские, оз. 258
 Свапа, р. 225
 Свердловск 410, 413
 Свирь, р. 235
 Свияжск 401
 Себеж
 Севастополь 130, 162, 238, 257, 309–313, 321, 332–335, 340, 370, 403, 411, 444, 450, 451, 464, 482, 500
 Северная Америка 425
 Северная Атлантика 439, 441
 Северная Африка 38, 102, 117, 335, 429, 451, 476, 477

- Северная Буковина 36, 37, 40, 56, 164, 462, 476
- Северная бухта 311, 334
- Северная Европа 42
- Северная Норвегия 51, 113, 475
- Северная Румыния 104
- Северная Трансильвания 476
- Северная Франция 429
- Северное море 109, 388
- Северный Индокитай 476
- Северный Иран 370
- Северный Кавказ 322, 324, 340, 345, 369, 371, 372, 376, 382, 394, 467, 505
- Северный Ледовитый океан 115, 497
- Северный полюс 85, 451
- Северный Сахалин 38
- Северный Донец, р. 236, 337, 343, 345, 349, 350
- Севск 214, 215, 218, 219, 224
- Седлец 499
- Сейм, р. 190, 213
- Селиваново 223
- Селигер, оз. 213, 214, 288
- Селижарово 214
- Семлёво 222
- Сенно 147
- Серафимович 362, 366
- Серебряные Пруды 263
- Середина-Буда 219
- Серов 412
- Серпухов 228, 229, 239, 240
- Сибирь 76, 239, 387, 391, 397, 403, 409, 414, 415, 418–420, 426, 440, 464, 480–483
- Симферополь 311, 312
- Сингапур 443
- Синюха, р. 188
- Сицилия 361
- Скагеррак, прол. 109
- Скандинавский п-ов 97
- Скирманово 232
- Скуляны 162
- Славгород (Пропойск) 173
- Славянск 309, 310, 322, 336, 337, 339, 340, 344
- Слободка 301
- Словакия 23, 29, 39, 49, 50, 113, 321, 476
- Слоним 140, 143
- Смоленск 95, 97, 98, 130, 142, 145, 146, 160, 164, 169, 171–176, 178–180, 182, 184, 199, 201, 207, 212, 213, 214, 222, 223, 293, 322, 362, 429, 464, 500
- Смоленская обл. 175, 177, 241, 393, 484
- Смоленщина 175, 183, 415, 468
- Снегири 257, 259
- Снопоть 300
- Советский Союз, см. Союз Советских Социалистических Республик (СССР)
- Соединенное Королевство 438, 439, 447, 450
- Сож, р. 173
- Сокаль 155
- Солнечногорск 242, 250, 260
- Соловьёво 172
- Сольцы 198
- Сороки 184, 186, 401
- Сочи 377
- Союз Советский Социалистических Республик (СССР) 5–11, 15, 52, 56, 57, 59–63, 65–73, 75–80, 82–87, 90, 94–98, 100–104, 107, 109, 110, 112–119, 121, 123–125, 129–134, 144, 145, 165, 174, 208, 212, 221, 238, 249, 250, 319, 327, 339, 349, 369, 385, 386, 393, 394, 403, 404, 409, 414, 421, 424–454, 459, 460, 462–465, 467–496, 498, 500, 501, 505, 507, 509, 518–521
- Спас-Деменск 220, 229
- Спасская Полисть 328
- Средиземноморье 314
- Средиземное море 314
- Среднеазиатские республики 388
- Средний, п-ов 32
- Средний Восток 38, 324, 427–429, 431, 434, 436, 446
- Средняя Азия 108, 239, 386, 393, 409, 414, 415, 469, 481
- Ставрополь 372, 375, 377
- Сталинград 9, 11, 96, 240, 321, 322, 324, 334, 343, 344, 346, 349–351, 353–355, 357–368, 371, 375, 377, 378, 382, 383, 403, 405–407, 410, 450–452, 466, 467, 485, 486, 505
- Сталинградская обл. 350, 394
- Сталино (Донецк) 236, 381
- Сталиногорск (Новомосковск) 264, 265
- Старая Русса 276, 306, 307
- Старица 227, 228, 257, 261, 270
- Старобельск 505
- Стародуб 181
- Старый Оскол 341
- Старый Рогачик 357
- Сторожевая 380
- Стрельна 203
- Струги Красные 201
- Стырь, р. 157, 158
- Сувалки 51, 104, 108, 139, 149, 499
- Судбищи 266
- Судетская обл. 18, 19, 20
- Судость, р. 213
- Суземка 224
- Сула, р. 191
- Сулин 162
- Суровикино 344, 349, 351
- Сухиничи 213, 275–277, 292
- Сухуми 371, 376, 380, 411
- Суэц 324
- Сходня 324

- США 13, 16, 17, 22, 36, 40, 42, 52, 72, 75, 95,
 97, 126, 133, 144, 173, 249, 319, 369, 424,
 425, 427–431, 434–444, 447–452, 454, 459,
 464, 472, 474, 476, 477, 479, 481–483, 485,
 495
 Сычевка 222, 227, 271, 298, 315
 Таганрог 236, 349, 407
 Тагильский р-н 388
 Таджикистан 67
 Таллин 155, 204, 205, 479
 Тальное 187
 Таманский п-ов 238, 314, 332, 369, 375–378
 Тамань 379
 Тамбов 323, 344
 Тараща 186
 Тарнув 114
 Тарту 154
 Таруса 229
 Тарутино 229
 Татария 368
 Таширово 278
 Ташкент 241
 Тбилиси 371, 376, 382
 Тегеран 5
 Теклиевка 188
 Темрюк 379
 Теплый Стан 239
 Терек, р. 371–374, 377
 Терийоки (Зеленогорск) 33
 Терновка 188
 Терский хребет 378
 Теряева Слобода 271
 Тильзит 499
 Тим, р. 267
 Тверца, р. 227
 Тингута 363
 Тихая, р. 349
 Тихий океан 134, 249, 339, 393, 418, 441,
 443, 464, 476
 Тихвин 235, 244, 465, 482
 Тихонова Пустынь 276
 Тихоокеанский регион 17
 Тихорецк 351, 358, 371
 Тобрук 335, 451
 Токио 16
 Толочин 171
 Торжок 226, 228, 290
 Тормосин 351
 Торопец 182
 Тосно 202
 Трубчевск 224
 Туапсе 311, 370, 371, 375–383, 411
 Тузлов, р. 237
 Тула 226, 232, 242, 243, 257, 263–265, 267,
 275, 391, 403, 409
 Тульская обл. 241, 484
 Тунис 470
 Тургиново 214
 Турецкая республика 453
 Туркмения 67, 481
 Турку 115
 Турция 15, 23, 38, 39, 104, 249, 370, 381, 433,
 453, 478, 481
 Тучково 231
 Тьма, р. 228
 Тяньцзин 472
 Уваровка 293
 Угодский Завод (Жуков) 229
 Угра, р. 294
 Узбекистан 67, 419, 482
 Узунларское, оз. 331
 Узловая 265
 Украина 22, 32, 37, 40, 82, 84, 95–98, 107,
 132, 142, 147, 155, 156, 162–164, 179, 180,
 190, 197, 206, 207, 355, 362, 369, 391, 393,
 404, 415, 426, 434, 462, 469, 474, 480, 492,
 493, 495, 505
 Украина Правобережная см. Правобереж-
 ная Украина
 Улла 147
 Умань 9, 186, 187–189, 191, 196
 Умпырский, перевал 380
 Урал, геогр. р-н 14, 78, 97, 386, 387, 390,
 393, 396–398, 403–405, 408, 409, 414, 415,
 419, 420, 479–484
 Урицк 203
 Урух, р. 373
 Усть-Ижора 206
 Феодосия 312, 313, 331
 Финляндия 15, 26, 27, 32–34, 37, 38, 40, 44,
 80, 82, 84, 86, 96, 104, 109, 112, 115, 119,
 123, 131, 134, 425, 441, 442, 446, 462, 475,
 479, 488, 497, 498
 Финский зал 32, 109, 115, 151, 203–205
 Фландрия 34
 Фонтенбло 46
 Франция 7, 13, 14, 16–26, 28, 30, 34–36, 39,
 41, 42, 45, 46, 52, 73, 84, 113, 114, 156,
 213, 248, 305, 425, 429, 433, 434, 450, 453,
 459, 472, 474–476
 Французская Африка 431
 Французская Северная Африка 450
 Хабаровск 411
 Хабаровский р-н 415
 Хадьженская 376, 381
 Халхин-Гол, р. 27, 63 82, 90, 203, 473, 474
 Ханко, п-ов 32, 34, 204, 205
 Харьков 9, 162, 206, 212, 236, 309, 325, 327,
 328, 335, 336, 338–341, 343, 346, 391, 404,
 407, 465, 467
 Хасан, оз. 29, 193, 230, 472
 Хель, п-ов 29

- Херсон 411
Херсонес, п-ов 335
Холм 297
Холм-Жирковский 219
Хомутовка 225
Хорол 195
Христиновка 187
- Царица, р. 351
Цемесская бухта 379
Центральная Европа 17, 424, 434
Центральная Польша 107
Цимла, р. 349, 351, 353
Цимлянская 345, 349, 351, 369–372
Цоссен 46
Цуцкан, р. 351, 353
- Чапаевск 412
Чаусы 173
Чебоксары 250, 394
Чекерс 427
Челябинск 384, 405, 406, 411
Челябинская обл. 388, 391, 419
Червленная, р. 349
Череповец 240
Черкассы 187
Черкесск 380
Чернава 263
Черная калитва, р. 344
Чернигов 183, 193
Черниговская обл. 207
Черновицы (Черновцы) 37, 108
Черное море 37, 39, 95, 97, 115, 130, 162, 165, 190, 213, 237, 285, 369–371, 373, 378, 380, 381, 411, 497
Черноморское побережье 51, 321, 372–376, 379, 380
Чернышковский 351
Чехословакия 15–23, 37, 433, 453, 459, 472, 473, 481, 488
Чир, р. 349, 351, 353, 354
Чисмена 271
Чистяково 310
Читинская обл. 419
Чонгар 237, 313
Чугуев 338, 339
Чудово 197, 202, 226, 235
- Шаликово 231
Шапсугская 379
Шатское вдхр. 264
Шат, р. 255, 263, 264
Шаховской р-н 241
Шахты 236
- Швейцария 75, 192, 303
Швеция 34, 35, 75, 109, 475
Шепетовка 120, 161
Шереметьево 242
Шклов 147
Шкуринская 374
Шлиссельбург 202
Шлиссельбургская губа 304
Шостка 212
Шотландия 445
Шпицберген, о. 434
Шпырево 301
Штеттин 115
Шумейково 195
Шушары 203
Шушева, р. 151
Шяуляй 149, 499
- Щара, р. 140, 141
Щекино 263, 265
Щукино 239
- Эзель, о. 204
Эль-Аламейн 377
Эльба, р. 107
Эльбрус 380
Эльхотовские ворота 378
Эстония 15, 23, 26, 27, 31, 32, 34, 40, 154, 164, 197, 474, 475, 476
Эфиопия 16, 26, 478
- Юго-Восточная Азия 76, 443
Юго-Восточная Европа 36, 37, 56, 314, 424
Югославия 15, 17, 38, 39, 40, 305, 336, 433, 453, 475–478
Южная Азия 38
Южная Америка 440
Южно-Африканский Союз 447
Южный Урал 391
Юра, р. 149
Юхнов 275, 276, 288, 290, 292–296, 299, 300
- Ялта 5, 313, 334
Япония 7, 8, 13, 16, 17, 22, 27, 30, 37–39, 44, 80, 104, 249, 250, 285, 339, 441, 443, 446, 454, 459, 472, 474, 476, 477, 480
Ярославль 238, 240
Ярославская обл. 414
Ярцево 172, 176, 179
Ясельда р. 140
Ясная Поляна 232
Яссы 115, 163
Яхрома 242, 243, 257

СОДЕРЖАНИЕ

К ЧИТАТЕЛЮ (В.А. Золотарев, А.С. Орлов, С.А. Тюшкевич)	5
МИР ВТЯГИВАЕТСЯ В ВОЙНУ	13
30-е годы: мир или война? (А.С. Орлов).....	13
Советский Союз: стратегия передовых рубежей (А.С. Орлов).....	28
Германия: подготовка агрессии против Советского Союза	
А.С. Якушевский	41
СССР: СИЛА И СЛАБОСТЬ	56
Особенности политической системы перед войной (В.Л. Петров).....	57
Советская экономика накануне войны (В.П. Кожанов).....	72
Состояние вооруженных сил (Н.М. Раманичев).....	79
КТО ГОТОВИЛ НАПАДЕНИЕ	94
"Барбаросса" – блицкриг против СССР А.С. Якушевский	94
Планы "ответного удара" (Н.М. Раманичев).....	103
Развертывание сил вторжения А.С. Якушевский	112
Запоздалая реакция (Н.М. Раманичев).....	116
НАШЕСТВИЕ (А.М. Соколов).....	129
Трагическое начало	129
Катастрофа в Белоруссии.....	134
Драма в Прибалтике.....	147
Неудачи на Украине и в Молдавии	155
ПЕРВЫЕ СБОИ "БАРБАРОССЫ"	169
Смоленское сражение (Е.И. Зюзин).....	169
Тяжелые бои на Украине (Н.М. Раманичев).....	184
Срыв плана захвата Ленинграда (Н.М. Раманичев)	197
УКРОЩЕНИЕ "ТАЙФУНА" (Б.И. Невзоров).....	212
План захвата Москвы.....	212
Вяземско-Брянская операция.....	217
На флангах (под Тихвином и Ростовом).....	235
У ворот Москвы	238
СОКРУШЕНИЕ БЛИЦКРИГА (Б.И. Невзоров)	248
Планы и замыслы сторон.....	248
От обороны к контрнаступлению.....	255
Первая крупная победа.....	267
ЗИМНЕЕ НАСТУПЛЕНИЕ КРАСНОЙ АРМИИ (Б.И. Невзоров).....	285
Финал битвы под Москвой.....	285
Под Любанью и Демянском	304
На южном крыле.....	309
НОВЫЕ ИСПЫТАНИЯ (Л.П. Чевела).....	319
Два плана – две стратегии	319
Весенние неудачи.....	328
Отход на юго-западном направлении	340

ОБОРОНА СТАЛИНГРАДА И СЕВЕРНОГО КАВКАЗА (О.Н. Кудряшов, П.П. Чевела).....	349
На дальних подступах.....	349
Сталинград выстоял.....	352
Сражения на Северном Кавказе.....	369
НАРОДНОЕ ХОЗЯЙСТВО – ФРОНТУ	385
Военная перестройка экономики (Г.А. Куманев).....	385
Индустриальная база обороны (Б.И. Зверев)	395
Рост военного производства (Б.И. Зверев).....	404
Состояние сельского хозяйства (Б.И. Зверев).....	414
ОБРАЗОВАНИЕ АНТИГИТЛЕРОВСКОЙ КОАЛИЦИИ (Л.В. Поздеева)	424
Начало сотрудничества	424
Политические и военные проблемы коалиции	440
Проблемы второго фронта.....	449
ЗАКЛЮЧЕНИЕ (В.А. Золотарев, А.С. Орлов).....	459
ХРОНИКА ОСНОВНЫХ СОБЫТИЙ (В.Л. Петров).....	472
ПРИЛОЖЕНИЕ.....	487
Документы 1939–1942 гг.	487
Сравнительные характеристики вооруженных сил СССР и Германии...	508
Потери воюющих сторон.....	516
Основные экономические показатели государств.....	519
УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН Л.Н. Красильникова	524
УКАЗАТЕЛЬ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ (В.С. Гуцин).....	532

Научное издание

ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА 1941–1945

Военно-исторические очерки

Книга первая

СУРОВЫЕ ИСПЫТАНИЯ

Утверждено к печати Главной редакционной комиссией научного труда
"Великая Отечественная война 1941–1945 гг. Военно-исторические очерки"

Заведующая редакцией "Наука – история" Н.Л. Петрова

Редактор В.М. Черемных. Художник В.Ю. Яковлев

Художественный редактор Г.М. Коровина. Технический редактор З.Б. Павлюк

Корректоры Н.Л. Голубцова, Н.П. Круглова, Т.И. Шеповалова

Набор и верстка выполнены в издательстве на компьютерной технике

ЛР № 020297 от 23.06.1997

Подписано к печати 20.04.98. Формат 70×100¹/₁₆. Гарнитура Таймс

Печать офсетная. Усл.печ.л. 49,4. Усл.кр.-отт. 49,4. Уч.-изд.л. 60,24. Тираж 2000 экз. Тип. зак. 3608

Издательство "Наука". 117864 ГСП-7, Москва В-485, Профсоюзная ул., 90

ППП типография "Наука" Академиздатцентра РАН. 121099, Москва Г-99, Шубинский пер, 6